

Геннадий Марача

Книга ЖИЗНИ

Рассказы для Кости

Саянский дневник

Набережные Челны
2014 год

К н и г а ж и з н и

Воспоминания и размышления обычного Советского человека о времени, в котором жил, о людях, которые жили и трудились рядом. Жизнь со многими людьми часто разводила, но большинство из них оставались в поле зрения и в памяти. О судьбе исторической России и современной ситуации, в которой она оказалась.

Автор за работой.

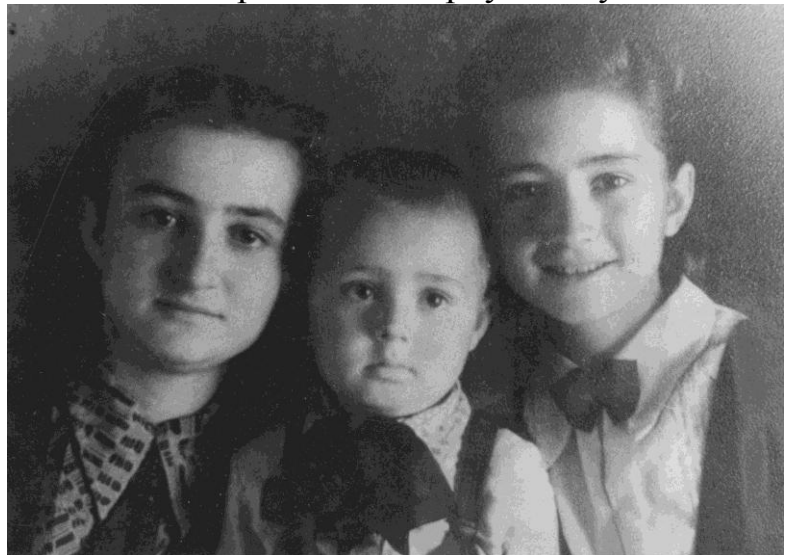
Откуда у памяти средства? –
 У автора строго мы спросим, –
 Вернуться в далекое детство,
 Когда тебе девятью восемь?!
 Исаак Шпизель.

Н а ч а л о м о е й ж и з н и.

Город Мариуполь. Рабочий посёлок Первомайск, с маленькими частными домиками на левом берегу речки Кальмиус, возле грунтовой дороги, соединяющей Мариуполь с Таганрогом и далее с Ростовом. Земля, выделенная под строительство частных домов, была освоена в 1939 году. Быстрыми темпами строился завод Азовсталь. В Советской стране шла ускоренная индустриализация.

Население Мариуполя быстро росло, и жилья требовалось много, а ресурсов у страны было мало. Поэтому большинство частных домов строилось из самана. Глина определённого качества тщательно перемешивалась с соломой и водой (обычно ногами), а затем этой смесью заполнялись деревянные формы на четыре блока. Будущий строительный материал немного высушивался вместе с формой, а затем до полного высыхания уже без формы. Получались прочные, с хорошими теплоизоляционными свойствами блоки. Саман, стройматериал практически не требующий денежных затрат, широко использовался, особенно в степной части юга России. Наш дом, кроме самана, снаружи был обложен одним рядом блоков, изготовленных из доменного шлака промышленным способом. Дом состоял из комнаты (16 кв. м) и кухни (12 кв. м). Перед кухней маленькая веранда с окошком в 0,5 кв. м. Высота потолка 2,2 метра. Пол глиняный. На потолке деревянные балки, ничем не обшитые. К дому сзади примыкал маленький сарай. И такое строение считалось хорошим. У многих жителей посёлка дома были из одного самана. Земельный участок равнялся 0. 045 гектара (по народному измерению 4.5 сотки). Я к нашему дому и хозяйству ещё вернусь.

18 февраля 1942 году в этом доме я родился. Мариуполь уже был в немецко-фашистской оккупации с 8 октября 1941 года (более четырёх месяцев). Вся оккупация продолжалась почти два года. На постое в нашем доме были румыны, потом – немцы. Постой выражался в том, что хозяева и постояльцы часто менялись местами. Мама с детьми перебиралась в сарай, а постояльцы в дом. Зимой было ещё сложнее.

1945 год. Я с сёстрами. Мне три года.

В этих условиях, для большинства оставшихся в оккупации людей, главным оставался вопрос выживания. В молодом возрасте эти вопросы не приходили мне в голову. А когда возникли, почти не осталось живых свидетелей.

Отец мой, Константин Елисеевич, 1901 года рождения. В начале войны ему было 40 лет, и уже в этом возрасте проблемы с сердцем. Поэтому после первого вызова в военкомат его на службу не взяли. Вторая повестка была на 8 октября 1941 года – день начала оккупации города. Он вернулся домой.

1945 год. Германия.

Из рассказа Мити Чередниченко, моего старшего товарища по работе в Паросиловом цехе завода Тяжмаш. На этом заводе я начал свою трудовую деятельность после окончания школы в 16,5 лет в 1958 году; Митя 1924 года рождения, и ему в 1941 году исполнилось 17 лет.

С группой призывников он ждал команду на отправку в воинскую часть. Отделение военкомата находилось в Ильичёвском районе города. 8 октября. Тревожный, но тёплый осенний день. И люди отправляются на войну. Неожиданно во двор военкомата вбегают женщины и кричат, что со стороны Волонтёровки движутся немецкие танки. Ей не поверили, поскольку посёлок Волонтёровка находился на востоке. А когда выскочили на улицу, то по ней быстро двигалась колонна немцев на танкетках.

Отец, спустя некоторое время, вместе со своим двоюродным братом, принял решение отправиться в своё родное село Константинополь, считая, что так он сумеет лучше помочь семье. А семья – это жена с двумя дочками. Я к этому времени ещё не родился. Мало кто в стране понимал весь ужас идущей войны. Из рассказа мамы уже в юношеском возрасте я узнал, что папа ни разу не смог навестить семью. Дважды он с оказией передал маме немного продуктов, а меня увидел только в 1947 году, вернувшись из Германии.

Из рассказа сестры Азы:

«Папа в селе жил у сестры моей мамы - Фени и занимался огородничеством. Один раз мы с родственницей навестили отца в селе. Да ещё прихватили как гостинец два ведра тюльки, которую тащили за собой. Шли три дня. Ночевали в степи. Поход был связан с определённым риском. Такие передвижения без соответствующих документов были запрещены. Я прожила в селе две недели, а обратный путь в Мариуполь выпал из памяти. Перед освобождением многих мужчин пешком погнали на ж/д станцию и отправили в Германию. Чем он там занимался, я не знаю».

Почти 90 километров пройти за три дня да ещё с тележкой. На это нужно было решиться. Ответ простой: «Хотелось узнать, как там живёт папа».

После возвращения из Германии папа часто болел и совсем мало об этом периоде рассказывал. А когда меня эти вопросы стали интересовать, его уже не было. Хорошо запомнилось его высказывание: «Столько пережил, и я ещё живу...» После окончания войны он оказался в советской зоне оккупации, и его взяли вольнонаёмным в воинскую часть писарем. В детстве родители отправили учиться в гимназию как первого мальчика среди рождённых детей. И он там учился до 15 лет. В 1916 году умер от холеры мой дед Елисей Лазаревич, и отцу пришлось оставить гимназию, чтобы как-то заменить в хозяйстве отца.

Старшей моей сестре Азе в 1941 году было 13 лет, а младшей Роне 10 лет. Оставшись с тремя детьми, мама смогла выжить на «подножном» корме и на остатках еды от «постояльцев». И если от немцев немного еды оставалось, то от румын ничего. В зиму 1941 года ещё что-то можно было найти на необработанных полях. Немного фруктов и зелени вырастало на своём огороде. Сёстры мои по своей природе были послушными девочками, хорошо помогали

маме, в том числе занимались и со мной. Дети тоже понимали ситуацию. А когда я подросток, и меня мама часто ругала за шалости, а то и физически наказывала, много раз слышал от неё, что если бы девочки вели себя так во время оккупации, мы не смогли бы выжить.

Уточнения сестры Азы:

«Еда – это кукуруза и молоко. Была коза. Летом мама ходила в ближайшее село и работала. Приносила помидоры и молоко. Помогало выжить и море. Рыбаки и в оккупации выходили на баркасах в море и ловили тюльку. У берега происходил натуральный обмен с населением. Власти препятствовали такой торговле (партизанен – партизанен), но похоже не очень усердно.

Немцы занимали в нашем доме большую комнату, а мама с детьми ютилась на кухне (12 кв. м.). Топили бодыльями от кукурузы. В начале оккупации работали некоторые школы. Там обучали до четвёртого класса, и младшая сестра Роня недолго в школу ходила. Потом приказали детям принести все имеющиеся у них учебники и ... сожгли».

Покорённые народы должны знать своё место. Четыре класса образования – это предел обучения для раба. А учиться по советским учебникам – это большая промашка оккупантов. Что-то подобное мы наблюдаем с образованием в России, в как бы суверенной стране.

Из энциклопедии:

Мариуполь немецкий. 1941—1943 годы

«Когда началась Великая Отечественная война, мариупольцы вместе со всем народом встали на защиту Родины. Тысячи жителей города ушли на фронт. Предприятия перестроили производство для нужд фронта. Ильичевские металлурги выпускали броневую сталь для танков Т-34, торпедных катеров и самолетов — штурмовиков ИЛ-2. Понтонные мосты, бронеколпаки для пулеметных гнезд, бронеплощадки для дотов, противотанковые ежи изготавливали на заводе металлоконструкций. На заводе «Азовсталь» производили корпуса для авиабомб и стволы батальонных минометов. Когда линия фронта приблизилась к городу, была организована эвакуация промышленных предприятий и людей на Урал и в Сибирь. На базе эвакуированных трубных цехов завода имени Ильича, к примеру, в Челябинске впоследствии создан Челябинский трубопрокатный завод — один из крупнейших в СССР.

20 июля 1941 года постановлением Государственного комитета обороны №216/СС создана Азовская военно-морская флотилия.

8 октября 1941 года Мариуполь был захвачен частями 3-го танкового корпуса 1-ой танковой группы вермахта (группа армий «Юг»), в результате чего началась 23-месячная оккупация города. 16 месяцев Мариуполь находился в прифронтовой зоне. Он был включён в зону управления военного

командования. Оккупация города длилась почти 2 года (с 8 октября 1941 года по 10 сентября 1943 года). За это время гитлеровцы расстреляли в городе около 10 тысяч мирного населения. Угнано в Германию около 50 тысяч молодых Мариупольцев. В концлагерях от голода и болезней погибло около 36 тысяч советских военнопленных. 20-21 октября 1941 года состоялся массовый расстрел оккупантами еврейского населения Мариуполя у противотанкового рва близ Агробазы. В конце 1942 года в дни траура, объявленного Гитлером по уничтоженной под Сталинградом 6-й армии, в Мариуполе фашисты наполнили 18 железнодорожных вагонов ранеными и больными красноармейцами, наглухо заколотили двери, загнали вагоны в тупик и держали их там до тех пор, пока все пленные не погибли.

В конце 1941 года гитлеровцами создано горно-металлургическое общество «Восток», которое должно было эксплуатировать производственные мощности Донецкого угольного бассейна, но, несмотря на жестокие репрессии, главный производитель оружия Германии фирма «Крупп» так и не смогла пустить агрегаты на Мариупольском заводе имени Ильича. В январе 1942 года за отказ в сотрудничестве фашистами был убит знаменитый сталевар завода имени Ильича Макар Мазай.

Несмотря на массовые расстрелы, на жестокий оккупационный режим, в городе действовали подпольно-патриотические группы, которыми руководили Е.М. Штанько, Д.Н. Ломизов, А.Кравченко и другие. Многие подпольщики погибли от рук оккупантов. Во время оккупации в городе был формально возрожден орган местного самоуправления — городская управа во главе с бургомистром Комровским, которая фактической власти не имела, но должна была поддерживать порядок в городе и обеспечивать сбор налогов от местных жителей. В Мариуполе выпускалась «Мариупольская газета», редактором которой был прежний генеральный секретарь продовольствия Центрального Совета Г.Стасюк. Попытками украинцев были возрождены ячейки «Просветительства», открыт украинский театр. Работало 42 школы, преподавание в которых осуществлялось на украинском языке. Некоторые учебники для школ написали местные учителя.

В декабре 1941 года в Мариуполе находились первые лица Третьего рейха, Италии и Румынии. Часть жителей Мариуполя и Приазовья, недовольные Советской властью (до сентября 1942 года 150 тыс. жителей, согласно разведывательным данным НКВС СССР), выразили желание служить во вспомогательных частях «хиви» в составе вермахта. В начале 1943 года в городе осуществлялась запись в Украинское Освободительное войско (в составе вермахта). В то же время в городе, на предприятиях и рабочих поселках действовали подпольные группы советских подпольщиков.

6 сентября 1943 года при отступлении оккупанты уничтожили все промышленное оборудование, сожгли дома и села. В ночь с 9 на 10 сентября 1943 года в порту высадились 1-й и 2-й отряды 384-го ОБМП Азовской военной флотилии Черноморского флота. 10 сентября войска наступающих от Таганрога 130-й и 221-й дивизий 44-й армии Южного фронта (с 20 октября 1943 года — 4-й Украинский фронт) при поддержке с воздуха частями 4-й воздушной армии и подразделениями Азовской военной флотилии выбили немцев из города.

Пребывание в Мариуполе оккупантов привело к огромным разрушениям, были уничтожены заводы, порт, транспортная сеть, при отступлении немцы сожгли 80 % жилья. Общий ущерб составил 880 миллионов рублей. Всего за время оккупации в городе расстреляно и замучено свыше 50 тысяч жителей. После ухода гитлеровцев в городе осталось всего 85 тысяч человек. Тысячи мариупольцев проявили мужество и отвагу на фронтах Великой Отечественной войны. Более 30 из них удостоены звания Героя Советского Союза».

<http://ru.wikipedia.org>

Из рассказа моей мамы:

«Один из постояльцев нашего дома – крупный и полноватый немец вёл здоровый образ жизни. Каждое утро он делал зарядку, после которой бегал к морю. Возвратившись после водных процедур, он ложился на топчане в плавках у самого входа в дом. Маме приходилось при входе в дом протискиваться почти боком. Заходя в сарай, выполнявший ещё и функцию летней кухни, она чертыхалась и плевалась. Моя 10-летняя сестра Роня, пожалев маму, взяла ведро воды и окатила лежащего немца. Пока тот ошалело соображал, что произошло, сестра успела убежать в заросли растущей кукурузы. Попадись она ему сразу, всё могло плохо кончиться. Мама долго уговаривала немца (на интернациональном языке) простить ребёнка.

Руководители Рейха хорошо «поработали» со своим народом. Большинство немцев действительно чувствовали себя высшей расой, а покоряемые народы скотом, предназначенным для их обслуживания. Немцы могли справлять свою нужду у дома, не обращая внимания на маму и девочек. Существует и другое мнение. «То, что немцы «не стесняются», связано не с пренебрежением к «покорённым народам», а с их культурными традициями. Они и у себя так же поступают». Хороша, однако, культура у «цивилизованных народов».

Сейчас, в эпоху Интернета, можно легко найти огромное количество информации по любой теме. Привожу маленькую, но очень емкую статью, о реальных событиях, происходивших в день оккупации Мариуполя.

ЧЕТЫРЕ БОЯ ЗА МАРИУПОЛЬ
Понедельник, Октябрь 10th, 2011

НОВЫЕ ФАКТЫ ОБ ОККУПАЦИИ 1941 ГОДА

«8 октября 1941 года город Мариуполь был оккупирован немецко-фашистскими войсками. С тех пор прошло 70 лет, а мы узнаем все новое и новое о том дне. «Неприятно осознавать, что Мариуполь был тупо сдан...» – такие слова прочла на одном из мариупольских сайтов, и мне захотелось ответить на них. Мариуполь был не «тупо сдан».

«Многие знают, что жители Мариуполя не ожидали 8 октября 1941 года в обеденное время увидеть оккупантов: на предприятиях продолжалась эвакуация, с 8 утра в горкоме партии шло заседание расширенного партхозактива по вопросам эвакуации. И вдруг – на улицах города показались захватчики: мотоциклисты, бронемашинны, танкетки. Но мало кто из мариупольцев знает, что наш город до последнего защищали воины 968-го артиллерийского полка и 714-го стрелкового полка 395-й стрелковой дивизии и 57-го ОЗАД – отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, приданные в оперативное управление 9-й армии. В воздухе их поддерживали летчики 87-й авиаэскадрильи Азовской военной флотилии (капитан Георгий Агафонов). Они дали четыре ожесточенных боя противнику на подступах к Мариуполю и задержали его на полдня: наступление эсэсовских войск началось в 5 утра 8 октября 1941 года, а в город они вступили только в 12-30.

Начальник штаба сухопутных войск Франц Гальдер отмечает в своем дневнике за 8 октября 1941 года: «Донесение: Лейбштандарт «Адольф Гитлер» после боя в середине дня овладел Мариуполем...». Эсэсовский офицер, участник тех событий, в своих мемуарах отмечает героизм советских солдат и упорство, с которым они сражались в этот день в районе Мангуша на подступах к Мариуполю. Об этом свидетельствуют и сводки о ходе боевых действий частей и соединений Красной Армии, и мемуары участников, и боевые донесения о потерях, которые теперь стали доступны.

Части Клейста вышли на Мариуполь силами трех моторизованных корпусов. С воздуха поддерживались пикирующими штурмовиками Ju.87-«Штуками», бомбардировщиками Ju.88 и истребителями «Мессеримитт» Vf-109E 4-го воздушного флота Люфтваффе. В небе над городом бесстрашные летчики истребителей И-16 Азовской военной флотилии развернули упорное сопротивление летчикам Лера. 7 октября 1941 года над портом и городом было сбито 6 немецких самолетов.

На земле части эсэсовской дивизии Зеппа Дитриха «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» вступили в бой за город. Город защищали: 968-й артиллерийский полк (направление Мангуш – Мариуполь) и 714-й стрелковый полк (хутор Бердянский – пос. Новоселовка) 395-й стрелковой дивизии (подполковник Анатолий Иосифович Петраковский) 9-й армии; три батареи и зенитно-пулеметная рота 57-го ОЗАД ПВО;

зенитная артиллерия дивизиона тральщиков Азовской военной флотилии Черноморского флота, развернутого у завода «Азовсталь»; истребительный батальон из 150 бойцов во главе с командиром батальона Скорик. Полк морской пехоты, специально созданный по решению командующего Черноморским флотом, прибыть в город не успел.

Трагедия бойцов 968-го ап и 714-го сп недавно сформированной 395-й стрелковой дивизии состояла не только в том, что под Мангушем и Мариуполем они приняли свои первые бои 8 октября 1941 г., но и в том, что их направили под Мариуполь с задачей – «не допустить прорыва противника на восток», хотя уже 6 октября 1941 г. руководству Красной Армии было ясно, что возможности долговременно оборонять город, нет. Вот-вот захватят такие крупные промышленные центры-порты, как Мариуполь и Таганрог, а командующий фронтом Д.И. Рябышев 6 октября 1941 года вызван к Сталину на разбор о причинах окружения 18-й и 9-й армий.

Штаб 9-й армии, дислоцировавшийся в с.Чермалык, издает 8 октября в 1.45 ночи боевой приказ: организовать оборону рубежа вновь сформированным и выдвинутым на фронт частям. Для 395-й с/д это было направление – Володарское, Мангуш, Ялта. Это – направление на Мариуполь. Связь штаба Южного фронта с армиями проходила с перебоями, так же, как и связь армий со своими подразделениями, ввиду частых разрушений линий связи противником. Приказ штаба 9-й армии достиг полка 395-й с/д в 5.00 утра 8 октября 1941 года. В 5.00 1-й разведбатальон СС «Лейбштандарта» начал наступление на Мангуш. Приказ был дан в устной форме и через посыльных на мотоциклах. По боевым донесениям 9-й армии того времени выяснилось, что 68-й артполк 395-й с/д держал оборону по направлению Мангуш-Мариуполь, в 7.15 он принял первый и второй бой с эсэсовскими войсками.

В двух километрах к востоку от Мангуша находились хорошо сконструированные советские полевые укрепления. Это было кольцо внешней обороны Мариуполя. Оборонительная позиция тянулась вдоль гряды на пути следования врага. Немецкие самоходные истребители, внешне схожие с танками, с ревом двигались вперед вслед за наступавшим передовым подразделением – 1-й мотоциклетно-стрелковой ротой. Снаряды ложились среди оборонявшихся и прижимали их к земле. Бойцы-артиллеристы довольно быстро оправались от неожиданного удара эсэсовцев. Ожесточенный бой продолжался, особенно справа от дороги. В бою с 968-м а/п захватчики использовали тот же метод: пока передовые подразделения эсэсовского разведбатальона вклинивались в гряду, которую занимали наши артиллеристы, двигавшиеся следом части противника обхватили с двух

сторон оборонявшихся. Второй бой закончился в 9.30. Две советские батареи, которые вели огонь во время наступления эсэсовцев, были захвачены.

Во время этого боя, в двух километрах от Мангуша, на правой стороне дороги Мангуш-Мариуполь неизвестный политрук совершил свой подвиг, который потряс выдавшего вида эсэсовца. Молодой комиссар снова и снова подстегивал свое подразделение. Но не только крики комиссара подзадоривали его солдат. Его собственный пример личной храбрости побуждал их не прекращать сопротивления. Вытянувшись во весь рост, он метал гранаты. Затем бросил последнюю гранату на землю перед собой, и упал на нее всем телом. Взрыв подбросил его. Недавно установлено имя бесстрашного политрука – это Захар Васильевич Галета, военный комиссар батареи 968-го артполка 395-й с/д. Наш земляк родом из колхоза «Красный боец» Кондратьевского сельсовета Константиновского района Сталинской (теперь – Донецкой) области.

Третий бой состоялся в 9.45 у Новоселовки. Его приняла артбатарея 714-го стрелкового полка, который защищал направление хутор Бердянский-Новоселовка. Первыми в этот бой пошли эсэсовцы. Они атаковали в походном порядке. Первые русские снаряды разорвались в опасной близости от врага. В бой с батареей 714-го с/п 395-й с/д вступили немецкие пехотные орудия и 88-мм зенитная батарея, они же обстреливали аэродром. Командир передовых подразделений эсэсовского разведбатальона Зепп Мааль ринулся через Новоселовку и прорвался прямо через поселок, не задерживаясь. Он знал, что уничтожением остатков батареи 714-го с/п. займется пехота, шедшая за ним.

Арьергардные бои продолжались. Разбив две батареи 968-го артполка 395-й с/д в двух километрах от Мангуша, немецкие передовые подразделения очистили для мотоциклистов 1-й и 2-й мотоциклетно-стрелковых рот, бронетранспортеров и штурмовых орудий 1-го разведывательного батальона Курта Мейера путь, и те мчались к городу по обеим сторонам широкой дороги. По ее обе стороны непосредственно на окраине Мариуполя (теперь район между узлом связи и переходом) находились недостроенные защитные полевые укрепления. Здесь состоялся четвертый бой. Фонтанчики пуль пулеметных очередей из укреплений пробежали по земле поодаль от наступающего врага, а взрывы мин, из минометов обороняющихся всколыхнули черную землю. Им ответили штурмовые орудия.

Здесь, на подступах к Мариуполю и в самом городе, вынужден был держать оборону 57-й ОЗАД ПВО: зенитно-пулеметная рота под руководством командиров роты – лейтенанта Николая Ивановича Дидковского и политрука Абрама Ефремовича Удлера (оба из Черниговской области), а также батареи во главе с заместителем

политрука Ивана Михайловича Тараканова (из г. Дно Ленинградской области). В Мариуполь 57-й ОЗАД прибыл в сентябре из Горловки для обеспечения надежной противовоздушной обороны металлургических заводов и города. Он имел одну батарею 76-мм орудий образца 1931 года и две батареи 37-мм орудий образца 1939 года, зенитно-пулеметную роту счетверенных «максимов» на автомобилях и другие подразделения тыла. Дивизион располагался на территории города рассредоточено. Огневые позиции батарей выбирались с точки зрения ведения успешного боя с авиацией противника, а им пришлось выполнить оборону и прикрытие основных сил отступающих войск и вступить в бой с наземным противником, выходящим к Мариуполю со стороны Мангуша. Зенитчики не имели опыта ведения боевых действий в роли пехотного подразделения, их этому не обучали. К тому же для них это было первое столкновение с наземным и опытным противником. Но они сдерживали наступающие войска в течение дня.

Эсэсовцы, войдя в город, продолжали двигаться вперед и перекрывали улицы. Оккупанты ринулись через них, стараясь найти дорогу на Ростов. Они стреляли снарядами из штурмовых орудий по улицам, переполненным людьми. Площадь в центре города была усеяна дымящимися осколками. Оставались только тяжело раненные или мертвые солдаты. Одно из угловых зданий (исполкома горсовета или горкома партии – теперь на этом месте здания со шпилями) оккупанты превратили в командный пункт, с которого руководили дальнейшими боевыми действиями.

Жительница города Н. Белоусова вспоминает («ПР» от 22.06.2011): «...жили на проспекте Республики, 46, напротив центрального сквера. ...танкетка из сквера обстреливала именно наш двор, где находилась воинская часть. ...мы спустя какое-то время выбрали во двор, который представлял печальное зрелище: раненый пожилой солдат сидел в луже крови, молодой лейтенант, раненный в живот, застрелился. ...Со стороны порта работала тяжелая артиллерия, до самого вечера обстреливавшая наши войска, которые отступали на ростовском направлении».

В день боя и оккупации города Н.И. Дидковский и А.Е. Удлер попали в плен под Мариуполем, стали заключенными мариупольского концлагеря, а И.М. Тараканов в районе Мариуполя пропал без вести, вероятнее всего, погиб. Более трети личного состава 57-го дивизиона составляли уроженцы Черниговской области, из них в день оккупации Мариуполя 5 воинов погибли, еще 77 попали в плен, в мариупольский концлагерь (из них только трое остались живы). 79 черниговцев навсегда остались в мариупольской земле (составлен их список).

В братских могилах города покоятся воины 1941 года, погибшие при обороне Мариуполя: на кладбище поселка Кировка в самом центре – 20 воинов, а в западной его части – 2; в Ильичевском районе на кладбище возле улиц Л. Толстого и Павловского – 11 воинов; возле училища № 4 – два воина, 6 человек – на Троицком кладбище в Орджоникидзевском районе. По выявленным источникам, в бою в районе Мангуша и Мариуполя числятся убитыми 21 воин, пропали без вести 160, попали в плен 115 воинов 714-го с/п, 968-го а/п, 692-го ОЗАД, 856-го ОБС, 306-й автоторты 395-й сд 9-й армии, 57-го ОЗАД, 34-го ОБС и 444-го БАО 34-го РАБ, 62-го геодезического района. Ценой своей жизни они с 7.45 утра 8 октября 1941 года задержали противника до 12-30 на коротком участке фронта от Мангуша до Мариуполя.

Да, оборона Мариуполя – это не оборона Брестской крепости и Севастополя, и не оборона Сталинграда. Но если бы не было этих четырех локальных, ожесточенных арьергардных боев частей 395-й с/д 9-й армии и 57-го ОЗАД ПВО Южного фронта под Мангушем и Мариуполем, то эсэсовская дивизия успела бы войти в город раньше, чем смогли бы из него выйти отступающие войска – основные силы 9-й армии. Они так пригодились под Ростовом! Эти сохраненные силы будут держать фронт вместе с 56-й армией на Миусе до лета 1942 года Небольшие оборонительные бои и локальные контрудары на всех фронтах 1941 года, которые на фоне великих битв кажутся заурядными, сыграли большую роль в событиях и судьбах фронтов, в сумме своей дали общую главную результативность в ходе всей войны – срыв планов гитлеровского командования на 1941 год».

*Валентина ЗИНОВЬЕВА,
историк-краевед.*

<http://www.pr.ua>

Вот такой крик души историка-краеведа. Массовый героизм и слабое умение воевать. Причём от рядовых до некоторых маршалов.

Из рассказа Мити Чередниченко.

После отступления советских войск из Мариуполя фронт стабилизировался перед Таганрогом. Это по расстоянию около ста километров. Через некоторое время в небе над Мариуполем стал появляться одиночный самолёт истребитель И-16. Этот самолёт (моноплан первый в мире) конструкции Поликарпова на момент его создания в 1934 году был лучшим истребителем. Его внедрение в войска шло с большим трудом, но благодаря лучшим лётчикам страны (в том числе и Валерию Чкалову) в него поверили и остальные лётчики.

В то время, при недостатке самолётов, для опытных пилотов разрешались индивидуальные полёты (так называемая свободная охота). Самолёт прилетал в течение двух недель ежедневно, терроризируя немцев и радуя наших людей,

давая надежду, что оккупация не вечна. Истребитель не мог нанести серьёзного вреда противнику, но четыре пулемёта тоже сила.

В Ильичёвском районе города была искусственная гора, возникшая при сливе в этом месте расплавленного доменного шлака. Шлак привозили по временной железной дороге в специальных контейнерах. На этой горе немцы установили зенитную батарею. И когда зенитка начала стрелять по самолёту, лётчик спикировал на батарею, открыв огонь. Расчёт орудия разбежался и один немец сорвался с горы вниз. Такая картина запомнилась 17-летнему парню на всю жизнь.

В предвоенной жизни был массовый энтузиазм большинства населения страны, почувствовавшего себя людьми, творящими историю и наличие людей, недовольных успехами Советской власти. И совсем малый процент людей, ненавидящих существующую власть.

В наше время споры и идеологическая борьба, существовавшие всегда, особенно обострились после совершённой наглым обманом «реставрации капитализма». Этому способствовала и расслабленность людей, привыкших к спокойной и уверенной жизни в Советском государстве. Как выразился уважаемый мною политолог Сергей КАРА-МУРЗА: **«Советская система во многом приучала людей жить в иллюзорном мире. В этом едва ли не главная причина её краха»**. Средства массовой информации в сочетании с высокими технологиями манипуляции сознанием успешно делают своё дело.

Вернёмся к ситуации в начале войны с Германией. От начала Советского эксперимента прошло 24 года. На гражданскую войну и внутривластную борьбу ушло около семи лет. До 1941 года оставалось совсем мало времени. Капиталистическое вражеское окружение, ушедшее вперёд в техническом развитии, не стало пушистым ягнёнком. И внутренние антисоветские силы не исчезли и, приспособившись, продолжили борьбу в новых условиях. Много противников Советской власти находилось на высоких должностях, создавая разветвлённую сеть своих сторонников.

В этих условиях И. В. Сталин не пугал и не лукавил, говоря, что нам нужно за десять лет пройти путь, который технически развитые страны прошли за 100 лет, или нас сомнут. И другого пути как ускоренная индустриализация и связанная с ней коллективизация сельского хозяйства, у страны не было. А для этого нужны были жесткие меры и огромное напряжение всего народа. То, что сейчас называют мобилизационной экономикой. К сожалению, было много и ошибочных решений.

Затаившиеся противники советской власти доводили до абсурда жёсткие решения, принятые руководством страны. В военном плане это хорошо показано в книге Владимира Карпова «Генералиссимус», практически документальном произведении. Были и заговоры в среде высокопоставленных военных, и противодействие решениям руководителей страны. И было много пострадавших в искусственно созданной системе доносов и страха. Таким пострадавшим был и курсант Ташкентского пехотного училища Владимир Карпов, будущий Герой Советского Союза, а с 1986 года первый секретарь

правления Союза писателей СССР. В моём понимании система доносов и страх логически не увязываются с политикой, проводимой И. Сталиным в стране.

А к началу войны по всем параметрам Германия вместе с объединённой Европой была значительно сильнее СССР. И по количеству дивизий, и по большому боевому опыту.

Много было сделано руководителями СССР в политическом плане в стране и на международной арене. Наверное, можно было лучше подготовиться к началу войны, чтобы даже сейчас не содрогаться от бессмысленных потерь. Теперь об этом много желающих порассуждать...

Очень интересна книга Владимира Карпова «Полководец» о генерале Петрове - в начале войны на Южном фронте оборонявшем Одессу. Из его размышлений о причинах наших поражений в начале войны: одной из главных причин он считал неподготовленность командного состава к современной войне. Война «моторов» имела свою огромную специфику. И, конечно, отсутствие радиосвязи в начальный период войны. Об этом много сказано в книге Александра Ивановича Покрышкина, трижды героя Советского Союза, воевавшего и в небе Донбасса. В первый период войны самолёты летали без радиосвязи. Но даже такому талантливому человеку понадобилось время, чтобы отработать приёмы современного воздушного боя, часто испытывая прямое противодействие отдельных командиров.

И всё-таки современные методы войны были быстро освоены. Народ во главе с И. В. Сталиным победил сильного врага. Победа была бы невозможна без единства большинства людей с руководством страны. Сегодня, когда страна движется к катастрофе, такого единства нет.

18 февраля 1942 года я появился на свет в нашем доме. И, самое интересное, что родить меня маме помог немецкий врач. Кем он был в армии неизвестно, а гражданская специальность у него связана с гинекологией (из рассказа сестры Азы). Он по своей инициативе собрал адреса беременных женщин и у большинства из них принял роды. Он даже выгнал из дома живших у нас немцев. Потом его отправили из Мариуполя на восток, а при отступлении, он нашёл возможность навестить тех, кому помог появиться в этом мире. И даже принёс маленькие гостинцы. Увидев меня, розового, завернутого в выстиранные тряпки, похвалил: «Гут, мама». Были и такие люди в немецкой армии.

Моя бабушка Вера (мама моего отца), решила крестить меня по православной традиции. Где находилась церковь, не знаю. В крёстную маму бабушка определила сестру отца Марию, а мужчин не нашлось. В этой ситуации священник попросил стать крёстным вошедшего случайно в церковь немца. Вот с такими моментами связано начало моей жизни. Тётя Маруся – моя крёстная мама – всю свою жизнь хорошо относилась ко мне. На все традиционные праздники у меня всегда был большой кулёк с конфетами. Тётя долго работала на кондитерской фабрике. О ней я ещё напишу подробнее.

Немного о моём отношении к религии. Сейчас моя жизнь вошла в завершающую стадию, а я так и остался крещёным атеистом. И дело тут вовсе

не в воспитании. Не запомнилось мне, чтобы в школе нам вдалбливался атеизм. В русской и украинской литературе роль церкви тоже показана с разных сторон. И я прожил весь Советский период, нейтрально относясь к институту церкви.

В лицемерные годы перестройки, когда всколыхнулась вся страна, ожидавшая перемен, нас под красивыми лозунгами, привели к «реставрации капитализма». Подробнее об этом изложу свою позицию позже. А вот пропаганда религиозных ценностей стала ежедневной агрессивной политикой именно государства. Я в этот период много времени проводил в своём гараже – мастерской, зарабатывая дополнительную копеечку, и постоянно слушал основную государственную радиостанцию «Радио России». Не менее двух больших передач в день было посвящено религиозному просвещению. Результат этого для меня получился противоположный задуманному авторами передач. Никогда не читавший религиозных книг, я понял, что к богу они не имеют никакого отношения. Это труды достаточно талантливых людей. Книги эти люди совершенствовали, и многое меняли в них, приспособливая их к нуждам правителей разных времён.

Совершенно неприемлемым для меня в деятельности церкви является понятие *вера*. Зачем мне Природа (или Бог) дали разум? Вопросов много. А большинство священнослужителей в этих передачах подгоняли свои выводы под заранее нужный ответ.

Есть много положительных дел в деятельности церкви. Это последняя опора для людей, потерявших надежду по разным причинам найти своё место в обычной жизни современного, всё более сходящего с ума мира. Исторически во многих странах институты Веры сыграли большую роль в становлении и укреплении государств, которые затем защищали верующих людей хотя бы от внешних поработителей.

О некоторых моментах взаимоотношения церкви с руководством страны в советский и постсоветский период, я напишу позже.

Февраль 1942 года. Стоят сильные морозы, особенно для Мариуполя. В военных действиях появились новые особенности. И почти подарок к моему появлению на свет:

Из статьи в Интернете:

«В конце ноября 1941 г. с началом ледостава в северной части Азовского моря и в устьях, впадающих в него рек, боевая деятельность флотилии приняла своеобразный характер. В первых числах января 1942 года лед начал «блокировать» наши корабли и в южных портах. Но ледостав не только не уменьшил напряженность боевой обстановки, а даже привел к ее обострению в восточной части моря, прежде всего в Таганрогском заливе. Установившийся прочный ледовый покров позволял вести боевые действия в условиях, аналогичных полевым, но с той лишь разницей, что на льду не было каких-либо естественных укрытий. Командованию флотилии пришлось вырабатывать формы и способы ведения активных действий в зимних условиях и в то же время срочно совершенствовать систему обороны побережья, создавая, образно говоря, «сухопутную оборону на

морском направлении». Следовало организовать боевые действия таким образом, чтобы держать противника в постоянном напряжении, заставляя его расходовать силы на оборону занятого им побережья.

Наиболее целесообразной формой боевых действий в зимних условиях Военный совет флотилии признал систематические рейды диверсионных отрядов и групп, совершаемые морем и по льду, в порты и населенные пункты, захваченные противником на северном побережье. В них участвовали в основном моряки-добровольцы с кораблей, из подразделений морской пехоты и воины 56-й армии. Совершались рейды, как правило, ночью. Дерзкие и стремительные вылазки по льду в тыл врага, где основным оружием служили автомат и граната, а в рукопашной схватке – нож, являлись яркими свидетельствами личной храбрости каждого, кому было поручено это опасное дело. Участие в рейдах помогало вырабатывать выносливость, воспитывало мужество и отвагу. У личного состава формировалось убеждение, что противника не только нужно, но и можно побеждать, для этого надо действовать смело, дерзко, тактически грамотно.

Хорошим подарком к 24-й годовщине нашей армии и флота стал рейд, совершенный в ночь на 23 февраля 1942 года по льду в тыл врага в районе северного побережья Таганрогского залива (коса Кривая — Сухая балка). В нем участвовали почти 400 морских пехотинцев, командиров и красноармейцев 56-й армии. Их успех был отмечен в сообщении Советского Информбюро. Отряд, потеряв только одного человека, уничтожил свыше 160 вражеских солдат и офицеров, разгромил штаб батальона, уничтожил радиостанцию, несколько артиллерийских и минометных батарей, пулеметных точек, вскрыл систему обороны противника, захватил пленных».

До освобождения Мариуполя от оккупантов оставалось более полутора лет, и их как-то нужно было прожить. К счастью для меня, у мамы было молоко. Впоследствии она рассказала мне, что кормила меня грудью полтора года, потому что до этого срока она кормила и моих сестёр. Но тогда не было войны.

Из рассказа моей однокурсницы, родившейся почти одновременно со мной. Её маму война застала в сельской местности, где они занимались строительством укреплений, и она по каким-то причинам не смогла вернуться в Харьков. После всего пережитого и рождения девочки у неё не было молока. Скорее всего, никакой медицинской помощи тоже не было. Коровье молоко тоже отсутствовало. И первые три дня новорожденную кормили кашницей из тыквы. И только через три дня из соседнего села стали приносить немного молока. Огромная жизнестойкость была у наших мам. Моя мама прожила 87 лет, а мама моей однокурсницы 93 года.

Много пришлось пережить жителям посёлка, который находился к востоку от города, и при его освобождении. Маршрут советских самолетов, летавших бомбить военные укрепления немцев, проходил как раз над ним. Зенитная оборона у немцев была хорошая, и самолётам не всегда удавалось сбросить

бомбы на заданные цели. Им приходилось их сбрасывать на обратном пути. Взрывы часто происходили рядом с посёлком. Мама в таких случаях собирала нас в доме на кровати, а сама ложилась сверху. Она считала, что если бомба попадёт в дом, то пусть погибнут все сразу. Об этом написала в письме моя сестра Роня. Она вспомнила об этом, смотря телерепортажи о бомбардировках Югославии в 1999 году ну очень «цивилизованными» странами НАТО.

Когда фронт приблизился совсем вплотную к посёлку, несколько женщин с маленькими детьми решили пересидеть ночь в подвале. На соседней улице у знакомых был большой подвал, вырытый рядом с домом. Выше отмечалось, что немцы тщательно подготовились к уничтожению всего ценного, что оставалось в городе. В эту ночь перед отступлением был, наверное, заключительный обход. Немец поднял крышку подвала, посветил внутрь фонариком и закрыл крышку. Эта минута показалась сидящим в подвале вечностью. И на этот раз пронесло.

Рано утром началось наступление с предварительной артподготовкой, в которой участвовали и реактивные установки, получившие в войсках название «Катюши». Много людей и особенно мальчишки вылезли из своих укрытий посмотреть на красивое зрелище, забыв об опасности. Это был для переживших оккупацию людей самый большой праздник в их жизни, не считая окончательной Победы 9 мая 1945 г.

День освобождения Мариуполя совпал с днём рождения моей сестры Азы. Ей исполнилось 15 лет. Незадолго до этого дня её уже внесли в списки молодых ребят и девочек, отправляемых на работы в Германию. И здесь повезло.

Началась послевоенная жизнь. Вначале не менее трудная, чем при оккупации. Об отце мы ничего не знали. И только через некоторое время после победоносного окончания войны, отец прислал письмо из Германии.

Из письма моей двоюродной сестры Лины Пача, написанного в период после преступного развала Советского Союза: *«А жизнь у нас сейчас хуже, чем после войны»*. Такие параллели.

И с т о к и м о е й ж и з н и

Мои родители: папа – Константин Елисеевич Мороча и мама Александра Петровна (в девичестве Дедеш) – родились, выросли и создали семью в селе с символическим названием Константинополь, основанном греческими переселенцами из Крыма.

Моя фамилия Марача, появилась в результате ошибки работника послевоенного государственного учреждения, выдавшего маме свидетельство о моём рождении, взамен немецкого документа, выданного при моём рождении.

Константинополь — село, центр сельского Совета. Расположен в месте слияния рек Сухие Ялы и Волчьей, в 25 км к северо-востоку от районного центра и в 20 км от железнодорожной станции Роя. Через село проходит автодорога Донецк — Запорожье. Дворов — 396, населения —

1193 человека. Сельскому Совету подчинены населенные пункты Разлив и Улаклы.

Константинополь основан в 1780 году греками-переселенцами из крымских сел. В феврале 1918 года здесь установлена Советская власть, весной создан ревком, в конце года избран сельский Совет. В 1929 году образовались два ТОЗа, в январе 1930 года объединившиеся в артель.

Две войны России с Турцией за уверенный выход к Чёрному морю окончились в 1783 году. Но еще в 1778 году, имея в Крыму большое военное преимущество, Россия организовала переселение – депортацию крымских христиан (около 30 тысяч человек). Организация переселения была поручена А.В. Суворову, командовавшему в это время в Крыму русскими войсками. Процесс убеждения и давления был очень сложным. Большинство христиан жили в Крыму несколько сотен лет, частично смешавшись с татарами. Быт и взаимоотношения между конфессиями был как-то отлажен, и люди не очень стремились в новые места.

К этому времени в результате войн с Турцией экономика Крымского ханства пришла в упадок, а переселение наиболее экономически активной христианской части населения позволяло решить задачу полного присоединения Крыма к России. Была проведена работа и с религиозным руководством. В результате в 1778 – 1779 годах в несколько этапов прошло переселение греков во главе с Митрополитом Игнатием Гозадиным в приазовские степи с центром в будущем Мариуполе, а православных армян в Нор-Нахичевань.

Переселение проходило сложно. По времени движение каждой группы составляло около месяца. Были заболевшие и умершие. Некоторые люди возвращались обратно в Крым. В большинстве мест, предназначенных для переселенцев, отсутствовало хоть какое-то жильё. Пришлось рыть землянки. Землянки оказывается можно строить и на поверхности земли. Из брусков дёрна выкладываются стены и т. д. Много переселенцев прожили в землянках по несколько лет. Богатые чернозёмы радовали людей, но климат существенно отличался. Для Приазовья характерны засухи и суховеи. Очень часты в степных областях и пылевые бури, когда распаханная земля сильным ветром поднималась в воздух, закрывая солнце, оголяя поля. И огромная беда – налёты саранчи. От зелёных растений мало что оставалось. Иногда даже камыш был обглодан.

Хотелось бы отметить, что большинство этих проблем смогли решить только при Советской власти и коллективном земледелии. Живую саранчу я в Мариуполе видел один раз в начальных классах школы. И пыльные бури стали редкостью, благодаря государственной программе высадки лесополос, особенно в степных районах юга России, которые не только уменьшали скорость ветра, но и сохраняли зимой снег на полях. И, конечно, применение разработок науки легче использовать в крупных коллективных хозяйствах.

«Прошло уже больше двух столетий с момента переселения. Забылись многие детали этого мероприятия, никто из потомков греческих переселенцев не вспоминает о трудностях и невзгодах, постигших их предков в ходе самого переселения и в первые годы жизни в новом отечестве. Но все жители греческих сел Донецкой области хорошо знают, что главным организатором всей переселенческой операции был Александр Васильевич Суворов. Греки очень гордятся этим фактом своей истории. Ф. Браун описывает случай, когда он в селе Мангуш встретил старика-грека по фамилии Суворов. Тот рассказал, что отец его, вышедший в 1778 году из Крыма, сменил свою фамилию и взял фамилию Суворов в честь знаменитого полководца...

После донесения Суворова на положение греков и армян обратили внимание, хотя, как замечает Г. Писаревский, "по обыкновению и не торопились с устройством их быта". Но 21 мая 1779 года произошло событие, которое без преувеличения можно было назвать историческим. В этот день грекам была дана долгожданная грамота, подписанная Екатериной II. Полагают, что сам митрополит Игнатий принял из рук императрицы эту грамоту, написанную на русском и греческом языках.

Грамота определяла положение греков в России, подтверждала обещанные права и привилегии, развивая и утверждая, по сути, те пункты, которые от имени всех переселенцев были представлены митрополитом еще накануне выхода, в 1778 году. Согласно этому документу, все греки подразделялись на купцов, цеховых, мещан и уездных поселян. Они освобождались на десять лет от государственных налогов. По истечении же льготного срока устанавливался размер налогов для каждой группы поселенцев. Так, купцы должны были платить 1% с рубля, цеховые и мещане - по 2 рубля с двора, а сельские жители, т.е. уездные поселяне, должны были платить в зависимости от имевшегося земельного надела по 5 копеек в год с десятины. Каждому из них, в соответствии с нормами для иностранных колонистов, устанавливался надел в 30 десятин. Всем неимущим было обещано выдать семена для посева, а также скот, весь необходимый инвентарь, бытовые вещи и построить дома. Самостоятельные же поселяне приобрести всё обязаны были за свой счет, дома они тоже должны были строить сами.

Грамотой предусматривалось также освобождение греков от рекрутской повинности сроком на сто лет и от постоев в их домах. Контроль выполнения всех пунктов возлагался на особых урядников из числа русских, которым, однако, запрещалось вмешиваться в дела колонистов.

Наконец, поселенцам предоставлялись все права коренных жителей России. Они могли свободно торговать внутри государства и за его пределами, строить на свои средства заводы и фабрики, разводить сады и заниматься виноделием. Интересно отметить, что в своих селах грекам разрешалось продавать вино «малыми мерами», а во внутренние города России ввозить «лишь бочками».

Все эти права и льготы жаловались «торжественно всему обществу на вечные времена». Забегая вперед, отметим, что практически все положения грамоты были соблюдены. Лишь льгота, освобождавшая греков от рекрутской повинности, действовала не сто, а 95 лет и была отменена в 1874 году.

Город для купцов греки могли построить в устье Кальмиуса. Но здесь уже был намечен к строительству город Павловск, в честь сына Екатерины II. Место греков устраивало, но не устраивало название, ибо свой город они хотели назвать Мариуполем, в честь Святой Марии, чудотворную икону которой они намечали установить в главном соборе города. Напомним, что в устье реки Волчьей, где греки отказались поселиться, намечался к строительству город именно с таким названием, правда, в честь другой Марии - жены наследника русского престола, невестки Екатерины. Проблема разрешилась чрезвычайно просто. Без бюрократических проволочек Потемкин просто поменял двум городам названия, и предполагавшийся Павловск стал Мариуполем, а Мариуполь (Марионополь) – Павловском».

Новым поселениям обычно давались имена, к которым люди привыкли в Крыму. Село Константинополь, родина моих родителей, как бы нарушает систему. А имя селу (по некоторым данным) дал митрополит Игнатий. В этом есть определённая символика. Есть на земле населённый пункт с таким именем.

«Мариупольский греческий округ — под этим именем были известны Мариуполь и 24 колонии греческих выходцев из Крыма и Анатолии, образовавшиеся в 1779—1826 годах в пределах нынешнего Мариупольского уезда.

Переселение совершилось на основании грамоты императрицы Екатерины II 21 мая 1779 года, с десятилетней льготой от всех повинностей, с дарованием переселенцам суда и расправы «по вольным голосам» и 1 234 475 десятин земли; это количество впоследствии было уменьшено в пользу Мариупольского колонистского округа.

Руководителем греков был крымский митрополит Игнатий (Гозадин). Округ находился в ведении особого Мариупольского греческого судьи, который соединял в себе функции полицейской, судебной и административной власти. С 1852 года мариупольские греки подчинены действию общих узаконений.

Многие названия колоний напоминают родину колонистов — Крым. Особенностью являются два наречия колонистов — греческое (апла) и татарско-турецкое, вывезенное из Крыма. Занятия колонистов: земледелие, скотоводство, рыболовство и мелочная торговля.

Административное деление Мариупольского греческого округа на 1 января 1859 года:

*общее число частей — 3,
общее число селений — 24 + хуторов — неск.
центр — окружной город Мариуполь.*

Список селений:

Сартана (1-я часть)

Чермалик (1-я часть)

Карань (1-я часть)

Ласпа (1-я часть)

Каракуба Большая (1-я часть)

Бешев (1-я часть)

Игнатьевка (Дубовка, Курджи) (1-я часть)

Стыла (1-я часть)

Волноваха (Бугас) (1-я часть)

Анадолія (Анатолия) (1-я часть)

Старый Крым (2-я часть)

Чердакли (2-я часть)

Мало-Янисаль (2-я часть)

Новый Керменчик (Дёрть-Оба) (2-я часть)

Новая Каракуба (Гончариха) (2-я часть)

Старый Керменчик (2-я часть)

Большой Янисаль (2-я часть)

Камар (2-я часть)

Богатырь (2-я часть)

Константинополь (2-я часть)

Улакля (Джембрек) (2-я часть)

Мангуш (3-я часть)

Ялта (3-я часть)

Урзуф (Зелёная) (3-я часть)

Н а ч а л о д в а д ц а т о г о в е к а

Мои дедушки и бабушки родились почти через 100 лет после переселения и жили по законам Российской империи. Льготы, дарованные как иностранным колонистам, уже не действовали. Для любого жителя села главной ценностью была земля. Как я понял маму, земля через несколько лет делилась между селянами мужского пола, и действовали принципы русской общины. Но при этом уже существовало серьёзное имущественное расслоение. Появилась и покупная земля. Кто-то отдавал свою землю в аренду. Появился и наёмный труд, особенно в период уборки урожая. Некоторую ясность в процессы, происходившие на селе после революции, внесла статья Рустема Вахитова. Об этом напишу, рассказывая о коллективизации.

Попробую изложить, что мне известно о жизни семей, в которых выросли мои родители.

Дедушка Елисей и бабушка Вера

Мороча Елисей Лазаревич и Мороча (Гаруль) Вера Григорьевна, родители моего отца. Основное занятие – земледелие. Семья дедушки и бабушки считалась зажиточной. Лошади и другая живность на большом подворье позволяли безбедно жить. Была своя пасека. Мой дед даже начал прикупать землю. Всё это хозяйство требовало непрерывного напряжённого труда всей семьи. А в период уборки урожая нанимали дополнительных работников. Быт обычный, крестьянский. Еда - всей семьёй, сытная, но без особых кулинарных изысков. Исключение было в православные праздники и по некоторым значительным событиям - таким, как рождение и крещение детей.

Праздничная одежда хранилась в сундуке, доставалась по праздникам и весной для профилактики.

Из книги Н. Дубровина:

«Мы уже говорили, что трапезы в жизни греков занимали особое место. (Серьезное отношение к пище сохранилось и поныне.) Надо сказать, что на характере пищи отчетливо проявились занятия греков - животноводство и земледелие. В пище преобладали мясные, мучные и молочные продукты. Почти ежедневно к столу подавали суп с бараниной, пшеничную кашу с арьяном (кислым молоком). Хлеб пекли сами, причем тесто замешивалось без дрожжей. Мариупольский городской голова середины XIX века определял его вкус как солоноватый, но приятный. Кроме того, хозяйки часто пекли калачи, а на праздники и, особенно в заговенье, истосковавшиеся по мясу во время великого поста греки жарили чебуреки (Чир чирья). Готовили их непременно и на крестины, и по другим знаменательным дням, а также чабаны во время своего длительного постбищного сезона. Это татарское блюдо греки внесли в свой рацион еще в Крыму и с тех пор считают его своим национальным блюдом.

Мясо заготавливали впрок. Преимущественно это была хаурма - мелко нарубленная баранина, обжаренная в чугунном котле. Из соленой и вяленой на солнце баранины готовили хахач, колбасу. Баранину и говядину также солили в специальных бочках. Впрок заготавливали и соленый сыр.

В течение всего года в греческих домах готовили айран. Летом, в жару, его разбавляли водой и напитком, получившим название «айязмо», утоляли жажду.

Кроме мясных блюд, запасались греки на зиму и разнообразными соленьями: перцем, огурцами, арбузами, дынями, а также горохом, фасолью, чечевицей и тыквами. Из арбузов варили также бекмез, а из тыквы - варенье на меду. Бекмез ели как сладость и добавляли в лапшу в постные дни.

Среди истинно греческих национальных блюд епископ Гермоген называет такие: «тарахана» – суп из гречневой крупы, «сраве» - разваренная фасоль с уксусом и маслом. Из мяса готовили «стуфата» - баранину, вареную с головками лука и чеснока, а также «кавурму» - мелко нарезанные куски баранины, обжаренные в собственном соку.

Часто готовили греки и «ризогалу» - рисовую кашу на молоке. Кашу перед употреблением остужали и посыпали сверху мелко истолченной корицей. Из пирогов предпочитали уже упоминавшийся «шумуш», а также «кубите» – круглый пирог с сырой бараниной и луком. Пекли гречанки также шулики – коржи с маком и медом.

По-прежнему в рацион греков входило вино. Привозили его из Крыма. Использовали его для приготовления напитка тримон, при этом в вино добавляли красный перец и мед. Использовался тримон при простудных заболеваниях. На свадьбах и крестинах обычно пили водку, которую варили в специальном чайнике из красной меди. В водку нередко добавляли мед. Из других напитков особенно любили кофе, но довольно долго греки не употребляли ни пива, ни кваса.

Упомянув о чайнике из красной меди, добавим, что и вся остальная столовая посуда у греков изготавливалась из меди. Большая сковородка для пирогов, ведра (с узкой шейкой и широкие книзу), которыми гречанки носили на голове воду, малая сковорода с ручкой для приготовления яичницы и разогревания хаурмы, котел для приготовления шурпы и кутьи (колыва) – все это делалось из красной меди. Медным был и большой таз для стирки белья, чашки, раковины, кувшины. Любовь к меди – давняя любовь греков. Еще в Древней Греции медь почиталась особо и стояла особняком в ряду известных в то время металлов.

Многое из вышеописанного Дубровиным по праздникам пекла и готовила

Бабушка Вера с сыновьями и их жёнами.

моя мама. Особенно запомнились чебуреки (чир-чир), жарившиеся в казане с кипящим подсолнечным маслом и заложённой внутрь одного чир-чира монетой.

В семье у дедушки с бабушкой было много детей (в сравнении с нашим временем). Первыми были две девочки – Поля, и Варя. Затем родился мой отец – Костя. Далее Феня, Климентий, Александра, Мария и Коля.

Моего папу, как первого мальчика в семье, отправили на учёбу в гимназию. Находилась она в городе Курске. Дети жили при гимназии, и домой приезжали только на каникулы. Гимназия давала широкое гуманитарное образование и, конечно, была платной. Судя по рассказам мамы, обучавшихся в гимназии детей в большом селе Константинополь было не более трёх.

Это уже говорит об определённом достатке в семье и о желании родителей через детей выйти на более высокий интеллектуальный уровень, чем крестьянский семейный труд.

Одна из особенностей того времени: получившие образование крестьянские дети автоматически теряли право на свой надел общинной земли. Земля в общине делилась один раз в несколько лет между лицами мужского пола, достигшими определённого возраста.

Девочки обходились сельской школой. Моя мама закончила семь классов.

В 1916 году умирает от холеры мой дедушка, глава семьи Елисей Лазаревич, и устойчивая жизнь семьи сразу рушится. Мой папа в 15 лет оставляет учёбу в гимназии и возвращается в село. Сёстры старше, но он - мужчина. Приходится осваивать многие премудрости сельского труда и быта. А впереди 1917 год с его февральским переворотом и октябрьской революцией.

Дедушка Петя и бабушка Катя Дедеш.

Пётр Степанович и Екатерина Леонтьевна Дедеш – это дедушка и бабушка по маме. В семье было пять детей. Дочери – Мария, Феня и Шура (моя мама). Сыновья – Игнат (Федя) и Коля. Старшая дочь Мария. Младший сын Коля. Игнат по возрасту родился между девочками. О двух именах старшего сына напишу чуть позже.

В семье был лад и достаток, но по другой причине, чем в семье родителей моего отца. Дедушка Петя был портным, и этим определялась вся жизнь. Мои родители частично пострадали во время коллективизации, а родители моей мамы, вместе с сыновьями, были высланы из села. Поэтому даже в послевоенное время, когда я учился в младших классах, моя мама сочинила легенду, что дедушка Петя был сиротой и его взял в подмастерья портной, и он у него научился шить.

В конце жизни мама рассказала, что сиротой дедушка не был, а в подмастерьях был. А сестра помнит, что у деда Петра в комнате, где он шил и принимал заказчиков, висели дипломы о полученном им образовании.

Портным дедушка был хорошим. Дедушка шил шинели для молодых офицеров, закончивших военные училища, а такая работа требует высокой квалификации. Работа портного не оставляла времени на занятие сельским хозяйством. И свой надел земли он отдавал в аренду на условиях определённого процента от урожая.

Работа дедушки – шитьё, работа по дому и на приусадебном участке. Сельчане приносили основной материал, а всё остальное было заботой дедушки.

Это всё остальное приобреталось в Мариуполе, где у него были постоянные деловые партнёры.

Бабушка Катя и дедушка Петя Дедеш.

В хозяйстве были две лошади. Одна для тяжёлых хозяйственных работ, а вторая – для поездок в Мариуполь (на двухколёсной подрессоренной тележке, называемой двуколкой). Мама рассказывала, что в семье лошадь называли «рысачкой». Часто бывая в городе, дедушка и в семье внедрил некоторые городские обычаи. К примеру, все ели из своей посуды, а обед был из трёх блюд. Дедушка был весёлым и много шутил. В перерывах между шитьём отдыхал за работой в саду и на огороде. Он хотел обучить своих дочерей профессии портних. Старшую дочь - шитью верхней женской одежды, среднюю - шитью платьев, а из мамы сделать шляпницу. Дочери многому научились от отца, но жизнь распорядилась по-своему.

После изменения общественного строя

Отречение царя от власти под сильным нажимом его ближайшего окружения, февральский переворот и, наконец, приход к власти большевиков во главе с В.И. Лениным. Все эти события, кардинально изменившие политическую ситуацию в России, повлиявшие на жизнь практически каждого человека в ней, готовились задолго до произошедших событий. И главная роль в этих процессах принадлежала богатым странам Европы, Америки и Японии.

Из семинара известного политического деятеля, доктора исторических наук Валентина Михайловича Фалина.

«Запад и Россия в XX веке: связь времен»

«Чтобы сделать более понятным мое прочтение XX века, позволю себе напомнить несколько моментов из века XIX. Крымская война. Она

олицетворяла британскую русофобию. К Альбиону примкнули Франция, Турция, Сардинское королевство. По целям, количеству жертв и театрам военных действий она была не региональным, а мировым конфликтом. Закрывать России окно в Европу, зажать ее в тиски с востока – так формулировалась задача.

Эхо Крымской войны дало себя знать на Балканах. Оно и понятно. Однако реже историки отслеживают связь между поражением России в этой войне с обустройством позиций США в Тихоокеанском бассейне. Совсем коротко об Аляске, «уступленной» Соединенным Штатам за символическую плату. В 1988 году АПН опубликовало данные о том, что эта сделка сопровождалась обширной коррупционной смазкой.

Японо-русская война 1904-1905 годов. На британских верфях был выстроен практически весь японский флот. В 1903 году англичане заключили договор с Японией, развязывавший Токио руки для нападения на Россию.

Под раскаты войны Японии и России Вашингтон обделывал собственные дела. Президент Т. Рузвельт без стеснений заявлял: «Япония – сторожевая собака против России». Однако, добавлял Рузвельт, не стоит позволять японцам укрепляться сверх меры, дабы русско-японское противоборство не снижалось. Примерно так, как обстоит ныне с так называемыми «северными территориями». Все это документировано. Это не журналистские байки. Это – материал истории».

Можно продолжать цитировать В. М. Фалина и многих других историков и политических деятелей, желавших добра России, вывод будет один – сильная, самостоятельная царская Россия, Советский Союз и сегодняшняя Россия богатым странам Запада не нужна. А для понимания процессов произошедших в России в 1917 и последующих годах, ещё несколько цитат из семинара В. М. Фалина.

Особую роль принял на себя генерал М. В. Алексеев. Фактически он принудил Николая II отречься от престола и тут же, после подписания императором соответствующей бумаги, «приарестовал» его. Другой небезызвестный генерал Корнилов взял под стражу семью Николая. Не станем заблуждаться и членить целое на части. Англичане причастны к убийству Распутина, так же, как прежде к удушению Павла I и позже к организации покушения на В.И. Ленина. Французы были замешаны в убийстве германского посла Мирбаха. Не нужно наводить тень на плетень, докапываясь, по чьей инициативе в Свердловске был уничтожен дом, в подвале которого расстреляли Николая и его семью.

1917 год. В России свершилась масонская революция. Из 26 членов временных правительств, унаследовавших царскую власть, 22 были масонами, включая князя Львова и Керенского. Притчей во языцех стал тезис о «двоевластии» – параллельное существование правительства

Керенского и Петроградского совета, обездвиживавшее управление государством. Липовое это было «двоевластие». В Петроградском совете, как председатель, так и оба его заместителя являлись масонами.

Так что же произошло в ночь с 7 на 8 ноября по новому стилю? Опустим детали и взаимоисключающие версии. Присмотримся к хронологии. Смена вех ознаменовалась публикацией Декрета о мире и ряда других принципиально важных манифестов.

10 ноября американский посол Фрэнсис пригласил к себе генерала Алексеева и дал ему задание поднимать на американские деньги и средства контрреволюцию. Посол инструктировал Алексеева: поднимайте в первую очередь казаков. Если просочится какая-либо информация, что американцы финансируют атаманов, опровергать подобные сообщения и говорить, что этим занимаются французы и англичане.

Заметим, что в это время Питер продолжал жить обычной жизнью. Никакой стрельбы не было. Как отмечали британские и другие очевидцы, рестораны города ломились от людей, ни один спектакль не отменен. Штурм Зимнего дворца придумал режиссер С. Эйзенштейн к 10-летию революции. Власть от временного правительства Керенского (в отсутствие последнего) передавалась временному правительству Ленина после холостого выстрела «Авроры». Вошедшие в Зимний дворец солдаты и матросы не повредили ни одного предмета искусства, правда, были перебиты все запасы вин и прочих напитков, дабы караул, выставленный вокруг дворца, не перепился.

Еще нет декретов о национализации, об отказе расплачиваться по долгам перед иностранными кредиторами. Это случится где-то в феврале 1918 года. В конце декабря 1917 года – начале января 1918 года временное однопартийное правительство Ленина сменило четырехпартийное правительство. Однако 26 декабря англичане и французы сговариваются о разделении России на «сферы действий». Американцы присоединились к данному решению, оговорив для себя в качестве сферы своих действий Сибирь и Дальний Восток. «Сферы действий» следует понимать как вооруженное вмешательство для подавления крамолы, о чем «демократы» договорились неделями раньше. Считалось, что США, Англии и Франции удастся навести «порядок» в Советской России без широкого привлечения на свою сторону внутренних сил. Возможно, здесь сказался тот факт, что почти 80% царских офицеров присягнули тогда на верность советской власти. Для сведения. Когда вслед за нарушением немцами Брестского мира советским правительством принималось решение о формировании ста полевых армий, командующими 83 из них были не члены партии, а царские офицеры. Главнокомандующими РККА являлись Вацетис и Каменев – бывшие офицеры царского генерального штаба.

Мало у меня сведений о хозяйствовании моего отца после смерти дедушки Елисея. Ему, конечно, помогала бабушка Вера. Старшие сёстры постепенно выходили замуж и покидали родительский дом. Тяжёлое время было для жизни. Гражданская война – самое страшное, что может быть в жизни любого государства. В Мариуполе за период Гражданской войны власть менялась семнадцать раз. Думаю, что в селе Константинополь власть менялась не меньше. И любой власти что-то было нужно от населения. В Мариуполе советская власть окончательно установилась только в конце 1920 года. И приблизительно в это время моего отца призвали служить в Красную Армию.

Много бед выпало людям, жившим в это время в России. Такой бедой был голод 1921 – 1922 года в Поволжье и на Украине.

Из статьи «История Мариулоля в советский период».

Приазовье в полной мере ощутило на себе последствия разразившегося в Поволжье и на Украине голода 1921—1922 годов. В Донецкой губернии положение с продовольствием ухудшилось к осени 1921 года: особенно сильный голод охватил Мариупольский уезд, и именно сюда губернский комитет помощи голодающим направил 1 декабря 1921 года 32 % от полученного губернией хлеба (4 вагона хлеба, 1 вагон мяса, 1 вагон других продуктов). Уездным (руководитель — Ярошук, он же председатель уездного исполкома) и областным (председатель — Моисей Львович Рухимович, он же председатель облисполкома) комитетом помощи голодающим по возможности принимались меры по уменьшению последствий голода, так 22 августа 1921 года М. Л. Рухимовичу удалось (несмотря на все запреты вывозить хлеб за пределы Краснодарского края) закупить зерно в более благополучном Ейске. В сентябре 1921 года в уезде проводился месяц помощи голодающим Донбасса и Поволжья, а 17-23 октября — ударная неделя помощи голодающим. 4 января 1922 года в порту открылась столовая на 500 голодающих детей, а к 18 января — и в других районах города. 8 марта 1922 года на заседании Мариупольского укомгола вынесено решение — ввиду близости весенних полевых работ и крайнего истощения крестьянского населения на почве голода — открыть в уезде столовые для взрослого населения. Немалые средства для преодоления голода поступили от продажи золота, серебра, драгоценных камней и дорогостоящей утвари церковей города.

Однако все возможные меры не ослабили голод: голодало 15 % населения, а в некоторых сёлах — до 60 %, в уезде имелись случаи трупоедства и каннибализма.

Папа вспоминал, что весной 1922 года землю засеивали любыми семенами и в том числе семенами бахчевых культур. Когда подросли первые ещё маленькие зелёные арбузы, люди стали их есть, иногда добираясь на поле ползком. И многих это спасло.

После службы несколько родственников объединились в ТОЗ (товарищество обработки земли), куда пригласили и отца. Первые результаты вызвали оптимизм. Отца, как наиболее образованного в товариществе молодого парня, отправили на курсы трактористов, после которых он стал ещё и завидным женихом. И поэтому в 1926 году после короткого ухаживания за моей мамой, она согласилась выйти замуж за отца.

10 сентября 1928 года родилась первая дочь, названная Азой, а в 1931 году пятого января, вторая дочь – Роня. Жизнь становилась стабильнее. Но в 1929 – 1930-х годах началась массовая организация колхозов. Наверное, два ТОЗа, организованных в селе, «вошли» в колхоз первыми. Детали мне неизвестны. Известен результат. Летом 1931 года семья отца попала в список раскулаченных, и их вместе с другими подводами отправили на железнодорожную станцию.

Из воспоминаний мамы:

«Нас везли на подводе. Нам разрешили взять с собой вещи, но немного. Я, проплакавшая до этого несколько дней от совершившейся несправедливости, почти ничего не видела и плохо соображала. На руках я держала Роню, совсем маленькую. Стоявшие у дороги женщины боялись, что я уроню ребёнка. Нас ещё долго продержали возле железнодорожной станции, уточняя списки высылаемых. Котю (так называли моего отца в семье) вызвали к столу, где находилась комиссия и сообщили, что в отношении нашей семьи высылка отменяется. (Мама считала, что на это решение повлияла служба отца в Красной армии). Когда мы вернулись в село, наш дом был практически пустой. Большую часть – скот, инвентарь, домашнюю утварь – изъяли ещё до нашего выселения. Это делалось своими – сельской властью. Сортировалось и увозилось имущество с присказками – это вам теперь не понадобится. Я уговаривала Котю, чтобы он сходил в сельсовет и попросил вернуть нам хоть что-то для дальнейшей жизни. Но папа ответил, что он не только просить, а даже смотреть на них не хочет. На следующий день родственники помогли с телегой и лошадью, и мои родители с дочерьми уехали в Мариуполь».

Хождение по мукам родителей продолжилось.

Такое название дал Алексей Толстой своему роману-эпопее, охватывающее период с 1914 по 1920 годы. Очень правдивый роман о судьбах людей на просторах разваливающейся и раздираемой на части Российской империи и о зарождении первого в мире нового советского государства. Этот роман А.Толстой написал в эмиграции. А его опубликование вызвало раскол в среде русской эмиграции в отношении к роману.

Много книг написано об этом периоде жизни в России. А из художественных произведений для понимания сути происходившего в стране я бы выделил творчество классика советской литературы Михаила Александровича Шолохова. И особенно его «Донские рассказы». В них очень убедительно показана глубина классового противостояния между людьми, остро проявляющаяся в определённых жизненных ситуациях.

Попал под раскулачивание и дедушка Петя. Дочери к этому времени жили отдельно, и в списки на выселение попал только дедушка с сыновьями. Бабушке

Кате сказали, что её не высылают. «Как я могу бросить своего мужа!» - был её ответ. Гордые были мои предки.

Они могли избежать высылки. Дедушку в Мариуполе предупреждали о таком развитии событий, и он предложил семье переехать в город. Но бабушка не согласилась, сказав, что «я там, в городе с кошёлкой на рынок за продуктами ходить буду?» И, наверно, была надежда, что их это не коснётся. Семья была зажиточной, но не кулацкой. У тех, кто составлял списки, была своя логика.

Куда была выслана семья – не знаю. Но хороший портной везде нужен. Дедушка, обшивая начальство, собрал немного денег и даже приобрёл документы умерших поселенцев. К этому времени тяжело заболела бабушка без надежды на выздоровление. Замысел побега мог сорваться, и было принято решение, оставив жену на попечение других поселенцев (думаю, что людям было заплачено), спасти сыновей.

Так дедушка оказался в Дагестане под фамилией Камбуров. Старший сын стал Федей, а вот младший, похоже, остался Колей. Ситуация с бабушкой, возможно, была другой, но то, что она умерла в месте высылки – не вызывает сомнений. Власть разыскивать убежавших ссыльных сильно не стремилась. От них часто приходили письма из городов Избербаш и Махачкала. В послевоенные годы дедушка часто ездил к дочерям и жил у них по несколько месяцев, подрабатывая шитьём и оставляя им большую часть заработанных денег. Даже я мешал ему работать, дёргая крутящуюся катушку ниток. Но я этого не помню.

Хорошо помню приезд дяди Федей. Он был весёлым человеком и много уделил мне времени. В этом он был похож на дедушку Петю, который часто шутил и был центром притяжения в семье.

Мы даже совершили с дядей Федей поход местного значения, взбираясь при этом на какие-то насыпи. Домой нас подвёз грузовик, который остановил дядя. Он работал в пожарной части и носил форму как у милиции. Когда мы все пошли на рынок, папа попросил его подождать у входа, чтобы не пугать продавцов.

Дядя Федя немного старше мамы, которая 1905 года рождения, а дядя Коля приблизительно 1916 г. р. На фото, присланного нам в Н-Челны в 1992 году, написано: «На добрую память племянникам и внукам от дяди и бабушки Коли, который с 16 лет прошёл горнило 30-х годов, 37-е годы, армию и фронт».

В период моей учёбы в начальных классах школы (1948 – 1952 годы) мама отправляла посылки на север, где д. Коля отбывал наказание (за что – не знаю). Это были не только продукты, но и материалы для

поделок. А от дяди приходили посылки с готовыми изделиями. Помню две красивые шкатулки для моих сестёр, украшенные мозаикой из золотистой соломки, а для меня маленькие счёты. На последнем этапе жизни у дяди проявилась шизофрения. Она ещё больше усложнила его отношения и с дочерью, и с женщинами. Он часто навещал, как и дедушка Петя,

родственников и односельчан. Останавливался у них, помогая в строительстве и других хозяйственных делах. Последний период жизни прожил в Анапе в маленьком домишке. Там повредил палец на ноге. Не доверяя местным врачам, поехал в Киев к друзьям, а те, не сумев определить его в больницу, позвонили моей сестре Роне. В результате потери времени и начавшейся гангрены дяде отрезали ногу. После операции дядя проходил реабилитацию в квартире моей сестры около двух месяцев. За ним приехала его дочь Рита, но совместной жизни у них не получилось. Болезнь и прожитая жизнь вносили свои поправки.

Дочь дяди Коли – Рита.

Из этого периода жизни моих ближайших родственников, описанных мною, казалось бы, логически следует вывод о преступности Советского проекта. Сейчас об этом с избытком нам вещают политические проповедники с экрана телевизора. Два примера:

1. Я за весь период общения со своими родителями ни разу не слышал не только ругательств, но даже критики в адрес власти и Сталина. И дело тут не в страхе. В глубине души они понимали, что случившееся с ними, это одно, а в конечном итоге государство работает на них. По крайней мере, я это чувствовал, когда немного подрос и что-то стал понимать.

2. Из рассказа Азы. 1946-й год. Закончилась война. Дедушка Петя шьёт в нашем доме на швейной машинке. В перерыве размышляет: «На парадном портрете товарища Сталина мундир с накладными карманами, а строчки от швейной машины нет. Как же их пришили?». Нормальная реакция на человека, заставившего тебя столько страдать - это ненависть. И в этом случае не до того, как пришиты карманы. Всё намного сложнее.

Как пример – жизнь моих родителей. Моя мама, выйдя замуж за образованного папу, мечтала дать своим детям полноценное образование. И, несмотря на очень скромную жизнь семьи (прежде всего в материальном плане), мои сёстры и я окончили ВУЗы, занимались творческим трудом, спокойно растили своих детей. Конечно, родители радовались нашим успехам. У папы хороший период жизни был короткий. Сложный предыдущий период жизни и большое сердце сделали своё дело. Он ушёл из жизни 16-го сентября 1961 года. Я в это время учился на втором курсе института. Папа очень радовался этому. И, в отличие от такой же ситуации с моим отцом (когда умер мой дедушка Елисей), мне не пришлось уходить из института. Другое было государство.

О двоюродных братьях и сёстрах родителей я писать не буду. Знаю о них мало. Но письмо двоюродной сестры папы, Ксении Михайловны Мороча, приведу полностью. Письмо пронизано духом послевоенного времени и образно написано. С тётёй я познакомился в 1953 году, в возрасте 10 лет. При этом она много времени уделила мне.

15.12.1952года.

Машимет.

Дорогие мои Мороча!!! Здравствуйте!!!

Конверт с моим почерком, наверное, сразу подсказал: «Жива и дома». Да! Дорогие мои! Обнимаю, целую вас всех крепко, крепко, рекой льются слёзы радости.

Правда победила. Я на свободе. Пусть это привидение больше не возвращается никогда.

Да, Котя, ты прав. Бог милостив, и если он и наказывает за грехи, то Он же вознаграждает терпением переносить в молитвах жизненные скорби, терпеливо воспринимать горе за горем, удар за ударом, допить чашу горечи до дна! И когда всё это в раскаивании перед совестью одолеешь – настает час искупления и прощения грехов, тогда ты спасён.

Блажен, кто верует. Верую и падаю ниц – в исповеди и раскаивании отмаливаю грехи скорбящей Ксении – Бог милостив, Бог простил. И сколько можно ещё прощать???. В следующую мою вину (сохрани и помилуй, конечно) наверно для меня откроются только врата ада.

Ты прав также, Котя, что пишешь, что моя жизнь, именно моя судьба Ксении Мороча протекала в сравнении со всеми двоюродными и троюродными в исключительных жизненных «агониях», «рекордных», «классовых», «смертельных», но...

Пишу, но... ибо всегда на перепутье в ад это, но... вытаскивает меня из «омута», навеянное иудами на меня, расчищает путь, освещает лучом солнца и направляет снова меня по прямой, не извилистой, к цели.

А что, казалось бы, могло быть в этом но? Слепая цыганка – сербиянка мне как-то сказала: «О! Избранница ты Божия! Планета твоя извилистая, умом превзойдённая, душой человеческая, даяниями чрезмерно добра, горем и слезой полна вся жизнь твоя. Но терпением и умом превзойдёшь врага своего».

И это сказанное цыганкой стало девизом в моей жизни. Во всех моих несчастиях и бедах, во всех моих муках и страданиях. И в какой бы «западне» я ни очутилась, в борьбе терпеливой я побеждаю. Разве последний факт не «западня», подготовленная иудами. Крепко они меня пришпорили, и клетка уже была готова. Как Тарзан внезапно очутился в ней, так и я чуть-чуть. Но благодаря прозорливому уму, практической предусмотрительности к людям, к жизни – я спасена.

Обвинение мне было предъявлено серьёзное (от трёх до десяти лет). Один год испытаний – следствие, свидетельские показания, проверка показаний, очные ставки, наконец, обвинительное заключение и суд 10.12.1952 года.

Это не суд был, а кинодрамотрагедия в пяти действиях. Дело №147. Вызывались 40 свидетелей, и все они, за исключением трёх человек, говорили в мою пользу, а враги мои иуды позорно сбежали, даже на суд не явились. Так прокурор ещё в начале суда пункт второй обвинения снял, как недоказанный, а ст. 97 перекалвалифицировал на ст. 99 (халатность).

Когда судья предоставила мне как подсудимой последнее слово, Котя, дорогой мой брат, передо мной раскрывались пропасть и жизнь. И я в своих мозгах искала ключи от жизни, ключи от правды, ключи покоя, а двери пропасти замуровала навечно.

Где только брались слова, речи, мысли??? Вылетали одна фраза за другой, одна сильнее и внушительнее другой. В зале тишина, а я стою перед судом, как грешник перед исповедью, и продолжаю свои всё новые и новые возникающие мысли, не краденные, не для красноречия, а из жизни, личной жизни, сделанное, выстраданное собственным «Я».

Я почувствовала силу своего слова и поняла, что покоряю людей, ещё раздражительней подливала в огонь масло. Вижу у судей шёпот, прокурор склонил голову, народные заседатели плачут, моя защитница плачет. Весь зал вопит, судья смотрит в сторону, а я продолжаю. Никакие силы не могли меня остановить. Моё истерзанное неправдой сердце, пятнённое и очернённое не по заслугам, бьёт ключом наружу, выворачивается перед судом наизнанку и просит у судей поисков правды и их справедливого приговора.

Привожу мои последние слова (это, конечно, одна 20-я часть всего сказанного).

Граждане судьи! В. И. Ленин на втором Всероссийском съезде горнорабочих ещё в 1921 году говорил: «Я утверждаю, что всякая ошибка начинается с маленького. Известно, что любой недостаток легче устранить в зародыше, пока он не успел разрастись и перейти в крупную ошибку».

Прошу суд подробно выслушать меня и уточнить причины, порождающие эту ошибку. Если я в период оккупации сохранила мебели и инвентаря детсада на 40 т. р. и имею за это правительственные награды, совсем несовместимо, чтобы за эту же мебель попасть на скамью подсудимых. Где же здесь логика? Я никакими извилистыми путями не защищаюсь, а правдой ищу правду.

Граждане Судьи, поверьте мне, что я преступница в кавычках. Если я была хорошая заведующая по воспитанию и сохранению жизни и здоровья детей, то я оказалась плохая заведующая в учёте социалистической собственности. Я допустила только халатность в работе, но корыстных целей никогда не преследовала. Ко всему моему хорошему в труде и в воспитании детей нужна была только помощь бухгалтерии, и я бы никогда

не очутилась на скамье подсудимых. Тяпки, лопатки, табуретки, игрушки, грибки, физоборудование, разве я их присвоила? Нет гр. Судья – это только ошибки в учёте.

Я, как заведующая и мать, ещё нужна стране и детям. Прошу Вас не лишайте меня свободы. Я ещё в состоянии воспитать тысячи детей подрастающего поколения и вместе с ними довоспитать и своих детей. На этом надрыве закончила.

Приговор: Один год принудилки с отчислением 25%

Я помню, когда ещё была в 4-м классе в селе Константинополь, наш класс выступал на одном из вечеров. Мне поручили декламировать «Белое покрывало». Там есть слова: «Слезам, воплем и мольбой я сердце разбужу на троне». О как мне напомнил многое этот эпизод. Я плакала, сердце надрывала и рассказывала о многом сделанном патриотическом, о заслугах перед Родиной. За 29 лет работы ни одного замечания по работе. Награды, благодарности, грамоты, премии, характеристики. Два полных портфеля выложила на стол судьям. А судьи только расширяли свои зрачки и удивление показывали сдвигом плеч. Продемонстрировала им своих воспитанников. Одни уже судьи, другие - герои, третьи - врачи, четвёртые - инженеры, пятые - заведующие детскими садами. А разве выскажешь за один час заслуги, которые накапливались десятилетиями. А каким трудом, волей, терпением всё это далось?

Ушла жизнь, унесено здоровье, пришла старость, и вместо того чтобы получить право на отдых, чуть не получила право за решётку. О ужас! При одной мысли об этом ум за разум заходит. Удивляюсь сама своему терпению, своему благородному, волевому характеру, своей героической выдержке.

Сколько пережито?.. Осталось неучтённым.

Сколько выплакано?.. Оно неизмеримо.

Сколько выстрадано?.. Осталось непонятым.

И это всё – на каждом «Я».

Жаль, что всё не описано пером, не запечатлено в сказаниях, не скажется, забудется. Как не было тебя.

И на этом кончится, и будет похоронена жизнь ещё одного сильного «Я».

Будьте здоровы. Привет от всех. Целую. Ксения.

Привет всем. Генику напишу в следующий раз. Уже устала.

Какие высокие идеалы и дела обычного Советского человека. Преклоняюсь перед большинством людей поколения моих родителей. Хотя и тогда было много людей с характером потребителя. К сожалению, из-за общей успокоенности стало возможным возвращение к обществу потребления и ускоренное движение к краху России.

Включение письма в книгу – это память о замечательном человеке и гражданине, моей тёти Ксении, которая не смогла бы состояться без Советской власти.

Зима 1991 – 1992-х годов. Вторую зиму мама живёт у нас в Н-Челнах. Смотрит по телевизору политические события и ничего не может понять. Её мнение: «Они что там все сдурели»? В апреле 1992 года я отвёз её в Мариуполь. Политические страсти и проблемы в жизни людей быстро нарастали. Самостоятельный выход мамы в магазин (в 87 лет) за хлебом и молоком, заставил сильно поволноваться, и это ускорило уход её из жизни.

Я буду к этим противоречиям возвращаться часто. А сейчас приведу отрывки двух очень уважаемых мною учёных и одновременно политиков.

Из книги – учебника, рекомендованного для преподавания в ВУЗах России. «История государства и права в России». (Главу коллективизация написал Сергей Григорьевич Кара–Мурза).

Коллективизация

«Коллективизация – это глубокое революционное преобразование не только села и сельского хозяйства, но и всей страны. Она повлияла на всю экономику в целом, на социальную структуру общества, демографические процессы и урбанизацию. Коллективизация вызвала на первом этапе тяжёлую катастрофу, которая сопровождалась массовыми страданиями и человеческими жертвами. Именно в ходе этой реформы были, видимо, допущены самые принципиальные ошибки с самыми тяжёлыми последствиями за весь советский период (не считая стадии демонтажа советского строя после 1988 года). Тот факт, что Советское государство пережило эту катастрофу, говорит о его большом потенциале и запасе доверия, которое возлагал на него народ.

Состояние отношений власти с крестьянством в такой стране, как Россия, было едва ли не главным вопросом государства. Середина 20-х годов прошла под лозунгом «Лицом к деревне», что на деле означало экономическую поддержку зажиточных крестьян. Проведенная в 1924 году либерализация избирательного права была в полной мере использована кулаками как наиболее организованной и обладающей средствами категорией крестьян. В ходе выборов в местные Советы в 1925 году доля безлошадных крестьян среди депутатов упала до 4%. Обретение кулаками реальной политической власти на селе создавало опасное положение и в партии - недовольство сельских парторганизаций подкреплялось усилением левой оппозиции в центре.

Изменение политической обстановки способствовало и социальному расслоению. В 1927 году 3% хозяйств, относимых к категории кулацких, имели 14-20% всех средств производства и примерно треть всех сельхозмашин на селе. Расширились сдача земли кулакам в аренду, теневой наем батраков, ссуды семян и инвентаря за отработки. Получение достоверного «социального портрета» села стало важной государственной задачей.

Над ней работало несколько групп ученых-аграрников, органы статистики, группы ЦКК-РКИ, изучавшие хлебофуражный баланс, а также специальная комиссия СНК СССР под руководством А.И. Рыкова. «Аграрники-марксисты» (например, бывший “максималист” Л.Н. Крицман, возглавивший в 1928 году Аграрный институт) делили крестьянство на три упрощенные категории: кулаки, середняки, бедняки. А.В. Чаянов и его школа, исходя из теории трудового крестьянского хозяйства, различали шесть социальных типов и выделяли в категорию кулацких лишь то хозяйство, «центр тяжести доходов которого лежит в торговых оборотах, ростовщическом кредите, в том числе сдаче в аренду инвентаря на кабальных условиях».

После XV съезда ВКП(б) была образована Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации под руководством Я.А. Яковлева (Эпштейна), которая должна была рекомендовать модель колхоза. 7 декабря 1929 году постановлением ЦИК СССР был образован Наркомат земледелия СССР. Наркомом был назначен Я.А. Яковлев. В ведение Наркомзема перешла и Академия сельскохозяйственных наук с сетью ее институтов.

Поначалу образование колхозов шло успешно, крестьяне воспринимали колхоз как артель, известный вид производственной кооперации, не разрушающий крестьянский двор – основную ячейку всего уклада русской деревни. Коллективизация виделась как возрождение и усиление общины. Вскоре, однако, оказалось, что обобществление заходит так далеко (рабочий и молочный скот, инвентарь), что основная структура крестьянского двора рушится. Начался отток из колхозов, возникло сопротивление, в ответ - административный нажим, а потом и репрессии.

Много было написано о «перегибах» в коллективизации: вопреки намеченным в центре темпам, местные парторганизации, а с ними и органы власти, стремились силой загнать крестьян в колхозы за невероятно короткий срок, развивая при этом огромную энергию и упорство. «Разверстка» на число раскулаченных означала предельные цифры (типа «раскулачить не более 3% хозяйств») – но они повсюду перевыполнялись. Центральные органы Советского государства часто должны были сдерживать рвение местных. Этот энтузиазм (или фанатизм - идеологические оценки здесь не важны) представляет собой сложное явление, анализ которого выходит за рамки данного курса. Но его надо принимать во внимание как важный факт, без которого нельзя понять сути Советского государства, тем более в период 30-40-х годов.

Процесс коллективизации в 1931-1932 годов. принял катастрофический характер (снижение сборов зерна в 1933 году до 68,4 млн. т против 83,5 в 1930 году, поголовья коров и лошадей - вдвое, овец - втрое), который завершился страшным голодом зимы 1932/1933 года с гибелью большого числа людей (в основном на Украине). В годы перестройки широко распространилось мнение, будто голод был вызван резким увеличением экспорта зерна для покупки западного промышленного оборудования. Это

неверно: в 1932 году экспорт был резко сокращен - всего 1,8 млн. т против 4,8 в 1930 году и 5,2 млн. т в 1931 году, а в конце 1934 года - вообще прекращен. Не были чрезмерными и государственные заготовки - менее 1/3 урожая. Причина голода, видимо, в том, что был введен порядок изымать зерно у колхозов и хранить его на элеваторах, а возникший на селе и на транспорте хаос не позволил быстро спасти положение».

Как отмечают в своих статьях отдельные исследователи, резкое снижение сборов зерна произошло в чернозёмных областях страны из-за забоя скота зажиточными крестьянами, не желающими отдавать его в колхозы. Это коснулось, прежде всего, волов – основной тягловой силы при вспашке чернозёма. В результате много пахотной земли было обработано плохо или совсем брошено.

Серьёзные исследования причин «голодомора» были проведены С. Покровским и С. Мирониным, которые заслушивались на форуме С. Кара-Мурзы. Очень логичная версия. Привожу выводы и заключение:

МИФЫ "ГОЛОДОМОРА" ИЛИ КАК КРЕСТЬЯНЕ САМИ СЕБЯ ОТРАВИЛИ

"У дураков две беды – дороги и Россия!" (народное наблюдение)

«Один из нас (С.М.) уже давно, не будучи профессиональным историком, занимается проблемами голодомора. Он одним из первых ввел в научный оборот статьи блестящего американского ученого-историка Марка Таугера о голоде 1933 года. Причина такой его активности проста, как грабли. Ну не хотят настоящие историки показать стоящим у власти демократам, что не виноват Сталин в голоде 1933 года, не виноват и всё. Однако идея этой статьи принадлежит С. Покровскому. Идея долго и упорно обсуждалась на форуме С. Г. Кара-Мурзы. И, тем не менее, даже сейчас в деле «Голодомора» не только остается огромное количество белых пятен, но и имеется множество загадок и странностей. В данной статье мы попытаемся объяснить часть из этих странностей.

КАК ЖЕ ВСЕ БЫЛО?

Наша гипотеза позволяет представить развитие событий следующим образом. Крестьяне потеряли навыки борьбы с болезнями злаков, и засоренность зерна болезнетворным материалом возрастала из года в год. Когда в 1932 году стало известно, что будут хлеба изымать больше, крестьяне решили его не сдавать, а прятать. Но при сборе зерна большая часть спор вредителей удаляется при веянии. В 1932 году этого не было сделано со спрятанным урожаем. Сценарий же будет выглядеть таким.

1. К хлебобродности Дона и Кубани казаки имели самое отдаленное касательство. Наоборот их примитивное земледелие приводило к потере

хлебородности. К засорению земель и к необходимости переходить на новые земли.

2. Весьма непродолжительное знакомство казаков с навыками хлеборобства означало и самое примитивное представление о том, как обрабатывать урожай (сушка и обязательное трудоемкое провеивание на ветру для очистки от сорняков и пораженных грибом зерен), недопустимость подпревания хлеба в валках, специальный отбор семян и тщательная очистка семенного материала.

3. Приблизительно так же мало знакомы были с секретами хлеборобства и массово безземельные или малоземельные до революции крестьяне Украины, одновременно ставшие после революции земельными хозяевами, самостоятельно, т.е. с полной ответственностью за результаты в этом году и за хлебородность земли в будущем. Отсутствие хлеборобского опыта и агротехнических знаний привело в конце Нэпа к тому, что украинская житница выдавала урожай на уровне того же кризисного 1916 года. С перспективой их дальнейшего ухудшения из-за отсутствия защитных севооборотов, нормального обращения с семенами и т.д.

4. Таким образом, хлебородные области Украины, Дона и Кубани к началу коллективизации полностью подготовили обстановку недопустимо малой урожайности на уровне чуть выше нужд живущих на этой земле. Кроме этого, обстановка всеобщей засоренности земель сорными травами и грибом, - при возникновении погодных условий хорошо увлажненного 1932 года - способствовала катастрофическому снижению урожайности - на грани возможности прокормить Украиной (включая города) самое себя. Плюс к этому погодные условия привели к существенному грибковому отравлению собранного зерна. Опыта борьбы с ним и даже подозрений об этом у крестьян не было с 1880-х годов (последняя эпидемия эрготизма на Полтавщине – в дальнейшем крупное зерновое земледелие с севооборотами и хорошей подготовкой семян поставило заслон спорынье).

5. Развернутая летом 1932 года пропаганда воровства и сокрытия зерна (чтобы его не продали на экспорт) привела к еще большему ухудшению качества обработки урожая и подготовки его к длительному хранению и употреблению. Значительная часть колхозных урожаев была в необработанном нормально виде украдена и спрятана - без сушки и очистки. Т.е. была предрасположена к гниению и к тому, чтобы при употреблении в пищу травить людей. Вспышка отравлений спорыньей была зафиксирована уже в августе 1932 года.

6. Разворовывание и сокрытие зерна крестьянами нарушили возможность равномерного перераспределения продовольствия, его грамотной очистке. Общее же критическое снижение урожайности при условии разбазаривания и неравномерного воровства оставило значительную массу крестьян с недостаточным для нормального проживания зимы количеством хлеба. Летние отлынивание и симуляция труда частью колхозников привели к отсутствию у них иных продовольственных запасов, кроме ворованных, скрытых, т.е. еще и

склонных к загниванию и опасных при употреблении. А нормально обработанного при уборке, просушенного и провеянного зерна им на трудодни практически не полагалось – ввиду отсутствия или крайне малого количества отработанных трудодней. Но воровство и сокрытие хлеба симулянтами снизило и норму выдачи хлеба честно работавшим колхозникам.

7. В условиях общего саботажа хлебозаготовок, ставившего под угрозу выживание городов и обеспечиваемых пайками жителей села (врачи, учителя, ветеринары, милиционеры), нажим с поиском и изъятием хлеба был неустрашимой мерой. При этом, как показывают цифры, из хозяйств не были изъяты минимум 100 млн. пудов семян, использованных при севе 1933 года. Т.е. более 2/3 коллективных и единоличных хозяйств в рамках общей снизившейся нормы заготовок – с заготовкой справились, при этом их семенной фонд не пострадал. У сопротивляющихся, прежде всего, изымали семенной фонд – как наиболее просто обнаруживаемый.

При этом, как показывает расчет, сопоставляющий доли выполнения плана колхозами и единоличниками, у единоличников Украины оставались только укрытыми от заготовок и не найденными до конца января не менее 25 млн. пудов хлеба. До начала активного применения не зерновых штрафов о голоде речи вообще не могло быть.

А законное их применение было санкционировано 1 января. Все предыдущие безобразия, если и были, то Москвой не санкционировались. А являлись либо провокацией соответствующих заинтересованных в дестабилизации обстановке троцкистских «украинизированных» местных кадров, либо проявлением внутренних острых противоречий на селе. Проявлением взаимной озлобленности и взаимным сведением счетов, в том числе со ссылкой на необходимость заготовок. Те, кто получил мало хлеба на трудодни, знали воровавших. А те соответственно знали, чье мясо съели.

В соседней Белоруссии, первоначально столь же плохо справившейся с добровольной заготовкой, как и Украина, после окрика план заготовок был выполнен на 106% - и никаких штрафов и голода не было.

8. Сокрытого единоличниками хлеба хватало для той одной трети хозяйств, которые не справились и с сокращенным до 60% уровня планом - на 3-4 месяца нормального существования по неголодным нормам 1 пуд на человека в месяц. Правда, есть подозрение, что этот хлеб был давно, с сентября-октября, вывезен из села и спрятан в городе или продан «в чёрную» – до возникновения законного права торговать хлебом после выполнения плана хлебозаготовок. Именно этим хлебом, торгуемым через черный рынок, и жили оставшиеся без нормальных пайков и обычной законной хлебопродажи города и местечки. Они в итоге практически не имели повышенной смертности.

Но тогда этого хлеба 25 млн. пудов городам Украины, которым надо было держаться не месяц-другой, а от урожая до урожая – мало.

Количество незаконно вывезенного через черный рынок в город хлеба, получается, должно было быть, по меньшей мере, в 2 раза больше.

Получается, что в период до начала силовой заготовки часть крестьян лишила себя возможности и по заготовкам рассчитаться, и иметь достаточный продовольственный резерв. Они просто в незаконном порядке осенью продали сворованный (т.е. еще незаконный, не выданный на трудодни) хлеб. И остались с деньгами, которые есть, не будешь.

9. Дальнейший сценарий представляется в следующем виде. Часть крестьянства зимой начала голодать. В результате либо съедания честно заработанного, но выданного из-за разворовывания в недостаточном количестве хлеба. Либо в результате отсутствия законного хлеба (мало трудодней - основная масса голодающих - по справкам ГПУ) и гибели, или недоступности (без опасности обнаружения) укрытых снегом запасов. Или из-за того, что эти украденные припасы были осенью проданы, в расчете прикупить еду у соседей. Этого не произошло. Соседи ничего не давали.

Но и этот зимний голод привел к незначительной смертности в течение зимы. Люди слабели, это фиксировалось комиссиями ГПУ, выработывались планы помощи. И эта помощь пришла достаточно своевременно - в конце февраля.

Настоящая смертность на селе началась тогда, когда массы несытых людей добрались до хорошо спрятанных запасов, которые были отравлены спорыньей и сорными ядовитыми травами и практически не обрабатывались в целях борьбы с ними. Острый пик смертности после 2 месяцев работы программы поддержки голодающих, в период уже повсеместной доступности еды (овощи, фрукты) на Украине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наша гипотеза объясняет практически все странности. Возникает вопрос, а почему до нас никто из нынешних историков не обнаружил это простое объяснение всех событий? Объективный фактор ухудшения урожаев историки оказались не в силах обыгрывать по политическим мотивам. Не могли и акцентировать на моментальном факторе - усилении произрастания сорняков и грибка при хорошем увлажнении. Потому как для хорошего поля такое лето было бы благом. Смерть - только для сильно засоренного поля. С нынешними историками тоже ясно: теперь нужно выставить в черном свете Советскую власть. И поэтому никак нельзя делать бедолагу-крестьянина виновным в несчастье 1932-1933 года.

А ведь сначала надо бы доказать, что кого-то уморили голодом. При наличии фиксации массового отравления спорыньей уже летом 1932 года, при отсутствии фиксации массовой дистрофии – сам вопрос о голодных смертях повисает в воздухе. Более того, фактически надо ставить вопрос о том, что в 1933 году Сталин СПАС Украину. Но разве историкам можно про такое писать? Напишешь, и грантов больше не дадут. Поэтому лучше

кричать на всех перекрестках, что, мол, цель Сталина - изъять продовольствие и уморить голодом 3-9 млн. человек, чтобы заставить остальных работать за миску баланды.

Фальсификации «Голодомора» продолжают до сих пор. Вот лишь один из множества примеров. На выставке так называемых документов о «Голодоморе» обнаружены грубые фальшивки, когда фото голода 1922 года подсунули для иллюстрации голода 1933 года. Фальсификаторы – как правило, люди малообразованные. Они не знали, что снимки, иллюстрирующие голодомор, сделанные в 1921 году в Поволжье и в период первой мировой в Европе, - существенно не идентичны тому, что можно было снять на Украине.

Кто устроил «Голодомор»? После нашей статьи стало ясно, что не Советская власть, а те самые украинские крестьяне и донские с кубанскими казаки, которые сначала своей неумелой работой испортили собственные поля, засорив их напрочь сорняками и грибками. А когда эти поля перестали родить – разворовавшие колхозный урожай и не оказывавшие помощи из этого же разворованного хлеба своим же односельчанам или станичникам.

Надо взвешивать и вину, и ошибки всех действующих лиц. То, что не просто порезали волов, но и загубили значительную часть урожая - и ошибка, и вина крестьянских «авторитетов». Этот фактор тоже не выбросить. Но еще есть фактор, и странно, что его не учитывают. Мы раньше его обсуждали. Это острая нелинейность развития голода. Речь идёт об исследовании голода в ряде стран (Индии и др.), за которое Амартья Сен получил Нобелевскую премию (книга «Политэкономия голода»). Процесс оттока продовольствия из зоны голода имеет лавинообразный характер. Я думаю, бюрократия 30-х годов не могла справиться с катастрофами такого рода, раз хлеб был вывезен из деревень.

Проблема голода – попытки части украинского села получить односторонние выгоды за счет других односельчан, их враждебность и отказ от спасительной практики взаимопомощи. Если дело было так, то ничего нет, что можно было бы поставить в вину Москве и Сталину. Возможно, кроме опоздания с силовым изъятием хлеба. В условиях украинского села это могло стать спасительной мерой, впрочем, оставляющей острые внутренние противоречия украинского села и населения Украины не решенными, а отложенными.

А так, оставивший колхозников перед проблемой голода единоличник, воровавший на равных, да еще и сокрывший собственное зерно, не подавший руку помощи в последующие годы на Украине не виден и не слышен. А у колхозников нет причин вступать в национальные антисоветские воинские формирования в годы войны. Виновных они знают. И эти виновные более не высовываются.

Одним из вариантов является сокрытие хлеба украинских сел – в городках и местечках. Как раз у не пострадавших от голода евреев. Вероятно, этот взятый на ответственное хранение за некоторую мзду

хлеб, на наличие которого рассчитывали в селах крестьяне, - просто был украден. Факты сохранения хлеба вне сел выявлялись и обсуждались в 1932-33 году. Это тоже канал искусственной организации голода, при полной непричастности Москвы и Сталина. Вор у вора дубинку украл. Кстати, именно с этого момента и у евреев Украины исчезла мода учиться на идише. Что-то такое и с их самосознанием произошло.

Слишком многое указывает на спорыню. В том числе и сама обстановка, предшествующая т. н. «голодомору». Заросшие сорняками поля, воровство незрелых колосьев (в том числе зеленых), воровство зерна при уборке и обмолоте, т.е. без минимальной очистки зерна провеиванием на ветру после сушки.

Сценарий очень реалистичен. И вполне согласуется с парадоксальным для ходячей версии голодомора фактом сохранения местечкового и сельского еврейского населения, которое не имело ни собственного продовольственного хозяйства, ни пайков, ни сколько-нибудь значимой помощи по международной линии. В 1921-22 поступающая помощь в значительной мере адресно распределялась среди евреев, которые тогда тоже не голодали. В 1932-33 году ее просто не было. Был черный рынок – при отсутствии ушедших в историю нэманов (так кто же им ведал - это же оптовые закупки и транспортировка?). И были зарегистрированные факты хранения хлеба вне села.

Так, что, по сути, история голода 1933 года - драка внутри населения, якобы связанного круговой порукой сопротивления государству - за кусок, которого объективно хватает еле-еле поддерживать существование всех при равномерном распределении».

«В марте 1933 г. состоялся судебный процесс против ряда работников Наркомзема СССР как виновных в возникновении голода.

Несмотря на множество разумных, но запоздалых постановлений, устраняющих перегибы, положение выправилось лишь в 1935 году. Начали расти сборы зерна, поголовье скота, оплата труда колхозников. С 1 января 1935 года в городах были отменены карточки на хлеб. В 1937 году валовой сбор зерна составил уже 97,5 млн. т.

В ходе коллективизации пришлось принимать специальные меры против слияния сельсоветов с колхозами или передачи прав Советов колхозам, которые воспринимались как новая власть. В ряде мест пришлось произвести досрочные перевыборы сельсоветов.

Провал крупнейшего мероприятия Советского государства в программе модернизации страны был столь тяжелым, что на его исследование и гласное обсуждение было, по сути, наложено табу. Это помешало извлечь важный урок. Между тем причина провала была фундаментальной: несоответствие социально-инженерного проекта социально-культурным характеристикам человека. Тот тип колхоза, в который пытались втиснуть крестьян, был несовместим с его представлениями о хорошей и

даже приемлемой жизни. Не имея возможности и желания сопротивляться активно, основная масса крестьян ответила пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. В ряде мест были и вооруженные восстания (с января до середины марта 1930 года на территории СССР без Украины было зарегистрировано 1678 восстаний), росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Историки коллективизации до последнего времени не ответили на самый естественный и простой вопрос; откуда и как в комиссии Политбюро по вопросам коллективизации, а потом в Наркомземе СССР появилась модель колхоза, положенная в основу государственной политики? Насколько известно из воспоминаний В.М. Молотова, сам И.В. Сталин, посетив вместе с ним несколько возникших еще ранее колхозов (до 1929 года они охватывали 6-7% крестьянских хозяйств), был воодушевлен увиденным. Но в тех «старых» колхозах (ТОЗах) не обобществлялся домашний скот, а каждой семье был оставлен большой приусадебный участок.

Из зарубежных источников следует такая история программы. Опыт разных типов сельскохозяйственных кооперативов, которые возникали во многих странах, начиная с конца XIX века, в 20-е гг. был обобщен в нескольких крупных трудах (прежде всего изданных в Германии). Самым удачным проектом (некоторые авторы называют его «гениальным») оказался кибуц - модель кооператива, разработанная в начале века во Всемирной сионистской организации. Эта разработка была начата учеными-аграрниками в Германии, затем продолжена сионистами (трудовиками и социалистами) в России. Главным идеологом проекта был ученый из Германии видный сионист А. Руппин, руководивший затем всей программой создания кибуцев в Палестине, для которых закупались участки земли. Он описал эту программу в книге, вышедшей в Лондоне в 1926 году.

Те частные причины, которые обычно называют (слишком высокие темпы коллективизации, низкая квалификация проводивших ее работников, разгоревшиеся на селе страсти и конфликты, злодейский умысел Сталина) недостаточны, чтобы объяснить катастрофу такого масштаба.

Проект был разработан для колонистов-горожан и вполне соответствовал их культурным стереотипам. Они и не собирались - ни создавать крестьянское подворье, ни заводить скота. Обобществление в кибуцах было доведено до высшей степени, никакой собственности не допускалось, даже обедать дома, членам кооператива было запрещено. Строительство кибуцев сильно расширилось после первой мировой войны. Они показали себя как очень эффективный производственный уклад (и остаются таковым вплоть до нынешнего времени). Видимо, и руководство Наркомзема, и Аграрного института было под большим впечатлением от экономических показателей этого типа кооперативов и без особых сомнений использовало готовую модель. Вопрос о ее соответствии культурным особенностям русской деревни и не вставал. После того, что мы наблюдали в ходе экономической реформы в России в 90-е гг., эта

самонадеянность уже упоминавшихся Я.А. Яковлева и Л.Н. Крицмана, не удивляет.

В марте-апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд важных решений, чтобы выправить дело, но инерция запущенной машины была очень велика, а созданный в селе конфликт разгорался. Начатое зимой “раскулачивание” было продолжено. Лишь весной 1932 г. местным властям было запрещено обобществлять скот, и даже было предписано помочь колхозникам в обзаведении скотом. С 1932 г. уже не проводилось и широких кампаний по раскулачиванию. К осени 1932 г. в колхозах состояло 62,4% крестьянских хозяйств, и было объявлено, что сплошная коллективизация в основном завершена. В 1937 г. в колхозах было уже 93% дворов.

Новый устав артели гарантировал существование личного подворья колхозника. Вступили в действие крупные тракторные заводы, начала быстро создаваться сеть машинно-тракторных станций (МТС), которая в 1937 г. обслуживала уже 90% колхозов. Переход к крупному и в существенной мере уже механизированному сельскому хозяйству произошел, производство, и производительность труда стали быстро расти. Советское крестьянство “переварило” чуждую модель и приспособило колхозы к местным культурным типам (приспосабливаясь и само). Экзаменом для колхозного строя стала война.

Для оценки крупного социального института полезно сравнить кризис становления и кризис ликвидации. Для колхозно-совхозного строя история дала нам это сравнение как чистый эксперимент. Кризис коллективизации привел к снижению производства зерна в 1931, 1932 и 1934 гг. по сравнению с 1929 годом на 3%. Засуха 1933 года была стихийным бедствием, а затем производство стало расти и через пять лет коллективизации превысило уровень 1929 года на 36%. Войдя после войны в стабильный режим, колхозы и совхозы довели производство зерна в 1986-1987 гг. до 210-211 млн. т, то есть увеличили его более чем в три раза (а молока, яиц, технических культур - в 8-10 раз). Каков же был кризис ликвидации?

Колхозный строй ликвидировали в 1991-1992 гг. С тех пор в течение 7 лет производство всех видов продукции стабильно снижается, и упало вдвое. А главное - в отличие от 30-х гг., нет никаких признаков оживления: подорвана база производства. В 1997 г. впервые в России в XX в. количество коров на 10 человек упало ниже 1. Ниже всего оно было после массового забоя скота в 1933 г. (1,3 голов на 10 человек). Количество овец и коз во время коллективизации упало в 1935 г. - до 2.6 голов на 10 человек, в “годы застоя” держалось на уровне 4,9, а в конце 1997 г. составило 1,3.

Если бы сегодня страна не имела созданной в советский период мощной нефтяной и газовой промышленности, в России наступил бы всеобщий и смертельный голод, поскольку уже больше половины продовольствия поступает по импорту за нефть и газ.

Раскулачивание и репрессии. Раскулачивание («ликвидация кулачества как класса») представляло собой огромную по масштабам внесудебную репрессию против крупной социальной группы. Это – проект социальной

инженерии, которая всегда ведет к массовым страданиям. Подпадавшие под эту акцию крестьяне делились на три группы: те, кто оказал активное сопротивление коллективизации и подлежал суду (они составили около 10% глав семей): наиболее богатые кулаки, которые подлежали переселению в другие области; те, кто выселялся в другое село или деревню той же местности с наделением землей. Создать условия для третьей группы оказалось очень сложно, и на практике большинство вливалось во вторую группу.

Списки подлежащих раскулачиванию по группам составлялись местными властями, принимались сельскими сходами и утверждались районными властями. Судьбу людей решали «тройки» в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника районного управления ОГПУ.

Почти вся масса репрессированных была выселена в 1930-1931 гг. На спецпоселения прибыло 388 тыс. семей (1,8 млн. человек). Это – максимальные цифры из достоверных данных, проверенных через анализ независимых учетных документов. Официальные цифры – 366,5 тыс. семей, или 1,68 млн. человек. Это составляет около 1,5% крестьянских семей или около половины тех, кого относили к категории кулаков (на деле в созданном на селе хаосе под репрессии попадала и часть середняков). Около 200 тыс. семей кулаков успели «самораскулачиться» – продать или раздать родным имущество и уехать в город.

Главными районами расселения были Казахстан, Урал и Новосибирская область. В 1937 г. в народном хозяйстве было занято около 350 тыс. труд поселенцев, в основном в сельском хозяйстве и лесной, а также в угольной, золотодобывающей и тяжелой промышленности. В первые годы среди переселенных была очень высока смертность (в 1932 г. - 6,8%, в 1933 - 13,3%, в 1934 - 3,7%), затем она стала снижаться, а в 1935 г. рождаемость превысила смертность. Во время войны около 100 тыс. человек, не бывших во время выселения главами семей, были призваны в армию, а их семьи сняты с учета как спецпоселенцы. На 1 января 1949 г. в спецпоселениях оставалось 130 тыс. человек из бывших кулаков.

В СССР на воспитание дисциплинированного, точного и ответственного человека отводилось менее десяти лет. Эта задача была выполнена, при этом любовь переплеталась с жестокостью. Сегодня многие видят в той жестокости преступный характер Советского государства (или его руководителей). Видимо, в те времена моральные оценки 90-х гг. не были главным критерием. Главное – было достигнуто почти невозможное: поколение точных и дисциплинированных людей было воспитано без подавления их духовной свободы и творческой способности. Это доказала война.

Так кого раскулачивали в советское время? Эта тема хорошо раскрыта в статье Рустема Вахитова – «Тайны раскулачивания».

Интересно ознакомиться с этой статьёй, которая дополняет работы С. Кара-Мурзы по этому вопросу.

Само понятие «кулак» вышло из дореволюционного времени, когда в результате «реформ» Столыпина, появилась возможность выхода из общины. А политика государства была направлена на быстрое имущественное расслоение крестьян. Появились и деловые люди, которые скупали землю, сами её не обрабатывая. Они пользовались наёмным трудом или спекулировали землёй.

Что-то подобное произошло и в советское время. По вполне прагматичным причинам, в процессе фракционной борьбы Сталин поддержал курс Н. Бухарина – опоры на кулака.

«В 1925 году в партии развернулась дискуссия между двумя фракциями – левой, которую возглавлял Л. Троцкий, и правой, которую возглавлял Н. Бухарин. Левые предлагали программу сверх индустриализации, то есть скорейшего создания в СССР собственной индустрии за счет высокого налогообложения деревни, и прежде всего ее наиболее зажиточного слоя – кулаков; правые же, напротив, предлагали всячески поддержать крестьян, особенно зажиточных, в их стремлении обогащаться, с тем, чтобы обеспечить города сельхозпродукцией и постепенно переходить к медленной поэтапной индустриализации и медленной коллективизации сельского хозяйства сугубо на добровольной основе. Партийное большинство и, главное, «аппаратная фракция», которую возглавлял Сталин, взяли сторону Бухарина и правых, что и предопределило крах троцкистов.

Такой выбор был не случаен. За программой сверх индустриализации Троцкого стоял его тезис о невозможности построения социализма в отдельно взятой стране и расчет на скорейшую пролетарскую революцию в странах Западной Европы, прежде всего в Германии. Сталин, как здравомыслящий, реалистично рассуждающий политик, не верил в эту перспективу и, напротив, справедливо считал, что налицо все симптомы падения революционной активности в Европе. А это значило, что нужно как-то обустроить жизнь в Советской стране своими силами, не надеясь на помощь победоносных немецких и французских пролетариев. Обустройство же это предполагало в первую очередь обеспечение городов сельхозпродукцией, и прежде всего хлебом. Во вторую очередь – экспорт зерна за рубеж для закупки там необходимых технических средств для начала индустриализации.

Действительно, в 1920-е гг. кулацкие хозяйства были механизированы в большей степени, чем общинные и коллективные. Не случайно в постановлении 1929 года «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде», одним из важных признаков кулацкого хозяйства считалось наличие сложных сельскохозяйственных машин с механическими двигателями. По данным 1927 г., 3,2% кулацких хозяйств обладали 21,7% машин, тогда как бедняков в деревне было 26,1%, а им принадлежало всего лишь 1,6% машин.

Понятно, что кулацкие хозяйства в связи с этим были экономически эффективнее: 3%-ная кулацкая прослойка сдавала и продавала государству около 30% всего хлеба, сдаваемого и продаваемого деревней».

Но в отличие от дореволюционного кулака в советское время земля была государственной и хлеб государству кулаки должны были продавать по определяемым государством ценам.

«Весь 1926 год этот договор соблюдался. Но уже в 1927 году кулаки начинают срывать план по хлебозаготовкам. Осенью 1927 года государству удалось купить всего лишь 2,4 миллиона тонн хлеба против 5,8 миллиона за тот же период прошлого года. Цена, которую предлагало за хлеб государство, не устраивала кулаков, в руках которых были сосредоточены основные запасы хлеба. Промтовары им не были нужны, в лавках крестьяне покупали лишь табак, керосин, спички, мыло, но ими запаслись вдоволь в период НЭПа.

Хлеб у кулаков был. В 1927 году в России был хороший урожай. Но продавать его по низкой цене государству для обеспечения города они не желали. Они предпочитали прятать хлеб, дабы на следующий год, когда государство вынуждено будет поднять цены, продать его дороже. Если кулаки и продавали хлеб, то преимущественно частным торговцам, которые в городе перепродавали его на 50–100% дороже.

Результатом этого стал городской продовольственный кризис 1928–1929 гг., про который сегодня мало кто вспоминает, поскольку это несколько портит благостную историю, которую твердят наши антисоветчики – про злого Сталина, который ни за что обидел крепких хозяев.

Предложение Бухарина и Рыкова пойти на уступки кулакам, повысить закупочные цены до уровня, который кулаков устраивал, для Сталина были неприемлемы. Он совершенно справедливо считал, что если государство поступит так, то оно навсегда станет объектом кулацкого шантажа и так и не решит продовольственной проблемы (не говоря уже о проблеме индустриализации). А не решить этой проблемы – значит утратить власть и снова ввергнуть страну в хаос. Решение же состояло в реформе сельского хозяйства, а точнее, в отказе от ставки на кулака, который оказался крайне непрочным союзником, и в ставке на коллективные хозяйства. Кулак не справился с ролью назначенного государством землепользователя, обязанного снабжать город сельхозпродукцией, и поэтому он должен ответить за это. Причем не по отдельности, а как класс, ведь не по отдельности, а всем классом кулаки получали от государства в 1922 и 1925 гг. особые права, ставшие залогом их обогащения. Государство законодательными актами 1922 и 1925 гг. сформировало социальную страту постреволюционных кулаков, поэтому государство и имело полное право эту страту расформировать.

Раскулачивание выглядело в глазах абсолютного большинства советских людей того времени (естественно, кроме самих кулаков и их родственников) как вполне справедливая и обоснованная кампания. Более

того, как кампания по-своему еще и гуманная, как бы парадоксально это ни звучало сегодня.

Ведь, во-первых, кулачество за свою попытку удушить государство костлявой рукой голода – то самое государство, которое и дало кулачеству возможность обогатиться – было лишь поражено в правах и после пребывания в спецпоселениях вернулось к нормальной жизни (для детей кулаков это возвращение произошло даже гораздо раньше – в конце 1930-х гг.). И во-вторых, выселяя кулаков в отдаленные районы, Сталин фактически спас их и членов их семей от внесудебных расправ со стороны деревенской бедноты, которые уже начались по всей России. Беднота была крайне озлоблена против бывших «хозяев жизни». Тут накопилось многое – и обиды бывших батраков, и ненависть к богатству, нажитому не только своим, но и чужим горбом, и месть за кулацкий террор, и, наконец, простое понимание того, что если бы не срыв кулаками хлебозаготовок, вызвавший голод в городах, коллективизация могла бы начаться гораздо позже и пройти гораздо менее болезненно.

Это понимали современники, но потомки об этом уже забыли».

Из семинара Валентина Михайловича Фалина.

В 1986 году Л. М. Каганович соглашался встретиться со мной для того, чтобы поведать о решениях, принимавшихся с его участием в узком кругу у Сталина. Без отражения мотивов в каких-либо протоколах. Лазарь Моисеевич намекнул, что к нашему разговору мог бы, наверное, присоединиться В.М. Молотов. Я написал записку в Политбюро. Через полтора месяца звонит В. Болдин, заведующий общим отделом ЦК, и сообщает: «Ваше предложение рассмотрено. Признано нецелесообразным делом оживлять политические трупы». Вот так.

Тогда же я пытался уберечь для потомков обширную библиотеку Сталина. Во многих книгах, как знать, возможно, и в «Майн кампфе», имелись его пометки и комментарии на полях. К сожалению, библиотеку разбазарили. Теперь ее не соберешь. Утрачен шанс глубже разобраться с этой личностью – злодеем и гениальным политиком – понять, что, как и почему.

В юности я вычитал в воспоминаниях С. Ю. Витте следующую мысль: «Идею нельзя убить, но можно сделать так, чтобы она умерла». Я усвоил ее как критерий для оценки всего, что происходило в Советском Союзе, и остается таковым при анализе всего, что происходит сейчас. С какой программой большевики брали власть? Государству надлежит сдать узду в архив, ибо править собой народ должен сам. В первые месяцы советской власти все повсюду решалось по примеру новгородского вече. Выбирались профессора университетов, командиры от полков до армий и т.д. Локкарт в мемуарах, изданных, если не ошибаюсь, в 1934 году, отмечал: российская общественность приняла октябрьский переворот скорее с симпатией, и

если ощущались какие-то тревоги, то по поводу криминальных элементов и анархистов. Все переменилось с началом гражданской войны, состоявшейся «не без нашей помощи». Иными словами, все пошло наперекосяк с замещением народовластия военным коммунизмом.

Военный коммунизм с его авторитарными атрибутами просуществовал в разных видах и подвидах с осени 1918 года до крушения Советского Союза. Он вытекал из логики противоборства, острия против острия. Логика войны не совмещается ни во времени, ни в пространстве с логикой мира. На короткий период пресс ослаб при новой экономической политике. Стоит вспомнить, что Ленин требовал тогда реорганизации всей системы государственной власти. Он полагал, что партия не должна напрямую управлять страной. Управлением должны заниматься эксперты, а партии надлежит влиять на государственные дела через свое представительство в Советах. Как случилось, мы с вами знаем на собственном опыте.

Короче говоря, не отвеченным остается вопрос: что за строй существовал в Советском Союзе? Когда меня вовлекли в команду Горбачева, я предложил сказать правду о том, от какого берега мы собирались отчалить, чтобы приблизиться к «социализму с человеческим лицом». Сказать правду не только о личности Сталина, но о сталинизме как идеологии и системе власти. Увы, отклика в руководстве мои усилия не встретили.

Никто не опровергнет, что на протяжении XX века Российская империя, потом Советская Россия и, наконец, постсоветская Россия не познали ни одного мирного часа. Подавляющее большинство государственных решений принималось под прицелом и давлением извне, часто в обстановке шантажа и прямых угроз».

Расскажу немного о моих ближайших родственниках. Я уже выше написал кратко о судьбе двух братьев мамы. Две её сестры прожили всю жизнь в селе Константинополь. Дети, в основном, не уезжали за пределы Донецкой области.

Дети т. Фени: дочь Рая с мужем Лёней и сыновья Витя и Павел.

О мужьях тётушек я тоже ничего не знаю. Время было такое, что мужчины особенно рано уходили из жизни по разным причинам. Дети тёти Фени, Павел,

Витя и Рая, иногда заглядывали к нам, бывая в Мариуполе. Но я был намного младше, и об их жизненном пути ничего не знаю. У тёти Маруси две дочери. Старшая Лина и младшая Люся.

Из всех моих двоюродных сестёр высшее образование получила только Люся. Она училась в Донецком Горном институте, в котором студенты по торжественным дням, надевали специальную форму. У всех родственников хранится фото Люси в форме, на котором она особенно красива. Обе сестры часто летом бывали у нас. Этому способствовала близость Азовского моря. В 1964 году я проходил семимесячную преддипломную практику в Киеве и узнал от мамы адрес Люси. Этот посёлок находился рядом с городом и туда я добрался электричкой. Сестра мне обрадовалась, но период в её жизни был не очень весёлый. Что-то не ладилось в её отношениях с мужчиной, который был рядом с ней. Я даже не запомнил, каким делом она занималась. Но запомнил, что много сил сестра потратила, чтобы жить в столице Украины.

Моя мама с племянницами Линой и Люсей.

К сожалению, проблему сверхроста крупных городов не смогла решить и Советская власть. Но что-то в этом направлении делалось. Сейчас на примере Москвы видно, что эта проблема доводится до абсурда и власть этим гордится.

Люсю я больше не видел. Ушла из жизни она рано, в восьмидесятых годах. Её дочь Ирина сейчас живёт в Киеве.

В Советское время в институт мог поступить любой юноша или девушка после окончания средней школы. А стипендия, которая выплачивалась всем хорошо успевающим студентам, позволяла (на очень скромном уровне) успешно учиться без посторонней помощи. Так получил образование и я. У мамы отсутствовала возможность помогать мне материально. Стипендию мне платил завод, и она была на 15% выше государственной.

В стране существовал приоритет рабочего человека. У многих рабочих бытовали мнения – зачем пять лет учиться, если я и так получаю больше

Много людей во все времена и во всех государствах стремилось жить в столичных городах, позволяющих, на первый взгляд, решить их амбициозные замыслы. На деле большинство столиц превратилось в огромных монстров, создающих для жизни уйму проблем.

начинающего инженера. А если работа была связана с тяжёлыми или опасными условиями труда, то зарплата рабочего превышала зарплату инженера высокой квалификации. Выше оплачивался труд учёных, служба военных.

В стране постепенно была создана логичная система оплаты труда, хорошо воспринимаемая почти всеми работающими Советской страны. Но ведь были ещё и социальные гарантии, которыми пользовался практически каждый гражданин страны Советов. Бесплатные (конечно оплачиваемые трудом всего народа) квартиры с очень низкой оплатой услуг ЖКХ (как теперь это называется), медицинское обслуживание (с элементами профилактической медицины), санаторно-курортное лечение и многое другое.

Мне, студенту, месяц жизни в альпинистском лагере стоил 16 рублей при стипендии 45 рублей. А оплата общежития пять рублей в месяц.

Лина всю жизнь работала в селе. Руководила бригадой по выращиванию овощей. Была уважаемым работником. В 1956 году после восьмого класса родители отправили меня летом к тётке Марусе. Это был совхоз имени Горького, недалеко от села Константинополь, в котором тогда жила тётка со своей дочерью Линой. Я там не просто отдыхал, а работал в саду. Трудовое воспитание для моих родителей было главным приоритетом. В селе я сблизился с сестрой, несмотря на разницу в возрасте около 13 лет. Она ещё была не замужем. Позже у неё родилась дочь, а вот о муже я ничего не знаю.

В конце семидесятых годов (я уже работал на КамАЗе) мне позвонили в отдел электронных измерений и сказали, что для меня передали ящик яблок. Оказалось, что водители из села, где жила Лина, приехали получать автомобили, и она с ними передала яблоки. Встретились мы с ней ещё в 2003 году, когда мы с дочерью путешествовали на автомобиле. Мы на несколько часов заехали в посёлок Дачное, где она живёт и сегодня, не желая переезжать к семье своей дочери в Донецк. Сейчас Лине 83 года, есть серьёзные болезни. Таковы русские люди старшего поколения (вне зависимости от их национальности), не желающие загружать детей своими проблемами.

О ближайших родственниках по линии отца. Старшая сестра – моя тетя Поля, родилась ещё в 19 веке. Она жила в г. Донецке, бывшем Сталино, а ещё раньше город назывался Юзовкой. Грязный город, с бараками и лачугами, шахтёрская Юзовка постепенно превратилась при Советской власти в красивый и цветущий город с огромным количеством роз. Мужа её я не знаю. Его фамилия Халаджи, арестован в 1937 году. Её сын Алексей, ставший главным терапевтом города Горловка, не очень стремился к общению с родственниками. А дочь Надежда Павловна часто бывала в Мариуполе, где жили ещё три сестры моего отца. Поэтому я близко познакомился с её сыном Толей Кардаш, а позже и с её дочерью Мирой. Толя, мой племянник, всего на год младше меня. Поэтому я как-то не ощущал своего статуса дяди и таскал всюду его за собой. Учил лазить на деревья, есть немые фрукты, плавать в речке. С нами обычно играл и второй мой племянник, сын старшей дочери тётки Вари Александры – Владик. Владик был года на три младше меня.

Приезд дяди Климентия с детьми. По этому случаю из Донецка приехала и Тётя Поля с сыном Алексеем. За спиной Дяди Нелля – дочь дяди Коли. В первом ряду я, Владик – внук тёти Вари, Борис – брат Нелли и Лора, Арнольд, Арида.

Толя Кардаш сейчас стал известным нейрохирургом. Вот текст статьи из Интернета, посвящённой ему:

«Кардаш Анатолий Михайлович – заслуженный врач Украины, профессор, заведующий кафедрой нейрохирургии Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, руководитель Донецкого Центра нейрохирургии, областной нейрохирург, президент областной Ассоциации нейрохирургов.

Родился 28 февраля 1943 года на Урале, в греческой семье, которая временно пребывала в эвакуации. А родина Анатолия Михайловича – село Константинополь Великоновоселковского района. В этом селе его дед Мина Кардаш, вернувшийся с первой мировой войны большевиком, был первым председателем сельсовета. Немало добрых и полезных дел было на его счету. Но жизнь грека-большевика была недолгой. В 1919 году он был расстрелян денкинцами. Захоронен в братской могиле в Мариуполе. В память о героическом дедушке осталось предсмертное письмо с завещанием сыну – беречь парк, высаженный в селе патриотами-сподвижниками, быть честным, верным сыном Родины.

Отец Анатолия Михайловича сполна выполнил наказ родителя. Он прожил беспокойную, но достойную горняцкую жизнь, работая начальником шахты им. Ленина, начальником ШСУ № 1 в г. Горловка. Мать была начальником химической лаборатории Горловского машиностроительного завода.

Их сыновья стали медиками. Анатолий Михайлович в 1968 году окончил Донецкий мединститут и с тех пор по призванию трудится в областной клинике им. Калинина. Прошел испытание на всех ступенях профессиональной иерархии: от рядового врача - до ведущего нейрохирурга области. С 1979 года он заведующий кафедрой нейрохирургии Донецкого национального медицинского университета.

В последние годы научный интерес Анатолия Михайловича связан с медицинской физикой. В частности, он занимается проблемой лечения магнитными полями отека и набухания головного мозга и ускорения регенерации периферических нервов и кровеносных сосудов при их повреждении. Является автором более 200 научных публикаций, в том числе 6 патентов СССР, Украины и России и 5 монографий. С 1998 года он Заслуженный врач Украины. В 2001 году ему присуждена Государственная премия Украины в области науки и техники за имплантируемые устройства для лечения заболеваний центральной нервной системы: научно-техническая разработка, производство и практическое внедрение в учреждениях здравоохранения.

Медицинскую династию семьи Кардаш достойно представляет брат Анатолия Михайловича – Валерий Михайлович, который является главным хирургом г. Горловки. Наряду с успешной профессиональной деятельностью он активно участвует в общественной жизни Горловского общества греков, неоднократно, как депутат горсовета, представлял ФГОУ в Объединении греков местного самоуправления Европы.

Сын Анатолия Михайловича – Константин, пошёл по стопам отца, избрав профессию врача-нейрохирурга. Он работает доцентом кафедры нейрохирургии Донецкого национального медицинского университета. Невестка – доцент кафедры акушерства и гинекологии, племянница – врач-стоматолог. Дочь Анатолия Михайловича – Анна – юрист, зять – художник, представитель знаменитой семьи грека-художника Л. Балакай.

Все члены семьи Кардаш, несмотря на суровые испытания судьбы, сохранили свой род, национальное самосознание, верность традициям предков. Они высокообразованные, духовно богатые люди, добрые, отзывчивые, с активной жизненной позицией.

О человечности известного ученого свидетельствуют и его увлечения. Ещё со студенческой скамьи, в свободное от учебы и работы время Анатолий Михайлович увлекается подводным плаванием. В 1967 году в составе экспедиции «Ихтиандр-67» на Черном море в качестве акванавта жил в подводном доме (впервые в СССР) на глубине 15 метров в течение семи дней. За период занятий подводным плаванием на морском дне были найдены остатки древнегреческого корабля (300 г н.э.), две баржи периода

Великой Отечественной войны, одна с грузом мин, другая – с чушками свинца.

Анатолия Михайловича знают, боготворят не только коллеги по работе и страждущие недугом, но и широкий круг общественности Украины, Греции и других стран. Для греков большое счастье и честь иметь среди соплеменников столь выдающегося и человеческого врача».

Тётя Варя жила на соседнем с нами участке. Она вторая девочка в семье после тёти Поли. Её муж дядя Саша, спокойный и добрый человек. Главной в семье была тётя. В детстве я много времени проводил у них в доме, играя с Владиком, старшим внуком моей тёти. У нас даже между участками была внутренняя калитка.

Тётя Варя – сестра отца и её сыновья Елисей и Федя.

Фамилия семьи самая русская – Ивановы, хотя дядя Саша лицом типичный приазовский грек. Трое детей в семье. Старшая Александра, мама Владика, и Федя с Елисеем. Александра Александровна с мужем и Владиком в 1953 году получили квартиру в посёлке Азовец, и мы с Владиком стали совсем мало видаться, а потом родители вместе с ним и вовсе переехали в Кривой Рог.

Сын тёти Вари, Федя, 1924-го года рождения, после освобождения Мариуполя был призван в армию и сразу погиб при освобождении города Мелитополя. Жестокая вещь война. Меньше месяца прошло от призыва в армию до гибели. А Федя, по рассказам родственников, хорошо учился, и особенно ему нравилась математика. Семьдесят лет прошло с того времени, а большинство мировых проблем и сегодня решаются с позиции силы. Этому особенно способствует поражение в холодной войне Советского Союза.

Лёня (в семье его звали Лёсей, возможно в честь деда Елисея), второй сын тёти Вари, служил в армии после войны. К наукам не тянулся и всю жизнь работал сварщиком. Несмотря на большую разницу в возрасте (16 лет), он хорошо относился ко мне. Я об этом ещё расскажу.

О дяде Саше. Очень спокойный, работающий человек, проработавший на «погрузке – выгрузке» до пенсии. В свободное время он постоянно что-то совершенствовал у себя дома. Спокойный характер, физическая работа, простая пища и умеренное употребление алкоголя позволили ему прожить больше 90 лет (это к вопросу о долголетию). Оплачивалась «погрузка – выгрузка», очень хорошо. Иногда мама, воспитывая меня, говорила: «Будешь плохо учиться, пойдёшь работать на погрузку – выгрузку». Нужно видеть основной инструмент дяди Саши, его совковую лопату, тщательно подогнанную под себя. Это произведение искусства. В лопату помещалось до 30 кг угля.

Тётя Феня и тётя Маруся на тот момент, когда я узнал об их существовании, жили в исторической части города Мариуполь на улице Торговой. В советское время ей дали название ул. Третьего Интернационала. Сейчас снова ул. Торговая. Улица протянулась вдоль склона возвышенности, на которой был построен город Мариуполь. Склон плавно переходит в пойму реки Кальмиус. Место сырое и особенно после дождей там было много лягушек. В народе его в то время называли «Жабовкой».

*Дядя Климентий с сёстрами Марией и Феней. Сзади Киня.
На втором снимке – бабушка Вера с дочерью и зятем.*

Тётя Феня растила сына Кима одна (в семье – Киня). У тёти Маруси детей не было. У тёти Фени муж ушёл в другую семью. Что случилось с мужем тёти Маруси, не знаю. Революционные преобразования требовали жертв. Позже местожительство сёстры поменяли. Киня стал известным в городе руководителем бригады монтажников металлургического оборудования, и мама жила с ним. А тётя Маруся проработала большую часть жизни на кондитерской фабрике, была уважаемым человеком и хорошим работником. В пожилом возрасте вышла замуж за Петра Яковлевича, и мы часто бывали в их квартире, где нам всегда были рады.

У папы была ещё одна сестра Александра. По возрасту, она близка к тёте Марусе, которая родилась в 1912 году. Я узнал о ней в зрелом возрасте, и только теперь Аза прояснила некоторые подробности о жизни и трагической гибели тёти Саши. Тётя была молодой и очень красивой. Её муж Арон Бух работал главным прокурором (или зам. прокурора) в Одессе. При приближении фронта к

Одессе муж отправил тётю и двух детей на военном транспорте в Мариуполь. Наверное, для этого решения у него были веские причины. Во время налёта немецкой авиации тётя погибла, и её похоронили в море. Дети остались живы. А дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Немного о братьях отца. Средний брат Климентий. По моей просьбе его сын Арнольд написал мне о наиболее сложном периоде в жизни своих родителей.

Письмо Арнольда о жизни отца, моего дяди Климентия Елисеевича:

«Ты попросил написать о моём отце, твоём родном дяде Климентии Елисеевиче. Он был средним сыном в большой крестьянской семье. Старшим был твой отец Константин Елисеевич, младшим – Николай Елисеевич, сестёр ты лучше меня знаешь. Трёх сестёр я хорошо помню. Это тётя Поля, тётя Варя, тётя Маруся. Отец вроде говорил мне, что в семье было восемь детей, но кто ещё двое, я не запомнил. Все родились в греческом селе Константинополе Великоновоселковского района Донецкой области. Жизнь отца была омрачена двумя фактами:

1. считали, что он сын кулака и не заслуживает доверия коммунистов (в военном билете была отметка - тылоополченец);

2. национальность - грек.

Их семья была не бедной, но и не кулацкой. В хозяйстве трудились все члены семьи. Отец говорил, что только при сборке урожая иногда приходилось нанимать одного-двух работников. Моя мама, Юлия Ивановна Калмыкова - чистая гречанка с русской фамилией родилась в этом же селе, но в бедной семье. Сталин с недоверием относился к грекам до войны и ещё хуже после войны. Отец чувствовал приближение репрессий и вместе с матерью в 1934 году фактически сбежал на Урал. Они остановились в г. Нижний Тагил, где их никто не знал. Он успел получить среднее педагогическое образование ещё в Артемовске, мама закончила только два курса. Вместе они стали преподавать математику в одной и той же школе. Отец через год стал директором школы. Его очень любили и ученики, и учителя.

Вскоре его избрали депутатом Городского Совета, он получил статус неприкосновенности. В первый раз, когда за ним пришли, мандат депутата помог. Но во второй раз (это было в конце 1937 года) мандат не помог. Его обвинили в том, что он польский шпион (по паспорту грек), который должен был убить первого секретаря горкома партии. Его не пытали, но следователь, выводя во двор под дулом пистолета, грозился расстрелять при попытке к бегству. Он не подписался под обвинением. Через полгода его отпустили, ему повезло, репрессии пошли на убыль к середине 1938 года. В конце 1941-го он всё же был призван в армию и направлен в артиллерийское училище в г. Свердловск (ныне Екатеринбург). После окончания все должны были быть отправлены в Сталинград. Последнее построение перед отправкой, его вызывает командир и говорит: «Вы остаётесь в тылу».

«Тылоополченец» в этот раз спас ему жизнь. Вряд ли он вернулся бы живым... Через полгода тяжёлых работ его вновь направили в Н-Тагил для работы по специальности. Его назначают директором самой трудной (по дисциплине) школы военного времени. Он быстро навел порядок и сделал школу лучшей в городе».

Все трое детей дяди Климентия закончили прекрасные вузы страны и в дальнейшем занимались творческой работой.

Из письма Арнольда: *«Я тебе посылаю свой очерк «Памяти учителя» для того, чтобы ты имел представление о моей студенческой жизни, о профессии физика-теоретика, педагога, профессора».*

Вступление из очерка моего двоюродного брата А. К. Мороча «Памяти учителя»:

«Вот уже более четверти века на моем рабочем столе, под стеклом, большой фотопортрет. Правильный овал, глубокий пронизательный взгляд чуть прищуренных глаз, плотно сомкнутые улыбающиеся губы, такой знакомый нос с тремя глубокими поперечными складками у основания, пышная копна вьющихся седых волос - очень удачный снимок дорогого Учителя, маститого профессора Казанского университета, члена - корреспондента АН СССР, всемирно известного ученого, создавшего казанскую научную школу физиков, Семена Александровича Альтишулера».

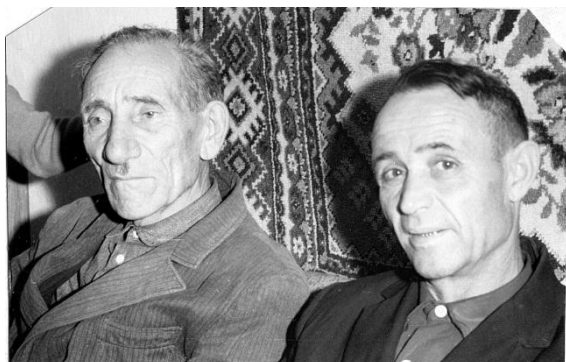
Сестра Арнольда Элеонора, инженер-химик, занималась разработкой проектов предприятий химической промышленности, а затем осуществляла контроль в местах строительства, выезжая в командировки. Вторая сестра Арида и сейчас живёт в Н-Тагиле и возглавляет отделение КПРФ города. Вот такие судьбы у детей, родители которых подвергались в разной степени репрессиям.

На фото Элеонора и Слава Ильины. Их провожают Киня и тётя Маруся. Рядом брат Лоры Арнольд.

Некоторые мои размышления о репрессированных народах. Если на фронте боец дезертировал или, струсив, не шёл в атаку, это часто кончалось расстрелом, и даже без суда. А как быть с народом, который организовал воинские подразделения, воевавшие на стороне противника? И эти войска поддерживало большинство населения. Думаю, что товарищ Сталин проявил верх гуманизма и здравого смысла и практически спас эти народы. Я в данном случае пишу о крымских татарах и чеченцах. Да и переселение немцев Поволжья большинству из них спасло жизнь. Их почти не призывали в действующую армию. Также как и в случае с моим дядей Климентиём.

И немного о жизни младшего брата моего отца – дяди Коли. Когда мои родители образовали семью, дяде Коле было 12 лет, и подростковый период его жизни прошёл в семье моего отца. Им, конечно, помогала бабушка Вера. Даже я слышал его слова благодарности моей маме за заботу о нём.

Дядя Саша Иванов – муж тётки Вари и дядя Коля. На втором снимке тётка Клава с дочерью Верой и невесткой Тасей. К ним присоединилась Вита.

Получив профессию шофёра, дядя поехал работать на Кубань и создал там семью. В 1936 году родилась дочь Неля. Призыв в армию. В 1939 году рождается сын Борис. Война с Финляндией, и совсем близко Великая Отечественная. Повезло – дядя остался жив и не очень изранен. После войны в 1946 году родился сын Володя и далее – дочь Вера.

Работал дядя в большой кубанской станице заведующим гаражом. Был очень уважаемым человеком и работником. Но две войны не прошли бесследно. Дядя частенько выпивал. Как-то эта привычка повлияла и на детей. Сегодня, к большому сожалению, в живых осталась одна Неля, которой в этом году (2011) исполнилось 75 лет.

Братья уважительно относились друг к другу. Переписывались. На моей памяти дядя Коля несколько раз бывал в Мариуполе. Впервые я его увидел совсем маленьким. Очень меня привлекали его ордена и, особенно, орден Красной звезды.

Борис ещё при жизни родителей переехал в Мариуполь, а тетя Клава с детьми переехала в город Новороссийск после смерти дяди Коли.

В 1954 году родители летом отправили меня в станицу Новоплотнировскую к дяде на отдых, совмещённый с трудовым воспитанием. Мне было 12,5 лет, когда я месяц проработал в огородной бригаде. Об этом я ещё напишу подробно позже. Разговаривая с Аридой, живущей в Н-Тагиле, я узнал, что она тоже гостила у дяди Коли. В жизни поколения моих родителей трудовое воспитание стояло на первом месте.

1931 – 1941 – годы жизни в Мариуполе.

Родственники помогли лошадью и телегой для переезда родителей в Мариуполь. Почему был выбран Мариуполь, что из имущества у них было с

собой, и кто их приютил в первые дни, сейчас можно только догадываться. Возможно, на выбор нового места жизни повлияло начавшееся в Мариуполе строительство металлургического гиганта – завода «Азовсталь». Родителям высылку отменили, но клеймо «раскулаченных» за ними закрепилось надолго. На огромной стройке легче было затеряться и иметь гарантированную работу.

Из статьи – «История Мариуполя в Советский период»:

«2 февраля 1930 года Президиум ВСНХ СССР принял постановление о строительстве нового металлургического завода в Мариуполе, и город превратился в громадную строительную площадку. Главной стройкой стал металлургический завод «Азовсталь» на левом берегу Кальмиуса возле сёл Бузиновка (сейчас — территория комбината «Азовсталь») и Троицкий (Гнилозубовка) — руководил стройкой директор завода имени Ильича Я. С. Гугель (начальником «Азовстальстроя» был до января 1931 года). Выбор места строительства происходил довольно долго: проектом Гипромеза предусматривалось строительство нового завода на площадке бывшего «Провиданса» (осенью 1929 года). Против были Яков Семёнович Гугель и Антон Северинович Точинский — технический директор, который 4 декабря 1929 года на заседании правления «Югостали» доказал, что площадка завода «Б» мала для будущего гиганта. И только 26 января 1930 года (согласно публикациям Приазовского пролетария) техсовет «Югостали» признал нецелесообразным проект Гипромеза. Идею строительства завода поближе к морю — выходу к керченской руде поддержал и председатель ВСНХ В. В. Куйбышев».

Маме дважды пришлось увольняться с работы из-за доносов. При этом руководители предприятий, зная её как хорошую работницу, сожалели об этом. А маме очень нравилась работа в коллективе, но в дальнейшем так сложилась жизнь, что она осталась домохозяйкой и всегда завидовала женщинам, работавшим на предприятиях.

В начале жизни в Мариуполе сложным оказался поиск жилья. Желающие сдать комнату были, но, узнав про двух детей, отказывали. Им пришлось за короткий период поменять несколько комнат. Часто мама с содроганием вспоминала этот период жизни: «Когда мы жили на блоку в сырой, проходной комнате»... Жили бедно. Спасала рыба».

Мама в 30-е годы. Вторая справа.

В основном это была тюлька и, как деликатес, головы бычков. Оказывается Верхний и Нижний блоки – это посёлки города Мариуполя.

Справка: 5 мая 1939 года, согласно постановлению президиума Сталинского облисполкома, в связи со значительным расширением

территории города в Мариуполе организовался Молотовский районный совет в составе: северной части города от улицы имени Ленина, включая ее северную нечетную сторону, и биржевого спуска до реки Кальчик, Правого берега и поселков Аджахи, Новосёловка, Парковый, Кальчанский, Верхний блок, Нижний блок, Садки 4-го и 5-го районов.

Название «блок» было связано с находившимся рядом железнодорожным блокпостом.

В этот период свободная территория на правом берегу в районе Блокпоста стала интенсивно заселяться новыми горожанами: через мост на левый берег р. Кальмиус было рукой подать до работы на новостройке, а рабочим поездом отсюда было легко добраться как до Заводской площадки, так и до центра Мариуполя. Две улицы, возникшие на небольшом косогоре у ж. д. переезда – Верхний Блок и Нижний Блок, были просто обречены получить «железнодорожные названия».

Папа начал работать на строительстве завода «Азовсталь» обычным рабочим. Но вскоре появилась необходимость у руководства стройки организовать собственное сельхозпроизводство для улучшения питания всё возрастающей армии строителей завода. Понадобились знающие село и образованные руководители. Отцу предложили возглавить техническое подразделение сельхозхозяйства.

Семья перебралась в сельскую местность, и жизнь постепенно стала налаживаться. Сейчас мне трудно сказать, где находилось хозяйство. Мама часто вспоминала сёла Сопино, Широкино и Саханка. Но это могли быть сёла, где мама подрабатывала перед войной и после неё.

Я совершенно не знаю деталей этого периода жизни родителей, и как они вернулись в Мариуполь. На решение вернуться в город сильно повлияло желание мамы отдать учиться детей в городскую школу. Выйдя замуж за образованного парня, она очень хотела дать своим детям хорошее образование. В 1935 году Аза должна была пойти в школу, и её с бабушкой Верой отправили в город Нижний Тагил, где в это время жил и преподавал брат отца Климентий. Поездка получилась неудачной. Аза училась, но при этом часто болела. На следующий год Аза и бабушка вернулись в Мариуполь. В это время для строителей завода ускоренно строилось жильё, и выделялись участки земли под самостоятельное строительство.

Из истории города Мариуполя: «С началом строительства завода «Азовсталь» на Левом берегу реки Кальмиус к имеющимся старинной казацкой станции Успеновка и посёлку Троицкому (Гнилозубовка) добавились новые микрорайоны (посёлок Бузиновка и хутор Косоротовка были уничтожены при строительстве завода): частный сектор Первомайского посёлка и так называемые 2-й, 3-й и 6-й участки государственной застройки нового так называемого Соцгородка (или «Азовсталь»). Активно застраивался и Правый берег, по которому тогда была единственная дорога с мостом через Кальмиус на Левый берег, кроме того, Правый берег являлся ближайшим районом расселения строителей

«Азовстали», который был связан с центром города трамвайным сообщением (с 1933 года)».

В посёлке Первомайск родителям был выделен участок земли размером 4,5 сотых гектара для индивидуального строительства. К 1939 году на этом участке отец построил маленький дом. Рядом с нами получили участок тётя Варя с дядей Сашей. И через один участок построил дом двоюродный брат отца дядя Федя Принц (происхождение такой фамилии мне не известно).

Жизнь стала улучшаться: свой дом, огород, сад, коза. Сёстры учились в хорошей школе. И хорошо учились. Мама приходила счастливая после родительских собраний, поскольку на моих сестёр остальным ребятам предлагали равняться. Конечно, материальное положение семьи было скромным, но после всего пережитого настроение у всех было хорошим. **В шестидесятые годы, окружающие меня люди старшего поколения единодушно отмечали, что жизнь перед войной была хорошей.**

Понятие хорошей жизни у предвоенного поколения существенно отличалось от поколения периода реставрации капитализма. Им было с чем сравнивать. Большинство населения почувствовали себя народом, участниками грандиозных процессов преобразования страны. Преобразования затронули всё касающееся жизни людей.

Читая статью «История Мариуполя в Советский период», поражаешься тому, как много было сделано для людей. Жильё (или участок земли под застройку), школы, дома культуры, парки, театры и кинотеатры. Открылись новые больницы и разного уровня учебные заведения. Подрастающее поколение имело все возможности для учёбы, от школ фабрично – заводского обучения до рабочих факультетов и высших учебных заведений. В результате, большинство выдающихся главных конструкторов и руководителей ведущих отраслей промышленности (в большинстве созданной с нуля) вышли из глубинки. Многие – из многодетных семей.

Сегодня в России признаком хорошей жизни стали избыточно полные полки супермаркетов с залежалым (и в большинстве своём вредным для здоровья людей) товаром. И, конечно, безудержное потребление. Для этого манипуляция сознанием поставлена на высочайший уровень.

Особенно предвоенные пятилетки поражали весь мир своими темпами. В эти годы в капиталистическом мире (особенно в США), бушевал кризис.

О темпах индустриализации: *«Темпы индустриализации были небывало высокими (а сегодня они кажутся невероятными): с 1928 по 1941 год было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий. Промышленность по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможностям производства важнейших видов продукции вышла в основном на уровень развитых стран. Был осуществлен массовый выпуск самолетов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, синтетического каучука и т.д. Стала быстро развиваться оборонная промышленность с использованием оригинальных отечественных разработок».*

И в самом Мариуполе в это время:

«11 августа 1933 года в 3 часа 44 минуты была задута первая азовстальская домна № 1, а уже в 6 часов 19 минут 12 августа 1933 года пошёл первый её чугуун: завод «Азовсталь» вступил в число действующих предприятий. 17 октября 1933 года президиум ЦИК СССР присвоил заводу «Азовсталь» имя Серго Орджоникидзе. 17 февраля 1934 года задули вторую доменную печь имени Осоавиахима, 4 января 1935 года на «Азовстали» началась эксплуатация первой в СССР трёхсоттонной качающейся мартеновской печи № 1, в том же году дали сталь мартеновские печи № 2 и № 3 той же ёмкости, было развёрнуто строительство блюмингов, аглофабрики, прокатных цехов, ТЭЦ. К 1941 году на предприятии действовало 4 доменные печи (4-я введена в эксплуатацию 16 августа 1940 года), мартеновский цех с 6 качающимися печами (5-я самая мощная в Европе на 400 тонн была сдана в эксплуатацию 5 августа 1939 года, 6-я — построена перед самой войной — 8 апреля 1941 года), ряд вспомогательных цехов.

Рядом с заводом «Азовсталь» 27 сентября 1935 года первый кокс выдал Мариупольский коксохимический завод (первый агрегат — парокотельная завода работала ещё с 7 ноября 1934 года). В 1936 году на базе новых трубопрокатных цехов завода имени Ильича создается трубопрокатный завод им. Куйбышева.

В 30-е годы в Мариуполе начали действовать и другие новые заводы: металлоконструкций (с 13 октября 1935 года), рыбоконсервный (с 27 ноября 1933 года), радиаторный (с 1 июля 1933, единственный в СССР — на базе мариупольских мастерских), судоремонтный (с 1931 года, на базе путевых мастерских), значительно расширен завод по переработке слюды (бывший завод Шенвельдера), восстановлен кирпичный завод (бывший завод Хараджаева). Были построены также холодильник емкостью 50 тыс. тонн, крупнейший элеватор в порту на 2 тыс. тонн (с 1932 года). Строились новые цеха, объекты, модернизировалось оборудование, осваивались новые виды продукции на заводе им. Ильича: 12 августа 1931 года вступил в строй стан «750» проката «Б», а 1 июля 1933 года — цех холодной прокатки (сейчас — единственный на Украине, выпускающий оцинкованный лист), в декабре 1933 года — пущен второй маннесмановский (трубопрокатный) цех, в том же году — печь № 5 мартена «Б», а также котельный цех, восстановлен толстолистовой стан «1250» и реконструирована домна № 2. Преобразования коснулись и других предприятий города».

Из рассказа Мити Чередниченко: «В предвоенное время по праздникам и юбилейным датам проводились массовые мероприятия — концерты, соревнования, прогулки на кораблях по морю. И даже катание передовиков производства на самолётах. В большинстве случаев всё это для людей было

бесплатно. Большинство людей понимало, что власть реально работает для них и их детей».

Было и понимание почти неминуемой большой войны.

Из семинаров В. М. Фалина.

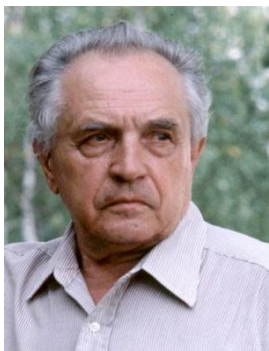
«В СССР с приходом к власти фашистов в Германии общим ощущением стало ожидание неизбежной войны. СССР по сути стал жить «военным бытом», и все происходящее в стране события и процессы того периода могут быть правильно поняты только с учетом этого главного фактора».

А как же с загадкой 1937 года? Об этом так много говорят и пишут. Даже Зюганов, руководитель КПРФ, преемницы КПСС, повинился за репрессии конца 30-х годов. Я думаю, что он поторопился это сделать.

Вспоминаю начало «перестройки» и тот вал грязи, вылитый на страницах газет, журналов в адрес всего советского, и особенно И.В. Сталина. На телевидении и в книгах. Советская власть объявлена преступной, Сталин – злодеем страшнее Гитлера, а построение Социализма – величайшей авантюрой, приведшей страну к неисчислимым бедствиям. Для меня это был настоящий шок. Я, обычно равнодушный к политике (хотя и был членом КПСС), стал читать много политической литературы. Прозрение наступало медленно. Появились уважаемые мною авторы: Сергей Кара-Мурза, Александр Зиновьев, Вадим Кожинов, Владимир Карпов...

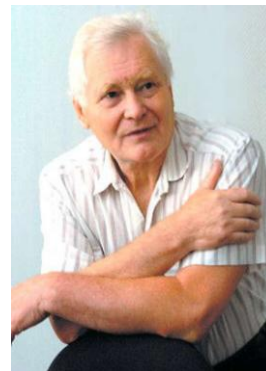
Так, читая А. Зиновьева, я согласился с ним, что КПСС не была политической партией (в обычном понимании). Это, по мнению А. Зиновьева, была надстройка над государством, которая через своих членов партии, позволяла решать сверхзадачи, стоявшие перед страной. И это позволило СССР в кратчайшие сроки стать второй сверхдержавой в мире. А. Зиновьев даже ввёл в обиход понятие «сверхобщество».

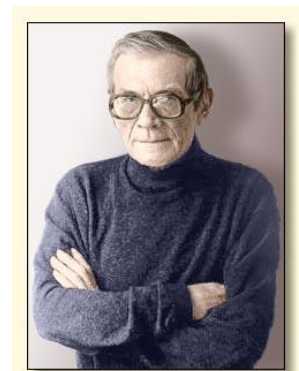
А. Зиновьев.

В. Карпов.

С. Кара-Мурза.

В. Кожинов.

Из всех публикаций на тему 1937 года, суть происходившего прояснила книга Вадима Кожина «Россия 20-й век, гл. 14 и 15». Я рекомендовал бы прочитать её каждому, кто считает Россию своей страной. Попробую скомпоновать отрывки из главы 14-й для первичного понимания логики и методов исследования настоящего учёного.

Те, кто заняты ныне, главным образом, выявлением «палачей» и, с другой стороны, «жертв» 1937 года, едва ли способны приблизиться к пониманию сути дела, — так же, как и те, кто видят главного или даже единственного «палача» в Сталине, в его личном характере и индивидуальной воле. То, что происходило в 1937 году, было своего рода завершением громадного и многогранного движения самой истории страны, начавшегося примерно в 1934 году, после периода коллективизации. За краткий срок страна очень резко, можно даже сказать, до удивления резко изменилась. Хотя знающим историю России в XX веке нет оснований особенно удивляться быстроте колоссальных перемен в стране.

В. Кожин построил логику своего исследования, на анализе книги Льва Троцкого «Преданная революция». Опубликована она была в 1936 году за границей. Рассматриваются статьи Георгия Федотова, также эмигрировавшего из России. Выводы В. Кожина подкреплены публикациями невозвращенцев, сотрудников НКВД. Авторы могли писать то, что считали необходимым.

В сочинении же «Преданная революция» Троцкий явно ставил перед собой задачу понять ход самой истории, а не личные сталинские «козни».

«Троцкий конкретизировал понятия «реакция» и «контрреволюция» непосредственно на «материале» жизни СССР в середине 1936 года: «...вчерашние классовые враги успешно ассимилируются советским обществом... — писал он. — Ввиду успешного проведения коллективизации «дети кулаков не должны отвечать за своих отцов»...» Мало того: «...теперь и кулак вряд ли верит в возможность возврата его прежнего эксплуататорского положения на селе. Недаром же правительство приступило к отмене ограничений (это началось в 1935 году. — В.К.), связанных с социальным происхождением!» — восклицал в сердцах Троцкий».

«Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки (то есть в 1929-1933 годах. — В.К.), школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери... Этот метод означал потрясение родительского авторитета в самых его основах. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой (о грехе прелюбодеяния. — В.К.), пятая (о почитании отца и матери. — В.К.) заповедь полностью восстановлена в правах, правда, еще без бога... Забота об авторитете

старших повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии... Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен... По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап».

«Наконец, возмущался Троцкий, «советское правительство... восстанавливает казачество (выделено самим Троцким. — В.К.), единственное милиционное формирование царской армии (имелось в виду постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 года. — В.К.)... Восстановление казачьих лампасов и чубов есть, несомненно, одно из самых ярких выражений Термидора! Еще более оглушительный удар нанесен принципам Октябрьской революции декретом (от 22 сентября 1935 года. — В.К.), восстанавливающим офицерский корпус во всем его буржуазном великолепии... Достоинно вниманья, что реформаторы не сочли нужным изобрести для восстанавливаемых чинов свежие названия (в сентябре 1935 года были возвращены отмененные в 1917-м звания «лейтенант», «капитан», «майор», «полковник». — В.К.)... В то же время они обнаружили свою ахиллесову пяту, не осмелившись восстановить звание генерала» (с. 182, 185). Впрочем, Троцкий, который был убит 20 августа 1940 года, успел убедиться в последовательности «реформаторов»: 7 мая 1940-го и генеральские звания были возрождены»...

«Загадочность» 1937 года во многом обусловлена тем, что открыто говорить, о неприятии совершившегося с 1934 года поворота было, в сущности, невозможно: ведь пришлось бы заявить, что сама власть в СССР осуществляет контрреволюцию! Но именно об этом и заявляли находившиеся за рубежом Троцкий и, — хотя и с совершенно иной оценкой — Георгий Федотов».

Об этом пишут и другие «невозвращенцы».

«Один из руководящих деятелей ОГПУ-НКВД Александр Орлов (урожденный Лейба Фельдбин), ставший в 1938 году «невозвращенцем», рассказывал позднее, что начиная с 1934 года «старые большевики» — притом, как он отметил, «подавляющее большинство» из их среды, — приходили к убеждению: «Сталин изменил делу революции. С горечью следили эти люди за торжествующей реакцией, уничтожавшей одно завоевание революции за другим».

«Все высказанное отнюдь не было оригинальной личной «версией» Орлова. Так, еще один «невозвращенец», сотрудник НКВД Игнатий Рейсе (Натан Порецкий), писал 17 июля 1937 года, что СССР является «жертвой открытой контрреволюции» и тот, кто «теперь еще молчит, становится... предателем рабочего класса и социализма... А дело именно в том, чтоб «начать все сначала»; в том, чтоб спасти социализм. Борьба началась... (в сентябре 1937

года Рейсе был разыскан в Швейцарии группой под руководством специально присланного из Москвы виднейшего деятеля НКВД Шпигельгласа и убит)».

«То же самое согласно утверждали и другие тогдашние «невозвращенцы»: Вальтер Кривицкий (Самуил Гинзбург), по словам которого в СССР осуществляют «ликвидацию революционного интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции» (там же, с. 284-289), Александр Бармин (Графф), объявивший, что в СССР произошел «контрреволюционный переворот» и «Каины рабочего класса... уничтожают дело революции» (там же, с. 289), и т.д. (в некоторых из процитированных высказываний «контрреволюционный» поворот целиком приписан личному своеволию Сталина, но, как уже не раз говорилось, это заведомо примитивное объяснение; Троцкий и Федотов справедливо видели в совершившейся метаморфозе воплощение объективной исторической закономерности послереволюционной эпохи, а не индивидуальный произвол)».

В. Кожин проводит сравнение с событиями на Первом съезде Советов в июне 1917 года.

«Ленин на заседании Первого съезда Советов (большевики составляли там незначительное меньшинство — менее 10 процентов) объявил, что его партия готова взять власть в России. Между тем очевидец, известный литератор Вячеслав Полонский, вспоминал в 1927 году, «как в июне 1917 года Первый съезд Советов хохотал над заявлением Ленина... несколько минут, которые показались мне очень долгими, съезд не мог успокоиться от хлынувшего на него веселья» Однако не прошло и полгода, как «весельчаки» вынуждены были осознать свою полнейшую недалекость»...

«Скорее всего, именно долгим хохотом встретили бы делегаты XVII съезда партии, избравшие 9 (февраля 1934 года новый состав ЦК, чье-либо заявление о том, что в близком будущем почти две трети членов избранного ими верховного органа власти расстреляют «свои»... Но, повторяю, террор 1937 года — это только один из результатов совершившейся с 1934 года политико-идеологической метаморфозы, хотя, конечно, наиболее поражающий ее результат»...

В. Кожин – почему во внутрипартийной борьбе победил Сталин?

«Троцкий, ставя вопрос, «почему победил Сталин?», ответил так: «каждая революция вызвала после себя реакцию или даже контрреволюцию». Суть дела заключалась в закономерном ходе истории после любой революции, а не в «индивидуальной» идеологии и политике Сталина, который, правда, сумел, так или иначе, понять реальную «динамику исторических сил».

Когда РСФСР в 1920 году оказалась в состоянии войны с Польшей, с поляками как нацией, председатель реввоенсовета Троцкий отправил командовать сражениями почти весь интернациональный сонм победителей в «классовых битвах». Руководили польской войной Гай (Бжишкян), Гамарник, Корк, Лазаревич, Мясников (Мясникян), Раковский, Розенгольц, Смилга, Тухачевский, Уборевич, Якир и другие — в числе их и Сталин-Джугашвили. Но в единоборстве со сравнительно небольшой польской нацией они потерпели настолько сокрушительное поражение, что пришлось отдать Польше громадные территории Украины и Белоруссии, возвращенные лишь в 1939 году... Нельзя исключить, что Сталин, испытавший на себе горечь поражения 1920 года, в конечном счете, извлек из него важный урок...

Господствует мнение, что гибель в 1937-1938 годах всех (кроме Сталина) перечисленных руководителей прискорбной войны с Польшей привела к крайне тяжким последствиям в 1941 году. Но это, надо прямо сказать, весьма спорный вопрос. Гитлер, который отнюдь не был лишен проницательности (хотя это принято отрицать), в конце войны неоднократно говорил об одной из причин победы СССР: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников»...

О масштабах репрессий

«Суть дела отнюдь не в замещении «злых» людей «добрыми», а в глубоком изменении самого политического климата в стране — изменении, которое медленно, но все-же совершалось в течение 1939-1952 годов. В последнее время были наконец опубликованы «совершенно секретные» документы о политическом терроре второй половины 1930 — начала 1950 годов. Количество смертных приговоров, хотя оно и не имеет ничего общего с пропагандируемыми до сего дня — в том числе с телеэкрана, — нелепыми цифрами в 5, 7, 10 или даже 20 миллионов (выше цитировались иронические слова эмигрантского демографа С. Максудова о том, что согласно подобного рода «цифрам» к 22 июня 1941 года «все взрослые мужчины СССР погибли или сидели за решеткой. Все и немного больше...»), конечно, было все же громадно: в 1937-1938 годах — 681 692 человека были приговорены к смерти»...

Но затем — в 1939-1952 годах — происходило последовательное уменьшение масштабов террора. Во многих сочинениях утверждается обратное: что-де Сталин, старея, все более разнузданно злодействовал. И поскольку о нескольких «процессах» последних лет его жизни — Ленинградском деле, расправе над Еврейским антифашистским комитетом, судилищах над рядом военачальников и деятелей военной промышленности, деле кремлевских врачей и т.д. — написано очень много, создается впечатление, что террор все нарастал или, по крайней мере, не ослабевал до 1953 года.

Между тем вот всецело достоверные цифры о количестве смертных приговоров, вынесенных в течение трех пятилетий после 1937-1938 годов «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления»: в 1939-1943 годах - 39069 приговоров, в 1944-1948-м — 11 282 (несравнимо меньше, чем в предыдущем пятилетии), в 1949-1953-м — 3894 приговора (в 3 раза меньше предыдущего пятилетия и в 10 раз (!) меньше, чем в 1939-1943-м).

Разумеется, даже и последняя цифра страшна: в среднем около 780 приговоренных к смерти за год, 65 человек в месяц! Но вместе с тем очевидно неуклонное «затухание» террора — без сомнения, подготовившее тот отказ от политических казней, который имел место после смерти Сталина (кроме казней нескольких десятков «деятелей» НКВД — МГБ).

Эти сопоставления лишний раз показывают, что «объяснение» террора личной волей Сталина совершенно неосновательно; есть множество свидетельств о крайней «подозрительности» и своеволии вождя именно в последние годы его жизни, а между тем масштабы террора все более сокращались. Речь должна идти о закономерном изменении самого бытия страны, самого господствующего в ней, как уже сказано, политического климата».

В. Кожин о восстановлении юридических принципов.

Как известно, следствие НКВД (конечно, фальсифицированное) и судебные разбирательства «дела» Зиновьева и других длились полтора года — и это было «новым», в сравнении с 1918 годом, явлением... 1937 год самым диким образом соединил в себе восходящую к первым революционным годам стихию беспощадного террора и восстанавливаемые — пусть даже формально — юридические принципы, которые вплоть до 1934-1935 годов начисто отвергали «старые большевики» типа Крыленко и Сольца.

1937 год как возмездие.

«Один из людей моего круга, П. В. Палиевский, еще на рубеже 1950-х-1960-х годов утверждал, что 1937 год — это «великий праздник», праздник исторического возмездия. Много позднее человек совершенно иного, даже противоположного мировосприятия, Давид Самойлов написал: «Тридцать седьмой год загадочен. После якобинской расправы с дворянством, буржуазией, интеллигенцией, священством, после кровавой революции сверху (был страх, но не было жалости), произошедшей в 1930-1932 годах в русской деревне, террор начисто скосил правящий слой 20-30-х годов. Загадка 37-го в том, кто и ради кого скосили прежний правящий слой. В чьих интересах совершился всеобщий самосуд, в котором сейчас (это пишется в конце 1970-начале 1980-х;

раньше люди этого типа думали иначе. — В.К.) можно усмотреть некий оттенок исторического возмездия. Тех, кто вершил самосуд, постиг самосуд».

«Существенно, что даже «либеральный» идеолог понял, в конце концов, необходимость признать этот смысл 1937 года – смысл возмездия (пусть даже, как говорится, скрепя сердце: «некий оттенок»). Перед нами масштабная и глубокая тема».

Владимир Карпов в книге «Генералиссимус» в главе «О репрессиях».

Он рассматривает эту тему под другим углом зрения, как военный и писатель. Тема репрессий противниками Советской власти поднимается и используется сегодня как основное доказательство преступности социалистической революции и, конечно, И. В. Сталина.

Из книги В. Карпова.

«Репрессии проводились во всех революциях и восстаниях. Это уже считается закономерным: приходят к власти новые силы, они убирают прежних сопротивляющихся властителей и их приближенных. В России после революции чистка от представителей старого строя затянулась на несколько лет. В числе репрессируемых, как возможных врагов революционных преобразований, истребляли "буржуев", бывших офицеров, жандармов, кулаков, священнослужителей. Но, повторяю, политическими деятелями, а позднее историками, это воспринималось как естественное для революции явление, протест вызывали только масштабы.

Репрессии, о которых пойдет разговор, проводились в мирное время и были своеобразной аномалией для революции. Происходило нечто непонятное: репрессировались не только представители старого царского строя, а революционеры начали истреблять своих же соратников-революционеров, с которыми свергали царя и защищали молодую республику на фронтах гражданской войны».

В. Карпов несколько раз встречался с В.М. Молотовым, ближайшим соратником Сталина, беседуя на многие темы.

«Однажды Молотов подробно рассказал, на мой взгляд, о самом главном — о репрессиях:

— Вы должны понять, прежде всего, то, что репрессии являются следствием борьбы за власть, с одной стороны, и уничтожением вражеской агентуры, в которую превратились троцкисты, с другой стороны. Еще до революции в партии произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Идейные разногласия приводили не только к словесным битвам за

формулировки каких-то программ, решений и постановлений. Борьба велась и за руководящее положение в центральных органах партии.

После революции были в партии два течения, которые продолжали борьбу уже в новых условиях, но, в конечном счете, и это было соперничество за власть — я имею в виду ленинцев и троцкистов.

Сталину досталось очень тяжелое наследство: опытный, талантливый руководитель Троцкий с его могучей организацией (многие государственные и партийные посты занимали его единомышленники). Для того чтобы справиться с ними, Сталину необходима была опора на людей, которые его поддерживали бы.

В тридцатые годы у Сталина еще не было авторитета, необходимого для Генсека. Поэтому во всех своих делах и выступлениях он подчеркивал, что является продолжателем дела Ленина. Авторитет Ленина служил ему опорой. Ленинцы объединялись вокруг Сталина в борьбе с троцкистами.

Надо не упускать из виду, что Сталин и его сторонники в те годы были стороной, которая защищалась от нападков троцкистов.

При неукротимой энергии Троцкого, его напористости и эрудиции Сталину очень нелегко приходилось в неравной борьбе. Сначала все шло в словесных битвах. Затем Иосиф Виссарионович, будучи человеком крутым и решительным, стал кроме говорильни и дискуссий применять власть. Ну а власть, как вы знаете, оружие очень сильное. Сталин свалил и выслал самого Троцкого и принялся выкорчевывать его сторонников. А их было много! И они оружия не сложили. Троцкий продолжал руководить своей оппозицией из-за рубежа. Ставилась задача: не только свержение Сталина и его соратников, но и физическое устранение. Троцкисты первыми перешли к террору — убийство Кирова стало апогеем в этой их черной затее. Но Сталин после убийства Кирова тоже показал зубы и даже клыки!

Что бы сегодня ни писали, ни выдумывали о причастности Сталина к убийству Кирова, все это неправда, попытка обелить троцкистов. Сталин по-настоящему дружил и высоко ценил Сергея Мироновича.

Ну а потом пошло и поехало. Как снежный ком с горы. Сталин истреблял своих врагов в центре, а на местах угодники, желая выслужиться перед Генсеком, выискивали врагов в республиках и областях. А заодно, оказывается, «убирали» и своих недоброжелателей, людей чем-то неудобных местной власти»...

И мнение самого Сталина: *«В одном выступлении на Пленуме Сталин изложил причины репрессий. Первую из них он указывает ту же, о которой мне сказал Молотов в нашей беседе. "В стране боролись две программы — непримиримые, как смертельные враги, стоящие одна против другой. Две программы, два лагеря. С одной стороны — оторванная от народа и враждебная народу маленькая кучка людей, ставшая агентами иностранных разведок (троцкисты. — В. К.), с другой стороны — трудящиеся, строящие*

светлое социалистическое общество, обеспечивающее им свободную и сытую жизнь" (сталинисты.— В. К.).

Другой причиной расширения репрессий Сталин считал следующее: «...среди коммунистов существуют еще не вскрытые и не разоблаченные отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии».

В. Карпов считал, что «Сталин хорошо знал историю и готовил страну к обороне, очищал ее от враждебных сил, он был осведомлен о действиях оппозиции внутри страны и проникающей из-за рубежа агентуры».

«Леон Фейхтвангер, не будучи военным деятелем, очень точно и метко написал в своей книге: «Главной причиной, заставившей руководителей Советского Союза провести этот процесс перед множеством громкоговорителей, является, пожалуй, непосредственная угроза войны. Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае — ссылать... Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность».

А вот что писал бывший американский посол в СССР. 1941 год.

«После нападения Германии на Советский Союз его спросили: «А что Вы скажете относительно членов «пятой колонны» в России?» Он ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». Дэвис говорит далее: «Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935—38 гг. являются возмутительными примерами варварства, неблагоприятности и проявлением истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

После подробного изложения планов Бухарина и его сподвижников — троцкистов — Дэвис пишет: «Короче говоря, план этот имел в виду полное сотрудничество с Германией. В качестве вознаграждения участникам заговора должны были разрешить остаться на территории небольшого, технически независимого советского государства, которое должно было передать Германии Белоруссию и Украину, а Японии — приморские области и сахалинские нефтяные промыслы».

Дэвис заявляет также, что советское сопротивление, свидетелями которого мы в настоящее время являемся (боевые действия 1941 года. — В.

К.), было бы сведено к нулю, если бы Сталин и его соратники не убрали предательские элементы».

В. Карпов заостряет внимание на огромной роли сионизма во фракционной борьбе внутри партии в период предшествовавший репрессиям.

«Обобщая, подводя итог «сталинским репрессиям», оппоненты из троцкистов заявляют: Сталин уничтожил «ленинскую гвардию».

Так ли это? Вспомним, что говорил сам Ленин о «гвардии», которую репрессировал Сталин. Например, Зиновьева и Каменева еще в 1917 году за предательство Ленин назвал «политическими проститутками», а в «завещании» писал: «Это не является случайностью». Следовательно, Ленин предвидел систематическую анти партийность Каменева и Зиновьева.

О Бухарине, наряду с его талантливостью, Ленин отмечает: «его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое, он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики».

О Пятакове Ленин пишет: «Он не тот человек, на которого можно было положиться в серьезном политическом вопросе». Говорил и о самом «Иудушке Троцком», с его, по определению Ленина, «не большевизмом», «его борьбой против ЦК», «чрезмерной самоуверенностью» и «чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела», неоднократным предательством. Прежде всего это была многотысячная Еврейская коммунистическая партия с ее сионистской сутью, влитая в ВКП(б) усилиями троцкистов, — перекрасившиеся эсеры, бундовцы и прочие, которые тоже стали объектом «сталинских репрессий».

Разве можно всех, перечисленных выше, называть «ленинской гвардией»? Наверное, более точное название этим проникшим в большевистскую партию было бы — «сионистская гвардия Троцкого».

«И если это так (а это именно так), то «сталинские репрессии» обретают совсем иной смысл и направленность: Сталин вынужден был защищать страну и партию от враждебных действий оппозиционеро-заговорщиков. Он долго вел эту защиту в дискуссиях и спорах. И только когда встал вопрос о «дворцовом перевороте» и уничтожении большевиков-руководителей, Сталин перешел к решительным мерам, которых требовала создавшаяся ситуация».

«Результатом репрессий, проведенных Сталиным, был не только разгром троцкизма и всяких антисоветских и антирусских блоков и оппозиций — главная победа Сталина, по масштабам исторически стратегическая, фактически это разгром сионизма на территории Советского Союза. Одержав победу над сионизмом, Сталин избавил тем самым народы, населяющие Советский Союз, от порабощения не менее опасного, чем гитлеровское фашистское нашествие.

Если бы победу в «политической войне» 20-х — 30-х годов одержали троцкисты, ход истории в нашей стране сразу обрел бы форму истинного порабощения и истребления коренного населения, наподобие того, что происходит сейчас, начиная с 90-х годов, в нашей стране.

«Многие страдания, горе и трудности всех народов, населяющих советскую страну, лежат на совести заговорщиков и предателей. Не будь их, строительство нового общества и жизнь людей, несомненно, проходили бы более благоприятно, безболезненно и плодотворно. Не было бы массового истребления коренных жителей России (в основном русских) при троцкистском извращении и насильственном насаждении коллективизации. Не истребляли бы кулачество как класс. Не сбивались бы с толку участники революции, и особенно молодые коммунисты, в бесконечных дискуссиях и провокационных обвинениях Сталина и его сторонников. Не было бы массовых арестов за антисоветские разговоры. Из-за этих спровоцированных троцкистами массовых арестов возникла у людей потребность самозащиты, которая проявилась в доносах, наущничестве, стукачестве, ложных обвинениях и прочих подлостях».

«Переполненные тюрьмы и лагеря в 20-х и первой половине 30-х годов — это последствие деятельности оппозиционеров. Причем сами они породили волну «преступлений» и сами же карали, находясь в органах НКВД, прокуратуры, судах и лагерях».

Мнение моего однокурсника Юры Пестова, которого уже нет с нами. Отрывок из его письма 2006 года:

«Теперь о матушке России. Большой семье нужен отец, и он был до марта 1953 года. И. В. Сталин – православный христианин, сделал всё, что мог и не дал утонуть державе в клоаке различных «измов». Делал он это мудро – сводил бесов так, что они уничтожали друг друга. Очищал землю естественным путём.

России необходимо возвращаться «домой» на свой естественный путь развития, начиная от земли. Расселять жителей равномерно по территории страны не в больших городах, а в маленьких поселениях, и жить гармонично с природой и животным миром. Земли и ресурсов на всех хватит, а природа сама отрегулирует количество и качество.

Земной шар, галактика, космос – это живое разумное существо, и мы должны быть достойны этому разумному началу. А тем, чем занимаются сейчас людишки, есть прихоти и похоти, а это великий грех перед матерью природой».

Хорошо помню реакцию СМИ на публикацию книги В. Карпова «Генералиссимус». В чём только не обвиняли автора. Больше всего в оправдании им «злодея» Сталина и, конечно, в антисемитизме. Но очень быстро шум прекратился. Книга – исследование, практически документальное произведение,

не оставляла «критикам» больших шансов обвинить автора во вранье. И очень скоро в тех же СМИ о ней перестали вспоминать.

Думаю, что В. Кожин и В. Карпов очень хорошо в своих исследованиях дополнили друг друга.

Интересны мысли очень любимого в нашей семье поэта и прозаика Константина Симонова о периоде репрессий. Честный человек, переживающий за свою страну, особенно глубоко стал размышлять на эту тему после 20-го съезда КПСС, прошедшего 14—25 февраля 1956 года. На этом съезде Н. С. Хрущёв на закрытом заседании выступил с докладом «О культе личности И. В. Сталина».

Развенчание Сталина понадобилось Хрущёву в своих корыстных интересах, чтобы не выглядеть пигмеем после такого титана, каким был Сталин.

Многие люди в стране, глубоко не задумываясь, восприняли это событие положительно. Появилось даже такое понятие, как «Хрущёвская оттепель».

1979 год. Четверть века прошло после смерти Сталина. К. Симонов серьёзно болен, считает необходимым, написать «Размышления о И. В. Сталине». Сложно даётся ему эта рукопись. Ведь эта книга и о его жизни, и жизни страны. В книге глубоко описано изменение взгляда Симонова на жизнь в стране, которая очень сильно зависела от решений, принимаемых Сталиным, особенно после 1929 года, когда он стал полновластным руководителем страны.

Рукопись названа «Глазами человека моего поколения». И, конечно, даже в 1979 году у Симонова не было возможности познакомиться со многими документами, обнародованными в настоящее время. И, тем не менее, книга напечатанная уже после смерти писателя (умер К. Симонов 28. 08. 1979 года) представляет огромный интерес, как для историков, так и для обычных граждан, считающих Россию своей страной.

Несколько фрагментов из книги: *«В прошлом году минуло четверть века со дня смерти Сталина, а между тем мне трудно вспомнить за все эти теперь уже почти двадцать шесть лет сколько-нибудь длительный отрезок времени, когда проблема оценки личности и деятельности Сталина, его места в истории страны и в психологии нескольких людских поколений так или иначе не занимала бы меня — или непосредственно, впрямую, в ходе собственной литературной работы, или косвенно в переписке с читателями, в разговорах с самыми разными людьми на самые разные темы, не так, так эдак приводивших нас к упоминаниям Сталина и к спорам о нем.*

Из сказанного следует, что Сталин — личность такого масштаба, от которой просто-напросто невозможно избавиться никакими фигурами умолчания ни в истории нашего общества, ни в воспоминаниях о собственной своей жизни, которая пусть бесконечно малая, но все-таки частица жизни этого общества.

Народ, победивший в такой войне, как Великая Отечественная, партия, приведшая его к победе, армия, разгромившая наголову сильнейшую в мире гитлеровскую армию, могут позволить себе не бояться говорить полную правду обо всех этапах этой победоносно окончившейся войны, в том числе и о самых тяжелых ее этапах!

Часть этой сложной правды о войне, без готовности встретиться с которой литератору незачем и приниматься за историю войны, связана с ролью Сталина в руководстве войной. Наш долг — объективно, с помощью документов и живых свидетельств, изучить и проанализировать эту роль со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая и не преуменьшая ни масштабов хорошего, ни масштабов дурного, не очень крупных масштабов самой этой личности.

Думается, вряд ли верно опускать в современных публикациях фамилию Сталина под теми или иными документами, подписанными им как Верховным Главнокомандующим. Или в ряде случаев — я говорю о тех случаях, когда речь идет персонально о нем, — заменять его имя словом «Ставка»: «Ставка» решила, из «Ставки» позвонили».

Это была попытка осмыслить парадокс: хорошая жизнь перед войной и репрессии. Осмысление через труды уважаемых мною исследователей того периода и собственную логику обычного человека (технаря 70-летнего возраста). Осмысление более чем 70-летнего периода строительства Советского государства, это не «чёрная дыра», и не сворачивание со «столбовой дороги развития цивилизованных стран», а реальный опыт, который необходимо использовать всему человечеству, ускоренно движущемуся к своей гибели. Особенно мне жаль Россию.

Послевоенный период: детские ясли и садик

1946 год. Мне четыре года. Из Германии стали приходить от папы письма и даже иногда посылки. Пожалуй, первые мои воспоминания связаны с красочными немецкими открытками, которые папа обязательно вкладывал для меня в эти послания. На открытках были изображены хорошо одетые дети за каким-нибудь занятием. И обязательно – воспитательное письмо. Открытки потом долго висели на стене. Наверное, поэтому и запомнились. Наша обстановка в доме разительно отличалась от картинки, изображённой на открытках.

Мы жили своей послевоенной прозой жизни. Как-то ночью я проснулся и увидел не спящую маму в полном оцепенении. Потом мне рассказали, что в эту ночь из нашего сарая украли козу. Вход в сарай находился во дворе, и мама побоялась выйти из дома. Сёстры в эту ночь, похоже, не ночевали дома. Аза рассказала, что шкуру и другие остатки козы нашли в балке. Потеря козы – это невозполнимая утрата для семьи.

С серьёзными приключениями я и мама встретили Новый 1947 год. В доме печное отопление. Нам выделялись талоны на топливо (дрова и уголь), которые ещё нужно было суметь удачно отovarить, а потом экономно расходовать. Мама с

утра укладывала в печи в определённой последовательности: бумагу, дровишки и уголь. У каждой печи свои особенности, которые учитывались при укладке топлива. Оставалось из поддувала поджечь бумагу спичкой. Затапливали печь перед обедом. К этому времени в доме становилось достаточно прохладно. А перед сном требовалось определить момент и прикрыть заслонку на вытяжной трубе, чтобы дольше сохранить в доме накопленное тепло.

Сёстры ушли встречать Новый год к друзьям. Мама с прикрытием заслонки что-то не учла. Спали я и мама на одной кровати, и когда угарный газ в кухне, где мы спали, достиг опасной для жизни концентрации, я в полубессознательном состоянии стал переползать через маму, разбудив её. Ползком, добравшись до дверей, мама открыла их. Дальше возле нас суетились тетя Варя с дядей Сашей, и пришли сёстры. Помню, что нас заставляли долго ходить вокруг дома, глубоко дыша, а мне не хотелось. Была сильная слабость и холодно. Позже, вспоминая этот случай, родители рассказывали, что в нашем посёлке были и случаи смертельного исхода от угарного газа.

Государство, конечно, старалось помогать людям, особенно имеющим детей. Думаю, что все дети после войны были на учёте. Так я посещал и ясли, и детский сад. Это притом, что мама была домохозяйкой. Помогали и общественные организации. Я уже писал, что директор школы, где учились мои сёстры, нашёл для мамы подработку, и она шила для армии одежду.

В памяти смутно сохранились воспоминания о возвращении отца из Германии в 1947 году. Он появился в доме ночью и по этому случаю меня разбудили. Жизнь с папой в семье стала веселее. Папа вначале работал в бригаде по ремонту автотехники, а потом перешёл на предприятие «Машинопрокатная база», где занимался нормированием работ. Эта работа, конечно, больше подходила ему. И по состоянию здоровья, и по близости к дому, и по образовательному уровню. Мои сёстры шутили: «Наш папа стал инженером», на двери его комнаты была надпись «Инженер по труду».

В послевоенный период дипломированных инженеров ещё было мало. На инженерных должностях работали практики с большим стажем, хорошо делающие своё дело. Но их активно стали заменять на молодых специалистов, окончивших институты. На этой почве возникало много обид. Много руководителей поступало в вечерние и заочные институты, чтобы получить диплом о высшем образовании.

Но и с отцом жили мы очень бедно. Зарплата 620 рублей на четверых. Когда я в 16,5 лет после окончания школы пошёл работать на завод (приняли меня сразу слесарем ремонтником четвёртого разряда, благодаря родственным связям), мне платили 460 рублей. Это было в 1958 году. В 1965 году после окончания института мне платили 115 рублей, а Вите (моей жене) 105 рублей 50 копеек. Сравнить можно, потому что в СССР цены на основные продукты и товары первой необходимости почти не менялись. Исключение было при И. В. Сталине. В 1948 году экономика достигла довоенного уровня и каждую весну объявляли о новых сниженных ценах, при небольшом росте зарплат. На некоторых товарах цена была выштампована или нарисована.

Люди привыкли к снижениям и в дни объявления новых цен сидели у репродукторов с карандашами и бумагой. Это всё немного облегчало жизнь. У мамы все траты тщательно просчитывались. Но мы не голодали. Зарплату выдавали день в день. И когда один раз зарплату задержали на два дня, папа спросил у мамы, из чего она готовит обед. Папа дополнительно зарабатывать не мог из-за слабого здоровья. Мама не могла пойти работать из-за детей и старалась зарабатывать дома, обычно шитьём на старой швейной машине с ножным приводом немецкой фирмы «Singer». Шила соседкам платья. Папа иногда приносил заказы от предприятия. Однажды ей пришлось шить зимние утеплители на капоты знаменитых автомобилей «ЗИС-5». Маме очень нравилось шить. Это такой творческий процесс, который даёт быстрый результат, а хорошо сшитая вещь надолго поднимает настроение у портного и его заказчика. Хороший анекдот на эту тему. Известному портному (конечно еврею) заказывают сшить костюм. Он делает замеры, выслушивает пожелания, назначает время примерки и говорит, что костюм будет готов через три недели. Забирая костюм, довольный заказчик интересуется, почему такой мастер шил костюм так долго, ведь Бог сотворил целый Мир всего за неделю. Ответ: «Так вы посмотрите на этот Мир и на мой костюм».

Мама очень жалела, что ей не удалось учиться кройке и шитью. Шила долго, с нервными издержками. А заказчицы были убеждены, что она профессионал. Маме очень хотелось, чтобы я выбрал профессию портного. Но меня привлекал завод.

Много заказов было на бурки (разновидность сапог для холодного климата). После войны шились упрощённые бурки из плотной ткани снаружи, тонкой внутри и ватой между ними. Для экономии ваты добавлялись обрезки от старой одежды. Для шитья изделия такой толщины нужна профессиональная швейная машина, а наш старенький «Зингер» постоянно протестовал. Отец долго возился с ним. Он по природе был не технарь, да и инструментальные возможности ограничены. Но как-то машина работала. Начав работать на заводе, «оживлением» швейной машины стал заниматься я.

Две половинки бурок сшивались обратной стороной, и потом изделие приходилось выворачивать. Жалко было смотреть на маму при этом. В средних классах школы это поручалось мне. Позже достаток у людей возрос, и уже бурки (такого типа) и ватники перестали носить. Ватники ещё долго выдавались рабочим как спецодежда. В то время в голову людям не приходило, что в будущие «сытые» времена изделия из хлопка будут очень востребованы.

Существенной добавкой в бюджет нашей семьи было почти бесплатное подсолнечное масло. У предприятия, на котором работал отец, была договорённость с одним из колхозов о взаимопомощи, наверное, оформленная юридически. Колхоз сеял подсолнечник, и для предприятия выделялся кусок засеянного поля. Вначале лета работников предприятия вывозили на поле и уже поделённые участки разыгрывались. Оставалось эти участки пару раз прополоть и осенью убрать урожай. Для вывоза мешков с выколотыми из шляпок подсолнечника семечками тоже выделялся грузовик. Так продолжалось почти все

школьные годы. Урожая с трёх соток хватало, чтобы пользоваться подсолнечным маслом весь год.

Я был активным участником этого процесса. Однажды во время уборки урожая мы с мамой заночевали на поле вместе с другими людьми. Сделали из бодыльев подобие шалаша. Перед сном мама рассказала несколько историй из жизни, при этом точно определяя время по звёздам. Тогда она показала мне несколько созвездий, и теперь, когда я смотрю на эти созвездия, они связаны с мамой. Вот такой подарок, который нельзя измерить никакими деньгами.

В другой раз, загрузив машину мешками с урожаем и усадив на них женщин, мужчины пошли домой пешком, а это около 20 км. По дороге на большой бахче сторож позволил за пригоршню мелочи и курево, сорвать, сколько хотим, арбузов. Но много не унесёшь. Чтобы веселее идти, кто-то начал пересказывать произведение «Вий» Н. В. Гоголя. Рассказчик оказался хороший. Когда мы подошли к посёлку и стали расходиться, то остаток пути уже в темноте я мчался бегом. Таково воздействие на человека настоящего художника и отличного рассказчика.

Климат после войны продолжал оставаться резко континентальным — сильные морозы с большим количеством снега зимой и сухое жаркое лето. Снежные заносы и отсутствие коммунальной техники усложняло даже подвоз продуктов в магазины. Для расчистки дорог местным самоуправлением привлекалось население, причём со своим инструментом.

Однажды за ночь выпало так много снега, что отец не смог открыть входную дверь. Пришлось ему выбираться через окно с наветренной стороны дома, где было меньше снега, чтобы отгрести снег. Лето обычно было жарким и сухим. Особенно засушливым оказалось лето 1946 года.

Из истории города Мариуполя:

«Серьёзные испытания пришлось пережить жителям Мариуполя и Мариупольского района — голод 1946—1947 годов. Капитальные вложения в восстановление и развитие аграрного сектора были гораздо меньше, чем в промышленность. В марте 1946 года в соответствии с указом Президиума Верховного Совета УССР, из состава Мариупольского района выделился новый сельскохозяйственный Приморский район (центр — Приморское, сейчас — Сартана), в который вошло 22 колхоза. В ведении Мариуполя осталось 5 колхозов (3 886 га, в том числе 3 062 га пахотной земли). Лето 1946 года оказалось очень засушливым: вместо ожидаемого урожая в 11,1 ц с 1 га оказалось 2,1 ц с 1 га (по озимой пшенице), вместо 8,2 ц — 4,8 ц (по яровой) и т. д. Только для одного города недоставало более 10 тыс. тонн овощей и 1,5 тыс. тонн картофеля. Зимой 1947 года начался падёж скота. Вводилась карточная система на продукты питания. Однако официально случаев смерти от голода по городу не было зарегистрировано. Урожай осени 1947 года и последующих лет был достаточно высоким, что позволило быстро преодолеть последствия голода 1946—1947 годов. 16 декабря 1947 года в СССР была проведена первая послевоенная денежная реформа и была

отменена карточная система снабжения. В 1948 — 1951 годах ежегодно цены на товары снижались от 10 % до 13 %».

Меня в это время водили в детский садик, в который мне не хотелось ходить — сейчас непонятно по каким причинам. Наверное, стремление к воле, а садик — это распорядок. Я рос под присмотром сестёр. На вопрос, заданный Азе, что ей больше всего запомнилось в оккупации, оказалось — моё рождение. Они играли со мной, одевали в сшитые ими платья. Но я тогда этого не ценил.

Из рассказа Рони. Мама отправила её на дневную дойку в стадо. Кроме нашей козы ей поручили ещё подоить соседскую козу. Роня захватила меня с собой. Усадила меня на траву и, подоив нашу козу, поставила бидон с молоком рядом со мной. Пока она доила вторую козу, я наш бидон опрокинул.

Иногда одна из сестёр отводила меня в садик. Я уже одетый шёл к калитке, и, когда выходила сестра, меня у калитки не было. Я бежал в противоположную сторону от дороги к садику. Расстояние до садика пешком около 2,4 км. По дороге к садику я обычно останавливался у каждой колонки с водой и пил воду. При входе в калитку садика упирался в неё руками, не желая идти дальше. Мама и сёстры сердились (у всех было много дел), а воспитатели и заведующая успокаивали их — перерастёт, это мальчик. Я считался трудным ребёнком и в 6,5 лет меня решили отдать в школу.

В возрасте 5 — 6 лет, при хорошей погоде, меня часто отпускали домой одного (по просьбе мамы). В 1946 году мои продуктовые карточки выдавали прямо в садике. Однажды воспитательница завернула их в мой носовой платок красного цвета. Переходя большую насыпь, я стал размахивать платочком, представляя, что это флаг. Домой я пришёл без карточек. Это была по тем временам серьёзная потеря.

Но чаще детей отправляли в садик на рабочем поезде. От нашего посёлка к заводу «Азовсталь» проложили железнодорожную ветку. И по ней ходил рабочий поезд, состоявший из паровоза и нескольких «теплушек». Теплушкой в СССР в годы Великой Отечественной войны назывался товарный вагон с печкой, приспособленный для перевозки людей.

Несколько семей договорились между собой и по очереди отвозили нас в садик. В теплушке я всегда старался стоять у перекладки в проёме вагона. И даже в этом случае нас часто отпускали домой одних. Как-то после садика я шёл к поезду вместе со своей будущей одноклассницей Раей Рыбалко. Ещё было светло, но на небе висела яркая, притягивающая взор луна. Пока мы ехали (три км.), наступили сумерки, а луна как бы осталась на прежнем месте. Детское разгильдяйство сочеталось во мне с любознательностью. А прогулки с Раей по дороге из садика в школе переросли в первую юношескую влюблённость, не имевшую взаимности.

Ещё воспоминания, связанные с садиком. Подойдя однажды после садика на заводскую площадку, я увидел, что рабочие «берут» вагоны штурмом и попасть в них у меня нет никакой возможности. И тут взрослый мужчина, тоже не попавший в вагон, поднял меня и через головы других людей бросил в вагон, где

находился его знакомый. Широкой природы были многие люди, уцелевшие после такой кровопролитной войны.

И второй случай. Зима 1947 года с большими морозами и сугробами. Мама с опозданием забирает меня из садика. И хотя понимает, что поезда уже не будет, принимает решение идти домой по железнодорожному пути. По нему длиннее, но меньше снега и труднее сбиться с пути. Одежду нашу можно назвать зимней только условно. Темнота, метель с ветром и ребёнок, сдерживающий движение. На середине пути мы увидели старика, тоже бредущего в нашем направлении. Так что маме пришлось ещё помогать и старику. Маме в 1947 году было 42 года. Сёстры дома не знали, что делать. На всякий случай держали тазик с холодной водой, зная, что обмороженные конечности лучше согревать постепенно. Обошлось без обморожения.

Рядом с садиком был расположен парк, в который мы строем ходили на прогулки. Как ни странно, но в нём после войны сохранились большие деревья. Росла и разновидность акации с длинными колючками. Бегаю, я наступил на такую колючку, которая проткнула обувь и пятку. Колючку вынули, пятку чем-то смазали, но через день она очень распухла. И маме на себе пришлось нести меня в местную поликлинику, где мне сделали маленькую операцию. А вот как мы добрались после операции домой, не помню. Отсутствовали тогда телефоны, такси. Скорая помощь, наверно, была, но вызывали её крайне редко. А мама? «Так своя ноша не тянет». А расстояние до поликлиники – 800 метров по пересечённой местности.

Ш К О Л А

1948 год. Аза учится на первом курсе медицинского института в городе Харькове. Роня заканчивает 10-й класс. Папа работает, но часто болеет. Уже не война, но жизнь очень трудная. После долгого семейного совета Роню тоже отпускают на учёбу в институт. В этом плане мама непоколебима. Роня собирается учиться в Харькове.

Аза и Роня студентки.

Рядом с сестрой удобнее, и родителям спокойнее. Большая часть семейной нагрузки продолжает лежать на маме. А тут ещё шаловливый, но «расприединственный» сынок, не проявляющий сознательности.

Решили попробовать раньше времени отдать меня в школу. В сентябре 1948 года мне исполнилось ровно шесть с половиной лет. Руководство школы дало добро, не став из-за полугода делать проблемы. Родители и учителя единодушно

решили, что школьная дисциплина и необходимость учиться хорошо на меня повлияют. Повлияло на принятие решения и уважение к моим родителям, которые воспитали моих сестёр. Аза окончила школу с золотой медалью, а Роня с одной четвёркой. «Спортсменки, комсомолки, общественницы и просто симпатичные девушки», о которых, воспитывая, мне часто напоминали учителя. Тогда я немного злился на эти напоминания, но очень быстро понял, какое это счастье иметь таких близких людей.

Мама долго советовалась с учителями и с дочерьми, в какой из двух первых классов меня записать. Приняли решение записать в класс с более строгой учительницей. Когда я самостоятельно пришёл первого сентября в школу, нас построили по классам. Я увидел, что в классе, в который меня поставили, совершенно незнакомые ребята. А в другом классе ребята с соседних улиц, с которыми я был знаком. Пока шла торжественная линейка, я тихо перешёл к своим ребятам. Обнаружилось моё самовольство при переключке в классе. Никто не стал меня отправлять в другой класс. После торжественного первого школьного дня учителя решили этот вопрос между собой и моей мамой. Меня оставили в классе, который выбрал я.

Некоторые размышления и сравнения школы в СССР с современной школой. Ещё в тридцатых годах для всей страны был выбран «университетский» принцип преподавания в школе, совмещённый с воспитанием. Воспитание подрастающего поколения осуществлялось с вовлечением в этот процесс родителей.

С. Г. Кара-Мурза. «Советская цивилизация». Том второй.

«Известный американский психолог и педагог Ури Бронфенбреннер, пишет в своей книге, переведенной на многие языки: «Основное различие между американскими и советскими школами состоит, на наш взгляд, в том, что в советских школах огромное значение придается не только обучению предметам, но и воспитанию. Для данного термина в английском языке не существует эквивалента.

Для нового, буржуазного западного общества требовался манипулируемый человек массы, сформированный в мозаичной культуре. Буржуазное общество нуждалось в массе людей, которые должны были заполнить, как обезличенная рабочая сила, фабрики и конторы. Школа, «фабрикующая субъектов», не давала человеку стройной системы знания, которое бы его освобождало и возвышало. Той системы знаний, которая учит человека свободно и независимо мыслить. Из школы должен был выйти «добропорядочный гражданин, работник и потребитель». Для выполнения этих функций и подбирался ограниченный запас знаний, который заранее раскладывал людей «по полочкам». Таким образом, эта школа оторвалась от университета, суть которого именно в целостности системы знания».

Сегодня Россия внедряет в области образования почти всё наработанное Западом, теряя передовые позиции, которые были в советское время. В жизни

поколения моих родителей и в моём поколении профессия учителя вызывала уважение. Для моей мамы самая большая похвала была, когда дочери говорили, что она говорит всё так, как их классная руководительница.

Программа преподавания для всех школ страны была одинаковой, и поэтому возможности поступления в ВУЗ у хорошо учившихся выпускников любой школы были равные. Реально, конечно, школы были с разным уровнем преподавательского коллектива и взаимоотношений внутри него.

1948 год – это третий год после окончания войны. Школа №51, разрушенная перед освобождением города, восстанавливается, и мы в маленьком, условно приспособленном здании учимся в две смены. Сейчас мне трудно понять, как там помещались дети двух больших рабочих посёлков. Наверное, уплотнили школу №40, расположенную на третьем участке соцгорода завода «Азовсталь». Знаю, что в советское время каждый ребёнок школьного возраста обязан был учиться. В начале 70-х годов в стране ввели обязательное десятилетнее образование.

К началу второго класса нашу школу восстановили, и мы торжественно вошли первого сентября в свои классы, ещё пахнувшие краской. Школа находилась между двумя посёлками имени Первого Мая (в обиходе Первомайск), старым и новым. Большие рабочие посёлки индивидуальной застройки. Сейчас город разросся во все стороны, а после войны за нашими посёлками начинались колхозные поля.

Хочу отметить, что в советское время школы всегда были приоритетными объектами у строителей. Перед первым сентября там был аврал. Организовывались и субботники, и намеченные к вводу школы обязательно торжественно открывали свои двери перед учениками и их учителями. К восьмидесятым годам ставилась задача отмены вторых смен. В глубинке не везде ещё могли себе позволить такую роскошь.

В 1962 году, будучи студентами, мы прошли в лыжном походе неделю по дикой тайге при морозах ночью до 50-ти градусов. Когда мы вышли к посёлку, в местной школе нам освободили один класс, чтобы мы могли нормально отдохнуть и даже натопили баню, нагреваемую по-чёрному. Суть в том, что в школе было всего два класса. В одном вместе обучались дети с первого по четвёртый классы, во втором – с пятого по седьмой. Школы не закрывали, как сейчас, из-за нерентабельности. И тем более никому не могло прийти в голову,

что школа даёт (понимай, продаёт) «образовательные услуги». И какая широта души и доброты была у русских людей, особенно живущих на Севере, чтобы для незнакомых ребят отменить занятия в школе, хоть и на один день! О плате речи, конечно, не шло.

Учительница первая моя – Александра Фёдоровна, запомнилась добротой и спокойствием. И все четыре года я учился без троек, и маму редко вызывали в школу для разбирательства моих проступков. Один, условно,

проступок запомнился. Идя в сентябре в школу, я увидел за оградой созревший стручковый горький перец. Он «полыхал» на солнце, как огонь. Я дотянулся к нему через ограду и сорвал – скорее как произведение природного искусства. Придя в школу, я показал перец соученику. Он подержал его и вернул назад, а потом потёр глаз. Кончилось моё безобидное приобщение к «искусству» рёвом моего одноклассника и вызовом в школу моей мамы.

Александра Фёдоровна почему-то жила одна в маленькой комнате при школе, вход в которую был с дальнего торца школы. Я однажды был у неё в комнате, не помню, по какой причине. А сам этот факт запомнился. Школа наша находилась далеко от центра города и в «частном секторе». Укомплектовать её преподавателями высокого уровня - дело сложное. Большинство учителей, работавших в школе, жили в наших посёлках или в соседних участках соцгорода Левого берега. Вот Александру Фёдоровну уговорили работать, выделив комнату.

Все, вполне объективные причины комплектования преподавательского состава определили и уровень преподавания. Школьную программу мы, конечно, прошли полностью, но знания, которые я получил, не допускали и мысли, что я могу поступить в ВУЗ. Справедливости ради, хочу отметить, что прилежные ученики смогли поступить в московские вузы. Из моего класса поступили Лёня Пофралиди и Клава Елисеева.

В школу я ходил без внутреннего протеста (в отличие от пребывания в садике). Нравилось быть в коллективе ребят. Нравилась предметы с наглядной сутью. Например, физика, геометрия. Немного меньше математика. В конце учёбы - астрономия. Интересовали история и география. И совсем не нравились предметы, в которых приходилось многое просто запоминать. Я умудрился окончить школу, совершенно не зная французского языка, даже чтения на нём. Не намного лучше обстояло дело и с грамматикой русского и украинского языков. С литературой отношения были сложнее. Я полностью не прочитал ни одного произведения по программе школы. Хотя читал я много. Родители даже пробовали запрещать чтение. Что-то в программе преподавания и в уровне преподавания отдельных учителей было не так. Сейчас бы пойти учиться в школу...

Однажды со мной и Лёней Орловским произошёл комичный случай. На уроке литературы нам написали на доске темы сочинений. Не помню сейчас точно своего преподавателя русской литературы. Возможно, это была Мария Павловна Балабанова, мама моей соученицы Люды Балабановой. Я с трудом выбрал себе тему попроще, и начались муки творчества, больше похожие на технологический процесс. Что-то в этом процессе я придумал сам, а что-то узнал от других. Школьный учебник, пара книг по теме сочинения и тетрадки по литературе моих хорошо учившихся сестёр. Из всего понемногу и что-то своё, написанное простыми предложениями, и сочинение готово. Лёня попросил посмотреть мою тетрадку с сочинением и попросту переписал его один к одному. Учительница, раздавая тетради с проверенными сочинениями, комментировала большую часть из них. Оценка наших сочинений была краткой: «Прочитала я сочинение Гены Марача и поставила за него четыре. Лёне Орловскому, сочинение которого читалось позже, я поставила двойку. Разбирайтесь сами, кто у кого

списал». Думаю, что учительница с большим стажем, профессионал, прекрасно поняла, как мною было написано сочинение, и кто у кого списал. Важна была воспитательная сторона дела.

В противовес современной пропаганде об ущемлении изучения украинского языка в советское время, школ с преподаванием на украинском языке было много, даже на востоке Украины. Родители, предполагавшие дальнейшую учёбу своих детей в вузах, даже переводили их в последних классах в русскоязычные школы. А литературу мы читали совершенно свободно на русском и украинском языках.

Уменьшилось ли количество моих шалостей в школе? Конечно. Но это были именно шалости. Когда маме говорили, что я балованный, она удивлялась, подразумевая, что в нашей очень скромной трудовой жизни нет возможности баловать ребёнка.

Не помню случая, чтобы я когда-то осмысленно сделал плохо ребятам или учителям. И, тем не менее, меня иногда выставляли из класса, и я бродил по коридорам школы, стараясь не попасть на глаза директору или завучу школы. Иногда кого-нибудь из прилежных учениц во время урока отправляли за мамой. Мне до сих пор их жалко. Вместо тёплого класса и интересного урока (по крайней мере, для них) они топали по грязи (если это была осень или весна) 740 метров. И маме идти в школу по той же грязи. Очень долго наш посёлок жил без тротуаров и в распутицу трудно было ходить даже в резиновых сапогах. И только к середине школы местное самоуправление обязало сделать каждого домовладельца возле своего дома тротуар. Вот такие работы мне нравились, и я активно помогал своему отцу, попутно приобретая трудовые навыки.

Некоторые запомнившиеся проступки, связанные со школой. ... В пятом классе на уроке истории кто-то из ребят меня отвлекал, и после второго замечания Григорий Иванович попросил меня выйти из класса. Я стал возражать. И тогда старый человек стал меня силой вытаскивать из-за парты. Потом меня девчонки долго стыдили, особенно упирая на то, что учитель – герой Гражданской войны.

В шестом классе у меня появился «личный враг», второгодник Жора Шилов. Крепкий парень часто дёргал меня, а я быстро заводился. Осилить я его не мог, но чувство человеческого достоинства во мне родилось раньше меня. Я иногда мог кинуться в драку с более сильными ребятами, когда те мучили кошку, не думая о последствиях. И однажды перед уроком меня так довёл Жора, что я схватил чернильницу и запустил ею в него. Мы все тогда носили с собой чернильницы – непроливайки и писали ручками с металлическим пером. Жора увернулся, а чернильница разбилась о косяк входной двери, в которую входила учительница. Можно представить её состояние и почти полностью ставшим непригодным платьем.

В седьмом классе на большой перемене я наблюдал из открытого окна класса, расположенного на втором этаже, за проходившими внизу ребятами. На тротуаре внизу была выбоина. У меня возникла мысль, а смогу ли я попасть в эту выбоину бросив сверху стул. И бросил, убедившись перед этим, что никого из ребят в это время внизу не было. Трудно объяснить этот поступок. Ещё

неконтролируемая детскость или зарождающийся исследователь... Пришедший к началу следующего урока директор произнёс одно предложение: «Кто это сделал?» И увёл меня с собой. Выслушав, не стал меня воспитывать (может он лучше меня понял произошедшее происшествие). Приговор: «Отправляйся на урок, а стул заберёшь и вместе с отцом отремонтируешь».

В восьмом классе. Нас стали приобщать к военному делу на уроках начальной военной подготовки. Военруком у нас был Герой Советского Союза. Я, уже мечтавший стать лётчиком, записался в стрелковый кружок и быстро выдвинулся на первые роли из-за серьёзного подхода к делу. То, что мне нравилось, я делал хорошо. Школе принадлежал большой участок земли, на котором были расположены сад, огород и что-то ещё. Военрук пробил на этом участке строительство тира длиной в 50 метров. И его построили по всем правилам. Там мы стреляли по мишеням из малокалиберной винтовки. Ездили на городские соревнования между школами. Однажды возле мишени сел воробей, по которому я не удержавшись, выстрелил. Воробей остался жив, а я отделался серьёзным внушением. А зимой мы стреляли щёточками (такая многоразовая пуля, заострённая с одного конца и щёткой из волоса сзади) в классе. Я был старшим группы ребят стрелкового кружка. Стрелять по мишени стало скучно, и я решил вместо мишени выстрелить во входное отверстие чернильницы непроливайки, поставленной на жёлоб классной доски. Кисточка попала точно в отверстие, но при этом отвалилось доньшко чернильницы. Чернило, как-то вымыли, и мою самостоятельность удалось скрыть. А во второй раз мне пришла идея выстрелить кусочком пластилина по горячей лампочке накаливания, считая, что мягкий пластилин просто прилипнет к стеклу. Любя физику, я ещё плохо знал её законы. Стекло лопнуло с громким звуком заполнившего пустоту воздуха, после чего мы ещё пару секунд наблюдали ярко горящий вольфрам в кислороде воздуха. После этого меня два месяца не допускали в кружок.

Анализируя в зрелом возрасте свои проступки, считаю их особенностями, заложенными во мне природой в сочетании с реальной жизнью. А начало учёбы в шесть с половиной лет - и хорошо, и плохо. Поговорка «перемелется, мука будет» сработала. К концу школы маму уже не вызывали в школу из-за моего поведения. После школы я с удовольствием работал на заводе, приобретая трудовые навыки. После института стал хорошим инженером - исследователем. И эти наклонности сформировались в школе и в семье. Политика государства сыграла не последнюю роль.

Для мамы школа, вуз были храмом, своего рода религией. Начальная школа, зима и мороз 24 градуса. Мама, утепив меня насколько возможно, отправляет в школу. Иду в школу по совершенно пустому посёлку. Дверь в школу закрыта и мне пришлось долго стучать, пока через стекло я увидел женщину, которая жестами показала мне, чтобы я возвращался домой. Оказывается, занятия из-за мороза отменили. Не могу понять, почему мне не открыли дверь, чтобы я мог немного согреться перед обратной дорогой.

Наверное, по радио было сообщение об отмене занятий. Но репродуктор в нашем доме появился только в 10-м классе. Почему так поздно? Папа после работы много читал, а у мамы столько забот было по дому, что вопрос о радио не

возникал. Наши скромные экономические возможности тут не основная причина. А я часто не понимал, о чём говорят мои одноклассники, обсуждавшие услышанные по радио новости. Когда встретивший меня на улице Лёня Пофралаиди, стал рассказывать мне о 20-м съезде КПСС и культе личности Сталина, я не мог понять, о чём он говорит.

Но газету «Приазовский рабочий» мы выписывали, а в старших классах, по моей просьбе, и газету «Крылья Родины».

«Школьные годы чудесные, с дружбою, с книгою, с песнею»...

Конечно, была дружба. До школы - это ребята и девчонки со своей улицы. На другой стороне улицы жила многодетная семья, и я часто играл с их детьми. В своих домах всегда что-то ремонтировалось и достраивалось. И однажды я угодил в их дворе в бочку, наполненную блаком (что-то типа дёгтя или отходов нефтеперегонки). Этот блак наносили на фундаменты строений и на столбы в местах соприкосновения с землёй - для влагоустойчивости. Тогда, по бедности, всё шло в дело.

Пришёл я к маме, которой, глядя на сына ставшего негритёнком, было не до ругани. Трусы выбросили сразу, а блак ничем кроме керосина не смывался. Рёва было много...

Когда я учился в первых классах школы, соседи продали свой дом солдату, возвращавшемуся с войны на Алтай, где жила его мама и двое сыновей. Жена, наверно, погибла во время войны. Домой он не доехал. Создал семью в Мариуполе и забрал одного из сыновей в Мариуполь. Он привёл своего сына Славу Розинкина к нам во двор и определил его мне в друзья. Славка был на три года старше меня, и я стал его ведомым почти до окончания им школы.

**Слава Розинкин
и Лёня Орловский.**

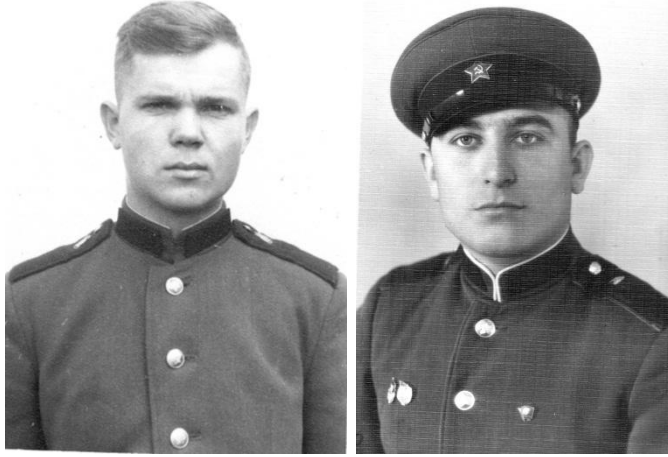
Интересный парень, наполненный разными идеями. Меня роль ведомого вполне устраивала.

Я всегда мечтал о старшем брате. Славку после девятого класса отправили к бабушке на Алтай, и он мне даже прислал одно письмо с фото. Сибирский здоровяк в валенках на фоне фермы. Пересеклись мы с ним в Мариуполе в мои студенческие годы.

Он был очень привязан к своей сводной послевоенной сестре. С интересом поговорили и даже, как принято, немного выпили. Студенческие годы меня завертели в огромном количестве интересных дел, и только в пенсионные годы я попробовал через сестру узнать о нём, но неудачно. Нашего первенца я и Вита называли Славкой.

В школе появились друзья по классу. Вначале Лёня Орловский, живший на соседней улице. Наши участки соприкасались углами, и поэтому я к нему бегал, перелезая через забор. В старших классах я сблизился с Толей Василевским и Геней Шабановым.

Толя Василевский и Гена Шабанов.

У Толи отец погиб, и мама его и дочь растила одна. С Толей мы часто вместе готовились к урокам. Он был на два года старше меня и, кроме уроков и некоторой помощи ему по ремонту дома, интересы наши мало пересекались. Он хорошо пел и на школьных вечерах обязательно участвовал в концертах. И сейчас многие песни нашей молодости у меня связаны с

ним.

На него заглядывались девушки, и он первым женился на пионервожатой нашей школы, его ровеснице. Я даже был на его свадьбе, которая длилась три дня, вначале в нашем посёлке, а потом в селе (об этом можно написать отдельный рассказ). И его первым из класса призвали в армию, причём проводы были в два захода. Служил он в составе наших войск в Германии и после срочной службы остался служить сверхсрочно. И работали после школы мы рядом, но об этом позже.

Дружить с одноклассниками в школе, было не принято. Нравы существенно отличались от современных установок СМИ. Кажется, в девятом классе мы разбирали на комсомольском собрании поведение Ларисы Абрамович, которую после уроков встречал парень, и провожал её домой. Особенно внимание заострилось на том, что парень не из нашей школы.

Но большинство моих знакомых в молодом возрасте создали семьи, родили детей (в среднем двоих) и спокойно их вырастили. Разводы среди моих знакомых – редкость. А вот по праздникам, начиная с восьмого класса, организовывались общие вечеринки (и даже с домашним вином).

В школе и в нашем посёлке было совсем мало возможностей для культурного и познавательного проведения свободного времени молодёжи. Спортивных секций тоже было мало. Появилось объявление о наборе в секцию классической борьбы в местном Дворце Культуры. Пришло человек пятьдесят и я тоже. Но после нескольких тренировок мне борьба не понравилась. В десятом классе в том же ДК отставной лётчик-энтузиаст организовал обучение полётам на планере. Это соответствовало моей мечте – стать лётчиком. Пришло около сотни человек,

и я с Геней Шабановым. В процессе теоретической подготовки отсеялось большинство. А после первых практических занятий нас осталось около 20-ти курсантов.

Однажды потребовалась поддержка нашему руководителю на городской конференции по вопросу выделения денег. И наша группа почти в полном составе поехала в другой конец города для поддержки. Дорога на двух трамваях с пересадкой. Зима и обычный мариупольский гололёд. Между двумя трамвайными маршрутами 1,2 км. Когда мы прошли это расстояние, оказалось, что по второму маршруту трамваи не ходят. И мы пешком, против ветра, по гололёду, трусцой, чтобы не опоздать на совещание, прошли ещё более пяти км. Похоже, наша поддержка помогла. Три больших завода города перечислили деньги на покупку учебных планеров БРО-11.

Простейший планер, поднимающийся в воздух резиновым амортизатором (как камень из детской рогатки). На старте планер специальной защёлкой цеплялся через кольцо к ввёрнутому в землю стопорному винту. Спереди у планера крючок, на который надевалось второе кольцо с привязанной к нему верёвкой, а далее амортизатор и ещё одна верёвка, в которую впрягались все свободные ребята. По команде руководителя ребята растягивают амортизатор на заданное количество шагов. Команда «Старт». Лётчик тянет за рычаг, защёлка открывается, и планер начинает движение. Первые метры движущийся планер поддерживается от заваливания помощником планериста. А далее, с набором скорости, начинают работать законы аэродинамики. Помощник не нужен, и ещё через мгновение планер круто поднимается вверх. Когда амортизатор прекращает тянуть планер, отдав всю запасенную в нём энергию, кольцо само соскальзывает с крючка, а дальше происходит свободный полёт и посадка. Планер тащат вручную к месту старта, и всё повторяется с другим планеристом.

Вначале обучения делаются пробежки по земле, затем подскоки и, наконец, полёт с набором высоты, переход в планирующий полёт, и, конечно, посадка. Высота подъёма до 10-ти метров. Постепенно все движения доводятся до автоматизма, и остаётся время взглянуть с высоты на окрестности.

Запомнился один зимний день. Нас на полёты пришло около 20-ти человек, и мы решили запускать планер двумя амортизаторами. Выпал маленький снег, схваченный сверху ледяной коркой. Амортизаторы растянуты в пределах их возможностей и человеческих тоже. Со старта, почти без пробежки, планер круто взмывает вверх и поднимается на высоту 25-ти метров. Такой высоты вполне достаточно, чтобы полюбоваться в искрящемся морозном воздухе панорамой завода Ильича и города, развернуться и посадить планер в месте старта. Правда, по ледяной корке планер ещё долго катился до остановки.

Прошли мы и теоретическую парашютную подготовку и даже собрали деньги на горючее для самолёта, который должен был прилететь из Донецка. Но что-то не сработало. Это уже было в период моей работы на заводе ТЯЖМАШ.

Чтение в школьные годы было моим любимым занятием. Я сам в третьем классе сходил в 40-ю школу и записался в библиотеку. В нашей школе библиотеки не было. Первая книга запомнилась. Это были «Приключения Гулливера». Мой папа любил чтение и брал книги из городской библиотеки.

Находилась она на улице 1-го Мая, рядом с 40-й школой. Он мне подсказал, что на этой улице есть вторая библиотека для детей, которую я стал посещать. Одна библиотека имени Пушкина, вторая – имени Крупской. Иногда мы с отцом ходили в них вдвоём, но, к сожалению, в выборе мною книг для чтения папа не участвовал. Этим больше занимались работники библиотеки. Много мною было прочитано книг о войне, и особенно нравилось читать о лётчиках. Чтение расширило мой кругозор и как-то помогало правильнее писать. Родителей даже в определённый момент стала волновать моя страсть к чтению. Так же, как и к игре в шахматы. К сожалению, и в шахматах у меня не нашлось наставника. Особых успехов я в них не достиг, и постепенно интерес к шахматам прошёл.

Большинство наших игр, неизвестно откуда бравшихся, были очень активными. Сейчас не вспомню, как они назывались. Совсем маленькими играли в прятки и в испорченный телефон. Постарше пробовали играть в футбол. Вначале мячом, сшитым из тряпок, а потом на собранные копейки купили резиновый мяч.

Организатором нашей игры был сын врача, немного старше нас, но у него была потребность возиться с нами. Когда я во время игры упал и сильно ударился животом, он, массируя меня, утешал, объясняя, что я будущий мужчина и должен терпеть боль. Его отец, единственный опытный врач, живший на нашей улице, никому не отказывал в скорой помощи в любое время суток. К моему отцу он тоже приходил несколько раз.

Ещё две игры. Одна команда становилась в круг, обнявшись за плечи, непрерывно перемещаясь при этом. Эту карусель охранял «пастух», который не позволял членам другой команды запрыгивать на спины вращающейся команды. Если парень, охраняющий карусель, успевал дотронуться до прыгающего мальчишки, команды менялись местами. Во второй игре нужно было прыгать через пригнувшегося товарища (как через «козла» в спортивном зале) как можно дальше и в месте приземления самому становиться, согнувшись. Следующий участник прыгал через двоих и т. д. Прыгающий после приземления должен был сразу (без переступания) прыгать через всех остальных. Через кого-то прыжок не удавался и оба падали. Ему приходилось становиться в начало цепочки.

Возникали и конфликты, так как судьями были мы сами. Иногда появлялся арбитр со стороны, обычно мальчишка старшего возраста. Однажды я сцепился с таким мальчишкой и, поскольку осилить его не мог, «сделал ноги», попросту стал убегать, а он по «законам жанра» – догонять. И, когда я уже был в своём дворе, считая себя в безопасности, мальчик бросил в мою сторону маленький камешек. Когда я повернулся посмотреть, что делает мой противник, камешек попал мне в лоб. Так и остался на память о детстве маленький шрам.

Появились игры требующие снаряжение, которое мы делали сами. Иногда отцы давали советы. Это – всем известные городки. Снаряжение наше только слегка напоминало заводское. Да и не видели мы тогда нигде настоящего снаряжения.

Вторая игра, более задержавшаяся у нас, с деревянным брусом квадратного сечения, слегка заострённым по краям, и плоскими деревянными битами. Называли мы её игрой в «цурку». Игра эта упоминается и в словаре Даля. На

южно-молдавском наречии это короткая палка. Я забыл все тонкости правил, по которым мы играли. Приведу выдержку из газеты «Аргументы и Факты. Украина».

«Дворовые игры мальчишек в послевоенное время соответствовали и времени, и месту. Например, игра «в стеночку». Один пацан бил о стену монетку, та отскакивала на землю и оставалась там, лежать. Другой проделывал то же самое, и затем, растопыривая пятерню, пытался накрыть указательным и большим пальцами обе монеты. Если ему это удавалось, обе монеты были его. Играли также в «ножички», «козла», «цурки-палки».

Игра в «козла» заключалась в том, что один человек становился у стены, а другие запрыгивали к нему на спину. Примечательной была концовка игры в «цурки-палки». Проигравший обязан был «маяться»: победитель бил большой палкой, которую держал в правой руке, по малой палке, которую слегка придерживал в левой. Малая палка отлетала на приличное расстояние. Проигравший обязан был добежать от места начала полета до места падения малой палки, схватить ее и принести обратно. Но главное, что при этом он должен был непрерывно кричать: «Цурки-палки», накувалки, на соломенные палки – на кулииииии!»

Игра в стеночку и в ножички не прижилась. И монет у нас не было, и уголовная романтика в рабочем посёлке нас не привлекала. Хотя иногда бывшие молодые уголовники нам кое-что рассказывали. А вот в «козла» играли. Только ребята разбивались на две команды. Одна команда выстраивалась у стенки или дерева, согнувшись, крепко обняв за талии, друг друга, а вторая команда по одному запрыгивала на спины первой. Если это у них не получалось, команды менялись местами. Был короткий период игры в пуговицы, хорошо описанный в книге В. Катаева «Белеет парус одинокий».

Большинство игр проходило на свежем воздухе, вырабатывало ловкость и силу. Между ребятами складывались товарищеские отношения, часто перераставшие в дружбу.

Дворовые игры дополнялись ещё и нашей «беспривязной» жизнью, в сочетании с трудовым воспитанием. Во время летних каникул, после выполнения возложенных на нас родителями постоянных дел и отдельных разовых поручений, нас ждала свобода. Даже больше – воля. Основные места нашего времяпровождения - это речка Кальмиус и Азовское море. Поев утром, мы возвращались домой около двух часов дня, прожаренные на солнце и уставшие. Мама к моему возвращению протирала наш глиняный пол водой, занавешивала на кухне единственное окно и выгоняла мух. Меня не нужно было уговаривать поспать днём. После простого обеда я сразу проваливался в сон в прохладной комнате. Наверно, отсюда пошло выражение в пионерских лагерях – «мертвый час».

На море все ребята научились плавать и опять без помощи взрослых. Благодатное Азовское море и в отношении обучения плаванию очень удобно.

Чтобы достичь глубины нашего роста, нужно пройти не менее ста метров. Причём

глубина увеличивалась не равномерно, а волнами. Идёшь по приятному песчаному дну до глубины по пояс, а дальше глубина уменьшается. Потом опять глубина увеличивается.

*Я с сёстрами на Азовском море.
Аза, Лина, Люся и Роня.*

Итак, не менее четырёх мелей пока уровень воды не станет по шею. Вот и молотишь воду руками и ногами пока не начинаешь ощущать, что вода тебя немного держит. Так и хвастались друг перед другом, кто до какой мели добрался. Держаться на воде мы, вроде, научились, но настоящей уверенности в себе не было.

Несколько случаев связанных с морем.

Смешной. В начальных классах я оказался на пляже рано утром. Вода очень тёплая, пляж пустой, на мне майка и трусы. Оставив майку и трусы под грибком, я решил искупаться. Немного увлёкся и когда ползком добрался до берега, одежды под грибком не было. Осмотрел из воды соседние грибки, одежды нет. Людей на пляже всё больше. Вода в Азовском море даже при небольшом волнении мало прозрачна. Мне пришлось пролежать в воде не менее двух часов, пока я увидел знакомого мальчишку. К счастью, на нём, кроме трусов, были ещё и штанишки.

Относительно опасный. На том же пляже ребята старшего возраста пригнали большой рыбацкий баркас с двумя вёслами. В него забралось ещё с десяток ребят. Я тоже из интереса оказался в нём. Ведь это так интересно - пройтись по морю на настоящем баркасе. Я думал, что они пройдутся по морю и вернутся назад. Тяжёлый баркас в неумелых руках двигался медленно. А когда мы удалились на 500 м от берега, у меня появились первые признаки опасности. А тут и ребятам надоело грести. Они, развлекаясь, стали раскачивать баркас. Я стал уже скулить, но никого это не остановило. Баркас набрался воды, а ребята, бросив меня, поплыли к берегу. Вначале я был в полной панике, а потом начал искать выход. Баркас деревянный и даже полный воды не тонул и держал меня. С моим умением плавать, до берега не добраться. И тут я увидел недалеко от баркаса весло. Его размер соответствовал размеру баркаса. Я понял, что это моё спасение. Медленно подплыл к нему и лёг на него. Весло меня держало. По крайней мере, моя голова без всяких усилий находилась над водой. Вначале я потихоньку поплыл, а освоившись, увеличил скорость, которая оказалась выше, чем когда мы плыли на баркасе. У берега я ещё некоторое время плавал на таком удобном плавсредстве, а потом весло у меня отобрали другие ребята.

Очень опасный. Как-то с Геней Шабановым (возможно, был и Лёня Орловский) мы были на бакаях. Это водоёмы, образовавшиеся после выемки песка вдоль Азовского моря (о бакаях, трудовом воспитании в нашей семье, историях с велосипедом, я написал в рассказах для своего внука). На расстоянии

полусотни метров от берега водоросли образовали на поверхности воды сплошной зелёный ковёр. В центре зарослей плавали несколько птиц, периодически взмахивая крыльями. Создавалось впечатление, что они хотят взлететь, но их что-то не пускает. Это продолжалось минут десять. Я не выдержал и решил сплавать к ним. Мне казалось, что я уже уверенно держусь на воде и сто метров спокойно проплыву. Мы уже плавали на большие расстояния.

К водорослям я доплыл спокойно и потихоньку стал приближаться к птицам. Отдельные водоросли стали цепляться на руки и ноги, но всё внимание было на птицах. Когда я подплыл к ним совсем близко и сделал пару резких движений, чтобы схватить одну, они спокойно поднялись в воздух и улетели. Тут я понял, что на мне висит уже много водорослей. Появилась лёгкая паника, и я активно стал плыть к берегу, но у меня это плохо получалось. Водоросли закреплены корнями ко дну и к тому же прочны на разрыв. Такого опыта у меня не было, а паника стала полной. Повезло, что поле водорослей было маленькое. Обессиленный я выбрался на берег. Ребята даже не поняли, что произошло. А я понял, какая страшная вещь паника.

Уже на последних курсах института, пройдя обучение в лагере подводного плавания (которое теперь называют «собачьим» именем дайвинг), мы научились нырять на пятнадцать метров в глубину, пройти вдоль дна не менее десяти метров и ещё поиграть с морской живностью, а потом спокойно подняться на поверхность. А в Н-Челнах я мог в старицах, среди сплошных водорослей, спокойно проплыть у дна два десятка метров и поймать при этом с десятков раков.

Воспитание в семье

Воспитывали меня, прежде всего, трудом. Это шло от жизни. Родители, не по доброй воле оторванные от земли, сохранили менталитет крестьянской общины. Жизнь в городском рабочем посёлке, конечно, сильно отличалась от сельской жизни. Но принципы воспитания, заложенные с детства в моих родителях, применялись и ко мне. За мной были закреплены посильные обязанности, выполнение которых было обязательно. Игры с ребятами – только при условии выполнения основных обязанностей. В шесть часов утра отогнать козу в стадо и вечером встретить стадо и пригнать её домой. Всякие работы по нашему земельному участку. Вскопать, убрать выращенное, полить. Много времени в младших классах занимало стояние в очередях за продуктами. Иногда мне приходилось вставать в пять часов утра и идти в магазин на 3-й участок, чтобы занять очередь за хлебом. В нашем посёлке магазин построили в 1955 году, а до этого под магазин арендовали частный дом.

Что-то я делал не так или совсем не делал (такое было редко). Мама проводила со мной короткие воспитательные беседы, а иногда и физически наказывала. При этом ей было больнее, чем мне. Поводы были разные. Как-то я запряг нашу козу летом в санки, прочитав в книжке о ездовых собаках. Маме об этом доложили, и я соответственно получил трёпку. Оказывается, коза могла от стресса перестать доиться. Ещё случай с нашей козой. В стаде держали одного

козла. Не знаю, чей он был. Ближе к осени каждая хозяйка волновалась, чтобы козёл не забыл пообщаться с её козой. Придя вечером на луг, куда пригоняли стадо, я увидел, что козёл с очень неприятным запахом (это крупное, бородатое, рогатое создание, которого мальчишки побаивались) взгромоздился на нашу козу. Забыв про страх, я стал «спасать» козу, прогоняя козла. В этот раз меня не наказывали. Не помню, как мне мама объяснила, что без этого «насилия» мы можем остаться на следующий год без козлят и молока. А появление козлят вносило оживление в доме. Мама как-то помогала козе при родах, а потом их забирали в дом и они весело стучали копытцами, бегая за мамой и жуя подол её юбки. Двух козлят назвали Римка и Ромка. Когда они подросли, мама отнесла их на базар, захватив и меня с собой. Пока она ходила по базару, я отвечал интересующимся покупателям, какую цену мы хотим за козлят.

Основной темой в воспитательных беседах, проводимых мамой, было отношение к труду, своему и других людей. Самому учиться качественно, красиво работать и бережно относиться ко всему, во что вложен человеческий труд. А примером во всём была сама мама. И это воспитание незаметно вошло в меня, а что-то уже было во мне на генном уровне. Приехав к нам в Н-Челны в возрасте более 80 лет, мама сказала: «Гена, я тебя не узнаю», считая, что я во многом превзошёл её. Как она гордилась своими детьми, зятьями, невесткой и внуками. Сегодня мир настолько изменился, что те основные принципы, воспитанные родителями во мне, не понятны большинству людей. Это другая тема, но я всё-таки приведу отрывок из статьи.

«ОСНОВНЫМ орудием разрушения природы и социальной гармонии среди людей, как свидетельствуют международные научные и межправительственные форумы и конференции по устойчивому развитию, является современная финансово-экономическая рыночная система, способствующая сокрытию огромного числа научно-технических разработок и представляющая угрозу существованию самой планетарной жизни.

Как мы уже неоднократно писали, современная экономика – это оформленная в юридические законы «наука» грабежа ближнего, это пособие для алчных, это узаконенное мародерство по отношению к природе и большинству населения. Современная финансово-экономическая система – это полная победа худших черт взаимодействия и взаимоотношений между людьми, между людьми и природой. Рыночная экономика преступна по прямому декларированию аморальных принципов: чтобы экономика могла работать еще более эффективно, ее адепт фон Хайек (Хайук) требует изъять «природные человеческие инстинкты солидарности и сострадания».

Наказаниями за серьёзные проступки занимался отец. Дважды я был наказан физически. В младшем возрасте за то, что обидел девочку. Такого я в своей жизни не делал никогда. Оскорблённый, я убежал в темноте из дома. Через несколько дворов, в опалубке строящегося дома, улёгся спать, откуда меня на руках унесли домой. В начальных классах отец меня выпорол более серьёзно и за

дело. Проступок я совершил не совсем осмысленно. Больше под влиянием моего старшего друга Славки Розинкина. Я стоял в длинной, скучной очереди в магазин с чётким заданием от мамы. Я уже хорошо разбирался в ценах и знал, сколько мне положено получить сдачи. Действие происходило в арендованном для магазина доме, очень неудобном для торговли. Получив продукты и сдачу, я выбрался из магазина и довольный отправился домой. На выходе из магазина меня окликнули и сказали, что я забыл взять сдачу. Я проверил ещё раз свои деньги и ответил, что мне дали всё правильно. Магазин находился на улице Каховского в конце посёлка (на эту улицу я впоследствии регулярно бегал и ездил на велосипеде к моему школьному другу Гене Шабанову). Через два двора от магазина меня окликнул Слава Розинкин (на этой улице жили его родственники), и ему рассказал про ситуацию с деньгами. Он меня в два счёта убедил вернуться в магазин и взять предлагаемые деньги. Что я и сделал. А дальше Слава взял эти деньги себе (у него сохраннее). Он хвастался перед другими мальчишками, что ему родители дают деньги. Часть денег мы потратили. К моему возвращению домой к родителям уже пришли и сообщили о происшествии. Деньги вернули, а меня отец в воспитательных целях выпорол ремнём. Было больно, но не обидно. Не мог понять я, почему с родителей потребовали 25 рублей, если мне в магазине дали 18. На следующий день мой друг выяснил, чем меня били и утешил: «Ремнём не так больно, а меня верёвкой». Не осталось у меня никакой обиды ни на отца, ни на друга. Отец выпорол меня, искренне считая, что в исключительных случаях физическое наказание полезно для моего воспитания. А у друга была увлекающаяся натура, и он, будучи старше меня на три года, не подумал о последствиях.

Вопрос о применении физического наказания в воспитании детей обсуждался всегда. В дореволюционной России порка была широко распространена и для взрослых людей, за что её «просвещённая» Европа считала дикой (забывая свою историю, где порка розгами применялась даже в университетах). А сегодня уже страны, причисляющие себя к Западу, придумали Ювенальную юстицию и приоритет прав детей, полностью направленную на разрушение института семьи и создание «общечеловеков». Такими людьми легче манипулировать в задуманной Западом глобализации.

А как же влияние улицы? Всеобщая радость победы в войне быстро сменилась большими проблемами устройства послевоенной жизни. Восстановление народного хозяйства требовало чёткой организации труда и больших трудовых и материальных ресурсов. Рассчитывать на иностранную помощь было нельзя по многим причинам. Практически сразу после окончания войны бывшие союзники взяли курс на холодную войну. И не только холодную. Успешные испытания ядерного оружия на японских городах вскружили американским правителям головы. Советскому Союзу на такие вызовы нужен был адекватный ответ. Лучшие ученые страны работали над ядерным проектом. Затрачены огромные средства и материальные ресурсы. И всего через четыре года после США, в августе 1949 года, в СССР была создана атомная бомба. Одновременно быстрыми темпами восстанавливалось и народное хозяйство. Особенно промышленность. На сельское хозяйство средств выделялось

значительно меньше. К сожалению, на культурный досуг молодёжи, развитие спорта, почти ничего не оставалось. На весь рабочий Левый берег один Дворец Культуры, два парка и два кинотеатра. И школы.

После войны в каждом крупном жилом районе образовались молодёжные группы, верховодившие в своём районе. Их нельзя сравнить с группировками 90-х годов 20-го века, возникших в Набережных Челнах, которые терроризировали бизнесменов вплоть до убийств и устройства разборок между собой. Послевоенные группировки – это больше самовыражение, свойственное молодости при отсутствии культуры и занятия более интересным делом. Если они начинали представлять серьёзную угрозу, с ними быстро разбиралась милиция. При этом милиция не бросалась в глаза. Единственный участковый на весь наш большой посёлок ходил один без оружия, и все относились к нему с большим уважением. Я как-то был во дворе моего двоюродного дяди, когда к нему пришёл участковый с предписанием об аресте. Дядю арестовали за семейный конфликт. Пока дядя собирался, участковый выпил чая, а потом они на общественном транспорте поехали в милицию.

Основным местом скопления молодёжи были танцплощадки. На каждой танцплощадке тоже была группа ребят, претендующая на лидерство. Случались и драки. Но не помню ни одного случая нанесения серьёзных увечий. Однажды произошёл конфликт между поселковыми и сельскими ребятами, пришедшими на танцы. Сельских ребят из-за малочисленности быстро вытеснили из танцплощадки, но лидеры на этом не успокоились и организовали толпу, чтобы проучить сельских. Что-то в селе поломали, протестовавших хозяев избили. К утру все зачинщики и большинство остальных участников были арестованы. Такие вот развлечения.

Я писал, что несколько лет местом наших игр и шалостей была стройплощадка магазина, названного впоследствии «Космос». Обычный долгострой. Поэтому времени, когда отсутствовали строители, было предостаточно. Обычный одноэтажный магазин с большим чердачным пространством. Игры, о которых я писал, происходили на пустыре за территорией строительства, а возле недостроенного магазина и внутри него чаще всего играли в прятки и занимались разной акробатикой, лазая на чердак. Наигравшись, собирались в кружок и рассказывали разные истории. Очень часто и пошлые анекдоты. Иногда жгли маленький костёр. Иногда к нам подсаживались взрослые парни и тоже что-то рассказывали. Некоторые из них побывали в заключении. Никто из них нас не обижал. А пошлость к нам особенно не приставала. Думаю, что в советских тюрьмах послевоенного периода воспитательная работа была поставлена на хорошем уровне, как и раскрываемость преступлений. Сразу вспомнился Егор Прокудин из книги Василия Шукшина «Калина красная». Или рассказ моего коллеги по Научно-Техническому Центру КамАЗа Леонида Аникина. Его дед был крупным начальником исправительных лагерей, расположенных в Карелии. Школьником Лёня постоянно бегал в лагерную библиотеку и прочитал большую часть классиков русских и зарубежных, свободно общаясь при этом с заключёнными.

Запомнилась мне и осень 1953 года, когда после смерти Сталина, Берия, претендуя на власть, дал указание амнистировать досрочно большое количество заключённых, преимущественно уголовников. Это решение обернулось большими проблемами для обычных людей. Большинство уголовников снова отправили в лагеря. А запомнился мне в 11 лет этот момент тем, что по нашей улице Лазо некоторое время по вечерам патрулировали солдаты с автоматами.

Когда строители начали работать на чердачном помещении, был установлен транспортёр для подъёма грузов. Мальчишек такая «игрушка» не могла не заинтересовать. Ребята постарше (но ещё школьники) открыли электроцит и установили предохранители. Там даже пускатель отсутствовал. Двигатель запускался обычным рубильником. Немного покатавшись на ленте транспортёра, поняли, что перешли какую-то грань разумного и разошлись по домам. Сейчас, имея образование инженера-электрика и прожив большую часть жизни, понимаю, какому риску подвергались те ребята, которые устанавливали предохранители под напряжением. Наш эксперимент не остался тайной, но по отношению ко мне родители обошлись разъяснительной беседой.

И ещё один случай из моей жизни, косвенно относящийся к этому разделу. 10-й класс. В школе из трёх девятых классов сделали два. Меня перевели в класс, где большинство учащихся было из того первого класса, из которого я самовольно перешёл в другой класс. Вечер, и мы с Лёней Орловским прогуливаемся по нашему проспекту – улице Лазо. Она к этому времени с одной стороны была асфальтирована, и по ней ходил трамвай. Встретили мою соученицу из нового класса Аллу Мирошник – дочь нашего преподавателя украинской литературы, Андрея Яковлевича. Медленно пошли дальше, о чем-то разговаривая. Нас обогнала группа ребят (около восьми человек), в среднем нашего возраста. По тому, как они шли было видно, что они немного выпили и чувствуют себя здесь главными. Один, наиболее молодой парень, оглянулся, и подошёл к нашей спутнице, приглашая её в их группу, вначале словами, а потом и действием. Я его оттолкнул, прекрасно понимая, что справиться со всей кампанией нам с Лёнкой не по силам. В таких случаях что-то управляет моим телом, но только не здравый смысл. Я как бы вызвал огонь на себя. Лёня и девушка исчезли из поля зрения, а я оказался окружён ребятами и завертелся волчком, стараясь отражать удары. Боец из меня никакой но, похоже, и ребята могли нападать только гуртом. Через несколько секунд у меня наступило протрезвление, когда я увидел блеск лезвия (возможно ножа). Природный инстинкт в таких случаях всегда думал за меня. Я рванулся в сторону наиболее слабых ребят, оттолкнул их, и, как говорят, «сделал ноги». До нашей калитки около ста метров. Ребята погнались за мной, но уже без особого энтузиазма. Швырнули вслед мне несколько камней, разбив при этом два стекла.

Родители не могли понять, что происходит, а я, схватив у печки металлическую кочергу, выскочил на улицу. Ребята уже исчезли. Лёни и девушки тоже не было. Отец девушки, очень крупный мужчина, выскочив на улицу Лазо, тоже не нашёл ребят. Их через день нашла милиция после заявления, написанного отцом. Им на суде было предъявлено несколько правонарушений, от краж до изнасилования. Мы оказались в конце цепочки.

Но больше всего мне жалко моего отца, который тяжело воспринимал любые конфликтные ситуации, а эта на него подействовала особенно сильно.

С девушкой я больше не общался на эту тему. Я её особенно не интересовал. Будучи студентом третьего курса, я встретил её в Харькове. Она поступила на первый курс инженерно-строительного института. Но и тогда у нас оказались разные интересы.

У Лёни Орловского я не стал прояснять причины его исчезновения. Почти как в песне В. Высоцкого: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...» Мы хорошо общались до моего института и его службы в армии. А потом был этап моей работы после института в Мариуполе и далее моя служба в армии. Переезд в город Набережные Челны на строительство КАМАЗа. И уже работая в УГК КАМАЗа в конце 70-х, я получил известие о смерти Лёни, связанной с заболеванием нервной системы.

Проведение школьных каникул

Чем будет заниматься ребёнок или юноша во время школьных каникул всегда было важным делом для родителей. В начальных классах особых размышлений не было. Конечно, пионерский лагерь. И Советская страна предоставляла такую возможность практически всем родителям, желающим оздоровить своего ребёнка. Конечно, в такие лагеря, как Артек на Чёрном море в Крыму попадали не многие. Дети, побывавшие в Артеке, жили с чудесными воспоминаниями о нём всю жизнь.

Лагеря «местного» значения были разные по уровню мероприятий, проводившихся с детьми, и местности, где был расположен лагерь. А бытовые условия, качество и количество питания определялись нормами и были приблизительно одинаковы везде. Большинство семей жило очень скромно, и лагерь был для них подспорьем ещё и с материальной стороны. Путёвки были за символическую цену.

Лагерь, в который отправляли три года меня, находился в Мариуполе на берегу Азовского моря, между ж/д вокзалом и морским портом. Интересно было в коллективе ребят. Походы местного значения, выходы к морю и купание у берега в пределах 10-ти минут, хорошая еда. Но это быстро надоедало. Технического обеспечения для занятий спортом и в различных кружках ещё не было. Поэтому, когда родители предложили мне остаться на вторую смену, я категорически отказался. Свободная жизнь для нас была значительно интереснее. Мой институтский друг Толя Семенцов, живший в городе Кандалакша, сбежал из лагеря, не выдержав и одной смены. Для русского (даже подростка) воля превыше всего.

Перед работой над этой книгой, я написал рассказы для внука Кости, названные «Гена и велосипед», воспринятые моими родственниками, друзьями и хорошими знакомыми вполне доброжелательно. Там написано много о моих занятиях во время каникул. Сейчас напишу о событиях, не связанных с велосипедом.

1954 год. Мне двенадцать с половиной лет. Отец договорился со своим младшим братом, живущим на Кубани в станице Новоплотирировская, что я проведу у них часть лета. Перед этим в Мариуполь приехали в гости два сына моего дяди Коли. Борис на три года старше меня, и Володя – на четыре года младше. Папа и дядя договорились, что меня определяют в колхозе на настоящую работу.

Всё было интересно. Нас проводили в морской порт, и мы на стареньком теплоходе пошли на Ейск. Расстояние от Мариуполя – 68 километров. Оказалось, что плыть пассажиром, да ещё когда половину пути не видно берегов, неинтересно. Из Ейска поезд до станицы Староминская, где у нас пересадка на поезд, проходящий через станицу Ленинградскую. От станицы Ленинградской на попутке до Новоплотирировской. Целое путешествие для мальчишки 12-ти лет.

В Староминской произошло событие, оставшееся в памяти на всю жизнь. Время ожидания поезда около шести часов. Смотреть особенно нечего, и неожиданно замечаем, что некоторые люди находят обломки стёкол и, зажигая спички, наносят на поверхность стекла копать. Оказалось, что должно произойти полное солнечное затмение. Мы тоже сделали подобным образом светофильтр. Прикоснулся и я, таким образом, к основам мироздания. Солнечную корону я толком не рассмотрел, но наступившая на короткое время ночь среди бела дня произвела впечатление. Особенно гвалт птиц, появившихся непонятно откуда, и тоже непонимающих, что происходит.

Попуткой оказался бензозаправщик на базе автомобиля ГАЗ-51. По бокам цистерны у этих автомобилей смонтированы деревянные ящики, на которых мы разместились, держась за металлический поручень. Перевозить на бензозаправщиках людей категорически запрещено, но кто, особенно в то время в России, обращал внимание на такие запреты. А я, начитавшись книг о войне, представлял себя, по крайней мере, разведчиком. Хорошо катить в детстве летом степью по грунтовой дороге. С высоты автомобиля степь видна на многие километры, поют птицы, не заглушаемые работающим двигателем, а сзади длинный шлейф пыли.

Дом дяди расположен на берегу степной речки Челбас с малыми глубинами и почти незаметным течением. Речка, сильно заросшая камышом, с островами и протоками, петляет по степи и впадает в ряд лиманов, как-то добираясь до Азовского моря южнее Ейска. У многих станичников свои самодельные лодки и плавают они на них, отталкиваясь шестом. У дяди своей лодки не было, поэтому рыбу мы не ловили, а вот раков несколькими раколовками налавливали полное ведро. В тёплой воде можно было болтаться часами, но ведь меня отправили не только отдохнуть, но и работать.

Буквально на следующий день, по просьбе дяди, меня определили в огородную бригаду, научили запрягать лошадь, и я стал перевозить лёгкие грузы. Приходилось выполнять разные мелкие поручения. Нравилось мне косить траву конной косилкой. Да всё нравилось. Лошади меня слушались плохо, чувствуя неуверенного человека, но всё-таки выполняли команды. Запомнился коллективный труд по скирдованию сена, с шутками, смехом и дурманящим запахом подсохшего сена.

Однажды меня взяли в ночную поездку как грузчика. Мы поздно вечером на нескольких подводах повезли свежесобранные овощи на рынок в соседнюю более крупную станицу Крыловскую. Там были построены несколько деревянных строений для торговли от нашего колхоза. В ночной поездке своя романтика, это само движение, разговоры старших, ночные звуки и бескрайнее небо, полное звёзд.

Борис со мной почти не общался. Три года разницы в этом возрасте большой срок. Борис уже иногда посещал танцплощадку, а чем он занимался ещё - не помню. Но однажды он предложил мне сплавить с ним на лодке, не объяснив куда. Оказалось, что выше по течению реки находился остров, на котором рос чеснок. К этому времени чеснок уже выдернули из земли, и он рядами сушился на солнце. Почему чеснок не охранялся – не знаю. Мы быстро бросили в лодку несколько пучков чеснока и уплыли. Воровство в таких масштабах не считалось за грех. Когда я уезжал, мне очень хотелось немножко чеснока привезти родителям, но мне не предложили, а просить я никогда не любил.

И ещё немного о чесноке. Рядом с домом дяди, во дворе, росли две огромные шелковицы. Одна с белыми плодами, а вторая с тёмными. Плоды продолговатые, размером в половину мизинца взрослого человека и очень сладкие. Шелковица почти не используется людьми для заготовок, а в свежем виде её понемногу едят, особенно дети. Я часто натирал горбушку хлеба чесноком с солью и забирался высоко на дерево, чтобы съесть эту горбушку с плодами шелковицы. Этому меня научила мама. Только дома вместо шелковицы была вишня. В Мариуполе шелковица росла не такая сладкая, и размеры плодов были намного меньше. Их и дети почти не ели. Хватало других деликатесных фруктов.

Интересно было наблюдать за процессом производства самогона, которым занималась тётя Клава. Брага грелась в большом казане на костре. Топливо - солома, и поэтому необходимо было постоянное присутствие. Казан сверху накрыт большим тазом с зазором около 10 см и уклоном до 30 градусов. Испаряющийся спирт (с примесями и водой) конденсировался на внутренней поверхности таза и стекал в приёмную посуду. Охлаждался таз мокрой отжатой тряпкой, которую приходилось часто смачивать. Процесс был хорошо отработан. Окончание перегонки определялось по моменту, когда конденсат, накопанный в ложку, переставал гореть. Конечно, производили самогон из экономии.

О жизни в колхозах. Отсутствие паспортов у сельчан многими критиками Советской власти называется не иначе как рабством, а система учёта в виде трудовой – «работой за палочки». Утверждаю, что в семье моего дяди материальный достаток был явно выше, чем в семье моих родителей. А отсутствие паспорта при желании съездить к родственникам не было препятствием. Бралась справка в колхозе или в сельсовете и в путь.

Привожу отрывки из правдивой и логичной, на мой взгляд, статьи:

Про крестьян и паспорта.

«Тут и там периодически всплывают рассказы о «колхозном рабстве беспаспортных крестьян» при Сталине. Как это водится у широкой

публики, знаний мало, понимания ещё меньше, но вой стоит – мама не горюй.

А что же там было-то при Сталине?

Предыстория вопроса.

Придя к власти, большевики паспорта отменили. Полная свобода: живи, кто хочешь и где хочешь. Правда, города при этом быстро наполнились преступным, неработающим и просто асоциальным элементом. Управлять городским хозяйством, когда в городе неизвестно, сколько народу живёт, тоже несколько затруднительно. Преступность была – ого. Поэтому было принято решение разобраться, и навести порядок. Но сначала необходимо сделать отступление. Итак...

Общее замечание: завывания о том, что переток сельского населения в города есть следствие созданного большевиками «колхозного ада» - они не от большого ума. В связке «деревня-город» миграционное сальдо всегда в пользу города. Со времён как бы ни Древнего Рима ещё. При любых строях и режимах. Меняется положение только при чрезвычайных обстоятельствах: голод, эпидемия, война. Историческая справка: по состоянию на конец 20-х годов СССР являлся аграрной страной, в которой большинство населения (более 80%) составляли крестьяне. Руководством был взят курс на коллективизацию и индустриализацию. Одно неотделимо от другого.

Коллективизация. Село представляло собой океан мелких хозяйств. Крайне неэффективных. Хозяйствование велось на уровне времён Ивана Грозного: вспашка сохой, ручной сев, жатва вручную (косой, а то вообще серпом), хранение урожая в амбаре, транспортировка телегой. Товарность была исключительно низкой, ниже, чем в 1917 году, на четвёртом году изнуряющей войны, прикончившей Империю. Большая часть продукции, произведённой на селе, там же и потреблялась. Коллективизация позволяла повысить эффективность сельского хозяйства и увеличить товарность производства. А заодно – разгрузить деревню от огромного количества народу.

Индустриализация. Городское население в силу своей малочисленности физически было неспособно удовлетворить потребности создаваемой промышленности в рабочих руках. Отмечу: это было понятно изначально. Никакой альтернативы крестьянам, как источнику рабочих рук, не было. Казалось бы, злодеям-большевикам, желающим закрепить крестьян и проводить переток рабочей силы из одного сектора народного хозяйства в другой под бдительным присмотром, имело смысл сначала ввести паспортную систему, привязать крестьян к земле, а уж потом строго под контролем устраивать миграцию. По оргнабору (о нём будет речь дальше). В реальности же было совсем не так: коллективизация и индустриализация начались безо всяких паспортных систем. В первую пятилетку никаких паспортов не было.

Органбор. Он же вербовка. Часто можно услышать, что, дескать, это был практически единственный способ для беспаспортного крестьянина

покинуть село. Враньё. В действительности же дела обстояли так: для гигантов индустрии типа Кузнецкого или Норильского комбинатов набрать необходимое количество рабочих рук самостоятельно было невозможно – местности кругом малолюдные. Только набирать по всей стране. Поэтому на помощь предприятиям пришёл Наркомат труда. Он помогал с оргнабором. Но вот какое дело: оргнабор – удовольствие не из дешёвых для страны. Затраты на организацию и проведение ложились на само предприятие. У гигантов индустрии выбора не было – самостоятельно (своим ходом) людей не наберёшь, но вот многие предприятия, которые находились не в таком пиковом положении, стали самостоятельно отказываться от оргнабора и набирать работников исключительно «самотёком». Подчеркну: набор «самотёком» был изначально. Он не был запрещён ни в начале, ни даже в 1940 году, когда запретили самовольный уход и переход. Брать же новых сотрудников самим не запрещалось никогда. Итак, каковы были итоги первой пятилетки? Миллионы крестьян ушли в промышленность. Требовались ещё миллионы. Индустриализация продолжалась. При этом наблюдались и сугубо негативные явления: города прямо-таки кишели преступниками и просто сомнительными личностями. Помимо того, что расцвёл криминал, так ещё в полный рост встали проблемы управления городским хозяйством.

Для постоянного проживания (а не просто пребывания) в городе стало обязательным иметь паспорт. Ещё раз: паспорт – не привилегия, но обязанность горожанина. Основания для получения паспорта: иметь работу, жильё, учиться в городе. Ну, ещё иждивенцы были. Проведённая паспортизация резко оздоровила города: неработающие элементы, преступники и прочая шушера (профессиональные нищие, лица без определённых занятий, цыгане и т.п.) или покинули города сами, или были выдворены. В деревне паспортизация-то не нужна: все и так на виду, все про всех всё знают. Чай, не город.

А что же крестьяне, паспортами не «осчастливленными»? Говорят, они были прикованы к селу отсутствием паспортов. Это враньё.

Во-первых, стоит понимать, что «нет паспорта» ≠ «нет документов». Документы-то как раз были. Удостоверения личности, книжки колхозника, справки, метрики – документов хватало.

Во-вторых, стоит знать, что крестьяне с документами постоянно прибывали в города по своим надобностям: что-то продать, что-то купить, проведать родню и т.д. Поездка в город – не экстраординарное событие, но рутина. Крестьяне постоянно ездили в города и, соответственно, постоянно получали справки у себя в селе. Кстати говоря, зимой, когда в деревне делать особо нечего, многие «прикованные к земле» беспаспортные крестьяне уезжали на подработки в города. На месяцы.

В-третьих, для того, чтобы стать горожанином, паспорт не требовался. Устройся на работу, поступи на учёбу – и живи на законных основаниях. Важный момент: паспорт для устройства на работу или поступления на учёбу был необязателен. У городских жителей, понятно,

спрашивали паспорта, у деревенских другие документы. Достаточно было справки.

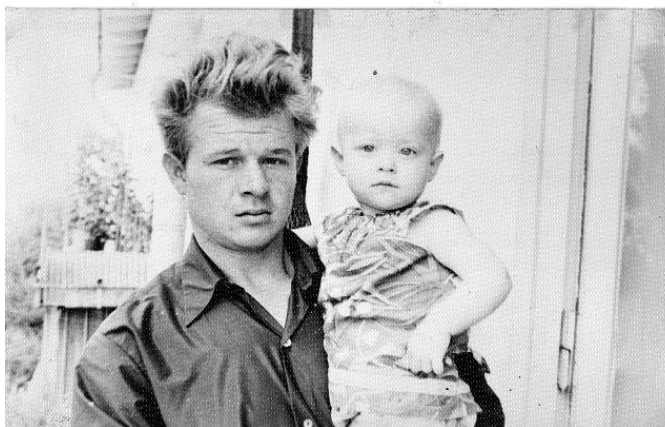
Так вот, с документами крестьянин приезжал в город и устраивался на работу. Промышленности были нужны рабочие руки, брали крестьян охотно. Устроившись на работу и получив общежитие (или поселившись у городской родни, если была возможность), вчерашний крестьянин становился горожанином и получал паспорт с пропиской. Важный момент: миграция лимитировалась не якобы «удержанием крестьян на селе», а возможностью городов по приёму новых жителей. Работаешь, учишься, есть где жить – добро пожаловать. Плодить неработающий элемент власти не собирались.

Даже в конце 60-х, когда масштабная индустриализация была давно завершена (а крестьяне по рассказам завывателей в массе паспортов не имели аж до 1974 года, следовательно, были «крепостными»), в течение 1968-69 годов в город из села переехало 4,4 миллиона человек, из города в село – 1,7 миллиона. Кстати, за это же время ещё 2,5 миллиона «крепостных» переехали из одного сельского административного района в другой. Закрывание крестьянам дороги в город отсутствием паспортов (без которых, якобы, не устроишься на работу) — заурядная ложь. В стране было столько новых вакансий, что обладатели паспортов (абсолютное меньшинство населения, между прочим) заведомо не могли их заполнить. Никакого смысла держать на селе массу народу притом, что промышленности были нужны миллионы рабочих рук, не было.

Ошибочные представления и завывания про «крепостничество» имеют под собой чаще всего простое основание: некорректная экстраполяция сегодняшнего положения с паспортами на сталинскую эпоху. Сейчас, например, без паспорта даже на паровоз билет не купишь. Тогда для поездки паспорт был не нужен. Паспортная система и институт прописки ограничивали всех граждан СССР. Всех. Свободы проживать, где вздумается, лишь на основании собственного желания – не было ни у кого. Человек с паспортом по прибытии в другой город был точно так же обязан зарегистрироваться в течение суток, как и человек без паспорта. Точно так же не имел права пребывать в другом городе без оснований более 30 суток. Уголовный кодекс действовал на всех.

В сухом остатке: рассказы про «крепостничество», «рабство» и т.п. реальностью не подтверждаются. В реальности десятки миллионов беспаспортных селян переселялись в города. Басни же о том, что большевики старались крестьян прикрепить к земле, но ушлые крестьяне находили лазейки в «крепостном праве», лучше оставить для слабоумных. Десятки миллионов переселившихся в города – это результат не близорукости властей, проморгавших якобы дырки в законодательстве, это результат целенаправленной политики».

<http://nagaev.livejournal.com/1991.html>

Старшей дочери дяди Коли Нелле в тот момент было около 19 лет. Уже сформировавшаяся симпатичная девушка. Ей я совсем был не интересен. А самая младшая дочь Вера как-то выпала из памяти.

Брат Володя с дочерью Олей.

Я сблизился с братом Володей. Ему интересен был старший брат да ещё городской. Хотя наш посёлок в плане развития для детей мало

отличался от станицы. Мне в доме дяди Коли даже попала книга с оторванным началом, описывающая немецкий проект оружия возмездия – о ракетах ФАУ-1 и ФАУ-2. Тётя Клава варила вкусные борщи и пекла собственный хлеб на неделю. А растущий организм не страдал отсутствием аппетита. По вечерам и выходным дням много общались с Володей и другими ребятами. Время пролетело быстро и интересно. Домой меня отправили одного (что трудно себе представить в наше время). Меня с попутной машиной отправили в станицу Староминскую. Затем поезд, пересадка на теплоход и Мариуполь – полная самостоятельность.

1955 год. Я заканчиваю 7-й класс. Желающим работникам предприятия, на котором работает мой отец, предлагают взять участки земли в виде молодой лесопосадки для выращивания бахчи. Мне по этому случаю покупают подержанный велосипед, чтобы мы с моим другом – Лёней Орловским были заняты летом этим делом. Я об этом написал в «Рассказах для Кости».

1956 год. Окончен 8-й класс. Родители продолжают свою линию воспитания – совмещения отдыха с трудом. В этот раз меня отправляют к старшей сестре моей мамы тётке Марусе поработать в совхозе. Совхоз находился недалеко от села Константинополь. В совхозе рос огромный сад, куда меня определили трудиться разнорабочим. Работа простая. Нужно было перевозить на телеге собранные яблоки к месту складирования, а затем загружать ящики с яблоками в подходящие машины. Не очень творческая работа, но протеста она у меня не вызывала. Не остались в памяти люди, с которыми работал. Но запомнилось, что всё свободное от погрузки время я ел яблоки и они не надоедали. Вне работы с удовольствием помогал тётке и своей двоюродной сестре Лине. Чищу картошку, снимая ножом очень тонкие очистки. Женщины улыбаются: «Наверное, мама Шура так научила. Снимай потолще, животным тоже еда нужна». Тётя и её дочь Лина жили вдвоём. Лина работала бригадиром в огородной бригаде. С сестрой я хорошо ладил. Запомнилась поездка в село Константинополь на выходные дни в гости к тётке Фене. Мы даже в воскресенье сходили на ярмарку в соседнее русское село Андреевку.

Прочитал я и несколько книг, которые были в доме. Большое впечатление произвел на меня роман «Абай». Сейчас уже не вспомню детали этого произведения. Общее впечатление – это большое расслоение казахского

общества, борьба кланов за власть и тяжёлая жизнь обычных людей. И, как всегда, закрепление такого положения с помощью религии.

После 9-го класса мне уже трудотерапию родители не предлагали. То, что полезный труд - основа жизни, вошло в меня навсегда. Я сам нашёл себе полезное дело - неожиданно стал разводить кроликов. Началось всё с одного длинноухого, серого, симпатичного зверька, подаренного мне сослуживцем отца по Германии. О кроликах я также написал в «Рассказах для Кости».

1958 год. Завершение учёбы в школе. Прошли тревожные выпускные экзамены, вручение аттестатов зрелости и весёлый выпускной вечер, завершившийся прогулкой к морю.

Фото с Лёней и Геней на память о школьной дружбе.

Поход в Володарский лес.

Впереди взрослая жизнь, в которой нужно найти своё место. Серьёзная задача и для выпускников школы, и для их родителей. Но решение этой задачи не было головной болью, как сейчас

у родителей – где взять деньги на репетиторов, которые дополнительно «натаскают» выпускника школы для поступления в вуз, а затем ещё большие деньги для платы за обучение.

Я и Толя с одноклассниками.

В моё советское время обучение в учебных заведениях происходило в интересах страны. Поэтому диким казалось требовать плату за обучение. Государство даже платило студентам стипендию, на которую можно было скромно жить и учиться без помощи родителей. Отсутствовало ощущение, что без высшего образования человек будет неполноценным. И большинство моих соучеников пошли трудиться на заводы и стройки сразу после школы, но чаще – пройдя обучение в ПТУ (производственно-технических училищах). Многие из них, начав работать, через некоторое время поступали в вузы на вечерние и заочные отделения. Предприятия при этом обязаны были отпускать их в оплачиваемые отпуска для сдачи зачётов и экзаменов. Узаконены были разные льготы для молодых людей, поступающих в

вуз после службы в армии и для имеющих трудовой стаж. И, конечно, логичным было распределение выпускников на предприятия в любой конец страны со сроком обязательной работы (три года).

При капитализме человек учится для себя, а учебные учреждения оказывают ему, естественно, платные услуги. И то, что ещё существуют бюджетные места и даже платится символическая стипендия – это анахронизм. И тем более государство не волнует, найдёт ли выпускник учебного заведения применение своим знаниям. Как стало модным говорить: «**Это их проблемы**»...

Хочу отметить, что ещё до получения аттестата зрелости были попытки решить мой дальнейший жизненный путь. После седьмого класса отец взял меня с собой на предприятие и познакомил со всеми заводскими цехами. Предприятие маленькое, но даже оно меня поразило. Особенно цех металлообработки. «Живая», сверкающая всеми цветами радуги стружка, извивающаяся из-под резца, как змея, завораживала. Я готов был пойти работать на завод. Но, похоже, мама убедила отца этого не делать. Откуда возникла идея моего поступления в металлургический техникум, не помню. Я сам съездил в приёмную комиссию, но у меня не взяли документы. В техникум принимали с 14-и лет.

А перед окончанием десятого класса я подал заявление в военкомат для поступления в лётное военное училище. Медицинская комиссия признала меня непригодным для лётной службы. На вопрос пригоден ли я для срочной службы в армии, ответили – пригоден. Оцениваю своё здоровье с учётом прожитых лет и, возможно, для авиации оно действительно было не идеальным. Ещё мог сказаться фактор национальности. Реально существовали определённые ограничения. Достоверно знаю, что греков не брали работать на суда, часто заходившие в греческие порты.

Была возможность подать документы в институт гражданской авиации, как и в любой другой, но, учитывая уровень своих знаний, набрать проходной балл при сдаче вступительных экзаменов я считал нереальным. И я не делал из этого трагедии.

В конце июня нам вручили аттестаты, прошли выпускные вечера, а 15-го июля я начал работать на заводе ТЯЖМАШ в паросиловом цехе слесарем-ремонтником четвертого разряда. В этом мне поспособствовал муж моей сестры Борис Васильевич Качура. Четвёртый разряд мне тоже дали на тот момент по «блату» – Боря тогда работал начальником этого цеха. Мне он предложил выбрать между слесарем, электриком и слесарем КИП. Я без колебаний выбрал профессию слесаря-ремонтника. И сейчас считаю, что выбор мой (интуитивно) был правильным. К уровню требований четвертого разряда я приблизился за несколько месяцев. Трудился я с удовольствием и в очень благоприятной обстановке. В январе 1959 года мне присвоили пятый разряд слесаря ремонтника без особых формальностей, но контрольная работа была вполне реальной. На подземном паропроводе требовалось выполнить ремонт большой задвижки. Верхнюю часть задвижки на время ремонта нужно было снять, а вместо неё установить заглушку. Мне предложили спуститься в колодец, произвести необходимые замеры для изготовления будущей заглушки и изготовить её. Все работы я выполнил самостоятельно (кроме токарных работ), чем очень гордился.

Меня прикрепили в напарники к Мите Чередниченко, 1924 года рождения, имевшего высший шестой разряд. Никакого профессионального обучения у него не было. В этом цехе работал его отец, туда после школы пришёл работать и Митя. Тогда это широко практиковалось, и трудовые династии не только не осуждались, а всячески приветствовались. Осуждалась и даже запрещалась семейственность на высоких руководящих должностях. Это при Путине в правительстве России работают семейные пары да ещё имеющие собственный бизнес.

Хочу отметить, что о моих родственных отношениях с начальником цеха знал только мастер бригады. Даже Митя об этом узнал не ранее полугода совместной работы. Мастер по фамилии Карагодов, 50-летний высокий крепкий мужчина. В 30-х годах - активный комсомолец и спортсмен. За год работы я никогда не видел его раздражённым и, тем более, применявшим ненормативную лексику. Его руководство почти не чувствовалось, а авторитет руководителя при этом был высок. Мат и среди рабочих я слышал редко. Серьёзных нарушений трудовой дисциплины и, тем более, пьянства на работе тоже не запомнилось. А вот с зарплаты, после работы, на природе, мужчины иногда коллективно выпивали.

Немного истории:

«История «ЖЗТМ» корнями уходит в конец 19 века, когда в Мариуполе в 1899 году неподалеку от металлургического завода Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества был построен еще один металлургический завод «Русский Провиданс». Он специализировался на выпуске чугуна, стали, проката, в частности, железнодорожных рельсов.

Завод Русский Провиданс.

В 1918 году оба металлургических завода были национализированы, в 1920 году – объединены под названием государственных заводов «А» и «Б», а в 1924 году по просьбе рабочих завод получил имя Ильича.

11 марта 1945 года Государственный комитет обороны СССР принял решение об организации на заводе имени Ильича производства железнодорожных цистерн для перевозки нефти и бензина, для чего был организован цех цистерностроения. С этого момента начинается история цистерностроения не только в нашем городе, но и в целом в стране.

На заводе создается отдел цистерностроения в составе 12 человек. Возглавил его Петр Михайлович Ходос, в будущем лауреат Государственной премии. Завод с важной государственной задачей справился. Уже в августе 1945 года были готовы первые 25 двухосных цистерн емкостью 25 тонн. Из года в год увеличивались количество и сортамент выпускаемых цистерн, росла их грузоподъемность. На заводе начали производить и другие машины: жатки и другие сельскохозяйственные машины, металлургическое оборудование и многие детали машиностроения, шлаковозы, чугуновозы. С 1947 года завод впервые в стране освоил производство топливозаправщиков. Постепенно завод имени Ильича становился крупным машиностроительным предприятием, подчиненным Министерству транспортного машиностроения. Продукция машиностроения к 1958 году составила половину валовой продукции.

В связи с этим постановлением № 325 Совмина УССР от 26 марта 1958 года и распоряжением № 314-Р Сталинского совнархоза от 28 апреля 1958 года на базе машиностроительных цехов завода имени Ильича был образован Ждановский завод тяжелого машиностроения (ЖЗТМ).

Как видно из исторической справки, меня приняли работать на завод в год его образования. Паросиловой цех располагался на территории бывшего завода «Б», но кислородная станция – на заводе «А». А паропроводы были везде – и над землёй, и под землёй. И даже были объекты за пределами завода.

И ещё немного истории, написанной профессиональным писателем:

Из книги Вадима Пеунова «Нить жизни»:

«В конце девятнадцатого века французскими и бельгийскими промышленниками вблизи города были построены два металлургических завода «Никополь» и «Русский Провиданс» (один специализировался на производстве труб, другой – на прокате).

В городскую Думу прибыла группа представителей деловых кругов Западной Европы и попросила выделить им под будущий завод кусочек совершенно пустынного в ту пору берега, пообещав за это золотые горы и определив в качестве неучтённого аванса «реки, полные вина».

Дума удалилась на совещание.

Маленькая деталь: будущее города, имевшего в ту пору 31 тысячу жителей, решалось не в Государственной Думе Российской империи и даже не в канцелярии губернатора, а на месте. Такие права были даны городским Думам Екатериной второй, выдавшей «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи».

В ту пору Азовское море считалось таким рыбным клондайком, то есть самым богатым естественным водоёмом в мире. Мелководье, в значительной мере опреснённое паводками Дона, Миуса, и Кальмиуса,

прогревалось солнцем до дна и поэтому любимо всякой живностью. Чабак, истекающий жиром (ныне редкость, как доисторический ихтиозавр), тарань, просвечивающаяся на солнце янтарём, полосатая, словно зебра сула (судак) на два локтя, бердянский бычок, не уместящийся на сковородке. А керченская толстоспинка – сельдь, которую закупали парижские рестораны! Это не говоря уже о царь-рыбе осетре.

У Чехова: «В каждом захудалом русском трактире осточертевшая всем икра и осетрина»...

Это всё – Азовское море конца 19-го века.

Через три дня к представителям промышленного Запада, ожидавшим решения мариупольских властей, пришёл член Думы, купец первой гильдии, и спросил от имени всех жителей города: «А помои от завода, куда сливать станете?»

Представители промышленного Запада скромно потупились: «Море такое большое»...

Мариупольский гражданин, от которого приятно пахло травничком и икорочкой, построил... фигу и сунул кулаки под нос представителям: «Накось, выкуси! Им захотелось берега!»

Но появление двух крупных заводов сулило портовому городу статус промышленного центра (а это железная дорога, связывающая порт со страной, рабочие места, крупное строительство, ну и налоги в местную казну).

Просителям выделили под будущие заводы кусок суходольной степи в пятнадцати верстах от моря, и уберегли тем самым рыбный Клондайк от уничтожения... вплоть до 1933 года, когда гигант социндустррии «Азовсталь», расположившийся почти на песчаном пляже, стал сливать «обогащённый» ядовитым фосфором доменный шлак в прибрежные воды, начав тем самым экологическую диверсию».

Маленькое отступление от темы моего приобщения к рабочему классу. Я ещё мальчишкой испытал на себе, что такое сливаемый раскалённый доменный шлак при попадании в воду. Если на заводе Ильича при сливе и застывании шлака получили шлаковую гору, то азовстальский шлак действительно сливали вдоль берега моря. Часть шлака попадала прямо в воду, взрываясь от быстрого охлаждения и разлетаясь мелкими осколками на десятки метров. Ограждения зоны слива шлака были дырявыми и почти не охраняемыми. Мы там любили ловить бычков. И бычки любили это место. Так что насчёт ядовитого фосфора автор немного преувеличил. Хотя других вредных выбросов и сливов в море полно и сегодня. Я однажды, увлечшись ловлей бычков, не заметил подошедшего состава и осознал опасность, когда шлак начал взрываться. Перепугавшись, спрятался за большую, причудливой формы глыбу, образованную тем же шлаком. Управление опрокидыванием ковшей дистанционное и меня никто не заметил.

Шлак постепенно стал прекрасным сырьём для производства шлакоблоков, и я думаю, что вопрос со сливом его в море решился автоматически. Мне

рассказал мой однокурсник Юра Павленко, что на Запорожстали в наше рыночное время группа предприимчивых людей начала разрабатывать старые отвалы со шлаком. Но их заинтересовал не столько сам шлак, а остатки чугуна, которые находятся на дне каждого ковша в виде кругов. Их снова переплавляют, получая хорошую прибыль.

То, что сегодня в наше рыночно-криминальное время творят с Азовским морем – значительно больший вред и для моря, и для большинства людей, несравнимый с влиянием на экологию от завода «Азовсталь». Совершенствуя Советскую власть, вместо разрушения 30 лет жизнеустройства народа, можно было свести к минимуму «экологическую диверсию» от завода и морем заняться на научной основе.

О паросиловом цехе и функциях бригады слесарей – ремонтников.

Основа цеха – котлы, вырабатывающие пар. Пар нужен заводу не только для обогрева помещений, а прежде всего для работы машин, работающих на пару. В период моей работы в соседнем сортопрокатном цехе всё приводилось в движение силой пара. А при строительстве заводов в 19-м веке ещё ничего другого не было. Соответственно в цехе функционировали котлы английской разработки. Это были ланкаширские котлы 1861 года выпуска (завод начали строить в 1897 году), т. е. времени отмены крепостного права в России.

Справка: Английские котлы.

«Паровые котлы с жаровыми трубами. Котлы, имеющие одну трубу, называются корнваллийскими, имеющие две трубы — ланкаширскими. Топку почти всегда располагают внутри жаровой трубы, иногда приделывают перед трубой. Движение горячих газов должно происходить по жаровой трубе. Для хорошего действия котлов необходимо, чтобы размеры жаровой трубы и ее расположение давали возможность удобно производить очистку и осмотр внутренней части котлов, а также необходим их равномерный нагрев. Поверхность нагрева ланкаширских котлов – 140 кв. м.»

Из моей памяти. Диаметр внешней оболочки котла, изготовленного из стальных листов, соединённых между собой заклёпками, чуть более двух метров. Толщина листов 10-12 мм. Заклёпки - диаметром 20 мм. Длина котла не меньше 10 метров. Диаметр жаровых труб - 0,6 метра. Внутри трубы мог спокойно пролезть человек. Овальная люк - для проникновения внутрь котла при ремонтах. Крышка люка вставлялась изнутри котла и при работе прижималась кроме болтов ещё давлением пара. И дополнительная оснастка: водопроводы и паропроводы, вентили, водомерные стёкла, система продувки осадков из котла, система поддержания давления и аварийная сигнализация. Это всё поддерживалось в рабочем состоянии нашей бригадой. Насосы, вентили и километры паропроводов тоже наши. Даже шефская помощь некоторым городским объектам в ремонте сантехники.

Работы хватало, и скучать было некогда. Мои товарищи немного завидовали кочегарам, работавшим на котлах. Работу котлов ещё до меня перевели с угля на газ, и это существенно облегчило работу кочегаров. Их вполне можно было называть операторами, а оплата осталась прежней, как у кочегаров. В советское время тарифы и всевозможные надбавки достаточно справедливо отражали реальные трудозатраты работников, учитывая вредные и опасные условия труда.

Я уже отмечал, что мне по четвёртому разряду платили 460 рублей, Мите по шестому разряду – больше 600. Сколько платили кочегарам, не знаю. А вот моему другу Толе Василевскому, работавшему в сортопрокатном цехе (который мы обеспечивали паром), больше 1200 рублей. Правда, и работа была на износ. Лето с мариупольской жарой. В цехе работают паровые машины, вращающие валы прокатного стана, печи, нагревающие исходную заготовку. Нагретая до яркого свечения заготовка вручную клещами подаётся на линию с системой валов и с большой скоростью перемещается к выходному отверстию. При выходе из отверстия излучающий жар профиль, слегка похожий на уголок уже большей длины, захватывается клещами двумя вальцовщиками, которые разворачивают начало уголка на 180 градусов и подают его на вторую линию валков. Там уголок прокатывается до окончательных размеров, слегка остывший правится и режется на части определённой длины. Работа, слегка напоминающая цирковой аттракцион, тяжёлая и опасная. Вальцовщики меняются через 15 минут. Рядом включён мощный вентилятор, где отдыхающая пара вальцовщиков охлаждается. Не хотел бы я работать на месте моего школьного друга. И ему эти деньги принесли больше вреда. Толя частенько стал выпивать, попадать в разные нехорошие истории. Потом его призвали в армию. Срочная и сверхсрочная служба в ГДР, и мы потихоньку полностью потеряли друг друга. В 2012 году у меня состоялась встреча со своими одноклассниками, на которой я узнал, что Толя погиб в автомобильной катастрофе, управляя грузовым автомобилем. Произошло это достаточно давно.

Работа в паросиловом цехе.

Размещалась наша бригада в старом интересном помещении, похожем на церковную колокольню. Верх башни, совсем обветшавший, никак не использовался. А в нижнем помещении располагалась бригада и стояли станки: два токарных, большой радиально-сверлильный и заточной. Пристройка к башне использовалась как кузница. К осени приняли бригадой решение построить для себя более удобное помещение. И зимовали мы в более комфортных условиях. В этом помещении расположилась инструменталка, а через стену маленькое помещение для сварочного оборудования. В бригаду после меня приняли ещё молодого парня Толю. Вдвоём мы сделали для себя металлический шкаф.

Начал я свою трудовую деятельность с ремонта оснастки ланкаширских котлов и паропроводов. Это, чаще всего, устранение не герметичностей. Для

холодной воды и воздуха - это замена резиновых прокладок во фланцевых соединениях, а в резьбовых соединениях в то время применяли пеньковую паклю с масляной краской. В паропроводах для уплотнений использовался листовой паранит.

Первый рабочий день начался у меня со срыва резьбы двух болтовых соединений. Болты и гайки были старые, с дюймовой резьбой (похоже, времён установки котлов). А я ещё не умел контролировать уровень затяжки. Митя обругал меня. Но с первого и до последнего дня нашей совместной работы терпеливо учил меня всему, что знал сам. Слесарным премудростям я учился с интересом и быстро. Когда после окончания института я с женой вернулся в Мариуполь, то первым делом я познакомил жену Виту с Митей. Он сделал мне комплимент, сказав, что до меня и после у него таких напарников не было.

Магистральные паропроводы обычно прокладывались на высоте до восьми метров, а в районе цехов – под крышами и на крышах. Требовалось хорошее знание и выполнение техники безопасности. Однажды, работая в одиночку на слегка обледеневшей крыше, я поскользнулся, и спасло меня ограждение у края крыши. Работал я без ремня безопасности. Во второй раз, отключив паропровод, поднялся наверх и снял болты с фланцевого соединения. Ножом и шабером подготовил соединение для новой прокладки. В соединении оставался ещё мусор, и я решил смахнуть его рукавицей. Короткого мгновения хватило, чтобы невидимый, перегретый пар ещё неостывшего паропровода обжёг мне оголившееся запястье. Ожог долго и сильно болел. Вечером, несмотря на боль, я пришёл к Гене Шабанову. Тётя Лида (мама Гены) поинтересовалась, что у меня с рукой, и посоветовала ожог подержать над горячей плитой. Совет вызвал недоверие, но я попробовал. Дважды подержал обожженное место на грани терпимой мною боли в пределах минуты. И, чудо, через полчаса боль прошла. Это уже была как бы обычная рана. Я потом всю жизнь при ожогах пользовался этим приёмом и всегда при этом вспоминал тётю Лиду.

В начале осени нас с Митей послали на очистные сооружения Ильичёвского района. Нам поручили провести полную профилактику большого воздушного компрессора (мощность электродвигателя 150 квт). Последняя стадия очистки канализационных стоков выполняется бактериями, для жизнедеятельности которых требуется постоянный приток воздуха. Для этого на станции установлены два компрессора. Один работает, а второй резервный. У резервного компрессора появилась сильная вибрация. А без поступления воздуха бактерии через несколько часов погибают.

Работали мы с Митей (разница в 18 лет не мешала обращаться по имени) около месяца. Хорошая школа приобретения знаний и навыков для начинающего рабочего. Серьёзная диагностика. После обсуждения результатов диагностики с мастером, в присутствии ещё двух опытных рабочих, приняли решение о замене вкладышей подшипников скольжения, изготавливаемых из специального сплава – баббита, имеющего температуру плавления 300-440 градусов. Для отливки вкладышей вначале изготавливается форма. При заливке форма подогревается, а баббит нагревается на 40-50 градусов выше температуры плавления. Изготовление оправок для обработки двух

совмещённых вкладышей выполнялось на токарном станке. Обработка с одной установки с очень жёсткими допусками. И окончательная подгонка вкладышей на компрессоре. В конце - шабрение.

Поскольку такие подшипники скольжения работают с принудительной подачей масла в зону трения, пришлось сделать полную профилактику масляного насоса, бака и трубопроводов. При смене масла я нарушил технику безопасности. Митя попросил отнести в банке отработанное масло во двор к остальному мусору. Конец сентября и на дворе прохладно. А помещение отапливается печкой заводского изготовления, в которой весело горит уголь. У меня мелькнула мысль, что можно сжечь масло в печке. Подумано и сделано. Я, ничего не сказав Мите, перелил часть масла в банку поменьше, открыл дверцу и выплеснул масло на огонь. В доли секунды поток пламени вырвался из открытой дверцы. Я мог остаться без глаз. Как и в моих велосипедных падениях, спас природой заложенный во мне инстинкт. Веки успели закрыться быстрее, чем пламя коснулось лица. Немного подгорели волосы и брови. На коже лица серьёзных ожогов тоже не было.

Запомнилась эта работа ещё тем, что за оградой очистных сооружений рос старый сад, в народе называемый Ворошиловским. И я в него в промежутках заглядывал. Детство было совсем рядом.

После института моя семья жила на проспекте Metallургов. Когда я проезжал на трамвае, мне всегда грел душу вид очистных сооружений. А вот старого сада уже не было. Тихо текла речка Кальчик, заиленная и почти

невидимая среди камышей, травы и кустарника. Рай для комаров. Позже пойму речки обустроили, а саму речку почистили и *вместо «комариного рая», сделали экстрим-парк.*

В речку Кальчик и сейчас течёт чистая вода после очистных сооружений. А компрессор после наших трудов заработал без вибрации.

Вернусь ещё к теме котлов. Ланкаширские котлы требуют постоянного внимания, и технологический процесс трудно автоматизировать. Вероятность взрыва котла высокая. Большой объём воды в огромной «бочке», нагретой до 180 градусов, при давлении восемь атмосфер. При сильной разгерметизации (по разным причинам) давление резко падает, а вода, практически мгновенно, превращается в огромное количество пара. Это самая настоящая бомба огромной мощности. Поэтому параллельно разработке больших котлов, создавалась служба надзора – котлонадзор. Эта служба в дальнейшем занималась не только техникой безопасности эксплуатации котлов, но и другими областями техники.

Летом 1958 года взорвался один из наших ланкаширских котлов. К счастью, взрыв произошёл в обеденный перерыв и обошлось без погибших. А отдельные элементы котла и крыши здания разбросало в радиусе до ста метров.

И сегодня перед глазами картина того дня. Мы, притихшие после такого ЧП, сидим возле своей мастерской (обеденный перерыв), а по тропинке от конторы (так называлось помещение, где располагались управленцы и экономисты во главе с начальником цеха) мимо нас идёт Боря к взорвавшемуся котлу, один. Большая часть ответственности за ЧП такого масштаба всегда на начальнике цеха. В этом случае обошлось без серьёзных наказаний.

Несколько старых котлов в цехе заменили на современные (отечественного изготовления) ещё до этого взрыва. Они были по всем параметрам лучше старых котлов. Особенно в плане безопасности. Конструкция представляла собой два цилиндра, соединённых между собой огромным количеством труб. Эти котлы могли работать почти в автоматическом режиме. Сложнее был ремонт. Привожу короткую характеристику с долей рекламы:

«Паровые котлы ДКВР-2,5; 4; 6,5; 10; 20 с газомазутными топками – двухбарабанные, вертикально-водотрубные – предназначены для выработки насыщенного или перегретого пара, идущего на технологические нужды промышленных предприятий, в системы отопления, вентиляции и горячего водоснабжения.

Преимущества:

Надёжная гидравлическая и аэродинамическая схема работы котла обеспечивает высокий КПД – до 91%.

Низкий уровень затрат на эксплуатацию и обслуживание.

Котел ДКВР имеет сборную конструкцию, что позволяет монтировать его в котельной, не разрушая стен, и быстро подключить к уже существующим системам.

Возможен перевод котла с одного вида топлива на другой.

Широкий диапазон регулирования производительности (от 40 до 150% от номинала) позволяет использовать котел с максимальной эффективностью и значительно экономить затраты на тепло энергоснабжение.

Возможность перевода котла в водогрейный режим.

Конструкция котла позволяет использовать под заказ различные варианты комплектации КИПиА, в том числе автоматизированными горелками».

Выполняли мы и отдельно оплачиваемые работы, так называемые «шабашки». Сколько я в них заработал - не запомнилось. А вот капитальный ремонт ланкаширского котла запомнился очень хорошо. Конечно, не все технологические детали. Ремонт заключался в замене старых заклёпок на новые. Я и Толя, самые молодые, подключились к работе на стадии установки новых заклёпок. Перед этим у старых заклёпок срезали головки и выбили их из отверстий. Все тонкости подготовительных работ я не знаю. Рабочие, имевшие

опыт в этом деле, были наперечёт. Место молодых было внутри котла. Сверху котла установили переносной горн, в котором нагревались заклёпки. Заклёпка нагревалась до строго определённой температуры. Приборов никаких. Большой опыт и ответственность всей команды – залог качественной работы. Это касалось и нас молодых.

Нагретую заклёпку горновой аккуратно, вплотную к головке брал клещами и быстро передавал нам внутрь котла. Один из нас быстро перехватывал клещи и вставлял в отверстие заклёпку. Второй накладывал кувалду с приваренной к ней оправкой к головке заклёпки. Далее кувалда плотно прижималась к заклёпке системой клиньев. После условного знака двое рабочих специальными молотками быстро превращали выступающий, ещё светящийся конец заклёпки в красивую, полусферическую головку. Какая мелодия при этом была внутри котла!!! Куда до неё современным «металлистам». А какие выражения приходилось выслушивать нам, когда мы вначале долго не могли управиться с заклиниванием кувалды, и заклёпка остывала ниже нормы. Артельный труд очень сближает людей. Все работают как хорошо отлаженный механизм. Несмотря на тяжёлые условия труда внутри «бочки» котла, настроение у меня и Толи было приподнятое, и это главное, а деньги вторичны. Наша артель договаривалась с начальством, что, кроме денег, при оплате будет выделен спирт. После клёпки, завершающей операцией была чеканка расклёпанных головок. Чеканкой достигалась полная герметичность соединения и дополнительный прижим листов друг к другу.

Торжественное завершение работ мне не запомнилось. Возможно, нас на него из-за молодости не пригласили. Хорошо запомнилась маленькая выпивка на берегу всё того же Кальчика. После зарплаты и окончания работы Митя и ещё трое рабочих шли к проходной завода. Митя предложил сброситься по три рубля и немного посидеть на природе. Двое согласились сразу, а третий как-то неубедительно отказывался. Его шутливо за проходной прижали и тоже взяли три рубля. Так и пошёл он вместе со всеми. А почему я с ними пошёл? Не могу объяснить. Меня вроде и не звали, и денег не просили. Обычно я уходил с работы на час раньше как малолетка. Мужики купили водку, еду и приехали на трамвае к речке. Расположились, выпили и мне налили половину стакана. Поели, поговорили и разъехались по своим домам, тщательно убрав за собой.

А вот спирт я впервые выпил в квартире моей сестры. Боре, как начальнику цеха, выделили персональный транспорт – лошадь и тележку на четырёх колёсах, у которой были по бокам ступени. Наверное, был и «водитель» лошади.

Боря и снабженец цеха куда-то ехали на этой линейке (так называлась такого типа тележка), и я почему-то ехал с ними. По дороге заехали к Боре домой. Он достал из холодильника еду, а снабженец – бутылку спирта. Разлили её на троих. Так вот на халтуру я приобщался к взрослой мужской жизни. Такое в моей жизни случалось редко, а водку как напиток я вообще не воспринимал. Где-то в 45 лет оценил водку как лекарство после тяжёлой работы или переохлаждения, и в малом количестве. И к взрослой мужской жизни я приобщался не через водку, а на примере отношений между моими родителями и в семьях моих родственников. Был пример и старших коллег по работе.

Что-то во время работы мы делали и для себя. Как-то все начали делать для дома вилки из нержавеющей стали. Страна ускоренно создавала ядерный щит, и, конечно, наш ТЯЖМАШ работал в этом направлении тоже. Позже, из книги Вадима Пеунова «Нить жизни» я узнал, какие сложные задачи приходилось решать заводу и в какие сжатые сроки. Появились на заводе и материалы, которых раньше не было. Вилкок мною было сделано более десятка. Тремя вилками мы пользуемся и сегодня.

Митю очень волновало, что у меня не было девушки. Сблизить меня с девушкой, работавшей в нашей бригаде токарем, у него тоже не получилось. Танцплощадки, где обычно знакомились молодёжь, я не любил. И не только из-за плохого умения танцевать. Сам дух больших танцплощадок вызывал протест.

А вот желание поступить учиться в технический вуз возникло. Желание самостоятельное, без агитационной работы даже мамы. Причём желание поступить на электротехнический факультет. Я даже написал заявление о переводе меня в бригаду электриков. Перевели меня к электрикам в декабре 1959 года и тоже по 5-му разряду. Работа у электриков оказалась более спокойной и менее интересной. Мы занимались планово-предупредительным ремонтом электрооборудования. Когда пришло распоряжение откомандировать одного человека со слесарными навыками в сборную бригаду, комплектуемую из всего цеха, я оказался основной кандидатурой. В эту бригаду командировали и Митю. Мы на базе кислородного цеха занимались монтажом установки из восьми баллонов с газообразным азотом. Баллоны были в полтора раза больше по объёму, чем кислородные и на рабочее давление 230 атмосфер. Баллоны жёстко крепились между собой и основанием. Но главным требованием была герметичность обвязки, состоявшей из трубопроводов, арматуры и приборов высокого давления. Куда предназначались эти установки – мы так и не узнали.

В бригаде электриков после возвращения со «спецзадания» я проработал мало, и почти ничего не запомнилось. Наверное, потому, что вся работа была чётко регламентирована и выполнялась под контролем более опытных товарищей.

Понимая, что одного желания для поступления в вуз мало, я осенью 1959 года пошёл учиться на подготовительные курсы. Занятия проводились по вечерам в школе, находившейся на шестом участке. Это были интересные занятия. Никакой платы с нас не брали. Большинство пришедших ребят и девчат не интересовались учёбой, а время, проведённое в школе, рассматривалось ими как интересное времяпрепровождение. Преподаватель работал с десятком человек, которые хотели улучшить свои знания. Остальные в конце класса говорили о своём, и с каждым занятием их становилось меньше. Знания по физике и математике я углубил, а вот литература, грамматика и особенно иностранный язык оставались для меня большой проблемой.

В стране в то время проводились эксперименты в получении высшего образования. В 1960 году было принято постановление о направлении работников предприятий на учёбу в вузы за счёт самих предприятий, с условием обязательного возвращения специалиста на предприятие. Абитуриента принимали на учёбу вне конкурса при отсутствии неудовлетворительных оценок.

Мне такое направление выдали, и я с большим чемоданом поехал поступать в Харьковский политехнический институт. Туристическое начало во мне было сильным уже тогда. А в Харькове закончили вузы мои сёстры и их мужья.

Абитуриент Харьковского политехнического института.

Ехал я в Харьков с большим волнением. Огромный город, по населению в пять раз больше Мариуполя, с большим количеством заводов и научно-исследовательских институтов. К тому же, город студентов. Очень хотелось осуществить задуманное – стать студентом ХПИ.

От красивого железнодорожного вокзала 11-й трамвай быстро доставил на улицу Пушкинскую. Немного пешком – и я в Электрокорпусе среди огромного количества молодых людей, моих конкурентов и возможных будущих товарищей. Многие ребята в военной форме. Их отпустили немного досрочно из армии для поступления в институт.

Оказалось, что факультетов, готовящих специалистов связанных с электричеством, несколько. Выбор был сделан быстро. Факультет – «Автоматика и приборостроение», специальность – «Автоматика и телемеханика». Настоящая экзотика. Документы приняли быстро. С нами занимались студенты старших курсов. Причём они не очень с нами церемонились. С некоторыми из них пришлось пересечься во время учёбы и в туристических походах.

Следующим насущным делом стал ночлег. Основное общежитие института находилось совсем близко – на улице Пушкина. Общежитие, учитывая его размеры, называлось «Гигантом». Вот только оно находилось на ремонте, и места в нём доставались избранным. Нам предложили адрес квартиры, где хозяева сдавали комнаты абитуриентам. Называлось такое жильё «снятием угла». Нам предложили полуподвальную комнату на пятерых человек. Мы согласились. Поели, немного погуляли по Харькову и уставшие легли спать. В молодости спится крепко, но наш сон был коротким. Ночью нас стали кусать клопы, дальше сон стал прерывистым. Утром мы взяли в осаду направившего нас в этот «угол» члена приёмной комиссии и убедили его выделить комнату в «Гиганте». Весёлый был в это время «Гигант», как во время нашествия туземцев. Шёл ремонт, и коридоры были заполнены мебелью, строительным мусором и мусором, оставленным уехавшими на каникулы студентами. В общежитии жили не уехавшие по разным причинам студенты, какая-то спортивная команда из кавказской республики и, конечно, абитуриенты. Много стёкол почему-то было разбито. Установка новых стёкол стоила институту серьёзные деньги. Но, как мы позже убедились, это повторялось каждый год, и хозяйственные руководители ничего не могли с этим сделать. Такая «удаль молодецкая».

Наша пятёрка как-то обустроила свой быт, и мы стали готовиться к вступительным экзаменам. По физике я получил пятёрку, по математике четвёрку и по сочинению тройку. Самым сложным для меня оказался французский язык, который в школе мы учили с третьего класса, но на котором я даже не мог правильно прочитать текст. Как я не оттягивал общение с экзаменатором,

пришлось идти к столу. Молодая женщина уже по чтению текста определила мой уровень знаний. Дальше мы общались на русском языке. По какой-то причине отдельные ребята, служившие в армии, не сдавали иностранный язык. Сделав упор на этом моменте, я стал говорить, как я мечтаю учиться в институте, о любви к технике, о хороших оценках по физике и математике. Как это будет несправедливо, что ребята, освобождённые от сдачи иностранного языка, будут учиться, а я нет. И что я буду учить при поступлении английский язык. Этот довод перевесил всё остальное. Мне была поставлена тройка с условием моего отчисления после первого семестра, если я появлюсь в группе французского языка. Я, конечно, стал учить английский, но за свою жизнь дальше чтения надписей на иностранных приборах не продвинулся. А инженер из меня получился хороший.

Начало учёбы в институте.

Первое занятие в институте запомнилось не предметом обучения, и даже не организационными делами. Происходило оно в маленьком классе на втором этаже Электрокорпуса. Большинство ребят пришло заранее, и мы с интересом рассматривали друг друга. Группу сформировали из ребят, отработавших не менее двух лет на производстве и уже отслуживших в армии.

Я оказался в группе самым младшим по возрасту. Старшими оказались Ваня Андреев и Юра Пестов. После срочной службы в армии были Лёша Уразов, Женя Гускин. Коля Малютин заканчивал обучение в Харьковском лётном училище штурманов, но после сокращения армии на 1200000 человек, ему пришлось продолжить обучение вместе с нами. Леонид Колдин поступил в институт после окончания техникума.

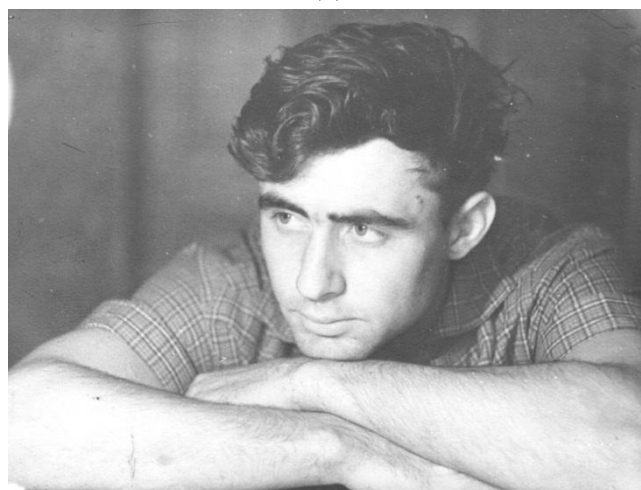
Зина Хенкина

Преподаватель немного опаздывал. В это время тихо открылась дверь и в класс вошла ещё одна наша сокурсница, поздоровалась и села на свободное место. Она с

первого появления притягивала к себе взгляды внешним обаянием и умением подать себя. Это была Зина Хенкина, которая стала близким мне человеком в период всей учебы, да и после окончания института.

Гена Марача

Первое занятие, скорее всего, было организационным. Нам предложили, чтобы старостой группы был Ваня Горобец из Запорожья. Никто не возражал. Мы проучились не более двух недель и уехали в колхоз.

Все нуждающиеся в жилье жили в общежитии, и это было очень хорошо. Многим иногородним студентам в стране ещё приходилось самим находить себе жильё.

По планировке угловые комнаты в нашем крыле общежития «Гигант» были большого размера, и там жили двенадцать человек. В такую комнату обычно селили первокурсников. Мне и Коле Малютину тоже достались места в такой

комнате. Коля, как заслуженный человек, убедил руководителей, занимающихся расселением, что он достоин комнаты на четырёх человек. Ему пошли навстречу и предложили взять с собой ещё одного человека. Так и я оказался в числе заслуженных людей.

Поездки на работу в колхозы учащихся школ и студентов, в моём понимании, не имели особого

Группа АП-10 Б. Группа АП-10 В.

У меня немного перепутались события из наших поездок, и даже, сколько их было. В первой поездке нас расселили по хатам и я, будучи ведомым у Коли Малютина, жил с ним в одной хате. Ближе к концу нашей

трудовой колхозной жизни Коля предложил мне сходить ночью на колхозное поле и наколотить семечек подсолнечника. Я пошёл с ним, не очень задумываясь, что это воровство. Это мероприятие могло нам обойтись исключением из института. Мы наколотили два мешка семечек и отдали хозяйке хаты. В общежитие мы привезли два молочных бидончика с подсолнечным маслом.

Вдвоём с Сашей Прокопенко поём туристские песни. Наш быт.

Питались в комнате мы до нового года коллективно. С учётом, что один из ребят, живших с нами в комнате, привозил из села картошку, наше питание стоило нам 6 рублей 50 копеек в месяц. В дальнейшем, совместное питание у нас не получалось. Причина - в учебной нагрузке и других появившихся интересах.

Ваня, Витя, Зина, Валера и Толя.

Приятно смотреть на фотографии, снятые в

наших поездках в колхозы.

Сразу оживляется память и

вспоминаются эпизоды нашей работы и отдыха. Уже в первой поездке мы отметили день рождения Юры

Пестова. Потом оказалось, что день рождения у него 2-го октября, но это не мешало нам праздновать и в последующие поездки. Юра незаметно стал душой нашей группы. 1935 года рождения, он уже не по рассказам помнил войну,

прошёл срочную службу и учился в военном училище. Не знаю, по какой причине он оказался в ХПИ.

Ходили мы и на местные танцы. Было даже немного своей самодеятельности. Женя Моргун хорошо играл на гитаре, а Борис Кобзарь был при нём в качестве дирижёра и шута. Мне хорошо запомнилось исполнение симпатичной Галей Новохацкой песни из кинофильма «На семи ветрах».

Подшучивали над нашим Валентином Трофименко, прозванным «Валик-слон». Девяностокилограммовый парень, занимавшийся боксом. С виду увалень и очень добродушный. У него были долги по зачётам, и он пытался что-то учить в колхозе. Однажды нас повезли в сельскую баню, продлив для нас специально время её работы. Уже слабый пар из трубы, но по инициативе Бориса Кобзаря, решили попарить Валентина. Его лупили по спине вениками, на которых уже не осталось листьев, а Валик лежал довольный. Когда он одевался, вся спина у него была в красных полосах.

Если восстановить взаимосвязь событий, поездок в колхозы было три. Во время нашего второго пребывания

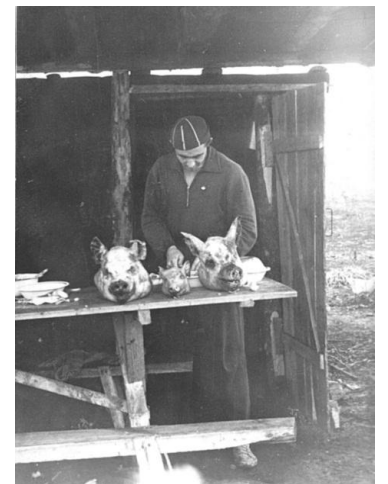
в колхозе, мне пришла телеграмма, в которой мама сообщала о смерти моего отца. Ребята сочувствовали, проводили на ЖД станцию. Пассажирских поездов в ближайшие часы в расписании не было, и я поехал товарняком. Я к этому времени приобщился к туризму, и у меня был опыт передвижения на товарняках.

В третьем колхозе нас кормила хозяйка одной из хат на своём подворье. Ей в помощь

по очереди выделялись две наших девушки. Через неделю работа на кухне им надоела. В поле работа может и тяжелее, но в коллективе веселее. Я вызвался работать на

кухне один вместо девчат (иногда я совершал благородные поступки). Хозяйка жила одна, и мужских дел накопилось много. Я выкопал во дворе погреб, залатал прорехи в крыше и сделал что-то по мелочам. Приготовление пищи шло без меня. Помощь моя требовалась при тяжёлых работах. При отъезде, когда мы уже сели в автобус, женщина принесла мне сумку с домашними заготовками, сказав, что меня ей «бог послал». В этот период мы с

Толей Макаренко съездили к нему домой в Северодонецк, по пути заглянув к моей сестре в Славянск. И в эту поездку мы часть пути проделали на товарных составах. Я передавал свой опыт Толе.

После трудовой, но весёлой сельской жизни и возвращения в Харьков начало учёбы слегка испугало. Учёба в институте сильно отличалась от учёбы в школе своей напряжённостью, разнообразием предметов и видов занятий. За одну лекцию (по физике или математике), чтобы прийти к окончательному выводу, десятки формул причудливо добавлялись одна к другой, подчиняясь определённой логике. Эту логику ещё тоже нужно было понять. Вести конспекты – тоже целое искусство. По каждому предмету – своя общая тетрадь. Записывать всё подряд за лектором не получается. Можно готовиться заранее к теме лекции, но на такой героизм способны были немногие. Я пробовал после занятий осмысливать их и переписывать изложенный преподавателем материал короче и чётким почерком. Меня хватило на несколько дней. Постепенно каждый приспособился к учёбе по-своему. Кто не смог войти в учебный ритм, незаметно выбывал из института.

Сейчас считаю, что учебный процесс необходимо начинать с методологии учёбы. У некоторых преподавателей были свои методички и даже сборники лекций. Их можно было взять в библиотеке, и деньги за них мы не платили, но их было мало. Зная, что у каждого студента есть материал читаемой лекции, преподаватель мог совершенно по-другому методу строить свою лекцию или практическое занятие. Рыночных отношений тогда не существовало и компьютеров тоже. Но думаю, что сегодня, когда нам внушают, что рынок всё регулирует, проблем при обучении стало значительно больше.

Интересное наблюдение из нашей учёбы. Все мы носили с собой на занятие много толстых общих тетрадей. По каждому предмету своя тетрадь, а ещё лабораторные работы, семинары. В написанных наскоро текстах разобраться было сложно даже самому писавшему. А перед зачётами и экзаменами эти конспекты выпрашивали товарищи, у которых по разным причинам и таких конспектов не было. И на третьем курсе я заметил, что Володя Матвиенко из параллельной группы сидит на лекции с тонкой папкой, в которой находится чистая бумага и трафарет. Записи он делал на этой бумаге маленькими, очень чёткими буквами. После занятий эти отдельные листы раскладывались по предметам в другие папки, наверно, с корректировкой и, возможно, с дополнениями. Я высоко оценил его метод. В институте решил, что менять сложившуюся у меня систему поздно. А в дальнейшей жизни, я иногда этой методикой пользовался.

После окончания института у нас нашлись организаторы, и мы стали встречаться двумя параллельными группами каждые пять лет. В 2005 году Ваня Андреев, который, оказывается, занимался стихосложением, передал написанную им ОДУ к 40-летию окончания института. То, что я написал выше, в стихах воспринимается ярче и образнее. К сожалению, на этой встрече наш поэт отсутствовал.

К встрече групп АП-10 Б и АП-10 В. 2010 год. 50 лет знакомства и начала учёбы в ХПИ.

С 40 – летием!

*Вам, Юбилярам, стихоприложение,
Всем Вам слова Признания в Любви,
Собравшимся, как в бытность, на мгновение
10-м группам ВУЗа ХПИ.*

*Вам в Юбилейный пышный Ваш Букет
Простых созвучий тех ушедших лет!!!*

*Вита, Юра Пестов Ваня Андреев,
Клава Исакина, Ваня Горобец.*

Под лазурным небосводом,
В мире грёз и суеты,
Пролетели наши годы –
Годы силы, красоты.

Как в космические дали,
Вёрсты звёздные свои
Мы, конечно, начинали
От порога ХПИ!

И окончившие школу,
С мнением, на свой аршин,
Тут же были в эту пору,
Рвались к взятию вершин!

И с задором, и с весельем,
 Молодёжь во всей красе,
 Словно птицы в день осенний,
 Собрались у зданий все!

Под закат число прибывших
 Увеличивает тьму.
 Сразу к доке: «Что тут слышно»?
 Уточняют что к чему.

Кто шпаргалку срочно строчит,
 Заводила, в круг девчат.
 Все романтики хохочут,
 А все скептики молчат!

Кто-то шницель ест с гарниром,
 Булку тот и пьёт воду,
 Сохранить, чтоб к старту силы
 Взять с разбегу высоту!

По расписанью точно к сроку
 Дни экзаменов пришли.
 К небу взгляд и вздох глубокий,
 И в чистилище вошли!

В зданье классном, трёхэтажном,
 Только перьями звеня,
 Пред комиссией важной
 Шла тут битва без огня!

Битва шла – лишить описки
 Строк бумажной полосы.
 И вывешивались списки
 «Павших» в первые часы!!!

Пал боец, из строя вышел,
 Словно сбит взрывной волной,
 И едва его тут слышно -
 Говорит он сам с собой.

И закончив в поле дело,
 И, вернувшись из села,
 Бралась шумно, но не смело,
 За учебные дела.

Бег пера – конспекты лекций:
 Электроника, истмат,
 «Начерталка» - связь проекций,
 Курсовые, сопромат!

Для электрика святое,
 Пусть и не в один семестр,
 Одолеть разделы ТОЭ,
 Как вершину Эверест!

И с соратником, коллегой,
 Знать как альфу, должен он
 Синусоиду с «омегой»,
 Косинуса «фи» наклон!
 В дни зачётов, встречи личной
 Приходилось всем корпеть,
 Кто-то знал вопрос прилично,
 Кто-то мог и не успеть!
 Заблудиться мог в вопросе
 И заплыть, как рыба в сеть,
 То есть, мог остаться с «носом»
 Или проще – погореть!
 «Погорельцев» для поправки,
 Чтоб набраться новых сил,
 В деканат, на руки справки,
 Отправляли срочно в «тыл»!
 Начиналась снова чистка,
 Как на палубе аврал,
 Из рядов первичных списков
 «Погорелец» выбывал!
 Были, ясно, перерывы
 И походы на обед,
 Подкрепляли свои силы
 В «хамовке» или в «диет»!
 В юных душах тьма вопросов,
 Что теснят младую грудь.
 Как Михайло Ломоносов,
 Мы пустились в трудный путь...
 От станочных агрегатов,
 Книжки в сумку положив,
 Шли ребята и девчата
 Словно к пункту на призыв!
 А счастливчик – блеск улыбки,
 В одиночку, без родни,
 Сам прошёл по топи зыбкой,
 Сдюжил испытаний дни!
 Из его состава роты
 Взял он первые версты,
 Впереди сложней высоты,
 Перевалы и хребты!
 Попрощавшись наспех с домом,
 Прихватив дорожный груз,
 В мир проблемный, незнакомый
 Отправлялись снова в ВУЗ!

Новобранцы лишь с перрона,
 Не вошедши в мир «чудес»,
 Тут же на поля в районы -
 Множить урожая вес!
 На просторы, как иначе,
 До прилёта снегирей
 Тут первейшая задача -
 Урожай убрать с полей!
 Не поймёт, кто не был в поле,
 Грядки с свёклой – не «Плейбой».
 Утром встал и на просторы,
 И вперёд, как ратник в бой!
 Гвоздь, рывок – зубаст и гладок,
 И как общих дел итог -
 Тонны семенных початков
 Были свезены на ток!
 Каждый кукурузный стебель
 Отгибали так и смяк,
 По-отечески отметил
 Председатель Кобеляк!
 Все сражались, как в забое,
 Не жалея своих сил,
 «Прохлаждались» только двое,
 Те, кто семечки возил.
 Но поесть слегка, степенно,
 Где б ни звякали горшки,
 Привозил в буфет бессленно
 Дядя Боря пирожки!
 Дух воскрес, усталость снята,
 Снова лёгок, бодр и свеж.
 И опять рвались ребята
 На передний свой рубеж!
 Схватки, словно бой пехоты,
 Окопался – пронеслось...
 С боевым составом «роты»
 ВУЗ окончить удалось!!!
 Торжество, делились квоты,
 Как бесценный жизни груз,
 Дали справки для работы
 Одолевшим полный курс!
 Ждали нас, уж вы поверьте,
 Каждый знает по себе,
 В общей жизни круговерти
 И заводы, и КБ.

Где вершились поэтапно
 То работа, то отчёт,
 Обходили многократно
 И награды, и почёт!
 Ну, а первым – первым делом,
 Городской, провинциал
 Должен показать умело
 Свой в делах потенциал!

Через год вновь в ВУЗ на явку,
 Но за дружеским столом
 Поменять, как бирку, справку
 На заслуженный диплом!

Что же дальше – дальше, братцы,
 Край салфетки теребя,
 Каждый может всем признаться,
 Молвить слово про себя!!!

Наш пожилой преподаватель Ступель Ф. А. с ностальгией вспоминал о временах, когда в учебных группах было не более десяти человек и можно было работать с каждым студентом индивидуально.

Нас почти не привлекали к практическим разработкам, выполнявшимся на кафедрах, даже на последних курсах. Нас готовили для работы на заводах и КБ, но курса занятий по организации производства и руководству коллективом не было. Были курсовые работы. Была семимесячная практика перед защитой дипломной работы на реальном производстве. Совершенствовать в учебном процессе было что, но тот объём знаний, который нам дали, позволил большинству из нас творчески трудиться, а некоторым однокурсникам и руководить большими коллективами. Нам в голову не могло прийти, что наступит время, когда талантливые инженеры начнут «челночить» и торговать на рынках. На встрече 2005 года нам рассказал о состоянии сегодняшнего обучения студентов наш преподаватель, Ходько Т. Г. (ему уже было 80 лет). В сравнении с нашим периодом обучения картина удручающая. А многие частные ВУЗы сейчас обучают дистанционно, присылая листы с вопросами и готовыми ответами. Нужно угадать правильный ответ.

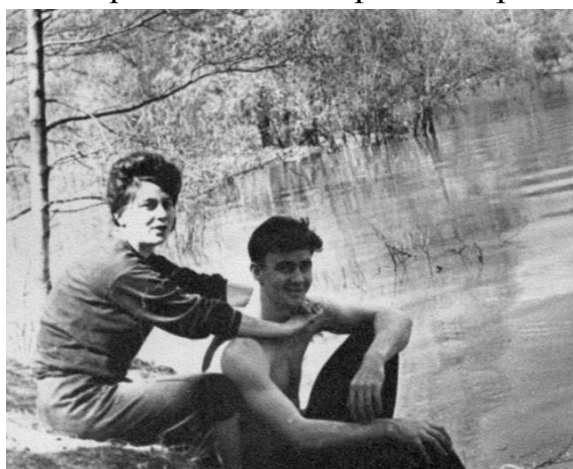
*Единственная фотография с
 Лёшей Уразовым. Парень в кепке.*

На втором курсе я уже жил в комнате на пять человек. Это Лёша Уразов, Саша Прокопенко, Юра Пестов, Толя Макаренко и я. На 4-м курсе Лёша женился и переселился на частную квартиру. С нами стал жить Володя Батуров. Чтобы освободить место мы сделали

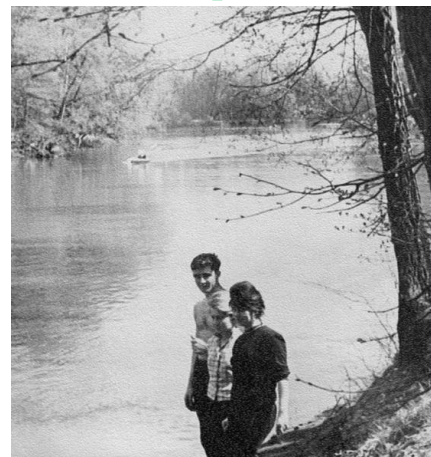
двухъярусные кровати. Пляшной шкаф, тумбочки и в центре большой многофункциональный стол. За ним ели, прикрепив рейшину, чертили, установив стекло и включив снизу лампу, копировали чертежи и просто готовились к занятиям. Жили дружно.

И вообще наш «Гигант» представлял островок коммунистического быта. Ничто не замирало, и не было воровства. Серьёзных конфликтов и, тем более, драк не припомню даже на танцах, устраиваемых в расширителях по выходным. Такая жизнь расслабляет, и иногда, в других местах, жизнь напоминала, что до коммунизма нам ещё далеко. А в разгар перестройки нам усиленно стали вдалбливать, что коммунизм – это бред сумасшедших большевиков, а столбовая дорога человечества та, по которой идёт Запад. Юра Пестов на двух листах ватмана достаточно талантливо нарисовал Гагарина и Фиделя Кастро. Это был 1961 год. Триумф Советской страны. И если бы жить дальше по уму?! Наша комната осталась в памяти многих двухъярусными кроватями и художественными произведениями Юры. Когда Юра на нижнем ярусе читал «Золотого телёнка», меня на втором ярусе качало как на палубе корабля. Симпатии между парнями и девчатами стали появляться уже на первом курсе. Так Лора Полякова проявила настойчивый интерес к Толе Макаренко, в дальнейшем завершившийся созданием хорошей семьи. Зина Хенкина привлекала внимание не только моё. На занятиях по начертательной геометрии я как-то выдал что-то умное – преподаватель меня похвалил. И Зина сама проявила некоторый товарищеский интерес ко мне.

На природе с Зиной и в общежитии с Толей и Лорой.

Часто мы стали готовиться к экзаменам и зачётам в квартирах у девчат, которые жили в Харькове. Вначале я и Толя Макаренко стали часто бывать у Лоры Поляковой. К нам иногда присоединялись Зина Хенкина и Клава Исакина. В дальнейшем Зина, Клава и я готовились к экзаменам у Клавы на Холодной горе (район Харькова). Моё мышление всегда работало интенсивнее в коллективе, когда приходилось что-то познавать новое, и такая совместная подготовка, особенно по техническим предметам,

шла на пользу всем. Так, что и с учётом наших совместных трудов, Зина преподнесла мне букет пионов после защиты мною диплома.

В институте обязательным было и занятие спортом, со сдачей зачёта после четвёртого курса. Была своя спортивная кафедра и большое количество секций. Студенты сами выбирали понравившийся им вид спорта. Мне хотелось заниматься планерным спортом, в котором у меня уже были навыки. Я даже разыскал аэроклуб, но туда студентов дневного обучения не принимали. Вначале я записался в велосипедную секцию, но была уже осень, и крутить педали на тренажёре мне быстро наскучило. Я пошёл к Борису Павловичу Кондратюку (БП), ответственному за спорт на нашем факультете и курирующему туризм всего института, на предмет замены секции. И он уговорил меня пойти в секцию бокса. Отказываться мне было неудобно. Промучился я там месяца два, пока не получил моральную поддержку от мужа моей сестры – Лёни. Он приехал в Харьков по своим делам и нашёл меня на спортивной кафедре. После бокса была лёгкая атлетика, которая мне понравилась. Особых достижений я в ней не достиг, но физически окреп. Был хороший тренер, и занятия проходили интересно.

А параллельно я всё-таки стал заниматься ещё и планером, прочитав объявление, что отставной лётчик набирает группу для занятий на планере.

Повторилась история, похожая на мои занятия планером в Мариуполе. Вот только планер явно мешал учебе в институте. И наш староста – Ваня Горобец пару раз провёл со мной воспитательную работу. Я, правда, осень и весну первого курса продолжал ездить на аэродром и даже, как имеющий навыки

полётов, стал старшим в группе начинающих планеристов. Планеры были, как и в Мариуполе – БРО 11.

Больше половины первого курса я потихоньку пытался ухаживать за Зиной. Несколько раз был в квартире её дяди, где она жила, и даже два раза она приходила на свидание. Опыта в этих делах у меня не было. Это было обычное хорошее отношение между товарищами. Зина показала, что может быть и резкой. Однажды я, уже получив зачёт, ожидал, когда выйдет Зина. Когда она вышла, подошёл к ней с расспросами и получил жёсткий ответ. Позже я узнал, что появился парень, к которому у неё были не просто дружеские чувства, но что-то у них не заладилось.

Как-то я активно предлагал Зине съездить со мной на аэродром, посмотреть, как мы летаем. Зине планеры оказались совсем не интересны, а стоявшая рядом Клава проявила большой интерес и поехала со мной. Больше она не ездила, но что-то внутри у меня сработало.

Однажды Клава задержалась в общежитии до темноты, и я вызвался её проводить на Холодную гору, где она жила с мамой и братом. Сколько раз я

потом проделал этот маршрут – на трамвае до ЖД вокзала через жд пути и вверх по узким улочкам частного сектора. Возвращался иногда поздно, уже без трамвая, пешком до общежития. Часто приходил с ледяной корочкой на поверхности шевелюры. Возвышенность названа не зря холодной горой. Осенью и зимой почти всегда температура на горе ниже на несколько градусов, чем внизу.

Удивительно, что при таких отвлечениях от учебного процесса я окончил первый курс без «хвостов», и зимние каникулы были проведены дома, с родителями и школьными друзьями. Позже я заглядывал домой даже на каникулах, на очень короткое время. Разные увлечения занимали всё свободное время и даже больше. В сентябре 1961 года умер отец. Он ещё успел порадоваться, что сын стал студентом. Будучи больным, он повесил над кроватью фотографию, на которой я держу над головой штангу весом 80 килограммов, и, по рассказам мамы, иногда её поглаживал. В дальнейшем мама, получая от меня письма, советовалась с дочерьми о степени опасности моих увлечений. И они всегда её успокаивали и объясняли, как это интересно и хорошо.

Учёба в институте и интересные увлечения.

Приведу хронологию моих занятий за пять лет учебы, совмещённые с учёбой.

1960 г. Поступление в институт. Занятия в кружке планеризма. Зимние каникулы, проведённые дома.

1961 г. Лето – горный поход по Кавказу с пятью перевалами и выходом к Чёрному морю.

1962 г. Февраль. Лыжный недельный поход по Кольскому полуострову с пятью холодными ночёвками и посещением Мурманска.

Весна. Подготовка и прыжок с парашютом.

Лето. Альпинистский лагерь. Поездка в Болгарию по обмену группами спортивных туристов.

Сентябрь. Короткая поездка из колхоза с Толей Макаренко в Славянск и Северодонецк.

Октябрь. Соревнования туристов в районе Одессы.

1963 г. Зима. Лыжный поход по Карпатам. Я руководитель.

Апрель. Сплав на лодках по Северскому Донцу.

Май. Слёт туристов и соревнования в Коробовых хуторах.

Июль – Август. Горно-водный поход через Саяны. Сплав на плоту по реке Кизир.

1964 г. Май. Поход по Крыму.

Июнь. Военные лагеря.

Июнь, июль. Лагерь подводного плавания ХПИ в Алуште.

Июль – январь 1965г. Преддипломная практика в Киеве.

31 октября 1964г. Наша свадьба. Я и Виктория Дмитриева.

1965 г. Февраль. Лыжный поход по Южному Уралу.

Июнь. Защита дипломной работы.

Июль. Лагерь подводного плавания ХПИ в Алуште.

23.08.1965г. Начало инженерной работы на заводе ТЯЖМАШ.

13.12.1965г. Рождение сына, названного Славой.

Вот такая она была Советская власть, когда рабочий парень мог спокойно поступить в ВУЗ, спокойно учиться, заниматься спортом и разнообразными увлекательными делами, зная, что после окончания учёбы его ждёт интересная работа, нужная всей стране. И это – на одну стипендию (уточнение – завод платил стипендию на 15% больше, чем государство). Сына мы тоже родили, не думая о скромности зарплат начинающих инженеров. Этих зарплат вполне хватало, чтобы нормально растить ребёнка. У нас даже и мысли не возникало, что нужно найти ещё парочку работ. А тем, кому хотелось жить богаче, государство особенно не препятствовало. Пример моего лучшего друга Толи Семенцова. Он, работая на серьёзной «космической» фирме, почти все свои отпуска и большинство выходных дней проводил на строительстве объектов для села, создав свою артель.

Горный поход по Кавказу.

Это было маленькое отступление от темы. Вернёмся к жизни в институте. Ближе к концу первого курса я возвращался после тренировки в общежитие вместе с Сашей Прокопенко. Часть пути проходила через старое кладбище, больше похожее на своеобразный парк. Широкие аллеи, красивые надгробия и памятники (без шика, ляпа и гигантизма современных захоронений очень богатых людей). Кованые ограды, почти произведения искусства, в большинстве оказавшиеся внутри толстых стволов деревьев. Вся обстановка умиротворяла, не мешая заниматься утренней гимнастикой, прогулкам и даже быть местом свиданий. С одной стороны к кладбищу примыкал наш «Гигант», а с другой стороны – общежитие Медицинского института.

Пока мы медленно шли, я успел рассказать Саше о своих полётах на планере. Саша, проникшись уважением ко мне, предложил мне пойти с ними в горный поход по Кавказу. У меня уже было на лето одно предложение. Организатор планерной секции предложил мне остаться на лето в Харькове и заняться серьёзно освоением полётов на двухместном тренировочном планере. Меня даже один раз прокатали пассажиром на таком планере. Запуск с помощью электролебёдки, высота до ста метров. Планирующий полёт, разворот и посадка в районе старта. Простейший полёт и необыкновенные ощущения.

Сразу вспомнилось высказывание С. Н. Анохина (заслуженный лётчик-испытатель СССР №1), что самый лучший полёт – это полёт на планере.

Понимая, что серьёзные занятия планерным спортом и инженерная работа несовместимы, а настоящие горы очень манили, я вместе Сашей пошёл записываться в группу участников будущего похода. Руководителем этого похода был Толя Семенцов, ставший чуть позже моим лучшим институтским другом. Заместителем Семенцова был Володя Крикуненко (с правом «вето» на решения руководителя). В походе я впервые увидел Свету Дейнеку, светлую, умную и симпатичную девушку, с которой мы стали впоследствии друзьями.

Мне выдали рюкзак примитивного образца и очень потрепанный. Когда, приехав домой, я показал его маме, она решила, что лучше сделать новый. Саша тоже жил в Донбассе. Поэтому он заехал ко мне в Мариуполь и познакомился с моими родителями. Родители тоже радовались, что у меня появились хорошие товарищи. В это время пришло письмо от Зины, совершенно неожиданное. Не помню его содержания, но было очень приятно.

А дальше на обычном рейсовом теплоходе, через Азовское море (Таганрогский залив) приплыли в Ейск. Этим путём впоследствии я со своими друзьями часто попадал на Кавказ и в Крым. Из Ейска поездом и на товарняках добрались до Армавира. Нужно отметить, что охраны на станциях почти не было, и милиция относилась к отдельным любителям так путешествовать спокойно. Наиболее экстремальный случай такого путешествия я опишу позже.

Переночевав на стеллаже во дворе школы, мы на следующий день встретили основную группу, приехавшую из Харькова поездом 7-го августа 1961 года. Точная дата, потому, что 6-го августа сообщили о запуске космического корабля со вторым космонавтом на борту – Германом Степановичем Титовым. Страна, без преувеличения, жила и гордилась такими событиями. И это всего через 16 лет после самой разрушительной войны в истории человечества, в которой самые большие потери были у нашей страны. Ещё очень скромная жизнь людей в личном материальном плане воспринималась спокойно. Улучшение жизни происходило почти в каждой семье. Даже мы стремились в горы, чтобы соприкоснуться с красотами кавказских гор, а не вкалывали на шабашках, чтобы добыть лишнюю копейку для семьи.

В этот день произошло моё знакомство со Светой Дейнекой. Ребята, сложив рюкзаки в скверике вокзала, пошли познакомиться немного с городом. Я, Саня и ещё кто-то остались при рюкзаках. На одном рюкзаке лежали купленные недавно солнцезащитные очки с наклеенным на стекле маленьким кружочком (рекламой и знаком качества изготовителя). Позже их стали называть «лейблом». Я, подумав, что этот кружочек будет мешать, аккуратно снял его. Рядом стоявшая девушка пообещала мне серьёзный конфликт с хозяйкой очков. А Света, вернувшись с прогулки, по поводу исчезнувшей наклейки мне совсем ничего не сказала. Мы даже дежурили вместе.

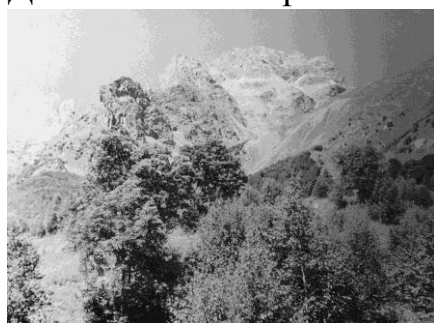
Руководил нами на данном этапе Володя Крикуненко. Начало маршрута начиналось от альплагеря Алибек, в котором заканчивалась смена нашего руководителя и инструктора Толи Семенцова.

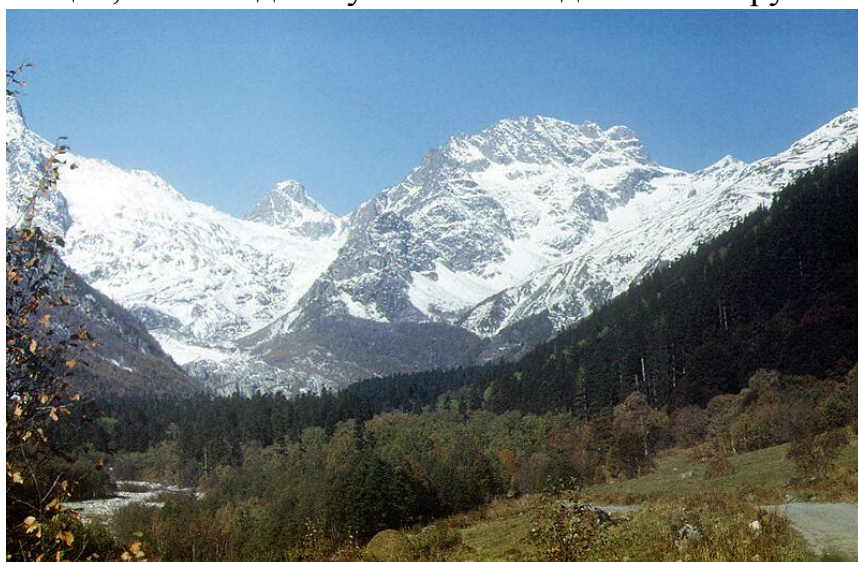
Такая активность была у многих ребят нашего времени. Побывать в разных уголках огромной страны, научиться многому и испытать себя в трудных условиях, от вершин гор до погружений с аквалангом. Такая жизнь закаляла, давала многие навыки, необходимые и в обычной жизни, развивала патриотизм. Из таких ребят и девчат и инженеры получились хорошие.

К концу нашей учёбы раскрутилось движение по созданию летних строительных студенческих отрядов. Идея, вроде, хорошая – силами студентов построить дополнительные объекты, в основном на селе. И первые отряды действительно создавались на энтузиазме молодёжи, желании увидеть новые места и помочь стране. Конечно, и немного заработать. Но постепенно заработок стал главной целью у обычных студентов, а у многих руководителей, ставших большими функционерами, появилось стремление продвинуться в верхние эшелоны власти. Образовывались ручейки и большие ручьи, которые помогли размыть идеологию советской страны.

В альплагерь Алибек мы пришли в полной темноте, не увидев всех красот Домбая. Нас встретил Семенцов, в этот день успевший подняться с группой

альпинистов на гору Сулахат, осуществив её траверс (прохождение горы по её гребню от начала до конца).

Наскоро съев сухой паёк, мы быстро заснули. Утро нас встретило ослепительным солнцем и панорамой снежных вершин. Внизу поляны цветов и отдельные массивы леса. Большинство из нас в горах никогда не было. Поднявшись немного по ущелью Алибек вдоль реки с тем же названием, вышли на снежник.

Дух захватывало от величия природы и её красоты. Раздевшись до купальных костюмов, поиграли в снежки. В конце большой поляны начинались

красивые скалы. Мне захотелось сбегать к ним. Втроём мы бежали полчаса, а скалы совершенно не приблизились. Таких уроков горы нам преподнесли ещё много. На территории лагеря построен бассейн с вышкой для ныряния. К бассейну подвели ручей, текущий с гор, и поэтому температура воды мало отличалась от температуры в ручье. Меня сразу потянуло на вышку. Ныряльщик из меня был никакой, но молодость!

Глянув с середины вышки вниз, мне показалось, что глубина в месте ныряния около двух метров. Стало страшновато, но ведь на меня смотрели... Я нырнул головой вниз и при входе в воду резко выгнулся, чтобы не удариться о дно. Вода меня дополнительно выгнула с такой силой, что боль в позвоночнике ощущалась ещё несколько дней похода. Прилежавший к спине тяжёлый рюкзак немного боль успокаивал. А реальная глубина под вышкой была, как и положено, не менее четырёх метров.

Из Википедии:

**«Панорамы
вокруг – это
цветочный рай,
лавинные склоны и
скалистые стены.
Слева, с тыла
красивая Белалакая
и пик Кап с Капским
многокаскадным
водопадом (в
простонародье
обезьянка). Из-за
тропы на Капские
ночёвки (Обезьянья
тропа)
достоверность**

названия можно не проверять. А впереди красавица Сулахат (Спящая Красавица), ледники, гора Эрцог (Единственный)».

Писать подробно о походе – не цель этой книги. Поэтому, напишу только об отдельных эпизодах похода.

Идти по горным тропам без серьёзной тренировки и отсутствия опыта походов тяжело. Снаряжение далеко от идеала. На мне были кеды впрытык по размеру. Не было нормальных стелек и шерстяных носков. Пальцы ног, особенно на спусках, быстро немели. Приходилось на каждом привале снимать кеды и опускать ступни в холодную воду ручья. И только когда я переобулся в ботинки, которые мне выдали как спецобувь ещё на заводе, я почувствовал себя человеком. Рюкзак, который мы сшили с мамой, тоже был далёк от идеала. Даже стиль хождения в горах особый. Препятствия на пути лучше переступить или обойти для экономии сил. И много других азбучных знаний, которые, наверно, знали ребята, занимавшиеся в секции туризма.

Валя Исаева, Володя Крикуненко, Толя Семенцов и я.

Но большинство ребят занимались в других секциях. Постепенно и навыки появились, и рюкзаки становились легче. Чаще стали поднимать головы вверх, чтобы полюбоваться горами. А кавказские горы действительно красивы в любое время суток. Даже ночью. Я нигде не видел таких крупных звёзд на фоне крон деревьев и пиков гор.

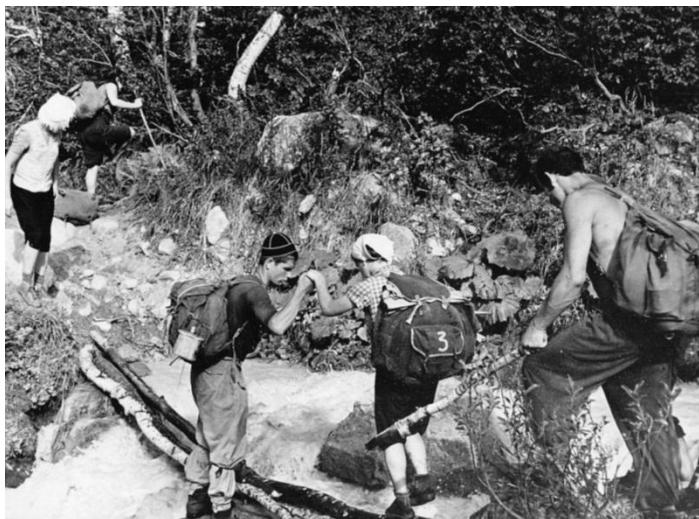
От альплагеря Алибек в пределах одного часа мы ехали на попутном грузовике. Панорама гор, медленно меняясь, завораживала. С нами ехал турист и альпинист с большим стажем и хорошим знанием гор, к тому же, прекрасный рассказчик. Девушки нашей группы, затаив дыхание, слушали рассказ о панораме проплывающих мимо гор. На определённом этапе наши пути разошлись. Мы двинулись по маршруту, покоряя один перевал за другим. Наш рассказчик Лев Иванов и его жена через ближайший перевал пошли к морю.

От альплагеря Алибек в пределах одного часа мы ехали на попутном грузовике. Панорама гор, медленно меняясь, завораживала. С нами ехал турист и альпинист с большим стажем и хорошим знанием гор, к тому же, прекрасный рассказчик. Девушки нашей группы, затаив дыхание, слушали рассказ о панораме проплывающих мимо гор. На определённом этапе наши пути разошлись. Мы двинулись по маршруту, покоряя один перевал за другим. Наш рассказчик Лев Иванов и его жена через ближайший перевал пошли к морю.

Наш маршрут завершался коротким отдыхом у моря. Практически после каждого перевала мы могли выйти к морю. Но как мы себя зауважали, пройдя весь маршрут. На море, разговаривая с местными ребятами, удивились, узнав, что большинство из них никогда не были в горах.

Крикуненко помогает, Прокопенко замыкающий.

Интересен сам дух похода, особенно для начинающих. Необычно всё. Тяжёлый рюкзак, который нужно тащить на себе в гору, а потом оказывается, что вниз его нести ещё сложнее. Дежурство с разведением костра и приготовления на нём в вёдрах съедобной пищи. Даже первые ночёвки в палатке с девушками волновали. Вечерние посиделки у костра с песнями, причем их быстро начинали петь все.

Всевозможные походные приключения и взаимопомощь быстро сближали, и к концу похода большинство ребят и девушек становились друзьями, а некоторые впоследствии создали хорошие семьи.

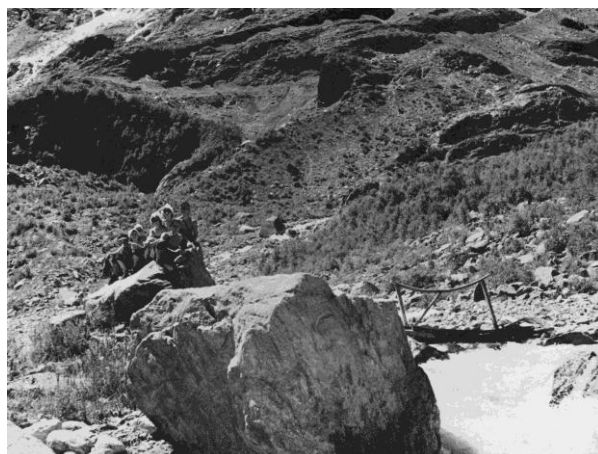
Самым известным озером на Кавказе для большинства жителей страны было озеро Рица - из-за своей близости к автомобильной дороге. Оказалось, что озёр разных размеров в горах много. В первый же день мы остановились у

маленького озера для короткого отдыха, называемого у туристов привалом. Цвет воды в озере сильно зависит от погоды. В солнечный день цвет озера обычно голубовато-бирюзовый. В воде отражаются окрестные горы. Одна из наших девушек, симпатичная толстушка, раздевшись, спокойно поплыла. Я решил тоже окунуться. Почти ледяная вода обжигала и пришлось показывать характер.

Его хватило мне, чтобы проплыть в быстром темпе десять метров и повернуть назад. Девушка проплыла тридцать метров и вернулась назад в спокойном ритме. Природа в горах иногда пополняла наш рацион своими дарами. В одном месте было много черники.

Пища у туристов достаточно однообразная, не способствующая расстройствам желудка, а тут ещё черника. Много было шуток, когда многие ребята надолго уходили в кусты.

В другом месте проходим заросли ежевики. Ягода полностью созревшая. Инструктор объявляет более длительный привал, и все устремляются в заросли ежевики. Минут десять ягоды съедаются без разбора, а затем обнаруживается, что в каждой третьей ягоде сидит беленький червячок. Реакция на это сообщение была разной. Одних стошнило. Большая часть группы ела ягоды, проверяя

каждую. А наиболее юморные хлопцы демонстративно ели все ягоды подряд.

Река Ненскра.

И наша днёвка (день, когда туристы отдыхают) на реке Ненскре. С утра все занимались своими делами. Потом пошли есть малину. Когда насытились, кто-то предложил сварить малиновое варенье, что и сделали. Наш инструктор

вырезал удилице и с двумя ребятами ушёл ловить форель. И они, на удивление, принесли около десяти форелей. Очень симпатичная рыба среднего размера. Я тогда ещё не знал, что Толя Семенов родился, вырос и даже проходил срочную службу на Кольском полуострове, где он с малых лет пристрастился к рыбалке и охоте, добывая дополнительную пищу для семьи в послевоенные годы. Обед у

нас получился праздничным – с ухой и вареньем.

А я в промежутке между малиной и обедом искупался в реке. Очень быстрый поток воды с жёлтым отливом, создаваемым большим количеством переносимого водой песка. К воде склонилась толстая ветка растущего у берега дерева. Появилась мысль – удержусь ли я за эту ветку в таком быстром потоке.

Задумано и сделано. Вода по температуре была достаточно тёплой. Оказалось, что болтаться в потоке, вытянувшись вдоль него, легко. Когда я отклонял голову и слегка опускал её в воду, поток меня быстро переворачивал. Немного покувыркавшись, я вышел на берег. Понравилось кувыркаться ещё нескольким ребятам. Пишу подробно об этом случае, потому что через два года я вспомнил о нём в критической ситуации похода со сплавом по восточным Саянам.

Нашлось время и для большого письма родителям в Мариуполь. Оно больше было похоже на дневник. Его

родители читали сами и вместе с Роней и Борей.

Сейчас трудно вспомнить весь наш маршрут и последовательность покорённых нами перевалов. Некоторые из них упоминаются в любимой у туристов песне «Баксанская».

Один из припевов:

***«Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,
Кости на Бассе, могилы под Ужбой,
Помни, товарищ, помни, дорогой».***

И конец песни:

***«Если придётся воевать в горах,
Вместе с ледорубом возьмешь ты автомат
И, как на страховке, сожмешь его приклад.
Помнишь, товарищ, белые снега,
Стройный лес Баксана, блиндажи врага,***

Кости на Бассе, могилы под Ужбой?

Вспомним, товарищ, вспомним, дорогой»...

Многие песни трогали душу, воспитывали патриотизм. Семенцов, как старший в нашей группе, и по возрасту тоже, рассказал о боях за перевалы Северного Кавказа. Все внимательно его слушали. Из поэтов у туристов были популярны: Ю. Визбор, Б. Окуджава, А. Городницкий и многие другие.

После одного из перевалов, на спуске, одна из наших девушек потеряла

сознание и получила серьёзную травму. Мы шли снежником по тропе, которая подошла к открытому льду с уклоном около 15-ти градусов. Инструктор дал команду о прекращении движения. Он с опытными ребятами стал обсуждать дальнейшие действия. Многие из нас стояли у кромки льда, любуясь округлостями его поверхности. Таким лёд бывает на южных склонах ледника при его неравномерном таянии. Неожиданно Ненси (так мы называли

девушку), поскользнувшись, оказалась на поверхности льда и с ускорением стала скользить вниз на «пятой точке» и рюкзаке, подпрыгивая на его выпуклостях. Длина открытого льда – около 60-ти метров – заканчивалась равномерной полосой камней. Девушка от подпрыгиваний и страха потеряла сознание. Тело девушки в конце спуска упёрлось ногами в камни и, кувыркнувшись, оставшись неподвижным. Все оцепенели. Но через секунду один из двух парней, которых Семенцов пригласил после смены в альплагере пройти ещё с нами по маршруту, заскользил вниз на ногах, присев и регулируя скорость спуска опорой на ледоруб. Несколько секунд, и он уже оказывает посильную помощь Ненси. Я, наверно от волнения, тоже стал на лед. Законы физики для всех одинаковы, а вот умение их использовать разное. Я тоже на «пятой точке» заскользил вниз. У меня не было навыков и ледоруба, но были природные инстинкты. В руках у меня была обычная палка, на которую я нажимал из всех сил. Тормозила она плохо, но мои усилия слегка приподнимали оголившуюся спину и спасли её от травм. При спуске рюкзак оказался за головой, а пустое ведро, висевшее на рюкзаке, на каждой кочке ударяло меня по голове. Долго потом все смеялись, вспоминая мой спуск. Я этих ударов не чувствовал, и работа мозга сконцентрировалась на замедлении скорости и встрече с камнями. Сильный удар, ноги его хорошо амортизируют, и я по инерции пробегаю ещё несколько шагов. Спешу на помощь Ненси, а она уже пришла в сознание. К возвращению в Харьков ссадины на лице у неё зажили и стали почти незаметными. И сломанный зуб ей в Харькове восстановили. Остальная группа обошла лёд по снегу. Этой травмы можно было избежать. Знаний у ребят, прошедших альплагерь, было достаточно. Вот только молодость, и, зачастую, расслабленность.

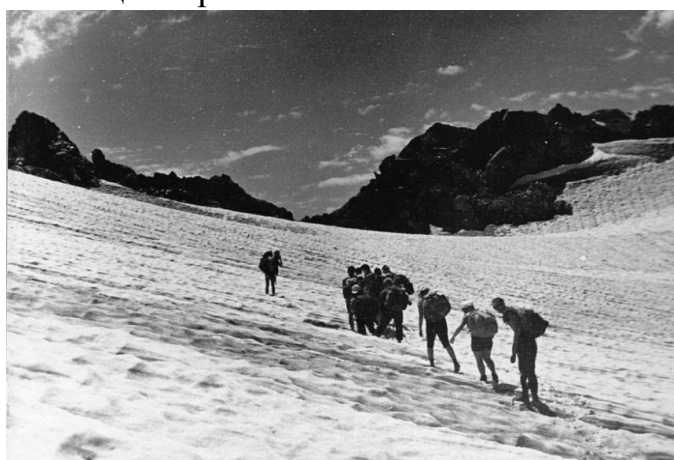
«Бечо — перевал на Главном, или Водораздельном, хребте Большого Кавказа, между горными массивами Донгуз Орун и Шхельда. Высота 3375 м; покрыт ледником. Доступен перевал только летом. Туристическая тропа от р. Баксан проходит по долине р. Юсеньги»... Большая советская энциклопедия.

Наверное, последним нашим перевалом был Бечо (в переводе – плечо).

Интересен он по нескольким причинам. Перевал сложный из-за ледника, после прохождения, которого Толя Семенцов приблизил меня к себе. Наша дружба сохранилась и сейчас.

Подошли мы по тропе к леднику на заходе солнца. Всегда приятная команда: «Привал». Семенцов, Крикуненко и, возможно, наиболее опытные ребята стали обсуждать отдельные детали движения по льду. Володя Крикуненко предложил в ночь на перевал не идти, а заночевать на месте привала, или даже спуститься

немного вниз, где холод от ледника меньше и легче найти топливо для костра.

Сейчас я понимаю, что такое решение было самым разумным, но понимаю и Толю (изучив его характер). Мысль о потере целого дня похода, «мартышкин труд» спуска вниз и обратный подъём к леднику не укладывались в его голове.

Думаю, что на этом снимке снят момент подъёма к перевалу «Бечо».

Обсуждение было бурным, вплоть до непарламентских выражений. Толя даже провёл опрос всех участников похода, что показывало ещё его маленький стаж инструктора. Что могли сказать ребята, впервые попавшие в горы?

Где-то в 2000-м году я в Киеве встретился с Володией Крикуненко. Вспоминая этот поход, он сказал, что у него и сейчас осталась обида на Толю, вызванная тем обсуждением: «Как можно было назвать меня трусом да ещё в присутствии девушки, за которой я ухаживал». Конечно, трусом Толя Володю не считал, это были остатки детских методов вести спор.

На перевал мы пошли, потеряв время на дебаты, в сумерках. Забылись принятые нами меры безопасности. Думаю, что обычные. Вначале идёт связка из трёх человек во главе с инструктором. Основная верёвка у нас была одна. Далее чередование парней и девчат. И в конце тоже очень опытный парень. Поднялись на перевал без проблем, а спуск, как всегда, более сложен, да ещё в темноте. Спустившись к

первому селу, все очень устали, и можно было разбивать лагерь для ночлега. Но Толя принял решение пройти ещё километр, чтобы не ночевать рядом с селением. Группа ушла под руководством Володи, а Толя и я пошли в селение для покупки молочных продуктов. Купили сыр и большое ведро мацони.

Из википедии: *«Мацун (арм. մածուն) или Мацони (груз. ძველბო) — кисломолочный напиток армянского происхождения. Это традиционное армянское и грузинское ферментированное молоко, являющееся важным продуктом питания их национальных кухонь. Широко распространенный напиток на Кавказе, в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Приготавливается из кипячёного молока коров, овец, коз, буйволов или их смеси».*

Честь нести ведро была предоставлена мне. Усталость, ночь, почти горная тропа, за спиной рюкзак и десятилитровое ведро, наполненное до края. Я прощупывал каждый свой шаг и донёс, вызвав большое уважение к себе у Семенцова. А когда он позже узнал, что я ещё и грек, то навсегда попал в круг близких для него людей.

Маленькое отступление. Кавказ в то время в плане безопасности почти ничем не отличался от других районов СССР. Не рекомендовалось отпускать далеко от лагеря девушек без ребят, чтобы «горячие» горцы их не украли, но о подобном в реальности я не слышал. Моя жена Вита после института ездила в командировку в город Грозный в НИИ нефтеперегонного завода. Общалась с коллегами, гуляла по городу и вернулась домой в хорошем настроении. Даже привезла несколько книг (художественная литература), которые в центральных областях страны были в дефиците. Ведь СССР действительно был самой читающей страной в мире.

К нашему приходу на поляне стояли палатки и горел костёр. Дежурные с добровольными помощниками готовили двойную порцию еды. А ещё сыр и мацони! Про рекомендации, что на ночь много есть вредно, никто не думал. На второй день Семенцов подсчитал еду, съеденную им. Получилось девять литров.

Горная часть похода подходила к завершению. Мы находились на территории Грузии и как-то не думали об этом. Спускаясь дальше вниз, пришли в большой посёлок полугородского типа. Здесь уже были признаки цивилизации. Ближе к вечеру договорились с водителем грузовой машины, чтобы он нас доставил на вокзал города Зугдиди. И он нас доставил...

Перевал «Донгуз-Орун», через который мы тоже прошли.

Всей группой мы загрузились в кузов, естественно не подготовленный для перевозки пассажиров. В кабину никто не захотел садиться. Водитель подъехал к кафе, перекусил, выпив при этом два больших стакана вина, и мы поехали. Кто-то из нас стоял, опираясь на кабину. Остальные сидели на рюкзаках, если это можно назвать сидением.

Большая часть пути проходила в ещё серьёзных горах, где дороги прокладываются по склонам ущелья, иногда спускаясь к реке, чтобы дальше перейти на противоположный склон ущелья или чтобы пересечь примыкающее ущелье и реку, протекающую по нему. Такую дорогу делают, используя взрывчатку и бульдозеры. Много и ручного труда.

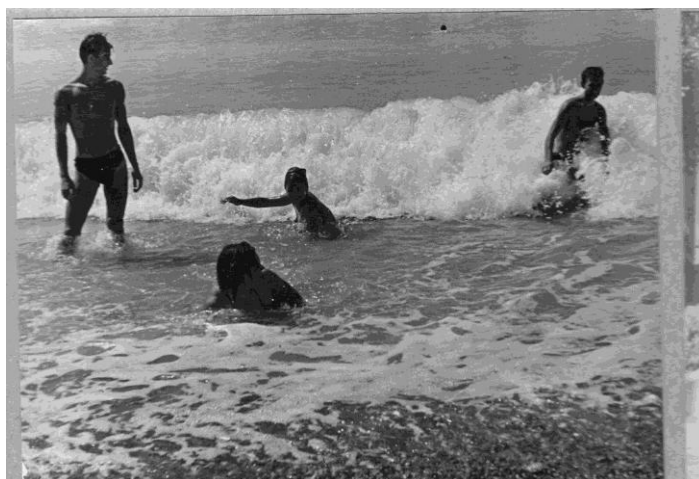
Дорога узкая и для одного грузовика. Чтобы разойтись со встречной машиной, кому-то нужно остановиться, притиснувшись к скале в ближайшем расширении дороги. Иногда возникают конфликты по поводу, кому нужно сдавать назад. Машин на дороге было мало и разъезды со встречными машинами мне не запомнились. Скорость движения, на наш взгляд, была большой, но у местных водителей свои критерии. Ехали с затаённым страхом внутри, избавиться от которого невозможно. Ночная езда на приличной скорости, а в полуметре от колёс обрыв, глубину которого ночью определить нельзя, да и не нужно.

Но самый тревожный период начался, когда нас нагнала легковая машина и, непрерывно сигналив, требовала уступить дорогу. Она даже пыталась на расширениях дороги нас обогнать, что было бы равносильно самоубийству. Это продолжалось не менее получаса – время, показавшееся нам вечностью. Наш водитель ехал, как будто второй машины не было. Мы с тревогой ждали развязки этой ситуации, ожидая серьёзного конфликта. Но легковая машина, наконец, обогнав нас, даже не остановилась.

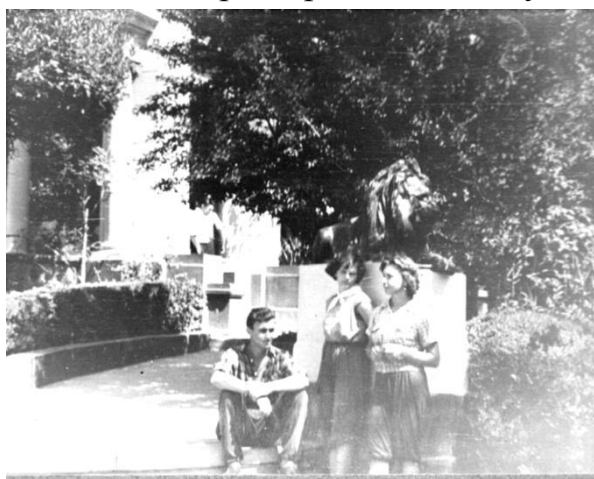
Когда мы спустились в предгорье, наши приключения продолжились. Наш водитель, увидев у обочины милицейскую машину, остановился, не подъехав к ней. Когда милиционер сам подъехал к нам, водителя нашей машины в ней не оказалось. Он куда-то исчез при открытом вокруг пространстве. Милиционер посидел в кабине грузовика, постоял 20 минут и уехал. Ещё через 10 минут наш водитель «материализовался» в кабине и уже без приключений привёз нас к вокзалу.

Взятые обязательства водитель выполнил, а мы поняли, что эта поездка была самым опасным моментом нашего похода. А также, что не только Восток – дело тонкое...

Дальше на поезде мы приехали в Сухуми. Много солнца, фруктов и тёплое прозрачное море (по сравнению с Азовским морем). Много плавали, резвились в зоне прибоя. Пошли на прогулку по городу и посетили обезьяний питомник. Море понравилось, питомник не очень. На следующий день перебрались в город Гагра. В нём меньше людей и чище море.

Провели прямо на берегу моря около трёх дней. Плавали и загорали. Кто-то из отдыхающих оставил на берегу ласты большого размера с повреждённой задней частью. Никто не знал, как ими пользоваться. Лучше всего получалось на спине, отталкивая воду назад, как шатун толкает поршень у паровоза. Не знал я тогда, что через три года начну заниматься подводным плаванием почти на профессиональном уровне.

Посетили мы и город Сочи, старую его часть. Грязноватые пляжи в черте города впечатления на нас после Гагры не произвели, а вот дендрарий остался в памяти. Запомнилось, к примеру, что краснодарский чай один из лучших в мире. Правда, в магазинах его тогда почти не было (как и сейчас). И парадокс. Сейчас, при переполненных полках с чаем, в магазинах купить хороший чай невозможно. Сплошные подделки, если

не «отрава». С ностальгией вспоминаешь даже грузинский чай, который большинство советских людей поругивало.

Возвращались после похода домой вместе с Сашей Прокопенко. Запомнился обед на станции Кавказская. Денег почти не было, и мы взяли по тарелке борща, в которой плавали по два кусочка сала, и съели с борщом буханку хлеба. Наверно, часть пути снова ехали на грузовых составах. На общение с родителями оставалось два дня. Папа и мама были счастливы, что их младший ребёнок успешно перешёл на второй курс и имеет возможность так интересно отдыхать. Это была моя последняя встреча с отцом. Болезнь ему портила жизнь, но понимание того, что дети живут спокойной, творческой жизнью, очень радовало. И для нормальной человеческой жизни не требовалось особо высоких заработков.

Второй курс института.

Начало учебного года началось уже привычной поездкой в колхоз. Дружная, весёлая жизнь и работа. Переборка кукурузы, поездки с семечками подсолнечника и свеклой на приёмные пункты и т. д. И телеграмма с сообщением, что 16-го сентября умер мой отец. Папа часто болел, и это сообщение тогда не было шоком. Возможно, душевным смятением. Меня на колхозной машине отвезли на ближайшую станцию. Двое ребят поехали на станцию вместе со мной. Учитывая имеющийся у меня опыт, приехал я домой быстро и успел к похоронам. Слез не было, просто внутренняя тяжесть. Это сейчас слёзы наворачиваются при воспоминаниях об отце. И так хотелось бы с ним поговорить о многом.

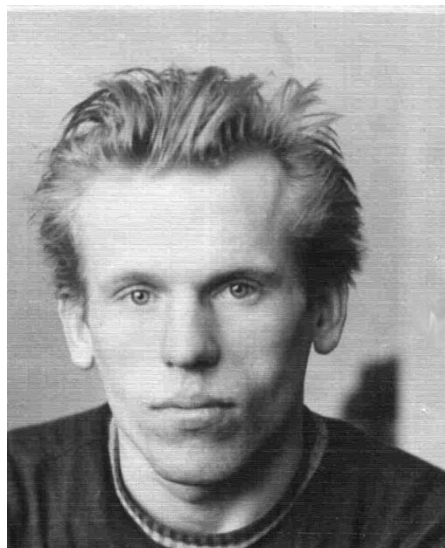
На заводе, где работал отец, с моим большим участием сделали памятник, ограду и установили их на могиле. Я до сих пор работаю тем метчикодержателем, который мне принёс Боря уже из инструменталки моего предприятия для закрепления таблички и фотографии. Дома я пробыл около десяти дней. В это время пришло письмо от Зины, очень тёплое, с выражением искреннего сочувствия.

Когда я приехал в институт, занятия шли полным ходом. Пришлось на ходу встраиваться в учебный процесс. Детали учёбы запомнились мало. Повторю четверостишие Вани Андреева: **«Бег пера – конспекты лекций: электроника, истмат, начерталка – связь проекций, курсовые, сопромат»**. Текущие дела рабочего процесса, каким была для нас учёба, запоминаются плохо, если идут без больших проблем. Мне удалось закончить обучение в институте вполне успешно.

А вот жизнь, прошедшая рядом с учёбой, осталась в памяти лучше. Семенцов вовлёк меня в мероприятия, проводимые туристами. Это выезды на природу (у туристов выезды назывались вылазками). Подготовка к соревнованиям. Это спортивное ориентирование и полоса препятствий. На первых же соревнованиях по ориентированию я понял, что для бега не подготовлен. Последние сто метров перед финишем ребята по команде тащили

меня практически на себе. Пришлось тренироваться и, забегая вперёд, могу отметить, что бегать я стал вполне прилично, но сам бег так и не полюбил.

Горнолыжный поход по Кольскому полуострову.

Толя Семенцов.

Приближалась зима. К планерному спорту я больше не возвращался, а хотелось очень. Моя мама любила присказку: «**Разве хочешь, когда надо**». Толя Семенцов комплектовал группу для лыжного похода по Кольскому полуострову. Я уже был своим у туристов, продолжая заниматься в секции лёгкой атлетики. Мне, конечно, захотелось побывать за полярным кругом зимой. Семь холодных ночёвок в палатке. Немного смущало почти полное неумение ходить на лыжах, если не считать детского опыта спуска с пологих склонов на самодельных лыжах, смазанных салом. Толя организовал несколько выходов на лыжах в окрестности Харькова на склоны местной «Швейцарии». К счастью, такие походы и не требовали мастерского владения бегом на лыжах, искусства в слаломе на спусках и т. д. Даже Толя, с детства ходивший на лыжах на охоту, спортивной лыжной техникой владел слабо. Он нам рекомендовал полужёсткие крепления как наиболее надёжные для хождения по снежной целине, при затяжных подъёмах и таких же спусках при густом подлеске и полутораметровом сыпучем снеге. С нами шёл в поход Вилл Поберезовский, занимавшийся в лыжной секции. Но его тоже убедили пойти на лыжах с полужёстким креплением.

Основное время в подготовке к походу заняла материальная часть. Лыжи, бывшие в употреблении, зачищались шкуркой и смолились. Мазь для лыж брали, но ею почти не пользовались. Каждому участнику из плотной ткани шили бахилы. Они натягивались на ноги с ботинками и привязывались крепкой лентой у коленей, чтобы снег не попадал в ботинки. Бахилы мы оценили в первый же день похода. Доработали палатки: две обычные палатки соединили между собой, вшив промежуточный тамбур. Внутри тамбура влезали через рукав, который перед сном завязывался дежурным.

Вилл Поберезовский.

В тамбуре стояла лёгкая самодельная печурка, труба которой выходила вверх через круг тонкого листа из металла, учитывая противопожарную безопасность. Запас сухих дровишек на всю ночь и двое дежурных, сменяющих друг друга.

Портной Гена Марача.

В каждой палатке спало по пять человек и дежурный. Как в туристской песне: «Последним влез инструктор наш, как пес, свернувшись на пороге». Над печкой натягивали верёвку для просушки влажных вещей. Печка нагревалась докрасна. За палаткой ночью температура опускалась до 50-ти градусов мороза. Над печкой плюс 50. А возле голов спящих туристов около нуля. Огромная ответственность была на дежурных. Выскочить из герметично закрытой палатки сонным людям невозможно. Только если резать палатку. А в палатке для теплоизоляции сделаны еще два вкладыша из простыней.

Перрон вокзала в Харькове.

От обычных спальных мешков мы отказались из-за их неэффективности, тяжести, и, в определённой степени – бедности. Есть в России хорошая поговорка: «Голь на выдумки хитра». В каждую палатку был сшит общий спальный мешок из трёх одеял. Два вдоль и одно поперёк. В нём помещались пять человек, грея друг друга. Крайние греялись в худшем положении и их дополнительно утепляли. Семь таких ночёвок – и ни одного заболевшего.

Печку пришлось делать мне – как слесарю со стажем. Конструкция печки была разборной, чтобы занимать мало места в рюкзаке. Судя по фото, главными

портными были Люда Мишенина и я. А в поисках самых тёплых одеял

Семенцов обошёл половину «Гиганта», сумев убедить владельцев более тёплых одеял на обмен.

Для полной «картины, написанной маслом» осталось описать нашу стоянку.

Вначале рубился лапник сосны и укладывался толстым слоем на место установки палатки. Палатка крепилась шнурами к растущим деревьям, и поэтому место для её установки было важным делом. Боковые растяжки крепились к воткнутому в снег лыжным палкам. В трёх метрах от палатки место для костра. По контуру – толстые стволы спиленных сосен. На них сидели и

лежала перекладина для подвешивания вёдер с готовящейся пищей. Прямо на слегка утоптаный снег в месте будущего костра клались толстые ветки сосны, и на них разводился костёр. Снег под костром медленно таял и оседал. Вместе с ним опускался и костёр. Вёдра с пищей висели на специальных многоярусных крючках, и поэтому дежурные легко регулировали их высоту над костром. Сучья догорали во время нашего сна, а утром вокруг костра снега не оставалось. На глубине более метра зеленела замороженная осенняя трава и даже ягоды.

Интересно смотрелся наш лагерь ночью, когда все (кроме дежурного) уже спали. Маленькая поляна, окружённая высокими соснами,

уходящими в красивое звёздное небо. Внизу поляна слегка освещена догорающим в глубине нашего очага костром. В таком свете тёмная палатка

напоминает лежащего доисторического зверя. Но почему-то из спины этого зверя на метровую высоту поднимается цилиндрической формы пламя, рассыпаясь вверху большим количеством искр. Полностью сухие при таких сильных морозах сосновые дрова сгорают, не давая крупных искр, которые потом медленно опускаются на палатку совсем холодными.

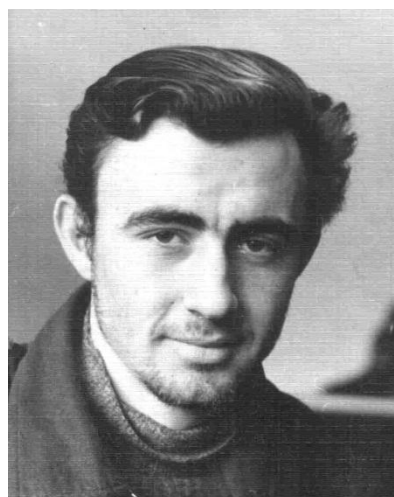
Толя Фесенко.

Один раз я рядом с дежурным долго занимался ремонтом снаряжения при свете горящих дров в печке. Все (кроме дежурного) уже спали. Когда я начал втискиваться в спальный мешок на своё место, то оказалось, что это не так

просто сделать: «Свято место пусто не бывает». Четверо моих товарищей спали на спине. Работая как клин, я с трудом втиснулся между ребятами. Сердце колотилось как при подъёме в гору. Моё глубокое дыхание при вдохе раздвигало ребят, а при выдохе ситуация возвращалась в прежнее положение. Конечно, всё постепенно нормализовалось. Кто-то из спящих ребят повернулся набок, и моё дыхание пришло в норму.

С помощью Толи Фесенко (теперь, при наличии компьютера можно оперативно общаться) я уточнил состав участников похода. Восемь ребят и три девушки. Одиннадцать человек. А вот система дежурства ночью у печки в моей памяти стёрлась. Думаю, что дежурили парами и только ребята. А вот Толя Фесенко убеждён, что была «карусель» из нескольких человек. Толя в плане спортивных пристрастий однолюб. Он всю свою жизнь после института преподавал в родном нам ХПИ, а в свободное время занимался туризмом. И, возможно, в других походах по русскому Северу дежурили у печки несколько человек, сменяя друг друга.

Участники похода, с которыми я ходил в поход по Кавказу – это Толя Семенцов, Володя Крикуненко, Света Дейнека, Люда Мишенина, Валя Исаева.

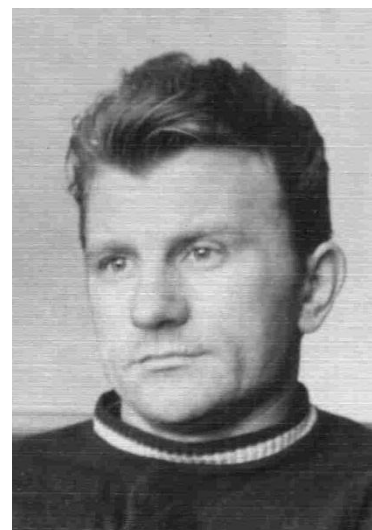

И ребята, с которыми я прошёл горно-водный поход по Саянам – это Толя Фесенко и Вилл Поберезовский.

Гена Марача. Савченко.

Зимний поход существенно отличается от летнего. Снег при низких температурах в тайге почти не уплотняется, и лыжи проваливаются вниз до

полуметра. Идущего впереди туриста часто приходится менять.

Зато в тайге нет ветра, и незащищённое лицо спокойно переносит мороз более сорока градусов. При пересечении больших открытых пространств (озёра и т. д.) нам приходилось надевать на голову защитное приспособление для лица.

Шили мы их сами в виде мешка из плотной ткани с лёгким утеплителем и отверстиями для глаз и рта. Нет смысла писать обо всех тонкостях нашего похода. В Интернете можно найти всю информацию для безопасных лыжных походов. У нас всё было проще, но, учитывая скромные возможности нашего времени, мы подготовились к походу хорошо.

Валя Исаева, Люда Мишенина и Света Дейнека.

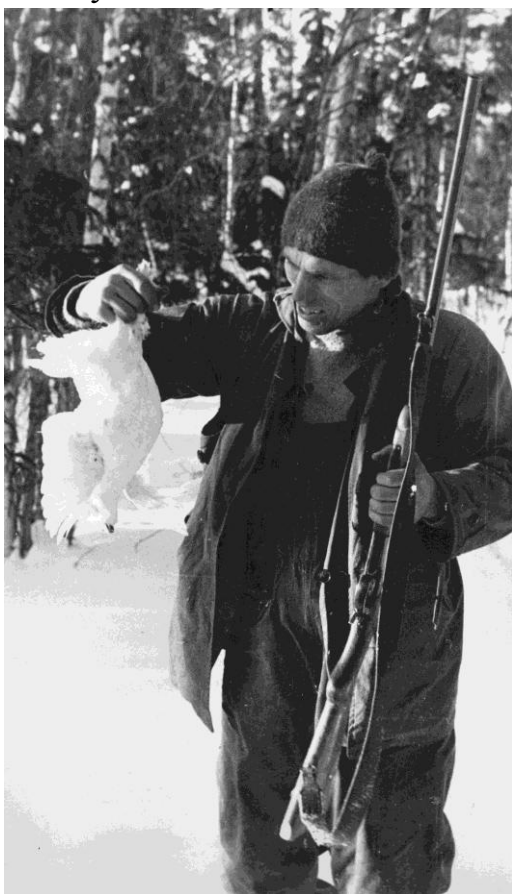
Несколько личных впечатлений. Очень тяжело мне и Вале Исаевой было при крутых подъёмах и спусках, на склонах, заросших лесом, с узкими, почти вертикальными просеками. Мы, часто поднявшись на десяток метров вверх,

затем сползали вниз почти в исходную точку подъёма. Слепящий на солнце, совершенно белый снег, состоявший из мельчайших ледяных шариков, не представлял опоры для лыж, так же как и для лыжных палок. Спуск потом был ещё «веселее». Узкая просека периодически делает крутые повороты. Спустившиеся вниз ребята не намного лучше нас держались на лыжах и практически

не оставляли лыжни. Был просто перепаханный лыжами снег. Техника нашего спуска предельно проста. Направляешь лыжи вдоль просеки, слегка отталкиваешься палками и, присев, с ускорением скользишь вниз, стараясь не упасть до ближайшего поворота. Перед поворотом, не пытаешься повернуть, опускаешься на «пятую точку».

Позже Валя Исаева сказала: «При воспоминании об этом походе первое, что будет вспоминаться мне – это наши с Геной подъёмы и спуски на лыжах

через, хоть и невысокие, но хребты».

Некоторые навыки ходьбы на лыжах у меня появились, но хорошим лыжником я так и не стал.

Толя

Семенцов даже в этих условиях подстрелил белую куропатку. Очень красивая птица. У меня сейчас стоит на книжном шкафу большое фото нашего охотника со своим трофеем. Жалев немного птицу, вечером отправили её в ведро с супом. У нас с собой был маленький пузырёк с концентрированным экстрактом

укропа. Решили добавить «укроп» в суп, прочитав инструкцию. По инструкции получалось около десяти капель. Добавили в ведро. Попробовали и добавили ещё 20 капель. В результате вкус укропа стал в супе основным.

Всем известно выражение: «движение – это жизнь». Наша простая одежда – обычное бельё, фланелевый спортивный костюм, свитер (у большинства участников из вегони), сверху штормовой костюм, шерстяные носки и шапка – согревали нас только при активном движении. На коротких привалах дополнительно одевалась телогрейка и меховая шапка. Десять минут привала и в путь. Не только голод, но и мороз «не тётка». На каком-то этапе маршрута нас подвёз водитель на старой полуторке. В кузове без движения мы стали быстро мёрзнуть, греясь бегом на месте, и толкая друг друга. В какой-то момент машина забуксовала, и ребята охотно стали её толкать, забыв о девочках. Когда вытолкнули машину на ровный участок дороги, мы увидели, что наши красавицы стали совсем никакими. Они сидели на рюкзаках, плотно прижавшись, друг к другу. Двигаться им совсем не хотелось. Пришлось насильно ссадить их из машины на снег и заставить бегать вокруг машины.

Привожу ссылку статьи (учебный курс) о современных зимних спортивных походах. Автор П. И. Лукоянов: http://www.skitalets.ru/books/ski_luk/

По памяти восстанавливаю наше путешествие. Остановка (возможно пересадка) в Москве. Мороз 21 градус. Запомнился просмотр фильма в кинотеатре «Россия», открытый в предыдущем году.

«Театр «Россия» — памятник архитектуры, самый вместительный театр Москвы, здание которого построено в 1961 году как кинотеатр «Россия» — самый большой кинозал в Европе и центральная киноплощадка СССР. Расположен кинотеатр в центре Москвы на Пушкинской площади».

Художественный фильм об экспедиции в Арктике, трагически закончившейся, и мероприятиях по её спасению. Фильм произвёл на нас сложное впечатление. Величие Арктики и огромные сложности её освоения. И мысли о том, как у нас сложится поход.

Остановка в городе Кандалакша, где Толя Семенцов провёл своё детство и юность. В этом городе и сейчас живёт сестра Толи Люба. Принять сразу одиннадцать человек со всем нашим барахлом в маленькой городской квартире могли только на севере и, особенно, в советское время. Нам предоставили квартиру на два дня и даже угостили огромными котлетами из оленины. Олень был добыт мужем Любы Толей выстрелом из ружья прямо из тепловоза. Браконьерство, конечно.

Мы немного познакомились с городом и поднялись на лыжах на сопку Лысая. Город окружён сопками, а сопка Лысая самая высокая. По пути на сопку Семенцов подстрелил большого глухаря. И это почти рядом с городом. С глухарём нам возиться было некогда, и мы оставили его в холодильнике, как маленькую компенсацию за хороший приём.

Сопка «Лысая».

Быть на Кольском полуострове и не посетить один из самых известных городов СССР за полярным кругом — Мурманск, невозможно.

«Мурманск (кильд. Мурман ланнĚ, с.-саамск. Murmánska, колтта-саамск. Мииртан, до 1917 — Ромáнов-на-Мурмане) — город на северо-западе России, административный центр Мурманской области. Население 304 508 человек. Мурманск находится на скалистом восточном побережье Кольского залива Баренцева моря. Крупнейший в мире город, расположенный за северным полярным кругом. Один из крупнейших портов России»

Население 304 508 человек. Мурманск находится на скалистом восточном побережье Кольского залива Баренцева моря. Крупнейший в мире город, расположенный за полярным кругом.

Мурманск.

К тому же незамерзающий порт. Светит солнце, мороз под 30 градусов и открытая вода. Суда, стоящие у причальной стенки, сверкают причудливыми наростами льда на всех поверхностях, но особенно красив лёд на рангоуте, такелаже и стальных тросах. Пахнет морем и Новым Годом. Для нас красота, а для команды огромная дополнительная работа. Прошлись по городу. Попросили, чтобы нам показали рыбный завод. Нас не только пустили на территорию завода без всяких формальностей, но даже выделили провожатого-экскурсовода.

Почувствуйте разницу с сегодняшним временем строительства капитализма...

Остановились мы и в Ленинграде. Погуляли по центру и, конечно, посетили царский Зимний Дворец – теперь Эрмитаж. Были поражены количеством произведений искусства,

выставленных в залах. Посмотрев на мундир царя Петра Первого, решили, что рассказы о его богатырском росте немного преувеличены, а вот масштаб преобразований преувеличить сложно. Заглянули и в Пушкинский музей. К сожалению,

память о нём почти ничего не сохранила. Вечером мы даже посетили театр. Спокойно взяли билеты, но при входе нам популярно объяснили, что в такой одежде в театр не ходят. А потом, войдя в наше положение, предложили снять нашу верхнюю одежду в подсобной комнате и тихо проводили на наши места после начала спектакля. Такова была общая направленность на повышение культуры (особенно у молодёжи) в государстве. А Ленинград был в советское время образцом почти по всем видам жизнеустройства народа в стране.

Ещё два воспоминания характеризующие студентов 60-х годов. Один из ребят взял с собой роман А. Толстого «Хождение по мукам». Мы шутили, что вот у нас точно хождение по мукам. Не знаю как другие участники похода, но я, к своему стыду, не знал, что есть такой талантливый писатель и замечательный гражданин Алексей Толстой. А второй парень захватил с собой самодельный приёмник, помещённый в мыльницу. Такой корпус был тогда популярным. Дёшево и практично. На маршруте приёмник перестал работать, несмотря на все усилия конструктора. И неожиданно после похода на вокзале приёмник заработал. Не «хотели» батарейки при сильном морозе вырабатывать ток. Теперь целенаправленно так обработано большинство людей, и особенно молодёжь, что ни о каком чтении и тем более творчестве и мыслей нет. Безудержное потребление. И главная задача министерства образования (из выступления министра Фурсенко) – подготовка цивилизованных потребителей (как на Западе).

Храм Спаса-на-крови.

Закончили мы свой маршрут выходом к маленькому жилому посёлку. Название посёлка и основной вид деятельности жителей не помню. Встретили они совершенно незнакомых туристов хорошо. Людям было понятно, что такое неделя ходьбы на лыжах по таёжно-гористой местности в ненаселёнке.

Нам на сутки выделили один из двух классов местной семилетней школы,

отменив занятия. Подсказали, в какой избе нам могут продать замороженную клюкву и даже предложили искупаться в бане, нагреваемой «по-чёрному».

Баня по-чёрному — старинная русская баня, которой пользовались наши предки многие и многие годы, да и сейчас этот вид бани еще сохраняется в северных российских деревнях и в

Сибири. Она представляет собой бревенчатую избушку, в которой совмещены парная и моечная. Обогрев помещения осуществляется от костра, который горит в очаге, расположенном обычно в центре помещения под кучей камней.

Трубы в бане по-черному нет, и дым из топки, пройдя через камни, аккумулирующие жар, циркулирует по помещению, обогревая стены, потолок, и затем уходит через отверстия в крыше (потолке) и стенах, а также через полуоткрытую дверь. Потолок и стены в такой бане всегда закопченные, отсюда и название бани — по-черному. Когда баня истоплена, то после полного сгорания дров, оставшиеся головешки и угли выбрасывают во двор. Затем закрывают все отверстия, через которые выходил дым из очага. Баня должна выстояться час-полтора, чтобы вышел угарный газ; после этого стены окатывают водой, моют пол, полки. Для опаривания бани обязательно поддают на раскаленные камни один-два ковшика воды.

Баня нам понравилась. В хорошем настроении по пути из бани зашли в магазин и купили немного продуктов для праздничного ужина. Праздничным он был по двум причинам – окончание похода и моё двадцатилетие. Не всякий человек может вспомнить свой юбилей в таких условиях. И самым большим подарком мне был наш поход и короткое знакомство с русским Севером.

Из продуктов, купленных в магазине, запомнилась наливка «Северное сияние» - для девушек (название по памяти) и копчённый морской окунь. Для ребят у нас была бутылка медицинского спирта, который всегда брался с собой в поход в медицинских целях. К счастью, по прямому назначению спирт был использован только один раз, в походе по Саянам.

К моменту нашего застолья клюква, засыпанная сахаром, дала сок. А на столе шёл пар от сваренной картошки, и стояла большая миска с квашеной капустой. И мы, закончившие поход без ЧП, молодые, жизнерадостные, праздновали и были уверены в прекрасном будущем для себя и своей страны.

Обратный путь в Харьков не обошёлся без приключений. У нас оказались просроченными справки, которые позволяли покупать билеты на поезда за половину цены. Но это рассматривалось как дополнительное приключение

Интересные моменты в студенческой жизни и размышления.

Для таких серьёзных походов времени каникул всегда не хватало. Поэтому отдельные зачёты мы старались сдать преподавателям досрочно, что часто было полной авантюрой. Знания по большинству предметов были поверхностные. Вот и перед походом на Кольский полуостров я договорился с преподавателем о досрочной сдаче зачёта. Сейчас не помню какого. Внутренняя дрожь. Иду по коридору Электрокорпуса, не глядя по сторонам, и вхожу в аудиторию. Преподаватель встречает меня с широкой улыбкой как самого дорогого гостя, предлагая сесть. Ничего не понимая, протягиваю зачётку и жду вопросы. Вместо вопросов по предмету он мне говорит о том, что рад меня видеть и рад моим спортивным успехам. Говорит ещё что-то, расписывается в зачётке и желает

успешного похода. Я, ошарашенный произошедшим, выхожу из аудитории и вижу на стене стенгазету с фотографиями. На одной фотографии я снят на соревнованиях по борьбе. Мой противник внизу, я сверху пытаюсь перевернуть его на лопатки. Сделать это почти невозможно даже опытным борцам. Но на фото это выглядело очень эффектно. Мне стало понятно радушие преподавателя.

В центре – Валера Бережной.

Предыстория моего участия в соревнованиях по классической борьбе. В группе учился с нами Валерий Бережной, очень мощный и красивый парень, серьёзно занимавшийся борьбой ещё до поступления в институт. Многие девушки заглядывались на него, но, к их великому сожалению, он был женат и был верен своей жене. Приехал он учиться в Харьков из Пятигорска. Появился он в нашей

группе на первом курсе после нашего возвращения из колхоза. Шло занятие в маленькой аудитории, и вдруг заходит большой симпатичный парень, говорит преподавателю, что зачислен в нашу группу и садится на свободное место рядом со мной. Друзьями мы не стали, но Валера, как ответственный за секцию борьбы на нашем факультете, дважды втянул меня в авантюру, уговорив поучаствовать в соревнованиях по борьбе. Тонкости моего участия в соревнованиях я опускаю.

Учёба шла по программе для нашего факультета. Появились серьёзные предметы: теоретические основы электротехники (ТОЭ), сопротивление материалов (сопромат), теория машин и механизмов («тут моя могила»). Отдельные положения в преподаваемых предметах были понятны, но больше наше обучение было похоже на первое прикосновение к этим наукам – задел на будущее. Если Научный коммунизм плохо воспринимался как искусственный по своей сути (политические взгляды тут не главное), а английский язык мне просто не запоминался, то в технических предметах всё же не хватало методологии преподавания. После пятнадцати лекций по вычислительной технике в моей голове ничего не осталось, кроме того, что запоминающие устройства в ней состоят из огромного количества элементов, способных находиться в состоянии «0» или «1» – так называемая двоичная система счёта. По электронике, с трудом выполнив курсовую работу, я и Толя Макаренко толком не могли отличить схему включения электронной лампы в режиме усилителя напряжения от схемы усилителя мощности.

Основная курсовая работа заключалась в разработке измерительного прибора. Я выбрал для себя измеритель скорости вращения. Просмотрев несколько книг, выбрал электромеханическую схему измерителя вращения

(такие измерители использовались на мотоциклах и автомобилях того времени). Добросовестно начертил схему и конструкцию, описание работы. Даже получил хорошую оценку. Но сейчас понимаю, что мог бы, окончив институт, иметь более глубокие знания, по крайней мере, в технических дисциплинах.

Жизнь продолжала оставаться прекрасной и насыщенной интересными делами. К зачётам, экзаменам и иногда к текущим занятиям я, Клава Исакина и Зина Хенкина часто готовились вместе в доме Клавы на Холодной горе. Клава стала на тот момент девушкой, за которой я ухаживал, как умел, а Зина осталась хорошим другом. У Клавы старший брат Виктор к этому времени окончил Авиационный институт и уже работал на молодом предприятии авиационной промышленности – Харьковском заводе электроаппаратуры и очень любил заниматься с молодыми ребятами техникой. Рядом с домом Клавы было заброшенное старое кладбище. Однажды, подойдя к дому Клавы, мы увидели, что Витя обучает ребят езде на мотоцикле по снегу и подошли посмотреть. Витя решил развлечь ребят и предложил мне тоже прокатиться. Я никогда не пробовал ездить на мотоцикле (маленький опыт езды на велосипеде с мотором у меня был), но на виду у любимой девушки отказаться не мог, хотя Клава и отговаривала. Сел на мотоцикл. Мне показали, как выжать сцепление и чем регулируется газ. Включили вторую передачу, и я отпустил сцепление. Мотоцикл рывком тронулся с места. Удержавшись в первый момент, я достаточно уверенно проехал большой круг, не переключая передачу. Развлечения не получилось.

Наступила весна 1962 года, а с ней не только мысли об экзаменах, но и о летних походах. Я уже писал, что Толя Семенцов был членом областного студенческого общества «Буревестник», председателем туристической секции. Похоже, в этом обществе чем-то руководил и Валера Павлюченко. От института ответственным за туризм был Борис Павлович Кондратюк. Павлюченко и Семенцов начали подготовку к серьёзному походу по горному Алтаю. Толя, естественно, включил в группу Свету Дейнеку и меня. К этому моменту Толя всерьёз влюбился в Свету. Кто ещё планировался стать участником похода – не помню, поскольку поход не состоялся. Наверно Вилл Поберезовский и Толя Фесенко. Из девушек – будущая жена Павлюченко Оля. Начались тренировки, комплектация снаряжения, а потом поход отменили. Уже сейчас из разговора с Женей Гускиным я узнал, что отменили не только наш поход. Причиной явилась гибель туристов в горах Алтая.

К этому времени все студенты, желающие пойти в походы, распределились по группам, знали маршрут похода и его длительность. Нам уже было поздно организовывать новый маршрут. Оставалось встроиться в существующие группы. Этот вопрос весь состав группы похода на Алтай решал самостоятельно. За меня, как всегда, всё решил Толя Семенцов. В руководстве института родилась идея обмена группами туристов между ХПИ и Софийским университетом (Болгария). Тонкостей договорённости я не знаю. Комплектацию состава группы от ХПИ поручили сделать комитету комсомола. В результате в группу никто из опытных туристов не попал. Об этом узнал Семенцов и сумел

добиться, чтобы в состав группы включили его, Свету и меня. Поездка в Болгарию планировалась в июле – августе. А на начало каникул Толя с помощью Валеры Павлюченко сумел пробить ещё три путёвки в альплагерь. Решал вопрос выделения путёвок Геннадий Петрович Рогов, который в обществе «Буревестник» на общественных началах вёл альпинистскую секцию. На втором курсе я уже пересекался с Геней Роговым в комсомольском бюро нашего факультета, где он был секретарём, а я отвечал за наглядную агитацию. Для меня такая общественная нагрузка всегда была в тягость (политические убеждения здесь ни при чём), а Гена Рогов другой закваски. При распределении, перед окончанием института, он и ещё несколько ребят добились, чтобы их отправили в Сибирь на комсомольскую стройку. А моей маме, в период моей работы в комсомольском бюро, пришла поздравительная открытка с праздником Первого Мая и благодарностью за воспитание сына. Мама была очень рада.

Маленькое отступление. Наступил период комплектования групп для летних походов.

Студенты, впервые решившие пойти в поход, ищут в Гиганте ребят, которые комплектуют будущие группы туристов. Сложнее это сделать студентам, живущим в городе. К нам в комнату, постучав, вошли две девушки. Их направили в нашу комнату, сказав, что в ней живут опытные туристы. Из опытных туристов были только я и Саша Прокопенко. Девушки поздоровались. Одна остановилась у дверей, а вторая прошла в центр комнаты с искрящимися глазами и в воздушном платье. Крунулась на одной ножке, обведя взглядом комнату и находившихся в ней ребят.

Виктория Викторовна Дмитриева.

Комната действительно отличалась от других комнат своими двухъярусными кроватями и большими рисунками Гагарина и Фиделя Кастро. Ребята тоже оживились. Рассказали где найти интересующего их туриста. Девушки ушли, а в памяти воспоминание о девушке, с которой говорил, осталось. Предположить, что эта девушка станет через два года моей женой, я не мог.

Клава и Зина тоже решили пойти в поход на Кавказ. Думаю, что стараниями Клавы вместе с ними пошёл в поход и Женя Моргун. У неё на тот момент был определённый интерес не только ко мне, но и к Жене. А вот какой интерес был у Жени, я и сейчас не знаю. И не спросишь. Нет его давно. А парень был хороший. Спокойный характер. Он занимался тяжёлой атлетикой и хорошо играл на гитаре. Осенью выяснилось, что в одну группу туристов с Зиной, Клавой и Женей попала и девушка, вместе со своими подругами заходившая к нам в комнату. Между девчатами возникли хорошие дружеские отношения. Поход группы был интересным, но им не повезло с руководителем. Случайный человек не из нашего института почему-то был назначен

руководителем похода. В середине похода решением всех участников руководитель был изгнан из группы.

В начале учёбы на третьем курсе я и Толя Макаренко шли из института в общежитие и на перекрёстке увидели Женю Моргуна и стоявшую рядом с ним девушку. Пара была нарядно одета. Сказав что-то шутливое, пошли дальше, и я сообразил, что это та девушка, которая заходила к нам в комнату. А ребята собрались идти в кафе, чтобы отметить всей группой завершение своего похода.

Альпинистский лагерь «Адыл-Су».

Итак, из-за стечения обстоятельств и благодаря активности Семенцова, я стал обладателем путёвки в альплагерь «Адыл-Су». Неожиданно, серьёзно и слегка тревожно. В походы я ходил в составе группы, а теперь я один должен добраться в лагерь и пройти начальную подготовку альпиниста. 24 дня в горах. Толя и Света получили путёвки в альплагерь Баксан. Они ехали в горы вдвоём из Харькова. Я вначале не знал, что эти два лагеря разделяют всего семь километров тропы, проложенной по склону вдоль реки Баксан.

Мне рассказали в первом приближении как добраться до альплагеря. Получалось, что вначале уже известный путь по ж. д. до Невинномысска и далее до Нальчика. Из Нальчика автомобильным транспортом по маршруту: Баксан, Тырнауз, Верхний Баксан, Эльбрус. Расстояние около 120 км. Эльбрус - это посёлок, от которого до альплагеря около двух км. А до вершины Эльбруса по прямой всего 20 км.

До начала смены в альплагере ещё было время, и я поехал в Мариуполь навестить маму, семью сестры Рони и школьных друзей. Гена Шабанов к этому времени демобилизовался из армии. У мамы в это время гостила дочь моего дяди Игната (брат мамы, живший в Дагестане) – моя двоюродная сестра, ровесница по возрасту и интересная девушка. Я, к сожалению, так и не знаю почти ничего о семье дяди. Сейчас эти детали всё сложнее узнать. Девушка проявила ко мне интерес – брат, который учится в институте да ещё едет в альпинистский лагерь. Она уже собиралась возвращаться домой в Дагестан, а это тоже Кавказ только восточный. И мы решили ехать вместе. Интерес молодой девушки ко мне не прошёл мимо внимания мамы, и она сочла необходимым предупредить меня, чтобы мы не наделали глупостей. Переплыли мы в Ейск через море по отработанному маршруту. До отправления поезда побродили по городу, искупались в тёплом Ейском лимане, позагорали. Не сделав глупостей, сели в поезд. Дальнейший путь по железной дороге выпал из памяти. И жаль, что со своей двоюродной сестрой я больше не виделся и ничего не знаю о её жизни, даже имени не помню (думаю, что Валя).

В Нальчике на автовокзале я познакомился с ребятами, тоже направлявшимися в горы. Уехали мы на подвернувшейся грузовой машине. На этот раз дорога, сильно разбитая, не представляла большой опасности. Мимо, меняясь, проплывала панорама гор, которые становились всё величественней. Я

слушал разговоры ребят, сам не подключаясь к разговору. Мысли вертелись вокруг красивых гор и о том, как я впишусь в жизнь и учёбу в альплагере.

«Альпинистская база "Адыл-Су" расположена в великоленном сосновом бору, на высоте 1850 метров над уровнем моря, в начале ущелья Адыл-Су, у слияния многоводного правого притока реки Адыл-Су в реку Баксан. Ущелье Адыл-Су известно далеко за пределами нашей страны. По этому ущелью лежит путь к вершинам высших категорий трудности – Шхельда, Ушба, пик Щуровского, Чатын-Тау, пик Вольной Испании, Бжедех. Здесь много маршрутов 1-2 категории трудности, привлекающие начинающих альпинистов».

А жизнь в лагере завертелась очень интересная. Нас разбили по отделениям, выдали самое необходимое снаряжение. Познакомились мы с расписанием теоретических и практических занятий. Очень насыщенная программа, молодые доброжелательные ребята и девушки. Спокойный руководитель отделения, по основной работе – преподаватель вуза из Сибири. Всё было интересно, но особенно практические занятия: обзорные походы, совмещённые с обучением альпинистов лазанию по скалам, ледовые занятия с привязанными к ботинкам кошками, ледорубом, разные виды страховки себя и товарищей, применение для страховки разного вида крючьев, как скальных, так и для льда, наведение переправ через реки и страховка при переправах. И, конечно, уверенное и быстрое вязание альпинистских узлов.

**Начальная подготовка
(выполнение норм на значок «Альпинист России»)**

Совершаемые восхождения: 1Б категории сложности (с инструктором)	
Знать	Уметь
<ul style="list-style-type: none"> • особенности альпинизма как вида спорта; • особенности и опасности горной природы и рельефа гор; • основные правила обеспечения безопасности в горах, правила поведения человека в горах; • признаки погоды; • основы ориентирования в горах; • правила оказания доврачебной помощи во время походов в горах; • табельное снаряжение альпиниста, применение и уход за ним. 	<ul style="list-style-type: none"> • оценить трудности и опасности маршрута на горном рельефе 1 категории сложности; • передвигаться по осыпям и травянистым склонам; • передвигаться по скалам 1 - 3 категорий сложности с верхней страховкой, по перилам с перестежкой, в связке; • передвигаться по снежным склонам, вытаптывать ступени, задержаться при проскальзывании; • организовать бивуак на травянистом склоне, на морене, на осыпи; • передвигаться в кошках по льду, вырубать ступени, производить самозадержание при срывах; • передвигаться по закрытому леднику в связках; • переправиться по налаженной инструкторским составом переправе через горную реку; • переносить легкопострадавшего при помощи простейших средств.

Обзорный поход.

Занятия на скалах.

«Система альплагерей в СССР включала альпинистские лагеря, которые принадлежали профсоюзам, спортивным обществам и ведомствам. Нигде в мире не было подобной организации альпинизма. В альпинистских лагерях действовала отлаженная система подготовки альпинистов различного уровня: от значкистов — до мастеров спорта».

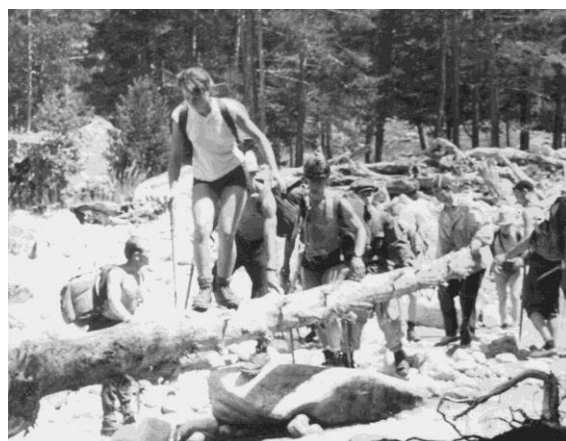
Занятия на леднике «Кашкаташ».

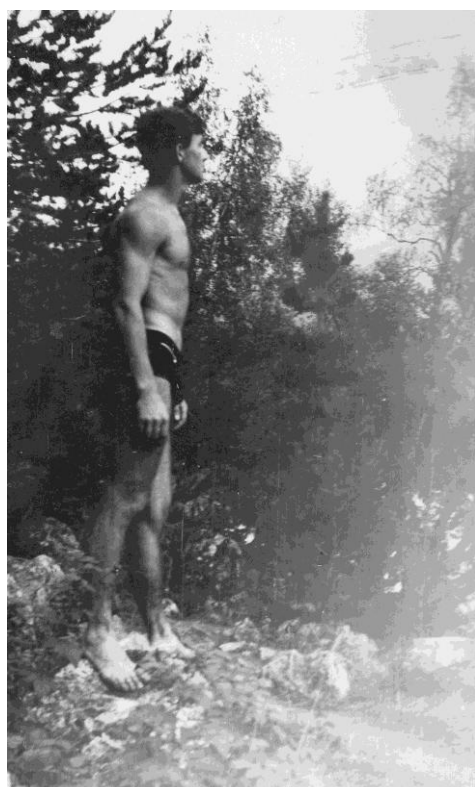
Советскому государству нужны были сильные, умелые, подготовленные для любых жизненных ситуаций молодые люди. Альпинизм для этого подходил как никакой другой вид спорта. Поэтому и

цены на путёвки в альплагерь были символическими. И за пользование основным снаряжением деньги были не нужны. Это и был реальный коммунизм, а не тот, который нам преподавали на лекциях по научному коммунизму. Бесплатная медицина, образование, символические цены за санаторно-курортное лечение и дома отдыха, низкие цены на товары первой жизненной необходимости и, особенно, на детские товары, воспринимались как что-то само собой разумеющееся, свалившиеся с неба, а не созданное трудом всего народа. При ломке далеко ещё несовершенного социализма недоработки в идеологии сыграли с сознанием людей злую шутку.

Занятия по наведению переправ через горные реки.

Горы красивы в любую погоду.

забегая вперёд, вспомню случай из моей жизни во время строительства КамАЗа. Работая старшим инженером в отделе главного энергетика Управления строительством Металлургстрой, я

согласовывал документы в монтажной организации. Руководитель этой организации, увидев мой значок альпиниста, сразу стал агитировать меня перейти к ним на работу, обещая чуть – ли не вдвое больший заработок.

«Атмосфера в горах, особенно среди альпинистов, совсем другая, чем на равнине. Существует какая-то свобода выбора пути – как идти? Свобода выбора людей, с которыми идти. Понимаете? Никто не остановит, милиция не скажет: «Здесь нельзя переходить – красный свет», – врач не запретит, семья не будет удерживать, что опасно, и так далее. Все зависит от тебя. Ты, природа и твои друзья – больше никого нет. Слово «дружба» там, в горах, сохранилось в первоначальном смысле. Наверное, в других местах тоже, но в горах – особенно. Это не название кафе, или клуба, или стенгазеты. Здесь это слово действительно то, что и должно из себя представлять. Иначе невозможно. Ты с ним в одной связке идешь, и все у него зависит от тебя, а у тебя – от него».

Вернусь к жизни в лагере. Запомнилось питание – простое, натуральное (тогда других продуктов не было) и большое по количеству. За один стол садилось всё отделение. Треть отделения – девушки. Все мы молодые, натрудившиеся во время практических занятий, не страдали отсутствием аппетита. Размер шницеля, к примеру, занимал половину тарелки. Съев свою порцию, часть ребят шли за добавкой и им накладывали в тарелку ещё порцию. А отдельные ребята просили девушек, чтобы и они сходили для них за добавкой. Мясо у нас всегда было свежее. Из селения привозили только что убитого бычка, после съедания которого, ехали за вторым.

Группы разрядников регулярно уходили на серьёзные восхождения. Восхождения тщательно готовились и утверждались на совете инструкторов. Питание группа получала сухим пайком, в который входила даже такая экзотика, как сухофрукты, вяленая рыба и шоколад. Но всё в пределах утверждённой сметы – в зависимости от категории сложности покоряемой вершины.

Всегда соблюдался церемониал встречи группы вернувшейся с восхождения. Общее построение, поднятие флага под торжественную музыку, короткий отчёт группы и поздравления, как официальные, так и личные. Повара готовили для вернувшейся группы что-нибудь вкусненькое. Чаще всего пирог и компот.

Были при восхождениях несчастные случаи и со смертельным исходом тоже. Чаще из-за амбиций и недостаточной подготовленности, а иногда из-за невозможности всё предусмотреть. В нашу смену несчастных случаев не было. В этом плане немного о Виталии Абалакове. О нём нам рассказали на занятиях по теории альпинизма. В молодости он и его брат Евгений сделали много глупостей, повышая своё альпинистское мастерство.

Из книги В. А. Кизеля о В. М. Абалакове: *«После драмы на Хан-Тенгри Виталий Абалаков 10 лет вообще не ходил в горы. Сначала это были*

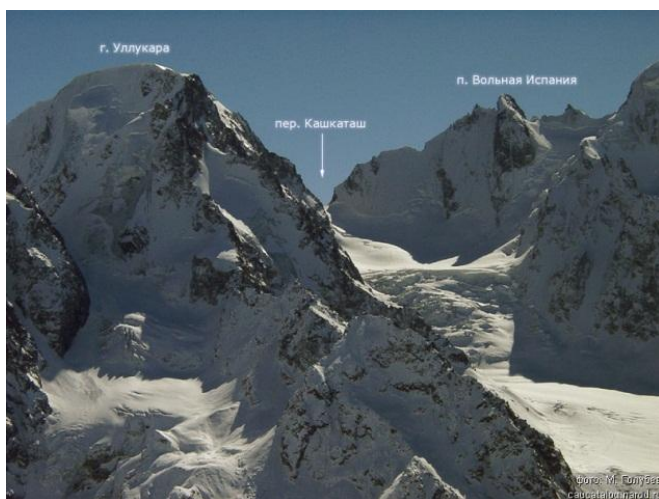
последствия аварии и операций, затем НКВД и, наконец - война. «Альпинизм – спорт мужественных людей, - пишет он. – И противником являются горы. Это ужасный и опасный противник». Его общий настрой меняется. И когда он снова появляется в горах, то основным его лозунгом (и делом) становится безопасность. Каждая экспедиция готовится тщательно, проводятся мощные тренировки, идет работа над созданием отличного снаряжения. Безопасность для него означала и тактику. Одним из первых он стал продумывать планы постепенной (этапной) акклиматизации. По генеральному плану организовывались промежуточные лагеря, целая цепь обеспечения едой, спальными мешками и палатками. На случай аварии наготове были спасательные отряды, штурмовая команда имела радиосвязь с тренером, который принимал все основные решения. Он признает и роль команды или, как тогда называли – «коллектива». Этот стиль на многие годы становится решающим для высотного альпинизма в стране.

Теперь альпинисты в СССР должны были проходить основательную подготовку, которая гарантировала высокую степень умений. Обучение в альплагерях исключало добрую часть легкомысленных ошибок. Долгий, но престижный процесс обучения обеспечивал формирование сильной элиты, из которой впоследствии вышли многие экстр-альпинисты Советского Союза, России и стран СНГ. Успех российской команды на западной стене К2 в 2007 г. без жёсткой советской школы и продуманного взаимодействия команды не был бы возможен: 11 участников взойшли на вершину по сложнейшему маршруту. И ни одного несчастного случая, ни одной травмы! Подготовкой этого успеха в далеком 1946 г. «руководил» также и Виталий Абалаков. Именно он организовал в Московском спортивном обществе «Спартак» секцию альпинизма. Почти 20 лет он организовывал экспедиции, в которых никогда не было аварий, не было погибших. Самым большим успехом было первовосхождение на пик Победы (7439 м) в 1956 г. 11 человек взойшли на эту требовательную, подверженную ударам бурь гору на Тянь-Шане».

У нас как начинающих альпинистов всё было проще. Все наши действия определены программой обучения, а при выходах на занятия – указаниями инструктора. В середине смены у нас появился и помощник инструктора – сильный и опытный парень из народов Кавказа. Обед по расписанию. После обеда около трёх часов отдыха. Появилось желание с пользой использовать это время. Выяснил у инструктора, где находится альплагерь «Баксан». Оказалось, что расстояние до него всего около семи км и проложена тропа по склону вдоль реки Баксан. И я стал бегать по этой тропе к ребятам. Река при беге была не видна, и я даже не подозревал, что бегу вдоль неё. Это сейчас при наличии карт, сделанных с использованием космических технологий, всё можно найти и рассмотреть. Постепенно втянулся в процесс бега, и он даже стал приносить удовольствие. Света всегда встречала меня с почти материнским участием, а в кармане у неё лежал припасённый сахар (как для беговой лошадки).

Мой опыт туристических походов, тренировки перед альплагерем (я уже приседал до 50 раз на одной ноге) давали мне некоторые преимущества перед многими ребятами. Как-то спускаясь вниз вдоль реки после ледовых занятий, мне стало скучно идти в медленном темпе, которым двигались ребята, и я быстро ушёл вперёд. Ожидал я гордо своих товарищей у самого лагеря. Инструктор тактично промолчал, а на следующий день провёл со мной без ребят воспитательную работу. А при всём отделении коротко объявил мне выговор. Инструктору тогда было лет сорок. Он нам сказал, что старается каждый год провести смену в лагере, и это время даёт ему заряд бодрости на весь год.

Заключительным этапом нашего обучения было восхождение на вершину горы ВИА-Тау (название в честь Военно-инженерной Академии). Поднималось на неё одновременно около пятидесяти человек – несколько отделений перворазников, инструктора и примкнувшие к ним. Шла с нами одна девушка не из нашего отделения. Из-за конфликта в своём отделении она попросилась к нам, и так получилось, что я взял над ней шефство. Влюблённость в Клаву не мешала мне изредка обращать внимание и на других девушек. Дружеское внимание. Оказалось, что она хорошо знакома с нашим помощником инструктора. Маршрут к вершине проходил вначале вдоль реки Адыл-Су.

Недалеко от тропы находились ещё три альплагеря – «Шхельда», «Эльбрус» и «Джантуган» (последний в то время не работал). Почти к «Джантугану» подходил крупный ледник Кашкаташ, на котором проходили наши ледовые занятия. Далее, почти до истока реки Адыл-Су по краю ледника Джайкуат вышли на перевал Койавганауш, высота которого почти 3500 метров. В это время начал моросить дождь, небо

стало серым и неприветливым. Короткий привал, команда разбиться в связки по пять человек, и двигаться по гребню к вершине одной длинной колонной. Связка – это когда каждый участник прикрепляется к основной верёвке с помощью карабина и страховочной обвязки. Не дойдя 60 метров до вершины, учитывая, что все начинающие альпинисты основательно промокли (инструкторский состав был одет в непромокаемые пуховики), объявили привал.

Перед альплагерем в Мариуполе Гена Шабанов дал мне свой берет. В то время страна материально жила очень скромно, многие вещи ремонтировались, перелицовывались и перекрашивались в домашних условиях анилиновыми красителями. Перекрашен был и берет. Под дождиком краска стала медленно стекать по голове и лицу. Вид у меня был как у пленных немцев после капитуляции в Сталинграде.

Вдоль реки Адыл-су на перевал Койавганауш. Далее ВИА-Тау.

На вершину поднялись две связки и несколько инструкторов. Высота вершины ВИА-Тау (на современной карте) 3972 метра. Вниз мы шли без остановок и более быстрым темпом. Расстояние от альплагеря до вершины около пятнадцати км.

На этом можно и завершить рассказ. Наверное, какую-то часть пути домой я ехал с новыми товарищами. Но ещё раньше мне захотелось навестить своего дядю в станице Новоплотириновской. Добрался я в станицу во время обеденного перерыва. Дядя Коля, мой брат Борис и ещё кто-то уже обедали и выпили (святое дело) по гранённому стограммовому стаканчику самогона. Младший брат Володя годом раньше уехал в город Новочеркасск работать и учиться. Моё появление вызвало неподдельную радость у дяди: «Дорогой племянник уважил дядю». Отказаться от выпивки было невозможно. Один стаканчик, потом второй, а третий у меня остановился в горле. Но я рад, что доставил эту радость дяде.

ВИА-Тау – красивая вершина.

Возвращение из станицы в Мариуполь и маленький период времени перед поездкой в Болгарию у меня совсем выпали из памяти.

1962 год. Поездка в Болгарию в составе группы студентов.

Выше я написал, как попал в состав группы для поездки в Болгарию. В составе группы: руководитель – секретарь комитета комсомола ХПИ Володя; Толя, Света и я – студенты, активно занимающиеся спортивным туризмом; двое мужчин в возрасте 35-40 лет – фото и кинообеспечение нашей делегации; Остальные ребята и девчата – комсомольский актив института. Цель – знакомство студентов ХПИ и Софийского университета, занимающихся туризмом, с братскими странами. Не предполагалось личного общения студентов-туристов двух стран между собой и, тем более, простейших соревнований. Думаю сейчас, что это было бюрократическое мероприятие, позволившее комсомольскому активу культурно отдохнуть и познакомиться со страной социалистического содружества (с минимальными личными затратами).

Прогулка по Киеву.

Не помню, сколько денег я внёс для приёма в СССР болгарской группы студентов, но думаю, что в пределах одной стипендии. У меня больше денег просто не могло быть. Нас ещё попросили купить по бутылке «Столичной» водки, очень ценимой в Болгарии. В Софии нам или обменяли, или просто выдали маленькую сумму болгарских денег, которой мне хватило на покупку симпатичных плавок и нескольких простеньких сувениров для мамы и сестры. Во время всего путешествия все расходы (транспорт, питание, ночлег, музеи) оплачивал сопровождавший нас гид Любен (от слова любовь).

Нам выделили микроавтобус, на котором мы проехали от Софии до берега Чёрного моря и вернулись в Софию по другому маршруту, заглянув в высокогорный (для Болгарии) лагерь туристов. Познакомились мы в горах и со спортивной базой по гребле. Пару дней купались в Чёрном море на известном теперь курорте «Золотые пески».

Конечно, путешествие было интересным. Подробно писать о нём нет смысла. Много забылось и гид по Болгарии из меня плохой, а о некоторых моментах нашего путешествия, характеризующих то время, хочется вспомнить. Прежде всего, глубокое уважение к братской России и сохранение исторической памяти. Слово «братушки» звучало в музеях и не только. И мы невольно чувствовали свою ответственность и желание быть достойными этой памяти. Как быстро такую ценность во взаимоотношениях сумели разрушить современные «демократы», ловко подбросив ложные ценности.

В студенческой столовой очень понравилась еда, особенно овощные блюда подливки и умеренные цены.

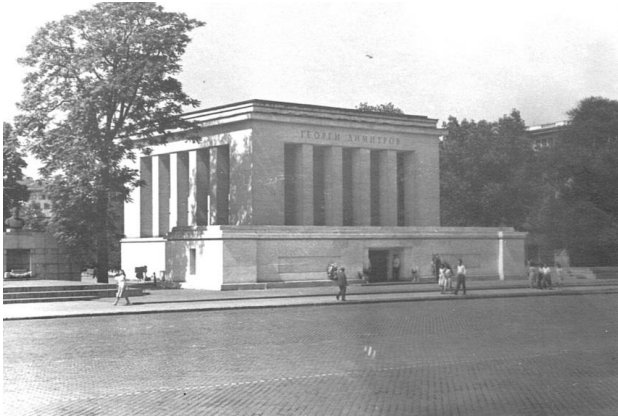
У памятника советским воинам. Впереди наш гид Любен.

Интересна экскурсия по Софии. Памятник русскому царю-Освободителю и монументы советским воинам. В Болгарии особенно гордились тем, что при освобождении её советскими войсками не было погибших. В центре Софии находится собор имени *Святого Александра Невского*. Пожилой священнослужитель посчитал необходимым самому рассказать нам об истории церкви.

Посмотрели снаружи мавзолей Георги Димитрова (вождь и учителя на болгарский народ).

Очень похож болгарский язык на русский.

Из
Википедии:

«Мавзолей Георгия Димитрова

— *памятник-усыпальница руководителю Болгарии.*

Мумифицированное тело Георгия Димитрова, в саркофаге, было помещено в специально построенный мавзолей. После падения коммунистического режима в Болгарии, в 1990 году, партия БСП (бывшая Болгарская коммунистическая партия) по просьбе родственников (согласно официальной версии) приняла решение о перезахоронении тела. Тело бывшего вождя вынесли из мавзолея тайно, поздней ночью. 25 февраля 1992 года Общинский совет Софии принял решение о сносе мавзолея, как сооружения, идеологически и архитектурно чуждого центру города.

В августе 1999 года здание взорвали с пятой попытки, обломки вывозились машинами и разбирались на сувениры. Сегодня о мавзолее в Софии ничто не напоминает. Там, где он стоял — забетонированная площадка.

Возведён мавзолей в 1949 году, архитекторы Г. Овчаров и Р. Рибаров».

«Вот такие Иваны, не помнящие родства».

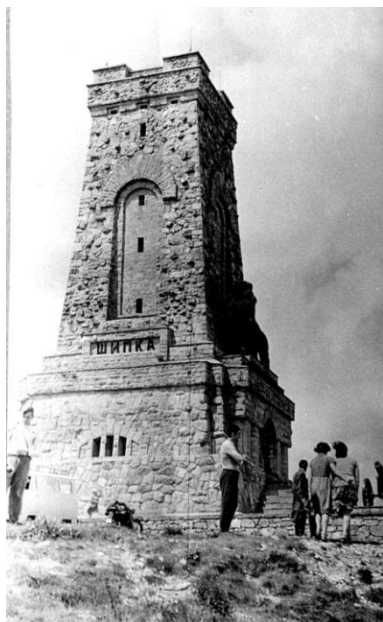
«Памятник Свободе на перевале Шипка (болг. Паметник на свободата «Шипка») является мемориалом в память павших за освобождение Болгарии во время обороны перевала Шипка в русско-турецкой войне 1877-78 годов. Монумент расположен на

Мы посетили очень красивое (в архитектурном плане) здание — турецкую баню.

Красив памятник героям Шипки и, особенно, вид с верхней площадки.

пике Столетов (вершина названа в честь одного из руководителей обороны Шипки, генерал-майора Н. Г. Столетова), возвышающемся над перевалом. Памятник открыт в 1934 году. Построен по проекту архитектора Атанаса Донкова и скульптора Александра Андреева на пожертвования болгарского народа».

А дальше поездка на микроавтобусе по дорогам, городам, спортивным базам, музеям и отдыхом у моря. Микроавтобус вначале был непривычен. В то время в СССР автопром выпускал только автобусы большие и среднего размера. Но мы быстро оценили достоинства авто путешествия на таком автобусе. Кратко — мобильность, свобода и наша молодость. Плюс достаточная демократичность Володи и

доброжелательный характер Любена (возраст его около 40 лет). Короткие переезды не утомляли. Осмотр городов, посещение музеев, остановки на природе, питание в придорожных ресторанчиках и ночёвки в гостиницах.

Не могу вспомнить город, в котором произошло крупное сражение с турками. Позже из собранного на поле боя оружия была сделана ограда городского парка. Символично и красиво. Любен с двумя товарищами в этом парке спели любимую в Болгарии песню «Хей Балкан, ти Роден наш». Очень душевно спели.

Хей, поле широко, широко, зелено, хей, и Балкан ти роден, хей, Балкан ти наш, колко мъки знаеш, колко тайни криеш, ех, Балкан, ти, роден наш!

*Във полята родни момък славен се явил, от Балкана слезнал с пушка във ръка-командир на отред славен партизански, ех, Балкан, ти роден наш!
След него момците със развети знамена, завземат страната, град села.
Песен за свобода нее днес народа, ех, Балкан, ти роден наш!*

Нам рассказали, что туризм в Болгарии стал активно развиваться и особенно иностранный. Люди, изучившие иностранный язык и имеющие документ о его знании, получали дополнительную надбавку к зарплате. На первый взгляд не совсем понятное решение.

Впереди Света. За ней наш руководитель Володя.

Появились поводы для серьёзных переживаний и маленьких конфликтов. Володе, нашему руководителю, очень приглянулась Света. Это было видно даже мне. Толя, конечно, не мог не переживать. Свете такое внимание было

приятно, но не более того.

Большинство молодёжи моего времени не занимались любовными играми в современном понимании, появившимися у молодёжи не без помощи «сытого» Запада. Больше хотелось настоящей любви и на всю жизнь, а не западных развлечений, названных там словом «секс». Володя объяснил Толе, что он ему не соперник, но после возвращения в Харьков пригласил Свету в свою большую квартиру, соблазняя её тем, что она может стать в ней хозяйкой. Для Светы такая перспектива оказалась неприемлемой.

Квартира для жизни очень важная вещь, но не главная.

Появились волнения и у Володи, как руководителя. Любену приглянулась наша Лиля – высокая, стройная, с приятными формами телосложения и с симпатичным украинского типа лицом. Я этого ухаживания не заметил. Любен был доброжелателен со всеми.

В придорожном ресторанчике.

Хочу отметить, что в советское время любовь между гражданами разных государств, мягко говоря, не приветствовалась. И даже создавалось столько препятствий, что до создания нормальной семьи дело не доходило.

Перед отъездом домой Любен решил сводить нас в ночной бар, которые уже в то время появились в Болгарии. Володя попросил Толю быть возле Лили постоянно, по принципу «как бы чего не вышло». А комсомольскому руководителю проблемы были не нужны.

Маленькое перемещение в наше время. Приехав в гости к Толе, я в разговоре вспомнил Лилю. Мир тесен. Лиля в Харькове работала на заводе вместе с подружкой моей жены. Толя вспомнил о давней ситуации в ночном баре. Присутствовавшая при разговоре дочь Толи отреагировала с явным осуждением поступка отца: «И ты согласился?» К сожалению, многие люди события ушедшего времени судят по меркам времени, в котором живут. Этим ловко пользуются манипуляторы сознанием людей в своих корыстных интересах. Интересно, кем стал Володя в сегодняшнее смутное время?

Света, Лилия и помощница Любена. Девушки болеют за футбол.

Мы расположились в домике горной турбазы. В разговоре с местными туристами Толя рассказал, что три человека из нашей группы заняли первое место по Украине в туристическом многоборье. Ребята тут же предложили участвовать нам в ночном ориентировании. Толя загорелся и стал обсуждать со мной и Светой детали ночного ориентирования. Володя, узнав о наших намерениях, категорически запретил мероприятие, объяснив, что ночью, в незнакомых горах, возможны серьёзные травмы, добавив: «Зачем мне это нужно, и мы сюда совсем не для этого приехали». Семенцову с его характером было невыносимо чувствовать себя «хвастунишкой и трусишкой» одновременно.

В утешение нам на следующий день организовали кольцевой маршрут для начинающих туристов с подъёмом на гору. На нём что-нибудь сломать было невозможно. Правда, Света слегка переживала из-за избыточного загара, а все с удовольствием надавливали на загорелые места и убеждали её, что ничего страшного. На обратном пути даже насобирали ведёрко вполне приличных маслят. Любен отнёс их на кухню. Из уважения к гостям их быстро почистили и поджарили. Поскольку мы пропустили обед, нам сразу подали на стол обед, ужин и грибы. Это было серьёзное испытание. Мы стали понимать, зачем мы приехали в Болгарию.

Когда мы приехали на гребную базу, здесь уже я попал в ситуацию, за которую получил разнос от Володи с угрозой отправить меня на родину. «Лучше гор могут быть только горы...» - эту строчку В. Высоцкого я бы продолжил по-своему. Лучше гор могут быть только горы в сочетании с горными озёрами. Очень красивое место.

На базе был простой ангар для хранения спортивных лодок для разных видов гребли. Такой же простой деревянный причал. Любен выяснил, что никто из нас спортивной греблей не занимался, и всё-таки нам разрешили взять одноместную учебную лодку для академической гребли. Удивительно отработанная конструкция лодки. Длинная обтекаемая сигара с полированными бортами и очень малым поперечным сечением, обеспечивающим лодке минимальное сопротивление при движении. Сидение на роликах, позволяет передавать усилие на вёсла сначала от работы ног, потом спины и рук в конце гребка. Люди с большой «пятой точкой» в лодке просто не поместятся. Даже

опоры для уключин вынесены на кронштейнах за борта лодки, чтобы можно было применить вёсла оптимальной длины. Думаю, что людям, читающим эти строки, сразу захотелось попробовать сесть в лодку и прочувствовать её стремительное движение при минимальных усилиях.

Похоже на нашу базу.

Вот и у нас сразу появились желающие, и я оказался не первым. Двое ребят по очереди переворачивались набок, толком не начав движение. Решили отнести лодку в ангар, но я решил попробовать её «укротить».

«Однако критерием овладения техникой является работа в лодке-одиночке. Если спортсмену удастся преодолеть в одиночке дистанцию 200 м за положенный промежуток времени, не отклоняясь в сторону от прямой линии и не касаясь воды лопастями весел при отводе их назад после гребка, то можно повысить требования к выполнению упражнений на равновесие и перейти к изучению техники старта».

Мне удалось осуществить первый гребок синхронно двумя вёслами и не опрокинуться. При увеличении скорости движения начинают работать гидродинамические силы, помогающие устойчивости лодки. Дальше освоение техники гребли пошло на уровне интуиции. Почувствовав, с какой скоростью лодка движется вперёд (смешно, т. к. в лодке гребец сидит спиной к направлению движения), я увлёкся и не заметил, как скрылся за поворотом озера. Проплыв ещё немного, плавно развернулся и поплыл к месту старта.

Оставшиеся, не видя меня и немного испугавшись, решили спустить на воду моторную лодку для поиска пропавшего. Что-то у них не заладилось, а тут и я показался из-за поворота. Счастливый гребец, гордо подошёл к причалу и получил от Володи по полной программе. Не буду вспоминать весь перечень обвинений. Особенно неудачно я отреагировал на предложение: «Плавай на чём угодно, вернувшись домой». Мой ответ: «Кто же меня пустит там плавать на такой лодке», услышан был как политическое обвинение. А я всего лишь хотел

сказать, что занятия таким видом спорта возможны, если они являются для человека основным делом после профессионального.

Своеобразным было завершение нашего хорошего путешествия. Это посещение ночного бара. Полуподвальное помещение, освещённое точечными, редко расположенными светильниками, делает его сумрачным для того, чтобы сидящие посетители за отдалённо расположенными друг от друга столиками чувствовали себя в уединении. Хорошо освещена только стойка бара. Посетителей было мало. Мы сдвинули несколько столиков вместе и попробовали пить через трубку из пиалы малоприятный, но крепкий коктейль. Девушкам коктейль совсем не понравился. Мы отложили трубки, и выпили напиток привычным для нас способом, а немного позже и коктейль девчат. Помню, что я хорошо захмелел. Поговорили, потанцевали, доели то, что было подано к коктейлям, и пошли на выход. Перед выходом Любен вручил каждому из нас пакет с сухим пайком на обратную дорогу, а дальше – провал в памяти. Я почему-то оказался в ночном городе один с пакетом в руках. Никого вокруг: ни своих, ни местных жителей. Как-то сориентировался и пошёл к общежитию университета. Хмель улетучился, и появилось острое чувство голода. Заглянул в пакет с продуктами. Обнаружил там много вкусного. Запомнилась сырокопченая колбаса – больше половины круга. Шёл я по ночной Софии часа три и пришёл в общежитие на рассвете. Вот только от колбасы ничего не осталось. А вкус той колбасы помню и сегодня. Какое спокойное для жизни людей было время! Сейчас представить такую прогулку в Софии, в Москве или даже в Набережных Челнах невозможно.

Ещё воспоминание, связанное с моим другом Толей Семенцовым. Я от него не один раз слышал выражение, как-то объясняющее некоторые его поступки: «Голодное детство, деревянные игрушки...» Перед поездкой он меня позвал съездить за город. Возможно, это был детский дом, при

Я и Лиля. Мы на будущем знаменитом курорте «Золотые пески».

котором рос большой сад. Решив там свои дела, он предложил нарвать яблок в дорогу. Что мы и сделали. Яблоки, к сожалению, были слегка недозрелые. То же произошло и в Болгарии за день до ночного бара. Мы ужинаем в ресторане. Семенцов, куда-то отлучившись на короткое время, позвал меня с собой во двор ресторана. Там тоже росли яблони, и на этот раз с созревшими яблоками. В Харьков мы тоже ехали с яблоками.

Это была моя единственная поездка за пределы Советского Союза. Сейчас люди, имеющие деньги, могут ездить куда угодно. У отдельных людей зарубежные поездки стали похожи на увлечение коллекционеров. Такая возможность поездок считается самым большим преимуществом современной жизни перед советским жизнеустройством. Тот факт, что поездка на поезде к родственникам даже внутри европейской части страны стала для половины граждан непозволительной роскошью – не в счёт. А понятие «железный занавес» преподносится так, как будто это «изобретение» принадлежит только советской власти. Привожу две маленькие справки из Истории и Википедии:

«Желёзный з́анавес» — политическое клише, обозначающее информационный, политический и пограничный барьер, возведённый в 1919-1920 годах и на протяжении нескольких десятилетий отделявший СССР и другие социалистические страны от капиталистических стран Запада.

По мнению энциклопедии «Британника» и других западных источников, «занавес» был возведён СССР в курсе проводимой его руководством политики самоизоляции. По мнению советских источников, «занавес» был возведён капиталистическими странами вокруг СССР. За все годы Советской власти менялась только степень его непроницаемости.

Современный смысл выражение «железный занавес» получило благодаря Уинстону Черчиллю, который употребил его в своей Фултонской речи.

В 1960-1980-е гг. туризм уже не носил того принудительно идеологизированного характера, как в довоенные годы. Материальная база его возросла многократно. Различными туристскими организациями были разработаны тысячи всевозможных маршрутов разных видов, продолжительности по времени, сложности и комфортности. Туризм прочно вошел в быт советского человека, став его неотъемлемой частью. Но, в силу того что туризм носил ярко выраженный социальный характер, спрос на туристские услуги значительно опережал предложение. И многочисленные туристско-экскурсионные бюро не могли обеспечить путевками всех желающих.

Весна 1962 года. Прыжок с парашютом.

Подхожу однажды к зданию Электрокорпуса и вижу объявление о наборе студентов в кружок парашютистов. Прыжок с парашютом был моей давнишней мечтой. Ещё в Мариуполе, во время полётов на планере была попытка прыгнуть с парашютом. Я, конечно, записался в группу обучения прыжкам с парашютом. Оказалось, что ведёт занятия спортсмен-разрядник по прыжкам. И ему, по действующим тогда требованиям, необходимо было подготовить определённое количество начинающих парашютистов. Нас, прошедших теоретическую и практическую наземную подготовку, было около двенадцати человек. Детали подготовки я опускаю.

Наступил день выезда на аэродром. Внутри лёгкая тревога. Шагнуть в пустоту из открытой двери самолёта АН-2, летящего на высоте 800 метров, не так-то просто. Укладку парашютов начинающим спортсменам выполняют профессиональные укладчицы, обычно женщины. Открывать парашют самостоятельно мы тоже не можем. Эти правила отработывались в течение всей истории прыжков с парашютом и оплачены не одной жизнью.

Вся группа надела парашюты. Инструктор проверяет всё. И как надет и застёгнут парашют, соответствие правилам одетой на нас одежды и ножной обвязки и т. д. Садимся в самолёт, рассаживаясь на металлические сидения вдоль двух бортов самолёта. Самолёт отрывается от земли и набирает высоту. Во время первого пролёта самолёта над местом приземления пилотом и инструктором выполняются дополнительные мероприятия для учёта скорости и направления ветра. А при втором заходе самолёта мы уже прыгали.

Вытяжное кольцо основного парашюта прикреплено к фалу, второй конец которого через карабин крепится к тросу, натянутому в самолёте над нашими головами. По команде инструктора, перемещая карабин вдоль троса, подходим к открытой двери и шагаем правой ногой в пустоту, слегка оттолкнувшись левой ногой. Дальнейший процесс раскрытия парашюта происходит без участия парашютиста. Если я правильно запомнил, фал, дёргая кольцо, освобождает вытяжной парашют, который, наполняясь воздухом, быстро вытаскивает из ранца уложенный по определённой системе основной парашют. Далее по инструкции:

«Определив, что купол раскрылся нормально, парашютист осматривается вокруг, определяя, нет ли опасности схождения с другими обучаемыми, и отыскивает на аэродроме круг или центр площадки приземления.

При необходимости, путем натяжения одной из строп управления, разворачивается в направлении парашютирования лицом к кругу приземления. Только после этого удобно размещается в подвесной системе, а затем определяет точку своего вероятного приземления. В ознакомительном прыжке перед парашютистом не ставится задача приземлиться точно в заданной точке. Ему нужно лишь приземлиться в районе круга. Для этого следует всегда парашютировать лицом к кругу, т. е. разворачивать купол так, чтобы он шел на круг. <<Придя>> в район круга, обучаемый, начиная с высоты 100 м, обеспечивает себе приземление с минимальной скоростью, для чего разворачивает купол против ветра и приземляется на малом сносе.

После приземления собирает парашют в переносную сумку, идет на старт и докладывает инструктору о выполнении прыжка».

А теперь мои впечатления от единственного моего прыжка. Шагнуть в пустоту страшно, но сознание, подкреплённое знанием, легко справляется со страхом. Свободное падение продолжается 3-4 секунды, и ты висишь в воздухе, на первый взгляд, неподвижно. Земля далеко внизу – кажется, что так ты будешь висеть вечно. Радует наполненный воздухом купол парашюта. Недалеко также парят в воздухе твои товарищи, опускающиеся с такой же скоростью, как

и ты. Это дополнительно усиливает ощущение общей неподвижности, как будто нас развесили в небе на невидимых крючках. Посмотрев на красивую панораму вокруг себя, вдруг вспоминаешь, что нужно заняться мероприятиями, которым тебя учили. Начинаешь тянуть за стропы, чтобы развернуться в сторону места посадки, а затем тянешь другие, чтобы двигаться к этому месту. Получается всё далеко не так, как тебе хочется. И неожиданно понимаешь, что земля начинает приближаться к тебе с угрожающей скоростью. Уже не до точности приземления. Слегка подгибаешь, как учили, ноги и группируешь всё тело. Сильный толчок о землю. Амортизируешь удар, валишься набок, стараясь не перевернуться на спину, и лихорадочно соображаешь которые стропы на данный момент у парашюта нижние. Тянешь их на себя, чтобы погасить купол парашюта. В противном случае при сильном ветре парашют будет долго тащить тебя по земле.

Мне судьба при приземлении подарила крупного зайца, стоящего на задних лапах, который удивленно смотрел на меня и парашют. Отвлёкшись на зайца, я забыл про правила приземления, получившегося достаточно жёстким. Парашют я тоже собрал не по правилам, за что получил разнос от инструктора. Разнос – это дело житейское, а вот ощущения от прыжка со мной всю мою жизнь.

Осень 1962 года. Слёт туристов в плавнях под Одессой.

Раздумий не было – участвовать или нет. Я теперь совсем свой в среде туристов ХПИ. Предлагаю поехать с нами и Клаве, и она быстро соглашается. Понимаю, что причина быстрого согласия не столько во мне, а в любви к путешествиям, но всё равно приятно. Поезд на Одессу заполнен туристами из разных вузов Харькова. Половина из них едет без билета. Для этого отработана настоящая технология. Смех, рассказы, песни. Кто-то придумал устроить соревнования. Нужно спрыгнуть с верхней полки, поднять сидение нижней полки, и без посторонней помощи лечь в багажный ящик, опустив крышку на место. Судья останавливает секундомер. Болельщики сидят и висят на свободных полках и толпятся в проходе. Победителю вручается приз – что-то вкусное, и одобрение окружающих.

На выходе из общественности «Гигант».

Место проведения соревнований – сухие плавни с высоким камышом, редким лесом и небольшими водоёмами. Судя по фото, где снято общее построение, количество приехавших не менее

трёхсот человек. Похоже, что соревнования были только по ориентированию.

Коротко суть соревнований. Участники соревнования (группа или один человек) получают на руки карту местности, на которой отмечены контрольные пункты. Нужно быстро найти эти контрольные пункты и закончить дистанцию на

финише, который обычно совмещён с местом старта.

Победитель определяется по минимальному времени, затраченному на поиск всех контрольных пунктов. У нас дистанция была около 25 км.

Наш лагерь.

Пока участники бежали, остальные приехавшие болели за них, готовили пищу и готовились к празднику – сорок пятой годовщине Великой Октябрьской Революции. Подготовка заключалась в покупке в соседних сёлах винограда и вина.

Несколько фотографий.

Нина Остренко.

Гена Марача.

Нина и Клава.

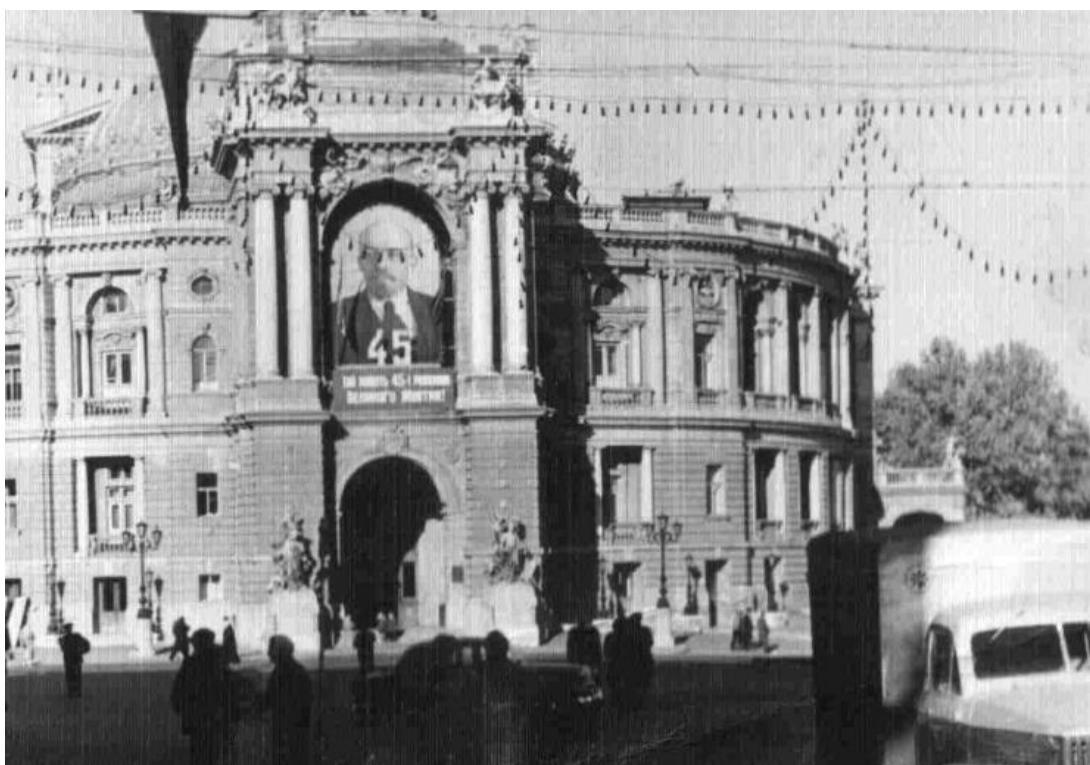
Толя Фесенко ориентируется

Клава Исакина

Света Дейнека

Одесский оперный театр

Вернулись после соревнований в Одессу. Нас разместили в общежитии института (забыл какого), и мы совершили большую прогулку по очень интересному городу. А вечером даже сумели попасть в знаменитый Театр Оперы и Балета. Усталость после соревнований брала своё, и участники соревнований под красивую музыку и пение стали засыпать. Аня Мяло, с которой я в этой поездке впервые познакомился, нас потихоньку будила.

А вечером в переполненной, большой, душной комнате мы никак не могли уснуть. Потом, по идее Семенцова, мы перебрались в парк и там установили палатку. Рано утром вернулись в здание. Поезд на Харьков уходил поздно вечером.

Появилось желание посетить ещё и знаменитые по Великой Отечественной Войне подземные катакомбы. А у меня утром появилась боль в боку, но я пошёл со всеми. Боль всё усиливалась. Света с жалостью поглядывала на меня, а потом поинтересовалось у Толи, что со мной. Он отшутился: «Генка рожать собирается». Он не придал большого значения моему состоянию.

Пришлось вернуться, чтобы отлежаться, а боль становилась всё сильнее. Переполненная вечером комната была совсем пуста. При входе в здание увидел мужчину и попросил его вызвать машину скорой помощи. Врач предположил, что у меня воспаление аппендицита, и меня повезли в больницу. Бюрократия была во все времена. Меня, как иногороднего, приняли только в четвёртой больнице.

Сажу на клеёнчатом топчане и жду, когда врач меня осмотрит. Боль немного утихла, я прилёт на топчан и почти мгновенно уснул. Через некоторое время, проходившая мимо медсестра, увидев, что я лежу с закрытыми глазами, в неудобной позе, начала меня тормошить, немного испугавшись при этом, и пошла звать врача. Проснувшись, понял, что боли нет. Встал, сделал несколько гимнастических упражнений – боли нет, и тихо (по-английски) ушёл. На вокзал я добрался до отхода поезда. Меня уже никто не ждал и даже особенно не волновались. Не от равнодушия, конечно. Была полная уверенность во мне и в нашей медицине тоже. Однако одесские врачи, в случае со мной, показали себя не на высоте.

Начало 1963 года. Лыжный поход по Украинским Карпатам.

После лыжного похода по Кольскому полуострову мне разрешили набрать группу и осуществить с ней лыжный поход по Карпатам. В группу вошли, прежде всего, близкие мне люди из моей учебной группы – Клава Исакина, Зина Хенкина, Лора Полякова, Толя Макаренко. Примкнул к нам и Алик Баженов. Ещё трое ребят пошли с нами в поход, с которыми мы раньше не соприкасались. Сейчас их имена стёрлись из памяти.

От порога «Гиганта»

Поезд привёз нас в город Львов. Зина и ещё кто-то из ребят уже были в этом городе. Получилась

маленькая экскурсия по городу со своими экскурсоводами. Город существенно отличался по архитектуре и чем-то ещё от большинства городов страны, в которых я бывал. Сейчас я бы назвал то ощущение «духом Европы». Почти сразу после Львова начались предгорья Карпат с очень красивыми видами.

Зина, Клава и дорога

Поход на лыжах в Карпатах по сложности больше напоминал несколько воскресных выходов на лыжах,

объединённых между собой. Маршрут составлен был так, что мы ночевали в посёлках. Замечательные пейзажи пологих гор, солнце с морозом и рюкзаки умеренной тяжести. Приятно сейчас смотреть на

наши фотографии, сохранившие эти пейзажи и нашу молодость.

Фото красивых зимних Карпат вместе с нами (без комментариев).

Карпаты зимой в период зимних каникул студентов были насыщены такими группами как наша, и была возможность немного пообщаться со своими сверстниками из

разных концов Советского Союза.

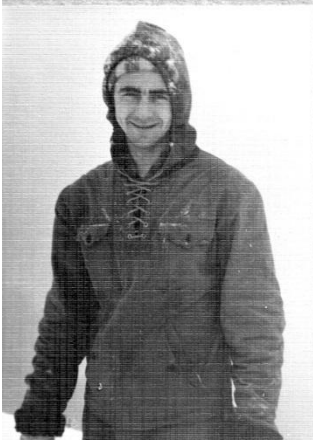

К концу нашего маршрута потеплело. На контрольном пункте, где группы туристов

делали отметки в своих маршрутных листах, висело объявление о запрете движения по нашему маршруту в связи с повышенной лавиноопасностью. Такой запрет серьёзно осложнял завершение нашего маршрута. Обсудив с ребятами сложившуюся ситуацию, я

принял решение продолжить движение по маршруту, считая, что мы сможем определить реальную опасность. Самоуверенность молодости и недостаток

знаний. А ещё врождённая привычка доводить начатое дело до логического завершения. Прошли мы последний участок маршрута совершенно спокойно.

Последняя ночёвка в поселке, из которого мы завтра поедем по узкой колее рабочим поездом. И тут нас пригласили зайти в дом к местному целителю и, по совместительству, художнику. Человек разработал свой комплекс лечения

многих болезней с помощью вина из шиповника, растущего в ближайших лесах. В прилегающей к дому веранде с обогревом стояли не менее двадцати стеклянных бутылей объёмом по 50 литров, в которых набирало крепость вино. Мы, молодые и ещё не отягощённые болезнями, вполуха прослушали подобие

современной рекламы. Одна Лора о чём-то расспрашивала целителя. А предложенные нам для пробы рюмки с готовым вином с удовольствием выпили.

Посмотрели мы и некоторые картины, написанные хозяином. Все они были написаны на библейские темы и, на мой взгляд, талантливо. Картины художник писал по заказу иностранных церквей. Вот такой индивидуальный предприниматель-бизнесмен в период построения социализма в нашей стране.

Возвращались мы в Харьков с хорошим настроением, прикоснувшись к такой красоте, как зимние Карпаты, и немного к людям, живущим там. Даже в кошмарном сне не могла возникнуть мысль, что такую прекрасную страну, победившую фашизм и ставшую второй сверхдержавой, начнут в совсем близком времени делить на куски, опустив до уровня слаборазвитых стран, практически находящихся под внешним управлением.

А пока в поезде пришлось решать проблему тушёного мяса залитого жиром. Мы это мясо приготовили для еды в походе, а теперь в нём появился лёгкий неприятный запах. Спасла мясо практичная Лора Полякова. Она с кем-то из ребят сходила в вагон-ресторан и уговорила пережарить остатки мяса. Её, правда, спросили, кого она собирается этим мясом кормить.

1963 год. Подготовка и осуществление горно-водного похода через Саянские горы. Сплав на плоту по реке Кизир.

Разговоры о походе по Саянским горам впервые возникли во время лыжного похода по Кольскому полуострову. Я активного участия в этих разговорах не принимал, но когда в начале 1963 года Саянский проект обрёл черты реальности, погрузился в него полностью. Толя Семенцов поручил мне записаться в знаменитую в Харькове библиотеку имени В. Г. Короленко и проработать публикации, относящиеся к исследованиям Саянских гор. К моему стыду я до этого момента эту библиотеку не посещал.

Наиболее информативной оказалась книга *«Мы идем по Восточному Саяну»*. Автор - Федосеев Г.А. С эпиграфом И. Гончарова: *«Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать»*.

И вторая книга Ю. Пржиемского: *«Плот в туристском путешествии»*.

Обе книги дали нам неоценимую информацию о реке Кизир и начальный «ликбез» о строительстве плота. В городском клубе туристов мы узнали адреса людей, уже побывавших на Саянах. Достали карты нашего маршрута и некоторые описания отдельных участков маршрута. Карты это, конечно, громко сказано. Туристы как-то доставали на короткое время засекреченные топографические карты и упрощённо вручную переносили их на кальку. С калек получали копии в виде «синьки», которые потом передавались всё новым группам туристов. Мне Толя принёс на пару дней такие «синьки» в потрёпанном виде. Пришлось потрудиться и сделать с них свои кальки.

Вместе с Толей Семенцовым притащили в общежитие толстую доску для того, чтобы из неё сделать макет будущего плота. Чтобы дежурные не задавали вопросов, доску втащили через окно второго этажа. И почти без инструментов большая часть макета плота была сделана в масштабе 1:10. Я был определён прорабом при строительстве настоящего плота, и работа над макетом мне существенно помогла в походе.

Туризм, как и любое другое серьёзное дело в жизни человека, подразумевает постепенное усложнение маршрутов и видов туристических походов, совмещённых с теоретической подготовкой. В составе нашей группы никто не имел серьёзного опыта сплава на плоту по горным рекам. И поэтому мы защитили в городской секции туризма горный кольцевой маршрут с подъёмом на пик Грандиозный. Реально, без особых дебатов и с внутренним желанием каждого участника, было решено осуществить сплав на плоту по реке

Кизир. Конечно, авантюрное решение, оправданное только молодостью, достаточной уверенностью в своих силах и в том, что мы сможем определить опасную границу в наших действиях.

С наступлением весны начались общеукрепляющие тренировки, во время которых с ближайшихстроек мы перенесли в места отдыха около тонны кирпичей. В марте активно начал таять снег, красиво набухли почки у каштанов и потекли бурные ручьи, пересекаясь друг с другом. Я и Толя, проходя мимо них, останавливались и обсуждали, как мы в горах на плоту будем проходить реальные потоки. Полностью жили предстоящим походом.

Сплав по Северскому Донцу на лодках.

В апреле в половодье мы даже осуществили маленький сплав на нескольких лодках. В мае в Коробовых хуторах мы активно приняли участие в туристическом многоборье на первенство Украины. В первую команду от Харькова вошли Толя Семенцов и Света Дейнека (возможно, Вилл Поберезовский). Во вторую я Толя Фесенко и Саша Прокопенко. Выступили хорошо.

Ещё мне запомнилось знакомство с командой из моего родного Мариуполя. Закончив со своей командой преодоление полосы препятствий, я, болея за земляков, практически преодолел полосу препятствий ещё раз вместе с ними.

Ребята были благодарны за помощь и усиленно предлагали после окончания института прийти заниматься к ним в секцию.

Фесенко, Крикуненко, Люда Мишенина (вторую девушку не помню).

Команда от ХПИ.

Но в жизни столько интересных дел, к которым хотелось бы просто прикоснуться. В следующем году появилось желание познакомиться ещё и с подводным миром. Туризмом на серьёзном спортивном уровне я уже не смог заниматься.

Благополучно сдана весенне-летняя сессия. Подготовка снаряжения и продуктов близилась к концу. Мне и Ане Мяло Семенцов разрешил съездить к родителям, дав поручение привезти из села, где жили родители Ани, что-то из продуктов. Я далеко не сразу понял, что интерес у Ани ко мне не просто товарищеский. Два дня в селе у родителей Ани, где я между делом сделал красивое топорище из акации, ещё два дня у моей мамы в Мариуполе, и мы снова в Харькове.

Закончено шитьё палатки по собственному проекту из непромокаемого материала, называемого у туристов «серебрянкой». Мы в дальнейшем хорошо оценили нашу палатку. В оставшееся время я ещё успел сшить трое шорт из тонкого плащпалаточного брезента – для себя, Ани и Толи Фесенко. Я даже решил, что в первом приближении, освоил портняжеское дело. Это было, конечно, не так, но сшитые шорты послужили мне и ребятам не только в Саянском походе.

В походе писались три дневника. Для Вилла это была официальная нагрузка. Я и Аня взяли на себя такую нагрузку добровольно. Когда после похода нужно было написать официальный отчёт-дневник, использованы были дневники Ани и мой. Куда делся дневник Вилла – не помню. Писали официальный текст отчёта Света и я. В нём пришлось что-то сочинить, объясняя такие кардинальные изменения нашего маршрута. И, конечно, многое опущено из очень критической ситуации прохождения наиболее опасного первого порога.

Несколько лет назад Толя Семенцов нашёл у себя и переслал мне и Ане наши блокноты с записями. Дневник Ани оказался более полным и по-женски более эмоциональным. Я набрал в компьютере оба дневника. Мой дневник

набран почти дословно. В дневнике Ани (с согласия автора) сделаны маленькие доработки. И только в описании «покорения» нами первого порога внесены существенные добавления. Поэтому я предлагаю читателям «Книги жизни» прочитать дневник Ани, почувствовать величие диких (и по сегодняшней день) Саянских гор и красоту осуществлённого нами похода-сплава.

Я и сегодня считаю, что эти почти два месяца были лучшим периодом моей жизни. Это была не просто свобода, это была воля, которая особо дорога русскому человеку. И чувство преодоления ежедневно возникающих проблем, и особое удовлетворение, когда мы находили этим проблемам красивые решения.

Сравнивать нашу свободу с появившейся сейчас свободой для богатых посещать разные страны не имеет смысла. В нашем случае серьёзные испытания, которым мы себя подвергали, шли от жизни и для будущей жизни. Сегодня, для людей имеющих деньги, это возможность с максимальным комфортом отдыхать. А ещё на потеху богатым усиленно навязываются экстремальные виды спорта (шоу). Такие современные бои гладиаторов. И везде деньги, деньги...

Основные вехи нашего похода:

1. Аэропорт города Н-Удинска – село Верхняя Гутара. 130 км полёта на АН-2.
2. В. Гутара – озеро Агул. 70 км горного похода. 150 кг груза несут олени.
3. Лодкой на вёслах по озеру Агул. 5,5 км.
4. От озера Агул до реки Кизир и вдоль реки. 80 км горного похода с полной нагрузкой до места построения плота – это 30 кг у девушек и более 45 у ребят.
5. Шесть дней строительства плота.
6. Сплав на плоту около 200 км.

Ещё немного о походе. Начало. Мы стоим на трамвайной остановке и понимаем, что на трамвае мы можем опоздать на поезд. А тут ещё нет Вилла с последним рюкзаком. Семенцов ловит такси, а я бегу в общежитие. Вбегаю в нашу комнату и вижу картину борьбы Вилла с рюкзаком. Вилл никак не может взгромоздить рюкзак к себе на спину. Отодвигаю Вилла и взваливаю рюкзак на свою спину. Меня шатает и, чтобы удержать равновесие, приходится согнуться в пояснице почти на 90 градусов. Я почти ничего не вижу впереди, и Вилл, двигаясь впереди меня, криками требует уступить нам дорогу. Направление пути мне указывают ноги Вилла. Всего около 300 метров. И принцип, что если очень нужно что-то сделать – силы найдутся. Принцип, который очень меня роднит с Семенцовым.

И окончание маршрута. Написано Светой для официального отчёта.

«Всё! Это слово никак не укладывается в голове, никому не верится, что позади осталось больше месяца ненаселёнки, позади тайга, Орзогайская Колючка, величественный Кизир и наша красавица «Фантазия». Хотя уже и тянет к беспокойной городской жизни, всё же очень грустно расставаться с любимыми сердцу местами.

Итак, мы прибыли в Усть-Джебь – первое селение на нашем пути, первая цивилизация. Но как далека она от наших украинских деревень. Здесь царит патриархальный уклад жизни: свой дом, свой огород. Жена выращивает овощи и растит детей. Хозяин делает летом запасы на зиму, рыбака и охотья в тайге. У них ни радио, ни газет. Они не читают книжек, ни разу не были в кино. Вот такая жизнь у Петра, который плыл с нами от первого порога. И это не единственный случай. Люди негостеприимные, у них нельзя купить даже хлеба.

Переночевав одну ночь, мы с удовольствием покинули этого жадного хозяина. Дальше автобусом добрались до г. Курагино. Это уже небольшой районный центр, где есть телеграф, кинотеатр, баня. Здесь протекает река Туба, в которую впадает река Кизир, более широкая и спокойная, через которую ещё не построили мост и переправой служит паром. Всё это мы узнали довольно быстро, пока ожидали автобус до г. Минусинска, расположенного на левом рукаве Енисея.

Ночевали в здании речного вокзала, а утром теплоходом «Ракета» отправились в Красноярск. Хотя это и было очень дорого, но отказать себе в этом удовольствии было трудно. Восемь часов езды вместо восемнадцати обычным парходом. И вот уже за окном мелькают енисейские берега, то равнинные, то скалистые, но они не вызывают у нас восхищённых взглядов, ведь мы видели больше и красивее.

В половине шестого прибыли на конечную станцию, как раз перед гигантской комсомольской стройкой – Красноярской ГЭС. Отправились в комитет комсомола, где для ознакомления со строительством обещали выделить человека, но его не дождалась. Сказалось то, что у людей здесь много работы. Решили идти сами и по ходу расспрашивать рабочих. Все мы были впервые на такой крупной стройке, и её величие нас просто восхищало. Рабочие всё охотно объясняли, а в конце приглашали к себе на стройку работать.

Поздно вечером автобусом добрались до Дивногорска – маленького, уютного, разноцветного городка, выросшего среди тайги, а потом до Красноярска. Побродили по ночному городу, взяли билеты на поезд, доставивший нас в родной Харьков.

Какими остались в нашей памяти Саяны? Это далёкая заповедная страна, где выше облаков вздымаются горные кручи, стеной стоит непроходимый лес, а с утёсов срываются холодные водопады, и под ними, дрожа, переливаются радуги – страна суровая и прекрасная. Это роскошные Саянские закаты. Обилие мошек и козявок, не дающих покоя, особенно по

вечерам, когда их пиршество бывает в разгаре. Непролазная тайга и солнечные берёзовые рощи с их грибными запахами. Берёзки точно кто-то изогнул в разных направлениях, и они так и стоят, то кланяясь друг другу, то сердито отвернувшись одна от другой. В роще стоит весёлый шум и свист, из-под ног поднимаются рябчики, с ветки на ветку бесстрашно прыгает любопытный бурундук.

А высокотравье и разноцветные мхи? Как вам понравятся заросли крапивы выше человеческого роста? Это ведь просто бедствие! Зато нас радовали заросли черники и кусты красной и чёрной смородины. Тропа часто идёт по чернике, и мы, не останавливаясь, срываем ветки с сизыми ягодами. Реже попадается малина. А сколько здесь дичи! Даже при нашем шумном движении удаётся застать парой-другой рябчиков. Один раз увидели на тропе изюбря. Вот только хозяин тайги – медведь от нас прятался. Нам приходилось довольствоваться его свежими следами.

Саяны – настоящие джунгли с их огромными сочными листьями, толстыми стеблями и ядовитыми запахами.

А бурный и стремительный Кизир?! Его кристально-чистая вода журчит по камням и убегает вдаль, где теряется в солнечном блеске и превращается в жидкое серебро. За отмелями бесят сине-зелёные валы и плещут белой пеной. Мощными водопадами срываются потоки воды на его порогах, увлекая за собой всё попадающее на его пути.

За полтора месяца нашего путешествия мы только на Кизире столкнулись с людьми. Это геологи – люди, труд которых, всегда был тяжёлым испытанием в борьбе с безжалостной природой. Не один из них жизнью заплатил за открытия на карте нашей Родины. В тяжёлые минуты, когда не оставалось надежды на спасение, каждый думал не о себе, а о своём долге перед товарищами, и только это помогало им, хотя и ценою жертв, добиваться успехов.

Вот какими в нашей памяти запечатлелись Саяны! И, покидая их, мы говорим: «Прощайте Саяны, страна, бывшая долго нашей мечтой и принёсшая много волнующих, незабываемых мгновений».

Как всегда в минуты расставания нас охватило чувство грусти. Вернёмся ли ещё раз? Ощутим ли ещё когда-нибудь величие горных хребтов, холодное дыхание бурных рек?

Мы полюбили Саяны и, как все влюблённые, твёрдо знаем, что эта любовь на всю жизнь».

Я перепечатал этот текст, не изменив ни одного слова в память о замечательном человеке.

На пути в Харьков мы сделали остановку на один день в городе Куйбышеве. Интересный город с красивым парком вдоль реки Волги, но через несколько часов нашей прогулки по городу Вилл первым попросил нас уехать из города. Он не мог выдержать взгляды проходивших мимо людей. Наши заштопанные тельняшки и тренировочные штаны вызывали у людей удивление. Популярные у туристов ботинки «Вибрамы» дышали на ладан, хотя мы их

подремонтировали и начистили сапожным кремом. Пришлось нам уехать вечерним поездом.

Но даже за такое короткое время со мной произошёл комичный случай. Наша группа идёт на пляж к Волге, а я задержался у маленького киоска со столиками. Очень я любил в то время мороженое. Остановился я на одиннадцатой порции. Во время моей трапезы ко мне подседа пожилая женщина, убиравшая со столов. С жалостью посмотрела, помолчала и спросила: «Долго сидел, сынок?» Я так и не окунулся в Волгу.

На второй день после возвращения в Харьков (приехали мы впритык к началу занятий) я более двух часов в маленьком сквере рассказывал Клаве и Зине о нашем походе. И неожиданно лет восемь назад я посмотрел любительский видеофильм о сплаве по реке Кизир на надувных катамаранах наших камазовских туристов. Всё другое: снаряжение, материальные возможности (их забросили на вертолёт в точку начала сплава) и другое время. Вот только пороги Кизира те же. Вот так все участники нашего похода (кроме Светы) ещё раз прикоснулись к своей молодости.

1963 – 1964 учебный год. Четвёртый курс.

Мы достигли в учёбе того пика, когда из института уже не отчисляют. Мы научились учиться и относительно уверенно получать зачёты и сдавать экзамены даже по тем предметам, к которым не лежала душа. Для меня это были общественные науки и, конечно, английский язык. Сейчас, на завершающем этапе жизни, я практически так и не знаю английского, что не мешало мне в моей, достаточно творческой работе, достигнуть высокого уровня. А вот представить себе, что я когда-нибудь возьмусь за написание такой книги как эта «Книга жизни»? . .

У многих студентов четвёртого курса на первое место вышла проблема создания семьи. Мои отношения Клавой, за предыдущие годы достаточно далеко продвинувшиеся, неожиданно застопорились. 16 ноября 1963 года в помещении нашей студенческой столовой проходила свадьба Люды Киреевой и Юлика Гарбузова. После свадьбы я в скверике института стал активно убеждать Клаву решиться на создание нашей семьи. К сожалению, моя настойчивость дала обратный эффект. Наблюдая за нами, более развитая в социальном плане Зина произнесла слово, смысла которого я тогда не знал. Это слово инфантильность. Правда, развивать дальше суть наших проблем не стала.

Я и Клава продолжали встречаться и дальше, но что-то в наших отношениях изменилось. Клава даже вовлекла меня в клуб подводного плавания. Его создал В. Деревянченко при нашем институте. Первый лагерь подводного плавания располагался в районе Большого Утряша недалеко от Анапы. Там, кстати, познакомились Гарбузовы и почти сразу создали очень хорошую семью. Лагерь подводников ХПИ в 1964 году предполагалось разместить рядом с Алуштой на территории строящейся базы отдыха ХПИ. Меня сразу загрузили работой, от которой я не стал отказываться по причине

неумения отказываться и для гарантированного попадания в лагерь. Мне и Эдику Заболотному поставили задачу сконструировать и изготовить металлическую обвязку для списанных подвесных самолётных баков. Планировалось, что платформа, закреплённая на двух поплавках, расположенная недалеко от берега на якорях, будет местом проведения занятий с начинающими аквалангистами. Отмечу, что всё задуманное было успешно выполнено, а платформы отработали без поломок два сезона. Эдик, очень активный парень, занимался обеспечением работ, а я непосредственно работой.

Подвесные баки самолётов – плавающая платформа для тренировок аквалангистов.

Наступил 1964 год. Я часто бывал у Клары на Холодной Горе. Елена Васильевна – мама Клары, хорошо ко мне относилась и считала создание нами семьи делом времени. Но всё в ближайшем времени решилось иначе.

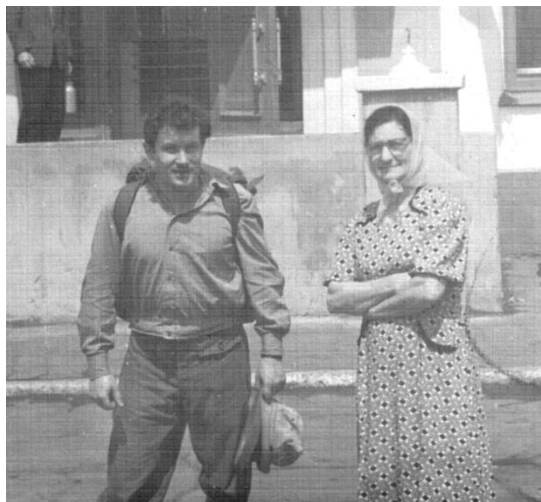
11 апреля 1964 года прошла свадьба моих друзей Толи Семенцова и Светы Дейнеки. Всё к этому шло давно. Толя несколько лет был рядом со Светой, и она это оценила, несмотря на мнение родителей и наличие других претендентов на её руку и сердце. Родители в наше время имели влияние на решение детей в таких вопросах,

но в определённых границах. Перед свадьбой я и Света шли по городу, и я спросил, что повлияло на её решение создать союз с Толей. Света отшутилась: «Все мои лучшие подруги вышли замуж, и я вот тоже решилась». Очень, очень жаль, что семейному союзу моих друзей был отведен такой короткий срок.

На майские праздники Клава повела группу туристов по горному Крыму, а мне запретила идти с этой группой. Группа уехала в Крым. Общежитие во время праздников опустело. Я в подавленном состоянии бродил по нашей комнате.

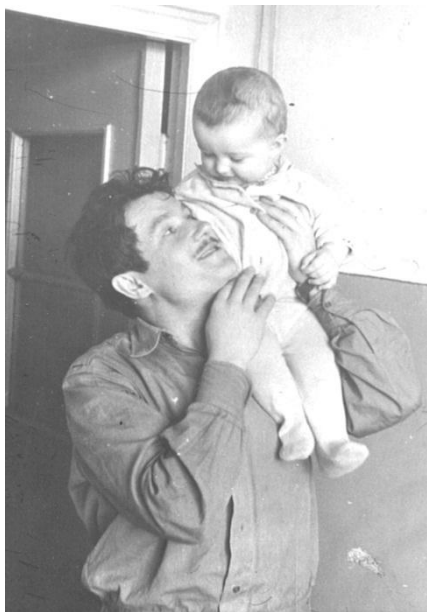
Юра Пестов, понаблюдав за моими переживаниями, посоветовал мне догнать группу, а потом заявил: «Я с тобой пойду тоже, ведь мы же солдаты – должны всё испытать». Юра был на семь лет старше меня и в походы за всё время совместной учёбы не ходил. Быстро собираемся и едем вначале в Мариуполь. Так Юра познакомился с моей мамой и семьёй моей сестры. Муж сестры Боря договорился, чтобы нас взяли на лихтер, отплывающий от завода Азовсталь в Керчь за рудой. Маршрут группы я знал

приблизительно. Из Керчи мы автобусом приехали в Алушту. Уже не помню, кого и о чём мы расспрашивали. Решили для начала подняться на Чатыр-Даг. Подъём получился достаточно утомительным.

Юра Пестов и младший сын Рони - Юра Качура.

Эклизи-Бурун, 1527м. Обрывистая с южной стороны вершина, возвышающаяся над верхним плато Чатыр-Дага. Расположена на границе Крымского Природного Заповедника.

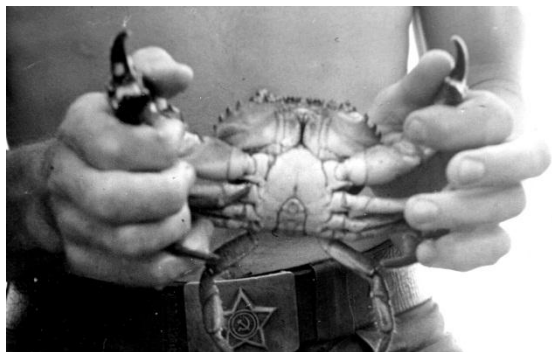
Следов группы мы не обнаружили, да и других туристов нам встретилось мало. Спустились вниз и решили двигаться в сторону г. Судака автомобильным транспортом. Недалеко от Судака нас подобрала

грузовая машина, и произошло чудо. Навстречу нам шла группа туристов, в которых мы узнали наших ребят. Судя по фото не очень высокого качества, состав группы

семь человек: Клава, Зина, Валентин Трофименко, Женя Моргун (моя учебная группа), Ада и Вита (химики-органики уже ходившие с Клавой и Зиной на

Кавказ) и Саша Привалов (турист с большим опытом). Встреча была бурной и радостной, внесшей определённое разнообразие в походную жизнь группы. Крым в мае (по крайней мере, в том году) не радовал красками и теплом. И море, соответственно, было ещё холодным. Но главная ценность таких походов заключена в самих людях, их желании совместно преодолевать трудности, и в ежедневном общении вдали от привычной городской жизни.

Черноморский краб.

У самого берега моря, под большими камнями, Валентин обнаружил крупных черноморских крабов. Это было удивительно. Летом таких крабов можно встретить только на глубине. Я подключился к нему, и мы поймали около десятка крабов. К сожалению, в черноморских крабах съедобного мяса мало.

В один из дней всё время моросил дождик. Вечером, основательно продрогшие туристы, поужинав и переодевшись во что-то сухое, согрелись уже в палатках, грея друг друга. Зина проспала на моей руке половину ночи.

Я, конечно, узнал в Вите ту девушку, которая заходила в нашу комнату два года назад, но мои мысли тогда были заняты совсем другим. Зато Вита имела возможность приглядеться ко мне и что-то разглядеть. А тут ещё Клава назначила Юру дежурить в паре с Витой. Они хорошо общались между собой, как-то при этом затрагивая и меня. И Зина немного рассказала Вите обо мне, и даже о моих греческих корнях. Процесс пошёл...

Это фото я послал в Жданов перед свадьбой.

Во второй половине мая ребята, занимавшиеся на военной кафедре, выехали в военные лагеря. В СССР военному делу обучали не только в военных училищах, но и на военных кафедрах многих гражданских вузов. Не берусь глубоко оценивать

плюсы и минусы таких офицеров запаса. Но в плане мобилизационной готовности в условиях угрозы большой войны – дело, безусловно, нужное.

ЗРК С-75 – зенитно-ракетный комплекс, который мы изучали на военной кафедре ХПИ.

«С-75 «Двина» — советский подвижный зенитный ракетный комплекс. Главной разработчик — НПО Алмаз (генеральный

конструктор А. А. Расплетин), разработчик ракеты — МКБ «Факел» (генеральный конструктор П. Д. Грушин). Комплекс принят на вооружение в СССР в 1957 году.

ЗРК С-75

мог поражать цели на дальности до 43 километров, в диапазоне высот от 0,5 до 30 километров и обладавших скоростью до

2300 км/ч. Начиная с принятия на вооружение, система С-75 постоянно совершенствовалась.

Последние модификации комплекса способны сбивать цели, имеющие скорость 3700 км/ч.

Наиболее широко применялся за всю историю войск ПВО во всём мире. С-75 различных модификаций поставлялись более чем в 40 стран, в том числе в Финляндию. За все время на экспорт поставлено почти 800 дивизионов комплекса».

Вот такой серьёзный комплекс мы начали изучать, ещё не узнав основ электроники по основной специальности. Хорошие учебные помещения. В одном из классов реальный экземпляр ракеты, длина которой 10,600 метров. На столах и стендах основные блоки ракеты. В другом большом зале все стены увешаны схемами

Наша комната: Гена; Володя; Саня; Толя.

прохождения сигналов управления для включения исполнительных механизмов. К тому же, сигналы управления формировались с применением частотно-временного кодирования. Все электронные схемы были разработаны на электронно-вакуумных лампах.

В наших головах была полная каша.

Военные лагеря особых знаний нам не прибавили. Нас познакомили с реальной службой в ракетном дивизионе в ознакомительном режиме. Часть находилась около города Прилуки. Запомнился мне больше наш быт и свободное время. Большинство из нас впервые надели военную форму. Запомнилась столовая. Аппетит у всех был хороший, но за добавкой чаще других ходили трое. Первым шёл наш атлет Валера Бережной, вторым худенький Юра Якубинский и третьим я. Во время ужина нам часто подавали на стол изумительной красоты и вкуса селёдку. Ребята, отслужившие ранее срочную службу, к селёдке совсем не прикасались. Они ею насытились ещё во время срочной службы. Я, привыкший к очень скромному достатку в детстве, да и во время учёбы в институте, не мог смотреть спокойно на остающийся, на столах прекрасный продукт. Хорошо, что наши военные лагеря были короткими, я и сегодня люблю сельдь в разумных пределах.

Принятие присяги.

Покритиковал с высоты прожитых лет несовершенство обучения в нашем институте, который в тех местах, где я работал, считался как институт, выпускающий хороших специалистов для промышленности. А откуда взялись организаторы, разработчики, испытатели и военные, которые через 12 лет после войны сумели решить сложнейшие проблемы по созданию совершенно нового комплекса и запустить его в массовое производство?

«По данным

министерства обороны СССР, 60 дивизионов комплекса С-75 сбили над Северным Вьетнамом около 2 тысяч самолётов, в том числе более 60 стратегических бомбардировщиков Б-52».

Читая в Википедии историю создания только этого комплекса, поражаешься мощи советской страны и, как ни странно сейчас это звучит, – **эффективности её экономики**, достигнутой всем народом под руководством И. В. Сталина.

Закончились военные сборы, и мы возвращаемся в Харьков. 13 июня 1964 года на станции пересадки Гребёнка ожидаем поезд. А 14 июня у Светы Дейнеки день рождения. Как всегда, по инициативе Толи Семенцова, заглядываем в несколько палисадников, и Толя везёт молодой жене огромный букет цветов.

Дальше по программе обучения у нас была семимесячная преддипломная практика на действующих предприятиях – в основном приборостроительных. Я выбираю завод расположенный рядом с институтом по единственной причине –

на нём будет проходить практику Клава, хотя наши отношения с ней далеки от желаемых мне.

Июль 1964 года. Алушта. Лагерь подводного плавания ХПИ.

Забылось точное число начала нашей практики. Большую часть июля мои сокурсники использовали по своему усмотрению. Женя Гускин с Ниной Остренко, только что ставшей Гускиной, Алик Баженов, Женя Моргун и Валентин Трофименко уехали «дикарями» в Кастрополь. А у меня и Клавы в июле началась смена в лагере подводного плавания недалеко от Алушты, на территории строящегося лагеря ХПИ. Мы должны были отрабатывать три часа в день на строительстве, а остальное время жить по распорядку лагеря подводного плавания. Питались мы в общей столовой, в которую привозили еду из столовой большого дома отдыха. Стоило нам питание 1 рубль 50 копеек в день. Обычным студентам, отдохавшим и работавшим в лагере, еды вполне хватало. Нам, проводившим по половине дня в воде и под водой, требовался подножный корм. Часть корма давало море. Это рыба, мидии, а в конце смены мы приспособили в пищу и рапаны. А на десерт – в неограниченном количестве виноград. За границей нашего лагеря располагались большие плантации совхозного винограда.

освоению премудростей подводного плавания, как с аквалангом, так и без него. Через две недели мы уже достаточно уверенно чувствовали себя и на воде, и под водой. Вечером оставалось время для личных и общих дел. Надирали с ближайших скал пару вёдер мидий. На алюминиевой лодке человек пять уходили в море и становились на якорь, где глубина около

пятидесяти метров, и ловили пикшу. Снасть предельно проста – леска с пятью-шестью крючками, к которым нитками прикручены пёрышки. На конце лески груз. Опускаешь груз за борт лодки и регулируешь рукой скорость погружения. Подтягиваешь немного вверх, чтобы груз оторвался от дна, и тихо подёргиваешь леску. Чувствуешь момент, когда рыба дёргает крючок, и коротким рывком подсекаешь рыбу. Основная задача, чтобы не тащить вверх

К месту занятий.

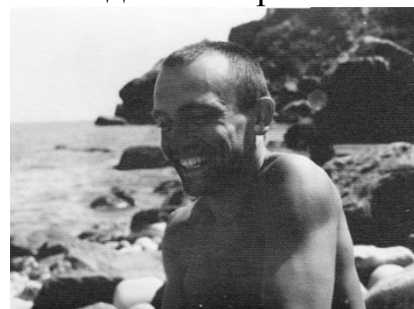
Распорядок дня – утром подъём, зарядка и плавание в ластах с маской и трубкой на дистанцию 800 метров. Далее завтрак, маленький отдых и общественные работы. Отдых, обед, послеобеденный отдых и занятия по

одну рыбу. Ведь глубина 50 метров. А ещё нужно умело укладывать леску в лодку, не создавая проблем себе и товарищам по ловле. Поэтому в лодке не более четырёх ловцов рыбы и пятый наблюдающий-помогающий. За два часа обычно наполнялось полное ведро рыбы.

Пикша к деликатесам не относится, но однажды нам повезло. В море шёл промышленный лов рыбы маленькой флотилии рыболовецких судов. А в трехстах метрах от берега, напротив нас, на якоре, стояло крупное судно, принимающее улов с более мелких судов, ведущих лов. Дело было вечером, делать было нечего. Понаблюдав немного за промыслом, у ребят возникла идея – сплавать на нашей лодке-казанке к судну-приёмнику и купить рыбы. Сбросились мелочью, набрав около трёх рублей, и поплыли к судну. На палубе лежали остатки ещё неубранной скумбрии. К нам подошёл пожилой мужчина, молча выслушал нас, прикинул на взгляд количество собранной нами мелочи и также молча сделал два движения ногой, сбросив нам в лодку рыбу. Одна тушка упала в воду и начала тонуть. Не прошло и секунды, как кто-то из ребят уже нырнул вслед за рыбой и исчез. Через минуту даже мы заволновались. Мужчина тоже с волнением смотрел в воду. Наконец, возле борта лодки показалась улыбающаяся физиономия со скумбрией в зубах. Бесплатный аттракцион был награждён ещё двумя движениями ноги мужчины. Вернулись мы на берег с ведром свежей деликатесной скумбрии. А вкус ухи я помню до сих пор.

Хорошие ребята рядом со мной обучались азам подводного плавания. С большинством из них я пересекался и в туризме.

Влекло всё новое, живое, интересное. Торопились

охватить как можно больше интересных дел, понимая, что после института таких возможностей

будет значительно меньше.

С обучением особых проблем не возникало. Мешало отсутствие хорошего снаряжения. У большинства из нас были отечественные безразмерные ласты. У них был сзади регулируемый резиновый ремень и поэтому они подходили на любой размер ноги. Плавник короткий, расходящийся веером. И очень маленькая глубина полости для ступни ноги. Сейчас мне, конструктору со стажем, понятно, что первый опыт нашей промышленности был малопродуманным. Маска, трубка и акваланг для 1964 года были вполне приемлемы. У пловца, как и у балерины, ступня в идеале должна вытягиваться настолько, чтобы быть на одной линии с ногой. Достигается это тренировками и, желательно, в юном возрасте. У меня ступня не вытягивалась и на половину идеала. Поэтому 800 м во время утренней разминки я проплывал с большим трудом. В основном на руках, а ласты больше тормозили движение, чем помогали. И, к тому же, ласты быстро натёрли нам на ступнях водянки.

Пришлось приспособливаться, ведь других ласт не было. Оказалось, что при плавании под водой действуют немного другие закономерности, и те же ласты нас двигали вперёд, а руки для движения под водой не используются.

Конечно, была и проблема быстрого охлаждения тела в воде, особенно на глубине. Лето, тепло, температура воды 22 – 24 градуса, идеально для обычных отдыхающих. А нам при погружениях с аквалангом на глубину 20-ти метров и более, очень хотелось что-то на себя одеть. И даже надевали обычную одежду. Немного помогало. Промышленные теплозащитные костюмы сухого и мокрого типа появились в стране немного позже. Они по цене были не очень доступны обычным самодеятельным любителям подводного плавания. А вот те же любители, объединившись в какой-нибудь клуб, уже могли за счёт разных перечислений приобрести разное снаряжение, в том числе и костюмы.

Освоение акваланга прошло без особых проблем. А вот ныряние на глубину

без акваланга далось с трудом. При быстром погружении головой вниз очень трудно быстро выровнять давление внутри уха, т. е. уравнивать его с давлением окружающей воды. Рекомендуемые глотательные движения вначале мало помогали. Требовались тренировки и акклиматизация. Я вначале даже стал применять оригинальный приём.

Стоишь вертикально в воде, проделываешь гипервентиляцию лёгких (до 15-и очень глубоких вдохов и выдохов) и на неполном вдохе делаешь пару сильных гребков ластами. Тело по грудь выталкивается на поверхность, а затем под весом вытолкнутой части опускается под воду. На глубине полутора метров плавучесть тела становится отрицательной (за счёт сжатия грудной клетки), и ты с ускорением движешься вниз. Продувка ушей резко облегчается за счёт разницы давления между лёгкими и внутренним ухом. Через неделю такие ухищрения уже были не нужны. Уши уверенно стали продуваться и при нырянии головой вниз. К концу смены я уверенно нырял без акваланга на глубину 15-и метров, проплывал вдоль дна до 15-и метров, поиграв, к примеру, с крабом, а затем медленно поднимался на поверхность.

Была в нашем лагере проблема с заполнением аквалангов сжатым воздухом. Свой старый компрессор (участник ВОВ) часто барахлил, а возить акваланги в Рабочий уголок, где работал стационарный компрессор, очень накладно. В. Деревянченко предложил ребятам, что-то понимающим в технике, заставить поработать наш компрессор ещё немного. Я, на тот момент не имевший понятия в двигателях внутреннего сгорания и компрессорах, оказался в ремонтниках. У большинства ребят и моего слесарного опыта не было. Трое ребят и младший брат В. Деревянченко – Слава, вошедший в команду в роли снабженца-добытчика. У нас в лагере для поездок был мотоцикл «Днепр». Компрессор у нас заработал и не ломался до конца нашей смены. Наградой за работу был акваланг с полной заправкой воздухом, который мне позволили использовать одному. Я, на радостях, рванул под водой к нескольким скалам, живописно расположенным в нескольких сотнях метров от берега. Я так хотел

увидеть эти скалы под водой, что оторвался от своего страхующего, не зная об этом. Ведь связь между нами осуществлялась только через шнур, прикрепленный на поверхности к лёгкому буйку. Забыл уже вид подводных скал под водой. Наверное, обычные скалы, с водорослями и большим количеством мидий. Воздух я использовал полностью, и даже резерв, поднялся на поверхность и к берегу плыл, перейдя на трубку. Хочу отметить, что дно Чёрного моря (по крайней мере, в районе нашего лагеря) не очень интересно.

Любопытная деталь. В период ремонта компрессора я пару раз ездил на мотоцикле со Славой Деревянченко. От него я впервые услышал песню литератора, поэта и барда – Алешковского Иосифа Ефимовича, написанную им 21 сентября 1929 г. Песня начиналась словами: «Товарищ Сталин, вы большой учёный...». Первое прикосновение к диссидентству. Знали бы эти авторы, какой трагедией закончится их «инакомыслие» для великой страны. Инакомыслие – это вполне нормальное явление определённой части граждан в любой стране. Проблема в том, что не нашлось в послесталинский период в руководстве страны достойных наследников Великой Победы. А дальше появились и открытые предатели всего созданного в советский период.

А пока мы, совершенно не задумываясь о политике, живём почти как в дикой природе.

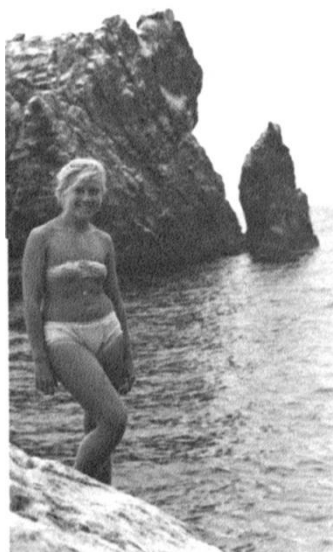

Круглосуточная наша одежда – это плавки.

Руководство лагеря с трудом заставляет нас приходить в столовую в шортах и рубашках. Мои отношения с Клавой дружеские. Учимся подводному плаванию. При погружениях с аквалангом страхуем друг друга. Прогулки. В свободное время сплавали вдвоём к скалам, к которым я так стремился под водой. В это время в Крым приехали Роня и Боря

(моя сестра с мужем), я предложил Клаве навестить их, и она не отказалась. Я полностью забыл детали того визита.

Я даже совершил «героический» поступок. Из нашего лагеря в столовую дома отдыха каждый день, по графику, командировали двух девчат для помощи на кухне. Когда подошла очередь Клавы, она оказалась приболевшей, и я вызвался поехать работать на кухню один вместо двух девчат. Столовая полна молодыми девчатами из кулинарных училищ, проходящими практику. Моё появление вызвало интерес. Я так усердно

выполнял все порученные дела, что мне стали советовать снизить активность и даже стали угощать разными вкусностями. А когда наступило время

обеда, то есть мне уже не хотелось. Отпустили меня с благодарностью раньше положенного срока на два часа. В это время в сторону нашего лагеря транспорт не шёл. Но что такое для туриста 2-3 км по пересечённой местности. Приболевшая Клава получила от меня гостинец – большую красивую морковку. Многие забываются, а вот ту морковку Клава помнит и сегодня, почти через 50 лет.

Во второй половине нашей смены Клава получила письмо от Виты Дмитриевой, которая в это время проходила преддипломную практику в г. Одесса. Клава почему-то решила показать это письмо мне. Обычное письмо о жизни во время практики, если бы не короткая фраза о том, что Вита влюбилась в меня, и это у неё очень серьёзно. Это был ещё один, уже серьёзный аргумент для моих мыслей, через четыре месяца повлиявший на создание мною и Витой семьи.

Клава пишет письмо Вите.

Почему письмо было показано мне? Через полвека прожитой жизни попробую этот поступок объяснить. Думаю, что для современных молодых людей мои мысли будут интересны. Клаве с самого начала нашей учёбы нравился Женя Моргун – невысокий, спокойный, хорошего телосложения парень, занимавшийся тяжёлой атлетикой, к тому же, игравший на гитаре и тоже живший на Холодной Горе. А вот ответного сильного чувства у Жени не было. А тут ещё я со своим активным ухаживанием. Клава даже уговорила пойти Женю в поход на Кавказ, а позже в Крым. Мои ухаживания Клава не отвергала, но принять окончательное решение так и не смогла. Для многих молодых людей моего поколения понятие любовь не было пустым звуком. А прочтение мною письма Виты могло показаться для

Клавы своеобразным решением её сомнений. Были и раньше в наших отношениях моменты когда, как мне казалось, что Клава была готова к физической близости, чтобы разрешить свои сомнения. Но на такое не мог пойти я.

Последнее воскресенье июля – день Военно-морского флота СССР. Очень красивый праздник, к которому заранее готовились. Праздник моряков всех флотов страны и всего населения, которое гордилось своим ВМФ. А тех, кто мог реально побывать на таком празднике, впечатления оставались на всю жизнь.

На вечерних посиделках у костра кто-то внёс предложение, что хорошо бы съездить в Севастополь и увидеть праздничное представление своими глазами. Собрались мы около семи человек, отпросились у Деревянченко и поехали. Причина, по которой не поехала Клава, забылась. Запомнились две девушки, одна из них сестра Лёни Перевалова, Света – привлекательная девушка.

Рассказывать мне о Севастополе не имеет смысла, так как пробыл в нём всего полтора дня. Это было лёгкое

прикосновение к истории и к Славе России и СССР. Можно

только порекомендовать всем, кому дорога Россия, побывать в этом городе и не полтора дня. Почувствовать какой ценой удалось нашим предкам создать Историческую Россию и убедиться в ничтожестве тех людей, которые затеяли

«перестройку», разрушили СССР, образовав на его месте содружество жалких государств. Короткая справка о Севастополе:

«Севастополь уже давно является символом героизма, мужества и неувядаемой воинской славы. Жители этого прекрасного города по праву гордятся историей легендарной севастопольской земли.

О трудных военных днях, о кровопролитных боях помнят здесь и волны Черного моря, и скалы на берегу, и улицы, площади, скверы, и, безусловно, многочисленные памятники героям-защитникам Родины, которые теперь относятся к достопримечательностям Севастополя.

Этот город абсолютно уникальный, неповторимый в своей красоте и совершенно индивидуальный. Основные достопримечательности Севастополя, осмотр которых, если верить путеводителям и местным

гидам, обязательен для всех гостей – это Панорама «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.», которая находится на Историческом бульваре, Херсонес, Диорама на Сапун-горе, а также все без исключения центральные улицы и бульвары.

Город-герой Севастополь буквально на каждом шагу приветствует путешественников красивой архитектурой – вы можете посетить Дворец детства и юности, осмотреть Памятник затопленным кораблям, побывать на Графской пристани, сфотографироваться рядом с Башней ветров и Памятником Казарскому.

Весьма интересны и исторические музеи Севастополя – это Музей героической обороны и освобождения города, Музей истории Черноморского флота».

Часть из перечисленных памятников мы посмотрели. А утром на Графской пристани, пока там почти не было людей, у подножья Памятнику затопленным кораблям я немного понырял и даже достал с десятков рапанов. Во второй половине дня набережная и прилегающая к ней территория были полностью забиты людьми. Красивая получилась программа, растянувшаяся до позднего вечера.

В конце смены в лагерь заглянул Лёня Перевалов. Разговаривая с ним и зная, что Крым его родина, я озвучил своё желание вернуться из Крыма в Мариуполь водным транспортом. Он предложил после смены заглянуть в Феодосию в его родительский дом и там сесть на теплоход, идущий в Мариуполь. Так я немного прикоснулся к жизни семьи Переваловых. Отец Лёни отсутствовал, а его мастерскую я посмотрел с интересом. Лёня показал мне, как нужно снять тонкий слой с поверхности рапанов, используя соляную кислоту. После обработки поверхность заиграла чистыми природными красками. А у рапанов, поднятых со дна у памятника в Севастополе, оказалось на редкость много голубого цвета. Сходили мы и на ближайший пляж вместе с сестрой Лёни. Тут мне основательно не повезло. Зайдя в воду, мы решили вдвоём подбрасывать Свету вверх, и она, описав дугу, красиво ныряла в воду. Один из бросков у нас получился неудачный, и пятка Светы попала мне в глаз. На теплоход я поднялся с основательным синяком под глазом. Билет у меня был самый дешёвый, и, когда я проходил мимо приличных кают, мне старались уступать дорогу.

Клава Исакина и Лёня Перевалов.

Во время посещения Феодосии я не знал, что Лёне уже давно приглянулась Клава, но ему это не мешало в наших товарищеских отношениях. И когда я узнал, что у Клавы с Лёней сложилась хорошая семья (в 1971 году), очень этому порадовался.

И ещё один момент из жизни родителей Лёни Перевалова, которые окончили школу перед войной и во время войны создали семью. 17 апреля 1943 года родился Лёня. Отец Лёни так

объяснил решение родить ребёнка в наиболее страшный период начала войны: «Выжить в этой войне у меня почти нет возможности. Если выживет ребёнок, Советское государство поможет вырастить его полноценным человеком».

Впереди была преддипломная практика и никакой ясности в наших взаимоотношениях с Клавой.

Август 1964 г. – февраль 1965 г. Преддипломная практика в г. Киеве и другие жизненно важные события этого периода.

Начало августа. Я прихожу на завод КИП, чтобы определиться с началом практики и сразу пересекаюсь с Клавой. Пробую с ней поговорить, но разговор не получается, и, более того, она мне ясно даёт понять, что перспектива видеть меня почти каждый день в течение семи месяцев её явно не устраивает. Почему такой крутой поворот, Клава тоже не объясняет. Ситуация для меня совсем не понятна. Кроме здравого смысла, в моей голове иногда срабатывает «конечный выключатель». Юра Пестов, наблюдая за мной, однажды выразился так: «Генке тормозов не хватает». Вместо оформления на заводе себя как практиканта, я пошёл к заведующему нашей кафедрой О. Н. Суетину с просьбой заменить мне место прохождения практики на любой другой город вместо Харькова. Опытный и спокойный человек, посмотрев на меня, не стал ни о чём расспрашивать и предложил мне поехать в Киев.

Перед отъездом в Киев я ещё пересёкся с Зиной. Она ехала на практику в г. Львов. Зина и на этот раз не стала высказывать своего мнения по поводу наших взаимоотношений с Клавой, но дала координаты своей подруги Наташи, с которой работала на заводе в г. Бердичеве до института. А теперь Наташа перешла на третий курс Киевского Политеха.

Из нашей группы на практику в Киев приехал только я. Из группы Семенцова приехали Вадим Литвиненко, Рая Спиридонова и А. Бродский. С Вадимом и Раей я быстро подружился. Бродский держался особняком, а потом совсем исчез из поля зрения. Вадим – староста группы, 1937 г. рождения, к этому времени уже семейный человек, по выходным уезжал к маме, жившей под Киевом.

Вадим в центре.

Ребят поселили в подвальном этаже общежития – так называемом изоляторе. Кого в нём собирались изолировать непонятно. Большое помещение, в котором комендант хранил кровати и что-то ещё. Газовая плита, холодная вода и нефункционирующий туалет. А ещё коридор во всю длину здания. Так что положительного у современных «детей подземелья» было больше, чем отрицательного. Мы были там хозяевами. Было, на чём приготовить еду, а

коридор – прекрасная беговая дорожка. Даже из туалета я чуть позже сделал для себя фотолабораторию. Вместо обычного замка приспособил соленоид с защёлкой. 220 вольт на катушку соленоида подавались от провода, который прижимался к забитому в двери гвоздю. Как-то комендант в моё отсутствие, обходя своё хозяйство, попробовал открыть дверь в туалет. Никаких признаков замка нет, а дверь не открывается. Спросил у ребят о возможной причине, но они не выдали меня. Пожилой человек, без одной ноги, дёргал дверь так, что из щелей сыпалась замазка, но так и не открыл дверь. Я не пошёл сознаваться, несколько дней ожидал скандала, но комендант больше не приходил. В конце практики я вернул дверь в прежнее состояние. Хорошая была фотолаборатория.

Рая жила в другом корпусе и в обычной комнате. С ней жили две девушки –

практикантки из Узбекистана. Одна из них, Лиля, происхождением из немцев Поволжья, переселённых перед войной в предгорья Тянь-Шаня.

Я с Раем и Лилей.

Август и половину сентября я и трое девчат на речном трамвайчике по выходным плавали к устью реки Десны на отдых.

Иногда к нам ещё кто-нибудь сентябре к Лиле приехала её обратном пути мы ещё иногда съедобное с близлежащих полей и садов – яблоки, картошку. Это было хорошее подспорье к нашей стипендии. И в магазинах из продуктов всё было. Запомнилось, что селёдка в магазинах Киева продавалась 12-ти сортов, от 32-х копеек до 1 рубля 30-ти копеек за один кг. А подсолнечное масло продавалось в автоматах. На сэкономленные деньги я купил всё необходимое оборудование для работы с фотоплёнкой и печати фотографий.

присоединялся. В младшая сестра. На заимствовали что-

Хорошая была практика!

Сейчас не помню, как называлось предприятие, на котором я проходил практику. Оно выпускало устройства для автоматического управления сложными технологическими процессами. На нём были цеха с полным кондиционированием, а рабочие перед началом работы полностью переодевались. Находилось предприятие в районе Подола.

Меня определили в конструкторское бюро. А мой руководитель был ещё и активным рационализатором. Поэтому и задания мне от него были связаны с его последней рационализаторской работой, требовавшей высокой квалификации и глубоких знаний в разных областях техники.

Сегодня, при современной электронике и вычислительной технике, такие задачи решаются намного проще. Нужен квалифицированный постановщик задания и опытный программист. Дальше всё сделает компьютер при наличии уже готовых датчиков, электронных блоков и исполнительных механизмов (слегка упрощаю, конечно). В те времена для каждой задачи большую часть компонентов приходилось делать почти с нуля, и доля механики была очень большой. Но при этом надёжность техники была очень высокой.

Мой руководитель работал над созданием программного задатчика поддержания температуры в печах с изменением её во времени. Идея, на первый взгляд, проста. Кольцевой барабан, на котором закреплена полупрозрачная пленка с диаграммой поддержания температуры во времени. Оптическая пара (источник света – приёмник), отслеживает диаграмму, поворачивая барабан по углу, а вместе с ним и задатчик температуры. Термоэдс термопары, расположенной в печи, пройдя преобразователь и усилитель, выдаёт сигнал на схему сравнения. Источник нагрева или охлаждения будет работать до тех пор, пока схема сравнения не выдаст нулевой сигнал. Не буду дальше загружать читателя техническими проблемами.

Не думаю, что я очень помог своему руководителю в решении его проблем, но старался выполнять его задания добросовестно, по крайней мере, пока был на рабочем месте. Отлучался я из Киева часто, и спасибо моему руководителю за вполне объективную характеристику, написанную в институт по окончании практики.

В начале учебного года я познакомился с Наташей – подругой Зины. Приятная девушка украинского типа, спокойно воспринявшая знакомство со мной. Однажды я с Наташей съездил в аэропорт Борисполь для встречи с Зиной. Встречи не получилось, а прогулка получилась хорошей. Помог я Наташе начертить пару больших листов для курсового проекта, и на этом наши отношения остановились.

Не получила развития и влюблённость в меня Лили. Хорошая девушка, но мои мысли всё чаще возвращали меня к Вите.

Девятнадцатое сентября, день свадьбы Толи Макаренко и Лоры Поляковой. Свадьба ближайших друзей, и я еду в Харьков, как всегда,

без билета. Утром, чтобы меньше попадаться на глаза проводнику, пошёл бродить по составу. Неожиданно в одном из вагонов вижу Зину, которая тоже едет на свадьбу. Поговорили обо всём понемногу, и я попросил Зину сходить со мной к Вите. Зина согласилась, спросив при этом: «А как же Наташа?».

Наш визит был неожиданностью для Виты и, особенно, для её мамы. В это время под Харьковом туристы проводили соревнования, и мы втроём поехали на природу. В соревнованиях мы участия не принимали, а вот приподнятое настроение запомнилось и пирожки будущей тёщи тоже. Дальше всё между мной и Витой пошло в ускоренном ритме. Несколько встреч по вечерам, моё предложение Вите выйти за меня замуж, её согласие. И даже обращение к родителям Виты о согласии на наш союз. Пришлось запомнить отчество Витиной мамы – Хрисанфовна. Согласие мы получили, но и

переживание родителей тоже. Подали мы заявление на регистрацию брака в красивый Харьковский Дворец бракосочетания. Регистрацию брака нам назначили на 31 октября 1964 года. Один месяц на проверку нашего решения перед свадьбой и 48 лет проверки прожитой жизнью. Я давно понял, что увлечения в юности - это громадная ценность, а настоящая любовь проявляется и крепнет с годами совместной жизни, в общих заботах и радостях, особенно после рождения детей и далее – всю жизнь. И Советская власть много делала, чтобы счастливых семей было большинство. Сегодня во всём «демократическом» мире (а не только в России) столько делается для разрушения семьи, что появляются сомнения в здравом уме тех сил, которые претендуют на управление миром.

С Клавой я виделся на свадьбе Толи и Лоры, но мы не разговаривали. Грустно, когда происходят такие истории. Если чувства были настоящими, то они исчезнуть полностью не могут и, в лучшем варианте, перерастут в дружбу между семьями.

Половина оставшейся практики прошла у меня между Киевом и Харьковом. Практически на все выходные я приезжал в

Харьков. Вита в это время готовилась к защите дипломного проекта. И я даже успел начертить ей на паре больших листов ватмана часть экстракционной установки для получения жиров.

Для понимания того времени напишу про одну поездку из Киева в Харьков. Прилично одетый, приезжаю на вокзал и беру билет до ближайшей станции в общий вагон. Это обычный плацкартный вагон, но в нём только сидячие места. Ближайшей станцией в направлении Харькова был Борисполь. Сажусь в вагон, быстро переодеваюсь, занимаю вторую полку и имитирую сон. До Борисполя не более получаса езды. Добросовестная проводница заранее объявила о приближении станции, а перед самой остановкой ещё прошла по вагону, напоминая и беспокоясь о пассажире. За 20 минут до Харькова я, переодевшись, стоял в дальнем тамбуре, чтобы раньше времени не попасть на глаза проводнице, но она, убрав туалет, решила подмести ещё и в тамбуре, где я и попался ей на глаза. У неё почти слёзы были на глазах, когда она меня отчитывала. Потом закрыла дверь на ключ, сказав, что сдаст меня охране. Было жалко проводницу, а о себе я как-то не волновался. К безбилетным студентам почти всегда проявляли снисхождение, как к государевым людям. Мелькнувшая мысль, что можно разбить стекло и выпрыгнуть на ходу, отпала сразу. Я ещё на заводе стал уважительно относиться к человеческому труду. Проводница, выпустив на вокзале всех из вагона, пришла и выпустила меня. Настоящая русская женщина. Поблагодарив проводницу, я сделал для себя выводы и в следующий раз ехал уже с ключом от железнодорожных вагонов.

Проблемы с подготовкой к самой свадьбе волновали больше родителей Виты. Моя мама тоже волновалась. Виту ни мама, ни мои сёстры не видели и

ничего о ней не знали. В письмо с сообщением о свадьбе я вложил фото Виты из крымского похода. На снимке (среднего качества) стройная девушка в шортах, в тёмных очках и с рюкзаком за спиной. Впоследствии я часто слышал высказывание Азы, что Вита естественно и сразу вошла в нашу большую семью, как будто была в ней всегда. А последнее в маминой жизни письмо из больницы, которое она начала писать, но смогла написать только одну строчку, было Вите.

Свадьбу сыграли 31 октября 1964 года на квартире тёти Лёли и дяди Васи.

Обычная квартира на улице Данилевского, почти в центре Харькова, вместила

всех моих и Витиных сокурсников, бывших в это время в Харькове. И старшее поколение – папа и мама Виты, её дядя и тётя, моя мама и обе мои сестры. Из школьных друзей приехал Лёня Орловский, а вот Гены Шабанова не было.

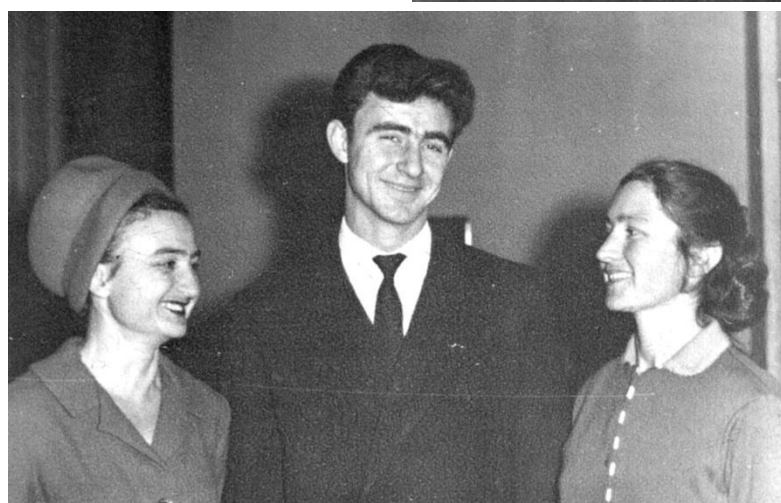
Для такого случая изготовили длинный стол и лавки из хороших досок, благодаря

профессиональным возможностям дяди Васи. Приготовление еды – родители,

спиртное принесли студенты. Обычная студенческая свадьба, где меньше всего думали о престиже. Мы даже во Дворец бракосочетания сходили пешком вместе с самыми близкими людьми. Он находился достаточно близко. Свидетелями на нашей свадьбе были *Зина Хенкина и Толя Семенцов*. И очень рады, что своих свидетелей мы не подвели.

На фото видно хорошее настроение участников нашей свадьбы.

Жили мы легко, не отягощённые серьёзными заботами и проблемами, понимая, что разумный достаток в создаваемой семье будет всегда.

Создали мы семью практически одновременно с отставкой Н. С. Хрущёва.

15 октября 1964 года газеты вышли с портретами новых руководителей – Брежнева и Косыгина. Кратко сообщалось, что пленум удовлетворил просьбу о выходе на пенсию Н.С. Хрущёва – по состоянию здоровья и возрасту.

Из статьи Сергея Черняховского, вышедшей к 30-летию смерти Л. И. Брежнева, 10 ноября 2012 года:

«В 70-е годы прошлого века американский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, посетив СССР, обмолвился, что в Советском Союзе создан прообраз общества будущего, к которому человечество еще не готово. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в чем-то он оказался вполне прав. Что-то в этом периоде – периоде правления Леонида Брежнева, со дня смерти которого сегодня исполняется ровно тридцать лет, – было глубинно-величественное, но при этом настолько противоречивое, что исходом его стало не новое движение вперед, не новый эпохальный прорыв, а резкое обрушение в катастрофу. Кто-то считает, что это обрушение было неизбежным, кто-то видит в нем историческую случайность, вызванную действием в основном субъективного фактора.

Основная беда и основной порок этого блистательного периода были не в тех заметных, но относительных проблемах, о которых любят вспоминать его критики, – дефиците и бюрократизации, а в том, что общество забыло, что не это главное. Общество, уставшее от собственных свершений и сменившее френч на смокинг, утонувшее в благополучном расслаблении, постепенно утратило из виду, что главное – это не благополучие и изобилие на товарных полках, не комфорт и потребление, а развитие, напряжение, стремление «сегодня» построить мир «завтра».

Утратив тот внутренний настрой, ту внутреннюю целеустремленность в будущее и ту привычку к напряжению, которые обеспечили его прежние победы, оно как лишилось способности к прорыву

завтра, так и не обрело благополучия сегодня. И обрекло себя на то, что и вытекало из этого с неизбежностью, – на сытый бунт перестройки, бессмысленный и беспощадный».

Читать полностью: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/11/09/istoriya-khkh-veka/696971-epokha-brezhneva-mogla-zavershitsya-novym-proryvom-no>

Неделю спустя после свадьбы, я и Вита заглянули в гости к Макаренкам. У них по случаю 47-й годовщины Октября собрались близкие нам люди. Нам было ещё непривычно быть в статусе семьи.

После праздников я приехал в Киев. Ребята меня поздравили с таким серьёзным событием в жизни, а Лиля и Рая подарили двухтомник М. Ю. Лермонтова. Жизнь продолжалась. В процессе практики необходимо было собрать материал для будущего диплома, который должен был соответствовать целому ряду требований. Выбран был для диплома автоматический регулятор температуры – рацпредложение моего руководителя. Поскольку этот прибор не серийного производства, то чертежи, электрические и электронные схемы, текстовый материал и многое другое пришлось делать самому по реальному на тот момент образцу и собственной фантазии.

Глубокая, но ещё тёплая осень. Возможности для проведения свободного времени ограничены. К Вадиму Литвиненко, как к старосте группы, приехал из Львова Роман Чесноков. Вечером он мне предлагает сходить в кинотеатр. Я соглашаюсь. Кинотеатр находится в парке имени Пушкина.

ЧЕСНОКОВ Р.Г.

Классический парк советского времени. Аллеи веером от кинотеатра расходятся вглубь парка. Сам парк находится в двухстах метрах от нашего общежития по другую сторону от Брест-Литовского шоссе. Много людей, пришедших посмотреть фильм, прогуливаются перед кинотеатром, ожидая начало сеанса. Ближе к входу кинотеатра несколько молодых ребят общаются между собой более шумно, чем другие люди. Похоже, что они чувствуют себя здесь хозяевами.

Неожиданно из глубины аллеи выбегает растрёпанная женщина. Бежит она с воплями к людям, явно прося помощи. Вслед за женщиной бежит мужчина средних лет с палкой в руках и тоже что-то кричит. Большинство людей уступают этой паре дорогу, ничего не предпринимая.

Картина увиденного поразила меня. Пока я осмысливал происходящее, мужчина поравнялся со мной. Помимо моего сознания что-то сработало в моей голове. Я сделал шаг навстречу мужчине и коротким ударом остановил его бег. Он упал на тротуар без признаков движения. Моё сознание быстро вернулось на своё место. Женщина развернулась и с поднятыми кулаками пошла ко мне. Ребята тоже направились в мою сторону. Иногда инстинкт самосохранения у

меня тоже срабатывал. Рывок по кратчайшему пути к ограде парка и далее через шоссе с достаточно плотным, даже по тем временам, движением транспорта. Двое ребят, погнавшихся за мной, быстро поняли, что дальнейшее преследование меня ничего интересного им не принесёт. Вернулся я в общежитие через парк КПИ, который примыкал к шоссе с другой стороны. Напомнил мне об этом случае Роман через 40 лет в Харькове во время очередной встречи наших групп. Случай я помнил, а Романа не узнал. Мы с ним во время учёбы, ни по каким делам не пересекались, кроме этого неудачного похода в кино.

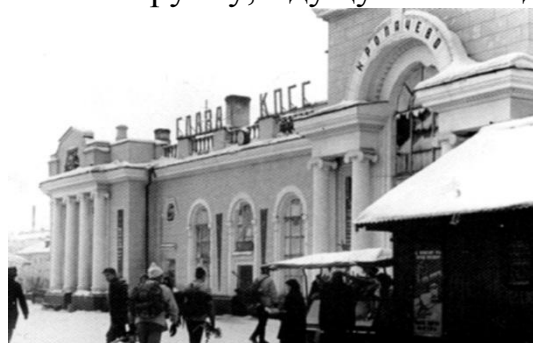
Зимой мы дважды коллективно ходили на каток, который был залит в парке Пушкина. Цены за прокат коньков были символическими. Умения кататься на настоящем льду никакого. Однажды меня охватили общественным мероприятием – выдали бесплатно билет в бассейн. Прекрасный бассейн, с 50-метровыми дорожками, но без ласт пловец из меня оказался самый заурядный.

Однажды, во время практики, Вадим Литвиненко предложил мне сходить с ним на товарную станцию немного подзаработать. Большинство студентов-ребят, особенно иногородних, часто подрабатывали на погрузке-выгрузке. Я охотно согласился. Правильно говорят, что любым делом нужно заниматься систематически. Больше половины дня мы провели на станции, но работы для нас не нашлось.

24 декабря 1964 года. У Виты день рождения и одновременно защита дипломного проекта. Я приехал в Харьков заранее, с бутылкой кубинского рома. Наверное, был и подарок. Вечером 23-го у меня начал сильно болеть зуб, и ночью я практически не спал. Утром я и Вита вместе поехали в центр Харькова: Вита в институт - защищать дипломный проект, а я удалять зуб. В клинике сделали мне обезболивающий укол и отправили в коридор посидеть, чтобы укол подействовал, и потеряли. Как только укол немного снял боль, я тут же уснул. Счастливым, без боли и зуба, помчался я в институт «болеть» за жену, а она уже в первых рядах защитилась. Вечером отметили за столом и диплом, и Витины 23 года. Похоже, что из мужчин были: папа Виты, Толя Семенцов и я. Все трое спокойно относящиеся к спиртному. Виктор Савельевич выпил вначале рюмку рома, а остальную бутылку «уговорили» я и Толя. Не очень осмысленный поступок со стороны молодого зятя...

В конце января у нас закончилась практика, в феврале Вите нужно приступать к работе на заводе тяжёлого машиностроения в г. Жданове. До этого Вита распределилась в город Чимкент Казахской ССР. Любопытная деталь советского воспитания. Вита, как хорошо успевающая студентка, выбирала место будущей работы одной из первых. Было одно распределение в г. Даугавпилс, считавшееся очень престижным (как теперь говорят), но Вита, не задумываясь, выбирает Чимкент, потому что туда три распределения и можно будет поехать на новый химкомбинат вместе с подругами. Планы не осуществились из-за замужества. У меня распределения не было. Я должен был возвращаться на свой ТЯЖМАШ и, соответственно, Вита тоже. Семья в советской стране была основой государства не на словах, а на деле.

Но в конце января в институте формируются группы туристов для зимних лыжных походов. Семенов ведёт в очередной раз группу на Кольский. Вместе с ним в группе идут Света и Клава. Из-за Клавы я не могу идти в этой группе и записываюсь в группу, идущую в поход по

Южному Уралу, которую набирает Леонид Перевалов – мой хороший знакомый. Родители Виты категорически возражают против участия её в

лыжном походе. Можно понять чувства родителей и Виту, которая в ближайшее время уедет в Жданов. Я всё-таки в поход

иду. Моя логика мне подсказывает другое решение. Молодость, желание увидеть и узнать как можно больше. И всего похода не более 12-ти дней.

О самом походе много писать не буду. Пологие, красивые горы Южного Урала не представляли большой сложности. Солнце и умеренный мороз позволили сделать много хороших снимков. Хороший руководитель преопределил хорошие взаимоотношения между участниками.

А лично мне сильно портили настроение мои

лыжи. Когда я одним из последних пришёл на лыжную базу за лыжами, то выбирать было не из чего. Я взял себе прыжковые лыжи, которые были шире обычных и значительно тяжелее (похоже, из дуба), при этом почти новые. Конечно, сил мне приходилось тратить при ходьбе больше, чем другим ребятам. Хочу отметить, что лыжи и другое самое необходимое снаряжение выдавались на время похода бесплатно. Так же было и в альпинистских лагерях.

На обратном пути нам пришлось провести почти целый световой день на вокзале г. Свердловска. Я знал, что в Свердловске работает моя *двоюродная сестра Лора*, окончившая три года назад Уральский Политех. Мне захотелось её увидеть. Еду в институт и в отделе кадров мне сообщают название завода (или КБ), на который распределили сестру, и даже адрес завода. Ехать пришлось на другой конец города. Снова отдел кадров, теперь завода. Сестру там хорошо знают. Она со своим активным характером уже успела поспорить с кадровиками. Её вызывают по телефону. Она зашла слегка взъерошенная и, не обращая на меня внимания, стала о чём-то говорить, наверно продолжая ранее неоконченный разговор. Меня, конечно, в простенькой одежде туриста-студента узнать было сложно.

Приехали к дому, где у неё была своя маленькая комната. Лора на тот момент ещё не имела семьи. Приготовили еду и, конечно, о многом поговорили. Потом у меня родилась мысль сварить для ребят на дорогу картошку. Вот так я, с почти полным ведром картошки, и Лора приехали на вокзал к отходу поезда.

После возвращения из похода я и Вита с хорошим настроением едем в Мариуполь. Виту ожидает впереди инженерная работа, а мне нужно заниматься дипломным проектом. 18 февраля я получаю телеграмму от Клавды с Кольского полуострова. Она из поселковой почты на пути их маршрута поздравляет меня с днём рождения. На почту она ходила вместе со Светой. А 24 февраля происходит трагедия. Группа Толи Семенцова, растянувшись, в солнечный день пересекала с виду совершенно безопасный пологий склон и попала под снежную лавину. В результате схода такого мягкого, белого и пушистого снега три погибших человека. Это – Света Дейнека, Вита Сенченко и Веня Васильев. Короткий миг – и интересное путешествие превратилось для уцелевших лыжников в полный кошмар и тяжёлые воспоминания на всю жизнь. О силе потрясения для родных и близких людей даже трудно подобрать слова.

Из книги В. М. Смирнова «Снежный человек из Хибин». Издано в городе Ленинграде в 1966 году:

«Час за часом мчался по снегу вездеход. Нечаев – опытный снежник, помощник Аккуратова, не пытался разговорить начальника, но думали они об одном: впереди их ожидала ещё одна загадка снежной стихии. По всем признакам в тех местах не должна была возникнуть лавина, но она сошла. Сошла хитро, неожиданно.»

Группа студентов из Харькова шла на лыжах вглубь Ловозерской тундры. Растянувшись цепочкой, ребята и девчата шли вдоль пологого

склона сопки, покрытого северным мелколесьем. Никакого беспокойства у туристов не было. Снег старый, горы вокруг невысокие. Долина ровная, ход лыжников хороший.

Снег оторвался по многометровой линии поперёк склона. Он скользил широкой полосой так, что одновременно накрыл всю группу, от ведущего до замыкающего. Несколько человек, придя в сознание, сумели откопаться. Самый выносливый стал на лыжи и бежал без отдыха до ближайшего посёлка Саами. В первом же домике он рассказал о происшествии и упал.

Когда Аккуратов и Нечаев добрались до района бедствия, там вовсю шли спасательные работы. Пастухи Саами, лесозаготовители, геологи, жители дальних посёлков – все, кто мог, приехали сюда.

Вездеход остановился на обрыве лыжни. Дальше ничего нет. Ни людей, ни следов. Только крупнокомковатая плотная снежная гряда, сошедшая со склона, застыла волной в долине.

Руководитель спасательных работ молча поприветствовал Аккуратова. Василий Никанорович посмотрел на сопку. Линия отрыва пласта находилась в нескольких десятках метров от дна долины. На его памяти ещё не встречалась лавина с таким фронтом скольжения. Известна истина: лавины чаще всего вызывают сами люди. В горных районах, где раньше годами не сходили снежные потоки, с появлением человека возникает лавинная опасность. Чем была вызвана ловозерская лавина? Аккуратов пока судить не берётся, многое осталось неясно.

Во-первых, склоны пологие. Обычно на таких склонах зимние лавины не возникают.

Во-вторых, линия отрыва настолько велика, что схлынувший снег захлестнул весь отряд лыжников, растянувшийся цепочкой на несколько десятков метров.

Требовались дополнительные данные. Аккуратов и Нечаев поднимаются вверх, чтобы, используя свой опыт и специальные приборы, понять состояние снега и возможность схода новой лавины. Ведь внизу работает много людей. Затем Аккуратов отправляет Нечаева вниз, чтобы он организовал поиски на научной основе: какая примерно скорость лавины, на сколько метров могла растянуться цепочка лыжников, как далеко их мог отбросить снежный вал, направление движения снега. Засыпанных лыжников нашли быстрее, вот только найти их живыми уже никто не рассчитывал».

Я сразу поехал в Харьков. Выбор места работы для Виты, и её оформление происходили без меня. Институт был похож на растревоженный улей. Была создана комиссия во главе с одним из руководителей института для быстрого решения возникающих проблем и, прежде всего, для получения достоверной информации. Все ещё надеялись на чудо, которого не было.

В памяти смешались детали происходившего. Тела самолётом доставили в Харьков. Витю и Веню хоронили по месту жительства. Витю в пригороде Харькова, а Веню в селе, расположенном в Курской области. Гроб с телом Светы для прощания установили в институте.

Памятник Свете Дейнеке.

Я, привыкший к красивой с локонами голове Светы даже в условиях

сложных походов, увидел совершенно прямые волосы. Такая тонкая грань между жизнью и смертью. Похороны прошли в начале марта в распутицу, но изредка проглядывало солнце. Родители Светы нашли в себе силы и материальные возможности для создания настоящего художественного памятника из мрамора, к которому мы всегда приходим поклониться, когда бываем в Харькове.

Клава и Вита на кладбище в 2012 г.

Вечером Толя Семенцов организовал нескольких ребят, и мы ещё съездили в село попрощаться с Веней Васильевым, но успели только на поминки. Прошло почти 50 лет, а боль утраты, немного сгладившись, не утихает. И, думаю, с этим не нужно бороться, нужно строить свою жизнь с оглядкой на ушедших настоящих людей.

Мне Клава Исакина, как участница похода, обещала написать коротко свои воспоминания и отсканировать страничку из книги того времени, где написано о трагедии. Возможны некоторые дополнения и изменения.

Я в поисках материалов о походе группы Семенцова хотел найти что-то в Интернете. Ничего не нашёл. Но очень поразился другому. Современными сообщениями о погибших лыжниках (в том числе и в Хибинах), Интернет наполнен ими, как сводками с поля боя. Просмотрел несколько научных публикаций об исследованиях лавиноопасности. При всей мощи современной техники вывод один – точное предсказание времени схода лавины невозможно. И все-таки ходить в лыжные походы, не попадая под лавины, можно. Для этого необходимо пройти современное обучение и выполнять полученные навыки в реальных походах. К примеру, по учебному пособию:

**Зимние спортивные походы. Автор - П.И. Лукоянов
Издательство "Физкультура и спорт", Москва, 1988 г.**

Несколько выдержек из этого труда:

«Проблема обеспечения безопасности в туризме вообще и в лыжном, туризме в частности — важнейшая. Слишком тяжела расплата пусть даже за самые высочайшие и выдающиеся спортивные достижения.

Нельзя сказать, что советы по туризму и экскурсиям и федерации туризма не уделяют должного внимания обеспечению безопасности туристских путешествий. В основе этой работы — мероприятия профилактического характера. Главное среди них — обучение туристским навыкам, знаниям и умениям всех, кто отправляется в походы, от новичков до участников и руководителей сложных походов, а также проверка готовности групп перед выходом на маршрут. Во время проверок комиссии лыжного туризма, маршрутно-квалификационные комиссии и подразделения контрольно-спасательной службы (КСС) должны убедиться в знании теоретических основ и практических умений туристов. В противном случае группы лишаются права выхода на маршрут. И, тем не менее, ЧП происходят ежегодно. Только зимний сезон 1980 года окончился для туристов-лыжников без потерь. В другие же годы последних двух десятилетий из лыжных походов не вернулись от одного до полутора десятков человек!

подавляющее большинство участников групп, в которых произошли несчастные случаи, обычно выделяют три категории причин: неблагоприятные обстоятельства случайного характера; отсутствие достаточного количества современного страховочного снаряжения и средств связи с КСС; несовершенная организация спасательных мероприятий.

Однако, чтобы разобраться в проблеме, обратимся сначала к многолетним статистическим данным о несчастных случаях в лыжном туризме и посмотрим, о чем говорят скупые строки отчетов и бесстрастные цифры.

Первое, что бросается в глаза: подавляющее большинство несчастных случаев произошло в результате схода лавин. Из-за лавин погибли две трети туристов, одна треть — в результате замерзания, падения с крутых склонов и болезней на маршруте. От лавин в походах начальных и высших категорий сложности туристов погибло примерно поровну.

Вывод: лавины — главная причина гибели туристов-лыжников».

Лавинное снаряжение

«Анализ несчастных случаев в лыжном туризме показывает, что попавшие в лавины обычно погибают в результате затянувшихся поисков, из-за отсутствия в группах лавинного снаряжения. Печальный опыт настоятельно требует, чтобы каждый участник похода по маршруту, хотя бы частично проходящему по горной местности, имел комплект лавинного снаряжения.

Лавинная лента из капрона яркого цвета длиной не менее 15 м, отмаркированная через метр (цифры начинаются от человека, стрелки указывают к человеку).

Лавинный шуп из лыжных палок изготавливают так: снимают рукоятки, вставляют и закрепляют в одной палке болт, а в другой — втулку, с помощью которых можно соединять палки. Прочное соединение палок достигается, когда конец палки надвигается на болт. С одной палки снимается кольцо, а на штычок надевается насадка.

Лавинная лопатка делается из стали (дюралюминия, титана) толщиной 1,2—1,5 мм с ребрами жесткости по бокам и другими элементами, усиливающими ее прочность. Рукоятка — деревянная, овального сечения. Можно воспользоваться стандартными альпинистскими лопатами, усилив их для предотвращения излома посередине.

Электронный туристский маяк «Электроника ТМ 01» предназначен для оперативного поиска людей, попавших в лавину. Он представляет собой передатчик, излучающий модулированные сигналы, которые улавливаются любым портативным приемником».

Я в секции туризма не занимался и поэтому не слушал лекций по технике безопасности в туристических походах. Знания получал на ходу в самих походах, своим умом и из рассказов более опытных товарищей. О технике безопасности, связанной с лавинами я совсем ничего не слышал, даже на теоретических занятиях в альплагере. О том, что лавины в горах представляют большую опасность, я знал. Что-то неладно было в организации такого массового вида спорта, каким был и остаётся туризм.

Возвратился я в Жданов восьмого марта. Женский праздник «со слезами на глазах». Наши с Витой переживания на расстоянии в связи с трагедией, которые при встрече переросли в особую душевную близость. Она позволила сотворить чудо, каким всегда является зачатие ребёнка. Хотя мы тогда, конечно, об этом ещё не знали. Вот так появился ответ на вопрос Толи Семенцова, а чуть позже и Светы: «Вы когда планируете иметь ребёнка?»

27 февраля 1965 года — начало работы Виты на заводе инженером-технологом с окладом 107 рублей 50 копеек. Мне нужно было заниматься дипломной работой, но делать эту работу не хотелось. Зато захотелось сделать подводное ружьё. Зачем оно мне понадобилось? Я и сейчас ответить не могу точно. Поскольку я прикоснулся к подводному миру, то почему не сделать подводное ружьё? Помогли школьные друзья, Гена Шабанов и Лёня Орловский. Они принесли мне длинную трубку из нержавеющей стали — основной детали ружья.

«Загорался» я всегда быстро. У меня и сейчас в гараже под потолком висит недоделанный велосипед, изготовленный на 70 процентов с применением в нём большинства технических решений, известных на то время. Остановилась работа в разгар перестройки, когда понадобилось зарабатывать дополнительные

деньги для жизни семьи. При этом у меня была собственная хорошая мастерская в гараже. Когда я решил делать ружьё, у меня и простых инструментов было мало.

Половину времени, отведенного мне на дипломную работу, было израсходовано на ружьё, которое так ни разу и не выстрелило. Пришлось ускоренно заняться дипломным проектом. В середине апреля я приехал в Харьков. Одна встреча со своим консультантом, который выдал мне перечень моих недоработок. Послушал замечания к дипломным работам моих товарищей. Неделя на устранение недоработок и пятого мая защита, прошедшая успешно. Неожиданно при выходе из Электрокорпуса меня поздравила со статусом инженера Зина, вручив мне букет пионов. Было очень приятно.

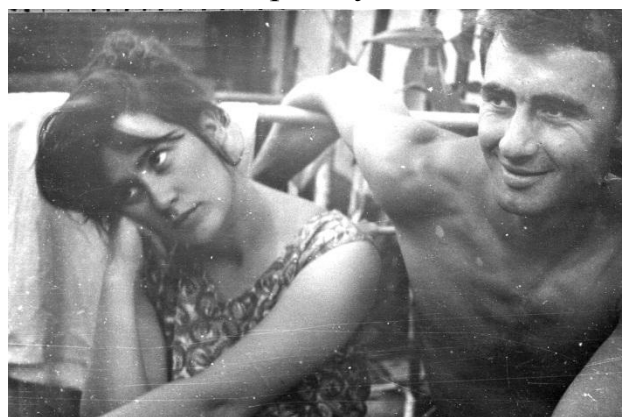
В этот период я общался и с Клавой. Она не скрывала, что ей хотелось бы многое вернуть назад в наших отношениях, но мы прекрасно понимали невозможность этого. Я помог ей с оформлением папки с дипломными материалами. Обычно все дипломники отдавали свои труды в мастерскую для изготовления твёрдого переплёта. Я за полчаса сделал переплёт из ватмана, соединив всё красивыми скрепками, а потом остро заточенным ножом обрезал с трёх сторон, придав дипломному труду красивый вид. Клаву по этому поводу экзаменатор даже похвалил.

Дипломы нам не выдали – проводился очередной эксперимент в стране. Выдали нам справки об окончании института, а за дипломами мы приехали через год с отзывами со своих предприятий. Так было положено начало наших регулярных встреч.

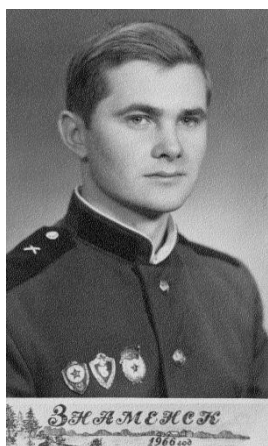
Попрощался я со своими ребятами и девчатами и уехал в Жданов. Большинство друзей уже создали семьи. Не определились из близких мне людей Зина, Клава и Юра Пестов. Позже на наших встречах Клава вспоминала шутку Юры: «Вот выдам замуж одну из вас, а на второй сам женюсь». Грустно расставаться с людьми, с которыми учился (и не только) пять лет, да ещё в молодые годы. Толя Семенцов из-за трагедии в походе попросил изменить ему место назначения, после нескольких бюрократических процедур уехал в г. Красноярск-26. Правда, до отъезда я с ним ещё два раза увиделся и даже совершил экзотическое путешествие.

Зина приехала в г. Жданов.

Буквально через пару дней к нам в Мариуполь приехали Зина и Толя. Приехали каждый сам по себе. Вита в это время была на четвёртом месяце беременности. Думаю, что это сыграло основную роль в приезде Зины. А Семенцов всегда был лёгок на подъём. По поводу рождения будущего ребёнка он заявил мне: «Ой, я его буду любить так же, как тебя». Так складывается современная жизнь, что он нашего Славку видел только полуторамесячным. А вот наша Светлана с ним и его женой Мариной хорошо знакома.

На второй день Толя предложил мне съездить с ним в Адлер, где отдыхала в это время с маленьким сыном, шестилетним Володей Шкодой, его старшая сестра Люба (Шкода – это фамилия сестры). Вита, не задумываясь, дала согласие на мою поездку. А ведь через неделю у меня уже была запланирована поездка в Крым в лагерь подводного плавания. Беременность у Виты проходила нормально, и моя мама была рядом, медицина в стране на высоте, и всё-таки? Хороший человек моя жена и хорошая страна (в то время). Время опять сжалось и, наверно, поэтому от общения с Зиной в моей голове ничего не осталось.

В поездку с нами напросился и наш сосед Павел, над которым я и Вита, взяли шефство. Павка только закончил 10-й класс. На троих у нас 25 рублей, но это нас совсем не смущает. Лето и своя страна. Сразу подразумевалось, что ехать мы будем без билетов. Как мы переплыли в Ейск, забылось. Похоже, что опять нам помог Боря. В Ейске мы садимся на поезд, состоящий из вагонов старого образца. Деревянные вагоны и такие же двери. Идёт посадка в вагоны новобранцев, которые о дисциплине имеют очень смутное представление. Многие ребята основательно выпившие, а сопровождающие их военные вмешиваются в их взаимоотношения только в серьёзных случаях. Через некоторое время нам такое соседство надоело, и мы на остановке перебираемся на крышу вагона. Поезд часто останавливается, и на одной из остановок Толя сбегал на привокзальный базар, чтобы купить еды. Как обычно долго торгуется, хотя поезд уже тронулся. Он с большим трудом успевает сесть в последний вагон. А ведь ещё с несколькими кулками нужно подняться на крышу поезда. Пришлось мне по крышам пройти к последнему вагону, чтобы помочь ему. Эту акробатику увидел один из призывников, и ему тоже захотелось подняться на крышу. Влез с большим трудом. За ним стали подниматься ещё несколько ребят. Наши попытки остановить ребят не действовали. Как решилась эта проблема, и как мы приехали в Адлер? Полный провал в памяти. Одно можно сказать с определённой уверенностью – покалеченных ребят не было.

Толе очень хотелось увидеться с единственной сестрой перед отъездом в Красноярск. Расстояние от Красноярска до Кандалакши большое и просто так в гости не поедешь, даже при той политике цен на билеты, которая позволяла жителям Дальнего Востока регулярно ездить, а чаще летать в европейскую часть страны к родственникам и на отдых.

Мы в Адлере. Люба – сестра Толи – снимает комнату в доме у самого моря. Люба мне тогда не запомнилась. А это уже была вторая встреча. Первая была в Кандалакше в 1962 году. Между общением мы окунулись в море, которое мне в этом месте, как ныряльщику, не понравилось. Совсем рядом в море впадает речка Мзымта. Мутновато и мелко. Хотя для большинства отдыхающих мои критерии не имеют значения.

На следующий день для разнообразия решили с Толей сплывать подальше от берега на более глубокие места. У нас с собой были два комплекта для ныряния. Толя к этому времени уверенно плавал. Проплыли 200 м, дна через

маску не видно. Ныряю – глубина не более четырёх метров. И только в полукилометре от берега стало немного прозрачнее. Глубина шесть метров. Дно видно за три метра. Живности почти никакой кроме среднего размера рапанов. Я собрал пару десятков рапанов, а поскольку у нас не было с собой даже полиэтиленового кулёка, засунули их в плавки. Так и плыли к берегу, шевеля их в плавках, чтобы они не прилипали к телу – слегка опасный эксперимент. Во дворе прокипятили рапанов прямо в раковинах десять минут и вилкой вынули их из раковин. Обрезали ножом всё лишнее, оставив белое мясо. Промыли, посолили, поперчили. Получилось очень даже вкусно.

Вечером, попрощавшись с Любой и маленьким Вовкой, отправились на вокзал. Вот обратный путь запомнился очень хорошо. Он, пожалуй, основательно отличался от большинства способов безбилетного проезда на большие расстояния, о которых так любят рассказывать туристы-студенты. Из Адлера через Сочи проходит большинство поездов в центр России. И почти все они скорые. Наш вид для скорых поездов был слишком приметным, и поэтому большинство способов безбилетного проезда для нас были неприемлемы. Уже темно, и мы принимаем решение ехать на крыше поезда. Немного пугает высокое напряжение в контактной сети железной дороги. Почему-то мы решили, что напряжение в контактной сети 110000 В. Я и Толя уже инженеры-электрики, но ЖД не наш профиль. Правда, и тогда у нас такая большая цифра вызывала недоверие. Справка: *«Номинальное напряжение в контактной сети магистральных железных дорог, электрифицированных на постоянном токе, обычно составляет 3000 В»*. Напряжение тоже высокое, но... Решили, что расположимся на переходах между вагонами. Там и ветер меньше, и от провода дальше. Первый раз мы поднялись наверх ещё стоящего поезда за несколько секунд до отправления и с противоположной стороны от посадки пассажиров. У каждого вагона для этого предусмотрена лестница. Удобно разложили рюкзаки, обвернув их палаткой. Павка посередине, а я и Толя по краям. Вначале наши сидения показались вполне удобными, потом не очень. Но это не сидение на камне целую ночь у ревущего порога. На половине пути к Сочи разыгралась гроза. Это было наше первое серьёзное испытание. Мы прижались друг к другу и накрылись частью палатки. К счастью, летние, южные грозы быстро проходят. Перед Сочи дождь с грозой закончился.

Мы продумали следующую тактику. Перед станцией, на которой поезд останавливается, мы слегка приводим себя в приличный вид, а рюкзаки аккуратно закрываем палаткой. Зелёная палатка, зелёные вагоны – полная маскировка. К тому же наверх никто не смотрит, ни проводники, ни пассажиры. Не доезжая сто метров до вокзала, когда скорость поезда очень маленькая, мы спускаемся вниз и прыгаем на ходу. Затем спокойно идём на перрон вокзала, проходим свой вагон и контролируем ситуацию, находясь в пределах двух вагонов по ходу поезда. Подходит время отправления. Провожаящие вышли из вагонов, проводники подняли подножки и подняли флажки, сигнализирующие, что у них всё в порядке. Поезд медленно трогается, проводники закрывают двери. Наш вагон проходит мимо нас, и мы спокойно поднимаемся вверх на свои «купейные» места. Проводники нас видеть уже не могут. Редким

провожающим, ещё идущим немного за вагоном, не до нас. Дежурный по перрону, если он есть, далеко и после начала движения поезда его мысли уже о других делах.

Система чётко работала до города Ростова. Крупный железнодорожный узел, длительная остановка. После остановки поезда мы подошли к вагону, убедившись, что всё в порядке, распределили обязанности. Толя идёт за едой, я на вокзал уточнить маршрут и расписание движения нашего поезда, а Павка наблюдает за вагоном. Не учли мы совсем маленькую деталь – на некоторых остановках в вагонах пополняют запас воды. Механизм заполнения баков водой предельно простой. Рабочие присоединяют шланг к патрубку внизу вагона, открывают вентили, и вода под большим напором течёт в бак вагона. Как только вода потечёт из верхнего патрубка, прекращают подачу воды и закрывают вентиль.

Рабочие включили воду и, посмотрев на верхний патрубок, увидели рядом с ним наше красиво завёрнутое в палатку имущество. Обратились к проводникам, решив, что это они так перевозят свой груз. Наши вещи сняли, и они совсем некрасивой кучей валялись на перроне. Поискали хозяев и не найдя их, отправили кого-то за милиционером. Перепуганный Павка не решился подойти к нашему имуществу.

Я и Толя почти одновременно подошли к вагону. Сразу всё поняли, ничего не объясняя проводникам, схватили свои вещи и быстро «растворились» среди складских помещений, наблюдая как наш поезд, с которым мы уже сроднились, уходит. Быстро все вещи уложили в рюкзаки, осмотрелись. Вроде никто нас не ищет. Толя сходил на перрон и там тоже не обнаружил милиции. Зато увидел очередной скорый поезд готовый к отправке. Решение было принято мгновенно. Садимся на него. Надеваем рюкзаки и бежим к поезду, который набирает ход. Проводники уже закрыли двери и нас не видят. Зато дежурный по перрону машет руками и что-то кричит. Толя поднимается первым (лестница одна), а я толкаю к лестнице совсем деморализованного Павку и помогаю ему закрепиться на лестнице. Толя помогает ему сверху морально и физически. Наконец, и для меня освобождаются две нижние ступеньки. А поезд быстро набирает скорость. Привычно располагаемся, потихоньку приходя в себя. Обсудили возможность снятия нас с поезда и даже хотели на первой остановке спрыгнуть вместе с рюкзаками, не доезжая до станции. Приготовились, но издали не заметили в районе вокзала ничего опасного для нас, и поездка продолжилась по отработанному ранее сценарию.

Ехали мы в Харьков уже по территории Донецкой области и настолько успокоились, что решили запечатлеть нашу поездку фотокамерой. Мне пришлось для нормального кадра пройти по крыше вагона. Не очень приятное занятие. Крыша покатая и гладкая и держаться можно только за выступающие воздухозаборники для вентиляции вагона. Пока я выбирал интересный ракурс, поезд уменьшил скорость, проезжая через большой посёлок. На дороге, идущей рядом с поездом, оказался милиционер, который что-то стал нам кричать и даже размахивать оружием. Мы ничего не поняли, но настроение он нам испортил. Я, наверно, так ничего и не сфотографировал.

Павку мы решили в Харьков не тащить. Сошли на большой станции и посадили его на поезд, идущий в г. Жданов, проинструктировав как себя вести. На нормальный билет у нас просто не было денег. В Харьков я и Толя ехали уже внутри вагона.

В Харькове мы переночевали одну ночь в нашем общежитии. Разгар лета, но ещё попадались знакомые ребята. Толе нужно было решать вопрос с перераспределением. Я встретился с Клавой. Настроение у неё было подавленное. Поговорили по дороге в институт. Там собиралась группа ребят для поездки на природу во главе с Лёней Переваловым. Клава усиленно предлагала мне тоже поехать с ними. Это предложение было для меня неприемлемо. Но очень хотелось, чтобы у неё всё сложилось хорошо. Вечерним поездом я уехал домой.

Перед началом трудовой деятельности я себе запланировал ещё одну смену в лагере подводного плавания ХПИ. В этот раз меня взяли без конкурса. Я, правда, сам взялся сделать альбом для хранения фотоплёнок. Сейчас, укладывая все свои дела во временные рамки, удивляюсь, насколько насыщенно я жил. Получается, что до отъезда в лагерь я провёл дома не более двух дней. И Вита, уже находясь в положении, воспринимала такую ситуацию спокойно. А вот мой рассказ о поездке в Адлер, особенно рассказ о разговоре с Клавой, вызвал неожиданную для меня реакцию с её стороны. Она утром тихо собралась и сказала, что уезжает к родителям в Харьков. Разберись сначала в своих чувствах (моя интерпретация)? Ошарашенный, я даже не стал её ни в чём убеждать. В общении с Витой я во время нашей совместной жизни рассказывал ей почти всё. Мне так легче было жить. Вита ушла, а я сижу пришибленный, как перед концом света. Минут через десять вошла мама и сразу поняла, что произошла беда. На вопрос, где Вита, не стал отвечать, и побежал на трамвай, идущий в центр города. Домой мы вернулись вместе.

Вторая смена в лагере подводников была менее интересной. Не было новизны ощущений первой смены. Я быстро акклиматизировался. Уверенно нырял на глубину до 20-ти метров без акваланга, а на 15-ти ещё можно было пройти вдоль дна и поиграть, к примеру, с крабом. В воде и, особенно, под водой сильно ощущаешь свою связь с природой. Однажды, нырнув, я увидел в толще воды морского петуха. Крупная рыба с тупой головой и большими грудными плавниками. Рыба явно чувствовала себя при встрече хозяином. Я подплыл к ней на расстояние вытянутой руки. Она смотрит на меня изучающим взглядом и красиво шевелит плавниками. Полюбоваться бы мне на неё и возвращаться на поверхность. Но, наверно, инстинкт охотника чуть-чуть есть в каждом человеке. Я попробовал ухватить рыбу за грудной плавник. Рыба от возмущения рванула вперёд, но поскольку я её держал, движение получилось по дуге и закончилось ударом в мой бок. Я от неожиданности разжал пальцы держащие плавник. Петух спокойно отплыл и остановился в поле моего зрения. Мне пришлось всплыть – кончался мой запас воздуха. При повторном нырке я рыбу не обнаружил. Всё-таки в Чёрном море видимость далека от океанской воды. И, несмотря на это, мне бы хотелось жить недалеко от Чёрного моря.

2005 год – 80 лет Артеку. В 1965 году празднование было не менее торжественным и зрелищным.

В это время в Крыму отдыхали Роня и Боря – в санатории возле Алупки. Я в самом начале нашей смены съездил к ним. Это был день празднования сорокалетия «Артека», и у них были приглашительные билеты на этот праздник. Я, возвращаясь на троллейбусе к себе в лагерь, вдруг решил попытаться тоже попасть в «Артек». Вышел из троллейбуса на остановке, ближайшей к лагерю, и пошёл вниз, почти по азимуту. Боря и Роня очень

удивились, увидев меня, и обрадовались. Никто меня не останавливал на моём пути. Терроризма в современном понятии в стране не было.

«16 июня 1965 года «Артек» отметил свой сорокалетний юбилей. Проснувшись утром,

артековцы обнаружили у себя под подушками юбилейные значки и плитки шоколада (последним сейчас артековцев удивить сложно, но тогда это было круто). На рейде лагеря стояли военный крейсер, подводная лодка и огромный парусный корабль «Товарищ». До обеда все пионеры успели побывать на экскурсии на этих кораблях».

А потом Боря заглянул в наш лагерь познакомиться с нашей жизнью. Я полчаса в море показывал ему свои достижения в подводном и надводном плавании. Хорошие у меня были родственники, и как их сегодня не хватает... В этом лагере у меня был бокс под фотоаппарат «Зенит» для подводных съёмок, подарок Бори. В лагере было сделано с его помощью не более десяти кадров, которые сейчас «греют душу», а потом так складывалась жизнь, что потребности в подводных съёмках не было.

В конце смены произошло радостное событие. Неожиданно ко мне в палатку заходят Толя Семенцов и Клава. Клава (наша мать Тереза), чтобы отвлечь Толю от тяжёлых мыслей, увезла его с собой в поход по Крыму, захватив с собой ещё и свою маму. Они даже долго прожили в палатке на скальном островке в десятке метров от берега. Маму переправили на островок на надувном матрасе. Тогда можно было спокойно ночевать на островке, а берег и море были общей собственностью всех людей.

Поговорили, поплавали и даже сделали три подводных кадра. Вечером прошлись с Клавой вдоль моря, и у нас хватило ума, чтобы не наделать глупостей.

Дальше Клава с мамой уехали в Харьков, а вслед за ними уехали в Симферополь я и Толя. Жизнь нас разводила на очень большое расстояние, но когда есть между людьми взаимная привязанность, то жизнь часто их сводит. Так в дальнейшем и происходило.

А пока я и Толя сидим на вокзале в Симферополе. У нас разные поезда и до их отправления ещё несколько часов. В магазине купили еду. Обычный набор - хлеб, колбаса, овощной салат, десяток сырых яиц и бутылка крымского портвейна. За разговорами и едой время пролетело быстро. Мы, правда, ещё два раза бегали за портвейном, который пили, наливая в яичную скорлупу вместо рюмок (наше ноу-хау, как теперь говорят). Аристократы, однако.

А потом пошли к поезду. Первым уезжал Толя. Один из приёмов попасть в вагон без билета. Подходишь к пассажиру, у которого много вещей и объясняешь ему свою ситуацию, а затем помогаешь ему занести вещи в вагон как провожающий. Оставляешь возле него свой рюкзак и уходишь в другие вагоны. Когда проводники проверят билеты, возвращаешься назад, а далее по обстоятельствам. Нужно отметить, что навыки безбилетного проезда в дальнейшем практически не понадобились. В поездке с семьёй такие номера не годятся. В командировках проезд оплачивало предприятие. А когда стал старше, появился возрастной аргумент – спокойствие дороже.

Приехал я домой и сразу пошёл на завод определяться с будущим местом работы. То, что завод оплачивал моё обучение, не означало, что меня кто-то очень ждал. Я пересёкся в городе с моим знакомым по кавказскому походу. Он уже оформился на работу в АСУ металлургического комбината имени Ильича. На заводе началось внедрение автоматических систем управления технологическими процессами с использованием громоздких вычислительных машин того времени. Меня вычислительная техника не очень привлекала, но когда так приглашают... Я заглянул в это подразделение. Мне там не очень обрадовались и что-то вежливо стали объяснять, что возможно попозже и т. д. Рассказали, что на ТЯЖМАШЕ создано новое подразделение для испытаний заводской продукции, и там есть свободные точки (так назывались рабочие места).

Хочу отметить, что Вита и я оформлялись на работу, не прибегая к помощи Бори, который в это время занимал один из самых высоких постов в руководстве города. Мы считали такую помощь неэтичной.

Я пришел к начальнику ЦЗКЛНД (Центральная заводская конструкторская лаборатория надёжности и долговечности – верх крючкотворства), Ходосу Петру Михайловичу. Он посмотрел мой диплом и начал меня расспрашивать о семье, и кто где работает. Когда я сказал, что на заводе работает сестра в отделе главного конструктора и назвал фамилию, он чуть не выругался. Типа, что ты мне столько времени морочишь голову. Меня сразу взяли инженером-конструктором с окладом 115 рублей. Так я сразу обогнал Виту на целых 7

рублей 50 копеек. Произошло это 23 августа 1965 года. Случайное совпадение с днём освобождения Харькова от немецкой оккупации.

Молодой специалист.

Интересная это была лаборатория, созданная по инициативе Петра Михайловича Ходоса, и, прежде всего, под его интересы. Руководство лабораторией не требовало больших сил и напряжения до ухода на пенсию Петра Михайловича.

«На заводе создается отдел цистерностроения в составе 12 человек. Возглавил его Петр Михайлович Ходос, в будущем лауреат Государственной премии. Завод с важной государственной задачей справился. Уже в августе 1945 года были готовы первые 25 двухосных цистерн емкостью 25 тонн».

Привёл ещё раз выдержку из Википедии для понимания дальнейшего жизненного пути Петра Михайловича, который, руководя большими конструкторскими подразделениями, попался на перепродаже легковой автомашины, которые ещё долго в стране были мечтой многих людей. Пётр Михайлович отделался партийным взысканием и потерей высокой должности. Вот и родилась идея создания лаборатории для определения надёжности и долговечности продукции, выпускаемой заводом.

Дело в том, что конструкторские службы сами не разрабатывали выпускаемые заводом изделия. От профильных институтов поступали готовые проекты. Задача заводских конструкторов заключалась в адаптации проектов к возможностям завода. Необходимые испытания и измерения при этом проводились силами завода с обязательным участием специалистов институтов-разработчиков. Вот созданная лаборатория и должна была взять большую часть работы во время испытаний на себя. Сейчас я хорошо понимаю, какая это сложная задача – создать такое испытательное подразделение. А перед лабораторией, в которой я стал работать, задачи стояли более простые. Это измерения основных физических и электрических параметров с использованием различных типов датчиков, как при статических нагружениях, так и при дорожных испытаниях. Датчик в паре с электронным блоком преобразовывал изменения физического параметра в электрический сигнал, который регистрировался при статических испытаниях вручную в журнале, а при

динамических испытаниях – на фотоленту осциллографа. Полученные данные, предварительно обработанные в понятный для конструкторов вид, выдавались конструкторам для принятия ими выводов и дальнейших решений.

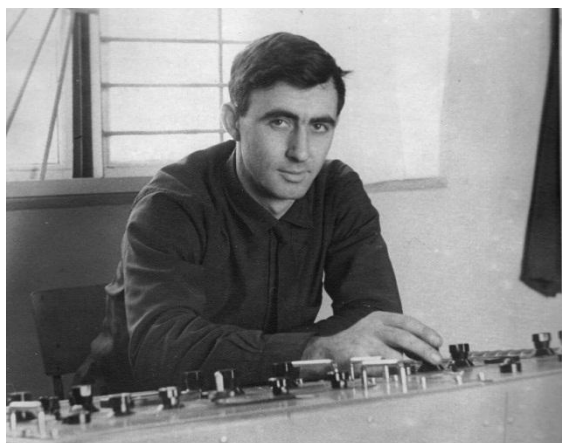
Топливозаправщик ТЗ-22.

Лаборатория располагалась на территории 28-го цеха. Там занимались доводкой и испытаниями серийной продукции.

Запомнились топливозаправщики для аэродромного обслуживания самолётов. Но, как на многих заводах страны, испытывалась и военная продукция. Например, заправщики для ракет, но с совершенно другим топливом. По этой причине цех имел дополнительную охрану, а мы дополнительный пропуск. Лаборатории выделили для конструкторов испытателей третий этаж маленького корпуса и часть подвала. Кроме этого, в нашем распоряжении был ещё и промышленный корпус для статических испытаний, но практически без стендов. Зато внутрь корпуса была проложена железнодорожная линия, и третью часть корпуса занимал самый настоящий пассажирский вагон с планировкой походной лаборатории.

Вернёмся к людям. Специализация инженеров в лаборатории была проведена по измеряемым параметрам. Мне предложили заняться измерением вибрации. По этому направлению уже работала женщина, которая стала на некоторое время моим прямым начальником. Нелля Степановна, молодая симпатичная женщина около тридцати лет, вначале пыталась установить служебную дисциплину. Но для дисциплины, даже служебной, нужно ещё дело, для выполнения которого необходимы умение и сама дисциплина. А вот дела то и не было.

Знания в области вибрации, её влияния на прочность испытываемых изделий у меня и у Нелли были нулевые. Слышал я, конечно, рассказы о том, что солдатам, проходящим строем через мост, запрещается идти в ногу, чтобы собственные колебания моста не вошли в резонанс с частотой шага солдат, при котором возможно обрушение моста. Оставалось в рабочее время изучать основы измерений параметров вибрации по книгам и через имеющиеся в наличии измерительные приборы. В лаборатории были в наличии два вибростенда. Один производства ГДР электродинамического принципа действия. Второй механический однокомпонентный. Из измерительной аппаратуры в наличии имелся один комплект ВИ-6-5МА. Пятиканальный усилитель с набором кабелей и датчиков. Датчики разных типов предназначались для измерения ускорений, виброперемещений и просто перемещений. Очень хороший комплект по тому времени, позволявший решать поставленные задачи. На складе приборов я ещё обнаружил сейсмические датчики, но почему-то без электронных преобразователей. Кто и для чего их заказал, осталось непонятным. В дальнейшем я поработал и с ними в плане

общего развития и возможного применения в дальнейшем. На хорошем уровне нужно было изучить и шлейфный осциллограф – основной тогда регистратор данных. А поскольку запись в осциллографе выполнялась в нём световыми лучами на фотоленту, пришлось осваивать ещё и проявление с закреплением 20-ти метровой фотоленты.

Электродинамический вибростенд производства ГДР уже при мне установили в

подвале. Все мужчины участвовали в спуске по лестничным пролётам 600 килограммового силового блока. Где располагался механический вибростенд, уже не помню.

И, к сожалению, проконсультироваться мне было не с кем. И даже просто обсудить возникающие проблемы. При освоении вибростенда Неля мне вначале давала такие указания, что мы с ней пару раз серьёзно поссорились. В дальнейшем приспособились работать, не мешая друг другу. Однажды Ходос отправил меня и Нелю в Донецк на предприятие, где механический вибростенд уже работал. Этот стенд не представлял большой сложности, и его мы могли быстро освоить сами.

На каком-то этапе у меня появилась толстая книга Ю. И. Иориша – «Виброметрия», которая стала моей настольной книгой. Когда я окончательно уезжал из Мариуполя на строительство КамАЗа, пришлось оставить её своим наследникам.

«В книге рассматривается измерение механических колебаний, вибраций и ударов, возникающих в машинах и сооружениях. Изложены разделы теории колебаний, приводится общая теория виброизмерительных приборов».

Постепенно заработали оба стенда, был освоен комплект виброизмерительной аппаратуры. Изучил я полностью процесс записи сигналов на фотоленту светолучевого осциллографа. А практической работы всё не было. Я отбывал от звонка до звонка на рабочем месте, не принося никакой пользы. Это угнетало, и я стал придумывать себе работу сам.

К этому времени я очень увлекся фотографией. Мне захотелось освоить цветную фотографию. Сегодняшним молодым людям трудно представить, насколько сложной было изготовление цветной фотографии того времени. Причём терморегуляторы, таймеры, баки с проточной водой и многое другое любители фотографии делали сами.

Сразу с началом трудовой деятельности на заводе я возглавил команду спортивного подводного плавания при Морском клубе города. Там тоже много чего приходилось изготавливать своими руками. Об этом я расскажу позже.

Поэтому кое-что из «домашних» дел я стал делать на заводе. У П. М. Ходоса был заместитель – Владимир Петрович Яценко. Пару раз он меня отчитал, что я занимаюсь посторонними делами. Я постарался ему эмоционально объяснить, что, когда руководители не могут загрузить подчинённых полезным делом и тем более в чём-то помочь, не стоит заниматься мелочными проверками.

«В 1965 году испытателей СКБ переводят во вновь созданную Центральную конструкторскую лабораторию надёжности и долговечности (ЦКЛНД), где Владимира Петровича назначают заместителем начальника лаборатории».

Первой серьёзной работой для меня была работа по замерам амплитуды колебаний, ускорений и частоты лестницы, по которой рабочие поднимаются на верхнюю площадку цистерны. Участились случаи потери нижней части лестницы при движении. Метод испытаний был простой. На консоли лестницы

установили вибратор, работающий от сжатого воздуха. Вибратор Ходос попросил временно в литейном цехе. Частоту колебаний лестницы устанавливали близкой к резонансу и выдерживали в этом режиме до поломки лестницы. Я периодически фиксировал параметры колебаний лестницы. Не знаю, как можно по этим замерам определить, что нужно изменить в конструкции лестницы, чтобы она не ломалась? Трясли так лестницу несколько дней. А потом вибратор исчез. В чём-то была моя вина. Похоже, рабочие в конце работы сняли вибратор с лестницы, а я не отнёс его вместе с приборами. Долго Ходос проводил расследование и даже отправил меня на мусорную свалку, считая, что вибратор могли увезти вместе с мусором. Такое крещение.

Постепенно появилась уверенность, что я могу выполнять измерения параметров вибрации с требуемым от меня качеством. Но как этого было мало для инженера с моим характером – творческим и при этом не амбициозным. Мама мне однажды сказала: «Когда ты возвращался после работы домой до института, ещё от калитки рассказывал о том, чем вы занимались, а теперь ничего не рассказываешь». Основным направлением в работе лаборатории была тензометрия. Руководила этим направлением Устинова, пожалуй, самый знающий инженер в лаборатории. О тензометрии я, окончив технический вуз, ничего не знал. Не знал я тогда и того, что половина моей инженерной деятельности будет плотно связана с тензометрией.

Из Википедии:

*«Тензорезистор (от лат. *tensus* — напряжённый и лат. *resisto* — сопротивляюсь) — резистор, сопротивление которого изменяется в зависимости от его деформации. Тензорезисторы используются в тензометрии. С помощью тензорезисторов можно измерять деформации механически связанных с ними элементов. Тензорезистор является основной составной частью тензодатчиков, применяющихся для косвенного измерения силы, давления, веса, механических напряжений, крутящих моментов и пр.*

Принцип действия

Он заключается в изменении электрического сопротивления проводников и полупроводников при их механической деформации. В реальности изменения сопротивления весьма малы и требуют прецизионных усилителей или АЦП. Конструктивно современные тензорезисторы представляют собой чувствительный элемент, в виде петлеобразной решетки жёстко закреплённый на подложке, который крепится с подложкой на деформируемый материал с помощью клея.

Чувствительные элементы обычно изготавливаются из тонкой проволоки, фольги, а также могут быть образованы напылением в вакууме полупроводниковой пленки. В качестве подложки обычно используют бумагу, пленку, металл и др.

Для присоединения чувствительного элемента в электрическую цепь в тензорезисторе имеются выводные концы или контактные площадки. На

исследуемый объект тензорезисторы крепятся с помощью связующего (клея) со стороны подложки.

Тензорезисторы используются в качестве первичных преобразователей при измерениях механических величин (силы, крутящего момента, перемещения, давления и пр.)».

Некоторое время у нас работала молодая девушка – специалист по температурным измерениям. Думаю, что она окончила институт, где лабораторные занятия были на высоком уровне. Но работала она с нами мало.

Ещё была команда, приблизительно из трёх человек, при вагоне лаборатории. Старший этой команды, Леонид, запомнился мне тем, что знал много анекдотов. Но основное дело он, похоже, тоже знал. Вагон-лаборатория вместе с испытываемой цистерной присоединялся к грузовому составу, и ребята регистрировали на осциллограф реальную информацию о нагруженности тех узлов цистерны, которые интересовали конструкторов.

После возвращения происходила огромная, в основном, ручная работа, по проявлению сотни метров фотолент и последующей их обработке. Всё вручную. Думаю, что методика обработки была наработана ведущими институтами железнодорожного транспорта. Во время обработки осциллограмм организовывали команду, которая работала под руководством Лёни.

Маленькая группа работала в области электроники, разрабатывая электронные схемы. Вот только не помню, кто у них был заказчик.

Была у нас и фотолаборатория, хозяином в которой был Виталий. Кроме того, что в ней при красном свете мы обрабатывали фотоленты, фотолаборатория была ещё и мужским клубом, где при безделье можно было общаться на разные темы. И такого времени было, к сожалению, много. Но как-то многих это устраивало. Основной работой Виталия было фотографирование при испытаниях. Фото прикладывались к отчётам об испытаниях, были нужны для стенгазет, на доску передовиков и т. д. В лаборатории я познакомился с моим ровесником Димой Галлалу, хорошие отношения с которым поддерживались до конца его жизни, а с семьёй его сестры и сегодня. Дима был у Ходоса (в данном случае уместно такое выражение) как советник и личный порученец по многим вопросам.

Дима Галлалу (справа) в родительском доме с семьёй сестры Любы.

Был и такой Толя, под тридцать лет – Казанова местного разлива. Считался каким-то начальником. Иногда пробовал кем-то руководить. Раз в году с удовольствием ездил в Москву в командировку – возил в какое-то НИИ на поверку турбинные расходомеры и проводил там больше месяца.

Прекращаю критическую часть своего повествования. В дальнейшем расскажу о нескольких интересных и расширивших мой кругозор командировках. Наша лаборатория была, безусловно, полезна для завода, особенно когда набрала определённый потенциал. Вот только КПД её мог быть значительно выше при другом руководителе, настроенном на максимальную отдачу для решения поставленных перед заводом задач. И примеров руководителей другого уровня на заводе хватало.

Я, проработав в общей сложности на заводе шесть лет, не знал и десятой части номенклатуры продукции, выпускаемой заводом. Сохранность государственных секретов находилась на высоком уровне.

Мне хочется привести основную номенклатуру, производимую заводом ТЯЖМАШ в период советского времени. Данные взяты из книги известного в СССР писателя Вадима Пеунова, названной им «Нить жизни». Книга написана в 1993 – 1995 годах по заказу президента концерна «Азовмаш» А. Е. Антифеева. Трудно понять истинную причину заказа этой книги в новой социально-производственной системе, но книга получилась интересной и очень познавательной, особенно для современного поколения. Она написана на основании документов, но, прежде всего, рассказов огромного количества людей, работавших на заводе, а людям свойственно помнить больше хорошие моменты. Вот мои воспоминания о работе в лаборатории сильно расходятся со страницей, написанной автором со слов людей, руководивших лабораторией в то время.

«Вадим Пеунов – лауреат Всесоюзного конкурса Союза писателей и МВД СССР, в 1997 году ему присуждена премия «Золотой Скиф» за роман-факт «Нить жизни» (о заводе «Азовмаш»)».

Основная номенклатура завода ТЯЖМАШ (до 1958 года завод «Ильича»).

1. Создание в секретной лаборатории брони и методов её сварки с участием специалистов из НИИ сварки Е. О. Патона. В этой лаборатории родился и знаменитый танк «Т-34». Правда, ильичёвцы делали и испытывали только отдельные узлы танка.
2. Сорок шесть наименований цистерн разного назначения грузоподъёмностью от 25 тонн до 140 тонн. Впоследствии даже до 160 тонн.
3. Топливозаправщики для авиации.
4. Топливозаправщики для ракет любого назначения. К примеру, ракета для полёта на Луну состояла из четырёх ступеней. Первая ступень – 32 двигателя. Вторая ступень – 6 двигателей, третья – четыре и четвёртая – один. Вся ракета весила три тысячи тонн и 90% из них топливо – жидкий водород и окислитель – жидкий кислород.
5. Создание и выпуск тяжёлых крейсеров в цехах ТЯЖМАШа. На первый взгляд полная нелепица. Но ленинградские корабли разработали теорию, согласно которой можно с точностью до миллиметра

рассчитывать положение любой точки в пространстве, т. е. придавать броневым плитам, из которых слагается корпус корабля, нужный профиль. А на заводе научились делать из брони толщиной 70 мм отдельные части корпуса корабля, которые потом на судостроительном заводе соединялись между собой сваркой. Здесь снова потрудились специалисты НИИ Патона. По всем параметрам корпуса судов получались значительно лучше аналогичных в мире. Но после смерти Сталина Хрущёв решил, что тяжёлые крейсера стране не нужны, всё сделают ракеты. И все готовые и заложенные на стапелях корабли были разрезаны и отправлены на переплавку.

6. Изготовление «стаканов» для пуска баллистических ракет. Сложнейшее техническое сооружение, насыщенное различными механизмами и электроникой. «Стакан» необходим для вывода ракеты из шахты на поверхность земли, после чего включаются двигатели ракеты. Мне пришлось замерить уровень вибрации пола в цехе, освобождённом для сборки «стаканов». Допустимый уровень вибрации был ограничен нормативами, а в соседнем цехе работали мощные пресса.
7. Освоение и выпуск конвертеров для получения стали из чугуна. *«Конвертер - металлургический агрегат грушеобразной формы с глухим днищем для получения стали из расплавленного чугуна, а также для переработки Си-, Ni- и Си—Ni-штейнов при продувке воздухом или кислородом».*
8. Сталеразливочные ковши ёмкостью до 500 тонн сварнокованные. Специалисты института им. Патона научились сваривать детали любой толщины (вплоть до метра), не нарушая структуры шва.
9. Одноковшовые пятикубовые экскаваторы с циклично-поточной технологией для карьеров для вскрытия и добыче полезных ископаемых.
10. Контейнеры для хранения атомных отходов.
11. Козловые и порталные краны.
12. Роторные экскаваторы.

Прочитав этот далеко не полный перечень разнообразной продукции, возникает гордость за людей, освоивших её. И почти всегда приходилось решать уйму проблем в очень сжатые сроки. Такая творческая работа (до самопожертвования преданных своему делу специалистов) могла выполняться только людьми, прекрасно понимающими, почему нужно так трудиться.

Приведу рассказ моего земляка и товарища Володи Сударева, работавшего в то время в 28-м цехе мастером бригады слесарей КИП: *«Поступило новое срочное задание, контроль за которым выполняет один из заместителей директора завода. Работу ведут несколько подразделений завода, и планёрки в них происходят почти каждый день. Я на такой планёрке доложил, что бригада точно в срок выполнила свою работу, сообщив об этом в подразделение, где должны дальше работать с этими изделиями. И где эти изделия? Лежат на нашем складе – мой ответ. И реакция руководителя: «Какие куриные мозги нужно иметь, чтобы спокойно говорить мне об этом». Через час изделия были в смежном подразделении. После полного*

завершения задания, при подведении итогов, меня похвалили, и бригаде была выделена премия».

На второй год работы в нашу группу приняли ещё одного инженера – Василия Васильевича Матяш. Для большой дружбы у нас просто не хватило времени, но взаимопонимание было хорошее. Через два года, перед призывом в армию, я оставил виброметрию на Васю. Поэтому мне особенно приятно было читать в книге Пеунова, что Вася Матяш, как ведущий конструктор, участвовал в дорожных испытаниях 120-тонной цистерны с приборами, установленными в вагоне-лаборатории. Испытаниями руководил М. Б. Кельрих. Он ещё при мне активно занимался кандидатской диссертацией, но я с ним не соприкасался. Хочу отметить, что инженеры, работающие на производстве и стремящиеся получить учёную степень – это очень целеустремлённые люди. То, что в НИИ получается почти в плановом порядке, им даётся с большими нервными издержками.

При мне в лаборатории, в узком кругу, родилась идея сделать упрощённый вариант стенда для вибрационных испытаний вагонов. К этому времени были изготовлены первые цистерны вместимостью 120 тонн. Одну из цистерн установили в тупике 28-го цеха. Выбросили часть пружин из тележек, на которые опирается цистерна, и ограничители амплитуды колебаний оставшихся пружин.

Спереди и сзади цистерны вертикально установили пневмоцилиндры системы торможения вагонов. В пневмоцилиндрах, по предварительному расчёту, на определённой высоте вкруговую просверлили отверстия. При подаче воздуха поршни, двигаясь вверх, через шток приподнимали цистерну с двух концов. Центр длинной обечайки цистерны при этом прогибался вниз. Поршни, поднявшись на уровень отверстий, выпускали воздух из цилиндров, и цистерна вместе с поршнями опускалась вниз. Такие качели в вертикальной плоскости. Длительные эксперименты с изменением количества и диаметра отверстий не дали желательной амплитуды колебаний. Как определили желательную амплитуду колебаний, я не знаю. Придумали установить в центре цистерны мощные электромагниты, включавшиеся синхронно с пневмоцилиндрами, но в противофазе. Как говорят, если долго мучиться, что-нибудь получится. Цистерна, в первом приближении, стала имитировать вертикальный колебательный процесс на железнодорожной дороге. Зрелище получилось впечатляющее. Часто ломались пружины, крепления силовых элементов, доводилась работа электронных блоков. Но думаю, что «бочку» цистерны доводили до первых трещин. Как определяли надёжность и долговечность цистерны, я тоже не знаю. Я не специалист по расчётам надёжности. И меня, как начинающего специалиста по измерениям, к работе даже не привлекали.

Работу оформили как изобретение с большим экономическим эффектом и сумели получить за неё хорошее вознаграждение. Обычная жизнь и обычные

разные люди. Польза от этой работы, безусловно, была. Думаю, что в дальнейшем, судя по книге В. Пеунова, работы велись с привлечением НИИ.

Обычно с конструкторами, выдававшими нам задания, мы не встречались. Задания были простыми, и им хватало нашего отчёта. А задания нам выдавали наши начальники. Однажды к нам вместе с заданием пришёл молодой конструктор. Срочное задание, и равнодушный человек решил сам объяснить нам задачу и даже поучаствовать в работе. Это был Коля Козлов. А потом, ранним утром я увидел его в переполненном трамвае, едущим на завод. Оказалось, что он живёт в нашем посёлке. Добираться на работу двумя трамваями приходилось полтора часа, и времени на разговоры было много. Интересный человек со сложной судьбой. Мы подружились. Коля приходил в наш дом и даже несколько раз ездил с нашей командой от Морского клуба на тренировки аквалангистов.

Отдельные наиболее яркие моменты моей работы в лаборатории.

1. Испытания грунтовых топливозаправщиков для ракет впечатляли, прежде всего, мощностью тягача Минского автозавода, на полуприцепе которого транспортировался в полном смысле вагон, чуть меньше железнодорожного.

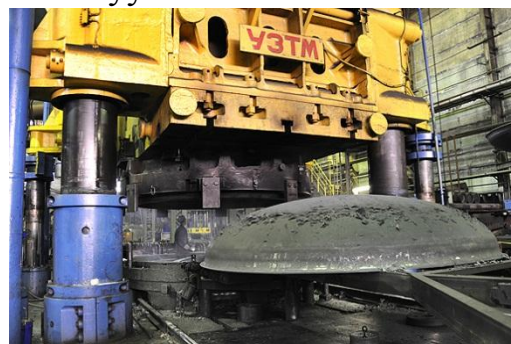

Дорога и движение по ней всегда меня привлекали. Жаль, что эти испытания были редкими и в пределах двух дней. Часть замеров выполнялась в процессе движения на трассах с разным качеством покрытия. Потом на грунтовой площадке тягач на разных скоростях выполнял повороты, и в эти моменты производились записи. У прочнистов количество измерительных точек было много, а у меня меньше. Аппаратура моя работала от аккумуляторов тягача. Тензоусилители прочнистов питались от сетевого напряжения 220 вольт, и поэтому приходилось возить с собой генератор. Поэтому между кабиной тягача и заправщиком устанавливали металлический шкаф для аппаратуры, а на нём ещё тарахтел двигатель генератора.

После возвращения выполнялась рутинная работа по проявлению осциллограмм, расшифровке параметров вибрации и сведению их в таблицу. Таблица прикладывалась к общему отчёту, который уходил к конструкторам обычно без всякой обратной связи. Не было ощущения причастности к общему делу, т. е. как твои замеры использованы и на что повлияли.

2. Поисковые работы по штамповке днища цистерны с использованием силы взрыва. Это была для меня, молодого специалиста, интересная работа по определению очень больших ускорений перемещения металла при штамповке взрывом. А для ведущего этой работы - тема диссертации соискателя ученой степени. Представляю, как трудно было добиться проведения натурных испытаний у руководства завода.

Удалённая от корпусов территория, где была установлена матрица, на которую клали заготовку днища цистерны. На заготовку герметично устанавливалась обечайка с подвешенным в ней взрывчатым веществом. Всё закрывалось сверху прочной крышкой. Внутри обечайки заливалась вода. Воздух между листом и матрицей откачивался вакуумным насосом. После взрыва давление и ударная волна плотно прижимали лист к матрице. Очень красивая идея и, судя по поиску в Интернете, широко применяется в авиа и ракетостроении. Но днища для цистерн, как и сферические переборки для подводных лодок, продолжают изготавливать с помощью мощных прессов.

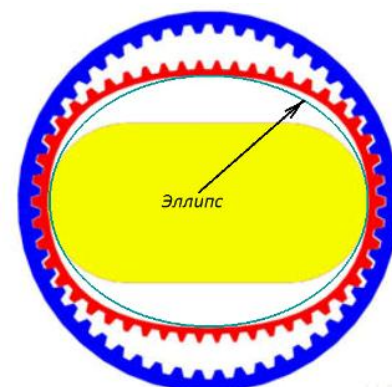

Мне пришлось при этих экспериментах записывать на высокоскоростной осциллограф ускорение, возникающее при взрыве. Вот только сейчас не могу вспомнить, куда устанавливался высокочастотный пьезоэлектрический акселерометр. Скорость 35-ти миллиметровой плёнки в осциллографе составляла несколько метров в секунду. Пришлось вместе с ведущим работу придумывать синхронизатор включения начала протяжки ленты. И при втором эксперименте получилась осциллограмма, которую от нас ожидали.

3. Испытания волнового редуктора. *«Волновая зубчатая передача - это механизм, в котором движение между звеньями передается перемещением волны деформации гибкого колеса. Кинематически они представляют собой планетарные передачи с гибким колесом. Гибкий зубчатый венец деформируется генератором волн и входит в зацепление с центральным колесом в двух зонах.*

Принцип работы волнового редуктора.

Соответствующий выбор параметров зацепления и формы деформации гибкого колеса позволяет получить большое число пар зубьев в зацеплении. Многопарность зацепления определяет все положительные качества этих передач по сравнению с обычными: меньшую массу и габаритные размеры, более высокую кинематическую точность, меньший мертвый ход, более высокую демпфирующую способность, меньший шум.

Волновые зубчатые передачи позволяют осуществлять большие передаточные отношения в одной ступени. При этом КПД их такой же, как и в планетарных передачах при тех же передаточных отношениях».

Директор завода В. Ф. Карпов на городской конференции заявил, что записывать ТЯЖМАШ в машиностроительные предприятия преждевременно. *«Цистерна, самая разособенная – всего-навсего бочка на колёсах. Машиностроение начинается с редукторостроения».* На заводе начиналось освоение выпуска продукции, на которую требовалось много редукторов, и такое отношение к ним директора завода не могло не подтолкнуть к творчеству неравнодушных к технике людей. А любая новая разработка не может обойтись без профессиональных специалистов по измерениям. Так мне пришлось вникнуть во многие проблемы создания волнового редуктора. Замеры механических напряжений и картину деформируемости основного узла редуктора мы выдали, но какова судьба этой разработки я не знаю. А с мнением Карпова, что редуктор в любой машине наиболее сложная вещь, я полностью согласен.

4. Командировки на космический полигон – Байконур. Командировок было две, в 1966 и 1967 годах. Мой друг Толя Семенцов в это время работал в Красноярске-26 в институте, занимавшимся разработками и изготовлением спутников связи «Молния». Он вначале часто писал письма, в которых восторженно отзывался о коллективе, в котором работал (в отличие от меня). Особенно его восхищала молодость коллектива и при этом сложность задач, решаемых молодыми ребятами. Руководил институтом (по западному – фирмой) Решетнёв, работавший ранее с Королёвым.

«ОАО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва» (до марта 2008 года - ФГУП «Научно-производственное объединение прикладной механики имени академика М.Ф. Решетнёва») образовано в 1959 г. как восточный филиал ОКБ-1 С.П. Королёва в г. Красноярске-26 (ныне г. Железногорск Красноярского края). Его руководителем был назначен М.Ф. Решетнёв – ученик и соратник С. П. Королёва.

Первый самостоятельный космический проект молодого коллектива – создание ракеты-носителя (РН) лёгкого класса типа «Космос». Предприятие заявило о себе 18 августа 1964 года успешным пуском первой РН 11К65 («Космос-3») с тремя экспериментальными спутниками «Космос-38,-39,-40».

В начале 60-х годов предприятие приступило к самостоятельной разработке космических аппаратов и спутниковых систем. С 1964 года его коллективом впервые в стране были созданы и выведены на низкие орбиты малые спутники связи, с 1967 года – навигационные и научные КА, с 1968 года – геодезические спутники. С середины 60-х годов «решетнёвская» фирма также начала осваивать производство самых мощных тогда космических аппаратов типа «Молния-1», запускаемых на высокую эллиптическую орбиту. В 1967 году в космос были выведены три спутника «Молния-1», изготовленных в Сибири. На базе космических аппаратов этого типа

впервые в мире была создана система связи и телевидения на высоких эллиптических орбитах».

В письмах Толи иногда была фраза: «Приехал из командировки на южный полигон». Мы быстро поняли, что это Байконур. И когда в 1966 году у нас заговорили о командировке в Казахстан, я очень постарался туда попасть. Чем мы занимались в этой командировке, в голове не задержалось. Наверно, я был на подхвате, а дела, за которое нужно нести ответственность лично, не было. Понравился самолёт ТУ-104, на котором мы летели из Москвы в Ленинск (прежнее название города Байконур в Казахстане). Я до этого не летал на больших самолётах и, тем более, с турбореактивными двигателями. Лететь было интересно и немного тревожно. Запомнился быт огромного количества командированных людей, дикая бескрайняя степь (полупустыня) и в ней огромный монтажно-испытательный корпус (МИК), где осуществлялся монтаж ракеты из отдельных узлов, а затем её транспортировка по железной дороге на стартовую площадку. Видели мы и запуски ракет. Несмотря на секретность, все знали, когда будет очередной пуск, и занимали зрительские места в зависимости от личных предпочтений, вплоть до крыш гостиниц. Гостиницы – это обычные крупнопанельные пятиэтажки. Пуск космической ракеты – всегда волнующее и тревожное зрелище. Один ночной пуск при нас был неудачный. Когда мы утром пришли на работу в МИК, солдат маленького роста, не очень хорошо говоривший по-русски, попробовал рассказать нам, какой был взрыв: «Такой был взрыв... как маленький МИК».

Когда мы собирались в поездку, Володя Яценко сказал, что недалеко от площадки №2 (та площадка, с которой стартовал Юрий Гагарин) есть пруд, и я даже взял с собой ласты. Оказалось, что пруд образован строителями на месте маленького родника. Они просто пригнали бульдозер и с его помощью вырыли котлован – 50 метров в длину и 10 метров в ширину. За несколько лет вдоль рукотворного берега выросла трава, а в воде водоросли. Тем не менее, по выходным у этого водоёма было полно людей. Особенно было любопытно смотреть на меня, пришедшего плавать с ластами. Через год водоём зарыли из санитарных соображений, а в месте выхода родника поставили трубу.

Запомнилось общение нашей команды в МИКе с директором нашего завода **В.Ф. Карповым**. Он, находясь по своим делам на Байконуре, посчитал необходимым встретиться с нами и поговорить. Про такого руководителя не скажешь, что мы работали у Карпова на заводе. Мы работали с ним на нашем заводе ТЯЖМАШ.

Перед одним из выходных я случайно узнаю, что организуется выезд общества рыбаков-охотников на озёра. Многие люди

работали в командировках по полгода и больше. Поэтому неудивительно, что появлялись такие общества. Я, равнодушный к рыбалке и, тем более, к охоте, тоже поехал. Ехали мы на полноприводном автомобиле ЗИЛ-157 с кунгом (будка промышленного изготовления) около шести часов. Долго и утомительно. Через час ребята стали доставать свои запасы спиртного. (Это при сухом законе на полигоне). А в конце поездки уже многие плохо держались на ногах. Поздний вечер и хмель не помешали затягиванию бредня и стрельбе из ружей. К счастью, обошлось без трагедий. Охотники пришли без трофеев, а рыбаки после каждой протяжки бредня вытаскивали по два ведра рыбы, которой хватило на всех желающих сварить уху. Съели уху и допили спиртное, у кого оно оставалось. На следующий день просыпались по желанию, вплоть до обеда. Часа два ещё продолжалась рыбалка.

Место, куда мы приехали, это старицы реки Сырдарьи. В половодье они заливаются водой вместе с мальками и другой рыбой. Вода спадает, а рыбная мелочь быстро растёт. Жаркое солнце и вода способствуют обилию корма. Вот только солнце быстро испаряет воду, и в мелких водоёмах рыба погибает вместе с испарением воды. Пришлось увидеть, как крупная рыба, наполовину находящаяся на поверхности, пытается дышать в остатках воды, смешанной с илом.

Улов организаторы поездки сложили в большие ёмкости. После возвращения они выбрали крупную рыбу, а то, что осталось в баках, разобрали желающие. Я тоже привёз домой пару десятков посоленных и подсушенных рыбёшек и двух черепах. Одну черепаху подарили, а вторая какое-то время жила в квартире. Часто по ночам она занималась альпинизмом. Упираясь лапами с одной стороны в стену, а с другой в трубу, она поднималась вверх на метр и более, потом срывалась и с грохотом падала на пол. Плохо, когда люди держат в городских квартирах живность, особенно экзотическую. Всё живое должно жить в своей среде обитания и быть при своём деле: и живность, и человек.

Командировка была в пределах месяца, и я взял с собой домашнее задание, чтобы разумно использовать свободное время. У меня давно были отпечатаны фото нашего Саянского похода и куплен большой альбом. В магазинах в то время появился клей ПВА, прекрасно подходящий для приклеивания фотографий. Вот я и занимался с удовольствием этой работой по вечерам.

Как-то вечером с ребятами зашли две девушки, и одна из них заинтересовалась моим альбомом и мной. Слишком необычным для командированного молодого мужчины было моё занятие. На полигон в командировку часто приезжали одинокие женщины с надеждой найти свою вторую половину. О проституции мы тогда практически не слышали. Если у отдельных активных в этом плане мужчин и были временные связи с женщинами, то без денежных расчётов. В моём конкретном случае девушка быстро поняла, что ничего серьёзного быть не может.

1967 год. Вторая командировка на космодром. Она запомнилась мне больше и по работе, и встречей с Толей Семенцовым.

Завод изготовил для МИКа специальные ж. д. платформы с оригинальными кронштейнами. Отдельные части ракеты в горизонтальном положении закреплялись в четырёх точках на кронштейнах, а затем, сблизив платформы, соединяли отдельные части ракеты в единое целое. Ракеты сконструированы так, что в продольном направлении могут выдерживать большие нагрузки, но при этом не рассчитаны на изгибающие силы. Собранную ракету (без топлива и окислителя) везут на стартовую площадку в горизонтальном положении на платформах, на которых производилась сборка, т. е. на платформах ТЯЖМАШа. Как потом переводили ракету в вертикальное положение и устанавливали на стартовую площадку, не создавая изгибающих напряжений, я не знаю.

Железная дорога около четырёх км построена по самым жёстким требованиям. Скорость движения тепловоза - в пределах пяти км/час. Исходя из общих требований, создавалось задание на проектирование и изготовление наших платформ. А нам нужно было подтвердить, что все требования, заложенные в проекте, подтверждаются на практике. Прочнисты измеряли прогибы консолей при установке узлов ракеты, а также механические напряжения в наиболее нагруженных местах консолей. Мои замеры выполнялись при реальном движении по ж. д. при трогании и остановке. Мне и Васе ещё на заводе пришлось сделать для этого специальный контейнер, в котором была закреплена аппаратура и четыре больших аккумулятора.

Измерения прошли успешно, сказался приобретённый опыт и хорошая подготовка. Вот только трения с Володей Яценко немного испортили настроение. За всё время подготовки и на заводе, и в монтажном корпусе, он ни разу не заинтересовался сутью дела, а во время замеров решил давать указания, что нужно делать. Пришлось категорически заявить ему протест – или он не мешает работе, или выполняет её сам. Здравый смысл возобладал.

Неожиданно нас попросили выполнить ещё один замер. При монтаже ракеты в МИКе её обслуживают не только с пола корпуса, но и с монтажных площадок, опускаемых сверху на тросах. Это длинный мостик для движения людей с большой площадкой на его конце. Мостик на втором этаже через шарниры прикреплен к стене корпуса. В исходном состоянии эта конструкция поднята вверх. А во время монтажа лебёдка опускает мостик с площадкой в горизонтальное положение. Остановка лебёдки происходит при срабатывании любого из двух конечных выключателей с длинными поводками, закреплённых на днище площадки. Нас попросили записать колебательный процесс площадки после срабатывания конечного выключателя. Нужна была гарантия, что площадка не ударит по поверхности ракеты. Такой замер пришлось делать мне, естественно, без ракеты внизу. Помогло моё изучение книги «Виброметрия». Для чисто синусоидального колебания существует чёткая взаимосвязь между перемещением, ускорением и частотой колеблющегося тела. Поэтому, записав на осциллограф ускорение площадки, однозначно по формуле получили перемещение.

Для крепления вибродатчика наиболее удобным местом оказалась боковая поверхность швеллера – несущей конструкции площадки. Для этого мне пришлось несколько раз свешиваться за пределы ограждения, держась за него

одной рукой и работая инструментом второй рукой. Я делал это совершенно уверенный в своих возможностях. А моим коллегам казалось, что такая работа на 12-ти метровой высоте – большой риск.

Маленькое отступление. В это время полным ходом шла подготовка к запуску человека на Луну. Космическое соревнование с Америкой продолжалось. Через два года американцы высадят своих астронавтов на Луну. И хотя нашу лунную программу пришлось свернуть, достигнутые результаты при этом были огромны. Нам бы выводы правильные делать и совершенствовать советскую систему... В это время уже строилась стартовая площадка для ракеты Н-1 (Лунник) недалеко от Гагаринского старта. Туда

прокладывали спаренную железную дорогу от МИКа. По одной дороге такую ракету не увезёшь. Уже испытывался специальный транспортировщик, совмещённый с подъёмником. 128 колёсных пар, движущихся по двум параллельным дорогам. Два гидроцилиндра на давление 300 атмосфер.

Выдвигающийся шток диаметром не менее 300 мм и длиной восемь метров. Сложнейшая кинематика, позволявшая нежнее, чем ребёнка, перевести огромную машину в вертикальное положение и точно установить на старт. Это то, что я видел своими глазами. И всё это делали советские люди, не отягощённые потребительством и стремлением к сверхкомфарту.

Установка ракеты Н-1 (110м) на старт. Космодром Байконур.

Написав коротко о ракете Н-1, решил в Интернете проверить некоторые факты о состоянии космической отрасли в СССР того времени. И ещё раз поразился огромным достижениям в этой области, естественно невозможным без больших достижений в других областях народного хозяйства. Привожу мысль, высказанную в одной статье: ***«Эпоха Брежнева могла завершиться новым прорывом, но привела к катастрофе. Причиной, как это ни парадоксально, стали сила и успехи тогдашнего СССР».***

Венцом достижений советского периода в освоении Космоса были два успешных запуска ракеты «Энергия». Привожу заключительный раздел статьи:

А КАКОВА ОТДАЧА ОТ «ЭНЕРГИИ»? «Наука в СССР» 1990 №2

«Рентабельность космических программ зависит не только от экономичности транспортных средств и увеличения объема и разнообразия работ, проводимых во внеземном пространстве. Немалые выгоды создание космической техники приносит непосредственно на Земле.

«Энергия» объединила усилия более чем 1200 конструкторских бюро,

научно-исследовательских институтов, заводов, строительно-монтажных и эксплуатирующих организаций 75 министерств и ведомств. Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Таких масштабов не знала ни одна отечественная программа. Накоплен мощный научно-технический потенциал,

который позволяет осуществить технологический прорыв как в ракетно-космической сфере, так и во многих других областях народного хозяйства.

Сверхмощный транспортный самолет «Мрия» способен доставлять на космодром и отдельные блоки «Энергии», и многоразовый корабль «Буран».

Конструкционные материалы, изготовленные специально для «Энергии», обладают значительной удельной прочностью, а многие к тому же работоспособны при криогенных температурах. Получены новые марки высокопрочных сталей, алюминиевых и титановых сплавов, необычные теплоизоляционные и теплозащитные покрытия. В общей сложности новые материалы на «Энергии» составляют свыше 70% ее сухой массы, причем около 50 из них уже сегодня применяются в отраслях машиностроения.

При создании ракеты-носителя разработаны и внедрены в промышленность оригинальные технологические процессы. Например, с помощью метода вакуумного дегазирования и регламентации температурно-временных параметров литья удалось получить слитки алюминиевых сплавов больших размеров весом до 3 тыс. кг, с повышенной чистотой. Освоена технология изготовления крупногабаритных «вафельных» конструкций оболочек для баков диаметром до 8 м. Их сборка осуществляется с применением электронно-лучевой и импульсно-дуговой сварки. В настоящее время проводится систематизация накопленных научно-технических достижений, ведутся поиски путей для их дальнейшего использования в народном хозяйстве.

Успехи достигнуты в сфере материаловедения и технологии. Предназначенные для отработки систем ракеты стенды, экспериментальные установки и другие сооружения, оснащенные современной электронно-вычислительной техникой, пригодны для испытаний и доводки различных летательных аппаратов.

Но вернемся снова в космос. С вводом «Энергии» в постоянную эксплуатацию на околоземных орбитах появятся крупные научно-исследовательские лаборатории, космические заводы для промышленного производства сверхчистых веществ, сплавов, оптических материалов,

вакцин и других медицинских препаратов. Станет реальной широкая телефонизация страны с использованием тяжелых платформ связи на геостационарной орбите. Открываются широкие возможности для организации прямого телевизионного вещания, эффективной системы экологического контроля Земли, информатизации общества.

Тяжелая ракета-носитель «Энергия» позволит в недалеком будущем решать задачи по освоению Луны, доставить марсианский грунт на Землю, а в дальнейшем и осуществить пилотируемые экспедиции на эту планету.

Работы, связанные с полным раскрытием потенциала «Энергии», только начаты, но и они свидетельствуют о том, что большой круг задач по промышленному использованию космоса в интересах страны и всего человечества по программе «Звездного мира» можно решить уже в недалеком будущем».

Б. И. ГУБАНОВ, доктор технических наук, главный конструктор универсальной ракетно-космической транспортной системы «Энергия».

Эта командировка удачно совпала с командировкой моего друга Толи. Мы почти месяц прожили в соседних комнатах гостиницы. Конечно, много о чём успели поговорить. Толя рассказал без подробностей, что в его жизни появилась женщина, и спросил, как я отношусь к этому. И тогда, и сейчас моё мнение одинаково. Жизнь – большая ценность. Живые люди, даже после серьёзных трагедий, должны жить, а память об ушедших близких людях останется с ними навсегда. В октябре 1967 года у Толи и Марины родился сын – Витя Семенцов, а ещё через три года дочь Наташа. Жизнь продолжалась.

Мы ещё были молодыми, а значит, нас ещё многое интересовало. Родилась идея посмотреть первозданную степь. Самой красивой степь бывает весной, когда после таяния снега в земле много влаги, и всё живое торопится жить. Этот период давно прошёл, но, пройдя с десятков км, мы почувствовали слегка

опьяняющее чувство свободы. МИК и мачты обслуживания пусковых площадок скрылись из вида. Совершенно ровная бесконечная степь, маленькие песчаные барханчики, островками невысокий кустарник, приспособившийся жить при малом количестве влаги. От бурной весенней жизни осталась пожухлая редкая трава. Изредка попадалась разная мелкая живность. Это черепахи, вараны (в три раза больше привычной для нас

ящерицы), ужи и небольшие змейки. Мне вид степи напомнил чем-то вид дна Чёрного моря.

С нами пошёл ещё коллега Толи. Солнце поднялось достаточно высоко, стало жарко, хотя на нас были только тренировочные костюмы, кепки на голове и кеды на ногах. Решили позагорать, и кто-то предложил раздеться совсем.

Оказывается, не только девушки любят по ночам плавать нагими. Разбрелись немного по степи. В одной руке у меня пакет с одеждой и едой, во второй алюминиевый уголок вместо палки, подобранный в степи. Исследовательский инструмент и одновременно оружие. В одном месте я заметил вздыбленность почвы, уходящей на десяток метров вперёд. Я с опаской стал тыкать уголком в холмик, и через несколько метров почва зашевелилась, а потом из неё выпрыгнул зверёк немного крупнее суслика (тушканчик или прыгающая земляная крыса) и большими прыжками стал от меня убежать. Доля секунды и я инстинктивно, почти такими же прыжками помчался за ним, размахивая уголком. Потом опомнился и, разгорячённый, остановился. Сидят в глубине нас наши далёкие предки. А ребята, наблюдая такое кино, чуть не падали от смеха. Толя пожалел, что в этот момент у него отсутствовала кинокамера.

Поели, отдохнули и пошли по солнцу назад. Толя предложил собрать некоторых представителей степной фауны и принести их в гостиницу, чтобы показать другим ребятам. Набрали понемногу варанов, черепах, одного ужа и даже двух скорпионов. Хорошо, что нам не попалась фаланга. Разместили живность в тренировочных штанах. При подходе к городку стали передвигаться как разведчики. Не принято как-то приходить в гостиницу в плавках. Операция прошла удачно, и вся живность выпущена в ванну.

Бывает, что даже взрослые люди вначале что-то делают, а потом думают. Ванна почти сразу понадобилась людям по прямому назначению, да и слух о нашем «серпентарии» дошёл до администратора гостиницы. Пришлось срочно уносить живность в степь, но от родных мест она оказалась далеко.

Сходили мы с Толей посмотреть на строящуюся стартовую площадку для ракеты Н-1. Тогда строилась первая площадка. Позже построили ещё второй старт. Поднялись на верхнюю точку (65 метров) недостроенной металлической конструкции обслуживания будущей ракеты. Внутри такой конструкции даже предусмотрен лифт для людей и грузов. Она по конструкции существенно отличалась от привычных для нас таких сооружений. Здесь будет стартовать ракета совершенно другого класса. С такой высоты видны некоторые стартовые комплексы других площадок.

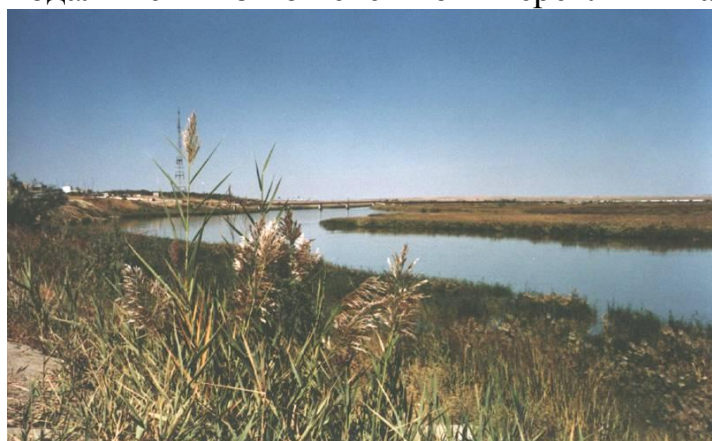
В выходной день наша культурная программа продолжилась. Дело в том, что мы привезли, непонятно зачем, в командировку автобус. Вернее, это была

самодельная будка, установленная на шасси автомобиля ГАЗ-53. И Володя Яценко решил устроить нам экскурсию в город Ленинск, который расположен на берегу Сырдарьи. Говорили о планах открытия мемориального дома – музея С. П. Королёву, а в самом городе в 1967 году смотреть особо было нечего. Поэтому пошли на городской пляж. Сырдарья, тогда ещё довольно широкая, бурная, но неглубокая река, из-за своей рыжей мути

мало привлекательна для купания. Почему-то было много рассказов об утонувших купальщиках. Непонятно, на чём основывались эти рассказы.

Лето, жара и выходной день привлекли многих людей на официальный пляж. Конечно, через некоторое время у Толи родилось предложение пройти подальше вниз по течению и переплыть на противоположный берег. Что мы и

сделали, хотя могли понять полную авантюдность затеи. В зону космодрома пропускают людей с определённой формой допуска и для выполнения определённых работ. Свободно бродить, где захочется, никому не разрешается. Но нам казалось, что нас никто не видит. Я был с ластами и поэтому поплыл на

спине, держа в воздухе одежду. Толя и ещё один парень поплыли налегке. Мы проплыли три четверти расстояния, когда к нам приблизился дежурный катер, и нам пришлось на него подняться. Доставили нас в комендатуру во временный изолятор, где уже находилось десятка два задержанных за разные прегрешения людей. Через несколько часов подошла наша очередь. Отделались мы внушением, но на площадку пришлось долго добираться. Официально по космодрому ходил мотовоз (небольшой тепловоз с несколькими пассажирскими вагонами). Вот такой получился выходной.

Но Семенцову наших приключений оказалось мало – такой у него характер. А я почти всегда соглашался на его «авантюры». Только однажды в Саянах, на первом пороге, при проводке плота, «авантюра» исходила от меня. Но, в большинстве случаев, наши поступки были хорошо продуманы, и степень риска была минимальной. Мы были из послевоенного поколения и рождены в СССР.

Фрагмент из статьи «Рождённым в СССР посвящается»:

«Это поколение породило огромное количество людей, которые могут рисковать, решать проблемы и создавать нечто, чего до этого не было, просто не существовало. У нас была свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и мы как-то просто научились пользоваться всем этим.

Если вы один из этого поколения, я вас поздравляю. Нам повезло, что наше детство закончилось до того, как правительство купило у молодежи свободу за ролики, мобилы, фабрику звезд и классные сухарики. С их общего согласия».

Запланирован ночной старт ракеты. Они шли под номерами, и этот запуск шёл под названием «Космос-180» (или рядом со 180). У Толи родилась идея посмотреть ночной пуск, находясь рядом со стартом. До стартовой площадки около шести км. Вышли, по нашему мнению, с запасом времени. Но ночью степь оказалась не такой уже ровной. Понятно, что при нашем мероприятии фонарём пользоваться нельзя. После трагедии 24 октября 1960 года, когда при пожаре и взрыве межконтинентальной баллистической ракеты прямо на старте погибли больше ста человек, в том числе и маршал М. И. Неделин, меры безопасности были существенно улучшены. Задержание нас ночью в районе старта грозило нам большими неприятностями. Но я об этом не знал.

Мы подошли к хорошо освещённой стартовой площадке на расстояние около 300-х метров и увидели, что от ракеты начала отходить кабель-мачта. Это означало, что начался предпусковой отсчёт времени и в пределах десяти секунд произойдёт старт. Конструкции обслуживания отошли в сторону ещё перед отсоединением от ракеты кабель-мачты. Если бы мы пришли раньше, наверное, попробовали бы подойти ещё ближе. Нам повезло. Перед самым пуском и охрана прячется в укрытие.

Только мы успели лечь плашмя на землю, как включились двигатели ракеты. Огромный поток огня хлынул по газоотводящим конструкциям старта в две стороны, подняв в степи поток пыли, а когда ракета вначале медленно,

поднялась над стартом, разделённый поток, уже объединённой струёй пошёл вертикально вниз, с ускорением двигая ракету вверх. Степь осветило на большое расстояние как в солнечный день. Несколько секунд страха, когда нам показалось, что струя огня направлена на нас, а потом восторг от такого зрелища, несмотря на то, что мы с головы до ног были в степной пыли. А когда

немного утих шум двигателей ракеты, мы услышали гвалт проснувшихся и

испуганных птиц. Тоже происходило и при полном солнечном затмении, которое я видел в детстве. Интересно, что во время нашего похода в степь казалось, что птиц совсем мало. Обратный путь у нас прошёл без приключений.

Прикоснувшись к работе моего друга и их фирмы, у меня появилось желание прозондировать возможность пойти работать к ним. Всё оказалось достаточно сложно, особенно с работой для Виты. А уровень возможностей у моего друга в то время в этом плане был ещё мал.

5. Испытания железнодорожной цистерны вместимостью 45 тонн на узкой колее острова Сахалин. 1968 год. 45 лет назад мне повезло побывать на острове в командировке, а по пути интересно провести почти пять дней в Хабаровске.

После поражения Японии во второй мировой войне остров Сахалин и все острова Курильской гряды стали принадлежать СССР. 40 лет южной частью острова владела Япония, а с 1920 по 1925 годы всем островом полностью. Добывая на острове лес, уголь, нефть, Япония развивала промышленность и инфраструктуру острова. Железные дороги, построенные на острове, имели колею 1067 мм, в отличие от принятой в СССР колеи 1520 мм. Поэтому вначале эксплуатировали подвижный состав, оставшийся в наследство, и даже заказали в Японии полсотни паровозов. Остров стал активно развиваться на социалистических принципах, и пик его развития, как ни странно, пришёлся на «застойные» годы. В 60-х годах для узкой колеи ж. д. были изготовлены 30 тепловозов, а к 1968 году изготовлены первые цистерны для полезного груза 45 тонн. Нам нужно было провести замеры на реальных железных дорогах острова. Два месяца подготовки. Мои параметры, как всегда, ускорение и перемещение «бочки» цистерны по отношению к полотну дороги и дополнительно скорость движения.

Учитывая удалённость острова, многие приборы дублировались. Мы везли с собой генератор на 220 вольт с бензиновым двигателем и электронный преобразователь с 24 вольт постоянного тока на 220 вольт переменного тока. Преобразователь на мощных тиристорах собственной разработки, ещё достаточно «сырой». Перестраховавшись, мы даже везли с собой автосцепку с наклеенными тензорезисторами для измерения тягового усилия. Я впервые занялся разработкой электронной схемы делителя частоты для записи на осциллограф скорости движения. Наши электронщики отказались её делать, сославшись на занятость. Общий груз приборов и оборудования составил 2,5 тонны. Одних аккумуляторов на 128 А/Ч было 12 шт. и к ним выпрямитель под 100 кг. Конечно, всё это объяснялось ещё невысоким профессионализмом наших работников. Мне пришлось съездить в город Таллин, чтобы ускорить отгрузку нам двух комплектов виброаппаратуры. Руководителем назначили начальника бюро Павла (фамилию не помню), страдавшего эпилепсией. И, как жидкую валюту, выделили 20-ти литровую канистру со спиртом.

Загружаем своё хозяйство в грузовую машину, которая везёт груз в Харьков. Мы едем в Харьков поездом. Из Харькова груз в багажном вагоне будет ехать прямым поездом до Хабаровска. А это пять дней пути. В Харькове

Павел предложил нам выбор: «Кто хочет отдохнуть едут со мной поездом, а кто хочет быстрее - летит самолётом». Быстрее захотели я и Игорь Клычов.

Московский аэропорт, поздний вечер. Уже темно, и мы идём на посадку в турбовинтовой самолёт ТУ-114. Самолёт настолько длинный, что посадка идёт

через два посадочных люка, и второй люк из нашей очереди еле виден в сумраке. Ощущение нереальности происходящего. Мне неожиданно повезло. Фюзеляж самолёта конструкторы усилили в центре двумя кольцевыми шпангоутами. Наши места находятся в самом центре, а

над нами две большие откидные полки, вполне достаточные для двух человек. Сразу после взлёта я забираюсь на полку и просыпаюсь при информации стюардессы о том, что мы пролетаем над Байкалом. Восемь часов полёта, и мы в Хабаровске. Хороший самолёт, но четыре самых больших в мире на то время двигателя создавали повышенный уровень шума.

Находим городскую гостиницу и видим трафарет на стойке администратора: «Мест нет». Привычная ситуация для тех лет. Два часа мы периодически пытались уговорить администратора что-то придумать и, наверно,

дотянув до ночи, нам на одну ночь что-то придумали бы. Но дело в

том, что у меня был номер телефона родного дяди моей жены, который жил в Хабаровске. Он был военным строителем. Вместе с женой они принимали участие в войне с Японией. Хорошие люди, но я всегда не любил нагружать своими проблемами других людей. Особенно тех, кого хорошо не знал лично. А тут ещё я был с коллегой по работе. И все-таки около восьми часов вечера я позвонил и объяснил ситуацию. Нас, не задумываясь, пригласили приехать. Очень хорошо приняли и постарались, чтобы за четыре дня мы познакомились с Хабаровском. Дядя – Моисей Савельевич и тётя – Татьяна Борисовна, оказались очень

образованными людьми и настоящими интеллигентами. Жили они с очень симпатичной дочерью и внуком. С деловым мужем у дочери были серьёзные проблемы, и мы его видели один раз мельком. Осталось много фото, сделанных в Хабаровске, где видно наше хорошее настроение. В один из дней мы даже поплавали в открытом бассейне.

«Город расположен в Азии, в южной части Среднеамурской низменности, недалеко от места слияния рек Амур и Уссури, от границы до черты города около 17 км. Располагается на возвышенном правом берегу Амура, рельеф которого разнообразен и сложен. Центральная часть Хабаровска раскинулась на пологих увалах с абсолютными отметками 70-90 метров над уровнем моря и относительными превышениями 20-30 метров».

Вот эти увалы и придают городу особый колорит, и архитекторы в разное время в своих проектах хорошо использовали особенности природного ландшафта.

Четыре дня прошли быстро в приятном и познавательном общении с замечательными людьми. Впоследствии, после возвращения

Моисея Савельевича и Татьяны Борисовны в Свердловск, где они жили до войны, мы (я, Вита и наши дети) несколько раз встречались, а переписка с тётёй Таней длилась до конца её жизни. Письма её

всегда нас радовали как хорошие литературные произведения.

Наступило время прибытия поезда. Я и Игорь встречаем нашу команду на перроне. Картина достойная кисти русских художников. Мужики выгружаются из вагона - небритые, перепутавшие ночь и день, и их провожает не весь вагон, а почти весь состав. Все за время пути стали почти родственниками. Такое возможно только в России. Хорошо отдохнули ребята!

Дальше всё пошло в рабочем ритме. Получение нашего багажа. Перевозка его в аэропорт и отправка транспортным самолётом в город Южно-Сахалинск. А мы летим привычным для нас пассажирским самолётом АН-24. Очень хотелось увидеть из иллюминатора Татарский пролив и сам остров, но дымка первое впечатление смазала.

У памятника Ерофею Павловичу Хабарову. Я и Феликс Белый.

Цистерна, изготовленная ТЯЖМАШем, нас уже ждала. Очень интересно она выглядела на узкой железнодорожной колее. Казалось, что на первом крутом повороте она должна опрокинуться. Тепловозы отечественного производства тоже выглядели «Гулливерами» на узкой колее, но тянули составы с грузами и не опрокидывались. Для обустройства лаборатории нам выделили японский вагон, в котором мы установили свои приборы и вспомогательное оборудование. А жили мы в купейном вагоне. Цистерну пристыковали к вагонам, и начался монтаж измерительного комплекса приборов, датчиков и прокладка к ним кабелей.

Нас было семь человек, но по-настоящему заинтересованных в конечных результатах – мало. Павел, как руководитель, занимался внешними связями. Ему кто-то помогал. Наклейкой тензорезисторов руководили Феликс Белый и Игорь Клычов. Кто из инженеров был главным руководителем испытаний, тоже не помню. А этот инженер – главный при испытаниях. Наша цистерна вместе с двумя вагонами встраивалась в формируемый состав, и мы двигались с этим составом в режиме, определенном правилами для движения. Вместе с машинистами в тепловозе находился наш испытатель и подавал команды на включение и выключение аппаратуры. Он должен был хорошо представлять себе весь участок пути от Южно-Сахалинска до станции Взморье. А это чуть более ста километров. Знать чётко все стрелки, пересечения путей, крутые повороты, подъёмы, спуски и другие, интересные с точки зрения прочниста, места на испытательном участке. Для набора статистики при многократных поездках записи должны были выполняться в одних и тех же местах пути. И то, что такой организатор выпал у меня из памяти, говорит о том, что его, по сути, не было. Наш руководитель с его заболеванием практически отстранился от руководства. Оторвавшись от контроля семьи и руководства на предприятии, часто выпивал (к сожалению не только он). Пару раз у Павла были обострения эпилепсии, и на него было страшно смотреть. Однажды, пытаясь руководить, он полез по лестнице вверх цистерны и удивительно, что не сорвался при этом.

Однажды, когда понадобилась та самая «жидкая валюта», оказалось, что при неповреждённом замке на канистре, от спирта почти ничего не осталось.

Мы жили прямо в вагоне, распределившись по купе. И даже на определённом этапе для экономии денег стали сами по очереди готовить. Многие уже растратили свои повышенные командировочные на выпивку. Для справки – в магазинах Южно-Сахалинска был очень хороший выбор продуктов, да и в столовых кормили очень сытно и вкусно. А в посёлке Взморье столовая больше напоминала ресторан своей чистотой, обилием цветов и огромными вкусными порциями еды при умеренных ценах.

Однажды, в моё дежурство, произошёл комичный случай. Прихожу в магазин за продуктами. Мы договорись, чтобы обед не превышал определённой суммы. В мясном отделе продается мясо разных животных. Привычная для нас свинина и говядина, баранина из Новой Зеландии (кенгурятины не было). Лежали большие глыбы мяса кита. Привычное мясо – 2 рубля 50 копеек за один кг, а мясо кита – 50 копеек за один кг. Спросил у впереди стоявшей женщины, что готовят из мяса кита – не знает. Не знал и продавец. Покупаю вчетверо большую порцию, чем обычно, китового мяса, говяжий жир для жарки, остальное, как обычно, для супа. Для приготовления пищи в вагоне была предусмотрена печка топившаяся дровами. Наливаю ребятам суп с большими кусками мяса. Они с удивлением смотрят на порции мяса. Кто-то возмущается, что я много потратил денег. Отвечаю, что решил их побаловать. Слегка побурчали и всё съели. Когда я им сказал, что они съели мясо кита, никто этому не поверил. У мяса кита немного крупнее волокна, чем у говядины и практически отсутствует жир. А жарка лука на говяжьем жире дала вкус говядины.

Возвращаюсь к технической стороне испытаний. Тензорезисторы ребята потихоньку наклеили, выполнили монтаж. Я свои датчики тоже установил. Испытания проводятся в движении, и сигналы после преобразователей измеряемых параметров в электрическое напряжение все одновременно записываются на светолучевой двадцатиканальный осциллограф. Больших проблем с отладкой общей измерительной схемой не возникло, а мелких всегда много.

Серьёзная проблема возникла с преобразователем напряжения. Он включался от аккумуляторов без нагрузки, но, как только к нему подключали тензопреобразователи, сразу отключался. Очень нам не хотелось запускать наш электрогенератор с бензиновым двигателем. Для его надёжной работы тоже нужен специалист. Кроме этого, ещё бензин и шум. В конечном итоге преобразователем пришлось заниматься мне. Правда, больших знаний в электронике, которых у меня не было, не потребовалось. Достаточно оказалось простой логики. Раз преобразователь не хочет работать с полной нагрузкой, то её нужно увеличивать постепенно. Я последовательно с тензостанциями включил мощный регулируемый резистор, а после включения плавно уменьшал сопротивление резистора до нуля, для страховки шунтируя резистор включением тумблера. Преобразователь продолжал устойчиво работать.

Пробная поездка в составе эшелона. Отработка системы команд вперёдсмотрящего в кабине тепловоза. У нас для этого были танковые шлемофоны. Кодировка на ленте осциллографа этих команд, чтобы позже можно было разобраться, на каком участке пути сделана запись. Распределили обязанности между инженерами, и работа пошла. Всё это почти без участия нашего руководителя.

С рабочими было сложнее. Во время движения рабочие отдыхали. А на конечных пунктах приходилось поработать им тоже. Это, прежде всего, прояска, промывка, закрепление фотоленты, её окончательная промывка и сушка. Работа с фотохимикатами. Заправка в кассеты новой фотоленты. Обязательная маркировка просушенных фотолент (маркировку делал инженер). Кроме фотодел работа с аккумуляторами. И ещё всякие мелочи, вроде сматывания кабеля, соединяющего тепловоз с нашим вагоном, который мог оказаться и в конце состава. Была ещё и постоянная работа по обслуживанию и зарядке аккумуляторов. Для этого нам в конечных пунктах установили на столбах розетки с тремя фазами.

Очень часто возникали трения, кому и что нужно делать. Чаще всего приходилось воспитывать рабочий класс мне, хотя никаких руководящих полномочий у меня не было. Уже забылось, как обрабатывалась после нашего возвращения гора привезённых нами осциллограмм.

Ребята потихоньку продолжали выпивать, и тут воспитательная работа была бесполезна. Даже женщин почти никто не искал. Один молодой рабочий нашёл себе девушку. При этом дома его ожидала невеста, и был определён день свадьбы. Когда его спросили – как это сочетается, он заявил, что и после свадьбы будет бегать по женщинам. При этом душа у него была широкая. Ему в шутку сказали, что я тоже хочу познакомиться с какой-нибудь женщиной, и он предложил поделиться со мной своей девушкой. Так что в плане воспитания советского человека работы в стране был непочатый край.

Однажды я не обнаружил в кармане своего бумажника. Поиски не дали результата. Чужих людей в нашем вагоне не было. Денег, к счастью, в бумажнике было мало, но там был паспорт и что-то ещё. Присутствие без паспорта в пограничной зоне могло обернуться для меня серьёзной проблемой. Бумажник мне подбросили в купе через несколько дней, но без денег. Обидно, конечно, было. Всё написанное коротко, только по этой командировке, наглядно показывает общую ситуацию в лаборатории П. М. Ходоса в целом.

Утомил я читателя техническими и организационными проблемами. А ведь мы волею случая оказались на очень красивом острове. К сожалению, большинство ребят эта красота не очень трогала.

Южно-Сахалинск остался в памяти симпатичным и чистым городом с разнообразной архитектурой и без высотных зданий. Район железнодорожных мастерских, где мы базировались, был пыльным и дымным. Основным движущим средством на железной дороге оставался паровоз.

В некотором удалении от города круто вверх поднимались две высоких сопки с росшим на них красивым лесом. В 1968 году на этих сопках уже работала турбаза «Горный воздух», и было даже два трамплина для прыжков на

лыжах. Высота сопки около 800 метров. Впоследствии инфраструктуру этого спортивного комплекса развили до уровня проведения зимних международных соревнований.

При японцах практически весь лес юга острова был вырублен подчистую, а две сопки оставили нетронутыми, как место для отдыха губернатора и его приближённых. В самом городе Тоёхара (современный Южно-Сахалинск) было построено много красивых зданий. К сожалению, и при советской власти на Сахалине к природе относились потребительски.

Из автореферата С. М. Первухина: «Природные ресурсы прибрежной зоны острова Сахалин».

«Анализ природопользования и пограничных с ним процессов показал, что:

1. На Сахалине на протяжении 140 лет применялась потребительская модель природопользования, характеризующаяся варварским и бесконтрольным изъятием природных полезностей, для удовлетворения как личных, так и государственных потребностей;

2. Во все периоды Сахалин рассматривался как сырьевой регион. Колониальная политика проводилась без учёта основных экологических особенностей и была направлена на добычу лесных, топливно-энергетических и водно-биологических ресурсов;

3. Система управления природными ресурсами во все периоды советской колонизации имела ведомственно-отраслевой подход, не учитывая взаимосвязанные интересы отраслей экономики, социальные интересы населения и состояния экосистем;

4. Нерациональное природопользование привело к деградации большей части экосистем, которые никогда не смогут восстановиться до пределов прежней продуктивности».

В один из выходных, второго мая, предлагаю ребятам подняться на сопку. Согласился пойти со мной Феликс Белый. Из моего письма домой: «Поднялись легко на вершину сопки. Солнце, ели, скалы, снег. Тишина. Пообедали, улеглись отдыхать и заснули. Проснулись через три часа. А спускались мы уже с другой стороны сопки». Спали мы на выданных нам очень качественных

меховых куртках. При подъёме и спуске удивило обилие непривычных нам

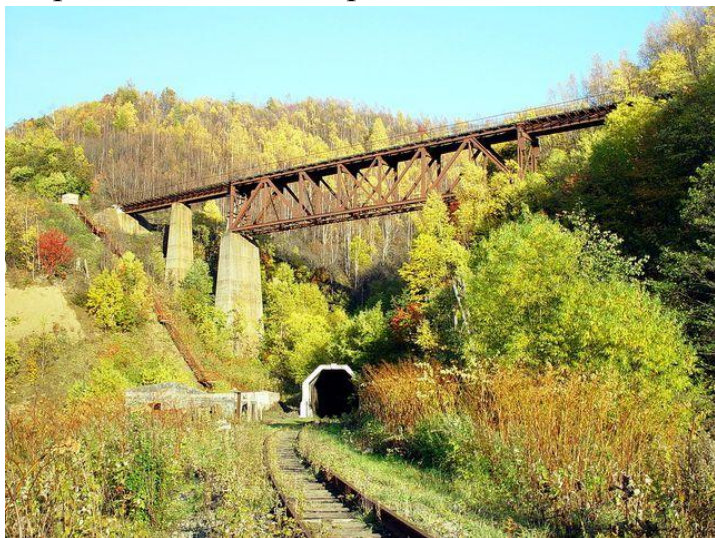

цветов. Ещё таял наверху оставшийся снег, и склоны были пропитаны влагой. А ближе к вершине было много стелящегося по земле кедрового стланика. На

вершину поднялся ещё один мужчина с крупной овчаркой. Собаке в веко впился клещ, и, пока хозяин извлекал этого клеща, собака терпеливо ждала, не протестуя. Очень часто я вспоминаю этот эпизод.

Потом Феликс предложил поехать с ним в город Холмск – составить ему компанию. Я без колебаний согласился. Холмск один из крупных портов на острове. Железная дорога вначале 15 км идёт на север, а потом поворачивает на

запад, делая при этом много виражей. Поезду приходится преодолевать несколько хребтов, тянувшихся с юга на север. Хорошо, что перепад высот при этом небольшой. В одном месте поезд проходит через два тоннеля, плавно набирая при этом высоту, а затем, развернувшись, проходит над одним из тоннелей по мосту на высоте 38-и метров. При хорошей погоде взгляду открываются замечательные

пейзажи.

Поводом для этой поездки, как и у меня в Хабаровске, был поиск родственников жены Феликса. От её дяди не было весточек почти тридцать лет. Знали только, что до войны он плавал матросом на торговом флоте и жил на Сахалине. В Горсправке Феликсу дали адрес в Холмске. И, как ни странно, но по этому адресу мы дядю нашли. Встреча была радостной, а, главное, явилась поводом для скромного застолья, но с большим количеством водки. Я немного посидел за столом, послушал рассказы о том, как они во время войны ходили на кораблях в Америку за американской помощью и т. д. А потом долго бродил по берегу Татарского пролива, который к татарам никакого отношения не имеет. В море не плавал, поскольку не взял с собой гидрокостюма. А моря вокруг острова и летом достаточно холодные. Утром мы позавтракали, выпив на

посошок, и поехали в Южно-Сахалинск. В народе его сокращённо называли – Южный.

Южно-Сахалинск находится почти в центре наиболее широкого места южного Сахалина. Мы пока работали в режиме подготовки к испытаниям, а мне хотелось все-таки поплавать и понырять в прозрачной воде. По хорошей дороге до Анивского залива добираться 30 км, и я решил к нему съездить. Не помню, кто мне составил компанию. Я положил в рюкзак своё снаряжение, и мы на рейсовом автобусе поехали на юг в сторону залива. Пейзаж из окна не радовал. Совершенно безлесная земля, где часто бывают пылевые бури. Как только показался залив, который внедряется с юга в остров на 90 км, а ширина до 100 км, мы вышли из автобуса на первой остановке, и пошли к воде. У меня никакой конкретной цели не было, просто хотелось поплавать с маской в более прозрачной воде, чем в Чёрном море. Подошли к воде, выбрали удобное место, и я стал одевать гидрокостюм. Дело привычное и через десять минут иду в воду. Костюм сухого типа, т. е. теплоизоляция в нём достигается теплоизоляционными свойствами одетой под костюмом одежды. А температура воды не выше 10-ти градусов. И это несмотря на начало лета, мелководность залива и удалённость его от пролива Лаперуза.

Вода, действительно, более прозрачна, чем в Чёрном море, но я ожидал большего. Живности почти нет – изредка мелькают на предделе видимости рыбёшки среднего размера. А хотелось увидеть хотя бы дальневосточного краба. Но зато дно полностью закрыто живым ковром морской капусты. Почему её назвали капустой? Наверное, потому, что капуста очень хороша в салатах и полезна. Большинство людей, даже покупающие морскую капусту в баночках, не представляют её красоты в море. Это – листья, в сечении, как у домашнего фикуса, только длиной до 25 и более метров. Питательные вещества она усваивает через поверхность листа, а корешки (ризоиды) закрепляются за камни, чтобы не унесло течением. Поэтому колышущийся подводный ковёр выглядит как причёсанный огромным гребнем. Растёт капуста на глубине до четырёх метров. Ей нужно много солнца.

Я с большим трудом оторвал один лист от камня и вытащил его на берег,

чтобы показать товарищу. Он действительно имел длину больше 20-ти метров и 10 сантиметров в ширину. А дальше к нам подошли вооружённые солдаты в зелёных фуражках. Мы совсем забыли, что находимся в пограничной зоне. Мы даже забыли взять с собой паспорта и разрешение для присутствия на острове. Оказывается, что мы расположились в прямой видимости пограничного

поста. Ребята, понаблюдав за нами, сразу поняли, что мы не диверсанты. Но служба обязывает. А тут ещё и паспортов нет. Нас отправили на уазике в город Корсаков к вышестоящему начальству. Оттуда, выслушав нас, позвонили на вокзал в Южно-Сахалинск и пряснули ситуацию. Задали мы людям работу. Провели с нами разъяснительную беседу и отпустили. Время шло к вечеру, и мы даже не посмотрели толком город Корсаков. Нашли автобусную станцию и поехали ночевать в свой купейный вагон.

Командировка у нас на три месяца – с 26 марта по 26 июня. Испытательные поездки начались только в начале июня. Повлияла наша длительная подготовка, а потом задержки у наших коллег из Кременчуга, которые испытывали свой вагон. Программа замены подвижного состава на Сахалине решалась комплексно. А руководство железной дороги решило (из экономии), чтобы мы ездили вместе.

Маршрут от Южно-Сахалинска до станции Стародубское проложен между сопок, а дальше – до конечного для нас посёлка Взморье – по берегу Охотского моря. 50 км – сопки и 50 км – море. Посёлок Взморье находится в наиболее узкой части южной половины острова. Чем занимались жители посёлка, не знаю, но в тупике, где мы стояли перед обратной дорогой, лежала огромная гора сосновых брёвен.

Как только появилось свободное время, мы сразу пошли к морю. Из окна вагона во время движения море, больше похожее на карте на океан, выглядело как любое другое море. Когда стоишь на берегу, сразу видны отличия. Море

холодное, и видны следы приливов и отливов. Мы однажды попали на берег в максимальный отлив. Море отошло от берега порядка ста метров. Пока мы рассматривали дары моря, оставленные им на песке – всякие ракушки, морские звёзды, начался прилив, и нам пришлось даже бежать от быстро приближающейся воды.

Красивый Сахалин.

Я понял, что плавание в таком море, при моём снаряжении, не имеет смысла. Но мне повезло. Японцы в этом посёлке занимались на лодках прибрежным ловом рыбы и сделали из бетона хорошую стоянку для лодок. Такой прямоугольник 25 на 50 метров. С одной стороны был оставлен проход для лодок, а с другой стороны пролом от взрыва снаряда – след войны. По прямому назначению сооружение давно не использовалось, и море навело в нём свой порядок – частично занесло песком. Поэтому глубина внутри сооружения

была от 1,5 до 2-х метров. Маленький прибор перегонял воду в проломе, заставляя её пульсировать. Смена воды внутри сооружения маленькая, и поэтому вода теплее, чем в море. Такой своеобразный бассейн с подогревой водой.

В этом бассейне я два раза плавал. Во второй раз даже попробовал ловить рыбу прямо руками за неимением гарпуна. Прозрачность воды прекрасная. Рыбе, похоже, тоже нравилась подогретая вода, и её в бассейне было много. Большинство навага и достаточно крупная. Навагу местные жители не ловили, предпочитая часами забрасывать спиннинг в море, пытаясь поймать какого-нибудь хищника. Навагой иногда кормили домашнюю живность. Мои товарищи раздобыли рыболовные крючки и немного лески. На крючок насаживали мясо черепашек, которыми была облеплена стена бассейна. Больше всего наваги плавало в проломе. Там пульсирующая вода поднимала много корма для неё. Вот ребята и подсовывали рыбе крючок с наживкой прямо ко рту. Отдельные рыбы соблазнились на явный обман и становились добычей.

Я в костюме, с избыточным весом дополнительного груза, чтобы не тратить силы на погружение, медленно плывя, исследовал дно, покрытое водорослями. Таким образом, я обнаружил и поймал двух полосатых рыб с большими, колючими шипами. Один шип проколол мне не только резиновую перчатку, но и палец, который болел, целую неделю. Поймал ещё двух рыб без шипов. Потом увидел рыбу больше похожую на змею. С опаской, но поймал её тоже. Каждую пойманную рыбу я передавал ребятам из рук в руки. Увлёкшись такой ловлей, забыл о холодной воде, а когда мне холод напомнил об этом, я увидел в зарослях очень крупную рыбу на 2,5 кг. Она рылась ртом в песке, не обращая на меня никакого внимания. Похоже, кроме нас, рыбу никто в этом бассейне не тревожил. Понимая, что мне такую рыбу руками не удержать, я попробовал это сделать. Всплыл, проделал гипервентиляцию лёгких, спокойно опустился на дно. Рыба продолжала оставаться на прежнем месте. Мне даже показалось, что она не живая. Медленно завожу руки с двух сторон в районе грудных плавников и крепко хватаю рыбу. Вот тут она мне показала, кто в воде хозяин. Рыба не только легко освободилась от моих объятий, но ещё укусила меня за палец, но не прокусила. А потом снова занялась своим делом. Больше я её не трогал, да и холод заставлял заканчивать эти игры.

Общий улов оказался больше половины ведра, и было уже поздно. Жалко было оставлять рыбу до утра без холодильника. Нашёлся ещё один желающий заняться ухой, и мы часа два провозились с ней. Спор произошёл только насчёт съедобности рыбы похожей на змею. Когда её разрезали, мясо оказалось с зелёным оттенком. Она тоже пошла в уху. Есть уху так поздно уже не хотелось. Ведро, полное ухи, накрыли крышкой и аккуратно поставили в уголке, чтобы его утром случайно не перевернули. Когда утром я пришёл в вагон-лабораторию, то не увидел ведра там, где мы его оставили. Спросил об ухе у парня, который пришёл раньше меня. Он сказал, что вылил его, потому, что она плохо пахла. Я не поверил и попросил показать, куда он её вылил. Действительно, уха была выплеснута им прямо из тамбура вагона на кучу

брёвен. Подтверждением были куры, сбежавшиеся со всего посёлка и клевавшие рыбу.

Заключительный этап командировки – возвращение домой. Оказалось, что взять билеты на самолёт, даже за две недели, почти нереально. Огромное количество островитян летом желала попасть в европейскую часть страны. Этому способствовала и ценовая политика советского государства. Мне очень хотелось посмотреть Владивосток, но никто составить мне компанию не согласился. Этот вариант действительно смахивал на авантюру. Улететь из Владивостока летом тоже сложно, а поездом, даже если сразу купить билеты, долго ехать, и гарантировано не уложиться в сроки командировки, а потом объясняться с Ходосом. С помощью ходатайства Сахалинской железной дороги мы улетели самолётом ИЛ-18 до Москвы, с двумя посадками. Полёт получился значительно длиннее, чем на ТУ-114, а шум и вибрация такой же. В Москву мы прилетели в аэропорт Быково вечером, с шумом в голове. Вылет в Жданов – утром, из этого аэропорта. Лето позволило немного отдохнуть прямо на лавочках. Вылетов ночью из этого аэропорта не было. Как только утром заработали турбины самолётов, шум в голове возник снова.

Запомнился после командировки маленький штрих. Когда меня мама кормила борщом, я просил, чтобы она в него не клала мясо – так много в столовых на Сахалине было мяса, и в первом и во втором блюде. Ассортимент блюд был маленький и поэтому мясо приходилось есть три раза в день. И когда мне многие рассказывают, как тяжело было с продуктами в командировках (особенно в центральной России), я удивляюсь. Как будто я жил, часто бывая в командировках в другой стране.

1965 – 1968 годы. Жизнь вне работы и увлечения.

К началу моей трудовой инженерной деятельности на ТЯЖМАШе Вита проработала половину года. Часть этого времени я тоже провёл в Жданове и знал некоторых новых её знакомых, а Вита познакомилась с моими друзьями. Жили мы в моём родительском доме, который не изменился со дня моего рождения. Ещё до моего поступления в институт, при жизни папы и активном участии Бори, было решено построить на нашем участке более современный дом, и даже была закуплена часть строительных материалов. Моя учёба в Харькове и смерть папы отодвинули эти планы до моего возвращения домой после учёбы. А вернулся я домой с совершенно другими мыслями. Бурная и очень интересная студенческая жизнь расширила мой кругозор, и у меня появилось убеждение, что тратить почти всё свободное и достаточно длительное время на постройку дома не для меня. Длительное время, поскольку зарплаты молодых специалистов очень скромные, позволяли жить и растить ребёнка, но не быстро строить дома. Вита была согласна со мной.

Нам, как молодым специалистам, была положена государственная квартира, которую тоже не торопились преподнести на «блюдечке с голубой каёмочкой».

А я ещё от природы не очень любил в таких случаях суетиться. Маме я о своём мировоззрении сообщил и она, как обычно, отнеслась к этому с пониманием.

Почти сразу после устройства на работу я пошёл в городской Морской клуб и узнал, что там существует спортивная секция подводного плавания. Я и сейчас не знаю основное назначение городского Морского клуба. А руководитель секции подводного плавания должен был заниматься подготовкой команды для участия в соревнованиях по подводному многоборью. Из штатных работников клуба за подготовку команды отвечал человек с интересной фамилией Братишка. Он явно обрадовался моему появлению. Из предыдущего состава команды остался один руководитель, и тот появлялся очень редко. Я с ним позже виделся мельком два раза, но так и не понял суть его требований к руководству Морского клуба. А что хотел я? Возможно, некоторого продолжения студенческой жизни в свободное от работы время. Жизнь быстро показала, что любым делом нужно заниматься всерьёз и надолго. Подводный спорт был в начале своего развития, и я как руководитель тоже.

«В начале своего развития программа соревнований в подводном спорте строилась по принципу подводного многоборья: плавание в ластах, ныряние в длину на скорость, подводное ориентирование и подводная работа».

Первая задача – набор людей, вторая – материальная база и третья – условия для тренировок. С людьми вопрос решился быстро. Объявления в

местных газетах и моя агитация в городском металлургическом техникуме дали результат. Сказалась и экзотика подводного плавания. Стали подходить ребята и даже девушки. Материальная база некоторая была, но она больше годилась для

выполнения несложных подводных работ, чем для подготовки спортсменов. Были акваланги, сухие гидрокостюмы, тёплое шерстяное бельё. Выделялась грузовая машина для поездок на ближайшие водоёмы. Был компрессор, побывавший на фронте и списанный из армии. Ласты, маски и трубки приобретались индивидуально. Хороших ласт для спорта

практически ещё не производилось. И, самое главное, что при наличии моря в Жданове не было нормального водоёма для занятий

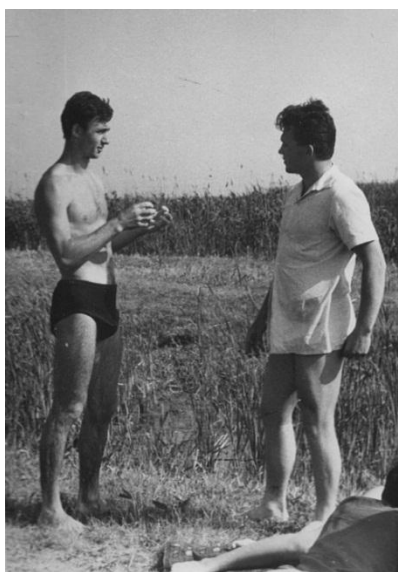

спортсменов-подводников. И инструктор из меня был слабый, как, впрочем, и спортсмен. Но меня всё это не смущало, да

и такого глубокого анализа я не делал. Сама целенаправленная работа с молодыми ребятами, выезды на природу, тренировочные нагрузки приносили достаточное удовлетворение.

Я и Володя Сударев.

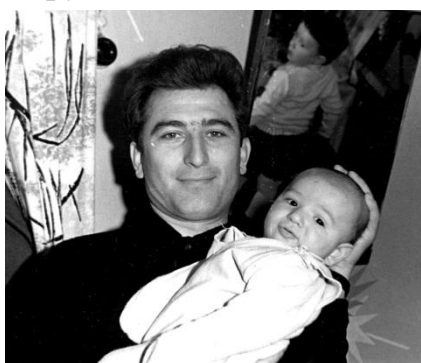
Школьная подруга Виты Женя Гайдар.

Заботы с созданием спортивной команды не мешали нашей семейной жизни. Мы бывали в кино, у друзей на днях рождения. Вита хорошо общалась и с моей мамой, и с семьёй сестры Рони. Хорошие у неё были отношения и с коллегами по работе. Однажды, ещё в начале трудовой деятельности, она оживлённо рассказала, придя с работы, о новой

сотруднице Фильзе – очень симпатичной женщине, татарке по национальности.

Немного позже я познакомился с мужем Фильзы Володей, который быстро примкнул к нашему коллективу подводных пловцов.

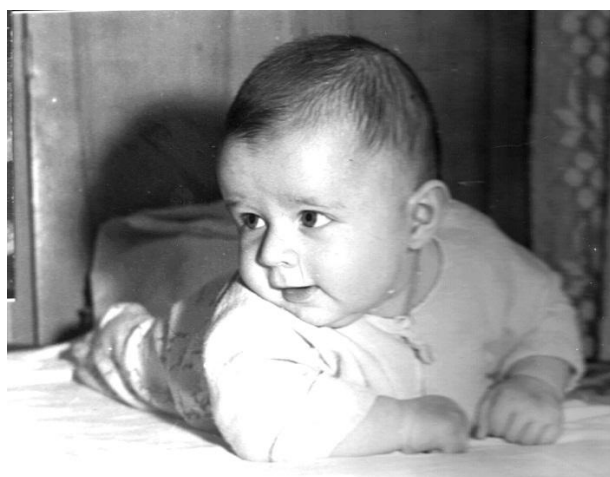
Создал свою семью мой друг Гена Шабанов, а немного позже и Лёня Орловский. Вот только, если у Гены жена Таня оказалась замечательным человеком и, соответственно, они смогли родить и воспитать двух замечательных сыновей, то у Лёни всё пошло как-то наперекосяк. И семья быстро распалась, и Лёня рано ушёл из жизни, а впоследствии и сын погиб в какой-то разборке. Хотя Гена Шабанов много сделал, чтобы сын Лёни стал нормальным человеком.

Приближалось время предродового отпуска. Длительность отпуска в то время была два месяца до родов и ещё два месяца после родов. У Виты было желание поехать рожать в Харьков, поближе к своей маме, и, как почти через 50 лет выяснилось, не только поэтому. Оставались в её душе сомнения, что в нашем союзе с моей стороны присутствует настоящая любовь. В моей ответственности она не сомневалась. Вот и решила устроить мне дополнительный срок проверки на четыре месяца. Прожив большую часть жизни, я в похожих ситуациях наблюдал другую картину. Обычно женщина, чтобы удержать мужа, старалась побыстрее родить ребёнка, а иногда и не одного. Но у каждой семьи свои особенности.

Родильный дом, в котором 24 декабря 1941 года родилась Вита, а 13 декабря 1965 года родился наш сын Слава.

Сын родился 13 декабря 1965 года, немного позже моих расчётов, не дождавшись дня рождения своей мамы – 24 декабря. Судя по сохранившимся письмам, моя мама, получив две телеграммы о таком событии, вышла к трамваю, чтобы меня обрадовать, и ждала там два часа. В телеграмме от Виты было написано: «Генка, получай сына». Она даже легко согласилась назвать

сына Славкой – именем моего первого друга. Возвращались мы из Харькова в Жданов все вместе к концу послеродового отпуска, оставив сомнения в прочности нашей семьи. А моя мама постаралась, насколько это было возможно, привести наш домик в порядок к приезду нового человека.

Пишу, и меня не покидает мысль, что при нашем тогда скромном материальном достатке все мысли и дела были насыщены духовностью и определялись жизнью.

Торжественный и волнующий момент – рождение первенца! Все поздравляют. На работе вывесили плакат с простеньким стишком:

«Родился Славка у

*Марачи, мы
поздравляем от души!
Не обижайся, что не
дочка, мальчишки
тоже хороши!*

*Остановка за
дочерью»!!!* Не прошло и 9 лет, как появилась дочь. Вот только детям приходится жить совсем в другом обществе.

Бабушки Муся и

Шура с любимым внуком.

Поздравили большим посланием Толя Семенцов из Красноярска, Юра Пестов из

Смоленска, который написал, что по древнему русскому обычаю, я должен жене поклониться в ноги, за сына.

Первое знакомство с Оксаной.

Толя Семенцов нашёл возможность в январе, будучи в командировке в Москве, заглянуть к Вите в Харьков, а потом ко мне в Жданов. Это был единственный случай, когда он видел нашего сына (в возрасте одного месяца). Интересен был момент появления его на водной станции, когда мы в гидрокостюмах проводили тренировку в зимнем море.

Наиболее сложный период с ребёнком, когда Вита в марте 1966 года вышла на работу. Славик часто просыпался по ночам. Я пытался помогать Вите, но после того как успокаивал ребёнка, сам уже заснуть не мог. Постепенно Вита стала ночью обходиться без моей помощи. Днём все заботы с внуком ложились на бабушку. Но радости от растущего ребёнка запомнились больше трудностей. Сейчас трудно разложить все события 1966 года по полочкам.

Как-то Роня привезла мне из Москвы новые ласты. Они были уже лучше продуманы, но ещё далеки от идеала. Мне не терпелось попробовать их в воде.

На майские праздники я и ещё несколько поселковых ребят на велосипедах поехали на бакаи. Воздух почти летней температуры, а вода ещё прохладная. Я надеваю на себя свитер для теплозащиты и иду в воду испытывать ласты. Простого плавания мне показалось мало, и я несколько раз ныряю. Чувствую сильное охлаждение, особенно головы, и выхожу на берег. Чтобы согреться сажусь на велосипед и начинаю наматывать круги. Тело быстро согревается, а в голове боль и ощущение сжатости. Так подвела меня поговорка А. В. Суворова: «Ноги держи в тепле, а голову в холоде». Слишком упрощённо я её понимал. Последствия такого необдуманного поступка остались у меня на всю жизнь. Особенно голова побаливала и реагировала на любое охлаждение первые два года. Думаю, что я ещё легко отделался.

Я продолжал руководить секцией подводного плавания. С наступлением весны мы стали выезжать на городское водохранилище, образованное плотиной на реке Кальчик. Это были интересные поездки на природу. Мы плавали в ластах по поверхности, в гидрокостюмах погружались на глубину, ловили большое количество раков. Но в спортивном плане толку от наших поездок было мало. Когда мы на мелком месте проложили на глубине около одного метра верёвку, с разметкой через метр, и стали нырять в ластах в длину сорокаметровую дистанцию, то оказалось, что лучшие из нас могли пронырнуть не более 30-ти метров. А ведь нужно 40 метров и на время. Возле нас остановились мужчина с девушкой, посмотрели наши ныряния и попробовали сами нырнуть. Время, возможно, было не рекордным, но ведь он спокойно проныривал 40 метров. Девушка тоже имела навыки лучше, чем у наших девчат. В общем, поехали они с нами летом на соревнования в город Севастополь. Нам тоже стала понятна наша тактическая ошибка при нырянии.

Мы со старта начинали очень активно работать ластами, и запас воздуха в лёгких для дыхания быстро заканчивался. А правильная работа ластами в спокойном ритме сразу дала результат. Мы стали уверенно проныривать до 50-ти метров, постепенно увеличивая скорость.

Вита часто присутствует на тренировках.

Были изготовлены два акваплана. Это рамка из дюралюминиевого листа с ручками, которую держат руками перед собой при плавании с аквалангом под водой. На акваплане установлены авиационный компас и самодельный лаг. Компас для определения направления движения под водой, а лаг для определения пройденного пути.

Всё это нужно для ориентирования под водой – наиболее сложная и интересная в техническом плане часть соревнований в подводном многоборье. Его суть. На водной акватории устанавливаются на якорях около пяти буйков. С помощью геодезических инструментов измеряют азимуты и расстояния между буйками. Эти данные вывешиваются на стенде вместе с последовательностью прохождения буйков. Соревнующийся с места старта уходит под воду и

проходит в указанной последовательности весь маршрут, дёргая найденные буйки, не показываясь при этом на поверхности. Не буду описывать все тонкости этого вида соревнований.

Плавание в ластах по поверхности на 1000 метров не требует особых пояснений. О нырянии под водой в длину я уже написал. А подводная работа, как я запомнил, заключалась в парном нырянии на глубину и перепиливании там ножовкой по металлу стального прутка. В лодке судей к концу соревнований собиралось много перепиленных прутков.

Летом наша команда с группой поддержки отправилась на соревнования в город-герой Севастополь. С нами, кроме молодых ребят и девчат, поехали (тоже ещё молодые) Володя Сударев и Жора Зурнаджи. Взял я с нами и подругу Виты Женю Гайдар, которая в это время проходила в Жданове практику. И, конечно, руководитель поездки от клуба Братишка с сыном подростком и водитель грузовика ЗИЛ-150. На буксире у автомобиля катился компрессор, который перед поездкой я, Жора и Володя долго доводили до ума.

Лицом к нам Жора Зурнаджи.

В молодости такая некомфортная поездка (по сегодняшним оценкам) из Жданова в Севастополь была для нас очень интересной и полна приключений. Чего стоил только входящий в резонанс при движении на определённых скоростях компрессор. Пришлось уменьшать люфты в его управлении (компрессор всё-таки «участник войны») забиванием в щели досок. Их приходилось часто менять. Спали мы на полу кузова. Жора периодически заменял водителя.

Ехали мы с некоторым запасом времени, и поэтому Братишка решил остановиться на пустынном берегу Чёрного моря для отдыха (у нас были палатки), чтобы мы могли спокойно понырять в прозрачном море (по сравнению с Азовским). Запомнился маленький курьёз. Володя первым пошёл в воду, а через некоторое время ушёл под воду и я. Мы погружались без верхней страховки, и поэтому я не знал, где на данный момент находится Володя. Спокойно плыву в толще воды. Дно далеко внизу – в Чёрном море глубина большая уже недалеко от берега. И вдруг вижу внизу Володю. В воде пока нет ничего интересного, и я сверху быстро приближаюсь к нему. Он, поскольку не видел моего приближения, вздрагивает и поворачивается ко мне. Я вижу, что это не Володя. Чтобы выйти из неловкого положения, протягиваю ему руку. Он пожимает её, не узнавая меня, и мы расходимся в разные стороны. Володя выходит на берег раньше меня, и рассказывает, как его напугал непонятно откуда взявшийся чужой аквалангист да ещё надумал здороваться.

Соревнования наши прошли без особых приключений. Морской клуб поставил галочку в своей отчётности. Но могло быть иначе. Моё слабое место в многоборье – это плавание в ластах, и мы решили пустить на дистанцию молодого парня Гришу вместо меня.

Дистанция 1000 метров набирается плаванием с поворотом вокруг буйка, расстояние до которого 100 метров. При каждом развороте у старта плывущий спортсмен называет судьё свою фамилию. Вот Гриша и назвал свою фамилию вместо моей. К счастью, судья не заподозрил обман и, не обнаружив такой фамилии в списке, переспросил. Гриша, увидев наши физиономии, второй раз назвал нужную фамилию.

Все расходы, связанные с соревнованиями оплачивал Морской клуб. Нам в клубе выдали официальный документ для предъявления по месту работы с просьбой освободить от работы на время соревнований (без оплаты). В этот раз П. М. Ходос, задав мне несколько вопросов, подписал этот документ, но было видно, что ему такой прецедент не нравится. Через год, когда я пришёл к нему с таким документом, он категорически отказался его подписывать, попытавшись обосновать свой отказ. Это при том, что мы могли по месяцу быть без конкретной работы. А самосовершенствование тоже должно чем-то подпитываться.

Приятной неожиданностью было участие в соревнованиях команды из моего родного ХПИ во главе с Лёней Переваловым.

Немного глубже я стал узнавать Володю Сударева. В дальнейшей жизни я с ним очень близко соприкасался сорок лет. Были за это время и серьёзные конфликты, при обоюдной тяге друг к другу. Он был очень широкой души человек, и при этом мы были разными. Свободный день перед соревнованиями, и большинству ребят захотелось побродить по Севастополю. В лагере остаёмся мы с Володей. Приближается время возвращения ребят, и я предлагаю Володе что-нибудь сварить к их приходу. Молодые ребята всегда немного голодные. Ответ Володи: «Ещё чего, они там развлекаются...». Пришлось самому варить кашу.

В 1966 году ещё была моя первая командировка на Байконур. Так что большая часть нагрузки по уходу за растущим малышом продолжала оставаться на женщинах. А Славка становился всё интереснее.

Дальнейшие события в нашей семье происходили приблизительно в таком порядке. Поскольку мы однозначно решили не связываться с обустройством родительского дома, маме ничего другого не оставалось, кроме его продажи. К

этому времени в стране было принято решение строительства кооперативного жилья в городах. До этого в городах работающим людям выделялись бесплатные квартиры, а, вернее, оплаченные трудом всех трудящихся страны. В сельской местности и рабочих посёлках преобладало жильё, построенное самими людьми на выделяемой государством земле. Это была частная собственность, которую человек мог спокойно продать. Нужно отметить, что квартиры, выделенные государством, практически тоже находились в собственности людей, которым они были выделены. Их только нельзя было продать, а вот совершить обмен, оставить наследникам, можно было без проблем. На строительство домов выделялись денежные ссуды, часто беспроцентные. Земля под домом тоже была бесплатной.

На деньги от продажи дома и остатка материалов для строительства нового дома решили купить маме квартиру в кооперативном доме. А я и Вита на некоторое время сняли рядом с заводом что-то вроде летней кухни. Площадь этого сооружения 9 квадратных метров. Один кв. метр занимала плита. Мы переехали туда осенью 1966 года с минимальным количеством имущества, но с дровами и углём. Славку на этот период отправили в Харьков к бабушке и дедушке.

Конечно, маме с ускорением покупки кооперативной однокомнатной квартиры помог Боря, как и в следующем 1967 году он помог и в получении полагавшейся нам квартиры – на проспекте Metallургов. Однокомнатная угловая квартира на пятом этаже пятиэтажного дома. Вода на пятый этаж иногда приходила только по ночам, а летом прогретая солнцем крыша создавала в комнате эффект парной. Но это было в 1967 году.

А пока мы живём в снятой нами клетушке и даже некоторое время бегаем с Витой по утрам в парк им. Петровского на утреннюю зарядку. Плиту мы, к счастью, не топили. У хозяина это помещение запитано мимо счётчика, и поэтому за электроэнергию он с нас денег не берёт. Я на вводе электропитания установил проверенный автоматический выключатель, и мы обогревались двухкомфорной электроплиткой. Мы даже при поездке в Харьков оставили включённой плитку, приняв дополнительные меры предосторожности. А на Новый год у нас стояла ёлка.

Радости мамы и сына, а Гена Шабанов пока тренируется со Славкой.

В начале 1967 года мы привезли сына в новую однокомнатную кооперативную квартиру бабушки Шуры, и он начинает ходить (вернее – бабушка его носить) в свой первый коллектив – детские ясли. Славке один год и один месяц, но он уже достаточно тяжёл для бабушки в 61 год. Рационализатор папа, т. е. я,

ставлю коляску сына на детские лыжи и даже испытываю зимний вариант средства передвижения. В выходной день мы с сыном (в коляске) делаем марш-бросок по пересечённой местности. Коляска скользит на лыжах, по моему мнению, хорошо, и лыжи держатся крепко. Но для бабушки такой вариант тоже не подошёл. Она снова несёт Славку на руках. Встречный ветер, скользко, внук, капризная, наглотался холодного воздуха и получил своё первое воспаление лёгких. Вита с сыном лежит в больнице, где врачи лечат это воспаление. После выписки из больницы Славка отправлен на оздоровление в Харьков. Ещё относительно молодые бабушка и дедушка с удовольствием возьмётся с «золотым» внуком, и, будь их воля, они бы совсем не отдавали его нам – «бестолковым» родителям. Оказывается, растить ребёнка не просто.

Занятия в секции подводного плавания продолжают. Определился постоянный состав команды. И мы даже в конце зимы едем в город Краматорск на несколько дней для тренировок в бассейне. В Жданове

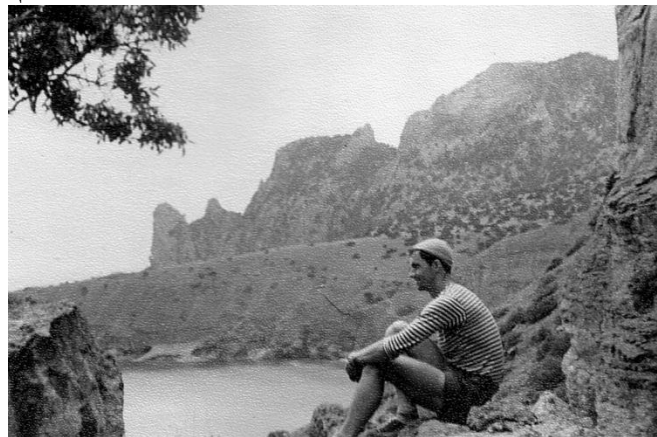
бассейна не было. У страны были ограниченные возможности и другие приоритеты. Считалось, что город у моря пока может обходиться без бассейна. Первый бассейн в городе начал работать в 1970 году, это год 100-летия со дня рождения В.И.

Ленина и год пятилетия нашего сына. Я даже успел позаниматься с сыном в этом бассейне, который находился в ста метрах от нашего дома. А несколько тренировок в бассейне г. Краматорска имели чисто символическое значение. Я начинаю понимать, что спортивная деятельность – это не моё призвание, но, как обязательный человек, продолжаю заниматься командой и её подготовкой к соревнованиям. А когда подходит время поездки на соревнования, и я прихожу к Ходосу с письмом для освобождения меня от работы на этот период, получаю категорический отказ. Можно было подключить «тяжёлую артиллерию», но я прекрасно понимал бессмысленность такого шага. Команда в этот раз поехала на соревнования без меня.

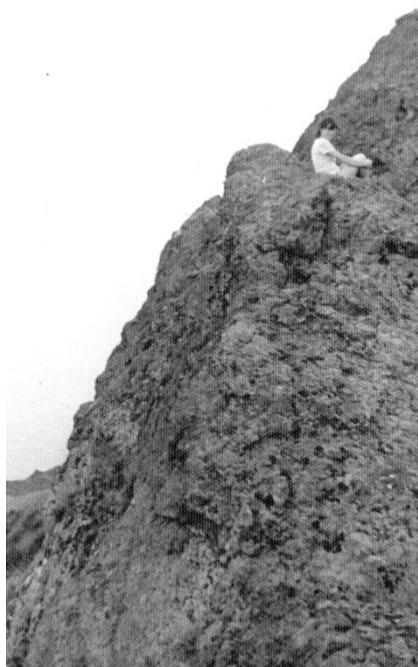
В июне 1967 года я и Вита получили свои первые отпуска и решили провести их вместе в Крыму с палаткой. Сыну полтора года, и он, окрепший после болезни, остаётся в Жданове с бабушкой

Шурой. Мы направляемся в район горного массива Кара-Даг, совершенно не опасаясь никаких злоумышленников. Для этого не было никаких оснований. Во

время институтских походов на Кавказ нам часто попадались туристы-одиночки, и это не вызывало удивления. Мы поднялись по тропе на гору со стороны посёлка Планерское. Тропа шла дальше по высокогорью, и мы даже понаблюдали за подъёмом альпинистов на природный столб высотой в несколько десятков метров. Дальше тропа пошла вниз, и через некоторое время мы спустились в Сердоликовую бухту. Вода в море была не выше +10

градусов. Кроме нас в ущелье и бухте никого не было. И даже тёк маленький ручей. Полная идиллия для двух молодых людей. Бухта образована с востока и запада крутыми высокими скалами. В центре бухта частично разделялась на две части упавшей сверху в далёкие времена большой скалой. Поверхность бухты

покрыта мелкой галькой.

Мы разбили палатку на террасе, находящейся над пляжем бухты на высоте 6-7 метров. Я сразу спустился в бухту осмотреться и определиться с

возможностью вернуться в Планерское вдоль берега. Очень не хотелось снова идти через гору. На первый взгляд такой возможности не было. Зато была красивая, без людей бухта. Я, поднявшись к палатке, стал убеждать Виту спуститься к пляжу, посмотреть пляж и бухту. Но когда она увидела крутизну спуска, то наотрез отказалась спускаться. Сделанная мною из подручных средств верёвка для страховки, её тоже не убедила.

Мы даже поссорились. И я, чтобы успокоиться, решил подняться на скалу, чтобы сверху посмотреть на мыс, мешающий нам вернуться назад берегом моря. Плыть в такой холодной воде мы тоже не могли. Моя затея с подъёмом на скалу оказалась совершенно глупой. Прежде всего, с альпинистской стороны. Большая крутизна, маленькие зацепки, отсутствие снаряжения и никакой страховки. Даже Вита была далеко. Наверно такой подъём возможен для скалолаза-профессионала, но не значкиста. Я в плавках и кедах поднялся на десять метров вверх. Ближайшая зацепка для руки находилась достаточно далеко, а что дальше - совсем непонятно. И крутизна скалы не думала уменьшаться. Понял, что нужно

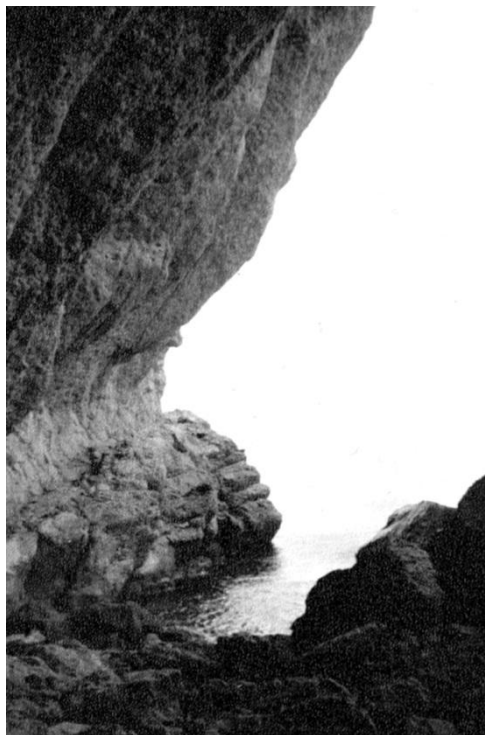
спускаться вниз. Я нахожусь в распластанном виде на скале, держась руками и ногами за выступы в 1,5-2 сантиметра. А скала, для Крыма, была очень прочным монолитом. И тут я совершил ещё одну грубую ошибку, которую совершают в горах и о которой я знал – спуск нужно выполнять по маршруту подъёма. Когда висишь на скале, зацепки внизу увидеть сложно, их нужно помнить. А тут сбоку я увидел две прекрасные зацепки и начал спускаться новым маршрутом. Спустившись на пару метров, я больше не смог ни увидеть, ни нащупать ногами, ни одной зацепки. Началась лёгкая паника. Оставшейся высоты в восемь метров вполне хватит, чтобы всё себе переломать при падении. Да и усталость от напряжения начала сказываться. Замер на скале и минут пять себя успокаивал.

Скала, которую мы обошли.

Вверх не стал подниматься – прежних зацепок я уже не помнил. Нащупал ногой на пределе возможностей зацепку и потихоньку спустился вниз. Немного отдохнул, и полностью придя в себя, поднялся к палатке. С Витой мы помирились, а о моём восхождении я рассказал ей на следующий день. Мы решили покинуть Кара-Даг. При холодном море даже в Сердоликовой бухте при наличии пресной воды оставаться было скучно. Я нашёл расщелину, по которой Вита, спустилась в бухту при моей страховке. А мыс мы обогнули, потихоньку передвигаясь вдоль скал, находя выступы у самой кромки воды, намочив только кеды.

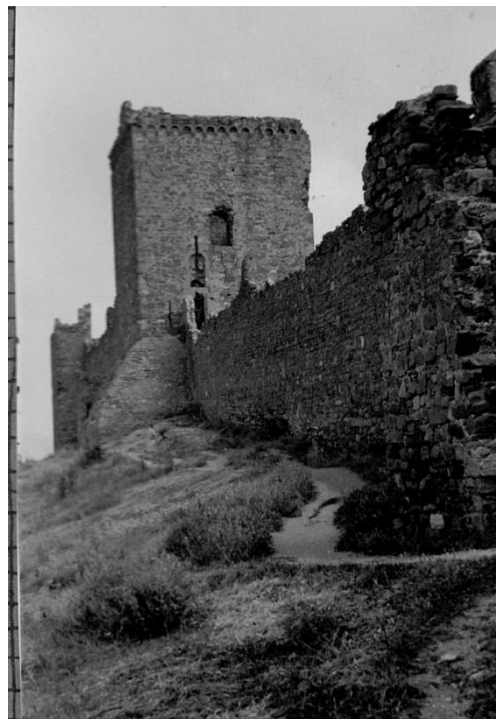

Из Планерского мы приехали в Судак, в котором бывали и раньше. Пристроились к экскурсантам и с удовольствием послушали рассказ о крепости и исторических событиях, связанных с ней.

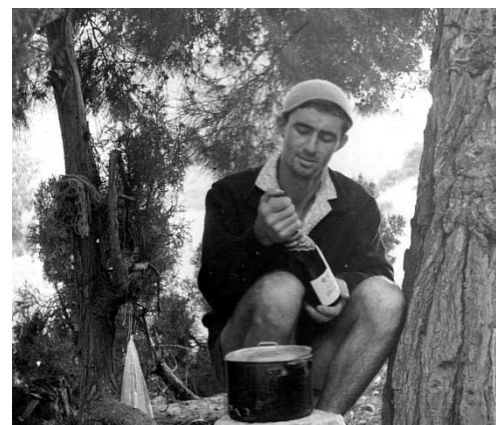
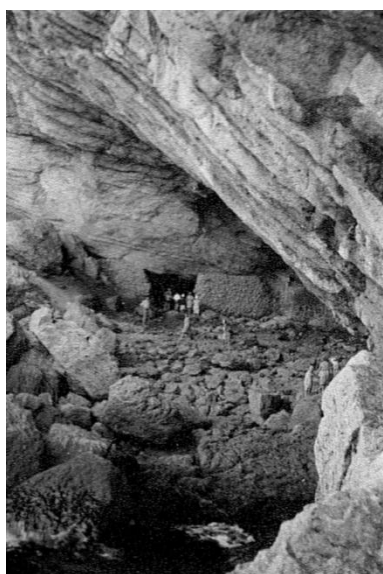

Заглянули мы и в Новый Свет. Тогда туда можно было свободно пройти.

Приютили свои рюкзаки и на этот раз прослушали от экскурсовода историю Нового Света. Потом купили в

неказистом магазинчике бутылку натурального Шампанского знаменитого завода и устроили маленький пир.

Сваренная молодая картошка со сливочным маслом, колбаса (в то время изготовленная по ГОСТу СССР), хлеб и Шампанское. И

этот пир проходил в охраняемой роще реликтовой сосны. Мы постарались никак ей не навредить.

Подошло время прибытия команды в Рабочий уголок – место проведения соревнований. Море потихоньку прогрелось, но для купания вода ещё оставалась холодной. И я уговорил Виту поехать в Рабочий уголок. Душа все-таки болела за дело, в которое мною был вложен труд. Команда была на месте, но соревнования не начинались из-за холодной воды. Моему появлению обрадовались и даже поставили на довольствие. Для Виты еда тоже нашлась. На следующий день температура воды поднялась до 18-ти градусов, и

соревнования объявили открытыми. Я не плавал в составе команды, но активно помогал ей в техническом плане. Причём так активно, что команду чуть не сняли с соревнований, а Братишка не рад был моему появлению.

Посёлок Коктебель.

Вид со стороны Карадага.

Я уже писал, что при ориентировании участникам выдают схему расположения буйков со всеми данными, снятыми

геодезическими приборами. Но есть очень простой метод без приборов получить такую схему с помощью двух планшетов на треногах, рулетки и акваплана с компасом. Сравнение двух схем придавало уверенности участникам соревнований. При небольших расхождениях можно было внести свои поправки в схему. А высшим пилотажем был замер течения в зоне соревнований, которое определялось дрейфом поплавка с грузом. Замерялось время прохождения поплавком определённого расстояния и направление его движения.

Эти полезные замеры требовали хорошей отработки и понимания членами команды, как их учесть при заплыве. А меня больше заставлял заниматься этим мой врождённый характер исследователя. На такие замеры по регламенту отводилось ограниченное время, а я замер скорости движения проводил после выделенного времени, да ещё в зоне буйков. В результате Братишка с трудом уговорил судей не снимать команду с соревнований. Хороший был человек Братишка. К сожалению, нет ни одного его изображения на фото. Вот и имя его я забыл, а его внешний облик вспоминается расплывчато, как при плавании под водой без маски.

После соревнований мы вместе с командой провели ещё один день в районе Нового Света. Остановились перед охраняемой зоной и прошлись с аквалангами под водой пока не закончился воздух. К сожалению, подводный мир в районе Нового Света почти ничем не отличался от привычного мира в районе Алушты. Надводные пейзажи более красивы. Посмотрели их ещё раз вместе с ребятами и сделали несколько снимков.

Вита в Новом Свете. Снимок Гриши.

Остаток отпуска я, Славка, Вита и племянник Игорь решили провести на «диком» берегу своего родного тёплого Азовского моря. Игорю в 1967 году было 13 лет, а Славке 1,5 года. Водитель Бори вывез нас в район Белосарайской косы, на берег моря, недалеко от последнего

пансионата. И мы провели там три дня. Удивительно спокойно мы жили. У нас и мысли не возникало, что нас могут обидеть. Палатка, пища на костре. Рыбалка на маленькой надувной лодке. Просто

игры в очень тёплой морской воде и никаких мобильных телефонов. Я и сейчас убеждён, что при нормальном жизнеустройстве государства, заботящемся о большинстве живущих в нём людей, обычным гражданам мобильники, айфоны, смартфоны и т. д. – не нужны.

Но в выходной день Роня и Боря решили нас проведать, и на этом наша жизнь Робинзонов закончилась. Начальство работники пансионата сразу узнали, и сразу наша жизнь стала цивилизованной. Нас переселили в деревянный домик пансионата.

Наш кривоножка.

Рабочий режим в это лето получился непривычно загруженным. Я уже писал о командировке в г. Таллин за приборами, а потом была командировка на Байконур. Возвращение оттуда совпало с приятным событием для нашей семьи – получением однокомнатной квартиры. Я немного ранее упомянул об этом. Нас даже переселили без меня. Своя квартира – это не просто приятное событие, это совсем другой уклад жизни. Вита сразу решила, что капитальную перегородку, построенную предыдущими жильцами, нужно убрать. Она была построена, чтобы из однокомнатной квартиры сделать двухкомнатную. Тяжёлые монолитные плиты я сбрасывал с балкона пятого этажа, а Вита внизу контролировала безопасность процесса. А потом я на тачке вывез эти плиты на ближайшую мусорную кучу. «Тачкой» современные «крутые» ребята называют свои автомобили иностранного производства. А после войны (и до неё) – это было основное техническое средство для перевозки грузов, особенно в городском частном секторе. Устройство тачки предельно простое. Два колеса из металла со спицами на одной оси. К середине оси приварена водопроводная труба, к концу которой приварена ручка. Сверху на

эту ходовую часть, между колёсами, закреплён деревянный ящик. Во время моего детства коза и тачка – главное богатство у людей, живших в частном секторе. С тачкой мне помог Володя Сударев. Много чего было сделано в квартире за мои четыре года проживания в ней. Вита и Славка прожили в ней на год больше. Обычная жизнь.

Славка в парке Петровского.

К нам стала чаще приезжать мама Виты. Скучала она без дочери и внука. Для нас это была реальная помощь, но и реальная напряжённость. Полностью мы

подружились только после переезда родителей Виты к нам на КАМАЗ в девяностые годы. Один раз родители приехали в Жданов вместе. По такому случаю Боря на машине устроил им экскурсию по городу. А вечером был торжественный ужин. Прогулялся и я с

тестем по нашему району. И мы даже заглянули с ним, как настоящие мужики, в придорожную пивнушку, хотя оба к пиву, а тем более вне дома, относились равнодушно.

Родители Виты, Боря и Лёня.

Расскажу только об одном моём конфликте с тещей. Вода на наш пятый этаж доходила иногда только ночью. Поэтому все старались иметь запас воды. Мы воду набирали в ванну. Но для этого нужно было не прозевать момент наполнения ванны. Я приспособил для этого датчик, который при определённом уровне воды в ванне включал наш дверной звонок. Кто раньше просыпался, шёл в ванну закрывать кран. Всё иногда ломается, и в одну ночь, когда у нас гостила мама, произошёл маленький потоп. Виноват оказался я. И это тоже обычная жизнь.

В 1968 году я уже не руководил секцией подводного плавания. Иногда заглядывал к ребятам как гость. Весна и часть лета этого года у меня прошли на Сахалине. В этой командировке я уже был необходим как специалист по измерениям. Вот только зарплата оставалась прежней. Работа мне нравилась – в ней был простор для творческой деятельности, и это меня устраивало. Стремления делать карьеру у меня не было, а у Виты тем более. И в дальнейшем моя трудовая деятельность на руководящих постах среднего уровня была вызвана производственной необходимостью.

Дальше моя жизнь на короткий период складывалась без моего желания. После возвращения из командировки на остров Сахалин через три месяца мне пришла повестка из военкомата. Меня по приказу министра обороны призывали, как офицера запаса, на два года для службы в Советскую Армию. Естественно, не только меня. Даже из нашей лаборатории ещё призывали Феликса Белого.

1968 –1970 годы. Служба в Советской Армии.

Как я отнёсся к неожиданно свалившейся перспективе службы в армии? Достаточно спокойно. Для меня всегда существовало понятие «надо», подкреплённое советским воспитанием. А в том, что оно в главной своей сути было правильным, у меня нет причин сомневаться и сегодня. Нелюбовь к суете, переданная мне по наследству от отца и, в малой степени, неудовлетворённость организацией работы в лаборатории тоже этому способствовали. Я даже не сразу рассказал о призыве в армию Боре. А когда он узнал об этом и предложил попробовать что-нибудь сделать, я наивно ответил: «Ведь приказ уже подписан министром обороны». Боря тогда работал первым секретарём горкома. В душе, (по-моему) он был мне благодарен за такой ответ. При своих возможностях Боря никогда не нарушал законность. У Феликса, как потом оказалось, дядя тоже работал в горкоме третьим секретарём. И несмотря на то, что Феликс по характеру был явно практичнее меня, мы вместе в конце октября вылетели в город Херсон, где располагалась бригада ПВО, в которой нам пришлось служить. Ходос, подписывая мне документы, не мог понять, зачем мне нужна эта служба при возможностях моего родственника. Разные они были люди.

Сейчас Ф.П. Белый – советник генерального директора ИЦ «Азовмаштест»

Летели мы самолётом АН-2, потому что маршрут поезда из Жданова в Херсон очень неудобен. Но конец октября внёс свои поправки. Прошли сильные дожди, мы застряли на промежуточном аэродроме и поехали дальше поездом. В Херсон прибыли в четыре часа утра. Ждать транспорт не захотели и, уточнив в первом приближении маршрут, пошли пешком. Получилась прекрасная прогулка, запомнившаяся тишиной, утренней свежестью и сильным ароматом южных цветов. А в конце пути ещё и утренние разговоры просыпающихся птиц.

В начале рабочего дня нас документально оформили на службу, выдали военную форму и остальное полагающееся имущество. Форма нам была совсем непривычной, но мы рискнули в ней прогуляться по городу. Так совпало, что в этот день в центральных газетах напечатали статьи об усилении противостояния на советско-китайской границе. Я и Феликс в то время мало интересовались политикой.

К нам подошёл мужчина и эмоционально стал у нас выяснять, почему мы, военные, позволяем китайцам так себя вести? Ещё в памяти были висевшие везде лозунги: «Русский с китайцем – братья навек». Чаще всего проблемы создают политики, а страдают простые люди и, в первых рядах, военные. Расхождение в политических взглядах между руководителями Китая и СССР

началось при Хрущёве, особенно после 20-го съезда КПСС. Ввод войск в Чехословакию в августе 1968 года воспринят был в Китае тоже критически. Хотя в этом случае у советского руководства не оставалось другого выбора. И военную операцию провели на очень высоком уровне – практически бескровно. Вот только серьёзных выводов для советской страны не сделали.

Остров Даманский на реке Амур.

А по настоящему кровавые события произошли на советско-китайской границе через несколько месяцев:

На броне личный состав 1-й погранзаставы со «спецоружием». Охотничьи рога использовались для «бесконтактного» вытеснения китайцев с советской территории. На правом снимке перед БТРом стоят слева направо: полковник Д. Леонов и лейтенанты В. Бубенин, И. Стрельников, В. Шорохов. 1968 г.

«1960-е гг. в пограничной истории – это, прежде всего, противостояние на советско-китайской границе. Оно завершилось кровавыми побоищами на острове Даманский, на реке Уссури в Приморском крае (2 и 15 марта 1969 г.) и боестолкновением в районе озера Жаланаиколь (12-13 августа того же года) в Семипалатинской области Казахстана».

Мне казалось, что наш призыв в армию и разворачивание нескольких бригад ПВО на юге Украины связан с чехословацким кризисом. Но, прочитав несколько статей по этой теме, понял, что связь косвенная. Просто назрела острая необходимость дополнить существующую ПВО ракетными комплексами, способными поражать воздушные цели, летящие на малых высотах.

«Начало работ над первым маловысотным ЗРК следует отнести к осени 1955 г., когда, исходя из наметившихся тенденций расширения требований к ракетному оружию, руководитель КБ-1 А.А.Расплетин поставил перед своими сотрудниками задачу создания перевозимого комплекса с повышенными возможностями поражения маловысотных воздушных целей.

Новая зенитная ракетная система предназначалась для перехвата целей, летящих со скоростями до 1500 км/ч на высотах от 100 до 5000 м на дальности до 12 км, и создавалась с учетом обеспечения мобильности всех ее составляющих.

Звездный час С-125 пробил весной 1970 г., когда по решению советского руководства в процессе проведения операции «Кавказ» в Египет была направлена большая группа наших ракетчиков и летчиков. Они были призваны обеспечить ПВО этой страны в условиях усилившихся налетов израильской авиации, осуществлявшихся в ходе так называемой «войны на истощение» 1968-1970 гг. Боевые действия велись в основном в зоне Суэцкого канала, на западный берег которого израильтяне вышли по завершении победоносной для них «шестидневной» войны 1967 г.».

Комплекс С-75, который мы изучали в институте, поражал цели, начиная с высоты 3000 метров. При дальнейшей модернизации нижний предел поражения целей по высоте довели до 100 метров, а у С-125 до 20 метров.

Нам пришлось осваивать комплекс ПВО С-125. Меня отправили в дивизион, расположенный возле города Голая Пристань (по течению Днепра ниже г. Херсона). Практически в устье Днепра. Вита, прочитав в письме название города, пошутила: «Почти собачья конура». Служба в Гопрах (сокращённое название Голой Пристань) больше была похожа на выживание, особенно у солдат. Техника стояла на выделенной для дивизиона земле и расставлена приблизительно на свои места. Наверное, было и какое-то ограждение. Солдаты жили в больших палатках, установленных прямо на песке. Возможно, внутри был дощатый настил. Офицеры работали и ночевали в помещении, сколоченном из досок. Во втором таком помещении расположилась кухня, а через перегородку от неё – столовая. Электроэнергия подавалась по временной схеме. Кадровых офицеров трое и старшина. И ещё нас четверо. Солдат срочников около двадцати.

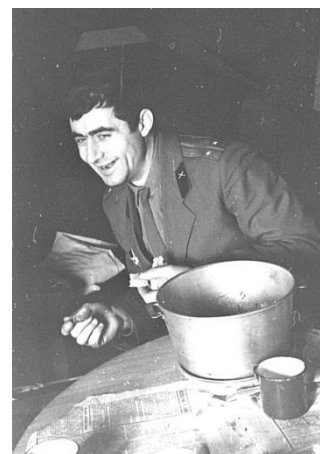
Задача освоения техники, пока я находился в дивизионе, перед нами не ставилась. Ещё до моего прибытия кто-то принял решение вокруг боевой позиции сделать обваловку из земли, на которой стояла техника. Считалось, что такой вал защитит немного позицию во время боевых действий. Вот только земля в устье Днепра сплошной песок. Место равнинное, и часто бывают сильные ветры. Слабый покров песка из травы и кустарника срыли бульдозером и сделали из песка обваловку. Вот солдаты почти каждый день боролись с искусственными барханами, которые образовывал ветер по его законам. Поддерживать дисциплину в таких условиях почти невозможно.

А впереди зима. Это хоть и юг Украины, но морозы иногда бывают за двадцать градусов. В каждой палатке буржуйка. В офицерских «хоромах» тоже.

Удивительно, что не случилось серьёзного пожара с человеческими жертвами. К моему прибытию в дивизион завезли будущую казарму. Она представляла большое количество отдельных больших упаковок с утепленными щитами и всем остальным, чтобы собрать казарму. Вот только специалистов по сборке не было. Потихоньку своими силами разбирались, что к чему. А тут ещё и солдаты, казалось бы, заинтересованные в тёплой казарме, потеряли веру во всё и работали как из-под палки. В такой ситуации и «палку» придумать сложно. Но за три недели помещение, в первом приближении, собрали. Наняли специалистов, которые сложили в центре помещения большую печь для отопления, и солдаты переселились в казарму. Пока осваивали печь, солдаты приспособились спать по двое на одной кровати, накрываясь освободившимся матрацем.

И в таких условиях, старшина стал понемногу воровать продукты питания у солдат. Не помню как мы (не кадровые офицеры) об этом узнали и как доказали воровство. Командир дивизиона постарался замять этот инцидент. Но, похоже, он был как-то зависим от старшины.

Самым хорошим днём у солдат была суббота, когда их возили в городскую баню. Мы тоже ездили с ними в баню, только, в отличие от солдат, после бани заходили в местный ресторан и немного в тепле отводили душу. Однажды, вернулись после ресторана в часть, дневальный предлагает принести оставленный нам ужин и приносит на тарелках что-то похожее на кисель. На вопрос, почему он вначале принёс кисель, отвечает, что это картофельное пюре.

Не знаю, как судьба этого дивизиона сложилась дальше, но тут пришёл приказ отправить таких офицеров как я на краткосрочные курсы по специальности в действующий дивизион под Одессу. Это было, ориентировочно, в середине декабря. Разместили нас в большой казарме. Разбили по учебным группам. Система нашего обучения не запомнилась, но эти занятия были полезны для общего понимания устройства зенитного комплекса. У нас было предусмотрено время для самостоятельного закрепления прочитанных нам лекций. Специалистами мы после этой учёбы не стали и в дальнейшем по литературе и схемам, имеющимся на каждом комплексе, учились сами.

Наша учебная группа подобралась из хороших ребят, желающих чему-то научиться, да и для разговоров темы находились кроме учёбы. Кто-то подобрал выброшенную книгу без начала. Мы её начали читать, не зная автора. Повествование велось от имени автора. Написано было о жизни автора в послереволюционной Одессе. На первый взгляд, совершенно простой язык, но при этом создавалось полное ощущение присутствия в том времени. Позже я узнал имя и фамилию автора книги – Константин Паустовский.

К сожалению, среди сотни ещё молодых мужиков нашёлся десяток с уже повёрнутым только на себя сознанием. Их оторвали от привычной для них жизни, в том числе и от контроля семьи. По вечерам они в ближайших сёлах

покупали вино, а, выпив его, за полночь приходили в казарму и ещё долго шумели. У многих ребят ночь была переведена, и утром обучение уже не шло в голову. Мы чертыхались, но не знали что делать.

Однажды вечером, ещё до сна, один из этих ребят пришёл в казарму и стал приставать к парню из нашей группы. Тот не знал, как от него отвязаться. Внутри у меня всё протестовало, и я попробовал урезонить его словами. У пьяного своя логика, и он пошёл на меня с кулаками. И тут произошло то, что не раз со мной происходило в похожих случаях. Сработал инстинкт – я, не думая, сильно ударил его в лицо. Удар пришёлся в нос, из которого ручьём потекла кровь, испачкав его одежду и кровать. Парень, достаточно крупного телосложения, даже не попробовал мне ответить, сел на кровать и у него даже появились слёзы.

На второй день ко мне подошёл парень из группы любителей выпить и побузить. Очень агрессивно стал выяснять, за что я так избил его компаньона по выпивкам, а потом попробовал доказать мою неправоту кулаками. На этот раз моё сознание осталось на месте, драться мне совсем не хотелось, усугубляя итак натянутые отношения. Я только защищался, постепенно отступая, потом зацепившись за что-то, упал на спину, защищаясь уже ногами. Наверно, парню надоела вся эта катавасия, а, возможно, он не был убеждён в своей правоте – он выругался и ушёл. За нашей потасовкой наблюдал кадровый офицер, но предпочёл не вмешиваться.

От самого обучения ничего особенного не запомнилось, а некоторые сопутствующие моменты запомнились хорошо. В дивизион, где мы учились, приехал генерал в отставке, участник ВОВ. В киевском военном округе создали совет ветеранов, и многие отставные офицеры с ещё хорошим здоровьем, которых продолжало волновать состояние дел в армии, вошли в этот совет. Одним из направлений этого совета были поездки по воинским частям для общения с военнослужащими. Вот и нас собрали для беседы с боевым генералом. Он коротко рассказал о своей жизни, а затем перешёл к реальной ситуации в мире и о наших возможностях в противостоянии Западу в Холодной войне. Многие слушали, скучая, и если бы только это... Затем появились вопросы. Те, кто мог задать пожилому, заслуженному человеку умные вопросы, отмолчались. Зато те, у кого две извилины в голове, начали задавать глупые и, во многом, провокационные вопросы. К этому времени появилась в стране новая волна протестного движения, названная диссидентским. Но эти ребята никаким боком к диссидентам не относились, а вот задавать почти оскорбительные вопросы человеку воевавшему, в том числе и за них, почему-то считали возможным и даже «прикольным», как теперь говорят. Генерал вначале старался им серьёзно отвечать. А я не знал, что делать от стыда, а потом попросил слово и высказал задававшим вопросы, что я о них думаю. Ведущий собрание офицер после моего сумбурного выступления постарался сгладить ситуацию и закрыл собрание.

Я думал, что конфронтация с ребятами, любителями побузить, продолжится. Но, к моему удивлению, парень, собиравшийся меня воспитывать физически, на следующий день подошёл ко мне с вполне миролюбивым

настроением. Возможно, он что-то понял после моего выступления, а ещё он узнал, что мы с ним с одного завода. Мы обговорили наши заводские дела. Он работал в отделе шефмонтажа и много времени проводил в командировках. Часто бывал на Байконуре. Подружиться нам не удалось, вначале развела служба, а позже мы совсем не пересекались.

Запомнились два сюжета из воспитательной работы командира дивизиона, в котором мы жили и учились. Однажды мы были свидетелями утреннего построения солдат дивизиона. Зимнее время, и командир заметил, что многие солдаты надели на себя, кроме положенной армейской одежды, ещё и гражданскую. Командир приказал снять дополнительную одежду, а старшине сохранить её до демобилизации. В дальнейшем такую одежду приказал уничтожать. Объяснил это тем, что в армии количество и качество необходимой одежды проверено и испытано. Думаю, что солдаты постепенно поняли правильность приказа командира, а вот среди нас очень «продвинутые» ребята, как только этого командира не обозвали.

Во второй раз была воспитательная работа с нашим составом. Нас кормили в той же столовой и тем же питанием, что и солдат. Естественно, что после домашней пищи у многих курсантов, которыми мы на этот момент являлись, пища в солдатской столовой не вызывала восторга по количеству и качеству. Командир узнал об этом и на построении выслушал все претензии. Потом объяснил нам, что все положенные по армейскому уставу мероприятия в этом плане выполняются. Но, если в этом есть сомнения, он не возражает, чтобы мы составили график дежурств и приняли участие в контроле над процессом приготовления пищи. Как ни странно, такой контроль дал результат. Не столько по количеству пищи, сколько по качеству и разнообразию. Оказывается в инструкциях почти всё расписано, вот только выполнять написанное не всем и не всегда хочется.

На берегу Чёрного моря под Одессой.

Близился Новый 1969 год. Конечно, многим ребятам, особенно имеющим семьи, хотелось попасть домой. За пару дней до официальных выходных ребята стали исчезать, естественно никого не предупредив. Я тоже оказался в их числе. Наверное, летел на самолёте – из-за ограниченности времени. Два дня дома и меня родные провожают в аэропорту города Жданова. Посадка в АН-24 запомнилась мне на всю жизнь. Что-то произошло с рейсами на Одессу, и пассажиров оказалось больше, чем мест в самолёте. Когда люди это поняли, многие быстро стали мало похожими на людей. Я, по своему характеру, обычно шёл на посадку в конце очереди пассажиров, а тут, уже на трапе несколько молодых ребят стали прорываться вперёд. Я ещё не представлял всей серьёзности моей самоволки, но тут понял, что не лететь мне нельзя, и преградил путь этим ребятам. Завязалась потасовка. На крутом узком трапе, в

окружении людей (а я ещё в шинели, которая очень связывает движения в таких случаях), наша потасовка была больше похожа на клоунаду. Разрушила эту ситуацию милиция. Я попал в самолёт, но мама, Вита и Лёня (муж моей старшей сестры Азы) очень переволновались.

В дивизионе с каждым из самовольщиков долго и всерьёз беседовал офицер из особого отдела (возможно, этот отдел имел другое название). Нагнали на нас страху и что-то записали в наши досье. В дальнейшем этот случай через несколько лет имел продолжение. А пока наша учёба продолжается. Я в свободное время немного знакомлюсь с прославленной Одессой, иногда гуляю вдоль пустынного берега моря. Море всегда манит, но в тех местах, да ещё в январе, оно не очень интересно. Как-то меня вызвали к командиру и представили незнакомому офицеру. Он сообщил, что меня переводят из Голой Пристани в дивизион, расположенный под Новой Каховкой, на должность начальника разведки. Я не сразу понял, о чём речь. Оказывается, это подразделение в составе дивизиона, обслуживающее дополнительный радиолокатор и связь. Если офицер, отвечающий за одну из систем станции наведения ракет, имел одного или двух подопечных солдат, то у начальника разведки их восемь. Моё согласие у меня особенно и не спрашивали, а я не пытался отказываться. Положительным моментом в этом назначении была оплата труда. Больше, чем у системщиков, на 10 рублей. Зарплата 185 рублей, по сравнению со 115 на заводе, да ещё обмундирование, пайковые и отсутствие в армии профсоюза. Мы сразу почувствовали разницу.

После окончания учёбы я перебрался в Новую Каховку, пройдя некоторые формальности в Херсоне. Там я встретился на бегу с Феликсом. Он рассказал, что его на учёбу не отправляли и, к тому же, у него ожидаются серьёзные перемены по службе, не уточнив какие. О том, что его переводят служить в бригаду ПВО, расположенную в Жданове, я узнал через месяц. А пока я как-то притираюсь к службе в Новой Каховке. Мои восемь солдат во мне почти не нуждаются. У них командует сержант. Связь проводная, как в период начала Отечественной войны. Возможно, были на складе и радиостанции, но я с ними за короткий промежуток службы в этом дивизионе не соприкоснулся. В мирное время внутри дивизиона, в период становления и освоения техники, достаточно и проводной связи. С самого начала эти провода между объектами протягивали по поверхности земли кратчайшим путём. Зима наводила свой порядок. Провода вмерзали в лёд, и техника их часто рвала. Протягивали по снегу и льду новые провода. Постепенно передвижение по территории части становилось всё более опасным. Часто люди цеплялись за торчащие провода и падали.

Радиолокатор на колёсном шасси в маленьком кунге стоял на отшибе, никому не интересный. Как говорится: «На аппаратуре ещё и муха не сидела». Зато, несмотря на полную герметичность

РЛС П-15 на позиции

кузова, все ящики внутри освоили мыши. Голод тоже не «тётка». Вся промасленная бумага, в которую был завернут зип, была съедена, а запасные и комплектные узлы покрыты отходами жизнедеятельности мышей. Вот я и начал освоение совершенно незнакомой для меня техники. Думаю, что за несколько месяцев я эту станцию смог бы освоить. По крайней мере, съездил бы к кому-нибудь на учёбу. Но ограниченное время службы в этом подразделении позволило мне опробовать только основные узлы станции, и я слегка стал понимать назначение и взаимосвязи этих узлов. Повезло, что документация мышам не понравилась.

Не обошлось без нервных издержек и при изучении станции. Кунг маленький по объёму, плотно начинён механикой, электроникой, пультами управления. Всё это соединено большим количеством кабелей. Туалет отсутствует, но есть маленький умывальник. Маленький отсек с печкой, топящейся дровами. Дым через трубу уходит на улицу, а нагретый воздух вентилятором перегоняется в рабочее помещение. Вроде, была ещё система обогрева от сжигания дизельного топлива. Я, для начала, остановился на печке с дровами – как-то привычнее. Вот только с дровами тоже много проблем: напилить, нарубить, подсушить. И, главное – они быстро сгорают. А на территорию части завезли прекрасный уголь – мелкий антрацит. Вот я и соблазнился, забросил сверху на разгоревшиеся дрова пару лопат угля. В кунге стало тепло, я в нём один, погрузившийся в изучение документации. Через некоторое время от документации меня отвлекли неприятные запахи и высокая температура воздуха в помещении. Открыл дверь печного отделения, откуда меня обдало перегретым воздухом, исходящим от раскалённой печки. Ближайшие к печке стены, защищённые огнеупорным покрытием, уже слегка дымились. Открытая дверь кунга ничего не изменила. Горение угля достигло своего пика. Воды нет. Был ли огнетушитель? Не помню. Бежать за помощью? Не в моих интересах делать допущенную мною глупость достоянием всего дивизиона, да и время очень важный фактор. В любой момент могло возникнуть открытое пламя вне печки, и тогда в стеснённых условиях кунга... В ящиках станции нашлась подходящая стальная пластина, из которой я быстро сотворил подобие совка (обычная лопата не проходила в дверцу печки по размерам). Я стал этим совком выбирать из печки маленькими порциями пышущий жаром уголь и аккуратно выбрасывать его в открытую дверь станции. С каждой выброшенной порцией угроза большого пожара уменьшалась. Таким образом, был изъят из печки почти весь уголь, и при этом ни один кусочек угля не упал на пол. Когда прогорели остатки дров и угля, я принёс воду и с мылом вымыл все следы происшествия.

Второй запомнившийся случай касался только меня. При освоении станции, согласно инструкции, мне пришлось лезть под привинченный к полу стол, протискиваясь между блоками. Когда я добрался до нужного разъёма и отсоединил от него кабель, то понял, что назад я не могу выбраться. Моя одежда стала работать как якорь. И опять, как на скале в горах, лёгкая паника, впечатление, что уже и воздуха не хватает... Никого рядом нет, и кричать бесполезно. Потихоньку успокоился и вылез. Такой опасности, как в горах, не

было, а было обычное нарушение техники безопасности. Позже я узнал, что есть такая болезнь – клаустрофобия. Но мой случай к этой болезни, наверное, отношения не имеет.

Ещё один случай, который показал, что я ещё очень далёк от офицерского звания. Командир отправил меня с водителем-солдатом на автомобиле ЗИЛ-157 в другой дивизион по хозяйственной необходимости. В армии солдат в поездки посылают только в сопровождении офицера. Расстояние около 60-ти км. Февраль месяц, и мороз ночью до 20-и градусов. Мы без происшествий приехали в часть назначения, загрузились, пообедали, отдохнули и двинулись в обратный путь. Даже при спокойной езде, должны были приехать за полночь. И вот на обратном пути солдат стал уговаривать меня заехать в его село, которое находится почти по пути нашего движения. Всего 5-6 км в сторону. Поддался я на уговоры с условием, что рано утром мы двинемся в путь.

Вначале водитель решил сократить путь и поехал вдоль посадки, считая, что для полно приводной машины немного занесённая дорога не помеха. Много мне пришлось поработать лопатой, пока мы добрались в темноте до села. Огромная радость родителей от неожиданно появившегося сына. Я - самый уважаемый человек. Сели за стол, выпили по рюмке. Парень попросил у меня разрешения заглянуть к друзьям и к девушке. Отпустил я его, напомнив, что рано утром мы выезжаем, хотя уже понимал, что «рано» не получится. Всё оказалось намного хуже. Я пить больше не стал. Мы посидели за столом и немного поговорили, а затем меня, как дорогого гостя, уложили на кровать с пуховой периной (наверное, единственный случай в моей жизни).

Утром, на рассвете, я проснулся, а моего подопечного ещё не было. Отец его уже давно был на ногах и тоже переживал. Он лучше нас понимал, что такое воинская служба. В доме горела плита, на которой стояли два ведра с горячей водой для заливки в радиатор. Охлаждающей незамерзающей жидкости в дивизионе не было. Вначале отец разыскал и привёл сына, практически не держащегося на ногах. Разговаривать с ним было бесполезно, и он тут же заснул. Пришлось дать ему возможность немного поспать. Я в то время ещё не управлял никаким транспортным средством с мотором, кроме велосипеда. Через три часа мы парня с трудом подняли, накормили, но мышление у него было ещё заторможено. Попытки завести холодный двигатель, даже с горячей водой в радиаторе, привели только к разрядке аккумулятора. А тут ещё воскресенье. Отец долго уговаривал тракториста завести трактор и приехать помочь завести автомобиль с буксира. Да ещё нужен был заряженный аккумулятор. Пока приехал трактор, парень почти пришёл в норму. Родители надолго запомнили внеплановый приезд сына.

Выехали мы только после обеда и в часть приехали поздно вечером. По дороге я сочинил «легенду» о причине нашего опоздания и заставил солдата её дважды повторить. Из нашей части уже звонили в часть нашей командировки. Оттуда рассказали о времени нашего выезда, и хорошо, что ещё не подключили милицию. Думаю, что командир не полностью поверил нашему объяснению такого длительного опоздания, но мы и техника были целы, а любое ЧП

нежелательно любому командиру. И солдат не проговорился никому о происшествии.

В этом дивизионе служил и парень, которому я в Одессе разбил нос, и за нашу короткую совместную службу этот случай между нами не обсуждался. О том, что Феликса перевели служить в Жданов, я уже знал. Конечно, мне тоже хотелось быть рядом со своей семьёй. И я об этом написал Боре письмо, посчитав, что перевод в такой же дивизион возле Жданова не большое прегрешение. Я перед этим даже прошёлся по Новой Каховке, пытаюсь снять комнату, чтобы Вита со Славкой переехала ко мне. Но желающих сдать комнату в очень хороших домах (для 1969 года), которых было большинство, не находилось. Некоторые хозяева с усмешкой язвили: «А вам разве жильё не дают?» Было лёгкое ощущение, что гражданская война в стране ещё не совсем закончилась.

Неожиданно быстро я узнал из письма Виты, что вопрос с переводом меня на службу в Жданов решён. Проходит в ожидании месяц, и никаких признаков моего перевода нет. По текущим делам я попадаю в Херсон. Иду по расположению бригады, меня останавливает незнакомый мне подполковник и говорит: «Что же вы все разбегаетесь, ведь в нашей части тоже кому-то служить нужно?» Я, немного замешкавшись (не сразу сообразил, о чём речь), что-то стал отвечать – о жилье, семье. Он, в явном расстройстве, махнул рукой и ушёл. И сейчас с чувством лёгкой вины вспоминаю того офицера (и таких было много), который противился пришедшему приказу о моём переводе, отстаивая интересы дела с возможными неприятностями для себя. Без таких офицеров и таких партийных работников, как муж моей сестры Боря, страну разрушили бы намного раньше.

Служба в дивизионе ПВО возле города Жданова.

В начале весны 1969 года меня ознакомили с приказом о моём переводе в точно такой же дивизион, как и в Новой Каховке, расположенный к западу от города Жданов. Между аэропортом, морским портом и Белосарайской косой. Здесь я мог практически каждый день видеться с семьёй. Расстояние от нашей квартиры до места службы около 12-ти км. Время в пути 1,5 часа на городском транспорте и 2 км пешком.

Этот период службы (чуть больше 1,5 года) уже был похож на настоящую службу. Первый этап обустройства был пройден, и все военнослужащие могли уделять большую часть времени своим прямым обязанностям. А к концу года мы даже стали нести боевое дежурство в готовности №1. Такая готовность объявлялась через три месяца, а потом один месяц мы круглосуточно находились в дивизионе. По тревоге через 15 минут комплекс должен был быть готов к стрельбе по воздушным целям. Для этого на станции наведения ракет круглосуточно нёс дежурство офицер. После объявления тревоги он обязан был включить все системы зенитно-ракетного комплекса (ЗРК). Поэтому каждый офицер должен был изучить последовательность включения систем, оценить их

работоспособность и доложить прибывшему по тревоге старшему офицеру о готовности ЗРК к боевой работе.

В обычном режиме у нас был нормированный рабочий день. Но уйти домой мы могли только с разрешения командира. Поэтому в конце рабочего дня мы (особенно молодые офицеры) стайкой перемещались в поле зрения командира, ожидая разрешения на

поездку домой.

В этом дивизионе мне поручили освоить и работать с системой СДЦ (селекции движущихся целей).

«Работа по низколетящим целям предъявляла особо жесткие требования к качеству системы селекции движущихся целей (СДЦ). Защита от активных и пассивных помех обеспечивается с помощью введения новой аппаратуры: автокомпенсатора помех квазикогерентного накопления».

Вставил в текст эти две серьезные фразы и понял, что сейчас уже не смогу внятно написать о принципах, на которых работает система СДЦ. А назначение системы заключается в выделении на радиолокаторе отметки реальной цели среди огромного количества пассивных помех выпускаемых летящей целью. Причём на экране отметки от помех визуально почти ничем не отличаются от большого самолёта. Активные помехи – это радиопомехи исходящие от цели, часто того же частотного диапазона, на котором работает станция наведения ракет. Как и во всех других видах вооружений, происходит непрерывная борьба умов между разработчиками оружия нападения и оружия противодействия нападению. И конца этому соревнованию, к сожалению, не видно.

Постепенно я освоил эту систему в режиме пользователя, т. е. в пределах необходимых для боевой работы и даже чему-то научил приданного мне солдата. Обучение проходило по штатным инструкциям, написанным для уровня солдата. Инструкции написаны очень толково, но рассчитаны больше на запоминание, чем на понимание.

По графику на комплексе проводились регламентные работы. Вынимались электронные блоки из стоек. Стойки внутри пылесосили, блоки тоже чистили от накопившейся пыли, промывали спиртом разъёмы. И почти всегда после проведенных работ система отказывалась работать. Начинались поиски схемы, виновной в нарушении работы системы, а в ней поиск плохого контакта или появление лишнего контакта. Если проблемы возникали в двух схемах, поиск неисправности усложнялся.

Вся электроника была разработана на электронных лампах, которых было огромное количество. У каждой лампы от семи и более штырьков, через которые происходило электрическое соединение лампы с разъёмом на плате.

Большинство ламп при работе разогревались до температуры выше 100 градусов, и поэтому контактные соединения быстро окислялись, несмотря на покрытие их серебром и даже золотом. Лампы, отработавшие два года обычно, не раздумывая, заменяли новыми лампами. Снятые лампы, подходившие для бытовой техники, могли потом ещё долго работать дома.

В обязанности офицеров входило и дежурство по дивизиону, заключавшееся в проверке постов, наблюдении за порядком в казарме и на территории. Вместе со старшиной проверялась работа столовой. В случае тревоги оповещался весь личный состав. К осени 1969 года построили щитовое строение, разделённое на маленькие квартиры для офицеров. В них, в принципе, можно было жить даже с семьёй, но у большинства офицеров семьи жили в городе. Вот дежурный офицер должен был бежать в это строение и оповещать во время тревоги отдыхающих офицеров. После ряда нестыковок в этом плане пришлось установить мощную сирену, которая включалась при поступлении сигнала дневальным в казарме, вместе с подъёмом личного состава.

Установку и подключение сирены поручили мне, а чуть позже и изготовление большого планшета из оргстекла. На нём наносилась во время боевой работы реальная воздушная обстановка в зоне ответственности нашего ЗРК. Командир уже воспринимал меня как ответственного человека и хорошего слесаря.

О нашем офицерском составе. Наиболее запомнился командир дивизиона подполковник Заяц. Он успел повоевать в ВОВ в артиллерии. Когда появились ракетные части, его отправили на десятимесячные курсы, и он стал служить в ракетных частях. Во время Карибского кризиса в 1962 году был на Кубе. В 1969 году – мой командир. В человеческом плане, хороший командир. За полтора года совместной службы мне не запомнилось ни одного отрицательного момента в его деятельности. В техническом плане, знаний у него было маловато, но этот недостаток компенсировался поддержкой им офицеров, хорошо знающих технику.

Вита, я и мой командир на территории части встречаем 1970 год.

Майор Хафизов – заместитель командира по политической работе – никак не запомнился. А фамилия запомнилась, как очень распространённая в Татарстане, где мы и сейчас живём. Ещё три кадровых офицера с исчезнувшими из моей памяти фамилиями. Майор – зам. командира по технике. Пожилой спокойный человек. Мне тогда пожилыми казались все люди старше сорока лет. Весной 1970 года его и ещё одного офицера отправили в командировку в Египет, помочь в борьбе с израильскими агрессорами. Лучше всех в дивизионе знал технику капитан, собиравшийся поступать в военную академию, еврей по национальности. Очень уважительно к нему относились командир и его заместитель. А наиболее уникальной и неуправляемой личностью был старший

лейтенант – командир пусковых установок. Ему никак не могли повысить звание, несмотря на возраст и участие в войне во Вьетнаме. Он часто выпивал, а после этого совершал разные «подвиги». Уже при мне он на заряжающей машине ЗИЛ-157 вместе с ракетами протаранил ворота на выезде из части и уехал к любовнице. В семье у него тоже был полный разлад. Но вышестоящие командиры как-то сглаживали его проступки и до увольнения из армии не доводили.

Вот фамилии офицеров двухгодичников помню: Мильчевский, Скорба, Гонишнюк и Шевченко. Шевченко, как и я, стал офицером после военной кафедры в институте. Остальным ребятам присвоили младших лейтенантов после срочной службы и коротких курсов в конце службы. Скорба и Гонишнюк остались в армии и после наших общих двух лет службы.

Я и лейтенант Скорба.

Мы активно занимались в дивизионе обустройством позиции. Причём, обустройство держалось в основном на инициативе командира и его умении договориться с гражданскими руководителями различных предприятий и председателями колхозов на основе бартера (понятие, широко вошедшее в обиход после слома советского жизнеустройства). Мы могли расплачиваться работой солдат и предоставлением для работы грузовых автомобилей. Помогала техникой и автотранспортная рота бригады. Иногда несговорчивых руководителей убеждали с помощью партийной вертикали. Так было построено укрытие для склада ракет, укрепления вокруг станции наведения ракет и пусковых установок. Я даже приобрёл некоторые строительные навыки и знания.

Очень любили солдаты поездки к морю за песком. Количество желающих поехать даже приходилось ограничивать. Тяжёлый МАЗ подъезжал прямо к бархану возле Белосарайской косы, и ребята за полчаса загружали полный кузов. Награда – полчаса купания в море. Однажды осенью на обратном пути заехали на колхозную бахчу, угостили сторожа сигаретами, и он позволил набрать арбузов, сколько хотим. Объяснил: «Реализовывать их не успевают и колхозникам для себя собирать тоже не разрешают, а позже могут перепахать вместе с остатками урожая. А вы люди государственные».

Интересны были приезды к нам с проверками командира бригады подполковника Кордонова. Должность его полковничья, но ему с присвоением её явно затягивали. Кто-то считал, что из-за национальности. Он был евреем. Замечательный командир, очень переживавший за своё дело. Приезжал в дивизион без предупреждения и постовые, прекрасно знавшие его в лицо, пропускали внутрь. Пока о нём сообщали нашему командиру, он успевал осмотреть всю позицию. Однажды мы наблюдаем такую картину. Подполковник Заяц, передвигаясь трусцой, торопится для доклада прибывшему

командиру. Кордонов, не слушая доклад, машет рукой и громко говорит: «Заяц, если завтра позиция не будет как огурчик, ты у меня будешь как помидорчик». Но это была больше игра. Оба очень добросовестно относились к службе и своим обязанностям. Как-то Кордонов привёз с собой Борю, которому захотелось посмотреть, где я служу, да и просто увидеть, как выглядит ракетный дивизион. Думаю, что даже подполковник Заяц узнал о нашем с Борей родстве только в этот день. А лёгкий шорох появления первого секретаря горкома КПУ наделало. В моей службе после этого визита ровным счётом ничего не изменилось.

Офицеры с солдатами часто выезжали на помощь колхозам в уборке урожая. Однажды мы убрали абрикосы и, конечно, в конце набрали себе по ящику. Но в этот день домой нас не отпустили. Чтобы прекрасные фрукты не пропали, мы по половине ящика съели. Я уже забыл, а Вита вспомнила, что жён тоже один раз привлекли к сбору абрикосов. У нас в это время гостили её подруги

Люда и Женя.

Поехали все, а позже вспоминали, что никогда больше они столько абрикосов не ели. Я уже упоминал в рассказах, что из косточек абрикосов вырастает дерево, называемое в Мариуполе жерделей. Плоды вкусные, но отличаются от абрикосов. Они, например, слабят желудок, и поэтому много их есть, не рекомендуется. Я, идя со службы мимо лесопосадки с большим количеством созревших жерделей, увидел бычка, с удовольствием поедавшего валявшиеся в изобилии на земле жердели. И даже не видно было, чтобы он выплёвывал косточки. Наверное, у бычков желудок другой.

Отпуск 1969 года. Сентябрь в городе Красноярске и в тайге.

Прошло почти одиннадцать месяцев службы, и я могу идти в отпуск на 30 дней, да ещё с бесплатным проездом в любой конец Советского Союза. Определились с Витой без колебаний, что едем к Толе и Марине Семенцовым в Красноярск. Такой возможности в жизни может больше не представится.

Едем уже знакомым мне поездом Харьков-Владивосток. Славку оставляем в Харькове с бабушкой и дедушкой. Вдвоём, свободные и молодые – несколько дней в пути почти не заметили. На перроне нас встречает Толя с цветами и заказанным в вокзальном ресторане столиком. Широта души у нашего друга всегда была на высоте. Толя немного пошутил над тем, что я приехал в военной форме. Диссидентские веяния уже тогда начали входить в его голову, как-то уживаясь с его воспитанием, полученным в тяжёлом послевоенном детстве, которое прошло на озёрах, реках и в тайге вокруг города Кандалакша. Вита с

уважением называла Толю помором. Толя, до этой поездки, считал Виту изнеженной, городской девушкой. Посидели, поговорили, съели всё заказанное Толей и поехали в город. Там Толя договорился с их знакомой, что мы немного поживём в её квартире. Знакомая работала стюардессой, и в это время отсутствовала в городе.

Семенцовы жили и работали в закрытом городе. Вначале мы писали им письма в Красноярск-26, позже Красноярск-82. Сейчас это город Железногорск в 55 км вверх по течению реки Енисей.

Из Википедии:

«ЗАТО Железногорск занимает площадь 45 667 га. Особый статус получило в связи с секретными градообразующими предприятиями оборонной (атомной и, позже, космической) промышленности. До недавнего времени город не отмечался на гражданских картах.

Вокруг ЗАТО устроено охраняемое ограждение с ограниченным количеством контрольно-пропускных пунктов (КПП) для проезда в город. Посещение территории осуществляется по специальным разрешениям (пропускам).

26 февраля 1950 года было издано постановление Совета министров СССР, подписанное И. В. Сталиным, о строительстве Комбината № 815 (будущий ГХК), комплекса по производству оружейного плутония.

В мае 1950 года по распоряжению МВД СССР создаётся исправительно-трудовой лагерь «Гранитный». Силами заключённых с мая по октябрь велось строительство внешней железнодорожной ветки протяженностью 51 километр по маршруту «станция Базаиха Красноярской железной дороги — Соцгород». Введение в строй железной дороги дало возможность оперативно доставлять грузы на строительные площадки рабочего посёлка и комбината.

К 1956 году была подведена внутренняя ведомственная железная дорога к достраиваемому ГХК, который был сдан в эксплуатацию в 1958 году. Он был размещён под землёй (в массиве горы) на глубине до 200—300 метров и проектировался таким образом, чтобы выдерживать даже ядерные удары. Система производственных и транспортных тоннелей ГХК сопоставима с московским метро. Производимое реактором тепло используется для отопления города.

Наиболее значимым аспектом, неповторимо создающим эстетический микроклимат города, является концепция его проектирования. При строительстве Железногорска была максимально применена идея ограниченного изменения природного ландшафта, находившегося на месте будущего строительства. Если смотреть на город с близлежащих отрогов Саяна (Атамановский хребет), кажется, что островки жилых кварталов тонут в море дикой тайги. Эта черта характерна как для «Старого города», так и для новых микрорайонов «Ленинградского».

Жемчужиной планировочного решения многие специалисты называют Городское озеро, вокруг которого и расположена селитебная зона. Стоит отметить, что его строительство не входило в первоначальный

генеральный план, разработанный Ленинградскими проектными институтами. Первые строители и жители Города по собственной инициативе в ходе нескольких общегородских субботников расчистили будущее ложе: заболоченную и труднопроходимую пойму реки Кантат; после этого с помощью дамбы и системы шлюзовых камер вода реки наполнила озеро. Городской парк, по сути, также представляет собой значительный массив исторического леса, оставленный вокруг зеркала озера и минимально измененный в ходе благоустройства».

Читаю эти короткие выдержки из истории города, вынуждено построенного

в центре России, и не перестаю удивляться возможностям плановой системы устройства экономики. Построенные в кратчайшие сроки ГКХ

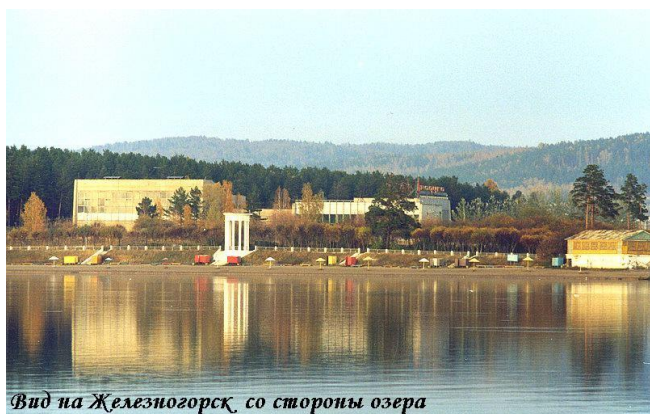

и красавец город не только реально спасли страну от ядерного нападения

(конечно, в сочетании с другими свершениями страны), их вполне можно отнести к чуду света с любым номером. Могу порекомендовать

читателю книгу Александра Проханова «За оградой Рублёвки». В

Вид на Железногорск со стороны озера

ней есть очерк-картина «Катакомбы Красной Веры», где он со свойственной ему энергетикой слова пишет о величии осуществлённого проекта, и ужасающей реальности сегодняшнего времени.

города пускали после оформления документов только ближайших прямых родственников. Приехала Марина в Красноярск, и мы вчетвером прогулялись немного по городу, а потом съездили к плотине Красноярской ГЭС. Затем Толя организовал нам поход в тайгу на несколько дней, но без Марины. И я только сейчас сообразил, что Марина была на четвёртом месяце беременности.

маленький костёр, на котором поджарили сосиски. Сухое вино и чай. Обед нам понравился, особенно сосиски. Изготавливались они тогда строго по ГОСТу. Толя их купил с избытком, и через два дня, когда у

обругал нас — как мы можем хозяйничать на подворье, которое недавно

Понятно, что в свою квартиру Толя нас пригласить не мог. За оградой

Сейчас я совершенно не представляю наш маршрут. Да и тогда я не очень вникал, куда мы идём. Судя по снимкам, вначале мы шли между полей, и даже остановились на обед во дворе брошенного селения. Развели

них появился не сосисочный запах, они стали нравиться меньше. Выбрасывать продукты, с учётом нашего воспитания, мы не могли, только прожаривали их сильнее. Но после возвращения домой мы сосиски не покупали почти два года.

А во время первого обеда на подворье заглянул пожилой мужчина и

покинули хозяева. Мы так и не поняли, по какой причине люди бросили своё жильё. А к вечеру наш путь пролегал между сопок. На некоторых из них лес был полностью вырублен – торчали одни пеньки. Толя объяснил, что при сжатых сроках строительства комбината требовалось много леса,

который заготавливали по возможности ближе к стройке, отложив проблемы экологии будущим поколениям. И это как-то можно понять. Теперь варварская вырубка леса идёт по всей стране ради наживы.

Только к концу второго дня мы вошли в настоящую тайгу с большим количеством кедров. Именно такую тайгу Толя хотел показать нам. Заготовители кедровых орехов хорошо поработали здесь до нас. Но мы шли сюда за «туманом и за запахом тайги». А немного орехов и для нас осталось. Остановились мы на поляне, где до нас заготавливали орехи военные. Был сооружён навес из лакоткани, валялась брошенная шинель. Толя дважды уходил на охоту и возвращался с рябчиками. Обустройство лагеря, приготовление пищи, прогулки по тайге и, главное, разговоры. Видели мы бурундука и огромный след медведя. Толя начал

учить Виту стрельбе из ружья и она, выстрелив по маленькой птичке, неожиданно убила её. Огорчения было больше, чем радости. По вечерам у костра Толя много рассказывал о своей работе и, конечно, анекдоты, не всегда приличные. Вита, обычно не любившая такие анекдоты, в тайге смеялась.

Мы собирались пробыть в тайге четыре дня, но природа распорядилась по своему усмотрению. Пришли мы в тайгу осеннюю. Лиственные деревья

были ещё с зелеными листьями и только отдельные с лёгкой желтизной. Но в третью ночёвку, во время крепкого сна, мы проснулись от звуков, как будто через лес бежали мамонты, круша всё на своём пути. Выглянули из палатки, увидев в темноте, что нас основательно занесло снегом. Сон пропал, а шум и треск за палаткой продолжался. Только спустя некоторое время мы поняли, что это ломаются толстые ветки у лиственных деревьев. Ветки, не сбросившие листву, не могли удержать большой вес влажного снега.

Было понятно, что на этом наше пребывание в тайге закончилось. Наша одежда, особенно обувь для снега не годились. А снега выпало почти сорок сантиметров.

Пригодилась шинель. Разорвали её по швам на полотнища, и утеплили свои ноги. Главная задача, чтобы в обувь не попадал снег. Вите я полностью завернул каждую ногу с кедом полотнищем как портянкой, закрепив всё шнуром, тоже оставленным военными. Я и Толя сделали что-то вроде бахил.

После выхода из тайги идти

стало легче – снег осел, и местами люди протоптали тропинки. Но в этот день выйти к населённому пункту, из которого можно уехать в Красноярск, мы не

могли. В одном месте, в стороне от дороги увидели строения за серьёзным забором. Когда вошли за ограду, к нам вышел мужчина с овчаркой. И как Толя не убеждал его приютить нас на одну ночь, тот не согласился. А тут ещё и собака оказалась невоспитанной. Она, отработывая свой хлеб, рычала и имитировала нападение. Стоило Толе направить в её сторону ружьё, скулила и возвращалась к мужчине. Пришлось уйти в ночь и искать место для палатки. Перед сном запомнилась красивая луна на фоне сопки и моя прогулка босиком за палатку. Не хотелось натягивать влажную обувь. Моё геройство обернулось при возвращении в Красноярск лёгкой простудой, которую мы побороли в поезде на обратном пути.

Толя после нашего короткого похода зауважал Виту, а сейчас она стала для него почти родственницей, как и семья Толи для нас.

Продолжение службы после отпуска.

Служба после отпуска продолжилась в обычном режиме. Инженерного подхода в освоении системы СДЦ у меня не появилось. Отсутствие литературы и инженерной среды не способствовали этому. А с поддерживанием системы в рабочем состоянии я справлялся. Изредка, с проверкой, заглядывал к нам пожилой офицер, отвечающий за состояние техники. Хороший человек, вот только углубить мои познания он тоже не мог. Участник ВОВ, имевший дело с пленными румынами. Отдавая приказания солдатам, он часто шутливо добавлял: «Вперёд, дохлые румыны». Почему-то присказка запомнилась.

Славка тоже служит.

Славка у нас к этому времени ходил в детский садик. Он находился в конце проспекта Metallургов, где он переходил в проспект Ильича, за которым начиналась заводская территория. Экология этого района находилась на очень низком уровне, но мы как-то тогда об этом не задумывались. Совсем недавно я и Вита простояли на этом месте более получаса, ожидая трамвай, и мы чувствовали себя рыбой, выброшенной на берег. Оказалось, что при капитализме даже те несовершенные системы по очистке заводских выбросов, сделанные в советское время, не работают.

Славка с братьями Юрой и Серёжей.

В семейном плане всё у нас было хорошо. Сын стал болеть реже, и мы были молодыми. Главная ценность советской жизни была в том, что голова не была занята проблемами выживания и, тем более, проблемой – как стать богатым. Приближался новый 1970 год.

В дивизионе решили отметить его коллективно вместе с семьями. Забылись детали, но сохранилась память о хорошем настроении и одна фотография, на которой сняты за столом Вита, я и подполковник Заяц (очень даже не старый). И мы так хорошо улыбаемся. Вита запомнила, что её уговаривали повлиять на меня, чтобы я остался в армии, а они постараются отправить меня на учёбу в Академию. Но думаю, что это нужно было для начала разговора. Со мной о возможности продолжения моей службы в армии никто не разговаривал, прекрасно понимая, что в армии я не останусь. По моей природе мне была нужна исследовательская работа.

Приближалась весна. Дивизион располагался на бывшей колхозной земле. Большая площадь этой земли была ничем не занята. Командир предложил желающим взять себе участки под огороды. Около десяти человек посадили

картофель. Мне этого оказалось мало. Я посеял два ряда огурцов и квадрат земли 10X10 метров перекопал под бахчу. Мне, наверное, захотелось реабилитировать себя после неудавшейся попытки с бахчой в детстве. О картофеле в моей памяти осталась яркая картина борьбы с колорадским жуком. Он только начинал своё победное шествие по стране. Кто-то озвучил мысль, что его личинки нужно собирать в бутылку с керосином, а потом торжественно сжигать. А вот был ли урожай? Думаю, что нет. Всем быстро надоело собирать личинки. А вот огурцы и особенно бахча получились хорошими. В то время Украину начал победно завоёвывать не только колорадский жук, но и амброзия, которая, если ей не мешать, вырастала выше пояса взрослого человека сплошной стеной. Бороться с ней оказалось проще, чем с жуком. Времени у меня свободного было много, особенно при готовности №1. В результате моя сотка бахчи, без единого сорняка, стояла, окружённая стеной амброзии. Арбузов и дынь оказалось так много, что я устал их возить домой. Пешком, больше двух больших арбузов не унести. И не каждый день я попадал домой. Осенью я организовал мужа моей сестры Лёню с машиной, чтобы увезти оставшийся урожай.

В этот год у дивизиона были запланированы стрельбы на полигоне Капустин Яр, которые совпали с операцией «Кавказ» - прямым участием войск СССР на стороне Египта в отражении агрессии Израиля, ставшего на тот момент ударной силой в планах Англии и Франции по возвращению своего влияния в зоне Суэцкого канала. Немного истории:

1. Суэцкий кризис (1956)
2. Шестидневная война (1967)
3. Операция «Кавказ»
4. Война на истощение (1967—1970)

Ближний Восток занимал важное место во внешней политике СССР уже с начала 50-х годов.

Мухаммед Х. Хейкал — главный редактор газеты «Аль-Ахрам», друг и доверенное лицо президента Насера:

«Советский Союз стал первой европейской страной, которая послала своих военнослужащих в африканскую страну не для её колонизации и хозяйничанья в ней, как это до последнего времени делали все европейские государства, а для того, чтобы помочь этой стране бороться против империализма и колониализма».

«В декабре 1969 г. в СССР разработали план операции "Кавказ" — создания на территории Египта группировки советских войск ПВО».

Было разработано несколько конкретных генеральных планов строительства площадок и огневых позиций для дислокации зенитно-ракетных комплексов С-75 «Двина» (для египтян) — 25 единиц по плану — и С-125 «Печора» (для ограниченного контингента из Советского Союза) — 24 единицы. В систему ПВО включались зенитные самоходные установки «Шилка» и комплексы «Стрела-2».

Для отправки в Египет уже были отобраны 32 тысячи советских генералов, офицеров и солдат. Группировка войск включала в себя особую зенитно-ракетную дивизию в составе трех зенитно-ракетных бригад и Центра радиоэлектронной борьбы; истребительно-авиационную группу в составе двух полков и группу военных советников и специалистов.

В конце января 1970 г. оперативная группа в количестве 20 человек вылетела в Каир для оказания помощи египетской стороне в ускоренном строительстве инженерных сооружений и оборудовании боевых порядков для размещения зенитно-ракетных дивизионов.

Всего с 20 июля 1969 по начало августа 1970 г. было сбито 94 израильских самолета, иными словами, за год была уничтожена почти половина израильского парка боевых машин. 7 августа, наконец-то, было установлено перемирие сроком на три месяца. «Война на истощение» пошла на убыль».

Мы, находясь в это время на полигоне, наблюдали как вновь скомплектованные дивизионы, проведя контрольные стрельбы на полигоне, своим ходом отправлялись в порт города Николаева. Особенно эффектно смотрелись тягачи завода КРАЗ на широкопрофильных шинах низкого давления. В составе этой группировки войск были и два офицера нашего дивизиона.

На учебные стрельбы мы поехали без своей техники. Поэтому «были сборы недолги». У командира забот и в таком варианте было много. По результатам стрельб оценивалась работа в дивизионе на период до следующих стрельб. Существовали какие-то традиции для повышения благосклонности хозяев полигона. Командир попросил меня (по секрету) купить в городе десять бутылок с коньяком, который был в то время в дефиците. Боря охотно помог нам в этом. Вот такие смешные нарушения законности и у моего командира, и у крупного партийного руководителя.

Ехали мы в теплушке. Почему? Не задумывался и тогда. Наверное, так удобнее, чем ехать большой группе военнослужащих с пересадками на обычных поездах. В молодом возрасте почти туристический маршрут по степной зоне СССР. Хороший обзор из открытой двери, но виды из неё без особого разнообразия. Только суслики, стоя, провожали наш состав поворотом глаз. Маршрут в 800 км проходил по Донецкой, Ростовской, Волгоградской областям и закончился на станции Капустин Яр на севере Астраханской области.

Маршал Гречко на полигоне.

«Капустин Яр в Астраханской области — первый отечественный ракетный военный полигон и космодром в северо-западной части Астраханской области. Официальное название: 4-й Государственный центральный межвидовой полигон Российской Федерации (4 ГЦМП). Он образован 13 мая 1946 года.

Капустин Яр (Кап Яр, как принято именовать его в обиходе), а ныне Знаменск — город, не обозначенный даже на картах, загадочный для окружающих, неброский внешне... Но вместе с тем город-труженик и город-солдат, колыбель практической отечественной космонавтики, небольшая частичка необъятной России, внесший неоценимый вклад в ее могущество, силу и независимость».

В памяти сохранилось совсем мало деталей. Даже, где мы жили. Мы находимся на одной из точек, где в землю, покрытую редким кустарником и хилой травой, врыты станции наведения ракет. СНР закрыты сверху брёвнами и засыпаны землёй. Земля на 70 % — песок. Входы к станции обрамлены тоже брёвнами и закрыты полотнищами из брезента. Сделано это не для защиты от нападения противника, даже не от непрошенных наблюдателей из космоса, так как антенна и пусковая установка находятся на поверхности. Сделали укрытие, чтобы немного защитить станцию от песка. Таких станций несколько. Налажен для стрельб определённый конвейер. Для пусковых установок есть запретные углы по азимуту, находясь в которых ракету нельзя запустить. Стрельба ведётся по беспилотному самолёту-мишени.

Для подготовки материальной части к стрельбе отводится определённое время. Когда мы выдвинули блоки, то поразились количеству песка и пыли, лежащим на платах. Сколько дней эта пыль с песком накапливались? Возможно, и за сутки, если дул ветер. Насколько тщательно мы чистили блоки, не запомнилось. Я уже писал, что дома, при более благоприятных условиях, после чистки приходилось затрачивать много времени, чтобы системы станции работали в необходимом режиме. Наверно, в конечном итоге, комплекс к стрельбе был готов. Иначе наш командир не рискнул бы доложить наблюдающему офицеру от полигона о готовности комплекса к стрельбе.

Дана команда на запуск самолёта-мишени и начало боевой работы. Необходимо на радиолокаторе кругового обзора обнаружить движущуюся цель, классифицировать её, определить все параметры её движения. Далее захват на автоматическое сопровождение цели и, в наиболее оптимальный момент, выдача команды на пуск ракеты. Много, конечно, ещё всяких нюансов в работе старшего офицера, отвечающего за всю работу. Я и во время службы не знал их — общая ситуация разворачивания нового дивизиона не способствовала этому.

При плановых стрельбах никаких помех не применяли, и поэтому моё участие в боевой работе не требовалось. Рядом со мной ещё один офицер в такой же ситуации. И я предложил ему тихо выйти из станции, чтобы посмотреть на полёт нашей ракеты.

Поднявшись наверх, мы увидели, что антенна уже сопровождает цель, а через минуту увидели самолёт-мишень маленького размера. Он быстро летел на маленькой высоте мимо нашей позиции на удалении нескольких километров. В этот момент и пусковая установка стала поворачиваться синхронно с антенной. Причём, сопло ракеты,

находившееся от нас на расстоянии 30-ти метров, поворачивалось в нашу сторону. Стало страшновато, и мы одновременно упали плашмя на землю, накрыв голову руками. А мгновением позже струя газа, захватив в себя воздух и всю пыль по дороге, прошла над нами. Температура этой газопылевой смеси уже не могла причинить ожогов, но пропылила нас основательно. Ещё через мгновение, когда мы открыли глаза, ракета была далеко, но летела она не в сторону мишени, а по баллистической кривой, как будто это был обычный снаряд, выпущенный из пушки. Ещё секунда полёта, и ракета по красивой дуге уткнулась в землю, даже не взорвавшись.

За пять минут мы, слегка очистившись от пыли и мусора, вернулись на станцию, но наше отсутствие никто не заметил. Все были огорчены результатом стрельбы. Результатов разбора стрельбы я не узнал. Повторно мы не стреляли. До конца службы никак не проявилась критика в адрес нашего дивизиона.

Ещё пара моментов, оставшихся в моей памяти. На полигоне мы находились не меньше недели. Однажды я шёл по степи (возможно, вышел прогуляться) достаточно далеко от станции. Прохожу мимо густого кустарника, и вдруг прямо надо мной пролетает крупная птица. Взмывает вверх, делает несколько кругов, не улетаая, и снова пикирует на меня. Понимаю, что это птица из крылатых хищников, в которых я не разбираюсь. Понимаю, что не могу быть для неё добычей, и всё-таки становится неуютно. Не стал ждать третьего нападения и быстро пошёл подальше от кустов, решив, что там у неё гнездо. Птица, кружась сверху, провожала меня около ста метров.

Ещё до наших неудачных стрельб невдалеке от нас упал сбитый самолёт-мишень. На полигоне работала специальная служба, которая приезжала на легком автомобиле и снимала ценные и, возможно, секретные блоки, а оставшиеся легкодоступные узлы просто портила тяжёлым молотком. Позже приезжал грузовик с краном и увозил остатки мишени.

У ребят появилось желание сбегать к сбитой мишени посмотреть и, возможно, что-нибудь открутить на память. Я не мог сбегать с ними – в этот день был дежурным по нашему лагерю. Ребята мне в утешение принесли плату с десятком электромагнитных реле (с питанием тяговой катушки от постоянного тока 27 вольт). Прекрасные реле. Почти все реле были впоследствии использованы в моих домашних поделках и даже на заводе. Изделия со знаком военной приёмки изготавливались с высоким уровнем надёжности.

Дорога домой не оставила воспоминаний. После возвращения лейтенант Мильчевский заболел желтухой, и все решили, что виновата крупная копченая рыба, которую он купил для семьи на стоянке поезда возле реки Дон. А я даже не стал ждать товарной станции, на которую должны были доставить нашу теплушку. С разрешения командира, спрыгнул на перекрёстке, который был ближе к дому, чем станция.

Разработчики комплекса С-125 продолжали работать над его совершенствованием. Прежде всего, в расширении диапазона поражения цели, как по высоте, так и по дальности. При мне для улучшения возможностей по обнаружению маловысотных целей СРЦ П-15 установили самоподъемное антенно-мачтовое устройство "Унжа" - для подъема антенны на высоту до 50 м.

Для обеспечения целеуказания при ведении боевых действий без АСУ ПВО дивизионам С-125 придавались радиолокационные станции разведки и целеуказания: метрового диапазона - типа П-12 (П-18), дециметрового диапазона - П-15.

Продолжалось развёртывание новых дивизионов по всей стране и на юге Украины тоже. Неожиданно несколько офицеров дивизиона отправили в новый дивизион, расположенный возле города Запорожье. Поехал я с некоторой тревогой. Я не считал себя знающим свою систему настолько, чтобы обучать других. Но как-то наше общение в этом дивизионе прошло на дружественном уровне. Общение коллег всегда полезно. А ещё я два вечера провёл со своими однокурсниками. Ваня и Роза Горобцы, из моей группы, создавшие семью, жили в Запорожье и работали на Запорожстали. Встретился я и с Юрой Павленко. Он учился на моём факультете в параллельной со мной группе. Мы во время учёбы мало с ним пересекались. А после института, благодаря регулярным встречам наших двух групп, появился интерес к общению. А сейчас общение стало определённой потребностью, благодаря Интернету и уважительному отношению друг к другу.

И ещё один короткий, но важный момент в моей жизни, произошедший в конце моей службы. Я стал кандидатом в члены КПСС. Некоторые размышления по этому поводу. КПСС, имевшая в своей истории и другие названия, после революции 1917 года постепенно видоизменялась, превратившись во властную надгосударственную вертикаль (с горизонталью), помогавшую решать стоявшую перед страной проблему выживания в капиталистическом окружении. По сути, партия превратилась в дополнительный механизм управления страной. Всемирно известный философ, социолог и писатель Александр Зиновьев, рассматривая современные тенденции развития человечества, ввёл понятие «сверхобщество», которое, начав складываться после ВОВ, не просто сосуществует с обществами, а начинает играть доминирующую роль.

В начале ВОВ был создан Государственный Комитет Оборона, отодвинувший партию на второй план. После войны Сталин попробовал сделать, чтобы КПСС стала реально соответствовать своему названию, но времени, отведенного ему на это преобразование, не хватило. Хрущёв вернул всё в привычное для него русло.

О таких тонкостях я, служа в армии, не задумывался. Появившееся желание стать членом партии объяснялось обычной прозой жизни и, возможно, моей наивностью. Мне казалось, что, находясь в рядах партии и через неё, я смогу немного влиять на процессы, происходящие в рабочем коллективе. Иногда действительно на что-то можно было влиять.

Принципы приёма в партию предполагали преобладание в ней людей рабочих профессий. И поэтому обычному инженеру стать членом партии было трудно. А в армии такое ограничение отсутствовало. А тут катализатором опять стал Феликс Белый. Мы хоть и служили в разных дивизионах, но иногда пересекались. Например, на общеофицерских собраниях в бригаде. Оказалось, что он уже кандидат КПСС. Собрание, на котором меня принимали кандидатом в члены КПСС, запомнилось доброжелательностью. Особенно похвалил командир за мою ответственность и трудолюбие.

Правильным ли было моё решение? Я, как и многие творческие люди, не любил отрываться от интересных для меня дел. Действительно, много людей становилось членами КПСС из-за карьеры, но не большинство. Часто эти люди становились функционерами, приносящими вред делу социалистического строительства, в правильности которого я ни тогда, ни сейчас не сомневаюсь, особенно для России. Считаю, что правильно. Глубоким анализом сейчас заниматься не буду. Вся моя книга такой анализ.

Возвращение в лабораторию П. М. Ходоса. 1970 – 1971 годы.

После демобилизации вплотную встал вопрос выбора работы. В СССР проблемы с работой не было. Везде висели объявления с предложениями по трудоустройству. Люди к этому привыкли, считая, что так и должно быть. В этом плане даже нарушителей трудовой дисциплины было трудно испугать увольнением, а трудовое законодательство защищало интересы человека труда.

Вот и меня обязаны были принять в лабораторию на прежнюю должность с оплатой не ниже той, которая была до призыва в армию. Мне хотелось заниматься исследовательской работой с серьёзной нагрузкой и значимостью для страны. Мелькали в голове мысли о работе, связанной с исследованиями в подводном мире. Я даже раньше выяснял возможность получения второго образования в Ленинградском Институте Океанографии. Но тогда получить второе образование можно было при условии, что по первому образованию я не мог работать по состоянию здоровья.

Обсудив свои размышления с Витой, мы приняли решение о моей поездке в Севастопольский Институт биологии южных морей. Со мной вежливо поговорили и дали понять, что никакого интереса я для них не представляю. Предложили заглянуть в город Геленджик.

« В это время недалеко от города Геленджика на дно Голубой бухты погрузилась подводная лаборатория «Черномор» Института океанологии имени П. П. Шишова Академии наук СССР. За восемь лет «Черномор» совершил десятки погружений, позволив специалистам провести многие

подводные исследования. Кроме того, на «Черноморе» проходили подготовку будущие водолазы-совместители, кандидаты в гидронавты».

В Геленджике я побеседовал с одним из руководителей подводных исследований. Рассказал о своей трудовой деятельности, увлечениях, семье и желании трудиться в области подводных исследований. Немного заинтересовал собеседника. На выходе беседы – им предпочтительны специалисты, уже имеющие образование и опыт в их области. Свободных вакансий в штатном расписании почти нет. Жильё начали строить, но и когда построят, получить его будет проблематично. Они могут меня взять (найдут должность) с окладом 95 рублей, и если я буду соответствовать рассказанному о себе, через год найдут возможность поднять зарплату до 120-и рублей. Для жены работы у них пока нет. Она может попробовать найти работу в сфере обслуживания отдыхающих. Жильё тоже придется снимать. Дальнейший мой рост возможен при участии в научной работе и защите диссертации.

Выводы из моей поездки были однозначны: приоритет интересов семьи, работать нужно в области с максимальным использованием полученного образования, повышать свой профессионализм, находить в своей работе творческое начало, а остальное приложится. Приблизительно по этим принципам я и Вита прожили свою трудовую жизнь. Считаю, что она удалась, и в этом нам помогало советское жизнеустройство.

01.10.1970 года я продолжил работать в лаборатории, которой руководил Ходос. 28. 06. 1971 года уволился из лаборатории с формулировкой «по собственному желанию». Всего восемь месяцев и 27 дней. И за этот период, почти девять месяцев, ничего по работе интересного, о чём сейчас хотелось бы написать. Похоже, уже не работали в лаборатории моя бывшая начальница Нелля и Вася Матяж. Не было дальних командировок и даже дорожных испытаний в окрестностях Жданова. При мне закончили постройку металлического утеплённого бокса, в котором установили два вибростенда (которые я освоил перед службой в Армии) и что-то ещё по мелочи. Я стал главным специалистом этого хозяйства в единственном числе. Появилась необходимость в вибрационных стендовых испытаниях. Периодически привозили отдельные узлы изделий, выпускаемых заводом, весом до ста килограммов, и мне их нужно было трясти на вибростендах в режиме определённой инструкцией. Работа для слесаря-испытателя среднего разряда. Возможно, были работы с серьёзными измерениями, но в памяти у меня они не задержались.

Одна работа запомнилась, но я к ней никакого отношения не имел. У нас проходили испытания расходомера для ракетного топлива. Тяжёлые ракеты заправляются сотнями тонн топлива и окислителя. Иногда в сжиженном виде, т. е. при очень низких температурах. Нужно быстро перекачать огромный объём топлива и точно отмерить его количество. Нашей лаборатории дали задание испытать экспериментальный образец расходомера с заявленной точностью 0,3 %. Это очень высокая точность. Соответственно стенд, на котором проводятся такие испытания, должен иметь точность существенно выше, чем у испытываемого прибора. Кратко, суть расходомера заключалась во вращении

двух овальных шестерёнок, сопряжённых между собой, под давлением прокачиваемой жидкости.

Сейчас мне понятна невозможность получить на таком принципе работы расходомера заявленную точность. Но как-то соблазнили заводчан и Ходоса разработчики из Армении. Любопытный придумали стенд. Огромная машина топливозаправщика стояла на платформе, которая опиралась на штоки нескольких гидроцилиндров. Вес платформы вместе с весом топливозаправщика создавал давление в жидкости, которой были заполнены гидроцилиндры. Давление по трубке передавалось в комнатку, где находился измерительный гидроцилиндр. Огромный вес, создающий давление жидкости компенсировался гирьками из набора для аналитического взвешивания. Замерами занимался Дима Галлалу, мой хороший товарищ, и поэтому я к нему изредка заглядывал. Когда выполнялись работы, которые предполагалось оформить как изобретение или рацпредложение с хорошим экономическим эффектом, Ходос их не афишировал. А на такие вещи у него был особый нюх.

В этот период и я прикоснулся к рационализации. Оплата за рацпредложения была копеечная, зато любая творческая задумка (особенно собственная) интересна и заполняет избыток свободного времени. И 10-30 рублей не лишние деньги. Первой такой работой был поворотный столик для тарировки датчиков ускорения. Во второй раз я решил усовершенствовать очень популярный у нас ручной измеритель тензонапряжений. При нагружении конструкции исследуемой статическом режиме, её обклеивают тензодатчиками, которые по очереди подключаются к измерительной схеме, а затем разбаланс схемы компенсируется поворотом рукоятки проволочного реохорда. Вот я и решил заменить контактный реохорд бесконтактным компенсатором с тензометрической схемой. Получилась изящная конструкция, и вполне работоспособная. Вот только времени у меня на доводку не осталось. А в самом конце работы в лаборатории Ходос озадачил всех разработкой датчика с преобразователем для измерения веса груза, поднимаемого крюком козлового крана. Я опробовал на макете метод такого измерения с использованием доработанного датчика ускорений. С моим сегодняшним опытом оцениваю то решение вполне перспективным.

Работала в лаборатории молодая семья Веселовских, Коля и Оля. Коля мне дал рекомендацию для вступления в партию. Но это я вспомнил попутно. Коля, в отличие от меня, тратил своё свободное время на написание диссертации, и через какое-то время стал кандидатом технических наук. Тогда на заводах кандидатам наук выплачивалась некоторая дополнительная фиксированная сумма денег ежемесячно. Не знаю темы его диссертации. А в этот период Коля предложил относительно новую идею уровнемера жидкости. До этого уровень наполнения ёмкостей с агрессивными жидкостями измеряли расходомерами на принципе изменения электрической ёмкости. Пруток, изолированный фторопластом опускался до дна контейнера и имел с корпусом контейнера определённую начальную ёмкость в pF . При наполнении контейнера жидкостью ёмкость между прутом и корпусом изменялась. Закономерность имела

сложную нелинейную зависимость и погрешность от разных факторов больше 20 %.

У Коли в контейнер опускалась нержавеющая труба, по которой перемещался нержавеющий поплавок. Внутри поплавок мощный постоянный магнит, а внутри трубы, с определённым шагом по высоте, на длинной плате распаянные герконы (герметичные контакты). Контакты герконов замыкались при воздействии на них магнитного поля. Красивая идея, от которой до надёжно работающей измерительной системы длинный путь.

Часто заглядывал в мой бокс Володя Сударев. Он продолжал руководить в 28-м цехе бригадой слесарей КИП и А. Вита и жена Володи Фильза работали в это время вместе в конструкторском бюро, которым руководила моя сестра Роня. Вне работы мы семьями часто общались. С Сударевыми мы жили рядом. Нормальное общение было у меня и с моими школьными друзьями, хотя и жили мы теперь в другом конце города.

Наверное, от неудовлетворённости основной работой я решил строить переносной парусный катамаран. Конструкция предполагалась из двух надувных поплавков, соединённых платформой, с мачтой и парусом. Размер платформы должен был позволять устанавливать на ней палатку. Предусматривался и педальный привод на ласт, установленный за кормой катамарана. Ласт должен был совершать колебательные движения в вертикальной плоскости. Назначение такого катамарана – активный отдых в выходные дни вдоль берега Азовского моря. Я даже успел кое-что для этого катамарана сделать. Но, как в том тосте: «Чтобы ваши желания совпадали с вашими возможностями». Помощников, увлечённых этой идеей, не нашлось. А возможности малы. И в материальном плане, и в материалах. Оклад мне, к слову, после службы подняли на пять рублей.

Однажды к нам, на чей-то день рождения, Сударевы пришли с товарищем Володи по работе, уже в то время очень предприимчивым молодым мужчиной Мишей Кечеджи. Грустная судьба сложилась впоследствии у Миши. А пока он – очень уверенный в себе и в жизни человек. Ещё до нашего отъезда из Жданова семья Кечеджи породнилась с семьёй Володи. Брат Миши Володя женился на сестре В. Сударева Люде. Я и Вита были на этой свадьбе.

Миша, узнав о моих планах постройки катамарана, предложил мне помощь в добывании нужных материалов, но я тактично отказался. У меня на генетическом уровне была неприязнь к таким предпринимателям, но тогда она была ещё подсознательна. Я с Володей даже поссорился на эту тему. С Володей мы и впоследствии часто имели разное мнение по многим вопросам, но привязанность осталась до конца его жизни. Была у него жизненная установка – он не мог осмысленно сделать плохо другому человеку.

Строительство Камского автозавода.

Из летописи строек страны:

1969 год. 14 августа ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о строительстве автомобильного комплекса заводов в Набережных Челнах. Официально, согласно приказу по Министерству автомобильной промышленности, он был назван Камский автомобильный завод (КАМАЗ).

Генеральным подрядчиком по сооружению КАМАЗа было утверждено управление строительства «Камгэсэнергострой» Министерства энергетики и электрификации СССР.

13 декабря. На строительной площадке КАМАЗа был вынут первый ковш грунта.

1970 год. В городе Набережные Челны сдано 150 тысяч квадратных метров жилья.

1971 год. Начато строительство Нового города.

Газеты напечатали уже много статей о новой грандиозной стройке, но мы, привыкшие к таким стройкам, радовались, но не думали, что КАМАЗ и Челны станут местом нашей жизни. Инициаторами кардинальных решений стали Сударевы. Володя по своей натуре не мог долгое время оставаться на одной работе и даже в одной местности. У Фильзы присутствовала ностальгия по родным местам. Однажды они пришли к нам с журналом «Огонек», в котором на весь разворот журнала была помещена фотография развороченного грунта с заложенным фундаментом ТЭЦ. А ещё проект высотной гостиницы.

Немного позже мы приняли решение ехать на строительство КАМАЗа. Поговорили с родными, которые приняли наше решение спокойно. Я даже узнал мнение по поводу нашей задумки у Семенцова. Он одобрил, но как-то неубедительно. Для Володи Сударева очень важно было моё согласие.

Интересно, что даже со стороны Бори и Рони не было предложений на тему подбора для меня новой работы на Тяжмаше и, тем более, разговоров о карьере. Считалось, что мы молоды, и вправе найти свой КАМАЗ. А в своей стране мы везде дома. Так практически всё и было.

Для меня главным фактором была неудовлетворённость работой в лаборатории и, наверное, туристическое начало. Виту тоже манили новые места и масштабы будущего завода. Было принято решение. Володя едет на разведку и

информирует нас. Уехал он в апреле. Тогда все дороги в Набережные Челны шли через Казань. Из Казани он на автобусе, по весенней распутице, поехал в Н-Челны. Дорога в 220 км заняла двое суток. Пришло от него несколько писем. С восторгом писал он о строительстве, природе, и о том, как молодые инженеры работают в белых рубашках с галстуками и в резиновых сапогах. О лесах писал мало, а меня они очень интересовали. В начале мая было несколько выходных и его отправили в маленькую турпоездку в город Ульяновск.

В конце июня Володя приехал в Жданов с вызовом на моё имя. Мне предлагали работу на строительстве КАМАЗа. 28 июня я уволился с ТЯЖМАША, а с 6 июля был принят старшим инженером монтажного отдела У.С. «Металлургстрой». Всё делалось быстро. На этот раз мы из Казани прилетели на самолёте АН-24 на грунтовый аэродром, который находился в километре от нашего общежития для ИТР.

Управление строительством «Металлургстрой». 1971 – 1973 годы.

Полёт из Казани 30 минут. Рассматриваю через иллюминатор землю Татарии. К сожалению, внизу есть лес, но островками и, конечно, не тайга. Достаточно равнинная поверхность с небольшими холмами. Много обработанных полей.

Общежитие ИТР. Дом 10/23 посёлка Гидростроителей.

Пришли в общежитие, где Володя зарезервировал для меня койку. Обычная двухкомнатная квартира в пятиэтажке. Перекусили и пошли в монтажный отдел Камгэсэнергостроя. Володя попросил грузовичок, закреплённый за отделом, и повёз меня устраиваться на работу. В У.С. Промстрой практически мне отказали, а в У. С. Metallurgstroy сразу оформили старшим инженером монтажного отдела. Располагалось Управление в двух больших армейских палатках. Рядом шло строительство двухэтажного блочного корпуса для ИТР и корпуса столовой. Сроки строительства этих объектов сжатые, как и для всех остальных объектов строительства комплекса заводов. В нашем случае людей до холодов обязательно нужно было переселить из палаток в капитальное помещение и обеспечить питанием. А пока у нас рабочие места в палатке, а обедаем мы привезённой пищей в баках из другой столовой.

«Осень 1970 года – уложены первые кубометры бетона в фундамент первенца «КАМАЗа» – ремонтно-инструментального завода, а также корпуса серого и ковкого чугуна литейного завода.

Январь 1971 года – сдан первый в Набережных Челнах 12-этажный жилой дом для первопроходцев «КАМАЗа».

В этом доме в посёлке ГЭС получит квартиру мой коллега по КамАзу Коля Ядринцев.

Почему Управление Строительством назвали Metallургстрой? Всё просто.

Основные объекты нашего строительства – это литейные заводы. Наиболее крупный из них корпус (завод) серого ковкого чугуна (СКЧ). Удивительный

метал этот хоть и серый, но ковкий чугун. При его очень хороших литейных качествах и дешевизне, он по прочностным свойствам не уступает высокопрочным маркам стали. Поэтому корпусные сложные блоки для двигателей внутреннего сгорания (ДВС), коробок перемены передач (КПП), раздаточных коробок и т. д., отливают из такого чугуна. Затем с убыванием по габаритам: корпус стального литья, корпус точного стального литья, корпус цветного литья. Не вписывается в эту логику Ремонтно-инструментальный завод (РИЗ). Думаю, что по территориальному расположению.

Ближе всех к нам располагался РИЗ. Первые корпуса Литейного завода представляли на расстоянии километра отвалы рыжей глины. И только на площадке корпуса СКЧ стояли первые ряды фундаментов и даже установленные на них мощные колонны. Справа от КСКЧ возвышались частично построенные корпус ТЭЦ и её первая дымовая труба. Теперь можно было посмотреть фотографию, напечатанную в Огоньке в ожившем виде.

«Теплоэлектроцентрál (ТЭЦ) — разновидность тепловой электростанции, которая производит не только электроэнергию, но и является источником тепловой энергии в централизованных системах теплоснабжения (в виде пара и горячей воды, в том числе и для обеспечения горячего водоснабжения и отопления жилых и промышленных объектов)».

Но я ещё не скоро попаду на все эти объекты. Старший инженер монтажного отдела и пока единственный человек в нём. В промышленном строительстве знаний у меня никаких. Володя Сударев, занимающий такую же должность в вышестоящей организации П. О. Камгэсэнергострой, пока мне конкретики не добавил. Он и сам не знал, и задачи у подразделений каждого уровня разные. Потихоньку начинаю заниматься самоедством. Безделье – самое худшее наказание для любого нормального человека.

Июль 1971 года оказался для разгара лета прохладным. Из посёлка ГЭС нас каждый день везут за 20 км к месту работы вахтовым автобусом. На это уходит приблизительно 1,5 часа. Увозят тоже автобусом. Иногда, после дождей, приходится мужчинам выходить и толкать автобус. Запомнилась первая поездка новизной и разговором с мужчиной, А. Рословым, проявившим ко мне интерес. Я ему немного рассказал о себе. Позже через Володю я и Вита познакомились с ним и его семьёй ближе. Я ещё об этом напишу.

А. А. Рослов

Чувствуешь себя как в заключении. Привезли, увезли. Начальства нет, коллег по работе тоже. Иногда какая-нибудь девушка поглядит на молодого неприкаянного парня. Некоторое оправдание сложившейся ситуации было в молодости самого подразделения. Metallургстрой образовался только 22 февраля 1971 года. Ему всего четыре месяца отроду. В дальнейшем, принимая иногда участие в планёрках, я слышал от руководителя Metallургстроя Алексея Анатольевича Болдырева, что в СССР таких заводов никто не строил. А у него был опыт работы на строительстве Асуанской плотины в Египте, а затем работа заместителем главного инженера на строительстве Саратовской ГЭС.

Как-то подошёл ко мне Вашнёв – заместитель Болдырева, и дал задание подсчитать весь ассортимент железобетона в проекте РИЗа. А потом увязать между собой уже смонтированный в строящемся корпусе, имеющийся в наличии для монтажа и который ещё нужно получить. С помощью начальника Володи Щербакова Владимира Михайловича, мне стало ясно, что основную работу мне предстоит проделать со строительными чертежами РИЗа, остальное ножками на строящемся заводе и в документах поставок. Строительные чертежи с машиностроительными чертежами, ничего общего не имеют. Большинство названий в строительных чертежах (типа ростверк и т. д.), я никогда не слышал. Толком и спросить некого. И всё-таки это заняло моё время, и появилась необходимость в походах на завод для подсчёта установленных колонн, бетонных балок, плит перекрытий и т. д. Появились знакомства с новыми людьми.

Металлургический комплекс объединял в себе самые сложные в технологическом и строительном отношении производства в структуре автогиганта. Кроме этих объектов, предстояло возвести и другие объекты, не сравнимые по масштабам, но жизненно важные для города: станцию очистки воды, водозабор, жильё. Стратегически важным было сооружение растворобетонного завода (РБЗ-2), который необходимо было сдать в эксплуатацию в первом квартале 1972 года. Большая стройка требовала бесперебойного снабжения бетоном. Меня тоже подключили к строительству РБЗ. Володя в своём отделе тоже за что-то отвечал на строительстве этого объекта. Мы вдвоём тщательно осмотрели уже давно работающий РБЗ-1,

В. П. Сударев

построенный для нужд строительства Нижнекамской ГЭС, а теперь работающий, в основном, на КАМАЗ.

Как я теперь понимаю, задачей двух монтажных отделов была организация бесперебойного наличия на строительстве материалов и комплектующих изделий. Для этого нужно было хорошо изучить документацию строящегося объекта, понимать последовательность выполняемых работ, и быть организующе-контрольной службой между снабженцами, поставщиками и строительно-монтажными управлениями. Серьёзная работа, в которой мне нужно было почти всё постигать с нуля. Но ведь я не собирался становиться строителем и не скрывал этого. Складывающаяся ситуация меня сильно угнетала.

С. А. Савченко

Ко мне как-то подошёл поговорить главный энергетик нашего управления Степан Акимович Савченко, и в конце разговора предложил перейти работать в его отдел. Думал я недолго и согласился. Электричество – моя область, а постичь некоторые особенности строительной специфики проще, чем изучать что-то с нуля. С первого ноября меня перевели в отдел ОГЭ. К этому времени в монтажном отделе у меня появился начальник. Я даже не успел с ним определиться во взаимоотношениях и его познаниях. Он меня убеждал остаться, но я так морально устал от своей неопределённости с работой... Мой переход был правильным решением.

Отдел главного энергетика – это три человека. Начальник С. А. Савченко, одновременно считавшийся заместителем главного инженера. Я – старший инженер. И ещё женщина на должности техника. В подчинении главного энергетика находился Энергоучасток. Начальник Старожилов Иван Яковлевич и бригада рабочих. Главной задачей ОГЭ было электроснабжение строительных работ. Это, прежде всего, строительство временных линий электропередач напряжением 6 киловольт и монтаж комплектной трансформаторной подстанции (КТП) наружной установки. И, конечно, планирование этих работ, совмещённых с заказами оборудования, комплектующих изделий и материалов. Основной моей работой стало сотрудничество с подразделением Гидропроекта по электроснабжению. Я на месте определял место установки КТП для нового фронта работ и трассу прокладки воздушной линии электропередачи.

Женя Родионов и Феликс Гинзбургский.

Оформлял задание для Гидропроекта. Быстро наловчился приносить проектировщикам почти готовый проект на карте генплана.

У меня сложились дружеские отношения с инженером-проектировщиком Феликсом Львовичем Гинзбургским. Мы даже изредка общались семьями.

Приходилось ездить в Энергорайон – организацию, централизованно занимавшуюся заказами КТП и многим другим электротехническим оборудованием. В их обязанности входила и периодическая проверка этого оборудования со стороны входа напряжения шести киловольт, а также ремонт КТП. Транспортировка КТП из Энергорайона к месту установки тоже входила в мои обязанности. А, возможно, такое «живое» дело я сам включил в свои обязанности.

В сентябре у Виты был отпуск и она, соскучившись, решила приехать в Набережные Челны навестить меня и Володю, а заодно составить своё впечатление о строительстве, условиях жизни, природе. К сожалению, не сохранились письма, которые я писал ей и маме в этот период. О её пребывании в Челнах я напишу немного позже, а вот о транспортировке на трейлере, буксируемым трактором «Кировец», напишу сейчас. Энергорайон располагался рядом со строящейся Нижнекамской ГЭС. Кама тогда текла по обводному каналу, а на месте будущего водосброса и шлюзов шла плановая работа. Солнечный тёплый осенний день. Нам на трейлер установили и закрепили многотонную КТП, и мы в кабине мощного колёсного трактора отправились вместе с Витой в маленькое путешествие длиной в 20 км. Котлован КСКЧ – конечный пункт нашей поездки.

Из письма А. Болдырева. Январь 2000 года. С-Петербург:

«Подводя итоги, можно сказать, что КСКЧ был выполнен в традиционном варианте – на монолитных фундаментах, КСЛ – плавильное отделение на буронабивных, а весь остальной корпус – на забивных сваях, КЦЛ и КТСЛ уже целиком на забивных».

А. А. Болдырев

Монолитный фундамент – это ступенчатая пирамида из нескольких кубических метров бетона, высотой в два этажа. Вот на такую глубину и был выбран весь грунт на площади огромного корпуса. Стенки корпуса после работы экскаватора почти вертикальные. Из котлована бульдозеры прорыли несколько спусков для автотранспорта, который постепенно сделал эти спуски ещё и с боковым уклоном. Уклон, вполне безопасный для самосвалов с грунтом, сильно испугал меня критическим боковым наклоном трейлера вместе с КТП. Ведь центр тяжести у нас был значительно выше, чем у самосвалов. Да и крепление КТП могло не выдержать наклона. Я постарался не пугать Виту. Водитель трактора тоже понял серьёзность ситуации, и практически сползал вниз на тормозах. А в остальном поездка получилась интересной. Вита почувствовала масштаб стройки.

КТП – комплектная трансформаторная подстанция.

Поздно вечером пятого ноября 1971 года пришёл в общежитие Володя и очень эмоционально рассказал о героях – монтажниках и других строителях ТЭЦ, которые несколько дней, ночуя в вагончиках, заварили последний шов трубопровода, по которому была подана горячая вода в Новый Город.

«5 ноября 1971 года был растоплен пиковый водогрейный котел ПТВМ-100, ст. №1. Подана вода в теплотель Нового города, что позволило приступить к возведению там первых жилых кварталов. В конце ноября были запущены и котлы ст. №2 и №3. 8 декабря 1971 года был издан приказ Министра ЭиЭ СССР о создании действующего предприятия ТЭЦ Камского автозавода».

Вот так мой переход в ОГЭ совпал с началом теплоснабжения будущего красавца-города, в котором теперь проживает 500 тысяч жителей.

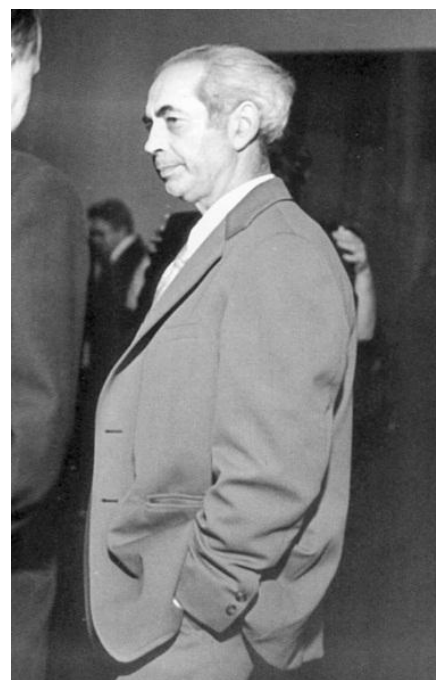
А Володя тогда был очень искренен в своём рассказе. И большинству людей, работавшим на строительстве, казалось очень правильным совмещать крупные трудовые достижения с памятными датами в истории Советского государства. Строителям КАМАЗа и города очень близки были строки из песни: *«Не каждому дано так щедро жить – Дружьям на память города дарить».*

К 40-летию П. О. Камгэсэнергострой на въезде в Набережные Челны вновь появился щит с исторической надписью. Эти слова близки и дороги каждому, кто связал свою жизнь с городом на Каме: *«Трудность забудется, чудо свершится. Сбудется все, что сегодня лишь снится»...*

Легендарный человек – Владимир Александрович Альфиш, участник ВОВ, инженер-гидротехник, 14 лет проработал в Камгэсэнергострое главным инженером. И писал стихи.

КАМАЗ. 1981 год.

КАМАЗ это дело общее
И дело сугубо личное.
Для карьериста – поприще
С путёвкой в дома столичные.
Для подхалима – начальство,
Возможность тереться рядом,
Нахалу придаст нахальства,
Гадёныш вырастет в гада.
Для тех, кто от первого куба
Прошёл до последней точки -
КАМАЗ не орден, не Рубль,
Не женщина и не цветочки.
КАМАЗ – и любовь, и ненависть,
КАМАЗ – красота и грязь,
КАМАЗ – корпуса белопенные,
Ставшие жизнью для нас.

Наша жизнь вне стройки получилась не менее насыщенной, чем на стройке. Товарищи по двухкомнатной квартире (общежитию), каждый со своими особенностями, но серьёзных конфликтов у нас не было. Немного расскажу о них.

Пётр (фамилии теперь забылись) немного старше нас – начальник строительного участка Промстроя. Профессиональный строитель, строивший до этого ВАЗ. Пётр добрый по природе, но что-то не сложилось в его семье. Иногда рассказывал о работе на ВАЗе, где работали и заключённые, которые создавали больше проблем остальным строителям, чем было от них пользы для строительства. Учтя опыт ВАЗа, при строительстве КАМАЗа от труда заключённых отказались.

Пожилой мужчина, руководитель экономической или бухгалтерской службы Камгэсэнергостроя. Ему достаточно быстро выделили квартиру. Володя с ним часто общался, когда он жил с нами и после этого.

Парень моложе нас, боксёр, невысокого роста и малообщительный. Но когда Володе удавалось его разговорить, рассказывал о своих победах над женщинами.

Боря, ровесник Петра – руководитель строительной испытательной лаборатории. Семья, как и у Пети, у него тоже распалась. Таких людей на КАМАЗе было много и большинство из них здесь создали новые семьи. Боря часто напивался, при этом жаловался на жизнь и на ущемление евреев в плане карьерного роста. За время нашей совместной жизни он сжёг несколько электрических чайников. Приходя выпившим в общежитие, включал чайник, ложился на кровать и засыпал. Удивительно, что чайники сгорали, и при этом всё обходилось без серьёзного пожара.

К концу 1971 года на строительство приехал Женя Родионов, наш младший товарищ по команде спортсменов-подводников в Жданове. Его в команду привёл старший брат Володя. Я перед отъездом на КАМАЗ случайно встретился с ним, и оказалось, что он тоже собрался ехать на КАМАЗ. К этому времени он успел отслужить на Тихоокеанском флоте, где его занятия подводным спортом помогли в службе. Его и там включили в команду по подводным соревнованиям. Женя тоже некоторое время жил с нами.

Женя с женой Ниной.

С Володей я познакомился благодаря нашим жёнам, а сблизился из-за увлечения подводным плаванием. Ещё в Жданове мы обсуждали возможность создания коллектива любителей подводного плавания. А первые свои выходные мы потратили на походы в окрестные леса. Первый наш выезд на природу вдвоём был в сторону Заинска. Водитель нас высадил, немного не доезжая Заинска. В этом месте прежде относительно ровная поверхность стала

холмистой. На холмах рос красивый лес, а внизу петляла речка Степной Зай. Между массивов леса по колено разнотравье и цветы. Преобладали ромашки. Много маленьких птичек, о чем-то поющих и разговаривающих между собой. В траве тоже всякая живность издаёт свои звуки. Такой камерный оркестр. Полное ощущение нереальной жизни и умиротворение. В лесу на поляне мы установили палатку и насобирали грибов, в которых слабо разбирались. Сваренный суп с грибами Володя предложил, есть по очереди. Вначале ест он, а через 10 минут, если с ним ничего не случится, моя очередь. Ели мы вместе. На следующий день мы ещё половину дня бродили по лесу и лугам. Красота была прежней, но мы стали к ней привыкать. К середине дня спустились к речке. Чистая, маленькая речка, которой хватило, чтобы мы в ней поплескались. Удивительно, но этой речки вполне хватило, чтобы заполнить водохранилище Заинской ГРЭС. Первые наши выезды для тренировок и отдыха прошли на тёплом Заинском водохранилище.

«Заинская ГРЭС (полное официальное название — «Заинская Государственная районная электростанция имени 50-летия СССР» ОАО «Татэнерго») — крупнейшая тепловая конденсационная электростанция Татарстана, расположенная в городе Заинск, вблизи Заинского водохранилища на реке Зай. Является крупнейшим производителем электричества в республике Татарстан.

Когда электростанция достигла полной проектной мощности в 2,4 ГВт, Государственная комиссия приняла весь комплекс Заинской ГРЭС в промышленную эксплуатацию. Это произошло 13 февраля 1976 года. По титулу Заинской ГРЭС был возведён рабочий поселок Новый Зай (ныне город Заинск)».

Несколько совместных с Володиёй походов на природу мы совершили, переправившись на правый берег реки Камы. Плотина тогда только строилась, а людей и технику перевозили на другой берег на пароме. Сразу за Камой растёт огромный массив леса, в основном хвойного. В 1991 году большая территория получила статус Национального парка. Но и в 1971 году с этими лесами достаточно бережно обращались. А места действительно красивы и разнообразны. Сейчас, когда всем правят деньги, в Национальный парк всеми способами внедряются дворцовые поселения.

«Нижняя Кама — Национальный парк на территории Республики Татарстан, образован 20 апреля 1991 года.

География

Национальный парк расположен на северо-востоке Республики Татарстан в пределах Восточного Предкамья и Восточного Закамья, в долине реки Кама и её притоков Тоймы, Криуша, Танайки, Шильники. Административно территория парка расположена в пределах двух административных районов — Елабужского и Тукаевского. Площадь национального парка — 26601 га.

Флора

Положение парка на границе трёх природно-климатических подзон (широколиственно-еловых и широколиственных лесов, луговых степей) обусловило разнообразие природно-ландшафтных комплексов и флоры парка.

Туризм

На территории парка намечено несколько сухопутных и водных туристских маршрутов по лесным массивам, а также водные маршруты по акватории водохранилища, по рекам Каме и Криуше».

Своеобразными были наши походы в лес. Володя очень любил, чтобы постоянно играла музыка. И, даже в лесу, у него на груди висел радиоприёмник Спидола. Поскольку приём

передач был узконаправленным, мы шли по определённом азимуту. Уходили

до 10 км. Любовались видами леса, а это Шишкинские леса. Русский человек не может ходить просто так. Ему обязательно нужно что-то собирать – обычно ягоды и грибы. Мы тоже понемногу собирали. Однажды нашли красивую лисичку, потом вторую. Они так искусно прятались под кустами среди упавших жёлтых листьев, что нами овладел азарт, и постепенно отработалась технология поиска. Особенно хорошо получался поиск у Володи. Наполнились грибами подручные ёмкости, но здравый смысл куда-то пропал. Мы освободили один рюкзак, переложив вещи во второй. Сделали из прутьев каркас и установили его внутрь рюкзака. Угомонились только после наполнения грибами рюкзака, после чего чудом успели на последний речной трамвай. С чувством превосходства слушали разговоры других грибников. Речь в них шла о десятке или нескольких десятках найденных лисичек, а у нас полный рюкзак.

Володя возглавил консервирование грибов. Он что-то помнил об этом процессе из рассказов бабушки. Я на подхвате занимаюсь в ванной первичной обработкой. Воду нам в дома тогда подавали из пробуренных скважин, и она даже в разгар лета была очень холодной. Тёплой воды вообще не было. Для купания мы грели воду в эмалированном ведре, пропуская ток между двумя электродами. В конечном итоге, я на другой день простудился. У Володи получилась красивая батарея трёхлитровых банок с грибами, которые через несколько дней закисло, и мы их с траурным настроением в душе, потихоньку слили в унитаз.

Забегая вперёд, хочу сказать, что грибное дело мы быстро освоили и занимались им с огромным удовольствием. Мы даже иногда по несколько баночек с маринованными маслятами привозили в Мариуполь. Стало не хватать времени на грибную охоту, когда в начале перестройки в стране провели тихую диверсию против народа, наделив всех желающих четырьмя-шестью сотками земли, в большинстве случаев непригодными для сельхозпроизводства. Большинство людей «уткнулись» в свои огороды, и им уже было не до осмысления преобразований, происходивших в стране.

Во время празднования 54-й годовщины Октябрьской революции со мной произошёл не понятный до конца случай. Мы только недавно переселились из палаток в капитальное здание. Впереди три дня праздников – и меня включают в график дежурств по Управлению. К этому времени у меня сложились хорошие отношения со многими работниками Управления, близкими мне по возрасту. В день моего дежурства ребята решили собраться на вечеринку, на которую пригласили и меня. Я согласился и выбрал время четырёхчасового дежурства утром, чтобы с запасом времени попасть на праздник. Собирались мы у сотрудницы технического отдела Нины Сафиной. Она с мужем (молодые специалисты) уже получили квартиру в доме через улицу от нашего общежития. Проходит время моего дежурства, а сменщика нет. Я, как обязательный человек, не могу оставить пост и, скучая, провожу ещё четыре часа, к тому же очень голодный. На вечеринку попадаю с опозданием на час. Все (около 12-ти человек) уже немного выпили. Общий шум, предложения налить мне штрафную стопку. Я, обычно выпивающий стопку, а потом имитирующий питье, выпил пару стопок и на голодный желудок быстро захмелел. Вышел на открытый

балкон третьего этажа проветриться. Кто-то понял, что меня нет. На балконе не обнаружили, дверь из квартиры в подъезд закрыта изнутри. Посмотрели из балкона вниз и увидели меня прогуливающимся по тротуару. Я ещё немного посидел с ребятами и пошёл к себе в общежитие. Всё произошедшее после моего выхода на балкон и до утра следующего дня выпало из моей памяти. Одежда моя утром была аккуратно сложена на стуле рядом с моей кроватью. И даже была чистая. Вот только в районе кобчика с неделю побаливало. Объяснение произошедшему событию у меня одно. Выйдя на балкон под хмелем, я вспомнил своё альпинистское прошлое и спустился по балконам вниз. Балкон второго этажа находился достаточно высоко над тротуаром (на первых этажах балконы отсутствовали), и мне, повиснув на нем, пришлось прыгать. Приземлился я на три точки. Сначала на ноги, а потом ещё и на пятую точку. Вывод – водка хороший напиток, но её нужно употреблять как лекарство.

Я на стройке носил значок альпиниста. Много забылось, но, судя по записной книжке, у меня были контакты с огромным количеством людей. Помоему, в Татэлектромонтаже, увидев мой значок, мне предложили пойти работать к ним электромонтажником, обещая сразу пятый разряд и зарплату в полтора раза выше моей инженерной. Я отказался.

Особенно дружеские отношения у меня сложились с Виталием Гривой. Он работал в техническом отделе на множительном аппарате. Почти добровольно он стал ещё и фотографом Управления строительством. Он с семьёй жил в квартире в посёлке ГЭС. Через Виталия я познакомился с Геннадием Александровичем Дарьевым, работавшим юристконсультантом. Из девчат ко мне и Виталию проявляли дружеский интерес Нина Сафина и Света.

Нина даже однажды пришла в клуб подводного плавания, но он её не заинтересовал. Интересно, что впоследствии дочь Нины

Наташа училась в одном классе с нашей дочерью Светой, и они стали близкими подругами. А вот серьёзный интерес ко мне проявила *Роза Ганеева*. Она с подругой пару раз ездила с нами на водоёмы, но быстро поняла, что на строительство я попал не для создания семьи, и тихонько перестала попадаться в моём

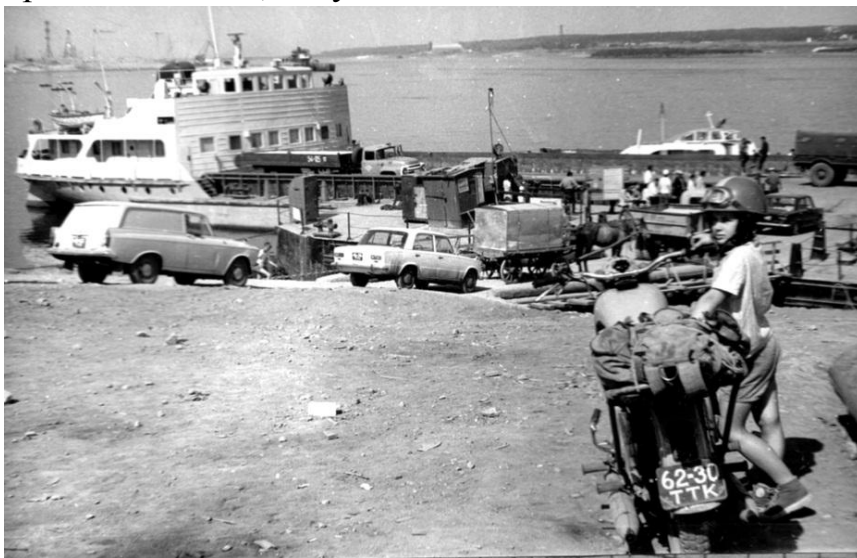
поле зрения.

А пока мы с Володиёй всё

свободное от работы время отдаём созданию клуба подводного плавания, распределив работу согласно нашим наклонностям. Володя занимается внешними связями – помещение, деньги, оборудование и т.д. Я занимаюсь оборудованием выделенного нам подвала при активном трудовом участии ребят и девчат, пришедших по нашим объявлениям. Постепенно подвал стал превращаться во вполне приличное помещение с учебным классом и мастерской. Даже нашлось место для приличного туалета с автоматикой. Поскольку туалет находился ниже уровня канализации, пришлось установить бак, мощный электронасос и автоматику, включающую насос при наполнении бака до определённого уровня. Однажды, в весенний паводок, подвал затопило водой, и электродвигатель работал под водой, пока не откачал всю воду. Мы его потом только просушили.

Серьёзная работа была выполнена по запуску в эксплуатацию компрессора высокого давления для закачки аквалангов. В наличии был только компрессор. Фундамент, рама, электродвигатель мощностью 10 киловатт и, главное, фильтр очистки сжатого воздуха были изготовлены и смонтированы своими силами. Появилась своя электросварка, сверлильный станок. Много материалов нам выделил Петя из запасов своего строительного участка. Бухгалтер, живший с нами, помогал оплачивать счета на покупку спортивного инвентаря. Боря выделил нам фотохимикаты и что-то ещё. Появилась половая доска для учебного класса, простые столы, стулья и даже школьная доска.

Славик перед паромом и на речке Тойме.

Обычно хозяйственные руководители не отказывали в наших просьбах, если у них была для этого малейшая возможность. Откуда-то у нас появился двухколёсный мотоцикл, и я в 1972-1973 годах стал уверенно на нём ездить, причём без прав на вождение. Инспекторов ГАИ в городе было мало, как и личного транспорта. Я даже с семилетним сыном совершил на

мотоцикле маленькое путешествие за Каму.

Зимой 1971-1972 года мы начали регулярные занятия по основам подводного плавания с аквалангом. С Казанским Морским клубом, которым руководил Р. В. Марданов, у нас появилась тесная связь. Из Казани мы получили компрессор, акваланги и сухие гидрокостюмы, а также многое другое. В том числе и учебную литературу. С наступлением зимы по воскресеньям в любую погоду мы уходили в маленькие походы на лыжах, иногда составом до 20-ти человек. Примыкали к нам часто и друзья наших членов клуба.

Маршруты выбирались самые разнообразные. Чаще всего ехали на автобусе в Новый Город (в нём тогда было не более десяти домов), шли на лыжах через

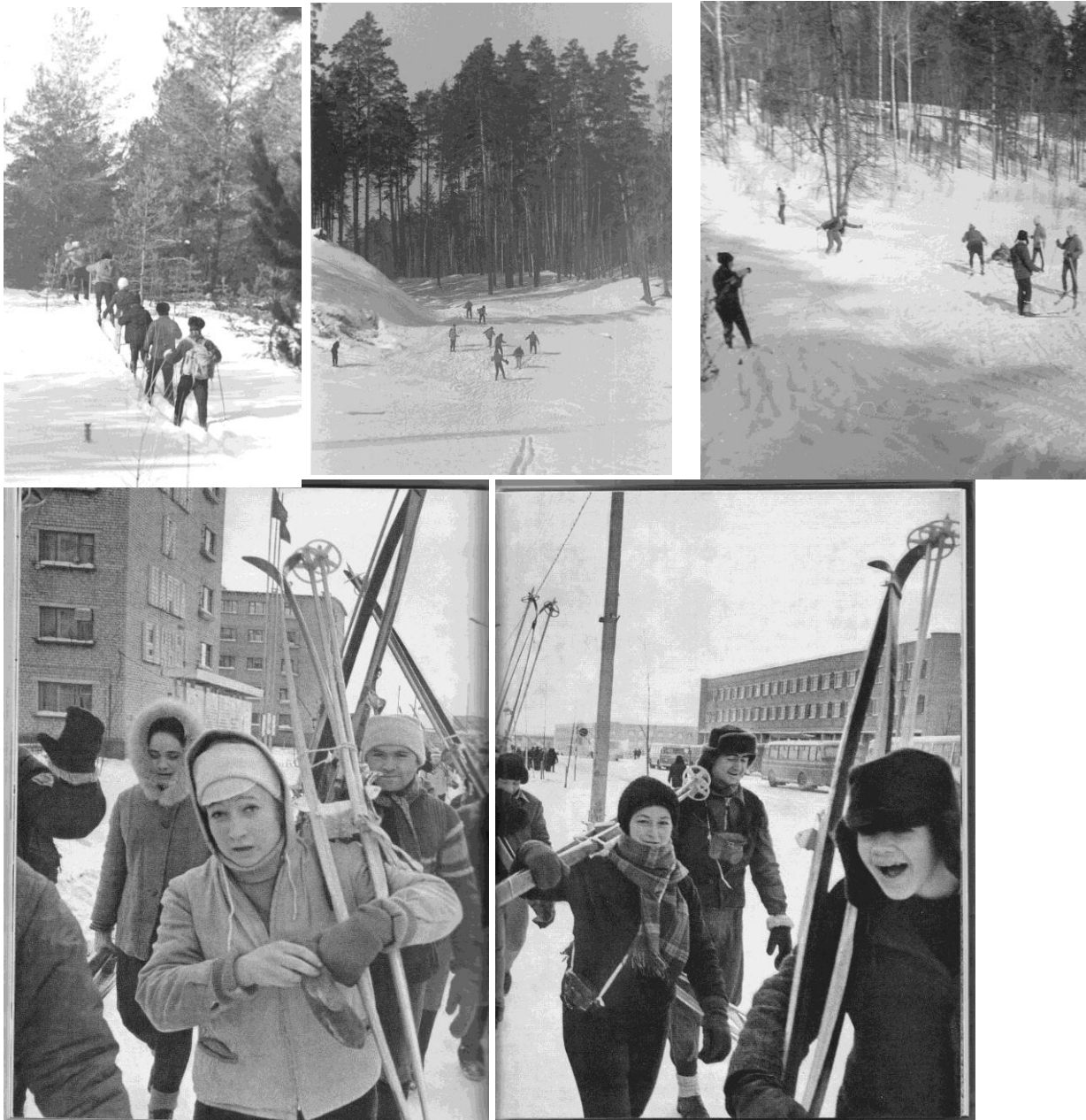
лес левого берега Камы, потом по льду на крутой правый берег и в районе с. Тарловка катались с крутых горок. Там же на костре готовили обед, а назад в

посёлок ГЭС, возвращались по замёрзшему руслу Камы. Часто ходили на лыжах через Каму (в районе п. ГЭС) на склоны Золотой Горки. А однажды совершили марш-бросок на лыжах по азимуту в город Елабугу.

Приезду Виты в отпуск в конце сентября я обрадовался, да и Володя не меньше меня. Наша жизнь как-то устоялась. Не было уже той неприкаянности

начального периода. Я приносил пользу работой по подготовке технической документации временного электроснабжения строительных объектов. С Савченко сложились добрые отношения. Я даже несколько раз был у него дома. Активная работа в клубе подводного плавания занимала всё свободное время, и это было самое лучшее лекарство от грустных мыслей, связанных с отдалённостью от семьи.

На лыжах из Н-Челнов в Елабугу.

Всё, что можно было показать Вите в пределах Набережных Челнов, было показано. В общежитии ребята потеснились и выделили нам маленькую комнату. Володя в очередной раз договорился с машиной, и мы съездили в Заинск на пруд-охладитель, на место наших тренировок. Там с противоположного от электростанции берега остался красивый лес. Наловили раков, и пока я занимался их приготовлением по всем правилам кулинарии, нетерпеливый Володя несколько раков поджарил на костре и начал угощать Виту. Вита всегда относилась с опаской к любой непривычной еде, а тут

сладковато-приторный вкус жареного рака. Сваренных раков с необходимым количеством соли, специй и огромным количеством укропа ели только я и Володя. Вита только через несколько лет начала есть раков, и то не более двух штук.

Возвратилась она в Жданов с хорошими впечатлениями и рассказами о жизни строителей. После её поездки коллеги по работе перестали шутить на тему, что Вита и Фильза добровольно отпустили молодых мужей на стройку, где полно девчат,

желающих создать семью. И это действительно было так. Обычная жизнь. Семей на КАМАЗе создавалось много, жилья строилось тоже много и детей рождалось много. Единственный роддом на посёлке ГЭС работал с огромным напряжением. Кровати стояли даже в коридорах, а роженицы иногда стояли в очереди. Обычно на третий день после родов женщин выписывали.

В октябре 1971 года я стал членом КПСС. Моя открытка маме в г. Жданов: *«Дорогая мама, поздравляю тебя с днём Великого Октября, желаю хорошего настроения, крепкого здоровья и чтобы следующий Октябрь ты встретила в Набережных Челнах. Меня можно поздравить, и тебя тоже. В твоей семье прибавился ещё один коммунист. Твой сын Генка. Н-Челны. 29. 10. 71 г.»*

Готовили еду в общежитии только мы с Володей. Остальные ребята предпочитали общепит. Покупали продукты мы обычно вместе, а готовил больше я, и не от любви к кулинарии. Наверно, дисциплинированности было больше. Еда была предельно простая. А вот в последующей семейной жизни оказалось, что именно у Володи было большое пристрастие к приготовлению еды да ещё с экзотикой.

Часто выключалась электроэнергия, и нас выручал маленький туристский примус, работающий на бензине. Бензин в стране был дешёвый. Выйдешь из подъезда во двор, а там стоят пару зилков-самосвалов и ни одной легковой машины, даже москвичонка (сейчас, когда иномарками забиты все дворы, это трудно представить). Открываешь крышку бензобака и опускаешь в бак поллитровую бутылку вместе с рукой. 30 секунд и бутылка полная. Даже если тебя увидит подошедший водитель – никаких проблем. Главное – аккуратно закрыть крышку бака.

Бывало, забывали купить хлеб – 10 минут уходило на замешивание теста и выпечку вкусной и сытной пышки. Иногда Володя ворчал, что тесто не пропечено и может произойти заворот кишок. Я думал, что он шутит. Он рассказал семейную историю о его прадеде. Её рассказала его бабушка Мария Изотовна, которая вырастила Володю и приехала вместе с его семьёй на КАМАЗ. Прадед часто выпивал. И однажды в сильный мороз «отключился» по дороге домой. Его ночью без признаков жизни подобрали мужики и на плаще принесли в хату. Бабушка (тогда ещё девочка) проснулась от шума. Её отца положили на пол, и при этом его рука ударилась об пол со звуком деревяшки. Под разговоры взрослых девочка заснула, а утром проснулась от другого шума. Оживший отец устроил разгон всем в хате. Прадед ещё долго жил и умер от заворота кишок. Такая история.

Моё первое прикосновение к национальному вопросу. Я уже писал, что Фильза – татарка по национальности и фамилия у неё Жданова. Я в годы строительства ещё даже не знал, что есть татары крещённые. Однажды, гуляя возле управленческого здания Камгэсэнергостроя, увидел старое кладбище с плитами надгробий, надписи на которых были выполнены в виде восточной вязи, совершенно непонятной для меня. Или я был плохой ученик в школе, или учебники истории были далеки от совершенства. До девяностых годов 20-го века я, живя в Татарии, о мусульманстве почти ничего не знал. И мечети мне не попадались. Вера то у большинства была одна – атеизм. Да и об атеизме мы особенно не думали.

Обычно около девяти часов вечера мы с Володей возвращались в общежитие из клуба. По дороге заходили в полупустой продовольственный магазин и быстро покупали привычный набор продуктов. За 15 минут до закрытия на входе ставили дежурного, который только выпускал покупателей. Вот мы и подошли в такое время. Нас не хотят пускать. Я бы просто ушёл, а Володя в таких случаях быстро «заводился». Начал ругаться и даже не матом, как в России принято, а, почему-то, склоняя национальные особенности татар. Я готов был от стыда уйти, но ругань подействовала. Ему в ответ даже ничего не сказали. Мы быстро купили продукты, уложившись до 21.00. По дороге я попробовал Володю воспитывать, особенно упирая на то, что у него жена татарка. А он мне в ответ: «Ты бы послушал, что она о них рассказывает». Позже я узнал, что Фильза для себя в юности решила не выходить замуж за татарина, потому, что мужчины женщину, даже с высшим образованием, будут считать не равной себе.

Наверное, что-то в этом было. Но мне это ни слух, ни глаз не резало. У меня сложилось мнение о татарах, как об очень трудолюбивых и миролюбивых людях. А те изменения, которые произошли после «перестройки», не красят людей никакой национальности.

Из стихов В. А. Альфиша.

ЗАВИСИМОСТЬ Декабрь 1991 года.

На Украине я родился в двадцать пятом.
 Кто я? Кацап, хохол иль жид треклятый?
 Кому из них творил я зло?
 Кого расталкивал, чтоб только мне везло.
 Блестя одной медалью на груди,
 С украинцем «по сорок» я чадил.
 Быть может, я его обидел кровно,
 Что «пайку» хлеба разделил неровно.
 Чёрт подери, мне было не до нации,
 Когда служил я в авиации.
 Вдруг оборвался прицепной шатун,
 И Петя Крейдун глазом не моргнул.
 Спасал он «Пешку», экипаж,
 И «против шерсти» заложил вираж.
 Сбил пламя с плоскости и на аэродром
 Привёл машину на «движке» одном.

Хватив по двести водки сладкой
 По Казахстану ездил с Лихошапкой.
 Быть может, потому теперь трещит Союз,
 Что в шутку звал его Иван Лихой Картуз.

 В палатке кабинет, из парусины стенка.
 КАМАЗ. За стенкою Фоменко.
 Я рад, что мне на жизненном пути
 С Фоменкою пришлось идти.

 Проходит жизнь. Ошибки и победы
 Мне довелось на финише изведать.
 И, кажется, что вечен жизни круг
 Пока непотопляем Батенчук.

 Украина, ты стала независимой.
 Куда же денешь ты мою зависимость
 От вечной памяти твоих сынов,
 Которая основа всех основ.

С дочерью Мариной,
1972 год.

Поздняя осень. Большинству строителей КАМАЗа родные люди шлют посылки, в основном, с тёплыми вещами. Одна почта не справляется с такой нагрузкой. Никто не пытается пройти без очереди. Время работы почты удлиннили и добавили временных людей. Я вместе с остальными простоял на мокром асфальте более двух часов. В преддверии зимы покупаю в магазине валенки, на два размера больше моего сорок пятого. В клубе меня в них фотографируют, и я отправляю фото маме, докладывая о своей готовности встретить зиму.

Володя едет в командировку речным транспортом. Навигацию на Каме продлили дольше, чем обычно. Из-за непролазной грязи я провожаю его в речной порт. Поднявшись по трапу на палубу теплохода, Володя переобувается

в ботинки, и я уношу сапоги в общежитие. На будущем проспекте Мусы Джалиля грунт несколько раз перемесили бульдозеры и, чтобы люди могли ходить, временно положили бетонные плиты. В самом центре посёлка ГЭС, возле строящегося здания дирекции КАМАЗа я, поторопившись, оступился и провалился в грязь выше колена. Грязь затекла мне в голенище моего армейского ялового сапога. Но эти трудности, как говорится, были «житейскими». Впереди была зима и проблема морозов. При здравом подходе, в российские морозы строительство нужно было остановить, но сроки и запущенный маховик огромной стройки не позволял этого сделать. Стройка продолжалась. Первое, что нас интересовало, приходя на работу – это величина тока в единственной воздушной линии электроснабжения (6 киловольт) для строительства Литейных заводов. Токовая нагрузка была на пределе. А выход линии из эксплуатации равносильна катастрофе. Весной была проложена ещё одна линия электропередачи 6 кв.

Из письма А. Болдырева:

«Начиналась зима 1971-1972 г.г., которая в памяти отложилась как «чёрная». Мы постепенно открыли достаточно большой фронт работ по сооружению фундаментов на трёх корпусах, и для организации полноценной работы в 2-3 смены нам просто не хватало рабочих. Я надоедал с этим вопросом начальству, да оно и само всё видело, потом приехали товарищи из ЦК КПСС, руководства Обкома, и приняли решение дать нам около 1000 человек, мобилизованных в сёлах Татарии... Люди, присланные из самой глубинки, поселённые в многоэтажном доме, впервые увидели лифт. Звучит анекдотично, но тогда нам было не до смеха. Никто не посмел выступить против решения, принятого на таком партийном уровне. А результаты не замедлили сказаться. Начался массовый брак при укладке бетона и, что самое худшее, проморозили основание нескольких уже возведённых фундаментов КСКЧ. Последовали и «оргвыводы». Был снят с работы главный инженер К. Корчиц».

И мои воспоминания. Зима, конец рабочего дня. К нам в комнату заходит мужчина, представился как главный инженер Управления (наверно, это был Корчиц) и спросил, где Савченко. Я ответил, что его сегодня уже не будет. Вопрос ко мне – кто я. Отвечаю, что старший инженер отдела ОГЭ. Следует команда, чтобы я немедленно отправился на стройку и разобрался там с организацией прогрева бетона. Мои доводы, что в СМУ-24 есть свой энергетик и подчинённая ему бригада электромонтёров, во внимание не были приняты. Меня везут на машине в котлован КСКЧ и оставляют там. Передо мной картина, достойная кисти талантливого художника. Ночь, сильный мороз и несколько вагончиков. В одном – рабочее место руководителей СМУ, в остальных бытовки рабочих. Рядом возвышаются пирамиды столбчатых фундаментов, на которых периодически вспыхивают и рассыпаются искрами огни, похожие на

«бенгальские» новогодние. При моём приближении к фундаментам искры значительно большей величины стали вылетать из-под моих ног. В отдалении с высокой металлоконструкции светит рукотворное солнце мощностью 50 киловатт. Это светильник «Аревик» с лампой высокого давления, Ереванского завода. После взгляда в сторону лампы на несколько секунд глаза отказываются что-нибудь видеть.

За первыми рядами фундаментов видны другие готовые фундаменты, постепенно пропадающие вдаль в сумерках, куда не попадает свет лампы. Иногда быстро проходят мимо меня небольшие группы рабочих. Трудно понять, что они могут делать в таких условиях. Нахожу в бытовке энергетика СМУ. Он понимает, что в данный момент никто ему помочь не может. В этот момент в бытовку стремительно входит группа молодых женщин в сильном возбуждении. Слышу эмоциональные высказывания, ни к кому из находящихся в бытовке людей не относящиеся: «Говорили Гриншпуну, что нужно завезти минеральную вату для теплоизоляции фундаментов. А он ответил, что нужно экономить. Песком прикрывайте. Посадить бы его голым задом на бетон и пусть бы грел». Анатолий Гриншпун на тот момент – начальник СМУ-24.

Возвращались мы в посёлок ГЭС на автобусе с невесёлым настроением. Какие конкретно мероприятия по изменению ситуации с укладкой бетона в тот момент были приняты, не знаю. Просматривая сейчас ряд статей в Интернете, понимаю, что для зимней укладки бетона разработано большое количество методик, которые можно применять в каждой конкретной ситуации, выбирая лучшую или их комбинацию. А тогда был период становления коллектива и сразу в бой, в тяжёлых зимних условиях. Из письма А. Болдырева:

«Я появился в Набережных Челнах 1 марта 1971 года. На стройке уже был издан приказ о создании УС Металлургстрой. И началась самая тяжёлая работа – надо было набирать, сколачивать, комплектовать совершенно новый коллектив. Одним из первых пришёл Эдуард Стрижевский на должность зама по снабжению. Он стал верным помощником и просто товарищем по жизни, решая вопросы, которые были значительно шире чисто снабженческих. Ко времени переселения в палатки была принята главным бухгалтером Р. Лосева, организовавшая чисто женский коллектив, который устойчиво работал без текучести кадров.

Так или почти так были сформированы службы главного энергетика (Савченко), техническая во главе с Ю. А. Ивановым и другие. Когда я иногда придирчиво просматривал основные чертежи, Юрий Андреевич всегда имел спокойствие и терпеливо объяснял, что требовалось, за что я сейчас ему искренне благодарен. Он никогда не употреблял в разговоре ненормативной лексики, чем выгодно от всех нас отличался. Появился А. Рослов, возглавивший производственные службы, Р. Рафиков (отдел кадров). С первого дня начал работать начальником участка А. И. Гриншпун, выросший до должности заместителя главного инженера по

Ю. А. Иванов

подготовке производства. Летом 1971 года начал работать главный инженер Константин Корчиц, приехавший со строительства Астраханского водоотделителя. Не обошлось у нас без «накладок». Так пришлось менять (и неоднократно) всё руководство ведущего СМУ-24, пока во главе его не встал Леонид Галынский. После КАМАЗа Галынский перебрался в Ленинград, работал на дамбе, сейчас руководит собственной фирмой».

Приближался Новый 1972 год. Мне очень захотелось съездить в Жданов к семье, но оказалось, что это не так просто сделать. Авиационную кассу нашего грунтового аэропорта штурмовало большое количество людей. Помог один мужчина с деловой хваткой, изредка заглядывавший в наш клуб – Анатолий Суворов. Детали поездки полностью исчезли из памяти, кроме одной. По просьбе моего однокурсника Толи Макаренко, Витапустила в нашу квартиру пожить молодую женщину, жену брата Толи. Дама оказалась со своеобразным характером. Она никак не могла сообразить, что нас желательно оставить одних в однокомнатной квартире, пока Фильза не позвонила и прямым текстом не сказала ей об этом, пригласив пожить эти дни у неё.

Майские праздники 1972 года. Володя предложил пройти на демонстрации своей маленькой колонной членов подводного клуба «Акванавт», чтобы о нас больше стало известно, и тогда будет проще обращаться к разным руководителям с просьбами.

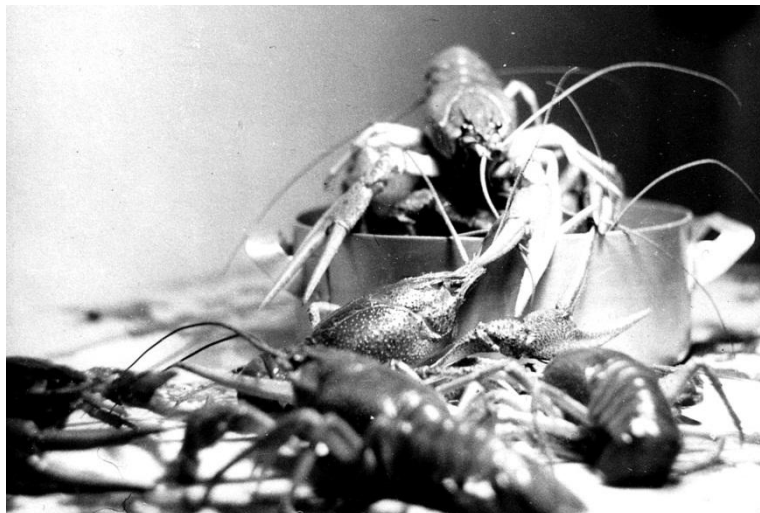
Однажды в местной газете на татарском языке о нашем клубе «Акванавт» была заметка. Мы её прочесть не смогли, Володя отправил заметку Фильзе в Жданов. Когда она переводила и озвучивала написанное в своём конструкторском бюро, все покатывались со смеху. Там был такой перл, что когда Геннадий Марача впервые прилетел в Н-Челны, Володя Сударев пришёл в аэропорт с аквалангом за плечами, чтобы встретить друга.

На этот раз участие наше в демонстрации даже как-то украсило шедшие колонны. Мы сделали широкую площадку с четырьмя рукоятками. На площадке стояла девушка, одетая в яркий гидрокостюм. За плечами акваланг и в одной руке трезубец. На голове маска для плавания под водой и, конечно, распущенные волосы. Четверо ребят одного роста несли площадку с аквалангисткой на плечах. В конце улицы Гидростроителей, после прохождения трибуны, нас ждал автобус. На нём мы на два дня уехали в Заинск. Как всегда, всю дорогу пели песни. Немного помешал сну ночной заморозок.

Нас дважды приглашали помочь стройке с выполнением подводных работ. Об одной работе даже написали заметку в газету «Социалистическая Индустрия на строительстве КАМАЗа», но она мне не запомнилась. Вторая работа проводилась в том же затоне, что и первая. В этот затон приходили огромные баржи с цементом, который, как известно, «хлеб» на любой стройке. Задержка в поставках цемента – это огромные убытки и потеря времени. На этот раз швартовку баржи осуществили, закрепив трос за кнехт катера, вытащенного на берег. Во второй половине дня поднялся штормовой ветер, который заставил баржу двигаться к выходу из затона. Баржа тросом утащила катер в центр

затона, и там он утонул. Непонятно, почему за этот трос катер не вытащили обратно на берег. Нам предложили найти под водой катер и закрепить на нём новый трос. Работа была серьёзной и слегка опасной. Полная темнота под водой, холод и огромное количество металла на дне. К концу поиска и на поверхности наступила темнота. Место погружения освещал только прожектор. Работу, после почти часового плавания у дна, удалось выполнить. Пока основную подводную работу приходилось выполнять мне. У ребят ещё не было достаточных навыков для этого. Даже Володя слегка побаивался работать в полной темноте.

Летом мы всё больше стали выезжать на озёра – так называемые старицы.

Это бывшие русла Камы. Их было огромное количество с большим количеством рыбы и, особенно, раков. Однажды мы наловили их руками, наполнив два ящика из-под аквалангов, при этом ныряя под воду только с трубкой и маской. Когда их выложили в общежитии в ванну, то она наполнилась на две трети. Два дня приходили знакомые и

уносили раков с собой. Иногда Володю просили наловить раков к приезду какого-нибудь начальства. Приходилось ему в этом помогать. Дело в том, что до начала строительства местные жители раками почти не интересовались. У каждого народа свои исторические пристрастия. И поэтому раков было много. Видимость в озёрах небольшая. Дно начинает просматриваться максимум за 70 сантиметров. А чтобы уверенно рассмотреть рака, обычно плывёшь в полуметре над дном. Иногда тихо нырнёшь, и на тебя смотрят более десятка пар рачьих глаз. Жаль, что затопили все ближайшие к городу озёра. Я к теме ловли раков ещё вернусь.

А теперь хочется рассказать, как шло взросление строительных подразделений Камгэсэнергостроя после тяжёлой зимы 1971-1972 г.г., словами А. Болдырева:

«Мы «кувыркались» на монолитных фундаментах КСКЧ, а на объектах наших соседей – Автозаводстроя, уже делали буронабивные сваи. Какое же решение надо было принять по типу фундаментов на Литейном заводе? Здесь была допущена ошибка (в том числе и мною) – мы решили слепо перенести опыт устройства буронабивных свай на объектах Автозаводстроя к себе, на Литейный. Мы не учли, что там грунтовые воды залегают на глубине более 20-ти метров, а у нас значительно выше, и поэтому при бурении происходило много выпадов грунта из стенок скважины. Поэтому мы бурили под защитой глинистого раствора или с

обсадными трубами японскими станками «Като». Но, во-первых, производительность упала в 3-4 раза, во-вторых, вся площадка, даже в сухое лето 1972 года, представляла собой сплошное болото, залитое иллом и глинистым раствором. Проблему решали вместе с Р. Спиваком из Гидропроекта».

Опускаю вводные задачи для принятия решения о замене буронабивных свай на забивные сваи. Через неделю новый вариант был представлен начальству.

«Видимо решение было бесспорно правильным, потому что дальше всё развивалось как в сказке (а вернее, как и должно быть). Рассмотрел Иванцов, рассмотрел приехавший в Н-Челны министр, и тут же последовали распоряжения о поставке свай. К концу августа поступили первые сваи. Восьмого сентября 1972 года забили первую сваю на КЦЛ, а в октябре установили первую колонну каркаса. Фундаменты всех корпусов стали расти быстро. Как писала местная пресса, «от вертикальной планировки до установки первой колонны каркаса на корпусе цветного литья прошло всего три месяца». Это был настоящий революционный прорыв. Мы полностью овладели ситуацией и уверенно смотрели в будущее».

В 1973 году для ускорения работ был задействован и экономически-психологический фактор. Дали возможность передовой бригаде, возглавляемой Героем Социалистического Труда А. Новолодским, установить рекорд по укладке бетона на ленточных фундаментах КСКЧ. Его сделали достоянием гласности. Преодолев всякие препоны, не срезали расценки и заплатили заработанные деньги. Остальные бригады внимательно следили за экспериментом и, перенимая опыт, также стали работать ударно. Пересказал коротко написанное А. Болдыревым о психологическом факторе. Думаю, что на какой-то период такое нововведение сработало. А позже появились невидимые вначале подводные камни. Интересно, как поощрялись остальные службы, обеспечивающие рекорд? Откуда брать дополнительный бетон?

«В 1972 году к нам пришёл главным инженером М. А. Глазырин, ранее работавший на строительстве ВАЗа, быстро заработавший авторитет. Появился зам. по экономике А. Манукян. Он вместе с Р. Ф. Лосевой обеспечил выход Металлургстроя на передовые позиции по всем экономическим показателям».

Почти со всеми людьми из вспоминаемых А. Болдыревым я был, так или иначе, знаком. С некоторыми общался и выезжал на природу. И многих уже нет в живых. Письмо было написано за год до 30-летия У. С. Металлургстроя:

«Дорогие металлургстроевцы! Друзья! Коллеги!

Поздравляю вас с тридцатилетием славного Metallургстроя! Желаю вам трудовых успехов, счастья в семьях, радости в жизни! Берегите дружбу, которая рождается в нелёгком совместном труде и общих победах! Сейчас, когда страна наконец-то поднимается с колен после бестолковых и противоречивых реформ, после дурацкой и зачастую преступной приватизации, после детсадовского уровня управления страной по-Гайдару – такое единение особенно важно и нужно. И ещё. Любите свой город, свою малую родину! Не стремитесь уехать в далёкие, большие города, где совсем не так хорошо, как это кажется издали! Счастья всем вам!

Январь 2000 года. С.-Петербург. Алексей Болдырев».

Спасибо хорошему советскому человеку и талантливому руководителю. Вот только насчёт того, что страна поднимается с колен? Прошло ещё 12 лет после написанного им поздравления, а Россию ещё больше согнули в коленях.

Начало лета 1972 года. Меня приглашают к Болдыреву, и он предлагает мне съездить в командировку в столицы двух соседних автономных республик – Чувашию и Удмуртию. К нам приехал зам. министра Энергетики, и на совещании остро обсуждался вопрос о нехватке квалифицированных рабочих. Задание о наборе таких рабочих уже было направлено в Советы Министров этих республик. Я должен был подтолкнуть этот процесс. Предложение я воспринял без особого энтузиазма. Мне нравились командировки по своему прямому делу, а здесь была видимость дела. У меня не было никаких рычагов, с помощью которых я мог бы ускорить процесс. Но отказываться тоже нельзя. Я только робко сказал, что намечается распределение квартир, и мне хотелось бы при этом присутствовать. На что Болдырев ответил: «Неужели вы считаете, что мы специально отправляем вас в командировку, чтобы обмануть при распределении квартир? Отправляйтесь спокойно».

Командировка получилась интересной в познавательном плане. Получилось маленькое путешествие. По Каме до Чебоксар на колёсном теплоходе. Вначале были красивые скалистые берега, а потом равнинные места без особой экзотики. Теплоход тихо шёл по реке – читай, отдыхай, броди по палубе, общайся с попутчиками. Что ещё нужно для созерцательной жизни пенсионера. Но мне было всего 30 лет, и после насыщенной жизни в Челнах мне стало немного скучно.

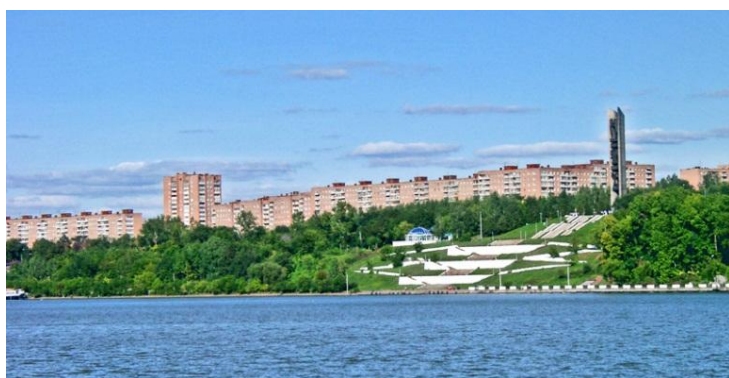
www.airfotovideo.ru/users/Airfoto121

Я забрёл в машинное отделение. Туда не разрешалось заходить, но мне позволили посмотреть. Судовой двигатель внутреннего сгорания напоминал доисторическое живое существо. Огромные поршни, спрятанные внутри цилиндров, были не видны. Но они напоминали о себе звуками, похожими на дыхание лошади, тянущей в гору тяжёлую телегу. Все четыре такта дизельного двигателя хорошо

различались. Зато все остальные детали двигателя были на виду. Шатуны, длиной в несколько метров, игриво двигались, выписывая перемещения своего машинного танца, толкая сопротивляющийся, блестящий от масла коленчатый вал. Его вращение передавалось на большие колёса с лопастями. И было чётко слышно, как лопасти за бортом весело хлопают по воде. В технике всё красиво – продуманность и гармония.

Эта командировка хороша была тем, что выданный мне мандат за подписью зам. министра легко открывал двери к чиновникам высокого ранга, а ещё – позволял сразу получать место в гостинице. Думаю, что моё появление немного расшевелило ответственных за набор кадров для КАМАЗа, но ненадолго. Чебоксары остались в памяти благодаря своему парку, а Ижевск – большим количеством предприятий и озером в центре города.

Ижевск.

Из Чебоксар в Ижевск я летел самолётом. Для разнообразия из Ижевска я автобусом приехал в Сарапул, а потом по Каме в Н-Челны. Была середина воскресного дня, когда теплоход причалил к пристани Менделеевска. Володя вместо меня должен был организовать

выезд ребят на озеро в районе Менделеевска, но с другой стороны Камы. Вот мне и пришла в голову мысль, выйти на пристани Менделеевска. За 50 копеек меня перевезли на лодке на другой берег Камы. Небольшой марш-бросок по пересечёнке. Нахожу одно озеро, потом второе, на которых мы обычно бывали, и никаких признаков ребят. Добираюсь в общежитие пешком и немного на попутной машине. Володя дома – ему не захотелось организовывать выезд ребят. К этому времени у него стал пропадать интерес к общественным делам клуба, и это приводило к размолвкам между нами. Ему больше нравилась личная свобода. Поездки со знакомыми строителями на рыбалку, охоту, за грибами. К руководству клубом всё больше стал подключаться Женя Родионов. Он к 1973 году женился на Нине, и у них родилась дочь Наташа.

А с выделением квартиры меня действительно никто не обманывал. Некоторым работникам выделили жильё быстрее, чем мне, но они и по рангу стояли выше меня. Володе выделили квартиру через год и пять месяцев. Мне через год и десять месяцев. Вызывает меня Валлиулин (ответственный в профсоюзе за жильё) и разъясняет, что в ближайшем распределении жилья дефицит двухкомнатных квартир. А я претендую на двухкомнатную квартиру по количеству членов моей семьи. Мне нужно или ждать другого распределения, или срочно увеличивать состав семьи для получения трёхкомнатной квартиры. Еду в город Жданов к маме. Её там как-то выписывают из её кооперативной квартиры и ещё мы оформляем какую-то справку, которая даёт основание считать её членом моей семьи. Мне распределяют квартиру в строящемся доме в пос. ГЭС. Отделку этого дома мы

должны делать сами. Я по вечерам отработал на строительстве этого дома 200 часов. Все при этом знали, что после получения квартиры я, при первой возможности, перейду работать на КАМАЗ.

В апреле 1973 года тот же Валиуллин предложил мне, не вселяясь, поменяться квартирой с нашим главбухом, которой выделили квартиру в Новом городе. Мне предпочтительнее был Новый город, который строился рядом с заводами. А когда я посмотрел квартиру и увидел красивую кафельную плитку в ванной и на кухне, то мы согласились, не раздумывая, несмотря на первый этаж и то, что квартира на ГЭСе была на четыре квадратных метра больше. И даже на то, что на ГЭСе жили Сударевы.

Володе выделили квартиру в посёлке ГЭС в большом новом и, казавшемся очень красивым, доме 4-5А. Как мне хотелось получить там квартиру! В нём получили квартиры Болдырев, Стрижевский, Улькин и кто-то ещё. Это приятное событие произошло в августе 1972 года. Было принято решение – до получения нами квартиры мы живём в квартире Сударевых. Мы с Володей едем в Жданов за своими семьями. Наши квартиры в городе Жданове по закону сохраняются за нами на пять лет. Мне были предложения прописать (за деньги) в нашу квартиру людей, которые смогли бы после пятилетнего срока стать её владельцами. Но Вита предложила жить в ней своему «неприкаянному» сотруднику Виталию. Он в благодарность подарил Вите из своей большой библиотеки двухтомник Голсуорси «Сага о Форсайтах» и, популярный в то время, двухлитровый китайский термос. Вот такими мы были бизнесменами. Квартира ему не особенно пошла впрок, а дальнейшую судьбу квартиры мы не отслеживали.

Дедушка Виктор, внук Славик и шахматы.

Загрузили мы и Сударевы своё имущество в контейнеры, и они путешествовали по железной дороге с перегрузкой на водный транспорт больше трёх месяцев. Мы ехали в Н-Челны через Харьков. Наверное, там был в это время Славка, да и с родителями Вите проститься хотелось. Из Харькова до Казани пассажирским поездом, который и сегодня ходит. А из Казани по реке до Н-Челнов на метеоре. Пристань находилась возле

Элеваторной горы – достопримечательности Набережных Челнов. Крутая гора над Камой, на которой, ещё в 19-м веке, построили большой элеватор. От пристани наверх построена крутая деревянная лестница. Вита поднимается впереди с лёгкими вещами, я сзади с вещами более тяжёлыми. Перед последней ступенькой, расслабившись, Вита спотыкается о ступеньку и падает. В результате мы остаёмся без памятного подарка – китайского термоса. С этого началась наша семейная жизнь на челнинской земле. И с высказывания нашего шестилетнего сына. Мы прошли от пристани 1 км до остановки автобуса. Я этим маршрутом никогда не пользовался. Оставшиеся 3 км можно было пройти и пешком. Но вещей было много, а когда потратишь время на ожидание,

отказываться от задуманного дела всегда трудно. Славка через час ожидания заявил нам: «Родители, вы куда меня привезли? Здесь даже автобусы не ходят!» Уже тогда в нём появились задатки будущего философа...

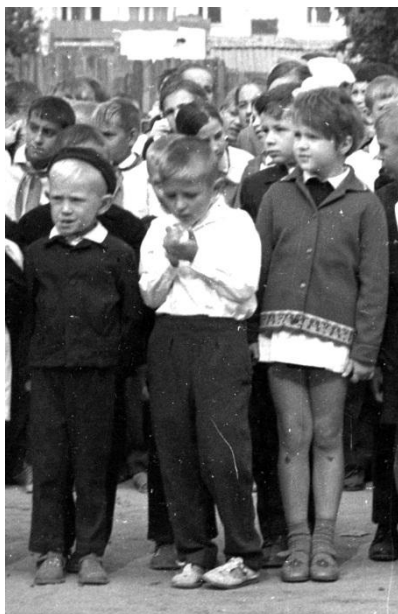
Собрались обе семьи в общежитии дома 10-23 на улице Студенческой (в дальнейшем улицы Батенчука) пос. ГЭС. Наверно, пару дней конца августа 1972 года как-то разместились там. Интересно выглядело наше переселение в квартиру дома 4-5А. Расстояние всего 450 метров. Нужно всего-то перейти будущий проспект Мусы Джалиля, представлявший в 1972 году перерытый многократно строительной техникой грунт. Вот мы и двигались цепочкой по проложенной людьми тропинке. Впереди Володя и я, навьюченные как верблюды, за нами Володина бабушка с кастрюлей сваренного борща. Потом Фильза и Вита, нагруженные полегче. А сзади дети, Оксана и Славик, с портфелями. Основное наше имущество пришло через три месяца, а пока мы некоторое время спали на надувных матрасах. У мужчин и детей нижнее бельё было из тёплой фланели кофейного цвета. По вечерам женщины шутили, что не поймут, кто чей муж и где чей ребёнок.

Легенда строителей Камаза – Евгений Никанорович Батенчук. Возглавил стройку в феврале 1971 года.

А дети были рослые, но к сентябрю ещё не достигшие семи лет. Оксане не хватало двух месяцев, а Славке трёх с половиной. Но в школу их записали без особых проблем. Вот только строительство школы тоже было ударным. Сроки ввода таких объектов контролировались жёстче, чем промышленных объектов. И даже при этом пришлось сдвинуть начало учебного года на две недели.

Началась обычная проза жизни в «коммунальной» квартире. Взрослые между собой ладили хорошо. Летом для желающих в моём Управлении выделили землю для посадки картофеля. Мы вместе с Виталием Гривой посадили три сотки. На неудобренной земле и при жарком лете урожай оказался маленьким. И при этом, разделив поровну мелкую картошку, у нас получилось по два больших мешка каждому. Картофеля хватило женщинам до Нового года,

чему они были рады. Хотя на рынке картофель продавали по цене 1-1,5 рубля за 10-литровое ведро.

Дети наши учились в одном классе и сидели за

одной партой. Непоседа Славка, наверно, немного мешал Оксане, и как-то Володя обвинил нас в плохом воспитании сына. Вита по этому поводу очень расстроилась. Да и в квартире трудно было убедить его ходить по струнке. Но мы продержались восемь месяцев, не рассорившись всерьёз. Володя быстро вспыхивал, но также быстро отходил и в глубине души был к нам привязан, особенно к Вите. Фильза, как восточная женщина, всегда была мудрее. Как-то сглаживала возникавшие конфликты, и сегодня осталась самой близкой подружкой у Виты в Н-Челнах.

В ноябре пришли в речной порт наши контейнеры. Размещение наших вещей не создало особых проблем, поскольку не сохранилось в памяти. А вот мотороллер Володи, который прибыл в контейнере, немного мешал в помещении клуба. Нам было мало забот с превращением подвала в клуб. В журнале попала статья о создании снегохода на базе мотороллера «Вятка». И Володя загорелся этой идеей. Съездить зимой в окрестные леса и поля на снегоходе поохотиться – это «круто». Я всегда легко подключался к таким идеям, но больше как конструктор, слесарь и испытатель. Это была интересная работа, и снегоход наш поехал, но только по уплотнённому снегу. По алее местного парка он тащил на буксире до десятка лыжников, а на рыхлом снегу толкающий барабан быстро зарывался в снег.

Однажды к нам в клуб заглянули двое мужчин узнать, чем занимаются люди в клубе «Акванавт». Над входом в наш подвал был закреплён светильник с лампами дневного света, на защитной прозрачной крышке которого гордо красовалось интригующее название клуба. Володя, вспоминая позже, в разговоре сказал, что это название предложила Вита. Один из мужчин с корейско-японским типом лица стал хорошим товарищем нашей семьи по сегодняшний день. Он не стал активным членом нашего клуба, но оказалось, что он работает в Управлении Главного Конструктора КАМАЗа, в отделе дорожных испытаний. Его и ещё нескольких работников УГК отправили работать в Н-Челны и даже выделили жильё. Владислав Михайлович Ким (так звали моего нового знакомого) осенью 1972 года сообщил мне, что в Челны приезжает Главный Конструктор, и дал координаты, где его можно найти. Так я впервые

встретился с Владимиром Наумовичем Баруном. Разговор получился коротким, но взаимноинтересным. Владимир Наумович сказал, что я УГК нужен, но пока нет смысла переходить мне на КАМАЗ. Мне нужно получать квартиру, а в следующем году начнётся массовый переезд работников УГК в Набережные Челны, и тогда меня пригласят на работу.

Встречался я с Владимиром Наумовичем ещё один раз в Московской дирекции КАМАЗа, будучи проездом в Москве. Начинался обеденный перерыв, все остальные сотрудники разошлись, а мы общались почти сорок минут.

«БАРУН Владимир Наумович (21.9.1926, г. Киев – 29.9.1997, Москва) - инженер-механик, первый главный конструктор КамАЗа. В 1970–97 на

Камском автомобильном заводе (с перерывом, в 1986–87 начальник управления главного конструктора Камского тракторного завода, г. Елабуга): с 1970 - главный конструктор по автомобилям, в 1977–86 - начальник управления главного конструктора – главный конструктор ПО «КамАЗ», в 1987–97 – заместитель начальника НТЦ по развитию (в Московской дирекции»).

Приближалась зима 1972-1973 г. Проблема изготовления монолитных фундаментов на КСКЧ была решена применением металлической греющей опалубки. На внешней стороне опалубки приклеивали плоский нагреватель, сверху закрытый надёжной теплоизоляцией. Меня больше на КСКЧ не посылали, но я видел, как ребята из НИИ отработывали технологию изготовления таких нагревателей. Они применили для нагревательного элемента шнур из асбеста и графита, внешне напоминающий шнурок для модельных мужских туфель. У меня до сих пор хранится клубочек этого нагревательного шнура и даже изготовленная из него грелка.

А вот обогрев административного здания нашего Управления решили модернизировать – перевести его на электрообогрев, устроенный по оригинальному принципу. Я уже писал о том, как мы грели воду в общежитии пропусканием тока между двумя электродами через воду. Оказывается, в г. Бугульме изготавливали промышленные нагреватели на таком же принципе, прежде всего, для нужд нефтяников. Вот меня и отправили за такой установкой. Я продолжал совершенствовать свою квалификацию по перевозке нестандартных грузов. Я впервые поехал на грузовике в южную часть Татарии, где находились основные нефтяные месторождения. Интересная трасса пролегла между холмов и лесов. Пока ехали, оформляли груз, загружались, наступил вечер, а возвращение в Челны проходило в темноте. Наверное, такую картину увидели мореплаватели, которые впервые открыли пролив на юге Американского материка, а большой остров южнее пролива назвали Огненной Землёй из-за множества горящих костров. Вот и у нас мимо проплывала огненная земля. Так много было факелов сгорающего попутного газа, образующегося при добыче нефти.

На этом мои приключения в Металлургстрое не закончились. В разгар зимы монтажникам понадобилось привезти уже не комплектную подстанцию, а огромный стационарный трансформатор большой мощности с входным напряжением 110 кв. Это был первый трансформатор, устанавливаемый по проекту энергоснабжения будущего комплекса Литейных заводов.

А. А. Хромых

А вначале он должен был поработать и на нужды строителей. Начальником СМУ на этом участке был А. А. Хромых, мой будущий сосед по подъезду. В этот раз мы тоже на заключительном участке оказались в ночное время. После съезда с дороги с твёрдым покрытием оставалось проехать около одного км. Поднялась пурга и переметённая снегом дорога, да ещё в световой завесе от искрящихся снежинок, водителю трактора «Кировец» была совсем не видна. Пришлось мне, как в хороших советских фильмах о строителях, идти впереди трактора и как-то определяться с направлением движения.

К нам как-то заглянул приехавший в командировку Витя Соколов, муж Люды Соколовой – подруги Виты. Витя работал в отделе шефмонтажа Запорожского трансформаторного завода. И мне хочется думать, что приехал он проконтролировать запуск в эксплуатацию трансформатора, который я так «героически» доставил на место его установки. А Витя Соколов в разгар перестройки имел такие серьёзные наработки в области испытаний и ремонта мощных высоковольтных трансформаторов, что стал известен во всех странах мира. Он даже стал одним из руководителей международного сообщества специалистов по разработке, эксплуатации и ремонту трансформаторов.

М. Х. Сидлер

Хочу вспомнить и Михаила Сидлера, занимавшегося в Управлении техникой безопасности выполняемых строителями работ, незаметной, но нужной деятельностью. Он тоже стал моим соседом по дому. И сыновья у нас ходили в одну школу. А сейчас мы с ним общаемся, благодаря Интернету.

Нужно вспомнить и о начальнике СМУ Ф. И. Улькине. Он жил этажом выше В. Сударева, дружил с ним. А через Володю и я его хорошо знал. Высокий, красивый, талантливый мужчина. И любимец женщин. Когда людям много дано от родителей и природы, многие стараются ускоренно израсходовать, что имеют. Я о Фёдоре расскажу подробнее позже. Мы с ним соприкасались и после моего перехода на КАМАЗ. А в начале 1973 года Федя предложил мне пойти работать в бригаду по монтажу остекления огромного корпуса КСКЧ. Я согласился, но этому воспротивился Болдырев,

Ф. И. Улькин

считая, что нельзя ослаблять ОГЭ. Позже я с согласия С. Савченко перешёл работать прорабом на энергоучасток. Проработал там ровно один месяц, толком не войдя в суть работы прораба. 21. 08. 1973 года мне предложили начать работать в УГК КАМАЗа, и через два дня началась моя работа на заводе, о которой я так мечтал, понимая, что вначале и на заводе творческой работы не будет.

«1973 год – возведены корпуса практически всех объектов первой очереди комплекса, пущен первый городской трамвай, поставлен под нагрузку первый энергоблок ТЭЦ»

В мае 1973 года моя семья заселилась в новую квартиру, на неделю позже большинства жильцов. Первый этаж и засорённость строителями канализации привели к затоплению квартиры. Но это были мелочи по сравнению с тремя комнатами собственного жилья.

Канализацию прочистили, а линолеум пришлось снять, просушить на улице (был в том году солнечный и жаркий май), уложить на своё место, а сварку листов выполнил специалист из ЖЭКа. Поэтому новоселье сместилось у нас на конец июня. Участвовали в этом торжестве самые близкие люди в Н-Челнах, Володя и Фильза, Женя и Нина Родионовы и моя сотрудница по ОГЭ с мужем.

Прошло 40 лет нашей жизни в этой квартире (тоже май, но 2013 года), когда я пишу эти строки. Первые пять лет жизни в этой квартире я большую часть своего свободного времени посвятил благоустройству нашего жилья. Много в квартире сделано своими руками. Мы срослись со своей квартирой. И менять, даже на что-то более роскошное, нет никакого желания. Это и есть та самая достаточность для жизни человека. Вот в творческой профессиональной деятельности уровень задач нужно непрерывно поднимать всю жизнь.

На новоселье затронули вопрос об отсутствии кошки в квартире. И через несколько дней Женя мне принёс подростка-кота, в сумке, прямо на работу. Я его отнёс в подсобку на Энергоучасток, а когда вечером принёс его домой, он был весь мокрый. Чёрный кот Вася был любимцем всей семьи лет пять, а потом пропал. Через несколько дней Славик обнаружил его в подвале мёртвым и долго рыдал. Кошки в нашей квартире живут все 40 лет, доставляя много радости и некоторые проблемы.

Так получилось, что в первые же дни жизни в новой квартире мы сотворили будущую дочку. А пятого июня Вита начала работать инженером-технологом ОГТ РИЗа, единственного на тот момент работавшего завода на КАМАЗе. Фильза с помощью Володи устроилась работать в У.С. Металлургстрой, старшим инженером, двумя месяцами раньше Виты.

Управление Главного Конструктора КАМАЗА. Начало.

Начал я работать на территории РИЗа, где были выделены площади под Экспериментальный цех Управления Главного конструктора. Из записок Главного Конструктора В. Н. Баруна:

«Одно из первых постановлений правительства о строительстве КамАЗа содержало перечень объектов первой очереди. В их числе был Инженерный центр. Инженерные центры были тогда в диковину. Ни один из отечественных заводов не имел ничего подобного. Даже ВАЗ,

приспособивший под конструкторскую службу вспомогательные площади, ещё мечтал о настоящем Инженерном центре. Казалось, что со строительством КамАЗа наступит перелом. Очень скоро выяснилось, что строители не могут освоить все объекты первой очереди ни по объёму, ни по срокам. Началось урезание первой очереди. Первым попал под нож Инженерный центр. Мало кто мог предположить, что Инженерный центр будет построен только через 16 лет, да и то не в полном объёме.

Обращение с письмом в ЦК партии к А. П. Кириленко и в Совет Министров к В. Н. Новикову ничего не изменило. Но Генеральный директор выделил нам на РИЗе площади для экспериментального цеха. Восемь тысяч квадратных метров! Кроме того нам отдали один этаж в здании Проектного управления. Я уже упоминал и о размещении конструкторов на заводе двигателей. С этим можно было начинать и всерьёз устраиваться в Набережных Челнах. На сумрачном фоне первых неудач и поражений появились солнечные блики».

Принят я был старшим инженером по испытаниям ЭЦ УГК. Но записи в трудовой книжке не всегда отражают суть. Реально меня приняли в КИБ ЭМИ (электронных методов измерений). И опять я оказался один. Начальник этого бюро ещё находился в Москве, и рядовых инженеров тоже не было. Из будущего отдела измерений в Челнах находился только В. И. Найдёнов, начальник КИБ проектирования приборов. Но он тоже занимался пока кадровыми вопросами.

На КамАЗ стало поступать оборудование для УГК, причём большая часть этого оборудования приходила из зарубежных стран. Мне стало интересно, что приходит из измерительных приборов. Я познакомился с А. Ф. Семёновым, который был тогда главным инженером ЭЦ. Стал ездить в Управление оборудования и быстро стал там своим человеком. И в цехе на меня с удовольствием переложили контроль поступающего оборудования для всего УГК. Я продумал систему контроля и сделал самодельный журнал большого формата, где фиксировались все данные о поступающем оборудовании и о его перемещениях. А затем начался вывоз оборудования со складов на территорию ЭЦ, где была организована приёмка оборудования и экспертиза его целостности и комплектности. Принятое оборудование мы возвращали в прежнее состояние, т. е. оно находилось в таре поставщика и ждало своих хозяев, которые постепенно приезжали из Москвы, Ярославля, Тольятти. Принимались люди, сами приехавшие работать на КамАЗ, и молодые специалисты, распределённые после окончания институтов. Со мной, чуть позже, работали ребята, окончившие Горьковский университет. Со многими я поддерживаю связь и сегодня.

Для перемещения грузов мне пришлось сдать экзамен и получить удостоверение стропальщика. Хороший контакт у меня установился с главным инженером Семёновым и подчинёнными ему главным механиком Истребовым и главным энергетиком Соловьёвым. Пришлось познакомиться со многими работниками ЭЦ и всего УГК. Территорию складирования оборудования мы огородили и сделали маленькую клетушку, что-то вроде моего рабочего места.

Начальник цеха Юрий Андреевич Остроушко назвал эту «халабуду» «клоповником».

Из записок Баруна об Остроушко:

«Первоначально Остроушко занялся работой с институтом ГИПРОПРОС над проектом Инженерного центра. Это было полезно для него и для дела, так как от нас вскоре потребовали разделительные ведомости для заказа оборудования. И мы успели закупить часть оборудования ещё до того, как строительство ИЦ было заморожено. Зато, когда Васильев предоставил нам временные площади на РИЗе, всё это оказалось как нельзя кстати. ЭЦ быстро смонтировали и запустили. И в этом была заслуга Остроушко. Он был в числе тех, кто первым уехал из Москвы в Челны и активно занялся комплектованием цеха рабочими. Я находился в Москве. Мои приезды в Челны носили ещё эпизодический характер. И вскоре я убедился, что самостоятельность, в которой пребывает начальник цеха, отрицательно сказывается на деле. Начались пьянки, поиски «левых» заказов, страдала учёба рабочих. Мне нужен был ЭЦ, который мог выполнять сложные работы, выполнять их качественно. Строго соблюдал бы требования чертежей. Имел высочайшую культуру производства. Этим пока не пахло.

Экспериментальный цех впоследствии сделал много оригинальных образцов автомобилей. Тянулся к идеалу, как мы его представляли. Но в этом было больше заслуг самого коллектива и тех начальников, которые пришли после Остроушко: Хайретдинов Азат Абдулхакович, Гамага Владимир Павлович, Тихонов Иван Павлович».

«Май 1974 года – в экспериментальном цехе Управления главного конструктора «КАМАЗа» собран первый двигатель»

Около года я занимался оборудованием. А в мою комнатку часто заглядывали «неприкаянные» ребята, у которых ещё толком не было работы. Часто заходили Владик Ким, Коля Скворцов. Немного позже Коля Ядринцев. Все по-своему интересные ребята. О них я ещё напишу. Некоторое время провёл с нами Сергей Екимов. Молодой инженер генерировал огромное количество фантастических идей. Например, сделать диски колёс упругими, и они заменят рессоры. На каком-то этапе он возглавил группу дизайнеров. Даже заключил с руководством договор (при перестройке) на разработку новой кабины, оговорив эту работу серьёзным денежным вознаграждением и даже выделением нескольких легковых машин для поощрения своих разработчиков. С кабиной, похоже, ничего не вышло. Даже был шум, что кабина явилась плагиатом. Я, конечно, всех тонкостей не знаю, но то, что Сергей на каком-то этапе перестал меня узнавать, говорит о многом. Сейчас он возглавляет крупную частную фирму по дизайну.

Стали приходиться молодые ребята, имеющие какое-то отношение к электронике. Найдёнов был занят, и этих ребят временно отправляли под моё начало. Появились Володя Сушаков и Иосиф Борисевич. Толковые ребята,

работавшие впоследствии в КБ приборов. Мне пришлось сочетать прежнюю деятельность и начать освоение приборов, которых было огромное количество. Появился первый заказчик - Ростислав Зубов, руководивший вначале Отделом дорожных испытаний. В ЭЦ появился первый автомобиль КАМАЗ, изготовленный на ЗИЛе. Вот на нём мы с Ростиславом Зубовым провели первые дорожные испытания с записью скорости движения и ещё нескольких параметров на ленту магнитографа. Магнитограф, новый для меня регистратор, потребовал изменения мышления в области измерений. Персональных компьютеров ещё не было и сопутствующих им приборов тоже. Поэтому первые годы запись исследуемых физических параметров, преобразованных в электрический сигнал, мы перезаписывали на светолучевой осциллограф, а далее привычная работа – проявление, промывка и закрепление фотоленты. А затем непроизводительная ручная обработка процессов, записанных на ленте. Точность результатов обработки тоже оставалась невысокой.

Техника, в том числе измерительные комплексы, стали намного совершеннее и производительнее за период моей трудовой деятельности, но этот рывок совсем не говорит о том, что люди также стали намного умнее, цивилизованней и человечнее. Даже при развитии техники «компьютер» в голове человека остается важнее, чем самый продвинутый персональный компьютер. И, как всегда в истории человечества, любые прорывные изобретения людей, кроме пользы, приносят много вреда.

В магнитографе, кроме записи измеряемых параметров, предусмотрена ещё и запись звукового сопровождения. Во время работы не всё шло гладко. У нас даже оторвалось «пятое колесо». Когда я это понял, мы успели проехать пару километров. Прокрутив запись, я даже определил, где мы потеряли «пятое колесо».

Грубоватый Зубов сопровождал нашу работу комментариями, содержащими часто ненормативную лексику. При обработке записей звуковое сопровождение прослушивались через наушники. Мне они не очень нравились, и я принёс из дома старый приёмник. Понял я свою ошибку, когда русский мат стал слышен всем в помещении. Жить стало веселее. Началась работа, которая мне приносила удовлетворение. Иосиф Борисевич сделал четырёхканальный преобразователь. Выход магнитографа согласовывался с входом светолучевого осциллографа. Так я впервые прикоснулся к микросхемам. В данном случае, к операционному усилителю.

Однажды ко мне на территорию склада пришла группа людей уточнить какое у нас получено оборудование для измерения параметров точности изготовления коленчатого вала. Старший группы представился как Главный конструктор. Александр Анатольевич Шестаков – средних лет, симпатичный и спокойный человек. Он был Главным конструктором по двигателям. Я до этого знал, что есть Главный конструктор Барун. Потом появилось много Главных конструкторов почти по всем крупным узлам и агрегатам автомобиля. У нас находилось два вида оборудования. Шестаков дал указание осваивать оборудование, насыщенное большим количеством электроники. Я немного усомнился в возможности освоения оборудования без специалистов по

электронике. Он только улыбнулся. А я уже как-то прирос ко всем этим стендам в ящиках и, как будто, отрывал их от себя. Я категорически не понимаю утверждений, что при социализме у людей отсутствует чувство хозяина.

Коля Ядринцев. Снимок 2002 года.

Познакомился я с Николаем Васильевичем Ядринцевым. Появился он в ЭЦ на месяц позже меня. До этого он работал секретарём парткома большого автотранспортного предприятия. Коля окончил Московский Автодорожный институт и очень хотел принимать участие в создании Камских автомобилей. Его приняли начальником КИБ коробок передач и пока предложили на территории ЭЦ смонтировать американский стенд фирмы «Глиссон» - для испытаний задних мостов. Стенд габаритный, дорогой и требующий для установки создания фундаментов. Понадобились и специалисты по электропроводке и электронике. Нужна работа переводчика с английского языка. А я понадобился, чтобы разыскать и привезти недостающие ящики с оборудованием. Когда я через два дня доставил два огромных ящика, по габаритам вполне пригодным для садового домика и весом каждый под 10 тонн, восхищению Коли не было пределов. Так или иначе, а общаемся мы вот уже 40 лет, хотя по характеру достаточно разные люди. Организаторские способности у Коли от бога и почти такая же неуправляемость. Стенд запустили в обкаточном режиме в декабре 1973 года. Работает стенд и сегодня, переехав в 1986 году на площади Инженерного центра.

Стали появляться и другие молодые инженеры. Это ребята выпуска 1973 года, которых распределили на КамАЗ. Почти всех вначале отправили на стажировки. Большинство на ВАЗ и Ярославский моторный завод. Влились в мою группу Слава Шмагин, Изя Шпизель, Валя Кудряшова и Люда Лепская. В это же время я познакомился с Володей Бушуевым и Олегом Сорокиным. Детали знакомства не запомнились. Володя и Олег и сейчас занимаются измерениями при проведении испытаний. Время неумолимо движется вперёд, и они уже пенсионеры. Иногда удаётся с ними видеться.

Но были знакомства и другого плана. Появился в поле зрения Олег Белоненко, которого тоже определили в мою группу. По-моему он должен был работать в КИБ виброакустики. Определить-то определили, но он даже не подошёл познакомиться. Я попробовал с ним поговорить, но он вежливо послал меня. Комсомольская работа и далеко идущие планы просматривались во время нашего общения. Но такая активность вызывала удивление вместе с уважением. Однажды, во время сдачи норм ГТО, Олег подтянулся на перекладине 25 раз. В дальнейшем у него произошёл сверхбыстрый партийно-карьерный рост и, по-моему, без движущей силы в верхах.

Привожу основные вехи его жизни:

«Родился Олег Дмитриевич Белоненко 23 октября 1949 году в с.Серноводном Джанкойского района Крымской области; окончил Симферопольский автодорожный техникум в 1967 году, Московский автодорожный институт в 1972 году, а также Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР; с 1972 года работал на различных инженерных должностях от мастера до начальника конструкторского бюро в производственном объединении «Камский автомобильный завод» (КамАЗ), был заместителем секретаря парткома предприятия; 1987—1994 — директор производства легковых автомобилей АО «КамАЗ», затем возглавлял завод микролитражных автомобилей АО «КамАЗ» (ООО «Завод микролитражных автомобилей»); 1994—1996 — заместитель генерального директора по маркетингу и продажам, член правления, 1996—1998 — вице-президент АО «КамАЗ» по новым видам бизнеса; с 1998 г. — первый заместитель генерального директора ОАО «Уралмаш-заводы» и ОАО «Уралмаш», с декабря 1999 г. занимал пост генерального директора ОАО «Уралмаш»; был убит 10 июля 2000 г.».

Причём руководство моё никак оформлено не было. Разместились мы совсем рядом со складом оборудования. Для сохранности приборов и другого имущества пришлось сварить металлические шкафы. В 1974 году начался массовый переезд ИТР из московской дирекции в Н-Челны. Люди есть люди. Некоторые начальники, имеющие московскую прописку, в Челны не поехали. Они использовали более высокие должности, предложенные им на КамАЗе, как трамплин для дальнейшего трудоустройства в Москве.

Появился и мой начальник Василий Васильевич Кутик. Он в московской дирекции был избран секретарём партийной организации и, конечно, сумел попасть в ряды командированных руководителей за границу. Был он командирован в ФРГ. Командировки были как для обучения работе на оборудовании, поставляемом на КамАЗ, так и для закупок этого оборудования. Даже меня Найдёнов включил в списки для стажировки в Японии. Мне, конечно, хотелось попасть в слегка загадочную Японию. Но не судьба. Кроме Кутика никто из измеренцев за границу не попал. Наше конструкторско-исследовательское бюро имело название электронных методов измерений — КИБ ЭМИ. Не совсем чётко это название отражало суть нашей работы, но ко всему люди быстро привыкают, а тут всего название... Кутик, внешне мягкий и спокойный человек, был далёк от тонкостей измерений механических и физических параметров с помощью датчиков и электронных преобразователей. И желания ускоренно изучать дело, которым он пытался руководить, не было. Оставалось администрирование. У меня всё обстояло с точностью наоборот. Я понимал недостаточность своих знаний, видел большое количество закупленного оборудования, датчиков и аппаратуры. Я долго шёл к работе с такими возможностями, и мне не терпелось погрузиться в работу с головой, вместе с ребятами. И нужно отметить, что большинство молодых специалистов УГК тоже «горели» на работе. Ребята, безусловно, были разные. У некоторых

было стремление к быстрому карьерному росту. Но у большинства было желание быстрее начать заниматься своим делом и получать удовлетворение от творческого труда.

Но до такого труда было ещё далеко. Даже освоение выделенных территорий происходило, в основном, с использованием труда инженеров. Коле Ядринцеву Барун предложил возглавить отряд из нескольких десятков инженеров на строительстве Проектного управления, где УГК отдали один этаж. Это здание вошло в наш лексикон как «б/3». В нём расположились все конструкторские службы по автомобилю во главе с Главным конструктором УГК В. Н. Баруном. Остальные подразделения УГК оказались разбросаны по разным заводам КамАЗа, что создавало дополнительные проблемы и потери рабочего времени.

В конце ноября 1973 года Владик Ким предложил мне поехать вместе с ним на Автополигон, расположенный возле г. Дмитрова в Подмоскowie. Ким ехал туда в командировку. Кутик, с которым мы ещё не начали конфликтовать, не возражал и даже считал полезным познакомиться с опытом специалистов по измерениям, работающих на полигоне.

Вначале мы заглянули в общежитие камазовских специалистов, ещё остававшихся в Москве. Беспорядок и шумность в комнатах мужчин, временно живущих и почти не занятых делом. Выделялись двое – Иван Тихонов своей серьёзностью и Рамиль Азаматов глубоким знанием тонкостей фигурного катания.

Автополигон по своим возможностям не уступает мировому уровню. При плановой экономике строительство таких объектов, требующих больших капиталовложений, решалось проще, чем при рыночной.

«Научно-исследовательский центр по испытаниям и доводке автотехники ФГУП «НАМИ» (НИЦИАМТ ФГУП «НАМИ») — крупнейшая в стране и Европе специализированная научная и

испытательная организация. Является Центром экспериментальных исследований и разработки методологии испытаний автотранспортных средств и комплектующих изделий. Основан полигон в 1964 году.

Экспериментально-исследовательская база НИЦИАМТ ФГУП «НАМИ» позволяет исследовать и оценивать около 3000 параметров конструкции разнообразных объектов — от велосипеда до большегрузных автопоездов, для чего разработаны и используются свыше 2500 нормативных документов на уровне государственных стандартов и стандартов предприятия. Постоянными заказчиками Автополигона НАМИ являются практически все ведущие автомобилестроительные фирмы стран — лидеров мирового

автомобилестроения (Германия, Испания, Италия, Южная Корея, США, Франция, Чехия, Швеция и др.).

Автополигон сотрудничает с аналогичными зарубежными научно-исследовательскими центрами — такими, как ЮТАК (Франция), УВМВ (Чехия), ПИМОТ (Польша), ИДИАДА (Испания)».

Эта поездка на автополигон оказалась у меня единственной за 30 лет работы в УГК (НТЦ). Направленность моей дальнейшей деятельности не требовала таких поездок. Я за один день переговорил с инженерами, занимающимися измерениями. Мне стал понятен перечень работ, которыми они занимались в то время, познакомился я с ассортиментом датчиков и с аппаратурой, применяемых при выполнении этих работ. Они занимались в основном измерениями, предписанными ГОСТами. Исследовательскими испытаниями занимались больше специалисты заводов. Камазовские испытатели в это время по дорогам полигона не ездили. Приставать к людям для удовлетворения своего любопытства я не любил. Ким остался заниматься порученными ему вопросами, а я вернулся в Челны.

Кутик удивился моему быстрому возвращению да ещё из столицы. Почему я всё не переписал, не срисовал и не скопировал? Наметились первые трещины во взаимоотношениях, в подходе к делу. Почему, интересно прожив столько времени в Москве и пробыв столько времени в Германии, у него во время работы не обнаружилось никаких материалов? А зачем начальнику всё это. Можно просто давать «умные» распоряжения. И в то же время я Кутику был нужен, как определённого уровня готовый специалист. Остальным ребятам ещё нужно было познавать азы измерений.

Начало 1974 года. Вита уходит в декретный отпуск, и 25 марта у нас рождается дочь, названная в честь и память о погибшей в 1965 году Светлане Дейнеке. Забирал я жену с дочкой через пять дней после родов, после работы. Сели с ребёнком в трамвай и поехали.

Расстояние 12 км, небольшое для трамвая. Вот только остановка трамвая находилась от нашего дома на расстоянии 1,5 км. Конец марта, отсутствие асфальта, сплошная грязь и темнота. Но нас это совершенно не смущало.

Курточка сшита мною из пальто Виты.

В это время у нас жила моя мама. Это был её первый приезд к нам в Челны. Ей было 69 лет, и она очень хотела присутствовать при рождении шестой внучки. Тогда ещё пол будущего ребёнка не определяли, но мы были убеждены,

что будет девочка. Вот так мы и жили на наши скромные зарплаты, а моя мама - на социальную пенсию. И никакой головной боли – эти деньги позволяли растить двух детей, а бабушка имела возможность за 2000 км приехать, чтобы помочь нам в уходе за новорожденной дочкой. В день родов Вита с моей мамой ещё съездили в посёлок ГЭС за покупками для ожидаемого человека. **Сейчас мы в возрасте моей мамы имеем одного внука и постоянную тревогу, как он впишется в современный мир.**

Под Новый год к нам приехала Женя Гайдар.

В июне 1974 года Вита вышла на работу уже на должность старшего инженера-технолога. Через год, в связи с реорганизацией, она инженер-технолог третьей категории (не совсем равноценная замена), но зарплата осталась прежней. Это пока завод РИЗ. Тогда тоже были

проблемы с дошкольными детскими учреждениями. Но причина была другой, чем сейчас. Тогда действительно в Челнах была огромная рождаемость, и строительство детских садов не поспевало за рождаемостью. А великолепные садики строились, и к началу горбачёвской перестройки проблемы дошкольных учреждений не стало. Появилось такое понятие как «элитность». Родители начали стараться

устроить своих чад в более продвинутый садик. А уже в ельцинский период решили, что не только садики, но и сами дети стране не нужны. Население России стало ускоренно вымирать. Естественно, резко упала рождаемость, а ещё более быстрыми темпами началась распродажа и

перепрофилирование зданий, спроектированных как садики, под разные «конторы».

Нас получение места в садике тоже волновало, хотя не хотелось отдавать дочку в садик раньше трёх лет. Помогали бабушки, особенно в летний период. Мы как-то передавали дочку из рук в руки. Пара наших отпусков была посвящена полностью маленькому человеку. Например, мой отпуск 1976 года я провёл дома, занимаясь дочкой. В марте этого года мы купили двухколёсный мотоцикл «Минск». Я часто, взяв с собой еду и посадив ребёнка на бак мотоцикла, уезжал с ней в ближайший большой лес. Набегавшись на природе, при возвращении домой она засыпала прямо при движении мотоцикла. А приехав домой, я переносил её, спящую, в квартиру, и дочка при этом не просыпалась. Казалось бы, одни проблемы, а вспоминаются как счастливое время. **В самом кошмарном сне нельзя было представить, что в нашей стране наступит время, когда дети миллионами не будут учиться в школе, их в огромном количестве начнут насиловать расплодившиеся педофилы, а некоторые государственные служащие сделают продажу детей за границу доходнейшим бизнесом и т. д.**

Обычно Вита некоторые вопросы, по её мнению, касающиеся только её, старалась решать сама. Так было при поступлении её технологом на РИЗ. Но сейчас решение о её переходе в УГК мы приняли вместе.

27. 03. 1975 года её приняли в Центральную Исследовательскую лабораторию УГК инженером-химиком. Конечно, это было несправедливо при 11 годах инженерного стажа. Но она никогда

ничего не выпрашивала, и я в этом плане не сильно от неё отличался. И только в 1987 ей присвоили должность старшего инженера, а ещё через год категорию инженера-исследователя второй категории ЦИЛ. Через

пять лет в 1992 году Вите присвоили первую категорию инженера-исследователя, с которой ещё через пять лет она ушла на пенсию по собственному желанию. Ей исполнилось 55 лет. В стране и на КамАЗе началось разрушение всего высокотехнологичного. Начались сокращения, и

Вита не могла оставаться в лаборатории при сокращении специалистов, не достигших пенсионного возраста. Вот такое советское воспитание. Удивительно, но при воспитании в тех же условиях, появилось много нелюдей, которые начали рвать общенародную собственность на куски, провозгласив, что «стране нужны эффективные собственники». Их назначили новые хозяева страны.

Я узнал о её решении уйти на пенсию, находясь в командировке в Киеве. Она воспользовалась моим отсутствием, чтобы не тратить нервы на долгие семейные обсуждения. Была в принятом решении и другая причина – старенькие родители, которых мы успели перевезти из Харькова в Н-Челны до разрушения Советского Союза. Они требовали большего внимания, чем раньше. Начальником лаборатории был Виктор Облащик. Он сумел так построить взаимоотношения с женским коллективом, что лаборатория работала практически без его участия. В 1984 году, когда Н. И. Бежа назначили гендиректором строящегося Тракторного завода в Елабуге, за ним поехали многие камазовские специалисты. Поехал в Елабугу и Вита. Виту вызвал А. А.

Шестаков и предложил ей возглавить лабораторию. Предложение было настолько неожиданным, что она не нашла ничего лучшего, как написать заявление на увольнение. И её оставили в покое. В 1986 году Тракторный завод строить передумали (один из результатов начавшейся горбачёвской перестройки), и Вита, как нашкодивший пёс, с виноватым видом решил вернуться в лабораторию. Начальство не возражало, а

женщины написали коллективный протест, но их быстро уговорили.

Я забежал далеко вперёд. Ещё немного о моём карьерном росте. Через год после приёма на работу в УГК я из старшего инженера по испытаниям ЭЦ УГК стал старшим инженером-исследователем УГК. В 1978 году, через пять лет после начала работы, мне присвоили первую категорию инженера-конструктора. Я, правда, к этому времени претендовал на должность начальника КИБ (в отличие от Виты). Далее обо всём этом подробнее. Нам действительно с переходом Виты в УГК стало легче растить Светланку. Лаборатория не завод и, к тому же, там часто нужно было дежурить у приборов при проведении анализов топлив и масел. Немного помогал и сын.

В 1974 году я неожиданно получаю письмо от Димы Галлалу (мой хороший товарищ по работе в Жданове). Он написал, что его младшая сестра Люба после окончания Metallургического института собралась ехать в Н-Челны и

устраиваться работать на КамАЗе, и просил помочь ей на начальном этапе жизни в новом городе.

Приняли мы у себя молодую девушку. Она быстро определилась с работой.

Прожила у нас пару недель, и её отправили стажироваться на ВАЗ. После стажировки начало работы, общежитие, знакомство с хорошим парнем Володей Швиденко и создание семьи. У Володи камазовский стаж был больше, чем у Любы, и к рождению их первенца у них уже была двухкомнатная квартира. В 1977 году у них родился первенец – сын

Коля. Через пару лет второй сын – Гриша. Хорошая семья с обычными

житейскими радостями и трудностями.

Прекрасная перспективная работа. Володя работал начальником участка на Заводе двигателей, Люба на Автомобильном заводе. Много друзей. Мы для них стали почти родственниками. Все семейные торжества мы отмечали вместе. Даже дачные участки у нас оказались в одном кооперативе.

Что ещё нужно молодым людям для счастливой жизни. И это, не расталкивая никого локтями, при абсолютной уверенности, что с каждым днём, годом жизнь будет становиться лучше и интереснее. Молодёжь нынешнего капиталистического «рая», названного перевёртышами-предателями «столбовой» дорогой развития человечества, позавидуйте молодым людям, входившим во взрослую жизнь при советском жизнеустройстве!

Не всё в жизни бывает гладко. В 1982 году у Любы тяжело заболевает мама, живущая в греческом селе Малая Янисоль, в 45 км от города Жданова. В

Жданове живёт Дима, в Таганроге второй брат Валентин. В селе ещё достаточно крепкий отец. Но дочь очень переживает и хочет помочь матери. Вначале едет в отпуск, затем берёт отпуск без оплаты. И ребята решаются из налаженной, интересной жизни в Челнах переехать в село. Уезжают в 1983 году, даже не пытаюсь с выгодой для себя

«пристроить» свою квартиру. Они её просто возвращают государству. Мама

через год умирает, а Люба и Володя остаются жить в родительском доме, построенном в 1912 году. Красивое, богатое село, в котором тоже можно интересно жить. Но совсем рядом горбачёвская перестройка, торжество «демократии», «общечеловеческие ценности», полный развал советского жизнеустройства и насильственное разрушение мощного государства с гордым названием СССР. Об этом немного позже. К счастью, наша взаимная привязанность сохранилась.

Становление измерительного подразделения УГК.

В 1974 году количество людей в УГК, работающих в ЭЦ, превысило все разумные пределы. Если мы могли как-то изучать измерительные приборы и начали первые простые измерения, то нашим испытателям-стендовикам для монтажа испытательного оборудования места в ЭЦ не было.

Кригер Анатолий Маврикиевич

Из записок Главного конструктора: *«Мы все уже в Набережных Челнах. Всё ближе неотвратимый пуск завода. Мы создаём отделы стендовых испытаний во главе с Ходжавой Ревазом Васильевичем и Ширяевым Михаилом Дмитриевичем. Потому что помним, как Кригер неоднократно наставлял нас: стендовые испытания – это самый эффективный инструмент в руках главного конструктора. На стенде можно получить результат за считанные часы. Дорожные испытания дают то же за месяцы. Многие стенды зарубежного производства мы успели закупить и установить. И у нас подобрался коллектив талантливых стендовиков: Павленко Пётр Дмитриевич, Инюшев Евгений Андреевич, Назарян Армо Саакович, Колосов Павел Михайлович и многие другие. Позже испытатели войдут в специализированное управление. Это будет огромная сила – золотой фонд КамАЗа. Его возглавит хороший организатор и опытный инженер Вячеслав Михайлович Панфилов».*

Хочу добавить, что Барун не вспомнил о таком же подразделении у Главного конструктора по двигателям Шестакова. А нашему подразделению необходимо было обеспечивать измерения в обоих подразделениях, как на стендах, так и в дорожных условиях. Барун, хотя и был самый главный, но голова у него была занята, в основном, автомобилем. И это повлияло чуть позже на поворот в моей деятельности.

В конце 1974 года нам выделяют площади на Прессово-рамном заводе для КИБов стендовых испытаний, КИБ ЭМИ и КИБ виброакустики. Территориально мы расположились у северного выезда огромного корпуса ПРЗ. В 1975 году началось освоение площадей, совмещённое с началом учёбы и выполнением измерительных работ.

Одновременно во вспомогательном корпусе рядом с РИЗом осваивалась маленькая площадь под три стенда для испытаний двигателей. Рядом работали кузнечные молоты, создававшие ударную вибрацию, да и задымлённость была на высоком уровне. Территориально этот корпус был неудобно расположен. Но энтузиазм у большинства молодых инженеров (будущих ведущих специалистов и руководителей) был огромным. Практически большая часть работ была выполнена их трудом. Когда на заводе Двигателей запустили около 20-ти более совершенных стендов, то от первых стендов не отказались вплоть до моего ухода на пенсию. Это как первая любовь.

Мы тоже быстро освоили свою площадь под КИБ ЭМИ. Строились помещения и ограждения из металлических плоских конструкций нескольких типоразмеров. Нижняя часть конструкции закрыта профилированным листом, а верхняя – стеклом. Высота около трёх метров. Оставалось по разработанному проекту приварить эти конструкции между собой к металлическому полу. При необходимости помещения закрывались профилированным листом большой жёсткости, чтобы сверху можно было ходить.

Самое большое помещение занимал склад приборов. В нём были сварены стеллажи с деревянными полками, на которых разместили приборы. Некоторые приборы представляли собой громоздкие измерительные и регистрирующие комплексы. В то время даже японцы ещё не научились изготавливать малогабаритные приборы. Склад наш примыкал к стенке подразделения ПРЗ, изготовленной из тех же металлоконструкций. Только стёкла у них были уже покрашены, а мы не догадались узнать, что находится у нас за стенкой.

Началась практическая работа, совмещённая с освоением методик измерений и изучением приборов, которых было много. Нужно было хорошо в нашем богатстве разбираться. А для этого нужно чёткое понимание проблем, решаемых нашими заказчиками (часто они сами плохо их себе представляли). Исходя из задания и возможностей имеющейся аппаратуры, составляется измерительная схема. Подбираются тарировочные устройства. Проводятся контрольные замеры, и определяется их истинность, которая не всегда очевидна. Иногда, как учил Ходжава, нужно измерить «верёвкой» (образное выражение), чтобы сравнить полученный результат с результатами, выданными приборами высокого класса точности. И очень важно сотрудничество с заказчиком. И много чего ещё важно, если исполнитель профессионал.

Нам как-то дали задание измерить усилие на тяге рулевого управления, соединяющей передние колёса. После регистрации усилия нагружения тяги во время заездов в осциллограмме на основной низкочастотный процесс нагружения наложилась синусоидальная кривая, с высокой частотой по амплитуде, значительно превышающая основной процесс. Измеренцы даже не стали анализировать свою запись, а заказчики (тоже ещё молодые специалисты), приняв такую осциллограмму за истину, выдвинули предположение об ускоренном износе шин за счёт высокочастотного колебательного процесса. Когда более опытные специалисты усомнились в таком диагнозе, Кутик подключил к этой проблеме меня. Оказалось, что мы наклеили тензосхему на тягу, которая не компенсировала изгибные напряжения. Требовалось системное

длительное обучение. К сожалению, наш начальник этого не понимал, да и не знал. Получая задания, большая часть инженеров консультировалась со мной. А мне тоже многому нужно было учиться.

Декабрь 1975 года – на заводе двигателей собран первый силовой агрегат – по временной технологии, но собственными силами».

Просматриваю свой рабочий журнал, начатый 05.10. 1975 года. Удивляюсь, как много нового пришлось осваивать в области стоящих перед испытателями задач и, соответственно, перед нами в области применяемых для решения этих задач измерительных схем. Краткий перечень только дорожных испытаний автотранспортных средств:

1. Определение эффективности тормозных систем;
2. Управляемость автомобиля;
3. Плавность хода автомобиля;
4. Топливная экономичность автомобиля;
5. Прочностные дорожные испытания различных узлов автомобиля.

Постепенно стал нарастать объём стендовых испытаний, как на автомобиле, так и на двигателе. Режимометрирование работы двигателя и узлов автомобиля проводилось в дорожных условиях. Замеры с использованием исследовательской аппаратуры были необходимы для грамотной разработки программ стендовых испытаний.

Приведу только часть фирм, измерительные комплексы которых применялись при измерениях:

1. Измерительная система фирмы DISA – Дания, с комплектом датчиков, работающих на принципе изменения ёмкости с большим набором анализаторов и вспомогательных приборов;
2. Измерительная аппаратура фирмы DISA – Дания для измерения турбулентности;
3. Измерительная система фирмы НВМ – Германия, с комплектом датчиков, работающих на принципах: тензометрическом, индуктивном и пьезоэлектрическом. С набором токосъёмников для передачи электрического тока с вращающихся деталей;
4. Комплекс приборов и датчиков фирмы AVL – Австрия, для исследования рабочего процесса сгорания топлива в цилиндре двигателя;
5. Комплекс приборов и датчиков фирмы Meter-floy – Япония для измерения расхода жидкости с турбинными датчиками;
6. Аппаратура фирмы ONO SOKKI – Япония для измерения скоростных и динамических характеристик автомобиля в движении, комплектуемая датчиком «5-е колесо»;
7. Аппаратура фирмы SAN-EI – Япония. Усилители постоянного тока и шлейфные осциллографы с сухой проявкой записи в ультрафиолетовом свете;

8. Аппаратура фирмы RFT – ГДР. Измерители перемещений и проявочные машины для фотоленты;
9. Отечественная аппаратура. Тензоусилители ТА-5 и светолучевые осциллографы К-12-22;
10. Регистраторы фирмы ТЕАК – Япония. Магнитографы R-200 и R-400;
11. Система для измерения температуры термоэлектрическими преобразователями (термопарами) в 200-х точках фирмы SOLATRON – Англия;
12. Огромный шкаф со стационарным магнитографом, который так и не был задействован и перед моим уходом на пенсию списан.

Было с чем и над чем работать. В дальнейшем заказывалась и приобреталась дополнительная аппаратура и датчики. Много приборов было сделано нашим КБ. А всяких тарировочных устройств, приспособлений, изготовленных рабочими, – не перечить. О многих наших наработках я ещё напишу. К концу моей работы широко стали применяться компьютеры, которые при их грамотном использовании, существенно облегчили работу при исследовательских измерениях и повысили их точность. Понадобилась работа программистов. Но это стало потом, когда и НТЦ КамАЗу стал почти не нужен. Действительно, зачем НТЦ, если все узлы и агрегаты автомобиля можно купить за границей, а при отвёрточной сборке можно и гастробайтерами обойтись.

Ф. А. Табеев, А. Н. Косыгин, А. И. Вольский на КАМАЗе.

А пока большинство молодых инженеров и рабочих стремятся стать специалистами. Ещё много в руководстве страны и КамАЗа руководителей сталинской школы. Например, Алексей Николаевич Косыгин с 15 октября 1964 по 23 октября 1980 года — председатель

возведения объектов автогиганта и строящегося рядом с ним автограда — до сдачи в эксплуатацию второй очереди «КАМАЗа».

Инженеры-исследователи по двигателю как пчёлы трудятся на

Совета Министров СССР. Лев Борисович Васильев - Генеральный директор ОАО «КАМАЗ» с 1969 по 1981 годы, возглавлял комплекс заводов с начала

строительстве испытательных стендов, расположенных возле РИЗа. Стенд состоит из мощной стальной рамы, установленной на массивном фундаменте, который находится в бетонном прямоугольном колодце. Фундамент отделён от дна и стенок колодца толстым слоем песка – такая песчаная подушка. На раме установлен электрический генератор, являющийся нагрузочной машиной для испытываемого двигателя, который тоже устанавливается на раме, соосно с двигателем. Изменением электрической нагрузки на выходе генератора регулируют необходимую нагрузку для испытываемого двигателя. Генератор установлен не жёстко на раме. Он подвешен через подшипники на кронштейнах, т. е. его статор может свободно вращаться. А вот вращаться ему не даёт измерительное устройство, через которое он прикреплен к раме в третьей точке. В некоторых вариантах генератор может работать как электродвигатель, например, при испытаниях коробок перемены передач и других пассивных узлов автомобиля и двигателя.

Нагрузочные устройства комплектуются своими приборами. И всегда чего-то не хватает. Это сейчас испытательные стенды поставляются в комплекте со специализированными компьютерами. А в начале нашей исследовательской деятельности многого не хватало. Вот хорошо мне знакомый Наиль Байгузин пришёл на склад Управления оборудования и от моего имени попросил помочь ему со стеклянными и резиновыми трубками для изготовления дифференциальных манометров малых давлений. Из уважения ко мне, женщины ему подобрали трубки, а когда я у них появился, получил от них шуточный выговор. Я попробовал воспитывать Наиля, но услышал в ответ: «Нужны были манометры и важен результат».

Казалось, есть то, о чём я так долго мечтал – интересная творческая работа, нужная для страны и в большом объёме. Есть возможность участия в дорожных испытаниях. А это – сочетание интересного дела с возможностью путешествовать. Но всё начало складываться, как в плохом сценарии. Сейчас, после прошедших сорока лет, детали конфликтов с прямым начальником стёрлись из памяти. Глупые указания хуже, чем гири на ногах при движении. И мелочные придирки. При этом никогда не поднимался В. В. Кутиком вопрос о переводе меня куда-нибудь, чтобы я не мешал ему руководить. Коля Ядринцев, бывая на совещаниях вместе с Кутиком и выслушивая его критику в мой адрес, с присущей ему непосредственностью отметил: «Плохо работает Марача, так напиши серьёзную докладную и пусть его уберут из КИБа, а ты, уходя в отпуск, оставляешь его вместо себя». Но до окончания нашего противостояния было ещё далеко.

В этом году было принято решение провести режимометрирование всех узлов и агрегатов автомобиля КАМАЗ в дорожных условиях. Организацию этих работ и их выполнение поручили Коле Ядринцеву, а его помощником по науке назначили Володю Ниськова. Почти все ведущие инженеры-испытатели по автомобилю выехали во временный лагерь на берег Волги, в 20-ти километрах к северу от города Углич. Недалеко от этого места располагался на постоянной основе лагерь испытателей завода ЗИЛ, а рядом проходила разбитая булыжная дорога (чуть ли не времён Петра Первого). Коля развернул это мероприятие с

присущим ему размахом. Были построены домики из двух микрокомнат, около 10 штук. Они представляли удлинённый параллелепипед, сваренный из уголка и обшитый досками. Их для экзотики установили на поляне у берега Волги, вертикально полудугой. Первый этаж – подсобка, а на втором – спальные места для четырёх человек (опасный вариант в плане пожарной безопасности). Рядом стояли автомобили, используемые для испытаний и, частично, для хозяйственных работ. Ребята по своим программам проводили испытания, и одновременно водители с автомобилями участвовали в натуральном обмене – зарабатывании, к примеру, бесплатного питания для всех участников экспедиции. Такой цыганский лагерь, со своим «бароном» и его помощником.

Работ запланировано было много, молодые специалисты действительно хотели получить достоверную информацию о нагруженности систем автомобиля, которыми они занимались. Не всё шло гладко да ещё отвлечение автомобилей. Им иногда приходилось долго ждать своей очереди для выполнения работы. Похоже, измеренцы были загружены больше других, потому что участвовали во всех работах. У них тоже не всё получалось, а В. Ниськов мало чем им мог помочь. Вот меня и отправили на помощь. Почему-то подготовка к этим испытаниям прошла мимо меня. Из наших ребят мне запомнился Валера Бушуев.

Из проблем, которые пришлось решать на месте, запомнилась одна. Тензомосты, наклеенные на полуоси, и провода, идущие к токосъёмнику, были закреплены и загерметезированы герметиком на основе восковой мастики. Прекрасный герметик, но при испытаниях горячее масло быстро растворило воск, и провода, болтаясь в воздухе, быстро оторвались. Монтаж мы восстановили, провода закрепили бандажами из ниток, а герметизировать не стали. Электропроводность у масла практически нулевая, и сами тензорезисторы к маслу оказались очень устойчивы.

Вторая проблема – это крепление корпуса токосъёмника к кузову автомобиля, чтобы он не вращался. Жёсткие, тонкие, деревянные лаги, пропущенные в проушину на кузове, быстро ломались, приводя к обрыву проводов. Мне, выросшему в скромном достатке, очень часто приходилось находить решения практически из ничего. В этом случае подошла резиновая лента, вырезанная из автомобильной камеры. Решение, принятое из-за отсутствия других материалов, оказалось настолько удачным, что в этом направлении больше ничего не изобретали.

Пробыл я в лагере около недели, успев отработать программу с Армо Назаряном. Немного, сидя за приборами рядом с ним, узнал о его жизни. От него я впервые услышал о геноциде армян (прежде всего элиты) турками в апреле 1915 года. Армо был так благодарен за хорошую работу, что пообещал привезти мне из Армении бутылку домашнего вина. И выполнил обещание.

Своеобразна была жизнь в лагере. Как-то во втором часу ночи мы проснулись от шума под окнами. Это Коля Ядринцев и ещё несколько человек вернулись в лагерь основательно выпившими и решили провести один раунд борьбы. Боролся Коля с водителем-испытателем, моим учеником по клубу «Акванавт». О втором случае я узнал из рассказа Коли: *«В лагерь заглянул*

Реваз Ходжава и стал интересоваться ходом дел. Я решил над ним пошутить. Договорился с ребятами из скорой помощи, которые подъехали на машине в лагерь. Спросили, кто тут Ходжава и заявили, что у них есть предписание доставить его в больницу для проверки. После активных возмущений Реваза Васильевича силой усадили в машину (он был щуплый и маленького роста). Когда немного отъехали, я приподнялся из-за кресла. А ты откуда здесь взялся – его вопрос? Я ему объяснил, что решил его отвлечь от ненужной проверки, а на берегу ждёт бутылочка с закуской. Против этого он устоять не мог».

Пешеходный поход вдоль Азовского и Чёрного морей.

На заводе всегда существовала проблема – как пойти в отпуск летом. Поскольку Кутик тоже старался для отпуска использовать летнее время, а я его замещал, то я как-то попадал в график отпусков в летний период. Мы далеко находились от близких людей и поэтому часть отпуска проводили в Жданове, общаясь с мамой, сёстрами, друзьями. Оздоровляли детей. У нас так складывалась жизнь, что мы никогда не пользовались профсоюзными путёвками для санаторно-курортного лечения.

Общение с близкими людьми – это святое дело, но хотелось ещё что-нибудь для души, учитывая активную студенческую молодость. Вот я решил, а Вита не возражала, чтобы папа с сыном совершили маленькое путешествие вдоль Азовского моря, потом по Арабатской стрелке перебраться в Крым, а там показать сыну его южный берег. Передвигаясь частично пешком, на попутках, автобусах и теплоходах.

Летим всей семьёй на самолёте в Харьков. Поездом от нас ездить было неудобно и долго. Поэтому билеты на самолёт, особенно летом, приобрести

было сложно. В Харькове остаётся Вита с маленькой Светланой (1 год и 4 месяца), а я и Славик едем в Жданов. Через некоторое время Лёня везёт нас на своём «Москвиче» в город Бердянск. Там живёт и служит брат

Бори – Володя Качура. У Лёни к Володе есть какое-то дело, вот он и совместил приятное с полезным. Володя служит в авиационном полку морской авиации. Поэтому вечером за столом не обошлось без стопки «Ликёра Шасси» по рецепту из фильма «Хроника пикирующего бомбардировщика». Утром Лёня и Володя провожают нас за город. Прощаемся. Славик

на прощание демонстрирует свои познания в акробатике. Мы в третьем классе записали его в школьный кружок.

И пошли мы вдвоём с рюкзаками за спиной и двумя удочками, которые нам выделил Лёня, вдоль трассы на Мелитополь. Прошли пять км. Стало немного скучно идти. Трасса с редкими автомобилями и лесопосадка, ровная степь и трели маленьких птичек. Немного устали и решили повернуть к морю. Трасса идёт вдоль берега моря на некотором удалении от него. Ещё два км вдоль лесопосадки и мы с высоты очень крутого спуска любуемся панорамой тёмно-зелёного Азовского моря. Я в своих рассказах писал о крутых спусках к морю в Мариуполе. Похоже, большая часть северного берега возвышается над морем на 20-30 метров. Море во время штормов очень долго подмывало глинистый берег. Он периодически обрушивался. Песок оставался у берега, а более лёгкие фракции вода уносила далеко в море.

Питьевой воды у нас было мало, а ближайшее огромное поле было засеяно огурцами. Не очень понятное решение. Огурцы требуют для выращивания совершенно другие условия. Но кое-что и в этих условиях выросло. Мы набрали полную авоську огурцов, надеясь, что они как-то заменят нам воду, и по крутой тропке спустились вниз к воде. Выбрали ровное место и установили палатку. Искупались, собрали плавник, вынесенный морем, для костра. Далее обычные дела туристов. Приготовили ужин, полюбовались спокойным вечерним морем и легли спать.

Такое же хорошее утро с росой – одним из признаков жаркого дня. После тихой ночи вода в море отстоялась и стала прозрачной. Полную идиллию портил лёгкий неприятный запах. Обследовав ближайшие окрестности, мы обнаружили разлагавшегося азовского дельфина. Наверное, к утру ветер поменял направление, а вечером мы этого запаха не ощущали. Пришлось с помощью верёвки оттащить тушку дельфина подальше, а весом она порядка 60-ти кг. Я собирался пробыть на этом месте весь день и ночь.

Неожиданно недалеко от нас причалила лодка. В ней двое мужчин, вернувшихся с рыбалки. У них невдалеке было что-то вроде причала, где они к забитой в землю трубе пристегнули на замок свою самодельную лодку. Там находилась ещё одна лодка на замке. А в стороне лежали остатки разрушенной лодки, занесённые частично песком. Рыбаки подарили мне выловленную ими мелкую рыбу. Я с удовольствием взялся варить из неё уху, которую сын отказался есть. Дома я не замечал, что Славка переборчив в еде. В дальнейшем он отказался пить кисель, который выпускался в советское время как полуфабрикат и без всякой химии. Кисель хорош по вкусу и быстро приготавливался. Разные супы и каши у нас тоже были из пакетов.

Мальчишке без сверстников быстро становится скучно. Я надумал из подручных средств сделать подобие плота. Надувной матрац, детский надувной мяч, надувной круг, кусок плотного пенопласта – всё пошло в дело. Оторвали от разрушенной лодки несколько реек и соединили всё это в единое целое. На нём Славка мог сидеть, не опрокидываясь, и ловить рыбу. Я в ластах мог буксировать это сооружение. Только мы собрались испытать плот, как наше творческое настроение испортил спустившийся сверху мужчина с претензиями,

что мы ломаем его лодку. Высказывал он свои претензии на расстоянии и в такой типично украинско-рыночной тональности – слушая только себя. Потом ушёл. Настроение было испорчено. Я от возможных нежелательных приключений решил продолжить наш поход без второй ночёвки на этом месте. Когда мы свернули с трассы к этому месту, то я не видел в поле зрения ни одного села. Поэтому мы пообедали – Славка кашей и какао, а я ещё доел уху. Разобрали плот, свернули лагерь и ушли, не попрощавшись. Оторванные от лодки рейки положили аккуратно в лодку. У нас, к тому же, и вода была на исходе. А огурцы жажду не утоляли.

Поднялись наверх и прошли вдоль полей до следующей лесопосадки, любуясь морем, а потом снова вышли на трассу. Я и не собирался «мучить» ребенка, да и себя длинными пешими переходами. Поэтому мы тихо шли вдоль трассы, голосуя проходящим грузовикам. Сколько было пересадок и где мы ночевали – забылось. В городе Мелитополе мы взяли билеты на автобус до города Геническа. Как я не убеждал водителя, что рюкзаки не являются багажом, пришлось выложить денежки. Немного больше двух часов пути и мы в городе Геническе. Светлый песок, жара, июль и маленькие одноэтажные домики. Мало людей на улицах и бочки с холодным вкусным квасом.

Дальше пешком по разбитой машинами песчаной дороге. Проходим по двум мостам через протоки, соединяющие Азовское море с озером Сиваш. Остатки железной дороги, прекратившей своё существование несколько лет назад. По ней вывозили песок, а потом спохватились, что так можно быстро потерять прекрасное место для оздоровления людей и, особенно, детей.

«На территории косы находятся населённые пункты — сёла: Геническая Горка, Счастливецво, Стрелковое, поселок Приозерное.

Сегодня Арабатская стрелка является местом отдыха. Вода, прогревающаяся летом на мелководьях Азовского моря до +29 °С, и воздух, насыщенный ионами брома и йода, делают косу популярной».

Прошли пешком около пяти км, и нас подбирает машина, везущая продукты в один из лагерей отдыха, которые расположились вдоль косы на расстоянии 30 км. Мы, уже основательно

обгорелые от солнца, проходим ещё пару км и оказываемся у последнего пионерлагеря. Дальше 85 км – это так называемая «стиральная доска» или «гребенка» - песчаная дорога с поперечными гребнями высотой примерно 5-8 см и расстоянием между гребнями до 30 см.

Дальше пешком идти нет смысла. Останавливаемся между берегом моря и забором пионерского лагеря под самодельным примитивным навесом от солнца. Вначале поплавали в море. Азовское море здесь совершенно другое, чем в Жданове и даже под Бердянском. Оно чище, глубже и прозрачнее. Берег из светло-золотистого песка. Глубина необычно круто нарастает и в 10 метрах от берега мне по грудь. Ещё 15 метров продвижения вперёд и глубина по пояс, а дальше быстрое увеличение глубины до шести метров. И везде на дне чистый песок. Соответственно и видимость в маске под водой до пяти метров. В Крыму вода прозрачнее, но не намного. Славка поплыл на матрасе, не заплывая дальше

мели, и неожиданно недалеко от него стали резвиться два дельфина. Зная об их доброжелательности к человеку, я всё-таки поплыл к нему. Дельфины занимались своими делами и не обратили на нас никакого внимания. Расположившись с сыном после купания под навесом, я решил позаниматься с ним английским языком. Бывает у родителей такая блажь. Сам толком в английском языке ничего не понимая, я взял с собой в поход самоучитель иностранного языка. За этим занятием и застала нас молодая

воспитательница из пионерлагеря, заинтересованная необычной парой за забором лагеря. Поговорили с ней немного, и она предложила забрать Славку в лагерь до утра, чтобы он поиграл с ребятами, поел в столовой и т. д.

Я, пристроив вместе с сыном рюкзаки, решил попробовать половить рыбу в озерке, видневшемся в полутора км от нас. Рыбак из меня никакой – сижу и смотрю на поплавок. Скучное это занятие, когда ничего не ловится. Солнце опустилось за горизонт, начало сумерек, и вдруг мне почудился плач моего сына. Стало тревожно, хотя умом понимаю, что на таком расстоянии услышать плач невозможно. Хватаю удочку и быстро бегу к лагерю. Мой сын стоит один на берегу моря и горько плачет, а в 50 метрах от берега в море уплывает наш надувной детский мяч с картинками. Я понимаю, что даже в ластах мне шар не догнать. Он лёгкий, с большой парусностью, а направление ветра от берега. Оставалось утешать сына. Его в лагере накормили, познакомили с детьми, а потом он достал мяч, надул его и с другим мальчиком они вышли поиграть с этим мячом. Мальчишка испугался, что его будут ругать, и убежал.

Утром мы ушли от гостеприимного лагеря по дороге в сторону Крыма. Воспитательница с несколькими ребятами пожелала нам доброго пути. Прошли мы около трёх км и остановились возле нескольких росших маслин (одичавшая маслина, растёт кустами до трех метров высотой, с колючими ветвями и

мелкими, около 1 см в диаметре, слабоясыстыми плодами). В детстве осенью мы часто ездили за город в лесопосадку и собирали серебристо-золотистые плоды, со сладко-вяжущим вкусом. Взрослых эти плоды не интересовали. Интересно, что и в Набережных Челнах высадили немного таких деревьев-кустарников.

Кусты как-то прикрывали от солнца, и мы с комфортом стали ожидать попутный транспорт. Два часа ожидания и мы едем в автобусе, который везёт на Керченский полуостров рабочих, работающих вахтовым способом. Коса в этих местах совсем узкая (в среднем 700 метров). Слева по движению до горизонта Азовское море, справа Сиваш – природная фабрика по производству соли. *«Каждый год в Сиваш с азовской водой поступает 12 млн. тонн солей – соединений брома, натрия, магния, других ценных минералов. В мире существует три подобных источника минерального сырья для получения естественного каротина, широко применяемого в медицине и косметической промышленности, это залив Кара-Богаз-Гол в Туркменистане, Большое Соленое озеро в США. Рана Сиваша по своим целебным свойствам ни в чем не уступает Мертвому морю, расположенному на Ближнем Востоке».*

<http://www.genichesk.com.ua/rest/road/road.html> По этой ссылке можно прочитать много интересного об Арабатской стрелке.

К вечеру подъезжаем к месту, где Арабатская стрелка заканчивается.

Дорога слегка огибает старую крепость. Мы высаживаемся, а

автобус едет дальше. Нам повезло. Автобуса могло и

не быть. Располагаемся возле крепости, а утром бродим по ней.

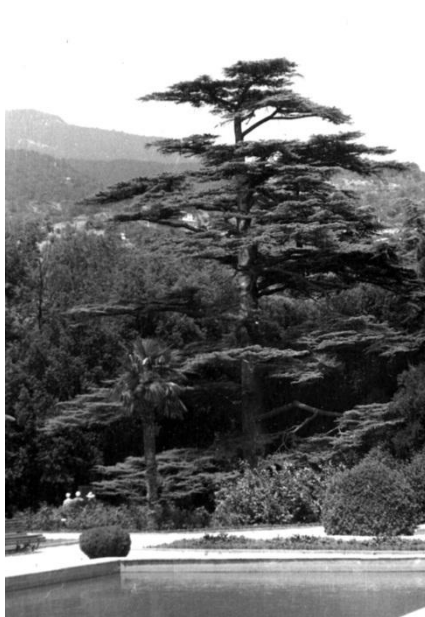
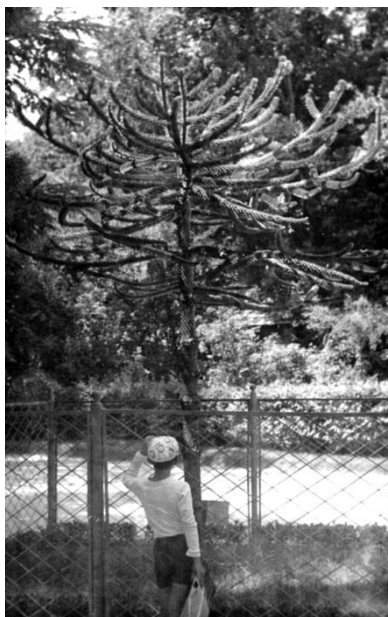
Конфигурация стен и их высота впечатляют. Несколько фотографий и мы идём дальше в сторону Судака. Пешком и на перекладных, на второй день, пристроившись к

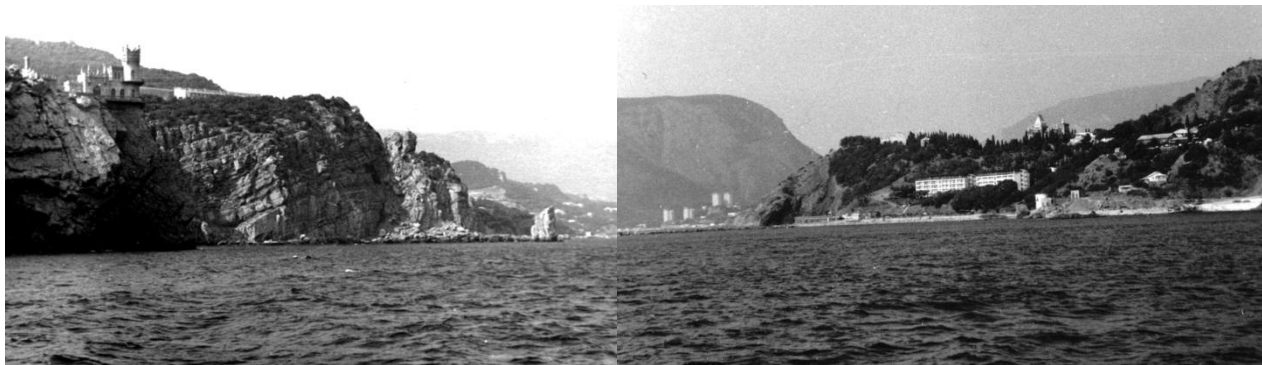
группе с экскурсоводом, слушаем рассказ о Судакской крепости.

Сейчас трудно вспомнить последовательность и количество городов, которые мы посетили. Теплоходы, курсирующие между этими городами, хорошо помогли нам в этом. Наиболее отдалённым городом была

Алупка. Я постарался показать сыну красивые парки и дворцы. В Ялте мы

заглянули на автовокзал и купили себе билеты на автобус Ялта – Жданов. А

потом поехали в санаторий «Черноморский», где в это время отдыхали наши Качуры – Роня и Боря. Вид у нас уже был основательно потрёпанный, а у Славки на лице

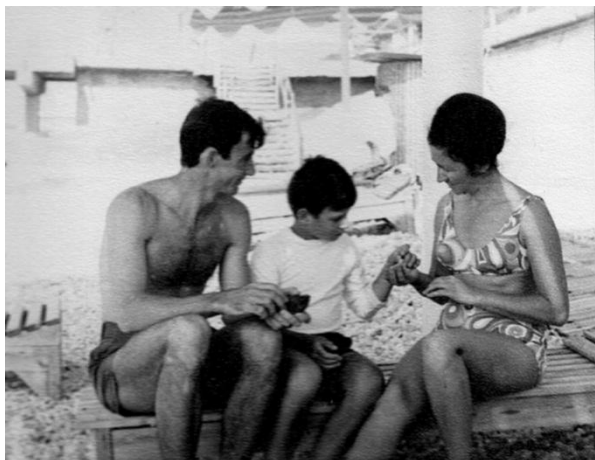
большими кусочками отслаивалась кожа. Автобус от Ялты до санатория ехал по нижней дороге, петляя вдоль берега, и

мы пару раз уточняли свою остановку. Вдруг слышу реплику женщины своему соседу: «А куда они едут, и кто их туда пустит»? С нами вежливо на входе поговорили, позвонили Боре, и он проводил нас в свой номер – самый обычный для руководителя

такого уровня. Роня засуеилась вокруг Славки. Искупали, переодели, накормили, и он развалился в кресле, не желая никуда двигаться. Загонял папа сына.

На следующий день нам показали санаторий. Красиво и скромно. Необходимая достаточность. Я у

причала не удержался и немного понырлял. На дне полно рапанов. Их там некому тревожить. И половину дня я и Славик провели в Никитском ботаническом саду. Автобус наш уходил рано утром и поэтому на вокзал мы поехали вечером. Двухдневная цивилизация закончилась. Сидеть ночь на

вокзале не хотелось, отдохнуть нужно было хорошо – впереди 18 часов езды на автобусе. Рядом с вокзалом красивый сквер и сама собой пришла в голову мысль выспаться в нём. Когда стемнело, мы выбрали самый укромный уголок и аккуратно разложили на земле палатку. Надули матрацы и влезли в палатку как в спальный мешок. Нас в двух шагах не было видно. Рано утром уложились, не оставив никаких следов, и пошли на вокзал ожидать отправление автобуса.

*Бабушка Шура с внуками:
Людой, Юрой и Славкой.*

В Жданове нас ждала мама и Колпенские. Они уже привыкли к моему туризму и не очень волновались. Жизнеустройство для людей нужно такое, чтобы человек мог трудиться и отдыхать спокойно. И тогда обычному человеку не понадобятся мобильные телефоны со всякими наворотами. Как наша семья после отпуска возвращалась в Н-Челны, в памяти тоже не сохранилось.

«1975 год – на всех заводах комплекса идёт монтаж, пуско-наладка технологического оборудования и выпуск пробной продукции».

Осенью 1975 года Федя Улькин предложил Володе Судареву выполнить работу, связанную с погружением под воду. Я о Феде уже писал. СМУ, которым он руководил, занималось, кроме строительства объектов Литейного завода, ещё и строительством водозабора.

«До 1971 года Набережные Челны получали воду из подземных источников и с водозабора, расположенного на Элеваторной горе. Строительство водозаборных сооружений «Белоус» началось в 1971 году. Мощностей временного водозабора катастрофически не хватало, поэтому выше по течению Камы, там, где уже была спланирована площадка под Белоусовский водозабор, в 1974 году

была запущена и плавучая насосная станция «Исток», которая до 1976 года обеспечивала технической водой ТЭЦ КамАЗа. Самой сложной технической задачей было строительство «стакана» водозабора диаметром 42 и глубиной 48 метров. Строили его по секциям-кольцам. На опалубку каждого кольца уходили вагоны арматуры. При бетонировании колец применялся только гидробетон, который делался из цемента высочайшей марки.

За три месяца до пуска первого агрегата водозабора, в декабре 1975 года, после комплексного испытания оборудования государственная комиссия с оценкой «хорошо» приняла в эксплуатацию пусковой минимум станции очистки воды - три блока фильтров. СОВ, безусловно, стояла в ряду ключевых объектов «стройки века», поскольку существовавшие временные мощности не обеспечивали ни необходимый объем, ни качество подготовки воды. Далее она достраивалась по блокам: в одной части здания фильтров шел процесс водоподготовки, в другой, отгороженной временной стеной, гремела стройка».

Федя, очень способный от природы человек, много раз вместе с нами выезжал на водоёмы. Он быстро освоил приёмы ловли раков и не уступал нам в мастерстве. Володя привлек к этой работе меня и Женю Майдибора, который в это время руководил клубом «Акванавт», заменив не очень активного Женю Родионова. Оговорили мы с А. Манукяном и оплату нашей работы. Это, пожалуй, был первый серьёзный приработок в моей жизни. Мы и сейчас спим на кроватях, купленных на заплаченные за работу деньги.

Суть работы. От «стакана» водозабора к станции очистки воды проложены пять труб большого диаметра. На каждой трубе стояла заглушка диаметром более 1,5 метра. Выходной конец трубы с заглушкой находился внутри временного колодца, глубиной порядка пяти метров. Уровень воды в колодце такой же, как в реке Каме. По принципу сообщающихся сосудов, давление воды на заглушку с двух сторон одинаковое. Нам нужно в гидрокостюме и с аквалангом спуститься вниз, открутить 24 гайки с 24-х болтов. Размер резьбы

М 20. Всё просто, если бы это делать на поверхности. А тут под водой, в полной темноте. Холод и очень ограниченное пространство. Неизвестно состояние резьбы болтов и гаек. У нас даже не было подъёмного механизма, чтобы облегчить отворачивание последних гаек и подстраховать отделение тяжёлой заглушки. Второму аквалангисту внизу нет места.

Неожиданно появилась проблема освобождения меня от основной работы. Учитывая мои отношения с Кутиком, моему начальству написали официальный документ с просьбой освободить меня на время выполнения работы, указав на её большую важность для всего города. Я с этим документом, в обход Кутика, обратился к Ходжаве. Он задал несколько вопросов, поворчал, что ему до этой проблемы нет никакого дела, а потом сказал: «А мне что будет от этой работы»? Часть людей, внутренне, уже была готова к будущим рыночным отношениям.

Профессионалами нас назвать нельзя, но работа прошла успешно.

Акваланги с воздухом и гидрокостюмы обеспечил Женя Майдибор. Предварительную подготовку места работы обеспечил Ф. Улькин. Я взял с собой Славку – в воспитательных целях. Ему было 10 лет. *Первым опустился вниз Володя для оценки общей ситуации.*

По внешнему виду чувствовалось, что стеснённость и полная темнота оптимизма ему не придали. Оказалось, что размер рожкового гаечного ключа для болта и гайки один – 30 мм. Федя отправил

водителя за вторым ключом, и через час я, погрузившись, начал работу. Резьбовые соединения оказались в приемлемом состоянии. После

откручивания первой гайки я уже забыл обо всём земном. Полная темнота и невесомость под водой способствовали этому. Холод почти не ощущался. Я хорошо утепился. На мне,

кроме двух пар тёплого белья, ещё была одета меховая крестьянская безрукавка с плеча, будущего секретаря ЦК Украины, сшитая для него его мамой. Я брал эту меховушку во все свои зимние походы.

Работа шла медленно, но уверенно. Немного пришлось вспомнить о реальном мире при снятии заглушки с последнего болта. Это я в воде был невесомым, а заглушка стала легче только на одну восьмую часть её веса на

воздухе. Это 250 кг. Одной точкой заглушка уже стояла на металлическом дне колодца. Когда она ударилась о дно, резонирующий звук был как от огромного барабана. Я к нему был готов, а наверху громкий звук оказался неожиданным. По верёвке наверх особой информации не передашь. Да и не трогал я эту верёвку. До этого удара ритмично и тихо поднимался наверх выдыхаемый мной воздух и был слышен негромкий звук от моей работы гаечными ключами.

Последний болт вынуть несложно. Нужно только оправкой пошевелить заглушку через соседнее отверстие, а вот прислонить её к стенке оказалось сложнее.

Разница в диаметрах колодца и заглушки была маленькой. Я как-то немного отодвинул нижнюю часть заглушки от трубы, она осталась стоять в вертикальном положении, прислонённая к фланцу трубы.

Поднялся наверх. К этому времени стало ощущаться охлаждение тела. Рассказал коротко о проделанной работе. В акваланге ещё оставался воздух. Мне подготовили трос, который, опустившись вниз, я надёжно закрепил за отверстие заглушки.

Дальнейшую работу по пуску воды в город выполнили без нас. Когда я напомнил сыну об этом коротком эпизоде из нашей жизни, он ответил: «Непонятно, зачем ты меня брал. Сидел под водой почти час, а мы наверху ничего не видели, мёрзли и переживали».

Заглушка снята. Перекус и бутылка от заказчика.

В начале 1976 года у нас на складе приборов произошёл пожар. Начался он во время обеда, когда людей на нашей территории было мало, и пожар обнаружили с опозданием. Начался он за стенкой примыкавшего к нам помещения. В этом помещении хранились различные материалы, многие из них легко воспламеняемые. Обнаружив, что горит соседнее помещение, мы стали выносить приборы. Большинство ребят работали самоотверженно, но узкие проходы и два дверных проёма мешали организовать конвейер. И приборы это не кирпичи, и даже не вёдра с водой. Большинство приборов в одиночку не

понесёшь. Одна из тяжёлых стоек заклинилась в дверном проёме, а в ней больше ста кг. Кто-то толкает её изнутри, а я пытаюсь приподнять её через порожек снаружи. В результате острый край обшивки мне сильно режет руку, но стойка с приборами оказывается снаружи. Впоследствии она хорошо поработала при многоточечных измерениях температуры на станции испытания двигателей.

Пока я бинтовал руку, стёкла в перегородке от огня лопнули и огонь охватил наш склад полностью. Выносить оставшиеся приборы стало опасно, но мы ещё что-то старались выносить. К этому времени подъехали пожарные машины. Как всегда, не сразу смогли открыть ближайшие въездные ворота, а когда открыли, то не сразу сообразили их закрыть. Образовавшийся сквозняк раздул пожар ещё сильнее. Когда пожар потушили, Р. В. Ходжава распорядился, чтобы все участники тушения поехали домой. Инженерам спецодежда тогда не выдавалась, а пострадавший костюм или обувь были большой ценностью. Я и ещё несколько человек продолжили выносить обгорелые и мокрые приборы. Ходжава, увидев мою забинтованную руку, отправил меня на машине в больницу. У него появилось явное уважение ко мне, да и серьёзная травма в дополнение к пожару была явно не нужна. Очень у меня было тяжёлое чувство, как потеря близкого человека. Кому мы нужны без приборов, а они обгорелые, мокрые и жалкие ещё долго потом лежали, сложенные в углу на нашей территории. К счастью, большую часть приборов удалось спасти. Напоминает о пожаре в моей гаражной мастерской двуполярный стабилизированный блок питания, платы для которого я вынул из обгорелого блока.

«16 февраля 1976 года – с главного сборочного конвейера автомобильного завода сошёл первый камский грузовик».

Это был настоящий праздник всего города Набережные Челны. Ведь тогда почти всё и все было связано с КамАЗом. Это было событием и для всей страны.

Из записок В. Н. Баруна: ***«Но для того, чтобы праздник состоялся, задолго до его начала, дни и ночи шло опробование оборудования и изготовление в пуско-наладочном режиме первых деталей и узлов. Я заглядываю в заводскую летопись и читаю там: первая рама – 14 сентября 1975 года, первые мосты – 6 ноября, первый двигатель – 4 декабря, первая кабина – 19 декабря.»***

Через каждые две недели приезжал министр, проводил контрольные совещания для того, чтобы убедиться, что графики соблюдаются. Это он и Васильев загодя объявили 16 февраля 1976 года днём пуска главного

конвейера. Синхронность всех работ поражала. Все понимали, что назначенный срок не будет перенесен ни при каких обстоятельствах.

Скоро стало известно, что 24 февраля 1967 года откроется 25 съезд партии. Меня предупредили, что нужно готовить водителей-испытателей для перегона автомобилей в Москву. Была утверждена кандидатура Валерия Васильевича Перетолчина, одного из лучших испытателей, в качестве водителя автомобиля № 0000001. Были утверждены

водители и на другие автомобили: Матросов Геннадий Иванович, Идрисов Асфанд Яруллович и другие. Всего наметили отправить в Москву десять машин».

С этими водителями-испытателями я неоднократно работал во время испытаний в разных концах СССР. И приурочивание трудовых достижений к историческим датам своей страны считаю очень правильным делом, как не высмеивали такую традицию позже появившиеся лжедемократы, когда и страна стала непонятно чьей, но только не трудового народа.

В марте 1976 года мы купили двухколёсный мотоцикл «Минск», самый дешёвый мотоцикл, выпускаемый в стране. Но 330 рублей для нас тогда тоже были серьёзными деньгами. Осуществилась моя мечта времён начала моей трудовой деятельности. Я его сразу стал осваивать. Проехались со Славкой внутри нашего микрорайона по ещё не сошедшему снегу. Позже мотоцикл у нас несколько лет парковался в прихожей. После поездок я его мыл, оставлял на час во дворе, чтобы проветрить запахи и закатывал в квартиру. Первый этаж и молодость легко позволяли это делать. Шесть ступенек перед входной дверью и 115 кг – вес мотоцикла. А вначале как-то было непривычно хранить находящийся в эксплуатации мотоцикл в квартире, и в апреле я решил перегнать его к Владу Киму в гараж. На дороге ещё наледи от подтаявшего, затем замёрзшего снега. Я вместе с сыном еду на мотоцикле в посёлок ЗЯБ, где находится гараж. По дороге нас останавливает милиционер и объясняет всю безрассудность моего поступка. В городе стало ощутимо больше личного транспорта и, соответственно, инспекторов ГАИ. А мотоцикл стал для нас средством передвижения, своеобразной отдушиной от моих конфликтов с Кутиком и первым объектом для моих домашних технических усовершенствований.

«ММВЗ-3.111 (1974—1976 гг.). Количество передач – 4, мощность двигателя – 9,5 л.с., максимальная скорость – 90 км/ч. На мотоцикле впервые установлены указатели поворотов».

лесу ещё оставались островки снега, но было по-весеннему тепло, а вокруг цвели крупные, голубовато-фиолетовые подснежники. В конце нашей маёвки начал накрапывать дождик. Возвращался я в город при сильном дожде. Я почти полностью промок. На мотоцикле ничего не было предусмотрено для защиты от дождя. А в душе был настоящий праздник. Я ехал и громко пел туристские песни, которые из-за шума двигателя, ветра и дождя мне и самому не были слышны. Думаю, что современные владельцы дорогих внедорожников не получают такой радости от движения. У них больше вызывает радость неограниченный комфорт.

Продолжу размышления на эту тему. Я долгие годы к женскому празднику ездил в лес (обычно на велосипеде) и срезал там ветки с проклюнувшимися почками, становившимися дома в вазе с водой красивыми пушистиками. Жена и дочь искренне радовались им. Велосипед я оставлял на проезжей части дороги, а к кустарникам пробирался, проваливаясь в снег, иногда по пояс. Однажды, выбираясь с букетом на дорогу, услышал от проходящего мимо молодого мужчины: «Что, на большее не заработал?» Я промолчал. Как объяснишь человеку, что такое настоящая ценность и что такое мишура, купленная на незаработанные деньги. Поэтому мне всегда больше нравятся небольшие букеты из лесных и полевых цветов, собранных своими руками.

С началом поездок на мотоцикле у меня сразу возникло желание совершить дальнюю поездку и, конечно, с сыном. Пока Славка был в детском возрасте, я таскал его всюду с собой. Это не было воспитательной работой, это было моей

В мае у нас был коллективный выезд в лес. Ким предложил поехать на недавно купленных им «Жигулях». А мне так хотелось испытать мотоцикл. Вита поехала с Кимами, а я на мотоцикле. Поездка была хорошей. Ещё одна семья с дочкой выехала на своей машине. В

внутренней потребностью. К счастью, Вита никогда не возражала. Она была уверена, что мой «авантюризм» (а многие люди считали задуманную поездку авантюрой без кавычек) всегда продуман, подготовлен и серьёзного вреда здоровью принести не может.

Неожиданно моим планам чуть не помешала возникшая техническая проблема. Мой «козёл» (так называли минский мотоцикл в обиходе) стал плохо заводиться. Часто мы его вначале толкали метров десять, чтобы завести. Я всё тщательно проверял по инструкции, но толку не было. Меня подвела пунктуальность. Однажды возле магазина запчастей мне взялся помочь молодой

парень. Проверил длину искры, затем выкрутил свечу, слегка её почистил, уменьшил зазор между электродами меньше рекомендованного инструкцией и мотоцикл сразу завёлся. Я вначале решил, что он завёлся из-за продувки цилиндра при вывернутой свече. Но мотоцикл и дальше стал хорошо заводиться. Суть проблемы оказалась в конструктивной простоте применённой системы зажигания в сочетании с невысоким качеством изготовленных деталей. Электропитание мотоцикла «Минск» осуществляется от генератора переменного тока, и система зажигания тоже. Т. е. пик напряжения должен был приходиться на момент образования искры, и размыкание контактов прерывателя должно происходить в этот момент. Все регулировки увязаны между собой. Невозможность идеальной регулировки системы приводила к уменьшению мощности искры. Чтобы была хотя бы слабая искра, пришлось уменьшать искровой зазор в свече. С такой системой в дальний путь не поедешь.

Пришлось срочно придумывать, изготавливать, устанавливать и испытывать электронную схему надёжного увеличения мощности искры с увеличенным зазором между контактами свечи. В таких случаях очень помогала подшивка журнала «Моделист-конструктор». Схема получилась очень надёжной. Она проработала безотказно, пока мотоцикл у меня не украли. После поездки на Украину к этой схеме я добавил переключатель опережения угла зажигания.

Было ещё одно слабое место у мотоцикла, которому я до поездки не придал значения. У меня отсутствовал опыт обращения с мототехникой. Поддержание давления в шинах ещё не вошло в моё сознание как обязательное мероприятие перед поездкой. Кроме меня, на завод из моих коллег приезжали на мототехнике только двое. Толя Шараев, с которым я был знаком мало, подходит ко мне в начале рабочего дня и просит разрешить ему на моём мотоцикле обследовать окрестности рядом с городом. У него ночью угнали мотоцикл «Восход», следы ведут в ближайшую лесополосу. Отдать в чужие руки новый мотоцикл - это почти как отдать своего ребёнка в незнакомые руки. И отказывать я в таких случаях не приучен. Предлагаю поехать вместе с ним.

Началось наше расследование криминального дела. Город ещё был маленький, и мы быстро приехали к лесопосадке. Медленно едем вдоль неё, ожидая увидеть мотоцикл, и вдруг видим в полукилометре на дороге двух ребят с мотоциклом. Увидев нас, один из них садится на мотоцикл и быстро уезжает. Нам бы захватить оставшегося парня (неизвестно как бы развивался сюжет в этом случае, оперативники из нас никакие...), а мы ринулись в погоню. Какой криминальный сюжет без погони. Вот только мой «Минск» был явно слабее «Восхода». И нагрузка на мой мотоцикл от двух человек больше. Погоня длилась, несмотря на преимущества преступника, более получаса. Дороги (будущие проспекты Нового города), на которых происходила погоня, ещё только строились. Парень, поняв, что оторваться от нас ему за городом не удаётся, неожиданно свернул внутрь города, и мы его потеряли из вида. Оставалось только произнести знаменитую фразу: «Ну, заяц... погоди».

Эта погоня обернулась большой потерей времени во время нашей поездки. Плохое качество шин в сочетании с малым давлением в них и большой нагрузкой во время погони, привело к образованию трещин в резине с внутренней стороны шин. Но снаружи эти трещины были не видны. Началось, образно говоря, выгрызание камеры трещинами шины. А нам предстояло проехать только в одну сторону 2000 км с нагрузкой существенно превышающей допустимую. Я ехал с ребёнком, и мы взяли с собой всё необходимое для нормального отдыха в пути. Как в туристическом походе. И ещё многое для возможного ремонта мотоцикла. Даже маленькую емкость с маслом и 10-и литровую канистру для бензина. С бензином в те годы на дорогах была напряжённость. Пришлось сделать на мотоцикл дополнительные боковые багажники и сшить специальные сумки для них, как перемётные сумки у вьючных лошадей.

Трудно передать ощущение приподнятого настроения, с которым я готовился к поездке. Об этом можно было только мечтать. Летом, вдвоём с сыном, проехать 2000 км по европейской части страны... Большинство моих знакомых считало затею нереальной и попросту авантюрой. Славка перед поездкой закончил 4-й класс, и было ему 10,5 лет.

Поездка на мотоцикле «Минск» с сыном по маршруту Набережные Челны – Жданов и обратно.

Наш мотоцикл был похож на груженого ослика. С двух сторон большие сумки, за спинкой сидения пассажира наполненный доверху рюкзак. К сожалению, от нашей поездки не осталось фотографий. Во второй день поездки мы потеряли фотоаппарат. Путь до Казани прошёл в спокойном режиме движения. Дорога до Казани и сейчас оставляет желать лучшего, тогда имела совсем жалкий вид, но твёрдое покрытие было везде. Преимущество двухколёсной техники в том, что на ней всегда можно найти узкую полосу дороги без выбоин. Проехали через центр Казани, пообедали в столовой и ещё засветло выбрали себе красивую поляну для ночёвки. Мы тоже предпочитали

комфорт, но идущий от природы (жизни). Я отошёл за 15 метров от стоянки и присел за кустиками. Светит солнце, поют птички, издают разные звуки на своём языке насекомые, а передо мной поляна, усыпанная красными, созревшими ягодами лесной земляники. И это всё наше с сыном богатство, а завтра будет других пришедших людей. Костерок, простой ужин, сон на надувных матрацах и никаких мыслей, что нас кто-нибудь обидит.

На следующий день наш путь лежал к паромной переправе через Волгу в районе города Зеленодольска. Тогда поезда через Волгу шли по мосту, а автомобильный мост только строился. Очередь автомобилей растянулась на километр, и это при плотности автомобильного движения несравненно меньшим, чем сейчас. Тяжёлых автопоездов на дорогах практически не было и даже автомобилей КАМАЗ ещё не было, а промышленных предприятий, неразрушенных «эффективными» собственниками, было во много раз больше. Как же перевозили грузы? Просто при плановой экономике надёжнее и существенно дешевле перевозить грузы по железной дороге, особенно на просторах огромной страны.

Мы потихоньку проехали всю очередь, и нас спокойно пропустили на палубу парома, ведь двухколёсному транспорту всегда найдётся ниша среди автомобилей. С нами переправлялись через реку ещё двое ребят на «Яве», очень популярном в СССР мотоцикле, изготовленном в Чехословакии. Ребята ехали в Москву за продуктами. Был, к сожалению, определённый период в советской стране, когда разные города и районы снабжались по разным категориям. Для этого существовали объективные причины, и система управления страной ещё была далека от совершенства. Вот и нужно было её совершенствовать, а не разворачивать под враньё о том, что рынок всё отрегулирует сам, а мы будем жить на дивиденды от ваучеров, ничего не делая. Должен отметить, что продукты и промышленные товары были везде, возможно в недостаточном ассортименте или в лёгком дефиците. Люди шутили: «Продуктов нет, а холодильники у всех полные». Такие размышления от воспоминаний о нашей переправе через великую русскую реку Волгу.

Меня больше заинтересовало оригинальное и явно самодельное седло на их мотоцикле. Оно напоминало корпус гитары и по форме, и по габаритам. Они объяснили, что сделали его для удобства при дальних поездках. А их заинтересовал трансформатор, установленный под сидением нашего мотоцикла. Когда я им объяснил, что это часть схемы электронного зажигания, то ребята пошутили: «А осциллограф для ремонта тоже с собой возите»? У нас для простейших проверок был комбинированный прибор, у электриков называемый тестером.

Паром причаливает к правому берегу Волги. Мы едем по крутому подъёму и въезжаем на автостраду. Ребята на «Яве» скрылись из вида. У них скоростной мотоцикл и ограничено время. Наш мотоцикл тоже ведёт себя прилично, и мы уверенно движемся со скоростью 80 км/час. Дорожное покрытие, возможно невысокого качества, но для движения на мотоцикле хорошее. Едем, наслаждаясь красотой дороги. С двух сторон сплошные леса и лесопосадки. Много высоких деревьев наклонилось к дороге, как бы приветствуя нас. Мосты

через реки и маленькие речки добавляют красоты. Сёла, городки с интересными названиями и своим колоритом. Даже придорожная торговля, в основном сельскохозяйственной продукцией, не портила вид. Не было ещё прелестей капитализма, таких, как торговля рабочих продукцией их предприятий, выданной им вместо зарплаты. И придорожный лес не был превращён в сплошную свалку пластиковых бутылок и других «шедевров» современной упаковки.

Наша идиллия длилась недолго. Неожиданно из задней шины вышел воздух. Располагаемся на ближайшей полянке и снимаем колесо, а этот процесс оказался трудоёмким. Нужно снять всю поклажу, демонтировать боковые багажники и только после этого снимать колесо и заниматься шиномонтажом. Камера оказалась в нескольких местах основательно потёртой и в двух местах потеряла герметичность. Я ещё не понял серьёзности ситуации. Запасных частей мы с собой не брали. Вулканизацию на тот момент я тоже не освоил. Инструментов было достаточно, и была комплектная мотоаптечка для ремонта камер и шин. Заклеили места на камере, откуда выходил воздух. Из шины вытрусил мусор, немного натёрли внутреннюю поверхность шины тальком и смонтировали колесо, пока так и не поняв основной причины произошедшей неприятности.

На этом участке пути мы потеряли фотоаппарат. Чтобы он был всегда под рукой, мы определили ему место в заднем кармане рюкзака. Это самая задняя точка навьюченного мотоцикла, с самыми большими ускорениями при движении. Едем мы с хорошей скоростью, и вдруг одна из встречных машин стала мигать нам фарами, о чём-то предупреждая. Останавливаться не хотелось, а на ходу никаких недостатков я не обнаружил. Дорога впереди прямая на несколько км вперёд. Через короткий промежуток времени второй встречный водитель нам уже рукой стал что-то показывать. И на этот раз я не остановился – очень хорошо мы ехали. И только при вынужденной остановке, мы увидели не застёгнутый клапан заднего кармана рюкзака и отсутствие в нём фотоаппарата и туалетных принадлежностей. Это о них, красиво по очереди вылетающих из кармана, сигнализировали нам водители.

При дальнейшем движении нам не удавалось проехать больше 70 км до нового ремонта. Я разобрался с основной причиной повреждения камер. Тоже стало происходить и с камерой переднего колеса, но реже. Кардинальное решение – замена шин, но его не так просто осуществить. Запасные части для авто и мотолюбителей – большой дефицит. Решили ехать, пока можем ехать. Процедуру ремонта довели до автоматизма. Славка принимал в этом процессе активное участие. Проехав город Горький, я почувствовал изменение в

управляемости мотоцикла. Проверил все крепления, люфты – всё нормально. Постепенно привык к новой ситуации и перестал на неё реагировать. И только после Харькова, когда я ехал один, понял, что обе моих пружины в задних амортизаторах разрушились на несколько частей от перегрузки.

Серьёзному испытанию подвергся наш мотоцикл после города Владимира. Широкая прямая трасса с односторонним двухрядным движением была перекрыта из-за крупного дорожного происшествия с участием автобуса и большим количеством жертв. Поток машин медленно двигался по практически песчаной дороге вдоль кромки леса. Это не современные столичные пробки, но такая скорость для двигателя с естественным воздушным охлаждением, «смерти» подобна. Двигатель моментально перегрелся и не заклинился, благодаря бензину с растворённым в нём авиационным маслом МС-20. У нас возле ремонтного цеха Металлургстроя стояла большая металлическая ёмкость с этим маслом. Вот я и взял с собой в дорогу около трёх литров этого масла. Особенно мотоциклу помогло это масло на обратном пути. А пока мы медленно едем в колонне автомобилей. Дорога настолько узкая, с рыхлым песком, не позволяющая обгонять машины даже мотоциклу. После места аварии, на перекрёстке, я попробовал выехать на трассу, решив упрямить стоявшего там единственного милиционера. Увидев такую наглость, он даже не стал меня слушать и высказался: «А ты, куда прёшься, татарин чёртов?» Он по номеру определил, что я из Татарии. Пришлось возвращаться в общую колонну.

К красотам природы и городов мы немного привыкли. В дальней поездке да ещё на таком транспорте особенно познаются просторы и своя многоликая красота России – СССР. А ведь это только хорошо обжитая европейская часть страны.

На четвёртый день пути мы, наконец, выехали на московскую окружную дорогу и повернули с неё к югу на Симферопольское шоссе. Остановились на заправке. Обычная ситуация, очередь за бензином, и отпускают его определённое количество. Мне и сейчас трудно понять, почему не могли тогда решить эту проблему. Заправили мотоцикл, а сами присели на лавочке отдохнуть и перекусить. Со стороны Харькова на трёх мотоциклах «Иж» подъехали ребята и, пока двигалась очередь, прояснили, откуда и куда мы едем на таком ненадёжном мотоцикле. У многих людей вызвала удивление наша поездка. Как-то не рассчитав количество бензина, мы долго голосовали на дороге. Наконец остановился «Уазик», и водитель выделил нам пять литров бензина. А остановился он потому, что у него в селе такой же мотоцикл, и он даже в соседнее село не решается ездить на нём. А ребята, водители мотоциклов «Иж», расспросили о наших проблемах, посочувствовали и порекомендовали по сильнее тянуть спицы. У них часто рвались спицы. Я за весь период эксплуатации к спицам ни разу не прикоснулся. А вот когда мы купили тяжёлый мотоцикл «Днепр», проблема спиц встала очень серьёзно. Пришлось самому изготавливать спицы и точить к ним гайки. К вопросу надёжности техники в дальних поездках я ещё вернусь позже.

А пока мы едем вперёд, периодически клея камеры, которые почти в круговую оказались в наклейках. Резина при длительном движении сильно

нагревается, и не только от нагретого солнцем асфальта, но ещё и от интенсивной деформации резины. Мой велосипедный опыт совершенно не годился для мотоцикла. Но общий жизненный опыт позволил правильно оценить степень надёжности остальных узлов мотоцикла и, особенно, его двигателя. Прекрасно работал электронный усилитель мощности искры. Уверенный поджѐг топливной смеси немного уменьшал расход топлива.

Проехали мы город Серпухов. Дорога с большим уклоном спускается к реке Оке. Впереди достаточно медленно движется ЗИЛ-157. Помех для обгона нет, и мы лихо обгоняем машину. После обгона делаем вираж вправо, чтобы не мешать другим машинам. Задняя шина не прощает нам такой лихости, и из неё моментально уходит воздух. К счастью, я удержал управление, и мы благополучно остановились. На этот раз не выдержал штуцер подвода воздуха к шине. Штуцер совсем оторвался. Пришлось около часа искать его вдоль дороги. Вручную мы прокатали мотоцикл по мосту через Оку и ещё метров триста. Пока катили, из нас вытекло много пота. Очень хотелось пить, а вокруг вблизи никакого жилья, только большие поливные поля с капустой, ещё не пригодной для еды.

Разбросали мотоцикл. Я начал обдумывать способ крепления оторванного штуцера к камере. Задача и в мастерской трудновыполнимая. Но не катить же три км мотоцикл вручную... Славку отправил с солдатской фляжкой к Оке набрать воды почище, со строгим наказом – в реке не купаться и воду из реки не пить. В принесѐнную воду я насыпал немного марганцовки и предложил сыну выпить, но он отказался, утверждая при этом, что из реки он тоже не пил.

Часа через три я установил камеру в шину и, почти не дыша, смонтировал колесо. Накачал, воздух сразу не уходит. На трассу выкатили нашу технику вручную. А затем, три раза подкачивая шину, потихоньку приехали в маленький городок Липицы. Прямо в городке на пустыре разбили палатку. Рядом оказалась столовая и почта. Если бы ещё и мотозапчасти... Но магазин запчастей был только в Серпухове. Утром позавтракали, и я на автобусе уехал в Серпухов, проинструктировав сына как себя вести. Вроде ничего опасного, но оставлять Славку одного в незнакомом городке не хотелось.

В Серпухове подсказали, где находится магазин. Шин и камер для мотоцикла «Минск» не оказалось. Попробовал поговорить с посетителями магазина, где ещё можно купить необходимые мне шины, но люди толком не знали, о каком мотоцикле идёт речь. Один мужчина, наконец, сообразил: «А, макака!» Думаю, что кто-то придумал такое обидное название элегантному мотоциклу за его тёмно-красный цвет. Как сказал великий комбинатор Остап: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Покупаю две камеры для мотоцикла «Иж», хотя они и по диаметру и по сечению больше необходимых мне.

Вернулся я в Липицы к обеду. Славка успел познакомиться с местными ребятами и поиграть с ними. Поели с ним в столовой, установить большую камеру в шину меньшего размера оказалось не очень сложно. Я даже самые большие внутренние трещины прикрыл кусками резины из освободившихся клееных-переклеенных камер. Забегая вперѐд, отмечу, что до самого

возвращения в Н-Челны, я к шинам больше не притрагивался. И уже дома мне привезли из Казани две шины нужного размера, другой конфигурации и из резины значительно лучшего качества.

Оставшиеся 650 км пути до Харькова в памяти ничем особенным не запомнились. Проехали мы их за два дня. Одноразовые пробеги увеличились, и я начинал чувствовать, что Славик сзади засыпает. Я в такие моменты привязывал его к себе. При приближении к Харькову Славка стал прокладывать мне маршрут. Я, хоть и учился в Харькове, хорошо знал только определённые районы города, а Славик с дедушкой Виктором объездили почти все маршруты городского транспорта. Потом Славка чертил схемы движения на бумаге. Некоторые схемы и сейчас у нас хранятся.

В Харькове нас ждали и очень волновались. Внуку 10,5 лет, а отец потащил его в такую опасную поездку. Казалось, всё закончилось хорошо. Впереди ещё поездка в Мариуполь, отдых на море и обратная поездка в Н-Челны. Славка бодрый, хорошо поел, и вдруг вечером у него поднялась температура тела. Утром вызванный врач определил заболевание кишечника – сальмонеллёз. С трудом удалось убедить врача не госпитализировать ребёнка. Наши планы по отпуску моментально разрушились. Откуда взялось заболевание? Скорее всего, виновата вода из реки Оки, но Славка и до сих пор отрицает эту причину.

Возможность продолжения совместного отпуска отпала сразу. Через день в Жданов я отправился на мотоцикле один. Не помню, сколько дней я провёл у родственников. Оздоровливаться одному было неинтересно. Несколько дней пришлось потратить на профилактические и ремонтные работы, связанные с мотоциклом. С Лёней, мужем сестры, мы объездили все магазины города, но ни шин, ни пружин для задней подвески так и не обнаружили. Случайно зашли в магазин «Уценённые товары». И здесь глаз опытного слесаря мгновенно увидел необходимые мне пружины внутри большой конструкции. Оказалось, что это передняя подвеска к инвалидной мотоколяске. И стоила она совсем смешную сумму.

Не обошлось и во время ремонта без неприятных происшествий. Сделав необходимый комплекс работ, я выехал из гаража Лёни, чтобы опробовать мотоцикл. Меня Лёня предупредил об одном опасном пересечении при выезде из гаража, но мои мысли, как у прирождённого исследователя, были полностью погружены в работу двигателя, управляемость и т. д. На перекрёсток я выехал, как будто был один на дороге. Когда я увидел на пересекаемой мною улице движущийся автомобиль «Волгу», на автомате затормозил и заложил правый вираж, но было уже поздно. Перекрёсток был из «закрытых», т. е. ни я, ни водитель Волги не могли видеть друг друга, пока не въедем на него. Мои автоматические действия, на подсознании, и невысокая скорость двух транспортных средств помогли избежать серьёзных последствий. Столкновение произошло под острым углом. Мотоцикл от удара валялся на боку, и из бака тонкой струйкой тёк бензин. Я при падении мотоцикла успел спрыгнуть с него и отделался небольшими царапинами. Поднял мотоцикл. У «Волги» отскочила передняя фара и, возможно, добавились мелкие вмятинки. Неожиданно на пустынном перекрёстке собралось много людей. В основном, ругали водителя

автомобиля, хотя вина была полностью моя. Машина была не новой, и лишняя вмятина водителя не расстроила. Разошлись мы мирно. Вот только от удара повело раму мотоцикла. Раньше можно было в движении снять руки с руля и управлять направлением движения наклоном собственного тела. Теперь нужно было постоянно держаться за руль.

Отдых в Жданове без сына совсем не остался в памяти. А обратный путь запомнился тяжёлым внутренним состоянием. Путешественник-одиночка – это удовольствие не для меня. Особенно, если едешь по прежнему маршруту. Память всё время возвращает к событиям, связанным с проезжаемыми местами. Я поэтому выбрал себе новый маршрут. К тому же, на карте он мне показался короче. А реально всё оказалось не так. Я, не въезжая в Белгород, повернул к городу Губкину. Далее Воронеж, Тамбов, Пенза, Сызрань, Тольятти, Бугульма и Н-Челны.

Появилась у моей техники и новая проблема. Двигатель работал устойчиво, легко позволял набирать скорость 60 км/час, а дальше обороты двигателя увеличиваться не хотели. Пришлось смириться с этой проблемой и отложить её решение до приезда домой. У меня уже заканчивался отпуск, а опаздывать на работу мне очень не хотелось. Я за время поездки стал даже забывать о проблеме отношений с моим начальником, а она никуда не делась. Чтобы больше проехать на такой низкой (для трассы) скорости, приходилось дольше находиться в седле. Вот когда я вспомнил самодельное широкое сидение у ребят, ехавших в Москву на «Яве». Моё жестковатое и узкое сидение быстро натёрло мне водянки на попе. Я пробовал разные позы посадки на сидении мотоцикла, поднимал ноги чуть ли не на руль, болтал ими в воздухе, смещал попу на сидение пассажира и даже определённое время ехал стоя. Всё это помогало на короткое время. Лучше всего получалось ехать, не шевелясь на сидении. Придавленные водянки без циркуляции крови как-то меньше передавали в мозг сигналы боли. Мой режим движения – 50 км движение и 15 минут отдых. Я сползал с мотоцикла и ложился животом на траву. Потихоньку боль уменьшалась, но потом первое прикосновение попы к сидению казалось пыткой.

Что ещё запомнилось? Особенно дорога между Воронежем и Тамбовом. На карте она была обозначена широкой жёлтой полосой и называлась дорогой республиканского значения. В реальности она оказалась обычной сельской дорогой, проходящей между полей без всяких дорожных знаков. Отсутствовало даже простейшее профилирование дороги грейдерами. Ориентироваться можно было как в туристическом походе – по солнцу. К вечеру пошёл дождь, и грунтовая дорога стала совсем непроезжей, особенно для двухколёсного мотоцикла. Вокруг поля, те самые знаменитые чернозёмы образец которого хранится в Париже *«(На парижской выставке 1900 года русский отдел почвоведения получил Золотую медаль (Grand prix). Тогда был представлен вырезанный из ковыльной степи под Воронежем куб чернозема со стороной 1 сажень (более 8 кубических метров).*

Воронежский чернозем стал одним из главных экспонатов выставки и был признан «царем почв»). В. В. Докучаев для этих плодороднейших почв нашел такие слова: – «чернозем... для России дороже всякой нефти, всякого каменного угля, дороже золотых и железных руд; в нем – вековечное неистощаемое русское богатство!»

Уже убран урожай зерновых культур. Вокруг много невывезенной соломы. На костерке готовлю простой ужин и зарываюсь в солому на ночлег, прикрывшись плёнкой от дождика. Немного душно, но тепло. Несмотря на дождь и плёнку, слышу непрерывный писк отдельных комаров. Вначале стараюсь их прогнать, но усталость берёт своё, и я проваливаюсь в сон. Утром просыпаюсь от весёлых разговоров степных птичек, яркого утреннего солнца. Открываю глаза и вижу нежную голубизну бескрайнего неба без единого облачка. «И жизнь хороша, и жить хорошо». Даже мои волдыри почти не тревожат, но это до начала движения. А вот движения-то и нет. На промокшем, замечательном чернозёме мотоциклом управляю не я, а чернозём. Но это маленькая проблема. Через сто метров переднее колесо наглухо останавливается. Всё пространство между колесом и крылом забито плотной грязью, работающей лучше любого тормоза. Никакой другой техники на дороге нет, да и чем она мне может помочь... Неожиданно мимо меня, на малой скорости, стараясь двигаться без ускорений и минимально работая рулём, движется «жигулёнок». Останавливается, чтобы уточнить, правильно ли они едут. Уверенно говорю, что правильно. За день до этого я два часа рядом с дорогой занимался ремонтом. Около десяти машин останавливались возле меня с таким же вопросом. У одного водителя я попросил отвёртку (моего инструмента мне не хватало для выполнения работы). Отдавать хороший инструмент любому русскому (западные водители не всегда знают, что такое отвёртка) водителю очень сложно, и терять время, ожидая пока я закончу ремонт, тоже. Мне подарили отвёртку без ручки, угостили домашним пирожком и стаканчиком горячего чая из термоса. Спасибо добрым людям. Инструмент мне помог, а стержень отвёртки оказался настолько качественным, что дома я к нему изготовил надёжную удобную ручку, и вот уже почти 40 лет эта отвёртка моя самая любимая.

Позавидовал я водителю автомобиля и его опыту вождения. Передние колёса прикатывали влажный грунт, а задние мягко толкая машину по утрамбованной колее, не разрушая её. Наглядно показывая, что задний привод автомобиля тоже имеет свои преимущества.

Я не придумал ничего лучшего, как снять переднее крыло. Мне стало понятно почему, особенно на спортивных мотоциклах, крыло прикреплено к корпусу мотоцикла и достаточно высоко над колесом. Я ехал, но какая это была езда? Ошмётки грязи взлетали впереди меня вверх по разным траекториям, но большинство из них падали не на дорогу, а, вначале, ударялись во все части моего тела по непонятным законам. В результате оказалась в грязи и моя спина. Повезло мне, дождь прошёл недалеко от Тамбова. За пару часов солнце немного подсушило дорогу, а за 40 км перед Тамбовом появилось твёрдое покрытие.

Остановился я у огромной лужи и около часа приводил в порядок себя и мотоцикл, который продолжал двигаться по непонятным причинам с максимальной скоростью 60 км/час при включённой передаче, даже на спусках.

На одном из перегонов перед Сызранью еду я с привычной уже для меня скоростью, а вплотную за мной легковой автомобиль. Ему ничего не мешает обгону мотоцикла. В этот момент что-то происходит с трансмиссией мотоцикла, заднее колесо заклинивает, и я с трудом, не падая, резко останавливаюсь. Машине приходится выполнить крутой вираж, чтобы не врезаться в мотоцикл. Водитель уходит вперёд, не остановившись. Повезло мне, несомненно. А что же дальше? Время неумолимо уходит вперёд. Даже без этой поломки я с трудом мог уложиться с приездом к концу отпуска.

Оказалось, что лопнула цепь, и она большей своей частью заклинилась в приводе заднего колеса. Не буду вспоминать детали, некоторые из них забылись. В идеале нужна была новая цепь и новые звёздочки. Возникла даже мысль, чтобы бросить мотоцикл и добираться домой общественным транспортом. Оживил я свой мотоцикл своими силами. Когда меня спрашивали после нескольких дальних поездок на мотоциклах: «Как ты решаешься на такие поездки? Наверное, везёшь с собой полную коляску запчастей?» Запчасти не везу. Может быть два-три наименования. Хорошее техническое обслуживание. Возможна короткая контрольная поездка (порядка десятка км) на режимах, превышающих возможные во время длительной поездки. Хорошие рабочие навыки. Разумно-достаточное количество инструмента и некоторые материалы. При описании остальных поездок такая достаточность будет очевидной.

И последнее моё испытание. В Бугульму я приехал под вечер. На мотоцикле «Минск» моей модели стояла очень слабая светотехника. Ездить на нём по ночам было очень сложно и даже опасно. Но мне обязательно, в любом состоянии нужно быть утром на работе. В нашем противостоянии с Кутиком не мог я дать ему такой козырь, как невыход на работу после окончания отпуска. На выезде из города я на автозаправке спросил у водителя не нового автомобиля, куда он едет. Оказалось, что нам по пути почти на 90 %. И он откликнулся на мою просьбу быть у меня ведущим, т. е. ехать равномерно со скоростью, не превышающей 60 км/час. Так мы и ехали 150 км практически без остановок. Я следовал за ним, оценивая в свете его фар дорогу и держа дистанцию около 50-ти метров, чтобы можно было затормозить в аварийной ситуации. Тормозной путь мотоцикла значительно длиннее, чем у автомобиля. 150 км огромное расстояние для состояния моей попы. Пришлось потерпеть. Но если бы только это... Ночью защитные очки не оденешь, такое смерти подобно. От впереди идущего автомобиля летит пыль, да и всяких комаров, мошек ночью полно. И всё это летит мне в широко открытые глаза.

Поблагодарил я доброго человека и последние 30 км ехал при свете своей слабой фары. По окружной дороге города (около 12 км), хорошо освещённой, я ехал стоя, представляя для водителей редких автомобилей интересную картину, когда у водителя мотоцикла пятая точка выше головы. В третьем часу ночи я попал в свою квартиру. Вита, конечно, очень волновалась. А мне в дороге было не до телеграмм. Можно представить, какой у меня был рабочий день с

опухшими глазами... И я с опаской поглядывал на стул при необходимости сесть на него. Но, как поётся в известной песне: «Врагу не сдаётся наш гордый»...

Продолжение противостояния и трудовые будни.

Мои пострадавшие части тела через два дня пришли в приличное состояние, и можно было продолжать работать. На станции испытаний двигателей Слава Шмагин начал фотографирование процесса изменения давления в цилиндре двигателя, который называется «индицирование». Датчик давления устанавливается в штатную алюминиевую головку, которой закрывается цилиндр двигателя. Для этого головка дорабатывается под установку датчика так, чтобы не изменились основные её функции, но и замер давления выполнялся без погрешностей. Мембрана воспринимает, кроме давления, ещё и поток раскалённых газов. Поэтому, кроме штатного охлаждения водой головки цилиндров, предусмотрена индивидуальная система охлаждения мембраны датчика.

Вначале для этих измерений была применена аппаратура фирмы «DISA». Пьезокристалл, воспринимающий давление газов, вырабатывает электрическое напряжение пропорциональное давлению. Далее усилитель с очень большим входным сопротивлением преобразовывает и усиливает по мощности это напряжение для возможности подключения любых регистраторов. В нашем случае это обычный электронный осциллограф с большим экраном. На экран осциллографа крепилась фотокамера-полароид, выдающая фотоснимок 9X12 см. Для синхронизации момента съёмки на коленчатый вал устанавливался триггерный отметчик, который дополнительно на фото оставлял метку о верхней мёртвой точке (ВМТ).

Такая маленькая фотография могла дать только основные данные о процессе сгорания и с невысокой точностью. Это было уже устаревшее оборудование – издержки процесса, когда заказывают оборудование одни люди, а работают другие. В дальнейшем мы перешли на аппаратуру фирмы «AVL». Эта фирма и сейчас является лидером в области разработки измерительного оборудования для исследования рабочего процесса в двигателях внутреннего сгорания.

Интересно было поведение руководителя исследовательского подразделения УГК по двигателю – Мамина Бориса Владимировича, когда мы получили первую фотографию. Он попросил её у нас на одну ночь для её обработки. Чем только не занимаются теперь многие, безусловно, талантливые люди. И у большинства из них бизнес – делание денег стало главным в жизни.

Дед Мамина Яков, ещё до революции, без образования, спроектировал и начал изготавливать первые в России двигатели внутреннего сгорания (ДВС) для сельского хозяйства. Настоящий самородок. *«Сейчас (семидесятые годы двадцатого века) трудовую династию Маминых – дизелистов продолжает*

любимый внук изобретателя, на которого дед возлагал особые надежды – Борис Владимирович Мамин, заместитель главного конструктора по дизелям КАМАЗА». Не сложилось у Бориса – помешала перестройка и новое мышление. Борис Владимирович в период «ваучеризации» всерьёз начал размышлять о возвращении ему, как наследнику, принадлежавшего деду производства.

Появился у Славы Шмагина новый заказчик – молодой инженер-двигателю Данис Валеев. Он спокойно ждал, пока Слава закончит оформление результатов замеров. Трудно было представить его быстрый карьерный рост, особенно на фоне Мамина.

«Валеев Данис Хадиевич (р. 14.4.1952, д. Новопоселённое Ишеево Апастовского р-на) - инженер-механик, кандидат технических наук (2003), лауреат Государственной премии СССР (1991), заслуженный конструктор РФ (1993). С 1974 работает в АО «КамАЗ» - инженер-конструктор, начальник управления и главный конструктор по проектированию двигателей (1988–95), главный конструктор КамАЗа (с 1995); одновременно с 1996 1-й заместитель директора Департамента по исследованиям и техническому развитию, с 1998 - директор Научно-технического центра».

Одно из главных направлений по важности и объёмности – прочностные

измерения с использованием тензодатчиков – тензометрия. Я уже писал об этом и, возможно, немного повторюсь.

«Тензометрия

(от lat. tensus — напряжённый и греч. metron — мера) — способ измерения напряжённо-деформированного состояния конструкции. Базируется на определении напряжений и деформаций в наружных слоях детали.

Готовый силовой измерительный датчик с тензомостом, воспринимающим деформацию сдвига.

Распространённая конструкция тензодатчика представляет собой резистор, сопротивление которого изменяется при деформации. Его приклеивают к поверхности тестируемой детали, так, чтобы он деформировался вместе с ней. Используются одиночные тензорезисторы или блоки тензорезисторов, соединённые по схеме моста или полумоста.

Регистрирующая аппаратура называется тензостанцией. До 1980-х годов она представляла собой комплекс самописцев, регистрирующих значения сигналов датчиков на бумаге. Развитие компьютерной техники и АЦП изменило облик этой аппаратуры. Стала возможна не только регистрация сигналов тензодатчиков, но и их компьютерный анализ в реальном времени и автоматическая выдача управляющих сигналов для изменения режима работы тестируемой конструкции».

Уже в 1976 году мы готовили раму автомобиля для статических испытаний. При первых экспериментах мы клеили на раму несколько десятков тензорезисторов, а в дальнейшем их количество доходило до двухсот. Фактором, существенно влияющим на точность измерений в тензометрии, является способ крепления тензодатчика на образце. В настоящее время широкое распространение получила наклейка тензорезисторов. Для наклейки тензорезисторов используются специальные безусадочные клеи: циакрин, из отечественных - ВН-15Т, В-58Т. Мы начнём использовать эти клеи немного позже. А вначале основным клеем был БФ-2.

«БФ-2 Фенольный (фенолформальдегидный) — термореактивный однокомпонентный полимеризующийся клей с возможностью применения как простого высыхающего клея. После горячей полимеризации создаёт малоэластичный шов с термостойкостью до 180 °С. Представляет собой густую прозрачную жидкость жёлтого, красного или буро-коричневого цвета. Клей БФ не подвержен гниению и коррозионным воздействиям, стоек к действию атмосферы, воды, масла и бензина. Клей БФ огнеопасен. В отличие от родственных фенолформальдегидных клеев, менее термостоек по сравнению с ВС-10Т (для тормозных колодок)».

Работа трудоёмкая, энтузиазма у нас ещё много, и мы часто остаёмся работать после окончания рабочего дня. И дополнительные выходные молодым ещё работникам не мешают.

Поздний вечер. Я, Валера Бушуев, Люда Лепская, кто-то из рабочих трудимся вокруг рамы. Наклеиваем тензорезисторы. Возле выводов на разогретую восковую мастику устанавливаем токосъёмные колодочки. Несколько теплоизлучателей прогревают наклеенные тензорезисторы. Выводы тензорезисторов, прошедших термообработку, припаиваются к токосъёмным колодочкам. Вся рама опутана проводами переносных розеток, нагревателей, паяльников и переносных светильников. Тишина замершего корпуса и негромкая музыка включённого транзисторного приёмника.

И вдруг явление Р. В. Ходжавы народу, который еле держится на ногах. Его поддерживает М.Д. Ширяев. Ходжава, увидев нас, решил проверить нашу работу и передать свой опыт. Он даже попробовал влезть на раму, стоявшую на козлах. Еле его оттуда сняли. Было и такое в нашей работе.

Моя первая любовь – дорожные испытания автомобилей, совмещение творческого исследовательского труда и туризма. Первые наработки выполнены мною и ребятами под моим началом. Всю аппаратуру необходимо было разместить в кабине автомобиля, а она, хотя и иностранная, была достаточно тяжёлой и громоздкой. Автоматизации измерений тоже никакой. Тем

интереснее была проектировка столиков, которые должны были выдержать вес аппаратуры во время реальных длительных заездов, а после окончания работ – не оставлять изуродованной кабину. Часто использовалось для аппаратуры спальное место водителя. Сложность была и с питанием аппаратуры. Большая часть аппаратуры работала на сетевом напряжении переменного

тока 220 вольт. Остро стоял вопрос с преобразователями питания постоянного напряжения 24 вольта (напряжение двух бортовых аккумуляторов) в переменное напряжение 220 вольт. Читатель помнит о решении такой же проблемы во время моей командировки на остров Сахалин. В этом плане и для решения других вопросов, понадобились разработки новых приборов и, соответственно, их изготовление. Начало активно работать КБ приборов, которым руководил Владимир Иванович Найдёнов. Основными разработчиками в нём были Иосиф Борисевич и Володя Сушаков. Приблизительно в этом году были приняты на работу Ленар Павлович Леонтьев и Олег Медко (мой земляк из Мелитополя). Интересно, что Найдёнов, как и Кутик, тоже не очень стремился вникать в суть разработок, но с ним у коллектива особых конфликтов не возникло, и он тихо перешёл работать заместителем начальника Отдела

специзмерений, создание которого уже назрело. Думаю, что дело не только в Кутике или Найдёнове, но ещё и в Мараче, очень хотевшем поднять важную работу измерений на более высокий творческий уровень с естественно большей отдачей для общего дела.

Ленар Леонтьев у меня в гостях.

Измерения при стендовых испытаниях в сравнении с направлениями, описанными выше, не требовали большого напряжения сил. Они выполнялись датчиками, закупленными в комплекте с аппаратурой у фирм. Работы выполнялись на территории КамАЗа. Всегда можно было исправить возникающие недостатки, получить совет и помощь товарищей. Но даже при таких замерах я старался, условно говоря, «вытряхнуть душу» у заказчика. Получаю от Кутика задание на выполнение измерений от КИБа, которым руководит Пётр Климов – кандидат технических наук. Прихожу к нему с вопросами и так «забиваю» ему ими голову, что он оставляет своё задание на дополнительную доработку. Кто-то не так спокойно относился к моей требовательности, но постепенно большинство заказчиков стали воспринимать

такую требовательность правильно, и у меня с ними установились хорошие отношения.

В это же время, или в следующем году инженеры, занимающиеся трансмиссией КАМАЗа, решили изготовить крутильную машину с большим крутящим моментом для испытания корпусных деталей на кручение. Работу возглавил Коля Ядринцев. Он раздобыл где-то редуктор от вертолёта и плазовую плиту для монтажа на ней электродвигателя, редуктора и испытываемого узла. Наша задача заключалась в наклейке тензосхемы на выходной вал, чтобы измерять крутящий момент. А на испытываемом узле в наиболее нагруженных местах наклеивались тензодатчики, и на ленту самописца одновременно записывались все параметры. Это было похоже на лабораторную работу в институте по сопромату. А вот вопрос с тарировкой тензосхемы, наклеенной на валу, пришлось выполнять совсем примитивным образом из-за отсутствия динамометров высокого класса (позже они появились, и даже мы их сами научились делать). На вал крепилась мощная консоль с подвешенной площадкой, на которую кладутся гири с известным весом. Вот и нагружаешь вал с дискретностью 200 кг до двух тонн, а потом обратно. И так несколько раз и никакого внутреннего протеста. Творческая заинтересованность великая сила – намного сильнее, чем денежная.

А вот с комплектом приборов и датчиков фирмы DISA для измерения турбулентности мне не пришлось поработать. Её с большим трудом освоила Валя Кудряшова, и я ей немного в этом помогал, пока не перешёл работать в новый КИБ, занимавшийся обеспечением измерений по заданиям конструкторов и испытателей двигателей. А вот многие приборы из этого комплекта я использовал широко.

Валя Кудряшова.

Ребята быстро осваивали основные методики измерений и всё меньше нуждались в моей помощи. По измерениям на автомобиле быстро набрали потенциал Володя Бушуев, Олег Сорокин. Изя Шпизель к тому же сильно увлёкся любительской киносъёмкой и оставил нам незатейливые сюжеты из той нашей

совершенно другой, повернутой к человеку труда жизни. Вот мой земляк Олег Медко остался для меня до конца не понятным, но о нём я ещё напишу. Вначале некоторые из моих коллег даже заглядывали к нам домой. Приходили братья Бушуевы – посоветоваться куда лучше пойти работать младшему брату Валере. Зашли обсудить какие-то проблемы Валя и Люда. Я часто вместе с ними бывал на природе, а когда они обзавелись семьями и жильём, то заходил к ним домой. Жёны Володи Бушуева и Славы Шмагина пошли работать в химическую лабораторию, в которой трудилась Вита.

Однажды мы что-то отмечали у Володи Бушуева, а утром его молоденькой жене Татьяне нужно было успеть на экзамены в Елабужский педагогический институт. Я вызвался отвезти её к речному трамвайчику на мотоцикле и немного проспал. Трамвайчик ушёл, но мы успели на паром. Исправляя свою вину, я повёз Таню прямо в институт. Дорога на Елабугу была только построена, и мой мотоцикл по утренней прохладе или,

понимая мою ответственность, мчался со скоростью 100 км/час. Успели мы вовремя. Это уже было в 1977 году. Летом этого года к нам зашли в гости Шмагины с сынишкой. Пока женщины занимались кухней, я предложил Славе съездить на ближайшее озеро за раками, и через 40 минут мы вернулись с кучей раков. Такие приятные

воспоминания из молодости. Мне было 35 лет.

18 февраля, в мой день рождения, душа нашего коллектива Изя вручил мне

ДИПЛОМ мастер – золотые руки

выдан Мараче Геннадию Константиновичу признательным коллективом КИБ ЭМИ как слабая дань мастеру электронных измерений и в знак великого уважения и любви. Восемь подписей. Г. Набережные Челны. 18. 02. 1977 г. Храню этот неофициальный диплом на официальном бланке как самый ценный документ в моей жизни уже 36 лет.

И ещё одно направление измерений, которому я выделил много времени в этот период работы. Это расход топлива при движении автомобиля. Настоящая исследовательская работа, с созданием тарировочного стенда и реальной проверкой на автомобиле всех, имеющихся у нас в наличии расходомеров разных фирм. В моём рабочем журнале девять страниц исписано чётким убористым почерком – это схемы измерений, эскизы приспособлений, постановка задачи, результаты и выводы:

1. Расходомерами «KWZ» нужно пользоваться только для оценочных измерений расхода топлива;
2. Необходимо провести дополнительные исследования с датчиками «FP-18» по измерению расхода топлива, учтя опыт работы с другими датчиками;
3. Считать наиболее перспективной аппаратуру фирмы «Meter-Flow»;
4. Необходимо более подробно ознакомиться с методиками измерений расхода топлива на других автозаводах;
5. Разработать датчик расхода топлива специально для автомобилей семейства «КАМАЗ».

Спустя некоторое время расходомер «KWZ» был доработан и мог бы вполне обеспечивать необходимую точность, а ещё через 20 лет я взялся за разработку расходомера топлива для стендовых испытаний. Он даже был установлен на стенде, но сгорел вместе с заводом Двигателей 14 апреля 1993 г.

Каков же результат моего, а затем без меня противостояния с В.В. Кутиком? Попробую показать этот конфликт на общем фоне того времени. Детали конфликта сейчас подзабылись и сгладились. Помню, что Володя Сударев, работавший в то время секретарём парткома Камгэсэнергостроя, по собственной инициативе заглянул к Баруну поговорить об этой проблеме. Не думаю, что этот разговор на что-то повлиял. Но как-то приехал к нам Н. И. Лозгачёв и при Ходжаве начал мне предлагать должность начальника какого-нибудь КИБа. Я забыл, кем у нас работал Лозгачёв, но остались в памяти разговоры о его дружбе со спиртным и его проблемах с женщинами. Работал он в УГК недолго. Таких руководителей в то время было мало. У большинства интересы дела преобладали.

Я регулярно писал письма маме в Жданов и в них затрагивал свои проблемы. Письма читали все мои ближайшие родственники. В 1976 году Борю перевели из Жданова в Донецк на должность первого секретаря обкома (понятно, что через процедуру выборов). На предыдущего секретаря в ЦК часто стали приходиться жалобы и там решили произвести ротацию. Л. И. Брежнев был ещё в хорошей форме. Он предложил Дегтярёву (фамилия предыдущего секретаря) поехать в Казахстан вторым секретарём. Дегтярёв категорически отказался: «После области с самым большим промышленным потенциалом в какой-то Казахстан»? На что Брежнев ответил: «А я считал за честь работать в Казахстане вторым секретарём». Вопрос был решён окончательно.

Борис Васильевич Качура.

И вот государственный человек с ворохом проблем на новой работе находит время и пишет мне два письма (с разбегом в один месяц) с советами, как в моей ситуации должен себя вести настоящий коммунист. Привожу письма почти полностью.

«Здравствуйте, Челнинцы!

Много прошло времени после получения письма от вас, прежде чем взялся за ответ. Сегодня снова перечитал письмо. О многом оно заставляет подумать...

Но прежде о причинах задержки с ответом на него. Не потому, что отнеслись невнимательно. Причина более простая и в то же время сложная.

Конец года сложился для нас крайне неблагоприятно. С одной стороны масса всяких дел, связанных с окончанием года по работе, а с другой мы с

Роней полностью расклеились (описание болезней опускаю – моим очень близким людям было по 47 лет).

Сразу после получения письма уехал в Москву, был на приёме по случаю юбилея Леонида Ильича (Брежневу исполнилось 70 лет – моя вставка).

О письме. Однозначно на него ответить невозможно. Слишком много очень серьёзных житейских и производственных отношений в нём переплелось. В своё время мы с тобой по отдельным вопросам говорили. Об отношении к делу, к обществу, к своей особе. К сожалению, сколько есть людей, столько и различных нюансов в их поведении. Хотя есть и определённые закономерности. Ты, как всегда, несколько идеализируешь всех, считаешь, что они должны делать только то, что наиболее полезно, рационально для общества, что они должны относиться к делу только так беззаветно как ты, что они должны гореть, дерзать и идти на риск ради дела. Всё это правильно, но не всегда получается. Твоя жизнь, твоя работа с людьми подтверждает этот вывод. Очень, Гена, трудно сочетать в человеке заботу о себе и заботу о других. Часто забота о себе у многих (особенно тех, кто имеет серьёзные пробелы в воспитании и политическом и нравственном) преобладает. Тебе как-то не совсем везло. Ты встречался именно с такими людьми. Переделать их трудно. А снять и заменить их почти никогда нельзя – они особо плохого делу и людям (или видимого) не делают. Вита в этом совершенно права. Это очень опасная категория людей, они боятся жизни, и чтобы сохранить своё благополучие, своё спокойствие, пойдут на всё.

Смириться с тем, чтобы такой человек продолжал работать и вредить делу, нельзя. Но бороться можно только с холодной головой. Никакая горячность, поспешность, непродуманность недопустима. Ибо они всегда идут на пользу такой обтекаемой личности. Ни в коем случае не должно примешиваться что-то личное – семейные проблемы или улучшение служебного положения. Как правило, такие особи всегда на этом строят защиту, стараясь вывести человека из себя, спровоцировать грубость, нетактичность для того, чтобы в дальнейшем как-то спровоцировать оппонента. Только дело, только объективная оценка недостатков и рекомендация как их поправить, а не акцент на личности и её бездарности, могут быть правильно поняты коллективом, да и руководством. Нужна очень большая выдержка и спокойствие во взаимоотношениях, иначе это будут «кляузы», как пишешь ты.

Это один вопрос. Второе, - ты слишком доверчив и всегда думаешь, что твоя забота занимает такое же большое место среди множества забот у руководителя. Не всегда он плох или не хочет тебе помочь. Просто новые, более острые проблемы вытесняют на второй план твой вопрос. Не стесняйся напоминать тем, кто тебе пообещал решить тот или иной вопрос. Но не нужно на него наслаивать целый ряд других вопросов – это, как правило, вызывает неудовольствие у занятых людей. Видишь, у Главного конструктора ты поднял бурю вопросов. С одной стороны 1-я категория, которую давно должны дать тебе, с другой стороны вопросы

задач и функций вашего бюро и оценка твоего непосредственного руководителя как специалиста. Думаю, такое количество вопросов не могло произвести положительного впечатления на главного. То, что я пишу, ни в коем случае не значит, чтобы под кого-то подлаживаться, приспосабливаться, а просто нужно в каждом случае определять главную задачу и решать её ясно и целеустремлённо, не делая винегрета.

Меня очень интересует ответ, который ты получил от главного. Видишь, вопросы твои больные, они и у него больные, а вот решительно стать на твою сторону?.. Увы, нет. Ты прав, когда пишешь, что от злости выть хочется, когда видишь такую безалаберщину во многих делах. Но видишь ты пока мало, и безалаберность исходит от конкретных лиц-исполнителей. Устранять её нужно на том участке, за который отвечаешь. И чем он больший участок, тем больше ты и сделать сможешь.

А вот в этом плане ты тоже похож на своего «шефа». Хочешь, чтобы всё было так правильно как ты понимаешь, и в то же время хочешь остаться рядовым инженером-испытателем, хотя имеешь все данные на то чтобы взять ношу потяжелее. Видно тоже только приятное хочешь иметь от работы. Есть ведь пути продвижения и не связанные с приспособленчеством, подхалимством и т. д. И это путь глубокого знания дела, целеустремлённости, собранности, объективности, умения видеть новое и т. д. Думаю, такой путь тебе вполне подходит, и цели, поставленные, тогда будут ближе. Главное, чтобы настроение было хорошее, и оптимистичнее следует смотреть в будущее.

В части того, чтобы бросить всё и уехать. Это никогда не поздно. Но тоже следует подумать, как действовать. Работа будет всегда. Но такую работу, как ты ищешь – у нас трудно найти. Везде практика, а впрочем, можно найти что-нибудь подходящее. Было бы неплохо, чтобы ты во время отпуска побыл у нас. Что касается работы для Виты тут проще решить. Нужно будет только не на пять минут захватить и испариться, а побыть несколько дней и поговорить, как следует, да возможно с некоторыми работами познакомиться заранее.

Разделяю твою надежду, что при достижении полной мощности КамАЗа обстановка может и должна стать лучше. В процессе стабилизации всегда есть очень много негативных явлений. Нужно время, чтобы проверить, изменится ли ситуация к лучшему или нет. Я имею в виду работу, а не твои взаимоотношения с руководством. По твоему письму вижу, что они испортились надолго и всерьёз.

Когда я поделился с Роней, что собираюсь тебе писать, то она буквально сказала следующее: «Пусть он перестанет решать мировые проблемы, а решит, прежде всего, свои, получит категорию, улучшит служебные дела, а всё остальное и т. д».

Полностью её поддержать нельзя, но здравый смысл в этом есть. Ведь даже для того, чтобы решить вопрос переезда, это очень важно. Иначе всё

снова начинать с самых азов. Ты в этом убедился при переезде на КамАЗ. Опыт нужно приобретать один раз.

Никогда в жизни так много не писал, но всё равно в письме сказать то, что хочется, не получается, поэтому всю надежду возлагаю на встречу во время твоего отпуска. Надеюсь, своим письмом я вас не особенно расстроил. Нужно всегда помнить, что бывает всё значительно хуже и труднее, а у нас и у вас ещё 0-20-20.

Рад за ваших малышей. Пусть растут здоровыми. Надеемся увидеть Светлану воочию. Из писем поняли, что другого пути, чтобы дать оценку и понять, что вы там «сотворили», нет.

Погода у нас морозная -10/-15 градусов. Снега нет. Ветры и снова беспокойство за будущий урожай.

Снабжение пока удерживаем за счёт огромных усилий села, на достаточно удовлетворительном уровне. Овощей в этом году заготовили в таком количестве, что вполне до мая хватит по всей номенклатуре. Капуста, морковь, лук, чеснок, бурак. Есть картофель, яблоки, а что касается переработанных овощей – помидоры, огурцы, синие, перцы и т. д., то их хватит на год. В магазинах такие красивые овощи, что приезжают из других областей и завидуют. В прошедшем году мы в области вырастили 595 тысяч тонн овощей (вся Украина пять млн. тонн).

Ну, вот и понаписал гору новостей. Желаю вам всего хорошего. Привет от ждановцев и Рони. Нос повыше и хвост морковкой держать!

Борис. 17. 01. 1977 года».

И второе письмо через месяц. Как нам сейчас не хватает наших любимых Бори и Рони.

«Здравствуйте, Гена, Вита и малята!

У меня забот много. 2-й год начался ещё тяжелее, чем 1-й. В металлургии, строительстве плохо как никогда. Впервые за многие годы в январе на 5 миллионов рублей не выполнили план. Радужных перспектив нет. Впереди тяжёлый, напряжённый труд. Зима тоже не такая как нужно для села. Весь январь стоял мороз до 20-25 градусов, а вот уже неделя +3 - + 5 градусов. Слякоть, темно и неприятно. Но с этим людям можно мириться, а вот озимым культурам крайне вредны такие колебания. Не знаем чем и как это закончится, Гена?

Письмо ваше получили. С интересом (хорошим, а не обывательским) слежу за развитием событий у вас. Твоё письмо в партийное бюро считаю очень правильным, партийным. Изложено спокойно, достойно, с глубокой тревогой за общее дело. Только такой тон и такая принципиальность должны быть характерными для нас – коммунистов, советских людей. Дело нужно доводить до конца, какие бы зигзаги не выписывались бы Кутиком и его покровителями. Групповые письма – плохо. Твой поступок – это поступок честного, принципиального, зрелого коммуниста. В дальнейшем ни в коем случае ни словом, ни полусловом, как говорят в народе, не дать никому оснований свернуть с принципиальной тропы на

обывательскую, т. е. перейти на обсуждение нанесённых тебе обид и несправедливостей. Имею в виду: садик, категорию и другие более личного плана вопросы. Они обязательно все найдут решения после того, как будут решены главные государственные вопросы.

На дороге к торжеству справедливости всегда бывают препятствия, причём, самые неожиданные. Твоя линия правильная. Поэтому выдержка, время для анализа, оценки и только тогда ответ. Горячность и поспешность вредна для дела.

Я тебе пишу эти истины не потому, что ты их не знаешь, а для того, чтобы ещё раз подчеркнуть важность доведения до конца справедливого дела, трудность его, возможность целого ряда разочарований в тех, кому верил и, в связи с этим, принятие неправильного решения в такие моменты. А они, к сожалению, ещё будут. Не форсируй событий. Излишняя настойчивость может вызвать неудовлетворённость у тех, от которых зависит решение. В общем, смотри на жизнь, как она есть, все ведь люди, а людям иногда свойственны ошибки. Да и обещания легче давать, чем их помнить и выполнять.

Опять начал «философствовать» и учить, видимо пора заканчивать письмо. Мы с Роней договорились, что она после подготовки к политинформации черкнёт «пару слов».

Будьте здоровы. Рад буду видеть вас в любое время года обоих и всех хором».

Для полной картины ценностей присущих высокопоставленной семье моей сестры, привожу и её письмо.

«Добрый день, мои дорогие!

Вопросов государственных я касаться не буду, оставим их мужчинам. У нас сейчас пока всё нормализовалось, все здоровы и все трудятся.

Боря иронизировал, что мне не хотелось идти на работу. Он всё ещё не оставляет мысли, что я рассчитуюсь. А мне что-то страшно бросать работу. Моим мужчинам, конечно, будет лучше, если я оставлю работу, особенно Боре. Поэтому я иногда думаю, что я просто эгоист и думаю только о себе.

Посылаю вам несколько фотографий, чтобы вы представили, как выглядит наш солдат. Групповая фотография получилась совершенно случайно (и так удачно). Пятого Колпенские привезли в Донецк Алёну с Людмилой. И мама с ними приехала. В этот же день заехал к нам Вячек (он был по делам в Донецке). Столько было шуму, как будто мы в Жданове. И ещё не всё. Совершенно неожиданно к нам пришли Лора и Адик. Они приехали из Москвы в Горловку навестить дядю Климентия (он сейчас живёт в Горловке). И все сразу, в один день с интервалами в пределах получаса.

Это было так здорово, так интересно, сплошные ах!, ох! Восклициания, вопросы. Ведь мы с Адиком не виделись 30 лет, представляете себе. Я, наверное, сумбурно пишу, но вы представляете, что творилось у нас в доме.

Шестого проводили Алёну в Ленинград. Людмила осталась в Донецке, а мы поехали провожать Колпенских в Волноваху. Там возле родника и сфотографировались. А затем разъехались в разные стороны. Приехали домой, такая тишина, и всё как будто во сне было.

Хорошие мои, вы уж как-то так постарайтесь, чтобы летом вместе приехали на Азовское море. И нужно будет поселиться непосредственно у моря (в какой-нибудь пансионат) и по-человечески отдохнуть. И Славик оздоровится, укрепит свой нос, и Светланке не помешают морские купания. Только постарайтесь приехать до августа (с первых чисел августа мы уедем в Крым), чтобы можно было вам помочь в организации отдыха.

До свидания, будьте здоровы. Целую всех. Ваша Роня. 15. 02. 1977 года».

Больше бы таких руководителей высокого ранга во главе страны, и таких работников, как Марача внизу. И даже Коммунизм не казался бы мифом.

Прекрасно, когда у человека есть такие родственники и такая душевная близость. О материальной помощи и, тем более, вопросов о наследстве (в дальнейшем) речь никогда не шла. Вот такая посильная помощь в отдыхе, в оздоровлении детей, не ущемляя ничьих интересов, и общение при этом. Я уже писал, что в советское время профсоюз много выдавал путёвок для укрепления здоровья. Цены при этом были символические, а иногда путёвки были бесплатными. Мы для себя ни разу не воспользовались такой возможностью. Здоровье особо не требовало санаторного лечения и больше хотелось общения с близкими людьми, да и активный отдых мы предпочитали больше. И наших скромных зарплат вполне хватало для такого отдыха.

Вот и летом 1977 года нам Боря и Роня посодействовали с отдыхом на берегу Азовского моря в пансионате «Донецкуголь», расположенном рядом с селом Ялта (я писал, что греки при переселении в Приазовье часто давали названия населённых пунктов Крыма). Что представлял собой пансионат? Маленький парк на берегу моря. Четырёхэтажный красивый корпус для отдыха шахтёров и рядом с ними три одноэтажных домика из двух комнат и веранды. Домики были

закреплены: за первым секретарём Донецкого обкома; министром угля; должность третьего человека я забыл. Причём, они должны были заранее подать заявку на время использования этого домика и оплатить это время. Цены были маленькие, как и цены за путёвки для отдыхающих шахтёров. В остальное время в домиках отдыхали другие люди.

Наши мамы часто бывали у нас в Челнах. Вот и в этом году Витина мама

приехала к нам весной и 5-го мая увезла Светланку в Харьков. Мы в июле прилетели в Харьков и вместе со Светой приехали в Жданов. А оттуда, чуть позже, в приазовскую Ялту. Немного скучноват был такой отдых, но ради детей можно было и «поскучать». Азовское море для маленьких детей и пенсионеров замечательное место. Думаю, что в рыночное время в местах отдыха добавили всякого «экстрима». А тогда

наиболее

экстремальным было катание на водных лыжах, которое по выходным дням

предлагали всем желающим. Когда несколько человек так и не смогли выйти из воды для скольжения по поверхности воды, я тоже решил попробовать. Уверенно вышел из воды, и обрадованный моторист потащил меня по большой дуге

далеко в море.

Вначале

появилось радостное чувство от скольжения с большой скоростью (до

этого мне не приходилось кататься на водных лыжах).

Но у Азовского моря свои особенности. Волна невысокая и расстояние между гребнями волн короткое.

Лыжи скользят по гребням волн, и каждое соприкосновение сопровождается сильным ударом.

Нетренированные мышцы для такого вида нагрузок через 200 метров скольжения стали протестовать, а ещё

через 200 метров я перестал чувствовать лыжи, хотя продолжал хорошо скользить.

Мои попытки одной рукой сообщить мотористу, чтобы он поворачивал к берегу, были поняты совсем иначе, и он повернул ещё дальше в море.

Пришлось мне самому отпустить фал и погрузиться в воду. Думаю, что у людей в лодке тоже поднимается настроение, когда на лыжах скользит хороший спортсмен.

Настольный теннис, площадка для волейбола, комната с бильярдным столом – вот, пожалуй, и все развлечения для взрослых. Ещё была сауна, в которой вместо бассейна сделали маленький водопад, созданный подачей воды прямо из моря. Сауну грели только по просьбе начальства. Это, пожалуй, вторая привилегия, после отдельного домика, которая отличала отдых крупных

Настольный теннис, площадка для волейбола, комната с бильярдным столом – вот, пожалуй, и все развлечения для взрослых. Ещё была сауна, в которой вместо бассейна сделали маленький водопад, созданный подачей воды прямо из моря. Сауну грели только по просьбе начальства. Это, пожалуй, вторая привилегия, после отдельного домика, которая отличала отдых крупных

руководителей от других отдыхающих. К тому же, сами руководители бывали в этих домиках редко, приезжая к своей семье (и примкнувшим к ним, как мы) по воскресеньям.

Два раза я посетил эту сауну. Первый раз я там был с Борей и Лёней. После прогрева, водопад морской воды, душ. В маленькой комнатке отдыха стаканчик чая или ломтик арбуза, а потом ляжешь на топчан, накрывшись простыней, и полностью отключаешься от всех мирских забот. А из приоткрытого окошка запахи парка и моря. Как мало нужно человеку для счастья... Второй раз я был в этой же сауне, но со своими племянниками и кем-то из их друзей. Ребята бегали бессистемно в парилку, шумели и они, и музыка, непрерывно что-то ели. Вернулся я из сауны больше уставший, чем умиротворённый. А ведь я ещё был даже не пожилой и полон сил – всего 35 лет. Как необходимо людям устройство общества, построенное на разумной достаточности, а не на непрерывном допинге, когда в 40 лет становятся почти стариками.

Плавал я с трёхлетней дочкой недалеко от берега на надувной резиновой лодке, которую нам выделил Лёня. А в выходной день приехавший Боря решил прокатить нас на катере вдоль Белосарайской косы, уходящей далеко в море. Хороший вид с моря на Ялту и общую панораму берега. Вышли на берег у конца косы. Там много

углублений, заполненных быстро испаряющейся морской водой, в которой полно всякой мелкой и микроскопической живности – основной корм для рыбы. Температура воды, нагретой солнцем, как дома при купании в ванной. Трёхлетняя дочка сразу пошла в воду, а мы даже не стали её останавливать. Ополоснули после в море, где плотность той же живности существенно меньше. Иногда к нам на день приезжали Колпенские и привозили с собой нашу маму.

«Октябрь 1977 года – «КАМАЗ» досрочно завершил свой первый годовой план, выпустив 15000 автомобилей. К концу декабря их было уже 22 тысячи».

Осень 1977 года – это время окончания обязательной трёхлетней отработки выпускников ВУЗов с дневной формой обучения, направленных на предприятия страны по распределению. Решили уехать Изя Шпизель, чуть позже и Слава Шмагин. Слава долго обучал перед отъездом Инну Вакатову

измерениям при индицировании двигателя, но через год и Инна уехала на свою родину.

Ленар Леонтьев, я, Слава и Галя Шмагины с сыном, Валя Кудряшова и Валера Бушуев.

В октябре получаю письмо от Славы Шмагина, а в нём короткое послание Изю Шпизеля. Письмо Изю приведу полностью, из письма Славы главную суть. Я эти письма

успел забыть, а сейчас, в плане написания моей книги они очень интересны и дают право считать мои действия в период нашей совместной работы имеющими смысл.

Письмо Исаака Борисовича Шпизеля: *«Геннадий Константинович!*

Спасибо вам большое за ваше участие в коллективном послании, написанном в вечер проводов Славы Шмагина.

Сейчас, когда я здесь, в Хмельницком, немножко «итожу всё, что прожил» на КамАЗе, мне всё ясней становится ваша роль в моей жизни и ваше плодотворное на неё влияние... (Страшно глупо всё это написал – аж зло берёт).

Рядом со мной Исаак Шпизель (Изя) и Софа.

Мне всегда было страшно жалко и обидно, что я не смог быть с вами до конца раскованным как с остальными... А в общем, если говорить в вышеизложенном стиле: вы всегда останетесь для меня моей совестью и всем самым ценным в работе, что я приобрёл на КамАЗе...

О своей теперешней работе и жизни я достаточно подробно написал Бушуеву. Скажу только, что очень мне помогает камазовский опыт, хотя работа совсем другая и многому надо учиться...

Большой привет Вите и детям! Желаю вам стойкости духа и много радостей в работе! Будьте здоровы!

Навеки ваш покорный слуга Изя. 12. 11. 1977 г.

Письмо Вячеслава Борисовича Шмагина: *«Добрый вечер, Геннадий Константинович, Виктория Викторовна, Славик и Светлана! Вам всем большой привет от семейства Шмагиных.*

Конечно, вам хотелось бы услышать от меня оценку нашего поступка – наш переезд. Теперь уже месяц позади, и можно провести некоторые сравнения. Да и мне самому это тоже интересно.

О работе. Во-первых, большой дефицит времени и знаний. Знаю я сейчас очень мало по сравнению с тем, сколько должен знать. Выполнять чью-то волю беспрекословно я не хочу. Шеф посадил меня за установку, созданную до меня. Её готовят сейчас к испытаниям. Под руководством более опытного человека необходимо освоить установку и освоиться в новой области, присмотреться к тому, чем занимаются в секторе, а потом найти занятие для себя. Если мой выбор шефа не удовлетворит, то мне придётся принять то, что он предложит. На всё это он отвёл мне полгода. И я стараюсь осваиваться. Не хватает теоретических знаний. Вот, вроде, и всё пока.

Шеф мне нравится пока. Он уважает чужое и имеет собственное мнение, любит свою работу. Вот методы его руководства для меня непривычны, и я в них не совсем разобрался. Нет никакой опеки. Мне кажется иногда, что я барахтаюсь, как щенок. Не нравится, что я не веду сейчас никакой самостоятельной работы. Всё это можно объяснить и понять.

О нашей семейной жизни. Галя устроилась на работу, связанную с изготовлением микросхем. Пока нравится. Четыре часа в сутки уходит на дорогу. Сейчас вплотную занялись поиском дома, который будем покупать. Цены бешенные. Два дня занимаемся статистикой. Нужно окончательно перебраться в Горький, потом восстанавливать семью, т. к. сейчас наследник не живёт с нами. Впереди много неизвестного, но сохраняю оптимизм и веру в наше светлое будущее.

Пиши о себе. О вас всех. Как работа? Всем нашим привет и девочкам, и мальчикам. Вспоминаю, не сказать, что каждый день. Времени нет. Но всё-таки хорошо, что вы все есть. Теплее как-то. Как рабочая атмосфера? Изменилось ли что? Хватит вопросов. Сам знаешь, что мне всё интересно. Жду. Славка.

Станция Линда. Ул. Луговая, 6. 20. 11. 1977 год».

Спасибо письмам, оживляющим память. Спасибо ребятам, так высоко оценившим мой вклад в период становления КамАЗа, УГК, подразделения исследовательских измерений, совпавшие с началом их трудовой деятельности после окончания Горьковского университета. Советская действительность позволила ребятам вернуться к своим родным местам, не опасаясь оказаться в рядах безработных, хотя в Н-Челнах, особенно семейным, очень быстро выделяли жильё, а при огромном желании можно было найти работу более подходящую личным запросам, не уезжая из города. Так брат Володи Сушакова – Слава быстро перешёл в другое подразделение, ближе к производству. Сашу Щеглова привлекла более высокая зарплата на производстве. Я с ними пересекался впоследствии. Как говорится – хорошо

там, где нас нет. А о Славе Шмагине и Изе Шпизеле я ещё расскажу. Тут совсем другой случай.

1978 год. Наши двигателисты, особенно Б. В. Мамин, пробили всё-таки отдельное подразделение, обеспечивающее исследовательские измерения при испытаниях двигателей. Я готов был возглавить этот КИБ. Оказалось, что уже есть кандидатура на эту должность. Леонид Михайлович Аникин – начальник КБ из УРЭПа (точно не могу расшифровать название). Почти мой ровесник, имеющий отношение к электронике, хорошо владеющий немецким языком и руководитель по призванию. Он много времени провёл в Германии, занимаясь закупками оборудования для КамАЗа. Мамин с ним давно контактировал, и УРЭП даже сделал для одного из стендов систему измерения расхода дизельного топлива. Я был ему не конкурент, несмотря на то, что в области измерений был точно сильнее. А я так устал от борьбы с Кутиком, что согласился перейти в новый КИБ. Аппаратура у нас с Кутиком осталась общей. Ребята к этому времени набрали хороший уровень и вполне обходились без меня. Кстати, не всем из них нравился мой глубокий подход к качеству измерений. Пришлось пожертвовать своей привязанностью к дорожным измерениям на автомобиле. У двигателистов тоже были дорожные измерения, но не тот масштаб.

Забегая вперёд, скажу, что проблема с руководством Кутика решилась в начале восьмидесятых годов. В 1981 году в УГК создали отдел специзмерений во главе с Аникиным. Меня назначили начальником КИБ. Кутик продолжал руководить тем же КИБом измерений на автомобилях. Чем-то он сильно обидел женщин – Таню Хайман и Люду Лепскую. Вот они и обратились в партком со своими обидами. Таня, возможно, не очень сильный инженер, но с очень активной жизненной позицией. В разгар перестройки она ушла из НТЦ и возглавила городскую студию детского дизайна «Да-Да». В этот раз партком УГК передал рассмотрение их заявления на уровень ниже, и там объявили Кутику строгий выговор. Это серьёзное партийное взыскание не лишало руководителя должности, но через некоторое время он сам перешёл работать на какой-то завод КамАЗа.

В 1978 году на заводе Двигателей выделили площади под химическую лабораторию УГК, где работала Вита. К этому времени и Фильза тоже работала в этой лаборатории. Одну большую комнату временно отдали нам. А проработали мы в этой комнате до переселения на площади Инженерного центра в 1992 году. Окончательную точку нашего пребывания на «движках» поставил пожар в апреле 1993 года.

Работа шла по многим направлениям. Освоение рабочей комнаты, строительство в тупиках возле лестничных площадок маленькой слесарной мастерской и склада для материалов. Комплектация КИБа инженерами и рабочими, их обучение и, естественно, выполнение заданий.

Работы становилось всё больше. И неожиданно нас обворовали – целенаправленно проникли в нашу комнату, хотя для этого ещё нужно было открыть двери коридора, общие для нас и двух химических лабораторий. Преступник был явно творческий человек. Он даже не стал открывать или ломать замок, а просто шлицовкой перепилил петли, на которых висит дверь. Унести много приборов он не мог и поэтому из некоторых приборов вытащил платы. Настроение было подавленное. Потеря каждого прибора – это уменьшение наших возможностей. Мало нам было пожара на складе приборов...

Сообщили в милицию, укрепили двери и даже сделали вторую дверь. Но преступник, похоже, возомнил себя суперменом. Я и Вита гордо ездили на работу на нашем красном мотоцикле. Общей заводской ограды ещё не было, и мы подъезжали прямо под окно нашей лаборатории, которая находилась на втором этаже. Первый этаж был закрыт решётками. Смотрю в сторону нашего окна, а из него свешиваются кабели от наших приборов. На этот раз преступник проник в помещение через окно. Становилось совсем грустно. Так можно полностью парализовать нашу работу.

Сварили решётки на окна, установили сигнализацию с выводением её на пульт охраны, и даже некоторое время, помогая милиции, тайно дежурили по ночам. В третий раз преступник влез через профнастил крыши. Его не остановил ни толстый слой промасленной пыли, ни острые края профнастила. Молодого ещё парня всё-таки задержали. Грабил он электронику и инструментальные кладовые. Ещё не назначили властвовать разрушителя и предателя Горбачёва с его «перестройкой», а молодой парень грабит почти бессмысленно, ведь на продаже украденных плат и свёрл почти ничего не заработаешь, а попасться можно быстро. Наверное, предчувствовал будущий обман народа и приход в страну рыночных отношений.

Когда пригласили в милицию руководителей всех ограбленных подразделений, большинство от своего имущества отказались (зачем им лишние проблемы). Большую часть награбленного имущества из милиции привезли к нам. В КБ приборов даже восстановили некоторые приборы. А свёрлами и метчиками мы ещё долго пользовались. И наша комната стала напоминать по укрепленности банковское помещение.

Приняли на работу молодых специалистов Федосеевых. Парню поручили заниматься «невезучим» индицированием. Настя – улыбчивая, говорливая, заботливая жена, по работе ничем особенным не запомнилась. Года через полтора семейство уехало в Подмоскovie, под крыло дяди с генеральским званием. Появившийся у нас молодой инженер Саша Хафизов, которому я предложил заменить на индицировании Федосеева, объяснив, что эта работа интересна сама по себе и для перспективы дальнейшего роста, только улыбнулся – разве нет других путей для роста... Он тоже недолго проработал у нас, не запомнившись ничем в области измерений. Был вначале заботливым отцом и мужем. Даже как-то привёл свою жену Галю в кружок политучёбы, который мне поручили вести. Ушёл он работать к своему товарищу по учёбе и по спорту (игра «Регби») Штейнбергу. Впоследствии они организовали

охранную фирму. Большие деньги, водка, разлад в семье закончились самоубийством. А его жена Галя после увольнения начальника химлаборатории, стала Галиной Петровной, заменив В. П. Облащикова.

Галя сидит в первом ряду: первая справа.

Неприкаянное индицирование обрело своего специалиста после прихода к нам очередной семейной пары – Земфиры и Юлая Рахмангуловых. Они окончили Уфимский университет. Тогда статус университета был выше, чем у институтов. К тому же, Юлай ещё в школе много познал, занимаясь в технических кружках. Мы окончательно перешли на аппаратуру фирмы AVL – систему с быстродействующим АЦП и процессором. В вузах только начали изучать такие системы. Юлай, как всякий способный человек, держал со мной дистанцию, но не конфронтацию.

Дело в том, что Л. М. Аникин, занимая определённую должность, всегда был на ступеньку выше, а я по своему характеру старался держать в поле зрения почти все текущие вопросы. И меня, и Аникина такая ситуация устраивала. В прямом подчинении у меня было несколько женщин. Больше даже не подчинение, а опека. Руководство маленьким составом наших рабочих часто тоже шло через меня. Я и сам для ускорения дела что-то делал в нашей слесарке. В дальнейшем о своих коллегах я буду писать в увязке с выполнением работ, выдаваемых нам, и решением проблем при этом возникающих.

Июль 1978 года. Мне присвоена первая категория инженера-конструктора! Приятное событие. Качество и объём выполняемой работы я никогда не увязывал со своей зарплатой. В семье был достаток, но на очень скромном уровне. Тогда в ходу была присказка: «Труд сам по себе награда, но и жить на что-то надо». Это то, что касается чисто материальной стороны жизни и только зарплаты, к которым каждая семья получала добавку в виде бесплатной и хорошей медицинской помощи, санаторно-курортного лечения, приоритета детства, символической платы за жильё. Мы жили, не задумываясь о проблемах ЖКХ, о том, где взять деньги, чтобы подготовить ребёнка к новому учебному году. Никому в голову не могло прийти, что в аптеках лекарства могут быть фальшивыми. Недоступные пока всем личные автомобили, которые сегодня стали реальным врагом человечества, компенсировались коллективными выездами на природу и семейными походами в лес за грибами и ягодами. А духовность, понятие монополизированное церковью – *«Свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными»* не было для людей пустым звуком.

Привожу письмо моей мамы нашему сыну Славке. Он к этому времени перешёл учиться в школу с углублённым изучением физики и математики. Этот класс входил в систему заочного обучения Московского Физико-технического института (МФТИ). *«Заочная физико-техническая школа при Московском*

физико-техническом институте (ЗФТШ при МФТИ) открыта в сентябре 1966 с целью создания дополнительной образовательной среды для старшеклассников, интересующихся физикой и математикой. Она призвана способствовать развитию интеллектуального потенциала школьников и формировать у них потребность к продолжению образования и самообразованию, а также помочь в профессиональном самоопределении».

Пишет человек, в какой-то мере пострадавший при проведении в стране коллективизации.

4. 12. 1978 года. *«Здравствуй, дорогой внучек!*

Я не ошиблась в ожидании твоей информации, учитывая твою преданность к старшим. Советую тебе и впредь оставаться таким же.

Славик, получила я твой репортаж о славном путешествии – «Пробный выезд по стране», который надолго останется в памяти. Помни: ты живёшь в такое чудесное время, где всё интересное, полезное предоставлено подрастающему поколению, только надо суметь, заслужить, и у тебя эти данные есть. В борьбе, в желании и стремлении всё тебе по плечу. Я вижу в твоих письмах ко мне (они все хранятся) рост, прогресс. Твоему возрасту надо видеть далеко, чувствовать глубоко и мыслить широко.

Конечно, в твоих мероприятиях, в которых ты принимаешь участие, нелегко преуспевать, в таких случаях надо находить путь к наивысшей организованности самого себя. Рада за отличную успеваемость в 1-й четверти и за 1-е место в математической олимпиаде. Во всех этих показателях желаю тебе ни на шаг не отступить.

Дорогой мой, там, где ты в письме написал, что побывал на Красной площади, по которой мы с тобой ходили 6 лет назад – меня сильно тронуло (прослезилась). Ведь была возможность сделать снимок, рядом был фотограф, но я как-то пропустила. Какая была бы память! Тебе было 7 лет. А может, когда-нибудь, ещё посчастливится побывать с тобой в Москве? Мечтать никому не запрещается.

Читали твоё письмо с восторгом Колпенские. Привет всем вам от них.

Как там Светланка чувствует себя в очках, удобно ли ей? И, вообще, как здоровье всех вас?

До свидания, дорогой мой. Искренний привет папе, маме и Светланке.

Целую тебя крепко, твоя бабушка Шура.

Р. С. Славик, советую тебе это письмо хранить, пройдёт много времени, ты прочтёшь его и много ошибок найдёшь. И не удивительно – написано оно на 74-м году моей жизни. Юра Качура побывал в Волгограде и написал статью в редакцию газеты «Социалистический Донбасс». Вашей группе такое не предложили?

Как говорится – без комментариев.

Август 1978 года – изготовлен 50-тысячный грузовик.

КАМАЗ уверенно набирал обороты, и это тоже радовало. 50 тысяч автомобилей уже вполне достаточно, чтобы сложилось у эксплуатационников мнение о новом автомобиле. Автомобиль в стране приняли, но недостатков в нём тоже было много. КАМАЗ был сложнее предыдущих автомобилей, выпускаемых в стране, и для ремонта его приходилось отправлять на завод. Ведущим конструкторам вменили в обязанность отслеживать все дефекты, происходившие в эксплуатации и работать над техническими решениями по их устранению. Часто конструктора выезжали в командировки во все концы огромной страны. Конечно, делалось далеко не всё, что нужно было делать. Испытания, особенно стендовые, ещё нужно было доводить до совершенства.

Что касается лично моей области измерений, то ею стала термометрия. Не меньше половины выполняемых нами работ были связаны с тепловой напряжённостью всех узлов и деталей двигателя. А основным инструментом (датчиком) измерения температуры на тот момент была термопара.

«Термопара хромель — алюмель. (хромель: 90% Cr, 10% Ni; алюмель: 95% Ni остальное Al, Si, Mn). Э.Д.С. в микровольтах (абсолютных); холодный спай при 0 оС».

Принцип действия термопары

«Термопара – старейший и до сих пор наиболее распространённый в промышленности температурный датчик. Действие термопары основано на эффекте, который впервые был открыт и описан Томасом Зеебеком в 1822 г. Возникновение тока в замкнутой цепи из двух разнородных проводников при наличии градиента температур между спаями.

Главные преимущества термопар:

- *широкий диапазон рабочих температур, это самый высокотемпературный из контактных датчиков.*
- *спай термопары может быть непосредственно заземлен или приведен в прямой контакт с измеряемым объектом.*
- *простота изготовления, надёжность и прочность конструкции.*

Недостатки термопар:

- *необходимость контроля температуры холодных спаев. В современных конструкциях измерителей на основе термопар используется измерение температуры блока холодных спаев с помощью встроенного термистора или полупроводникового сенсора и автоматическое введение поправки к измеренной ТЭДС».*

Многие технические вопросы были новыми даже для меня. Начали с самих термопар. Наши конструктора по двигателям после практики в Ярославле захватили с собой по несколько готовых термопар, но они могли быть использованы только для первичного знакомства. Борис Гузенко даже привёз с собой несколько электромагнитных одноканальных усилителей малых напряжений.

Немного громоздкие блоки, идеально подходящие для работы с термопарами, да ещё с токовым выходом. Выходной ток у прибора пропорционален термоэдс на свободных концах термопары, а токовый выход позволяет подключать другие приборы с любым входным сопротивлением. Преклоняюсь перед разработчиками этого прибора. С большим трудом выпросил я эти приборы у Бориса, и мы их долго использовали.

Испытатели двигателей:

Борис Гузенко и Володя Дмитренко.

А термопарный провод по договорённости нам выделили на Литейном заводе, где измерения температур (технические) применялись больше всего. Провода нам выделили голые, разного диаметра (0,5; 0,7; 1,0;

3,0; и 5,0 мм) в бухтах, достаточно (с избытком) для всего периода моей работы. Немного позже наши снабженцы привезли пару десятков катушек с термопарным проводом диаметром 0,2 мм. Тоньше промышленность страны не выпускала. Можно было начинать работать. Но осталась маленькая деталь. Проводу нужна была изоляция. Ездить по кабельным заводам и просить, чтобы нам нанесли покрытие на голый провод? Я предложил сделать свой изолирующий станочек. Термопары из Ярославля были обмотаны хлопчатобумажной нитью и пропитаны каким-то лаком с термообработкой. Вот и у нас через месяц заработал станок, который обматывал провод хлопчатобумажной нитью, далее по ходу обмотанный провод проходил через ванну с клеем БФ, а потом ещё через внутреннее отверстие резисторов большой мощности – для термообработки. Света Новикова, принятая на работу слесарем КИП, быстро освоила наш немудрённый станок, и мы стали иметь достаточный запас термопарного провода в изоляции, не уступавшего по качеству привезённому ребятами из Ярославля.

Быстро мы научились сваривать два конца проводов в графитовой ванне, используя высокую температуру электрической дуги. Мастерство быстро наращивалось и задачи, которые мы стали решать, тоже. Я вспомнил опыт создания импульсной конденсаторной сварки, которую мы сделали и применяли при прокладке проводов на заводе ТЯЖМАШ. Сделали себе такую же сварку, но уже вместо контактора применили современный мощный тиристор. В дальнейшем уже не представляли свою работу без этой сварки. А через несколько лет, когда я возглавил отдел Специзмерений, мы сделали стационарную сварку на порядок большей мощности. Это уже была серьёзная установка, позволявшая решать много технологических проблем, но требовавшая понимания процесса сварки. Большая батарея конденсаторов (несколько сотен тысяч микрофарад), заряженная до 150 вольт, разряжалась через точку диаметром 1-2 мм. Ток при разряде – несколько тысяч ампер. При плохой подготовке свариваемых материалов или плохом прижиме происходил маленький точечный выброс расплавленного металла. Женщины отказывались работать на этой установке – берегли нервы.

ДВС (двигатели внутреннего сгорания) – название очень чётко отражает суть двигателя. Сгоревшее топливо внутри двигателя переходит в тепло, которое только частично превращается в полезную механическую работу. *«Из-за неизбежных потерь энергии на трение, на нагревание окружающих тел и т. п. кпд всегда меньше единицы. Соответственно этому кпд выражается в долях затрачиваемой энергии, т. е. в виде правильной дроби или в процентах, и является безразмерной величиной. Кпд тепловых электростанций достигает 35—40%, двигателей внутреннего сгорания — 40—50%, динамомашин и генераторов большой мощности—95%, трансформаторов—98%».*

Исследователей и конструкторов в плане распределения тепла при работе двигателя интересовали все узлы и детали двигателя. А это значило, что нужно каждую деталь так доработать и внедрить в неё термомпары (или в последующем другие измерители температуры), чтобы эти детали продолжали выполнять свои функции, а установленная термопара надёжно измеряла температуру в точке, заданной заказчиком.

Интереснейшая творческая работа не только для инженеров, но и для рабочих. И люди в таких подразделениях должны подбираться с творческой жилкой. Необходим испытательный срок, и не прошедшие его люди должны переводиться на производство, где такие творческие качества менее важны. Нужно создавать привлекательность труда в таких подразделениях разными стимулами, в том числе и более высокой оплатой труда по сравнению с основным производством. Ничего этого, к сожалению, за время моей работы не было. Во время горбачёвского словоблудия, а к концу его правления – откровенного разрушения советского жизнеустройства, мне две женщины заявили: «Что вы к нам пристаёте со своими новыми идеями – мы сюда приходим отдохнуть от домашних дел». А ещё через некоторое время они заняли позицию откровенной конфронтации, считая меня неисправимым «совком». И совсем я был шокирован, услышав из уст, как мне раньше казалось, интеллигентной женщины нецензурное выражение. А ведь я всему её учил, после её декретного отпуска приезжал к ней домой, чтобы она вернулась на работу к нам. При этом она представила меня своему мужу как её руководителя (не начальника).

В противовес и к моему удовольствию хочу отметить, что несколько моих коллег (в период победы дикого капитализма после расстрела Ельциным Верховного Совета в 1993 году) при случайных встречах говорили, что в их работе наиболее интересным был период совместной работы со мной.

Это было маленькое отвлечение. Не будучи специалистом в этой области, трудно представить, какое большое количество проблем возникает при подготовке деталей к измерениям. Например, гильза цилиндров. Это действительно цилиндр из высокопрочного чугуна. Внутри неё происходит сгорание топлива и перемещается с огромной скоростью поршень с уплотнительными кольцами, а снаружи она омывается охлаждающей жидкостью.

Для вывода термопар на наружной поверхности протачиваются кольцевые пазы и фрезеруются продольные пазы. Для термопар, по чертежу, сверлятся отверстия диаметром 1,5 мм. Оставшаяся перемычка между отверстием и внутренней поверхностью цилиндра всего 0,5 мм с минусовым допуском 0,1 мм. Шарообразный спай термопары опускается внутрь отверстия и плотно прижимается к перегородке втулкой с помощью специальной оправки. Аккуратно уложенные в пазы термопары прижимаются к днищу паза тонкими металлическими полосками, приваренными импульсной конденсаторной сваркой, и в нагретом виде пазы герметизируются однокомпонентным эпоксидным клеем. Ответственны все этапы технологии.

И это деталь неподвижная. Значительно сложнее технологии установки термопар в детали и узлы двигателя, которые вращаются и, тем более, совершают поступательно-возвратные движения. Такие детали как поршень двигателя. В нём измерялась дополнительно мгновенная температура (поверхностная) колец и самого поршня. С поршнем (особенно) связаны измерения многих других физических параметров, давление газов в пространстве между кольцами, перемещения колец. На вращающихся деталях измерения усложняются ещё установкой токосъёмников.

Я думаю, что читатели поняли всю сложность работы в области измерений и необходимость больших знаний во многих других областях. Остановлюсь немного на работе, которая определила нашу зрелость как коллектива и способность его решать очень сложные задачи в области исследовательских измерений на двигателе. Это работа по созданию устройства для непрерывного съёма электрических сигналов с работающего поршня.

Первый токосъёмник был изготовлен по наработкам харьковского завода «Серп и молот», выпускавшего тракторные двигатели. Как приятно было ездить в командировки в советское время! Люди охотно делились своими познаниями. Токосъёмник был контактного типа и только для термопар. Термопары, установленные в поршень, выводились на монтажную колодку со штырьками. В нижней мёртвой точке штырьки входили в соприкосновение с гнёздами, расположенными на второй колодке, жёстко прикреплённой к блоку двигателя. Для исключения нежелательных термопарных эффектов штырьки и гнёзда изготавливались из материала для термопар. Каждый цикл поршня заканчивался передачей информации о температуре каждой измерительной точки. Для сглаживания импульсов на приёмной колодке к каждому каналу припаивали конденсатор высокой стабильности, а вход усилителя сигнала термопары должен был быть с большим входным сопротивлением.

Простая идея ещё не значит хорошая. Она годилась только для медленно изменяющихся процессов и только для термопар, да и надёжность была низкой. На максимальных оборотах двигателя штырьки 43 раза за одну секунду соприкасаются с гнёздами. При такой интенсивной работе трудно обеспечить большой ресурс.

Вторая идея шарнирного токосъёмника взята из журнала. Авторы оформили свою конструкцию как изобретение. В предлагаемом токосъёмном механизме рычаги шарнирно соединены с поршнем и неподвижным элементом

в картере двигателя. Проработка конструкции для нашего двигателя по этой идее была выполнена на самом высоком уровне. Изготовление тоже. Основные узлы изготовлены из титанового сплава. Ресурс изготовленных токосъёмников составил более 12-ти часов. А основные узлы токосъёмника могли использоваться повторно. Мы даже к себе в комнату притащили блок двигателя с коленчатым валом и установили его в специальную шестигранную раму, чтобы при отработке конструкции токосъёмника и некоторых других работ можно было поворачивать двигатель в удобное для конструктора положение. И такая простая конструкция очень нам помогала. Не нужно было тратить время на поиски полуразобранного двигателя, чтобы проверить возникающие идеи.

Почему-то такую серьёзную разработку мы даже не оформили как рацпредложение. Всё ждали, когда работы с токосъёмником выйдут на поток. А в советское время, кроме зарплат и редких премий, основным приработком у творческих и активных инженеров и руководителей были рацпредложения и даже изобретения. Часто обычная плановая работа оформлялась как рацпредложение. Попавшими в моё поле зрения такими были Иваненко В. В. и Ищенко В. И.

У меня уже начинает перемешиваться хронология происходивших событий, но на сути моей книги это не отражается. На определённом этапе на камазовские двигатели стали устанавливать турбокомпрессоры, которые на современном уровне улучшают большинство характеристик дизельного двигателя. Где-то в это время (1979-1980 годы) в УГК появился В. Н. Каминский, до этого работавший в НАТИ.

Каминский Валерий Наумович

«Родился в Москве 24 июня 1939 года.

В 1961 году окончил Московский автомобильно-дорожный институт по специальности «Эксплуатация и ремонт автомобильного транспорта».

Доктор технических наук, профессор.

С 1992 года по настоящее время – Генеральный директор научно-производственного объединения «Турботехника» (город Протвино).

С 1966 ведёт преподавательскую деятельность.

В настоящее время – Заведующий кафедрой «Транспортные газотурбинные двигатели» Московского Государственного технического Университета МАМИ; на базе НПО «Турботехника» действует филиал кафедры.

В 1991 г. избирался депутатом Чеховского городского совета народных депутатов. До ликвидации советов работал заместителем председателя горсовета на неосвобожденной основе.

С 2000 года - Председатель Союза промышленников и предпринимателей города Протвино.

Член Правления [Серпуховской ТПП](#).

Опубликовал более 160 печатных работ и получил более 30 авторских свидетельств на изобретения, патенты РФ, США и Великобритании.

В 1984 г. за создание и постановку на производство двигателей с турбонаддувом для БТР-80 награжден орденом «Знак Почета». За разработку и внедрение тракторных и автомобильных двигателей с турбонаддувом многократно награждался медалями ВДНХ, Почетными грамотами министерств, Губернатора Московской области.

В 2012 г. награжден медалью Серпуховской торгово-промышленной палаты «За заслуги в предпринимательстве».

В этой публикации почти не отражена деятельность Каминского на КамАЗе и совсем короткий период его работы на тракторном заводе в Елабуге. Безусловно, способный и сверхактивный человек. И особенно высоки его способности в умении использовать таланты других людей и изменения в жизнеустройстве страны для своей пользы. И как-то не увязываются утверждения многих людей (на примере Каминского) о притеснении евреев в советский период по национальному признаку.

В.Н. Каминский возглавил внедрение турбонаддува на камазовских двигателях. До этого работами по турбонаддуву руководил будущий **Главный конструктор по двигателям Наиль Гатауллин.**

В этой области тоже были важны измерения высокого уровня. Вот Аникин с Каминским и отправили меня в НАТИ для обмена опытом. Приняли меня хорошо (Каминского там уважали). Но как-то в памяти у меня не осталось, что я открыл у них что-то особо меня поразившее.

По одному из заданий в турбокомпрессор было установлено 28 термопар. Удивительно, но к отчёту по этим испытаниям двигателисты обращались не менее 15-ти лет.

Обороты вала турбокомпрессора могут превышать 100000 об/мин, и для их измерения нужен был надёжный датчик. Ребята обратились в несколько заводских подразделений, а разработать и изготовить датчик пришлось нам. Так понемногу мы стали набирать опыт в разработке и ремонте измерительных датчиков. Не думал я тогда, что перед пенсией и десять лет на пенсии разработка и изготовление датчиков станут моей основной работой.

Конечно, и для двигателистов тензометрия оставалась важным инструментом прочностных исследований. Вначале этим направлением занимался Володя Дмитренко как руководитель, а непосредственно контактировал с нами Вадим Вайнтрауб. А позже возглавил это направление В. Н. Никишин – кандидат наук и, безусловно, хороший специалист. Подразделение прочности стало при нём для нас самым большим заказчиком. Большое подразделение, непрерывно повышавшее свой материальный и научный потенциал, как-то не выдавало больших конечных результатов. У меня

со Славой были и периоды хороших рабочих отношений, и периоды непонимания.

Топливная аппаратура для дизельного двигателя – это как сердце у человека. Долгое время ведущим специалистом этого направления был Володя Штейников, спокойный и знающий своё дело специалист. И испытательное подразделение соответствовало своему руководителю. Приятно было с ними работать. Ещё во времена работы на ПРЗ Володя вместе со мной провёл в дорожных условиях режимометрирование работы двигателя в увязке с замерами основных параметров топливной аппаратуры. Этими замерами тоже долго руководствовались при проведении стендовых испытаний.

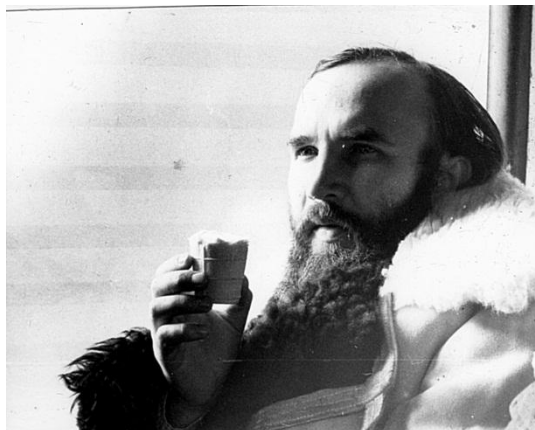
Хорошим знанием теории рабочего процесса отличался молодой инженер Варшавский, но он совсем мало проработал в УГК.

Ещё одним важным направлением наших измерений стало участие в исследовательских работах по холодному пуску двигателя. Вёл эти работы Юра Поляков. Вместе с ним работали Саша Лалетин и Олег Ермаков. В их распоряжении была большая холодильная камера, куда помещался двигатель. Предельные температуры охлаждения превышали сорок градусов. Вот мы и регистрировали на осциллографе напряжение аккумулятора, ток стартера, обороты двигателя, измерение температуры в нескольких точках. Даже научились измерять температуру возле отверстия распылителя форсунки. По этой тематике мне пришлось четыре раза съездить в Якутию и Магаданскую область на зимние испытания автомобилей.

Юра Поляков.

Юра Поляков стал кандидатом наук, а когда НТЦ свернул большинство своих исследований, он перешёл работать в западную фирму. Саша Лалетин вначале зондировал возможность перейти работать на северный полигон в г. Сусуман. Потом на КамАЗе решили внедрить государственную приемку, и он перешёл работать туда. Время уже было другое – эксперимент быстро свернули и хорошие ребята стали искать себе новую работу. Так Саша оказался на заводе микролитражных автомобилей, которым руководил О. Белоненко, а потом заменил его. Автомобиль «Ока» стране стал тоже не нужен, и Саша вернулся в свою Свердловскую область. Олег Ермаков вошёл в группу *Константина Николаевича Деулина*, который решил развернуть своё собственное дело по разработке и изготовлению теплообменников оригинальной конструкции. Конечно, вначале все, что можно было, взято от общенародной собственности.

Как-то А. А. Шестаков сказал на совещании: «Вот К. Деулин не советский человек, но умеет хорошо организовать дело», предлагая руководителям

подразделений равняться на него в организации дела. Думаю, что по виртуозности и уровню проворачиваемых дел Константин не может равняться с Каминским, но, тем не менее, он создал свою фирму ООО «Термокам» по производству и продаже агрегатов автомобильной, автотракторной, дорожно-строительной и компрессорной техники. Главным конструктором у Деулина работает его сын Сергей Константинович.

Вернёмся к концу 70-х. КамАЗ ускоренно наращивает выпуск автомобилей и решает проблемы, возникающие в этой связи. Коллектив нашего КИБа тоже растёт численно. Живой организм – новые люди приходят, а кто-то увольняется. Отношения между работниками как в большой семье. Все почти всё знают друг о друге. Помогают друг другу, ссорятся и даже влюбляются. Особая роль у начальника (я бы назвал его руководителем). Вот в частной фирме там начальник, шеф, босс, хозяин – кому как нравится. Советский КЗОТ однозначно отстаивал, прежде всего, интересы рабочего. При такой ситуации тоже бывало по-всякому. На производстве начальнику проще. Есть технологический процесс, чёткие обязанности работников, план. Там почти сразу виден нарушитель.

В этом плане особенно чётко работала система на производстве с военной приёмкой. Там новый работник в течение одного месяца или двух понимал, что халтура не пройдёт, и начинал работать добросовестно или сам уходил. Военпреды, кстати, не были надсмотрщиками или «карателями». Они больше были прямыми участниками рабочего процесса, помогающими выпуску качественной продукции. ВПК (военно-промышленный комплекс) – это величайший продукт советской эпохи, позволивший со значительно меньшими затратами противостоять Западу в сохранении реального суверенитета страны. И такое достижение страны тоже ликвидировали, на радость своим ворами и агрессивному Западу (что бы ни рассказывали наши и зарубежные «демократы-либералы»).

Сложнее ситуация у руководителя в исследовательском подразделении. Особенно, когда руководитель настроен на творческий производительный труд. Приходится быть руководителем, учителем, воспитателем и даже иногда помогать улаживать семейные проблемы или бытовые (особенно у ребят, живших в общежитии). Все эти вопросы встали передо мной, когда меня назначили **начальником КИБа в 1981 году**. Объём работ по измерениям резко увеличился, и было принято решение о создании отдела Специзмерений, начальником которого стал Л. М. Аникин. А он хорошо понимал, что, предложив поставить меня на эту должность, голова у него об этом КИБе «болеть» не будет. Рабочее место Аникина переместилось в Сдаточный корпус, где располагались КИБ измерений по автомобилю, КБ приборов и участок изготовления приборов. Так я на шесть лет стал руководителем достаточно большого коллектива. Аникин практически не вникал в мою (нашу) деятельность.

«Правительство страны утвердило генеральную схему управления автомобильной промышленностью. Согласно этой схеме «КамАЗ» получил статус производственного объединения и стал подчиняться непосредственно Минавтопрому СССР, минуя все главки. 29 декабря 1976 года – Государственная комиссия во главе с Министром автомобильной промышленности СССР В.Н. Поляковым подписала акт о вводе в эксплуатацию первой очереди Камского комплекса заводов по производству большегрузов.

Уже ко времени сдачи в эксплуатацию первой очереди «КамАЗ» обладал огромными производственными фондами. Они были в два раза выше, чем на ВАЗе и в три раза превосходили общепромышленный показатель по Минавтопрому.

Июнь 1979 года – с главного конвейера сошёл грузовик за номером 100000.

Темпы роста производства на «КамАЗе» были рекордными не только для нашей страны.

Апрель 1980 года – выпущен 150-тысячный большегруз. Февраль 1981 года – сданы в эксплуатацию мощности второй очереди КамАЗа».

Как мы работали? Анализируя свой период учёбы в институте, который готовил специалистов, прежде всего, для производства, я сделал вывод, что нас не только не учили, как нужно учиться, но даже не учили основам будущих начинающих руководителей. Не слышал я никогда, чтобы такое обучение практиковалось на производстве. Часто отправляли в командировки инженеров для обучения работе на новом оборудовании, но не обучению руководить. Вот партийных работников учили, врачей и учителей периодически собирали для повышения квалификации и обмена опытом. Так что оставался метод проб и ошибок, да ещё можно было что-то перенимать у вышестоящих руководителей.

Для меня главным в моём руководстве было качественное выполнение порученного нам дела и, по возможности, творческого выполнения. Много удалось сделать в этом направлении. Большинство наших заказчиков уважительно к нам относились и даже на каком-то этапе уверовали, что наш КИБ сможет решить почти любую их задумку. Обучались мы сами, решая иногда замысловатые задания заказчиков, выезжая в командировки (в них нас почти не ограничивали) и, работая с аппаратурой, закупленной у стран, продвинутых в техническом отношении. В разговоре с работниками казанского института – разработчиками авиационных измерительных устройств я посетовал, что мы «варимся в собственном соку». Собеседник улыбнулся и отметил, что мы на КамАЗе как раз «варимся в иностранном соку».

Итак, по поступившим заявкам составлялся план работ на месяц. К нему добавлялись свои работы по освоению собственных задумок по отработке методов измерений, повышению производительности и техники безопасности нашего труда. С инженерами-ребятами я только согласовывал общие направления задания и подключался при необходимости. С инженерами-

девчатами опека требовалась на протяжении выполнения всей работы. Женщины, правда, тоже бывают разные.

В нашем КИБе работала молодая женщина Тоня на инженерной должности. Женщина интересной внешности и с амбициозным характером, но, к сожалению, со слабым техническим мышлением. И Володя Сушаков устроил к нам свою младшую сестру Надю – на рабочую должность. Она в своём посёлке чем-то заведовала в Доме Культуры. У нас так сложилось, что у нескольких слесарей КИП рабочие места были рядом с инженерами. Вот Тоня и Надя вместе занимались тензометрией. Тоня требовала от Нади беспрекословного повиновения, а Надя, быстро поняв основную суть данного вида измерений (сказывались гены семьи Сушаковых), отказывалась выполнять неправильные распоряжения. В арбитры почему-то она часто привлекала меня, а не Аникина. Аникину пришлось в работе дам развести. А внимание ко мне оказалось влюблённостью Нади, которую я не заметил. Как-то Володя со мной завёл на эту тему разговор и попросил, чтобы мы не наделали глупостей. Через некоторое время в жизни Нади появился молодой военный, с которым она создала хорошую семью. Они совсем уехали из Н-Челнов.

Термометрия находилась полностью под моим началом. К работе по подготовке деталей и монтажу измерительных схем была подключена половина работников в инженерном и рабочем помещениях. Измерительная система английской фирмы «SOLATRON», которую мы с большим трудом освоили, позволяла регистрировать данные от двухсот термопар и распечатывать их на принтер. Хорошая система (это она во время пожара чуть не изуродовала мою руку), но требующая хорошего понимания внутренних взаимосвязей. Поэтому даже при полностью отлаженной схеме измерений она могла поставить наших исполнителей в тупик. Из инженеров термометрией занимались Таня Ларичкина и Наташа Константинова. Из рабочих во время измерений им помогала Света Новикова.

Освоение этой измерительной системы заставило меня заняться разработкой компенсатора тэдс на свободных концах термопар при изменении их температуры. Суть такая. Свободные концы всех термопар выводятся на общую плату, которая располагается в маленьком боксе, сделанном как пассивный термостат. В нём находится ещё и компенсатор – маленькая электронная схема, запитанная от стабильной по напряжению батарейки. На выходе схемы выдаётся напряжение, соответствующее тэдс термопары, которую она выдавала бы при температуре внутри термостата, и при этом её измерительные (свободные) концы находились бы при нуле градусов. Проблема ещё в том, что характеристика термопары нелинейно зависит от температуры. Очень горжусь своей первой удачной разработкой, выполненной не совсем в моей области. Отличие от табличных данных термопары составляло не более 0,03 градуса. Мы потом часто применяли этот компенсатор при новых разработках измерительных устройств и при нестандартных измерениях.

У нас в отделе работало КБ приборов, которое по нашим заявкам разрабатывало новые приборы и электронные устройства. Я уже упоминал о преобразователях напряжения. Наиболее серьёзной разработкой была система

для температурных измерений в дорожных условиях. К концу моей работы в КБ начали осваивать системы с процессорами и маленькими дисплеями. И даже начали что-то делать для автомобильной электроники, которая должна была устанавливаться на серийные автомобили. Работы у КБ было много, квалификация и производительность оставляли желать лучшего. Вот иногда ребята, что-то понимающие в электронике, пробовали кое-что делать сами.

В конце 70-х годов у нас появился молодой специалист, закончивший Донецкий политехнический институт. Практически мой земляк. Аникин подключил его к маленькой группе, которая должна была измерять крутильные колебания на двигателе. Стояла такая проблема перед двигателями. Я немного забыл суть проблемы. И я вспомнил о Саше Овсиенко в плане тех проблем, с которыми иногда приходилось сталкиваться руководителям в советское время. Саше, совсем молодому парню, понравилась Тоня, и ей вначале такое внимание нравилось. Я и Вита ездили на завод на мотоцикле и почти каждый день на территории наблюдали интересную картину при виде Саши и Тони. Высокий Саша, склонив свою голову в сторону Тони, что-то увлечённо ей рассказывал. Через несколько месяцев эта ситуация как-то утряслась.

Саша и дальше с маленькой группой продолжал заниматься электронными разработками и создал семью. Я с ним был в хороших отношениях, но не более того. Однажды я побывал в доме его родителей в Донецке. Совпали наши отпуска. Шахтёрский район города. Отец Саши работает в автотранспортном предприятии и к приезду дорогого сына запасся ящиком водки с названием «Посольская». А Саша к выпивке относился спокойно. Из Донецка в Казань я с ним случайно летел на одном самолёте, и мы хорошо пообщались.

В разгар перестройки, когда начали создаваться кооперативы, частные и малые предприятия, он ушёл в одно из таких предприятий. Иду я пешком в Инженерный центр, и возле меня останавливаются «Жигули». Саша предлагает меня подвезти. Короткий разговор. Обменялись мнениями о жизни. Мы в это время тоже начали подрабатывать на ремонте датчиков для нужд завода. Сашин совет мне: «Не дёргайтесь, Геннадий Константинович, если для этого нет очень веских причин. Ничего хорошего в этих частных предприятиях нет».

Дважды я встречался с ним в Органном зале. Он был там с женой, помогая ей передвигаться. У неё были серьёзные проблемы со здоровьем.

А вот в случае с Юлаем Рахмангуловым и Мариной Найдёновой ситуация была серьёзней. Марина – дочь начальника КБ приборов. К сожалению, вот на таких принципах частично комплектовался наш КИБ. Какие там конкурсы или другой вид особого подбора работников для УГК – НТЦ! Оба – семейные люди с детьми и вот тоже любовное влечение. Причём, развивались события на глазах у всех. Земфира в этот период, похоже, не работала. Два работника на какой-то период практически выпали из работы.

Витина лаборатория, в которой работали женщины и поэтому любовные истории, подобные нашим, исключались (Облащиков и Гатиятуллин в плане любовных дел не рассматривались), дали определение нашему бюро – «лямурное».

Пришлось мне прийти домой к Рахмангулловым и поговорить с ними. Трудно сказать, как моя беседа повлияла на дальнейшие события. Больше сработало время. Земфира забеременела вторым ребёнком. А у Юлая демонстрация влюблённости прекратилась. Дальше события развивались как в кино. Марина сидит в комнате, не притрагиваясь к работе, не реагируя на мои слова. Её поведение сказывается и на рабочем настроении других. Дурацкая ситуация, но что-то нужно делать, и я предлагаю ей погулять вне рабочего помещения. Марина отказывается, и я выношу её из комнаты на руках. Вечером в нашу квартиру звонят. Сцена вторая. В дверях стоит Марина и заявляет, что она пришла к нам жить: «Вы поломали мне жизнь. Домой я идти не могу». Пригласил её на диван и позвонил Володе – её отцу. Вот такие бывали проблемы у советских руководителей. Как сложилась жизнь у Марины, не знаю. А Земфира на двух детях не остановилась и родила третьего ребёнка. К сожалению, теперь всё семейство Рахмангуловых – граждане Канады. Юлай как-то приезжал в Н-Челны. С ним виделся Коля Талапин, который мне рассказал, что Юлай тоже считает меня своим учителем. Тоже – это в том плане, что Коля в конце моей работы очень часто публично называл меня своим учителем. Для двух этих ребят в той части области измерений, которой занимались они, учителем я был только в общем плане постановки задач. Сам Коля, придя к нам в 1985 году после Елабужского Пединститута со специальностью учителя физики, вначале старался поменьше показываться мне на глаза, больше проводя время на станции испытаний двигателей. По индицированию у него учителем был Юлай. А вот в отношении к порученному делу, общим жизненным установкам, возможно, я и был для ребят учителем.

Коля был симпатичным парнем, создал семью, в которой родились двое сыновей. Потихоньку семья дала трещину из-за Колиной слабости по части женщин и водки. На несколько лет раньше Коля к нам устроилась на работу очень интересная девушка – Лера Валеева, ещё учившаяся в КамПИ на вечернем отделении – положительная во всех отношениях. Вот для неё я, наверное, был учителем в области измерений. Много ребят пробовали познакомиться с ней поближе. А вот ей на каком-то этапе стал небезразличен Коля. Через некоторое время у Леры хватило здравого смысла, чтобы понять, что с Колей у неё не просматривается хорошего будущего. Уже после моего ухода с руководящих должностей она вышла замуж, родила двух сыновей и перешла работать в службу Главного технолога. А Коля немного попереживал. С женой у него совсем разладились отношения. Очень любит уже взрослых детей. И, к большому сожалению, у него сейчас очень плохое здоровье.

Это все случаи, которые происходили с людьми, работавшими вместе со мной. Ещё два случая – один хороший, второй трагический. Работала у нас слесарем КИП Таня. Отношения в её семье были натянутые. На определённом этапе приглянулась Таня Мише Калугину, студенту, работавшему у нас тоже слесарем. Несмотря на существенную разницу в возрасте, Таня рискнула выйти замуж. Думаю, что у них получился хороший союз – очень обстоятельным парнем был Миша.

После 1986 года к нам пришла работать окончившая техническое училище Тамара Фролова. Она у нас ещё проходила практику, и я даже писал ей производственную характеристику. Основной её работой была наклейка тензорезисторов. Вышла замуж, появился ребёнок. Молодая, приятная, улыбочивая, вдруг оказалась роковой женщиной. В одном помещении с ней работал Саша Утяганов, существенно старше Тамары. В НТЦ работала и жена Саши – очень симпатичная женщина. Вот Саша воспылал любовью к Тамаре, которая, похоже, на эту любовь откликнулась. Саша даже стал бывать дома у Тамары и выяснять отношения с её мужем. Кончилась вся эта любовь тем, что муж Тамары зарубил Сашу топором. Муж Тамары сидит в тюрьме, а через некоторое время в неё влюбляется молодой коллега по работе и образовывается новый союз. Очень хороший парень и так страшно за их судьбу. Я иногда встречаюсь со своими товарищами по работе и не спрашиваю об этой паре. На вдову Саши, когда мы изредка пересекались, тоже без боли нельзя было смотреть.

Как-то к нам пришло письмо из рабочего общежития с просьбой повлиять на нашего слесаря В. Занина – одинокого мужчину. Забыл уже суть жалобы. Пришлось мне сходить в общежитие. Как ни странно, но общение с комендантом общежития и с Виталием помогло снять часть непонимания между ними.

И совсем не педагогическое воспитание пришлось провести с молодым парнем – новым рабочим в КИБе. Он по непонятным причинам почти полностью игнорировал выполнение порученной ему работы. Несколько бесед с ним ситуацию не изменили. И когда он при очередной беседе мне нахамил, что-то в моём сознании сработало. Мне показалось, что это говорит мой сын (в отношениях с моим сыном у меня никогда ничего похожего не было). Я схватил его за ухо и молча начал его трепать. Парень от неожиданности даже не стал сопротивляться. Мы были в слесарке одни, и этот случай не стал известен никому. Он после этой трёпки не стал идеальным, но существенно изменился. Работал он с нами недолго.

1978 – 1990 годы. Наша семейная жизнь.

1978 год. Мы четыре года живём в своей квартире, которую я своими руками благоустроиваю. За материалами далеко ходить не нужно. Город активно строится, и материалы можно найти в соседних микрорайонах. Детская комната потихоньку превращается в спальное место сына, мою мастерскую, фотокомнату и спортзал. Для подросшей Светланки, которая уже год ходит в детсад, купили кресло-кровать. Славка спит в «Крошке» – сделанной мною кровати – шкафе. Это красивое сооружение от пола до потолка шириной сорок сантиметров. Откидывающаяся полка кровати поднимается на ночь и не мешает сыну днём висеть на прикрепленной к потолку трапеции. Для маленькой Светы (и не только) на трапецию подвешиваются качели. Я на них тоже качался, вместе с дочкой укачивая её перед сном. У стены напротив «Крошки» стояла

настоящая «Шведская стенка», по которой лазила Света и приходившие к ней друзья. Много ещё было сделано мелочей для удобства жизни в квартире и делается по сегодняшний день, но сейчас только остро необходимое.

Сделанные вещи своими руками намного сильнее греют душу, чем купленные. Но даже в этом нужна разумная достаточность. Впереди была покупка тяжёлого мотоцикла «Днепр», строительство временного металлического гаража, потом капитального и всё это тоже своими руками.

Десятое апреля 1978 года. Серебряная свадьба у моих сестёр. Я и Вита летим в Донецк на такой

замечательный юбилей. Аза, Лёня и мама приезжают в Донецк из Жданова.

Торжество проходит на скромной государственной даче в тёплом кругу близких родственников. И никакого

обслуживающего персонала. Думаю, что на время нашей поездки к нам

приехала Витина мама, а потом на лето увезла Свету в Харьков. По непонятным причинам нет у нас писем этих лет. Но наши дети и мы практически каждый год бывали в Харькове и на Азовском море. Вот и в этом году Славик провёл смену в пионерском лагере в Жданове. Колпенские купили для него путёвку. А пионервожатой в этом лагере работала его двоюродная сестра Люда Колпенская.

Нашему союзу пока четырнадцать лет.

Со следующего года у Славика началась более напряжённая жизнь. Всевозможные олимпиады и

даже участие в шахматных соревнованиях. Вначале Славку привлёк к шахматам дедушка Виктор. Я только научил его правилам, а позже в Н-Челнах построили красивое здание шахматного клуба, в котором Славик стал активно заниматься. Бессменным руководителем клуба и по сегодняшний день остаётся Виктор Иванович Гончаров.

Славик в пионерском лагере.

Октябрь 1978 года. Володя Сударев приносит нам два пропуска на знаменательное для города событие – затопление котлована и перекрытие вспомогательного русла строящейся Нижнекамской ГЭС. 25 октября я и Славка поехали на мотоцикле посмотреть историческое событие.

«Всю ночь с 24 на 25 октября 1978 года в котловане работали погрузчики, автокраны, экскаваторы, самосвалы, вывозившие механизмы, остатки строительных материалов. В свете прожекторов и автомобильных фар всю ночь утюжили рисберму широкозахватные бульдозеры, сгребая остатки мусора на вывоз. «Камгэсэнергострой» демонстрировал свою мощь.»

Утром 25 октября на смотровую площадку левобережного сопряжения здания ГЭС потянулся из города людской поток.

Позади широкой импровизированной трибуны на левобережном сопряжении зиял 45-метровой глубины пустынный котлован. Бетонная громада здания гидростанции с примыкающей секцией водосливной плотины протянулась во всю его длину. Строители в первый и последний раз рассматривали сверху всю целостную панораму своего творения, которому они посвятили многие годы трудовой жизни, и которому теперь предстояло навсегда уйти под воду. Почти бескрайней площадью смотрелась гладь бетонной рисбермы, освобожденная от временных строений, вагончиков, механизмов, строительных материалов.

С прибытием руководителей республики и города начался митинг, посвященный важнейшему событию в строительстве Нижнекамской ГЭС.

Руководил затоплением котлована главный инженер «Камгэсэнергостроя» В. А. Альфиш.

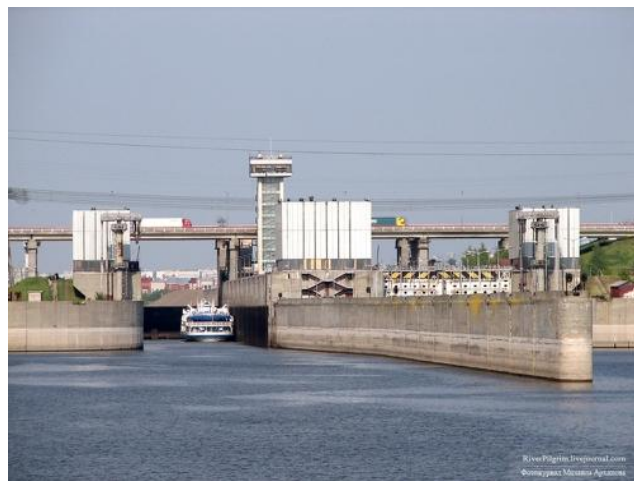
В 10 часов 20 минут в середине низовой перемычки раздался мощный взрыв. В небо взметнулся столб грунта. Сначала слабым ручьем, а затем мощным потоком, с каждой минутой расширяя проран, река ринулась в котлован. Мутные потоки Камской воды, сшибаясь и пенясь, ворвались в отсасывающие трубы будущих агрегатов. В 12 часов 30 минут котлован был полностью затоплен, навсегда скрыв от людей подводную часть здания ГЭС. Сразу после затопления началась интенсивная разборка перемычек земснарядами. Новый путь реке через проточный тракт здания гидростанции был открыт, и теперь предстояло преградить путь, по которому Кама текла веками. Ширина русла реки в сжатом перемычкой створе составляла 500 метров, глубина в месте перекрытия – 7-11 метров.

Перекрытие русла шло пионерным способом с обоих берегов и продолжалось 54 часа. За это время в проран было отсыпано 50 тыс. кубических метров горной массы и 4000 кубических метров бетонных 25-тонных массивов и железобетонного брака. Перекрытие русла Камы было закончено 2 ноября».

За все эти годы нас почти никто не навещил, кроме двух бабушек. 31 декабря 1974 года к нам из Львова приехала подруга Виты – Женя. Это год рождения Светланки. Это был самый большой подарок к Новому Году.

В начале осени 1976 года к нам в командировку заглянул Лёня (муж моей сестры Азы). Он из-за вредных условий труда вышел в 50 лет на пенсию, но ещё долго работал. А тут понадобилось проконтролировать заказ их предприятия, размещённый на КАМАЗе. Конечно, такие приезды близких людей для нас всегда были праздником. Зная его пристрастие к рыбной ловле, я повёз его на двухколёсном мотоцикле в район наших озёр через красивый старый лес. Ни раков, ни рыбы мы не ловили. Полюбовались на природу и приехали домой. Позже я узнал, что для его состояния здоровья такая поездка на мотоцикле была не совсем полезной.

А в ноябре 1977 года к нам заехала Лена Колпенская (дочь Лёни и Азы).

Они со своей подругой Таней решили навестить третью подругу, жившую в городе Воткинске, а это совсем близко от нас. Это было сразу после окончания ими института в Ленинграде.

Лена, Таня и Света.

1979 год. Жизнь у нас стабилизировалась. С Аникиным по основным вопросам взаимопонимание было хорошее. Заглянувший случайно к Аникину А. А. Шестаков спросил у меня: «Теперь-то начальник у тебя, такой как надо?» Мы на достаточно

хорошем уровне закрывали выдаваемые нам задания. У Виты общая обстановка в лаборатории тоже была хорошей. Дети росли и радовали нас уже одним тем, что они у нас есть. Всё самое необходимое для жизни у нас было. Даже болели дети умеренно, и всегда при этом было квалифицированное медицинское обслуживание, не требующее от нас особых денежных сбережений. Мысли о том, чтобы переехать поближе к родственникам возникали всё реже.

«Москва слезам не верит» — советский художественный фильм. В 1980 году фильм удостоен кинопремии «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке. Лидер проката 1980 года в СССР (около 90 млн зрителей). Премьера фильма состоялась 11 февраля 1980 года».

33 года прошло со времени премьеры фильма, очень хорошо воспринятого в ещё советской стране. По тёплому восприятию этого фильма можно судить об умонастроениях большинства граждан страны, которые хотели определённых перемен в жизни страны, но, конечно, не смены общественного строя, начатого через семь лет Горбачёвым под усыпляющим людей курсом реформ, названным «Перестройка».

«Перестройка — общее название реформ и новой идеологии советского партийного руководства, используемое для обозначения больших и неоднозначных перемен в экономической и политической структуре СССР, инициированных генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в 1987—1991 годах. Началом перестройки считают 1987 год, когда на январском пленуме ЦК КПСС перестройка была объявлена направлением развития государства».

О фильме я вспомнил как о реперной точке для хронологии событий в моей жизни. Юра Поляков в своей научной и практической работе стремился завязывать большое количество контактов. Мы летим в городок Усть-Нера в Якутии. По дороге задерживаемся на два дня в Якутске. У Юры свои дела в Академии Наук Якутии и в транспортном предприятии на окраине города. Я иду с ним больше как турист. Вечером мы заночевали в придорожной гостинице для водителей, перевозящих грузы по Якутско-Колымской трассе.

«Федеральная автомобильная дорога Р-504 (до 2017 года так же применяется устаревшая нумерация М56) «Колыма» (Колымский тракт или Колымская трасса) — действующая автодорога федерального значения между Якутском и Магаданом протяжённостью 2032 км, из которых 1197 км проложено по территории Республики Саха (Якутия), 835 — по Магаданской области. Дорога частично имеет асфальтное покрытие».

На этой трассе организован контроль над режимом перевозок в плане обязательного отдыха водителей. Автомобиль оставляют на стоянке под присмотр дежурного (обычно это водитель с большим стажем), который в зимнее время периодически прогревает двигатель. Позавтракали мы утром в маленькой столовой и, не ожидая попутного транспорта, пошли пешком в город. Путь всего несколько км. Тихо, яркое солнце и мороз 35 градусов – то, что

нужно для прогулки. Равнинная местность. В отдалении пасутся на свободе специально выращенные для этих мест лошади.

«Якутская лошадь (по-якутски «сылгы» или «саха ата») — аборигенная порода лошади, распространённая в Якутии. Порода выведена народной селекцией под сильным влиянием естественного отбора.

Якутская порода лошадей, наиболее морозостойкая, имеющая подшёрсток и шерсть длиной 8-15 см. Даже зимой она может кормиться травой из-под снега, разгребая его копытами, — тебеневадь. В Якутии лошади живут на открытом воздухе круглый год (при температурах летом до +30°C и в зимнее время до -50°C) и пищу ищут самостоятельно. Каждый вожак держит свой косяк: от 18 до 24 кобыл и жеребят, такой семьей животные и пасутся».

При входе в город неожиданно увидели современный кинотеатр. Предлагают посмотреть фильм «Москва слезам не верит», и сеанс только начинается. Так мы посмотрели этот фильм в числе первых зрителей вместе со всей страной.

А первая моя командировка в Усть-Неру была в 1979 году. Славка в восьмом классе в дополнение к олимпиадам по физике, математике и химии увлёкся ещё немного и астрономией. Он принёс домой из школы телескоп, и мы тоже немного посмотрели более детально на луну и звёздное небо. Ночью особенно красиво светила над горизонтом зелёным светом очень крупная звезда, оказавшаяся планетой Венерой. Теперь, когда я вижу в ночном небе Венеру, мысли сразу возвращаются к сыну. В нынешней жизни ему не до звёзд. В Якутии Венера светила в том же месте небосклона, что и в Н-Челнах, напоминая мне о сыне.

Чем отличается автомобиль, сконструированный для работы на севере от привычных для нас машин? Северные особенности таких машин связаны, прежде всего, с двигателем и топливом, в частности с пуском двигателя. Машины оснащаются предпусковыми подогревателями двигателя и автономным топливным баком (система «Термостарт»), аккумуляторными батареями со встроенными нагревательными устройствами, подогревателями топлива (кстати, бак топлива на северных модификациях более емкий, чем на стандартных машинах) – весь этот комплекс обеспечивает надёжную работу двигателя, и его пуск в течение 30 – 40 минут после холодной ночной стоянки при морозе до 60 градусов.

Вторая группа особенностей касается утепления рабочего места водителей. Предусмотрены более эффективные, чем на обычных машинах, отопители, двойное остекление и стёкла с электрообогревом, усиленная теплоизоляция кабины.

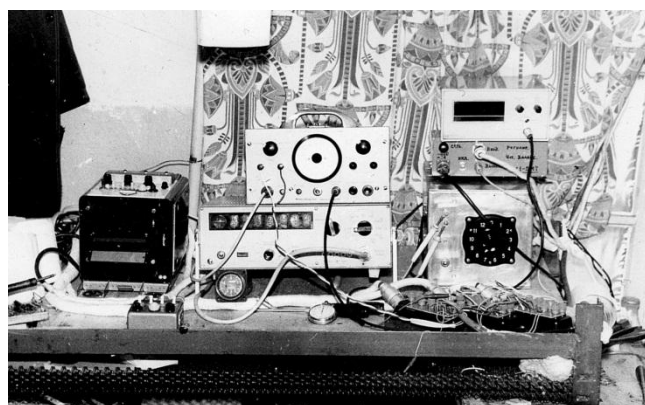
Третья группа особенностей – широкое использование морозостойких материалов, заправочных масел и жидкостей.

Наш АН-24 прилетел в аэропорт Усть-Неры 8-го марта в середине дня. Солнечный день, мороз за 30 градусов и нас никто не встречает. Расстояние от аэропорта до города восемь км, но нашего автомобиля мы так и не дождались.

Через три часа подошёл автобус, на котором мы приехали в Усть-Неру. Наши водители дружно отмечали международный женский день 8 Марта. Все уже навеселе. Налили по стаканчику и нам, предложив закусить строганиной. Они успели до нашего приезда завести хорошие контакты с местными руководителями среднего звена и даже съездили на

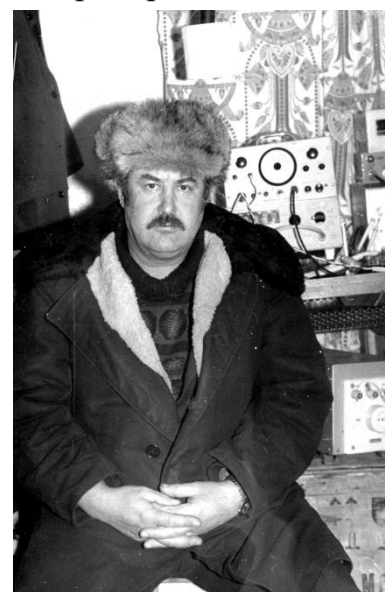
полноприводном КАМАЗе к отдалённому озеру на подлёдный лов. В кунге автомобиля лежало два десятка огромных замороженных окуней. Вот их мясо, не размораживая, они и резали тонкими ломтиками, слегка посыпали солью и ели. Но не все. От водки я не смог отказаться, а вот сырую рыбу нужно было глотать не разжёвывая. Это было противоестественно. И как только я почувствовал во рту вкус сырой рыбы, заставить себя проглотить её уже не мог.

Теперь у нас «суши-баров» развелось больше, чем в самой Японии. Одного зажаренного окуня вполне хватало, чтобы наесться с

учётом ещё молодого организма и холодного климата.

Закончился женский день в городском кафе, в которое звали и меня, но мне такое мероприятие было малоинтересно. Жили мы в пристройке какого-то здания, в большой комнате. В ней на пустой кровати я разместил на следующий день измерительную аппаратуру. А в этот день мне пришлось несколько раз просыпаться. Это по очереди возвращались любители женского праздника. Никому из них не удалось остаться с какой-нибудь женщиной. Последнего участника праздника, Георгия Казанцева (нашего кинооператора), буквально приволок А. Я. Идрисов и, не церемонясь, бросил на кровать. Идрисов, старше всех по возрасту, считался наиболее авторитетным водителем-испытателем. Он в то время мог прилично выпить, но при этом контролировал общую ситуацию. Утром проснувшийся Жора разминал ушибленные части тела и никакой обиды на

Асфанта Яруловича.

При отлаженной аппаратуре замеры не занимали у меня много времени. Проснувшись, я, не вылезая из кровати, ногой включал питание приборов, а потом морально готовил себя к подъёму. В комнате было достаточно прохладно, а в отдалённых от батарей отопления углах были большие наледи. Регистрировались на осциллограф напряжение аккумуляторных батарей, ток

стартера, обороты двигателя. На отдельный самописец печаталась температура в десятке точек двигателя, в аккумуляторах и в окружающем воздухе.

Свободного времени оставалось много. И когда Боря Дитковский – руководитель экспедиции (по общепризнанному мнению – «полярный волк»), организовал очередной выезд на рыбалку, я тоже

поехал, хотя к рыбной ловле относился спокойно. Дитковский, Тихонов, несколько водителей, трое местных руководителей, представитель от Грузии – разработчик масла для задних мостов и я двинулись в путь. Восемь км по дороге и ещё 13 км по руслу замёрзшей речки. Все 13 км мы проехали на первой повышенной скорости за шесть часов. Колёса КАМАЗА почти полностью были погружены в сыпучий снег. Сделали только одну остановку. На отдалении трёхсот метров передвигалась группа диких оленей. Вот местные ребята и открыли по ним из окон кунга стрельбу из нарезного оружия (естественно, нигде не зарегистрированного). К счастью в оленей они не попали, да не очень и надеялись. Но жизнь в таком городке не отличается разнообразием, особенно зимой, вот люди и развлекаются, как могут. Последнюю часть пути мы ехали при свете фар, которые выхватывали на короткое время отдельные картины окружающей природы, а в конце движения даже были неяркие сполохи северного сияния.

Ольчанский перевал – между р. Индигиркой и Ольчаном.

Остановились прямо на льду озера. Озеро образовано естественным завалом русла безымянной маленькой речки, текущей среди сопок. Размер озера 700X80 метров. Толщина льда 1,2 метра. Снег с поверхности озера выдувается и поэтому толщина его не более

40 сантиметров. Быстрое приготовление ужина. У водителей вместо костра используется паяльная лампа и тренога. В центре треноги приварена труба с коленом внизу. Пламя лампы через колено поворачивается на 90 градусов и вертикально подводится к кастрюле (как дома на газовой горелке). Утром все

рыбаки разбредаются по озеру. Буры у местных ребят хорошие. Лунка сверлится за 15 минут. Посмотрев на начало ловли, я добровольно начинаю готовить уху из окуней, которые ещё остались от предыдущей ловли.

Когда уха была почти готова, я накрыл её ватником и обошёл всех рыбаков. Больше всех наловил водитель, который к крючку привязывал цветную шерстяную нитку из собственного шарфа. Местные мужички недоумевали, исходя из своего опыта. Мне тоже захотелось попробовать. Ближайший ко мне рыбак сам просверлил мне лунку, не доверив новичку драгоценный инструмент. А потом стал показывать мне технику лова. И вдруг неожиданно вытащил окуня. Они все были как на подбор огромными, с трудом пролезая через лунку диаметром 120 мм, и через 15 секунд застывали на 35-градусном морозе. Меня сразу охватил азарт. Из моей лунки, просверленной в полуметре от переднего колеса автомобиля, так быстро вытащили огромного окуня. У меня была одна поклёвка, но, наверно, не хватило умения, чтобы вытащить рыбу.

Ловились одни окуни и все большие. Мои дилетантские размышления: рыбу в этом озере практически не ловят, и поэтому она имеет возможность вырасти до таких размеров. Под таким слоем льда кислорода в воде мало, и рыба находится в сонном состоянии. К пробуренным отверстиям подплывает подышать крупная хищная рыба, а остальная держится на отдалении и поэтому не попадает на крючок.

А дальше? В натопленном кунге рыбаков ожидала готовая уха и другие продукты, взятые с собой. Представитель солнечной, ещё нашей Грузии, достал бутылёк с чачей, а в дополнение к ней появилась и «Московская особая» водка. И жизнь хороша, и жить хорошо! Обратный путь пролегал по нашему следу, но занял по времени столько же, как и путь к озеру.

Баня для русского человека – первейшее дело даже в городе. А в условиях вроде наших – тем более. Кто-то предлагает сходить в баню, и большинство мужиков поддерживают предложение. Вот только, по мнению Сани Фирстова, лучше съездить в поселковую баню аэропорта. Погружаемся в автомобиль с кунгом и едем. Баня маленькая, и в ней уже парятся два мужичка почти пенсионного возраста. Наши ребята – ещё молодые, активные, сразу определяют, что нужно поддать пара. И не успели местные парильщики, что-нибудь сказать, а Саня уже выливает в дверку нагретого металлического куба полный ковш воды. Местные мужички только взвизгнули на высокой ноте, но не от крутого пара. Из отверстия куба пошёл угарный газ вместе с паром. Если бы местных мужичков было больше, нас бы точно поколотили. Металл куба в одном месте прогорел, и вода попала частично на горевшие дрова. Это тоже русская черта – использовать всё до последней возможности.

В Н-Челнах, два года спустя, зашёл я в магазин на улице Вахитова. На первом этаже запчасти, а на втором одежда и т. д. На второй этаж люди поднимаются и спускаются по длинной и широкой лестнице. Наблюдают интересную картину. По лестнице спиной вперёд спускается мужчина и что-то громко эмоционально говорит. Двумя шагами выше, молча, спускается крупных габаритов женщина, держа за руку девочку подростка. Слышу слова мужчины:

«Всё себе, всё себе – мне никогда». Женщина, не смущаясь, всё это спокойно слушает. В приблизившемся ко мне мужчине узнаю Саню Фирстова. Жалко мне его стало...

Дорога Усть-Нера – Сусуман.

Ребята должны были во время командировки наездить на зачётных автомобилях определённое количество километров. Естественно, что они старались совмещать необходимое с полезным для себя. В нашем конкретном случае они при мне сделали несколько рейсов, перевозя шлакоблоки из города Сусумана в посёлок Предпорожный, расположенный в 70 км от Усть-Неры

вниз по течению реки Индигирки. Там находился центр золотодобывающего прииска. Сусуман находился на Колымской трассе уже в Магаданской области, в 400 км от Усть-Неры. Я попросил, чтобы меня взяли в рейс до Сусумана. Водитель-испытатель Володя Бурыкин работал в этих местах ещё до КАМАЗа.

Второй пассажир – Володя Бабаев – инженер-испытатель и помощник Бориса Дитковского, поехал с нами утрясать возникшие коммерческие и другие вопросы. Нас Боря Дитковский до этого уже вывозил на Индигирку. Мы даже заглянули внутрь штольни, около 12-ти метров длиной. Мне приглянулся большой кусок породы, валявшийся на полу и весело сверкавший слюдяными вкраплениями. Кто-то из местных пошутил, что порода может быть радиоактивной. Я всерьёз эту реплику не воспринял, а в комнате ребята стали меня убеждать выбросить эту породу. Но она благополучно вместе с аппаратурой приехала в Н-Челны и долго украшала нашу комнату. Но главное, что Славка провёл несколько экспериментов, определяя её радиоактивность. И в конце заверил нас, что никакой радиоактивности нет.

Выехали мы в ночь. Трасса свободная и на участках, где нет встречных машин, Володя включает дополнительное освещение, и тогда дорога впереди видна, как днём. Скорость движения при этом у незагруженного автомобиля с полуприцепом возрастает до 100 км/час. Второй Володя для разнообразия иногда включает поисковую фару и тогда можно что-то увидеть по сторонам. Водитель наш, отдохнувший перед выездом, уверенно ведёт автомобиль, а пассажиры быстро начинают «клевать носом», постепенно проваливаясь в сон. Так мы и приехали в город Сусуман. Он существенно больше Усть-Неры, вытянулся неширокой полосой вдоль трассы, которая и сейчас на картах,

сфотографированных из космоса, называется «Колыма». Река протекает недалеко от города, приблизительно в 150 км от своего истока. В картах трудно разобраться, но на обратном пути, недалеко от города, меня и Бабаева сфотографировал Бурькин у дорожного знака – «Колымо-Индигорский перевал».

Предприятие, изготавливающее шлакоблоки режимного типа. На нём работали люди из лечебно-трудового профилактория (ЛТП). Сейчас такие учреждения закрыли (нарушение прав человека?), хотя, при всё более увеличивающемся пьянстве и наркомании, всё чаще раздаются призывы об их возрождении. Одними ЛТП эту проблему не решить, да и не собирается сегодняшнее государство эту проблему решать. А вот поговорить об этом можно.

Нам загрузили шлакоблоки, Бабаев решил свои вопросы, и мы возвращаемся в Усть-Неру. Название Усть-Нера потому, что расположена в месте впадения реки Неры в многоводную реку Индигирку. На уроках географии одно название «Индигирка» действовало на моё сознание магически. И вот теперь мне посчастливилось в реальности увидеть места, где протекают реки Индигирка и Колыма. Возвращаемся мы днём при солнечной погоде. Любопытно, но восторга нет. Невысокий северный лес и глубокий снег как-то приглаживают бегущую мимо местность. Да и трассу старались прокладывать по пологим участкам. Поэтому трасса часто петляет.

Зимник по льду реки Индигирки.

И совсем другая картина от зимника по льду реки Индигирки. Почти идеальная дорога в зимнее время. Река

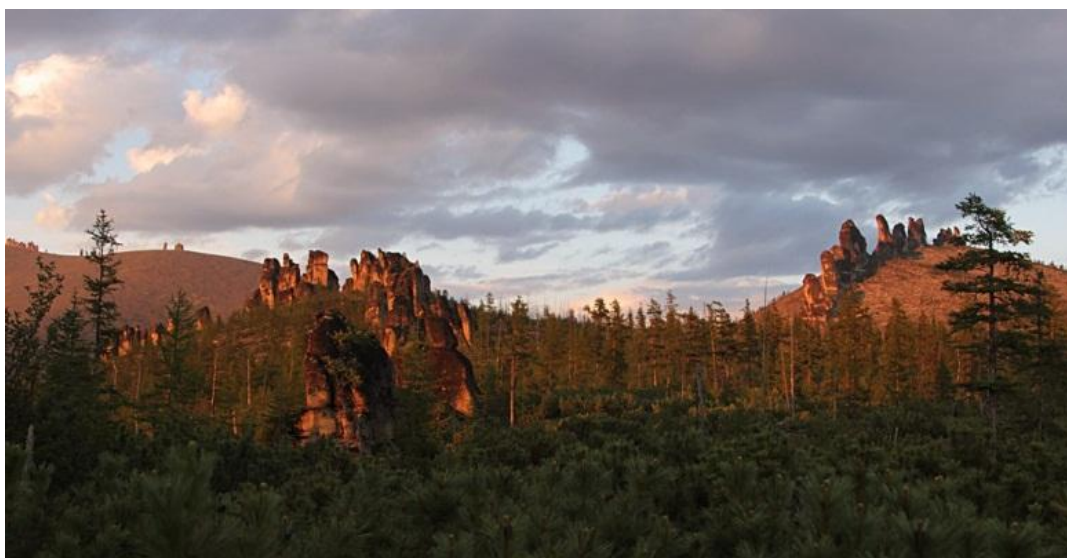

сама за тысячелетия проложила себе путь среди горных хребтов, вымывая мягкие и обходя твёрдые породы. На крутых поворотах реки скалы уходят вертикально вверх до 50-ти метров и более. Можно изучать пласты застывших пород, извергавшихся из земли в далёкие периоды формирования земной поверхности. На этот раз я ехал в кабине КАМАЗа, который вёл Идрисов. Я несколько раз просил его остановиться, чтобы сделать снимки будущих фотографий. На прямых участках реки она текла в длинном коридоре из высоких скал, окаймлённых сверху частоколом выходов твёрдых пород, называемых туристами «зубами дракона». Так поработали ветер и дождь. Можно только представить, как красива Индигирка летом. Устроить бы по ней туристический маршрут на теплоходе с радиальными маршрутами от Усть-Неры до Восточно-Сибирского моря! К сожалению, перед Россией сейчас стоят совершенно другие проблемы.

Но дорога по льду реки зимой не совсем безопасная. При больших морозах, создающих метровой толщины лёд, в нём часто появляются трещины, и тогда

вода реки в огромном количестве выходит на поверхность льда, куда в такой момент лучше не попадать. Дорожных знаков на реке нет, а вот определённая система наблюдения в то время была, и система предупреждения о возможных опасностях тоже.

Перед самым посёлком на льду реки мы увидели несколько миниатюрных деревянных коробок. Это, оказывается, местные рыбаки сделали для себя такие укрытия для подлёдного лова рыбы. Посёлок маленький, но живописный.

Мне
этих
поездок
оказалось
мало. Усть-
Нера
окружена
со всех
сторон
высокими
хребтами.
Их высота
от уровня
города, на

мой взгляд, не меньше трёхсот метров, и поэтому ветры, дующие наверху и создающие притягивающие взгляд «зубы дракона», вниз не опускаются. Иногда лёгкий ветерок подует вдоль реки. Поэтому сажа от котельной осаждается прямо в городе, что не украшает город. А меня всё притягивали к себе эти рядами торчащие скалы на гребнях сопков. Напарника мне, чтобы подняться к скалам, не нашлось, и я решил подняться один. Неожиданно у меня сильно расстроился желудок. Оленьё мясо и салат из морских моллюсков оказались не привычны для моего организма. Два дня ограничений в еде силы мне тоже не прибавили. И всё-таки я решил подняться к манившим меня скалам. Унты и меховая куртка хороши для работы и спокойной ходьбы, но не в горах, да ещё по рыхлому снегу.

Пройдя 500 м по тропинке, я уже вспотел. Зато снег на солнце искрился перевозданной чистотой. В городе снег был чёрного цвета. Возле тропинки лежала огромная каменная глыба, покрытая ровным слоем снега, на котором было крупно выведено «9 А 1 шк». Это школьники протоптали

тропинку, которая через сотню метров закончилась. Дальше крутизна подъёма стала нарастать, а тропинка кончилась. Ориентируясь по ритму сердца,

двигаюсь вперёд около часа. Прошёл около 2/3 пути. И тут начал требовать свой живот. Вся моя молодость прошла с удобствами во дворе. Но 35 градусов мороза, снег по колено, уклон с крупными камнями и урчащий живот – это совсем другое дело. Да ещё и туалетную бумагу я забыл взять с собой. Подробности опускаю.

Прохожу ещё один км и снова необходимо присесть. А тут ещё под меховой курткой болтается фотоаппарат (это чтобы механизм не замёрз). Понимаю, что до скал мне не дойти и лезу на боковой склон с крутизной 45 градусов по принципу: «Два шага вперёд и один назад». Пока вокруг полная тишина. И только за 50 метров до кромки хребта начинаю ощущать движение воздуха. На самом гребне ветер такой силы, что я с трудом держусь на ногах. Открылась красивая панорама Усть-Неры и ущелья, куда уходит Индигирка. Ветер через все щели добирается до мокрого от пота тела. Достāju фотоаппарат, быстро делаю три кадра панорамы города. Дальше механизм отказывается работать. Быстро любуюсь панорамой без фотоаппарата. Впечатление, что смотрю на город из самолёта АН-2. Дальше прыжками, группируясь и пружиня при приземлении (опасный способ), спускаюсь вниз к собственной тропе и ещё некоторое время семенящим бегом двигаюсь вниз. К счастью, мне больше не пришлось присаживаться. Съев на ходу маленький бутерброд, уже спокойно возвращаюсь в посёлок. Я наглядно понял что такое «полюс холода». Это когда новые порции более холодного воздуха опускаются вниз, а более тёплый воздух проходит мимо. Жители Усть-Неры считают, что у них бывали и более низкие температуры, чем в Оймяконе, но не было официальных метеонаблюдений.

«Основными причинами формирования наиболее низких температур в районе Оймякона ученые считают рельеф (замкнутые долины, котловины, удаленность от океана) и циркуляционные процессы, которые оказывают воздействие на климат».

На следующий день меня и Бабаева отвезли в аэропорт. По дороге ещё была посадка в Хатанге, где я, наконец, насытился вкуснейшей рыбой горячего копчения. Володя летел в Н-Челны, а я на два дня остановился в Красноярске. Грех было не воспользоваться такой возможностью, чтобы увидеть своего друга Толю Семенцова. Я тогда впервые увидел детей Толи и Марины. Виктору на тот момент было 12 лет, а Наташе – 9 лет. Витя более серьёзный и на правах старшего брата часто делал

замечания сестре. Семенцовы подарили пятилетней Светлане красивую куклу, и поскольку я прилетел из Якутии, то кукла у нас считалась якуточкой. А в ней ничего якутского не было.

Толя на своей машине устроил мне маленькую экскурсию по Красноярску, Дивногорску и окрестностям. Я был основательно осунувшимся после моего вынужденного голодания да ещё в потрёпанной меховой куртке. Её действительно надевали до меня на испытания

участка возле их города.

В этой поездке измерениями на автомобильных узлах занимался мой коллега Олег Сорокин. Детали его работы стёрлись в памяти, и даже, возможно, он был вместе со мной в Якутии в 1982 году.

1979 год запомнился вторым посещением нами пансионата «Донецкуголь». Судя по фото, мы отдыхали только со Светланой. Ей исполнилось уже пять лет. И пребывание в пансионате было посвящено её оздоровлению. В выходные заглядывали к нам Качуры. Два раза приезжали Колпенские, захватив с собой маму. Прекрасный отдых, особенно для детей. Взрослым, типа меня, немного скучно. Но укрепление здоровья ребёнка – главная задача.

Что делал сын после седьмого класса? По моему, в это лето он был в летнем лагере для победителей олимпиад, в районе города Зеленодольска. Практически каждое лето наши дети и мы ездили, а чаще летали, на Украину. Побывал Славик и в пионерском лагере города Жданова, где пионервожатой трудилась Люда Колпенская. Бабушка Шура без нас отправила внука в лагерь и очень старалась, чтобы он выглядел прилично.

Однажды бабушка Шура, Славик и я отдыхали в деревянном домике базы отдыха завода, где работал Лёня Колпенский. Почти каждое утро я и Славка уплывали в море на водном

другие люди. Но я на это совсем не обращал внимания. А Толя, взяв двумя пальцами рукав куртки, сказал: «И это вам выдаёт государство»? В интонации был явный упрёк к такому государству. Я вообще на тот момент о политике и о государстве не думал. Слишком спокойно и уверенно большинству из нас жилось. А ведь зря мы не думали...

Освоение Семенцовыми дачного

велосипеде и ловили с комфортом рыбу. Много бычков поймать нам не удавалось, но на завтрак иногда хватало. И это не считая летних лагерей в

Набережных Челнах. Много времени летом дети проводили в Харькове у бабушки Муси и дедушки Виктора, которые всегда были рады внукам. И вот после окончания седьмого класса нашему сыну предлагают без наших

усилий провести часть лета, совмещая отдых с развитием творческого потенциала. И такая жизнь не требовала от нас особых напряжений в финансовом плане.

Мы практически не занимали деньги, не покупали ничего в кредит (при символических процентах за кредит), но и с откладыванием денег для более дорогих покупок у нас тоже плохо получалось. В какой-то момент я написал заявление в бухгалтерию УГК на перечисление своей зарплаты на вклад в сберегательную кассу и перевод денег за квартиру на счёт ЖЭКа (тоже символическую). Я совсем забыл о своей зарплате. Всё моё рабочее время (и не только рабочее) стало тратиться на организацию работ и творческие задумки. Рассказы о непрерывных стояниях в очередях в советское время большое преувеличение.

Вита меня изредка просила снять определённую сумму денег. И произошло маленькое чудо. Наш вклад стал потихоньку расти. И мы решили купить себе тяжёлый мотоцикл. Но, к сожалению, свободно купить мотоцикл в нашем городе тогда было трудно. Поехал я за мотоциклом к Боре в город Донецк. Огромная площадка торговой базы заставлена мотоциклами. Декабрь месяц, лёгкий мороз после распутицы. Площадка и мотоциклы припорошены тонким белым слоем снега. Тыкаю пальцем в ближайший чёрный мотоцикл. Какой уж тут выбор. Водитель автомобиля «Нива», которого Боря попросил помочь мне при покупке мотоцикла, прихватил с собой трос и аккумулятор.

«Днепр — тяжёлый дорожный мотоцикл с боковой коляской, выпускающийся Киевским мотоциклетным заводом (КМЗ). Модель МТ-10 (1974) стала первым «Днепром» с 12-вольтовой схемой электрооборудования и с двухискровой катушкой зажигания (одна катушка на две свечи). Также была увеличена емкость бензобака.

Модель МТ-10-36 (1976) за счет увеличения степени сжатия и новых карбюраторов обладала мощностью 36 л.с.»

Работники базы очень удивились, узнав, что мы собираемся заводить мотоцикл. Они сказали, что обычно покупатели приезжают с грузовиком и увозят мотоцикл на нём домой и там уже всё проверяют и заводят двигатель мотоцикла. И вот уже почти все работники базы помогают нам завести двигатель. В конечном итоге, прокалив свечи и опробовав все рекомендации

присутствующих, пробуем завести двигатель на буксире за автомобилем «Нива». На первом круге начал работать один цилиндр и стала синей хромированная выхлопная труба. На третьем круге заработали оба цилиндра. Я, ещё не сев за руль мотоцикла, уже стал жалеть его, как живое существо.

Вождение тяжёлого мотоцикла с коляской существенно отличается от вождения двухколёсного мотоцикла. Для уверенного вождения нужно время. А путь от торговой базы до гаража Толи Кардаша, совсем не длинный, показался мне вечностью. Обледенелая дорога с созданными машинами углублениями больше управляла моим мотоциклом, чем я сам. К тому же расстояние между колёсами по ширине у мотоцикла меньше, чем у автомобилей. И когда колесо коляски оказывалось на гребне колеи, а сам мотоцикл в колее, ощущение переворачивания было настолько сильным, что хотелось катить мотоцикл вручную. Спасала меня идущая впереди «Нива». Водитель, по моей просьбе, двигался впереди не более 40 км/час, и мне ни о чём не нужно было думать, как держаться за движущимся впереди автомобилем.

Толя Кардаш, начинающий нейрохирург с очень активной жизненной позицией, ещё не имел своего автомобиля, но уже имел гараж на территории областной клинической больницы имени Калинина. Там я отделил коляску от мотоцикла и оставил своё «сокровище» до мая следующего года. Перегонять мотоцикл зимой в Н-Челны было бы полным безумием.

1979 год стал определённой вехой и в жизни страны. В тот время, пока я занимался покупкой мотоцикла, **советские войска вошли в Афганистан**. И сегодня на разном уровне существуют полярные точки зрения об этом событии. В моём понимании **крупная сверхдержава, глубоко не занимающаяся геополитикой, быть такой не может по определению**. Сложнее понять – насколько хорошо была продумана осуществлённая операция? Судя по просмотренным мною материалам на эту тему (а их много), проработка такой серьёзной военной операции была слабой. Войска не учились проводить военные операции с партизанскими отрядами, да ещё в горах.

А вот что происходит, когда жизненно важные интересы страны заменяются манипуляцией сознанием, мы наблюдаем в течение последних тридцати лет. Только за год убыль населения страны (особенно русского) несоизмеримо больше, чем за десять лет афганской войны.

Гоков О.А. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 году // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 12. – С. 43–44.

«Цели войны, ее участники, длительность. Борьба велась за полный политический контроль над территорией Афганистана. «Ограниченный контингент» советских войск в Афганистане составлял 100 тыс. военнослужащих. Всего участие в боевых действиях приняли 546 255 советских солдат и офицеров. 71 воин стал Героем Советского Союза. В конфликте также принимали участие вооруженные силы правительства Демократической Республики Афганистан (ДРА) с одной стороны и вооруженная оппозиция (моджахеды или душманы) — с другой.

Моджахедам оказывали поддержку военные специалисты США, ряда европейских стран-членов НАТО, а также пакистанские спецслужбы. В течение 1980–1988 гг. помощь стран Запада моджахедам составила 8,5 млрд долларов, половину из которых предоставили США. Война продолжалась с 25 декабря 1979 г. до 15 февраля 1989 г. (2238 дней)».

«Афганская война 1979–1989 гг. до сих пор ставит массу вопросов и представляет собой тему для острых дискуссий, как в исторической науке, так и вне её. Наиболее дебатлируемыми являются вопросы о мотивах и причинах советского руководства начать войну. Можно согласиться с мнением В.И. Аблазова, что «обществу навязан стереотип – до ввода войск Афганистан жил спокойной безмятежной жизнью, а решение на ввод войск принималось скоропалительно, узким кругом недееспособных руководителей, которое было ошибочным, а война – бессмысленной».

Решение о вводе советских войск в Афганистан в 1979 г. принималось группой наиболее влиятельных советских руководителей под воздействием событий, происходивших в 1978–1979 гг. в этой стране и в международных отношениях в целом, а также на основе, имевшейся в их распоряжении информации об указанных событиях из различных источников. В свою очередь, весь этот комплекс преломлялся через личностное мировоззрение и возрастно-психологический настрой советских лидеров. Указанное решение было обусловлено логикой «холодной войны» и носило геополитический характер, ставя целью не допустить выхода Афганистана из зоны советского влияния (не потерять социалистическую страну) и перехода его в зону влияния США».

Во время войны в Афганистане автомобили КАМАЗ стали основными транспортными автомобилями, наиболее хорошо приспособленными к горным условиям. Наши конструктора и испытатели неоднократно выезжали в места базирования автомобилей, чтобы оперативно решать возникающие проблемы. В результате этих поездок срочно внедрили ряд доработок. Кабину защитили бронированным листом, стали устанавливать двигатели с турбонаддувом.

В масштабах города Набережные Челны 1979 год отмечен серьезными достижениями. Весной через сооружения гидроэлектростанции прошёл паводок, близкий к расчётно-максимальному. Испытание выдержано успешно. А к концу года был открыт проезд через плотину.

1980 год – страница в семейном альбоме названа коротко «Счастливое детство». У Славика закончился период притирания в физико-математическом классе. Ему 15 лет и у нас с ним нет никаких серьёзных проблем. Воспоминания о его классе и сейчас греют душу. Света предпоследний год

ХОДИТ В САДИК И ОТ НЕЁ, В ОСНОВНОМ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ. НЕИЗБЕЖНЫЕ В ДЕТСТВЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ НЕ РАДУЮТ, НО ВСЕГДА БЕЗ

проблем подключается медицина. Зимой ходим со Светланкой вдвоём на каток, залитый прямо во дворе, и я пытаюсь передавать свой маленький опыт шестилетней дочке. Родители наши ещё достаточно бодры. У нас с ними регулярная переписка. Вот выдержки из моего письма маме и семье сестры Азы:

«Здравствуйте мама и Колпенские!»

Мама, получили два твоих письма и посылку. Большое спасибо. Мы даже теперь не представляем наши дни рождения без твоего пирога. Новый пирог нам понравился, но твои пироги традиционные тоже хорошие.

Теперь о моей поездке в Якутию. Мы действительно собирались попасть на самые сильные якутские морозы. А теперь это почти туристская поездка. Билеты мы уже сегодня взяли на второе марта. Пересадка в Свердловске и почти сутки на экскурсии по городу. Затем

***пересадка
в
Иркутске
и тоже
сутки на***

знакомство с городом. Пересадка в Иркутске, а там как повезёт с билетами. И конечный путь нашего маршрута – Усть-Нера на Индигирке. Чем не туристский маршрут! Командировка на месяц. Неделя туда, неделя назад и 10 дней там.

Усть-Нера по рассказам вполне обжитое место, с кинотеатром, кафе и пивным баром. А вся моя работа будет заключаться в том, что каждое утро нужно будет включать аппаратуру и производить запись на ленту самописца нескольких параметров во время запусков двигателей КАМАЗов, сидя в тёплой комнате. Мне даже ездить с машинами не нужно, разве только в туристических целях. Вот такой нам отдых предоставляют. А мы ещё обижаемся, почему не в самые сильные морозы? Напишу оттуда и подробно расскажу в мае.

У нас на сегодняшний день всё нормально. Светлана немного болела, простудилась. Сейчас они пошли с Витой к врачу выписываться в садик. У Славики куча дел. Вроде со всеми управляется.

У нас понемногу начинает чувствоваться весна. Весь февраль хорошая погода. Морозы до -15 градусов. Я за февраль привёл в порядок свой мотоцикл. Можно на нём опять в Жданов ехать.

До свидания. Привет Колпенским. Женщин заранее поздравляю с 8 Марта и желаю всех благ. Ваш Генка. Г. Н-Челны. 25. 02. 1980 года».

После командировки на северный полюс холода апрель промелькнул незаметно, и я на майские праздники лечу в Донецк за своим мотоциклом. Несколько рабочих дней между 1-2 и 9 мая оформить, как выходные без оплаты, не составляло особого труда при нормальных отношениях с начальством. Перед поездкой я тщательно, с цветными карандашами в руках, изучил инструкцию по эксплуатации. Наверное, захватил с собой некоторый инструмент, тестер и материалы. Два дня у Толи в гараже я занимался реальному соответствию мотоцикла, изученной мной почти наизусть, инструкции. Всё было хорошо, но смущала высокая температура картера. Двигатель с воздушным охлаждением и после начала работы двигателя на нём нужно ехать, а я всеми регулировками занимался на месте, в том числе и с работающим двигателем.

Вечером поделился своими сомнениями с Борей. Оказалось, что в Донецке была одна из немногих в стране станций технического обслуживания мотоциклов. Звонок из обкома существенно ускорил дело. Мастер в первой половине дня профессионально всё проверил, что-то подрегулировал, промыл и даже заменил один из карбюраторов. Высокая температура картера его совсем не заинтересовала. А когда ребята узнали, что я собираюсь ехать в Н-Челны, то посмотрели на меня, как на идиота. Занимаясь профессионально мотоциклами, они не были уверены, что «Днепр» может без серьёзного ремонта проехать такое расстояние.

И на следующий день, по-майски хороший и солнечный, я выехал по направлению Н-Челнов. За город меня проводил всё тот же водитель на «Ниве». По сухому асфальту ехать было не так страшно, как в декабре, но такая помощь мне для ориентировки в большом городе была нужна. За городом водитель подарил мне канистру с пятью литрами масла для первой замены через 500 км, что-то ещё из инструмента и пожелал мне счастливого пути. В советское время водители, долго работающие с руководителями высокого ранга, становились почти родственниками. А Толя Кардаш подарил мне 20-литровую канистру под бензин для аварийного запаса.

Первые 500 км оказались за городом Чугуевым, где я на солнечной песчаной полянке заменил масло в картере двигателя, который и во время движения был очень горячим. Постепенно, к концу дня, я стал немного чувствовать мотоцикл, но ещё боялся перевернуться при правых поворотах во время редких обгонов. Мне очень хотелось завершить поездку за три световых дня. Поэтому я ехал, пока не понадобилось включить ночное освещение. Освещение на «Днепре» (марка моего мотоцикла, выпускаемого киевским

заводом) приближалось по яркости к автомобилям, но с моими навыками вождения мне не хотелось рисковать при ночной езде. Да и отдыхать организму нужно.

Ночлег меня устраивал под любым кустом, чтобы не было видно мотоцикла со стороны дороги. Я ещё тогда не опасался никакого разбоя на дороге, но немного подстраховаться всегда было не лишним. Поэтому я въехал внутрь лесопосадки рядом с дорогой. Выбрал место за густым кустарником и устроил себе лежбище возле мотоцикла. Подстилка на землю. На неё спальный мешок, а сверху ещё полог из плотного материала. Сестра Роня наполнила для нас полную сумку с гостинцами. Сверху в ней лежали бутерброды, которых хватило на все три дня. А ещё была трёхлитровая банка с мёдом и бутылка водки, настоянная на черноплодной рябине. Мой ужин состоял из двух бутербродов, большого глотка водки и столовой ложки мёда. Далее ныряю в одежду в спальный мешок. Из мешка и полога с окружающим воздухом соприкасаются только мой рот, нос и глаза.

Минут десять я пытаюсь рассматривать отдельные звёзды, а потом натягиваю шерстяную шапку, почти на глаза и проваливаюсь в сон. Утром, просыпаясь, через крупные кристаллы инея на пологе, шерстяной шапке и даже на ресницах вижу солнечные блики, играющие на листьях в кронах деревьев. Листочки совсем молодые, с нежной зеленью. Слышно негромкое чириканье отдельных маленьких птичек. С хорошим настроением вылезая из тёплого мешка, и меня охватывает лёгкий озноб. Температура на нуле, а ночью был заморозок, что совсем не редкость в этих местах в начале мая. Съедаю всё те же два бутерброда и большую ложку мёда, но без водки. Обхожусь глотком воды и в путь. Двигатель заводится легко и это радует. А выхлопные трубы на выходе из цилиндров уже обе синие. Такая у них участь.

Не буду описывать интересные моменты из поездки. Они не принципиальны. Расскажу ещё об одном приключении на дороге. Я уже въехал на землю Татарстана, повернув с трассы на город Октябрьский в сторону города Бугульмы. Время перевалило за полдень, и мне очень хотелось хотя бы в сумерках приехать домой. Я ещё не проехал требуемые для обкатки 2000 км, для которых рекомендуют ограничивать скорость, но я махнул на это рукой. Мы ведь не немцы, чтобы скрупулёзно выполнять все инструкции. Дорога была почти свободная от машин. Сейчас такое представить трудно. На половине дороги, по которой я еду, уложен новый асфальт. Я еду (по моему спидометру) в пределах 80 км/час, и вдруг мне на «хвост садится» потрёпанная «Волга». Так продолжается минут пятнадцать. Меня эта ситуация начинает раздражать,

потому что я не понимаю происходящего. И вдруг машина резко меня обходит и так же резко тормозит впереди меня. С огромным трудом мне удаётся не столкнуться с автомобилем. Оказывается в машине один из трёх человек местный милиционер. Я ехал без номеров и, возможно, они решили, что я угнал мотоцикл. Проверили документы. Спросили, куда я так спешу. Объяснил, что очень хочется попасть в этот день в Н-Челны, а скорость у меня 70 км/час. Водитель «Волги» засмеялся и сказал, что на его спидометре временами было больше 90. Меня отпустили, не наказав и ничего не потребовав. Пришлось мне в этот день немного проехать в темноте. На этот раз моя попа обошлась без волдырей и глаза не пострадали. Сидение у тяжёлого мотоцикла значительно шире и мягче, чем у мотоцикла «Минск». И светотехника ночью позволяла ехать в очках. А дальше началась серьёзная модернизация мотоцикла. Он на длительный период стал не только средством передвижения, но и объектом для испытаний всевозможных технических решений. Мне оказалось мало творчества в УГК НТЦ. Зачастую накопленный опыт на заводе применялся на мотоцикле, но бывало и наоборот.

Немного о первых мероприятиях, связанных с появлением мотоцикла. Тяжёлый мотоцикл нужно где-то хранить. Ведь воровство было всегда, а у мотоцикла всё открыто. Первое время мотоцикл стоял у нас под окном с простейшей сигнализацией, которая порой срабатывала, благодаря кошкам. Недалеко от нас, за парком «Гренада», несколько активных людей сумели получить разрешение на временную установку металлических гаражей. Лиха беда – начало. За короткий срок количество гаражей стало превышать сотню, и процесс шёл, но с уменьшающейся скоростью. Я тоже решил изготовить себе металлический гараж. В 1980 году шли завершающие работы к пуску второй очереди КамАЗа. *«В феврале 1981 года были сданы в эксплуатацию мощности второй очереди КамАЗа»*. На заводах сносили всевозможные временные сооружения. Качественного металлического лома, который не торопились вывозить, валялось с избытком. За пару дней после работы я набрал необходимое количество уголка и профнастила. Конструкция предусматривалась сборно-щитовая, чтобы гараж можно было легче перевезти на новое место. Володя Сударев, в 1979 году избранный секретарём парткома ПО Камгэсэнергострой, договорился с руководителем одного из строительных монтажных участков, что мне позволят во вторую смену поработать на их территории и пользоваться сваркой. Ограды вокруг корпусов заводов ещё не было. Договориться, чтобы наш хозяйственный автомобиль забросил металл на монтажный участок, было тоже легко. Через неделю щиты привезли на место установки, и я с помощью Славки смонтировал гараж. С досками от ящиков, в которых приходило оборудование, недостатка тоже не было. Вот только осенью мы решили выкопать под гаражом маленький погреб, и его пришлось копать шахтным способом.

Гараж простоял два года. А потом те же активные люди узаконили строительство на этой территории капитального гаражного кооператива и нас стали разными способами убеждать освободить занимаемые места. Даже были выделены места за заводом Двигателей под узаконенные кооперативы. Так наш

гараж переехал на новое место в 1982 году в организованный кооператив «Дружба». В мае я начал осваивать выделенное мне место. На глубине одного метра появилась вода. Поэтому мой подвал и гараж от этой отметки стали расти вверх. Чего только не придумает русский человек, когда перед ним стоит чёткая цель! Вот только объединяется в коллектив для решения общих проблем с трудом. Уровень пола у меня оказался на 1,5 м выше проезда между гаражами. Соответственно и въезд получился крутым. По грунту после дождика на такую горку не въедешь, и я с сыном стал разбирать старую бетонную дорогу. Пика от отбойного молотка с рукояткой и кувалда. Откалываем приличный кусок бетона. С трудом поднимаем его на багажник мотоцикла и везём его к гаражу. Двигатель уверенно работает на сверхмалых оборотах, а ты идёшь рядом с ним как возле лошади.

Я старался привлекать сына к своим делам с детства, развивать у него навыки и интерес к мужской работе. Польза от такого воспитания была. Но от природы в Славке развились наклонности, существенно отличающиеся от моих.

Всё получилось очень красиво, и гараж, сверкающий оцинкованным профнастилом на горке, и въезд из кусков бетонных плит с бордюрами. Мотоцикл легко въезжал в гараж, а вот задним ходом спускаться по такому уклону было страшновато. Не приспособлена для этого конструкция рулевого управления. Но потихоньку уверенный спуск тоже был отработан.

Чтобы закончить гаражную тему намного забегу вперёд. Построенный нами гараж, вполне приемлемый для мотоцикла, не очень устраивал нас из-за его удалённости от дома. Особенно зимой, чтобы привезти из подвала хранящиеся там заготовки, требовалась половина выходного дня. В профсоюзе мне сказали, что места в капитальные гаражи выделяют только владельцам машин. Я посчитал это дискриминацией и с помощью Володи (наиболее лёгкий путь), подписал в вышестоящей инстанции прошение на выделение места в кооперативе «Гренада». Это произошло в 1983 году – последнем году работы секретарём парткома Володи. Но только в 1984 году мы начали своими силами строить полуподземный блок гаражей. Строительство заняло много времени, и через два года мы распределили гаражи, уложившись в 1800 рублей. Нашёлся и покупатель на металлический гараж, который купил его за 600 рублей (чуть больше двух моих зарплат того времени). Размер гаража вполне позволял хранить в нём автомобиль «Жигули». Вот только у меня никаких документов ни на гараж полностью, ни на материалы из которых он построен. Пришлось написать расписку, что все проблемы по этому вопросу я беру на себя. Не знаю, какую ценность эта расписка имела с юридической точки зрения...

Прошло уже 27 лет после окончания строительства. У меня появился второй дом, который быстро превратился в хорошую мастерскую и

лабораторию, а с началом реставрации капитализма стал ещё и прекрасным рабочим местом для зарабатывания денег.

Я уже писал, что в октябре 1981 года, в связи с созданием отдела Специзмерений, я занял должность начальника КИБ измерений на двигателе – вместо Аникина. На этой первой руководящей ступеньке я ещё не почувствовал себя оторванным от реального дела. Добавилась только прямая ответственность за порученное дело. Было в то время выражение – играющий тренер. Из письма Качурам:

Здравствуйте, Боря и Роня.

О главной нашей новости Вита уже написала. Посмотрим, во что это выльется. Но, вначале, пока я не съездил в Москву, мысли крутились только вокруг этого. Я от себя не ожидал, что буду так реагировать (Речь идёт о появлении у Славика девушки). Ждём на Новый Год Славу, но он может и не приехать. С занятиями у него дела нормальные, но в феврале ему нужно сдавать теорминимум для зачисления в группу теоретиков. Тут у него потеряно много времени.

А в остальном жизнь идёт обычным порядком. Уйма проблем на заводе. Сложность задач понемногу всё возрастает, а уровень моих подопечных почти не растёт. Штат людей тоже не соответствует задачам. Поэтому все силы направлены на затыкание дыр. И пока ничего нового не предвидится. Но без того, чтобы не придумывать новое, хотя бы в мелочах, я не могу и поэтому постоянно усложняю жизнь себе и своему окружению. И пока я не вижу вокруг людей, которые моё дело могли сделать лучше. Это утешает.

Дома тоже придумываю себе заботы. За Октябрьские праздники и ещё пару выходных сделал из дерева и пластика пенал (от пола до потолка) на кухню. Одну из стенок сделал в виде решётки в среднеазиатском стиле «панджара». Это всё следствие поездки в Узбекистан – плов, чай с уважением и вот декоративная решётка. Получилось очень симпатично. Планов много. Надо посмотреть мотоцикл. К счастью, маленький у меня утащили. Есть желание летом в отпуск снова съездить на мотоцикле. Далее о поддержании здоровья.

Дома у нас всё хорошо. Светлана учится нормально. Продолжает ходить в фотокружок. Завтра будем заниматься с ней домашним заданием. Ей выдали пять листов фотобумаги 24x30 и нужно сделать 5 фотограмм. Бумага ложится на стол фотоувеличителя, а на пути луча света составляется композиция на различные темы. Ходит пока с интересом. Девчонка очень обязательная и с умением организовывать окружающих её людей, по крайней мере, родителей.

Далее немного ностальгии по родным и вопросы.

Вита на два дня уезжала в Рязань на нефтеперегонный завод. Она даже оказалась председателем комиссии по аттестации моторного масла для КамАЗа.

С Новым Годом Вас! До свидания. Ваш Генка. Г. Брежнев. 22. 12. 84 г.

С письмом я опять забежал немного вперед, но все восьмидесятые годы объём работы и их сложность непрерывно возрастали.

Из истории КАМАЗа в датах и цифрах:

1980 год

12-13 апреля в Набережных Челнах состоялся Всесоюзный конкурс молодых водителей

15 мая открыт Камский политехнический институт.

1981 год

20 января собран первый полноприводный автомобиль КАМАЗ-4310.

16 февраля Госкомиссия приняла производственные мощности второй очереди «КАМАЗа»..

1982 год

23 февраля заложен фундамент будущего завода запасных частей

30 декабря смонтирован первый станок на строящемся заводе по ремонту двигателей (ЗРД).

1983 год

24 января открылся первый на КАМАЗе оздоровительный центр для трудящихся литейного завода.

6 июня пошли первые трамваи на автосборочный, агрегатный и прессово-рамный заводы.

1984 год

29 апреля с главного конвейера сошел 500-тысячный автомобиль «КАМАЗ».

1985 год

6 мая с главного конвейера сошел 600-тысячный большегруз.

17 декабря на строящемся заводе запасных частей смонтирован первый станок.

1986 год

11 февраля выпущена первая опытно-промышленная партия двухосных автомобилей.

10 декабря собран миллионный двигатель.

На площадях РИЗа созданы инструментальный и станкостроительный заводы.

1987 год

В мае в состав Камского комплекса вошел Нефтекамский завод автосамосвалов.

26 августа вышел приказ по «КамАЗу» «О развитии производства легковых автомобилей (ПЛА)». Для ПЛА выделены производственные площади в сдаточном корпусе автосборочного завода.

В ноябре с конвейера ПЛА сошла первая микролитражка «Ока».

1988 год

В августе «КАМАЗ» принял участие в Международной выставке-ярмарке в Пекине.

1990 год

25 июня подписано Постановление Совета Министров СССР о преобразовании производственного объединения в акционерное общество «КАМАЗ».

Выдержки из книги «Ступени» Главного конструктора В. Н. Баруна – раздел «Качество»:

«Ещё до начала выпуска автомобилей и двигателей у нас была определённая нацеленность на возможность дефектов. Л. Б. Васильев не один раз собирал по этому поводу директоров и их заместителей по качеству. Были введены дни качества, отчётность и система премий. Все линии мехобработки были оснащены автоматическими контрольно-измерительными средствами. Но большинство сборочных операций не было обеспечено достаточным количеством тарированного инструмента, контрольных приспособлений, испытательных стендов. Управление контроля качества, как отдельное структурное подразделение только создавалось. Весь опыт постановки на производство новых машин показал, что никакие заводские или межведомственные испытания не страхуют от дефектов, которые появляются при эксплуатации машин. Выражение – автомобиль дорабатывается на плечах потребителя, очень точно характеризует суть явления. Для меня вопрос стоял так: будем ли мы, конструкторы, опережать дефекты, не допуская их разрастания. Или дефекты опережат нас.

Министр объявил конструктора решающей фигурой в обеспечении качества. Мы начали легко и уверенно. Относительно быстро усилили передние ступицы – на них плохо держались колёса. Переконструировали центрифугу, и она стала эффективно очищать масло в двигателе. Поправили крепление дифференциала. Перешли на более надёжный привод стеклоочистителей. И с самого начала почувствовали нарастающее, упорное сопротивление изменениям. Видя это, Л. Б. Васильев нам много помогал.

Где-то на втором и третьем году выпуска начали поступать рекламации на двигатели. Опытный Поташев быстро «перевёл стрелку» со своего завода и объявил причиной дефектов «пылевой износ». Мы с Шестаковым решили, прежде всего, объявить войну любым подсосам грязного воздуха. Параллельно провели огромную разъяснительную работу. У нас появились десятки добровольных помощников, разъясняющих наши требования.

К чести Поташёва, он внёс живую струю в ситуацию, создав на заводе цех по ремонту двигателей. Хорошо, что Шестаков заблаговременно разработал чертежи для капитального ремонта двигателей. Через несколько лет в Челнах будет построен крупный завод по ремонту двигателей.

Организация ремонта двигателей дала важную информацию о поведении многих других деталей. Конструкторы-двигателисты

А. И. Катаев, Р. М. Ахтарев, П. С. Макаревич, В. И. Ищенко, К. Н. Деулин и многие другие вели работы по усилению крепления шатуна, по блоку цилиндров, кулачковому валу, водяному и масляному насосам. Много сюрпризов подготовил нам чернышёвский двигатель».

И это только маленькое количество проблем, которые затронул В. Н. Барун в своих записках по первому поколению автомобилей и двигателей. Но параллельно шли работы над вторым, а затем третьим поколением автомобилей. И если каждое конструкторское подразделение работало над своим узлом или системой, то отделу измерений приходилось в той или иной мере работать с большинством конструкторов и, особенно, испытателей.

Передовики УГК с В. Н. Баруном А. А. Шестаковым.

К сожалению, нас никто не ориентировал на перспективные задачи в области измерений. Подавали нам заявки на выполнение измерений по текущим проблемам, по которым составлялся план на будущий месяц. Если появлялись сложности в выполнении поставленных перед нами задач, приходилось включать некоторые поисковые темы в планы работ уже по своей инициативе. А желание проявлять инициативу есть далеко не у всех руководителей, не говоря о рабочих. В этом плане есть хорошая поговорка: «Инициатива наказуема».

К тому же, серьёзные исследовательские измерения требуют глубоких знаний во многих смежных областях и хорошую материальную базу. Очень мне хотелось получить японский искровой станок, который позволял со скоростью обычного сверлильного станка прожигать отверстия в электропроводных материалах любой твёрдости. Или на западе появились линейные бесконтактные системы измерения перемещений на принципе вихревых токов, работающих на частотах в несколько мегагерц. Они позволили бы нам решить многие уникальные измерения. Но и без них мы сильно продвинулись в измерениях поверхностных температур. Сделали пробные замеры на поверхности поршня и на поверхности коренного вкладыша двигателя. Научились самостоятельно изготавливать многоразовые термпары под конкретные требования. Стали изготавливать датчики давления и силоизмерительные датчики. Освоили расчёт и изготовление весоизмерительных датчиков. И многое другое. Но в таких работах нужна совместная заинтересованность вышестоящих руководителей, заказчиков и специалистов по измерениям.

Я представил коротко деятельность УГК и организационно-технические задачи своего подразделения. А вот **Ода Нины Шишкиной** написанная «**на День 8 Марта 1980 года**». Практически полностью женский коллектив, как большая семья, в которой всё бывает. В том числе и интересное совместное проведение всевозможных торжеств.

*Я одой славу женищинам воздам,
Всех перечислю их по именам.
ВИКТОРИЯ! Сейчас хозяйка дома,
Всем добродетелью своей знакома,
Бессменный адвокат.*

*Напрасно Вика муху не обидит,
Во всяком лице красоту увидит,
За то её и чтят.*

*А рядом ФИЛЬЗА – верная подруга.
Любой бы рад иметь такого друга.
Мудрейшая из жён.
Спокойно рядом с ней на стезе жизни,
Устам её привычны афоризмы
Всех наций и времён.*

*Вот ЛИДА ПАВЛОВНА – подвижна и легка,
Зазря не залетает в облака.
Реальна и точна.*

*Другая грань алмаза в ней сверкает:
Она иным мужьям не уступает,
Так на лыжне сильна.*

*РАИСА шьёт, печёт и вяжет.
Собой приятна, каждый скажет:
Побольше таких бы Рай.
И в коллектив легко вписалась,
Нам только попросить осталось:
В Уфу не уезжай!*

*А АЛЕКСАНДРА, ласковее САША!
Мужское имя – женственности чаша,
И тут же трезвый ум.*

*Сказала б Фильза, чуточку подумав:
Все вместе мы как ящичек с изюмом
И весь с изюминкой изюм.*

*Чтоб в цвете лет от скромности не сгинуть,
Хочу и на себя листок лавровый кинуть
Небрежною рукой.
Пусть нрав холерика бывает неприятен,
Я всё же тоже не без светлых пятен,
Нельзя и без такой.*

Я вставлю оду в рамочку овалом

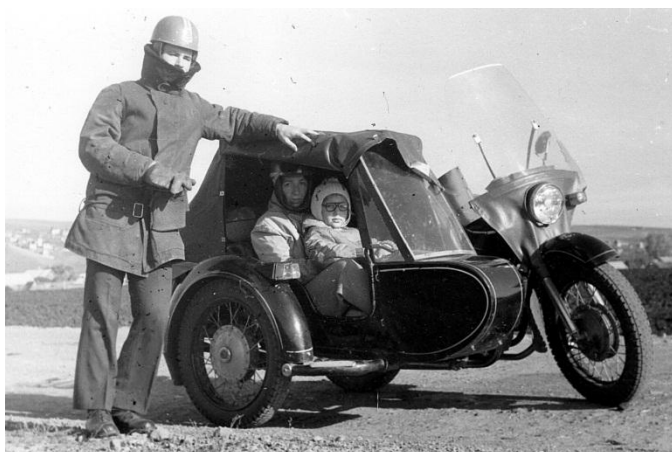
И допишу, волнуясь чуть слегка:

**ТАКИХ ХОРОШИХ ЖЕНЩИН В МИРЕ МАЛО,
КАК МЫ ИЗ УГК!!!**

А впереди уже маячило время «общечеловеческих ценностей», демократии для избранных и другие «прелести» перестройки.

1981 год. Наша первая поездка на «Днепре» на Украину.

Тяжёлый мотоцикл позволял совершать путешествия втроем, был надёжнее и комфортнее (если так можно выразиться в отношении мотоциклов). За прошедший год были сделаны на нём несколько существенных доработок. Изготовлен электронный усилитель зажигания. Установлен прочный задний багажник. Спереди установлено большое ветровое стекло. На коляску тоже установлено ветровое стекло и каркас с тентом. Тент

предполагалось устанавливать в холодное время и во время непогоды. Казалось, мотоцикл как застоявшаяся лошадь, сам просился в дальнюю поездку. Можно без преувеличения сказать, что мы жили этой поездкой. Светлану заранее отправили в Харьков. Поездка была запланирована на весь отпуск. Мы никуда не спешили. Старались познакомиться

с новыми местами, достопримечательностями и, главное, общение с родными и близкими людьми. Мотоцикл, хоть и называется тяжёлым, был слегка перегружен и не сбалансирован по распределению груза. Чтобы пассажиру в коляске было удобно, груз в ней находился только в багажнике коляски. Остальной груз находился в большом рюкзаке на самодельном багажнике мотоцикла. А ещё сзади коляски в специальных креплениях ехала двадцатилитровая канистра с бензином. Нас провожала Фильза. Когда мы начали движение от дома, я сразу почувствовал, что управляемость ухудшилась. Я решил, что по пути мы как-то перераспределим груз.

Переехали по плотине через реку Каму. Я провёл беглый осмотр мотоцикла. Немного перераспределили груз, подкачали шины и натянули тент. Была уже вторая половина дня и немного пасмурно. В дальнейшем оказалось, что тент и в жару повышает комфортность пассажиру в коляске. Круговой обзор, конечно, уменьшается. В тенте были сделаны ещё два окошка по бокам,

кроме большого переднего стекла, в мотоцикле. Одно для общения с водителем, второе для вида вправо. Окошки открывались. В самый сильный дождь вода внутрь коляски при движении не попадала совсем. Редко получают задуманные решения настолько удачными. Тент прослужил на мотоцикле почти 20 лет без доработок и серьёзного ремонта. Во время этой поездки мы немного возились только со спицами на заднем колесе. Проблема спиц на этом мотоцикле оставалась во время всей эксплуатации мотоцикла (в отличие от мотоцикла «Минск»). Не буду сейчас анализировать причины. Я даже стал изготавливать спицы из нержавеющей стали самостоятельно.

Первой остановкой был город Горький, в котором жили наши друзья

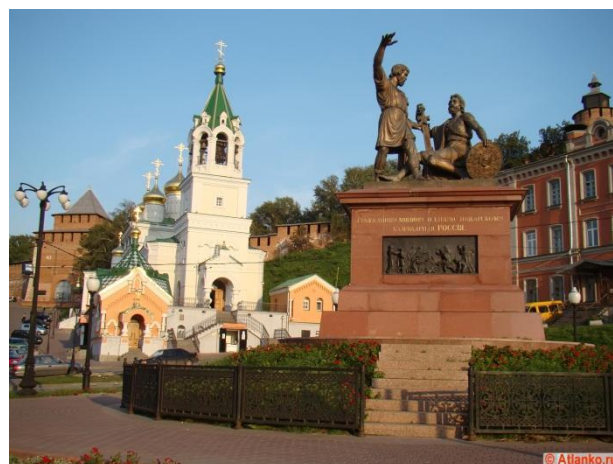
Шмагины. Нам долго не могли подсказать, где находится улица Ижевская. И, наконец, одного человека осенило. Ведь это на «Гвоздилке». Сразу повеяло историей. Когда-то в этом районе делали гвозди. С участием Шмагиных мы познакомились с основными достопримечательностями города. Краткая историческая справка:

«22 октября 1990 года городу Горький – на тот момент третьему по численности населения городу России – было возвращено его историческое название Нижний Новгород.»

Нижний Новгород был основан в 1221 году у места слияния великих русских рек – Волги и Оки князем Юрием (Георгием) Всеволодовичем как опорный пункт обороны русских границ от мордвы, черемисов и татар. Город получил название «Нижний», как предполагают историки, из-за расположения в «низовских» землях относительно Новгорода Великого.

Москва боролась за великий речной путь. В это время в городе возводится каменный кремль, ставший выдающимся сооружением русского фортификационного искусства. От стен этого кремля зимой 1612 года выступило ополчение во главе с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским для борьбы с польско-литовскими захватчиками.

С взятием Иваном Грозным

Казани (1552), а затем и Астрахани Нижний Новгород стал центром, через который шла вся торговля русского государства с востоком. В XVII веке Нижний Новгород был центром массовых формирований судовых караванов. Уже тогда Нижний стал крупным центром судостроения. На XVIII век приходится возвышение Нижнего Новгорода как административного центра. С 1714 года город стал губернским, а с 1779 по 1796 год – центром Нижегородского наместничества, включавшего в себя в разное время Вятскую, Костромскую, Пензенскую губернии и Алатырскую провинцию. В это время в Нижнем Новгороде были открыты партикулярные больницы и аптека, начали действовать публичные частные театры (театр Н.Г.Шаховского – один из старейших в стране).

На рубеже он стал крупным научным и культурным центром страны. Здесь жили механик-самоучка И.Кулибин, математик Н.Лобачевский, видный педагог И.Кужелев, историк Н.Ильинский, писатель-путешественник В.Бараницков и многие другие. В городе жили и трудились основоположники отечественной художественной и публицистической фотографии А. Карелин и М.Дмитриев.

7 октября 1932 года Нижний Новгород был переименован в город Горький в связи с 40-летием литературной и общественной деятельности пролетарского писателя Максима Горького. Решение о переименовании города и области было принято указом ВЦИК и постановлением президиума крайисполкома. Соответствующее решение в самом Нижнем Новгороде было воспринято весьма неоднозначно. Одним из тех, кто не одобрил смену названия города, стал сам Горький. В письме Федору Хитровскому (нижегородскому журналисту и краеведу) 19 февраля 1933 года из Соренто он писал: «Сегодня первый раз писал на конверте вместо Н. Новгород – Горький. Это очень неловко и неприятно».

В дальнейшем мы несколько раз были в этом красивом городе. А проезжая город Владимир, решили отклониться к северу и посмотреть знаменитый город Суздаль. Немного истории:

«Город Суздаль сегодня смело можно назвать городом – заповедником, так как именно здесь чувствуется древнерусский дух. В этом городе нет высоких домов, ведь согласно местному законодательству постройки такого типа просто-напросто запрещены. В Суздале можно прогуляться по узким тихим улочкам, увидеть старые деревянные избышки, посетить достопримечательности Суздаля - древние монастыри и церкви.

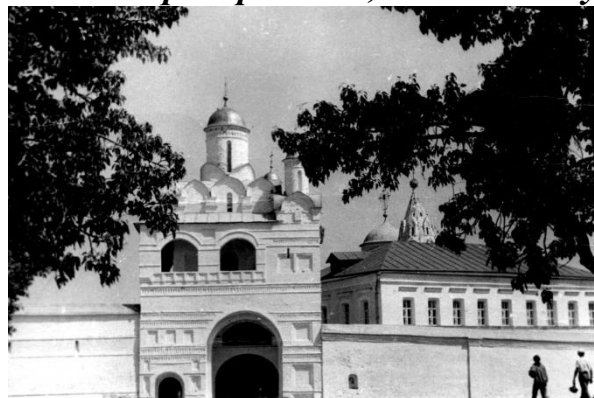

Воскресенская церковь(1720 г).

В Суздале проживает всего около четырнадцати тысяч человек. Дома в Суздале построены вдоль реки Каменки. И, как правило, все суздальские дома окружают различные храмы, монастыри и церкви Суздаля. В Суздале

много старинных памятников архитектуры, которые помогают окунуться в историю Древней Руси. Город Суздаль – это поистине необыкновенный город. Суздаль можно даже назвать городом – музеем. Примечательно то, что в этом русском городе нет промышленных предприятий, отчего воздух не загрязняется и можно дышать полной грудью.

Покровский монастырь. 16в.

Город Суздаль находится на живописных берегах реки Каменка. Кстати, именно по этой реке в древние времена проходил торговый путь. Во времена царствования

Юрия Долгорукого городу Суздаль был присвоен статус столицы Ростово-Суздальского, а впоследствии и Владимиро-Суздальского княжеств. В целях укрепления столицы в те времена города выстраивались к югу от Суздаля, кстати, именно тогда была основана Москва. Раньше Москва являлась крепостью, предназначенной для обороны княжества. В течение почти двух столетий Суздаль являлся столицей этих княжеств. В начале четырнадцатого столетия Суздаль стал относиться к Суздальско-Новгородскому княжеству. После Суздаль присоединился к Московскому княжеству, при этом лишившись политической самостоятельности. Когда речка Каменка обмелела, город обнищал, так как торговые пути изменили свое направление.

Тем не менее, в настоящее время город Суздаль считается столицей – центром туристического Золотого кольца России. Многие туристы вот уже не первый год отправляются в путешествие по Золотому кольцу, где можно увидеть множество памятников истории, так сказать прочувствовать дух Древней Руси. Так, осмотрев достопримечательности г Суздаля, туристы смогут увидеть пять монастырей, около трех десятков церквей, Музей русского деревянного зодчества».

День шёл к вечеру, когда мы подъезжали к Суздалю. На равнинной местности неожиданно возник маленький массив старого леса. Очень нам такое явление природы показалось удивительным, и мы решили переночевать на его

опушке. Но когда мы подъехали к лесу, то в нём оказалось старое кладбище. Пришлось искать другое место ночлега.

Музей деревянного зодчества.

Дубной. Рядом проходит известный канал имени Москвы.

Перед Москвой решили навестить моего товарища по институту Вадима Литвиненко в городе Запрудня. Он расположен в 80 км на север от Москвы между Дмитровом и

«Канал имени Москвы — соединяет реку Москву с Волгой. Расположен канал в Московской и Тверской областях России, частично протекает по городу Москве. Длина 128 км. Ширина канала по поверхности — 85 м, по дну — 45 м, глубина — 5,5 м.

Был открыт 15 июля 1937 как Канал Москва-Волга. Строительство канала Москва-

Волга началось в сентябре 1932 года и длилось 4 года и 8 месяцев. При строительстве канала использовался труд заключённых ГУЛАГа (14 сентября 1932 для строительства канала был создан Дмитлаг, просуществовавший более пяти лет).

Стройка разворачивалась быстро и решительно. Прошел год с тех пор, когда были вбиты первые колышки на трассе. Где еще недавно изыскатели вспугивали тетеревиные выводки, теперь на всем протяжении будущего канала гремела стройка. На ней работало около 200 экскаваторов — до тех пор ни одно строительство мира не имело такого экскаваторного парка. К трассе канала были подведены железные дороги, поезда которых могли увезти за один раз почти 50 тысяч тонн груза. По новым шоссейным дорогам неслись тысячи грузовиков и мотовозов. Весь фронт работ из конца в конец опутала паутина телефонных и телеграфных проводов. По ночам над стройкой стояло электрическое зарево. Появились и гидромониторы, впервые освоенные здесь инженером Николаем Дмитриевичем Холиным. Насосные системы,

сконструированные молодыми специалистами, были построены на Московском заводе «Борец». Для канала работали самые крупные заводы страны.

Как все начиналось – к началу 30-х годов Москве не хватало питьевой воды. Рублевский водопровод не мог обеспечить растущие потребности столицы в воде. Река Москва настолько обмелела, что ее можно было перейти вброд напротив Кремля в том месте, где сейчас красуется Большой Каменный мост. Вся водопроводная сеть подавала в город 15 млн. ведер воды. А население возросло до 3-х млн. человек.

И вот тогда взоры обратились к далекой от Москвы Волге. Только эта полноводная матушка-река могла спасти растущий город от безводья. Но Волга текла за бугром, севернее Клинско-Дмитровской гряды, высота которой достигала почти шестидесяти метров над уровнем Москвы-реки. Прорыть канал подобной глубины казалось затеей безумной, тем более что расстояние — 128 километров по прямой!

Откуда же взять такую массу воды? Инженеры решили перегородить Волгу плотиной у деревни Иваньково, близ устья реки Дубны. В весеннее половодье река упрется в плотину и разольется, образует новое рукотворное озеро — Иваньковское водохранилище, первое «московское море». Часть его воды продолжит путь по старому волжскому руслу, другая часть круто повернет на юг, в искусственное русло, и по высокой водяной лестнице начнет взбираться на высоту девятиэтажного дома, чтобы далее пройти по ровному и широкому водяному мосту и снова спуститься по крутой южной лестнице в Москву-реку.

Ценой многих жизней досталась эта стройка. История создания канала вызывает чувство восхищения и преклонения перед людьми, претворившими в жизнь этот грандиозный комплекс сооружений».

Встречи с товарищами всегда радостны. Мы познакомились с женой Вадима Инной. Прошло 16 лет после окончания нами института. У Вадима не всё хорошо складывалось в его работе. Во время работы прорабом на стройке его за выявленные нарушения, которые вышестоящие начальники, умело, провели через его участок, судили. Пока разобрались с настоящими виновниками, Вадим некоторое время пробыл в заключении, а потрясение и обида остались на всю жизнь. После этой встречи я с Вадимом почти регулярно общаюсь в письмах, по телефону и дважды побывал у него дома.

В советское время в посёлке работал большой завод по изготовлению кинескопов для телевизоров и другой высокотехнологичной продукции. Теперь на площадях завода выпускают стеклянную тару, а люди за 80 км ежедневно ездят в Москву на работу.

Возвращаясь в Москву, мы заглянули и в город Долгопрудный, где расположен институт МФТИ, чтобы немного прикоснуться к возможному месту учёбы сына. Лето, а все доски объявлений на учебных корпусах были

заполнены интереснейшими объявлениями. В дальнейшем мне придётся побывать в этом городе не менее десяти раз.

В Москве мы совершили интересную автобусную экскурсию по городу.

Может быть в МГУ?

Где мы оставили на время экскурсии мотоцикл, не осталось в памяти.

Далее наш путь лежал в город Смоленск к Юре Пестову. Хорошая трасса Москва-Минск, на которой нас прихватил летний, почти тропический ливень. Это было настоящее испытание нам, мотоциклу и тенту. Почти все машины на трассе остановились, а мы всё выбирали укрытие. Не хотелось останавливаться и мокнуть сильнее, чем при езде. Так мы и двигались на скорости 70 км/час, пока ливень не закончился. В коляску вода совсем не попала. А сверху лобовое стекло так рассекало потоки воды, что у меня промок только правый рукав куртки, а у Славки за моей спиной промокла спина.

В Смоленске Юра подъехал к нам на «Москвиче» и сразу повёз нас на свою дачу. Рядом большой красивый лес и недалеко пруд. Разговоры и несколько экскурсий по городу. Город имеет своё ярко выраженное лицо. Город – воин. Очень гордился Юра своей Смоленщиной и, особенно, великими землянками, которые выросли на смоленской земле. Юра после института всё время

работал на одном авиационном заводе. Мне и Вите удалось навестить его в 2009 году, за год до его смерти. Очень о многом переговорили. Мы даже сняли об этом общении маленький видеосюжет для друзей и потомков.

Три поколения Пестовых.

Из Смоленска наш путь на Харьков пролёг через Брянск. Но в него мы не заехали. Нас ждали в Харькове родители Виты и Света. День общения – и далее, оставив на несколько дней Виту с родителями и Светланой, я и Славик поехали в Жданов. Проезжая город Краматорск, я решил заглянуть к тётке Ксене (я писал о ней и о судебном процессе по её делу в послевоенное время). С трудом, по адресу, нашли её квартиру. Входная дверь оказалась не запертой. В квартире мы увидели только тётю. Она лежала на кровати в почти бессознательном состоянии. Меня она не узнала. Я посидел рядом немного, а Славку вид больного человека так поразил, что он ждал меня во дворе. Я оставил тётю, так и не дождавшись никого. В России считались богоизбранными люди, которым он дал лёгкую смерть.

Восьмистишие И. И. Тхоржевского (1878-1951годы жизни) — вольное подражание Хафизу:

*«Легкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно все кругом.
Бог ответил: подожди немного,
Ты меня попросишь о другом.
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить -
Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить».*

Родной город, мама, Колпенские, школьный друг Гена Шабанов. Гена в это время работал директором технического училища и был признан одним из лучших директоров в Донецкой области. Когда я был в Жданове с детьми, всегда старался навестить семью моего друга.

По традиции Качуры определяют нас в пансионат «Донецкуголь». Славка впервые попадает в этот пансионат. С нами поехали и мои племянники Игорь и Юра. Игорю захотелось проехаться со мной на мотоцикле. А возле пансионата на пустынном месте Юра и Игорь немного попробовали управлять

мотоциклом. К вечеру ждановцы уехали, остались отдыхать мы и Юра. Юре 18 лет, Славе в декабре будет 16 лет. Уже не дети, и им нужно живое дело. Юра через два дня договорился с руководителем пансионата, и мы перенесли к нашему домику виндсёрфинг, требующий ремонта. У нас началась совсем иная жизнь. Два дня, перемазавшись в эпоксидной смоле, мы оживляли эту плавающую доску с парусом и на третий день начали её осваивать. Маленький опыт был у Юры, а я и Славик – полные дилетанты в этом деле.

Опыт Юры немного помог, за первый день мы научились только поднимать из воды парус и несколько десятков секунд держаться на доске. На

следующий день я больше двух часов болтался в воде, пытаюсь понять закономерности этого замечательного вида передвижения на воде. Вита с берега уже спокойно смотреть на такое «перетягивание каната» – кто кого победит: доска меня или я доску, не могла. Она по мостику подошла ближе ко

мне и стала
уговаривать
меня
отдохнуть.

Дежурный на
платформе не
выдержал и
возмутился:
«Женщина, не
мешайте
мужу
заниматься
мужским
делом». На
третий день

мы уже могли продержаться на доске до ста метров и возвращаться к берегу. Как-то Славик

уплыл в море на расстояние до трёхсот метров от берега, и там порыв ветра сбросил его с доски. Он многократно становился на доску, пытался поднять парус и снова оказывался в воде – явно устал. Вита всерьёз стала переживать, и собралась просить дежурного, чтобы он на катере спас её сына. Пришлось мне в ластах плыть к сыну и меняться с ним местами. Он к берегу потихоньку поплыл в ластах, а я,

покорив парус, перемещался на доске. Понравился нам виндсёрфинг. Это полное растворение в природной стихии. Но, к сожалению, ни мне, ни Славке больше не удалось где-нибудь ещё походить на доске под парусом. В советское время была жизнь насыщенная другими интересами, занимающими всё время, а теперь бестолковая жизнь, когда уже не до виндсёрфинга.

«Слово винд – означает ветер, а сёрфинг – скольжение с волны или просто доска для катания на волнах, значит, «виндсёрфинг» – это доска с парусом.

Современный виндсёрфинг совсем не такой, каким привыкли его видеть большинство отдыхающих в субботний или воскресный день на реке или водохранилище, когда какой-нибудь дядька в трусах настойчиво пытается вытащить из воды тряпичный треугольный парус, несмотря на полное

отсутствие ветра. При этом он непрерывно падает, веселя попивающих пиво пляжников на берегу, и обсуждающих его стремление научиться виндсёрфингу.

Виндсёрфинг – это определенное состояние души. Это прыжки на более чем 10 метров в высоту, двойные сальто (вместе с доской и парусом), бешеная скорость, резкие повороты, вращения в разных плоскостях или просто скольжение в легкий ветер.

Для того, чтобы научиться кататься на виндсёрфинге, не нужно обладать сверх силой и тренироваться в спортзале прежде чем первый раз встать на доску. Виндсёрфинг – техничный вид спорта, он доступен в любом возрасте».

В том, что виндсёрфинг – это определенное состояние души трудно не согласиться, а вот где та граница, когда мастерство переходит в абсурд?

После пансионата у нас ещё оставалось десять дней отпуска, и мы решили на пару дней съездить к прозрачному морю в Крым. И обязательно въехать в Крым по Арабатской стрелке. Всё шло хорошо, пока мы не въехали на «землю обетованную» Арабатской стрелки. Понимая, что бензин для автотуристов в то время был дешёвый, но в дефиците, мы заполнили бак и 20-литровую канистру. Этого вполне должно было хватить до обжитого южного берега Крыма. Подвела нас солончаково-песчанная дорога – так называемая «стиральная доска». Подобрать режим движения для трёхколёсного мотоцикла для снижения вибрации при движении было невозможно. На остановке через 40 км пути мы не обнаружили канистры с бензином. Крепления не выдержали такой тряски. Время шло к вечеру, и возвращаться мы не стали. Тем более что нам попались встречные «Жигули», водитель которых наверняка подобрал валяющуюся на дороге канистру. Решили отдохнуть следующий день на пустынном берегу Азовского моря, а потом попасть в Крым по основной дороге. Я ранее писал, что Азовское море в этих местах достаточно глубоководное, чтобы была хорошая прозрачность воды.

Ветер в этот вечер был такой силы, что нам с трудом удалось установить палатку. Зато утро нас утешило солнцем и штилем. И плавали, и ныряли, и загорали. Славик даже нанизал на трезубец маленькую рыбу. Я на дне поиграл с крупными креветками. Нашли рядом с палаткой черепаху, которая ничем не

отличалась от черепак в Казахстане, но удивила своей сообразительностью. Мы пытались её чем-то кормить, и она не делала попыток от нас удрать. Но после нашего полуденного сна мы её обнаружили далеко на берегу моря и не стали больше трогать.

Наше стремление достичь Чёрного моря по асфальтированной дороге не увенчалось успехом. Очереди за бензином и теперь отсутствие канистры. Тем не менее, мы преодолели две трети пути полуострова. Мотоцикл не может соревноваться по скорости с легковыми машинами. Но в одном месте я решил обогнать тяжелогруженный «КАМАЗ» с полуприцепом. Дорога вполне позволяла сделать обгон. Между нашей полосой движения и встречной – широкое углубление, не позволяющее транспорту выехать на встречную полосу. Когда мы поравнялись с серединой полуприцепа, водитель «КАМАЗа» не захотел помочь нам, придвинувшись к правой обочине, а зачем-то стал смещаться к левой обочине, даже слегка въехав на неё. Мне пришлось сместиться полностью на обочину и начать плавное торможение, управляя мотоциклом в клубах пыли, не видя дороги. Я просто несколько секунд держал руль в прямом направлении, рискуя попасть под тележку полуприцепа или перевернуться на откосе ложбины. Нам повезло – сработала интуиция. И колесо полуприцепа только скользнуло о болт крепления колеса коляски мотоцикла. Мы даже испугаться не успели и осознали степень опасности, только остановившись на практически свободной дороге. Чем руководствовался водитель автомобиля – непонятно.

Не хотело на этот раз Чёрное море, чтобы мы в него окунулись. И было принято решение вернуться в Жданов. Перед Бердянском, где дорога проходит совсем близко к морю, мы провели ещё одни сутки отдыха. Рядом была лесопосадка и море. Кукуруза набрала ту зрелость, когда она наиболее вкусная, сваренная в кочанах и натёртая солью. Вот такие простые деликатесы мне всегда были вкуснее и полезнее любых «шведских» столов.

В эту поездку мы попробовали сделать попытку возвращения из Н-Челнов в Донбасс. До этого были размещены объявления в Жданове и Донецке на обмен квартир. Но в те времена крупные города Украины были значительно предпочтительней нашего города. Я, зная, какие уникальные изделия изготавливаются на Новокраматорском заводе, высказал мысль Боре о возможности переехать в Краматорск, считая, что там тоже есть исследовательское подразделение, как на ЖЗТМ или на КамАЗе. Я уже и сам представлял определённую ценность как специалист, но с использованием «административного ресурса» (как теперь говорят), решить такой вопрос легче. Боря позвонил главному инженеру завода, объяснил ему кратко, что я собой представляю и мои пожелания. Согласовал время нашей встречи. Просьба секретаря обкома очень веский аргумент. Но после моего посещения завода я понял, что руководители завода имели и своё мнение.

Приехали мы на мотоцикле. Я привёл себя в приличный вид и пошёл на встречу с заместителем главного инженера. Он меня выслушал, вызвал к себе технического специалиста высокого уровня, который устроил мне экскурсию

по заводу. Но как-то так получалось, что больше это были объекты энергетики. Когда я попросил показать мне подразделение, занимающееся испытанием выпускаемой продукции и исследованиями, то оказалось, что такого подразделения на заводе нет. Есть маленькая группа людей, которая иногда выполняет простейшие измерения. Они, при необходимости, приглашают для таких работ специалистов из НИИ. Или такие работы проводят те институты, которые задействованы в разработках изделий, выпускаемых заводом. Правда, на отдалённую перспективу создание такого подразделения у них просматривается. Будь у меня другой характер и, опираясь на поддержку Бори, можно было начать раскручивать такое подразделение. Но таких способностей я в себе не ощущал. А вот должность заместителя главного энергетика завода мне в конце нашей экскурсии предложили. Думаю, что и с квартирой в недалёком будущем вопрос решился бы. Я попросил время на осмысление полученной информации и с невесёлыми мыслями вышел за проходную, где меня ожидала Вита, которая, даже до конца не выслушав меня, заявила, что Краматорск нам не подходит. Мои попытки направить наши эмоции в конструктивное обсуждение восприняты не были. Возвращались мы в Донецк совершенно расстроенные, с возможностью попасть в аварию. Больше мы попыток уехать из Н-Челнов не делали и даже начали активную работу, убеждая родителей Виты переехать в Челны.

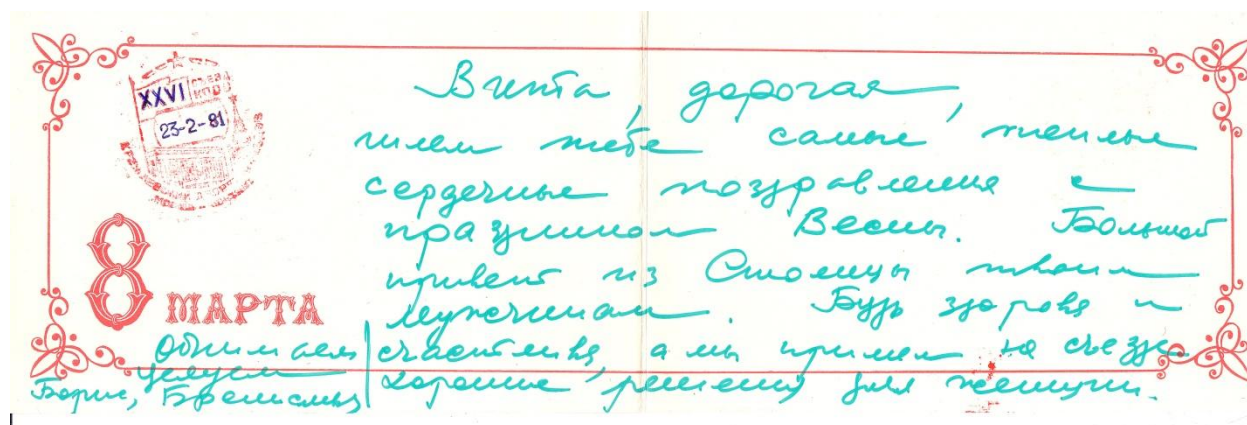
Я и до сих пор не понял, что произошло с Витой за время ожидания меня у проходной завода. Она, конечно, была права, вот только форма протеста была слегка шокирующей.

Попрощались с родными людьми в Жданове и в обратный путь. В Харькове оставили Виту. Она со Светой прилетела домой на самолёте, а мы со Славкой из Харькова, по проторённому пути, поехали домой. Но каждый раз я старался немного изменить маршрут. На этот раз мы повернули к Тольятти у Саратова. За сто км до Тольятти велись масштабные ремонтные работы дороги, и весь поток транспорта пустили в объезд. Это нам добавило 80 км лишнего пути. В одном месте дорога была грунтовой, и практически отсутствовал транспорт. Я решил немного поучить вождению Славку. Он на мотоцикле «Минск» уже имел неплохой опыт вождения. Но я уже писал, что мотоцикл с коляской требует перестройки многих инстинктов. Ему тоже показалось, что мотоцикл переворачивается при определённом наклоне. Славик инстинктивно стал поворачивать влево, как на двухколёсном мотоцикле. Наш мотоцикл уже катил под уклон с нарастающей скоростью по пересечёнке вне дороги. Он вместо того, чтобы сбросить газ, увеличил его. И хорошо, что я сидел сзади, а не в коляске...

Казалось, что нашему объезду не будет конца. Эти лишние почти сто километров были ещё очень плохого качества. Но всё в жизни когда-то заканчивается. Мне мало было предыдущих экспериментов. На великолепной дороге от Тольятти до Самары я решил определить, какая у нашего мотоцикла максимальная скорость. Она оказалась 115 км/час. Удивительное ощущение. Встречный поток воздуха отбрасывается широким лобовым стеклом по дуге далеко по сторонам, а водитель оказывается в зоне почти неподвижного

воздуха, который (по закону Бернулли) уходит в зону боковых потоков с низким давлением. Кажется, что ты находишься в пустоте. Даже работа шумного двигателя почти не слышна. Мне такой езды хватило на 10-15 минут, и я сбросил скорость на привычные 80 км/час. Больше у нас приключений не было. А мотоцикл с учётом моих доработок оказался достаточно надёжной техникой, но с ресурсом существенно ниже, чем у автомобилей.

1981 год знаменателен для страны XXVI съездом Коммунистической партии и приуроченным к нему пуском второй очереди КамАЗа.

«XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза проходил в Москве с 23 февраля по 3 марта 1981 года. На съезде присутствовало 4994 делегата».

«На съезде единогласно были утверждены «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Широкая программа дальнейшего повышения народного благосостояния, намеченная XXVI съездом КПСС, охватывает все стороны жизни советских людей — потребление и жилье, условия труда и быта, культуру и отдых.

Съезд глубоко проанализировал процесс дальнейшего развития советской политической системы, отметив, что ее широкий демократический характер всесторонне отражен в новой Конституции СССР. В этой связи намечались задачи совершенствования социалистической государственности, демократии, правопорядка, системы народного контроля, широкого привлечения трудящихся к управлению делами общества. На съезде подчеркивалось, что ныне с учетом требований времени возросла роль профсоюзов, комсомола, других общественных организаций. Особо отмечена высокая ответственность в укреплении законности и правопорядка органов юстиции, суда и прокуратуры, советской милиции. Выражена была глубокая признательность органам государственной безопасности, к которым в условиях острой классовой борьбы на международной арене предъявляются высокие требования».

Красивые, правильные слова звучали на съезде, и принимаемые решения хорошие. Обороноспособность страны была на высоком уровне. И

большинство людей радовались и съезду, и принимаемым решениям. Но какой-то вирус уже вошёл в сознание большинства престарелого коллективного руководства страны. Начала теряться убеждённости в правильности коммунистических идей. И всего через пять лет, вначале скрыто, а дальше явно, начался слом советского жизнеустройства. Некоторые выдержки из моих и Витиных писем этого года:

«Здравствуйте, дорогие Ждановцы!

Мама, получили твою посылку. Большое спасибо, «Мишка» очень вкусный, именинница рада новым платьям. В жёлтом платье пошла на следующий день в садик.

Мама, ты совсем в своих письмах не пишешь ни о своём здоровье, ни об остальных? Что делают? Что думают? Или теперь, кроме Сашики, для вас ничего существенного нет? А как он растёт?

8 Марта ходили с Витой в гараж. У нас это теперь основной маршрут прогулок, как выход на природу. Расчистили снег. У нас основная зима была в марте. Метели и морозы до -25-и градусов. Картошка была на грани замерзания.

А потом вместе со Светланкой сходили к Любе Швиденко. У неё обычная, нормальная жизнь. Немного болеют дети, что-то приобретается в квартиру. Планы на отпуск. Заводские проблемы. Нас «поздравили» с пуском второй очереди тем, что сняли премию за январь. Что-то не выполнили, но пока не сказали что. Ходят слухи, что половину вернут.

После Любы ходили всей семьёй в кино, смотрели фильм 1939 года – «Девушка с характером». Славик пошёл на каникулы. С учёбой у него всё хорошо. Мне даже пришлось выступить на собрании пап старших классов о том, как я воспитываю своего сына. В этой связи, возникло много воспоминаний из своего детства. В школе Славкой сейчас не нахвалятся, а я всё понемногу ругаю. Твоя школа. Дочке уже семь лет. Даже для родителей время незаметно летит. Последний месяц обошлось без больничных листов, но иногда покашливает.

Светлана перед школой.

Должна в конце апреля приехать Мария Хрисанфовна. Погостит у нас и увезёт Свету в Харьков. А мы настраиваемся на поездку в начале июля.

Я всё ещё занимаюсь электронной схемой автоматического регулирования опережения зажигания для мотоцикла. Сложную проблему себе придумал. На заводе всё нормально. Понемногу двигаю измерения вперёд. Нашим исследователям это начинает нравиться, и поэтому работы становится всё больше. Немного прибавилось людей, расширились с помещением. Много сил приходится тратить, чтобы сделать из вновь

приходящих людей специалистов. На первый взгляд, всё хорошо, но продолжаю скучать о дорожных измерениях и, конечно, не покидает мысль о том, как бы перебраться ближе к вам.

Сударевы в апреле перебираются на новую квартиру. Это совсем рядом с нами. Напротив кинотеатра. Дружбы с Володей у нас так и не получается. Общаемся, как-то нужны друг другу, а мысли направлены в разные стороны.

До свидания. Ваш Генка. Город Н-Челны. 24. 03. 1981 года».

Вот так мы жили. В письме ни одного слова о политике. Немного об этом периоде из письма Виты:

«Здравствуйте, Александра Петровна!

Спасибо за поздравления с 8 Марта. Этот день у нас был очень праздничный. Во-первых, Гена совершенно не занимался своей схемой, над которой сидит уже несколько месяцев, а уделял нам, женищинам, максимум внимания. Во-вторых, Славик сбегал на лыжах в лес и принёс веточки вербы, да ещё и стихи написал. Потом мы ходили в гости к Швиденкам, потом всей семьёй в кино. Вобщем настоящий праздник.

6-го я была у Светланы в детсадишке на утреннике. Конечно, подготовительная группа чувствуетя – и стихи они уже большие рассказывают, и монтаж, и танцы. Мне очень понравился «оркестр» (гармошка, ложки, бубен,

металлофон), который очень темпераментно сыграл «Во саду ли, в огороде...»

Светлана участвовала в танце «Матрёшки», конечно, самая большая.

А Гена, по просьбе директрисы, выступал в школе на собрании пап. Его попросили поделиться опытом, как он воспитывает такого хорошего Славика. Вот до чего мы дожили!

Александра Петровна! Как ваш правнучек Сашенька? Я плохо представляю себе Люду – маму, всё кажется девочкой. Как будет с её учёбой?

А мы видели по телевизору Боря. Когда выступал и когда, по окончании, пели «Интернационал», и весь президиум показывали крупным планом. Мне было очень приятно получить поздравительную открытку от Рони и Бори из Москвы со штампом «26 Съезд».

До свидания. Пишите! Большой привет Колпенским. Будьте здоровы!»!

Первое сентября. В советской стране это был любимый день – праздник знаний. В любой семье кто-нибудь начинал свой учебный год в школе, техническом училище, вузе. Первоклассников провожали в школу родители и бабушки с дедушками. Шефы от предприятий тоже приходили в школы и рассказывали ребятам о своей работе и жизни. Этот день так и назывался – «Праздник знаний». Представить в СССР ребёнка школьного возраста, не посещающего школу, было невозможно.

В Российской Федерации тоже существует такой праздник. И большинство родителей с волнением провожают детей в школу. Вот только для многих родителей подготовка ребёнка к школе становится сложной в материальном плане. А сам праздник, зачастую, выглядит как шоу. Предлагаются сценарии шоу-евро. Как говорится: «Ничего личного, просто бизнес».

10.08.2012. В столичных школах: «До начала учебного года остался всего месяц, и предусмотрительные родители будущих первоклассников уже начинают собирать детей в школу. Как показывают данные статистики, с каждым годом затраты на «сборы ребенка в школу» растут. Какую сумму придется выложить в этом году семьям, которые отправят своих детей в первый раз в первый класс? По данным столичной администрации, год назад для того, чтобы снарядить в школу девочку - требовалось около 7,5 тысяч рублей, мальчика - 6200 рублей. В этом году родителям первоклассников придется потратить около 10 000 рублей».

Пресса: В РФ 2 млн. неграмотных детей школьного возраста. По статистике, беспризорных детей вообще не существует.

(«Хроника», №36(62) 14-20 сентября 2005 г.)

«Международные эксперты, исследующие уровень неграмотности в разных странах, заявили, что Россия опускается все ниже и ниже в мировом рейтинге. Одна из причин – тотальная детская безнадзорность. Сейчас не посещают образовательные учреждения и, соответственно, неграмотны около 2 млн. детей школьного возраста. Однако государству эта проблема не важна – представители всех заинтересованных ведомств лишь говорят о «сложной социальной обстановке» и кивают друг на друга».

В 1981 году в школу пошли учиться оба наших ребёнка. Света в первый класс, а Слава в десятый. Только в разные школы. Света в ближайшую к нам 13-ю школу, а Слава в физико-математический класс 26-й школы. В дальнейшем Света тоже перейдёт в 26-ю школу. В декабре мы отметили два юбилея.

13.12.81 года Славику исполнилось 16 лет. Не круглая дата, но в стране и в народе, сколько я себя помню, считалась рубежным возрастом. 24.12.81 года Вите исполнилось 40 лет. И совсем рядом, 18.02.82 года и мне исполнилось 40 лет. Мы живём вполне счастливой жизнью и уверены, что дальше она будет только улучшаться.

Поскольку я уже начал приводить отдельные письма, обоснованно считая их реальным свидетельством отражающим мысли и дела того времени, хочу продолжить (в разумном количестве) приводить их и дальше. Письмо в Жданов после юбилеев Славика и Виты:

*«Здравствуйте, дорогие мама,
Аза, Лёня и Сашка!*

Наконец, после юбилеев, собрался написать вам письмо. Много хорошего хочется сказать всем вам за внимание, хорошие пожелания, гостинцы. Мы на расстоянии по праздникам всё ещё чувствуем себя самыми маленькими в нашей большой семье.

Ко дню рождения Славика пришли посылки из Харькова и от Рони, потом от мамы, Колпенских, снова из Харькова и от Рони, бандероль от мамы, и когда мы уже совсем успокоились, пришла посылка от Семенцова с великолепными шишками. Так что с вашей помощью, продовольственная проблема на наших юбилеях была решена на самом высоком уровне.

Теперь о самих днях рождения. Конечно, 16-летие Славика для нас, как выразилась мама, было особым днём рождения, и мы старались, чтобы он действительно запомнился и сыну, и нам. Я закончил на определённом уровне свою «цветомузыку». Славик оформил фотомонтаж о нашем летнем путешествии, сделанный, правда, на скорую руку, но выглядевший хорошо.

Ваш внук, племянник, ко всему прочему, ещё и пишет стихи. Причем, не смущаясь, является «штатным» слагателем од почти ко всем дням рождения в классе и к некоторым семейным торжествам.

Славик не стал приглашать весь класс. Было тринадцать детей, молодых и симпатичных. Стол мы поставили в детской комнате, а зал освободили для танцев. Побыли немного с ними, и ушли к Сударевым. По нашему мнению, всё прошло хорошо. Мы подарили Славику калькулятор БЗ-18А – хороший вычислительный прибор, а через день Роня прислала ему ещё японский, правда, с меньшим количеством операций, но зато карманный.

Полугодие Славик закончил со всеми пятёрками, занял в школе первые места на олимпиадах по химии, физике и математике. На районной олимпиаде занял первое место по физике и второе по химии. По математике физически не смог выступить. Пятого января едет в Казань на олимпиаду по физике и на сдачу зачёта по учёбе в заочной школе при

МФТИ. В Казань специально приедут преподаватели из Москвы. В этом году они свои задания отправляют индивидуально. Уже вернулись два проверенных задания. По-моему, результаты хорошие. Математика идёт в основном на пять. Физика чуть хуже, но ведь и задания серьёзные.

А 26-го выпили и за 40 лет Виты. Было 16 человек. В основном, Витина

лаборатория и Швиденки. Все как-то устроились с детьми. Мы даже Свету и Славика отправили к Сударевым. Столы установили по отработанной схеме.

Хороший стол, хорошо знакомые люди (без «нужных» людей).

Вечер прошёл с тостами (вспомнили и родителей, и родственников), с песнями, с танцами. Выпили много и никто не перепил. Вчера притащил

огромную, слегка потрёпанную сосну, которая заняла половину комнаты. Осталось встретить Новый Год и можно жить спокойно.

Светлане оценки ещё не сказали, наверное, будут хорошие. Хотели её в начале нового года определить в бассейн, но не успели собрать справки. Гоняет пока во дворе.

Мама, мы очень рады будем, если ты приедешь к нам. Мы уже ждём этот момент, как большой праздник. Правда, сколько может быть всего, что может помешать твоему приезду. Я, честно говоря, хотел, но не решился пригласить тебя сам. А с Роней, наверное, на небольшой срок можно.

Как вы устроились с Сашкой? Что сделаешь, жизнь по-всякому идёт. Научиться бы немного спокойней воспринимать её повороты. Мы

отпечатали Сашкины фотографии, и Вита собирается их отправить вместе с гостинцем к годовщине нашего внука.

*Привет всем от моей семьи. До свидания. Ваш Гена. Город Н-Челны.
P. S. Как дядя Коля? Как его здоровье? 29. 12. 1981 год».*

10 Б класс поздравил Славу с 16-летием стихами:

*В день, когда блестящий, лёгкий снег
Покрыв ковром всю чернь земную,
Мы поздравляем нашего Марачу!
Ему ещё шестнадцать, но у нас
Он заслужил почтенье всех быстрее.
Так пусть же имя оное
Прославится в веках с той силою,
С какой мы Славу любим!*

*Спасибо, Слава, за вниманье,
За все стихи, что нам писал,
За все задачи, что так быстро
На всех контрольных нам решал.*

*Приятно чувствовать с собою рядом друга,
Разделит он и радость, и беду.
Так будь же счастлив, общая подмога,
Наш самый настоящий, лучший друг!*

1982 год не даёт расслабиться. У Славика на зимних каникулах олимпиада в Казани по физике. Мой юбилей прошёл в узком кругу близких людей. Через пять дней после юбилея я во второй командировке в Усть-Нере. На этот раз мы начали работать в более сильные морозы, до 45-ти градусов. Моя руководящая должность не позволяет мне проводить все замеры самому, и поэтому со мной приехала Люба Белякова. Я вместе с ней наладил

измерения, и дальше она будет выполнять их самостоятельно. Люба закончила в Казани авиационный институт, но инженерное мышление у неё слабое. Она до УГК работала в Казани, в основном на подхвате, и больше занималась бумагами. Я предоставил ей возможность заниматься серьёзными измерениями. Но работать Люба могла только с хорошим наставником. А ещё она очень добросовестно относилась к работе. К тому же, у Любы не было семьи, и она

охотно ездила в командировки. Такое содружество закрывало серьёзный участок работы. Многим казалось, что у нас отношения больше, чем просто рабочие. После одной из командировок в горы Киргизии она сблизилась с одиноким мужчиной из КИБа виброакустики Виктором Ходаковым и получилась хорошая семья, к сожалению, без детей. В разгар «перестройки» и экспериментов с выборами руководителей она тоже подключилась к критике меня как руководителя. Так что, действительно, от любви до ненависти один шаг. Сейчас она живёт с мужем Витей в родительском доме села Рыбная Слобода и иногда с оказией передаёт мне хорошие пожелания. А передавал мне эти сообщения Коля Ядринцев – человек, с которым я часто общался по работе и вне работы. Поэтому я нарушу хронологию.

«2013 год. Я и Коля давно на пенсии. Уже у обоих появились серьёзные болячки. Возраст и менталитет не позволили Коле вписаться в рыночную экономику. Коля активно и творчески занимается своим дачным участком и семьёй. Но ему, с его неуёмным характером, этого мало. Он иногда с водителями-испытателями ездит на автомобилях, навещая близких ему людей. Вот так он побывал в Рыбной Слободе.

В 2012 году летом, Коля, никого не предупредив, решил вплавь по Каме добраться до селения Бетьки, в девяти км после плотины. Вроде ничего особенного – теплая вода и течение помогает, но ведь и давление прыгает за 190 мм. А на крутом повороте реки водовороты. Обо всех экстремальных ситуациях из жизни Коли можно отдельную книгу написать. В такую же жаркую погоду 2013 года желание в раннее утро искупаться закончилось трагедией. Колю нашли всплывшего только через три дня. Ушёл из жизни без посмертных выражений: «После тяжёлой продолжительной болезни». Осталась Алла безутешной вдовой, дружно прожившей с Колей 50 лет. Очень хорошо подходит к Николаю Васильевичу Ядринцеву суть песни Юрия Визбора:

*Если я заболею, к врачам обращаться не стану.
Обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду.
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте упавшую с неба звезду.
Я шагал напролом, никогда я не слыл недоτροгой.
Если ранят меня в справедливых тяжёлых боях,
Забинтуйте мне голову русской лесною дорогой
И укройте меня одеялом в осенних цветах.
Порошков или капель, братишки, не надо.
Пусть в стакане граненом всегда мне сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада –
Вот чем стоит лечить, вот чем стоит лечить.
От морей и от гор веет свежестью, веет веками...
Как увидишь, почувствуешь, вечно, ребята, живем.
Не облатками путь мой усеян, а облаками,
Не глухим коридором уйду я, а Млечным путем.*

Неожиданно мы узнали, что 9 мая 1982 года умер наш сокурсник Юра Якубинский, от болезни. Значительно раньше от несчастного случая погиб Женя Моргун. Разные судьбы, но большинство ребят нашего поколения ещё полны жизненных сил и активно претворяют свои планы в жизнь.

В этом году наш сын окончил школу с золотой медалью. Удивительным был их класс. Пять медалистов в одном классе, и почти все одноклассники поступили в этом году в ВУЗы.

*Валентине Ивановне
грустно расставаться.*

Слава едет один в Москву сдавать экзамены для поступления в МФТИ, а у нас почти никакого волнения. И дело даже не в уверенности в его знаниях, а в том, что общее жизнеустройство в стране давало уверенность, что человек с его знаниями самостоятельно решит все

вопросы, и наличие денег для этого не требуется. А когда Слава Ильин (муж моей двоюродной сестры) позвонил из Москвы и сказал, что Славка всё сдал блестяще, наша радость была огромной. Мы даже решили устроить и себе праздник. Вита купила (за полную стоимость) две туристические путёвки для путешествия по Средней Азии сроком на 21 день.

Проводили сына на учёбу. Вызвали в Н-Челны маму Виты, чтобы она пожила у нас со Светланой во время нашего путешествия, и улетели в конце сентября в Ташкент. Нашли гостиницу Саяхат — (каз. Саяхат — «Путешествие», от араб. سَيَاحَة «сияхат» — «Путешествие»).

Неделя на знакомство со старым-новым Ташкентом, которому на

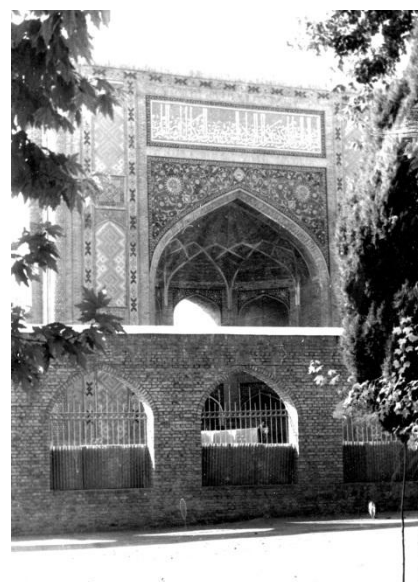
следующий год исполнялось 2000 лет.

Официальный снимок.

Памятник землетрясению.

Семья, приютившая 15 сирот. Знакомимся с Махаля.

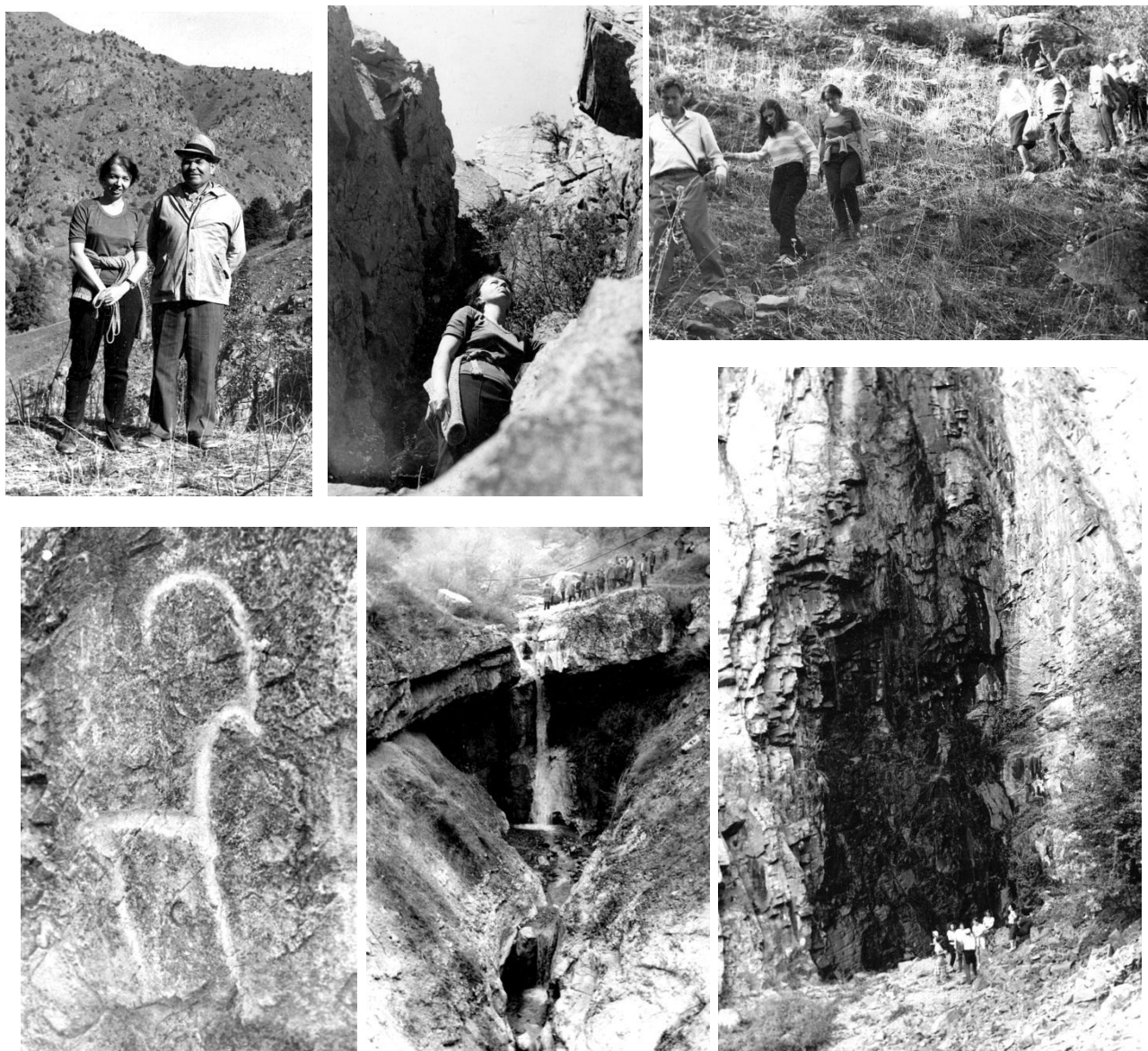
Резьба по ганчу. Стиль Панджара.

Медресе Бароккан.

Около недели знакомились с горами и ущельями в окрестностях турбазы Янгибад и реки Катасай.

«Турбаза «Янгибад» находится в 120 км от Ташкента, за городом Ангрэн. Располагается на территории живописного Чаткальского

биосферного заповедника, в предгорье Тянь-Шаня, на высоте 1500 м над уровнем моря».

Немного красот турбазы «Янгиабат».

В Ангрене жил двоюродный брат Виты Вася Березовский с семьёй.

Поэтому мы после завершения нашего путешествия задержались на три дня с

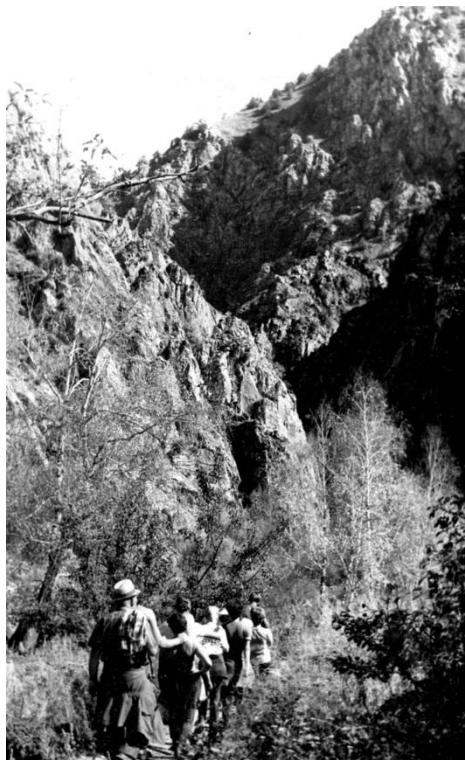
родными людьми, а Вася показал нам ещё окрестности Ангрена. Вася старше нас и так же, как Вита, был одним ребёнком в семье. После окончания института уехал по распределению в город Сулюкта. *«Сулюкта (кирг. Сулукту) — город областного подчинения в Баткенской области Киргизии. Население (2009) — 20,7 тыс. человек.*

Город расположен в северных отрогах Туркестанского хребта, на высоте 1380 метров над уровнем моря, в 150 км западнее областного центра города Баткен (по трассе: Сулюкта — Лейлекский район, Согдийская область республики Таджикистан — Баткен) в 950 км от республиканского центра г. Бишкек».

Уехал, чтобы состояться как личность. И это у него получилось. Работая в разных городах и разных республиках Средней Азии, был и директором завода, и секретарём горкома партии в городе Ангрена — уважаемым человеком.

«1991 год — 26 декабря верхняя палата Верховного Совета СССР юридически ликвидирует СССР». И через некоторое время Василию Васильевичу пришлось вместе с семьёй практически бежать в Украину, где люди тоже находились почти в шоковом состоянии, в том числе, от навязанного им обманным путём суверенитета.

Перелёт в город Самарканд — знакомство с его достопримечательностями. И в завершении путешествия отдых и поход в окрестностях Чимганской долины. Подробно описывать виденное нами, прикосновение к жизни людей в

советском Узбекистане нет смысла (хотя нам однажды сказали, что советской власти у них нет, и даже наши проблемы с поездками в колхозы не идут ни в какое сравнение с проблемами уборки хлопка). Было по-настоящему интересно и полезно во всех отношениях. Вита вела подробные записи. Её рассказ своим коллегам больше был похож на исторический доклад.

Идём к Гюлькамсайским теснинам.

О нашем походе через Гюлькамсайские теснины с выходом к селению Брич-Мулла, напоминает песня:

Татьяна и Сергей Никитины – «Бричмулла».

*Сладострастная отрава золотая Бричмулла,
Где чинара притулилась под скалою, под скалою.
Про тебя жуужжит над ухом вечная пчела: «Бричмулла,
Бричмуллы, Бричмулле, Бричмуллу, Бричмуллою».*

*Был и я мальчуган и в те годы не раз
Про зеленый Чимган слушал мамин рассказ,
Как возил детвору в Бричмуллу тарантас.
Тарантас назывался арбою.*

*И душа рисовала картины в тоске,
Будто еду в арбе на своем ишаке,
А Чимганские горы царят вдалеке
И безумно прекрасны собою.*

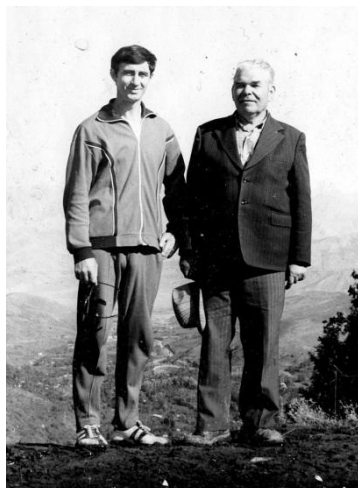
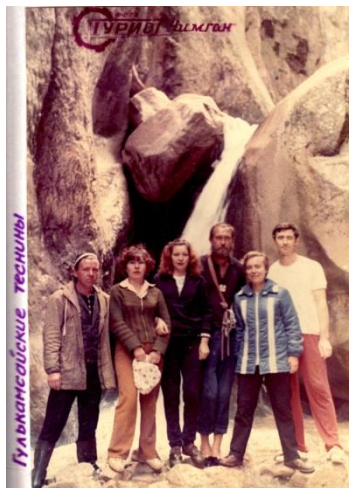
*Но прошло мое детство и юность прошла.
И я понял, не помню, какого числа,
Что сгорят мои годы и вовсе дотла
Под пустые, как дым, разговоры.*

*И тогда я решил распрощаться с Москвой,
И вдвоем со своею еще не вдовой
В том краю провести свой досуг трудовой,
Где сверкают Чимганские горы.*

Я в этом несложном, но всё-таки походе, опекал пенсионера, которому

было 73 года (почти как мне сейчас). Его жена, которую он уговорил приехать вместе с ним, и несколько пенсионерок в поход не пошли. После возвращения он вместе с женой пришёл в нашу комнату с бутылкой вина и тортом, чтобы отметить такое событие. Мы потом ещё несколько лет переписывались. И деньги на такое путешествие, при желании, находились даже у пенсионеров, и здоровье позволяло. Это и был реальный коммунизм. Вот только большинство

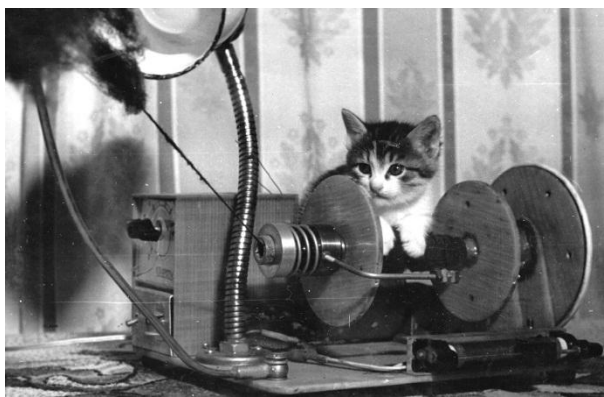

людей этого не понимало. Многим хотелось западной свободы с её блеском витрин, «шопингом», сексуальной революцией и непрерывными шоу. И даже модная позже присказка: «За всё нужно платить», воспринималась упрощённо. Это им нужно было платить, если даже они толком ничего не умели.

И сегодня нам греет душу необычное для нас путешествие. Оно дало толчок ещё одному направлению моей неутомимой голове.

Мария Хрисанфовна во время войны научилась вязать и с увлечением занималась этим делом. Вот только хорошие шерстяные нитки к ней редко попадали. Вита на рынке Ангрена увидела большое количество шерсти в необработанном виде и, не очень подумав, купила пять килограммов. Через некоторое время из Ангрена ещё пришла посылка с шерстью. Если бы мы знали, насколько трудоёмкий процесс превращения состриженной шерсти в качественные нитки! Правильное мытьё и сушка шерсти. Даже хранение потом проблема. Далее расчесывание, для которого люди придумали разные приспособления. И далее пряжа. Надя Ким показала нам, как прясть с использованием веретена – очень трудозатратный метод. Пришлось делать электрическую прялку. Получилась хорошая машина, которую у нас брали люди на время. Пришлось мне осваивать прядение с одновременным совершенствованием прялки. Я даже на ней сделал приспособление для скручивания двух ниток. Мама Виты с интересом села осваивать прялку, но сразу у неё процесс не пошёл. И пришлось мне урывками превратить всю шерсть в нитки. А тут ещё Люба Швиденко, переехавшая в Украину и узнавшая, что мы

занимаемся прядением, прислала нам большую посылку с шерстью со своих овец. Всё по поговорке: «Нэ мала баба клопоту та купыла порося».

Осенью этого года мы заимели ещё одного «поросёнка». Володя Сударев, уже два года имевший кусок земли на престижном месте (тоже как бы навязанный ему секретарём парткома КамАЗа Андреевым), уговорил нас тоже

взять участок для дачи и даже посодействовал в этом. Мы согласились с условием, чтобы земля была близко от города, наивно рассуждая, что будем туда изредка заглядывать летом с палаткой. И завязли мы на этом участке, который для выращивания продуктов питания был почти совсем непригоден. Удивительно, но теперь, когда люди ценой огромных трудозатрат окультурили участки, с нас стали брать налог за землю.

В этом году умер Л. И. Брежнев, возглавлявший руководство страной 18 лет. За два года до этого умер А. Н. Косыгин. Ещё живые руководители высшего эшелона власти не нашли в себе сил и способностей определиться с вызовами времени. Реформы Косыгина постепенно были свернуты из-за боязни «выпустить на свободу джина» и в силу благоприятной экономической конъюнктуры для СССР на нефтяном и газовом рынке. Мировой энергетический кризис совпал с бурным развитием в нашей стране нефтяной и газовой промышленности.

Кстати, на нефтедоллары было закуплено оборудование для КамАЗа, Волжского автомобильного завода, Уфимского моторостроительного завода, выпускавшего двигатели для автомобилей «Москвич».

А большая часть населения страны неплохо жила как в материальном, так и в духовном плане, не напрягаясь политикой. Немного о Л. И. Брежневе:

«Брежнев Леонид Ильич (1906—1982), советский политический деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС (с 1966 г.), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (с 1977 г.). Умер 10 ноября 1982 г. в Москве.

Принято считать, что при Брежневе распространились повальное пьянство, идеологическая апатия, экономика покатила вниз, получили распространение блат, кумовство, взяточничество. Во многом в распространении такого представления о периоде правления Брежнева был заинтересован его преемник Андропов, поставивший целью связать свое имя с выводом СССР из стагнации, а также продолживший его линию Горбачев. Но если обратиться к фактам, то при Брежневе никакого застоя в экономическом смысле не было. Советская экономика развивалась поступательно (2–3 процента в год), хотя и не так динамично, как в эпоху косыгинских реформ (8–10 проц.). Андропову, используя brutальные,

жесткие административные методы, удалось придать ей незначительный импульс (3–4 проц.) в 1983–1984 годы. Подлинный застой, то есть остановка в развитии, случился в последние годы правления Горбачева, который при Ельцине превратился в настоящий экономический коллапс.

Нам, пережившим перестройку и так называемые «рыночные реформы» и то, что произошло на постсоветском пространстве в 90-е годы, смешно с высоты сегодняшнего дня слышать обвинения в адрес брежневской эпохи. Привилегии, которыми располагала тогда партноменклатура, выглядят просто жалкими на фоне доходов современных «новых». Настоящее повальное пьянство получило толчок в результате безумного антиалкогольного указа, принятого Горбачевым в 1985 году. Советский средний класс (техническая и научная интеллигенция, бюрократия среднего звена, высококвалифицированные рабочие), который с таким трудом создавался в эпоху застоя, был в одночасье смят «реформами» 1991–1992 годов. Недаром знаменитый опальный философ Зиновьев, будучи в эмиграции, без всякой иронии назвал брежневскую эпоху вершиной в развитии советского социализма, а то, что последовало вслед за ней – «катастрофой».

1983 год. Живём сокращённой семьёй в городе Брежневе (по случаю переименования города много шуток), работаем, ждём письма от сына, а его самого – на каникулы. Активно осваиваем своё «болото», как назвала наш

участок Вита. И это близко к истине. Вода в любом месте от 40 до 60 сантиметров. В 1983 году на соседнем участке появились соседи, Миша и Лара Довгани, с которыми у нас сложились хорошие отношения. А с Мишей через несколько лет отношения стали дружескими. Миша, глядя на мой надёжно работающий мотоцикл, купил себе такой же. Точек

соприкосновения у нас стало ещё больше.

Как много всего было... Приезд Славика на каникулы и общение его с одноклассниками. К приезду сына я соблазнился публикацией в журнале и сделал монолыжу (типа распространённых сейчас сноубордов). Мы при выходе в лес попробовали на ней скатиться с горки, но у нас ничего не получилось. Хочется отметить, что таких идей в моей жизни и у других людей было много. Они претворялись в изделия своими руками. На это находилось время и желание. К следующим зимним каникулам

1983г, встреча в школе на каникулах.

сына я изготовил парус для лыжника. С этим парусом уже можно было уловить ветер и пронестись на лыжах пару сотен метров по уплотнённому снегу.

Летом мы со Светой совершаем путешествие на поезде к близким людям.

площадь, вымытую и очень красивую в лучах появившегося солнца. Для Светланы – это первое посещение Москвы. Потом был

Прогулка по Москве. Поезд в Москву приходил в четыре часа утра, мы первым поездом метро приехали на Красную

Зуяем по Москве, 1983г.

Донецк, где мы познакомились с семьёй моего племянника Игоря.

Зелёный остров Азовского моря

В

Жданове общение с мамой и остальными близкими людьми. И в

Киеве целых пять дней. Много ходили по городу. Вита и, естественно, Света были в Киеве впервые. Роня за два года жизни в Киеве успела хорошо его изучить. Даже были в костёле на

Киев любим мы и наши дети. В Киеве родился Кольчак!

1983г.

концерте органной музыки и в концертном зале «Украина» слушали симфоническую музыку.

Славка, по моим стопам, ходил на тренировки в альпсекцию и во время нашего путешествия находился в альплагере. Позже приехал домой и немного помог мне носить землю для подъёма грядок.

Дядя Мося и тётя Таня в Челнах

Произошло очень важное для нас событие. Я и Вита встретились в Н-Челнах с Моисеем Савельевичем и

Татьяной Борисовной. А проще – с Витиными родными дядей Мосей и его женой тётёй Таней. С дядей Вита виделась в юности, а с тётёй Таней совсем не виделась. Я писал об этих замечательных людях, когда общался с ними во время моей командировки на остров Сахалин. Сейчас они, очень пожилые люди, путешествуют на теплоходе от Перми по Каме и Волге до Астрахани и обратно. Мы поехали их встречать в речной порт и немного опоздали. Перехватили их в городе во время экскурсии и часа два общались. Во втором их плавании в Н-Челнах был Славик, и мы вместе с ним поехали на встречу. Славик тоже был покорён их обаянием. Я в своей жизни почти не встречал такую гармоничную, обаятельную и интеллигентную семейную пару.

Дядя Мося и тётя Таня давно переехали из Хабаровска в Свердловск – город, в котором они жили перед войной. Тётю Таню иногда ещё привлекали к работе во время приёмных экзаменов, а дядя Мося руководил шахматным кружком во Дворце пионеров. А ещё тётя Таня делала хорошие переводы произведений Агаты Кристи.

Во время путешествия на теплоходе дядя Мося организовал соревнование по шахматам, а в конце провёл сеанс одновременной игры со всеми желающими. Во время одной из командировок на Север я в Свердловске заглянул к ним на несколько часов. Славик и Светлана тоже побывали у них.

Света в студенческие годы даже приехала из Перми на Новый год, и они замечательно встретили его вместе с Татьяной Борисовной.

Ира – сестра Виты.

А в 1985 году во время Октябрьских праздников, я, Вита, и Светлана на три дня слетали в Свердловск в гости к Минухиным. Нам были рады и подготовили насыщенную

Света в студенческие годы даже приехала из Перми на Новый год, и они замечательно встретили его вместе с Татьяной Борисовной.

культурную программу. Мы посмотрели в Ледовом дворце красивое представление большой группы мастеров фигурного катания, а в цирке увидели Куклачёва с его кошками.

Даже за столом прекрасный юмор. Тётя Таня купила на рынке корень хрена и поставила на стол приготовленный хрен двух цветов. На наш вопрос, в чём у них отличие, она улыбнулась и ответила: «Это, чтобы ухаживая за соседкой по столу, можно было спросить: «А вам какого хрена?». В это время проходил шахматный турнир, в котором играл А. Карпов, за которого болел Моисей Савельевич. В отложенной партии он нашёл ход, который вёл к победе Карпова и очень жалел, что нельзя этот ход подсказать шахматисту. На следующий день Карпов сделал этот ход.

Дядя Мося умер в 1988 году. А тётя Таня писала нам прекрасные письма (часто со стихами). Образец такого стиха:

«Не желая отставать от вас на поэтической стезе, шлю свои вирши к наступающему году Зайца.

Напрасно Волк грозит вослед:

Ну, Заяц, погоди!

Он ловко избегает бед,

Он цел и невредим,

Он весел, бодр, он полон сил,

Как снег таёжный, бел,

Ни браконьер не подстрелил, ни Волк его не съел.

Дай Бог и нам весь новый год

Вот так же избегать невзгод,

Чтоб, вроде Зайца, были мы

Не – по – то – пля – е – мы!

Если же вы предпочитаете считать наступающий год «годом золотистого Кота», предлагаю такой вариант:

Знает только рыжий кот,

Что сулит нам Новый год,

То ли радость без забот

То ли ... всё наоборот».

Последнее письмо от тёти Тани пришло 07. 07. 2008 года. А до этого к письму Виты я тоже добавил некоторые свои размышления. Не могу не привести письмо тёти Тани с некоторыми сокращениями, написанное ею в возрасте более девяносто лет:

«Очень дорогие!

Пока моё письмо добредёт до Вас, вы уже, конечно, вернётесь из своего вояжа. Как съездили? Все дела переделали? На детей больших и малых, нагляделись?

Спасибо вам за милые и подробные письма, Гене – особо, за его «воплъ души». Не могу не отреагировать. Генаша, ведь это такое счастье быть востребованным в том, что накоплено за всю жизнь: в знаниях, умениях, опыте! Да ещё знать, что обеспечиваешь материальное благополучие

семьи! Самое нежное общение с внуками, поверьте, не заменит (особенно мужчине) этого гордого (простите за пафос!) сознания. Вы классный мужик. И не можете думать, что «бабушки и дедушки нужны для занятий с внуками» (цитата). Нет спору, они друг другу очень нужны, но не до самоотречения!

Конечно, вы устаёте, и хочется иногда бросить к чертям эту работу и читать книжки с любимым внуком. Но для этого придётся оторвать от себя огромный кусок своей личности, а это, судя по моему опыту (и не только моему), очень болезненная операция.

Но, наверное, я зря распинаюсь: всё это и так понятно. Так что держитесь до последнего, милый племянник! Сил Вам душевных и физических!

Перечитала я вырезки из издаваемой Светланкой газеты и опять «восторгнулась»: неужели она во всей этой технике разбирается?! Всякие «паллеты» и «геометрии кузова» для неё теперь такие же родные и близкие, как сложносочинённые и сложноподчинённые предложения или композиция «Героя нашего времени»?! Ну, Светка, ну, тигра! А пишет – то как легко и уверенно! Молодчина! Видно нашла свою профессиональную нишу! Успехов тебе, девочка, и удовлетворения от них.

Пропущены ответы Вите на вопросы о родственниках.

Кстати, Юрочка (брат т. Тани) был лучшим другом Моси: они, вместе, учились, вместе, после окончания были направлены на Урал, оба работали на Уралмашстрое: Юра в гражданском строительстве, Мося – в промышленном. Даже жили в одной квартире. Так что Мосе не пришлось далеко искать невесту. Их пути разошлись в конце 30-х годов. Но дружба сохранилась до конца.

Наше житьё-бытьё течёт по прежнему руслу. Лизочка (правнучка т. Тани) хорошо закончила свой колледж и несказанно удивила нас своими планами. Она, не без подсказки отца, решила, что «чистым юристом» работа ей не светит, поскольку юристов напекли много больше, чем нужно. Но отец хочет взять её в свою фирму... экономистом. Для этого она собирается пройти 4-х месячные бухгалтерские (!) курсы и попробовать, что у неё получится. На эксперимент отводит год. Если

работа её устроит, останется в фирме и поступит на заочное обучение в финансово-юридический институт (есть у нас такой). Если же нет, пойдёт на очное обучение в юридическую академию. Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Тётя Таня с дочерью Ириной.

Рядом жена внука Димы, правнучки Лиза и Максим.

Всё ясно: Девчонка хочет материальной независимости (приличной зарплаты), а отцу нужен в фирме свой главбух с юридической к тому же

подготовкой. Всё вполне в духе времени. А романтика, вроде адвоката, который помогает людям добиваться правды и справедливости, – это уже пройденный этап.

Пропущена информация о семейных делах.

Я трепыхаюсь, сколько могу. Могу уже немного.

Обнимаю всех. Ваша древняя тётка».

Вот такая замечательная пара советских людей, начавшая свою взрослую жизнь в середине тридцатых годов, тех самых, когда по статьям и книгам проплаченных журналистов, писателей и историков, «половина населения страны находилась в заключении, а вторая половина её охраняла». В таких условиях люди типа дяди Моси и тёти Тани в принципе не могли появиться. Конечно, им горько было наблюдать, как разрушали великую страну. Но наверху чаще всего оказываются люди с заниженной планкой человеческого достоинства. А при современном манипулировании сознанием трудно ожидать, что у их внука, а теперь и правнучки материальный интерес не будет преобладать.

...Вернёмся в 1984 год. Славик приехал на зимние каникулы. Бабушка Муся в это время была у нас. Из письма Виты моей маме:

«О Славке. Сдал сессию с двумя четвёрками, немного сдал свои позиции, но, в общем хорошо. За активную общественную работу ему добавили к стипендии 15%. Выглядит он хорошо. Вес 79 кг, рост 181 см, здоров, настроение бодрое. Умудрился во время сессии съездить на четыре дня в Ленинград. Ходил по музеям. Даже попал на премьеру нового фильма Е. Евтушенко «Детский сад», где был сам автор и отвечал на вопросы зрителей.

Приехал домой, пошёл в свою родную школу – и закрутилась карусель. В 10-м классе его попросили почитать на уроке литературы Маяковского (он его любит и много знает наизусть). Потом вечер встречи. Потом побежал в шахматный клуб, там приехал какой-то известный шахматист. Утром на лыжах, вечером к ребятам. В воскресенье проводили в школе городскую физико-математическую олимпиаду (привезли задачи из института). А вчера мы ходили втроем на греческую эстраду – очень понравились песни с национальным колоритом.

Светлану 28 января приняли в пионеры. Она очень серьёзно к этому относится, и каждый день гладит галстук...

Будьте здоровы, обнимаем. Вита и Марачики. Привет от мамы».

Вот такое письмо счастливой женщины адресованное своей свекрови. Такое жизнеустройство нужно было совершенствовать и укреплять, а не перестраивать, «забивая чубайсовские гвозди в гроб коммунизма».

На заводской базе «Снежок».

Славик бежал впереди, чтобы папа не сбился с лыжни.

Сходили со Славиком на лыжах и для большего интереса пошли на наш огород, а это 12 км. Мороз -25 градусов. По пути испытывали монолыжу. Славик подморозил кончик носа, а я слегка простудил горло. В этом году у меня очередная поездка на Север, но теперь на северную испытательную станцию, которую начали строить и обживать в городе Сусуман Магаданской области. Из Брежнева мы улетели одновременно, я в Сусуман, Славик в Москву, а Мария Хрисанфовна в Харьков.

Пять дней наша группа добиралась в Сусуман. В Якутске минус 53 градуса с хорошим ветерком. Поэтому нас посадили на запасной аэродром, который находится на большом удалении от города, и там нет большого тумана. Перевезли нас на автобусе в основной аэропорт, где мы провели трое суток большим цыганским табором. Володя Бушуев в студенческие годы что-то строил в Якутске, и ему захотелось посмотреть место стройки, где он работал в стройотряде. А меня составить ему компанию уговаривать не нужно. Я поехал вместе с ним на маршрутном автобусе. Удивительно, но при таком морозе обычные автобусы ЛИАЗ уверенно ездят по своим маршрутам. Когда очень нужно, люди проявляют чудеса изобретательности. А вот нашей одежды хватило, чтобы пройтись по Якутску только короткими перебежками. Это было дневное время – работали магазины и административные учреждения. Володя быстро посмотрел микрорайон, в котором он строил. Мы купили немного продуктов и вернулись в аэропорт.

На третий день мы вылетели в Магадан. Там было теплее, но отсутствовали билеты на самолёт. Пришлось соглашаться на переполненный автобус. Представьте автобус ЛАЗ со специальными дощечками между сидениями в проходе, полный пассажиров в зимней одежде, да ещё сумки. Вот так мы и ехали 18 часов без возможности как-то изменить своё положение. Да

ещё жёсткая дощечка у пассажиров, сидевших в проходе. Через замёрзшие стёкла ничего не видно, поэтому даже посмотреть на окрестности мы не могли.

При входе в столовую.

А вот условия на испытательной станции были лучше, чем в Усть-Нере. Жили мы в обычной пятиэтажке, где часть квартир приспособили под гостиницу. А на рабочем месте можно было заниматься подготовкой машины

при плюсовой температуре. А у меня возникла мысль спроектировать и изготовить перевозимый на автомобиле маленький утеплённый бокс с обогревом, столом для приборов и маленьким верстаком. Под моим большим нажимом, позже, такой бокс был изготовлен, но возили его на испытания один раз, и использовался он не по прямому назначению.

Об измерениях писать не буду. Всё уже отработано. А вот в горы меня опять потянуло. На этот раз не к «зубам дракона», а к седловине между двумя

сопками. Там находился ретранслятор. Бригада туда забрасывалась вертолётom на неделю, а потом прилетала смена. На этот раз согласился пойти со мной Володя Бушуев. Трудновато дался нам подъём, но мы его осуществили. Нас там хорошо встретили, поговорили, напоили чаем. А когда наша одежда немного просохла от пота, мы спустились вниз. Как-то не запомнились мне открывшиеся сверху красоты. Возможно потому, что это была седловина, а не вершина.

Запомнилась хорошая баня, в которую длительно работающие на севере люди приходят на половину дня, как в клуб и общаются между собой группами по интересам. Даже комната отдыха разделена перегородкой, установленной зигзагом. Поэтому каждая группа не мешает другим. Мне показалось, что большинство людей в бане приехали на север с Украины. Я с интересом послушал их разговоры.

Мощные трактора тоже используются для перевозки грузов.

А обратная дорога у меня заняла всего 16 часов по маршруту – Сусуман, Магадан, Москва, Брежнев. Просто фантастика. Вот только не радовало, что даже я вёз из Сусумана 4,5 кг иностранной баранины и 2 кг сливочного масла. А вот на этот раз я в магазинах не увидел не только экзотических сапожек, но даже тапочек из меха якутской лошади. Тревожные тенденции в стране нарастали, и их вполне можно было решить, не «выплёскивая вместе с водой и ребёнком».

Вернулся домой 21. 02. 1984 года и продолжилась обычная наша насыщенная жизнь. Заводские проблемы и новые задания по измерениям, которые решать всё сложнее. И они решаются. Жить и работать в таком ритме интересно. Из истории КамАЗа. Годом ранее:

«Февраль 1983 года – главным событием этого года стало создание производственной фирмы «КАМАЗавтоцентр», главной задачей которой стало обеспечение всех автомобилей «КамАЗ» гарантийным обслуживанием и поставка запасных частей к ним на весь период жизни автомобиля. Уже к концу десятилетия в его составе было 210 автоцентров. Развитая сеть автоцентров на огромной территории СССР, а также за рубежом сразу же сблизила КАМАЗ с потребителем, позволила оперативно реагировать на требования заказчика, эффективно проводить маркетинговые исследования, максимально быстро осуществлять ремонт автомобилей и поставки запчастей. В настоящее время автоцентры КАМАЗа превращаются также в активно действующие дилерские центры по продаже автомобилей и запчастей».

Так что никакого застоя на заводе не наблюдалось.

Приходится основательно заниматься огородом. Мы всё больше втягиваемся в выращивание овощей и ягод. Выращивание рассады, строительство теплицы, поднятие грядок. Маленький домик предельно простой конструкции. Впоследствии, во время одной из встреч с однокурсниками, мой друг Толя Семенов сказал по поводу нашего домика: «Видел я на видео двухэтажный дом построенный Генкой (далее пауза) – для пчёл больше делают». Похоже, разумная достаточность появилась во мне ещё до моего рождения. И сейчас, когда стоит вопрос о нецелесообразности дальнейшей нашей огородной деятельности, понятно, что такой подход был правильным.

Свете 10 лет. Она хорошо учится и пока с интересом ездит с нами на огород. У наших соседей дочка Оля, на год младше Светы. Вдвоём им веселее. А Славка сразу после каникул уехал на Кавказ в альплагерь Алибек. Им (альпинистам) выделили путёвки в горнолыжные лагеря. Поездка за счёт учёбы, но очевидно стоит того, чтобы потом чуть больше напрячься. О деньгах как видите, речь не идёт.

Кстати, освоение огорода шло тоже практически без денежных затрат. Только на текущие расходы, бензин, полиэтиленовую плёнку, семена и т. д. В советский период страна производила всего с избытком (вот над этим стоило думать), и поэтому всегда в небольших

количествах можно было найти и приспособить

излишки, отходы, вторсырьё. Каркас своего домика я сварил из труб, которые отработали своё в подвале нашего дома. А две дорожки в огороде из боя тротуарной плитки, которая оставалась после строительства новых микрорайонов.

Наши любимцы Яша и Уша...

Р-р-р — мяу!

Яша и Уша на даче.

К приезду Б. Н. Ельцина на нашем проспекте срочно высадили красивые ели, а в нашем дворе дали указание срезать ограждения, изготовленные из трубы диаметром 40 мм. Большая груда этих конструкций лежала несколько

дней за трансформаторной подстанцией, пока у меня не родилась идея превратить их в каркасы двух теплиц. К этому времени я спроектировал и

Новая дорожка.

изготовил грузовой прицеп к мотоциклу с использованием колёс мотоцикла «Днепр». Кстати, получилась хорошая конструкция. При испытаниях я на этом прицепе перевёз из района гаража на огород (за один рейс) 850 кг чернозёма при весе самого прицепа чуть больше 50-ти кг. Вот на этом прицепе я увёз в

Ах, «Вицелист», «Вицелист»!

гараж эти ограждения. А дальше дело техники, когда у тебя есть собственная хорошая мастерская. Возникла мысль предложить такой прицеп для производства. Я даже подготовил техническую документацию. Но большинство умельцев любят придумывать, изготавливать, испытывать, а делать деньги им неинтересно. Много я и Миша Довгань перевезли

на этом прицепе земли и навоза... Прицеп хранился у меня на огороде со снятыми колёсами, чтобы не смущать на городских дорогах инспекторов ГАИ, а на огороде возможных воришек. Так что даже земля для подъёма грядок и навоз тоже не требовали денег, только время и собственный труд. Приводить примеры можно долго. Сейчас умение делать деньги стало основной ценностью и неважно, каким путём. Приближалось время, когда юноши открыто стали заявлять, что хотят стать «братками» – членами организационно-преступных группировок, а девушек привлекала романтика профессии проститутки.

Начало освоения участка у Сударевых.

Но пока Вита вместе с мамой улетела в Харьков через Москву. Было достаточно времени побродить по Москве и даже перед посадкой пообщаться с «ученым котом» Славиком. Бабушка Муся потом долго рассказывала своей сестре Лёле о Москве. В Харькове Вита встретила через 20 лет с выпускниками их факультета. Три дня у неё пролетели как одно мгновение.

Наша дочка в этом году начала учиться в школе, которую закончил Славик. И её стали учить несколько любимых Славкиных учителей. А 31 октября ещё одно 20-летие, юбилей нашей свадьбы.

Из письма Виты Качурам: *«Гена и во время отпуска запланировал много дел, но всё-таки мы посмотрели «Европейскую историю» и сделали выход в нашу новую баню – гордость челнинцев, с сауной, парной, бассейном и т. д.*

Наш завод с первого января переходит на полный хозрасчёт, так называется система труда и зарплаты «по эксперименту». А пока что у нас забрали лучшего директора литейного завода (из шести). Теперь он генеральный директор строящегося Елабужского тракторного завода – ещё одного гиганта в 18 км от нас».

«Н. И. Бех в 1984-1986 годах - генеральный директор строящегося Камского тракторного завода в г. Елабуге.

С 1987 по 1997 годы — Первый руководитель ОАО «КАМАЗ» (президент и генеральный директор)».

У сына в Москве серьёзная влюблённость и он даже приехал с девушкой на пять дней в Харьков (нам ничего не сообщил). У бабушки с дедушкой волнение, которое передалось и нам. Пользуясь возможностью съездить в Москву на выставку, я лечу в Москву прояснить ситуацию. Обычная человеческая ситуация. До свадьбы на этот раз дело не дошло.

1985 год – начало разрушения советского государства под видом его совершенствования и укрепления. Вроде бесстрастные, но лукавые данные из Википедии:

«Михаил Сергеевич Горбачёв (род. 2 марта 1931, Привольное, Северо-Кавказский край) — советский, российский государственный, политический и общественный деятель. Последний генеральный секретарь ЦК КПСС. Последний Председатель Президиума Верховного Совета СССР, затем первый председатель Верховного Совета СССР. Первый и последний Президент СССР».

События во время правления Горбачева:

1985, март — на пленуме ЦК КПСС генеральным секретарем избран Михаил Горбачев (главным соперником на этот пост считался Виктор Гришин, однако выбор был сделан в пользу более молодого Горбачева).

1985 — издание «полусухого» закона, водка по талонам.

1985, июль-август — XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

1986 — авария на четвёртом энергоблоке Чернобыльской АЭС. Эвакуация населения из «зоны отчуждения». Строительство саркофага над разрушенным блоком.

1986 — возвращение Андрея Сахарова в Москву.

1987, январь — объявление «Перестройки».

1988 — празднование тысячелетия крещения Руси.

1988 — закон «О кооперации» в СССР, положивший начало современному предпринимательству.

1989, 9 ноября — разрушена Берлинская стена, олицетворявшая «железный занавес».

1989, февраль — закончен вывод войск из Афганистана.

1989, 25 мая — начался I Съезд народных депутатов СССР.

1990 — присоединение ГДР (включая восточный Берлин) и западного Берлина к ФРГ — первое продвижение НАТО на восток.

1990, март — введение поста президента СССР, который должен был избираться на выборах на пять лет. В качестве исключения, первый президент СССР был избран третьим Съездом народных депутатов, им стал председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев.

1990, 12 июня — принятие декларации о суверенитете РСФСР.

1991, 19 августа — Августовский путч — попытка отстранения членами ГКЧП Михаила Горбачева «по состоянию здоровья» и таким образом сохранения СССР.

1991, 22 августа — провал путчистов. Запрет республиканских компартий большинством союзных республик.

1991, сентябрь — новый высший орган власти Госсовет СССР во главе с президентом СССР Горбачевым признает независимость прибалтийских союзных республик (Латвии, Литвы, Эстонии).

1991, декабрь — главы трех союзных республик: РСФСР (Российской Федерации), Украины (УССР) и Республики Беларусь (БССР) в Беловежской пуще подписывают «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств», в котором заявляется о прекращении существования СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицирует соглашение и денонсирует договор об образовании СССР 1922 года.

1991 — 25 декабря М. С. Горбачев уходит в отставку с поста президента СССР. Указом президента РСФСР Б. Н. Ельцина государство РСФСР изменило наименование на «Российская Федерация». Однако, закреплено в конституции оно было лишь в мае 1992 года.

1991 — 26 декабря верхняя палата Верховного Совета СССР юридически ликвидирует СССР.

Мне уже сейчас многие, читая ещё неоконченную книгу, задают вопрос: «Почему развалился Советский Союз, если там было всё хорошо»? Во-первых, СССР не развалился, а его развалили и в этом были задействованы мощные внешние силы, а во-вторых, основательно поработала «пятая колонна» внутри страны и, к сожалению, часть руководителей советского государства. Думаю, что ещё до избрания, Горбачёву поставили задачу серьёзного изменения курса страны. Действия Горбачёва, Ельцина и помогавшим им людям — это самое настоящее предательство. Далее размышления (без автора) взятые из Интернета, близкие мне, по сути:

«Предательство — понятие, существующее у всех народов, в докапиталистическую эпоху каралось смертной казнью. В настоящее

время обычно уголовно наказуемо. В связи с тем, что эта «ценность» является основой рыночных отношений, буржуазная мораль стремится вывести это понятие в сферу обычных гражданских отношений (символический дуализм термина гражданский, ведь на войне предательство по-прежнему карается). При отсутствии обмана, предательства, мошенничества и насилия быстрое перераспределение богатств в обществе было бы невозможным, а без них рыночные отношения – блеф. Именно быстрое перераспределение богатства является основой рынка и так называемой «Американской мечты», на которой и зиждется привлекательность рынка. «Не обманешь – не продашь» – народная мудрость. Типичным предателем является «Мальчиш-плохий» из сказки А. Гайдара.

Вообще-то, понятие предательство относится к разряду естественных прав человека, то есть относиться к человеку как к предателю или приветствовать его действия – это вопрос свободы совести каждого, но не государства. Государство (народ в его лице) может лишь наказывать за ущерб, нанесенный ему предателем. В середине восьмидесятых годов наш народ был предан его правящей и интеллектуальной элитой, в том числе руководством Коммунистической партии Советского Союза, которым были доверены определенные функции. Фразы, которыми заполнены страницы печати тех лет, о том, что, мол, советский человек («совок») «не привык» САМ бороться за свои права, жизнь, благополучие и т.п. – все это ничего не значащая демагогия, так как во всех странах между государством и народом существует разделение обязанностей, и люди (жители той или иной страны) «не привыкли» заниматься теми вещами, которые входят в обязанность государства, да никто им это и не позволит. «Суд Линча», например, считается преступлением в любой цивилизованной стране, ограбление банка – также. Суть происходящего в тот период заключалось в том, что люди, которым народ доверил судьбу страны, ее могущество, сохранение достигнутого уровня на мировой арене, использовали своё положение в личных целях в силу то ли глупости, то ли подлости. В конечном итоге сейчас это уже не так важно, а сложившуюся ситуацию придётся исправлять людям, читающим эти строки.

Не менее драматичная ситуация складывается в настоящее время на планете в целом. Известно, что планета перенаселена, ресурсов на всех не хватает и не хватит: о чем предупреждал Мальтус еще 200 лет назад. Народы мира пока еще доверяют своим элитам и правительствам и надеются, что те найдут выход из складывающегося положения. Но руководители Мира, скрывая правду от масс, ищут лишь пути ещё больше разбогатеть, ещё лучше пристроиться и, в перспективе, сохраниться самим: на островах, за границей, в бункерах или изолированных регионах. В то же время в «Экологическую эпоху» на планете может возникнуть новая «экологическая этика», которая не позволит им это сделать, например, «этика возмездия».

А мы живём в привычном ритме. У нашего КИБа работы много, и мы её с трудом выполняем. Не хватает людей, особенно толковых, и сложность работ постепенно растёт. И в этом есть определённый интерес.

В лаборатории, где работает Вита, я обнаружил однокомпонентный эпоксидный клей. Женщины проводили испытания на предмет соответствия его характеристик указанных в документации, а мы часто в чём-то девочкам помогали. Я тоже у себя его испытал и понял, что для наших исследовательских экспериментов этот клей большая находка. Его разработал украинский НИИ пластмасс для перехода на ВАЗе во многих местах от контактной сварки к использованию клея. В нашей работе и в моих домашних экспериментах этот клей произвёл маленькую революцию. Не буду утомлять читателей технологическими тонкостями. Институт, разработавший клей, находился в Донецке, и я стал почти каждый год ездить в Донецк за очередной порцией клея, заезжая при этом на пару дней к маме в Жданов. Вот и в 1985 году я весной съездил в Донецк и Жданов.

Хочу отметить, что переписка с мамой была активной. Передо мной сейчас лежат семь писем, написанных мною в Жданов за 1985 год. А ещё писала Вита и, иногда, наши дети. В апреле 1985 года маме исполнилось 80 лет, и мы летом отметили такой серьёзный юбилей ещё раз.

Часто мы ездили в командировки и не только на испытания. Выставки, обмен опытом, для обучения. Вот и Вита съездила в Ленинград. Любопытны её наблюдения. Из её письма моей маме:

«Здравствуйте, Александра Петровна!

Я в этом году как лягушка-путешественница. С 13 мая нахожусь в Ленинграде на повышении квалификации. Завтра уезжаю домой (20-го), соскучилась ужасно.

В Ленинграде я не была 10 лет и нахожу большие изменения, к сожалению, не в лучшую сторону. Город, конечно, прекрасный – музей. А вот люди совсем не похожи на тех ленинградцев, о которых сложилось мнение, как самых воспитанных и доброжелательных. Да и приезжих много, в том числе иностранцев.

Живу я на квартире у пожилой женщины – со всеми удобствами. У неё здесь нет никого. Мы с ней вместе ездили на Пискаревский мемориал. И по всем музеям я ходила, ездила в город Пушкин и на теплоходе по рекам и каналам Ленинграда. По магазинам тоже ходила, купила Гене куртку для мотоцикла, Славику летние брюки, Светлане нарядное платье и себе что-то модное – непонятное из ткани х/б с кружевами (недорогое). С продуктами в Ленинграде не очень, я не могла ни чай хороший купить, ни кофе растворимый. Мясо есть (за говядиной даже очередь), колбаса только варёная.

Была в театре, попала на гастроли московского театра с актёром, которого люблю – Николаем Караченцовым. Он играет Тилья Уленишпигеля в спектакле «Тиль». Много песен и музыки.

Ещё попала на неделю французских фильмов. Посмотрела два – кошмар: убийства, проституция, всё продаётся и покупается. Ещё и звезда с дикой фамилией Миу-Миу.

Вспомнив Юрины увлечения, сходила на вокально-инструментальный ансамбль «Ариэль» – понравился, и на рок-группу «Земляне» – чёрте что. Пять лохматых «джинсово-вельветовых» мальчиков под визг такой же аудитории, под дикую цветомузыку «выдали»...

Завтра еду поездом до Москвы, а оттуда нашим камазовским самолётом домой. Какие у Вас новости? Как девчата? Привет Колпенским и Качурам.

До свидания, будьте здоровы! Вита.

Не хочется комментировать Витино письмо. Моё короткое мнение о начавшихся тенденциях в стране. Хорошая командировка для повышения квалификации в прекрасном городе уже начала сочетаться с заразой западной псевдокультуры и мнимой свободой, начавшей проникать к нам через дырки «железного занавеса». А рок-группа «Земляне» просто копирует раскрученную британскую рок-группу «The Beatles». Маховик оглупления советских людей (особенно молодёжи) начал раскручиваться всё быстрее с использованием западных ценностей да ещё в нашей интерпретации.

Света заканчивает четвёртый класс, и мы в 1985 году планируем поездку на мотоцикле «Днепр» в Жданов по другому маршруту, чем в 1981 году. А у меня ещё и встреча с однокурсниками. Мы уже встречались через 15 лет после окончания института, и вот уже прошло 20 лет. О поездке в ноябре этого года в Свердловск я написал выше. Наш амбициозный сын в этом году решает проблему перехода в группу физиков-теоретиков. А летом во второй раз едет в альпинистский лагерь. Строительство гаражей уже перевалило за середину. Да ещё огород. Что ещё нужно людям для счастья? Далее кратко и по порядку.

Поездка на «Днепре» в г. Жданов с Витой и Светланой по маршруту вдоль реки Волги через Саратов, Волгоград и Ростов. Пишу только о наиболее ярких моментах путешествия. В городе ввели талоны на мясо. Чтобы они не пропали, Вита перед отъездом приносит из магазина три курицы, и я из них делаю тушёнку. Занимаюсь этим впервые с использованием скороварки. Особенность в том, что сваренное мясо со специями, раскладывается по стеклянным банкам, закрывается крышками с резиновыми прокладками, которые закрепляются пружинными прижимами. Затем эти банки стерилизуются в скороварке при температуре 120 градусов. Оценили мы эту тушёнку во время поездки. А получилось у меня 10 банок. Последнюю банку мы открыли на обратном пути в Харькове, и Витина мама высоко оценила вкусовые качества продукта, даже после трёх недель пребывания тушёнки в багажнике мотоцикла в жаркую летнюю погоду. Позднее такую тешенку мы делали для Светы в Пермь, и она увозила ее в общежитие. Закончу гастрономическую тему выходом Виты на наш челнинский рынок перед отъездом. Она увидела, как бабуля раскладывает на прилавке что-то завернутое в крупные листья какого-то дерева. Пока спрашивала, что она продаёт, подошедшие люди стали быстро раскупать

продукт. Вита еле успела купить один свёрток. В нём было сливочное масло собственного изготовления. Больше мне не приходилось, есть такое вкусное масло.

Нас провожает Фильза.

Едем на юг, после Саратова – трасса пустынна. Наша скорость около 70-и км/час. Нас обгоняет водитель на мотоцикле «Ява» с коляской и длительное время «маячит» перед нами. Меня это начинает раздражать. Приближаюсь к мотоциклу и еду вплотную, не пытаюсь обгонять. Похоже, прибавить скорость водитель не может и через 10 минут, сбавив скорость, сам пропускает нас вперёд. Я проникаюсь уважением к нашему мотоциклу, что немного позже накажет нас.

На половине пути от Саратова до Волгограда, двигатель у меня стал неравномерно работать и остановился. Нет искры. Коснувшись батареи аккумуляторов, сразу отёрнул руку, настолько стеклопластиковая коробка была горячей. Я в этот сезон стал использовать круглые кадмиево-никелевые аккумуляторы от приборов. Размер их как у больших советских батареек для приёмника. Емкость 3,5 ампер-часа. Открываю крышку, достаю один из аккумуляторов из десяти, который приходится перебрасывать с одной ладони на другую, как уголёк от костра. Первая мысль – дальше на буксире до города, а там поиски аккумулятора. А пока охлаждались свои аккумуляторы, проверяю электронный усилитель зажигания с помощью тестера и убеждаюсь, что силовые транзисторы вышли из строя. Нужно переходить на классическую схему зажигания, но у меня установлена катушка зажигания собственного изготовления, у которой сопротивление первичной катушки почти в 10 раз меньше, чем у заводской.

Приятная неожиданность. Аккумуляторы остыв, сохранили свой заряд. Спасибо японским разработчикам. Дальше дело техники. Нашёлся у меня моточек тонкой стальной проволоки, чтобы изготовить добавочный резистор для катушки зажигания. С трудом присоединил оторвавшийся проводок в регуляторе напряжения (он был первопричиной наших бед), и двигатель завёлся.

Перед Волгоградом мои женщины переоделись, приняв цивилизованный вид для экскурсии по городу-герою. Я остановился в низине около монумента «Родина-мать». Место, к сожалению, слегка напоминало

общественный туалет, даже не могу понять почему. До монумента было не менее трёхсот метров. И, пока Вита со Светой знакомилась с городом, я занимался мотоциклом. Вернувшись, они принесли мне что-то вкусное и нагреватель из тонкой нихромовой проволоки. Я заменил длинный стальной провод компактным нихромовым, который проработал, пока мы не вернулись домой, и я не восстановил электронику.

Переночевали за Волгоградом и рано утром двинулись по трассе в сторону Ростова. Пересекли реку Дон и остановились у придорожного рынка. Ко мне подошёл офицер и выразил своё удивление, что наш нагруженный мотоцикл долго двигался с большой скоростью. Он оказывается на машине долго ехал за нами. Я не придавал его вопросу серьёзного значения. Вита купила берет, связанный из шерсти, что-то ещё, и мы поехали дальше. Мотоцикл уверенно, по утренней прохладе, двигался под 90 км/час. Через два часа летнее солнце поднялось высоко, нагревая асфальт и, соответственно, воздух над ним. Условия охлаждения двигателя резко ухудшились. Жара, похоже, повлияла и на мою голову. Я продолжал двигаться, не снижая скорость. А ведь не зря в паспорте на мотоцикл стоит цифра 70...

Неожиданно в двигателе раздался резкий металлический звук и из него пошёл белый дым, окутывая меня и Виту. Мотоцикл продолжал двигаться, и я постарался быстро остановить его. Даже у стоящего мотоцикла некоторое время продолжал выходить дым из картера двигателя, похожий на пар. Я не сразу смог понять, что произошло. После проверки компрессии стало ясно, что в одном цилиндре она полностью отсутствует. Прогорела головка поршня, у которого ещё отвалилась часть юбки поршня ниже второго маслосъёмного кольца, вместе с самим кольцом. Что делают в таких случаях? Заменяют поршень, если есть чем заменить. У нас поршня не было и, тем не менее, через два часа мы поехали без посторонней помощи и проехали до Жданова более 500 км, правда, со скоростью не более 50 км/час. Вита даже с огорчением сказала: «Я уже не могу видеть, как нас все обгоняют». Чудо? Нет, приобретённый опыт и эпоксидный клей с винтом, позволили заделать прогоревшее отверстие в поршне, а маленький костёр выполнить полимеризацию клея. Поршень без оторвавшейся части юбки, создавал повышенное сопротивление его движению и поэтому такая низкая скорость мотоцикла.

Немного о конструкции поршней двигателей внутреннего сгорания (ДВС), уникальной детали двигателя (хотя в ДВС почти всё уникально):

«Особое внимание уделено форме наружной поверхности. Внешний профиль боковой поверхности поршня формируется с учетом деформаций от механических нагрузок (давления газов и инерционных сил) и теплового воздействия от сгорания топливовоздушной смеси таким образом, чтобы ни при каких условиях не произошло заклинивание в цилиндре, прорыв горячих газов в картер, прогорание камеры сгорания.»

Температура поршня в зоне камеры сгорания (на днище) выше, чем на юбке, температурное расширение головки больше чем юбки, поэтому

поршень в холодном состоянии – бочкообразный, с уменьшением диаметра от юбки к головке.

Сила давления газов, силы инерции и боковая сила деформируют поршень так, что юбка овализируется. Для компенсации этой деформации поршень изначально выполняется с «противоэллипсом», большая ось которого расположена в перпендикулярно оси пальцевого отверстия».

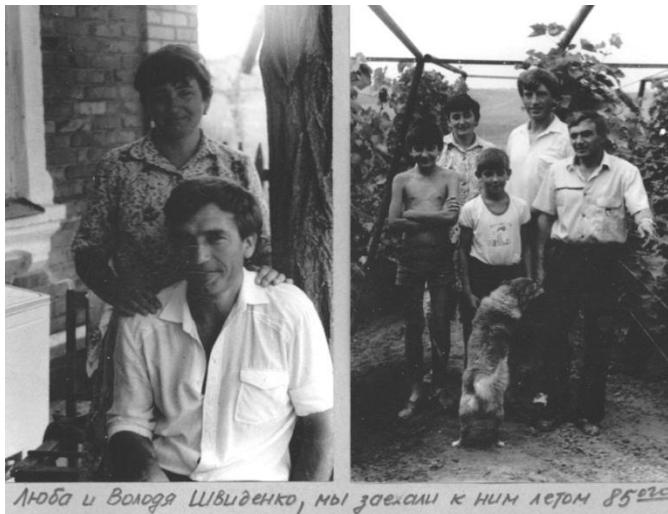
И это только в плане конструкции. А сколько других специалистов должны провести комплекс исследований, чтобы поршень мог проработать без ремонта при пробеге автомобиля хотя бы 100000 км. И почему должно считаться нормальным устройство общества, где люди, умеющие создавать такие изделия, в материальном плане являются людьми второго сорта (также как врачи и учителя) по сравнению с примитивным шоу-бизнесом, работниками банков и т. д.? Наверное, было бы справедливым (божеским), чтобы владыкой мира стал труд. Десять лет спустя, по необходимости и из интереса, я для своего мотоцикла сделал из поршней нормального размера поршни второго ремонтного размера, соблюдая необходимую овальность и бочкообразность. Своего рода высший пилотаж.

Читатель, наверное, помнит, что родился я в посёлке Первомайск. Вот наш путь проходил через мою малую родину и кладбище, где похоронены мои бабушка и отец. Остановились и постояли немного у могил.

В этот приезд мы не планировали радиальных поездок из города. Но одна поездка всё-таки была. Но вначале решили проблему замены поршней. Как и раньше, вдвоём с Лёней на машине объездили магазины запчастей и нашли поршни только в ремонтной мастерской, где нам их продали с наценкой за установку. Я предпочитал такую работу делать сам, да и время сэкономилось.

Съездили мы на два дня в греческое село Малоянисоль, где уже два года жили наши друзья Люба и Володя Швиденки, где они и сейчас живут, занимаясь натуральным хозяйством. К сожалению, их переезд в село Любиной маме не помог. Потом преждевременно ушли из жизни ещё несколько близких людей. В этом им помогли современные «прелести» жизнеустройства. А у Любы и Володи получилась дружная семья и гармоничная связь с природой, которая помогает в их нелёгком труде. Почти при каждом посещении Жданова (Мариуполя) мы стараемся побывать у них и получаем от них частицу их жизнестойкости.

По случаю нашего приезда и прошедшего восьмидесятилетия моей мамы собрались ближайшие родственники и хорошо пообщались за столом. Немного позже устроила застолье тётя Маруся по случаю нашего приезда и Лоры

Люба и Володя Швиденко, мы заехали к ним летом 85ггг

Ильиной с сыном Митей. Лора, моя двоюродная сестра и, соответственно, тоже племянница тёти Маруси. Тётя ещё жила в районе завода Ильича. Своего мужа она недавно похоронила, своих детей у неё не было, и она очень дорожила вниманием детей Петра Яковлевича и вниманием своих племянников.

Моя любимая тётя Маруся.

Съездили к моему школьному другу Шабанову. Хорошая семья, и они всегда нам рады. Разговоры, разговоры и застолье. Света сразу заинтересовалась собакой и другой живностью во дворе. Младший сын Гены и Тани Саша на два года старше Светы. Таня пошутила: «Саша, смотри, какая для тебя невеста растёт». Саша немного подумал и ответил: «Так она ведь маленькая». Таня ответила: «Саша, она ведь быстро вырастет». Немного жаль, что сейчас родители практически не участвуют в выборе пары при создании детьми своих семей. Хорошо навещать настоящих друзей.

В этот раз не было пансионатов и баз отдыха. Колпенские предложили нам для отдыха свою дачу. Лёне выделили участок для неё в 50-ти метрах от берега моря как участнику Великой Отечественной

войны. Лёня уже не работал и с удовольствием осваивал участок, всё практически делаю своими руками. Мы могли уже отдыхать на даче в маленьком двухкомнатном домике с верандой. Что-то росло на деревьях. Уже был свой виноград. Но больше всего удивляли помидоры. Мы их собирали каждый день, и на следующий день краснели новые. В

море можно было лежать хоть целый день. В этих местах море (Таганрогский залив) мелкое и тёплое. Было немного скучно. Старались делать и что-то полезное на участке. Веселее становилось, когда приезжал Лёня с семьёй и мамой. Рядом

был большой бакай, заросший у берегов тростником и камышом. Можно было плавать и в нём. Глубина в нём больше. Но удовольствия как в детстве я уже не испытывал. Так устроен нормальный человек, что для полного удовольствия ему, кроме красивых мест и пассивного отдыха, ещё нужно немного полезного дела.

На 16 августа у меня была назначена встреча с однокурсниками, но мы приехали в Харьков немного раньше. Далее выдержки из моих писем в Жданов в 1985 году:

«Вот мы уже и начали трудиться. Из Харькова до Брежнева добрался за 2,5 дня без аварий. Ехал через Москву. Погода благоприятствовала. Вдоль дороги на Москву почти у всех населённых пунктов длинными рядами люди продают вёдрами яблоки, груши, сливы, лук, помидоры. После Москвы очень мало.»

В Харькове сделали со Светланой выход в парк Горького и в зоопарк – это культурная программа. Были у Березовских. Там обстановка не очень. У дяди Васи появилась ещё одна болезнь – сужение пищевода, а тётя Лёля сама себе укорачивает жизнь тем, что всё пытается повернуть жизнь близких людей на свой лад. И тут ничего не сделаешь. Это у неё сильнее здравого смысла. На два дня заезжали после отдыха средние Березовские.

Вита с ними виделась в аэропорту около 15-ти минут.

АП10-Б.

16-го у нас была официальная часть встречи. Из нашей группы

время сплавлялись на байдарках.

АП10-В.

собрались 14 человек, у Толи Семенцова больше. Собрались почти все интересные для меня люди: Толя Семенцов, Клава, Юра Пестов, Вадим Литвиненко, Толя и Лора Макаренки. Не было Зины. Обязанности перед мужем оказалась сильнее. Они в это

Конечно, встречи – это здорово.

Тех, кого видел пять лет назад, не особенно изменились. 17-го был день

отдыха и бесед. Нам организовали выезд в кемпинг под Харьковом. Лес, источник, озеро, столовая и сауна. Мы были вместе с Витой. Был хороший солнечный день. Это место как-то связано с писателем, философом и педагогом Г. С. Сковородой. Хорошо отдохнули и наговорились.

18-го утром я в 10.20 выехал. А Вита и Светлана должны были вылететь в 16.00, но учитывая, что вылет совпал с днём авиации, их самолёт улетел только утром. 21-го мы все вместе были на нашем огороде.

На заводе особых изменений нет. Отработали без меня хорошо. Но сейчас увольняются четверо рабочих. В основном, из числа работников, о которых жалеть не приходится, кроме одного. Плохо другое, что штаты отдела переполнены и принять новых рабочих будет трудно. Правда, одного приняли в моё отсутствие. Окончил Елабужский пединститут – физик.

После всех расставаний с близкими людьми, пока ехал один на мотоцикле, была такая пустота внутри, но сейчас всё понемногу входит в своё русло.

Мама, большой тебе привет от Толи Семенцова, Юры Пестова, Лоры Макаренко.

23. 08. 1985 г.

Славик на коньках в Приэльбрусье.

Мы вошли в свой обычный ритм

жизни. Славик к нам добрался из альплагеря только 5-го сентября. Его в конце смены неожиданно пригласили пойти наблюдателем с группой инструкторов на вершину, и они из-за непогоды три дня не могли

спуститься вниз. Он доволен. Много рассказывал о фестивале (Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. 1985 год) и лагере. Отвлёкся от института. Теперь надо определяться в новой группе.

Я по понедельникам продолжаю ходить на строительство гаража. Работы ещё много. На огород остаётся только воскресенье, но не каждое. Неожиданно для себя купили большую тракторную тележку перегоня за 25 рублей. Теперь у нас всё

как у людей. К домику в этом году не прикасался.

Собираемся в октябре пойти со Светланой в бассейн в посёлке ГЭС. Попробую научить её плавать. Кроме того, на Октябрьские праздники собираемся съездить в Свердловск к брату Виктора Савельевича.

На заводе без изменений. Слушаем призывы М. С. Горбачёва, но на месте пока то же. 18. 09. 1985 г.

P. S. 16-го (день смерти моего отца) многое вспоминалось из детства.

Очень рады завершению вашей квартирной эпопеи. Мы здесь чуть не прыгали. Аза, мне со своей колокольни кажется, что уже можно было и совсем пойти на пенсию. Что-то ведь надо делать по укреплению здоровья. Когда на заводе иногда теряется надежда на существенные изменения, сам бы пошёл на пенсию.

У нас всё по-прежнему. Крутимся, и толком ни на что не хватает времени. С гаражом это ещё надолго. Очень уж бестолково идёт эта стройка. Но я себя решил этим не расстраивать. Хожу, отрабатываю, и стараюсь не забивать себе голову, кто и как на моём труде зарабатывает. Думаю, что к следующей осени мы гараж домучаем. Появляется иногда желание избавиться от транспорта и огорода и начать здоровую жизнь, но это так. Можно поговорить, а дороги назад нет. Я твёрдо решил, что ничего крупного для себя я больше затевать не буду. Огород освоен, гараж закончим, и у нас должно будет появиться время на личную жизнь.

Дети нас пока радуют. У Славика сейчас напряжённая пора – вхождение в колею в новой группе. Ему ещё несколько дисциплин нужно подтягивать. Но я так думаю, что ненапряжённой поры у него уже не будет. Светланка занимается хорошо. Купили абонементы в бассейн ей и мне. Теперь три раза в неделю ездим с ней в посёлок ГЭС. Уходит много времени, но нужно научить её хорошо плавать.

На заводе всё по-прежнему. Работа есть, а изменений пока не чувствуется никаких. Переизбрали свой партком практически в том же составе. Впервые на нашем собрании в УГК присутствовали представители из парткома КамАЗа, района, дирекции и даже Казани, а прошло все, как и десять лет назад. Как будто и нет правильных

выступлений Горбачёва. С первого января объединение переходит на эксперимент, а что должно измениться, мы не знаем. Но в моём коллективе обстановка бодрая, с начальством нахожу общий язык. Работать можно. 04. 10. 1985 г.

Мы съездили (слетали) в Свердловск. Нас очень тепло встретили. Очень интересные интеллигентные старики. Устроили нам культурную программу. Их дочь Ира (Витина двоюродная сестра) нам тоже очень понравилась.

В субботу Вита вернулась из Москвы. Была там три дня в командировке. Пообщалась с сыном и с Ильиными. У Славки, в основном, всё нормально. Загрузка большая. Ему в новой группе нужно досдать два курса (предмета). Один он подготовил, над вторым трудится. Кроме этого, три дня в неделю он ездит в базовый институт. Там они выполняют все экспериментальные лабораторные работы и участвуют в теоретических семинарах. В конце будущего семестра им нужно будет подготовить доклад по одной из существующих проблем теоретической физики, и все ученые мужи будут их слушать. Всё это пока не очень понятно.

У Ильиных Дима уже три месяца занимается развитием самодисциплины. Режим, зарядка, бег. Его цель – училище Госбезопасности.

Я со Светланой продолжаю ходить в бассейн. Есть успехи и у неё, и у меня. Я проплываю в ластах 1000 м со средней скоростью 1 м/сек, а Светлана хорошо освоила все элементы кроля и пробует нырять в длину.

Светлана и Митя Ильин.

Готовимся в очередную поездку на Север. Хочу на пару недель съездить.

Мы забрали наш цветной телевизор из гарантийного ремонта. Изображение хорошее, и мы теперь каждый вечер любимся цветом. Я даже на окружающий мир по-другому взглянул.

Начал делать комбинированную подставку для цветов. Хотим все свои цветы собрать в одну «икебану», установить там лампы дневного света, а внизу маленький столик.

Только сейчас позвонили Роне. Она ложится в стационар на лечение спины. Обидно складывается жизнь. Всё есть для нормальной жизни и не получается.

До свидания. Привет от Виты и Светланы. Ваш Генка. 25. 11. 1985 г».

Уже один год у власти молодой Горбачёв вместе со своей женой Раисой Максимовной. После старых и больных руководителей государства на эту пару приятно было смотреть и, вначале, слушать. Вся страна ждёт перемен улучшающих советский строй. Усиленно эксплуатируется понятие «застой», но чёткой концептуальной программы нет, и в стране начинает нарастать

раздражение, особенно от обилия встреч с народом и длинных монологов генсека. Добавляет раздражения и постоянное присутствие рядом с Горбачёвым его жены. Хотя некоторые (особенно женщины) рады активности Раисы Максимовны. Так, моя тётя Маруся активно защищает её, стоя в очереди за чем-нибудь.

Запомнился мне телесюжет. Горбачёв, выйдя на площади из машины, общается с народом. Женщина задаёт ему вопрос: «Михаил Сергеевич, но ведь мы с пути социализма не свернём»? Ответ: «Конечно, не свернём»... Первое серьёзное нововведение в стране – издание «полусухого закона», выглядело благим делом. Предлагалось резко уменьшить производство крепких спиртных напитков с одновременным наращиванием производства хороших вин. Но быстро брошенная на откуп местных властей кампания была доведена до полного абсурда.

По поводу «застоя». В период правления Горбачёва КамАЗ достиг своего пика в выпуске грузовиков и их качестве.

«1986 год – автомобили КАМАЗ, составлявшие тогда четвертую часть грузового автопарка страны, занятого на уборке, перевезли 60 процентов урожая 1986 года».

КамАЗ даже начал производить народный легковой автомобиль.

«1987 год – создано производство микролитражных автомобилей «Ока». 21 декабря этого же года с конвейера сошла первая камская микролитражка «Ока-ВАЗ-1111». В 1994 году введён в строй завод по производству микролитражных автомобилей «Ока», рассчитанный на выпуск 75000 автомобилей в год».

Я в начале 1986 года еду на Север. По дороге простужаюсь, но простуда не помешала наладить измерения. В этой командировке от отдела дорожных испытаний работал мой хороший товарищ Владик Ким.

Володя Сударев едет на строительство Татарской атомной станции, которая строится в красивой холмистой местности, рядом с посёлком Камские Поляны. Он «отстоял вахту» в четыре года, руководя партийной организацией Камгэсэнергостроя, и проработал три года главным метрологом Литейного завода. Володя – человек широкой натуры и долго на одной работе не выдерживает.

«1979. 11. Утверждён секретарём парткома П. О. Камгэсэнергострой.

1983. 10. Назначен начальником Ц. Л. Измерительной техники – главным метрологом литейного завода.

1986. 03. Принят нач. смены ТАС (Татарская атомная станция).

1988. 03. Заместитель главного инженера ТАС по качеству».

Читаю сейчас эти записи в трудовой книжке Володи. Хороший мастер КИПиА, инженер-металлург, начальник монтажного отдела и партийный лидер Камгэсэнергостроя. И вдруг главный метролог Литейного завода и, тем более, начальник смены Татарской атомной станции, даже если только строящейся. Конечно, людей отправляли на краткие курсы. Это, как в фильме Л. Быкова – «В бой идут одни старики», оценка ускоренной подготовки лётчиков: «А, взлёт-

посадка». К чему это я вспомнил о Володе? Через месяц после начала работы Володи на строительстве Татарской АЭС произошла авария в Чернобыле. Как такое могло произойти? М. А. Булгаков в повести «Собачье сердце» написал: «Разруха начинается в головах». Похоже, что подбор кадров и на действующей атомной станции был несовершенен для безопасной работы. Остальные факторы только усугубили общую ситуацию, приведшую к катастрофе.

«Чернобыльская катастрофа — разрушение 26 апреля 1986 года четвёртого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, расположенной на территории Украинской ССР (ныне — Украина). Разрушение носило взрывной характер, реактор был полностью разрушен, и в окружающую среду было выброшено большое количество радиоактивных веществ. Авария расценивается как крупнейшая в своём роде за всю историю атомной энергетики, как по предполагаемому количеству погибших и пострадавших от её последствий людей, так и по экономическому ущербу.

Для ликвидации последствий были мобилизованы значительные ресурсы, более 600 тыс. человек участвовали в ликвидации последствий аварии.

Чернобыльская авария стала событием большого общественно-политического значения для СССР, её ликвидация обоилась Советскому Союзу в сумму, близкую к 25 миллиардам долларов. Всё это наложило определённый отпечаток на ход расследования её причин. Подход к интерпретации фактов и обстоятельств аварии менялся с течением времени, и полностью единого мнения нет до сих пор».

Приведу выдержки из статьи Б.И. Горбачёва, старшего научного сотрудника, от 20 апреля 2007: «В чём она, главная причина Чернобыльской катастрофы»

Основной материал этой статьи был опубликован в журнале «Бюллетень по атомной энергии» № 4, 2006 г.

«Сразу после Чернобыльской аварии для расследования её обстоятельств и причин различными организациями было организовано пять комиссий и групп. Но малоизвестно, что сразу после Чернобыльской аварии для выяснения её причин работала ещё и шестая следственная группа, образованная «компетентными органами». Не привлекая к своей работе большого общественного внимания, она провела

своё самостоятельное расследование обстоятельств и причин Чернобыльской аварии, опираясь на свои уникальные информационные возможности.

Однако, с этими выводами, шедшими под грифом «совершенно секретно», был ознакомлен очень узкий круг лиц. Лишь недавно СБУ решило рассекретить часть своих чернобыльских материалов, хранившихся в архивах.

Оказалось, что предварительные выводы были сделаны уже к 4-му мая 1986 г., а окончательные к 11 мая того же года. Для краткости приведём только две цитаты из этих уникальных документов, непосредственно относящихся к теме данной статьи.

«...общей причиной аварии явилась низкая культура работников АЭС. Речь идёт не о квалификации, а о культуре работы, внутренней дисциплине и чувстве ответственности» (документ № 29 от 7 мая 1986 г).

«Взрыв произошёл вследствие ряда грубых нарушений правил работы, технологии и несоблюдения режима безопасности при работе реактора 4-го блока АЭС» (документ № 31 от 11 мая 1986 г).

Это был окончательный вывод «компетентных органов». Больше к этому вопросу они не возвращались».

«Фундаментальной причиной, приведшей к Чернобыльской аварии, стало другое политическое решение. А именно, решение о передаче почти всех АЭС из ведения Министерства среднего машиностроения в ведение Министерства энергетики. Кто предложил это идиотское решение – неизвестно. Но в результате атомная энергетика целой страны оказалась, фактически, оторванной от своей сырьевой базы, производственной базы, кадровой базы, от накопленного десятилетиями производственного опыта работы на ядерно-опасных предприятиях, а руководство АЭС из рук профессионалов-атомщиков перешло в руки, по существу, случайных для атомной отрасли людей».

Но ведь чем дальше – тем больше, и управлять государством стали случайные для судьбы страны люди. Соответственно и катастрофы возникали всё чаще.

Из писем Виты моей маме в 1976 году:

«В конце января папа переболел тяжёлым гриппом. Сказалась его стенокардия. Гена был на Севере, а я звонила через день в Харьков и почти собралась брать отпуск и ехать туда. Сейчас папа поправился и вышел на работу.

Березовские-старшие в Ангрене. Дядя Вася в больнице, тётя Лёля с ним в отдельной палате. Там же сейчас их внучка Таня, она ждёт ребёнка (вот-вот).

Славик на каникулах был всего восемь дней. Целыми днями у нас звонил телефон, прибежали и убежали его одноклассники. Он был и в школе, и у

друзей, даже на свадьбе. Светлана была как статс-секретарь: сообщала, кто звонил, напоминала, где его ждут, и утащила в свой класс – он показывал цветные слайды о фестивале (1985, июль-август — XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов), и о своём пребывании в горах. Славик работает на полставки техником-оператором в обсерватории. Ему там нравится, тем более, что он принимает участие в какой-то научной работе. Мечтает летом вместе с этой работой попасть на Памир.

Оксана Сударева в этом году оканчивает институт и приезжает домой. Будет работать детским тренером по подводному плаванию.

Далее моя вставка: На заводе сейчас много неопределённого. Собрался уходить Аникин (мой начальник) на Камский тракторный. Звал и меня, но я пока не собираюсь. Выгнали Кутика (мой бывший начальник). Было мнение об объединении двух бюро, но сейчас Аникин в больнице, а кандидат на место Кутика на Севере. Очень часто вспоминаю Вас. Возможно, опять приеду за клеем в Донецк. Март 1986 год».

«Получили Ваши письма. Число наших корреспондентов за последнее время резко сократилось, что очень невесело. Перестал писать папа, очень редко пишет Славик, совсем не пишут Качуры. Остаётся утешаться строками К. Симонова: «Увидеться — это бы здорово! А писем он не любил».

14-го октября Гена уехал на очередные испытания КАМАЗов, на этот раз в горных условиях. Он улетел в Алма-Ату, а маршрут их будет (на четырёх автомобилях) от Фрунзе до Мургаба. Это Горно-Бадахшанская область – Памир. Дорога идёт через несколько перевалов, три из них на высоте 4500-4700 метров над уровнем моря. Надеюсь, что он приедет к праздникам но, если перевалы закроют, то может и задержаться.

Остались мы втроём (с кошкой Чапой). Занимаюсь «домом», который я за летний период (из-за сада-огорода) порядком запустила. Неделю назад в школе были «осенние балы» (по классам). Очень забавно было наблюдать, как собирались на сие торжественное мероприятие «шестиклашки» – Светлана и подружки.

На работе у нас полным ходом идёт перестройка. Пока что всё развалили, что было... Нашего Полякова (министра автомобильной промышленности) отправили на пенсию. Предполагают, что вместо него будет Фаустов – это наш генеральный директор. С 1-го января 1987 года на заводе вводится госприёмка, это значит, что полетят наши премии – с качеством у нас плоховато.

Да, самое главное. Мы поздравляем Азу с давно и честно заслуженной наградой!!

На праздники, если Гена приедет, поедем в гости к Володе Судареву на атомную станцию (это в 100 км от нас). Там красивое место: вокруг холмы и леса, даже название поэтическое – «Камские Поляны».

В Харькове дела не очень весёлые. Мама плохо себя чувствует, наверное, печень, и к тому же грудной радикулит. Звоню – плачет в трубку, просто беда. Так что я настраиваюсь, что в отпуск мы съездим в Харьков-Жданов, совместив его со Светланиными каникулами.

До свидания. Всего доброго! Всех обнимаем. Привет Лене, тётке Марусе, Кине. Вита. Брежнев. 1986 год».

Хорошие, информативные письма – с ожиданием положительных результатов от принимаемых решений руководством страны. Переживания только за здоровье стареющих близких людей и, немного, за влюблённость сына. В 1986 году их отношения уже пошли на убыль. У меня на заводе работы по-прежнему много и задачи усложняются. Человеческие проблемы, к сожалению, усложняются тоже. Но, пока бюро с основными своими задачами справляется. Начал к концу работы уставать и поэтому занялся утренней гимнастикой, с холодным душем после неё. Во время работы мне предложили одевать очки. В прошлом году меня даже наградили грамотой нашего министерства по случаю 60-ти лет автомобильной промышленности. В несоветское время – на пенсии, эта грамота позволила мне получить удостоверение «ветерана труда», а вместе с ним и ряд льгот.

Тревоги за наше будущее пока не просматривается. Проблемы и трудности? Но какая жизнь без них. Из моего письма в Жданов:

«Мы заканчиваем свой огородный сезон. Учитывая количество труда, вложенного в огород, отдача очень слабая. И к тому же угнетает, что столько времени убиваешь ради еды. И если бы не получать удовлетворение от самого труда, от ожидания, что и как вырастет, не стоило бы им заниматься. А среди людей у нас сейчас настоящий огородно-садовый бум.

В прошедшее воскресенье распределили гаражи. Внутри ещё много работы, выполнение которой зависит теперь только от меня. Учитывая, что теперь освободился один выходной и есть желание что-то делать для души, я начал ходить в клуб дельтапланеристов. Очень хочется ощутить чувство полёта, пока ещё позволяет здоровье.

Четыре дня, в начале сентября, у нас был Славик. Говорили с ним много, а писать нечего. Руководители по теоретической группе почти бросили их. В конце учебного года сделал он теоретический расчёт поведения каких-то микрочастиц в определённых условиях. Шеф вроде одобрил. Экзамены сдал хорошо. Увлёкся методологией. Готовит доклады. Пару раз ездил на деловые игры, проводимые лабораторией методологии. Даже в мае на КамАЗе проводили такую игру. Возможно, это поиск того, как заниматься теоретической физикой. Одно успокаивает, что все, чем он занимается – полезные вещи. Собрался в этом учебном году прослушать углублённый курс философии при МГУ.

Поездка их на велосипедах прошла благополучно. Где на электричках, автобусах добрались из Киева до Крыма. Но местами ехали и на велосипедах. Проехали даже Арабатскую Стрелку.

О заводе писать пока не хочется. Началась у нас организация научно-технического центра (НТЦ). Но руководство КамАЗа во главе с министром организуют его потому, что нужно отреагировать на требования, предъявляемые сверху и выглядеть не хуже других.

А пока работы много, работы полезной и это главное. Скучать некогда. В бюро уже 20 человек, А учитывая невозможность создать хорошую организацию труда, каждым человеком нужно заниматься лично. К концу дня голова деревянная.

С отпуском у нас пока неопределённость. Возможно, на Новый Год заглянем в Жданов.

До свидания. Ваш Генка. Г. Брежнев. 22. 09. 1986 года».

Судя даже по нашим письмам, не происходит ничего страшного, но незаметная промывка мозгов уже началась. Этот процесс называется «манипуляция сознанием». Появилось много аналитиков, лекторов. «Мастистые» экономисты, «великие» политики стали плодиться с огромной скоростью. Религиозные и национальные вопросы стали наиболее ударными темами. Медленно, но маховик разрушения не только советского жизнеустройства, но и страны, с ускорением завертелся. О вкладе в этот процесс методологии, которой увлёкся наш сын, я напишу позже.

В горах Средней Азии.

Поездка на испытания грузовиков в горных условиях возникла неожиданно. Детали в памяти не сохранились. Выручают сохранившиеся письма. Я взял с собой молодого инженера, но с хорошим творческим потенциалом – Фарита Гаязова. Поездка получилась интересной и по результативности, и в познавательном плане. Мы быстро скомплектовали измерительные системы, взяв с собой термоизмерительный комплекс собственного изготовления, ещё полностью не прошедший испытания.

Большая часть маршрута

проходила в пограничной зоне, и поэтому пришлось оформлять разрешение. Автомобили ушли своим ходом, а я и Фарит вылетели самолётом в Алма-Ату, а оттуда автобусом во Фрунзе. Красивый город Алма-Ата, в центре с восточным

колоритом, по которому мы успели совершить автобусную экскурсию, в маршрут которой входил высокогорный спортивный комплекс «Медео», построенный в горном урочище Медео на высоте 1691 метр над уровнем моря.

Город Фрунзе мне больше напомнил мой родной Мариуполь схожестью архитектуры построек советского времени и некоторой замусоренностью. Поразил огромный городской парк, больше похожий на дендрарий, с большим количеством скульптур, подаренных городу, в том числе, и от делегаций зарубежных государств. А ещё город украшали заснеженные высокие горы, полукольцом подступавшие к городу с юга.

Мы нашли большое автотранспортное предприятие, где должны были встретиться с основной группой нашей команды. Виленский – фамилия начальника этого предприятия. Он запомнился мне своей величественностью и трубкой. Такой местный транспортный бог. Он нас сам определил в высококласную гостиницу «Иссык-Куль» для членов ЦК, где нашёлся один одноместный номер. И нам, благодаря ему, разрешили поселиться в него вдвоём. Через два дня прибыли наши автомобили, и мы переселились в рабочее общежитие к водителям-испытателям.

Озеро Иссык-Куль.

мне десяти заездов. В дальнейшем наш маршрут из города Фрунзе через город Токмак и далее, вдоль северного берега озера Иссык-Куль до города Пржевальск. Красивые места. Северный берег пологий, пригодный для сельского хозяйства и с большим количеством санаториев и пансионатов для отдыха. К южному берегу высокие горы подходят почти вплотную. Самые высокие из них: пик Каракол — 5281 м и остроконечный пик Джигит — 5173 м.

Гостиница в г. Фрунзе.

На следующий день мне с Фаритом выделили автомобиль и смотровую яму. За два дня мы смонтировали на автомобиле измерительную схему и выехали на испытания, которые проводились на трассе, ведущей через перевал к городу Ош. Испытания проходили на участке после городка Кара-Балта, где начинался подъём к перевалу Тюз-Ашуу, находящемуся на высоте 3586 метров. Было сделано не

«Каракол – один из красивейших городов Киргизии, любимое место туристов. Располагается он в благоприятной по климату и необычайно живописной местности, на высоте 1690-1770 м над уровнем моря.

История города, хотя

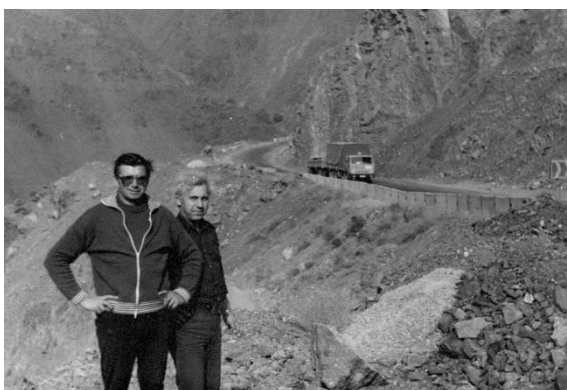
правильнее было бы назвать его городком: здесь проживает всего около 70 тысяч человек, начинается с 1869 года. Именно тогда и было основано это поселение как административный и торговый центр. Изначально он так и назывался – Каракол. По названию речушки, на которой он расположен. Но с 1889 года город переименовали в Пржевальск в честь скончавшегося здесь в 1888 году известного ученого - Николая Михайловича Пржевальского. Именно Пржевальский сделал Каракол центром многих российских научных экспедиций в конце 19 века. Известные ботаники,

работавшие здесь, изучили и вывели уникальные экземпляры растений, поэтому Каракол по праву считается одним из самых зеленых городов Киргизии. Главная достопримечательность Каракола, конечно же, парк-заповедник с могилой и мемориалом Н.М. Пржевальского. Он находится на самой высокой точке здешней части Иссык-Кульского побережья».

На отдельных горных участках дороги инженеры-исследователи проводили режимометрирование движения автомобиля. Фиксировали в журнале пройденный путь, скорость движения, характеристику дороги, передачу, на которой движется автомобиль, а мы диктовали им несколько измеряемых параметров. Я в этот раз по своей инициативе провёл несколько экспериментов, связанных с низким давлением окружающего воздуха на больших высотах, но каких-либо «открытий» не сделал. Автомобили работали хорошо. Вот

тормозные барабаны при длительных спусках иногда нагревались до видимого свечения.

Сакин и Юра Крутяев.

Не понравился мне в этой экспедиции её руководитель Сакин (имя и отчество забылось). Его совершенно не интересовало выполнение программы экспериментов. Пришлось даже конфликтовать с ним. А вот наклонности бизнесмена-торговца были очень даже видны. Он привёз с собой комплект резины для «Жигулей», чтобы здесь с

выгодой продать. Когда мы заехали в русское селение в окрестностях Алма-Аты, где жили родители одного из наших водителей, Сакин попробовал уговорить отца водителя заправить наши автомобили колхозным дизельным топливом. И очень огорчился, когда тот отказался. В общем, испортил радость встречи родителей с сыном. К сожалению, таких Сакиных к началу перестройки оказалось много.

Остались и приятные воспоминания от пригородов Алма-Аты. На одной из остановок я купил ведро очень красивых яблок. Стоили они совсем дёшево и оказались замечательны на вкус. Сорт «Апорт», о котором я раньше не слышал.

«Апорт, один из крупных и ценных сортов яблок. Получил распространение в южных регионах средней полосы с прохладной, но непродолжительной зимой и тёплым жарким летом. Кожура апорта плотная, желтая или жёлто-зелёная с красно-коричневой росписью; мякоть отличается рассыпчатостью и нежным вкусом. Апорт — один из так называемых поздних сортов, созревающих в сентябре. Как и большинство поздних сортов, он хорошо сохраняется зимой. Наиболее известны яблоневые сады апорта в пригородах Алма-Аты».

Фрагмент моего поздравления родным людям в Жданов из Фрунзе:

«Дорогие Ждановцы! Поздравляю Вас с днём рождения Советского государства. Пишу Вам из г.Фрунзе.

Изъездил уже половину дорог Киргизии. Эта поездка — реакция на статью в газете «Соц.

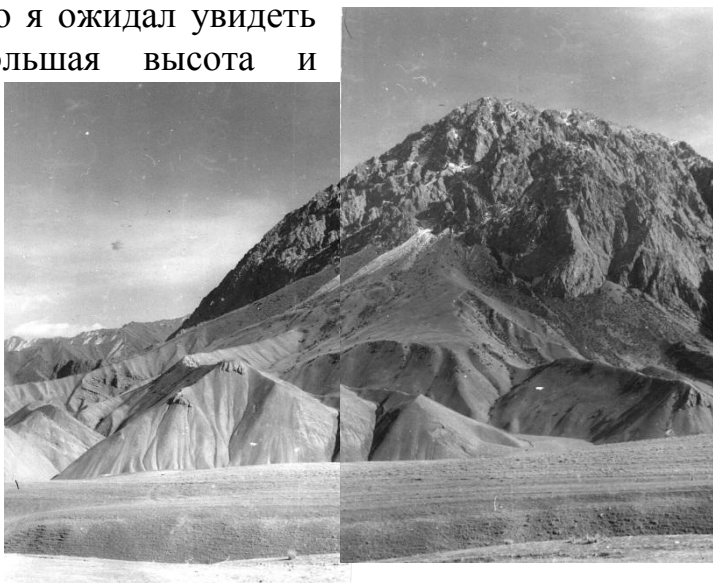
Индустрия» о том, что КАМАЗ не пригоден для горных дорог. Вот мы и доказываем обратное мнение. Были на нескольких перевалах в 3000 метров.

Впереди поездка через г. Ош в Мургаб, а это уже перевалы 4200 и 4560 метров. Проблем с автомобилями ещё много, но, в целом, ситуация на месте не такая плачевная, как написала газета. Основные перевозки здесь всё-таки выполняют КАМАЗы». г. Фрунзе. 28. 10. 1986 год.

Работы с измерениями закончились, и всем четырём автомобилям предстояло совершить пробег по Горно-Бадахшанской автономной области через наиболее высокогорные перевалы до городка Мургаб. И вдруг Сакин предлагает мне и Фариту остаться и ожидать их возвращения. Возмущение моё было настолько серьёзным, что он изменил своё мнение и только сказал, что спальных мест в кунге не хватает. Я ответил, что мне хватит свободного верстака.

Поездка была интересной, но я ожидал увидеть более красивые пейзажи. Большая высота и практически нет деревьев. Вершины гор, в пределах видимости из автомобиля, пологие, не представляющие для альпинистов никакого интереса. Высота 4000 метров из-за быстрого подъёма повлияла на мою голову – появились боли. Особенно головная боль мучила Идрисова, как самого старшего участника пробега. Когда мы на обратном пути спустились к

3000-м метров, боль прошла бесследно. Когда я на перевале Кызыл-Арт полез (достаточно спокойно) на ближайший склон, появилась сильная отдышка, и резко увеличился пульс. Но панорамный снимок у меня получился. При приготовлении ужина вода в кастрюле кипела при температуре около 80-ти градусов, и поэтому картошку резали на очень маленькие кусочки.

Между двумя перевалами дорога проходит мимо большого озера Каракуль. Очень красивый цвет воды, как у большинства горных озёр.

«Каракуль (тадж. Қарокул, от тюрк. «чёрное озеро») — бессточное озеро, расположенное в северной части Памира, к югу от Заалайского хребта, крупнейшее озеро на территории Таджикистана (Горно-Бадахшанская автономная область). Озеро находится в плоской горной котловине на высоте 3914 м, окружено пустынными скалистыми

хребтами, на западе подходящими к озеру, на востоке — отстоящими от него на несколько километров. Наибольшая длина озера — 33 километра, ширина — 24 километра. Площадь поверхности — 380 км².

Выступающий с юга полуостров и остров прямоугольной формы около северного берега разделяют озеро на две части — более мелкую (глубина до 22,5 м) восточную с многочисленными мелкими заливами и плоскими мысами и более крупную западную, глубина которой доходит до 236 м. Ширина пролива между двумя

частями — 1 километр. С северным берегом остров соединяется узкой косой, которая затопливается в высокую воду. Длина острова — 8 километров, ширина — 4 километра.

Поверхность озера имеет ярко-синий цвет. Вода в озере горько-солёная, прозрачность до 9 м. (Удивительно, но в озере Иссык-Куль вода тоже солёная). В устье рек, где вода более пресная, водятся немногочисленные рыбки-гольцы. Летом вода прогревается до 12 °С.

Район Кара-Куля очень сух, с крайне малым количеством осадков. По берегам озера изредка произрастают терескан, полынь и ковыль, чередующиеся с пространствами, покрытыми солью. Впадают несколько рек, основные из которых — Караджилга, Караарт и Музкол.

Геологические исследования депрессии озера Кара-Куль в сочетании с изучением космических снимков озера позволили ряду учёных диагностировать впадину озера Кара-Куль как возможную астроблему. В некоторых типах горных пород депрессии выражены эффекты ударного метаморфизма. Возраст наиболее молодых пород, измеренных калий-аргоновым методом датирования, составляет 230—190 миллионов лет».

В Мургаб приехали в первой половине дня. Сакин дал нам два часа на знакомство с городком. Большинство одноэтажных строений с плоскими крышами.

«Пост Памирский (предшественник современного Мургаба) был основан русскими военными еще в 1892 году. В наши дни этот кишлак является единственным крупным населенным пунктом на Восточном Памире. И одним из самых высокогорных в СНГ - высота Мургаба составляет 3650 метров над уровнем моря. Здесь практически ничего не растет, и местные жители вынуждены существовать исключительно на привозной продукции. В то же время, они занимаются скотоводством, разводя баранов и таких, весьма экзотических для нас, но очевидно наиболее приспособленных для условий высокогорья, животных, как яки.

В городе имеются больницы, военные базы, базар, банк и несколько гостевых домов. Несколько кафе, которые работают здесь, сосредоточены вокруг базара. Вдоль нижней части города протекает река Мургаб, где пасется скот».

Остальные ребята вернулись намного раньше. Экспедиция наша прошла в отношении безопасности хорошо.

Был только один опасный момент. Головная машина с кунгом, которой часто управлял Сакин, остановилась, поджидая остальные машины. Дорога уходила вперёд, огибая крутой склон да ещё с серьёзным уклоном. Машины двигались с прицепами и полной загрузкой. Сакин, наверное, хотел

дополнительно проинструктировать водителей. Один из водителей неуверенно начал движение и на подъёме двигатель остановился. Тормоза автопоезда держали хорошо, но, чтобы тронуться на подъёме с полной загрузкой, требуется большое искусство водителя. Двигаться назад, когда рядом крутой склон да ещё с прицепом, ещё страшнее. Водителя не стали менять. Он немного успокоился и, сдав немного назад (под контролем других водителей), въехал на подъём. Вернулись мы в город Ош без приключений. Город запомнился теплым солнечным днём и городским праздником. В центре города на площади накрыты белыми скатертями столы, продаётся большое количество выпечки и сладостей. Из репродукторов гремит популярная песня об аэропорте. И совсем рядом милиционеры обрабатывают

движение строевым шагом в колонне, готовясь к празднику – дню рождения советского государства. Мы с удовольствием тоже пьём чай, наливая его в пиалы по-восточному – «с уважением».

«Город Ош – второй по величине город в Кыргызстане и один из самых древних городов Средней Азии. Легенды связывают основание города с такими персонажами мировой истории, как древнеизраильский царь Соломон (Сулейман) и греческий правитель Александр Македонский.»

Главная достопримечательность города — гора Тахти-Сулейман («Трон Соломона»), которая с древности считается одной из самых важных святынь местных мусульман - второй Меккой.»

Восточный дастархан.

Вдвоём с Фаритом мы поднялись на действительно красивую святую гору. При спуске вниз нам встретились три женщины разных возрастов. Старшая женщина остановилась и стала нас гладить, что-то говоря на непонятном нам языке. Она так долго хотела подняться на эту гору и, наконец, была у цели. Счастье

переполняло ее, и она готова была обнять весь мир. Трудно было представить, что всего через четыре года произойдут кровавые столкновения в таком красивом и мирном городе. А ещё большие жертвы будут в 2010-м году в независимой Киргизии.

«В 1990 в городах Ош и Узген произошли межэтнические столкновения между киргизами и узбеками. Столкновения начались из-за выделения киргизам участков под индивидуальную застройку на полях пригородного колхоза, без согласия узбеков. Благодаря вводу советских войск в город, столкновения быстро закончились. Около двух недель в городе был комендантский час.»

Летом 2010-го года после апрельской революции и ослабления центральной власти произошли столкновения между киргизами и узбеками, приведшие к многочисленным жертвам и беженцам. Город был разрушен и сожжён на 70%».

Нам в городе Ош даже устроили небольшое застолье, но с большим количеством спиртного. Очень хотелось местным руководителям иметь хороших знакомых на КамАЗе, чтобы с меньшими издержками приобретать новые и ремонтировать бывшие в эксплуатации автомобили. Оказалось, что старейшина водителей-испытателей А. Я. Идрисов после войны долго жил в

этих местах. Как всё было переплетено в нашей огромной стране. И жители среднеазиатских республик были нашими людьми, а не «гастробайтерами-нелегалами». Вспоминается стихотворение А. Л. Барто «Твой праздник»:

*«Об Октябре поет Москва,
О празднике великом,
И слышны ее слова
И русским, и таджикам.*

*В Стране Советской всех ребят
Октябрь сдружил навеки,
Он у костра собрал отряд,
Он много лет тому назад
Зажег костер в Артеке.*

*Пляшет девочка-узбечка,
На руке блестит колечко.
У узбечки нет привычки
Две косички заплетать:
У москвички — две косички,
У узбечки — двадцать пять».*

Я и Фарит уехали автобусом в Ташкент, чтобы улететь оттуда в Набережные Челны. Но билетов не оказалось даже на следующие несколько дней. Я вспомнил о Витином брате, живущем в Ангрене. Поговорил с его женой Галей по телефону. Она объяснила, что Вася сейчас на другой работе и помочь он нам не сможет. Пришлось ехать в город за помощью в представительство КамАЗа. На удивление быстро откликнулся один из руководителей представительства и даже повёз нас на своей машине в аэропорт. Мы были удивлены, но всё прояснилось возле кассы. Билеты нашлись на ближайший рейс, но стоили они нам в полтора раза дороже. Пришлось отодвинуть подальше свою советскую гордость. Что-то действительно неладное происходило в стране.

Пока мы ждали регистрацию на вылет, пришлось понаблюдать за несколькими военнослужащими с сержантскими званиями. Ребята летели из Афганистана домой в отпуск или после демобилизации. Вели они себя вызывающе, чувствуя своё превосходство над другими людьми, не испытывавшими того, с чем им пришлось столкнуться на реальной войне. Их все старались обходить, а милиция не замечать происходящего. Меня и раньше волновал парадокс, связанный с войной в Афганистане. Телевидение и газеты создавали видимость незначительности происходящего, а «золотая молодёжь», «застрахованная» от попадания на эту войну, веселилась насколько позволяли деньги родителей. А деньги у всяких работников представительств появлялись далеко не непосильным трудом на благо страны. Процент таких людей был ещё невысок, но как быстро они расплодятся в ближайшем будущем. Как нужен был стране лидер-государственник...

Прилетел я домой шестого ноября, а седьмого пошёл на демонстрацию, на которой совсем «забил голову» Аникину рассказом о командировке.

Конец декабря 1986 г и первая половина января 1987 г мы в отпуске. Мы не летим в другие страны на 10 дней (как теперь модно, чтобы отметить в ещё одной стране, а у кого были деньги, ездили и летали за «рубеж» и тогда). Мы предпочитали личное общение с близкими нам людьми в сочетании с культурной программой. Жданов, Харьков, Киев, Москва. На встречу Нового года в Жданов из Москвы приехал и наш сын – с уткой и московскими сладостями.

В Харькове тёща довязывает зятю свитер из ниток, которые я спрял. Едем к Витиной тёте Лёле. Она уже серьёзно болеет и поэтому особенно рада нам. Я со Светой едем к Лоре и Толе Макаренкам. Света знакомится с их дочерью Мариной и впоследствии они долго пишут письма друг другу. Потом визит к Клаве и Лёше Переваловым. У всех хорошие семьи, дети и планы на будущее. А Зиночка Хенкина сама приехала к нам, такая же обаятельная. Её сын будет поступать в Харьковский университет.

В Киеве, несмотря на занятость Бори и приболевшую Роню, нам очень рады. Юра опекает Свету. Они идут на ёлку для старшеклассников. А мы с Витой посетили музей истории Киева, где Роня состоит на партучёте. Потом вместе с Юрой были во Владимирском соборе во время торжественной службы по случаю Рождества Христова.

В Москве нас встретил Славик, и мы все вместе поехали к Ильиным (моей двоюродной сестре), где нам тоже очень обрадовались. Вечером этого же дня были дома. Город встретил нас морозом более 30-ти градусов. Ещё оставалось несколько дней отпуска и я, соскучившись по работе, занялся обустройством гаража, а Вита по просьбе шефа вышла на два дня на работу.

Мы нужны близким нам людям, нужны на заводе. Мы имеем возможность нормально растить детей, лечиться, не оглядываясь на размер своего кошелька, и интересно проводить свои отпуска. Что нужно ещё человеку для счастья?!

07. 03. 1987 год. Я назначен начальником Отдела специзмерений корпуса экспериментально-исследовательских работ Научно-технического центра. Это пик в моей карьере, который продлился до 01. 04. 1990 года. Полных три года. Ушёл я с этой должности сам, понимая, что в ситуации сложившейся в стране и конкретно в нашем НТЦ, держаться за должность бессмысленно.

Из моего письма родственникам: *«Что можно сказать о работе в качестве начальника отдела. Похоже, что пока я на своём месте, т. е. не вижу других кандидатур. Теперь все исследовательские измерения и разработка приборов за этим отделом. Плохо, что я теперь самостоятельно ничего не могу делать. Нужно учить, воспитывать, направлять, организовывать. Бумаги, разговоры. Но всё-таки это дело, которым я занимаюсь всё время после института. Оклад на 35 рублей*

больше. Вите тоже, наконец, присвоили старшего инженера и прибавили пять рублей.

В объединении, в верхах, у нас пока полнейшая неразбериха, что не может не отразиться на деле, но есть надежда, что так долго продолжаться не может. Проигноировать и пустить на самотёк такой завод как КамАЗ нельзя. А ближайшие мои начальники вполне толковые люди и руководители.

У Виты ещё большая неразбериха. Их начальник (лодырь) уходит на другой завод, а они остаются со своей лабораторией всем нужные, а конкретно никому. Женщины сами за руководство братья не хотят, а мужчины-начальника не находится.

Сын ничего не пишет после зимних каникул. Два поздравления, один телефонный звонок и всё. Только Светлана быстро растёт и бодро живёт.

В дельта-клуб ходить перестал. Для активного участия в жизни клуба нет времени. Так что о полётах буду только мечтать.

Город Брежнев. 22. 04. 1987 год».

Выдержки из остальных писем этого года:

«У нас этот год был первым, когда мы отпуск провели дома. Огород и домашние дела. Мы дополнительно продолжаем сажать три сотки картошки. У нас впервые на кустах висит по 10-15 плодов помидоров, и завязываются новые плоды. В июле мы начали снимать созревшие. А к урожаю болгарского перца мы уже привыкли. Под плёнкой он растёт хорошо, кусты до пояса – по 25 плодов висит на каждом кусте. Переработка урожая – нужное дело, которое нам большого удовольствия не доставляет. Из развлечений всё больше телевизор и неожиданно сходили на встречу с артистом Калягиным.

Так выглядит наша теплица весной.

У Сударевых пополнение. Появилась внучка Маша, а Фильза «сбегает» к мужу в новую квартиру на атомную станцию. Мы выбрали время и немного позже съездили со Светой на мотоцикле к ним в гости. Действительно красивое место и современный посёлок. Квартира у них в Челнах забронирована, и в ней живут Оксана с семьёй и бабушка Володи, которой 15 августа исполнилось 90 лет. После моего письма родителям Виты Виктор Савельевич написал, что собирается вместе Марией Хрисанфовой приехать к нам в гости. А ещё он написал, что работать будет до 1-го января, а затем «надо решать, Гена прав, надо, наверное, соединяться».

Сын из Харькова приехал без бабушки. В последний момент сдали билет. Сначала у дедушки был сердечный приступ, а потом тётя Лёля расплакалась. Когда приезжает сын, наступает весёлая кутерьма. Но мы нашли время, и я вместе с сыном съездил за раками. Вечером устроили «рачевник».

Осваиваем огородное дело.

Неожиданно меня попросили съездить в командировку в Киев. Надеялись, что я с помощью Бори раздобуду дефицитные микросхемы для наработок по тематике автомобильной электроники. Такие командировки я не люблю, но съездить в Киев всегда готов. На одном заводе решил свои проблемы самостоятельно, а на другом с помощью... Полюбовался на осенний

солнечный Киев. Пообщался с Роней, Юрой и немного с Борей.

Юра пытается перейти от сбора материалов, которых у него уже достаточно много, к написанию диссертации и слегка волнуется, что осталось мало времени.

В Москве меня встретил Славик, который, имея тему диплома, ведёт практически свободный образ жизни. Работа, связанная с написанием диплома, поездки на деловые игры, занятия методологией и, при этом, попытки поступить в аспирантуру на кафедру философии в родном МФТИ. Переживаем, но давать советы не решаемся – не наш уровень.

Вставка Виты: Гена приехал в воскресенье вечером, а в среду я улетела в Москву, оттуда поездом в Харьков – второго октября мы похоронили тётю Лёлю. Она умерла внезапно, обширный инфаркт. Вася (её сын) тоже успел на похороны. Я хотела сразу увезти родителей к нам погостить, но не получилось. Получила от них согласие переехать к нам, в Брежнев».

И немного из моего письма в Киев после возвращения из командировки:

«Дома погрузился в обычный водоворот. Много было дел по окончанию огородного сезона. Но мы рассчитываем, что с каждым годом наше огородное хозяйство будет упорядочиваться, и времени на него будет уходить меньше. Крупных работ по окультуриванию земли почти не осталось. За следующий сезон закончу нижний этаж домика. А дорожки, солнечные часы, украшение ручья и прочее – это уже для души. И, потом, время такое, что вроде без огорода и нельзя. Хоть и много времени занимает, а есть какая-то отдушина после завода. Очень сложный процесс эта перестройка. Даже в моей бригаде все не прочь покритиковать всех, но самих вполне устраивает работа свободного художника. А в большинстве все ребята хорошие.

А больше всего угнетает постоянное отвлечение от основного дела. Половину рабочего дня работаю языком. И назад хода нет. А сверху пока не поймёшь что. До сих пор нет утверждённой структуры НТЦ, нет никакой ясности, какими должны быть новый автомобиль и двигатель. Нет главного конструктора. Зато есть директор НТЦ, шесть замов, несколько помощников, с десятков начальников управлений и столько же главных конструкторов по отдельным направлениям. Но всё-таки жизнь штука интересная. Пока ещё придерживаюсь достаточно активной жизненной позиции.

Старики дали согласие на переезд в Брежнев, и мы даже вывесили объявление на обмен. Предложений к нам поступило много и на одно мы дали согласие. Пять минут от нас. Так что мы действительно всё больше привязываемся к Татарии.

*Сегодня уже 23 года нашей совместной жизни с Витой.
Гена. Город Брежнев. 31. 10. 1987 года».*

Комментировать особенно нечего. А к изменению мировоззрения моего сына и племянника я ещё вернусь.

В 1987 году у нас появился новый руководитель КамАЗа – Николай Иванович Бех, с которым многие связывали большие надежды.

«С 1987 по 1997 годы — Первый руководитель ОАО «КАМАЗ» (президент и генеральный директор).

Он несколько раз провёл совещания в НТЦ и даже принял однажды участие в общем собрании НТЦ. Казалось, что появился руководитель, понимающий настоящее место НТЦ в системе такого гиганта как КамАЗ. Но такое внимание длилось недолго. Не берусь оценивать действия руководителя такого уровня, как Н. И. Бех.

Из Википедии – цели перестройки:

Первый этап (март 1985 — январь 1987)

Начальный период характеризовался признанием некоторых («отдельных») недостатков существовавшей политико-экономической системы СССР и попытками исправить их несколькими крупными кампаниями административного характера — Ускорение развития народного хозяйства, антиалкогольная кампания, «борьба с нетрудовыми доходами», введение госприёмки, демонстрация борьбы с коррупцией. Каких-либо радикальных шагов в этот период пока не предпринималось, внешне практически всё оставалось по-старому. В то же время в 1985—1986 годах была произведена замена основной массы старых кадров брежневского призыва на новую команду управленцев. Именно тогда в руководство страны были введены А. Н. Яковлев, Е. К. Лигачёв, Н. И. Рыжков, Б. Н. Ельцин, А. И. Лукьянов и другие активные участники будущих событий.

Объявление «Перестройки». Второй этап (январь 1987 — июнь 1989)

«К концу 1986 — началу 1987 года горбачевская команда пришла к выводу, что административными мерами ситуацию в стране не изменить и предприняла попытку реформирования системы в духе демократического социализма. Данному шагу способствовали два удара по советской экономике в 1986 году: резкое падение цен на нефть и Чернобыльская катастрофа. Стало ясно, что без кардинальных перемен не обойтись. Новый этап начался с Январского пленума ЦК КПСС 1987 года и характеризовался началом широкомасштабных реформ во всех сферах жизни советского общества (хотя отдельные меры начали приниматься ещё в конце 1986 года, например Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности»). В общественной жизни провозглашается политика гласности — смягчение цензуры в СМИ и снятие запретов с того, на что раньше налагалось табу. В экономике узаконивается частное предпринимательство в форме кооперативов, начинают активно создаваться совместные предприятия с зарубежными компаниями. В международной политике основной доктриной становится «Новое мышление» — курс на отказ от классового подхода в дипломатии и улучшение отношений с Западом. Часть населения (в основном молодёжь и интеллигенция) охвачена эйфорией от долгожданных перемен и невиданной по советским меркам свободы. Вместе с тем, в этот период в стране начинает постепенно нарастать общая неустойчивость: ухудшается экономическое положение, появляются сепаратистские настроения на национальных окраинах, вспыхивают первые межнациональные столкновения (Карабах)».

Третий этап (июнь 1989—1991)

Заключительный этап. В этот период происходит резкая дестабилизация политической обстановки в стране: после I Съезда народных депутатов начинается противостояние коммунистической партии с возникшими в итоге демократизации общества новыми политическими группировками. Изначально начатые по инициативе сверху, во второй половине 1989 года перемены выходят из-под контроля властей. Трудности в экономике перерастают в полномасштабный кризис. Достигает апогея хронический товарный дефицит: пустые полки магазинов становятся символом рубежа 1980—1990-х гг. Перестроечная эйфория в обществе сменяется разочарованием, неуверенностью в завтрашнем дне и многочисленными антикоммунистическими и антисоветскими настроениями. С 1990 года основной идеей становится уже не «совершенствование социализма», а построение демократии и рыночной экономики капиталистического типа. В 1990-91 гг. СССР по сути уже не социалистическая страна: легализуется частная собственность, кооперация начинает принимать форму бизнеса западного

типа, одновременно начинают закрываться государственные предприятия, появляются такие социальные явления, как массовая нищета и безработица. Ценообразование по-прежнему централизованное, но в начале 1991 года проводятся две реформы финансового сектора — денежная и ценовая, из-за которых огромные массы населения оказываются за чертой бедности. «Новое мышление» на международной арене сводится к односторонним уступкам Западу, в итоге чего СССР утрачивает многие свои позиции и фактически перестаёт быть сверхдержавой, ещё несколько лет назад контролировавшей половину мира. В России и других республиках Союза к власти приходят сепаратистски настроенные силы — начинается «парад суверенитетов». Закономерным итогом такого развития событий стали ликвидация власти КПСС и распад Советского Союза.

Я, в основном, согласен с изложенными авторами целями, пришедшего к власти Горбачёва и его ближайших сподвижников, которые плавно менялись во времени его правления. Высококласные профессионалы направляли их подлую деятельность.

Иудин цинизм

«М. Горбачёв: целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми.

Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране.

Именно поэтому моя жена всё время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал всё более и более высокое положение в стране...

Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев и Э.Г. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы...

Я намеревался сохранить СССР в существовавших тогда границах, но под новым названием, отражающим суть произошедших демократических преобразований. Это мне не удалось, Ельцин страшно рвался к власти, не имея ни малейшего представления о том, что представляет собой демократическое государство...

Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия...

(Из речи М.С. Горбачёва на семинаре в Американском университете в Турции)

Вот такой «идеологический противник» чуть ли не с пелёнок. Кто же

направлял этих трусливых предателей? Их жалкий вид нам многократно показывало телевидение. Что-то невнятно говорящий Горбачёв в Форосе, или «талантливейший» министр иностранных дел Шеварднадзе во время покушения на него в Грузии.

Интересная статья-исследование Игоря Лаутара от 02 июня 2013, в которой утверждается, что предателя Горбачёва к власти в России привели Ротшильды. У меня нет оснований в этом сомневаться.

Привожу высказывание Маргарет Тэтчер, которое я читал и в других публикациях:

«Когда МЫ получили информацию о ближайшей смерти советского лидера (речь шла о Ю.В. Андропове.), то задумались о возможном приходе к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов). Этим человеком был М. Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен...»

И там же мнение уважаемого мной Александра Зиновьева:

«Интересно, что 24 апреля 2001 в газете «Завтра» Александр Зиновьев, изгнанный из России и проживший на Западе более двадцати лет, указывал на заранее спланированное внедрение Горбачёва на пост главы СССР: «Именно приход Горбачёва к высшей власти и перестройка послужили решающим событием, которое ввергло нашу страну в состояние кризиса и краха... Это был результат вмешательства извне. Это была грандиозная диверсионная операция со стороны Запада. Ещё в 1984 году люди, которые активно работали над разрушением нашей страны, говорили мне: «Подождите год, и на русском престоле будет сидеть наш человек». И вот на русский престол посадили своего человека. Без Запада Горбачёв никогда бы не пробрался на этот пост»...

Славка, приехав домой после XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, оставил нам на память выданный ему пропуск, на котором, кроме его фото, были впечатаны буквы «ОП» – обслуживающий персонал. И это не вызывало протеста. Ребята добровольно работали, помогая общему празднику и сами участвовали в нём. А вот, чтобы руководители сверхдержавы стали не просто «ОП» (нет, не своего народа), а холуями геополитического противника России – такого в мировой истории не было.

А что же самый читающий народ в мире? У большинства действительно эйфория и ожидание почти чуда. Наиболее активные (шустрые) люди начали образовывать группы «демократической» направленности с активной критикой КПСС. В НТЦ достаточно посредственный конструктор вдруг стал лидером такой группы. Трудно было обычным людям противостоять профессиональной манипуляции сознанием или просто понять из личного интереса суть начавшейся перестройки.

Обнаружил у себя черновик выступления на партийном собрании НТЦ:

«Решения апрельского пленума 1985 года и последующие постановления партии призывают всех советских людей пересмотреть своё отношение к формам и методам труда, сложившимся в каждом коллективе к настоящему времени.

На примере нашего КИБа, обеспечивающего измерения почти всех исследований проводимых по доработке серийных и созданию двигателей новых модификаций, хочу высказать некоторые соображения по улучшению организации труда и, как следствие – повышение его интенсивности.

Состав бюро – 14 человек с начальником. Из них четыре инженера и только один с третьей категорией. Рабочие: слесари мср, слесари кип и наладчики кип. Средний разряд четвёртый. Много ли это? К примеру в первом полугодии при прямом участии работников КИБ ДЭ проведены следующие серьёзные работы:

- 1. Полностью отработана конструкция рычажного токосъёмника для термометрирования поршня и технология измерений с возможностью замены поршня. В настоящее время ведётся активная работа по доработке этого токосъёмника для тензометрирования шатуна.*
- 2. Освоена и введена в работу современная система фирмы AVL, которая выдаёт прекрасную информацию о рабочем процессе в камере сгорания.*
- 3. Уверенно, с высоким качеством проводятся измерения пусковых параметров двигателя, как в холодильной камере, так и в условиях Севера.*
- 4. Начата объёмная работа по исследованию всей системы смазки двигателя и ряд других работ.*
- 5. Разработаны и изготовлены несколько типов датчиков и тарировочных устройств.*

Можно сказать, что большинство наших заказчиков остаются удовлетворёнными нашей работой. Но бывают и досадные срывы, как, например, работа по исследованию нагруженности шатунных болтов, проводимой с КИБ прочности, руководимой В. М. Никишиным. Проведена большая работа с высоким качеством с подготовкой всех типов болтов к тензометрированию, выполнен большой объём измерений, но уверенных выводов на выходе сделать не удалось. Суть, мне думается, в том, что мы работаем сейчас, кто как умеет. Никишин, например, считает, что

разработка подробной программы совсем не нужна и даже вредна, а руководить можно наскоками и волевыми указаниями, а остальные должны работать, не понимая, зачем это нужно.

Но партия нас в настоящий момент призывает к другой работе. Рекомендуются провести на предприятиях паспортизацию рабочих мест. Я это понимаю как определение чётких функций и обязанностей каждого нашего подразделения. И это должно быть известно каждому работнику. И тогда не нужно будет кого-то уговаривать, а можно будет спросить со всей строгостью. Такие положения о КИБ, КБ, отделах должны быть обеспечены чётко обоснованным количеством людей.

Как сказал однажды А. А. Шестаков: «Есть у меня бюро электроники и пусть оно делает всё, что хоть как-то связано с электроникой». Но делать всё, это ничего не делать хорошо.

В Отделе специзмерений начата такая работа. Утверждено положение о КИБ ДЭ. Но потом В. М. Панфилов правильно решил, что положение об одном бюро – это почти ничего. Нужно иметь такие положения для всех подразделений. И здесь не нужно ждать особых указаний сверху. Дальше предлагаемый мною текст для внесения в решения собрания.

В решениях партии, в выступлениях М. С. Горбачёва говорится, что опережающими темпами должно развиваться машиностроение и, особенно, электроника. Для нас, исследователей, это важно вдвойне. Ведь уже разработаны за рубежом, да и у нас измерительные комплексы, заменяющие наши достаточно устаревшие приборы. И в этом плане руководству УГК также нужно подумать. Возможно, Отдел специзмерений тоже должен развиваться опережающими темпами. Ведь наличие возможностей сильно определяет спрос. И на этом фоне четыре инженера, из которых только один с третьей категорией – очень мало для обеспечения всех исследовательских работ по двигателям».

Это первая половина 1985 года. «Боже! Какими мы были наивными! Как же мы молоды были тогда!» Далеко не все были наивными, а я и не такой молодой – 43 года.

О моём племяннике Юре и сыне Славе

1985 год. Юра оканчивает университет в Киеве – исторический факультет. Он приехал в Югославию (СФРЮ) готовить свой диплом. Не буду давать ему характеристику. Читатель сам её сделает, прочитав его письмо бабушке – моей маме:

«Добрый день, бабушка!

Начну с разъяснения моего положения здесь в СФРЮ. Приехал я сюда готовить свой диплом, а потому, конечно, не преподаю. В основном сижу по библиотекам, читаю литературу на сербохорватском и английском языках. Но, к сожалению, пока работа идёт медленно. И из-за недостатка

информации, и из-за ненастроенной системы поиска, и из-за простой неорганизованности. Конечно, не надо сбрасывать со счёта и тему диплома «Югославо-американские отношения при администрации Рейгана», которая сама по себе трудна и вряд ли может встретить большие приветствия и с одной, и с другой стороны.

Но пока больше времени я уделял не работе, а знакомству с местной действительностью. Смотрел кинофильмы, а здесь идут практически всегда такие кинофильмы, которые у нас никогда не будут показывать. Тут допускают на экраны антисоветские фильмы, а уж о так называемых эротических, и говорить не приходится. Кстати и журналы пестрят порнографией. Можно представить, что за работа проводится по воспитанию молодого поколения. Поэтому они вырастают безразличными к политике, не имеющими правильной идеологии и активной социальной позиции.

Югославы в каждой газете пишут о тяжёлом времени, которое переживает СФРЮ: долг, инфляция (обычно 55-60% в год), безработица (970000 безработных). Средняя зарплата в Хорватии около 20000 динаров в месяц. Квартира обычно стоит около 15000 (с газом, эл. энергией и т. д.). Питание при самом дешёвом раскладе не меньше 10000 на человека в месяц (курс динара к рублю около 234 динара к одному рублю).

Становится ясным, что на одну зарплату прожить нельзя, даже при низких ценах на вещи. Далее приводятся цены на вещи. Между тем хорошие и часто дорогие вещи быстро испаряются из магазинов, особенно магнитофоны. Это говорит о большом имущественном расслоении в Югославии. На главной улице города можно часто увидеть детей- Попрошайек, а в привилегированном районе строятся новые особняки.

В общем, Югославия – страна контрастов. Не всегда встретишь хорошее отношение к СССР, и это не удивительно, учитывая хронический недостаток объективной информации о нашей стране. Но мне пока везло, я встречал хорошее отношение. Повезло мне и с соседями. Оба они хорваты (из Загорья – местность к северу от Загреба), студенты-второкурсники факультета машиностроения. У нас нет никаких проблем, всё общее. Я часто читаю им «политинформации» по истории от Древнего Рима до югославо-советских отношений. То, что я живу с югославами, мне очень помогает, т. к. стимулирует изучение языка, который пока ещё отстаёт от необходимого, но для общения уже достаточен.

Из советских людей нас в Загребе 7 человек: два стажёра-естественника, два студента, 2 преподавателя и один аспирант. Мы постоянно встречаемся, и это помогает, когда становится трудно.

В смысле своего быта проблем мало. В студенческом ресторане кормят вкусно, дают много и недорого, т. к. расплачиваются студенты бонами, а это в 2 раза дешевле, чем динарами.

Вот такие мои краткие новости. Я планирую побывать во всех республиках, чтобы составить представление о стране. Два дня был в Белграде, который очень похож на Киев.

Будь здорова, бабушка! Привет из Югославии! Zagreb. Юра. 22. 01. 1985 года».

Замечательный парень с хорошим советским воспитанием.

И второе письмо Юры моему сыну:

«Добрый день, Славик!

Думаю, ты немало удивлён фактом прибытия этого письма. Это не удивительно, я сам не помню случая, чтобы мы когда-либо обменивались письмами. До сих пор нам в Киев попадала только косвенная информация из писем твоих родителей или бабушки Шуры, и чем дальше, тем больше она разжигала мой интерес к тому, что у тебя всё же происходит.

Я много слышал о твоём увлечении теоретической наукой и о том, что у тебя были сложности с поступлением на желаемое отделение, но так и не понял, куда ты перевёлся или поступил, чем ты сейчас занимаешься и где, в МФТИ или ещё где-то. Знаю, что ты увлёкся философией. Что тебя заинтересовало в такой огромной области как философия и почему ты, представитель точных наук, занялся вдруг областью, мало касающейся непосредственной специальности.

Расскажи о жизни в МФТИ. Я много слышал о необычных методах обучения в этом институте, но так и не узнал конкретных деталей. Наверняка и ребята учатся в нём необычные, может быть, более одержимые, более талантливые, чем где-либо в другом вузе.

Сейчас ты живёшь вдали от родителей, наверное, это отразилось на твоём образе жизни, самостоятельности, отношениях с людьми. Много слышал о твоих занятиях альпинизмом. Это секция при институте или где-то отдельно? Как проходят занятия в этой секции, и каковы твои успехи в альпинизме?

Вообще, ты уже перешагнул половину своего учебного пути и, конечно же, определился в своих интересах по окончании МФТИ. Было бы интересно знать, как ты видишь своё будущее и будущую профессию.

Вот видишь, сколько вопросов сразу. Может быть, на все одновременно ответить будет сложно, я понимаю твою загруженность, но всё-таки хотелось бы больше узнать о том, как ты живёшь и учишься.

Моя жизнь, как я думаю, в отличие от твоей, вступила в пассивный период. По крайней мере, так его можно назвать после небывалого напряжения двух месяцев, последовавших после возвращения из Югославии. 27 июня я получил диплом и приступил к подготовке к экзаменам в аспирантуру. В сентябре успешно их сдал. Теперь жду решения о зачислении в аспирантуру.

Когда будет такое решение, я отправлюсь в Москву узнать что, кто и когда писал по моей теме, поговорить с людьми-специалистами. Думаю, что можно будет как-нибудь встретиться. Как тебе такое предложение?

Большое спасибо за то, что не забываешь нас, за поздравление с нашим великим праздником 7-го ноября. Больших тебе успехов. Я верю, что тебя ожидает большое и интересное будущее.

Юрий. Киев. 31. 10. 1985 года.

Мне захотелось на примере двух талантливых ребят показать, как быстро менялось мировоззрение под воздействием быстро меняющейся политической ситуации в стране (а немногим позже уже в разных странах) под воздействием агрессивной промывки мозгов (манипуляции сознанием).

Молодой парень, окончил университет и учится в аспирантуре. У него вполне советское воспитание, а вокруг митинги с шельмованием КПСС и с большим националистическим уклоном. Вот некоторые лозунги того времени: «Кто зъів мое сало»; «Комуняків на гиляку»; «Долой КПСС и москалей». Помню возмущение Юры: «Ведь есть конституция, закон. Нужно их применить». Постепенно ситуация доводится до полного абсурда под красивыми лозунгами «свободы» и «демократии». Диссертацию Юре пришлось защищать не в своём университете. На нём (для некоторых перестроившихся чиновников) негласное клеймо «сына партийного руководителя». Преподавать и изучать теперь нужно непонятно какую историю. Приходится встраиваться в новую реальную жизнь. На определённом этапе Юра возглавил представительство американской фармацевтической фирмы в Украине (не знаю тонкостей этого процесса). Фирма его работой была довольна, да к тому же и зарплата как на Западе. Была в его жизни ещё одна западная фирма. Потом его пригласил к себе на работу украинский олигарх от фармацевтики, но сотрудничество было недолгим. Женился Юра на своей коллеге, которая с удовольствием занималась работой в западной фирме вместе с Юрой.

В один из моих приездов в Киев я полчаса поговорил с Юрой. Юра устал от моей дотошности, а я огорчился от тех ценностей, которые вошли в его жизнь. Это завышенная планка уровня комфорта, в которой ему хотелось бы жить. А поскольку Украина катится в разряд самых отсталых стран, то нужно встроиться в тот самый «золотой миллиард» развитых «цивилизованных» стран, а его вины в том, что творится на родине, нет. Представить высказанное вслух такое мнение до перестройки было почти невозможно.

Его жена Ира, пока Юра организовывал своё дело, перешла работать в швейцарскую фирму, производящую сигареты. На определённом этапе, в порядке ротации, её перевели на работу в головную фирму. Вот уже шесть лет они живут в Лозанне на заработок Иры и деньги от мелкого бизнеса Юры. Денег вполне хватает на безбедную жизнь и поездки по Европе. Даже родили второго ребёнка. Но вот жизненный тонус низкий, да и работа Иры в Швейцарии не вечная. И я не только не осуждаю, но даже желаю, чтобы жизнь у них сложилась, как им хочется. Вот только Родина – это не пустое понятие. Как в песне: «Даже птице не годится жить без родины своей».

Теперь о моём сыне Славе. На многие из тех вопросов, которые Юра задал в своём письме Славе, мы до сих пор точного ответа не имеем. Они пару раз встречались в Москве, а потом жизнь понесла каждого по своей колее. Славка на физике поставил крест, но полученные знания в таком вузе, как МФТИ, помогают ему и в новых областях деятельности. Защитил диссертацию по философии. Основные деньги зарабатывает в консультационной фирме. Нарбатывают программы, как нужно людям (больше крупным руководителям) жить и работать. В период перестройки Слава – активный участник деловых игр. В разговоре со мной, неожиданно заявил: «Такие предприятия как КамАЗ нужно закрывать и строить современные». Через 20 лет он уже так категорично не думал. Но ведь подобные мысли, что советское значит плохое, стало внедряться в сознание многих людей, в том числе и через методологию.

В конце 1986 года такая игра была проведена с работниками НТЦ. Большое количество людей (в основном ИТР) выехали на неделю в камазовский профилакторий. Я постарался тоже туда попасть. Группой игротехников руководил Рифат Шарифуллин. Проведение игр вызвало в НТЦ настоящий фурор, как будто люди приехали к нам с другой планеты.

Я тихо вышел из игры через два дня. Какой-то неосознанный протест вызвала у меня эта игра. Как сказал Штирлиц в фильме «Семнадцать мгновений весны»: «Я не люблю быть болванчиком в китайском преферансе». Игра состоялась и без меня. Но к каким выводам пришли в результате игры я так и не понял. Вот стихотворение, написанное после игры Ниной Шишкиной:

Г. К. на память об ОДИ НТЦ №1. 26. 01. 1988 года.

*Мы для начала с вами, дружно,
Фиксируем простую мысль,
Что счастье выпало не всякому
С судьбою здесь соотносится.*

*Неделю вся аудитория
Пыталась сделать шаг в историю,
Чтоб упредить тот страшный час,
Когда отменяют Госзаказ.*

*Развить технический прогресс,
Создав мыслительный процесс,
Сгруппировались в два отряда
И вроде мыслили изрядно.*

*Но был итог: и «А», и «Бе»
Сошлись в одной большой «трубе».
По Щедровицкому игра
Мудра для нашего нутра.*

*Решили: будет лучше, если
Искать прорыв посредством сессий,
Мы трухнули, но не скинули,
А понеслись глобально мыслить.*

*На всяк вопрос – готов ответ,
Сплошной классический балет!
И есть реальная угроза:
В культуру выйдет наш Морозов.*

*Vivat «Игра», vivat Рифат!
Каков же будет результат???
И ясно стало, между прочим,
Что здесь пора поставить точку.
Но скажем всё же под P.S.
«Даёшь мыслительный процесс»!*

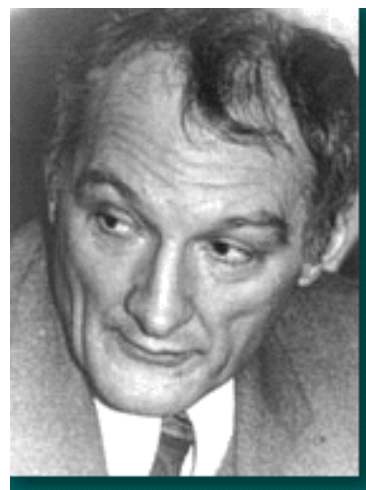
Несколько лет назад сын прислал нам статью бывшего преподавателя истории МФТИ и ближайшего сподвижника Г. П. Щедровицкого в методологии – Валерия Лебедева. Живёт он сейчас в США. Слава нашёл в этой статье много смешных моментов, связанных с играми. А я понял, какую большую лепту внесла методология в разрушение великой страны. «Благими намерениями вымощена дорога в Ад» – так звучит народная мудрость. Хочу отметить, что почти все ученики Щедровицкого стали очень состоятельными людьми, сумевшими поймать свою рыбку в мутной воде перестройки.

Игротехника от Щедровицкого до Ходорковского

В свое время я много участвовал в организационно-деятельностных играх (ОДИ), придуманных и основанных Георгием Петровичем Щедровицким в 1979 году, которого я хорошо знал на протяжении лет двадцати. Участвовал в играх и с самим Георгием Петровичем, и с его сыном Петром, и с Сергеем Поповым, и с Борисом Островским, и с Александром Левинтовым.

Немного скажу об организационно-деятельностных играх (ОДИ). Это важно для того, чтобы стало ясной суть нынешних игр и школ, которые раскинул ЮКОС по всей России.

Суть игр, придуманных Щедровицким в 1979 году, была в том, что собирается группа участников (это могли быть специалисты уровня от инженеров до министров, от секретарей обкомов до работников республиканской прокуратуры), в каждой группе есть свой «направляющий» — игротехник. Возглавляется игра руководителем. В групповой работе начинаются как бы стандартные процедуры:

самоопределение, проблематизация, схематизация и пр., затем всякого уровня рефлексии (это больше на пленарных заседаниях). Нет, не стоит описывать технологию. Все равно не передать того, что есть игра. Игра могла продолжаться неделю, каждый день с раннего утра до поздней ночи. Даже ночные танцы входили в игру. И никто не хотел спать (и не нуждался!) более 5 часов. Чем дальше, тем больше участники входили во вкус. Они не хотели уезжать. Не хотели возвращаться в понурую действительность. Они начинали летать на тех самых крыльях мышления, которые у них отрастали и крепили изо дня в день.

После игры участники говорили, что они испытали настоящее счастье от самого процесса мышления.

Приведу несколько высказываний об игре и их основателе Георгии Петровиче Щедровицком его известных последователей.

Начну с Сергея Попова, которого сам Георгий Петрович называл своим лучшим учеником. Мне это сделать тем более приятно, что Попов был сначала и моим студентом, а потом аспирантом (в Московском физико-техническом институте, или «физтехе», как его кратко называют).

Вот место из его интервью:

"Интересно, что на физтехе, как я потом понял, была в то время неплохая кафедра философии. На ней работал И.С.Алексеев, позже читавший нам прекрасные лекции, В.Лебедев, читавший остроумные лекции по истории Китая, в которых неприкрыто фигурировала критика социализма. Позже, постепенно включаясь в круг философских и общекультурных интересов, я слушал лекции М.Мамардашвили о Декарте и Канте, видел, слушал и читал многих приличных философов.

Но Георгий Петрович очень сильно отличался от них всех. Он не был «одним из...». Он был «сам». Он шел своей дорогой.

Что же делали мы, проводя ОДИ? Мы, несомненно, игры творили - каждый раз создавая новую игру, с новыми игроками, на новом плацдарме и новом материале. Каждая игра создавалась как самостоятельное произведение и разыгрывалась по-новому.

Наша выдумка состоит в том, что люди смогут стать на порядок сильнее через организационное освоение мира, его переорганизацию. Не через его исследование, а через переорганизацию под себя, под свои сформулированные задачи.

Я считаю, что нам страшно повезло, что мы участвовали в этом грандиозном процессе, вызванным к жизни Г.П.Щедровицким. Тем более что кульминационный момент развития ОДИ совпал с разрушением целой цивилизации (а СССР - это была новая цивилизация).

Общественная сессия в Иркутске - это было мероприятие удивительное: в заснеженном Иркутске в 30-градусный мороз, в старом дореволюционном здании Городской Думы посреди города, в котором размещался Театр музыкальной комедии, все кандидаты в депутаты разыгрывали свою будущую жизнь и политическую жизнь страны. Полутемный зал театра, галерка, на которую допускались любые жители

города (там постоянно торчали анархисты, монархисты, экологи и еще кто-то, плакатами и криками участвуя в игре), ярко освещенная сцена, на которой будущие депутаты делили полномочия - все это достойно более искусного пера, чем мое. И результат был потрясающим: вся будущая история советов - вплоть до их насильственной отмены - прошла на сцене. Я эти материалы потом относил в ВС России. Не поверили. Я не знаю, где было бы такое возможно, кроме России, на этом грандиозном переломе».

Я участвовал в этой игре в Иркутске в феврале 1989 года. И вывод о «будущей истории советов — вплоть до их насильственной отмены» и даже вплоть до отмены самого СССР как раз прозвучал в моей большой трехчасовой обзорно-установочной лекции на той самой игре, в которой принимало участие также и руководство Иркутской области (в том числе — партийное). Хотя я этот вывод делать не планировал. И грядущего такого не хотел. Само получилось. Это ж была игра. Нечто не всегда предсказуемое.

Да, была зима начала 1989 года. Иркутск. Мороз 30 градусов, Ангара дымится белым паром. До водораздельного августа того же года, когда в «Новом мире» были напечатаны избранные главы «Архипелага ГУЛАГ» еще 7 месяцев. Никто еще не отменял (и даже не помышлял об этом) 6-ю главу «брежневской Конституции» от 1977 года, повествующей о направляющей и руководящей роли КПСС в советском обществе.

В центре Иркутска в большом дореволюционном здании Городской Думы идет организационно-деятельностная игра с депутатами и кандидатами в Областной совет. Само собой, присутствует и участвует областное советское и партийное начальство. Игра с самого начала снимает идеологические и политические опасения. И ограничения. То, за что можно положить на стол партийный билет в реальной жизни, здесь разрешается. На что это похоже? Да хотя бы на военные и штабные игры. Там ведь тоже одни воюют за красных, а другие — за синих. И победившие синие не считались же антисоветчиками, можно сказать — белыми. Играл за синих незадолго до войны Жуков, победил и получил награду, а не был расстрелян как пособник троцкистско-фашистской банды.

На игре вводится такой элемент, как *brain storming* — мозговой штурм. Это ситуация, когда для решения проблемы разрешается предлагать любые, даже самые, на первый взгляд, экстравагантные или даже безумные идеи. Функция критики, фильтров и всякой рефлексии на этом этапе снимаются и не разрешаются. Просто фиксируются все поступающие идеи, составляется их реестр.

Например, для разрешения некоторой экономической ситуации, для того, чтобы ускорить процесс кооперации и успеть опередить в конкурентной борьбе некоего условного соперника для завоевания места на мировом рынке можно выдвинуть нелепую идею о введении частной собственности на средства производства. На партхозактиве подобное немислимо. Исключение, увольнение, а то и отсидка. А на игре — можно. В игровой ситуации в работе в группе тот, кто пользовался моделью

частного предпринимательства, оказывался впереди тех, кто увязывали свои порывы и новации через Госплан, Госкомцен, Министерства и управления.

В игре это было можно. Хотя и приводило психологически (да и идеологически) к весьма нежелательным для коммунистических устоев последствиям. Но тогда, в конце 80-х годов опасность подобных игрещ еще не просматривалась. Наоборот, считалось, что они содействуют перестройке, новому мышлению, возвращению к ленинским истокам НЭПа, кооперативному мышлению и развязыванию массовой инициативы населения на местах.

Примерно такую игровую установку дал на самом первом общем заседании руководитель игры Сергей Попов. В ее рамках я и сделал трехчасовую культурологическую лекцию по истории России. Были там и малоизвестные в то время (но ключевые) эпизоды вроде того, что Иван Калита получил ярлык на великое Владимирское княжение от хана Узбека за подавление антиордынского восстания Александра Тверского и стал старостой русского улуса. Именно это мало патриотическое обстоятельство и лежало в основе появления Московской Руси.

Особое внимание привлекали, конечно, не эти древности, а современность.

Когда подошел к революции, зал, что называется, затих. А до того он периодически взрывался смехом. Наблюдалось также неоднократное «оживление в зале». Я вкраплял в говорение эпизоды из Всемирной истории в издании Сатирикона, анекдоты и всякие шутки.

Закончил я тем, что в истории России каждая эпоха отрицает предыдущую и начинает историю с себя. Россия чем-то напоминает рака. Напрягается внутри, набычивается (рак — набычивается?), трах — панцирь лопается, пока новый покров затвердеет, рак немного подрастет. До следующей хитиновой революции.

Увы, сказал я, сброс нынешнего хитина, даже столь любимых нами Советов депутатов трудящихся, куда ныне стремятся присутствующие здесь кандидаты в депутаты, неизбежен. Более того, столь же неизбежен распад и всего Союза Советов.

Слишком много накопилось напряжений, для снятия которых в истории России не наработано иного механизма, кроме сбрасывания всей оболочки.

Но, успокоил я всех, но больше всего — себя (и Попова), все это не более, чем авантюрные предположения в рамках игры и ничем не ограниченного брейн-сторминга.

Вот тут-то и настала мертвая тишина. Если бы летела муха, то было бы слышно. Но откуда зимой в Иркутске мухи? Посему тишина была полной.

Через минуту встала решительная дама, по виду партийная функционерка, но из продвинутых. Она сказала так:

«Мы думали, что Лебедев — достойный человек, он тут раньше делал дельные или смешные добавления. Но после этого доклада, после того, что мы сейчас слышали, мы видим, кто он на самом деле. Только огромное терпение и дружелюбие иркутян позволяют ему выйти живым из зала» (это — цитата, ибо весь ход игры всегда записывался устроителями на магнитофон для целей отчета).

Встал довольно бледный Попов и стал ее урезонивать, сказав, что ныне перестройка и гласность, и что вообще речь шла об истории и методологии, а не о программе политической и революционной борьбы, и вообще все говорится только в рамках игры, а не реальности. В процессе игры вы еще и не такие фантазии услышите, — как бы успокоил он зал. В общем, обошлось. Все-таки это было хоть и начало, но 1989 года, а не конец 1952-го.

Но вернемся к основной теме: к теме о попытке завоевания политической власти не с помощью дворцового переворота, восстания, революции или даже демократических выборов, а с помощью группы прошедших игры людей. Они становятся настолько незаменимыми в качестве советников высших политиков и (чуть позже) генераторов основных государственных идей, что постепенно сначала реальная, а потом и юридическо-политическая власть переходит к ним.

Скорее всего, корни этой философско-конспирологической идеи нужно искать у Платона в его учении о государстве, возглавляемом философами. Наверняка, в этом деле почетные места занимали бы и Кампанелла, и Мор, и Макиавелли. Но мы не будем углубляться так далеко. В позднее советское время эту идею проводил в жизнь Георгий Петрович Щедровицкий. Причем, настолько тайно, что эта его мощнейшая пружина всей деятельности скрыта до сих пор.

В самом начале 1970-х годов, когда Георгий Петрович, или ГП, как его все называли, приезжал в Минск и вел там со своей ранней командой сеансы разоблачения старого мышления, он был иногда в частных разговорах откровенен. Разговаривал же я с ним тогда очень много. Особенно много мы толковали в 1972 году, когда организовали республиканскую школу молодых ученых (до 35 лет — эх, и сами еще были такими) и пригласили ГП на поучение юношеству. В схеме своей главный стратегический стимул всей его жизни выглядел так.

Мы через свои семинары (это было еще за пять лет до первой игры) готовим кадры. Ну, это и термином таким нельзя называть. Члены тайного масонского ордена, со своим ритуалом, уставом и секретной сверхзадачей. Идея была как раз в том, чтобы разобрать устройство социума на узлы и детали, посмотреть, как оно устроено, найти там блок управления, пути подхода к нему, проникнуть, взяться за рычаги и править в нужную сторону. Сильной стороной СМД-методологии (Системо-Мысле-Деятельность), которую уже давно развивал Щедровицкий, была схематизация. То есть, представление любого социального устройства или

процесса в виде схем, блоков, фигурок и функциональных связей между ними с помощью стрелок. Все становилось очень наглядным и понятным. Где, какой блок, кто с кем и как связан, куда нужно войти, чтобы сделать то-то и то-то. По крайней мере, сделать на бумаге. Кого только не было среди этих пляшущих человечков: само собой, методологи, затем философы, историки, проектанты, рефлексуны, руководители, исполнители... В общем все, кто понадобится.

Члены новой Восточной ложи должны были проникать во все властные структуры. Вступать в партию. Становиться незаменимыми полезными секретарями при «губернаторе», советниками, заместителями, идти в выборные органы. Но никогда не забывать, кто они и какова их высокая миссия. Все это — задолго до акунинского «Азазеля».

В качестве одного из ритуалов, скрепляющих “пляшущих человечков” из схем ГП между собой в реальной жизни, точнее, в их методолого-масонской ложе, были кодовые слова, произносимые во время любых выступлений, и где бы то ни было. Например, проходит какая-то конференция, в которой участвуют несколько щедровитян. Последняя фраза кончившего выступление должна была стать началом выступления следующего докладчика. Например, Лефевр завершал: «Очевидно, что только методология СМД может обеспечить прорыв в познании социальной действительности».

Садится. На трибуну поднимается Раппапорт и начинает: «Очевидно, что только методология СМД может обеспечить прорыв в познании социальной действительности».

При этом, совершенно неважно, о чем пойдет речь дальше, и как это связано с парольной фразой.

Между прочим, как раз в воспоминаниях Александра Раппапорта (ныне доктора архитектуры и художника) есть кое-какие намеки на «теорию заговора» ГП. Он пишет:

«ГП поощрял вступление членов кружка в КПСС, полагая, что в советском обществе иными путями вообще нельзя достичь никакого влияния, а защиту кандидатской всегда в шутку называл обретением дворянских привилегий.

Вообще, как я теперь это понимаю, ГП ждал каких-то реформ, так как ясно видел, что дела в СССР идут в тупик. Но он не предполагал, что выход из кризиса будет найден в возвращении к рыночным структурам. Скорее всего, он предполагал, что победит особый тип социалистической технократии, так как во всем мире, в том числе и на Западе, роль социального планирования и управления (а вместе с ними и бюрократии) постоянно росла. При этом, под техникой он имел в виду скорее всего не машины из железа, а какие-то иные машины вроде «машин мышления» или «машин проектирования». Большинство оппонентов ГП видели в нем как раз мыслителя тоталитарного толка, технократия которого будет технократией для избранных, а для остальных обернется самым свирепым рабством».

Саша Раппапорт рассказывал мне о методах вовлечения неофитов в захватывающую конспиративную деятельность очень красочно (он — великолепный рассказчик). Что-то вроде: вот говорит ГП, что в самом скором времени мы сначала сделаем то, потом это, наши люди сначала здесь, затем глядишь — там, они уже везде! Никто ничего не понял, а мы все изменили, всех перетасовали, страна идет в другую сторону! Вроде как прыгает перед тобой манипулятор и пресстидизитатор, фокусник и мистификатор, а потом вдруг раз — скакнул вверх, и висит, где-то зацепившись ногой за крюк люстры, сардонически глумливо ухмыляется: ну, как я вас уработал, а?!

Саша так все это воспроизвел и показал, будто и сам уже повис вниз головой. Мы чуть от хохота не попадали со стульев.

Организационно-деятельностные игры Щедровицкий, как я уверен, задумал как раз под дальнейшее развитие и реализацию «интеллектуального переворота» в СССР. Пропустить через игры сотни тысяч людей и создать массовый класс своих сторонников. Это будут директора предприятий, начальники цехов, райкомы-горкомы-обкомы, судьи, преподаватели высшей школы, министерские чиновники всех рангов.... Кажется, не было категории населения, которых не охватило бы «игровое движение» самого конца 1970-х — и всех 1980-х годов. Хотя нет, были такие категории — это армия. А также КГБ и МВД. Там, насколько мне известно, ОДИ не проводили. А какой же захват власти без силовиков? Но, возможно, эти системы считались Георгием Петровичем чем-то вроде исполнительных органов. Будет приказ из политических верхов, — те выполнят — и все.

Странным образом, в советской прессе (тем более на телевидении) нигде и никогда не говорилось об этом, можно сказать, массовом движении и вовлечении в ОДИ. Хотя оно было совершенно официальным. Ибо игры заказывались, например, руководством области или министерства, или заводом. Решение, разумеется, утверждалось также на парткомах. Бухгалтерия выделяла немалые средства. Нужно было оплатить проезд команды игротехников — это иногда человек 15-20. Всех разместить (часто в хороших гостиницах). Всем выплатить гонорары — причем немалые. Помнится, я привозил с одной игры до 1000 рублей — тех, еще полновесных, когда «Жигули» стоили 5,5 тысяч, а килограмм колбасы «Любительской» 2,20. Затем, командировать на игру (на неделю или даже больше) своих работников с сохранением содержания.

В общем, все это нужно было взять из бюджета и проводить официально как повышение квалификации. Но при всем при том, как я уже сказал, никакого освещения в прессе. Разве что в многотиражках что-то такое проскакивало, типа: «Успешно прошел семинар по переподготовке кадров нашего завода». Да уж, подробностями не баловали. Ибо подробности шокировали бы. Там всплывали бы ужасные детали с экологией района (были игры по экологии). Или швах с пробиванием фондов.

Или на игре отменных результатов добивались как раз те группы, в которых в качестве моделей принималась деятельность с частной собственностью и децентрализацией, в которой фонды вообще не нужно было «пробивать», или со свободой прессы, которая живо разоблачала директора, который еще только начал сливать отходы в местную речку Колозривку.

Как известно, игры, коих только сам Щедровицкий провел под сотню, а его ученики, которые размножались как нейтроны в атомном реакторе, многие сотни, — ни на йоту не приблизили ГП к возжеленной власти. Даже в качестве серого кардинала. Но эти игры дали совершенно неожиданный результат, как для господствующей идеологии, так и лично для ГП: они подготовили массовую поддержку горбачевской перестройки, а потом и обвального перехода к рынку. И, что важно, как раз в среде производственников и управленцев. Они после игр вовсе не ужасались перспективе крушения принципов общественной собственности, руководящей роли партии, идеологии марксизма-ленинизма и даже в целом отмены СССР. Мысль простая: если я в процессе игры, став собственником завода, вел дело гораздо успешнее, чем в положении реального директора, подотчетного по вертикали министерским чиновникам, а по горизонтали вместе с вертикалью — партийным инстанциям, то на хрен мне они сдались? Я охотно поменяю свое кресло советского начальника на роль простого беспартийного собственника.

Ожидал ли Щедровицкий от своих игр вот такого рыночного эффекта развала СССР и перехода России к эпохе дикого первоначального накопления? Вряд ли. Он не был большим сторонником массовых разграблений. Но зато он высоко ценил сам факт идеологии как некоего скрепляющего общество стержня. Важно только было сменить неправильную идеологию (каковая была в СССР) на правильную, которую он предлагал в играх. Она, эта идеология, чем-то напоминала учение Мухаммада, в котором главное — это формула: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его.

Только у ГП не было этого ненужного удвоения на Аллаха и его пророка. Хватало и одного Щедровицкого.

Да, сам Георгий Петрович не встал во главе новой России (тут его расчеты дали осечку). Встали совсем другие люди. И одним из них был Михаил Ходорковский.

19 августа газета Stringer, поместила материал своего журналиста Артема Савельева «Югендленд имени Ходорковского». Словом стрингер (Stringer — можно понимать как лучник-стрелец) обозначают рискованных журналистов, ведущих свои расследования в опасных местах, что называется, за свой счет и риск. Статья основана на результатах посещения группой иностранных и российских журналистов образцово-показательного базового летнего лагеря по воспитанию и обучению молодежи, организованного ЮКОСом в рамках их программы «Новая

цивилизация» в подмосковной Истре, на берегу живописного Истринского водохранилища.

Вообще-то, программа «Новая цивилизация» (и ее ответвление «New Land») ЮКОСом запущена давно — в 1996 году, восемь лет уже. Многие сведения о «Новой цивилизации» в прессу попадали. Но без всякой сенсации. Так просто, в духе сообщений «Наши достижения»: мол, имеется такая полезная инициатива передовой компании ЮКОС, которая заботится о подрастающем поколении. С детства прививает им самостоятельность. Умение принимать решения. Дает понимание, что такое бизнес, биржа, выборы руководящего состава компании и даже своего микросообщества Ньюландии.

Заодно с таким всесторонним и гармоничным развитием ЮКОС еще готовил для себя кадры. Почти с пеленок.

Все это не могло вызвать особого интереса. Особенно когда в заявлениях руководства говорилось о воспитании у своих подопечных «активной жизненной позиции» — это так знакомо, и — так скучно. Все десятилетия советской власти именно это и воспитывали.

Приведу сообщения прессы за прошлые годы о замечательной инициативе менторов из ЮКОСа.

Газета «Нефтяная параллель» от 24 июля 2001 года:

«На первый взгляд Ньюландия — обычный детский оздоровительный лагерь. В лучших традициях бывших пионерских. На флажке ветерок колышет российский стяг рядом с нашим, корпоративным. У вожатых и ребят форменные рубашки и треугольные галстуки цветов ЮКОСа — зеленый с желтым, как листва и солнце.

Все расходы по содержанию Ньюландии взяла на себя Компания. Программы экономического, правового и гражданского воспитания для лица разрабатывали известные российские ученые — доктор экономических наук Борис Райзман и доктор педагогических наук Александр Прутченков.

В мае 1996 года Компания предложила одному из руководителей лица «Подмосковный» разработать подобную игровую программу для школьников наших отдаленных нефтяных городов и поселков. И уже летом того же года первые массовые игры под названием «Новая цивилизация» прошли в Нефтеюганске, Новокуйбышевске, других городах...

Летом 2000 года в живописном уголке Краснодарского края — Красной Поляне — дети нефтяников из Москвы и Самары, Сызрани и Воронежа, Нефтеюганска и Безенчука, Красноярска и Новокуйбышевска, Ачинска и Суходола, Жигулевска и Орла, а также других больших и малых городов России создали республику Ньюландию, — рассказывает президент межрегиональной общественной организации детей и молодежи «Новая цивилизация» Анатолий Ермолин. — В ньюландском государстве — все как у взрослых. Выборы президента и парламента, формирование правительства, государственная служба и частное предпринимательство,

начисление зарплаты и расчеты с налоговой инспекцией. В процессе игры ребята также узнают, как работает Компания, каковы ее цели и задачи.

Идеология Ньюландии, в общем-то, проста и прозрачна. Мы стараемся возродить вполне реальное ребячье движение — вспомните незаслуженно забытого Тимура и его команду...

Как поется в ставшей гимном Ньюландии любимой ребячьей песне:

*Будут все проблемы решены,
Будут встречи с новыми друзьями,
Главное, что мы понять должны —
Жизнь свою творим и строим сами!*

Примерно то же самое в сходных словах излагалось во многих других газетах. Например, раздражалась панегириком статья “Все достижения цивилизации — в гости к нам” в “Комсомольской правде” от 9 января 2001 года.

Итак, было известно, что существуют лагеря подготовки молодежи, начиная со школьного возраста. В них царит дух корпоративной этики. Дети учатся зарабатывать и складывать на свои личные счета “рудолы” — деньги Ньюландии (от РУбль-ДОЛлар). Кто больше заработает, тот передовик. Кто обойдет других при выборах на должность министра финансов Ньюландии, а конкурентов завалит — тот самый большой молодец. А уж кто всех задвинет, а сам станет президентом игрового ЮКОСа — тот просто удалец.

Были пионеры — всем ребятам примеры, а стали навигаторы — всем ребятам кранты. Да и вообще тут много вариантов. Например:

Навигатор — всем ребятам кредитор. Точнее — секатор. Эвакуатор. Плантатор. Или даже инквизитор.

В любом случае — навигатор — это триумфатор. А уж премьер-министр Ньюландии — и вовсе диктатор. Не рифмуется министр-диктатор, но это ничего. По рифме — издевательство, зато по существу — верно.

При всем том, корпоративный дух навигаторов питался как бы из двух разных источников. Один — это идеология ярого индивидуализма. Под девизом: сам выплывай, а товарища утопляй. Утопляй — не совсем по-русски, но для языка будущего, на котором скоро станут говорить в Ньюландии, как раз в самый раз.

Немного эту идеологию потом заимствовали в новой русской игре “Слабое звено”. В ней группа, именуемая командой, стоящая в полукружии, отвечала на разные вопросы. Вроде того, сколько километров от Земли до Альфа Центавра, или какова удельная плотность ртути, если ее растворить в царской водке.

Кто отвечал — тот молодец-удалец. Кто на примерно такого же типа вопрос запинаясь, получал штрафной балл. По завершении сеанса все должны были проголосовать за набравшего наименьший проходной балл. А

это не простое дело, так как можно ответить частично правильно. И ответить быстро. Или более правильно, но медленнее. Так что тут играла роль внутренняя симпатия. Но в гораздо большей степени — желание ближнего своего завалить, а себя вытащить. Ибо победитель получал деньги. Вот так и топили друг друга. Ведущая, в точности по виду и манерам Эльза Кох (садистка, надсмотрщица и жена коменданта из концлагеря Бухенвальд), холодно-свирепо возвещала: “Вы — самое слабое звено! Па-а-а-а-прошу покинуть площадку!”

А вот второй ингредиент психики нового русского навигатора — это как раз нечто корпоративное. Ну, как бы вариант коллективного. Только все-таки не то. От коллективного там были упомянутые линейки, сборы, доски почета, поиски спрятанного знамени ЮКОСа (тоже игра), совместные песни. Они давали ощущение приобщённости к своего рода “тайному” сообществу. Нечто вроде масонской ложи. Но разве масонов можно было бы назвать коллективистами? Ни в коем разе. Так и тут.

Мы — в одной ложе, но уж внутри нее каждый за себя. И ты, “друг”, имей в виду, что во время деловой игры в выборы, или при конкуренции наших банков, или там, при заключении договоров на поставку нефти из нашей Ньюландии в Китай, я, чуть зазеваешься, так огрею тебя рудолом, что уже не встанешь. Сгною и похороню по первому разряду с кистями и глазом.

В детских летних школах ЮКОСа (сейчас имеются в 19 городах), в которых “градообразующим” предприятием является как раз ЮКОС (там выбирать не из чего, других предприятий просто нет) царят любопытные порядки. Например, в них запрещен интернет, радио, у курсантов отбирают сотовые телефоны, нет телевизоров. Это, как и линейки со сборами, как ношение униформы и галстуков с цветами ЮКОСа и пение корпоративного гимна можно расценивать как нечто положительное. А можно — наоборот, как отрицательное. Дело вкуса. Положительное, де, потому, что дети там свободны от всяческого внешнего влияния извне. Они совершенно свободны в своих решениях и руководствуются только своими правилами. Никакие дяди им не указ. Полная свобода, прямо как на необитаемом острове. Кто, к примеру, мог что-то приказать или внушить, навязать Робинзону Крузо? Никто. Потому как никого нет. Он сам приказывал своей козе. К тому же для навигаторов интересы корпорации превыше всего, а это значит — есть дух непобедимой команды! В общем — нечто очень образцово-показательное. А если учесть, что за истекшие восемь лет существования этих школ через них прошли более полумиллиона человек, то становится радостно за будущее, как крупного, так и среднего с малым бизнесов в России. Как раньше было радостно за увеличение поголовья, как крупного, так и мелкого рогатого скота в СССР.

Но на все эти достижения можно посмотреть и иначе. И эту иную точку зрения как раз и представил выше упомянутый автор “Стрингера” Артем Савельев в статье “Югендленд имени Ходорковского”. Выберу из нее самое интересное:

“Каждое государство стремится создать систему воспитания детей и юношества. Чтобы получить готовый продукт — граждан. В СССР система воспитания укладывалась в пионерию и комсомол — резерв КПСС.

В гитлеровской Германии система передачи необходимых навыков обеспечивалась трехступенчатой организацией Гитлерюгенд для мальчиков, и двухступенчатой — для девочек, которые готовили кадры для Национал-социалистической партии.

В воспитательной системе, созданной по заказу корпорации ЮКОС, причудливо соединились психологические разработки современной тоталитарной секты, минимализм английского скаутизма, идеологемы преданности режиму, характерные для фашистской Германии, и реквизит сталинской эпохи. Дети, прошедшие через лагерь ЮКОСа, не умеют петь, сочинять стихи и играть в КВН, они должны быть однолинейны, запрограммированы на однозначные действия, как в армии, они носят значки “Свободу Ходорковскому!”, молятся корпорации и словно заведенные повторяют слова основного лозунга, висящего над входом в лагерь: “Будет нефть — будут деньги!”

Основа лагерного воспитания — деловые игры в демократическое государство полувоенного образца. Есть парламент, правительство с несколькими министерствами и промышленность в виде нефтяной монополии. Больше ничего в государстве нет. Нет системной оппозиции. Нет свободы прессы с ее разноголосицей. Нет конкурентов с их экономической разведкой и враждебными действиями по слиянию и поглощению. Это упрощенное государство. Даже популярная детская игра в “мафию” или “монопольку” гораздо сложнее по набору механизмов, чем то, что предлагается освоить детям в “Новой цивилизации”. Строгая методичка “Корпорация Юниоров-2004”, по которой идет жизнь в лагере, описывает контуры игрового демократического государства:

“В игре моделируется деятельность нефтяной компании в Республике Юниоров. Главы регионов взаимодействуют с центральным регионом, где располагаются главные органы власти. Дочерние компании принадлежат центральной компании и управляются через 2 управляющие компании (Разведка и добыча, Переработка и сбыт)”.

Вот такое упрощенное сырьевое государство предлагается детям. Схема проста до чрезвычайности: Разведка и Добыча-Переработка-Сбыт. Запомнить нетрудно. Тем более, что основной контингент детей живет в корпоративных городах, в которых имеется только эта примитивная триада и еще испорченная экология и перспектива откинуть копыта, не дожив до пенсии.

Романтическому взору корреспондентов иностранных агентств, поголовно считающих, что ЮКОС — это опора демократии в России, открылась картина в традициях позднего совка. Благодетельные дети в желтых каскетках с надписью “ЮКОС” и значками “Свободу Ходорковскому!” сначала показали гостям местную ВДНХ — дорожку, на

которой выставлены плакаты с достижениями жителей игровых городов. Сделаны плакаты были скучно и кондово. Главный и основной плакат:

“Будет нефть — будут деньги!”

А вот и все немудрящие лозунги, которые надо запомнить, чтобы войти в “Новую цивилизацию”. Дети поставленными голосами и от самого сердца орали их с трибуны.

“ЮКОС и мы — наша дружба нерушима!”

“ЮКОС — это учеба в лучших классах!”

“ЮКОС — это отдых, это дружба!”

“ЮКОС — это возможность стать студентом престижного ВУЗа!”

“ЮКОС — это 4 волшебные буквы!”

“Будет нефть — будут деньги!”

Дети, многие из которых учатся у себя дома в ЮКОС-классах, за короткое время в лагере уже хорошо обучены, отвечают на вопросы политкорректно: “Здесь очень хорошо”; “Нас учат”; “Мы играем”; “Нас хорошо кормят”.

Не знаю, кто назвал все, происходящее здесь, игрой в гражданское общество, но это не гражданское общество, а строго корпоративное, а сама игра — это жесточайшее зомбирование детей в инкубаторе на предмет дальнейшего использования по узкому профильному назначению”.

Мне совершенно очевидно, что главные разработки по проведению игр в империи Ходорковского взяты из разработок Школы Щедровицкого. Более того, его последователи применили методiku игры к детям тоже задолго до юкосовцев (Р. Каменский, С. Краснов, В.Рябцев “Игры с детьми в форме ОДИ” в 1991 г.). Причём в той игре уже были группы “Бизнес”, “Власть”, “Семья”, “Своё дело”. Юкосовские культуртрегеры нигде ни словом не говорят о своем источнике прозрений. У Георгия Петровича организационно-деятельностные игры (ОДИ) носили характер широкой культурологической панорамы, где у взрослых людей снимали шоры и давали возможность посмотреть на мир через большое окно. Через игру уже состоявшиеся профессионалы начинали чувствовать, что у них как бы вырастают крылья (выражение самого Георгия Петровича), и они хотя бы в рамках игры могли находить (и находили!) нетривиальные решения любых своих профессиональных проблем. Вернувшись в мир, они видели, что этому решению препятствует сама советская экономическая и идеологическая реальность. Стало быть, даже у советских руководителей пробуждалась мысль, что эту реальность надо менять — именно отсюда шли истоки поддержки перестройки в высшем и среднем звене управления. Между прочим, самым сложным (психологически), по словам ГП, этапом ОДИ был как раз выход из нее. Этот выход был чем-то похож на поднятие водолаза с больших глубин: перепад давления приводил к кессонной болезни.

А тут выход из игры в советскую реальность обрывал отросшие крылья и мог дать шок и даже суицид.

С юкосовскими навигаторами все обстоит наоборот. Они учатся добиваться своих целей в условном мире своих рудолов. Там, в настоящих играх щедровитян, у игроков появлялась мысль о разумном мире. Здесь у юкосовцев возникает идея, что весь мир нужно сделать таким же, как их корпорация. То есть, внешне похоже на посыл ОДИ Щедровицкого. Сделать мир, в котором можно решать профессиональные проблемы. Но у Щедровицкого и его последователей советский мир нужно было бы изменить под нормальный. А у Ходорковского весь, в общем-то, нормальный мир, нужно было сделать похожим на уголовную корпорацию ЮКОС. ЮКОС — как модель мира!

Впрочем, такой мир уже был несколько раз построен задолго до ЮКОСа. Ближе всего по типажу — корпоративно-фашистская Италия. Хотя и Германия 30-х годов тоже впереди маячит.

Мне неизвестно, в какой степени Ходорковский знал учение Щедровицкого, и проходил ли он лично через игры. Но, в любом случае, ясно, что нынешние летние школы ЮКОСа — это по методологии и своей конструкции точные клоны ОДИ. Только хуже и примитивнее. Дети, воспитанные в слепой преданности корпорации, в которой Бог — деньги и их пророк Ходорковский, эти почти полмиллиона слушателей, прошедших обработку за последние восемь лет, мыслились как массовый “кадровый резерв” по переходу власти в руки преданных сторонников Ходорковского. Причем во всех этажах власти — от бизнеса, до судов, прокуратуры, силовиков, СМИ и политики.

История с летними лагерями ЮКОСа показывает, что Ходорковский строил также и свое второе государство политически и идеологически. Идея его школ напоминает чем-то возвращение кукушонка в чужом гнезде. Растет себе и постепенно выталкивает законных обитателей в небытие.

Валерий Лебедев. Дата опубликования: 12.04.2008.

Интересная статья согласитесь. Она тоже «игра» с нами? Написана статья талантливо и в моём понимании правдиво. По крайней мере, та часть, которая касается ГП и его последователей. Что касается деятельности Ходорковского, которому позволили распоряжаться огромным достоянием всего народа, а потом отобрали «игрушку», слишком заигрался — это отдельная тема. А вот направлять «несмышлёных людей» к хорошей жизни манипулируя их сознанием — методологией Щедровицкого, по меньшей мере, не честно.

Кардинально отличалась деятельность другого человека, куда более известного всей стране, чем Щедровицкий. Это Михаил Моисеевич Ботвиник.

«Сыграв вничью с экс-чемпионом мира Максом Эйве, 9 мая 1948 г. советский гроссмейстер Михаил Ботвинник стал шестым в истории

шахмат чемпионом мира. Это звание с небольшими перерывами он удерживал 15 лет.

Ботвинник открыл новую эру в мировых шахматах – эру шахматистов-исследователей. Доктор технических наук, специалист по электротехнике, он и к игре подходил как к науке. Именно благодаря этому исследовательскому подходу к подготовке к серьезным турнирам советские шахматисты несколько десятков лет были бесспорными лидерами мировых шахмат, сменяя друг друга на чемпионском троне. Вклад Михаила Ботвинника в этот успех трудно переоценить.

В 1965 г. в специализированной прессе появляются первые статьи Ботвинника, в которых рассказывается, что ему удалось создать теорию о том, как мыслит шахматист. А это открывает прямую дорогу к созданию искусственного интеллекта. Проходит еще семь лет и власти наконец-то дают добро на создание специальной лаборатории Ботвинника, которая размещается в Центральном доме шахматистов на Гоголевском бульваре в Москве.

Программа Ботвинника «Пионер» воспроизводила процесс мышления человека. Сенсации пришлось ждать пять лет. 28 января 1977 г., продумав 3 часа 45 минут, «Пионер» впервые решила шахматный этюд так, как это сделал бы человек. Машине потребовалось для этого перебрать 200 позиций. В том же году Ботвинник предложил решить этот этюд победителю очередного чемпионата мира среди компьютеров – американской программе Chess. Перебрав почти 2 млн. позиций, «американка» выбрала неправильное решение и, в конце концов, сдалась.

Но это так – лирическое отступление. А тем временем Ботвинник, неисправимый оптимист от природы, решив задачу шахматную, хочет выйти на новый уровень. Он считает, что «Пионер» в состоянии решать управленческие и экономические задачи. На основе уже отработанного алгоритма, утверждает Ботвинник, можно выявлять тупиковые решения, прогнозировать будущие трудности и подсказывать выходы из кризисных ситуаций. К 1978 г. программисты создают такую версию «Пионера», и Ботвинник отправляет письмо в Госплан СССР с предложением испытать новую программу на практике. А в ответ – тишина...

Возможно, на решение партийных бонз повлияло и то, что примерно в это же время в зарубежной прессе появился ряд язвительных статей по поводу идеи Ботвинника управлять экономикой с помощью компьютера. Мина не могла не сработать. «Господь Бог, сотворив человека, допустил ошибку: ограничил его разум, позабыв ограничить его глупость», – записал Михаил Ботвинник в своем дневнике.

В 1964 г. во время Шахматной олимпиады в Тель-Авиве состоялась его беседа с отцом-основателем еврейского государства Давидом Бен-Гурионом. В разговоре с шахматистом политик стал развивать свою идею о том, что все евреи должны собраться на священной земле Израиля. Это

был неприкрытый намек. «А вы не боитесь, – спросил он Бен-Гуриона, что, собравшись вместе, они устроят здесь революцию?» Больше к этой теме Бен-Гурион не возвращался.

Перестройку Ботвинник воспринял со здоровым скепсисом. Он говорил, что в СССР никогда не удастся построить общество с рыночной экономикой по образцу наиболее передовых стран Запада. Скорее, считал Ботвинник, страна пойдет по латиноамериканскому пути развития. Тем не менее, он решил испытать еще один шанс довести до конца начатое дело. В письме в отделение экономики Академии наук СССР гроссмейстер предложил еще раз проверить «Пионер» в деле, утверждая, что программа может помочь осуществить наиболее безболезненно переход социалистической экономики на рыночные рельсы. В стране кипели митинговые страсти, и Ботвинник с его идеями компьютерного управления экономикой был никому не нужен.

После распада СССР в 1991 г. финансирование работы лаборатории Ботвинника прекратилось. 5 мая 1995 г. его не стало. Программа «Пионер», которая на многие десятки лет опередила свое время, так и не была доведена до конца».

Виталий Кропман.

В 1988 принят закон «О кооперации» в СССР, положивший начало современному предпринимательству. Вначале, в основном, за счёт грабежа государственных предприятий. На большом КамАЗе мы как-то этого не замечали и работали в привычном ритме.

«1988 год – по подсчётам специалистов, с начала выпуска автомобилей «КАМАЗ» страна получила от их эксплуатации около 8 млрд. руб. транспортной прибыли. Таким образом, уже за первые десять лет работы «КамАЗ» полностью оправдал все капиталовложения государства, связанные с его строительством».

Но события, происходящие в стране, и принимаемые сверху решения волновали всех, но по-разному воспринимались.

«В мае 1986 г. принимается постановление о «госприемке». Каждый продукт, производимый заводами и фабриками, принимается независимыми от предприятия контролерами. Эта система существовала издавна на военных предприятиях, обеспечивая качество советского оружия. Лидеры «перестройки» сочли, что только силовым путем можно добиться повышения качества продукции. Принимается «Закон о предприятии», предусматривающий расширение прав предприятий, их переход на финансовую самоокупаемость, на хозрасчет. Вводятся выборы директоров предприятий, руководителей учреждений: обычно выдвигаются две кандидатуры, проверенные партийным комитетом. Постепенно число

предприятий, на которых руководитель избирается коллективом, расширяется».

Мне, лично, хотелось большей ясности в принимаемых решениях сверху и конкретики в работе НТЦ. Привожу сохранившееся у меня письмо с предложениями, написанное после партийного собрания:

В партком НТЦ.

«Высказать соображения по первому вопросу сложно, так как времени после проведения собрания прошло много. Нужно уточнить, что подразумевается под проектом модернизации? Исходя из этого, необходимо повысить уровень и качество информации. Все работники НТЦ должны знать (даже те, которые не очень этим интересуются), какие задачи поставлены, что особо важно, а что менее и как движется дело. Поэтому я выскажу свои соображения по организации работ в НТЦ в целом.

Прежде всего, это наличие чётких ориентиров, т. е. возможно тот же комплексный план, но каждый его этап должен иметь конкретную конечную цель, доведённую и понятную для большинства работников НТЦ.

Для разработки такого плана необходимо создание научного технико-экономического постоянно действующего совета во главе с Главным конструктором. В состав совета должны входить главные специалисты, ведущие специалисты (признанные авторитеты в технике, выбранные коллективами), экономисты и представители СТК. Такой Совет мог бы определять стратегию и тактику направления усилий всего коллектива НТЦ – распределение основного и премиального фонда по темам и их этапам (т. е., вся власть Совету).

По кардинальным и стратегическим вопросам, для использования общественного мнения необходимо собирать семинары НТЦ для всех желающих высказать свои соображения. На сегодняшний день вполне способна работать имеющаяся в НТЦ структура.

Открытие любого ТЗ должно быть обосновано и определена его конечная цель, сроки, стоимость, в том числе и премиальная часть (в этом плане необходимо поработать экономистам совместно со специалистами). После окончания работ необходимо оценить их эффективность и процент выплаты премии, которая выделяется на коллективы – участники работы (на уровне отделов). Коллектив отдела согласно КТУ распределит выделенную часть премии между работниками.

Система особо-важных работ, действующая сегодня, уже воспитывает дух делячества и торгашества и ничего хорошего от неё ждать не приходится. Возможно и выполнение особо-важных работ в исключительных случаях, но выделять людей для выполнения этих работ должны коллективы (т. е. подряд должен заключаться с коллективами) и распределять заработанный премиальный фонд должен коллектив. В этом случае в процессе выполнения работы возможно оказание помощи, как дополнительными людьми, так и технически. Возможно планирование дополнительной работы (перераспределение текущей работы) между

оставшимися членами коллектива. Работы, попадающие в разряд особо-важных, должны быть предметом особой гласности.

Возможно составление списков необходимых работ, требующих выполнения, на которые не хватает сил в основное рабочее время. Желаящие иметь дополнительный заработок могли бы выполнять эти работы во вне рабочее время.

Необходимо в НТЦ срочно решить вопрос ускоренного получения вторых профессий, т. е. рабочий 5-6 разряда (при его согласии) должен за две-три недели (лучше с отрывом от производства) получить 2-3 разряд по близким специальностям. Причём, владение второй специальностью при практическом её использовании (подтверждённое коллективом) автоматически даёт право на доплату.

Необходимо расширить права руководителей с одновременным увеличением ответственности, чтобы не приходилось каждый шаг (выход рабочих во вторую смену, в выходные дни и целый ряд других вопросов) согласовывать с ОТиЗом, ТБ и т. д.

Считать главной политической задачей партийного комитета и всех коммунистов активное участие в создании экономической системы регулирования производственных отношений, затрагивающей все слои работников НТЦ с соблюдением социальной справедливости.

Руководитель начального и среднего звена – это единоначальник, но практически без реальных прав. С развитием экономических стимулов права руководителя необходимо расширять, совмещая с развитием демократии. Например, при распределении премий и дополнительных выплат нужно руководствоваться положением, разработанным с участием коллектива и утверждённым на общем собрании с обеспечением полной гласности.

Необходимо ежегодно проводить аттестацию руководителей, инженеров и рабочих. Необходима постоянная работа над структурой НТЦ.

Техническое оснащение (переворужение) очень необходимо, но нужно искать рычаги воздействия для разумной его потребности».

Г. К. Марача. 24. 06. 1988 года.

Много здравых мыслей, но столько же и наивных. Ничего системного в нашем НТЦ сделано не было. Зато попыток урвать от общего пирога было сколько угодно. Отмеченные уже выше особо важные задания стали оформляться на работы, которые обязаны были делаться в плановом порядке. Выходы на работу по выходным дням и убивание времени в рабочие дни. Мой товарищ Коля Ядринцев утвердил что-то вроде сметы на работы, выполняемые в их отделе транспортных автомобилей, и в конце месяца утверждался общий объём выполненных работ. Какое-то время работники отдела получали весомую прибавку к предыдущему уровню зарплаты.

Я тоже разработал предложения по изменению организации труда и формы оплаты в отделе. Но эти предложения даже никем не рассматривались. Слишком со многими подразделениями НТЦ работал наш отдел.

Появилась ещё одна лазейка для шустрых руководителей. Это малые предприятия. Вначале почти все созданные в Набережных Челнах малые предприятия паразитировали за счёт гиганта КамАЗа. Многие руководители завода негласно стали руководителями таких предприятий.

Всё это было непонятно и так далеко от того, что мне хотелось бы видеть. Даже провозглашённая гласность стала превращаться во вседозволенность. Дошло до того, что наши ограждения стендов со стёклами вдоль проездов были полностью заклеены сомнительной агитацией, а местами и порнографией, называемой при «новом мышлении» эротикой.

В рабочем помещении отдела Специзмерений.

Но мы пока трудимся в прежнем режиме и даже стали появляться небольшие приработки. Прежде всего, по ремонту датчиков для заводов.

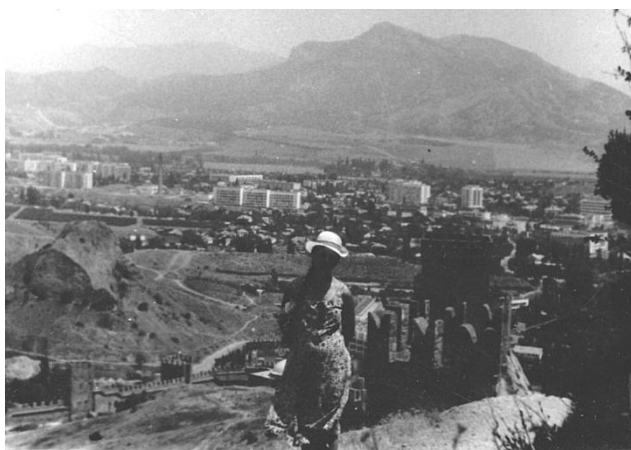
Наше со Светланой путешествие по Крыму.

Летом 1988 года я решил показать Светлане южный берег Крыма, как раньше Славику. Света окончила 7-й класс, но выглядела немного старше. К сожалению, я не учёл, что ситуация в стране уже существенно изменилась.

Собрались мы как в обычный турпоход – с рюкзаками и палаткой. По горам я ходить не собирался, и поэтому была сделана лёгкая двухколёсная тележка для перевозки рюкзаков. Едем автобусом в Казань. Вылет в Симферополь утром следующего дня. Мы уходим за 500 м и в зарослях кустарника устанавливаем палатку (всё как в спокойное советское время). Изредка проходящие невдалеке по тропинке люди с интересом поглядывают на нас. До меня пока не доходит, что ночёвка в одинокой палатке может спровоцировать нежелательные для нас последствия. Но мне хотелось, чтобы дочка хорошо отдохнула. Спать на надувном матрасе значительно комфортнее по сравнению с сидением в зале ожидания.

Обошлось, и в середине следующего дня мы гуляем по Симферополю, едим персики и выясняем в турагентстве, что автобусных маршрутов из Симферополя по Крыму у них нет. Дальше привычный маршрут на троллейбусе в Алушту и далее вдоль побережья на морских «трамвайчиках». Всё, как со Славкой. Осматриваем красивые дворцы Крыма, купаемся, загораем. Питаемся в столовых, но по утрам и вечерам что-то варим, по возможности, на костре, стараясь не портить природу. Не буду описывать весь

наш маршрут. Свете он запомнился, вот только не хватало молодёжного общества.

было здорово. Рядом высокая гора круто уходит вверх и вглубь залива, образуя при этом большое количество маленьких бухточек. Мне сразу захотелось понырять возле скал. Мимо нашей палатки проходила тропа, по которой днём прогуливались отдыхающие по путёвкам. Поэтому я, не опасаясь за дочку, уплыл вначале вдоль скал, а потом на 500 м в море. Глубина была не более 12-ти метров, и я увлёкся собиранием рапанов. Обычно при таком нырянии голову над водой не поднимаешь. Лежишь, отдыхая на поверхности, и наблюдаешь за подводным миром. Потом сделаешь гипервентиляцию лёгких, на неполном вдохе, перегнёшься в поясице, поднимешь ноги кверху и под их тяжестью, вначале медленно, а затем с всё большим ускорением уходишь вниз, не делая больше никаких движений – бережёшь запасённый воздух. Нарастание давления на барабанные перепонки в ушах уравниваешь с внутренним давлением глотательными движениями, а глубже пяти метров уже и это делать не нужно. Ты свой в водной стихии. Полная невесомость. Перед тобой дно моря, а далеко наверху солнце, с трудом пронизывающее толщу воды. К сожалению, на рассматривание дна и собирание рапанов остаётся не более 50-ти секунд. Организм даёт сигналы, что ему нужна новая порция воздуха. Дальше спокойный подъём на поверхность, уже работая ластами. В ушах попискивает воздух, на этот раз выходящий из внутренней полости ушей в лёгкие.

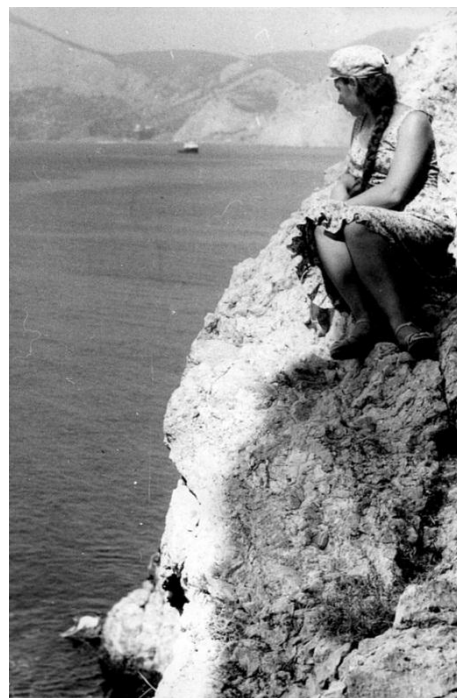
После получаса ныряний поднял голову, чтобы осмотреться. Берег с отдыхающими далеко, а люди, лежащие на пляже, напоминают оранжевые гольши. А от скал в мою сторону вплавь приближаются два человека. У меня возникло некоторое волнение. Оказалось, что двое ребят, долго наблюдавшие за мной, решили выразить мне своё восхищение. Света, после моего возвращения, отругала меня за моё долгое отсутствие. Видеть на таком расстоянии мою изредка появляющуюся макушку она не могла.

Дольше всего мы пробыли на берегу красивой бухты в городе Судак. Вначале, конечно, пристроившись к экскурсии, прошли по Судакской крепости, а потом, пройдя длинную улицу Набережную (почти 2,5 км), установили перед началом горной тропы свою палатку. Переночевали спокойно одну ночь, но какое-то волнение у меня появилось. Днём всё

Вечером у нас появились соседи – папа с сыном, путешествующие на велосипедах. Мужчина поинтересовался, не опасаемся ли мы одни в таком месте ночевать? Объяснил, что он с сыном обычно просится на ночь к кому-нибудь на подворье. В этот раз они установили палатку рядом с нами. Парнишка попросил у отца разрешение подняться на ближайшую гору и посмотреть возле вершины какое-то углубление. Света, быстренько собравшись, пошла вместе с ним. Подошла ещё большая группа туристов, но они разбили свой лагерь в отдалении от нас.

Наше со Светой восхождение на ближайшую гору. А что за ней?

Третья ночь прошла в нервном напряжении. Похоже, это был последний день у людей, приехавших отдыхать по путёвкам. Гремела музыка в нескольких местах, создавая непонятную какофонию звуков. Слышались отрывки песен и

просто воплей. Я постарался не волновать Свету, а сам не мог заснуть и даже положил рядом с собой металлический пруток. Неожиданно кто-то приоткрыл полог палатки и направил на нас луч фонарика. Оказалось, что это местный милиционер. Выяснил, что мы тут делаем, и объяснил опасность нашего пребывания здесь в палатке. Я ответил, что завтра нас здесь не будет. Он меня утешил тем, что спасать нас он не придёт. После него ещё несколько групп выпивших людей проходило мимо палатки, но мы их не интересовали. В сон я провалился только к рассвету.

Ранее, путешествуя в окрестностях Ялты, мы к вечеру заглянули на автовокзал и купили себе билеты на автобус до Жданова. Автовокзал расположен на северной окраине города и от него проложена асфальтированная дорога, круто уходящая серпантинном вверх. Мы решили немного подняться по ней, чтобы найти удобное место для ночлега. И, действительно, после двух поворотов мы увидели большую поляну с высохшей травой и редким кустарником. Очень удобное место, чтобы провести в палатке одну ночь и даже приготовить себе горячее питание. Что находится за вершиной холма, меня почему-то не заинтересовало. А внизу сверкала огнями вечерняя Ялта, и действительно чёрное море на горизонте незаметно переходило в такое же тёмное небо. Маленький костёр, каша, чай и прекрасная панорама южного города. Мы уже ели кашу, когда увидели нескольких молодых ребят на другом

конце поляны. Похоже, что поляна была одним из мест их времяпрепровождения. Они иногда поглядывали в нашу сторону, но, так и не подойдя к нам, ушли. Что-то меня насторожило, но я не сделал для себя никаких выводов. И, когда мы после Судака приехали вечером на Ялтинский автовокзал, я снова решил переночевать на понравившемся нам месте. В разгар сна кто-то снаружи стал дёргать палатку. Я, ещё плохо соображая, выполз из палатки и увидел троих молодых ребят (как позже выяснилось – всем троим было по 18 лет). Один из них стал говорить мне, что они из какого-то патруля, что здесь разбивать палатку нельзя и что-то ещё о каких-то «бабках». Я тогда ещё не знал, что это означает.

Сон стал проходить. Двое ребят, стоявших в стороне, стали приближаться ко мне с наспех подобранными сучьями в руках. Я понимал, что в случае серьёзного столкновения мне с тремя ребятами не справиться, и вдруг увидел внизу тускло освещённую светильниками бензозаправку, а на ней два автомобиля. Подсознание подсказало решение – я, оттолкнув ближайшего парня, побежал к этим автомобилям, забыв, что нахожусь в горах. Вот так с разбегу я и шагнул с опорной стенки в пустоту, приземлившись четырьмя конечностями на асфальт. В очередной раз сработал инстинкт заложенный природой, который теперь, живя в городских условиях, дети быстро утрачивают. Вот только правая нога, принявшая первый удар, пострадала больше. Высота опорной стенки всё-таки два моих роста.

Моё сознание восстановилось полностью. Я внизу и не могу самостоятельно передвигаться. Дочь наверху одна в палатке. Одна машина, заправившись, уехала. Я прыгаю босиком на одной ноге, периодически падая и что-то крича, чтобы привлечь внимание водителя второй машины, который оказался таксистом. Он откликнулся на мою просьбу подняться по дороге вверх к нашей стоянке. Похоже, водителям такси тоже начало доставаться от «шалостей» начавших перестраиваться великовозрастных ребят. Ребят мы не застали. Они убежали, прихватив с собой наши рюкзаки. Водитель отвёз нас в ближайшее отделение милиции с остатками нашего имущества, завернутого в палатку. Середина ночи и, тем не менее, дежурный милиционер отнёсся к нам с возможным человеческим участием. Он составил протокол и даже на дежурном «Уазике» свозил нас на место происшествия для уточнения деталей. А затем отправил нас с водителем в дежурную травматологию.

А в лечебном учреждении врач обошёлся со мной, как в сегодняшней полиции могут обращаться с бомжами, но тогда мы и слова такого не знали. Нужно отметить, что я тогда слегка напоминал бомжа. Когда я попробовал напомнить о его гуманной профессии, врач 50-ти лет совсем взорвался: «Научили вас коммунисты»... На мою ногу он даже не взглянул. Ему достаточно было рентгеновского снимка. Когда, через день, меня привезли с работником Ялтинского горкома партии на повторный осмотр для получения медицинского диагноза к этому же врачу, он был исключительно вежлив. Вот такие парадоксы или закономерности.

Нам в милиции разрешили временно разместиться в комнате, где шёл ремонт. Правда, пришедший утром на работу начальник слегка непечатно

обругал всех за устроенный цыганский табор, но не выгнал на улицу. Ночь я практически не спал, проваливаясь изредка в сон не более 10-ти минут. Ногу свою я не знал куда пристроить, чтобы уменьшить боль.

Утром вместе с дочкой устроили совет. Рюкзаков вместе с деньгами, документами и продуктами нет. По карманам наскребли около одного рубля монет. Долго сочиняли и редактировали текст телеграммы в Киев Боре и Роне. Необходимо было не напугать родных людей, но чтобы они поняли суть произошедшего с нами, и уложиться в наши деньги. После обеда в отделение милиции приехало несколько человек. Милицейский подполковник из соседней столовой принёс нам две порции шницеля с гарниром и заставил взять 25 рублей. А работник горкома партии отвёз нас в гостиницу и поселил в двухкомнатный номер. Хотя я всегда был противником излишнего комфорта.

Через день приехали в Крым наши Качуры. Ребят быстро нашли. Нам вернули рюкзаки, большую часть вещей и денег. Позже был суд, на который я не поехал, дав согласие решать всё без нас. Не знаю, так ли оперативно решились бы вопросы без влияния партийного руководства города? Но я благодарен милиции за первые полтора дня, когда мы для них были обычными «туристами-дикарями», и рядовые милиционеры не отвернулись от нас. А ведь перед «перестройкой» было почти модно ругать советскую милицию и обвинять её во всех смертных грехах. Народная мудрость гласит: «Всё познаётся в сравнении».

Опускаю проблемы, связанные с трещиной в пятке. 10 дней я провёл у мамы в Жданове, и моя сестра доктор Аза вместе с травматологом их медсанчасти занималась лечением моей ноги. Свету мы отправили в Харьков для общения с бабушкой и дедушкой. Из Харькова в Москву и далее в Н-Челны мы ехали вместе. В Москве нас встретил Славик.

Впервые в жизни я пробыл два месяца на больничном положении, но уже через неделю после возвращения домой я приспособил тяжёлый мотоцикл для вождения его с загипсованной ногой. Я даже выкопал посаженные нами три сотки картошки. Вот такие «ленивые» русские люди.

На Казанском вокзале в Москве.

В октябре 1988 года я вышел на работу и как-то сразу почувствовал произошедшие изменения в коллективе. К сожалению, эти изменения были малопродуктивные, прежде всего, для самих работников. В основном, «пережёвывалась» информация, шедшая из средств массовой информации. Нас убеждали в том, что мы кормим половину мира, и в результате этого нам не доплачивают, а

любая работа должна быть оплачена (даже безделье на работе). Что затраты на военнопromышленный комплекс абсурдны по своим размерам, а вокруг нас все страны настолько цивилизованные, что только и думают о том, как сделать нас тоже цивилизованными. Милые тезисы о том, что без частной собственности и по-настоящему богатых хозяев страна не может стать богатой. Люди даже начали соглашаться, что без безработицы люди не будут производительно трудиться. Образцом руководителя для страны стала баронесса Маргарет Тэтчер.

Ко всем нашим бедам в конце года на нас обрушилось ещё и природное бедствие – землетрясение в Армении. Мы ещё были формально социалистической страной и поэтому помогали людям, попавшим в беду всем миром. Горбачёв, правда, переложил организацию помощи на Н.И. Рыжкова.

Спитакское землетрясение — катастрофическое землетрясение магнитудой 7,2, произошедшее 7 декабря 1988 года в 10 часов 41 минуту по московскому времени (11:41 по местному времени) на северо-западе Армянской ССР. В результате землетрясения были полностью разрушены город Спитак и 58 сёл; частично разрушены города Леникан (ныне Гюмри), Степанаван, Кировакан (ныне Ванадзор) и ещё более 300 населённых пунктов. Погибли, по меньшей мере, 25 тысяч человек, 514 тысяч человек остались без крова. В общей сложности, землетрясение охватило около 40 % территории Армении. Из-за риска аварии была остановлена Армянская АЭС».

«С именем Н. И. Рыжкова связана огромная работа по оказанию помощи Армении после страшного землетрясения в декабре 1988 года. Уже на следующий день после первых подземных толчков он был на месте катастрофы и руководил работами, подключив к ним все силы и материальные ресурсы государства. В городе Спитаке Н.И. Рыжкову был даже установлен памятник, а в 2008 году ему было присвоено звание «Национальный Герой Армении».

Н. И. Рыжков был сторонником плавного перехода экономики на рыночные отношения. Он настаивал на сохранении планового управления в той степени, которая гарантировала бы устойчивость функционирования экономики и страны в целом при реформировании. Но такой вполне здравый подход был тогда непопулярным, от него требовали немедленно перейти на рыночное саморегулирование.

Николай Иванович отказался возглавить Кабинет министров при Президенте СССР – новый орган управления с резко суженными функциями и полномочиями, и 14 января 1991 года вышел в отставку».

Мягко написано. Горбачёв и его ближайшие сподвижники сделали всё, чтобы сместить Н. И. Рыжкова. Причём, в лицо говорилось одно, а реально делалось совсем другое.

Я очень далёк от уровня Николая Ивановича. Но на моём уровне происходило что-то похожее. Привожу своё заявление в СТК:

Совету трудового коллектива НТЦ.

Копии: Директору НТЦ;

Парткому НТЦ.

Заявление

«17 февраля в Отделе специзмерений НТЦ состоялось общее собрание – впервые за время моей работы по инициативе снизу. Нужно отметить, что рабочие собрания (профсоюзными их давно не назовёшь) проводятся в отделе ежемесячно в каждом бюро, бригаде и один раз в квартал (почти регулярно) общие собрания. Последнее проходило в декабре 1988 года. На этом собрании были подведены итоги за четвёртый квартал и практически за год. Я в своём выступлении отметил все наши проблемы и возможные пути их решения. Но, к сожалению, собрание прошло практически при одном выступающем. Была лёгкая критика слесаря Р. К. Хафизова в адрес руководства и инженерного состава.

Поэтому желание части коллектива провести общее собрание было неожиданным, но в моём понимании положительным. Инженер Т. А. Хайман, организатор собрания, известила меня, что основной вопрос – это желание гласно обсудить наши первые шаги по оценке дополнительных работ отдела в денежном выражении и немного о работе в 1988 году. Но собрание вылилось в обсуждение отдельных действий начальника отдела, а если более чётко, то в суд с вынесением приговора и в голосовании за доверие к руководителю, с перенесением срока голосования на конец первого квартала.

Почему я обращаюсь в СТК? В правовом государстве, в том числе и на конкретном производстве не должно быть места стихии и анархии. Можно ввести систему периодической аттестации руководителей, на которой определять их пригодность к руководству. Можно, доказав вину, поставить вопрос о досрочной аттестации. В нашем случае, считаю неправомерным проведение собрания с шельмованием руководителя (доходя до оскорблений) определённой группой работников при пассивности других. Работать и ждать конца квартала, когда мне вынесут окончательный приговор?

Считаю, что СТК в наше сложное время коллективу необходим. И вопросы экономические, социальные, правовые должны в работе СТК стать основными. И чем быстрее, тем лучше. Вопрос о правах и определённой защищённости руководителя, его обязанностей, как показало собрание, требует срочного решения.

Я не настаиваю на разбирательстве, но участвовать в аналогичных собраниях у меня нет желания. Если СТК сочтёт эту проблему достаточно веской, я готов содействовать в её решении».

Начальник Отдела специзмерений _____ Г. К. Марача.

Не могу объяснить, чем руководствовалась Таня Хайман, организовывая это собрание. Но явно не личной неприязнью. За две недели до этого она меня уговорила оформить в профсоюзе путёвку в заводской профилакторий для лечения моей поломанной ноги. Она сама считала, что инженер из неё пока никакой. А вот активная жизненная позиция в ней была ярко выражена.

После собрания я, в отвратительном состоянии, поехал в профилакторий. Мысли крутились вхолостую вокруг произошедшего, лишая сна. Люди как будто поглупели от всех бессмысленных экспериментов, происходящих в стране. Следующий день был моим днём рождения (47 лет), и вот такой подарок от людей, которых я многие годы старался сделать профессионалами. Особенно меня огорчила позиция нейтралитета нескольких толковых инженеров, с которыми я начинал осваивать премудрости исследовательских измерений. В том числе и Володи Бушуева. Он через год и два месяца стал руководителем отдела, когда я, поняв всю бессмысленность пребывания на этом посту, написал заявление об отказе от руководства.

Ни мой непосредственный начальник Л. М. Аникин, ни начальник рангом выше В. М. Панфилов не изъявили желания со мной поговорить и подписали заявление, хотя понимали, что другие кандидаты на это место будут явно слабее. Наступило время раздора в головах даже у умных людей. Кто-то постарался подольше продержаться на своей должности. Кто-то ринулся «смело» в рыночное море. Многие толковые инженеры пристроились работать в западных фирмах. Вот только счастливыми любой из этих выборов почти никого не сделал.

Моё обращение в СТК тоже не имело смысла. Это была нежизнеспособная структура. Когда её создавали, то никто её не соглашался возглавить. Навязали руководство Петру Макаревичу, хорошему инженеру-исследователю, но никакому общественному деятелю. Идея Советов трудовых коллективов очень быстро и незаметно умерла.

1989, февраль — закончен вывод войск из Афганистана.

1989, 25 мая — начался I Съезд народных депутатов СССР.

1989, 9 ноября — разрушена Берлинская стена, олицетворявшая «железный занавес».

Вот такие серьёзные и неоднозначные события 1989 года. С этого года началась неприкрытая сдача Западу большинства завоеваний Советской страны. Но люди радовались: и выводу войск из Афганистана, и Съезду народных депутатов СССР. Гордая страна, которая прекратит своё существование через два года...

1991 год — 26 декабря верхняя палата Верховного Совета СССР юридически ликвидирует СССР.

«В майские дни 1989 года в Москве проходил Первый Съезд народных депутатов СССР. Он открылся 25 мая. Почти две недели никто в стране,

по сути, не работал. Прямая трансляция дебатов, от которых захватывало дух, приковала к экранам все взрослое население СССР. Общество глядело в телевизор как в зеркало, узнавая и одновременно не узнавая себя в нем. Оказывается, можно свободно и открыто спорить с самим генсеком. Можно произносить речи, не прошедшие предварительную цензуру в кабинетах ЦК».

Трудно было разобраться с происходившими событиями в стране. Большинство окружавших меня людей не могли сформулировать, что они ждут от преобразований. Я не очень от них отличался. Мы с интересом слушали в ДК КАМАЗа рассказ Н. И. Беха – участника съезда. Его позиция была проста. Депутатство ему было нужно, чтобы проще было решать проблемы завода. Он с юмором рассказал о втором депутате от нашего города, который всё свободное время от работы съезда бегал на митинги расплодившихся демократов. Но всё это немного позже оказалось совсем не смешным.

Научно-технический центр – это не основное производство, где рабочему должны предоставить всё для его производительного труда. В проекте Инженерного центра были заложены корпуса, и мы прорабатывали их наполнение современным оборудованием. Не все эти корпуса впоследствии стали работать по прямому назначению, как и сам Инженерный центр. Можно работать и без него, если в автомобиле только внешняя оболочка отечественного производства.

Но, начиная с первых дней моей трудовой деятельности и до выхода на пенсию, многое приходилось делать самим работникам. Вот и четвёртый корпус Инженерного центра строился так, что нам приходилось многое делать самим, и, не только убирая мусор на субботах. Помещение для бригады Отдела специзмерений тоже было далеко от совершенства. Казалось бы, в интересах самих рабочих должно было возникнуть желание довести свои рабочие места до возможного совершенства. Что вначале и делалось. Но вот появились «гласность», «демократия» и «новое мышление». И рабочие неожиданно выдают мне ультимативное письмо о невыносимых условиях труда в рабочем помещении. Письмо не сохранилось, а вот мой ответ интересен:

«Необходимо отметить, что специфика работы при подготовке к измерениям требует применения ряда органических растворителей – прежде всего ацетона, а так же клеев и иногда кремнийорганического лака. Расход этих материалов, за исключением ацетона, а при его отсутствии растворителя 646, очень мал. Расход ацетона всей бригадой составляет не более одного литра в месяц. Частично работы выполняются вне помещения бригады.

В помещении установлены два сушильных шкафа и муфельная печь, которая используется крайне редко. Из сушильных шкафов постоянно работает только один. Площадь под одно рабочее место и расположение рабочих столов позволяют работать, не мешая друг другу. В этой связи

говорить о невозможных условиях труда – это не поиск путей решения проблем, а сознательная конфронтация.

Но, тем не менее, проблемы существуют. Большинство техпроцессов требуют наличия приточно-вытяжной вентиляции в целом по помещению и при ряде работ локальной регулируемой вытяжной вентиляции почти каждого рабочего места. Кроме этого, необходима регулируемая система теплового режима помещения. Но осуществление указанных мероприятий невозможно без активного и творческого участия всех членов бригады и других работников отдела.

Учитывая всю предысторию строительства 4-го блока и сложности в развитии УГК-НТЦ, инертность всей системы нашего хозяйственного механизма, можно только призвать рабочих бригады продумать комплекс мероприятий совместно с администрацией и активно включиться в их выполнение.

Далее подробные технические мероприятия:

- 1. Для решения теплового режима рабочего помещения;*
- 2. Для уменьшения воздействия вредных веществ на организм работников.*

Далее подробные организационные мероприятия:

- 1. Функции мастера;*
- 2. Функции начальника отдела».*

Вот с таким человеческим «материалом» страну втянули в перестройку её прорабы. *«На дурака не нужен нож, ему с три короба наврѣшь – и делай с ним, что хошь!»* (Песня кота и лисы из «Приключенный Буратино»).

Казалось бы, за последние почти 30 лет, начиная с прихода к власти Горбачёва, обычные люди должны были разобраться в преимуществах советского жизнеустройства. Особенно, когда пришёл к власти Борис Ельцин. Ведь к 2000-му году его ненавидело большинство населения России. Ведь не зря ему настойчиво порекомендовали предложить нам преемника – В. В. Путина. И мы дружно голосуем за Путина. Сейчас уже голосуют на выборах люди, родившиеся при нынешней власти. Но ведь и помнящие советское время легко поддаются манипулированию сознанием. И, даже понимая, как сейчас трудно жить, продолжают ругать почти всё делавшееся для жизни большинства людей при советской власти.

И в этом нет никакого парадокса. Машина оболванивания работает круглосуточно, а ещё административный ресурс. Да ещё и западные «партнёры» (как называет их Путин), несмотря на победу в холодной войне, не уменьшили свою хватку по выкачиванию ресурсов и полному закабалению России. Продолжается убыль населения в России, особенно русского. И особенно страшно, что, по мнению многих исследователей, мы с начала правления Ельцина находимся под внешним управлением. И если раньше нас изматывали холодной войной, то теперь «душат в дружеских объятиях».

Россия уже давно под внешним управлением

06.04.2010anyhouser564610336

Теги: США, экономика, МВФ, государство, Россия, власть.

«Если кто хочет узнать, кто реально правит Россией, то в этой статье описывается та самая реальность, когда Международные Валютные организации не только курируют российские реформы в стратегических отраслях, но и просто формируют нормативную законодательную базу другого государства. И это государство - МЫ.

1. Позиционирование.

Следует выразить огромную благодарность уважаемым энергетикам, строителям, ученым за подготовленное «обращение» к Президенту РФ по поводу разрушения единой энергетической системы страны, ЕЭС РФ. И особенно редакцию «Экономической и философской газеты» (№ 26-27, июль 2008 г.), в которой опубликовано «обращение» авторов «Энергетика: разрушили целостную систему. Время по-умному ее восстановить» и комментариев к нему. В нем сообщается, что это уже третье обращение. Первые два, к президентам Б. Ельцину и В. Путину, оказались безрезультатными. Можно с уверенностью предположить, что и третье ждет судьба двух предыдущих. Так как обращаться в правительство, к президенту РФ с такими проблемами - всё равно «как подавать прошение о разводе в аптеку» (чеховской «беззащитной женщины»). Эта фраза ключевая, наиболее полно отражающая ситуацию с безрезультативностью всех обращений в органы власти с любыми предложениями по улучшению ситуации.

Проблема обращения «не туда» и «не к тем» в настоящее время приобретает всё большую актуальность. Если вспомнить чудесный рассказ А.П. Чехова «Беззащитная женщина» и сопоставить ее действия с действиями всех оппозиций, авторов обращений, то можно увидеть много общего. Общее заключается в том, что обращаться надо к тому, кто действительно решает, как реформировать энергетику РФ и несет за это ответственность. Правительство и президент РФ в принципе не имеют права рассматривать и решать эту проблему. Поясним почему.

2. Кто реально реформирует энергетику и несет за это ответственность?

В 1992 г. Российская Федерация (РФ) вступила в Международный валютный фонд (МВФ). Правительство Ельцина-Гайдара подписало с фондом «Письмо о намерениях» для реализации им «курса реформ» в РФ. МВФ взял на себя обязательства обеспечить Правительство РФ всем необходимым для «перехода к рынку», а Правительство РФ обязалось исполнять программы «переходного периода», законы, кодексы, конституцию, разработанные только экспертами МВФ. То есть, де-юре в РФ введено внешнее управление. Из этого факта вытекает следующее:

1. В рамках международного договора ответственность за формирование в РФ институтов «рыночной экономики», за ее результаты перешло к МВФ, представляющему экономические интересы США, «семерки».

2. В соответствии с договором президент, правительство, Федеральное Собрание (ФС) РФ обязаны исполнять функции только администрации субъекта внешнего управления (де-юре - это МВФ, а де-факто - это... пока оставим за скобками). То есть органы власти обязаны исполнять только те программы, законы, кодексы, конституцию, которые переданы им МВФ.

3. На основании этого договора президент, правительство и ФС РФ не имеют права вносить какие-либо изменения в программы «переходного периода», законы, кодексы, Конституцию без согласия МВФ. Так как это будет рассматриваться как нарушение международного договора с вытекающими из этого негативными последствиями для РФ.

Естественно, у многих могут возникнуть вопросы. А как же с исполнением президентом, правительством, ФС РФ их обязанностей, прописанных в Конституции РФ? Ведь, вступая в должность президента РФ, каждый клялся исполнять обязанности, возложенные на него Конституцией, что будет гарантом Конституции? А из подписанного с МВФ международного договора получается, что Президент, Правительство, ФС РФ должны исполнять только то, что им пропишут эксперты МВФ? То есть обязанности по Конституции и по международному договору взаимоисключающие.

Но если раскрыть Конституцию РФ и внимательно ее прочитать, то оказывается, что в данном случае нет никаких противоречий или нарушений. Так как эксперты МВФ для этого в Конституции РФ предусмотрели следующее положение (К., п. 4, ст. 15): «Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом (т.е. Конституцией РФ. - Ю.К.), то применяются правила международного договора (а не Конституции РФ. - Ю.К.)». Если, к примеру, президент (или уполномоченное им для этого должностное лицо) на встрече «без галстуков» подпишет какой-нибудь международный договор («Письмо о намерениях»), то все законы, кодексы и Конституция РФ не более чем литературные произведения, благие пожелания. Естественно, чиновники предпочитают помалкивать о факте внешнего управления. И понятно почему. Они обязаны исполнять не предложения граждан РФ, а только программы МВФ. Поэтому редакция «ЭФГ» вполне обоснованно акцентирует внимание на безрезультативности обращений. Сегодня все должны четко уяснить: в соответствии с международным договором за состояние экономики, международные отношения, их результаты в РФ де-юре несет ответственность МВФ, а не президент, правительство, ФС РФ. Поэтому на деятельности МВФ в РФ следует остановиться подробнее.

3. Международный валютный фонд.

Как сообщают справочники, МВФ (IMF, International monetary fund) - это финансовая организация, обладающая статусом специализированного учреждения ООН. Создан в 1947 г. решением Бреттон-Вудской конференции 1944 г. по инициативе Президента США Ф.Д.Рузвельта. Еще не закончилась 2-я Мировая война, США торговались с СССР, выбирая выгодный момент для открытия второго фронта против фашистской Германии и ее многочисленных союзников с целью участия в переделе мира, а ФДР уже думал о послевоенном его устройстве. Цель МВФ, которую он установил, - это объединение денежных ресурсов мира для реконструкции его послевоенного устройства, ускоренного восстановления экономического потенциала, перевооружения своих союзников для достижения своих геополитических целей. За счет оказания «помощи» развивающимся странам... В 1991 г. эта «помощь», займы им, составили 750 млрд. ф. ст., а проценты по долгам за ранее предоставленную «помощь» - 76 млрд. ф. ст. Неплохая «помощь» собрана МВФ с развивающихся стран. А теперь и с РФ.

Одновременно создан и кошелек фонда: Мировой банк, Международный банк реконструкции и развития, МБРР. При нем созданы два специализированных филиала: Ассоциация международного развития - для оказания помощи развивающимся странам и Международная финансовая корпорация - для портфельных (скупки акций) инвестиций.

МВФ сегодня накопил громадный опыт работы в развивающихся странах: в «избрании» президентов-компрадоров, марионеточных парламентов, формировании нужных ему правительств; в разработке и продавливании через парламенты необходимых законов, кодексов, конституций, позволяющих осуществлять внешнее управление экономикой. Механизм действий фонда - кредиты даются при условии строгого выполнения рекомендаций МВФ, которые оговариваются в подписываемом «Письме о намерениях», ежегодных меморандумах. Главные меры фонда - либерализация экономики, разгосударствление и приватизация. Главный источник решения

бюджетных проблем - освобождение цен на топливо. Поэтому созданию ТНК (транснациональных корпораций) в этой отрасли, ее приватизации уделяется первостепенное внимание. Меры МВФ в РФ не отличаются оригинальностью.

В соответствии с договором, эксперты МВФ разработали и передали Правительству РФ программы реформирования всех отраслей экономики и сфер жизнеобеспечения. Для их реализации написана новая Конституция - основной закон страны, по которой полностью изменено государственное устройство. Многочисленными кодексами: Гражданским, Семейным, Жилищным, Трудовым, Судебным, Налоговым, Уголовным, Земельным и др., тысячами (!!!) законов, экспертами МВФ жестко регламентированы новые цели, жизненные стандарты: что мы должны делать и чего не имеем права. Даже как создать семью! За 15 лет уже изменено все. Как?

Ежегодно комиссия МВФ: принимает у Правительства РФ результаты реализации согласованных положений программ и его инвестиционной деятельности за прошедший год; доводит ему задания на предстоящий год по исполнению очередных положений программ; открывает кредитные линии для их финансирования; устанавливает параметры бюджета РФ, процент инфляции (темпы роста цен), величину Стабфонда и отчислений из бюджета для погашения госдолга; определяет направление и использование денежных потоков, сколько и на какие цели Правительство РФ может израсходовать денежных средств, а сколько уйдет за рубеж, субъекту управления. Но о том, что все это определяет МВФ, а Правительство и ФС РФ - скрупулезно исполняют, население не информировано. Это самый «Большой секрет». Поэтому авторы Обращения по проблемам энергетики не могли учесть это и направили предложения Президенту РФ.

И завершая информацию о МВФ, его назначении и деятельности в России, уместно привести цитату из выступления президента США Б. Клинтона на юбилейных торжествах по поводу его создания: «...50 лет назад Америка, проявив дальновидность, руководила созданием институтов (МВФ, МБРР - Ю.К.), обеспечивших победу в холодной войне... Чтобы подготовить Америку к вступлению в 21 век, мы должны научиться управлять силами, предопределяющими перемены в мире, обеспечить прочность и надежность руководящей роли Америки на долгие времена».

А также выступление Б. Клинтона перед начальниками штабов в 1995 г.: «...Последние 10 лет политика в отношении СССР... убедительно доказала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой придаток... Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. Поэтому нельзя скупиться на расходы... Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, а... уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих задач: расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал ВПК и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам».

Д. Мейджер: «...задача России после проигрыша холодной войны - обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек».

М. Тэтчер: «На территории СССР экономически оправданно проживание 15 миллионов человек».

4. Главные вызовы и необходимые контрмеры.

Информация о деятельности МВФ и приведенные заявления, в которых обозначена цель, задачи и способы «устранения» России, ликвидации ее населения, позволяют сформулировать главные вызовы и необходимые контрмеры.

1. Главная цель, ради которой «устраняется» Россия, ликвидируется ее население, - это ресурсы России. То есть проблема реформирования энергетики, является ключевой и все меры МВФ (дерево целей) детерминированы к достижению этой главной цели. Поэтому необходимо знать содержание программ МВФ, и прежде всего «Энергетической хартии». Без этого невозможны адекватные меры для восстановления энергетики.

2. Политику «канонерок», «горячих» войн и оккупационных режимов, «...что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы», сменила политика «помощи», внешнего управления экономикой нанятыми МВФ аборигенами-компрадорами. То есть с 1985 г. вместо политики войны («горячей», «холодной») реализуется политика «помощи». Поэтому необходимо знать, почему США в 1982 г. признали неэффективность «холодной» войны, в чем суть политики «помощи» (Мандата Рейгану) и ее принципиальное отличие от политики «холодной» войны. Это ключевой вопрос информационной, экономической войны США, ЕС, позволяющий узнать, какие инструменты задействованы ими для достижения цели.

3. События последних лет подтверждают, что политика «помощи» не исключает «защиту демократии» от несговорчивых лидеров, отказывающихся от «помощи», традиционными способами - «горячими» войнами, как в Ираке, Югославии. То есть подготовка США, ЕС к «горячей» войне с РФ продолжается (размещение системы ПРО в Польше и Чехии). Поэтому РФ в случае отказа от «помощи» необходимы адекватные контрмеры и против «горячей» войны.

4. Но политика «помощи», экономического неокOLONиализма, намного экономичней и, самое главное, эффективней. Достигнуто, «...что у русских называется самоокупаемостью». То есть все расходы по «устранению» России, ликвидации ее населения финансирует правительство РФ, население России. Как это происходит и сколько средств передано Кудринным по указанию МВФ в США, ЕС, необходимо установить документально.

5. Главный способ достижения целей (ликвидации производства, «лишнего» населения для увеличения вывоза ресурсов) - это формирование в рамках системы внешнего управления армии исполнителей-аборигенов программ МВФ, которым «нельзя скупиться на расходы». То есть в РФ на основе коррупции, коррупционного шантажа, сформирована проблема киллера и заказчика, есть острая необходимость прекращения их преступной деятельности.

6. Главный сценарий «устранения» России - «путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии... установлением режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам». Действительно, США, «семерка» организовали революции роз, тюльпанов, апельсинов (оранжевые)... «установили» на основе коррупции («...Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов») проамериканские режимы Саакашвили, Ющенко, которые начали реализацию Югославского сценария США на территории России, в Южной Осетии. На принципах самоокупаемости: и цветные революции, и проамериканские режимы, и их войну финансирует население России. А теперь и восстановление разрушенного...

7. И наконец, самое главное. Приведенные заявления руководителей США, «семерки» нужно рассматривать как признания в совершении двух тяжчайших уголовных преступлений:

7.1. В разработке программ геноцида - ликвидации производства, «лишнего» населения для увеличения вывоза ресурсов. Это диктует необходимость инициирования процедур, предусмотренных мировым сообществом, ООН, «Конвенцией о предупреждении преступления геноцида», «Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества».

7.2. В реализации их на коррупционной основе. Мировая юридическая практика признает и взяткодателя (Клинтон: «...да, мы затратили на это многие миллиарды

долларов... мы получили сырьевой прирост»), и взяточполучателя («...Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. Поэтому нельзя скупиться на расходы») уголовными преступниками, а коррупцию - тяжким уголовным преступлением. То есть руководители США, «семерки» признали, что ими совершены два тяжчайших уголовных преступления. Но, чтобы подтвердить это, необходимо формирование доказательной базы, что «устранение» СССР, ликвидация производства, «лишнего» населения для увеличения вывоза ресурсов действительно осуществлены по программам США, ЕС. Это диктует необходимость их анализа и оценки.

5. Содержание «Стратегии» МВФ по реформированию энергетики РФ.

Такой анализ выполнен. Приведем только основные результаты, подтверждающие, что ущерб нанесен по программам США, ЕС, реализуемым в РФ по договору с МВФ.

Основные положения «курса реформ» изложены в докладе 4-х: «Экономика СССР. Выводы и рекомендации» [«Вопросы экономики» № 3, 1991]. В введении отмечено: «На встрече в верхах... в Хьюстоне в июле 1990 г. главы государств и правительств семи ведущих промышленно развитых стран обратились к МВФ, МБРР, ОЭСР, ЕБРР с просьбой провести в тесном взаимодействии с Комиссией Европейских сообществ детальное исследование советской экономики, выработать рекомендации в отношении ее реформ и установить критерии, на базе которых экономическая помощь Запада могла бы оказать эффективную поддержку таким реформам... Исследование проводилось в тесном контакте с Комиссией ЕС... в докладе обобщаются основные выводы и рекомендации...».

То есть имеет место факт решения США, «семерки» (Хьюстон, 90), по которому экспертам МВФ, МБРР, ЕБРР, ОЭСР поручено подготовить, совместно с комиссией ЕС, рекомендации по реформированию экономики СССР и «критерии» для оказания «помощи». Доклад 4-х, по сути, - это стратегия США, «семерки» (далее - «Стратегия» США), которая утверждена «семеркой» как рамочная программа реализации «курса реформ» в СССР для руководителей и «семерки», и СССР.

Одновременно опубликован и комментарий к докладу 4-х академика С. Ситоряна, одного из активных «реформаторов», который подтверждает исполнение решений «семерки» руководством страны. Он сообщает, что на основе частных договоренностей «с руководством СССР... лидеров Общего рынка в Дублине и глав государств и правительств "семерки" в Хьюстоне» допущены в СССР эксперты МВФ, МБРР, ЕБРР, ОЭСР (свыше 12 тыс.). Они провели массированное исследование отечественной экономики с целью: «...помочь западным правительствам определить свое отношение к происходящим в нашей стране реформам и выработать линию на дальнейшее... сотрудничество и оказание технической помощи... в переводе экономики на рыночные основы». Для этого «...Правительство СССР привлекло к проведению консультаций... в августе-декабре 1990 года... ГВК СМ СССР, МИД СССР, Госплан СССР, Госбанк СССР, Минфин СССР, Госкомстат СССР, Академию наук СССР, другие союзные и республиканские министерства и ведомства». По результатам исследования и консультаций «экспертами указанных международных организаций... был подготовлен доклад, который... содержит оценку мер, осуществленных в рамках хозяйственной реформы (в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 1987 г. по либерализации экономики на основе предыдущих договоренностей Горбачева 19-21 ноября 1985 г. в Женеве, 10-12 октября 1986 г. в Рейкьявике... - Ю.К.), краткосрочный прогноз развития экономики СССР на 1991 г., а также рекомендации по преодолению проблем переходного периода и содействию Запада экономической реформе в СССР, в т. ч. по критериям предоставления такого содействия». То есть имеет место факт договоренностей руководителей США, «семерки» с руководством СССР о допуске в страну их экспертов и передачи им всех сведений, в том числе ДСП, для реформирования всех отраслей и сфер жизнеобеспечения СССР.

В разделе «Энергетика» предусмотрено: «Приближение к реформе должно состоять из двух этапов. Во-первых... действительно необходимо предпринять усилия, направленные на возврат к прежним уровням добычи и экспорта нефти. Во-вторых, денационализация и реформа ценообразования в сочетании с капиталовложениями... имеют жизненную важность для развития энергетики и экономики электроэнергетики в более долгосрочной перспективе». То есть «Стратегия» США в краткосрочном плане предусматривает увеличение импорта нефти (на 20%), в долгосрочном - акционирование, скупку акций предприятий энергетики ТНК США, ЕС, сокращение внутреннего потребления энергоресурсов для увеличения их экспорта в США, ЕС. Для этого, по рекомендациям МВФ: «...требуется осуществление перестройки... особую важность имеют иностранные капиталовложения и ноу-хау... создать климат, благоприятствующий капиталовложениям... необходимо заняться правовыми вопросами и вопросами регулирования, беспокоящими иностранных вкладчиков... аренда топливных месторождений является шагом в нужном направлении... необходимо рассмотреть вопрос о собственности на энергетические ресурсы». Сегодня все эти положения, утвержденные «семеркой», в большей части уже исполнены. Как?

Для исполнения решения «семерки» о «переходе к рынку» подготовлена программа «Переход к рынку» [ч. 1, Концепция и Программа, 224 с.; ч. 2, Законопроекты, 400 с.]. Как написано на с. 1: «Рабочая группа, образованная совместным решением М. Горбачева и Б. Ельцина»; на с. 223: «Концепция и Программа «Переход к рынку» подготовлены 2-31 августа 1990 г. Рабочей группой в составе: С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский, С. Алексахенко, А. Вавилов, Л. Григорьев, М. Задорнов, В. Машиц, А. Михайлов, Б. Федоров, Е. Ясин...». По сообщению СМИ: «На протяжении... 1990 г. ...гарвардский профессор Д. Сакс и др. западные экономисты участвовали во встречах на даче («Архангельское») под Москвой, где молодые проельцинские реформаторы планировали российское экономическое и политическое будущее. Сакс вошел в команду с Е. Гайдаром... для продвижения плана «шоковой терапии» (Д. Видел)». Программа принята: по инициативе Б. Ельцина - в РСФСР; М. Горбачева - в СССР. То есть программа «Переход к рынку» («Гарвардский проект», исполнительным директором Джеффри Сакс, советник Б. Ельцина) идентифицируется как исполнительская программа решений «семерки», реализации «Выводов и рекомендаций» доклада 4-х.

В соответствии с решением «семерки» предусматривается расформирование СССР и создание СНГ, с. 17: «В основу Экономического Союза закладываются следующие принципы:

1. Экономический Союз основан на началах равенства членов Союза - суверенных государств, добровольно в него вступивших.

2. Основа экономики - предприниматель, предприятие, приумножающие свою собственность и тем самым национальное богатство».

Таким образом, то, что СССР «распался», - это миф. На самом деле СССР расформирован по всесторонне обоснованному и тщательно скоординированному с исполнителями в СССР программам США, ЕС на коррупционной основе. Это подтверждается документально. Для реализации «Стратегии» США недолго пришлось искать исполнителей, которым предложили должности «президентов», и они реализовали решения «семерки» о создании «суверенных государств». В 1991 г. Ельцин, Кравчук, Шушкевич подписали в «Беловежской пуще» решение о ликвидации СССР и доложили президенту США Дж. Бушу об исполнении решения «семерки».

Естественно, возникают вопросы. Почему руководители страны, Великой мировой державы, лидера мировой социалистической системы, согласились исполнять программы США, ЕС по ее ликвидации? Что им пообещали за это? О чем они договорились на встречах «без галстуков» с руководителями США, ЕС? Конечно, правду мы не узнаем никогда. Но ответы следует получить. За разрушенное производство и среду обитания, кровавые межнациональные конфликты, миллионы разрушенных

очагов, преступления геноцида виновные, в соответствии с действующим законодательством, должны понести наказание.

Не останавливаясь на содержании программ реформирования ЕЭС РФ, отметим, что «Энергетическая хартия», по которой транснациональным корпорациям (ТНК) США, ЕС дано право разрабатывать на территории России месторождения энергоресурсов, транспортировать и продавать их на мировых рынках, разработана в 1991 г. То есть «новая экономическая система» теоретически идентифицируется как хорошо известная модель нерегулируемой открытой (незащищенной) экономики колониального типа на основе модели свободного рынка. Изложенное подтверждает, что «устранение» СССР, ликвидация производства, населения выполнены по программам «переходного периода США, ЕС, что диктует необходимость подведения итогов 15-летней деятельности МВФ в РФ по их реализации, оценки нанесенного ущерба.

6. Юбилейные итоги «курса реформ» МВФ.

Наши потери от реализации «курса реформ» огромны.

1. Территориальные потери - от России-СССР осталась половина, РФ. В союзные республики России: в Прибалтику, Среднюю Азию, на Кавказ введены войска США, НАТО, на очереди - Украина. В них - проамериканские режимы. В РФ, сердце России, введено МВФ внешнее управление. Осталась маленькая частица независимой России-СССР - Республика Беларусь. Факт оккупации страны, огромных территориальных потерь имеет место. Ситуация намного драматичнее, чем в 1942 г. под Сталинградом. СССР не распался, а «устраняется» по всесторонне обоснованным и тщательно скоординированным с исполнителями в РФ программам США, ЕС.

2. Экономические потери - половина ВВП. Ликвидированы практически все наукоемкие отрасли промышленности, наполовину - сельское хозяйство. Завершается ликвидация ВПК и ВС. Это реальные факты разрушения производства, среды обитания, основы жизни и деятельности населения страны, инструментами обанкрочивания и ликвидации предприятий, задействованными МВФ.

3. Людские потери - свыше 10 млн. человек в РФ, на Украине - свыше 5 млн. Это не «естественная» убыль, а реальный факт массовой ликвидации «лишнего» населения для захвата его ресурсов инструментами МВФ.

Ликвидировав только в России свыше 10 млн. человек, большинство «ненужных» отраслей промышленности, наполовину - сельское хозяйство, США, ЕС уже вдвое увеличили вывоз ресурсов из РФ: нефти - со 126 до 226,6 млн. т, угля - с 22 до 62,1 млн. т (Степашин, Счетная палата, 2004 г.). Вместе с ресурсами вывезены и доходы ресурсных отраслей. Невозврат экспортных доходов уже превысил 2 трлн. долларов и инвестирован в экономику США, ЕС... Это далеко не все потери России и выгоды США, ЕС.

Официальная статистика подтверждает: территориальные, экономические, людские потери уже превысили потери в Великую Отечественную войну и стремительно нарастают. Но перечисленные потери - это незначительные, сиюминутные потери, в сравнение с потерями от полной реализации программ «переходного периода». Мировой банк составил прогноз и с удовлетворением сообщает, что в текущем столетии русские исчезнут на территории России как титульная нация. Но ученые академических центров, профильных НИИ и вузов, прежде всего в энергетике, эти потери не связали с деятельностью МВФ в РФ, с внедрением программ США, ЕС. Поэтому нет реальных контрмер.

7. Что делать?

Продолжать обращаться к президенту, правительству, ФС РФ дальше, как это делают авторы обращений уже 15 лет? Однозначно - нет. Сегодня все должны понять и четко уяснить: за состояние экономики, международные отношения, их результаты де-юре и де-факто несет ответственность МВФ. Президент, правительство, ФС РФ -

только исполнители международного договора. Несмотря на множество обращений, «курс реформ», реализация программ «переходного периода» США, ЕС в рамках договора с МВФ продолжается уже 15 лет и завершилась расчленением единой энергетической системы РФ. Однако авторы Обращения по энергетике тоже не акцентировали внимание на ключевом факте, кто разработал и реализует программы реформирования ЕЭС РФ. А с настойчивостью чеховской «беззащитной женичины» продолжают и сегодня обращаться «не туда», к президенту РФ, и «не с тем», с предложениями «помногу ее восстановить», с эффективностью - «как подавать прошение о разводе в аптеку». Поэтому реформирование по «Энергетической хартии» будет завершено в соответствии с международным договором. С катастрофическими последствиями для населения России. На что оппозиция в очередной раз тяжело вздохнет, что у президента «нет политической воли», «нет четких программ развития России». Всё это есть, но зарубежного производства, что является «большим секретом» для оппозиции. То есть обращаться к исполнителю бесполезно.

Может ли оппозиция, если «прозреет», заставить исполнителей прекратить реализацию программ МВФ? В течение уже 15 лет проблема киллера и заказчика решалась оппозицией только как проблема киллера: борьба с чиновниками, отставки (импичменты) наиболее одиозных исполнителей, реформы «по Чубайсу, Грефу, Зурабову...». Таких реформ нет. Это чушь. Умалчивая проблему заказчика, оппозиция превратила уголовников-компрадоров в героев-реформаторов. Борьба с чиновниками тоже бесперспективна. В РФ из соотечественников, самых квалифицированных специалистов и ученых, сформирована многомиллионная армия исполнителей (чубайсов), которая встроена в систему внешнего управления МВФ и по программам США, ЕС разрушает производство, среду обитания, ликвидирует «лишнее» население, обеспечивает колонизацию России. Вместо борьбы с чиновниками, необходима ликвидация системы внешнего управления и задействование чиновников на исполнении отечественных программ. Отставки не только оказались безрезультатными, они ухудшили ситуацию. На смену отправленным в отставку появились новые, более умные «киллеры», которые продолжают реализацию «курса реформ», но более эффективно. Тем самым оппозиция оптимизировала систему внешнего управления США.

Решение только проблемы киллера, при замалчивании факта внешнего управления, игнорировании проблемы заказчика, ухудшило ситуацию. Отрицательные результаты протестных акций оппозиции сформировали у населения чувство безнадежности и безысходности, апатии, бесполезности протестных акций. Замалчивание факта внешнего управления - главная причина всех бед РФ.

Может ли президент по требованию оппозиции внести изменения в программы МВФ или прекратить их исполнение? Невыполнение договора приведет к огромным потерям: золотовалютных резервов, переданных Чернобырдиным США как гарантия неизменности «курса реформ», Стабфонда, всех активов за рубежом... То есть расторжение договора в одностороннем порядке задействует санкции, которые предусмотрены «критериями» МВФ по оказанию «помощи» РФ.

Что делать в такой ситуации? Можно ли прекратить разрушение ЕЭС РФ в условиях внешнего управления, без огромных потерь и санкций? Не только можно, но и нужно. Экспертами Санкт-Петербургского аналитического аграрного центра традиционные методы системного анализа адаптированы для условий внешнего управления. Схема действий такова. По фактам ущерба необходимо подготовить официальные экспертные заключения, что ущерб нанесен исполнением программ МВФ в рамках международного договора. Предъявить МВФ претензии в возмещении ущерба. На этой основе инициировать процедуры расторжения договора с МВФ и прекращения реализации программ «переходного периода». Разработать и реализовать альтернативные отечественные программы восстановления разрушенного. Это общая схема, которая в соответствии с международными нормами (Конвенциями ООН),

Конституцией РФ должна исполняться по фактам ущерба. Правовая основа для этого есть: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностных лиц» (ст. 53); «Государство обеспечивает потерпевшим... компенсацию причиненного ущерба» (ст. 52); «...в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ст. 55).

Первоочередная проблема - это проблема заказчика. Есть программы геноцида, есть факты огромного ущерба и людских потерь по этим программам, которые стремительно нарастают. Есть проблема киллера и заказчика, прекращения их преступной деятельности, и есть 15-летняя практика, подтверждающая, что решение проблемы киллера, при умолчании о проблеме заказчика, приводит только к ухудшению ситуации. Надо решать проблему заказчика.

8. Меры.

Перечень возможных мер, исключая огромный ущерб, ограничен. Назовем главные.

1. В первую очередь необходима идентификация, системный анализ и научная оценка программ «переходного периода», реально реализуемых правительством и ФС РФ в рамках международного договора с МВФ, прежде всего в энергетике, «Энергетической хартии». Подготовка прогноза их полной реализации. Это основа для выработки контрмер.

2. Установление достоверных причинно-следственных связей негативной ситуации, фактов ущерба с конкретными положениями программ МВФ. На этой основе необходима подготовка и оформление экспертных заключений о нанесенном ущербе МВФ, США и «семеркой». Это доказательная база предумышленно нанесенного ущерба для предъявления претензий по его возмещению.

3. Идентификация субъекта управления, его целей и задач в РФ, инструментов, задействованных для достижения целей. Только на этой основе можно подготовить альтернативную отечественную Концепцию и Программу восстановления и развития энергетики, адекватную «Стратегию» США. Это первоочередные задачи, которые обязаны решить академические центры, ученые многочисленных профильных НИИ и вузов.

4. Подготовка претензий МВФ, США и «семерке» по фактам ущерба в результате их «помощи». Расторжение договора с МВФ, прекращение реализации его программ и предъявление претензий по возмещению фондом нанесенного ущерба.

5. Нарастающая демографическая катастрофа, огромные людские потери диктуют официальное признание факта геноцида, осуществляемого МВФ, США и «семеркой» в России, как первоочередную меру. Инициирование процедуры прекращения геноцида, предусмотренное мировым сообществом, ООН, соответствующими Конвенциями.

Эту задачу прекращения геноцида, проблему прекращения преступной деятельности «заказчика» нужно решить оппозиции в первую очередь. Теоретически это возможно, для этого есть все правовые основы.

Практически привлечь к ответственности за преступления против человечности руководителей США (Клинтона, Бушей), «семерки» (Тэтчер, Блэра...) сегодня, к сожалению, маловероятно. Но все они, авторы программ геноцида, должны знать, что в соответствии с «Конвенцией о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» их деяния не имеют сроков давности. Ситуация изменится - и они ответят за совершенные преступления геноцида. Поэтому именно сегодня необходимо инициировать процедуры прекращения преступления геноцида, предусмотренные мировым сообществом. Оппозиция это сделать должна обязательно. МВФ, США и «семерка» должны отчитаться за результаты «курса реформ» в России.

9. Прогноз.

В настоящее время есть реальная возможность немедленно прекратить реализацию программ геноцида, в кратчайшие сроки, за 2-3 года, восстановить производство и преодолеть нарастающую демографическую катастрофу. Но в ближайшие годы это не будет сделано, так как академические центры, ученые многочисленных НИИ, вузов не оценили реально реализуемые правительством РФ программы «переходного периода» США, не сделали прогноз их полной реализации. Поэтому нет адекватных управляющих воздействий по прекращению реализации программ геноцида. Демографическая катастрофа будет нарастать, так как по программам США, реализуемым правительством РФ, Россия приговорена к «устранению», а русские - к ликвидации».

Юзеф Константинович КОВАЛЬЧУК, доктор технических наук, академик Петровской академии наук и искусств, зам. председателя С.-Петербургского аналитического аграрного центра

Наверное, вставлять такую большую статью в данную работу неправильно, но она настолько близка к пониманию мною тех бед, которые обрушились на Россию, что пора всем задуматься, куда мы идём, и какой будет финиш для большинства из нас? Пишу эти строки в 2013 году. Кто хотел встроиться в «золотой миллиард», уже уехали. Какая-то часть очень богатых людей живёт на два дома. Но для большинства людей, живущих в России, другой родины нет.

Трудно мне дать оценку активным действиям В. В. Путина во внешней политике и в укреплении армии. Ведь 12 лет правления были направлены на создание властной вертикали и превращению России в сырьевую второсортную державу (президентство Медведева всерьёз воспринимать невозможно).

Могу предложить двух авторов, которые в своих работах правдиво (в моём понимании) изложили – как мы пришли к нынешней жизни.

<http://rudocs.exdat.com/docs/index-262979.html?page=4>

«Владимир Александрович Лисичкин родился в Ташкенте в 1941 г.

В настоящее время он — председатель Комитета Думы по труду и социальной политике. Комитет решает задачи социального обеспечения, труда и занятости. В. А. Лисичкин как председатель Комитета ведет настойчивую работу по защите интересов простых людей.

Леонид Александрович Шелепин — профессор, доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Физического института им. П. Н. Лебедева РАН (ФИАН).

В 90-е годы, наряду с проблемами теоретической физики, Л. А. Шелепин занимался применениями методов точных наук в общественных науках, в частности в экономике, философии, прогнозировании, а также проблемами общественного развития».

Во время правления Ельцина от социализма в России ничего не осталось. Поэтому цель, которую я поставил перед собой – показать жизнь обычного человека в Советском государстве, можно считать выполненной. В ту жизнь вернуться невозможно и не нужно. Но я очень надеюсь, что для России ещё не всё потеряно. И должны найтись люди, которые смогут повернуть направление

развития страны в таком направлении, чтобы в ней жилось хорошо большинству живущих в России людей. К тому же теперь есть опыт стран, которые, используя опыт советского жизнеустройства, развили его с учётом своих особенностей и движутся ускоренно вперёд. Каких огромных успехов достигла, к примеру, наиболее близкая к нам Белоруссия. И это почти без природных богатств и в окружении стран недоброжелателей.

При написании книги пришлось прочитать и осмыслить огромное количество статей и книг. После статей обычно напечатано большое количество комментариев. По ним можно судить об умонастроениях людей, которые приобщились к Интернету и даже об их культурном потенциале. Два комментария, близкие мне в оценке советской жизни, я даже скопировал впрок:

«Рыночная экономика отняла у меня главное богатство – свободное время, так как на банальное безынтересное проживание-прозябание нужны теперь колоссальные деньги. А на их добычу требуется много времени. Это при тоталитаризме жильё и его оплата стоили по нулям, образование высококлассное раздавали всем подряд бесплатно, детские товары субсидировались и стоили вполтину меньше взрослых, лекарства были по ценам доступнейшим, медицинское обслуживание бесплатным... Я устал перечислять, а Вам всё не доходит. Вот поэтому и было у нас море свободного времени для путешествий, самосовершенствования и духовного роста - были мы сказочно богаты! Обязательно прочитайте внимательно мой комментарий и сознайтесь, что ничего до сих пор не понимали».

И второй комментарий:

«Читаю комментарии и везде деньги, деньги, а кто-нибудь задумывался над тем, что не деньги главное. А нужно задуматься над тем, что кроме денег, есть удовольствие от полученной работы, когда видишь результат своей работы и видишь отношение людей к твоей работе. А ведь многие из нас еще могли бы принести пользу обществу, несмотря на то, что уже на пенсии. Мне могут сказать: работай на себя, купи домик в деревне и работай. Но дело в том, что у меня все это есть и не приносит удовольствия, а работа на благо всего общества мне приносила такое удовлетворение. Я всю свою сознательную жизнь, кроме основной работы, посвящал общественной, что сейчас практически невозможно. Поэтому мне чужд этот строй и этот строй не исправить, его можно только сменить. Мы потеряли такую страну, в которой было много недостатков, которые мы допустили сами. Но все равно эта страна под названием СССР дала нам многое, что недоступно настоящему поколению, которое живет по законам «джунглей» и которое не будет счастливо. И все мы, которые видели другой образ жизни, обязаны помочь осознать теперешнему поколению, что этот строй ведет в тупик, из которого только один выход – социализм и работа на благо всего общества, а значит и на себя и своих близких».

Дальнейшая жизнь при «рыночных» отношениях.

«25 июня 1990 года правительство приняло решение о создании акционерного общества «КАМАЗ» на базе имущества производственного объединения. «КАМАЗ» стал первым из крупнейших предприятий страны, вступившим в эпоху новых экономических отношений. Устав акционерного общества «КАМАЗ» утверждён на общем собрании 11 августа 1990 года, зарегистрировано Общество 23 августа того же года».

Работникам КАМАЗа даже через некоторое время выдали бесплатно акции. Каждая акция тогда стоила 100 советских рублей. Сейчас эти акции стоят приблизительно в 500 раз дешевле. Много было разговоров на эту тему. Все мы стали хозяевами завода. И вначале вроде ничего не изменилось. Я с апреля этого года уже работал начальником КИБ.

Но вскоре серьёзные политические события стали происходить с ускорением. Только за 1990 год: сдача наших союзников по Варшавскому блоку; присоединение ГДР к ФРГ; введение поста президента СССР; принятие декларации о суверенитете РСФСР.

1991 год. Провокация по западному сценарию Августовского путча, ускорившего разрушение СССР, что и сделали в Беловежской пуще главы трёх союзных республик, доложив об этом президенту США. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицирует соглашение и денонсирует договор об образовании СССР 1922 года. 25 декабря М. С. Горбачев уходит в отставку с поста Президента СССР.

Далее парад суверенитетов. Прошло 20 лет, а перед глазами стоит опухшее лицо Ельцина в окружении своих сподвижников, который из экрана телевизора говорит: «Это неважно, что отделились другие республики, зато теперь под нами вся Россия»...

Из статьи В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепина – «Смута и становление нового порядка в России».

«Программа разрушения экономики России осуществлялась под лозунгами приобщения к мировой цивилизации на основе метода «шоковой терапии». На языке неолибералов шок был необходимой составной частью перехода от плановой к рыночной экономике. Российская шоковая терапия была по заданию ЦРУ спланирована и проведена группой профессора Д. Сакса из Гарвардского университета. В 1992-1994 гг. более 1500 иностранных советников вошли в штатные структуры министерств и ведомств. Фактическим исполнителем этой операции («реформы») был выбран тридцатитрёхлетний Е.Т. Гайдар, редактор журнала «Коммунист» по экономике.

2 января 1992 г. цены на все товары, кроме стратегических, были отпущены. Их рост носил фантастический характер. К концу года цены на хлеб выросли в 50 раз, на молоко — в 45. В то же время ставка на вклады в банках составляла лишь несколько процентов. Основная масса населения

страны лишилась всех своих сбережений, накопленных за многие годы. Зарплата почти не увеличивалась, и начался процесс массового обнищания населения».

Какие при такой ситуации могли проводиться серьёзные исследования. Объём работы у нас существенно упал. Кто-то принес на работу телевизор, по которому мы без отрыва от производства часто смотрели трансляцию заседаний Верховного совета. Были у людей мысли о возможном голоде. Кто-то занялся мелкой торговлей. Наиболее активные стали организовывать свой бизнес. Большинство стало осваивать рядом с городом любые участки свободной земли. Вот и нам позвонил наш знакомый и сказал, что застолбил для нас 3,5 сотки земли на берегу речки Челнинки в районе села Мироновка. Это была даже не земля, которую сняли техникой и перевезли в район высокой насыпи для дороги, а суглинок. Вот мы, со всевозможными приключениями, сажали там картофель несколько лет. Я даже по публикации в журнале «Моделист-конструктор» изготовил плуг и по собственной разработке велолебёдку. А через год мы уже пахали и сажали картофель с использованием электролебёдки. С Володиёв Радыковым, который предложил нам этот участок, я познакомился через журнал «Моделист-конструктор», в котором была опубликована моя схема бесконтактного электронного усилителя зажигания с системой электронного опережения возникновения искры при изменении оборотов двигателя мотоцикла «Днепр».

Красивая у нас получалась вспашка. Вита по непаханому участку перемещала плуг к дальней меже и устанавливала колесо плуга в борозду. Включался электромотор лебедки, и плуг сам двигался по предыдущей борозде, делая новый отвал. Через пять проходов плуга в борозду клали картофель. На посадку участка в три с половиной сотки уходило около часа. Почти бесшумно работающий электродвигатель не мешал даже поющим вокруг птичкам. Урожай картофеля на такой земле, почти без удобрений, получался маленький. Но нам его хватало до весны. Потом люди как-то приспособились к новым реалиям, и мы забросили этот участок.

А вот люди, у которых как-то пошло предпринимательство в области изготовления датчиков для нефтедобычи, нашли меня на заводе. Мой потенциал в области измерений и разработки датчиков стал очень даже востребованным. Первая фирма, вышедшая на меня в лице её технического руководителя – Кимерала, называлась «Квантор». Работало в ней около 15-и человек с хорошим материальным обеспечением. Фамилии хозяина я не запомнил. Невысокого роста мужчина с кавказскими чертами лица. Ребята его называли «денежным мешком». В этой фирме начинал работать и Александр Иванович Дорофеев – интереснейшая личность. С ним у меня в дальнейшем было наиболее длительное и интересное сотрудничество.

Я к этому времени достаточно хорошо освоил на работе маленькую комнату под свою личную мастерскую-лабораторию. В ней по проекту должен был быть туалет, но его так и не оборудовали. И мы там организовали провочную комнату для фотолент. Для этого в комнате была горячая и

холодная вода и слив в канализацию. Позже у нас появились осциллографы с записью на бумагу ультрафиолетовыми лучами, не требующие для проявки химических растворов. Комната стала никому не нужна. К тому же в неё не попадал дневной свет, и там отсутствовала вентиляция. Вентиляция – это дело техническое, а вместо дневного света я довольствовался люминесцентными лампами. Верстак с большими тисками, сверлильный станок, самодельная электросварка. Немного позже я изготовил упрощённый вариант станда «растяжения-сжатия». Приборов, хотя и не самых современных, было сколько угодно. Параллельно с этой комнатой совершенствовалась мастерская и в моём гараже.

Как-то Миша Довгань (наш сосед по огороду, ставший мне другом) рассказал, что они на предприятии получили хорошие многофункциональные настольные станки для обработки металла. Мне они очень понравились, и я уговорил ребят выделить 400 рублей нашим снабженцам, чтобы они заказали и получили такой станок. Установили его в моей комнате с возможностью работать на нём обученным рабочим из нашей бригады. Я быстро освоил станок, на котором можно было выполнять токарные, фрезерные, расточные работы и нарезание метрической резьбы. Для меня этот станок стал настоящим богатством. Я в дальнейшем с его помощью изготовил потихоньку его «клон» для гаражной мастерской. В нём всё изготовлено моими руками, за исключением двигателя с гидравлическим реверсивным редуктором и трёхкулачкового патрона. Даже комплект шестерён для нарезания резьбы изготовлен самостоятельно на таком же станке. Пришлось сдать экзамен и получить удостоверение токаря 4-го разряда. Больше никто из рабочих не захотел осваивать станок даже для того, чтобы выточить что-нибудь для себя.

На такой базе я начал разработки и изготовление действующих макетных образцов датчиков для фирмы «Квантор». Нефтяные скважины, пробуренные на большую глубину, укреплены обсадными трубами. Внутри трубы, в зону поступающей нефти, опускается насос, от которого вверх уходит стальная штанга. Она заканчивается полированным штоком, выходящим на поверхность через сальниковое уплотнение (внутри обсадной трубы возможно давление газа до ста атмосфер). Полированный шток тросами соединён с устройством (в обиходе называется «качалкой»), которое циклически перемещает штангу вместе с поршнем насоса на несколько метров вверх, а затем вниз. Поршень перекачивает на поверхность нефть с водой, механическими примесями и почти всеми элементами из таблицы Менделеева.

Первое моё прикосновение к измерениям при нефтедобыче и связано с полированным штоком. Нужны были датчики высокого класса, быстро устанавливаемые на полированный шток без остановки «качалки», измеряющие усилие на штоке и линейную величину перемещения штока. Эти два параметра должны были записываться в цифровом виде переносным регистратором. Такая процедура повторялась на всех диагностируемых скважинах. Затем информация в лаборатории сбрасывалась в стационарный компьютер. Только эти два параметра, обработанные программой, давали специалистам большое

количество информации о состоянии скважины, насоса и даже, в первом приближении, о производительности.

Я с интересом занялся новой для меня областью, и даже появились первые образцы датчиков. Я никогда не любил финансовые отношения, но когда через два месяца работы вопрос об оплате заказчиком не был поднят, пришлось мне самому ему напомнить. Мне достаточно скромно заплатили. Потом появилась работа, связанная с партией серийных датчиков, для которой пришлось привлечь рабочих. Вроде обговорили цену. Но когда работа была готова, заплатили нам меньше договорной цены да по сроку оплаты тянули время. После этого пришлось объявить им, что пусть они обходятся без меня.

К этому времени я разработал для них очень технологичный датчик давления газов внутри скважины. Им пришлось для его изготовления обращаться к моему коллеге Володе Бушуеву. Володе было неудобно, но я совершенно не возражал, чтобы он вёл все дела с этой фирмой. По этой теме меня задействовали как станочника.

В июне 1993 года в НТЦ провели оптимизацию структуры, по которой я перестал быть начальником, перешёл на должность ведущего инженера и даже был рад этому. Работы не хватало и на моих более молодых коллег. По исследовательским измерениям я был загружен на заводе на 10-15 процентов. Зато по разработкам датчиков и их изготовлению был загружен весь рабочий день, и часто я оставался работать после окончания рабочего дня. По поводу моих задержек возникли проблемы с охраной. Если в советское время инженер, уходящий домой по звонку, считался не совсем добросовестно относящимся к делу, то в «рыночное время» мы не могли задерживаться более 20-ти минут. Хоть мы и считались акционерами, но хозяевами на заводе стали другие люди. Пришлось нажать на начальство, и оно оформило распоряжение, разрешающее мне и ещё нескольким коллегам работать после окончания рабочего дня.

В НТЦ техническая жизнь тоже не остановилась. Наиболее активные инженеры, не ушедшие в свободное плавание по рыночному морю, старались реализовывать свои задумки как внутри НТЦ, так и вне его. С Володей Штейниковым и Сашей Меленьтьевым мы взялись модернизировать стенды для проверки топливной аппаратуры дизельных двигателей в нескольких автотранспортных предприятиях города. Для испытаний топливной аппаратуры разработанный и изготовленный датчик перемещения иглы форсунки по длительности работы значительно превосходил зарубежные аналоги, которыми мы пользовались до этого. Для станции испытания двигателей по особо важному заданию были сделаны 10 силоизмерительных датчиков для измерения крутящего момента двигателя. А по линии В. Бушуева в отделе было отремонтировано несколько десятков фирменных датчиков. Большая партия датчиков для измерения оборотов ротора турбокомпрессора была изготовлена по договору с руководством предприятия, изготавливающего турбокомпрессоры.

Почувствовав свои возможности, я стал в содружестве с испытателями пробовать свои силы в автоматизации стендов. Две работы мы выполнили с Р. Хафизовым. Отсутствие высокопрофессиональных разработчиков

электроники компенсировалось полученными НТЦ многоканальными измерительными системами с обратной связью по управлению измеряемыми параметрами. Пиком моей деятельности в НТЦ стали разработки расходомеров. Один для измерения расхода топлива дизельного двигателя, а второй для измерения расхода сжиженного газа при различных режимах работы предпускового нагревателя. Всё было готово к первым испытаниям расходомера топлива, но нам помешал катастрофический пожар на заводе двигателей.

«14 апреля 1993 года случился пожар на заводе двигателей, охвативший в считанные минуты всё предприятие, который почти полностью уничтожил не только сам производственный корпус, но и сложнейшее технологическое оборудование. С первых же дней ликвидации последствий пожара работа шла в двух направлениях – восстановление мощностей по выпуску 100 тыс. двигателей и, параллельно, создание производства силовых агрегатов на основе новейшего технологического оборудования. В невиданно короткие сроки, благодаря поддержке правительства России и Татарстана, камазовцам удалось буквально из пепла вновь восстановить предприятие. Уже в декабре 1993 года завод двигателей выпустил первую продукцию после пожара».

Пожар на «Движках».

После пожара всем было не до экспериментов с расходомерами топлива. Все наши испытательные стенды тоже были уничтожены и мы, как и в семидесятых годах, остались с тремя боксами на РИЗе.

Некоторые размышления о пожаре. Трудно было себе представить, что такой пожар возможен, даже если бы его задумали диверсанты. Кого наказали, уже не помню. К счастью, обошлось без жертв. Страна уже была не советская, и за простое спасибо большинство организаций отказывалось работать на восстановлении завода. После начала работы первых производств началось длительное обсуждение необходимости страхования действующих производств. Наиболее активно этим вопросом занимался Н. И. Бех. О проведённой работе по исключению подобных пожаров в дальнейшем мы не слышали.

«Так, например, на КамАЗе должен был случиться большой пожар, чтобы руководство завода поняло необходимость страхования. Только после пожара КамАЗ застраховался в Ингосстрахе и зарубежных страховых компаниях, причем для приобретения многомиллионного полиса КамАЗ взял кредит у американцев».

Сумма кредита поражала воображение – 500 миллионов долларов. Учитывая те масштабы коррупции, о которых нам сейчас рассказывает пресса, не исключаю, что и на восстановлении завода и на срочном страховании кто-то хорошо «погрел руки». Какими мы были «отсталыми» в советское время с неразвитыми страховыми институтами. Но при такой беде (при социализме) завод восстановили бы, не обращаясь к американцам. При рыночных отношениях без таких нахлебников, как страховые компании, не обойтись. Вот, к примеру, ещё одна информация:

Восстановление оборудования завода двигателей.

Группа «Спасские ворота» застраховала технологическое оборудование ОАО «КАМАЗ» стоимостью 4.206 млрд. руб. Оборудование приобретено «КАМАЗом» за счет так называемого «японского кредита». Право на страхование «Спасские ворота» получили в результате победы в конкурсе.

Из литературы и фильмов о ВОВ мы узнавали, как капитаны иностранных кораблей в северных конвоях, идущих в наши порты, спокойно смотрели на свои тонущие корабли и даже не пробовали их спасти. А зачем – всё застраховано.

В это же время у меня началась совместная работа с фирмой «Маркетинг-сервис» (МС). Располагалась она в огромном здании «Форт-диалог», занимая там две комнаты. Строительство таких зданий тоже стало видом бизнеса.

Коллектив фирмы «Маркетинг-сервис».

У хозяина этой фирмы, Александра Ивановича Дорофеева всегда было полно идей. Главный инженер Панов у него тоже был творческий человек. Когда я появлялся в дверях их помещения, Панов издали начинал улыбаться и потирать руки в ожидании нового образца датчика или механического устройства. Со временем у него наполнился большой ящик с моими макетными образцами датчиков. Ездили мы часто на действующие скважины для испытания изготовленных датчиков, на предприятия, занимающиеся добычей нефти, чтобы на месте понять суть проблем, над которыми нужно

работать. Бывали на выставках нефтегазового оборудования и даже в институтах. Александр Иванович совсем не был похож на прижимистого хозяина, старавшегося наживаться на своих работниках. Он не спешил увольнять даже тех людей, от которых было мало пользы. Да и большая широта

поисковых работ прибыли не давала. Откуда деньги для развития и выживания? Наверно от умения договариваться с заказчиками на большие объёмы заказов и цен на них. Что-то из этих денег, думаю, возвращалась к заказчикам. Но работать с ним было приятно.

А. И. Дорофеев.

Панов.

Интересен вопрос с ценами на работы, выполняемые мной. Особенно на разработки. Они, в основном, были договорные. И если цены на отработанные датчики можно было определить во времени по каждой операции и, исходя из заводских зарплат, прикинуть общую сумму изделия, то с разработкой было сложнее. Я никогда не мог «тянуть» время.

Работа увлекала, всегда хотелось быстрее увидеть результат, а потом показать изделие и его характеристики заказчику. К тому же, в новых разработках скорость получения результата зависит от профессионализма, экспериментальной базы и, конечно, от таланта. В общем, как-то вопрос зарплаты решался без особых трений. Я предлагал умеренную цену за свою работу, и Дорофеев всегда соглашался. На определённом этапе я и Саша Меленьтьев стали работать в паре. Я занимался датчиками, а Саша электроникой к ним. О цене, на этом этапе, договаривался Саша. А ещё позже возникла необходимость создания участка по изготовлению мелких серий датчиков по моим наработкам, и я предложил Дорофееву заниматься монтажом тензометрических схем на уже готовых корпусах в моём гараже. Разработкой при жизни Александра Ивановича я ещё изредка занимался, но главной работой стало серийное изготовление датчиков. Постепенно ещё три фирмы уговорили меня выполнять их заказы. Цены на основной монтаж и сопутствующие работы были мной изложены в ценнике и индексировались каждый год с учётом инфляции. Никогда мои заказчики не поднимали вопрос о завышенной цене. Я прекрасно понимал, что любая крупная организация запросила бы за такую работу значительно больше при меньшей ответственности. Качество работы на предыдущих операциях я видел при контроле приносимых мне корпусов датчиков. Их иногда приходилось переделывать. Когда страной управляют её разрушители, то рушится всё. Найти хороших профессионалов, особенно рабочих профессий, даже за хорошие деньги, становится всё сложнее. Только при заказе датчиков для шинного завода, полным аналогом американских, я порадовался при виде качества металлообработки. Изготовлены они были на Ижевском машиностроительном заводе, где ещё не были утеряны традиции работы с военной приёмкой. К каждому корпусу был приложен акт приёмки с реальными измерениями размеров, которые в чертеже были проставлены с допусками.

Загрузка у меня стала временами выше разумной. Однажды, когда Дорофеев получил очень большой заказ и, как всегда срочный, я даже позвонил Мише Довганю в г. Винницу, и предложил ему немного подзаработать со мной. Мы с ним дружно проработали почти два месяца.

Я и Миша в гараже-мастерской.

2000-й год. Володя Сударев возвращается к семье, закончив свои странствия по югу России. Не для него оказались рыночные отношения, а попросту существовавший беспредел (шоковая терапия без терапии). Уверенно живший при Советской власти мужчина теперь потерял эту уверенность. Я предложил ему работать со мной. Спокойная, без больших физических усилий, и в достаточно комфортных условиях работа, по моему мнению, должна была стать необходимой терапией. Заработанные деньги мы делили пополам, и получалось по тем временам вполне прилично. Начали мы очень хорошо, но продержались полтора года. Главным в нашей работе я считал высокое качество наших изделий. Володе, при своей широте души, не всегда хватало терпения для длительной скрупулёзной работы, и вникание во все тонкости технологии его раздражали. Мои попытки разъяснения необходимости что-то делать по-другому, часто перерастали в «семейные» скандалы с нервными издержками для обоих. Пришлось нам расстаться. Его сосед по квартире – главврач бывшей камазовской медсанчасти, предложил Володе работу в ней. Он туда хорошо вписался и проработал семь лет. Некоторая обида у Володи на меня осталась, но мы двумя семьями настолько сблизились, что наше общение и некоторая взаимопомощь продолжалась до конца его жизни. И можно за него порадоваться – большую часть жизни он прожил, как хотел. И такую возможность ему дала Советская власть.

«2002. 05. Инженер первой категории в АХЧ стационара городской больницы №5. 2009. 04. Уволен по собственному желанию. Володе 67 лет. Умер второго мая 2011 года в возрасте 69-ти лет».

Сколько людей не вписалось в новую жизнь. Но как теперь говорят: «Это их проблемы». Вот и А. И. Дорофеев, ещё крепкий мужчина и, казалось бы, хорошо вписавшийся в «рыночные отношения», умер при странных обстоятельствах. Я отсутствовал в это время в городе. Не получилось у меня проститься с человеком, который так много для меня сделал. По одной из версий, Александр Иванович ехал на автомобиле со своими партнерами, и они остановились возле леса. Немного там выпили и чем-то закусили. Вроде, при этом были съедены и лесные ягоды. На следующий день ему понадобилась медицинская помощь, которая оказалась запоздалой. Диагноз – мышинная лихорадка. Трудно в это поверить.

Пригласил я в 2009 году поработать со мной и моего бывшего, более молодого коллегу, Исаака Борисовича Шпизеля, как-то тоже не вписавшегося в современные реалии. Лёгкий оппонент советскому периоду и не воспринимающий происходящее сейчас. Под влиянием обстоятельств он год прожил в Нью-Йорке, где уже жили его мама и брат. Но самая богатая страна мира для него тоже не подошла. Сейчас Изя (так зовут его близкие люди) живёт в Нижнем Новгороде с Леной, в которую был влюблён ещё в студенческие годы. Подрабатывает свободным художником, переноса, например, на современное видео киносъёмку, сделанную старыми любительскими кинокамерами. Мы дружно поработали и хорошо прожили этот месяц. У нас, в память об этом периоде жизни, есть видеофильм, талантливо сделанный Изей. Этот фильм теперь есть и у наиболее близких нам людей.

Изя – ещё и поэт.

Написал о нескольких людях. Но сколько в стране людей, потерявших ориентиры в современной жизни и это, пожалуй, главная причина преждевременного ухода многих из жизни.

Вот и я со своим востребованным техническим потенциалом (просто повезло), мог бы «пободаться» со своими заказчиками, организовав свою фирму и став им конкурентом. Конкуренция – наиболее употребляемое слово в устах наших правителей. Вот только самые несчастные люди это те, которым приходится заниматься не своим делом и с большим количеством угроз. У большинства из них основной радостью являются деньги. Поэтому советское жизнеустройство было предпочтительно уже одним тем, что в нём находилось место для всех людей, желающих трудиться.

Семейные дела в этот период.

Неожиданная востребованность моего потенциала помогла нам прожить наиболее шоковый период без особых потрясений, кроме боли за преданную страну и своей беспомощности что-то изменить.

1989 год. Вита со Светой приобрели путёвки в Карпаты и, кроме красивой природы, они ещё общались со школьными подругами Виты. Из Москвы на пару дней к ним приехал Славик. Насыщенной и приятной получилась поездка. В этом же году я и Вита отметили нашу серебряную свадьбу.

1990 год. Я и Света вместе с большой группой семейного туризма,

прихватив с собой ещё Фильзу с сыном Андреем, отправились в поход на Кавказ. Летим вчетвером из Н-Челнов в Ставрополь. Половина дня на знакомство с городом. Потом автобусом до Невинномысска, куда на поезде приезжает группа, с которой мы пойдём в поход. Состав группы по возрасту от семи до

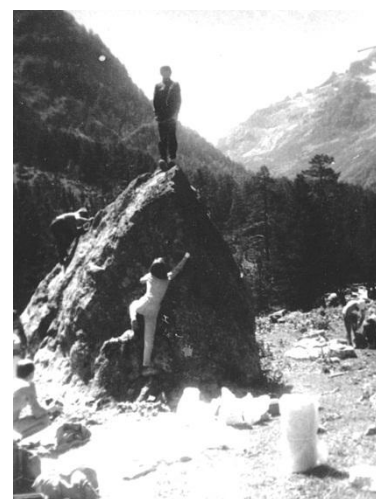

семидесяти лет. Далее тоже автобусом вдоль реки Кубань поднимаемся в предгорья Карачаево-Черкессии. Едем ещё недолго на грузовике и располагаемся возле

альпинистского лагеря. Здесь у нас что-то вроде

акклиматизации, совмещённой с тренировкой, и ожидание ещё не подъехавших участников.

Не буду описывать детали, хотя они и интересны. Мы должны были преодолеть два перевала: Джалпаккол северный, 3400 м – 1А и Кичи-Муруджу, 3136 м – 1А. После второго перевала спуститься в Домбай. После Домбая недельный отдых под Анапой на диком берегу Чёрного моря.

Поход получился интересный, но со своей спецификой семейного туризма. К первому

перевалу мы поднялись в два приёма. Вначале группа более молодых мужчин перенесла часть груза и дрова для костра к самому перевалу и оставила нашу челнинскую четвёрку с этим грузом ночевать у перевала. Я и сейчас благодарен руководителям похода, что

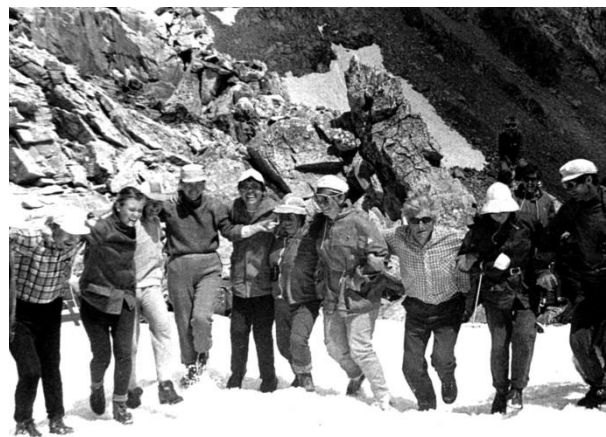

выбор пал на нас. Ночёвка была достаточно холодной, с минусовой температурой. И когда я ночью вынужденно вылез из палатки, то поразился космическому пейзажу

силуэтов окружающих гор на фоне сине-фиолетового неба, слегка подсвеченного невидимой луной и звёздное небо. Наяву передо мной ожила одна из картин Николая Рериха. Я забыл, зачем я вылез из палатки. Жаль, что тогда не было современной видеокамеры. Тихо, чтобы не тревожить Фильзу с сыном, разбудил Свету, чтобы она смогла увидеть то, что большинство людей никогда не увидят.

С высоты перевала нам открылась

панорама гор и величественный Эльбрус. Поднялись мы и к подступам второго перевала, но желание подниматься на него у многих женщин пропало, и после долгого обсуждения Леонид Перевалов

предложил сходить на перевал только желающим. Я рад, что Света согласилась с моими доводами и тоже пошла с нами. В Домбай мы не попали. Спустившись немного вниз, мы вкруговую на автотранспорте добрались до Анапы. Это предгорья

западного Кавказа.

Был поздний вечер, и мы расположились на ночлег, не устанавливая палаток, прямо на камешках пляжа. Утром быстро собрались и, пройдя по дикому берегу моря 8-10 км в сторону Новороссийска, разбили лагерь. Наша расслабленная жизнь продлилась порядка семи дней.

Более длительное пребывание у моря без конкретного дела быстро надоедает. Море в этом месте менее прозрачно, чем в Крыму. Текущих дел было достаточно. Дежурство по лагерю. Приготовление пищи. Выходы в магазин ближайшего посёлка за продуктами и регулярные походы к ручью за пресной водой. Ручей с трёхметровой высоты маленьким водопадом соединялся с пляжем. Мы однажды наблюдали как молодая девушка, совершенно не стесняясь, ополаскивалась пресной водой, а её спутник держал в руках её немудрёные купальные принадлежности. Всё было очень красиво. А вот маленькие группы nudистов, расположившиеся в некотором отдалении от нашего лагеря, вызывали ощущение брезгливости.

Я попробовал организовать Свету на дальние заплывы в море. И дважды мы плавали. Плавала с ластами она хорошо, а вот до полного слияния с морем ещё было далеко и общение с молодёжью её привлекало больше.

Ребята организовали ловлю рыбы чем-то типа перемёта. Каждое утро молодёжь плавала вдоль лески с большим количеством крючков проверять улов. Однажды парнишка вернулся после проверки и сообщил Лёне

Перевалову, что за крючок зацепился огромный скат, и он побоялся его трогать. Лёня поплыл с трезубцем. Ската, повреждённого трезубцем, но ещё живого, вытащили на берег. Радость добычи сменилась жалостью к мучающейся рыбе. Отпускать её в море уже было бессмысленно. Чтобы прекратить мучения рыбы я сильно ударил её большим обкатанным голышом по голове. Скат затих,

и вдруг сзади из-под хвоста что-то стало выходить. Нам всем стало как-то не по себе. Оказалось, что этот скат рождает маленьких скатёнышей. Их оказалось трое. Вот такие огромные способности заложены природой для продолжения жизни. Новорожденные, с минуту покувыркавшись в воде, уплыли в море. Думаю, что без опеки матери они не выжили. Ведь не зря она приплыла рожать к берегу, где меньше хищников. Как люди часто не соответствуют живой природе. Особенно это проявилось в наше время в плане агрессивной кампании по защите сексуальных меньшинств и узаконивании однополых браков, особенно в странах относящих себя к наиболее «цивилизованным».

Женщины от пережитого быстро успокоились, занялись разделкой и приготовлением рыбы. Одной печени было полтора кг. А тут ещё по заказу женщин ребята привезли из Анапы все компоненты для украинского борща. В его приготовлении участвовали все женщины, соскучившиеся за домашней

едой. А ещё были привезены два огромных арбуза.

Сходили мы на Большой Утриш – посмотрели

представление с дельфинами. А ещё маленький поход по ущелью на невысокие горы. Там кто-то давно посадил алычу.

Удивило в этом ущельи большое количество лиан. Мы почувствовали себя немного в джунглях. От

можжевельника древовидного я отрезал засохшие ветки. Разрезал их на куски, чтобы уместились в рюкзаке, с желанием в дальнейшем сделать из хорошо пахнущей и красивой древесины разные поделки. Вот и лежат они у меня дома эти ветки 23 года без применения. Я только у моря сделал из них ножны для моего ножа и их потерял во время сбора грибов.

Возвращалась Света в Челны с Фильзой и Андреем. Она закончила 9-й класс, и ей очень хотелось поучаствовать в смене выездной Школы актива с ребятами из районного комсомольского штаба «Алый парус», куда она стала ходить. А мне нужно было навестить маму в Мариуполе.

Позади выпускные экзамены – впереди взрослая жизнь...

1991 год. Света – студентка Пермского университета, очень радостное событие для родителей и всех

родственников. Младшая, шестая внучка моей мамы, будет учиться в ВУЗе. Стоило прожить бабушке очень сложную жизнь...

Интересная жизнь её детей и внуков была для неё лучше, чем лекарства. Родители Виты в это время уже жили с нами в Челнах и тоже радовались успехам внучки. В этом университете учились и две подруги Светы. Мама одной из них, Ирины

Матюшиной, приехала в начале сентября в Пермь и, как профессиональная отделочница, привела выделенную девчатам комнату в приличный вид. А вслед за ней поехали на

мотоцикле в Пермь я и Вита. Наш мотоцикл был под завязку загружен

пилотоматериалом и различным инструментом. Поездка получилась интересной и полезной. Природа на северо-востоке от Челнов существенно отличалась от наших предыдущих поездок в юго-западном направлении. Здесь преобладали болотистые места и большие массивы еловых лесов. А ближе к Перми начались предгорья Урала. Крутые подъёмы, спуски и множество поворотов не позволяли расслабляться водителю, но урывками удавалось полюбоваться прекрасными пейзажами. За неделю мною было сделано много

простых, но очень необходимых для жизни и учёбы девчат, изделий из дерева. Вита, как всегда, всё чистила и подкармливала девочек. В обратную дорогу мы выехали затемно по свежеснежившему снегу. А въехав в Татарию, попали в золотую осень.

Глубинка Пермской области. В колхозе на уборке урожая.

Хочется отметить, что решение Светы учиться в Перми оказалось удачным.

Пермский университет, с большими традициями, дольше противостоял ускоренно внедрявшимся «рыночным» отношениям и побочной заразе, связанной с ними. Одна её подруга в Самаре продержалась в ВУЗе два года и вернулась в Челны. Андрей Сударев, поступивший в нефтяной институт в Уфе, продержался не намного дольше.

В 1996 году Светлана окончила филологический факультет Пермского государственного университета и 1996-1997 год проработала в пермской школе

учителем русского языка и литературы. За это время, оценив сложившиеся реалии, Света решила вернуться в Челны. Мы этому решению были рады. Пришлось ехать на мотоцикле забирать дочку из Перми. Я после учёбы в институте приехал домой с одним чемоданом и рюкзаком. У дочери вещей

оказалось столько, что мой тент на коляске раздулся, как шар. Вещи укладывались так плотно, как в детстве трава в мешок для перевозки на велосипеде.

Была и вторая проблема, из-за которой моя поездка была достаточно авантюрной. Мотоцикл за время учёбы Светы основательно состарился, особенно двигатель. Мотоциклетные двухтактные двигатели с воздушным охлаждением имеют ресурс более чем на порядок меньший, чем автомобильные. Я пишу о двигателях советского производства того времени. Я неоднократно читал и слышал, что если вместо двух карбюраторов, установленных на каждом

цилиндре установить один современный автомобильный, то расход топлива резко уменьшится. О сопутствующих проблемах авторы не упоминали. Народная мудрость: «коготок увяз – всей птичке пропасть». Вот и у меня часто так получалось. Началось с того, что когда я заговорил об этой проблеме с Сашей Черновым, он кроме своего мнения об этой проблеме, подарил мне ещё карбюратор от автомобиля «Ока» (б. у), в котором половина деталей отсутствовала. И «процесс пошёл». Я взял у дорожников новый карбюратор и снял эскизы недостающих деталей. Через неделю все детали были изготовлены, а карбюратор испытан на «Оке» Владика Кима. Дальнейшая адаптация автомобильного карбюратора к мотоциклу оказалась настолько сложной, что я поразился. Довёл я все системы, чтобы карбюратор себя «чувствовал» как на автомобиле, но это было потом, а в поездку я отправился с ещё «сырым» карбюратором.

Бабушка Шура провожает Свету в Пермь.

Увеличение давления подачи топлива я решил подачей в топливный бак давления картерных газов, и это решение хорошо работало в пределах города. А при дальней поездке масло в картере двигателя нагрелось до более высокой температуры. Масло на нефтяной основе стало очень жидким и начало сочиться из всех негерметичностей картера. Через час езды мои кеды были полностью пропитаны маслом. Изменить в дороге ничего было нельзя. Так вся поездка и прошла с периодическим подливом масла. Карбюратор «Оки» и другие причины не позволяли мотоциклу развивать его мощность, особенно при сверхзагрузке на обратном пути. И поэтому максимальная скорость была в пределах 60 км/час. Время в пути (500км) составило 18 часов. Но мы доехали без посторонней помощи, и это было главным в нашей поездке. А расход топлива действительно снизился почти в два раза.

Немного ещё об одном моём усовершенствовании, из-за которого я сильно переволновался. Света готовилась к моему приезду. Она приготовила обед и даже нашла поблизости охраняемую стоянку. Это был кусок луга у водоёма, даже не везде огороженный. Меня по пути в Пермь почти непрерывно сопровождал дождь. Ночью тоже шёл дождь. Завожу утром двигатель, и он развивает очень большие обороты. Проверяю всё относящееся к такому явлению – всё в порядке. Ничего не могу понять и с большим трудом начинаю

двигаться. Двигатель еле тянет незагруженный мотоцикл. Мысли вертятся только вокруг неожиданно возникшей проблемы – ведь вечером всё было нормально. Загружаемся, так и не выяснив причины такого явления. Прощаемся с подругами Светы и вперёд. В работе двигателя ничего не изменилось. Я понимаю, что если это не постороннее вмешательство, то это обогащённая смесь топлива с воздухом. Совсем недавно я заменил на мотоцикле примитивный фильтр воздуха, сконструированный ещё в довоенной Германии. Он состоял из круглой коробки с волосяной паклей, на дно которой наливалось масло. Примитивность этого фильтра, двух карбюраторов и многого другого объяснялась не плохим уровнем немецких конструкторов, а техническим заданием на проектирование. Мотоцикл был разработан для армии. А на войне долговечность и экономичность отходят на второй план. Там нужна простота и надёжность. Я заменил заводской фильтр на бумажный, используемый для фильтрации масла в камазовском двигателе. Вот бумага, за ночь, отсырев, набухла и стала плохо пропускать воздух. В результате переобогащённая смесь, которой хватало двигателю только для работы без нагрузки. Пока я ехал, всасывание влажного воздуха, слегка подсушенного теплом картера двигателя, поддерживало определённый баланс пропускной способности бумажного фильтра, и двигателю этого хватало. Появилась надежда, что при движении всё наладится (в этот день дождь на нас пролился только в Челнах) и действительно двигатель заработал нормально.

Пришлось в это время решать и проблемы наших стареющих родителей. Витины родители успели переехать в Н-Челны до развала СССР. Эта проблема полностью легла на Виту. Я помогал больше морально и физически. Жильё в Украине, даже в этот период, ценилось выше, чем в Челнах. Мы обменяли родительскую однокомнатную квартиру в Харькове на двухкомнатную в Челнах, без всяких доплат. Контейнер с имуществом тоже ушёл в Челны при Советском Союзе. Вита заканчивала в Харькове оформление документов и заказала контейнер. Я, будучи в командировке в Москве, тоже подъехал в Харьков, прихватив с собой ещё и Славку. Считаю, что у родителей Виты получилась хорошая старость, несмотря на общее умопомешательство в стране. И в этом тоже основная заслуга Виты. Виктор Савельевич умер в 2000-м году в день космонавтики, в возрасте 90 лет. А Мария Хрисанфовна в 2006-м году в возрасте 93-х лет. Все эти годы Вита была при родителях, да и как можно по-другому поступать нормальным людям.

Последние две зимы в своей жизни моя мама тоже прожила в Н-Челнах. Это зимы 1990-1991-1992-го годов. *«Город Жданов был в 1989 году переименован в г. Мариуполь»*. Ещё не началась в Украине та разруха, которая будет после 1992-го года после обретения независимости. Я в те годы приехал в свой родной город зимой и меня особенно поразили редко ходившие трамваи. Они были почти без стёкол и с ободранными сидениями, а некоторые совсем без сидений. Мама на мои уговоры согласилась, и я дважды ездил за ней в Мариуполь. Я уже ранее немного рассказал, как мы с приключениями ехали в Челны, и с какой гордостью она рассказывала в вагоне поезда о своих детях и внуках. Когда мы вошли в квартиру, то первые слова Виты были: «Как же я за

вами соскучилась». Мы хорошо прожили зиму, и я робко надеялся, что мама останется жить с нами дальше. Но в марте она попросила меня присесть и сказала, что нам нужно ехать в Мариуполь. Я только смог убедить её отложить отъезд до середины апреля, когда полностью растают наледи на тротуарах. Поездка получилась хорошей. В Москве на вокзале бабушка имела возможность пообщаться с внуком. А в Мариуполе мама сразу окунулась в атмосферу независимой Украины с деградацией по всем направлениям. Холодно в квартире, в магазинах очереди за самыми необходимыми продуктами и общим озлоблением людей. Аза с Лёней помогали маме, чем могли, но она старалась сама изредка ходить в магазин. Седьмого июня этого же 1992 года мамы не стало. Раньше, чем могли бы, стали уходить из жизни много людей, и это продолжается и сегодня.

Когда я на обратном пути вошёл в здание Курского вокзала, то не сразу понял, что происходит. С двух сторон, плечом к плечу стояло огромное количество людей, стремящихся что-то продать. Как в фильмах о времени гражданской войны. Вот только продающие были достаточно хорошо одеты. Это был результат шоковой терапии, которую озвучил Гайдар, элементом которой стала ничем не ограниченная торговля.

В начале 90-х годов (потом их назовут «лихими») до голода дело не дошло. Стали привычными эксперименты с сокращением рабочей недели, отпуска с оплатой в 2/3 оклада. Практиковались длительные задержки зарплаты или выплата её части. Благодаря моим приработкам и относительно скромным потребностям, мы пережили этот период без потрясений, а ближе к концу 90-х годов даже появились некоторые сбережения. Мы, учитывая наш возраст, решили, что пора сменить мотоцикл на автомобиль. Купить новый автомобиль ещё было проблематично. Их продолжали распределять по очереди. Моя очередь была ещё далеко, так как я не хотел добиваться, чтобы меня рассматривали в профсоюзе с учётом строительного стажа. Неожиданно на КамАЗ, по непонятной акции, поступила большая партия «Жигулей». В это время на ВАЗе производство открыто контролировалось преступной группировкой, да ещё там отметился будущий олигарх Березовский. Нам автомобиль не достался, а кредит в банке мы получили. Банкиры в то время ещё не перестроились. В договоре были оговорены конкретные суммы для оплаты через определённые промежутки времени без учёта инфляции, которая стала быстро расти. В результате деньги по кредиту нам практически были подарены.

Автомобиль мы купили в двухтысячном году вне всякой очереди и даже без кредита. Рынок стал насыщаться автомобилями иностранного производства в ущерб собственному автомобилестроению. Можно было бы порадоваться этому увеличению автомобилей, но то, как развивается автомобилестроение во всём мире, заставляет задуматься – автомобиль для человека или наоборот. А Россия и в этой области, перейдя на отвёрточную сборку иностранных автомобилей, теряет свои позиции промышленной страны.

Новые реалии заставляли задумываться о сути происходящего в стране. Вначале я пытался находить в изменениях что-то хорошее. У В. М. Панфилова

родилась идея создать инициативную группу, которая наработала бы предложения по внутреннему хозрасчёту в службе дорожных испытаний по автомобилю. Возглавил группу работник экономического подразделения НТЦ Чукомин. Аникин предложил мне войти в эту группу. Это был 1989 год. Запомнился он тем, что мы активно осудили Ельцина из-за его пьянства в США. *«В конце 1989 года Ельцин ездил с выступлениями по Соединённым Штатам Америки. В советских газетах появились перепечатки из зарубежных газет о том, что Ельцин выступал в нетрезвом виде, а по нашему телевидению показали его плохо скоординированные движения».*

Заседания наши продлились недолго. Слишком сложной была задача, поставленная перед нами, к тому же не решаемая, в принципе, для одного подразделения НТЦ.

1992-1994 годы. Идёт ускоренная приватизация в России. *«Это процесс передачи государственного имущества Российской Федерации (ранее РСФСР) в частную собственность, который осуществлялся в России с начала 1990-х годов (после распада СССР). Приватизацию обычно связывают с именами Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса, занимавшими в то время ключевые позиции в правительстве. В результате приватизации значительная часть государственного имущества России перешла в частную собственность».*

Люди, получив приватизационные чеки, с огромным энтузиазмом старались вложить их в наиболее выгодные фонды и предприятия, чтобы в будущем получать хорошие дивиденды. На этом этапе мне было понятно, что это – грандиозная афера, а вокруг почти всеобщее умопомешательство. *«Анатолий Чубайс позднее говорил, что приватизация была проведена с единственной целью: не допустить прихода коммунистов к власти».*

И, тем не менее, в октябре 1994 года в городской газете была напечатана моя статья:

Возможен ли третий путь развития для КамАЗа?

Инженер-конструктор НТЦ Геннадий Марача приглашает читателей «Дюжины» к дискуссии о том, в каком направлении пойдёт становление производственных взаимоотношений в нашем акционерном обществе.

«В очень сложное время для жизни некогда великой страны проходит кампания по празднованию 25-летия КамАЗа.

Я приехал в Набережные Челны в июле 1971 года. Участвовал в строительстве Литейного завода и РИЗа, а с августа 1973 года работаю в УГК – теперь НТЦ КамАЗа, в должности ведущего инженера Отдела специзмерений.

К великому сожалению, ситуация в стране и на КамАЗе не настраивает на праздничный лад, а порождает много вопросов. Когда в «Вестях» (не так часто) кто-то из руководителей АО пытается на некоторые из них ответить, вопросов возникает ещё больше.

Мои размышления – это попытка общения, прежде всего с Н. И. Бехом, деятельность которого на КамАЗе всегда вызывала уважение. Надеюсь, что

и сейчас большинство наших профессионалов именно с ним связывает будущее КамАЗа.

Вот некоторые из вопросов и попытка их осмысления:

Есть ли на КамАЗе коллектив и для чего существует КамАЗ?

В прежнем понимании – нет. Когда государственная идеология поощряет индивидуализм и наживу любой ценой, это затрагивает всех. Полным ходом идёт расслоение заводчан на «некоронованных королей» и люмпенов. Возможность контроля над управленческими структурами отсутствует полностью. И всё чаще прозревающим людям отвечают: «Не устраивает – увольняйтесь». А если это действительно так, то на вторую часть вопроса ответ ясен.

Кто хозяин в акционерном обществе? Что означают именные льготные акции – отсутствие права голоса?

Почему короткая кампания по продаже акций по номинальной стоимости свелась к выдаче таких же именных акций? И если владельцы именных акций не имеют права голоса, то зачем устраивать спектакль, собирая в административном порядке подписи для «представительства» директора НТЦ на правлении АО?

Кого у нас представляет сейчас профсоюз, единственная оставшаяся общественная организация (под прочной опекой администрации)?

Что такое коллективный договор в акционерном обществе, где все акционеры и все члены профсоюза?

Хотелось бы услышать честные ответы на эти и многие другие вопросы, которые волнуют не одного меня. Общественные процессы на КамАЗе идут тем же путём, что и во всей стране. Осуществляется тупиковый вариант дикого капитализма, где пока отдельным рабочим и ИТР тоже позволяют что-то урвать.

В этой связи, реанимация деятельности советов бригадиров и мастеров без передачи им реальных полномочий больше похожа на выпуск пара из котла. Так же неуклюже выглядит перенесение на нашу почву «новой кадровой политики» (публикация в «Вестях» от 16 августа «Кадры решают всё»).

Ведь КамАЗ – это микросоциальное государство. И для нормального демократического развития ему необходима чёткая, понятная всем работникам концепция развития. Необходимо и разделение власти на законодательную, исполнительную и арбитражную.

Ожидать сегодня настоящее демократическое движение снизу наивно. Снизу пока возможен только бунт. Возникновение независимого профсоюза – это признание, что у КамАЗа уже есть реальный хозяин, и трудящимся необходимо бороться за свои права.

В «Независимой газете» от 24. 07. 94 г. напечатана статья Белоцерковского «Общество самоуправления – спасение и расцвет России», в которой предложена программа выхода России из кризиса на основе конвергенции (сближения двух систем: социалистической и капиталистической) и принципов самоуправления.

Взяв за основу эту программу, с учётом таланта Н. И. Беха и подключив все здоровые силы, КамАЗ может с минимальными потерями встать на путь интенсивного развития при одновременном раскрепощении человека труда и при этом в очередной раз быть примером для других.

Истина, что на себя человек будет работать лучше, чем на любого хозяина, неопровержима. А газета АО могла бы сыграть огромную роль как общественная трибуна».

Дискуссии не получилось, а вопросы остались. И не только вопросы. Жизнь для большинства людей стремительно ухудшалась, а многие события, происходившие в стране, никак не укладывались в голове. К примеру – у завода Уралмаш появился хозяин, некий Бенукидзе. И как быстро эти «эффективные собственники» стали плодиться.

Передо мной газета «Вести КамАЗа, посвящённая юбилею «НТЦ – 25 лет». Поздравления, воспоминания, пожелания. На фотографиях знакомые и ещё молодые лица. Юбилеи предназначены, чтобы на них говорили и вспоминали о хорошем в жизни человека или коллектива. Вот и в газете – всё о наших достижениях. Только в интервью водителя-испытателя Николая Чумакова промелькнула тревога: «Мой «час пик», как водителя-испытателя, пришёлся на 70-80-е годы. Это было интереснейшее время – каждый год в УГК выпускалось по 6-7 моделей – знай только успевай испытывать. А сегодня – затишье какое-то, техника всё больше для выставок «шлифуется». Хочется уже настоящей работы, чтобы начались полнокровные испытания новых машин».

За год до опубликования моей статьи, 3-4 октября 1993 года закончилось противостояние всенародно избранного президента Бориса Ельцина и так же всенародно избранного Верховного Совета. Метод решения этого противостояния был выбран наиболее «демократический» – залпы танковых орудий, воинские подразделения и ОМОН, собранный со всей страны. От Министерства обороны на штурм Дома Советов было брошено более 3000 солдат и офицеров, 10 танков, 80 БТР, 20 БМП, 15 БРДМ, свыше 60 БМД. И ещё призывы «особо демократической» элиты: «Задавите гадину»...

Я пишу эти строки ровно через 20 лет после событий, после которых Россия была обречена на обслуживание наиболее богатых стран. Я не собирался писать об этом событии. Интересующееся могут найти в Интернете бесчисленное количество статей и мнений об этой наиболее позорной странице в истории России. Но юбилеи принято как-то отмечать. 03. 10. 2013 года состоялась телепередача – Ток-шоу «Поединок», посвящённая трагическим событиям октября 1993 года, с Владимиром Соловьёвым. Понятие «Ток-шоу» - *«это самая массовая и эффективная форма идейной рекламы»*. Давно уже не смотрел эту телепередачу, которая, на первый взгляд, даёт возможность высказаться людям различных политических взглядов. Талантливый ведущий, которому позволено дозированно критиковать существующую власть. Тема событий октября 1993 года не утратила своей актуальности и через 20 лет. Почти все выступления были очень эмоциональны. Я слушал с волнением

говоривших, вникая в их логику о происходивших в 1993 году событиях, но ещё больше затрагивало то, как говорили – выражения лиц говоривших и остальной аудитории. У такого преступления не может быть срока давности.

«Противостояние президента и парламента было по своему экономическому содержанию противостоянием двух способов реставрации капитализма. Экономист Михаил Хазин, например, считает, что борьба шла между теми, кто собирался вырастить в результате приватизации компрадорскую буржуазию, и теми, кто хотел создания и развития национальной буржуазии на базе промышленного потенциала СССР. Последние, по мнению экономиста, концентрировались вокруг Верховного Совета. В общем, при власти парламента воровали бы меньше, а с народом делились больше».

А вот мнение обозревателя газеты «Советской России» А. Фролова: *«Существовал ли мирный выход? На мой взгляд, его уже не было. Поэтому трудно согласиться с теми, кто характеризует сам факт этой гражданской мини-войны как великую трагедию общественного раскола. На деле большая трагедия заключалась в том, что в этот раскол не были втянуты широкие народные массы. Если бы она завершилась победой народа, совокупные жертвы, понесенные Россией в течение прошедших двадцати лет, были бы на порядок меньше. Пугать гражданской войной против паразитов в момент, когда она уже идет, – моральная и политическая ошибка. Черный октябрь был не началом, а последним сражением гражданской войны».*

Мнений много... Меня на «Ток-шоу» заинтересовало выступление А. В. Руцкого. Ему Соловьёв дал слово первому. Начал Руцкой с того, что президент Ельцин и правительство были окружены огромным количеством иностранных советников, многие из которых были представителями ЦРУ США, и с такой властью он иметь дела не хотел (передаю общий смысл). В ответ шум и абстрактные реплики. Далее эту тему никто не продолжил, даже сам Руцкой. Похоже, что на эту тему до сих пор наложено табу.

Вот «покаяние» известного сатирика: *«Михаил Задорнов: «До 1993 года я верил Ельцину»...*

«Я октябрьские события хорошо помню. Я был на гастролях на Дальнем Востоке и, когда услышал о танках, я бросил всё, хотя у меня оставалось еще пять концертов, и полетел в Москву – мне стыдно сейчас об этом говорить – спасти Ельцина! Я считал, что социализм надо строить только демократическим путем. Но это были псевдодемократические убеждения. Я изменил свои взгляды.

И после 93-го года не имею никаких отношений ни с демократичными политиками, ни с торговцами. Я у Ельцина увидел окружение, которое совершенно не заморачивалось идеями о том, чтобы народ жил лучше. Всё, что они гребли – гребли под себя.

Поначалу события в Москве казались мне каким-то шоу. Всюду были расставлены камеры. Да, я заблуждался, но это были, скорее, заблуждения

романтика, а не дурака. Каждый человек, который верит, немножко романтик».

Да, действительно, иностранные журналисты в прямом эфире показывали на весь мир происходящее вокруг Дома Советов. По похожему сценарию в начале апреля 1973 года началась операция по свержению социалистического правительства в Чили. Соединенные Штаты объявили войну правительству Сальвадора Альенде.

Не решился бы Б. Ельцин на такие кровавые события без полного одобрения США и, думаю, разработанного в ЦРУ чёткого плана действий.

Писатель Сергей Шаргунов, тринадцатилетний участник октябрьской «революции», автор романа «1993 год – о человеческих и политических трагедиях 20-летней давности», отвечает на вопросы журналиста:

«В 92-м году именно Верховный Совет остановил начало военных действий в Чечне, именно депутаты проголосовали против войны. У нас не было единоличной власти, у нас и парламент тогда решал, что очень важно. И когда все уже было готово для начала боевых действий, парламент проголосовал против. Это первый момент. Второй – никто не скрывает, что конкретно Билл Клинтон был сторонником, как роспуска Верховного Совета, так и начала чеченской войны. Это был, по сути, такой пиночетовский сценарий, с массовыми расстрелами мирных людей. И Андрей Козырев в значительной степени лоббировал эти решения. Это рассказывали свидетели, очевидцы. Понятно, что с тем же Дудаевым можно было договариваться, он сам предлагал. Но Чеченская война - это уже 94-й год, когда Руцкой с Хасбулатовым уже ни на что не влияли».

Много говорили на «Ток-шоу» о том кто первым начал стрелять:

«Председатель Комитета по международным делам Верховного Совета РФ И. И. Андронов на встрече с министром–советником посольства Соединенных Штатов Америки в Москве Луисом Сэлом: «Вокруг Белого Дома были посажены снайперы, которые стреляли по нам и наступавшим на нас армейским и милицейским частям, для того чтобы разжечь обе стороны и бросить их друг на друга. Я не буду рассказывать вам то, что уже опубликовано. Что эти снайперы приехали сюда, первая партия, 17 сентября с Кипра, вторая партия 27 сентября прилетела в Шереметьево. Встречал их господин Коржаков, начальник охраны президента, он же получил для них снайперские винтовки. Снайперы были рассажены на крышах и после кровопролития уехали из Москвы» («Московский апокалипсис». Москва, 1996, АО «Диомант» СВ», стр. 30)

Но почему-то не затронули роль подразделения антитеррора "Альфа", а ведь благодаря позиции, занятой командиром «Альфы», остались в живых почти все депутаты Верховного Совета. Подразделение «Витязь» отказалось участвовать в штурме, и впоследствии было расформировано. Большинство погибших – это люди, пришедшие защищать Советскую власть.

Подвожу итог телевизионной передачи её ведущим В. Соловьёвым в моём пересказе. Через 20 лет мы имеем вертикаль президентской власти с почти неограниченными полномочиями президента и полностью подконтрольную Думу.

И мнение писателя Сергея Шаргунова:

«Мне кажется, что происходящим в России, нынешней ситуацией, системой недовольны все силы и слева, и справа. Пораженная коррупцией, безвольная и спекулирующая на настроениях людей система, вызывает отторжение практически у всех. Проблема в беспочвенности нынешней системы, в ее паразитарном характере, когда она пытается заигрывать с любыми настроениями любых людей, используя полит-технологические методы, лишь бы это было ей выгодно, лишь бы это можно было употребить для упрочения системы».

Чем я жил после событий 1993 года?

Наиболее удачные разработки измерительных датчиков.

Прежде всего, это попытки разобраться в событиях, происходящих в стране и в мире. Публикации в газетах, передачи на телевидении, книги. Интернет вошёл в мою жизнь после 2006-го года. На определённом этапе из всех выходивших газет я выделил «Советскую Россию» и сейчас считаю её по-настоящему народной газетой – печатающей наиболее правдивые статьи, помогающие людям попросту жить. Я написал заявление о выходе из КПСС. Я просто понял, что быть членом партии – нужно полностью отдавать себя работе по продвижению идей партии в массы. В КПРФ я не вошёл, но долго ещё на выборах был наблюдателем от компарии.

Статья «О сумме истории». Максим Кантор *«о призраке, которого боятся, ведь однажды он обретет плоть».*

«Что человек, когда он занят только сном и едой? Животное, не больше», — сказал однажды Гамлет. Что надо добавить к этим занятиям, чтобы перестать быть животным? Смотреть на инсталляции, играть на бирже, посещать курорты? Спектр занятий современного человека на удивление узок — Гамлет был бы разочарован».

Нас усиленно стали приучать к мысли, что главное в жизни – деньги.

«Очень трудно отказаться от стяжательства, особенно когда многие «мудрецы» утвердили, что именно рынок есть основа прогресса. Рынок ведет к прогрессу, а прогресс движет историю — вот и все, какие еще вопросы? Однако мир треснул, и вопросы появились».

Я всегда считал, что деньги в жизни не главная ценность. А вот творческая работа на благо страны и своей семьи – жизненная необходимость. Разработка датчиков меня по-настоящему увлекла. О трёх серьёзных разработках я далее напишу.

Первая разработка.

Из рекламного проспекта ТОО «Маркетинг-Сервис»,
(фирма основана в мае 1994 года):

«Основное направление деятельности фирмы – разработка и производство контрольно-измерительной аппаратуры на основе микропроцессорных систем.

Разработанные фирмой комплексы предназначены для измерения и регистрации уровня жидкости и величины давления газов в затрубном пространстве, для динамометрического контроля работы добывающих скважин и других нестандартных средств измерения.

Фирмой разработан и запущен в серийное производство аппаратно-программный комплекс МС117 с накладным датчиком, который используется для оперативной регистрации динамограмм работы штангового насоса. Накладной датчик устанавливается на устьевом штоке и не требует разгрузки штанги.

Отличительные особенности накладного датчика:

- питание от блока регистрации;
- встроенный электронный блок сопряжения с переносным компьютером или блоком регистрации».

Это было продолжение работы, начатое ещё с фирмой «Квантор». Тогда были наработаны экспериментальные образцы накладного датчика, устанавливаемого на полированный шток, измеряющие удлинение-сжатие полированного штока при изменении нагрузки. Образцы получились работоспособными, но малопригодными в эксплуатации. Дальнейшая разработка шла по измерению изменения диаметра полированного штока. Таким датчиком комплектовались американские измерительные комплексы. Вначале был опробован сам метод (с моими ограниченными возможностями).

Диаметр полированного штока применялся в зависимости от типа скважин от 28 до 36 мм. В среднем при изменении нагрузки от 0 до 10 тонн диаметр штока изменялся всего на 6 микрон. Реальное изменение нагрузки при работе «качалки» было не более одной тонны. Немного придало мне уверенности в работе знакомство с конструкцией поломанных американских датчиков. Это была обыкновенная трубочина из закалённой стали, ослабленная в её наиболее жёсткой части. Вот на этих утоньшениях и был наклеен тензомост. Повторить конструкцию? Можно, но тоже не просто. Думаю, что база предприятия, на которой создавался американский датчик, была во много раз лучше оснащена, чем моя мастерская. К тому же, американский датчик требовал при эксплуатации специалистов высокой квалификации, которой у наших техников-операторов не было. Поэтому и датчики быстро выходили из строя. Я решил применить вместо стали высокопрочный алюминий. Изумительный материал. По своим прочностным характеристикам он не уступает среднелегированной стали, не требует дополнительной термообработки, легко обрабатывается и коррозионностоек. Разница в линейном расширении при изменении температуры между алюминиевым корпусом датчика и стальным полированным штоком оказалась не важна. Слишком мало время одного цикла работы насоса.

А когда я познакомился с различными типами датчиков, выпускаемых на советских радиозаводах, основная концепция решения проблемы сразу возникла в голове. Это самая большая награда для человека, занимающегося творческой работой. Ты уже чувствуешь, что на правильном пути, работы ещё будет много, но это уже дело техники.

Динамограф MS-117

Выпускаемая продукция фирмы Маркетинг-Сервис:

1. Диагностические аппаратно-программные комплексы, в состав которых входит:
 - микропроцессорный блок регистрации;
 - комплект устройств регистрации эхограмм;
 - комплект устройств регистрации динамограмм.
2. Программное обеспечение для интерпретации эхограмм и динамограмм.
3. Передвижные лаборатории для глубоких исследований.

MS

ТОО Маркетинг-Сервис
научно-производственная фирма
423827, Республика Татарстан
г. Набережные Челны, Московский пр., 140А
тел. (8552) 59-94-08, 59-44-05
факс (8552) 59-37-98
msmikon@chelny.rosnet.ru

ДИНАМОГРАФ MS-117

НОВИНКА

MS

Это был датчик для измерения малых весовых нагрузок. В нём были сконцентрированы самые последние достижения многих областей науки и техники Советского Союза. Думаю, что эти датчики были вполне конкурентные на мировом рынке. И если мы могли создавать такие

датчики и много чего другого, то суть не в плохой советской системе, а в успокоенности её руководства, а потом и прямого предательства (небольшое отклонение от темы). Мне стало понятно, что этот датчик можно использовать как чувствительный

ТОО «Маркетинг-Сервис» основан в мае 1994 года.

Основное направление деятельности фирмы — разработка и производство контрольно-измерительной аппаратуры на основе микропроцессорных систем.

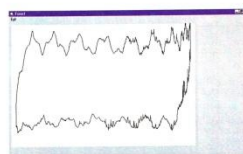
Разработанные фирмой комплексы предназначены для измерения и регистрации уровня жидкости и величины давления в затрубном пространстве, для динамометрического контроля работы добывающих скважин, гидродинамических исследований скважин и других нестандартных средств измерения.

Фирмой разработан и запущен в серийное производство аппаратно-программный комплекс MS117 с накладным датчиком, который используется для оперативной регистрации динамограмм работы штангового насоса. Накладной датчик устанавливается на устьевого штока и не требует разгрузки штока.

Отличительные особенности накладного датчика:

- питание от блока регистрации;
- встроены электронный блок сопряжения с переносным компьютером или блоком регистрации.

Диапазон измеряемых нагрузок, кг... 10 000
Основная погрешность измерения нагрузок, %... 2,5
Диапазон измерения хода штока, м... 0,8 - 4,0
Диапазон измерения числа качаний, 1/мин... 1,5 - 30
Ток потребления от внешнего источника при 5В, мА... 24
Габаритные размеры, не более, мм... 100x100x11
Вес, не более, кг... 0,6

Наша продукция с успехом применяется на предприятиях нефтяных компаний: **Татнефть, Когальнефть, Пермнефть, Удмуртнефть, Оренбургнефть, Юганскнефть, Булгарнефть, Татнефтьпром, Татойлгаз**, а также на других нефтяных предприятиях ближнего и дальнего зарубежья.

Фирма предлагает услуги по комплексному решению Ваших проблем в области приборостроения для нефтегазовой промышленности.

элемент в моём датчике измерения изменения диаметра полированного штока, поскольку выходной штоков в датчике веса перемещался при номинальном весе на 250 микрон, и его можно было использовать как датчик перемещения. Все нюансы работы конструктора-исследователя очень интересны, но заняли бы много места. Это как в скульптуре. Берётся глыба мрамора и отсекается от неё всё лишнее — на выходе получается произведение искусства. Даже передача измеряемого перемещения к штоку чувствительного элемента с увеличением в пять раз, была сделана фрезеровкой корпуса. А в корпус в местах

соприкосновения с полированным штоком были запрессованы ролики от подшипников, применяемых на камазовских двигателях. И прижимной винт оригинальной струбцины заканчивался шариком от подшипника. Разработчики электронной схемы предусмотрели три светодиода для облегчения работы оператора при установке изделия на полированный шток.

Когда фирма впервые показала этот измерительный комплекс на выставке «Нефти и газа» в г. Уфе, куда взяли и меня, наши конкуренты удивлялись: «Ведь год назад, когда мы с вами общались, не было даже намёков на такую разработку». Душу мою такая оценка проделанной работы грела. Участие в патентовании датчика меня совсем не интересовало – одна суета. Оплата повременная – на уровне моей зарплаты, получаемой в НТЦ. И меня это вполне устраивало. Я убеждён, что внутри социалистического государства многое должно решаться иначе, чем в капиталистическом государстве, вот только нельзя успокаиваться, и все возникающие проблемы и, тем более, противоречия необходимо решать с помощью науки и профессионалов, с опережением, не успокаиваясь на достигнутом результате и не оставляя потомкам. Но это уже другая тема.

Как-то Дорофеев сказал, что при разговорах с заказчиками, обсуждая необходимость новых разработок, он всегда сообщал, что с ним работает Г. К. Марача, который может сконструировать любой датчик.

У меня однажды спросили: «Кто делал расчёт корпуса датчика»? А расчёт никто не делал... На этом этапе жизни и творчества приходилось работать кустарём-одиночкой, хотя мне всегда больше по душе была коллективная работа. Создавался макет. Проводились его испытания. На основе результатов испытаний производились доработка и изготовление нового макетного образца. Делал я и расчёты, но только самые простейшие.

Приходилось вникать в смежные области, необходимые для изготовления опытных образцов датчиков. К счастью, почти все корпуса датчиков имели небольшие размеры, и поэтому оснастка для мехобработки деталей и испытаний, муфельная печь для термообработки, изготовление пресс-форм для штамповки деталей и вулканизации и многое другое изготавливались в моей же мастерской.

Второй датчик – накладной датчик измерения силы на тросе грузоподъёмного механизма.

В частных фирмах тоже бывали периоды безденежья. В такой период я пришёл в фирму МС к Панову. Он попросил меня обсудить возможность нового направления работ, не связанного с Дорофеевым. Речь шла о силоизмерительных датчиках, устанавливаемых на трос грузоподъёмного механизма, разработанных и изготавливаемых в г. Перми. Выпущено этих датчиков было много, и они периодически выходили из строя. Фирма неохотно занималась их ремонтом, так как выгодней продавать новые датчики. Панов предложил мне вникнуть в конструкцию датчика и в возможность организации их ремонта. А он организует доставку неисправных датчиков для ремонта. Мне

предлагался другой вид деятельности. Не разработка, а ремонтное производство. Я взял для изучения два неисправных датчика с обещанием подумать над предложением. Я в это время ещё работал на заводе. Переходить в фирму Дорофеева я не хотел.

Изучение изделий, разработанных и изготовленных другими людьми в твоей области деятельности, очень полезно. Опытному профессионалу сразу стали видны слабые места в конструкции и технологии изготовления датчика.

Коротко суть датчика. Стальной пруток, на концах которого приварены стальные пластины. В пластинах с одной стороны выполнена расточка по диаметру троса. Такая конструкция накладывается на трос, который в свободном состоянии находится на некотором расстоянии от прутка и параллельно ему. Затем специальной струбциной трос притягивается к центру прутка. В результате трос становится изогнутым. При увеличении нагрузки на трос он, пытаясь выпрямиться, изгибает стержень. Стержень рядом с его центральной частью протачивают, и на это ослабленное место наклеивают тензомост. А далее сложная система герметизации тензосхемы и вывода к разъёму проводов. Прошу прощения у людей далёких от области разработки датчиков, если не всё понятно.

Сразу возникло желание изготовить конструкцию из бруска металла, удалив из него всё лишнее, а в принципе измерения уйти от деформации на изгиб к деформации на срез. Такие изменения делали датчик лучше по всем параметрам. Улучшалась метрология, устойчивость к перегрузкам, надёжность и простота герметизации тензосхемы. Вот только необходимость индивидуальной тарировки датчика при замене троса и частота проведения этих тарировок не изменились. Ведь трос в этом методе измерений является составной частью датчика.

Отдельной работы у меня с Пановым по ремонту пермских датчиков не получилось. А через некоторое время и сам Панов ушёл работать на Картонно-бумажный комбинат – преуспевающее предприятие нашего города. А накладной тросовый силоизмерительный датчик пошёл в серию. И вот с этого времени я переключился, в основном, на серийную работу. Это произошло за два года до моего выхода на пенсию.

Корпус этого датчика тоже создавался методом постепенного приближения, пока пошёл в серию. Только через меня и моих временных помощников прошло более 1500 датчиков. На определённых этапах от Дорофеева уходили люди и организовывали свои фирмы. Так образовалась фирма «Петролайн», которая вначале тоже продолжала делать тросовые датчики. Фирма из Перми подала на них в арбитражный суд с претензией, что «Петролайн» использует при изготовлении датчиков их наработки и проиграла этот суд. Удивительно, что они сами в дальнейшем почти полностью повторили мою разработку. Когда учредители «Петролайна» стали оформлять патент на этот датчик и предложили меня тоже вписать в авторы этого датчика, я отказался. Позже фирма «Петролайн» перешла на изготовление тросовых датчиков своей разработки. Я ещё долго на них монтировал тензосхемы. А потом, «по-английски», всё стали делать без меня. Я об этом не сожалел –

нагрузку мне уже нужно было сокращать. Вот только жаль было своё детище. Мой датчик далеко не исчерпал возможностей своего развития. И очень жаль, что я не смог над его совершенствованием поработать с использованием хорошей испытательной базы. В материальном плане серийная работа давала большой заработок, да и не было у моих заказчиков хорошей испытательной базы. Основным принципом работы многих таких фирм – распределение работ среди других организаций, ещё умеющих что-то делать, а далее выполнить сборку и, главное, выгодно продать.

Две фирмы – основные мои заказчики в последнее время, привозили мне слегка доработанные серийные тяги. И я на них монтировал тензосхемы. Их даже нельзя отнести к классу датчиков. Они больше подходят к классу индикаторов. И таких тяг прошло через мои руки более 3000.

Третий датчик – двухкоординатный измеритель силы для стенда испытаний шин легковых автомобилей.

К необходимости заняться этим датчиком я подключился случайно. Я пришёл к Дорофееву и, пока он был занят, подошёл к группе ребят, обсуждающих интересную конструкцию. Понять сразу её назначение было затруднительно. Подошедший Дорофеев посоветовал мужчине, возглавляющему обсуждение проблемы, подключить меня к решению этого вопроса. Так я познакомился с А. В. Курденковым и с его коллегой А. Давиденко. У них, по-моему, была своя группа, которая располагалась на одной территории с А. Дорофеевым. Ребята решали некоторые проблемы для Нижнекамского шинного завода.

В этом конкретном случае необходимо было изготовить двухкоординатный датчик силы – полный аналог датчику, стоявшему на американском стенде для испытания шин. На бегу взяться за такую работу я не мог. Два или три серьёзных института не осилили эту задачу. Повторялся случай, как и с накладным датчиком на полированный шток. Покупать у американцев запасные части очень дорого, а грамотно работать с установленными датчиками не умеем. Даже корпусную часть датчика изготовить пока не получалось.

Забрал я деформированный корпус, документацию на английском языке и через неделю, разобравшись со всеми тонкостями датчика, дал своё согласие на монтажные работы по установке в корпусе датчика тензометрической схемы. Изготовление корпусов оставалось за А. Курденковым.

Что такое аналог датчика? Если мы заменяем фирменный датчик датчиком своего изготовления, то он должен не только по геометрическим размерам полностью совпадать с оригиналом, но и по метрологическим параметрам быть идентичным оригиналу, даже по уходу чувствительности от изменения температуры.

Задачи стояли сложные и интересные одновременно. Известная поговорка: «Голь на выдумки хитра» – подходит к моей деятельности в полной мере. Балансировка моста достигалась добавкой в одно из плеч моста подобранной

по сопротивлению манганиновой проволокой. Чувствительность подгонялась впайкой в цепь питания моста специально изготовленных резисторов из тонкой манганиновой проволоки. Чтобы знать величину сопротивления резистора пришлось изготовить специальную оснастку для реального нагружения датчика с измерением нагрузки по точности, превышающей класс точности самого датчика.

Для температурной компенсации в фирменном датчике применялся никелевый фольговый терморезистор. За неимением такого пришлось расчётно-экспериментальным методом найти величину медного терморезистора, а потом отработать технологию его изготовления.

За весь период совместной работы с Курденковым было изготовлено несколько десятков датчиков. И если в нескольких первых корпусах пришлось некоторые размеры доводить вручную, то изготовленные корпуса на Ижевском машиностроительном заводе были идеальными. Этот бы опыт, да с умом, адаптировать во всей стране. Как, например, опыт народных предприятий в США. Нет, нам, чтобы мы быстрее стали исчезать, навязали изжившие в тех же США идеи Фридмана.

А мне, кроме заработка, большое удовлетворение доставило то, что ни один из датчиков ко мне не вернулся.

Наша жизнь в новом 21-м веке.

2002-й год. Мне в феврале исполняется 60 лет. Хорошее застолье,

поздравления – некоторые в стихах. Я пенсионер, здоровье ещё хорошее и нужно жить дальше. На заводе ситуация такая, что могут в любой момент отправить на пенсию. Мои возможности и способности при этом никого не волнуют. Может, я и потянул бы ещё с увольнением некоторое время, но поскольку была область для приложения своих сил, то 13 мая я уволился «по собственному желанию в связи с достижением пенсионного возраста».

В память о хорошем человеке – поздравление Коли Ядринцева:

Генадию Константиновичу Мараче в день его 60-летия.

Если б я был верховным правителем,
 Заселил бы путь Млечный Марачами.
 Перестали бы звёзды далёкие
 Беспокоить нас стонами, плачами...
 Породнил бы я веры различные
 И полил бы славянским их соусом,
 И детишек их вместе с пелёнками
 Наделил бы всевышнего голосом.
 Вся планета Земля не изведена –
 Поубавил бы мудрых в словесности:
 «Сколько надо плодить ежегодно нам?!
 Не бывать же всю жизнь в неизвестности?!»
 Государства нам чужды великие,
 Да и малые кланами полнятся...
 Мощи нам не нужны паразитные,
 Сила силу ломает – мне помнится...
 А Марача – ячейка Вселенная.
 Константин превзойдёт Константиныча!
 И умелой защите от напасти
 Своих внуков по-своему выучит.
 Ему будут чужды умиления,
 Хоть сегодня он ползает голенький.
 И Геннадий предстанет бездельником
 Перед внуком своим – трудоголиком.
 Я хочу пожелать вам с Викторией
 Больше внуков и больше понянчиться...
 Больше радостей в вашей истории,
 Больше счастья и больше ребячества!

Ядренцев Николай Васильевич. 18. 12. 2002 года.

Достаточно напряжённая работа не давала мне сильно заикливаться над проблемами страны, но и уйти от мыслей о будущем страны не получалось. Заработок позволял скромно, но безбедно жить и даже немного помогать близким людям. Приходилось жить в том времени, которое есть.

Как у поэта: Александр Кушнер. 1978 год.

«Времена не выбирают,
 В них живут и умирают.
 Больше пошлости на свете
 Нет, чем кланчить и пенять.
 Будто можно те на эти,
 Как на рынке, поменять.

*Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; я в пять лет
Должен был от скарлатины
Умереть, живи в невинный
Век, в котором горя нет.*

*Ты себя в счастливицы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?*

*Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время - это испытанье.
Не завидуй никому.*

*Крепко тесное объятье.
Время - кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас - его черты и складки,
Приглядевшись, можно взять»*

Вот и нам пришлось жить в реальном времени. Были в нём и хорошие моменты. Приобретение автомобиля – приятное событие, но из разряда обычных для того времени (были бы деньги). Ижевский автомобиль отечественной разработки с применением многих наработок мирового автомобилестроения, но без наворотов, стоил всего 2,8 тысячи \$. Средняя цена иностранных автомобилей в 2013 году в 10 раз больше. Это я к разговорам о том, что отечественные автомобили несравнимы с иностранными авто. В автомобиле была предусмотрена возможность дальнейшей и глубокой модернизации. Но через несколько лет после начала выпуска автомобиля с поэтическим названием «Ода», завод перепрофилируют на отвёрточную сборку иностранных автомобилей. Вопрос, на кого работает российское правительство, риторический.

Летом 2001-го года я поехал на ещё не обкатанном автомобиле в Мариуполь. По счастливой случайности сын в это время был у нас, и до Москвы мы ехали вместе с ним, управляя машиной по очереди. Тогда ещё не

ввели обязательного страхования автотранспорта. Сейчас нам обещают ввести обязательное страхование жилплощади. Сколько людей, ничего не производящих, на этом наживаются...

В 2003-м году, по просьбе дочери, мы совершили целый автопробег по европейской части страны, навестив многих близких людей. Так совпало, что 10-го сентября мы смогли лично поздравить мою сестру Азу с 75-летием и три дня провести в Крыму с Роней и Борей. Поскольку Вита не могла выезжать из Н-Челнов из-за родителей, мы купили видеокамеру. Эта покупка положила начало созданию любительских фильмов студии «Марача-фильм». Вита смогла виртуально быть вместе с нами. Света тоже увлеклась съёмками, и сейчас у неё получается видеопродукция высокого уровня.

Главное наше событие произошло в 2001-м году. 21-го сентября у Марины и Славы родился сын и наш внук Костя Марача. Это был год 100-летия со дня рождения моего отца – Константина Елисеевича Мороча. Очень символично. Первую свою дальнюю поездку Костя совершил вместе с родителями в Н-Челны на 90-летие Витиной мамы. Я

по такому случаю поехал

их встречать на машине в Казань. С рождением внука появилась и тревога за его будущее. Очень непредсказуем мир, в котором мы живём. Наши родители тоже волновались за детей и внуков, но это была тревога другого порядка. Ведь даже понятие «хорошее воспитание» зависит от того, для какого общества воспитывается ребёнок.

Славе в 2001-м году было 36 лет, и это, по западным меркам, для рождения ребёнка совсем мало. Там, вначале, нужно занять серьёзные деньги, а потом, может быть, подумать о ребёнке. А до этого всевозможные извращения с красивыми названиями, типа гражданских браков. А теперь весь

Запад помешался на защите сексуальных меньшинств, людей с серьёзной патологией. Создать нормальную семью становится всё труднее, как женщинам, так и мужчинам.

Я уже приводил цитату из статьи М. Кантора о современном значении работ К. Маркса и методов опровержения его выводов. Прочитую ещё одну цитату:

«Опровергнуть Маркса можно иным способом: сказать, что, хотя предназначение человека в том, чтобы стать свободной личностью, но свобода — это вовсе не то, что полагал Маркс. Таким путем пошла современная индустрия искусства и развлечений, так называемый второй

авангард, культурная инженерия, которая лепит из Homo sapiens одномерного болвана, гордо полагающего себя свободным. Этот метод испытан со времен Древнего Рима».

И ещё одна цитата о человеческих ценностях:

«Поворот к марксизму сегодня есть поворот к категориальному и — что критично важно — историческому мышлению.

В годы советского догматизма, как и в годы недавней культурной контрреволюции, употребить имя Маркса среди интеллектуалов считалось едва ли не зазорным; историческое мышление было высмеяно, категориальное полагание — опровергнуто. Требовалось интеллектуальное мужество, чтобы продолжать думать о том, что освобождение человечества — не демагогия, что помимо прогресса есть иные ценности, что свобода и права личности — не конечная цель истории».

Мнение о том, что где тепло, сытно и комфортно, там и нужно стремиться жить? Родина, жизнь предыдущих поколений – это отжившие понятия? Сразу вспоминается ответ А. С. Пушкина на письмо Чаадаева:

«Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератор — я раздражен, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

«История повторяется, Пушкин жил в то время, когда в Европе каждый год происходила революция, свержали, или убивали очередную царственную особу. Цензура тогда была в порядке вещей. И тем удивительнее ответ Пушкина на письмо Чаадаева с выводами о причине всех бед в России».

А вот размышления в стихах о судьбе современной России моего однокурсника Вани Андреева:

*Россия, родина с рожденья,
Вновь вперекос идут дела.
Века меняют поколенья,
Летит то пуля, то стрела.
О Русь, неужто пали силы
И недостаточно уж их,
Чтоб сыновей своих растила,
Не только пасынков одних.*

*Что в нашей повседневной брани
Сражаются то там, то тут,
И на земле, судьбой нам данной,
Кругом баталии идут.*

*Им непонятен глас укора,
Они, как чужеземна рать:
Луга, леса, поля, озёра
К своим рукам хотят прибрать.*

*И всё же понять должны мы вместе,
 Что жить опасно на краю
 И, как красивую невесту,
 Любить нам Родину свою!
 Чтобы душа была согрета
 И не давил нас в горле ком,
 Что нет вопросов без ответа
 И в самом сложном и в простом!
 И в кабинетах «важной» службы
 Нет места делу кувырком,
 Чтобы язык любви и дружбы
 Был нашим общим языком!* Минск. Ноябрь. 1996 год.

И прошу простить меня, но ещё цитата от М. Кантора:

«Желание российской интеллигенции пробудить в себе «русского европейца» само по себе потешно. Никто по доброй воле не желает стать инвалидом, а Европа сегодня именно инвалид. Однако стараниями прогрессивной риторики в России утвердилось желание «стать европейцами». Разумеется, под «европейцами» понимали элиту Европы — отнюдь не народ. Никто не собирался быть работающими европейцами, хотели стать паразитами, какими ухитрились быть некоторые из европейцев».

Понимаю, что цитатами, как и примерами, доказать и опровергнуть ничего невозможно, но мыслящего человека они могут заставить задавать самому себе вопрос «почему?». Почему с 1993 года прошло 20 лет посвящённых, на словах, строительству свободного демократического государства, а мы всё больше деградируем по всем направлениям. И даже сверхактивность сегодняшнего президента России больше похожа на очередную игру со своим электоратом.

3 октября 2013. Макроэкономическая секция МЭФ.

Торгово-промышленная палата РФ.

Тема: «Текущая экономическая ситуация: просчеты, выводы, решения»

«Чтобы надвигающийся кризис стал оздоравливающим, необходимо радикально изменить подходы к управлению экономикой страны. К такому выводу пришли эксперты Макроэкономической секции МЭФ, прошедшей 3 октября 2013 года в ТПП РФ. Отметим, что интерес к теме «смены экономической политики» вызвал огромный интерес общества. В зале Торгово-промышленной палаты яблоку некуда было упасть. Между выступающими возникали споры, и большинство выступлений были крайне эмоциональными».

«Валентин Катасонов, профессор МГИМО, руководитель Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова также сорвал аплодисменты зала. Ученый уверен, что Россией руководят силы извне. Поэтому правительство РФ следует называть «колониальной»

администрацией», съязвил Катасонов. Выйти из-под внешнего управления помогут следующие действия: во-первых, необходимо взять Центральный Банк под государственный контроль, во-вторых, потребуется деоффиоризировать российскую экономику, и, в-третьих, необходимо установить контроль над трансграничным движением капитала. Катасонов призвал к мобилизационной модели экономики, в связи с вероятностью мировой войны».

Вот такой анализ серьёзного профессионала и человека, переживающего за будущее России. И я убеждён, что его выводы и предложения не преувеличение.

А наша жизнь на пенсии мало изменилась. Я и перед пенсией работал больше на внешние заказы. Надежды, в связи с «перестройкой», на раскрепощение скрытой инициативы людей быстро прошли. Вспоминаю наш десант в ЦАГИ и в подмосковный Калининград (будущий Королёв). Нас познакомили практически со всеми областями их деятельности. Совсем недавно удачно слетал в космос в автоматическом режиме советский «челнок» «Буран». *«Буран» — орбитальный корабль-космоплан советской многоразовой транспортной космической системы (МТКК), созданный в рамках программы «Энергия — Буран». Один из двух реализованных в мире орбитальных кораблей МТКК, «Буран» был ответом на аналогичный американский проект «Спейс шаттл». Свой первый и единственный космический полёт «Буран» совершил в беспилотном режиме 15 ноября 1988 года. Ведущий разработчик МТКК «Буран» — Глеб Евгеньевич Лозинский».*

В ЦАГИ нам рассказали о последних наработках в области активной диагностики ресурса агрегатов и узлов авиационной техники, позволяющей увеличить время замены этих агрегатов с одновременным увеличением надёжности. Мы общались с людьми, вложившими свои знания и труд в чудо-технику. И они хотели подключиться к решению проблем на наших автомобилях. Я ознакомился почти со всеми наработками по датчикам, применяемым в авиационной и космической технике.

Ещё не улеглась в сознании людей боль о землетрясении в Армении. Работниками Космического института была разработана, по своей инициативе, методика предсказания землетрясений в мировом масштабе. Для этого требовалась договорённость с рядом стран о размещении на их территории измерительных комплексов, передающих через спутники информацию измеренную датчиками. Но у предателя-недоучки Горбачёва были совсем другие планы. Такое международное сотрудничество ему было не интересно.

Вот и пришлось налаживать простейшее производство в собственном гараже. Но даже такая работа была для меня спасением. Всё-таки не дворником и не продавцом на рынке. Мелкий ремонт автомобилей тоже не подарок для пенсионера. В обычном полуподземном гараже (площадь 3,5х6 метров) разместились три сушильных шкафа, токарно-фрезерный станок, компрессор и два рабочих места для монтажа тензосхем. По углам и стенам находилось оборудование для трех видов сварки и деревообрабатывающий станок. А также

множество различного инструмента и приборов. Ещё находился автомобиль, а вверху, подвешенный к потолку, недоделанный веломобиль для двух человек. И некому сейчас это богатство наследовать. При необходимости автомобиль перемещали за пределы гаража и освобождали центр гаража для различных экспериментов. Зимой гараж-мастерская обогревается от теплоцентрали города.

В остальном, внешне всё оставалось, как и раньше. Домашние заботы. Две квартиры. Одна наша и вторая родителей, в которой теперь живёт Света. В 2009-м году она вышла замуж. Изредка мы ездим через Москву в Украину, навещая своих друзей и родственников, часто со Светой. Иногда эти поездки совмещаются со встречами с однокурсниками. И тогда получается настоящий праздник. Всюду я вожу видеокамеру, и после таких поездок получается хороший видеофильм.

Встреча групп АП-10Б и АП-10В в 2000 году. 35 лет как мы инженеры.

Вначале я создавал фильмы на «DVD Recording», а позже начал осваивать компьютерную программу «Pinnacle Studio». Я думал, что мне уже не придётся всерьёз осваивать компьютер, но, когда Света с мужем решили ехать на Кипр с желанием попробовать там начать совместную жизнь, мне и Вите пришлось осваивать компьютер. Наши оба ребёнка всерьёз обеспокоились необходимостью современной связи с нами. Так я стал ещё и добровольным видеолетописцем встреч наших двух студенческих групп.

К сожалению, видение преобразований, происходивших в Украине и России, у большинства людей и даже моих однокурсников, разное. Казалось бы, все мы прожили приблизительно одинаковую жизнь, а взгляды иногда кардинально разные. Считаю, что главную роль в этом сыграла агрессивная манипуляция сознанием, использующая действительно существовавшие недостатки советского общества. Противостоять профессиональной манипуляции сознанием чрезвычайно сложно, глубоко анализировать суть происходящего большинству людей не хочется. А во-вторых, люди с очень активной жизненной позицией действительно убеждены, что не будь коммунистического эксперимента, они смогли бы стать богатыми людьми.

Разрушение СССР сразу заставило думать Толю и Марину Семенцовых о переезде из их города ближе к детям. Сын Витя служил под Ленинградом, а муж дочери Наташи перешёл служить в армию Украины. При новых реалиях и приближающемся выходе на пенсию из Красноярского края в Харьков ездить проблематично. Вот они и выбрали местом жительства Белгородскую область.

Семьдесят километров до Харькова и прямой поезд в Ленинград и Кандалякшу.

При перегоне машины Семенцовы заехали в Набережные Челны.

Но ещё до переезда Толя попробовал заняться предпринимательством в своём городе. Появилась идея организовать при их космической фирме предприятие по переработке шкур животных. В СССР это направление деятельности действительно было слабо развито. Было непонимание такого поступка Толи у его прямого руководства. Но мой друг всегда умел добиваться решения поставленной цели (по крайней мере, в советское время). Предприятие просуществовало недолго, и это обстоятельство ускорило сроки переезда. Толя поехал на новые места за несколько лет до выхода на пенсию. Марина переехала к мужу после её выхода на пенсию.

Приобретённый дом и построенный Семенцовыми.

Переезжали в сельскую местность с огромным желанием обустроиться с размахом. Толя по железной дороге отправил в Белгород пять пятитонных контейнеров со стройматериалами. Не буду рассказывать обо всех проблемах в осуществлении мечты моего друга. Но ему удалось немного поколебать известную поговорку: «Трудом

праведным не наживешь палат каменных». Возможно не «палаты», и не дворец современных миллионеров, но усадьба Семенцовых впечатляет. И это всё своим трудом, на современные пенсии и накопления советского периода, которые больше чем наполовину пропали. Моя Вита говорит, что для этого нужно быть Семенцовым.

В 2006 году мой друг Толя Семенцов собрался поехать на свою родину в город Кадалакшу. *«Город расположен на побережье Кандалакшского залива Белого моря, в устье реки Нива, в 200 км к югу от Мурманска».* Немного севернее полярного круга. В 25-ти км к северу, по железной дороге, находится город Полярные Зори, рядом с которым расположена Кольская АЭС. А далее, в 20-и км по ж.д., находится Африканда — военный аэродром в Мурманской области, расположенный севернее посёлка Африканда.

Вокзал в Кандалакше.

В Кандалакше живёт сестра Толи – Люба. Она на два года старше Толи. Их родители завербовались в 1934 году на работу в северный район страны, и отец Толи стал работать на сплаве древесины недалеко от Кандалакши. Из скупых нескольких фраз Толи я понял, что его родители жили до этого в Брянской области, в сельской местности. В трагическом 1933 году у них умерли все дети. Детей было много – вот, пожалуй, и всё, что я узнал о жизни родителей от Толи. Отец Толи, как и мой отец 1901 года рождения, был сразу призван в начале войны в армию и погиб в 1941 году на Северном фронте. По документам он числился без вести пропавшим. Маме Толи, не имеющей серьёзного образования, очень трудно было растить детей. По словам Толи, государство им совсем не помогало. Как отсутствие помощи было связано с формулировкой «пропавший без вести» – не знаю. Толя, вначале под руководством своей сестры, а потом самостоятельно приучился к ловле рыбы. Подростком стал самостоятельно охотиться. И это была весомая помощь семье. Я ранее рассказал, как в этот же период выживала моя мама с тремя детьми.

Мне захотелось съездить вместе с Толей на его родину, познакомиться с природой Кольского полуострова в августе-сентябре, а главное – пообщаться с другом вдали от домашних проблем. Толя встретил меня на вокзале города Кандалакша. Он приехал вечером предыдущего дня и успел немного отдохнуть. Время, послевоенное детство и широкая натура моего друга сделали своё дело. Толя пришёл на вокзал с самодельной палкой, изготовленной из молодой берёзки, красиво изогнутой у корня. У него уже были серьёзные проблемы с коленными суставами. Такая же проблема была и у его сестры Любы.

Если бы такая встреча состоялась лет на пять раньше, то Семенцов обязательно организовал бы маленький кольцевой туристский поход. А сейчас мы, предварительно познакомившись с городом, поехали на 19-й км ж. д. Кандалакша-Ковдор.

Центр города Кандалакша.

Красивая природа.

«Ковдорское железорудное месторождение — железорудное месторождение в Мурманской области России, в нескольких километрах от города Ковдор.

Открыто в 1933 году, разрабатывается с 1962 года.

Руды в основном представлены магнетитом, находящимся совместно с апатитом и оливином (форстеритом), преобладают руды с небольшим содержанием кальцита и флогопита. Часто встречается бадделейт, а также многочисленные редкие коллекционные минералы, из них 6 (ковдорскит, гирвасит, ёнаит, римкорольгит, красновит и стронциовитлокит) больше не встречаются нигде в мире. В 1960 году В. И. Терновым было открыто флогопитовое месторождение, ставшее крупнейшим в мире. Его разработка была начата в 1965 году. Местами встречается хризолит (драгоценная разновидность оливина). В кальцитовых породах отмечены находки демантоида (зелёного граната).

Месторождение разрабатывается открытым способом, используется огромный карьер диаметром 2,3 км, и глубиной более 270 м. Разработку ведёт Ковдорский ГОК. Административный и промышленный центр разработки — город Ковдор».

Не удержался и привёл такую длинную справку. Какая красивая, разнообразная и богатая наша страна. Нужна самая малость, чтобы она действительно снова стала нашей, т. е. большинства людей проживающих в России. Если бы такие преобразования удалось осуществить, то реальное объединение стран исторической России стало бы неизбежным и одновременно

благом для всего остального мира. Как примитивно современное стяжательство по сравнению с такой целью...

Упомянул город Полярные Зори по той причине, что от него начинается ветка ж. д., идущая к городу Ковдор. На 19-м км пути ж. д. проходит по мосту через узкий пролив (сужение) озера Бабинская Имандра. Перед мостом поезд делает остановку. Здесь выходят любители-рыболовы и рабочие-путейцы. У рыбаков на берегу построены сооружения размером в гараж, только они в них хранят свои лодки и остальное имущество для ловли и переработки рыбы. Толя эти сооружения называл бендюжками, что означает на тюремном жаргоне – каморка, закуток.

В ста метрах от озера, по другую сторону ж. д., стояло большое строение из дерева с хозяйственными постройками, частично разобранными. Его вначале построили как контору для делопроизводства и управления лагерем с людьми, находящимися в заключении. Позже это строение передали обществу рыбаков при железной дороге. С началом перестройки строение решили приватизировать «новые русские», но рядовые любители рыбной ловли сумели его отстоять, пригрозив при другом раскладе строение сжечь. А потом и сами, не сумев между собой договориться, начали потихоньку разбирать строение для своих бендюжек. Такова реальная жизнь. Но мы ещё успели воспользоваться комнатой, когда-то закреплённой за мужем Толиной сестры, которого тоже звали Толей, по фамилии Шкода.

Толя Шкода уже был серьёзно болен (онкология), но поехал с нами, считая, что мы сами не разберёмся в его рыбацком хозяйстве. Это, конечно, повод. Человеку очень хотелось ещё раз побывать на любимом им озере. К этому времени в Кандалакшу приехал племянник Семенцова – сын Толи, тоже большой любитель северной природы и рыбной ловли. А больше всего меня поразила сестра Семенцова. Она так эмоционально рассказывала об интересных случаях связанных с ловлей рыбы, что я был поражён. Редко услышишь такие рассказы из уст женщины да ещё в возрасте 71-го года. Люба с нами не поехала – очень у неё болели колени.

Детали нашей рыбной ловли я описывать не буду. Ловля сетями больше похожа на рыбный промысел, каковым она и была для всех владельцев бендюжек. Я помогал Толе Семенцову, чем мог, и снимал прекрасную природу севера на видеокамеру в сочетании с вытаскиванием рыбы из сетей, сбором ягод и нашим бытом. Жаль, что я не взял видеокамеру, когда мы поплыли на лодке в вечернее время при серьёзном шторме. Могли получиться уникальные сюжеты, но была большая вероятность остаться совсем без видеокамеры. К тому же, два человека в лодке при работе с сетями полностью заняты делом, да ещё при такой погоде. Озеро в пяти км от нашего ангара, в ширину около двух км. В случае критической ситуации доплыть до берега можно, несмотря на прохладную воду и большие волны. Поэтому о нас я не волновался, да и некогда было. Но думаю, что спасательные жилеты нам бы не помешали.

И без этих кадров получился хороший фильм, в который вошло ещё много сюжетов, связанных с Кандалакшей, Ленинградом, посёлком Житково под Выборгом, Москвой и Набережными Челнами. Дело в том, что в Ленинграде

нас встречал не только подполковник Витя Семенцов (сын Толи), но и мой коллега Владик Ким, живущий теперь в посёлке Житково, и куда он меня увёз на своей машине. В Ленинграде живёт со своей семьёй его сын Игорь.

Из пос. Житково я, с Владиком и Надей, поехал в Н-Челны через Ленинград и Москву. Часть даров добытчика Семенцова, предназначенного для его симпатичной дочери Наташи и любимой внучки Иришки, мы вначале забрали из квартиры его сына в Ленинграде, а потом передали Наташе в Москве. В этом мне и Киму помог мой сын, прекрасно изучивший Москву.

Вернувшись после озера в Кандалакшу, мы ещё с Толей и Володей Шкодой на автобусе съездили в село Колвица специально посмотреть на мощный водопад. Красота этих мест поразительна. Невысокие, сглаженные ледниками из крепких пород горы образовали большое озеро Колвицкое. Вода всегда найдёт слабое место, чтобы вырваться на свободу. После водопада вода становится рекой Колвицей и течёт ещё около 8-ми км, переходя в Колвицкую губу, которая в свою очередь плавно переходит в Кадалакшскую губу. Жители Кандалакши облюбовали это место для строительства своих дач. Состоятельные, конечно. Другие довольствуются бендюжками, маленьким браконьерским ловом рыбы, сбором ягод и грибов.

Большим подспорьем для обычных людей стал бум с приёмом черники. И, на первый взгляд, на ней можно хорошо заработать. Толя, когда узнал цены, которые платят на приёмных пунктах за чернику, был в восхищении: «Наконец-то стали ценить ручной труд!» Чернику отправляют в соседнюю Финляндию. Им проще заплатить русским людям, чем самим заниматься таким почти каторжным трудом.

Спасибо Толе, что эти мгновения были в моей жизни. Моя сестра Роня, посмотрев смонтированный мною фильм летом 2007 года (между двумя болезнями), сразу из Киева позвонила нам в Челны и, впервые, стала очень эмоционально хвалить меня за уровень операторского мастерства, достигнутый мною в этом фильме. И даже поинтересовалась музыкой, которая сопровождала съёмки несущейся воды по нескольким руслам водопада. Ушли из жизни самые близкие люди Боря и Роня в сентябре того же года, почти одновременно.

Немногим семейным парам удаётся так завершить свой земной путь. Мне очень греет душу, что я успел своим фильмом порадовать очень близких мне людей. У нас были родственные души и в понимании справедливого жизнеустройства. Жаль, что они уже не смогут прочесть эту книгу... Позднее мы нашли диск, в фильме была использована музыка Auberга – «Gigue» в исполнении любимого нами Камерного оркестра «Провинция» – гордости нашего города.

2009 год. Совместная работа с Изей и посещение Органного зала.

Немного о системе озёр на Кольском полуострове:

«Тысячи озер, соединенных короткими протоками, разбросаны среди холмов. Общая площадь системы озер в Мурманской области достигает 3-5% от всей площади.»

Котловины наиболее крупных озер, как и долины рек, связаны с тектоническими впадинами, разломами и трещинами. Такие озера имеют неровное дно с большими глубинами, мелями и островами, крутые скалистые берега и весьма прихотливые очертания берегов. Количество мелких озер огромно – их в области около ста тысяч. Реки Мурмана, текущие в твердых кристаллических породах, образуют бесчисленные перекаты и пороги, течение их очень быстрое.

Вода в реках и озерах Кольского полуострова, как и в Карелии, слабо минерализована, т.е. содержит очень мало минеральных солей. Вдали от населенных пунктов она также и довольно чистая.

Территория Кольского полуострова неоднократно покрывалась мощными ледниками, двигавшимися из Скандинавии. Последнее оледенение окончилось на этой территории всего лишь около десяти тысяч лет назад. При своем движении ледники сглаживали и отшлифовывали выступающие скалы, придавая им мягкие, округлые очертания, особенно со стороны, обращенной навстречу движущимся льдам. Такие сглаженные скалы получили название «бараньи лбы». Их можно видеть почти повсеместно».

Большие озёра в районе г. Кандалакша: Бабинская, Экостровская и Большая Имандры, соединены протоками между собой. Между Африкандой и

Полярными Зорями вся вода, собранная в этих озёрах, образует реку Ниву, на которой построено три ГЭС. Третья ГЭС находится в восьми км от Кандалакши. Большую часть сброса воды через подземный водовод вывели в Кандалакшскую губу, и последние 1,5 км она течёт в рукотворном канале. Очень огорчился Толя, что испортили такую красивую реку. Но это просто эмоции. Думаю, что для такого проекта были веские основания. Да большинство людей уже не согласятся жить без электроэнергии. Тем более, если жить не хватательными рефлексам, а по уму, то всегда можно многое изменить с учётом новых реалий и на основании научных исследований.

К сожалению, мои попытки прояснить с другом текущие политические реалии в стране и в мире и, особенно, в понимании советской истории, ни к какому прояснению разных взглядов на большинство событий не привели... Древний закон – «разделяй и властвуй», которым пользовались многие правители, работает и сегодня. Главными инструментами такой политики остаются национальные вопросы в связке с религиозной подпиткой и подсовыванием ложных ценностей. Хорошо, что на отношения в человеческом плане наши разногласия в области политики не повлияли. Вот только проблемы, связанные с возрастом, не позволяют нам сейчас встречаться чаще. Как у Ю. Визбора: *«Связал нас черт с тобой, связал нас черт с тобой, связал нас черт с тобой веревочкой одной».*

И всё-таки мы вместе с Витой стараемся навещать близких людей. В начале 2007 года я был у Семенцовых один и собирался навестить родных людей в Украине. Но пришлось срочно возвращаться домой. Умерла мама

Виты. Быстро и легко. Почти как в знаменитом стихотворении Ивана Тхоржевского:

*«Лёгкой жизни я просил у бога:
Посмотри, как мрачно всё кругом.
Бог ответил: подожди немного,
Ты меня попросишь о другом.
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Лёгкой жизни я просил у бога,
Лёгкой смерти надо бы просить».*

В апреле мы поехали через село Головино в Белгородской области, где живут Семенцовы, в Киев. Там очень сложная ситуация со здоровьем у Рони и Бори. Боря нас ждал, как самых дорогих гостей. Даже сам приготовил обед. К Роне мы ездили в больницу. И это большое счастье – успеть пообщаться с близкими людьми в конце их жизни. В критический момент Вита была в Киеве без меня. Работа не позволила мне поехать.

В конце ноября мы снова в Головино. На этот раз мы приехали поздравить нашего друга Семенцова с 70-летием. И, как всегда, я был в роли видеооператора.

В 2000-м году – очередная встреча однокурсников в Харькове. Встреча, на которую смогла приехать и Лена Хрони. Мы после кафе, где все имели возможность рассказать о своей жизни, идём потихоньку в сторону парка Шевченко. Собеседницей у меня оказалась Лена. Вернее, это был больше мой монолог о политической ситуации в России и Украине. Она очень внимательно меня слушала, изредка вставляя свои мысли.

Юра Пестов

В конце нашего общения сказала: «Вот бы тебя послушал мой Хрони». Меня редко кто-нибудь так долго слушал, тем более женщина, и о политике. Отложился в моей памяти этот разговор.

На встрече в 2005-м году, когда на природе заговорили о Лене, я вспомнил о нашем с ней разговоре и добавил, что даже влюбился в неё. Как и в прошлые разы, встреча была заснята на видеокамеру. И после, смонтировав фильм, я занимался рассылкой дисков.

В 2009-м году возникло желание съездить в Минск, в гости к Лене и Толе Хрони. Тем более, что по пути в Минск ещё есть Смоленск, где жил Юра Пестов. Он по состоянию здоровья не был на последних двух встречах. Поездка наша состоялась в декабре 2009-го года и получилась очень душевной. С Юрой это была последняя встреча, и поэтому она особенно дорога нам.

А Лена и Толя стали мне и Вите настоящими друзьями. Очень хотелось бы ещё раз побывать в Белоруссии, подышать её воздухом в прямом и переносном смысле. В единственном государстве на постсоветском пространстве, где не только ничего не разрушили советского, а ещё и приумножили общий потенциал страны с учётом современных реалий. И, конечно, лично пообщаться с Леной и Толей. А в Минске ещё живут мои однокурсники Юра Дибров и Роман Чесноков.

Фильм о поездке, куда вошла ещё съёмка посещения мной, Витой и Костей предновогоднего Кремля и Красной площади, быстро распространился среди наших однокурсников, чему мы были очень рады.

В Харькове состоялись ещё две встречи однокурсников в 2010-м и 2012-м годах. Ряды наши потихоньку тают. Грустно и больно, особенно для людей, проживших 50 лет в согласии и оставшихся без второй половины. Но так устроена жизнь. Больно ещё и оттого, что люди уходят с тревогой за будущее остающихся, близких им людей. Тревога есть даже у тех людей, которые, вроде, «ухватили бога за бороду» в материальном плане. Мы до начала разрушения советского жизнеустройства могли критиковать и даже ругать многие имевшиеся недостатки в СССР, но серьёзной тревоги за судьбу страны у большинства людей не было.

В 2012-м году я неожиданно встретился в Мариуполе с одноклассниками.

Во время моих приездов в Мариуполь я даже не думал о такой встрече. Обычно я навещал своего друга Гену Шабанова. С появлением у нас компьютера после освоения программы Skype у нас появилась возможность более регулярного общения. Я узнал, что силами энтузиастов с активным участием Клавы Елисейевой, в школе были организованы две встречи моих соучеников. Я расшевелил Гену Шабанова и Клаву Елисейеву (сейчас Панфилову) и, на

удивление, встреча состоялась. Ведь прошло 54 года! Я очень благодарен одноклассникам, пришедшим на встречу, и они, по-моему, тоже были рады отвлечься от повседневных забот. Украшают жизнь такие события, вот только будет ли продолжение общения?

Моя работа над книгой – это как будто вторично прожитая жизнь.

Сейчас наш внук Костя учится в шестом классе. Мы стараемся помогать детям, насколько это в наших силах. Костя три раза был у нас в Челнах на зимних каникулах и четыре раза по месяцу на летних. Развлечений у нас не очень много, но Косте нравилось. Он без уговоров приезжал, а иногда и прилетал к нам. Зимой я с ним ходил на лыжах в ближайшем парке. А в одно лето, когда

меня временно лишили прав на вождение автомобиля, мы с ним ездили на наш огород на велосипедах. Сравнивая своё послевоенное детство с детством внука, отдаю предпочтение своему детству. Мы росли в ладу с природой и понимали, что наше посильное участие в семейных делах – это нормальная обязанность. У внука эти понятия почти полностью отсутствуют. А от современного прогресса пока больше вреда, чем пользы. Влиянию, особенно на детей, средств массовой информации почти невозможно противостоять. Вот так и живём в постоянных волнениях за судьбу страны и, соответственно, за судьбу детей и внуков.

В начале 2012-го года я всё-таки решился писать эту книгу. Вначале попробовал узнать мнение знакомых мне людей о своих литературных способностях, написав рассказы для Кости «Гена и велосипед». Большинство людей, прочитавших рассказы, их одобрили и даже нашли в них много параллелей со своим детством.

В конце 2012-го года я даже решил прекратить свою трудовую деятельность в плане зарабатывания денег, чтобы высвободить время для писательского труда. Цель написания книги, которую я сформулировал в самом начале книги, оказалась достаточно сложной. Я попробовал обосновать, что Советский период – это не провал в истории России, а её взлёт и то, что Западу удалось разрушить первый эксперимент в мире, предлагавший человеческое жизнеустройство, в котором хорошо жилось бы большинству людей, не означает полной гибели этого эксперимента. Уже сейчас большое количество стран идут по этому пути, со своей спецификой. И я убеждён, что наша планета имеет шанс выжить только на пути социалистического развития. Думаю, что и в России должны найтись силы для поворота на этот путь, с учётом сделанных ошибок в самой России и накопленного опыта других стран.

Эпилог

Эта книга, ещё не отредактированная, разошлась среди моих родственников и близких для меня людей. Есть отзывы и комментарии. Сейчас ещё рано делать выводы по отзывам, из которых стало понятно, что нужно более конкретно высказать своё мнение о возможных действиях патриотов России для постепенного подъёма страны из того упадка, в котором мы находимся.

Читая различные статьи о современной адской кухне мировых процессов в политике, экономике и экологии, приходишь к выводу, что миру нужна сильная Россия, чтобы и сам мир выжил на нашей планете. Но сегодняшние правители России, похоже, делают почти всё, чтобы мы не возродились. А заражение бациллами либерализма и личного обогащения почти неизлечимо. Можно прочитать статью Елены Лариной, стратегического аналитика: «Хрен и редька или раскол элит».

<http://www.intermonitor.ru/elena-larina-strategicheskij-analitik-xren-i-redka-ili-raskol-elit/#respond>

А что делать? Да задуматься, наконец, что рыночные отношения всегда были обманом, а сейчас их почти совсем нет. Стране нужно кардинально менять курс, переходя на мобилизационную экономику и новую индустриализацию. Но ведь сегодняшняя власть, при всей патриотической риторике, на это не пойдёт. Нужна консолидация настоящих патриотов. Сложно это сделать, но другого пути нет. Думаю, что объединяющим ядром должна стать КПРФ. Наконец Коммунистической партии удалось запустить телеканал в Интернете. Достаточно набрать в поисковике «КПРФ Красная линия» и можно посмотреть не шоу с балаганом по телевизору, а спокойные размышления о проблемах нашей страны и наработках по их решению. Очень много можно узнать о братской Белоруссии, где действительно президент работает на благо большинства людей в стране.

Вспоминаю утверждения А. Зиновьева, что Запад набрал такую огромную силу, что противостоять ему невозможно. Но в двухтысячном году он стал доверенным лицом Г. А. Зюганова на выборах президента.

Подтолкнула меня к написанию эпилога замечательная статья патриота России и замечательного учёного-экономиста:

СТАЛИНСКАЯ ЭКОНОМИКА

«Советскую модель можно уподобить громадной корпорации под названием «Советский Союз», которая состоит из отдельных цехов и производственных участков, которые работают для создания одного конечного продукта.»

В.Ю. КАТАСОНОВ *Сегодня у нас господствует «плюрализм» мнений. Может быть, кто-то видит какие-то изъяны в советской модели, и ему больше нравится модель «рыночной экономики». Но вот что удивительно: сегодня 99,99 % всей информации, относящейся к категории*

«экономической», посвящено «рыночной экономике». Оставшиеся 0,01% информации имеет отношение к советской модели. Но при этом в сообщениях, статьях и книгах нет подробного описания указанной модели, всё ограничивается беспредметной «критикой» и традиционным выводом: это «административно-командная экономика». Никаких вразумительных определений «административно-командной экономики» нет, за исключением того, что это экономика, противоположная «рыночной экономике». Кажется, автором этого штампа стал на заре «перестройки» экономист Гавриил Попов, один из наиболее рьяных «рыночников». «Административно-командная экономика – что-то типа приговора, который обоснованию не подлежит. Думаю, что замалчивание темы «советская модель экономики» объясняется очень просто: серьезный сравнительный анализ двух моделей крайне невыгоден тем, кто продвигает идеологию «рыночной экономики». Такова информационно-пропагандистская политика «Вашингтонского обкома».

Об «экономическом чуде»

В 1913 году доля России в мировом промышленном производстве составляла около 4%, а к 1937 году она уже достигла 10%. К середине 70-х годов этот показатель достиг 20%, и он держался на этом уровне до начала «перестройки». Наиболее динамичными были два периода советской истории – 1930-е и 1950-е годы. Первый период – индустриализация, которая проводилась в условиях «мобилизационной экономики». По общему объему внутреннего валового продукта промышленной продукции СССР в середине 1930-х годов вышел на первое место в Европе и на второе место в мире, уступив только США и значительно превзойдя Германию, Великобританию, Францию. За неполных три пятилетки в стране было построено 364 новых города, сооружено и введено в действие 9 тысяч крупных предприятий – колоссальная цифра – по два предприятия в день! Конечно, «мобилизационная экономика» требовала жертв, максимального использования всех ресурсов. Но, тем не менее, накануне войны жизненный уровень народа был существенно выше, чем на старте первой пятилетки. Все мы помним известное высказывание И.В. Сталина о том, что СССР отстал от промышленно развитых стран на 50–100 лет, историей отпущено на преодоление этого отставания 10 лет, в противном случае нас сомнут. Эти слова, сказанные в феврале 1931 года, удивляют своей исторической точностью: расхождение составило всего четыре

месяца. Второй период – экономическое развитие на основе той модели, которая сформировалась после войны при активном участии И.В. Сталина. Она по инерции продолжала функционировать в течение ряда лет после его смерти (до тех пор, пока не начались разного рода «эксперименты» Н.С. Хрущёва). За 1951–1960 годы валовой внутренний продукт СССР вырос в 2,5 раза, причем объем промышленной продукции – более чем в 3 раза, а сельскохозяйственной – на 60%. Если в 1950 году уровень промышленного производства СССР составлял 25% по отношению к США, то в 1960 году – уже 50%. Дядя Сэм очень нервничал, поскольку вчистую проигрывал экономическое соревнование Советскому Союзу. Жизненный уровень советских людей непрерывно рос, хотя на накопление (инвестиции) направлялась значительно более высокая доля ВВП, чем в США и других странах Запада. Тридцатилетний период нашей истории (с начала 1930-х до начала 1960-х гг.) можно назвать советским «экономическим чудом». Сюда следует включить также 1940-е годы – период войны и экономического восстановления СССР. Наша страна сумела победить Гитлера и всю гитлеровскую коалицию. Это была не только военная, но и экономическая победа. В период восстановления страны после войны мы сумели быстрее европейских стран вернуться к довоенному уровню, а также создать «ядерный щит», который был жизненно необходим стране в условиях объявленной Западом холодной войны. В 1960-е годы мы начали терять ту экономическую динамику, которая была создана в предыдущий период. А с середины 1970-х годов стали наблюдаться признаки так называемого застоя, утраты внутренних источников развития, которые камуфлировались неожиданно «обвалившимися» на нашу страну нефтедолларами. С середины 1980-х годов началось прикрываемое лозунгами «перестройки» разрушение остатков той модели экономики, которая была создана в годы «экономического чуда».

«Сталинская экономика» – табуированная тема

Я не первый, кто обращает внимание на «экономическое чудо Сталина». Объясняя его, авторы справедливо подчеркивают, что была создана принципиально новая модель экономики, отличная от моделей «рыночной экономики» Запада (капиталистическая модель экономики). Первые годы советской истории – «экономика военного коммунизма» (1917–1921 гг.). Это особая модель, которая не имеет ничего общего с «рыночной моделью» (более того, ее называют антиподом рынка). Но ее нельзя назвать и советской. Некоторые авторы по недоразумению или сознательно пытаются поставить знак равенства между «экономикой военного коммунизма» и «экономикой Сталина». Элементы модели «рыночной экономики» имели место лишь в начальный период истории СССР (период НЭПа: 1921–1929 гг.) и в завершающий период («перестройка» М.С. Горбачёва: 1985–1991 гг.). То есть в чистом виде получается около полутора десятилетий. Если персонифицировать данную модель, то ее можно

условно назвать «экономикой Н. Бухарина – М. Горбачёва». Напомню, что в 20-е годы Николай Бухарин считался идеологом партии и ратовал за построение социализма и коммунизма именно на основе рыночных принципов. Позднее он стал активным членом «новой оппозиции», которая резко возражала против модели, предлагавшейся И.В. Сталиным и его сторонниками. Еще примерно 25 лет (1961–1985 гг.) – период так называемой экономики застоя, когда рыночной модели еще не было, но советская модель медленно подтачивалась изнутри с помощью различных «частичных усовершенствований», которые не повышали ее эффективность, а лишь дискредитировали. Для того чтобы в конце существования СССР «прорабы перестройки» могли заявить в полный голос: «советская модель неэффективна – ее надо заменять на рыночную». Если персонифицировать «экономику застоя», то ее можно было бы назвать «экономикой Хрущева – Брежнева». Таким образом, из всей 74-летней истории существования СССР (с 1917 по 1991 г.) на период «экономического чуда» приходится от силы три десятилетия. Данный период характеризуется тем, что в это время у власти в стране находился И.В. Сталин. Правда, в 1953–1960 годах Сталина уже не было, но созданная им система продолжала функционировать, она не претерпела еще особых изменений. Поэтому тридцатилетний период 1930–1960 годов можно назвать «временем экономики Сталина», а экономические достижения этого периода экономическим чудом Сталина.

Суть «сталинской экономики»

Суть советской модели (1930–1960 гг.) можно свести к следующим важнейшим признакам:

- общенародная собственность на средства производства;*
- решающая роль государства в экономике;*
- централизованное управление;*
- директивное планирование;*
- единый народнохозяйственный комплекс;*
- мобилизационный характер;*
- максимальная самодостаточность (особенно в тот период, пока еще не появился социалистический лагерь);*
- ориентация в первую очередь на натуральные (физические) показатели (стоимостные играют вспомогательную роль);*
- ограниченный характер товарно-денежных отношений;*
- ускоренное развитие группы отраслей А (производство средств производства) по отношению к группе отраслей Б (производство предметов потребления);*
- сочетание материальных и моральных стимулов труда;*
- недопустимость нетрудовых доходов и сосредоточения избыточных материальных благ в руках отдельных граждан;*

– обеспечение жизненно необходимых потребностей всех членов общества и неуклонное повышение жизненного уровня, общественный характер присвоения и т.д.

Особо следует обратить внимание на плановый характер экономики. Ведь критики сталинской модели, употребляя уничижительное словосочетание «административно-командная система», прежде всего и имеют в виду народнохозяйственное планирование, которое противоположно так называемому «рынку», за которым скрывается экономика, ориентированная на прибыль и обогащение. В сталинской модели речь идет именно о директивном планировании, при котором план имеет статус закона и подлежит обязательному исполнению. В отличие от так называемого индикативного планирования, которое после Второй мировой войны использовалось в странах Западной Европы и Японии и которое имеет характер рекомендаций и ориентировок для субъектов экономической деятельности. Кстати, директивное планирование присуще не только «сталинской экономике». Оно существует и сегодня. Где? – спросите вы. В крупных корпорациях. Об этом мы скажем немного ниже. Поэтому уж если критикам «сталинской модели» полюбилось выражение «административно-командная система», то они должны также рьяно критиковать крупнейшие мировые транснациональные корпорации типа IBM, British Petroleum, General Electric или Siemens. Там в начале XXI века существует действительно жесточайшая административно-командная система без каких-либо примесей «демократии» и участия работников в управлении. В беседе 29 января 1941 года Сталин указывал, что именно плановой характер советского народного хозяйства позволил обеспечить экономическую независимость страны: «Если бы у нас не было ... планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путем, все началось бы с легкой, а не с тяжелой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с головы на ноги. Мы начали с тяжелой промышленности, а не с легкой, и победили. Без планового хозяйства это было бы невозможно. Ведь как шло развитие капиталистического хозяйства? Во всех странах дело начиналось с легкой промышленности. Почему? Потому, что легкая промышленность приносила наибольшую прибыль. А какое дело отдельным капиталистам до развития черной металлургии, нефтяной промышленности и т.д.? Для них важна прибыль, а прибыль приносилась, прежде всего, легкой промышленностью. Мы же начали с тяжелой промышленности, и в этом основа того, что мы не придинок капиталистических хозяйств. ... Дело рентабельности подчинено у нас строительству, прежде всего, тяжелой промышленности, которая требует больших вложений со стороны государства и понятно, что первое время нерентабельна. Если бы, например, предоставить строительство промышленности капиталу, то больше всего прибыли приносит мучная промышленность, а затем, кажется, производство игрушек. С этого бы и начал капитал строить

промышленность». Что касается ускоренного развитие группы отраслей А (производство средств производства) по отношению к группе трудом отраслей Б (производство предметов потребления), то это не есть лишь лозунг периода «большого рывка» 1930-х годов. Это постоянно действующий принцип, учитывая, что речь идет не об абстрактной «социалистической экономике». Речь идет о конкретной экономике СССР, который находился (и в обозримом будущем будет находиться) во враждебном капиталистическом окружении. В окружении, которое будет стремиться уничтожить Советский Союз как экономическими, так и военными методами. Лишь высокий уровень развития группы отраслей А в состоянии обеспечить эффективную борьбу СССР с враждебным капиталистическим окружением. Последовательный учет указанного принципа фактически означает, что сталинская модель – модель «мобилизационной экономики». Иной быть не могло. Сталин совершенно правильно обосновал это, сформулировав следующий геополитический тезис: основным содержанием современной эпохи является борьба двух социально-экономических систем, социалистической и капиталистической. Хорошо известно (из произведений классиков марксизма), что важнейшим противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Так вот, важнейшим принципом «сталинской экономики» является общественный характер присвоения, что и снимает существовавшее при капитализме «проклятое» противоречие. Принцип распределения по труду дополняется принципом общественного присвоения. Конкретно речь идет о том, что создаваемый общим прибавочный продукт достаточно равномерно распределяется среди всех членов общества через механизм понижения розничных цен на потребительские товары и услуги и через пополнение общественных фондов потребления. Ориентация в первую очередь на натуральные (физические) показатели при планировании и оценке результатов экономической деятельности – еще один ключевой принцип. Стоимостные показатели, во-первых, были достаточно условными (особенно в сфере производства, а не в розничной торговле). Во-вторых, играли вспомогательную роль. Причем прибыль была не самым главным показателем. Главным критерием эффективности было не увеличение денежной прибыли, а снижение себестоимости продукции.

«Сталинская экономика» как громадная корпорация

Советскую модель можно уподобить громадной корпорации под названием «Советский Союз», которая состоит из отдельных цехов и производственных участков, которые работают для создания одного конечного продукта. В качестве конечного продукта рассматривается не финансовый результат (прибыль), а набор конкретных товаров и услуг, удовлетворяющих общественные и личные потребности. Показатели общественного продукта (и его элементов) в стоимостном выражении

выполняет лишь роль ориентира при реализации годовых и пятилетних планов, оценке результатов выполнения планов. За счет разделения труда, специализации и слаженной кооперации достигается максимальная эффективность производства всей корпорации. Уже не приходится говорить о том, что никакой конкуренции между цехами и участками быть не может. Такая конкуренция лишь дезорганизует работу всей корпорации, породит неоправданные издержки. Вместо конкуренции – сотрудничество и кооперация в рамках общего дела. Отдельные цеха и участки производят сырье, энергию, полуфабрикаты и комплектующие, из которых, в конечном счете, формируется общественный продукт. Затем этот общий продукт распределяется между всеми участниками производства. Никакого распределения и перераспределения общественного продукта на уровне отдельных цехов и участков не происходит, и происходить (по определению) не может. Всем этим громадным производством, обменом и распределением управляют руководящие и координирующие органы корпорации «СССР». Это правительство, множество министерств и ведомств – прежде всего отраслевые министерства. По мере усложнения структуры народного хозяйства СССР число их постоянно возрастало. В рамках каждого союзного министерства были еще подразделения, называвшиеся главками, и различные территориальные учреждения на местах (прежде всего министерства в союзных республиках). Координирующую и контролирующую роль играли такие органы, как Госплан СССР, Минфин СССР, Госбанк СССР и некоторые другие. Они также имели свою территориальную сеть, в том числе ведомства с аналогичными названиями на уровне союзных республик. Кстати, подобная схема организации и управления существует в крупнейших западных корпорациях (особенно транснациональных), связанных с реальным сектором экономики. Никаких рыночных отношений внутри них нет, существуют условные расчеты, базирующиеся на «трансфертных» (внутрикорпоративных) ценах. Ключевым отличием модели западных корпораций от сталинской модели является то, что корпорации принадлежат частным собственникам, их деятельность ориентирована, прежде всего, на финансовые результаты (прибыль), причем финансовый результат не распределяется среди работников, а приватизируется собственником корпорации. Правда, сегодня и эта схема организации и управления деятельностью корпорации уходит в прошлое. По той причине, что в условиях нынешнего бурного развития финансового сектора экономики производственная деятельность становится неконкурентоспособной и даже нерентабельной. Наблюдается разворот деятельности корпораций, традиционно связанных с производством, в сторону работы на финансовых рынках. В таких финансово ориентированных корпорациях все устроено по-другому. Хотелось бы отметить, что сравнение «сталинской экономики» с громадной корпорацией я встречал у ряда отечественных и зарубежных авторов. Вот цитата из одной современной работы: «Задолго до появления крупных

внутригосударственных и международных транснациональных корпораций СССР стал крупнейшей в мире корпоративной хозяйственной структурой. Корпоративные экономические, хозяйственные цели и функции государства были записаны в Конституции. Как экономическая корпорация СССР разработал и ввел в действие научную систему обоснованных внутренних цен, позволяющих эффективно использовать природные богатства в интересах народного хозяйства. Ее особенностью были, в частности, низкие, по сравнению с мировыми, цены на топливно-энергетические и другие природные ресурсы... Корпоративный подход к экономике как к целостному организму предполагает выделение достаточных средств на инвестиции, оборону, армию, науку, образование, культуру, хотя с позиций эгоистичных и недалеких субъектов рынка надо все проесть немедленно.

«Сталинская экономика»: проверка жизнью

«Сталинская экономика» прошла испытания временем. Если не быть предвзятым оппонентом или тем более врагом России, то следует признать, что «сталинская экономика» позволила:

- обеспечить преодоление вековой экономической отсталости страны и стать наряду с США ведущей экономической державой мира;*
- создать единый народнохозяйственный комплекс, что позволило Советскому Союзу стать независимой от мирового рынка страной;*
- победить во Второй мировой войне сильнейшего врага – гитлеровскую Германию и страны Гитлеровской коалиции;*
- обеспечить неуклонный рост благосостояния народа на основе последовательного снижения себестоимости продукции;*
- показать всему миру неэффективность так называемой «рыночной» (капиталистической) экономики и переориентировать многие страны на путь так называемого «некапиталистического пути развития»;*
- обеспечить военную безопасность страны путем создания ядерного оружия».*

Этого уже вполне достаточно для того, чтобы разобраться подробнее с тем, что такое «сталинская экономика». Отнюдь не из праздного любопытства, а исходя из того, что сегодня Россия переживает серьезный экономический кризис. И знакомство со «сталинской экономикой» позволит нам быстрее нащупать выход из сегодняшних тупиков.

Об «искривлениях» и ошибках

Конечно, целый ряд перечисленных выше принципов в реальной практике экономического строительства в чистом виде не был реализован. Отчасти по причине неких сознательных «искривлений» некоторыми государственными деятелями политической линии И. В. Сталина, отчасти по слабости человеческой природы (например, слабая исполнительская дисциплина), отчасти потому, что И. В. Сталин сам вносил какие-то

коррективы в свою политическую линию. Коррективы вносились интуитивно. В то же время совершенствование экономической модели надо было осуществлять системно, на базе добротной теории. Сталин пытался активизировать процесс разработки такой теории, в том числе написав в 1952 году работу «Экономические проблемы социализма в СССР». «Незнание теории нас погубит», – говаривал Сталин, и эти слова оказались, к сожалению, пророческими. Сильный и необоснованный отход от названных принципов вел к размыванию и подрыву сталинской модели. Размывание приходится на период 1960–1985 годов. Отдельные случаи были зафиксированы еще во второй половине 1950-х годов, когда Хрущёв стал проводить опасные экономические эксперименты. Примеров такого размывания можно привести много. Так, мы отметили такой принцип, как преимущественная ориентация при планировании и оценке результатов экономической деятельности на натуральные (физические) показатели. «Косыгинская реформа» 1965 года стала ориентировать плановые органы и предприятия на такой основной стоимостной показатель, как «вал» (валовой объем продукции, рассчитанный по так называемому «заводскому» методу). Стало возможным и выгодным «накручивать» показатели «вала», при этом динамика реальных (натуральных) показателей значительно отставала от «вала». Парадокс заключался в том, что ориентация на прибыль делала экономику все более «затратной». Камуфлировались серьезные проблемы в сфере планирования. Формально централизованные планы стали охватывать гораздо более широкую номенклатуру промежуточной и конечной продукции разных отраслей экономики по сравнению со сталинской эпохой (вероятно, этому способствовало внедрение в Госплане и многих министерствах первых поколений электронно-вычислительных машин). На разных уровнях стали говорить о том, что в практику планирования внедряется так называемый программно-целевой метод. Однако в реальной жизни конкретные плановые показатели на всех уровнях «привязывались» не к каким-то высшим целям, а определялись на основе примитивного метода – от достигнутого уровня предыдущего года (планового периода). В целом ряде моментов «сталинская экономика» противоречит марксизму. Никакого предварительного теоретического осмысления и обоснования этой модели не было. Она создавалась практиками, методом проб и ошибок. Кстати, в те годы не было даже учебника политической экономии социализма. Подготовка его затянулась лет на 30, а первое издание увидело свет лишь после смерти Сталина, в 1954 году. Кстати, учебник получился противоречивым, он пытался увязать реалии жизни («сталинскую экономику») с марксизмом. А между тем Сталин говорил сподвижникам: «Если на все вопросы будете искать ответы у Маркса, то пропадете. Надо самим работать головой».

О демонтаже «сталинской экономики»

Но, увы! Партийные и государственные руководители после смерти Сталина отказывались «работать головой», предпочитая руководствоваться мёртвыми догматами марксизма. Или просто действуя по инерции, паразитируя на достижениях «сталинской экономики». Хрущёву удалось лишь ослабить, но не уничтожить «сталинскую экономику». Гораздо более серьезный удар был нанесен экономической реформой 1965–1969 годов, которую персонифицируют с тогдашним Председателем Совета Министров СССР А. Косыгиным. Иногда ее называют «реформой Е. Либермана» – по имени одного из консультантов Косыгина. В результате была создана модель, которую некоторые жёсткие критики называют «моделью государственного капитализма». Реформа 1965–1969 годов превратила уже социалистические предприятия в обособленных товаропроизводителей, ориентированных на прибыль (главный плановый показатель), а не на внесение своего вклада в создание единого народнохозяйственного результата. На смену социалистическому способу производства пришел товарный (государственно-капиталистический) способ производства. После «косыгинской реформы» уже никаких серьезных попыток экономических усовершенствований не предпринималось на протяжении почти двух десятилетий. Тем более не было попыток отменить «эксперимент Косыгина – Либермана». Экономика погрузилась в «застой». А жизнь настоятельно диктовала необходимость действительных изменений в целях укрепления страны. Так, в первой половине 1970-х годов СССР достиг военного паритета с США и НАТО. С учетом этого можно и нужно было внести коррективы в пропорции развития группы А и группы Б в пользу второй группы отраслей промышленности. Следовало бы ускорить развитие таких отраслей, как легкая промышленность, пищевая промышленность, производство автомобилей, мебели, бытовой и радиоэлектронной техники, а также увеличить масштабы жилищного строительства. Вместо этого инвестиции были направлены на строительство БАМа, соединение рек и т. п. А тут еще подоспела «палочка-выручалочка» в виде нефtedолларов (повышение цен на черное золото на мировом рынке в 1973 г.). Вместо курса на подтягивание группы Б был взят курс на ликвидацию дефицитов ряда потребительских товаров за счет импорта. С 1985 года начался период целенаправленного уничтожения экономики под лукавым лозунгом «перестройки». Начался бурный переход от государственного капитализма к другой модели капитализма, которую можно назвать в равной мере «частнособственнической», «бандитской», «компрадорской».

О человеческом факторе и высших целях

Вернёмся к теме «сталинской экономики». Эффективность ее функционирования зависела не только от того, насколько последовательно руководители народного хозяйства придерживались перечисленных выше принципов «сталинской экономики». Она зависела в еще большей степени

от готовности общества и отдельных его членов участвовать в реализации планов «сталинской экономики». Сталин это прекрасно понимал. Поэтому в свое время он сформулировал триединую задачу строительства коммунизма. Она включала в себя следующие задачи:

а) всемерное развитие производительных сил, создание материально-технической базы коммунизма;

б) совершенствование производственных отношений;

в) формирование «нового человека».

Обсуждавшиеся нами выше принципы «сталинской экономики» описывают производственные отношения, которые были необходимы на том историческом отрезке для продвижения страны к коммунизму. Задача формирования «нового человека» была осмыслена Сталиным и его окружением существенно меньше, чем первые две составляющие триединой задачи. Она не только по порядку, но и по приоритетности оказалась на третьем месте. Впрочем, в рамках третьей задачи во времена Сталина делалось многое. Решению задачи формирования «нового человека» была подчинена деятельность советских СМИ, культуры, науки, литературы. Беда заключалась в том, что понимание «нового человека» строилось на методологическом фундаменте марксистского материализма. Как ни крути, человек в марксистских схемах оказывался не целью, а средством. Таким средством, которое не редко еще называли «человеческим фактором», «фактором производства», «рабочей силой», «трудовым ресурсом».

К середине 1950-х годов появилась отточенная формула основного экономического закона социализма, определяющего цель социалистической экономики: «обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества посредством наиболее полного удовлетворения их, постоянно растущих материальных и культурных потребностей, достигаемого путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе научно-технического прогресса». Никаких более высоких (прежде всего духовных) целей марксизм предложить просто не мог потому, что он есть в чистом виде материализм. Была, правда, одна более высокая, политическая цель в 1920-е годы. Она заключалась в том, чтобы «раздуть пожар мировой революции».

Но, во-первых, во времена Сталина про эту цель уже предпочитали не вспоминать (Троцкий с его идеей «перманентной революции» был изгнан из страны, а Советский Союз взял курс на построение социализма в отдельно взятой стране). Во-вторых, русского мужика на идею «мировой революции» в любом случае раскрутить, просто не удастся.

Надо сказать, что во времена Сталина было сделано немало для того, чтобы гражданин Советской страны мог максимально вписаться в модель «сталинской экономики». Говорят о якобы его насильственном вписывании в эту экономику. Да, на первых порах это было. Я имею в виду «добровольно-принудительную» коллективизацию крестьянства. Но на одной

принудительности далеко не уедешь. Раб не может быть эффективным работником.

Сталиным с середины 1930-х годов был взят курс на всяческое повышение статуса человека труда. Материальное поощрение труда дополнялось моральными стимулами. Появилось социалистическое соревнование (как антипод капиталистической конкуренции). Страну в 1930-е годы охватило стахановское движение. Были введены звания «Герой Социалистического Труда», «заслуженный работник», «заслуженный деятель» и т.п. На всех уровнях проводилась воспитательная работа, направленная на укрепление трудовой дисциплины, формировалось чувство коллективизма, взаимопомощи, бережного отношения к социалистическому имуществу и т.п. Велась борьба с тунеядством.

Кстати, последовательная борьба государства с различными проявлениями богатства, роскоши, незаконными доходами также укрепляла веру людей в социальную справедливость, выступала стимулом труда. Всячески поощрялось творческое начало в труде. Появилось движение рационализаторов и изобретателей, в котором участвовали не только инженеры и техническая интеллигенция, но и миллионы простых рабочих. Надо сказать, что Сталину удалось в значительной мере повысить трудовую активность советского человека, причем методы принуждения здесь играли подчиненную роль. Сталинскую модель советский человек принял (хоть и не сразу). А потому что она имела цель, которая выходила за рамки экономики. Такой над экономической целью была защита страны от внешней агрессии.

А вот уже после смерти Сталина, который оставил советскому народу «ядерный щит», ощущение внешней угрозы стало уходить на второй и даже третий план (хотя Запад объявил нам холодную войну). На первый план вышли задачи экономические, вытекающие из упомянутого нами «основного экономического закона социализма». Но вот парадокс: экономические цели народ не консолидируют, не мобилизуют, не раскрывают его творческий потенциал, а, наоборот, разъединяют, расслабляют и лишают его созидательного творчества. Последнее подменяется в лучшем случае так называемым предпринимательством.

При экономических целях «сталинская экономика» работать не может, она обречена на умирание и замещение различными вариантами модели «рыночной экономики». Можем ли мы вернуться к «сталинской экономике»? – Можем, если сформулируем надэкономические, высшие цели. Такие цели сегодня витают в воздухе. Сейчас, пожалуй, самое главное, чтобы кто-то сумел громогласно эти цели озвучить и чтобы они были услышаны народом. Мы не только можем, мы обязаны вернуться к «сталинской экономике». Не следует себя обманывать: «рыночная экономика» обрекает Россию на гибель».

В.Ю. КАТАСОНОВ – проф., д.э.н., председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова.

Сложно понять суть, изложенную в этой статье? Пожалуй, нет. А вот противостоять профессиональной манипуляции сознанием намного сложнее. Повторю слова Сталина, приведённые в этой статье: «Нужно думать и собственной головой». Добавлю от себя, что нужно думать даже тем, кто в этой жизни, вроде, «ухватил бога за бороду» – заимел какой-то достаток. Потеря Родины для большинства живущих в России людей – это потеря всего в жизни.

Поэт Виктор Боков, когда-то ненавидевший Сталина и отсидевший в лагерях, в разгар критики культа личности пересмотрел свои взгляды и написал стихотворение:

*Я Сталина ругать перестая,
В Сибирь из-за него я не поеду,
Я на другой позиции стою:
Зачем ругать? Он одержал Победу!*

*Я видел его серую шинель,
Воспринимал её, как символ века.
Я думаю, что не было сильней
Во всей державе нашей человека.*

*Он правил нами, пальцы, сжав в кулак.
Он золотом на всех знамёнах вышит.
Хулители его теперь скулят,
Но Сталин сделал дело, он не слышит.*

*А Пётр когда-то сам казнил стрельцов
И находил для этого улики.
Забыли это всё, в конце концов,
Но не забыли званья - Пётр Великий!*

Гена и велосипед.

*Необычные ситуации из жизни велосипедиста.
Для Кости М.*

Рассказ первый.

Велосипед и бахча.

Весна 1955 года. Я заканчиваю седьмой класс. Без всяких предварительных разговоров родители покупают мне на рынке подержанный велосипед, но ещё в хорошем состоянии. Радости не было пределов. Я к этому времени уже уверенно ездил на велосипеде, но это случалось не часто. Своих велосипедов у ребят было мало, и разрешали они на них прокатиться неохотно. У моего двоюродного брата был трофейный немецкий велосипед, тоже купленный на рынке. Ведь после окончания самой жестокой войны прошло только десять лет. Люди жили очень скромно. Брат был старше на 15 лет, но общался со мной и даже иногда брал на рыбалку. А я был готов по часу чистить велосипед, сверкающий хромом, чтобы потом мне разрешили немного покататься.

Почему родители пошли на такие траты? Ведь зарплату получал только мой папа. И велосипед стоил половину его зарплаты (даже не новый). У моего отца (твоего прадедушки Кости) на предприятии решили выделить участки земли под бахчи. Так называется земля, на которой выращиваются арбузы и дыни. Вот мой папа и решил: чтобы я на каникулах был при полезном деле, тоже взять участок земли на меня и моего одноклассника Лёню Орловского, который жил рядом. Мы дружили.

Участки находились на расстоянии около 35-ти километров и представляли собой молодую лесополосу. В степных районах сажают такие лесополосы для уменьшения пылевых бурь и для задержки снега зимой. За предоставленную землю мы должны были прополоть колхозу сорняки на определённой площади. А велосипеды нам нужны были, чтобы мы потом могли уже сами изредка ездить ухаживать за своими посадками и за колхозными тоже.

Первый раз нас, двух подростков с велосипедами, вместе с остальными взрослыми привезли на грузовике для разбивки участков под бахчи и участков на колхозном поле. После выполнения этих работ взрослые уехали, а мы с Лёнкой остались практически в чистом поле. На горизонте виднелась кошара. Так назывался загон с простыми навесами от дождя для летнего содержания овец.

Лесополоса росла на пригорке, а в ста метрах по склону протекала маленькая речка. Склон, спускавшийся к ней, был весь в тропинках, которые протоптали овцы, ежедневно проходившие вдоль склона утром в одну сторону, а вечером – обратно. На склоне практически не было растительности. Она вся

была съедена и частично вытоптана маленькими копытцами. Похоже, основное пастбище было в другом месте, а склон это путь овец к пастбищу.

А мы были счастливы! Как робинзоны, одни, без взрослых – делай, что хочешь. Но ведь не зря родители ненавязчиво, но требовательно занимались нашим трудовым воспитанием. Соорудив подобие шалаша, мы стали сажать семена арбузов и дынь. Еще у нас было немного семян тыквы или гарбузов, как говорят на Украине. Дело в том, что нам никто не рассказал, как сажать бахчевые культуры. И мы их посадили как картофель, почти на полный штык лопаты. Мы даже ходили с ведром к реке и вылили в каждую лунку по банке воды. И когда мы приехали через месяц и увидели, что у нас взошли только отдельные тыквы, огорчение было огромное. На других участках уже зеленела, вытягиваясь по земле, симпатичная огудина (поросль бахчевых, стелящаяся по земле), на которой уже появилась завязь будущих арбузов и дынь. Во второй приезд мы даже поработали на колхозном поле.

А пока мы резвились. Бегали к речке. Искупались не по одному разу. На камнях грелось под солнцем много змей, в которых мы не разбирались. Наверно, это были ужи, хотя в тех местах много и гадюк. Одна змея ближе к голове была раза в три толще, чем остальное туловище. Когда мы её начали дёргать, это утолщение стало перемещаться к голове, пока из пасти не появилась лягушка. Так мы лишили бедную змею обеда.

Пора было и нам подумать о еде. А в молодом возрасте, как все знают, аппетит волчий. А продуктов у нас было всего ничего. Уже забылись детали нашего обеда. Дело к вечеру. Мы попросились в маленькую избу при кошаре на ночлег, опасаясь при этом огромных псов (называемых в народе волкодавами). Нам что-то постелили на полу, и мы заснули как убитые.

Ночью прошёл дождь. Все дороги развезло, и ехать на велосипедах стало невозможно. Нам предложили оставить велосипеды и уехать на попутных машинах. В пяти километрах начиналась дорога с твёрдым покрытием. Но расстаться с таким богатством, как только что купленный велосипед, было выше моих сил.

К счастью, в Приазовье дожди редкость. И рано утром на следующий день мы двинулись в путь. Пришлось часто чистить налипающую грязь, а потом жаркое солнце быстро подсушило дорогу. В одном селе нас через речку переправили на самодельной лодке. Три человека и два велосипеда для лодки было многовато. Края бортов выступали от воды на несколько сантиметров. Было страшновато, но больше за велосипеды. К этому времени мы уже научились держаться на воде. Хотя по-настоящему плавать не умели. А ведь в Мариуполе мы много времени проводили в море и на речке Кальмиус.

Продукты наши закончились ещё в предыдущий день. Вечером хозяйка дома нас немного покормила остатками оставшейся у неё еды и что-то дала на дорогу. Мы впервые пили чай, заваренный вишнёвыми веточками. Был конец мая, и пока ещё природа не могла нас ничем подкормить. Немного съели зелёного крыжовника. А впереди была ещё длинная дорога, но уже с твёрдым покрытием, основательно разбитым, что для велосипеда не помеха.

Через пару часов езды мои нетренированные мышцы стали протестовать. Я всё чаще останавливался на отдых, распластавшись на земле. А Лёня, немного подождав, уезжал вперёд. Он рос в многодетной семье. У них была корова, а велосипед был не только средством развлечения и передвижения, но и микрогрузовиком. Одной из обязанностей у детей была поездка на велосипедах за травой для коров, коз, кроликов. В дальнейшем и я натренировался, а пока надо было ехать, несмотря на усталость и голод. Пришлось немного заниматься и ремонтом велосипеда. Рассыпался сепаратор подшипника на переднем колесе. Тут помогли мои технические задатки.

Добрались мы до дома в полной темноте. Родители, конечно, очень волновались и, по-моему, были не рады придуманному ими трудовому воспитанию. А основные проблемы начались в кровати. Мышцы, особенно ног, так ныли, что я заснул только в середине ночи.

А трудовое воспитание, как я теперь думаю, очень даже нужная вещь. Без него как выражалась твоя прабабушка Александра Петровна, из ребёнка получается «цаца - люля».

Рассказ второй.

В первом рассказе я написал, что мы побывали на нашем участке ещё один раз. Подробности этой поездки не запомнились. А отдельные моменты поездки остались в памяти. На этот раз поездка была полностью велосипедной. А мелкие подробности не запомнились, потому что я за эти два месяца немного натренировал свой организм ежедневной ездой на велосипеде.

Поездка происходила в июле, в те годы наиболее сухом месяце в Мариуполе. Велосипеды катили одинаково легко и по шоссе, и по просёлку. Увидев, что наши арбузы и дыни совсем не взошли, мы с Лёней, отдохнув и перекусив, двинулись в обратный путь.

К шоссе Донецк – Мариуполь добрались в сумерках. Темнеет в южных местах быстро, и по трассе, достаточно разбитой, мы ехали почти в полной темноте. Автомобилей (особенно ночью) в те годы было совсем мало, и мы ехали, не опасаясь попасть под машину. Лёня, как более опытный, – впереди. Хотелось быстрее добраться домой, и мы нажимали на педали. У Лёни на велосипеде стояла маленькая велосипедная фара, лампочка которой светила от небольшого генератора, с приводом от переднего колеса велосипеда. Слабый луч света освещал дорогу не более, чем на два метра. Лёня увидел перед собой кучу гравия и, свернув в последний момент, проскочил мимо неё. Я ехал на расстоянии не более метра от него, и у меня не оставалось на манёвр никаких шансов. На полной скорости я врезался в центр кучи гравия.

У людей, как и у кошек, тоже заложены элементы самосохранения. При падении, как не раз бывало потом в моей жизни, я сгруппировался и пострадал в основном локоть левой руки. Кожу свезло до самой кости. Но в первый момент отсутствовало даже ощущения боли. А главная мысль, что с велосипедом? Велосипед оказался цел. Поправили только руль. И только потом занялись рукой.

Что можно сделать двум подросткам ночью на пустынной трассе? Замотали локоть моей рубашкой и поехали дальше. К счастью, это произошло недалеко от въезда в город, а там, совсем рядом, на проспекте Ильича, жила моя сестра Роня. Она ужаснулась, увидев рану и далеко не стерильную рубашку, которой эта рана была замотана. Рана была обработана на профессиональном уровне. В те времена даже в школе серьёзно учили первой медицинской помощи. А сестра у меня была прилежной ученицей.

Получив помощь и немного поев, мы поехали домой, хотя нам, наверное, предлагали остаться ночевать. Ведь дома волновались родители. И телефоны в то время в нашем рабочем посёлке отсутствовали.

Мне не запомнилось, чтобы я с этой травмой побывал у врача. У мальчишек было убеждение, что многочисленные разбитые коленки и другие травмы частей тела, полученные во время подвижных игр, лазанья по деревьям и так далее, нужно присыпать горячей придорожной пылью. Помогало и, что самое удивительное, заживало «как на собаке».

Так закончилась история с выращиванием своей бахчи. Родители, похожему, и не ожидали, что у нас что-то получится. А определённый жизненный урок мы получили.

Г е н а, в е л о с и п е д и к р о л и к и.

Рассказ третий.

История с разведением кроликов началась неожиданно в конце лета 1956-го года или весной 1957-го. К этому времени родители перестали держать в нашем маленьком хозяйстве живность. С конца войны у нас была коза, самое неприхотливое животное, дающее при этом много молока. Несколько лет после возвращения отца из Германии мы выращивали из поросёнка свинью. Эта живность помогала выжить в сложные послевоенные годы. Жизнь постепенно налаживалась, и по разным причинам содержать животных становилось невыгодно. Для козьего стада, куда мы отводили нашу козу, уменьшилась площадь пастбищ. А для свиньи всё дороже стоил комбикорм.

В конце войны мой отец был вывезен немцами из села Константинополь в Германию. После освобождения Германии от фашистов отца приняли на работу в воинскую часть вольнонаёмным. В Мариуполь он вернулся в 1947 году. В соседнем с нами посёлке Азовец жил сослуживец папы. Изредка они встречались, и однажды папа взял меня с собой на их встречу. Посёлок Азовец был построен государством в виде отдельных двухэтажных домов на несколько семей. Рядом с домами были построены сараи для хозяйственных нужд. Товарищ папы завёл в своём сарайчике кроликов, которые жили там, в небольшом загоне, как в дикой природе. Они просто вырыли себе норы и жили в них. Папе предложили подарить для меня маленького кролика, и он согласился, увидев мой интерес к этим симпатичным пушистым зверькам.

Мама спокойно отнеслась к появлению кролика. Обычно она была против прибранных кошек, которых мне хотелось оставить у нас. Причина была простой. Любую живность нужно кормить. А здесь другая ситуация. Кролики питаются растительной пищей и отходами от нашего питания. И я нахожусь при деле, добывая эту самую растительную пищу.

Не помню, куда мы вначале поселили кролика. К этому времени я подружился с Геней Шабановым, моим одноклассником, жившим через несколько улиц. Дружба в старших классах уже более осмысленная. Общаемся мы с ним и его дружной семьей и сейчас. Его отец тогда уже разводил кроликов, и начальное обучение я прошёл у него.

Маленький серый кролик очень быстро вырос в крупную красивую крольчиху, которую для получения потомства нужно было познакомить с кролём. Так я стал понимать основы продолжения жизни на земле.

А причём тут велосипед? Вроде у меня цикл рассказов, связанных с велосипедом. Поездки за кормом (трава и зелёные ветки) – это обычное дело. А тут мне дали адрес семьи на Третьем Участке, которая держала кролей. Участками назывались отдельные посёлки, которые строились вместе со строительством металлургического завода Азовсталь. Некоторые посёлки строились государством, как упомянутый выше посёлок Азовец. Таким был и Третий Участок со своими сарайчиками.

Прямая дорога шла от нас через большую балку (большой овраг со сглаженными склонами). Эта балка была любимым местом катания на санках детворы. Улица Баумана, на которой мы жили, при приближении к балке постепенно переходила в большой уклон. Наш посёлок имени Первого Мая (в обиходе Первомайск), застроенный частными домами, долго не имел тротуаров, и в распутицу без сапог пройти было невозможно. Поэтому поселковый совет обязал каждого хозяина сделать тротуар самостоятельно. Каждый сделал тротуар, из чего мог. Особенно коварны были стыки между соседями.

Я, конечно, повёз крольчиху на «свидание» к кролю на велосипеде. Посадил её в клеёчатую сумку и поехал. Управлять пришлось одной рукой. Вторая держала сумку с драгоценным живым существом. С ростом уклона тротуара росла скорость велосипеда, и на одном из стыков между соседними участками я не смог одной рукой удержать руль и вылетел из велосипеда. В полёте зацепил дерево и опять приземлился на левое плечо. При падении основная мысль была о крольчихе. Группировал тело я инстинктивно, а вот сумку правой рукой поднял вверх вполне осмысленно.

На этот раз обошлось без больших травм, а ссадины, даже большие, были делом привычным. Жалко всегда было порванную одежду, которая чаще всего была в единственном числе. Да и от мамы могла перепасть трепка. Ведь ей приходилось штопать одежду. Когда в старших классах я начал слегка стесняться штопаной одежды, она меня убеждала, что заштопанной одежды стыдиться не стоит. Главное – как она заштопана.

Потерев ушибленные места, отряхнув пыль и поправив руль, я поехал дальше. Хозяйка, ещё молодая женщина, была дома. С интересом выслушала просьбу. Мы пришли в сарайчик, где крольчиху пустили в клетку к кролю. Я не

очень понимал, что происходит в клетке, как и суть некоторых весёлых высказываний хозяйки кроля.

Вернулся домой я без приключений. А через месяц родились маленькие крольчата. К этому времени пришлось сделать специальные клетки с учётом опыта отца Гены Шабанова. Клетки получились прочными и симпатичными, хотя и были сделаны из отходов. В посёлке у нас было печное отопление. Отцу выдавались талоны на уголь и дрова. Талоны было ещё непросто отоварить. Однажды вместо дров отец привёз полный грузовик ящиков. Мне пришлось их все аккуратно разобрать, а потом из этих дощечек сделать много полезного: пол в сарае и клетки для кроликов. Даже гвозди все были выровнены, и мама продала их на рынке.

Решётка в клетках была сделана из проволоки повышенной прочности, которую применяли для изготовления струнно-бетонных изделий. Сейчас стыдно вспоминать, но как-то Лёня Орловский предложил мне помочь утащить с завода бухту провода. Я даже не помню, для какой цели. Я всегда не умел отказывать людям, когда меня очень просили, особенно друзьям и тем более в молодости. И мы в сумерках с велосипедом пришли к ограде маленького завода. Бухту проволоки, весом не менее 60 кг, нужно было притащить к ограде, а затем перевалить через неё. Затем, с трудом закрепив бухту на велосипеде, вели его, придерживая с двух сторон более двух километров. Проволоку привезли к нашему дому и свалили за сараем. Лёня не захотел везти проволоку к себе домой. Я не помню, как я объяснил маме появление у нас этой проволоки, но почему-то никаких разбирательств со стороны родителей не последовало. Лёня так и не взял ни одного метра проволоки. Лёни нет в живых лет тридцать, а я до сих пор не могу понять наших действий. Наше «мероприятие» могло закончиться совсем по-другому, с большими нервными издержками, прежде всего для родителей.

На следующий год дядя Гаврюша (отец Гены Шабанова) подарил мне ещё двух белых кроликов, наверно, оценив мой интерес к кролиководству. И это стало уже проблемой для всей семьи. Плодовитость кроликов огромная. Нужны новые клетки, много корма, уход и так далее. Шёл 1958 год. В этом году я окончил школу и почти сразу пошёл работать слесарем на завод в паросиловой цех, начальником которого был муж моей сестры, Борис Васильевич Качура. А в 1960 году я поступил в Харьковский Политехнический институт. Папа мой часто болел. И все проблемы с кроликами легли на маму. В этот 1960-й год к осени было около 80 кроликов. Трудно представить, сколько сил и нервов потратила мама на ликвидацию этого поголовья.

Лет пять назад, зайдя в гости, в дом, где раньше жила моя тётя Варя (сестра отца), я увидел две своих клетки в ещё приличном состоянии, но уже с другими обитателями.

Гена, велосипед, лошадь (и другое).

Рассказ четвёртый.

Ещё несколько воспоминаний из юности, связанных с велосипедом.

В одной из многочисленных поездок за травой на велосипедах мы ехали вдоль лесопосадки. В Советское время в стране выполнялась программа по насаждению лесополос в степных районах для задержания снега зимой и уменьшения выветривания плодородного слоя полей. Деревья высаживались по определённой системе, чтобы создать большое сопротивление для ветра. Часто сажали косточки абрикосов, из которых вырастали большие и густые деревья. Плоды их были разными по вкусу и ненамного уступали абрикосам. В Мариуполе их называют жерделями.

Итак, проезжая вдоль густой лесопосадки, мы увидели просторную поляну, на которой, как в саду, росли три больших дерева (жердели) с нетронутыми плодами. Мы не могли понять, как такое возможно, чтобы жердели были совсем нетронутыми. Решили, что это объездчики сохранили деревья для себя. Объездчиками в наших местах называли людей на лошадях, охранявших колхозные поля. О них рассказывали, что они могли сильно избить нагайками пойманных на воровстве людей и даже детей.

Страшновато, но так заманчиво было привезти домой такое количество плодов. Сушёная мякоть жерделей – чудесная добавка к другим сухофруктам для компота в зимнее время. Хорошо оглядевшись, мы трянули деревья. Созревшие плоды градом посыпались на траву и наши головы. Быстро наполнили мешки жерделями и, кое-как привязав их к багажникам велосипедов, поехали домой. И только проехав пару километров, немного успокоились. Дело в том, что удрать от всадника на велосипеде невозможно и, тем более, по просёлку.

Часть плодов, конечно, помялась, но от этого они не стали хуже. Никто нас не воспитывал, чтобы мы что-то полезное для жизни находили и везли домой. Это было внутри нас как историческая память и память полуголодных детей послевоенных лет.

Сушить абрикосы и жердели просто. Плоды разламываются пополам, выбрасывается косточка, а мякоть раскладывается для сушки на жарком летнем воздухе, желательна прикрытая марлей от мух.

* * *

Круг моих друзей к окончанию школы расширился. Славу Розинкина, моего первого друга, к этому времени отправили на Алтай к бабушке. С бабушкой жил и его брат. Слава на три года старше меня, большой фантазёр, имевший на меня большое влияние, не всегда хорошее. Много воспоминаний сохранилось в памяти и, когда у нас родился сын, бабушка Вита не возражала, чтобы мы твоего папу назвали Славой.

С началом учёбы в школе моим другом стал Лёня Орловский – по принципу одноклассника и соседа. С восьмого класса я подружился с Геней Шабановым и Толиком Василевским. Все мои друзья были старше меня и как-то лучше ориентировались в жизни. Я больше ориентировался на них. Но и они что-то во мне находили. Я был рослым мальчишкой, хорошим другом, а в технических вопросах был даже впереди.

Обычные места отдыха летом были Азовское море и речка Кальмиус. В старших классах к таким местам добавился глубоководный канал завода Азовсталь и бакаи. Пешком расстояние до моря от моего дома – два километра, до реки – около трёх километров. До бакаёв – более четырёх километров. На Азовстальский канал ездили на трамвае.

Бакаями на южноукраинском наречии назывались придорожные ямы, заполненные водой. Мариупольские бакаи образовались при выемке песка для строительства завода. Песок добывали земснарядом вдоль Азовского моря. Образовавшиеся углубления глубиной до четырёх метров заполнялись почти пресной водой. Получилось несколько озёр, заросших у берегов камышом и с размножившимися пресноводными обитателями. Место стало очень популярным у горожан, но не совсем безопасным. На дне осталось много брошенных железок. Во время моей юности песок уже не добывали и даже убрали железную дорогу. Во время царства частной собственности, выемку песка продолжили, и теперь там один сплошной бакай.

Северный берег Азовского моря крутой. В течение столетий ветер и волны делали своё дело, подмывая берег, унося при этом в море глину и чернозём. Поэтому глубина Таганрогского залива мала, а берег крут. Спуск к пляжу возле наших посёлков грунтовый. Протяжённость его около трёхсот метров при крутизне до 30 градусов. По выходным люди непрерывной вереницей шли на пляж по этому спуску, и очень неприятен после отдыха был подъём в гору в жаркий полдень.

Однажды мы с Геней Шабановым поехали к морю на одном велосипеде, не остановившись и перед спуском. Результат оказался плачевный. Единственный ножной тормоз не сработал эффективно. К концу спуска велосипед набрал большую скорость. С управлением мы справились, но переезд через рытвину, оказался несовместимым с прочностью велосипеда, и он развалился на две части. Были, конечно, при этом и ушибы, но они в памяти не остались. Возвращаясь, домой, каждый катил по половинке велосипеда.

Теперь главным был ремонт велосипеда. Оказалось, что уже знакомая нам электросварка для данного ремонта непригодна. Знали, что существует ещё газовая сварка, тоже не совсем подходящая. А вот пайка латунным припоем – это то, что нужно. Именно она применяется при изготовлении велосипедов на заводе. Помощь отцов в таких случаях была минимальной. Многого они сами не знали и заботы были другие. Приходилось вырабатывать самостоятельность. Тем более, что такая помощь не требовала денег, даже если это были совсем незнакомые люди. Впереди было два года работы на заводе, учёба в институте и длинный трудовой путь, требующий огромного количества знаний и трудовых навыков.

Сейчас многим школьникам и молодым людям внушается, что для жизни достаточно Интернета и некоторого знания компьютера. А самостоятельность нужна при очень бедных родителях. К сожалению, Интернет – это великое достижение человечества – часто используется во вред людям.

* * *

Работая на заводе, я в теплое время года ездил на работу на велосипеде. Завод располагался далеко от нашего посёлка. Я добирался на двух трамваях и около полутора километров пешком. По времени более полутора часов. На велосипеде по кратчайшему пути я добирался за тридцать минут.

Как-то мне пришлось оставить сломавшийся велосипед у моей тёти, которая жила рядом с заводом. Попросив у двоюродного брата его велосипед с мотором, я приехал, чтобы забрать свой. Дядя с большим интересом наблюдал, как я буду привязывать один велосипед к другому. А я свой велосипед повесил себе через плечо, сел на второй, завёл двигатель и поехал. Наверное, я отдыхал по пути, но особых воспоминаний у меня не осталось. А вот дядю этот случай очень поразил. Он потом многим рассказывал о такой транспортировке велотехники и проникся ко мне большим уважением.

* * *

В период моей работы на заводе после окончания школы (1958-1960 годы) мой папа, Константин Елисеевич, много болел. На маме было всё хозяйство и уход за папой во время обострения болезни. А ей хотелось помочь ещё и дочери, моей сестре Роне, которая жила в другом конце города.

Это Ильичёвский район, где расположен завод Ильича. Металлургический гигант, построенный на деньги иностранного капитала ещё в 1897 году. После Октябрьской революции 1917 года ему присвоили имя В. И. Ленина, которое комбинат носит и сегодня. Сейчас он принадлежит украинскому олигарху Ахметову.

Сестра моя жила в одном из первых панельных домов на проспекте Ильича, протянувшегося вдоль завода. В один из дней, о которых я пишу, у папы резко ухудшилось состояние здоровья, а мама уехала к дочери. Телефонов на нашем посёлке тогда не было, и я решил поехать за мамой на велосипеде. На своём велосипеде приехал на предприятие, где работал мой брат, и поменялся с ним велосипедами. У него велосипед был с мотором.

Мама и сестра отнеслись к задуманной мною поездке неодобрительно. Но, учитывая ситуацию, согласились. К раме велосипеда привязали подушку, на которую села мама, и мы поехали. Пока мы ехали по обычной дороге, мама терпела неудобства нашего транспорта. Но когда мы поехали вдоль железнодорожной насыпи, по узкой тропинке проложенной пешеходами, у мамы отказали нервы. Она активно стала просить остановиться, а я убеждал её успокоиться и говорил, что дома нас ждёт папа. Узкая тропа, ограниченная с одной стороны шпалами железной дороги, а с другой стороны крутым откосом насыпи, вызывала и у меня опасения. Скорость у велосипеда с мотором больше, чем у обычного велосипеда. А тут ещё непривычный к такой езде пассажир.

Пока мы убеждали друг друга, железнодорожная насыпь закончилась, и остаток пути мы проехали по вполне хорошей дороге. У отца на этот раз обошлось без серьёзных последствий. А на второй день мама приподняв юбку, показала мне своё бедро на треть синее.

Моя жизнь, как и жизнь многих моих сверстников, складывалась так, что при наличии жизненной проблемы её нужно было решать самостоятельно. И обычно всегда находились оригинальные решения, воспринимаемые иногда другими людьми как авантюра.

* * *

Интересна история выбора места под строительство металлургического завода. В то время, при решении вопросов касающихся жизни города, много прав имели чиновники местного самоуправления. Власти считали, что будущий завод будет производить много вредных отходов, поэтому, чтобы не повредить рыбному промыслу, в выделении участка земли под строительство завода возле моря было отказано. Участок был выделен вдали от моря в безводной степи. Город тогда был маленький, и отдалённость участка казалась большой. Теперь полумиллионный город примыкает к территории завода почти со всех сторон.

Постепенно, рядом с металлургическим производством, стали расти предприятия машиностроения. И в 1958 году было принято решение об отделении машиностроения от металлургии. Так образовался самостоятельный завод тяжёлого машиностроения, на котором сразу после окончания школы я начал свою трудовую деятельность в Паросиловом цехе в качестве слесаря-ремонтника. Это было очень интересное время в моей жизни. Об этом отдельный рассказ.

Я уже писал, что добираться до места работы было далеко. Зимой мне приходилось вставать в пять часов утра в полной темноте. Маме, чтобы накормить меня, приходилось вставать ещё раньше. Двумя трамваями с большим пешеходным броском между ними, я добирался до места работы. В семь утра начинался рабочий день.

Постепенно я стал отрабатывать другие маршруты, а с наступлением весны стал ездить на велосипеде. В зависимости от места работы, на поездку уходило от тридцати до сорока минут. Цех имел свои участки работы по всему заводу и даже за его пределами.

Однажды, приехав в Ильичёвский район, я свернул с проспекта Ильича на параллельно идущую ему узкую и тихую улицу с одноэтажными домами и при этом с хорошим асфальтом. Эта улица, почти свободная от транспорта, вела прямо к проходной завода. Я опаздывал к началу рабочего дня и торопился. Вдруг на улицу повернул грузовик и обогнал меня. Решение у подготовленных для таких ситуаций людей, появляется мгновенно. При этом решение обдуманное. Тихая, узкая и без больших выбоин улица позволяла использовать грузовик как буксир. Несколько секунд активного вращения педалями и я левой рукой держусь за борт автомобиля, а правой – управляю велосипедом. Длина улицы до проходной около 1,5 км, и я не ожидал, что грузовик разовьёт большую скорость. Но на половине пути скорость была около 50 км/час. Опыт

таких ситуаций у меня был. Сама по себе скорость не страшна. Очень опасен момент отрыва от автомобиля. В первый момент велосипед обязательно совершит несколько виражей. А тут ещё и узкая улица. Не ожидая конца улицы (там могли возникнуть дополнительные проблемы) я, мобилизовавшись, отпустил борт грузовика. Удержавшись благополучно на велосипеде и ещё не погасив скорость, я врезался в лошадь с телегой. Извозчик неожиданно выехал из боковой улицы на большой скорости (для лошади) и столкновение получилось неизбежным. Этому помогло и большое количество деревьев, уменьшающих обзор.

В результате, зацепившись боком за оглоблю, я оказался на лошади, а велосипед отброшенным на обочину. Лошадь пробежала ещё метров десять, пока возница её остановил. Я сполз с лошади. Руки и ноги были целы. Велосипед в первом приближении тоже. Мне было не до выяснения причин происшествия. И я сразу уехал, даже не опоздав на работу. Трудовая дисциплина соблюдалась не только из-за боязни наказания. Отдышавшись и успокоившись, почувствовал в боку боль. В туалете, сняв рубаху, увидел на боку широкую и длинную ссадину. Промыл её и, наверно, чем-то смазал. Ребята уговаривали меня сходить в медпункт или пойти домой. Никуда я не пошёл. Работа и товарищи мне нравились, а боль в процессе работы чувствовалась меньше. Через три дня боль прошла, а ещё через неделю на боку осталось лишь лёгкое покраснение.

Зарплату я отдавал родителям, и, когда мне захотелось купить к велосипеду мотор, было серьёзное обсуждение. Деньги мне выделили, но сами моторы были ещё редкостью. На второй год работы на заводе у меня возникло желание поступить на учёбу в институт. Я даже записался зимой на подготовительные курсы. И желание купить мотор прошло само.

Интересный момент, не относящийся к велосипеду, в период моей слесарной деятельности. Основным транспортом в городе Мариуполе был трамвай. Автобусных маршрутов было мало, а личный транспорт почти совсем отсутствовал. Город рабочий, и транспорта не хватало. Обычное явление в часы «пик» - забитые трамваи с висящими людьми на подножках, сзади на «колбасе» и даже на крыше.

В это же время в городе было много грузового транспорта. Молодые ребята и мужчины быстро освоили этот вид транспорта. Запрыгивали в кузов в местах, где автомобилям приходилось снижать скорость, а спрыгивали иногда и при большой скорости. При этом отработаны были приёмы, требующие большой ловкости. Водители почти не протестовали (себе дороже), а милиции было мало, и она старалась этого не замечать.

Я быстро освоил такой вид транспорта и часто пользовался им. В этот период я стал обучаться на курсах планеристов вместе Генной Шабановым, и когда начались практические занятия, такой способ передвижения экономил время. А аэродром находился в третьем от дома и работы конце города.

И маленький сюжет из 2011-го года. В этом году я оказался без прав на вождение автомобиля и ездил на велосипеде. Костя, помнишь велосипедный маршрут через село Большая Шильна на наш огород? В сентябре я и Рома поехали по нему, чтобы спилить нашу красавицу – берёзу. Решились всё-таки на это. Красота – великая сила, но корни тридцатилетней берёзы создавали огромное количество проблем на огороде.

Я ехал на своём велосипеде, а Рома – на твоём. На половине пути (весь путь – двенадцать километров) у велосипеда Ромы отвалилась педаль. Для наворачивания оси педали в шатун нужен специальный ключ. Резьба оказалась в плохом состоянии и наши попытки оживить её подручными материалами (полоска алюминия от пивной банки) и без спецключа (рожковый ключ) не помогли. И ось левой педали должна изготавливаться с левой резьбой. А на этом подростковом велосипеде конструктора сэкономили. Нужна была моя мастерская. Возвращаться назад не хотелось, и я попробовал ехать с одной педалью. Ехать можно, но медленно и тяжело. После такой езды в 69 лет берёзу не осилить.

Вспомнил, что на спортивных велосипедах над педалями была перемычка. Вспомнился и собственный опыт изготовления велолебедки для движения плуга при вспашке огорода. Великое всегда просто. Я привязал шнурком ступню ноги к педали, и движение стало приемлемым. После 5-6 км я был совершенно мокрый от пота, но вполне работоспособный.

Домой мы ехали довольные выполненной работой и ремонтом велосипеда. Берёза легла на задуманное место, а в огородном хламе нашлись болт, гайки и трубки для изготовления временной педали.

В моей жизни на определенных этапах были двухколёсный мотоцикл, тяжёлый мотоцикл с коляской, автомобиль. Вся эта техника обслуживалась и совершенствовалась моими силами, знанием и умением. Главной техникой всегда оставался велосипед. Такое воспитание и жизненная позиция позволяли всегда чувствовать себя уверенно в жизни, и шли они от жизни. Сегодня нам прививают, к сожалению, другие ценности.

Попроси папу рассказать о нашей с ним поездке из города Набережные Челны в Мариуполь на двухколёсном мотоцикле «Минск». Твой папа, к сожалению, доехал только до Харькова.

Набережные Челны.
22.02.2012

* * *

Из письма нашим друзьям в Минске – Лене и Толе Хрони.

Будем считать это ещё одним рассказом. То, что я езжу на велосипеде круглый год, знают все близкие мне люди. При многолетнем опыте езда на обычном велосипеде менее опасна, чем ходьба пешком даже зимой. Конечно, в светлое время суток. А тут я возвращался из гаража-мастерской в 21.30. Обычно днём я езжу через парк, а из-за темноты поехал по дороге. Дороги в Н. Челнах

широкие, и зимой их хорошо чистят от снега. Автомобили раскатали центр дороги до чистого асфальта, и поэтому скорость движения была высокой. По памяти, кромка льда рядом с чистым асфальтом была без выступа. С основной освещённой магистрали на дорогу, по которой я ехал, повернул легковой автомобиль. Водитель, увидев велосипедиста, едущего ему навстречу, переключил свет с ближнего на дальний, предупреждая меня об опасности. Расстояние между нами около трёхсот метров и времени было достаточно для выполнения любого манёвра. Но я, по свойственной мне привычке не мешать другим людям, заторопился и под острым углом стал выезжать на лёд, который в этом месте всё-таки имел кромку.

Результат получился закономерный. Велосипед поехал прямо, а я вместе с велосипедом шлёпнулся, сильно ударившись бедром о лёд. Почему-то перехватило дыхание, и я, не вставая минуты три, осмысливал ситуацию. Водитель остановившегося автомобиля поинтересовался – не нужна ли мне помощь. Я, не вставая, дал понять, что не нужна. Дыхание восстановилось. Я поднялся и, не чувствуя сильной боли, сел на велосипед и уже более аккуратно поехал домой.

Дома осмотрел бедро и ничего на нём не увидел, даже припухлости. Вита натёрла, на всякий случай, место ушиба «Спасателем». А через два дня начал проявляться кровоподтёк, и немного больно было при надавливании. Ещё через несколько дней кровоподтёк стал бледнеть и быстро исчез.

Я нашёл в этой истории и полезную сторону события. Мои кости в 70 лет ещё имеют запас прочности.

Привет Вам от Виты и Светы.

До свидания. Гена. Набережные Челны.

1.03.2012г.

ПОХОД ПО САЯНАМ.

1963-й год.

Дневник Ани Мяло.

12.07.1963 г. Пятница.

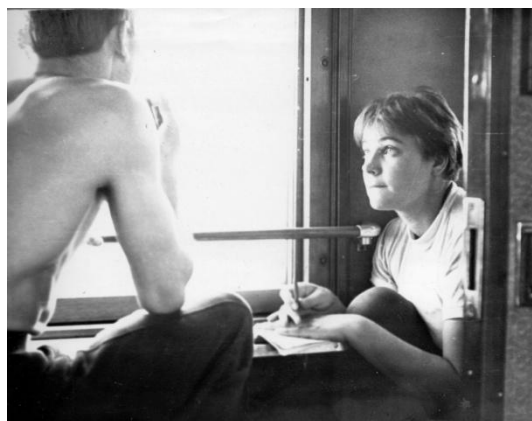
Итак, мы едем! Едем в купейном вагоне №7 скорого поезда Харьков-Владивосток. Все сборы остались позади, все хлопоты, все неприятности. А их было достаточно. Вместо того, чтобы выехать 7-го июля, мы выехали 11.07 в 22.02. Задержались с билетами. Билеты пришлось брать за свои деньги, а обл. союз и «Буревестник» вышлют нам деньги в Нижнеудинск.

Все эти дни мы готовили общественное снаряжение, сбывали продукты, взятые по путёвкам, шили, клеили, укладывались. Продукты на маршрут уложили в ящики. Всё готово. Билеты на руках. Настроение отличное. Время пролетело незаметно.

В 21.00 мы были ещё в «Гиганте» со всеми ящиками и 61.5 кг рюкзаками. Как мы тащили продукты и снаряжение на себе, надо было видеть! Жаль, что было уже темно и не работали фотоаппараты. Это были бы чудесные кадры. Нам удалось поймать одно такси и упросить владельца частной машины подвезти. За пять минут до отхода поезда мы были на вокзале. Спешка была ужасная. Но мы едем! В добрый путь!!!

Все ящики с продуктами у нас подписаны, и когда мы вчера тащили их через вокзал, то прохожие комментировали: «Колбаса, сухари, сало, мука». Кстати, когда Толик Фесенко подписывал муку, он написал: «Му-ка». И она началась в тот же вечер. При посадке разорвали ружьём сумку с мукой – и часть муки рассыпалась. Но мука нам будет с ней, наверное, на маршруте. Опыта печь лепёшки у нас нет. А пока накопим опыт, кончится мука.

Вчера в честь отъезда распили бутылку лимонада и долго шутили, смеялись, пели. У нас в группе теперь три химика. Я органик, Света полу-органик, Виля неорганик. Он получил направление на суперфосфатную научно-конструкторскую станцию. И хоть он и говорит, что в химии он абсолютный ноль, ему ещё придется изучать и химию.

Сейчас все заняты работой. Вилл и Гена шьют палатку. Света разрабатывает сценарии нашего фильма. Толик Фесенко раскладывает и подсчитывает продукты. Я подбивала смету и сейчас пишу

дневник. А Толик Семенцов всем помогает и всем немного мешает. Спорим о маршруте. Мальчики шутят, что у нас на маршруте будет «лучше», чем солдату на гауптвахте. Им дают хлеб и воду, а у нас хлеба не будет, зато воды вдоволь. А от воды мы защитились хорошо. Склеили водозащитные мешки в рюкзаки, много мешочков на продукты, имеем накидки.

Сегодня дежурные я и Вилл. Питаемся скоропортящимися продуктами: варёными яичками и картошкой.

13.07. Суббота.

Бежит стальная дорога. Вчера вечером проезжали Волгу. Потушив свет, мы сгрудились у окна вагона и молча любовались величием реки. Красивая река! Все, что мы не смогли увидеть в темноте, дорисовало воображение.

Сегодня утром чуть не проспали со Светиком Уфу – столицу Башкирии. Разбудил Гена. Довольно оригинальный город. Вокзал находится внизу, а весь город на горе. Да разве можно судить о городе по вокзалу и

привокзальной площади? Проезжали Уральские горы. Пологие, полностью покрытые лесом. Позади остались Пенза, Куйбышев, Уфа. А мы работаем. Настроение отличное. Сегодня был спор о маршруте. Стоит вопрос: включить пик Грандиозный в основную часть маршрута или же идти на него только в случае, если будут дополнительные продукты. За второй вариант стоит Гена. За первый все остальные. Гена доказывает, что на реку Кизир необходимо не меньше 15 дней и включить восхождение на пик Грандиозный – это добавить еще 3-4 дня, что почти нереально. Спор еще не окончен. Твердого решения нет. Первая часть маршрута остается прежней: озеро Агул, перевал Четырех медведей, река Фомкина – 2-ая, река Кизир.

14 июля. Воскресенье.

Сегодня утром прибыли в Омск. Боялись проспать, но всех разбудил Вилл. Было хорошее солнечное утро, и даже не верилось, что вчера полдня и

весь вечер была страшная гроза и ливень. Сделали маленький марш-бросок за хлебом. Первое впечатление от города хорошее.

Потом пошла Западно-Сибирская низменность. Вот где простор! Сколько можно увидеть – всё равнина да березовые рощи. Вечером прибыли в Новосибирск. За Новосибирском степь уже пересеченная, холмистая, но по-прежнему растут одни березки. Прелесть! А мы работаем, шутим, спорим о социалистическом образе жизни, о близости коммунизма, о фактическом неравенстве мужчин и женщин.

15.07. Понедельник.

Подсчитываем километраж. У нас за спиной остались немногим больше четырех тысяч км. Только подумать! А ребята смеются: разве это Союз, ехали четверо суток скорым и уже проехали почти пол-Союза. У нас в группе уже чувствуется конец пути. Вилл потребовал нашу документацию и разрабатывает план научной работы. Ведь мы идем не в турпоход, а являемся членами Всесоюзного Географического Общества. Идем как экспедиция. Физико-географическая. Правда, звучит?! Недаром Фесена заявил, что в турпоходы он больше не ходит, а ходит только в экспедиции и ездит в альплагеря. Если он действительно будет так делать, как инструктор он для турсекции ХПИ потерян.

Скоро Красноярск. Жить с приключениями интересней и, если их ищешь, то они всегда найдутся. На станции Черная мы увидели дедулю, который стоял в тамбуре товарного вагона с билетом в руках. Мы поинтересовались, куда он едет. Не получив ответа, Вилл и Толик

вышли из вагона и посмотрели билет. Оказалось, он должен ехать нашим поездом. А поезд в это время уже тронулся. Пришлось дедулю нести бегом на руках. Вот где помогла тренировка по переносу пострадавшего. Жаль, что не зафиксировали этот кадр! Сейчас уже вечер. В Красноярске, ввиду опоздания поезда, мы стояли несколько минут. Юра Кардаков нас не встретил. После завтрака мы начали собирать и укладывать рюкзаки. Мне и Свете по 32 кг, а мальчикам по 57-58 кг. Рюкзаки огромнейшие!!! Даже в руках остались некоторые ящики и личные вещи. Все пришили себе эмблемы. Чувствуем конец дороги. Появились некоторая напряженность и ожидание. Но мальчишки сейчас спокойны. Им просто некогда. Возьются до сих пор с укладкой рюкзаков.

В кладовой на рюкзаках.

Итак, скоро конец пути. Позади

остались пять тысяч километров пути и почти пол-Союза. Впереди новые дороги и новые впечатления.

16.07. Вторник.

Сейчас сидим в кладовой на рюкзаках. На улице дождь. Погода нелётная. Семенцов уехал в город на почтампт. А вот и он. Деньги пришли, значит, нам не придётся сидеть здесь и ожидать их. Правда, Руднев вместо 260 руб. прислал только 145 руб. Плохо. Ведь нам спортклуб ХПИ дал 210 руб. Ничего не поделаешь.

Нижеудинск не очень большой город. Нет ни бруска, ни асфальта. Пыли по косточки. Прибыли мы сюда в 11.00 по местному времени. Автобусом приехали в аэропорт, разбили палатку, приготовили ужин и улеглись спать.

Комары едят нас, всех подряд, не выбирая, но возле костра их было меньше. Теперь они разгулялись.

Мы положили в палатку все рюкзаки, поэтому спать немного тесно и страшно жарко. От комаров спрятались под одеяло, но там нечем дышать. Света предложила разбить фонари на столбе,

чтобы они не видели

куда лететь. Вот и произошла наша первая встреча с комарами. Но это только цветочки.

Погода испортилась совсем. Пошёл сильный дождь. Сплошная пелена. Сидим в аэропорту. Были в городе. Город не понравился. Слишком много грязи. Вчера было

пыли по щиколотки, а сегодня грязи по колени. На ночлег устроились на чердаке. Здесь много пыли, но зато сухо. Залезли без разрешения, так как на открытой веранде воды больше, чем на улице.

17.07. Среда.

Ночь прошла хорошо. На улице по-прежнему идёт дождь. Мы сидим в своей резиденции и уже скучаем. Хочется в горы. Ведь мы почти у цели, а достичь её не можем. И близко ягодка, а не сорвёшь. Только что пришли с прогулки. Выглянуло на часик солнышко, и мы пошли смотреть реку Уду. Нашли старый плот и начали тренировки. Здорово. Хотя, честно говоря, он нас очень плохо слушается. Посадили плот на мель, и 50 м пришлось брести в холодной воде по колено. Было не очень тепло, но зато очень весело. Наши мальчишки устроили соревнование на количество попаданий камнями в плот. Приз-сахар (в нём хоть и не чувствуется недостатка, но выдаётся не вволю).

Семенцов выиграл три грудочки сахара. Сладкая пилюля за неучастие в тренировке. За эти дни мы засиделись и теперь шалим, как дети.

Вечером спустились к челябинцам и долго пели. И соревновались, и пели вместе. Мы уже давно не пели и теперь не совсем «спеты». Потом у себя на чердаке мы долго ещё пели, пока не уснули. А Фесена и Вилл до полуночи не спали. Всё пели, пока не перепели все лирические песни, которые знали.

18.07. Четверг.

Солнце! Сколько солнца! Я даже не думала, что здесь может быть так жарко. Но аэропорт пос. Верхняя

Гутара не принимает, так как там много грязи. Аэродром полевой. Позавтракали и сейчас каждый занят своим делом. Когда улетим – неизвестно.

Ура!! Мы в Верхней Гутаре. Как поётся в песне: «Были сборы недолги». И к тому же ожидаемые сборы. И вот мы уже в самолёте АН-2 летим над Саянами. Под крылом самолёта тайга. Много рек, очень извилистых, с озорными поворотами. Горы сверху кажутся совсем пологими холмами, полностью покрытыми лесом. Вид очень

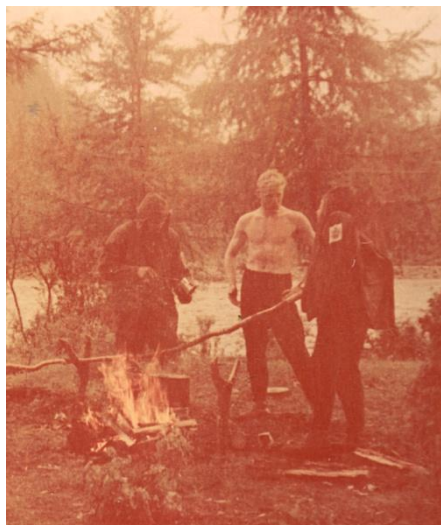
красивый. Под нами плывут облака, и их причудливые тени падают на тайгу. Такое впечатление, что внизу под нами зелёный ковёр с разными-разными узорами.

*АН-2 помахал нам крыльями
и улетел в Н-Удинск.*

Показалась В. Гутара. Это не очень большое селение у самой реки. Со всех сторон окружено красивыми горами. Разбили лагерь в лесу недалеко от взлётной площадки. Нас здесь много. Челябинцы, москвичи, ленинградцы. Все они прилетели во второй половине дня. Можно даже устроить слёт дружбы.

Нас здесь встретили тучи мух, очень маленьких, но очень надоедливых и вредных. Просто нет сил от них отбиваться. Вечером им на

смену пришли комары, но мы пока стоим стойко и никаких средств от них не применяем. Закаляемся.

Здесь уже много цветов, которые мы видим впервые.

Одни удивительно похожи на ландыши, но имеют розовый цвет. Ходили договариваться насчёт оленей. Олени есть, но вот проводников нет. Завтра с утра снова пойдём к председателю.

Освоение цветного фото.

Толик С. увлёкся рыбной ловлей. Но ему пока фортуна не улыбается. Всё же мы не теряем надежды, что будем кушать рыбные блюда, ведь недаром же мы тащили с собой столько снастей и крючков. На рыбалку ушли Толик Ф. и Вилл, потом Гена, Света и я. Толик С. нашёл ялик и начал сплавляться, но вскоре оказался по колени в воде. И так, это первое купание инструктора, а мы успели искупаться ещё в Нижнеудинске.

У нас гость.

19.07. Пятница.

Вчера вечером мы долго бегали по тайге, переправлялись на островок по поваленным деревьям. Имели три жертвы: Толик С., Толик Ф. и Вилл – они хорошо искупались. Такой чудный был вечер! Просто прелесть! Свежий воздух, цветы, вода и хорошее, шальное и бодрое настроение. А закат... Какой был закат! Я не могу просто его описать. Получится или как в художественной литературе, или бесцветным. А ведь какое это чудо! Цвета все время меняются просто на глазах, меняются оттенки и краски. Такие закаты можно запомнить на всю жизнь.

Долго мы еще не могли успокоиться, пели песни, лирические все. Весёлые песни у нас не совсем весело получаются. И вовсе не от того, что нам грустно. Просто у нас столько новых впечатлений, столько бодрости, что хочется запеть что-то широкое, плавное, могучее.

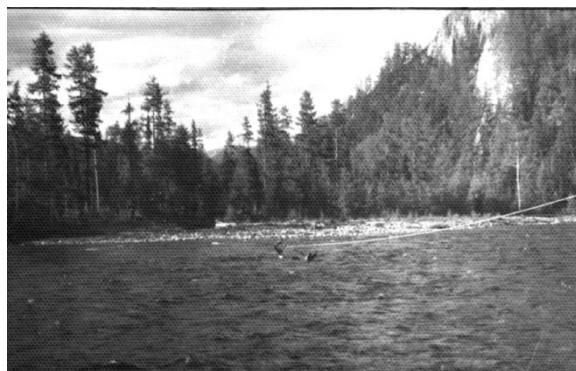
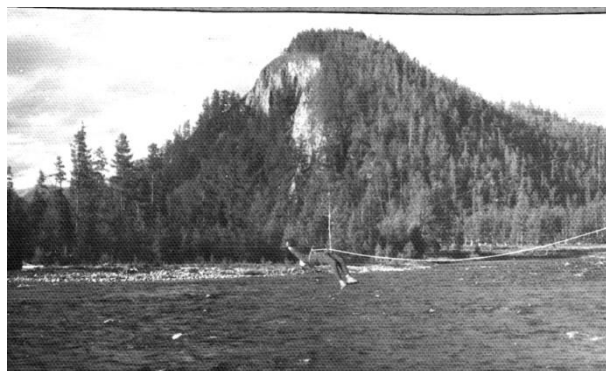
Сегодня утром ярко светит солнышко – хоть загорай! Только вот мухи портят нам жизнь. Толик С. с Виллом ушли договариваться насчет оленей. В

горы! В горы! Это сейчас у нас у всех единое стремление. Хочется полностью почувствовать дикую природу, уйти подальше от людей. Ну, это уже юмор. От людей-то мы уйдем, а вот от туристов вряд ли. Ведь недаром же туристы кормят всех тофаларов.

Утром мы со Светой и Геной сделали хорошую разминку, чуть палатку не разнесли. Пока что Гена нас побеждает, но мы надеемся, что к концу похода мы уже будем ездить на нём. Как хорошо прошел этот день! Еще утром мы со Светой были настроены воинственно. Чтобы укротить наш пыл, Толик Ф. и Гена решили привязать нас к дереву. Борьба была не кровопролитной, но очень ожесточенной. Наши силы расслаблял смех, но всё же они нас не только не привязали, но даже не сумели связать нам руки. Вот какие мы сильные! Теперь мы и инструктору угрожаем в некоторых случаях. Но эта борьба окончилась печально. Мне пришлось идти стирать свою и Генкину футболки. Ничего не поделаешь. Борьбы без жертв не бывает.

Испытания троса на статическую и динамическую прочность.

Потом мы ушли испытывать 2,2 миллиметровый трос. Толик Ф. и Гена натянули переправу через рукав р. Гутары. Первым пошел Толик Ф. Скольжение отличное. Пятой точкой прямо в воду. (Ну, чего не сделаешь ради науки!) Пришлось перетягивать трос. Снова пошел Толик Ф. Отлично!! Прошла Света. Вдвоем они начали испытывать трос на разрыв. Он выдержал. Прошел Гена. Теперь моя очередь. Отталкиваешься ногами и плавно летишь на другой берег. Теперь трос испытываем мы с Геной, повиснув на нем. Трос выдержал. Но, когда мы приложили динамическую нагрузку – он треснул. Конец ударил меня. Гена решил испытать трос на разрыв в вертикальном положении. Он сделал специальное приспособление. Первый раз стали Толик С., Гена, Вилл. Когда стал Толик Ф., трос развязался в узле. Опыт повторили. Теперь трос выдержал Толика С., Гену, Вилла. Стала Света. Трос выдержал. Вместо Светы стала я. Трос лопнул. Снова досталось мне. При падении Толик С. двинул меня локтем по лбу.

Испытание купленной Виллом винтовки.

Оставив мальчиков, ушли со Светой в Верх. Гутару. По возвращении успели на прощальную линейку. Ушли челябинцы, оставив Юру с грузом для оленей. Вечером пошел сильный дождь. Мы все спрятались в палатке. Шуткам не было конца. Хохотали до изнеможения, до слез. Мешали комары. Вечером они особенно злые. Гена назвал их «мессершмиттами».

20.07. Суббота.

Комары полностью оправдали сегодня это название – мессершмитты. Вилл и Толик С. с утра принесли сумы для оленей. Всего 10 сум по 15кг в каждой. Итого 150 кг. Пока мы уложили все продукты в сумы, мы чуть с ума не сошли от мошки, комаров и мух. Я сегодня была за адвоката у Гены. Ветками отгоняла мошку и комаров, чтобы он мог заниматься умственной работой, т.е. раскладкой продуктов и снаряжения по сумам и рюкзакам. Меня комар укусил за веко и теперь хожу с запухшим красным глазом. Хочется уже сменить хотя бы комаров, так уже вьелись эти. Может новые не такие голодные...

Наше вооружение.

А денек сегодня отличный. Совсем нет дождя. Целый день светит ярко солнышко. Сейчас натянули переправу через реку Гутару. Толик С. перешел ее вброд. Вода холодная. Ух!.. Первым идет Вилл. Стоп! Пятой точкой прямо в воду! Семенцов пытается подтянуть его. Света за фотографа. Крушение!! Трос лопнул, Вилл в реке. Его страховали веревками. Теперь, удерживаясь за веревку, он идет к берегу. Все наши тренировки и вылазки кончаются купанием! Сейчас мальчишки подводят итог здесь, а Семенцов свертывает трос на том берегу. Попытка Толика С. перейти реку вначале кончилась неудачей, он попал на сильное течение и большую глубину. Возвратился. Идет без страховки. Ура! Толик здесь! Замерзший, красный. Его сильно ударило тросом по лицу. Заставили его выпить спирт...

Вот и окончилась наша попытка сделать восхождение на гору. А она вот, рядышком, на том берегу. Без имени. С одной стороны отвесная, а с другой тоже очень крутая, но поросшая мхом и лишайниками.

21.07. Воскресенье.

Мы собирались уйти вчера вечером, но не привели оленей с пастбища. Снова ночуем. Здесь уже никого нет. Одни мы и Юра из Челябинска с

продуктами своей группы. Мы прилетели первыми, а уходим последними. А вот как это получилось. Одна группа ушла с лошадьми. Мы отказались от них, т.к. плохой проводник и, главное, лошади не доходят до озера Агул. Другие группы ушли с частью оленей. Связки они будут пополнять на пастбищах. Мы же уходим с Николаем Благоевым, очень порядочным тофаларом, знающим проводником. Сегодня утром нас разбудил Николай. Мы быстро поднялись. Николай сумами остался доволен. Позавтракав, мы слоняемся по лагерю. Оводы, мухи, комары потеряли стыд и совесть, а мы терпение. Спасаясь от них, Света забралась на дерево. Затем я. Количество мух с увеличением высоты уменьшается в арифметической прогрессии. Гена забрался на самую макушку. Долго, конечно, высидеть не смогли и от скуки начали со Светой выть. Придумали соревнование – и мяукали, и плевали на дальность. Надоело. Света предложила уйти Гене, ей и мне на оз. Агул. Предложение понравилось Николаю. И вот уже все, за исключением инструктора, собираем рюкзаки. Вес 18 и 21 кг. Настроение отличное.

В 16час15мин мы покидаем лагерь и идем к реке Каменка. Хорошей тропой поднимаемся вверх по реке. Тропа перескакивает с берега на берег. Кругом красота неопиcуемая, особенно красивая тайга! А мох! Шаг в сторону от тропы и вязнешь, проваливаешься в мох по колени. А цветы! Красивые, пахучие и разные – разные. Мы собрали со Светой большой букет. Вот

где разнообразие красок, форм и запахов! Мальчики признают, что здесь намного интересней, чем на Кавказе. Жаль, что далековато...

Идешь по тайге, вдруг – скала или необходимо переходить речку. Немного пройдешь – снова скала и снова переправа. Прежде, чем тропа повернула вверх, мы сделали 14 переправ. А Толик Ф. насчитал всего 28 переправ, не считая ручьев, где переходили по камням и бревнам.

Первую переправу мы наводили очень долго. Потом дело пошло быстрее. Лучше стали определять место переправы. Быстро валили деревья. До подъема с нами шел инструктор и помогал наводить переправы. У подъема мы были в 20час. 30мин.

Подъем был ужасный. Надо было подняться на высоту 1500 м длиной около трех км по прямой, но подъем был вверх – вниз с возрастанием по высоте. Это Сони – гора. Сразу поднялись на 500 м. Отдых. Потом подъем

20 мин и 10 мин отдых. Идем в таком режиме. Вот кажется – уже конец!.. Но нет же. Это поворот.

Но вот и вершина! Мы вышли на гребень. Был чудный закат. Красивый, о-очень красивый вид. Кругом горы. Справа видны две вершины, покрытые снегом. Пошли на спуск. Но что это? Снова подъем? Да, это был подъем, и снова подъем и т.д.

В 10 час вечера мы стали на привал у тропинки и маленького ручейка. Лагерь разбили в тайге. Мох по колено. Разложили большой костер. Вот так

началась наша таежная жизнь.

Таёжное разнообразие.

Пять человек совершенно одни в тайге. У нас с собой два ружья. От лагеря без ружья не отходим. Мы со Светой под конвоем. Да, в Верхней Гутаре Вилл купил себе новую ТОЗовку и теперь не может ею налюбоваться. Еще в Верхней Гутаре мы сделали первую пристрелку ТОЗовки по банкам. Прицел очень хороший. Даже я из пяти выстрелов попала в банку четыре раза.

Вечер отличный. Только вдали сверкают зарницы отдаленной грозы.

22.07. Понедельник.

Утром поднялись в 7.00. Только позавтракали –

пошел дождь. Быстро собрались и вышли на маршрут. Снова подъем. Немного прошли – перевал.

На вершине установлена деревянная вышка. С вышки хороший широкий кругозор. Дальше пошел спуск. Спустились до р. Малый Инжигай и пошли вниз по течению. Это не очень широкая горная речка. Тропа все время переходит с берега на берег, огибая скалы. Сделали 7 переправ. Долина реки очень широкая. Много кустарников и цветов. Дальше идут горы. Вышли к р. Инжигай. По ту сторону домик и лагерь геологов. Реку перешли вброд. Вода х-о-л-о-д-н-а-я!

Возле лагеря геологов стали на привал. В 14 час 20 мин нас подняла гроза. Быстро собрали рюкзаки и под градом и дождем ушли по тайге. Тропа переходит с берега на берег. Идти не очень тяжело, но ноги у всех абсолютно мокрые. Тропа больше похожа на ручей. Долина реки очень широкая и

заболоченная. Дождь окончился. Ярко светит солнышко. Идем со скоростью 6-7 км в час. Темп хороший. Реку переходим вброд, выкручиваем носки и идем дальше. По тропе уходим по направлению к перевалу Усть-Инжигайский на Сухой хребет.

Здесь подъем веселее. Мы взяли его за два перехода. Подъем крутой, но идти легко. У подножья Сухого хребта Толя Ф. убил рябчика. Так что сегодня ужин будет с мясом. С Сухого хребта вид не очень широкий. Больших вершин не видно. Все окружающие вершины покрыты тайгой.

Спускаемся вниз. Спуск не очень крутой, но тропа очень мокрая. Идем вдоль бурного ручья. Скоро он уходит в камни и дальше русло сухое. Такое мы видим впервые.

Вышли к реке Малый Тагул. Это очень широкая река. И она все время раздваивается. Посреди реки остров, река огибает его с двух сторон, потом сливается. Снова остров и снова сливается и т.д. Идем немного выше реки, потом спускаемся к реке.

Здесь в долине мы сделали привал на ночевку. Рябчик очень вкусный, но его оказалось мало и, к тому же, очень старый.

23.07. Вторник.

Подъём сделали в 8.00, но вышли только в 11.00. Долина Тагула здесь очень красивая. С правой стороны она очень широкая, а с левой её прижимают горы. Через три км переправились на левую сторону. Перешли вброд. Прошли ещё два километра и вышли в устье р. Доды. Это очень широкая, бурная река. Здесь нас нагнали олени. Оставив Николаю

записку для Семенцова, ушли по правому берегу р. Доды. Через 2 км вброд переправились на левую сторону реки. Здесь нас нагнали Семенцов и Юра.

Идём по левому берегу р. Доды. Здесь он очень болотистый. Приходится подниматься повыше и идти без тропы. На привал остановились возле охотничьей избушки. К нам подошли олени. Наши запасы продуктов уже закончились, и мы взяли необходимые продукты из сум. Вышли в 16.00. Сразу пришлось наводить переправу через р. Доду. Она здесь широкая и бурная. На переправу ушло 40 мин.

Дальше идём тропой. Сделали несколько переправ через р. Доду, но теперь всё вброд. Подходим, разуваемся и идём в воду. Ноги привыкают к холоду, и переходим без писка. Так намного быстрее.

Впереди подъём к истокам р. Доды. Подъём не очень крутой, но длинный. А кругом тайга и цветы. Много ручьёв, но переходы через них легкие. Или по заваленным деревьям, или по камням. Прошли две изгороди для оленей. Всё время идёт подъём. Уже 10 часов вечера. На стоянку останавливаемся на месте бывшего лагеря туристов и охотников. Место очень хорошее – возле ручья на поляне. Олени ушли вперёд. Погода весь день отличная.

24.07. Среда.

Рано утром Виля и Фесена ушли на охоту. Мы поднялись в 8.00. Погода хорошая, светит солнышко и тепло. Охотники подбили двух кедровок. Ужин будет с мясом. Вышли только в 11. 12. Сразу начинается подъём на Додинский гонец. Тайга окончилась. Идём по болотистым местам и мху. Возле самой вершины сделали 15-и минутный отдых. Дальше ушли на подъём без Гены. Начались камни и, ура, перевал взят!

А вид! Какой чудесный вид открывается отсюда! Кругом горы, горы, горы, покрытые тайгой, а на север – скалистые со снежниками. Вокруг все красиво: горы, тайга, небо и на нем такие волнистые серебристые тучки.

Здесь и Николай с оленями! Холодный ветер согнал меня и Свету с вершины, и мы побежали вниз к Гене. Он не поднимался на вершину, а обогнул ее. «Умный в гору не пойдет!» Толик С. остался перезаряжать кассету в кинокамеру. Втроем мы шли за оленями, не теряя их из виду. Тропы нет, идем по гребню гольца. Вскоре началась тропа. Мы остановились поджидать мальчиков. Сколько здесь цветов! Особенно красивые ярко-ярко оранжевые. Саянские розы!

Ожидали около часа. Мальчиков нет. Решили идти дальше сами. Тропа все время идет по гребню. Спуск, подъем, спуск, подъем и так бесконечно. Идти легко. До озера надеемся добраться к вечеру. Вот одно свойство

оленьих троп: они все время поднимаются «в лоб» и не минуют ни одной вершины.

Поднявшись на одну из таких вершин, мы неожиданно увидели *озеро Агул*. Вот оно впереди нас и далеко внизу. Это наша цель первых дней маршрута с оленями! Видна только часть озера, стесненного со всех сторон горами. Скоро начался спуск. Уклон градусов 50. Идти невозможно! Бежим все время на полусогнутых ногах.

Спустились в долину реки Сигач и подошли к оленям. Вместе с ними мы перебрали реку и остановились на полуострове.

Чтобы добраться до избышки, необходимо переправиться через реку Агул. Она глубокая и для оленей непроходимая. Сразу начали строить плот. Связали 3 бревна и 2 матраса. Получилась довольно неустойчивая посудина. Гена поплыл к избышке. В это время подошли мальчики. Мокрые, но довольные. Они переправлялись через реку Сигач. Там, где и мы, но пошли на главную струю и их чуть не снесло.

Здесь на песчаном берегу оз. Агул мы стали табором. День был отличный!

25.07. Четверг.

Утром Вилл и Фесена снова ушли на охоту на кабаргу, а Семенцов и Гена ушли на рыбалку. Погода хорошая, солнечная. Вода в озере сравнительно теплая – не ледниковая. Мы со Светой устроили санитарный день. Стирала, купались, загорали. наших охотников и рыбаков постигла неудача. К вечеру Николай с оленями ушел в Верхнюю Гутару. Мы остались одни и еще Юра. Здесь хорошая лодка. Вечером мы все погрузились в лодку

и переправились на другой берег озера, поставив по пути приманку для тайменей.

Мальчики ушли с пищалками охотиться на кабаргу, поручив нам поставить перемет. Все наши попытки окончились неудачей.

Олени уходят.

Мы возвратились в лагерь. Юра вызвался помочь поставить перемет. Бросили на пальцах — ставить

перемет иду я с Юрой. Света осталась готовить ужин. Поставить перемет нам с Юрой тоже не удалось. Мы поехали к месту высадки мальчиков и забрали их. В этот вечер перемет мы так и не поставили. Хоть и много рыбы в озере, но мы по-прежнему без рыбы.

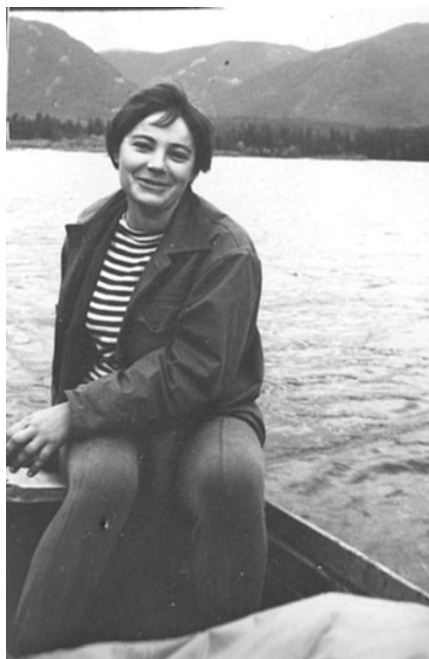
26.07. Пятница.

Поднялись поздно. Дежурные Света и Гена остались в лагере, а мы ушли на охоту. Снова нам не

повезло. Но какая прелесть бродить налегке по тайге! Да, важен не результат, а сам процесс. Получаешь эстетическое удовлетворение.

Сегодня на оз. Агул прибыли группы новосибирцев, куйбышевцев и ленинградцев. Так что здесь большая населенность. Дежурные накормили нас очень вкусным обедом. Были блины и кофе. Это потому, что у нас сегодня уже начался маршрут! Мы должны были строить плот, но так как здесь имеется хорошая лодка, то у нас сегодня дневка.

Во второй половине дня мы переправились через оз. Агул в устье р. Тоенка и остановились на ночевку. Завтра со всем грузом уходим в тайгу.

В лодку сложили всё только к 19 час. С нами едет Юра, чтобы вернуть лодку. Мальчики гребут попарно, Света пытается счастье на спиннинг. А я сижу на корме и правлю лодкой.

Стоит предвечерняя дымка. Лодка медленно движется вдоль берега. Возле каждого ручья мы останавливаемся и пицалкой зовем кабаргу. Озеро очень красивое! С острова была видна только часть озера. Теперь оно открылось полностью. Большое и прекрасное. Скалы то вплотную подходят к озеру (высотой около 100 м), то немного отступают. Ветер стих. На озере стоит маленькая зыбь. Вода зеленая-зеленая, а глубина приличная. Плыдем молча, без песен. Ведь ружья наготове.

Остановились в устье р. Тоенки. Плыли примерно 5км около двух часов. Погода отличная.

27.07.Суббота.

Толик С. утром ушел охотиться на кабарожек. Мы поднялись в 9.00. Ярко светит солнце, почти нет комаров и мошки. Толик кабарожку не подстрелил, но подстрелил трех рябчиков. Гена подстрелил кедровку – это его первая добыча.

Сегодня мы второй день питаемся как на маршруте. Оказывается, это много продуктов! Наши мальчики так наедаются, что их потом не поднять. Вилл сказал, что это хуже, чем в пятерке. Гена начал распределять груз по рюкзакам. Вес рюкзаков 30 кг у девушек и больше 45 кг у ребят. Очень тяжелые.

В 19 часов мы выходим на маршрут. Идем левым берегом р. Тоенка. Сейчас остановились искать место

для привала. Прошли 2,5 часа и 2,5 км. Скорость – 1 км в час. Это настоящая дикая тайга. Кажется, что до нас здесь не ступала нога человека. Сваленные бурями, поросшие мхом деревья лежат через каждые два шага. Пытаемся идти звериными тропами, переходя с одной на другую. Тайгой идти очень тяжело. Идем, увязая во мху. На каждое лежащее дерево не станешь. Оно такое трухлявое, что рассыпается под ногами. Нет никакой опоры ногам. На привалах заедает мошка. Мы потные, «пахучие» и она лезет в рот, нос, уши, глаза – в каждую щель. Какая уж тут привычка!! Мы медленно звереем. И уже кончается терпение. Хочется или бежать, куда глаза глядят, или выть.

Рюкзаки очень тяжелые. Мы со Светой их не поднимаем, и нам поставили «дежурного». Сегодня дежурит Гена. На привал остановились на берегу р. Тоенки у самой воды. Тут меньше мошки. Речка очень бурная. Очень живописное место. Дикая тайга, дикая река, дикие горы!!!

28.07. Воскресенье.

Подъем сделали в 7ч 30мин. Сейчас хороший солнечный день. Собираем рюкзаки и выходим. Для нас это обыкновенный день. Работаем без

выходных. Снова идем звериными тропами. Они то подходят к самой реке, то уводят в тайгу. Долина реки все время меняется. Она то расширяется, то сужается, но горы нигде не подходят к самой реке. Идем все время по левому берегу р.Тюенки.

В 14 часов остановились на привал. Хорошо отдохнули и снова в путь.

Тайга в некоторых местах стала отступать. Появились альпийские луга: высокая трава и обилие цветов, а также мошка. От нее можно стать психом – просто нет терпения. Мы движемся равномерно: 15 мин. – идем, 5 мин. – отдыхаем. Такой темп не утомляет и, несмотря на то, что пот

заливает глаза, можно увидеть все вокруг.

Река становится спокойнее. Ее берега болотистые. На большой поляне увидели изюбра. Света воскликнула: «Смотрите, какая прелесть!» А он действительно прелесть: рыжий, с длинной красивой шеей. Он ушел от нас в тайгу. А тайга! Какая здесь красивая тайга! Дикая, богатая, разнообразная. На привал остановились на островке, подальше от мошки. Мы назвали его островком Романтиков. Здесь очень красиво. Семенцов и Вилл ушли на охоту, а мы разбили лагерь.

Охотники снова возвратились ни с чем, но очень довольные. Наконец-то они вызвали кабаргу, но не убили. Кабаргу они видели впервые и поэтому больше смотрели, чем работали руками. Кабарожка убежала, спасая жизнь. Вскоре начался ливень с грозой. Мы лежали в палатке и прислушивались к реву реки. Ведь после такого ливня

уровень воды может подняться настолько, что затопит наш островок. Ливень лил почти всю ночь, но утром снова светило солнышко и было тепло.

29.07. Понедельник.

Подъем сделали в 8 часов 30 мин. Позавтракали, сложили рюкзаки и вышли. Ярко светит солнышко. Погода отличная, настроение тоже. Идем по-прежнему звериными тропами. Снова завалы, корни, мох и ручьи.

Постепенно долина р.Тоенки расширяется. Река становится уже и спокойней. Тайга постепенно отступает.

Вершины гор покрыты мхом. Это уже гольцы, часто на них виден снег. А красотища! Как красиво вокруг! Идешь или дикой тайгой, или по пояс в траве, где много самых разнообразных цветов. Внизу шумит река, а вокруг горы с очень живописными склонами, с острыми отстойниками для кабарожек. Денек отличный! По пути подстрелили двух рябчиков, так что мясо на ужин уже есть.

Сейчас остановились на привал. Через 5 мин чай готов. Пополнили свои силы и снова в путь. Сегодня на привал мы должны стать чуть раньше, чтобы иметь время поохотиться. Еще на привале откуда-то появилась туча, и пошел дождь. Мы накрылись накидками и пошли. Дождь окончился так же неожиданно, как и начался. Снова солнце. Сейчас все чаще и чаще появляются альпийские луга – это просто море цветов: голубых, синих, сиреневых, оранжевых, но нет красных.

Тайга стала намного реже. Кедры стали огромные, густые. Впереди видны скалистые горы со снежниками. Красиво, очень красиво вокруг! Скоро тайга кончилась. Впереди Орзогайская Колючка, а перед нами – море цветов. Голубое море! Сколько их здесь. Ой...ой!!! А сколько здесь Саянских роз! Чтобы описать эту красоту, не хватит слов и красок. Здесь же среди цветов мы разбили лагерь. Вилл и оба Толика ушли на охоту. Мы остались готовить ужин и ставить палатку.

Скоро с Орзогая надвинулись тучи. Пошел дождь. Долгий, нудный. Мокрые возвратились охотники, без добычи и немного злые. Дождь шел всю ночь.

30.07. Вторник.

К утру дождь не перестал. Как противно вылезать из теплой сухой палатки под дождь. Мы с Виллом дежурные и поднялись немного раньше, чтобы разжечь костер и готовить завтрак. В тайге в любую погоду можно найти сухие веточки и поэтому вскоре весело полыхал костер.

В сторону Агульского озера небо прояснилось, а там, куда нам предстоит идти, все кипит, как в адском котле. Туман полностью закрывает весь горизонт и горы. Перевал, через который нам предстоит идти, находится неизвестно где. А ожидать хорошей погоды в Саянах можно и месяц. До сих пор погода нас баловала. Теперь мы выходим на хребет Орзогай и реку Кизир, которые славятся туманами и дождями. Мы это хорошо знаем, но все-таки как хочется, чтобы нам всю дорогу светило солнышко.

Сейчас мальчики кончают сушиться, и мы выходим на маршрут. Снова дождь. Идем без тропы по кустарникам. Мочит и сверху, и снизу. Прояснения не видно. Впереди кусты и кусты. В поисках пути то поднимаемся вверх, то опускаемся вниз. В ботинках чавкает вода. Идти очень скользко. Вброд переходим р. Тоенку, уже ничего не теряя, идем по правому берегу. Но и здесь не лучше.

Тучи то расходятся, то снова плотной стеной закрывают небо. Их все тянет и тянет с перевала, как с какой-нибудь бездны. Просто кромешный ад впереди. Вчера там были видны красивые пики Орзогайской Колючки, а сегодня там клубится туман, тучи и просто страшно смотреть. Кажется, что там сразу бездонный обрыв. К дождю мы уже привыкли. Эта погода даже нравится Виллу. Он умный. А нам солнышко подавай.

Вскоре нашли тропу, если можно ее так назвать. Совсем недавно по ней прошли туристы. Видны следы вибрам и стоянок. На привал остановились возле одинокого кедра. Под дождем разожгли костер и согрелись. Дождь окончился ненадолго. Просто, как и мы, он сделал перерыв.

Медленно поднимаемся к перевалу. Начались настоящие альпийские луга. Сколько цветов! На каждой поляне царствуют только одни цветы. Эта поляна голубая, следующая – оранжевая, еще дальше – желтая, потом белоснежная. И все они чередуются между собой. Возле самого перевала небольшие снежники.

Саянские розы подходят к самому снегу. Погода стала быстро меняться. Какое это красивое зрелище!! Только сейчас внизу все было темно, мы как бы уходили от мрака, а через 5 минут там солнышко и сверкают вершины. А какое здесь интересное небо! То все затянуто тучами и туманом, то голубое в просветах. То вдруг почти все небо синее-синее и снова покрывается причудливыми тучами, которые быстро меняют очертания и формы.

Мы медленно поднимаемся к перевалу. К тяжелым рюкзакам мы уже привыкли, но идти тяжело. Какое это зрелище, когда смотришь, как один за другим поднимаемся мы вверх! Особенно смешной Генка. С огромным рюкзаком, в коричневой накидке, с ледорубом и топором сзади, он похож на лошадь. Да и работа здесь лошадиная. А цветов здесь на перевале море-океан! И какое разнообразие цветов и форм!

Небо прояснилось. Впереди открылся один зуб Орзогая, потом второй. Потом целая гряда. Впереди Орзогайская Колючка. Внизу долина реки Орзогай. Мы на перевале! Названия его мы не знаем, но запомним

надолго. Такие виды встречаются не часто. Ожидая встретить ад, мы увидели земной рай! Остановились на самом перевале, на огромном камне. Слева от нас еще один перевал в долину р.Агул. Прямо перед нами красивые пики Орзогайской Колючки. Внизу река Орзогай. Мальчики сразу загорелись. В них проснулась душа альпиниста, которая смирилась с туристской долей, но при виде таких пиков душа восстала!

Налюбовавшись причудливыми красотоми, мы начали спуск. Он довольно крутой и длинный. Веселый был спуск! Мокрый, скользкий, да еще и с таким грузом сверху. А вокруг такая красота! Здесь больше влаги и мы идем с головой в траве и цветах. Идешь и не надышишься запахами цветов. Эта долина еще красивее, чем долина р. Тоенки.

На привал остановились на месте старого лагеря под большими разлогими кедрами. Вид отсюда – прелесть неопишуемая! Какой богатый впечатлениями и содержательный был сегодня день. День сменила чудная ночь. На западе между двумя гребнями полоской загорелось небо. Подобно Северному сиянию, оно то разгоралось, то чуть меркло, то вдруг снова вспыхивало разными цветами. А вот прямо перед нами повисла на гребне луна. Как будто присела отдохнуть. Потом медленно вошла между двумя гребнями и, закрываемая тучами, она, как волшебное око, осматривает долину. Нам спать не хочется. Сидим возле костра – сушимся, греемся и разговариваем. Обсуждали красоты Кавказа и Саян. С каждым днем мы все больше и больше влюбляемся в Саяны. В их реки и горы, долины и гольцы. Недаром Каширина, который был на Саянах 6 раз, снова и снова тянет сюда.

Опять зашел разговор о траверсе, если не Пика Грандиозный, то хоть одного пика Орзогайской Колючки.

Отложили этот вопрос до завтра. Завтра погода покажет.

31.07. Среда.

Подъем сделали в 7 час. Светит солнце. Погода отличная. Единогласно решили идти на траверс. Сборы, как всегда, были не очень скорые. Лагерь покинули только в 12 час. С собой захватили ледоруб, обвязки, две основные веревки, ружья, штормовки и свитера, а также обед и шоколад. Весело идем

по тропе к перевалу, который проходили вчера. Мальчики охотятся, но безрезультатно. Идем не спеша, любимся природой, собираем цветы. На этот перевал не

поднялись – сразу по склону ушли на перевал, который соединяет долину р. Орзогай и долину притока р. Агул (название ее неизвестно). В 14 час поднялись на перевал. Здесь находится тур. Взяли записку группы москвичей, которая прошла 27-ого числа, 3 дня назад и следы которой мы

видели на тропе. Отсюда хорошо видны обе долины. Оставив записку, мы начали подъем на небольшую, но довольно крутую горку, покрытую мхом.

Постепенно панорама расширяется. Видны все новые и новые вершины. По гребешку перешли на ледник Посургашева. Это большой ледник со многими трещинами, часть покрыта снегом, а частью голый лед. Обогнув высокую скалу «Жандарм», выходим на ледник. Сначала идем по снегу, но скоро начинается лед. Приходится рубить

ступени. Вот где понадобился ледоруб!

Но его хватило ненадолго. Он сломался. Пришлось рубиться ботинками, опираясь на приклады. Наконец, выбрались на снежник. Здесь идти легче. По снежнику подошли к первому пику.

Подъем на него по довольно «хорошему» гребешку. Решили

подниматься по нему. Связались в две связки. В одной Семенцов, Вилл и я, в другой Гена, Света и Фесена. Наша связка пошла первой. Семенцов без страховки вылез на первый крутой выступ и приказал лезть мне. Я никогда скальные занятия не проходила и из теории скалолазания знала только два правила: никогда не становиться на колено и лезть, всегда имея три точки опоры.

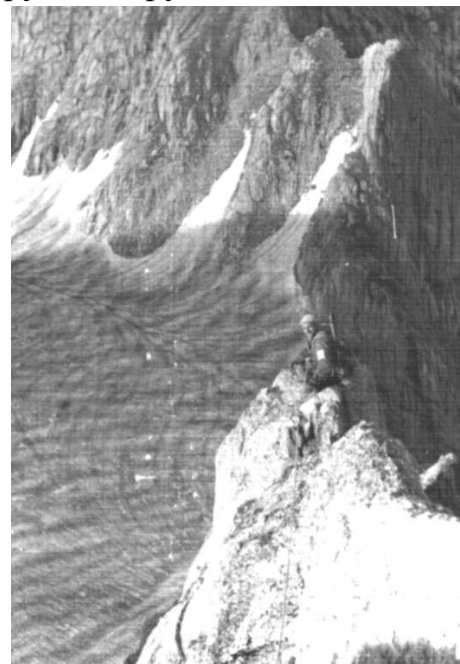
Камни сплошь «живые», тронешь – он ненадежный. Поднявшись до середины выступа, я остановилась, и потребовалось сделать очень большое усилие над собой, чтобы идти дальше. Но дальше – не лучше. На следующем подъеме я свалила на себя огромный камень и потом вообще перестала доверять камням. Немного струсила... Поднимались медленно. Толик С. шел на сванской страховке. Все остальные на страховке сверху. Гена в другой связке шел первым. Его страховал Вилл. Подъем был интересный и сложный. Длина подъема примерно 100 м, а уклон 60 – 80 градусов. Я прошла очень хорошую школу скалолазания.

А какие виды открываются отсюда! Много горных озер, которых не видно с долин и перевалов. Вода в них голубая – голубая. По одну сторону узкого гребня обрыв в долину высотой около 900 м, а с другой – обрыв на ледник Посургашева. Сидишь верхом на гребне. Одна нога в одной долине, другая в другой.

Света шла очень хорошо, быстро и легко. Мне всё давалось труднее. А сколько неприятных ощущений доставили нам «живые

камни!» Уже стало казаться, что и гребень, и пик тоже «живые» и могут пойти вниз. Подъём занял 2 часа. Наконец Толик С. достиг

вершины. «Тур!» – кричал он. – «Записка!»

Быстро распечатав банку, он вынул записку, положенную в 1957 г. московской группой Тимченко, которая впервые сделала восхождение на этот пик со стороны Орзогайской долины и назвала его «Фестивальный». Мы же впервые траверсировали этот пик по северо-западному гребешку. Скоро все поднялись на вершину. Довольные, весёлые и, кажется, ничуть не уставшие.

Отсюда виден пик Грандиозный, на который мы планировали восхождение. Он очень красивый. Вокруг горы, сколько можно увидеть глазами. Погода всё время отличная.

Отпраздновав победу, подкрепив свои силы, а также увековечив свои физиономии на фоне гор, мы начали спуск. Было 22.00 вечера. Спуск не сложный. По сыпучке он занял

всего минут 15. По этому склону делала восхождение на пик московская группа Тимченко. Спустились на ледник и неожиданно с долины р. Орзогай поднялся туман и полностью закрыл ледник. Видимость очень плохая, а на леднике много трещин. В нескольких шагах ничего не видно. Решили спуститься в долину р. Фомкиной и подняться через перевал в долину

р. Орзогай. Маршрут полностью неизвестен, но фактически весь наш маршрут построен так, что точно неизвестно, что нас ожидает.

Спустились по сыпучке немного вниз. Дальше метров на 800-900 «бараньи лбы». Пройти невозможно. Пришлось подниматься, потеряв 45 мин. Туман стал ещё плотнее. Решили идти по леднику. Сразу начался крутой склон льда, немного покрытый снегом. Идём в связках, страхуясь стволами ружей. Это ненадёжно, но другого решения нет. Меня спустили на пятой точке. После спуска вышли на гребень ледника и по нему вышли к травянистому склону. Бегом спустились к перевалу. С перевала, сначала без тропы, а потом по старой тропе пришли к лагерю. Ещё долго обсуждали этот траверс. Толик С. утверждает, что этот пик 3-й категории сложности.

1.08. Четверг.

Сегодня поднялись поздно. Пока готовили завтрак, собрали рюкзаки, было уже 15.00. Толик Семенцов с утра сходил на перевал посмотреть подходы к нему. Подход возможен, хотя тропы и нет, а спуск с перевала не виден.

В 16.00 мы покинули наш лагерь, переправились через р. Орзогай и начали подъём. Орзогайскую Колючку обычно обходят, спускаясь вниз вдоль р. Орзогай до перевала и переваливают в долину притока р. Фомкиной 1-й. Но нам было известно, что в прошлом году одна группа пересекла в каком-то месте Орзогайскую Колючку и спустилась в долину р. Фомкиной 2-й.

Перевал, через который мы думали перейти в долину р. Фомкиной 2-й, находится примерно в 4 км от перевала, разделяющего долины рек Тоенки и Орзогай. Если смотреть из лагеря, то это вначале пологий подъём, а дальше крутой каменистый подъём.

Сначала мы поднимались по травянистому склону, потом по высохшему руслу ручья. Оказалось, что этот довольно крупный ручей полностью уходит в камни. Сделав два крутых подъёма по крупной сыпучке, мы вышли к горному озеру. Оно лежит очень глубоко в камнях. По крутой, каменистой сыпучке поднялись на перевал. Подъём занял 3 часа.

Здесь ещё два озера, но уже поменьше. Этот перевал даже не похож на перевал, очень широкий и пересечённый.

По обе стороны поднимаются вершины с осыпающимися склонами. На перевале мы были в 19 час 30 мин.

Начали спуск. Склоны травянистые, идти очень тяжело. Ботинки всё время скользят по траве. Очень мешают рюкзаки. Что впереди – неизвестно. Кажется, там просто бараньи лбы. Наконец, мы подошли к крутому спуску. Бараньих лбов здесь нет, но спуск очень, очень крутой. Здесь берет начало ручей. Попробовали идти по склону. Невозможно. Решили идти по руслу ручья. Мрачный это был спуск. Камни мокрые, скользкие, да еще и «живые». А когда сойдёшь на траву, то теряешь всякую опору и падаешь. Спуск очень утомительный. До долины ещё было около 1 км, когда начались бараньи лбы. Дальше спускаться невозможно. По обе стороны ручья лес и мы решили перейти туда.

Ползли на 4-х точках опоры, чтобы не сорваться вниз. Оказалось, что это крутой травянистый спуск. Трава высотой в полтора человеческих роста. Просто сплошные заросли. От спуска и от ходьбы по склону устали и дрожат ноги. Решили спустить рюкзаки на верёвках. Связали по три рюкзака. Толик С. и Толик Ф. покатали рюкзаки вниз, а Гена и Вилл сделали салазки из берёзки. Умные! Спустились благополучно. Спуск занял 3,5 часа. Стало уже совсем темно.

Внизу слышен шум воды. На ночёвку решили спуститься к реке. Шли тайгой. А тайга здесь такая дикая, такая непроходимая, что в темноте можно не только ноги свернуть, но и голову – с таким-то грузом. Подошли к ручью. Это приток р. Фомкиной 2-ой. Она в этом месте делает поворот, и мы не дошли до нее 1,5 км.

Быстро поужинав сухим пайком, мы легли спать. Всё-таки спуск очень вымотал нас. А погода сегодня была весь день отличная. Повезло! Сегодня охотники убили шесть ворон (кедровок) и трех куропаток.

2.08. Пятница.

Сегодня после хорошего отдыха вышли только в 17 час. Сразу перейдя через ручей, вышли на правый берег р. Фомкиной 2-ой. Как и все Саянские реки, она прыгает всё время по камням. Местами она расширяется и становится спокойной.

Идем звериными тропами или, вернее, без троп. Только выйдешь на тропу, она сразу теряется в завалах и буреломах. Идти без тропы тяжело. Тайга здесь очень красивая. На ночёвку остановились на самом берегу р. Фомкиной 2-й, пройдя всего 2,5 часа. Оба Толика и Вилл ушли на охоту, а мы остались готовить ужин и оборудовать лагерь.

С Кизира начали подниматься тучи, пока обходившие нас, и вскоре пошёл очень сильный дождь. Мальчики возвратились с охоты мокрые, голодные и злые. Под шум дождя мы поужинали и уснули.

3.08. Суббота.

Утро солнечное и тёплое. О вчерашнем дожде напоминает только обильная роса. Вышли в 11.00. Сегодня мы хотим дойти до р. Кизир. Снова тайга и нет тропы, завалы, буреломы и мох. А мошка! Её столько, что залепляет глаза и не даёт идти. Петляем, уходя от реки, возвращаясь к ней в поисках тропы. Несколько раз мы даже выходили на тропу, но она сразу терялась.

Сколько здесь разных следов! Как только отстанешь от группы, так и не знаешь, по какому следу идти. На полянах трава помятая изюбрами, в тайге видны следы мишуткиного озорства – то вырыта яма, то поваленные деревья. Понравился в одном месте островок среди спокойной широкой реки. Здесь очень красиво, видны «Орзогайская колючка» и хребет Крыжина.

Остановились на отдых на острове, оставив рюкзаки на берегу. Разделись и, намазавшись диметилом, хорошо отдохнули. Мы не спешили, по подсчётам мальчиков

до Кизира осталось два часа ходьбы, да и хребет Крыжина казался совсем близко. Но горы оказались обманчивыми, а тайга не гостеприимной. Троп, даже звериных, не оказалось. Тайга очень дикая, какую мы мечтали увидеть, но продираться с такими рюкзаками не очень большое удовольствие. Бесконечные завалы и буреломы выматывают силы, сами удивляемся, что целы ноги, а тут ещё мошка потеряла всякую совесть и лезет в глаза, в рот и нос. Идти почти невозможно. Гена начал реветь зверем: «Иду, закрыв глаза, выворачивая камни и пни». Диметил после намазывания с потом попадает в глаза, вызывая резь. Решили, что лучше выворачивать ноги, чем остаться без глаз, а потом снова мазались диметилом. В этом отношении мне очень повезло. Я не потею, поэтому мажусь диметилом на каждой остановке, и мошка не так донимает. Все завидуют.

Семенцов решил всё-таки дойти до Кизира и уже начало темнеть, когда мы вышли на тропу сделанную человеком. Это и срубленные деревца, и спиленные деревья. На ночёвку остановились ночью в 200-х метрах от Кизира. Вот где дикая природа! Сегодня мы шли восемь часов и достигли своей цели – реки Кизир.

4.08. Воскресенье.

Поднялись поздно. Ещё вчера решили сделать сегодня днёвку. Мы все сегодня стираем, шьём, подгоняем и отдыхаем. Семенцов доказал, что он не даром тащит рыбные снасти через Саяны. Он поймал три хороших хариуса!!! Сразу все загорелись рыбной ловлей, но больше ничего сегодня не поймали. Удача только улыбнулась.

Здесь на берегу уже есть спелая черника, и мы испекли первые пироги, очень вкусные. Вообще мука себя очень оправдала. Лепёшки мы печём сейчас быстро, и получаются они вкусными. А на обед была уха с галушками. Это у нас новое блюдо: саянские галушки. Вечером Толик С. снова поймал два хариуса. Так что у нас появилась надежда на рыбу.

Все отдыхали в своё удовольствие, собирали чернику, охотились. Да, мальчики увидели совсем свежие следы медведя и так загорелись, просто ужас как. Сожалели, что не взяли с собой собаку. Хотела представить себе их встречу с медведем,

помня их встречу с изюбром и кабаргой, но не хватило фантазии. А вечером пошёл очень сильный дождь. Весь день был солнечный, а вечером с пика Грандиозного нагнала тучи, и погода испортилась. Сегодня мы впервые увидели реку Кизир!! Здесь она делает поворот и с правой стороны в неё впадает р. Секач. Река очень красивая, быстрая, а чуть ниже спокойная и широкая. Течение хорошее, но много камней. Плот будем строить ниже 4-го порога.

5.08. Понедельник.

Подъём сделали в 7.00. Дежурные поднялись на полчаса раньше. Вышли в 11.00 и вначале шли тропой, но вскоре она ушла вверх, и мы её оставили. Без тропы идти очень тяжело. Иногда выходим на звериные тропы, но они очень быстро теряются. Стараемся не удаляться от Кизира, от его широкой и неровной долины, с очень извилистым руслом (в сплошных поворотах). Очень красивая река в обрамлении красивой тайги.

Кроме мха, здесь очень много травы. Шёлковый ковёр с высокой наклоненной в одну сторону травой. Много черники и мы впервые наелись её вдоволь, если считать, что туристы вообще могут наесться. Через три часа подошли к реке Фомкиной 1-й. Быстро переправились и через полчаса остановились на обед. Приготовили уху из хариусов, которых Толик наловил утром.

Позагорали два часа, и вышли только в 18.00 часов.

Вскоре вышли на тропу, прорубленную человеком. Здесь, наверное, прошли люди с оленями и для них рубили тропу, сделав ещё и засечки на деревьях. Этой тропе мы очень обрадовались. Дальше шли болота, подъёмы, спуски, а мы уверенно шли тропой, а не через завалы и болота.

В этом месте Кизир создал много островов, течение сравнительно спокойное. Вскоре вышли к лагерю геологов. На зарубке дерева вырезаны четыре фамилии, но мы их не запомнили, не записав сразу. Одна, похоже, Благоев. А внизу приписка: «Идём вниз по Кизиру до р. Белой».

На ночёвку остановились на острове. Переправившись по брёвнам, быстро разбили лагерь. Надвигалась гроза, и вскоре пошёл дождь. Все забрались в палатку, и только я, как дежурная, продолжала мокнуть под дождём. Небо затянуло полностью и надолго. За день прошли 10 км.

6.08. Вторник.

Дождь шёл всю ночь без перерыва. Спать под дождём очень сладко, но подниматься утром и вылезать из сухой палатки под дождь более чем неприятно. Сегодня дежурным не повезло, но оба Толика с завидным терпением готовили завтрак. Особенно намучились они с оладьями. А мы

лежали в палатке и наслаждались свободой. Дождь почти перестал и Толик С. приказал вылезать и укладываться. Сам он снимал шкурку вместе с перьями с сокола, убитого вчера вечером в тайге. Сокол очень красивый и если получится чучело, то будет очень хорошая память о Саянах. А мы все набросились на мясо, наколов его на прутья и поджарив на костре. Получились отличные шашлыки, по вкусу лучше, чем продававшиеся в Крыму. Не устоял даже Семенцов, хотя вначале утверждал, что мясо сокола несъедобное.

Пока мы уложились, было уже два часа дня. Решили пообедать на месте и потом выйти на маршрут. Наши поздние выходы с ночёвок убедили меня, что настоящие копухи – мужчины. Мы со Светой собираемся всегда по-солдатски и потом слоняемся по лагерю.

После дождя вода в Кизире поднялась на 8-10 см, и наш островок наполовину залило, а возле самой палатки образовался ручеёк. Переправу тоже сильно залило водой. Первым отчаянно с рюкзаком пошёл по бревну инструктор. Не дойдя четырех метров, он потерял равновесие, сорвался на бег и окончил огромным прыжком на берег. Мы перешли с перилами.

Погода отличная, изредка идёт дождь, но зато не жарко, почти нет комаров и мало мошки. Вилла погода не смущала: «Хоть и мокро, но не скользко – вибрамы держат хорошо». Вообще цены им нет, такую большую службу они сослужили нам. Идём по 40-50 мин. Нормальным темпом, не уставая. Рюкзаки «похудели», тропа нормальная. В одном месте сделали привал и набрали черники. Завтра будут компот и пирожки. Тропа по-прежнему хорошая. В 7 вечера мы вошли в берёзовую рощу. Сколько здесь сыроежек! Иногда попадаются моховики. Собираем их на ходу.

В 20.00 мы подошли к биваку геологов. Это очень красивое место. У самого берега Кизира, напротив острова. Остров здесь кончается, и два рукава сливаются в один мощный широкий Кизир. Мы со Светой пошли за грибами в тайгу. Тайги мы сейчас абсолютно не боимся. Берёзовая тайга очень светлая и красивая. Мы так увлеклись грибами, что не заметили начала сумерек. Когда мы пришли в лагерь, то просто поразились, так здесь всё было хорошо уложено и уютно. Мы все биваки красиво обживаем, стараясь создать максимум удобств. Но этот бивак мы так обжили, что не хотелось уходить. А днём охотились на бурундучков, загоревшись чучелами, потеряв чувство любви к братьям нашим меньшим. Оружие после работы в качестве ледоруба потеряло точность, и бурундучка убили только с пятого выстрела.

7.08. Среда.

Поднялись рано. Быстро позавтракали и вышли на тропу. А на завтрак были отличные пирожки с черникой и чудный компот. Весело идем по тропе. Она здесь очень извилистая и без неё нам пришлось бы плохо. Здесь растут одни берёзки. Днём берёзовая тайга кажется ещё светлей и прозрачней, но завалов здесь не меньше. Всё время приходится перелазить через огромные кедры и ели. Они очень скользкие и не трухлявые. Дождя нет, но и солнышка тоже нет. Лучшей погоды для передвижения и не пожелаешь.

А грибов! Сколько здесь грибов! Мы со Светой увлеклись грибами и дорого заплатили за это. Инструктор выбросил наши грибы и накричал на нас. Дальше идём молча – мы со Светой обиделись.

По карте сориентироваться трудно, а сколько ещё идти до четвертого порога, неизвестно. Но все решили сегодня до него дойти. Поэтому обед был на скорую руку. Но только вышли, попали в такое царство черники, что пришлось остановиться на часок. Черника здесь уже полностью зрелая и очень вкусная.

К 19 часам мы подошли к Кизиру. Тропа окончилась. На левом берегу видны следы стоянки. Мы немного прошли по тайге без тропы, но это такая адская работа, что решили переправиться на левый берег и стать там на бивак. Переправа была отличная. Первым, как всегда, ринулся в речку Семенцов, не захватив с собой даже шеста. За свою поспешность он сразу же и поплатился. Течение чуть не сбilo его, снесло вниз и захлестнуло с головой. Всем остальным Гена вырубил шесты. Вилл, Света и я пошли втроем. Мы со Светой без рюкзаков. На середине основной струи шест Светы заскочил за шест Вилла. Мы остановились. Света уцепилась за Вилла, который имел опыт переправы через р.Сигач и держался довольно устойчиво. Держаться за Вилла я не захотела, и меня начало сносить течением. Шест в неумелых руках только мешал. И только метров на 10 ниже мне удалось вырваться к берегу. Вилл и Света добрались до берега нормально.

За нашими рюкзаками пошли Вилл и Семенцов (уже с шестом). Но спальник можно доверить только Гене. Поэтому Вилл только страховал Семенцова. За рюкзаком со спальником ходил Гена. Скоро все уже были на левом берегу. Живо обсуждали переправу, смеялись и стучали зубами. Температура воды 8 градусов. Развели большой костёр, сделали сушилку и быстро обсохли. Весёлая была переправа, и весёлый был вечер! Прошли за день 10 км.

8.08. Четверг.

Подъём в 7.00, дежурным в 6.30. Подниматься не хотелось, уж очень хорошо спалось эту ночь. Только сложили рюкзаки – пошёл дождь, нудный, бесконечный...

Вышли в 12.00, в дождь. На биваке геологи оставили запись: «13.07.63. Едем вниз». Они едут вниз, и мы тоже идём вниз. Наши интересы совпадают. Дождь не перестает. На нас уже нет сухого места, и когда Вилл помогал снимать Гене рюкзак, он закричал: «Братцы, да у него же сухая спина!». Это было уже чудо, и Генке пришлось демонстрировать всем кусочек сухого места. Рюкзаки сухие или почти сухие, так как мы бережно накрываем их накидками. Особенно неприятно останавливаться на перерыв. Идешь 70-80 мин., но устают плечи и необходимо немного отдохнуть. Рюкзаки накрываешь плёнкой, а сам дрожишь, как осиновый лист, под холодным дождём. Да и очень уже холодно. Температура воздуха 9-10 гр. Это не летняя температура. Идём сначала болотистой низиной и ноги настолько мокрые, что не пытаешься обходить лужи. Правда, ручьи мы переходим по брёвнам

или камням. Не хочется добавлять сразу холодной порции воды в ботинки. Та, что там уже есть, немного согрета.

Вскоре начался подъём и, взойдя на одну из площадок, мы увидели четвертый порог.

Неожиданным он для нас не был, ибо чуть выше Кизир настолько успокоился, что сверху смотрелся неподвижным. Весь порог нам не виден. Видно только, что вначале вода пенится среди огромных камней, которые перегородили всю реку, а потом с силой врывается в каменные ворота шириной

2-3 м. Мы знаем, что эти ворота тянутся около 100 м, но нам виден только вход. Дальше за поворотом реки не видно. Тропа серпантинном поднимается вверх. Геологи были здесь впервые, выйдя к порогу и скалам, им пришлось вернуться назад. Мы тоже возвращаемся по тропе. Вскоре начался спуск. Вибрамы держат хорошо даже на скользком мху. А Вилл отлично приспособился спускаться на пятой точке, считая, что надо иметь три точки опоры. Вскоре тропа поворачивает к верховьям р. Белой. Подкрепив силы, мы идём дальше.

В 20.00 подходим к р. Белой. Слышен её шум, но близко подойти из-за обрывистого берега нет возможности. С тропой расставаться очень жаль, и мы идём ещё немного вверх, но наши цели с геологами здесь явно расходятся. С сожалением покидаем тропу и выходим к р. Белой. На правом берегу сплошные завалы, и мы переходим вброд на левый берег. Р. Белая здесь очень бурная и не очень широкая.

Толик С. и Гена сходили в разведку и пришли с известием, что здесь совсем недавно прошли туристы. Много спиленных деревьев. Решили отыскать их базовый лагерь. В полукилометре от места слияния р. Кизир и р.

Белой мы вышли неожиданно к избушке. Да, да, к самой настоящей, рубленной, маленькой, хорошей избушке!!! Это было для нас приятным сюрпризом. Такого уюта мы не ожидали. Внутри тепло, уютно, есть окошко, сухие дрова, береста. Быстро наводим порядок, раскладываем свои вещи, устраиваемся. Как здесь хорошо и уютно. Прелесть. Шумит дождь, а мы

сидим возле керосиновой лампы без стекла, блаженно отдыхаем, мечтаем, спорим.

Сегодня окончилась первая часть нашего маршрута. Прошло 15 дней. Мы пока полностью укладываемся в график. Завтра уже не нужно укладывать рюкзаки и идти дальше. Дальше мы поплывём, а как поплывём, увидим. Вечером распределили обязанности, и мне со Светой досталась самая неприятная – постоянно готовить еду. От такой обязанности и в тайгу сбежать недолго. Завтра начинаем строить плот.

9.08. Пятница.

Сегодня спали вдоволь и свободно. Поднялись около 10 ч. Мы со Светой занялись стряпнёй. Мальчишки – ружьями. Они у них давно уже потеряли свой прежний вид, что особенно беспокоит Вилла. Семенцов пошел на рыбалку и к завтраку принёс большого хариуса весом 900 г. После завтрака Вилл и Толик С. пошли искать сухостой для плота, Фесена занялся подсчётом

наличных продуктов, Гена – ремонтом и подготовкой инструмента, а я и Света пошли удить рыбу. Нам повезло: Света поймала три рыбы, а я одну. Это первая рыбная ловля в нашей жизни и первая удача. Правда, у нас по одному хариусу сорвалось у самого берега, и мы были от своего бессилия,

ведь не бросишься за ним в воду. А сколько здесь хариусов! Просто выпрыгивают из воды, но на крючок идут неохотно.

Подсчёты Фесены нас не обрадовали, но совсем и не опечалили. Теперь у нас на день: 800г крупы, 700г муки, 800г сахара и, главное, 800г сала. О причинах, по которым мы не уложились в график с продуктами, можно только догадываться. Или весы не так показывали, или брали с навеской.

Мальчики пришли уставшие. Они поместили полтора десятка брёвен, а нужно только семь штук. Сухостоя много, но диаметром 300 мм найти тяжело, все они намного толще. После обеда все ребята пошли валить лес, а мы со Светой ещё и за смородиной. Как интересно смотреть на валку деревьев, интересно и пилить. Спилили четыре ствола, из которых вышло пять брёвен. Решили, что на сегодня хватит.

Я и Света собрали смородину, и завтра будут пирожки. По пути к избушке нашли ещё один сухостой, но пилить не захотели, устали. Погода отличная, солнышко.

10.08. Суббота.

Поднялись в 7.30, оба Толи ушли удить рыбу, Вилл и Гена – валить сухостой, а наша работа известна. Сегодня

рыбакам не повезло, поэтому решили до завтрака ещё поработать и начали вытаскивать брёвна к реке. Вытаскивание первого бревна заняло около трёх часов. Вот где было развитие инженерной мысли! Сначала пытались тянуть бревно верёвкой. Это оказалось не по силам. Тогда пошло применение

простой механики. Вспомнили полиспаг, сделав конструкцию вначале из четырёх карабинов, а потом из двух. Путь устилали деревцами, для уменьшения трения. Остальные брёвна вытаскивали, помня только главное правило, что трение качения намного меньше трения скольжения. Тщательно прочищали путь, укладывали рельсы из ровных деревьев и на толстых катках перемещали бревно. Последние брёвна мы доставляли к воде за 10-15 мин. Вот что значит опыт.

Сплавлять брёвна по воде проще, чем тащить по тайге. Не обошлось при сплаве без приключений. Только первое бревно Вилл и Толик С. доставили благополучно, вдоль берега придерживая верёвками. Потом осмелев, связали два бревна и попытались вывести их на основное течение реки. Эта попытка чуть не обошлась нам потерей двух

основных верёвок и двух брёвен. Течение настолько сильное, что легко сломало сук, за который Вилл страховал плот, который подхватило течением воды и унесло. Вилл бросился догонять его по берегу, а Семенцов, сбросив с себя часть одежды, бросился в воду. Он успел ухватиться за верёвку, и брёвна были доставлены к верфи.

Последние бревна сплавляли сначала по р. Белой, а потом по р. Кизир. Связали три бревна, получилось что-то вроде салаика, сложили на него катки, ваги, и сами плотгоны Толик С., Вилл и Гена хорошо устроились. Плыли с песнями и вовремя не заметили опасности. Всё основное течение устремилось под корягу. Мальчики все оказались в воде, а салаик развернуло, перевернуло и подхватило течением. Гена и

Вилл успели догнать его, а Толику пришлось догонять его по берегу. Мокрые, но довольные, приплыли они к верфи, где их ожидали с кинокамерой и фотоаппаратом. Так прошёл день.

Смородины здесь мало, но достаточно для пирожков и вкусных вареников. Сегодня наша группа состоит не только из студентов ХПИ. Вилл, с сегодняшнего дня, молодой специалист. Сегодня он должен был выйти на работу. Погода отличная, солнечная.

11.08. Воскресенье.

Семенцов с утра ушёл ловить рыбу, а мы поднялись позже. Мальчики до завтрака решили очистить брёвна и быстро взялись за работу. К завтраку Семенцов принёс 10 рыбин, так что уха сегодня будет богатая.

были размечены и в одном бревне сделаны пазы. Мальчики делают всё очень точно и аккуратно. Сделали из бутылки уровень и приспособили для работы. Всю работу они сняли на плёнку. Должен получиться чудесный фотомонтаж!

Погода очень хорошая. Солнца нет и дождя тоже – как раз для работы. А вообще, по утрам уже чувствуется морозный воздух. Температура 8 – 9 градусов С.

Разметка шаблона.

После завтрака Гена и Фесена занялись разметкой пазов, а Толик и Вилл ушли в тайгу за материалом для стрел, гребей и подгребниц. К вечеру все брёвна

12.08. Понедельник.

Поднялись рано и быстро принялись за работу. Гена и Толик Ф. –

пропилкой и подгонкой по шаблону пазов. Толик С. и Вилл гребями. Они такие огромные, что Вилл, увидев их, заявил: «Всё равно меня мама не увидит, даже если не загнусь на Кизире, то загнусь от этой гребни!»

Мы со Светой помогаем везде, где есть работа и инструмент. Во второй половине дня

Гена и Толик Ф. занялись стрелой. Это очень точная и ответственная работа. К вечеру стрела была готова. Сделана она была настолько точно, что легко вошла во все пазы.

Изготовление первой стрелы.

Семенцов и Вилл закончили две гребни, и вчерне сделали третью, запасную. Денёк стоит отличный. Правда, к вечеру в верховьях Кизира прошла гроза, а у нас только побрызгал маленький дождик.

Но погода меняется. Скоро пойдут дожди.

13.08. Вторник.

Подъём в 7 час 45 мин. Сразу за работу. Быстро перегнали брёвна по воде в тихую заводь и прошили пазы стрелой. Стрела вошла отлично! Окончили третью гребь. Всё это успели сделать к завтраку.

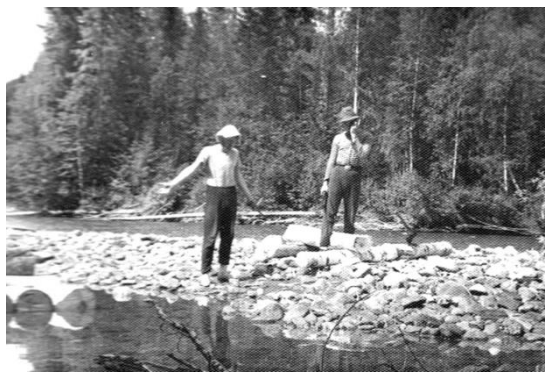
После завтрака Семенцов ушёл за рыбой, Гена остался перезаряжать фотоаппараты, а Вилл и Толик Ф. ушли размечать и делать стрелу. Света тоже ушла на рыбную ловлю. Рыбакам сегодня повезло. Принесли 5 хороших хариусов и в обед были галушки по-саянски. Такие галушки последние дни мы готовим каждый день на обед. Круп у нас на обед нет, а желание три раза в день покушать горячего есть! Вот мы упираем на муку и инструктора. А результат

наших
трудов
принимает
форму
ПЛОТА!

Рабочий конфликт с Виллом при изготовлении второй стрелы.

К вечеру закончили вторую стрелу и прошили нос. Теперь став полностью готов. Он довольно устойчив. Брёвна погрузились в воду только наполовину. Начали работать над надстройками. Работаем хорошо, с увлечением, и всё у нас сделано на совесть, с большой точностью и любовью! Гена на постройке плота старший, а он не любит небрежного отношения к работе. Теперь уже встал вопрос о названии плота. Не задумываясь, мы единогласно решили назвать его «ФАНТАЗИЯ». Сейчас наша «Фантазия» стоит в красивом заливе и осталось совсем немного поработать, чтобы она приняла законченный вид.

14.08. Среда.

Подъём сделали в 7 час 30 мин и сразу принялись за работу. Её

оказалось не так уже и мало. Пока установили подушки, укрепили тросами

подголовники, уравнивали гребни, было уже 5 часов вечера. Решили

отложить выход на завтра. Теперь наша «Фантазия» полностью готова. Для удобства посредине плота сделали лавочку. Сделали настил для рюкзаков. И

вот уже нечего подправлять и подстругивать. Работа окончена! Сделали надписи. Завтра выход.

15.08. Четверг.

Поднялись в 7 час 30 мин. Сразу начали укладываться. Настроение

отличное. Надоело уже сидеть на одном месте. Всем хочется пуститься в плавание, манящее своей новизной, сложностью и разнообразием впечатлений. Фесена занялся флагом. Вскоре на полотнище появились волны, горы и ХПИ. Флаг готов. Готовы и увязаны рюкзаки. Флагшток установили на середине плота. Команда построилась. Дана команда: «Поднять флаг!» Наша «Фантазия» с помощью шестов была быстро выведена в основную струю (время 12 час 30мин).

Место нашей верфи – очень красивое!!!

Плот быстро подхватило и понесло. Но понесло не беспорядочно!

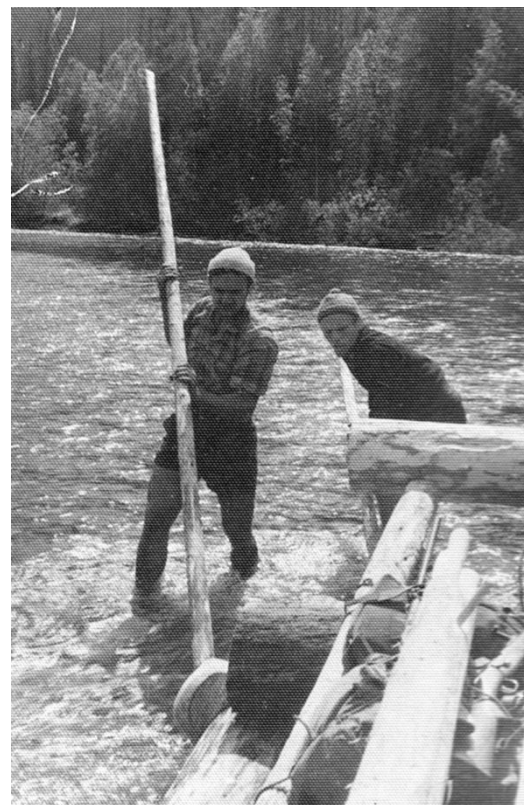
Плавсредство оказалось отлично управляемо. Каждый взмах гребли заметно изменял направление плота. Решения по управлению плотом нужно принимать очень быстро.

Река встретила нас далеко не гостеприимно. Сразу пошли крутые повороты и перекаты. Река часто раздваивается, образуя острова и далеко не сразу можно определить по какой стороне обходить остров, чтобы не сесть на мель.

Но плот управляется отлично, команда работает слаженно, и мы быстро несёмся по Кизиру, оставляя за собой километры. Наше внимание обострено. Не только Семенцов, мы все напряжённо всматриваемся вперёд. Ведь о Кизире мы читали, как о довольно коварной реке, да и свой опыт мы не преувеличиваем. Перед одним из островов встал вопрос, по какой стороне его обходить. Влево уходит основной поток и резко ударяется о скалу. Вправо – перекат. Учитывая маленький опыт, и не зная ещё полностью возможностей плота, решили уходить вправо. Несколько сильных гребков и мы уходим вправо. Сначала мы ещё надеялись проскочить мель. Теперь уже надежды нет...

Через несколько секунд мы плотно

сидим на мели. Пытаемся оттолкнуться шестами – напрасно. Хоть и не хотелось полностью прочувствовать температуру воды, пришлось лезть в воду. Работая шестами, медленно передвигаем плот по камням. Работаем

дружно. Снялись с мели через 38 мин. Плот подхватила струя, и снова мелькают тайга, берёзки, песчаные косы и острова.

На обед останавливаемся на полчаса. Быстро съедаем сухой паёк

и отчаливаем. Вдруг слышим впереди возглас: «Плот!» Это было для нас более чем неожиданно. Встретить здесь людей мы не ожидали. Это оказались геологи. Их было двое. Они шли к верховьям р. Белой, и именно им мы обязаны тропой. Спасибо! Поговорили, т.е. покричали через Кизир и поплыли дальше.

Геологи нам сообщили, что в месте впадения р. Кинзелюк стоит избушка и там есть два человека и олени. Они указали нам приблизительно ориентиры. Вскоре мы увидели на берегу дым и оленей. Причалили в бухту и мальчики сразу бросились ловить рыбу, благо удочки были готовы. Мы со Светой пошли к стоянке оленей. Здесь был проводник партии. Он сообщил, что до избушки всего 200 метров. К этому времени погода совсем испортилась. Небо полностью затянуто тучами, и всё время шёл дождь.

Мы решили пойти посмотреть избушку и заночевать. Пошли лесом. Увлеклись сбором грибов и смородины, которой здесь очень много и к избушке пришли только через полтора часа. Здесь оказалось женское общество: Таня – студентка Ленинградского геологического института здесь на практике. Ира – повар Восточно-Саянской партии. Обе очень хорошие девушки. Они хорошо знают, что нужно людям, прожившим 20 дней в тайге, и сразу сообщили нам, что здесь есть баня.

Наши мальчики сразу загорелись. Быстро перегнали плот к избушкам. Их было три: охотничья, баня и амбар. Начали устраиваться в амбаре. Я и Света занялись ужином, а мальчики – баней. Сегодня у нас богатый ужин – компот, рис, жареные грибы. Баня была готова к 24-м часам, и только в 3. 30 ночи мы окончили париться. А попарились отлично. Это настоящая русская баня «по-чёрному». Дождь шёл весь вечер. Чистый сплав занял 1 час 30 мин.

16.08. Пятница.

Утро дождливое, и завтрак решили готовить в бане. Это оказалось удобно, но очень долго. Поэтому вышли только в 15.20. Река здесь быстрее, много перекатов, о поворотах говорить не приходится, один поворот сменяется другим! Создаётся такое впечатление, что река состоит из одних поворотов. Плоту теперь мы доверяем полностью. Он такой устойчивый и хорошо управляемый, что на нём можно покорять и такую непокорную реку как Кизир.

Снова много островов и завалов, на одном из которых нам пришлось сильно поработать, а пройдя – успокоиться. Перед самым завалом перекат, и почти вся река устремляется под завал. На перекате сидит плот, как будто его посадили специально, увидев впереди опасность. Свою «Фантазию» бросать мы не собирались. Пошли не в основном потоке, а у левого берега, а поток пересекли у самого завала. Работали на пределе сил, но всё-таки прошли на грани попадания в завал. На завале поломанные гребни. Хорошо, что у самого завала нижняя часть потока устремляется под завал, а сверху крутит во все стороны. Удалось вырваться в улов и уже оттуда в основную струю.

Всем нравится сплав. Плывёшь по реке с приличной скоростью и с улыбкой смотришь на рюкзаки: «Лежите, хорошие, привыкли, чтобы вас таскали на спине. Привыкайте теперь к новой обстановке». Река с каждым км всё более изворачивается. Хребты подходят то с правой стороны, то с левой. Кизир часто стал делать полукольца, а то и почти кольца. На одном из таких поворотов течение с огромной силой ударяется в берег и несётся дальше. Ещё одно испытание, его мы выдержали отлично. Дальше река стала успокаиваться. Долина расширилась, и Кизир действительно стал похож на Невский проспект, как назвал его геолог. Теперь за гребями стоят по одному и то работы им мало. Было бы ещё лучше, если бы не дождь. Сегодня он идёт почти без перерыва. Особенно плохо нам со Светой. Мы сидим на задней подушке и стучим зубами от холода. Свете сегодня доверили гребь, но ненадолго.

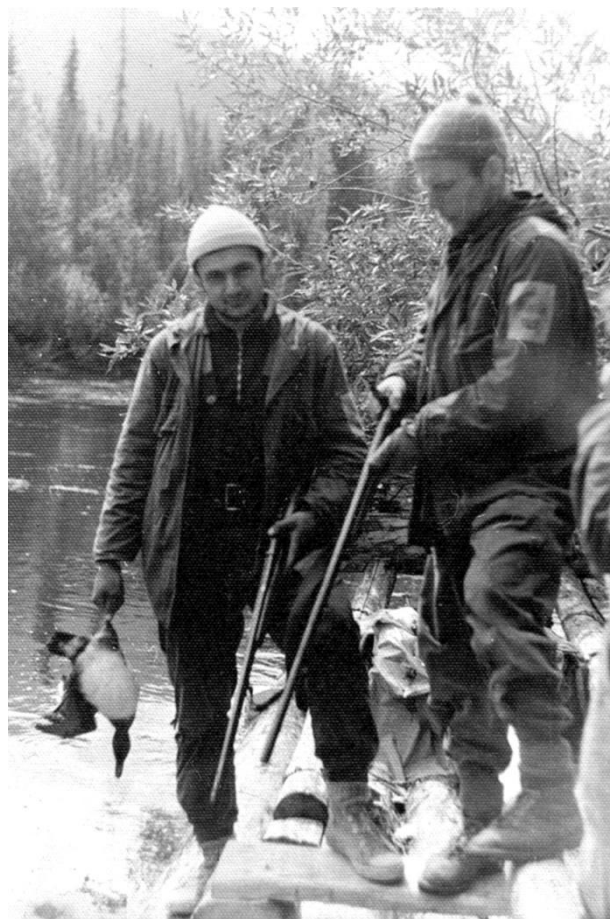

В 18 часов увидели на берегу избушку. Причалили. Избушка не очень большая, но удобная. Имеются запасы соли, спичек и хорошая аптечка. Остановившись рано. Решили плыть дальше. Река стала совсем спокойная. За одним из поворотов неожиданно увидели утку. Бесшумно подплыли поближе.

Оба Толика приготовились. Утка сначала не подозревала опасности, но потом забеспокоилась.

В это время грянули выстрелы, и она перевернулась на спинку. Течение сразу подхватило её и нам пришлось хорошо поработать шестами, чтобы догнать её. Правда, мы чуть-чуть в азарте не сели на мель, но всё же охота закончилась благополучно.

К вечеру на реку спустился туман. Видимость совсем исчезла. Дальше плыть стало опасно. На ночёвку пристали к песчаной косе. Устроили лагерь и приготовили хороший ужин. Утка оказалась очень вкусной, да и порция мяса солидной. Дождь перестал, даже выглянули на время звёзды, но вскоре небо снова затянуло. Сегодня, для разнообразия, мальчики открыли пальбу по соколам и воронам, но безрезультатно. Чистый сплав четыре часа.

17.08. Суббота.

Утро пасмурное, но дождя с утра не было. Однако он не заставил себя долго ждать. Мы даже не успели приготовить завтрак.

Толик С. ходил в тайгу за смородиной. Пошёл босиком и в трусах. Так его мошка чуть не съела! Он привёл её за собой столько, что мы от него шарахнулись во все стороны. Смородины он тоже принёс много.

Вышли в 12 часов. Река по-прежнему широкая и спокойная. Теперь только один человек стоит у кормовой гребни. Все остальные заняты самыми разными делами. Семенцов всё время забрасывает удочку в надежде поймать хариуса. Но они, хоть и прыгают у самого плота, на удочку упорно не хотят. Если бы ещё не дождь. Правда, он идёт с перерывами и начинается всегда в то время, когда Вилл берётся за дневник. Пришлось Виллу запретить писать дневник. Ничего не поделаешь – суеверие! Сегодня

охотникам повезло. Они убили большущую утку, и теперь мальчики с нетерпением ожидают ужина.

В 15. 00 причалили к высокому глинистому берегу. Набрали сухих дров, залепили глиной площадку для костра и поплыли дальше. Обед будем готовить на плоту. Костёр загорелся быстро и также быстро вскипел чайник. Пришлось немного попозировать для фото и кино. Обед был на славу. Медленно, со скоростью 2-3 км в час мы движемся вперёд. Просто не верится, что это Кизир. К 17 часам мы выплыли на широкую, тихую и, что самое примечательное, ровную часть Кизира. Плывёшь, как по Донцу. Есть время полюбоваться берегами, тайгой. А в тайге уже чувствуется приближение осени. Всё чаще появляются жёлтые и красные листики на березках, да и в воздухе чувствуется приближение осени. Такое спокойное плавание нам уже порядком надоело. И если мы раньше думали сплавляться по реке Туба, то теперь всякое желание пропало. Хочется уже с ветерком прокатиться на перекатах, хорошо поработать на поворотах и перед завалами.

После спокойного плёса течение начало быстро ускоряться. Мы все обострили внимание. Впереди где-то должен быть порог «А». Мы прислушивались к шуму реки, но это шумели или перекаты, или ручьи.

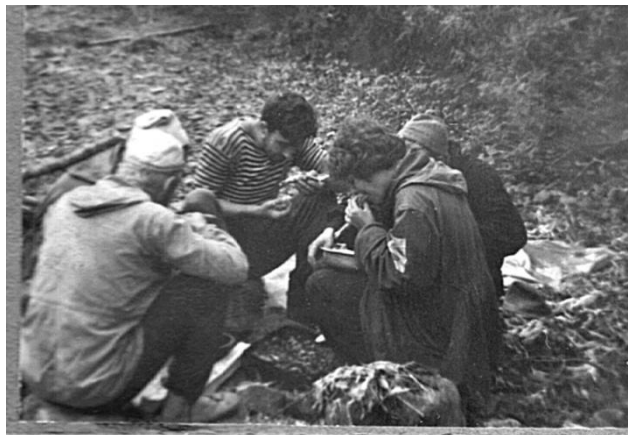
Наконец, после крутого поворота вправо течение с силой устремилось к нагромождению камней у левого берега. Мы вышли из-под левого берега к правому и спокойно прошли опасное место. Прошли настолько отлично, что даже не поверили, что это и есть порог «А». И долго ещё ожидали встречи с порогом. Плавание стало интересным. Скорость 7-8 км в час, а на перекатах около 15 км в час. Один перекат сменяется другим. Появилось много камней, надводных и подводных. Мы все заострили внимание. Я заменила Семенцова за гребью (доверили!), а он стал на корме и подаёт команды. Работаем чётко. Плот очень надёжный. Интересно, очень интересно мчаться с отличной скоростью вниз по реке, лавируя между камнями. Плот захлёстывают волны. Брызги летят в лицо, и сердце замирает от чувства опасности, от удовольствия и от сознания, что мы сильнее коварной реки!

В 18 час 45 мин подошли к реке Абакумиха. Она впадает в Кизир справа. Пристали к берегу у избышки. Она очень маленькая, но сделана добротно. Решили не задерживаться и поближе подойти сегодня к третьему порогу. Сразу за Абакумихой начался царь-перекат. Это несколько очень больших перекатов. Один перекат переходит в другой. Скорость воды достигает

15-17 км в час. Много выступающих и подводных камней. Пришлось очень хорошо поработать, но работа интересная.

Река поворачивает резко на юг. Солнышко, которое выглянуло к вечеру, теперь не бьёт в глаза и не мешает следить за рекой. К 20 час 20 мин подошли к впадению р. Долгий Ключ и причалили к избушке с левого берега. Избушка маленькая и какая-то заброшенная. Идём дальше. Гена предложил сегодня дойти до р. Тумановка. Отсюда до неё по карте 7-8 км. Река по-прежнему быстрая. Начало темнеть, а р. Тумановки всё не было. Неожиданно долину реки затянуло густой пеленой тумана. Пришлось останавливаться на ночлег. Быстро разбили лагерь в тайге и, поужинав, легли спать. Чистый сплав 8 час 56 мин.

18.07. Воскресенье.

Ясное солнечное утро. Быстро завтракаем и укладываемся. Сегодня мы должны быть у третьего порога. Только вышли в основную струю, увидели р. Тумановку и избушку с лабазом. Оказывается, мы не дошли до неё всего 500 м. Остановились и осмотрели избушку. Избушка хорошая. Идём дальше. Река стала широкая, но скорость 6-7 км в час. Меньше поворотов. Наше внимание обостренное. Мы ожидаем встречи с третьим порогом.

В 13 час 20 мин увидели горный хребет с крупным, редко поросшим

лесом и крутым склоном. О нём нам писала Наташа, а через 10 минут увидели на правом берегу три избушки. Изба геологов, баня и амбар. Причалили сразу за каменной косой и отправились к избушкам. Здесь оказалась только женщина Шура, минеролог. Кроме неё в лагере находятся ещё три

человека: тётя Маша-повар; Юра-радист, моторист, завхоз и мастер на все руки. И ещё один парень, помощник тёти Шуры. Это основная база Верхне-Ничкинской партии. В партии 30 человек, и все сейчас в поле, т. е. в тайге. Задание партии – раскрыть богатства Саян. Нас встретили хорошо. Возле домиков много малины, и мы сразу набросились на неё.

Потом мальчики ушли осматривать порог, а я и Света – за малиной и черникой. Плот оставлен перед порогом. Течение здесь очень сильное, обе

гребни заклинило струёй, а плот развернуло. С трудом освободили гребни и вывели плот из основной струи в улов. Здесь мы разобрали плот и завтра будем его сплавлять.

О том, как сплавлять плот, было много предложений и споров. Гена и Вилл переплывали на другой берег и хорошо просмотрели оттуда все возможные варианты. Бросали в струю брёвна и следили за их движением, чтобы не повторить ошибки челябинцев, которые

посадили плот на камень (из рассказа Юры). Решили спускать плот на верёвках. Лагерь устроили за порогом на галечном берегу. Мы с Толиком С. ходили за продуктами в лагерь геологов. Юра был на рыбалке, и мы их не взяли, но есть надежда, что продуктами нас обеспечат полностью. Чистый сплав 1 час 30 минут.

19.08. Понедельник.

Утро хорошее, солнечное. Мы со Светой к 8.00 ушли за продуктами, а мальчики начали подготовку к сплаву плота. Продуктами нас обеспечили на пять дней. Теперь мы обеспечены продуктами до конца маршрута. Пока позавтракали и собрались, было 13.00, сплав начали только в 15.00. До этого обсуждали все возможные варианты, спорили, доказывали. Решили привязать основную верёвку к корме (оба конца) и ещё вспомогательную для вывода плота в основную струю. К носу тоже привязали вспомогательную верёвку для направления плота прямо в порог, чтобы он не попал на камни.

В скалу перед порогом решили забить четыре крюка, за которые мы закрепим карабином основную верёвку при вхождении плота в нужный нам поток, а после прохождения главного водосброса плот остановится, удерживаемый двойной верёвкой.

Этот вариант долго обсуждался и был принят. Распределили обязанности. Семенцов должен бежать с основной верёвкой за плотом и закрепить её на скале. Обязанность Вилла – вспомогательной верёвкой,

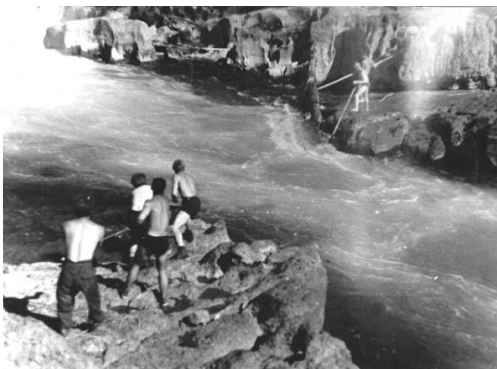
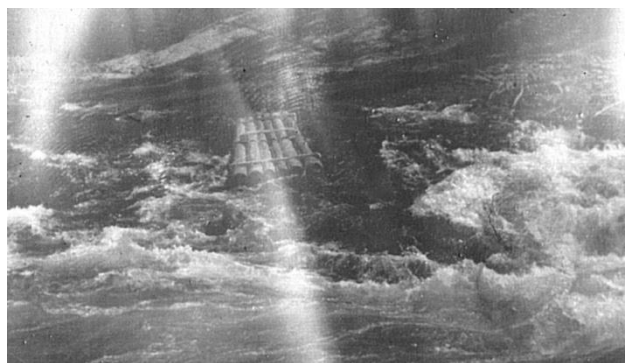
привязанной к носу, попытаться направить плот в основной поток. Гена вспомогательной верёвкой (кормовой) помочь Толику Ф. и мне вывести плот из залива в основную струю. При этом мы с Толиком Ф. работаем в воде. За Светой – фото.

Все заняли свои места и сплав начался. Толик С. и Гена вывели плот из залива на перекат. В работу включились Толик Ф. и я, толкая плот, а Гена и Вилл пытаются нам помогать. Течение становится всё сильнее. После резкого толчка я потеряла опору под ногами и, оставив плот, пошла к берегу. Фесена ещё несколько раз толкнул плот, и тоже (вначале вплавь) выбрался на берег, слегка разбив колени.

Струя подхватила плот и бросила в порог. Семенцов успел защёлкнуть карабин с основной верёвкой за забитые в скалу крюки. Вилл свои функции не выполнил. Его верёвка запуталась, и её вырвало из рук. Плот на этом маленьком участке развил огромную скорость, не попал в основную струю, а ушёл влево, и его бросило в порог! Но всё-таки в порог он вошёл отлично! И если бы основную верёвку не запутало в камнях порога, он бы сразу вышел на спокойную воду. Задержанный верёвкой плот вошёл в маленький заливчик с левого берега сразу после водосброса.

Овалом показано место плота на водосбросе. (Плохой снимок).

Мы очень обрадовались, думая, что основное уже сделано. Плот спокойно качается на воде целый – целёхонький. Вилл и Гена переплыли на левый берег и бросили нам вспомогательную верёвку, а сами взяли за шесты. Семенцов, Фесена, Юра и я начали

тянуть
плот за
верёвку, а
Гена и
Вилл

отталкивать плот шестами. При выводе плота из залива (улова) плот всё ещё мощным потоком прижало к скале и начало вращать. С ужасом смотрели мы

как вода, будто щепку, многократно переворачивала наш более чем 3-х тонный плот. Но наша «Фантазия», сделанная с любовью и на совесть, осталась цела.

Все наши усилия оттянуть плот от камня заканчивались неудачей. После сильного рывка порвалась верёвка. Гена привязал её повторно, теперь уже к корме. Совместными усилиями мы оттянули корму от камня. Струя подхватила плот, и мы с помощью верёвок завели его в спокойную бухту.

По теории пакостности (бутерброда) он оказался перевернутым. Мы все были довольны: Плот цел; времени и усилий потрачено не много, а перевернуть плот – дело второстепенное, плёвое. Но перевернуть плот оказалось не просто. Перевернуть силой мы его не смогли. Наших сил оказалось недостаточно. Решили переворачивать с помощью механики. Сколько не пробовали способов! Но все они заканчивались неудачей. Поневоле будешь с восхищением думать о силе движущейся воды, которая, играя, переворачивала наш плот.

20.08. Вторник.

Поднялись в 6. 45. Погода отличная. Мальчики ушли к плоту, а девушки – готовить завтрак. В 10. 00 мы услышали дикий победный крик, а затем из-за поворота показался плот. Мальчики бежали по берегу и на верёвке вели усмирённый перевернутый плот. Оказывается, что они решили использовать силу струи. Вода перевернула плот, пусть она и ещё немного поработает. Плот вывели на струю, поставили с помощью верёвок поперёк струи и удерживали, используя принцип комбинированной альпинистской страховки. Струя надавила на плот со страшной силой. Как его закручивало при переворачивании! Но теперь вода работала на нас.

Когда плот перевернуло, мальчики спокойно поставили его вдоль течения и перевели в тихую заводь. После завтрака пошёл сильный дождь, но через час небо снова прояснилось. Выглянуло солнышко. Толик С. пошёл удить рыбу, Света за черникой, я за смородиной. Мальчики пошли сплавлять подгребницы и подушки. Все надстройки плота, связанные вместе при сплаве, с такой большой силой подхватило течением, что удержать их было невозможно, и верёвки выпустили. Мы всё ещё не осознавали силу текущей воды. Весёлый был момент, когда Гена бежит по берегу, стаскивая с себя штормовку, а мы в

лагере гуртом раздеваем Фесену. Гена и Фесена бросились в воду. Гена схватил репшнуры и вместе с Толей они подтянули всё сооружение к плоту.

К вечеру все собрались в лагере на обед. Собрали много черники и смородины. Толик С. поймал 36 хариусов различной величины. Была колоссальная уха, жареная рыба, блины с ягодами и компот!!! Во время обеда в лагерь геологов прилетел вертолёт, и мы со Светой побежали относить письма. Оказывается, здесь были два вертолёта. Большой МИ-4 улетел, а маленький МИ-1 будет ночевать здесь, и вскоре он прилетел из партии. Юра дал нам свежего печёного хлеба, и мы ужинали с хлебом. Такая вкуснятина – наверное, соскучились. Сегодня собрали плот.

21.08. Среда.

Поднялись в 7.00. Яркое светит солнышко. На завтрак была уха с пшеном и пышки. Теперь мы в основном нажимаем на пышки, сухари окончились, а муки у нас теперь вдоволь. У Юры мы взяли 15 кг. Фесена пошёл зарисовывать порог. Гена перезаряжает плёнки, а мы пошли прощаться с лагерем геологов. В это время прилетел вертолёт МИ-4, и мальчики помогли выгрузить груз. Попрощавшись и поблагодарив геологов за всё, мы ушли в свой лагерь.

Погрузили свои шмотки и отчалили. Прощай 3-й порог! Снова мы несёмся по реке, оставляя за собой километры. Погода отличная, как и настроение. Много перекатов и поворотов, но теперь мы уверенно идём навстречу любой опасности. В 14.00 подошли к избушке. Здесь стоят рыбаки, которые вчера подымались к нам в лагерь. Они на рыбалке в 500 м ниже по течению. Лодка их стояла на якоре, а они перекрыли реку чем-то наподобие перемёта с маленькой лодочкой на конце. Пожелав им удачной ловли, мы продолжили свой путь. Толик С. с плота забрасывал удочку и ему повезло. За это время он поймал 14 хороших хариусов. Вилл, Гена и я пишем дневники. Фесена делает зарисовки, а Света стоит на корме за гребью. Такая спокойная идиллия. Только на перекатах и крутых поворотах опускаем переднюю гребь и ставим на неё второго человека. В 16.00 причалили к берегу, сделали на плоту очаг из камней и глины, захватили дров и поплыли дальше. Дежурные принялись готовить обед, и вскоре он был готов. Это был знаменитый обед! Он запомнится нам надолго. Вместе с нами обедали и хариусы. Они цеплялись на мушку непрерывно и портили обед Семенцову, который спокойно пил чай, а в другой руке держал удочку.

Вдруг большой хариус цепляется на крючок, Толик мечется с чаем и съёт его Виллу. Такие эпизоды повторялись весь обед.

Образовалась целая бригада по ловле рыбы. Толик С. ловит, Вилл специализируется на снятии рыбы с крючка и выбивает из неё душу. Света чистит и разделявает. За это время Толя выловил 28 хороших хариусов. Света уже взмолилась.

Река сейчас быстрая, очень много перекатов, на которых мы мчимся с приличной скоростью, с ветерком, чиркая иногда о камни. Жизнь стала весёлой. Когда есть работа, то и плыть интересно. А когда ещё и Толя С. всё время небрежно выбрасывает на плот серебристых хариусов, так о лучшей жизни и мечтать не приходится.

На ночлег решили остановиться в 20.00. Пристали к правому берегу, но он оказался очень крутым и негостеприимным. Пришлось искать место поприветливее. Остановились у каменистой косы у левого берега.

Здесь тоже не очень удобно, но лучшее место искать некогда. Быстро разбили лагерь, но ужин приготовили только к 23-м часам. Гена, Вилл и Света успели к этому времени и выспаться. Вечер был холодный, не более 14°C. Но ночью в палатке было так душно, что мы стягивали с себя все шмотки, которые только можно было стянуть и подальше высовывались из палатки.

Чистый сплав 5 часов 33 минуты.

22.08. Четверг.

Утро пасмурное. Временами идёт дождь. Сегодня он особенно нежелателен, так как нам на завтрак нужно жарить много рыбы, пирожков и пышек. С мольбой смотрим на небо, но просветления не видно. Не смотря на всё это, мы приготовили просто праздничный завтрак. Рыбы жаренной вдоволь, пирожки с черникой и смородиной, рисовая каша, отличный компот. Ни в одном походе мы не ели такой вкуснятины. В начале похода несли тяжёлые рюкзаки, а в конце желудки. После такого сытного завтрака подниматься тяжело. Выплыли в 13.00.

Река стала капризной, много перекатов и поворотов. Но мы идём уверенно. Мальчики занимаются своими делами, а мы со Светой стоим за гребями. Света за носовой, а я за кормовой. Мальчики доверяют нам и не бросаются на помощь на сложных перекатах. Гена за штурмана, он сидит на задней подушке с картой в руках и считает километры до второго порога. По его указанию мы наблюдаем за ориентирами на берегу. Если вместо одного ручья на коротком участке появляются несколько, у нас есть выбор – любой принять за ожидаемый ручей. По Генкиным расчётам, за 9 км до порога

должна быть «приличная» река Коза. Её мы так и не дождались, а за левым поворотом реки увидели груды больших камней и услышали сильный шум реки. Пристали к правому берегу. Дальше идёт мель, а основная струя уходит к левому берегу. На левом берегу видна избушка. Всё это говорит о том, что мы стоим перед вторым порогом.

Семенцов решил пересечь реку и пристать к левому берегу. Оттолкнулись от берега и мальчики налегли на гребки. Течение очень сильное, и вскоре мы поняли, что пристать к левому берегу нам не удастся. Быстро начали возвращаться к правому берегу, но течением плот снесло на мель.

После разведки определились, что идти можно только в среднем проходе порога. Правый и левый проход между скалами очень узкие, и в такую воду непроходимы. Правда, левым проходом ещё можно пройти, но нужна исключительная точность.

Решили проходить, не разгружая плот, сняли только

меня и Свету. Видите ли, такие кадры, как прохождение плота, необходимо оставить на память потомкам. Но прежде чем идти дальше, нужно ещё

сняться с мели. Мальчики взялись за верёвку, мы стали на гребки, и наш плот уверенно пошёл против течения. Вскоре мы были на месте нашего первого причала. Нас нагрузили ружьями, штормовками (разделись на случай холодного душа), кастрюлями, удочкой, фото и кино. И мы, пожелав счастливого плавания, ушли занимать самые лучшие места для съёмки: Света

для фото, я – для киносъёмки.

Увидев, что мы уже готовы, мальчики отчалили от берега и вошли в нужную струю. Вначале всё шло по плану. А ближе к водосбросу мальчики переоценили свои возможности по перемещению плота, и он оказался слегка

прижатым правой струёй к левому камню. На долю секунды движение плота замедлилось! Мы, свидетели того, как в третьем пороге возле такого же камня наш плот переворачивало как щепку, затаили дыхание. Но сильный

гребок, и плот, слегка повернувшись вокруг камня, вошёл в порог, погрузившись в воду после водосброса до уровня колен мальчиков, и выскочил на поверхность. Впереди ещё груда камней, выступающих с правой стороны, о которые разбивается часть струи. Но дружная работа гребями и победа! Плот спокойно причалил возле песчаной косы.

Итак, пройдено ещё одно испытание. После порога река стала спокойной. Через четыре километра мы остановились на бивак на левом берегу у притока Кизира.

23.08. Пятница.

Утро пасмурное и изредка идёт дождь. Сегодня надеемся выйти к Семёновской шивере. Течение на этом участке быстрое, и идти на плоту очень интересно. В шести км от шиверы встретили моторку с тремя рыбаками. На их вопрос: «Как думаете проходить шиверы?», мы не

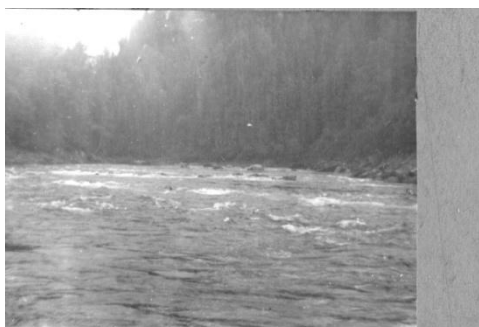

смогли ответить. Прохождение шиверы мы не обсуждали. Что можно

обсуждать, не увидев шиверы?

Прохожден. Шиверы.

Наконец за крутым левым поворотом мы слышали шум шиверы. Причалили к левому берегу и пошли в разведку. Берег очень крутой и скалистый, а на правом берегу

совсем отвесные скалы. Идти здесь с рюкзаками, без тропы не хочется. Толя Семенцов хочет идти в шиверу, ведь это очень интересно. Посмотрели участок реки (около одного км). Гена пошёл вдоль берега по скалам, местами

применяя альпинистские навыки, остальные шли сверху. Единодушно решили, что вначале, просматривая кусок реки и определив тактику

прохождения, можно идти в шиверу. Работая активно гребями и чётко выполняя команды инструктора, мы отлично прошли первый участок. Далее всё повторялось. Осмотр, определение пути прохождения, а затем очень напряжённая работа гребями с неукоснительным выполнением команд инструктора. И какое при этом чувство

счастья.

Толя демонстрирует гребь севшего на камень чужого плота.

Мы из книг знали, что шивера оканчивается большой скалой, прозванной «Баней». И пристав к берегу возле рыбака, спросили о «Бане». Ответ: «Посёлок после порога есть, а бани нет».

24.08. Суббота.

Денёк отличный. Солнышко не только светит, но и греет. Мальчики пытаются даже загорать. Настроение у всех отличное, но всё чаще с тоской посматриваем на нашу красавицу «Фантазию». Совсем скоро придётся с ней расставаться, возможно, даже через час, ведь первый порог совсем близко, хотя его ещё и не слышно. Рыбак говорил, что порог слышно за 2 км, но мы

его слышали только за 500 м. Течение резко усилилось и за поворотом влево слышен глухой шум реки. Перекаты так не шумят. Причалили к косе и мальчики ушли в разведку. Вскоре они возвратились – это действительно 1-й порог. Он начинается местом, похожим на шиверу. Это много огромных камней, разбросанных по всей реке. Река вначале течёт между камней, расходясь к порогу на три основных потока, сформированных группами камней перед водосбросом.

Это запоминающееся зрелище. Река врывается в проход между скалами, ускоряясь в водосбросе и набрасываясь с дикой силой на берега и скалы, разбросанные хаотично по всему руслу. Всё кипит и пенится. Уже нет спасения тому, кто попадёт в дикие объятья Кизира. Об этом лишний раз напоминает памятник погибшим геологам, стоящий на крутом берегу.

Мы разгрузили плот и решили его сплавлять по левой струе реки. Для этого необходимо только правильно направить его в струю, чтобы он не сел на камни при входе в порог. Рюкзаки перенесли за порог. Как обычно, появилось много предложений о прохождении плота. Мальчишки долго обсуждали все варианты. Остановились на том, что Толик С. и Гена выведут плот на струю и спрыгнут с него за 20-25 м до водосброса. Виля и Толик Ф. должны принять плот ниже порога. Света и я снова фото-кино операторы.

Сначала всё шло по плану, плот вывели в струю, но при спрыгивании ребята сильно оттолкнули плот вправо (захотелось прыжком уменьшить расстояние до берега). Поэтому плот пошел дальше со смещением в правую часть струи. Плот перед порогом сел на маленький подводный камень. Рядом с плотом надводный камень большего размера.

Стоит плот совсем недалеко от левого берега и немного покачивается под напором воды. И ребята не выдержали. Первая попытка подойти к плоту окончилась неудачей. Пересечь струю вброд на линии плота оказалось невозможным. Они поднялись чуть повыше и вплавь добрались до плота, вылезли на него, затем перешли на камень, зная, что сами возвратиться на берег не смогут. С помощью шестов ребята отвели нос плота от камня, на котором стояли. Течением начало заносить корму плота, и он медленно стал выползать на камень, на котором стояли мальчики. Ох, и неприятное это было мгновение. Сильно налегли на шесты, и плот медленно сполз с маленького камня и пошёл в порог. Течение подхватило его и с ускорением понесло вниз.

Ух, как его бросало! А как красиво он прошёл порог! Вначале его захлестнуло волной, потом выбросило на выступ с левого берега и он, описав дугу, снова в лоб ударился о скалу. Этот страшный удар слегка смягчила передняя гребь, приподнятая вверх!!! Она сломалась, но плот снова подхватил поток, и он благополучно прошёл к концу порога. Там его поджидали Толя Ф. и Вилл, которые отвели плот к берегу на спокойную воду.

Ура! Ура! Ура! Победа! «Фантазия» первая прошла первый порог и осталась целёхонькой. Как мы радовались этой победе! Значит, ещё не пробил час расставания с «Фантазией». Но это не главное. Провести плот или

лодку через порог до сих пор никому не удавалось. Мы первыми победили порог, сделав его проходимым. Значит, у нас есть уже опыт и умение. Так отлично закончить поход! Это была проверка накопленным знаниям по сплаву.

Но наша радость оказалась преждевременной. Снять мальчиков с камня оказалось делом непростым. Половину дня мы пытались передать им основную верёвку, но наши попытки всегда оканчивались неудачей. Сначала мы бросали её с камней метров на 55 выше по течению. Привязав к концу верёвки шест, выбрасывали его в струю, но его всё время сносило влево. Тогда Виля, обвязавшись верёвкой, по перекату вошёл в струю метров на 20 выше камней. И тут оказалось, что верёвок до камня не хватило.

Инструктор пробовал давать советы, находясь на камне, но шум порога заглушал голос. Жестами посоветовал бросать спиннинг, и уже по леске передать верёвку. С берега до камней 30-35 м. Бросить с берега леску не получилось. Тогда Толик Ф. и Вилл поочерёдно заходили в воду метров за 18 от берега к маленькому камню и бросали оттуда камень с леской. Леска сильно путалась и камень не долетал. Наконец, удалось удачно бросить камень.

Итак, протянута первая тонкая леска, связывающая Толика и Гену с берегом. По ней мы передали конец основной верёвки. Казалось, что основная работа сделана. Ребята закрепили конец верёвки за камень с помощью шестов. Надёжным такое крепление не назовёшь.

Первым пошёл Толик, а Гена остался его страховать, т. е. держать шесты. Течение подхватило Толю и бросило на камни, захлестнув с головой. Не имея никакой страховки, он попробовал перебросить верёвку через себя. Но сила струи его прижала к верёвке и сложила вокруг неё. Огромным усилием, он рывком возвратился на камень. После такого стресса, Толя запретил экспериментировать Гене, который предложил пройти вдоль верёвки, перебирая руками. Тело при этом, должно, вытянувшись лежать на воде по течению воды. И инструктора можно понять.

Больше своими силами мы ничего не смогли сделать. Решили обратиться в посёлок за помощью, тем более, что ниже порога был рыбацкая лодка с моторной лодкой. Он согласился отвезти меня и Вилла в посёлок. Был уже восьмой час вечера, когда мы прибыли в посёлок. Обратились к начальнику лагеря. Он не отказал в помощи, но всё делалось так медленно, что мы поняли – сегодня нашим мальчикам холодной ночёвки не избежать.

Верёвки мы не нашли, взяли 15 м тонкой и ненадёжной. Стало уже темнеть, когда мы вышли из посёлка. К порогу подошли ночью и, конечно, ничего не смогли сделать. Переправить одежду и продукты оказалось невозможным. Мальчишки остались ночевать на камне. Толик только в плавках. На Гене ещё тельняшка. Отправили Вилла в посёлок, чтобы на рассвете он возвратился с верёвками и с людьми, а сами развели костёр на берегу, чтобы хоть чем-то поддержать мальчиков.

Трудные и опасные были вечер и ночь для Гены и Толика. Холод уже с вечера заставлял организм избавляться от лишней воды, а на берегу мы

постоянно наблюдали за ребятами. Камень маленький, гладкий и холодный. Только внизу нашлись два уступчика для упора ног, которые изредка захлёстывало водой. Высидеть на камне ночь почти невозможно. На холодный камень ребята положили шесты, которые всё время пытались скатываться. Для теплоты они прижались друг к другу и влезли в одну тельняшку. Благо она очень растягивается. Но, главное, это борьба со сном. Лучшим средством против сна было пение. Так ребята и пропели всю ночь под прекрасным звёздным поворачивающимся небосводом и убаюкивающим шумом порога. К утру, когда начинал засыпать один, второй его теребил, а после начинал засыпать сам. А на рассвете мы вместо двух ребят увидели одну фигуру, с трудом разглядев двоих в одной тельняшке. Длинная это была ночь для ребят, сидящих на камне, и для нас на берегу.

25.08. Воскресенье.

Наконец, медленно наступил рассвет. Помощь пришла только в 7.30. Перебросили вначале тонкую верёвку и мальчики вытянули по ней толстую, к которой больше подходило название канат. Переправили им ещё и спасательные жилеты, но мальчики их не одели. Первым пошёл Гена. Течением его снесло немного вниз, но он прошёл хорошо. Дело в том, что ему было проще. Петля на конце каната одевалась под мышки и, по команде, его канатом дружно вытащили на спокойную воду. У Толика задача была

сложнее. Нужно было держать шесты, привязать все вспомогательные верёвки и спасательные жилеты, надеть на себя петлю каната, которая ничем не крепилась. Скоординировать чётко всё это сложно, да и нервное напряжение велико. Неожиданно выбило струёй шесты. Куртки, шесты и все концы верёвок подхватила вода.

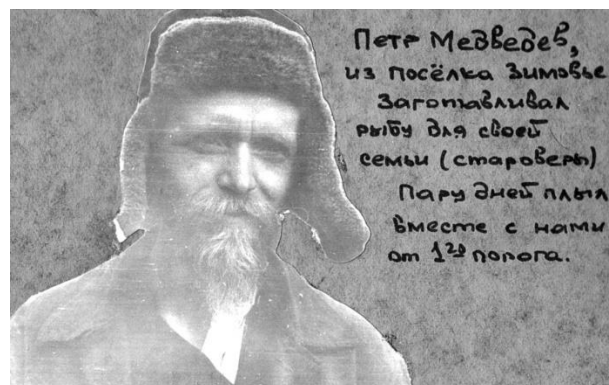
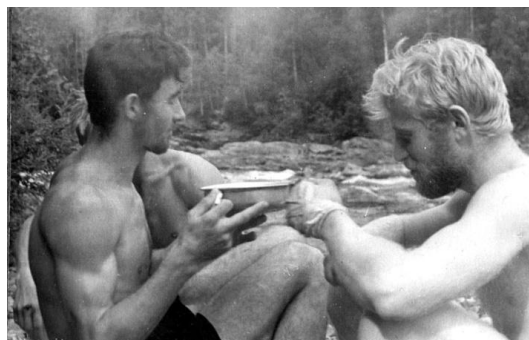
Завершение спасательной операции!

Чтобы быть дальше от порога Толик прыгнул вперёд, и схватился мёртвой хваткой за канат. Тяжёлая петля каната соскользнула в воду, и он оказался совсем без страховки. Толю слегка зацепило о камни, но его тоже быстро вытянули. Нервное напряжение было так велико, что ему пришлось помогать разжать пальцы. На берегу мы быстро начали растирать ребят спиртом, но Гена, «по-гусарски», предложил не переводить добро. Оставшийся спирт был выпит, еда съедена, и они тут же заснули. После обеда решили отправиться в путь, чтобы завтра быть в Усть-Джеби. С нами отправился в путь и Пётр Медведев, рыболов из посёлка Зимовье. Из-за него мы не заехали в посёлок геологов, хотя сразу об этом пожалели. Плыть стало совсем скучно, река спокойная и никаких интересных мест. Одно разнообразие – перекаты.

На одном из них плот пришлось толкать по камням почти 300 метров. До избушки, о которой говорил Пётр, мы не дошли. Была уже ночь, когда мы остановились в устье р. Ничка. Избушка очень плохая и неудобная, но у нас выбора нет, а ставить под дождём палатку не хотелось. Быстро приготовили ужин и легли спать.

26. 08. Понедельник.

Утро нас встретило дождём.

Но сегодня мы уже заканчиваем своё плавание. Река спокойная. Она просто утомляет, клоня ко сну. Все немного

оживают на перекатах, которые Петро называет «Бычками». Долина Кизира стала широкой, горы отодвинулись на задний план. На берегах то справа, то слева, появляются избы лесхозов, тракторы, вытягивающие брёвна к реке для сплава, лошади, плотогоны (правда, плоты у них в

несколько раз длиннее, и шире – это просто связанные брёвна). И вот уже замаячили избы посёлка Усть-Джебь, который расположен на реке грязно-молочного цвета, впадающей в кристально-чистый Кизир. Сплав окончен. Прощай, Фантазия».

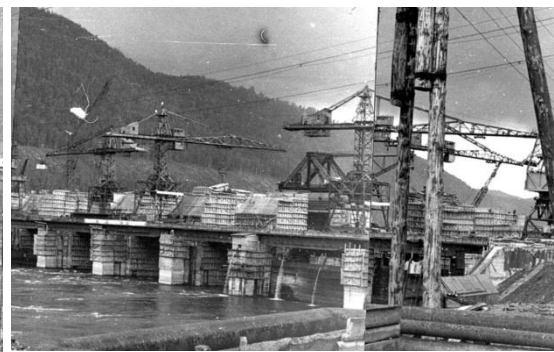
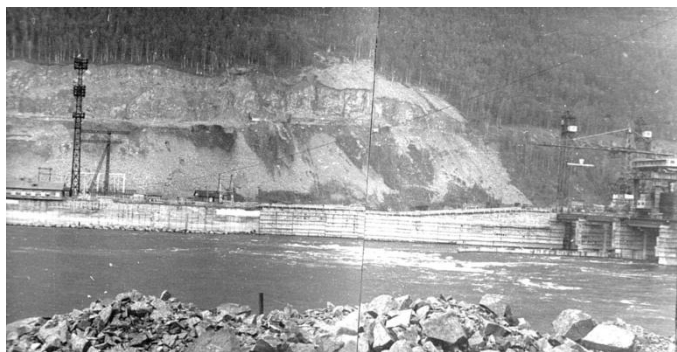
И проза жизни. Семенцов с большим трудом продал наш плот за шесть рублей. И это за три тонны сибирского КЕДРА.

Штурм автобуса.

Кабель-краны на строительстве ГЭС.

1963 год. Строительство Красноярской ГЭС.

Город Куйбышев.

Содержание

«Книга жизни»

Глава 1. Начало моей жизни	1
Глава 2. Мариуполь немецкий	4
Глава 3. Истоки моей жизни	16
Глава 4. Начало двадцатого века	20
Глава 5. После изменения общественного строя	24
Глава 6. Из статьи «История Мариуполя в советский период»	27
Глава 7. Коллективизация	34
Глава 8. Из семинара Валентина Михайловича Фалина	47
Глава 9. О моих ближайших родственниках	48
Глава 10. Годы жизни в Мариуполе. 1931 – 1941	58
Глава 11. А как же с загадкой 1937 года?	62
Глава 12. Послевоенный период – детские ясли и садик	75
Глава 13. Школа	80
Глава 14. «Школьные годы чудесные, с книгою, с дружбою, с песнею»...	85
Глава 15. Воспитание в семье	92
Глава 16. Проведение школьных каникул	97
Глава 17. Начало трудовой деятельности после школы	105
Глава 18. Абитуриент харьковского политехнического института	115
Глава 19. Начало учёбы в институте	117
Глава 20. Учёба в институте и интересные увлечения	128
Глава 21. Горный поход по Кавказу	129

	681
Глава 22. Второй курс института	142
Глава 23. Горнолыжный поход по Кольскому полуострову	143
Глава 24. Интересные моменты в студенческой жизни и размышления	152
Глава 25. Альпинистский лагерь «Адыл-Су»	156
Глава 26. Поездка в Болгарию в составе группы студентов. 1962-й год	164
Глава 27. Прыжок с парашютом. Весна. 1962-й год	173
Глава 28. Слёт туристов в плавнях под Одессой. Осень. 1962-й год	174
Глава 29. Лыжный поход по Украинским Карпатам. Начало 1963 года ..	177
Глава 30. Подготовка и осуществление горно-водного похода через Саянские горы. Сплав на плоту по реке Кизир. Лето 1963-го года	182
Глава 31. Четвёртый курс. 1963-1964-й учебный год – свадьбы и военные лагеря	188
Глава 32. Алушта. Лагерь подводного плавания ХПИ. Июль 1964-й год	194
Глава 33. Преддипломная практика в г. Киеве и другие жизненно важные события этого периода 08. 1964 г - 02. 1965 г	201
Глава 34. Работа над дипломом и начало семейной жизни	216
Глава 35. Молодой специалист	224
Глава 36. Отдельные наиболее яркие моменты моей работы в лаборатории	232
36-1 Испытания грунтовых топливозаправщиков	232
36-2 Штамповка днища цистерны взрывом	233
36-3 Испытания волнового редуктора	233
36-4 Командировки на космический полигон «Байконур»	234
36-5 Испытание железнодорожной цистерны на Сахалине	244
Глава 37. 1965 – 1968 годы. Жизнь вне работы и увлечения	255
37-1 Руководство командой спортсменов-подводников	256
37-1 Рождение сына. 13 декабря 1965 года	258

37-2 Соревнования по подводному многоборью в Севастополе ...	261
37-3 Семейные радости и проблемы	262
37-4 Завершение спортивной деятельности и первый отпуск с Витой в Крыму на Карадаге	264
37-5 Своя квартира	269
Глава 38. 1968 –1970 годы. Служба в Советской Армии	271
38-1 Начало службы в Голой пристани	273
38-2 Обучение в действующем дивизионе под Одессой	274
38-3 Начальник разведки в Новой Каховке	277
Глава 39. Служба в дивизионе ПВО возле города Жданова	280
39-1 Отпуск с поездкой к Толе Семенцову в Красноярск	284
39-2 Продолжение службы после отпуска	290
Глава 40. Возвращение в лабораторию П. М. Ходоса	296
Глава 41. Строительство Камского автозавода	300
41-1 Управление строительством «Металлургстрой». 1971 – 1973 годы – определение направления трудовой деятельности	301
41-2 Старший инженер отдела главного энергетика	304
41-3 Организация клуба подводного плавания «Акванавт»	307
41-4 Освоение помещения клуба, учёба и отдых	313
41-5 Отпуск Виты в Набережных Челнах	314
41-6 Наш быт с Володей Сударевым	315
41-7 Зима 1971-1972 годов на строительстве КамАЗа	318
41-8 Подводные работы на стройке	320
41-9 Весна 1972 года. Стройка – из письма А. Болдырева	321
41-10 Лето 1972 года. Командировка в Чувашию и Удмуртию	323

	683
41-11 Переезд семей и решение квартирного вопроса	324
41-12 Первая встреча с В. Н. Баруном	327
41-13 События осени 1972 и зимы 1972-1973 годов	328
41-14 Начало жизни в новой квартире	330
Глава 42. Управление Главного конструктора КамАЗа. Начало	330
42-14 Рождение дочери, домашние дела и лаборатория Виты ..	337
42-15 Появление у нашей семьи хорошего друга Любы Галлалу	340
Глава 43. Становление измерительного подразделения УГК	342
Глава 44. Пешеходный поход вдоль Азовского и Чёрного морей	348
Глава 45. Подводная работа на водозаборе «Белоус»	354
Глава 46. Пожар на ПРЗ, первый КАМАЗ, мотоцикл «Минск» и наш быт.	357
Глава 47. Поездка на мотоцикле «Минск» с сыном по маршруту Набережные Челны – Жданов и обратно	362
Глава 48. Продолжение противостояния и трудовые будни	371
48-1 Моральная поддержка родных в моём конфликте с начальством и практическая в оздоровлении детей	377
48-2 Письма Славы Шмагина и Изи Шпизеля	385
48-3 1978-й год. Новый КИБ измерений на двигателе	387
48-4 Письмо моей мамы нашему сыну о ценностях в жизни	390
48-5 Термометрия – основное направление моей деятельности	391
Глава 49. Создание отдела Специзмерений. Я начальник КИБ. 1981 г.	398
49-1 Широта обязанностей советского руководителя	400
Глава 50. 1978 – 1980 годы. Наша семейная и общественная жизнь	403
50-1 10. 04. 1978 год. Серебряная свадьба моих сестёр	404
50-2 Затопление котлована и перекрытие вспомогательного русла строящейся Нижнекамской ГЭС	405

	684
50-3 Наши гости	407
50-4 Горбачёвская перестройка и мои поездки на север	409
50-5 Оздоровление детей на Азовском море	417
50-6 Покупка тяжёлого мотоцикла «Днепр» и начало войны в Афганистане	418
50-7 Размышления о нашей жизни и работе	426
Глава 51. 1981 год. Наша первая поездка на «Днепре» на Украину	431
Глава 52. 80-е годы в жизни страны, КамАЗа и нашей семьи	444
52-1 1981 год. Сын учится в 10-м классе, а Света в 1-м	448
52-2 16 лет Славику и наши с Витой юбилеи.....	448
52-3 О севере, Любе Беляковой и Коле Ядринцеве	450
52-4 Сын в МФТИ, а родители путешествуют по Средней Азии ...	452
52-5 Размышления над эпохой Л. И. Брежнева и наш огород	458
52-6 1983-й год. Поездка со Светой на поезде к родным людям	460
52-7 Встреча в Н-Челнах с Моисеем Савельевичем и Татьяной Борисовной – замечательными людьми	460
52-8 1984-й год. Учёба и каникулы сына. Северный полигон	465
52-8 Освоение огорода	467
52-9 1985-й год. Начало разрушения советского государства	469
52-10 Наша жизнь (всё больше через нашу переписку)	472
52-11 1985-й год. Поездка на мотоцикле «Днепр» на Украину ...	473
52-12 Встреча групп АП-10Б и В через 20 лет	478
52-13 Первые впечатления от деятельности Горбачёва	482
52-14 О Володе Судареве. Чернобыльская катастрофа	482
52-15 Размышления (пока без тревоги за страну) наша жизнь ...	484

	685
52-16 В горах Средней Азии	487
52-17 Отпуск с близкими людьми. 1986 – начало 1987 года	496
Глава 53. Я начальник отдела. 07. 03. 1987 – 01. 04. 1990 года.	496
53-1 Осмысление своего нового статуса по письмам	496
53-2 О нашей жизни этого периода по письмам	497
53-3 Преодоление манипуляции сознанием	500
53-4 О моём племяннике Юре и сыне Славе	504
53-5 О Михаиле Моисеевиче Ботвиннике	523
53-6 Перестроечные процессы в НТЦ и моём отделе	525
53-7 Путешествие моё со Светланой по Крыму	527
53-8 Землетрясение в Армение и продолжение разрушительных процессов в стране и даже в нашем отделе	532
Глава 54. Внешнее управление Россией	537
54-1 Статья Юзефа Константиновича Ковальчука, доктора технических наук, академика Петровской академии наук и искусств	537
Глава 55. Дальнейшая жизнь при «рыночных» отношениях	548
55-1 Ускоренное разрушение советского жизнеустройства	548
55-2 «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»	549
55-3 Разработка датчиков для фирм, работающих в нефтедобыче и вместе с другими ребятами для нужд НТЦ и КамАЗа	550
55-4 14 апреля 1993 года случился пожар на заводе двигателей. Размышления по поводу этой беды	552
55-5 Совместная работа с фирмой «Маркетинг-сервис»	553
55-6 О Мише Довгане, Володе Судареве и Изе Шпизеле	555
55-7 Отдых Виты и Светы в Карпатах	557
55-8 Я, Света, Фильза и Андрей в горном походе на Кавказе	558

	686
55-9 1991 год. Света – студентка Пермского университета	562
55-10 Переезд родителей Виты в Набережные Челны	565
55-11 Последние два года моей мамы	565
55-12 Покупка автомобиля в 2000-м году	566
55-13 Поиски хороших моментов в новых реалиях	567
55-14 Переход к рыночным отношениям методом расстрела Верховного совета по зарубежным наработкам	569
Глава 56. Чем я жил после событий 1993 года	572
Глава 57. Наша жизнь в новом 21-м веке, как послесловие	578а
Глава 58. Эпилог.....	596

Приложение 1

Глава 59. Рассказы для Кости «Гена и велосипед»	609
--	-----

Приложение 2

Глава 60. Горно-водный поход по Саянам – дневник Ани Мяло	622
--	-----